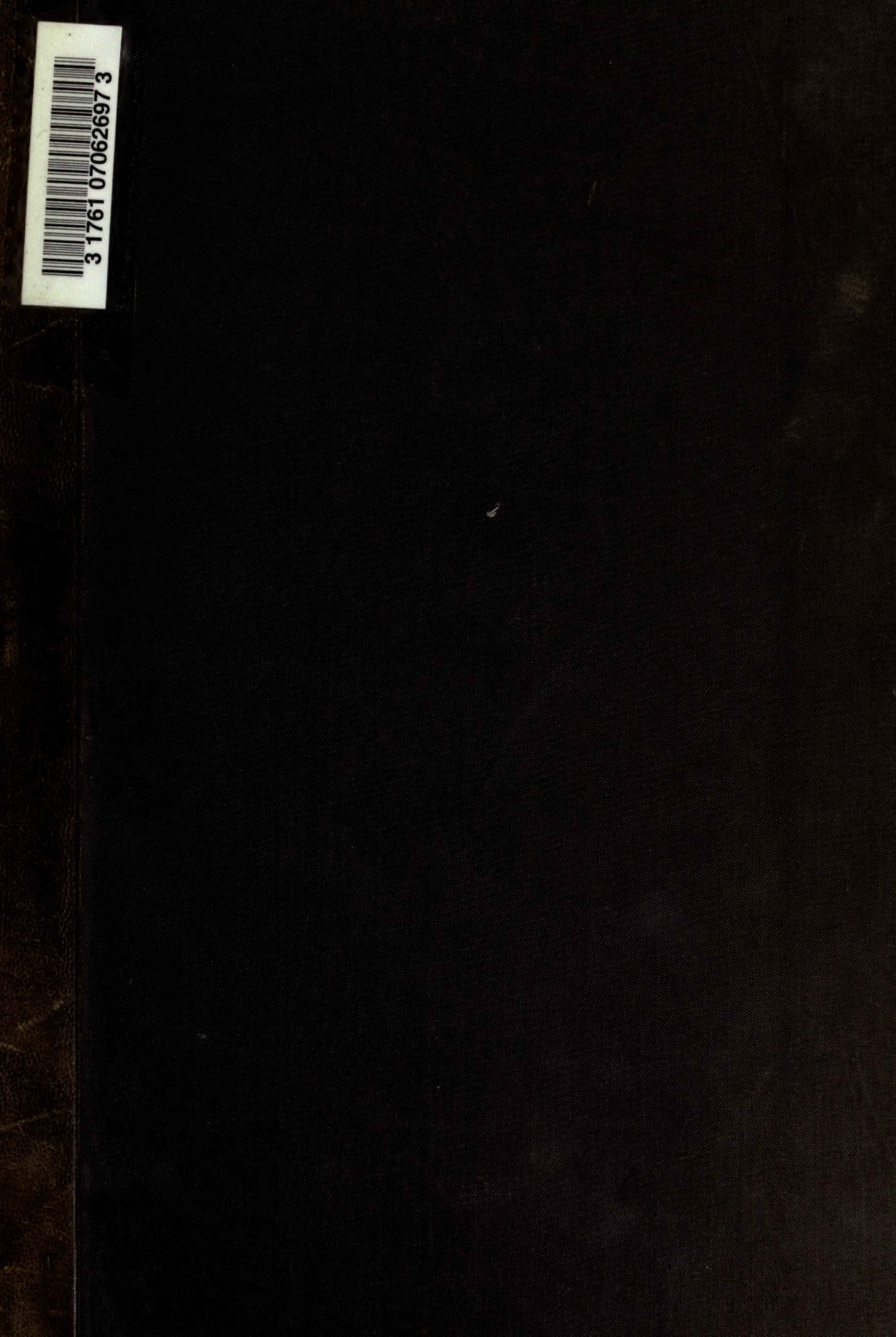
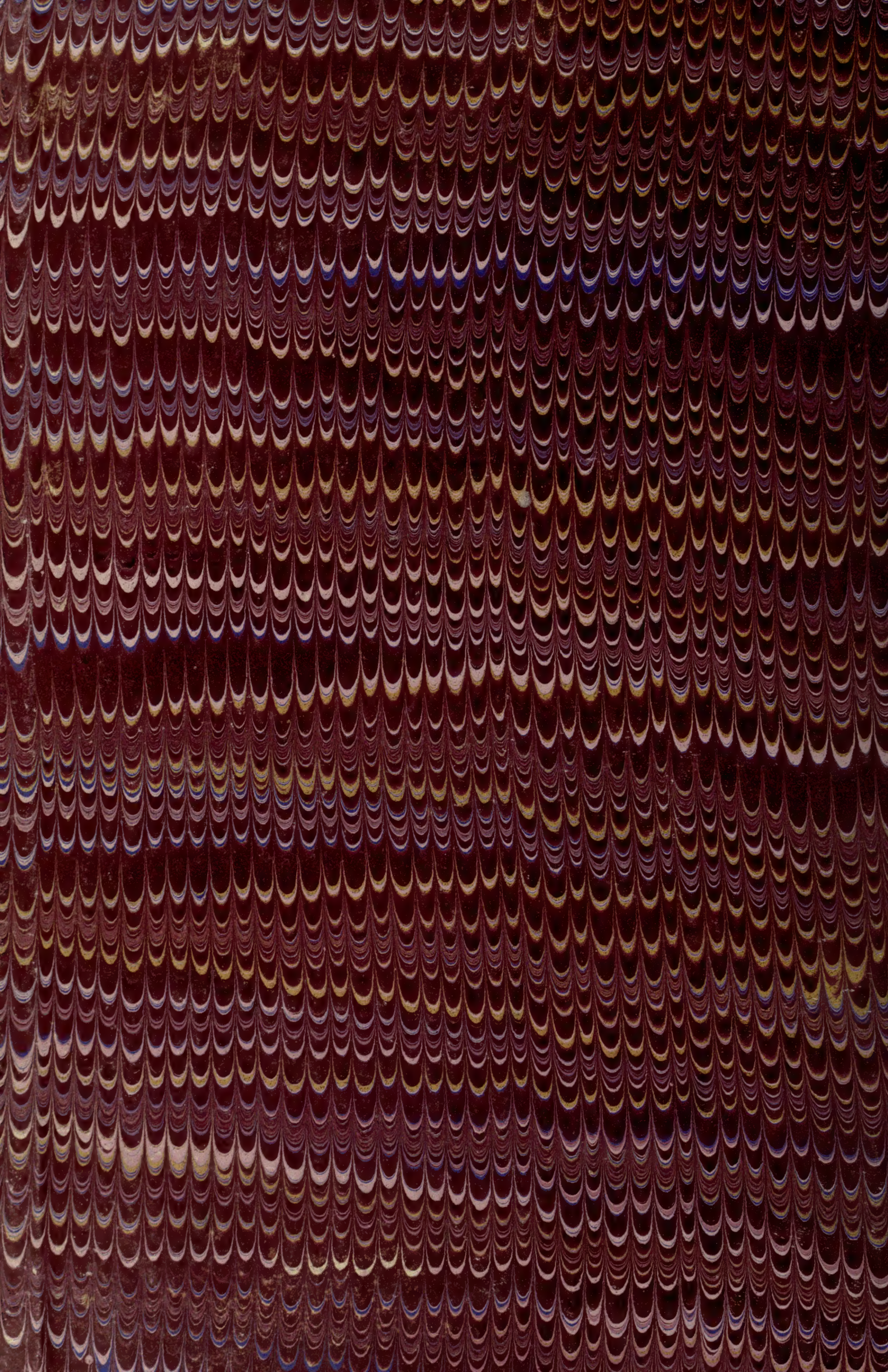
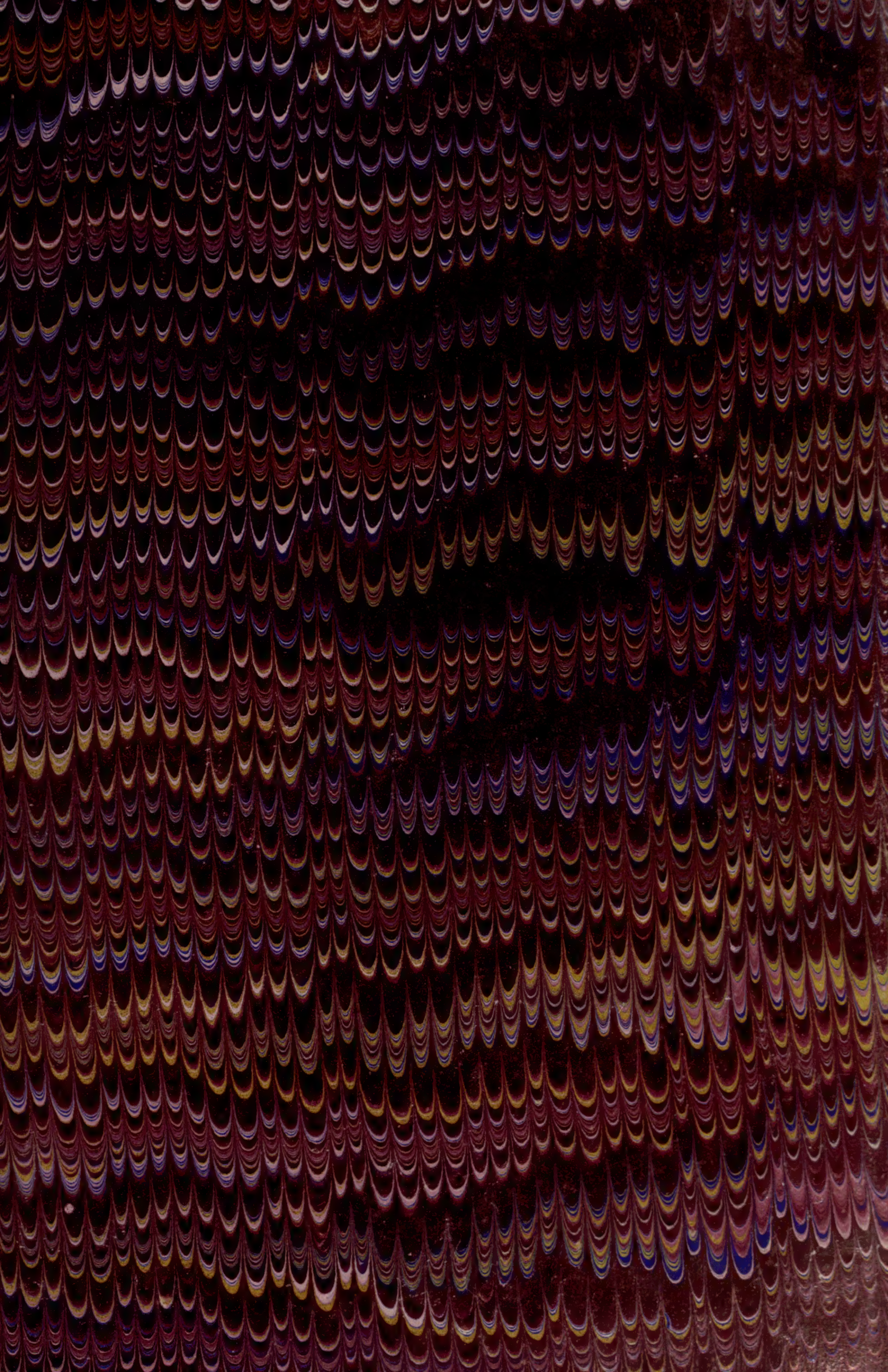
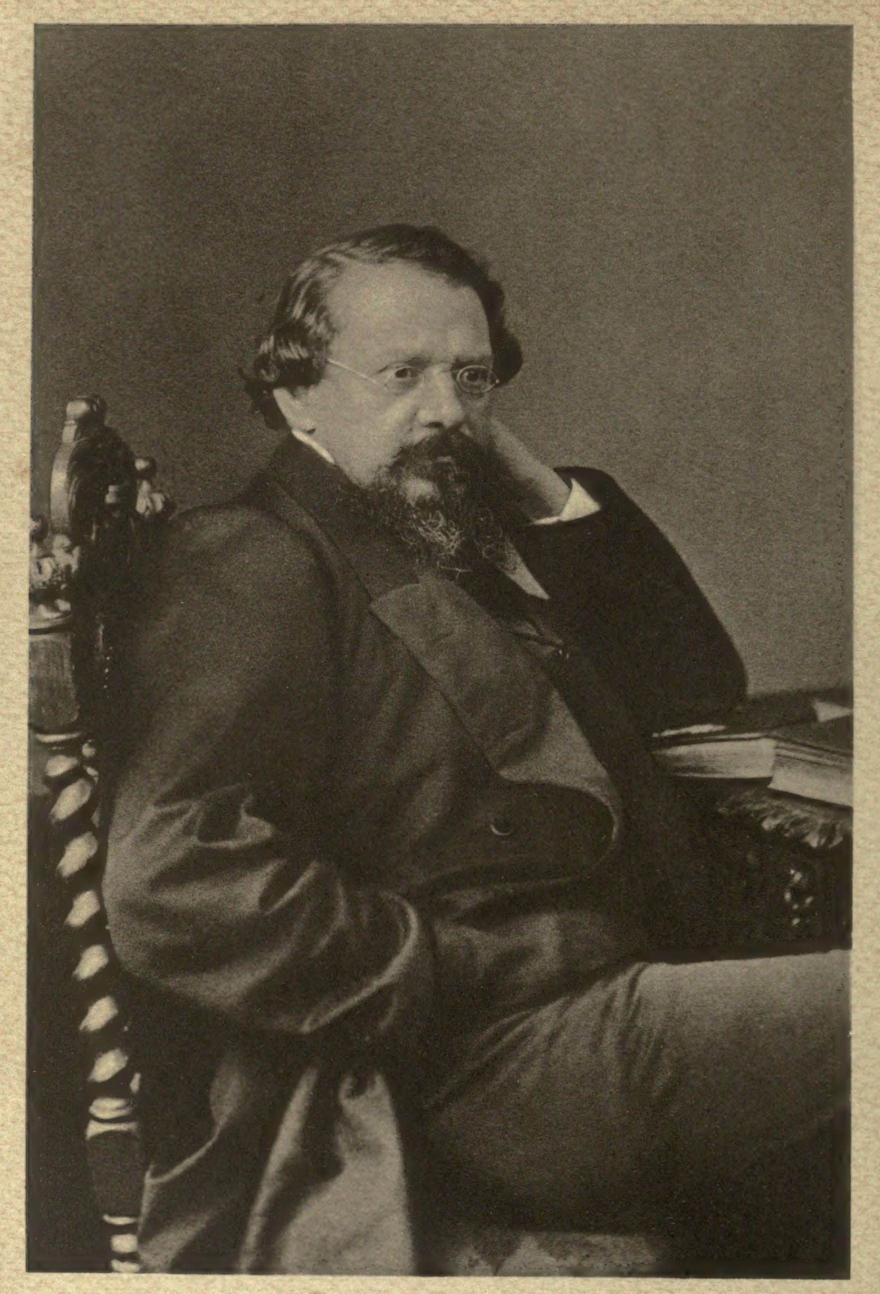

3 1761 07062697 3







1862 г.

Я не понимаю интереса личной жизни иначе, какъ въ общеніи съ другими и на пользу, радость, утѣшеніе и счастіе другимъ.

(Изъ письма къ сестрѣ, отъ 19 Окт. 1879 г.)

К. Кавелинъ

Фототипія В. Классенъ. С. Петербургъ. Кадетская лин. № 7-2.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

К. Д. КАВЕЛИНА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

I. Крестьянскій вопросъ, дворянство и землевладѣніе. — II. Сельскій бытъ и самоуправленіе. — III. Общественныя направленія и политическіе вопросы. — IV. Воспоминанія и разныя статьи.

Съ портретомъ автора, вступительною статьею В. Д. Спасовича и примѣчаніями проф. Д. А. Корсакова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1898.

ТИПОГРАФІЯ М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 ЛИН. 28

2661

ПУБЛИЦИСТИКА.

I Крестьянскій вопросъ, дворянство и землевладѣніе.—II. Сельскій бытъ и самоуправленіе.—III. Общественныя направленія и политическіе вопросы.—IV. Воспоминанія и разныя статьи.

РАЗСУЖДЕНІЯ, СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ

К. Д. КАВЕЛИНА.

Съ портретомъ автора, вступительною статьею В. Д. Спасовича и примѣчаніями проф. Д. А. Корсакова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.
1898.

ОГЛАВЛЕНІЕ II-го ТОМА.

ПУБЛИЦИСТИКА.

I. КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ, ДВОРЯНСТВО И ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ.

II. СЕЛЬСКІЙ БЫТЪ И САМОУПРАВЛЕНІЕ.

СТРАНИЦЫ.

III. ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ И ПОЛИТИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ.

IV. ВОСПОМИНАНІЯ И РАЗНЫЯ СТАТЬИ [1]).

(Статьи, отмѣченныя звѣздочками, напечатаны впервые въ настоящемъ изданіи).

---

[1]) Воспоминанія и замѣтки, относящіяся болѣе къ литературѣ, чѣмъ къ публицистикѣ, помѣщены въ III-мъ томѣ („Воспоминанія о В. Г. Бѣлинскомъ“ (рукопись), „Московскіе славянофилы 40-хъ годовъ“ по поводу сочиненій Ю. Ө. Самарина, замѣтка о сочиненіяхъ Грановскаго и воспоминанія объ А. П. Елагиной).

ВОСПОМИНАНІЯ О К. Д. КАВЕЛИНѢ.

В. Д. Спасовича.

I.

Я былъ моложе Кавелина болѣе чѣмъ на десять лѣтъ (я родился 16-го января 1829 г.) и познакомился съ нимъ только въ 1852 г. Наше знакомство, весьма близкое съ 1857 г., продолжалось до самой его кончины въ 1885 г.: значитъ, оно объемлетъ 33 года. К. Д. Кавелину я весьма многимъ обязанъ: онъ повліялъ на окончательную выработку моего міровоззрѣнія; онъ ввелъ меня въ кругъ русской жизни и русскаго писательства, въ область русскихъ идеаловъ и интересовъ. Изданіе сочиненій извѣстнаго писателя имѣетъ, конечно, цѣлью выдѣлить его писательство, какъ нѣчто особое, какъ источникъ не прекращающагося даже и по его смерти вліянія его на будущія поколѣнія, при чемъ въ большей части случаевъ мѣра этого вліянія обусловливается также и своеобразностью формы, красотою слога. Хотя главными занятіями К. Д. Кавелина были преподаваніе и писательство, но къ числу блистательныхъ стилистовъ и художниковъ слова онъ не принадлежалъ, хотя писалъ легко и выражался съ необыкновенною ясностью и простотою. Въ каждомъ его сочиненіи содержаніе было безконечно богаче формы, о которой онъ вообще весьма мало заботился. Притомъ идеи, которыхъ онъ, назадъ тому полвѣка, былъ иниціаторомъ, увлекающимъ другихъ распространителемъ,—привились, восторжествовали, сдѣлались общими, ходячими мѣстами, и вслѣдствіе того утратили свѣжесть новизны, такъ что мы ими пользуемся, какъ своими, не задаваясь мыслью объ ихъ источникѣ.—Уже въ 1846 г., когда Кавелину было всего 28 лѣтъ, онъ сразу появился во всеоружіи вполнѣ созрѣвшаго дарованія и весьма опредѣленнаго міросозерцанія въ своемъ «Взглядѣ на юридическій бытъ древней Россіи». Въ этомъ сочиненіи онъ поставилъ вразумительную, глубоко осмысленную философію исторіи великорусской національности и созданной ею русской государственности. Если сопоставимъ этотъ «Взглядъ» съ его же «Мыслями и замѣтками по русской исторіи», писанными позднѣе, спустя 20 лѣтъ, въ 1866 г., то окажется, что основныя положенія остались у него тѣ же, и допущены только измѣненія или добавки въ частностяхъ, вслѣдствіе появленія капитальныхъ новыхъ трудовъ, въ родѣ «Исторіи Россіи», С. Соловьева, или «Областныхъ учрежденій», Б. Чичерина. Главныя положенія «Взгляда»—тѣ, что, начиная съ Рюрика, русская исторія есть органическое развитіе русской жизни, вполнѣ единой, самостоятельной и истекающей изъ собственныхъ началъ внутренняго быта. Исходною точкою въ этой исторіи служитъ родовое начало, которое постепенно разлагается вслѣдствіе усиленія содержащагося въ немъ

другого начала—семейственнаго. Семья распадается также и даетъ начало типу единичнаго владѣльца по частному праву, или вотчинника. Этотъ новый типъ лежитъ въ основаніи постройки крѣпкаго московскаго государства, въ которомъ, при полнѣйшей государственной централизаціи, не допускающей никакихъ кристаллизующихся осадковъ, никакихъ самостоятельныхъ сословныхъ группъ,—происходитъ повальное закрѣпощеніе служилыхъ людей и двора государю, а крестьянъ—служилому сословію. Какъ только окрѣпло такое государство, самодержавное и демократическое, образованіемъ котораго и исчерпана вся древняя русская жизнь,—открылось поприще для дѣятельности новому началу личности. Сѣмя этого новаго начала заронено было на русской почвѣ христіанствомъ, но долгое время не могло никакъ проникнуть въ гражданскій порядокъ. Съ Петромъ Великимъ человѣческая личность впервые вступаетъ въ свои права, отрѣшившись отъ непосредственныхъ природныхъ, исключительно національныхъ опредѣленій. Она побѣдила ихъ и подчинила ихъ себѣ. Національность не содержится въ однѣхъ внѣшнихъ ея формахъ,—государи съ Петра В. не одѣвались, а нѣкоторые и не говорили по-русски; никогда, однако, они не теряли сознанія своей народности; они не думали вводить иностранное, вмѣсто русскаго. Въ борьбѣ съ недостатками современной Россіи они пытались ее исправить и улучшить, посредствомъ европейскихъ формъ и пріемовъ, но не имѣли понятія о позднѣйшемъ противоположеніи Россіи и Европы. Когда пришла къ своему концу Петровская реформаціонная эпоха, и когда живой духъ этой эпохи исчезъ,—тогда отъ нея остался одинъ только трупъ, разлагавшійся на составныя части. Тогда-то стали то или другое хвалить или порицать, смотря по тому, свое ли оно собственное, или иностранное. Этотъ дуализмъ, по мнѣнію Кавелина, уже отходитъ: его смѣняетъ мысль о человѣкѣ и его требованіяхъ.

Въ позднѣйшее время, въ чтеніяхъ въ профессорскомъ клубѣ боннскаго университета—въ 1863 г., и въ «Мысляхъ и замѣткахъ» 1866 г.—усматриваются только тѣ особенности и измѣненія, что К. Д. Кавелинъ, въ качествѣ природнаго великорусса, начинаетъ русскую исторію не съ Рюрика, а триста лѣтъ позднѣе, съ суздальскихъ князей и съ Москвы; что онъ строитъ это государство на славянскомъ корню, съ примѣсью, однако, финскихъ элементовъ; что, согласно Чичерину, онъ допускаетъ обусловленное податною системою происхожденіе городскихъ и сельскихъ тягловыхъ общинъ; наконецъ, что онъ точнѣе опредѣляетъ коренную противоположность хода развитія западно-европейскихъ обществъ и Россіи. Исторія Запада началась съ блистательнаго развитія индивидуализма, который затѣмъ съ трудомъ вдвигался въ условія государственнаго быта,—между тѣмъ какъ въ Россіи совершенно отсутствовало личное начало, которое, по выработкѣ государства, насаждается и развивается подъ вліяніемъ европейской цивилизаціи, пока настанетъ уже близящееся время, когда оба развитія пересѣкутся и выровняются. Упраздненіе историческаго крѣпостническаго типа началось сверху и шло постепенно внизъ. Оно не можетъ совершиться, пока не освобождены крестьяне. Клеймо крѣпостничества лежало на всемъ быту народномъ, на всѣхъ учрежденіяхъ, которыя приходится пересоздавать, дѣйствуя по тому же единственно возможному въ Россіи направленію—сверху внизъ.

Не для одного К. Д. Кавелина, но и для всего молодого поколѣнія, подроставшаго и учившагося въ сороковыхъ годахъ, вся исторія, философія и политика стягивались однимъ общимъ узломъ—крестьянскимъ вопросомъ. По моимъ воспоминаніямъ, за время бытности моей въ университетѣ, съ 1845 по 1849 г., не только русскіе, но и мы, поляки, только и занимались, главнымъ образомъ, упраздненіемъ крѣпостного права, только и обдумывали, какъ двинуть съ мѣста этотъ камень, преграждающій всякое движеніе впередъ.

Изъ приведенныхъ мною отрывковъ «Взгляда» оказывается, что еще въ 1846 г. Каве-

линъ не желалъ быть причисленнымъ ни къ западникамъ, ни къ славянофиламъ; что онъ пробовалъ занять мѣсто внѣ обѣихъ этихъ партій или направленій. Во всякомъ случаѣ, онъ дружилъ скорѣе съ западниками, къ которымъ его влекло и сочувствіе ко всѣмъ великимъ новаторамъ, начиная съ московскаго періода, ко всѣмъ сокрушителямъ старины, въ родѣ Ивана Васильевича Грознаго, а наконецъ и его восторженное отношеніе къ Петру Великому. Съ западниками сближало Кавелина еще и то, что хотя онъ не былъ лишенъ религіознаго чувства и выше всего всегда ставилъ христіанскую мораль, но онъ всегда былъ равнодушенъ ко всѣмъ вѣроисповѣднымъ, догматическимъ и обрядовымъ различіямъ. По этой части онъ придерживался мнѣній лѣваго крыла гегелевской философской школы, напримѣръ идей Людвига Фейербаха (Das Wesen der Religion, 1845). Разъ только, сколько мнѣ помнится, высказалъ Кавелинъ въ «Мысляхъ и замѣткахъ» свое отрицательное отношеніе къ римскому католицизму—и то только въ его прошедшемъ и съ государственной точки зрѣнія: «До сихъ поръ,—писалъ онъ,—католицизмъ дѣйствовалъ разлагающимъ образомъ на всѣ славянскія племена, которыхъ онъ коснулся. Римскій католицизмъ—тоже плодъ европейской культуры; но вопросъ въ томъ, на какой степени развитія славянскій народъ можетъ принимать въ себя европейскій элементъ, не теряя свойства самостоятельности? Аристократизмъ и космополитическая церковь не допустили бы сложиться тому крѣпкому государству, выработка котораго составляетъ весь плодъ исторіи и всю заслугу великорусскаго племени»... Съ западниками и особенно съ Герценомъ соединялъ еще Кавелина общій имъ всѣмъ пріемъ, состоящій въ обращеніи въ русское національное преимущество отрицательныхъ національныхъ качествъ,—напримѣръ, относительной некультурности,—взглядъ на русскій народъ, какъ на листъ бѣлой бумаги, еще не исписанный, на которомъ будущее изобразитъ, вѣроятно, нѣчто великое,—наконецъ, весьма отрицательное отношеніе обоихъ къ народной старинѣ, ко всевозможнымъ народнымъ пережиткамъ. Я много разъ слышалъ отъ Константина Дмитріевича, что онъ любилъ бы Москву и радъ бы съ нею сжиться, не будь только въ ней Кремля, который ему противенъ.

Во всякомъ русскомъ умѣ, даже наиболѣе аналитическомъ и радикальномъ, есть всегда какой-нибудь уголокъ, служащій пріютомъ мистицизму. Былъ и у Кавелина такой уголокъ, сближавшій его съ славянофилами. Кавелинъ вѣрилъ безусловно въ великую будущность «мужицкаго царства», въ великорусскій міръ селъ, противопоставляемый имъ европейскому міру городовъ, въ великорусское общинное владѣніе крестьянами землею, въ которомъ онъ усматривалъ своеобразное средство, предохраняющее отъ пауперизма. Эти мечтанія о будущемъ занимали К. Д. Кавелина въ особенности подъ конецъ его жизни, когда, вслѣдствіе естественно послѣдовавшей послѣ освобожденія крестьянъ реакціи, значительно ускоренной подъ вліяніемъ польскаго мятежа 1863 г., всякому начинанію въ прогрессивномъ направленіи положенъ былъ конецъ съ начала восьмидесятыхъ годовъ, такъ что людямъ того направленія, къ которому принадлежалъ Кавелинъ, приходилось или бездѣйствовать, или мечтать о далекомъ будущемъ. Въ предположеніяхъ о будущемъ мы не сходились съ Константиномъ Дмитріевичемъ потому, что по нашимъ понятіямъ мужицкое царство могло оставаться такимъ, только пока оно некультурно, но перестало бы быть мужицкимъ, коль скоро сдѣлалось бы культурнымъ.

По своей спеціальности—юристъ, а по своему темпераменту — острый критикъ и реформаторъ, К. Д. Кавелинъ былъ какъ бы созданъ на то, чтобы стоять во главѣ движенія и быть руководителемъ прогрессивной партіи. Сила притяженія, которою онъ располагалъ, была громадная; ей подчинялись люди всевозможныхъ возрастовъ, національностей, занятій и классовъ. Онъ имѣлъ всѣ качества мощнаго leader'а, какъ говорятъ англичане, безконечную привязанность къ идеямъ общественнаго, національнаго или общечеловѣческаго добра—

и сравнительно гораздо меньшую къ отдѣльнымъ живымъ людямъ, даже очень къ нему близкимъ. Такъ какъ онъ больше привязывался къ идеямъ и былъ по темпераменту человѣкъ страстный, способный любить всѣмъ сердцемъ и столь же сильно ненавидѣть, то ему не разъ приходилось, не оглядываясь и не особенно печалясь, расторгать связи съ людьми весьма къ нему близкими, когда они расходились съ нимъ во взглядахъ и направленіяхъ на общественной аренѣ; но зато онъ былъ непоколебимо вѣрный товарищъ всякаго, въ комъ онъ не извѣрился, кого считалъ одушевленнымъ идеями общественнаго добра. Наибольшая часть его «я» расходовалась на непосредственное его дѣйствованіе на живыхъ людей, и только меньшая обращаема была на литературные труды. Такъ какъ проф. Д. А. Корсаковъ, въ своемъ біографическомъ очеркѣ (I томъ настоящаго изданія), многихъ сторонъ дѣятельности Кавелина не коснулся, а можетъ быть нѣкоторыхъ изъ нихъ даже совсѣмъ не зналъ, то я позволю себѣ передать исторію моихъ личныхъ отношеній къ К. Д. Кавелину, и полагаю, что мой разсказъ прибавитъ къ тому, что̀ уже обнародовано печатью, нѣчто новое и существенное, въ особенности же—новыя данныя, свидѣтельствующія о томъ, какъ онъ относился къ становившемуся при немъ на очередь въ Россіи польскому вопросу.

II.

Я познакомился съ К. Д. Кавелинымъ и съ Григоріемъ Григоріевичемъ Даниловичемъ въ 1852 г., когда оба они были начальниками отдѣленій въ штабѣ военно-учебныхъ заведеній, въ которомъ мнѣ пришлось читать нѣсколько пробныхъ лекцій для полученія званія преподавателя въ этихъ заведеніяхъ. Лѣтъ пять спустя, въ 1857 г., я долженъ былъ защищать «pro venia legendi» мою диссертацію: «Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу по древнему польскому праву», чѣмъ обусловливалось занятіе предложенной мнѣ временно одной изъ двухъ каѳедръ законовъ царства польскаго, на которыхъ преподаваніе происходило на польскомъ языкѣ. Одинъ экземпляръ моего труда я поднесъ Кавелину при посредствѣ моего школьнаго и университетскаго товарища Іосафата Петровича Огризко, который сблизился съ Кавелинымъ у смертнаго одра общаго ихъ пріятеля Костылева, въ домѣ Авроры Карловны, урожденной Шерналь, по первому браку — Демидовой, а по второму—Карамзиной. Костылевъ былъ воспитателемъ сына А. К. Карамзиной, Демидова, а Огризко занималъ должность по управленію ея имѣніями. Кавелинъ, пріѣхавъ на мой диспутъ въ университетъ, удостоилъ меня нѣсколькихъ весьма вѣскихъ и серьезныхъ возраженій. Помню, что на диспутѣ присутствовалъ, кромѣ бывшаго попечителя округа М. Н. Мусина-Пушкина, бывшій товарищъ министра народнаго просвѣщенія, другъ А. С. Пушкина, князь П. А. Вяземскій.

Съ того момента я сталъ изрѣдка бывать въ домѣ К. Д. Кавелина. Вниманіе его и обходительность со мною я и теперь приписываю тому, что я былъ полякъ, а его, незнакомаго съ польскимъ языкомъ и литературою, еще съ молодыхъ лѣтъ интересовалъ польскій вопросъ. При невозможности изучать этотъ вопросъ по книгамъ, онъ, по своему обыкновенію, изучалъ его по живымъ лицамъ, въ дешифрированіи которыхъ онъ былъ великій мастеръ. Онъ всегда держался того часто повторяемаго имъ положенія, что судьбою мы — два народа—такъ по рукамъ и по ногамъ другъ съ другомъ скованы, что никакъ невозможно намъ ни распутаться, ни развестись, а надо какимъ бы то ни было наиболѣе безобиднымъ образомъ уживаться. Между тѣмъ, условія того времени (конца царствованія Николая I) были весьма тяжелыя и совсѣмъ не располагающія къ какимъ бы то ни было откровенностямъ. Что касается до меня лично, то я происходилъ отъ такъ называемаго смѣшаннаго въ вѣроисповѣдномъ отношеніи брака, заключеннаго еще до воспослѣдованія указа 23 ноября 1832 г., которымъ установлено, что всѣ дѣти отъ такого брака должны

быть православныя. Указъ этотъ сильно повліялъ на уменьшеніе смѣшанныхъ браковъ въ Россіи вообще. Братья въ нашей семьѣ были православные, сестры—римскія католички. Мы съ дѣтства воспитывались въ духѣ полной религіозной терпимости и относились къ вѣроисповѣднымъ различіямъ, какъ къ обстоятельствамъ несущественнымъ. Въ религіи мы цѣнили, главнымъ образомъ только ея мораль. Мой отецъ—православный, но онъ воспитывался въ виленскомъ университетѣ, и вслѣдствіе того семья наша была по духу польская. Я учился въ минской гимназіи, въ которой все преподаваніе было уже на одномъ русскомъ языкѣ, такъ что какъ я, такъ и мои товарищи-земляки, по поступленіи въ университетъ и послѣ избранія себѣ какой либо спеціальности, старались усиленнымъ чтеніемъ книгъ дополнять свое недостаточное національное образованіе, усердно изучали польскую исторію и литературу, а въ особенности современныхъ польскихъ поэтовъ, величайшихъ, какихъ жизнь народа когда-либо произвела. Всѣ почти эти геніальные поэты были выходцы; они проповѣдывали и возвѣщали воскресеніе Польши и національное, и государственное (одно отъ другого не отдѣлялось), но разнились одни отъ другихъ наиболѣе только относительно срока этого событія въ будущемъ. Одни ожидали его въ скоромъ времени, при содѣйствіи какого-нибудь европейскаго катаклизма, въ родѣ того, отъ котораго взволновалась вся Европа въ 1848 году; другіе, болѣе дальновидные, откладывали его на полвѣка или на вѣкъ, а наконецъ, нѣкоторые отодвигали его въ даль временъ совсѣмъ неопредѣленную, на какую-нибудь тысячу лѣтъ. Послѣдняго убѣжденія держался поэтъ, имѣвшій самое рѣшительное вліяніе на образъ мыслей того студенческаго поколѣнія, къ которому я принадлежалъ съ 1845 по 1849 годъ, а именно Сигизмундъ Красинскій. Изъ крупныхъ современныхъ происшествій насъ глубочайшимъ образомъ потрясло событіе, совершившееся въ 1846 г. въ части австрійской Галиціи, когда Австріею правилъ Меттернихъ,—избіеніе крестьянами польскихъ помѣщиковъ. Высылаемые польскою эмиграціею въ Парижѣ заговорщики-эмиссары пытались низвергнуть австрійское правительство въ Галиціи, поднявъ крестьянъ на пановъ и обѣщая крестьянамъ земельный надѣлъ. Правительство вмигъ подавило движеніе, обратившись къ тѣмъ же крестьянамъ и давая за каждаго убитаго шляхтича поголовную плату. Это кровавое событіе повліяло, какъ извѣстно, на маркиза Вѣлёпольскаго въ такой степени, что онъ на всю жизнь сдѣлался приверженцемъ Россіи и написалъ къ Меттерниху свое весьма извѣстное открытое письмо. Впечатлѣніе отъ рѣзни было скорбное, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма отрезвляющее и цѣлительное. Я могу судить о немъ по себѣ; оно вселило во мнѣ полнѣйшее отвращеніе ко всякой фальши, къ необдуманному увлеченію, ко всякому поэтическому самообольщенію; оно вызвало потребность искать вездѣ только реальнаго, искать одной правды, хотя бы горькой и причиняющей сильнѣйшую боль. Оно указало, что мы стоимъ на краю бездны, что мы обрываемся на крестьянскомъ вопросѣ, какъ на самомъ слабомъ мѣстѣ польской исторіи. Для насъ сдѣлалось безспорнымъ то, что паденіе польскаго государства произошло только отъ его неустройства, отъ однѣхъ внутреннихъ причинъ. Намъ стала ясна безусловная необходимость разсѣченія прежде всего узла крестьянскаго вопроса. Мы стали горячими эманципаторами крестьянъ еще до всякаго сближенія съ русскими, еще до какой бы то ни было извѣстности о томъ, что существуетъ въ томъ же направленіи движеніе со стороны всего, что въ Россіи было самаго интеллигентнаго и самаго благороднаго. Хотя мы воспитывались въ русскомъ городѣ и въ русскомъ университетѣ, но были вполнѣ уединены и какъ бы стѣною отдѣлены отъ нашихъ русскихъ коллегъ. Насъ нисколько не интересовали ходячія тогда идеи и утопіи Сенъ-Симона, Фурье, Леру. Какъ для сплава разныхъ металловъ, такъ и для сближенія между враждующими національностями требуется извѣстная возвышенная температура, которой совсѣмъ недоставало до средины

пятидесятыхъ годовъ, до печальнаго исхода крымской войны и до начала новаго царствованія, сразу обозначившагося какъ періодъ глубоко заходящихъ реформъ. До этого поворота въ исторіи сближеніе русскихъ съ поляками, если имѣло гдѣ-нибудь мѣсто, то было только счастливою случайностью. Мнѣ досталась на долю одна такая случайность. Въ 1849 году, по полученіи степени кандидата правъ, я познакомился на родинѣ моей въ Минскѣ съ Н. К. Калайдовичемъ, москвичемъ, воспитанникомъ училища правовѣдѣнія, назначеннымъ временно предсѣдателемъ отъ правительства запущенной палаты гражданскаго суда. Отъ Калайдовича повѣяло на меня атмосферою общества Грановскаго и Герценовскаго кружка. Онъ мнѣ посовѣтовалъ опредѣлиться на службу по судебной части въ Петербургѣ и снабдилъ меня рекомендательными письмами. Къ К. Д. Кавелину привлекало меня то, что онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова европеецъ; что въ немъ не было никакихъ національныхъ предразсудковъ, а взглядъ его на русское прошедшее былъ именно таковъ, что не приходилось спорить,—взглядъ какъ на листъ бумаги, на которомъ еще ничего не написано, кромѣ одного только слова: «государство». Оба мы проходили чрезъ школу Гегеля, оба мы пріучились орудовать по трехчленному ритму гегелевской діалектики; но для К. Д. Кавелина гегеліанство было уже «превзойденнымъ моментомъ». Гегелевскую идею онъ считалъ только призракомъ, метафизическимъ построеніемъ, не существующимъ реально,- одною только проекціею живой человѣческой души. Оба мы высоко цѣнили Прудона и зачитывались имъ.

Между тѣмъ, близилось время, когда намъ пришлось дружно и сообща работать. Петербургскій университетъ въ личномъ составѣ преподавателей обновлялся. Новый попечитель, князь Гр. Щербатовъ, отправлялъ за границу многихъ магистрантовъ и докторантовъ, для подготовленія ихъ къ занятію университетскихъ каѳедръ. По смерти профессора по каѳедрѣ русскаго гражданскаго права, Жиряева, кн. Щербатовъ предложилъ въ 1857 г. эту каѳедру Кавелину, почти одновременно приглашенному для преподаванія права Цесаревичу, наслѣднику престола. Вскорѣ потомъ сдѣлалась вакантною на юридическомъ факультетѣ петербургскаго университета каѳедра уголовнаго права, вслѣдствіе забаллотированія занимавшаго ее по выслугѣ лѣтъ профессора Я. И. Баршева. Меня предполагали командировать за границу для подготовки къ преподаванію, но по предложенію Кавелина, поддержанному деканомъ факультета П. Д. Калмыковымъ, мнѣ сдѣлано было предложеніе, чтобы я немедленно занялъ эту каѳедру въ званіи адъюнкта. Я подчинился этому предложенію: какъ на младшаго члена въ факультетѣ, на меня возложены были обязанности секретаря. Но прежде чѣмъ приступить къ разсказу о томъ, какъ мы сообща трудились въ университетѣ, я по необходимости долженъ коснуться одного эпизода, скрѣпившаго мои связи съ Кавелинымъ: я долженъ изложить, какимъ образомъ, при содѣйствіи Кавелина, основана была ежедневная газета на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ «Słowo», которая вскорѣ и кончила свое эфемерное существованіе на своемъ 16-мъ нумерѣ.

III.

И въ университетѣ, и даже послѣ выхода изъ него, мы, поляки, образовали родъ замкнутаго кружка, въ которомъ подъ флагомъ польской національности замѣтны были подраздѣленія, землячества. Особо держались такъ называемые литвины, не безъ извѣстной гордости вспоминающіе, что у нихъ, съ появленіемъ Мицкевича, открылся богатый родникъ ново-польской поэзіи. Особую группу составляли уроженцы нынѣшняго юго-западнаго края (Волыни, Подоліи, Украины), въ которыхъ сквозили, при всемъ ихъ полячествѣ, черты гайдамачества и коливщины, и шляхетскіе нравы мирились у нихъ страннымъ образомъ съ удалью казацкою. Наконецъ, наиболѣе отъ всѣхъ другихъ обособлялись такъ называе-

мые короньяржи, то есть уроженцы того дипломатическими ножницами искусственно выкроеннаго края, съ головкою и шейкою на среднемъ Нѣманѣ, съ западными частями по теченію Варты, притока Одера, и съ туловищемъ на Вислѣ. Обрусители семидесятыхъ годовъ тщетно пытались переименовать этотъ край трехъ разныхъ рѣчныхъ бассейновъ въ Привислинье или Привислянскій край. Мы, поляки, также не долюбливающіе дипломатію и вѣнскіе трактаты 1815 года, называли его «Короною», или всего чаще — «Конгрессовкою», то-есть, дѣтищемъ вѣнскаго конгресса 1815 года.— Замѣчательная пестрота состава, образуемаго этими характерными разновидностями польскаго элемента, исчезла и совсѣмъ стерлась нынѣ. Событія 1863 года превратили всѣ эти разноцвѣтныя глыбы въ одинъ тертый песокъ. Въ такъ называемой Коронѣ, или царствѣ польскомъ, числилось, когда я былъ въ университетѣ, отъ 5 до 6 милліоновъ жителей, а нынѣ ихъ тамъ до 10 милліоновъ. Несмотря на примѣсь еврейскую (1/7 часть населенія) и нѣмецкую (не даромъ владѣли этимъ краемъ на сѣверѣ—Пруссія, на югѣ—Австрія), страна эта этнографически—польская, по своей сплошной крестьянской польской подкладкѣ. До 1830 года, страна эта была конституціонная, какъ теперешняя русская Финляндія, и имѣла двѣ сеймовыя палаты; но съ 1831 года, послѣ мятежа, конституція была упразднена, изданъ органическій статутъ 14 февраля 1832 г., устанавливающій особый государственный совѣтъ и мѣстное своеобразное управленіе — обѣщанія не осуществившіяся, послужившія отправною точкою въ политикѣ маркиза Вѣлепольскаго. Во все время царствованія Николая I, послѣ 1830 года, страною управлялъ намѣстникъ съ весьма обширными полномочіями, сносившійся съ центральными установленіями имперіи посредствомъ особаго статсъ-секретаря царства польскаго въ С.-Петербургѣ. Подъ предсѣдательствомъ намѣстника состоялъ совѣтъ управленія (Rada administracyjna) изъ пяти директоровъ на правахъ министровъ. Все было яко бы польское по языку въ этой заповѣдной странѣ; исключительно польскій языкъ употребляемъ былъ и въ преподаваніи въ школахъ, и въ судахъ, и въ присутственныхъ мѣстахъ, наполненныхъ чиновниками, вышколенными на австрійскій и въ особенности на прусскій манеръ. Но подъ этимъ наружнымъ полонизмомъ на показъ все содержаніе законодательства, юриспруденціи и администраціи было не польское и не русское, а вполнѣ иностранное. Гражданскій кодексъ Наполеона, гражданское судопроизводство и торговое право — взяты цѣликомъ изъ Франціи въ 1808 году; они пришлись по вкусу странѣ, которая до сихъ поръ къ нимъ привержена, какъ къ своему собственному національному. Административные порядки были австрійскіе и прусскіе; два уголовныя судопроизводства дѣйствовали, одно на сѣверѣ—прусское, другое на югѣ—австрійское. Русское правительство произвело только двѣ крупныя перемѣны. Вмѣсто сеймоваго уголовнаго кодекса 1818 года, оно ввело Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845 года, приспособленное къ особенностямъ Царства Польскаго 1847 года. Составителемъ какъ кодекса, 1845 года, такъ и его передѣлки 1847 г., былъ полякъ Ромуальдъ Губе, впослѣдствіи членъ русскаго государственнаго совѣта. Второе существенное нововведеніе заключалось въ пріостановкѣ обезземеленія крестьянъ, получившихъ личную свободу еще въ 1808 году, но безъ земельнаго надѣла. Воспрещено, по указу 26 мая 1846 года, помѣщикамъ присоединять крестьянскія земли къ фольварочнымъ. — Законодательство этого крошечнаго государства въ государствѣ, именуемаго царствомъ польскимъ, представляло собою, такимъ образомъ, нѣчто въ родѣ арлекинова наряда изъ сшитыхъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ. Съ 1831 года и до крымской войны, край управляемъ былъ тѣмъ же полновластнымъ намѣстникомъ Паскевичемъ бюрократически, но на отличныхъ, чѣмъ въ остальной Россіи, условіяхъ, причемъ общія усилія какъ намѣстника, такъ и специфически особой въ царствѣ польской бюрократіи клонились къ тому, чтобы ничего не трогать, оставаться

въ неподвижности и избѣгать вмѣшательства въ дѣла царства центральнаго правительства имперіи,—однимъ словомъ, всячески противодѣйствовать тому, чего добивается съ 1863 года національная русская политика, то-есть—государственному объединенію царства польскаго съ имперіею. О запущенности и отсталости юридическаго быта этого не живущаго, а только прозябающаго общества свидѣтельствуетъ хотя бы та особенность, которая возмущала меня тогда, какъ криминалиста, что въ уголовномъ судопроизводствѣ, основанномъ, какъ и въ Россіи, на канцеляризмѣ и розыскномъ началѣ, употреблялась въ примѣненіи къ простонародью своего рода пытка, въ видѣ сѣченія розгами, при слѣдствіи, за запирательство и лживыя показанія, между тѣмъ какъ въ имперіи давно уже не бывало ничего подобнаго.

Пока господствовали заскорузлый консерватизмъ, неподвижность и безмолвіе, просуществовавшія до вступленія Александра II на престолъ, въ царствѣ польскомъ было по наружности все спокойно и тихо. Но съ 1856 года пошли новыя вѣянія по Россіи. Тогда стало вполнѣ яснымъ, что какъ только разрѣшится въ Россіи крестьянскій вопросъ, и затѣмъ будетъ приступлено къ обновленію государственнаго устройства во всѣхъ его частяхъ, по всѣмъ его швамъ и складкамъ, —то выдвинется впередъ, во всей его сложности, замалчиваемый и забываемый, но отнюдь не рѣшенный польскій вопросъ, который станетъ бревномъ поперекъ дороги прогресса и будетъ помѣхою всѣмъ замышляемымъ преобразованіямъ внутри самой Россіи.—Мысль о томъ, что польскій вопросъ есть опасная туча на горизонтѣ Россіи, не покидала Кавелина. Я изумляюсь нынѣ, въ бо́льшей степени, чѣмъ при жизни его, той необычайной проницательности, съ которою, предугадывая будущее, онъ пытался противодѣйствовать предусматриваемому злу. Кавелинъ зналъ, что послѣ освобожденія крестьянъ послѣдуетъ неизбѣжно задабриваніе помѣщиковъ, реакція въ духѣ дворянства, съ которою придется сильно бороться. Своимъ тонкимъ чутьемъ онъ предвидѣлъ, что въ польско-русскихъ отношеніяхъ кроется недоразумѣніе, происходитъ нѣчто недоброе; что польскій вопросъ, запущенный по природной русской лѣни въ теченіе всего Николаевскаго періода, поставленъ нелѣпо и можетъ довести до взрыва; что за взрывомъ послѣдуетъ кровопролитіе, за кровопролитіемъ ударъ въ набатъ русскаго патріотизма, то-есть — полное и исключительное господство слѣпой народной страсти, въ волнахъ которой могутъ потонуть зачатки преобразованій, малые еще ростки личныхъ и общественныхъ свободъ, щедро даруемыхъ и усердно насаждаемыхъ верховною властью, расположенною къ народу въ то время самымъ благодушнымъ образомъ. Какъ предупредить опасность? Какъ разогнать набѣгающія тучи? — Для достиженія этой цѣли Кавелину представлялось цѣлесообразнымъ пойти съ русской стороны навстрѣчу полякамъ, протянуть имъ руку, стараться о созданіи настоящей русской партіи среди польскаго общества, изолированнаго отъ Россіи и, такъ сказать, изъятаго изъ вѣдѣнія центральнаго русскаго правительства. Эта партія, по искреннимъ патріотическимъ польскимъ убѣжденіямъ, могла бы, при извѣстныхъ условіяхъ, держать сторону Россіи.—Такая русская партія въ Польшѣ существовала при Петрѣ Великомъ; она выработала свою самостоятельную организацію при Екатеринѣ II (домъ Чарторыйскихъ и его политика). Она была столь сильна при Александрѣ I, что, опираясь на нее, русское правительство даровало конституцію образованному въ 1815 году Царству Польскому.—Возможность дружнаго житья и сближенія обусловливалась, съ точки зрѣнія Кавелина, тѣмъ, какими своими частями, направленіями и партіями будутъ сближаться обѣ національности. Сблизится ли польское панство съ русскимъ барствомъ? Изъ такого сближенія можетъ только выйти тупѣйшая реакція. Сблизятся ли польскіе революціонеры съ русскими? Въ результатѣ получатся только разрушеніе и пожаръ. Но польская демократія можетъ и должна сблизиться съ русскою на условіяхъ гражданской равноправности и на либеральной поч-

вѣ, подъ кровомъ русскаго государства. — Кавелинъ говорилъ, обращаясь къ намъ, полякамъ: «Вамъ нечего дорабатываться вновь до своего собственнаго государства, которое и физически невозможно, при запутанности отношеній съ этнографической стороны вопроса. Намъ съ вами невозможно размежеваться... Не лучше ли вамъ помириться съ нами искренно и безъ заднихъ мыслей, отречься отъ всякихъ повстаній, рѣшиться дѣйствовать лишь вполнѣ легально и получить затѣмъ полный просторъ въ вашихъ языкѣ, вѣрѣ и культурѣ».

Таковы были внушенныя Кавелинымъ программа и идея новаго польскаго òргана, основаннаго въ С.-Петербургѣ. При содѣйствіи Кавелина, близкій пріятель его, І. П. Огризко, получилъ разрѣшеніе на ежедневную газету на польскомъ языкѣ—Слово—съ мѣсячнымъ къ нему прибавленіемъ, значитъ—право издавать въ одно время и газету, и журналъ, въ направленіи, которое по теперешнему времени и его терминологіи можно бы назвать примирительнымъ. Условія времени были подходящія и благопріятныя для журнала; Огризко былъ человѣкъ безъ средствъ, но деньги на изданіе безъ затрудненія нашлись. Оно пріобрѣло также значительную поддержку въ литераторахъ польскихъ и въ Россіи, и за границею, въ земляхъ такъ называемыхъ закордонныхъ, то-есть—въ Познани и Галиціи, и даже во Франціи, среди польскихъ выходцевъ, такъ что сразу оно получило достаточное число подписчиковъ.

Оказалось однако, что мы сильно ошиблись не насчетъ успѣха изданія, но насчетъ возможности его существованія — при обособленіи царства польскаго подъ безконтрольною властью намѣстника. Нашъ журналъ долженъ былъ дѣйствовать какъ струя свѣжаго воздуха, направленная въ затхлую среду, остававшуюся четверть вѣка въ неподвижности и застоѣ. Центральное правительство имперіи, занятое многочисленными вопросами внутренней политики и реформами, не вводило царства польскаго въ кругъ своего дѣйствія и полагалось всецѣло на намѣстника. Съ другой стороны, и намѣстникъ, князь М. Д. Горчаковъ, и весь чиновный міръ Царства Польскаго стояли рѣшительно за statu quo, за полную нерушимость существующаго, тѣмъ болѣе, что при новомъ царствованіи образъ дѣйствія власти былъ болѣе мягкій, не было той грозы, которая сопровождала прежній режимъ, сдѣланы послабленія и, такъ сказать, поотпущены поводья. Для властей царства польскаго была крайне неудобна газета, издаваемая въ С.-Петербургѣ и толкующая о томъ, чтò происходитъ въ царствѣ польскомъ. По представленію намѣстника, газета «Слово» была закрыта въ половинѣ января 1859 года, а редакторъ ея заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Настоящіе мотивы, вызвавшіе закрытіе,—неизвѣстны. Повидимому, «Слово» пострадало за то, что приняло участіе въ возникшей между варшавскими газетами и обострившейся полемикѣ по еврейскому вопросу... Редактору Огризко поставлено оффиціально въ вину, что онъ помѣстилъ въ № 15 газеты письмо выходца, 73-лѣтняго старика Лелевеля, доживавшаго послѣдніе годы жизни въ Брюсселѣ. Это письмо было напечатано уже въ то время, когда, по милости монаршей, польскимъ выходцамъ 1830 года разрѣшаемо было возвращаться на родину. Іоахимъ Лелевель былъ знаменитый историкъ; въ своемъ письмѣ онъ оцѣнивалъ научный трудъ другого историка, Гельцеля, о Казиміровскихъ Статутахъ XIV вѣка, и заканчивалъ это письмо одобрительнымъ привѣтомъ «Слову» въ родѣ: «помоги Богъ».—Послѣ заключенія Огризко въ крѣпость, я и еще два члена редакціи газеты, мы подали сообща 2 марта 1859 года, при содѣйствіи Кавелина, чрезъ Якова Ивановича Ростовцева, главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній и главнаго тогда дѣятеля по крестьянскому вопросу, всеподданнѣйшее прошеніе, которое Кавелинъ одобрилъ и поправилъ. Оно содержало, между прочимъ, слѣдующія слова, которыя я привожу, какъ историческій документъ:

«Мѣры кротости и терпимости, которыми ознаменовано Ваше царствованіе, пріучили насъ вѣрить, что Всероссійскій Государь

стоитъ превыше всѣхъ національностей; что для поляковъ онъ—настоящій польскій государь. Извѣстно, что вслѣдствіе несчастныхъ событій 1831 г. правительство стало смотрѣть на польскую народность, какъ на враждебный элементъ. Съ другой стороны, польская нація, опасаясь за свое существованіе, тратила свои силы на безплодный отпоръ, на борьбу съ проникающими въ нее русскими вліяніями, на несбыточныя мечтанія о минувшей политической самобытности. Литература, обратившись къ изученію безвозвратно погибшаго прошедшаго, извлекала изъ исторіи ѣдкія воспоминанія старинныхъ вѣковыхъ непріязней. Религія примѣшалась къ страстямъ политическимъ. Фанатизмъ католическій обуялъ умы и училъ все чуждое ненавидѣть. Этотъ мрачный періодъ приходитъ къ окончанію. Восшествіе Вашего Императорскаго Величества на престолъ возбудило тысячу симпатій, надеждъ, ожиданій. Въ польскомъ обществѣ, переставшемъ опасаться за свой бытъ, возникли новыя требованія. Изъ Познани, Галиціи, доходили до насъ скорбные голоса польской народности, подавляемой заглушающимъ ее нѣмецкимъ элементомъ. Лучшіе передовые люди между поляками убѣдились, что пора имъ отказаться отъ мечтаній, и что имъ слѣдуетъ подъ сѣнью русской державы, не переставая быть поляками, искать спасенія и защиты, искренно и чистосердечно становясь на сторонѣ правительства во всѣхъ его мѣропріятіяхъ.

«Раздѣляя вполнѣ это новое направленіе, которое доказать и разъяснить мы можемъ фактами, и желая ему содѣйствовать всѣми средствами, мы исходатайствовали у правительства право на изданіе журнала «Слово». Мы не просили никакой оффиціальной поддержки, которая могла бы лишь повредить намъ, давая возможность партіямъ противныхъ съ нами убѣжденій заподозрить наше безкорыстіе. Мы хотѣли вымолвить слово любви и примиренія и способствовать сближенію двухъ величайшихъ славянскихъ народностей, знакомя поляковъ съ Россіею, съ ея учрежденіями и силами, съ произведеніями русскаго ума. Въ религіи мы хотѣли защищать полную вѣротерпимость и чистыя христіанскія идеи безъ всякаго фанатизма. Въ наукѣ мы хотѣли способствовать распространенію тѣхъ отраслей познаній, которыя имѣютъ прямую связь съ практическою жизнью, съ матеріальнымъ благосостояніемъ областей, въ которыхъ существуютъ поляки, — познаній юридическихъ и экономическихъ. Многочисленныя корреспонденціи со всѣхъ частей западнаго края давали намъ возможность слѣдить за ходомъ всѣхъ мѣстныхъ вопросовъ. Положа руку на сердце, мы можемъ откровенно сказать, что во всемъ томъ, что̀ въ журналѣ нашемъ напечатано, и въ матеріалахъ, накопленныхъ нами, но еще неизданныхъ, нѣтъ ни единой мысли, противной по духу правительству и его планамъ.

«Намъ были извѣстны всѣ трудности нашей задачи. Намъ предстояла борьба съ невѣжествомъ и суевѣріемъ, очень понятными при малочисленности въ нашемъ краѣ ученыхъ обществъ и учебныхъ заведеній, съ сословными предразсудками польскаго общества, съ фанатизмомъ и нетерпимостью, со всѣми, однимъ словомъ, отжившими партіями, которыя мѣшаютъ намъ войти въ себя и, отрѣшившись отъ прошедшаго, помириться съ настоящимъ. Въ настоящее время, за исключеніемъ Варшавы, составляющей средоточіе литературной дѣятельности царства польскаго, нѣтъ ни одного польскаго журнала для западнаго и юго-западнаго края. Ваше Величество! во имя польской народности дерзаемъ умолять: не допустите нашему органу замолкнуть».

Газета наша не была вновь разрѣшена къ изданію; но ея редакторъ былъ вскорѣ освобожденъ, и арестъ его не послужилъ препятствіемъ къ поступленію его на службу по министерству финансовъ.

Заканчивая этотъ краткій въ жизни и Кавелина и нашей эпизодъ, относящійся къ газетѣ «Слово», я считаю себя вправѣ заключить, что уже въ пятидесятыхъ годахъ были люди въ русскомъ обществѣ, понимавшіе польскій вопросъ, какъ мы его те-

перь понимаемъ. Кавелинъ заслуживаетъ, чтобы ему отведено было первое мѣсто въ ряду этихъ дѣятелей, какъ первому иниціатору примиренія національностей подъ условіями уваженія—съ русской стороны—къ близкой ей, по крови, польской національности, но съ подчиненіемъ себя — со стороны польской національности—необходимымъ требованіямъ русской государственности. Ближайшее будущее покажетъ, насколько идея эта вѣрна и живуча. Проповѣдуя ее, Кавелинъ полагался на здравый смыслъ русскаго народа, въ который онъ вѣрилъ безусловно.

IV.

Перехожу къ моей общей съ Кавелинымъ университетской дѣятельности, которая для меня началась 5-го декабря 1857 г., когда я получилъ каѳедру уголовнаго права, и оборвалась на университетской катастрофѣ, въ сентябрѣ 1861 г., когда мы, профессора, въ числѣ пяти человѣкъ, получили по прошеніямъ отставки.—Мнѣ приходилось усиленно работать, сочиняя еженедѣльно столько, чтобы приготовленнаго достало на пять полуторачасовыхъ лекцій. Я не имѣлъ никакихъ способностей къ импровизаторству, и все, что преподавалъ, долженъ былъ предварительно написать отъ начала до конца. Я чувствовалъ могучій приливъ силъ и увеличивающуюся отъ привычки легкость въ работѣ. Съ конца перваго семестра, я уже зналъ, что совладаю съ предметомъ. Почти единственнымъ моимъ развлеченіемъ были вечерніе журъ-фиксы по воскресеньямъ у Кавелина. На этихъ собраніяхъ не было никогда ни игры въ карты, ни музыки. Десятка два-три гостей изъ мѣстныхъ жителей или пріѣзжихъ изъ Москвы, изъ провинціи, или изъ-за границы, усаживались за длиннымъ чайнымъ столомъ, за которымъ предсѣдательствовала жена Кавелина, Антонина Ѳедоровна, урожденная Коршъ. Собравшіеся бесѣдовали о всевозможныхъ предметахъ наукъ, искусствъ, юриспруденціи, политики. — Кавелинъ не покидалъ Васильевскаго Острова. Никогда не видалъ я салона, корый былъ бы живѣе, занимательнѣе и заманчивѣе и по предметамъ бесѣдъ, и по выдающимся качествамъ лицъ, принимавшихъ въ нихъ участіе. Общество было почти исключительно мужское. Тутъ бывали люди всевозможныхъ оттѣнковъ и мастей, которые впослѣдствіи разошлись другъ съ другомъ по діаметрально противоположнымъ направленіямъ. Сюда заглядывали военные и статскіе, судьи и администраторы, профессора и артисты, пріѣзжіе изъ Москвы, напримѣръ—С. Соловьевъ, Б. Чичеринъ, Бабстъ, Дмитріевъ и Побѣдоносцевъ; государственные люди, Н. Милютинъ, Заблоцкій-Десятовскій, Стояновскій, братья Гроты, Константинъ и Яковъ, офицеры, напримѣръ Г. Г. Даниловичъ и М. Драгомировъ, писатели, напримѣръ И. С. Тургеневъ, журналисты — Валентинъ Коршъ, Чернышевскій, Вейнбергъ и дѣлавшій тогда первые шаги на общественномъ поприщѣ, многообѣщавшій Добролюбовъ, профессора Борисъ Утинъ, Стасюлевичъ, Пыпинъ, Березинъ, Савичъ; всѣхъ бывавшихъ нѣтъ возможности перечесть. Главнымъ руководителемъ бесѣдъ былъ самъ хозяинъ, всегда занятый самыми свѣжими, самыми новыми и насущными вопросами текущаго дня. Мы изумлялись дѣятельности его по истинѣ поразительной. Онъ читалъ лекціи Наслѣднику Цесаревичу, готовился къ университетскимъ лекціямъ по предмету для него новому, потому что его спеціальностью была исторія древняго русскаго права, а не гражданскіе законы, слѣдилъ съ усиленнымъ вниманіемъ за всѣми фазами крестьянской реформы, содѣйствовалъ этой реформѣ своими статьями. Какъ профессоръ, я завидовалъ его умѣнью группировать вокругъ себя студентовъ, пріохочивать ихъ къ занятіямъ, давая имъ темы для работъ и обсуждая эти работы въ товарищескомъ студенческомъ кружкѣ. Приливъ свѣжихъ и молодыхъ силъ въ университетъ былъ великъ; громадное число любознательныхъ людей обоего пола и разныхъ возрастовъ наполняли открытыя настежь для публики аудиторіи. Прекрасный духъ, одушевлявшій и студентовъ, и эту жаждавшую

знанія и учившуюся съ увлеченіемъ публику, вдохновлялъ и насъ, профессоровъ. Обновленіе не только университетскаго образованія, но и самой организаціи университета, стояло на очереди. Начатое по почину попечителя князя Щербатова, оно зависѣло главнымъ образомъ отъ университетскаго совѣта. Мы его обдумывали сообща. Передъ нашими глазами открывалась широкая перспектива порядка и занятій въ храмѣ наукъ на основаніяхъ возможно большей свободы и самодѣятельности какъ учащихъ, такъ и учащихся, иными словами—на началахъ широкой университетской автономіи. По старому уставу 1835 г. и по дополнявшимъ его министерскимъ и попечительскимъ циркулярамъ и инструкціямъ, учащіе были точно стѣною отдѣлены отъ учащихся. Профессора были собственно чиновники, читающіе лекціи и соприкасающіеся со студентами только на лекціяхъ и на экзаменахъ. Хозяйственную часть вѣдало правленіе, зависимое отъ попечителя; учебная часть завѣдывалась совѣтомъ. Функціи ректора сводились почти только къ предсѣдательствованію въ совѣтѣ. По части такъ называемаго благочинія студенты подчинены были инспектору, непосредственно зависимому отъ попечителя; его они мало уважали и къ нему они относились, какъ къ полицейскому чиновнику. Взысканія за проступки налагались попечителемъ. Въ верхнемъ этажѣ университета существовало общежитіе для казеннокоштныхъ студентовъ, но такихъ было немного. Огромное большинство жили свободно на частныхъ квартирахъ и собирались кружками, имѣли свое особое корпоративное устройство по типу нѣмецкихъ буршеншафтовъ, съ буршами и фуксами, съ коммершами и дуэлями. Подъ конецъ сороковыхъ годовъ корпораціи русская и польская отрѣшились отъ нѣмецкихъ формъ и обособились. Такимъ образомъ, уже существовали у русскихъ студентовъ негласные зачатки корпоративной организаціи. Князь Щербатовъ нѣсколько упорядочилъ и ограничилъ эту корпоративность. Студентамъ разрѣшено имѣть въ университетѣ свою кассу для выдачи пособій нуждающимся, свою библіотеку, издавать сборникъ, выбирать своихъ старшинъ и руководителей. По выходѣ въ отставку князя Щербатова, сплотившіеся студенты оставались безъ контроля. Въ ихъ корпоративномъ быту отражались всѣ явленія и движенія столичнаго интеллигентнаго общества, переживающаго процессъ броженія, обновленія и освобожденія отъ связывавшихъ его полицейскихъ правилъ и отжившихъ порядковъ. Весьма часто происходили столкновенія между публикою и полиціею, внѣ стѣнъ университета, при томъ или другомъ сборищѣ общественномъ. Полиціи легко было отмѣтить, въ каждомъ подобномъ случаѣ, присутствіе или соучастіе студенческаго элемента по синему воротнику обязательнаго для студентовъ форменнаго платья. Бывали и въ стѣнахъ университета столкновенія студентовъ съ малоуважаемыми инспекторомъ и педелями, которыя доносились до попечителя и безпокоили его. Весь 1860-й годъ ознаменованъ былъ цѣлымъ рядомъ такихъ крошечныхъ происшествій и столкновеній, которыя можно было бы легко предупреждать и прекращать, еслибы слово и власть инспектора были авторитетнѣе. Обыкновенно возникавшія подобнаго рода дѣла кончались тѣмъ, что новый, послѣ кн. Щербатова, попечитель, Иванъ Давыдовичъ Деляновъ (впослѣдствіи графъ и министръ народнаго просвѣщенія), обращался къ тѣмъ или другимъ наиболѣе вліятельнымъ и популярнымъ профессорамъ, и при ихъ примиряющемъ содѣйствіи и вмѣшательствѣ достигалъ того, что дѣло тѣмъ или другимъ способомъ потушалось. Въ мартѣ 1861 г., вслѣдствіе письменнаго предложенія со стороны попечителя К. Д. Кавелину, образована была подъ его предсѣдательствомъ коммиссія изъ четырехъ профессоровъ, въ которой я не участвовалъ, и которой предоставлено было устроить студенческую корпорацію и издать правила для студентовъ. Коммиссія пригласила восемь человѣкъ студентовъ, которыхъ мнѣнія она выслушивала при выработкѣ правилъ, образующихъ нѣчто въ родѣ устава. Коммиссія руководствовалась въ своей работѣ основною идеею, что университетъ долженъ вмѣщать въ себѣ два

организованные элемента: корпорацію учащихъ, образующихъ совѣтъ и имѣющихъ во главѣ выборнаго ректора, хозяина и представителя университета, и корпорацію студентовъ, имѣющихъ свои сходки и своихъ выборныхъ старшинъ. Эти общинныя учрежденія должны были подчиняться контролю и власти избираемаго совѣтомъ проректора. Предполагалось отдѣлить административную власть проректора отъ судебной, предоставляемой суду изъ трехъ судей по выбору совѣта и налагающей взысканія за всѣ проступки студентовъ и нарушенія ими правилъ. Съ іюля 1860 г., я уже былъ экстраординарнымъ профессоромъ, и очень хорошо помню, что при обмѣнѣ мыслей въ совѣтѣ мы, профессора, вполнѣ ясно понимали, что наша задача будетъ не легка; что намъ придется строго взыскивать за нарушенія правилъ, за всякія попытки политической агитаціи между студентами. Мы знали, что молодыхъ людей горячихъ, хотя бы они были и даровитые, придется исключать; но я до сихъ поръ убѣжденъ, — и это убѣжденіе раздѣлялъ со мною до своей смерти Кавелинъ,—что корпоративное устройство студентовъ въ ихъ маленькой ячейкѣ, давая пищу умамъ молодежи и содѣйствуя выработкѣ воли ихъ, служитъ лучшимъ предохранительнымъ средствомъ противъ заразы политиканства, свирѣпствующей вездѣ, гдѣ корпоративное устройство существуетъ на сторонѣ, внѣ стѣнъ университета и внѣ его контроля. Выработанный коммиссіею проектъ правилъ для студентовъ представленъ былъ весною 1861 г. бывшему тогда министромъ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскому; но этому проекту не суждено было осуществиться, потому что онъ испыталъ на себѣ дѣйствіе первыхъ вѣяній реакціи, неизбѣжной по естественному ходу событій послѣ завершенія самаго великаго и самаго благотворнаго практическаго дѣла эпохи, то-есть —послѣ освобожденія крестьянъ. Настоящее, не призрачное, а реальное освобожденіе крестьянъ возможно было только съ предоставленіемъ крестьянамъ земельнаго надѣла. Такого рода освобожденіе достигаемо было почти вездѣ только при посредствѣ соціальной революціи. Въ Россіи, къ счастію ея, оно произведено законодательнымъ порядкомъ, путемъ реформы, не безъ извѣстной существенной частичной ломки въ области понятій «мое и твое», въ институтѣ частной собственности, который общѣе и глубже всякихъ установленій государственныхъ. Само правительство сознавало, что совершается нѣкоторое отступленіе отъ вышеупомянутаго института; оно озаботилось ограничить реформу предѣлами самой настоятельной необходимости и было расположено къ разнымъ уступкамъ крупному землевладѣнію, жаловавшемуся на потери, которыя оно понесло при освобожденіи крестьянъ. Уволены были главный дѣятель по крестьянской реформѣ Н. А. Милютинъ и нѣкоторые его сподвижники. Въ несовсѣмъ безопасномъ положеніи, вслѣдствіе ярыхъ нападокъ противниковъ реформы, очутились и тѣ установленія и общественныя силы, которыя оказали самыя существенныя услуги по части освобожденія крестьянъ, въ томъ числѣ и въ первомъ ряду печать, какъ проповѣдникъ реформы, и университеты, какъ разсадники ученій, расшатывавшихъ, будто бы, общественные устои. Университеты не могли нравиться многимъ лицамъ, занимавшимъ самые высокіе и вліятельные посты, и по усиленному къ нимъ притоку молодого, наиболѣе свободолюбиваго, по возрасту своему, поколѣнія, и по почти даровому въ немъ преподаванію, по доступности университета людямъ неимущимъ, бѣднякамъ, демократіи. Притомъ замѣтимъ, что съ освобожденіемъ крестьянъ исчезла та сплоченность, та солидарность всѣхъ оттѣнковъ прогрессивныхъ людей, начиная съ почти-что бѣлыхъ до ярко-красныхъ, которая прежде заставляла ихъ дѣйствовать сообща и держаться вкупѣ. Тотчасъ послѣ освобожденія крестьянъ, бывшіе союзники стали расходиться въ разныя стороны и дѣйствовать порознь. Впрочемъ, на первыхъ порахъ послѣ освобожденія крестьянъ, преобладающій еще духъ либерализма былъ настолько силенъ, что вновь назначенное для упорядоченія университетовъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1861 г., начальство—министръ народнаго просвѣщенія, ад-

миралъ Путятинъ, и новый попечитель с.-петербургскаго округа, генералъ Филипсонъ,— рѣшили воспользоваться, отчасти, составленными нами, т.-е. университетскою коммиссіею, правилами для студентовъ, сдѣлавъ крупныя изъ этого проекта заимствованія. Они заимствовали цѣликомъ должность проректора и университетскій судъ, и въ опубликованныхъ правилахъ 21-го мая 1861 года установили только два измѣненія университетскаго проекта, подсѣкавшія корпоративный бытъ студентовъ въ самомъ его корнѣ. Во-первыхъ, всѣ сходки студентовъ запрещены, — значитъ, упразднены и выборы въ корпоративныя должности. Во-вторыхъ, сильно уменьшено число учащихся, вслѣдствіе недопущенія въ студенты, съ самыми ничтожными исключеніями (по два человѣка на каждую губернію округа), бѣдняковъ, не могущихъ внести платы за слушаніе лекцій. Кассу и библіотеку студентовъ положено вывести изъ стѣнъ университета съ тѣмъ, чтобы онѣ могли существовать гдѣ-нибудь на сторонѣ. Правила 11-го мая были опубликованы уже въ началѣ каникулъ, когда студенты разъѣзжались, такъ что ихъ послѣдствія могли обнаружиться только осенью, въ началѣ слѣдующаго учебнаго года. Начало предполагаемыхъ къ введенію перемѣнъ въ университетѣ совпало для Кавелина съ самымъ горестнымъ семейнымъ событіемъ, которое его столь сильно потрясло, что онъ мгновенно состарѣлся, а именно, со смертью единственнаго его сына Дмитрія, 14-лѣтняго юноши, необычайно и свыше лѣтъ развитого и даровитаго. Ни я, ни Кавелинъ, мы не были въ С.-Петербургѣ лѣтомъ. Мнѣ удалось тогда впервые побывать въ Варшавѣ, гдѣ я воочію и съ любопытствомъ наблюдалъ въ полномъ его ходу броженіе, которое года чрезъ полтора разрѣшилось мятежемъ 1863 года.

V.

Мы съѣхались въ Петербургѣ въ августѣ 1861 г., а въ сентябрѣ произошла та маленькая «буря въ стаканѣ воды», которая кончилась опустѣніемъ университета, а потомъ и его формальнымъ закрытіемъ 20-го декабря 1861 года. Кавелинъ очертилъ это происшествіе въ «Запискѣ о безпорядкахъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, осенью 1861 г.», напечатанной въ настоящемъ томѣ. Я велъ за это время дневникъ и изложилъ катастрофу въ моей статьѣ о петербургскомъ университетѣ, которую читалъ Кавелину до ея напечатанія (IV томъ моихъ сочиненій, стр. 1—66). Происходившее похоже на маленькую драму въ трехъ дѣйствующихъ лицахъ: студенты, профессора и университетское начальство. Начальство постановило завести матрикулы, книжки съ отмѣтками о каждомъ студентѣ, о взносахъ имъ платы за лекціи, о взысканіяхъ, объ экзаменахъ; книжка замѣняла собою паспортъ и содержала въ себѣ правила для студентовъ. Получая матрикулу, студентъ долженъ былъ подписать обязательство о соблюденіи правилъ; онъ заключалъ такимъ образомъ съ начальствомъ нѣчто въ родѣ договора. Весь вопросъ на практикѣ сводился къ тому, какъ заставить студентовъ брать эти книжки. Предвидѣлось, однако, что ихъ не можетъ не взять извѣстное количество студентовъ, достаточное для установленія факта, что аудиторіи посѣщаются. Разъ книжки взяты, можно заставить взявшихъ исполнять правила. Начальство надѣялось, что раздачѣ матрикулъ можно заставить содѣйствовать профессоровъ. Совѣтъ университета, въ засѣданіи 6-го сентября, возражалъ противъ проектированныхъ только, но не объявленныхъ еще утвержденными правилъ, и рѣшилъ, что онъ не приступитъ къ выбору проректора, за неимѣніемъ желающихъ баллотироваться кандидатовъ. Попечитель остался при одномъ инспекторѣ студентовъ, какъ органѣ полицейской власти. Матрикулы печатались; открытіе лекцій послѣдовало 17-го сентября, безъ принятія какихъ бы то ни было мѣръ для недопущенія сходокъ. Сходки начались, отбывались ежедневно. Когда приказано было запирать пустыя аудиторіи, студенты большою толпою открыли силою большой актовый залъ. Мы, профессора, узнали о случившемся только на слѣдующій день, 24-го сентября, при пріемѣ у г. министра,

возвѣстившаго намъ о временномъ закрытіи университета. На слѣдующій день, массы студентовъ, не допущенныхъ въ университетъ, отправились на домъ къ попечителю Филипсону, въ Колокольную улицу. Туда поспѣла и вооруженная сила. Столкновеніе предупреждено только появленіемъ попечителя, отправившагося со студентами въ университетъ и распустившаго ихъ до слѣдующаго дня. Вечеромъ, въ тотъ же день, открыто Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ, заступавшимъ ректора, засѣданіе совѣта въ присутствіи попечителя, который тутъ же предложилъ, чтобы матрикулы были раздаваемы, совмѣстно съ полученіемъ подписокъ отъ студентовъ, деканами въ полномъ собраніи членовъ факультетовъ. К. Д. Кавелинъ былъ первый, объявившій о невозможности подчиниться этой мѣрѣ. Только три члена совѣта поддержали предложеніе попечителя. При голосованіи большинство, перевѣсившее, однако, однимъ только голосомъ (15 противъ 14), высказалось за непринятіе профессорами участія въ раздачѣ матрикулъ. Министръ потребовалъ отъ членовъ совѣта письменнаго изложенія мотивовъ ихъ отказовъ; но подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія столицы на сторону протестовавшихъ перешло уже много членовъ совѣта изъ тѣхъ, которые 25-го сентября голосовали согласно предложенію попечителя. Съ тѣхъ поръ опредѣлилось окончательно, что профессора будутъ держать себя пассивно по отношенію къ конфликту. Почти каждый день по утрамъ у дверей университета и на улицѣ разыгрывались забавныя сцены въ виду интересовавшейся вопросомъ петербургской публики. Въ засѣданіи совѣта, 8-го октября, подъ предсѣдательствомъ пріѣхавшаго въ С.-Петербургъ ректора П. А. Плетнева, весь совѣтъ высказался единогласно за отмѣну матрикулъ и изъявилъ готовность попытаться успокоить студентовъ, если ему будетъ предоставлено распоряжаться по своему усмотрѣнію и своими средствами. Попечитель объявилъ, что это невозможно, что выдача матрикулъ послѣдуетъ. Онъ намъ сказалъ:— «вы ставите вопросъ, — либо университетъ, либо Россія?» Мы возражали, что постановка вопроса неправильна, а слѣдуетъ ей быть: либо университетъ безъ матрикулъ, либо матрикулы безъ университета. Событія оправдали наши опасенія. Раздача матрикулъ послѣдовала, лекціи возобновились, но при такихъ безпорядкахъ, которые повели къ арестованію студентовъ массами. Часть ихъ была заключена въ Петропавловскую крѣпость, часть отправлена въ Кронштадтъ. На площади передъ университетомъ валялись сотни разорванныхъ книжекъ съ матрикулами. Аудиторіи оставались пустыми по отсутствію слушателей. Въ теченіе двухъ недѣль, съ 25-го сентября по 12-е октября, профессорскій кружокъ, числомъ отъ 12 до 15 человѣкъ, къ которому въ рѣшительные моменты присоединялись и всѣ остальные профессора, собирался почти ежедневно для совѣщаній на частныхъ квартирахъ, то у одного, то у другого изъ профессоровъ. Кавелинъ, безъ всякаго избранія и предварительнаго соглашенія, былъ нашимъ руководителемъ, а въ пререканіяхъ съ начальствомъ—такъ сказать застрѣльщикомъ. Онъ рѣшалъ своимъ вѣскимъ голосомъ наши сомнѣнія и колебанія. Ему мы обязаны тѣмъ, что мы такъ послѣдовательно и до конца изображали собою въ нѣкоторомъ родѣ Кассандру, предсказывающую паденіе Илиона, не сходя вмѣстѣ съ тѣмъ съ пути самой строгой законности и устраняясь отъ солидарности съ сталкивающимися двумя силами: съ начальствомъ, дѣйствующимъ опираясь на солдатъ, и со студенчествомъ, въ первомъ ряду котораго особенно выдѣлялся своею бойкостью Николай Андріановичъ Неклюдовъ, талантливый впослѣдствіи государственный дѣятель, кончившій свою жизнь на посту товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Мы совсѣмъ не искали популярности и отлично понимали, что еслибы наши услуги были приняты, и намъ бы была предоставлена власть въ университетѣ, то, укрощая расходившихся студентовъ, мы не остановились бы передъ самыми энергическими мѣрами для установленія того нормальнаго университетскаго порядка, какой былъ у насъ на умѣ. Когда университетъ опустѣлъ,

не бывъ даже оффиціально закрытъ, то Кавелинъ первый рѣшилъ, что оставаться дольше въ этомъ университетѣ онъ не можетъ, но не вмѣнялъ никому изъ насъ въ обязанность послѣдовать его примѣру. На эту рѣшимость Кавелина, которой онъ никому не навязывалъ, откликнулись только четыре профессора: М. М. Стасюлевичъ, А. Н. Пыпинъ, Б. И. Утинъ и я. Во избѣжаніе всякаго вида стачки или коллективной демонстраціи мы рѣшили, что наши прошенія будутъ поданы не одновременно и нѣсколько позже прошенія Кавелина. Они послѣдовали одно за другимъ, въ теченіе ноября 1861 г.; я просилъ о переводѣ меня на службу въ училище правовѣдѣнія, гдѣ состоялъ уже преподавателемъ. Для нѣкоторыхъ изъ насъ шагъ этотъ былъ серьезенъ, такъ какъ отъ него зависѣли средства существованія. Къ числу ихъ принадлежалъ Кавелинъ, у котораго, какъ человѣка семейнаго, при самой скромной жизни, въ его хозяйствѣ концы едва сходились съ концами. Въ общественномъ мнѣніи столицы, въ прессѣ, въ интеллигентныхъ слояхъ общества, настроенныхъ весьма либерально, мы были популярны. Студенты считались чуть ли не героями дня и, вкусивъ отъ плода политики, значительно испортились. Съ тѣхъ поръ и начались хожденія въ народъ, участіе незрѣлыхъ еще юношей въ анархическихъ затѣяхъ. Министерство графа Путятина просуществовало только до новаго 1862 г. Арестованные студенты были выпущены, кромѣ немногихъ, подвергшихся административной высылкѣ. Освобожденныхъ взялъ подъ свое особое покровительство новый генералъ-губернаторъ, князь Суворовъ. Въ городской думѣ устроены были публичныя лекціи, читаемыя профессорами; нѣкоторые студенты были распорядителями. Министромъ народнаго просвѣщенія сдѣланъ А. В. Головнинъ, а товарищемъ его—бывшій попечитель И. Д. Деляновъ. Головнину поручено выработать новый университетскій уставъ, изданіемъ котораго обусловлено открытіе вновь с.-петербургскаго университета. Новый министръ былъ человѣкъ либеральный, сочувствующій нашимъ идеямъ. Значительное число бывшихъ профессоровъ, въ томъ числѣ и меня, онъ привлекъ къ работамъ по составленію новаго устава 1864 г. Уставъ этотъ былъ основанъ на нашихъ идеяхъ; но А. В. Головнинъ не скрывалъ отъ насъ, что въ высшихъ сферахъ мы считаемся подстрекателями и руководителями студенческаго движенія. Когда высказано было предположеніе о назначеніи нѣкоторыхъ изъ насъ въ готовящійся тогда къ открытію новороссійскій университетъ въ Одессѣ, онъ далъ намъ понять, что онъ этого сдѣлать не можетъ. Онъ предложилъ М. М. Стасюлевичу должность члена въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія, а К. Д. Кавелину—поѣздку за границу для изученія иностранныхъ университетовъ и собранія матеріаловъ для новаго русскаго университетскаго устава. Это предложеніе принято было Кавелинымъ тотчасъ же и безъ колебаній. Въ данную минуту оно его устраивало, какъ человѣка уставшаго, нравственно измученнаго и больного. Отъ удара, причиненнаго ему смертью сына, онъ никогда уже не оправился. Борьба за университетъ тѣмъ болѣе его утомила, что онъ ничего отраднаго не видѣлъ впереди, и что онъ совсѣмъ не сочувствовалъ большинству тогдашнихъ передовыхъ людей, по части появлявшихся тогда малыми ростками конституціонныхъ идей, которыя онъ считалъ обманчивыми и фальшивыми, что и причинило вскорѣ потомъ, въ 1862 году, разрывъ его съ А. И. Герценомъ. Въ изданныхъ въ 1892 г. Драгомановымъ письмахъ Кавелина къ Герцену есть поразительно откровенное объясненіе самого Кавелина по части поѣздки его, по порученію Головнина, за границу. «Я и до сихъ поръ путемъ не знаю, что значитъ моя посылка за границу. Головнинъ говоритъ, что, видя мое неловкое положеніе между правительствомъ, которое смотритъ на меня подозрительно, и между студентами, которые считаютъ меня консерваторомъ, онъ, Головнинъ, желаетъ сберечь меня для будущаго; а другіе люди, понимающіе дѣло, говорятъ, что Головнинъ меня благовидно спустилъ и отъ меня отдѣлался. Что до меня лично касается,

то я совершенно равнодушенъ къ обѣимъ версіямъ. Принять какой-нибудь дѣятельный постъ, теперь ли, послѣ ли, я не могу и не хочу. Въ университетѣ я невозможенъ, потому что былъ бы поставленъ между двумя огнями: студентами и шатающимся направо и налѣво начальствомъ, которое какою-нибудь глупостью вмигъ разрушитъ, что ты строилъ долго и съ трудомъ» (стр. 81). Свою служебную карьеру считалъ Кавелинъ конченною. Если ему представлялась возможность служить, то по какой-нибудь опредѣленной спеціальности и по вольному найму. Такъ и пришлось ему работать въ послѣднія его двадцать лѣтъ по министерству финансовъ, по предложенію К. К. Грота. Истиннымъ для него счастіемъ и занятіемъ по душѣ было преподаваніе гражданскаго права офицерамъ, воспитанникамъ военно-юридической академіи въ С.-Петербургѣ, съ осени 1878 г. по его смерть, въ 1885 г.

Получивъ порученіе отъ Головнина, Кавелинъ собрался очень быстро въ путь и устроился работать въ Парижѣ въ началѣ апрѣля 1862 г., то-есть, въ то самое время, когда въ Петербургѣ осуществлялась грандіозная по замыслу попытка разрѣшенія польскаго вопроса посредствомъ назначенія намѣстникомъ вел. кн. Константина Николаевича и начальникомъ гражданскаго управленія маркиза Вѣлёпольскаго. Хотя Кавелинъ не былъ, что называется, въ милости при дворѣ, но имѣлъ здѣсь свои связи при посредствѣ вел. кн. Елены Павловны, баронессы Раденъ и графини Антонины Блудовой. Кавелинъ былъ несомнѣнно однимъ изъ тѣхъ, которые содѣйствовали симпатическому пріему, какой былъ оказанъ со стороны русскаго общества Вѣлёпольскому. Съ момента отъѣзда Кавелина, въ мартѣ 1862 г., изъ С.-Петербурга, до возвращенія его въ Петербургъ, я не видался съ нимъ, но былъ съ нимъ въ очень дѣятельной перепискѣ. Постараюсь изложить, что я знаю о настроеніи Кавелина въ этотъ періодъ времени до полной неудачи плановъ маркиза и до самаго мятежа 1863 г., когда яркимъ пламенемъ вспыхнули враждебныя патріотическія чувства обѣихъ національностей, возбужденія которыхъ мы оба въ прежнее время всего больше опасались.

VI.

Первое посѣщеніе Кавелинымъ западной Европы относится къ 1857 г., когда онъ ѣздилъ на короткое время въ Остенде представляться императрицѣ, какъ будущій наставникъ наслѣдника престола. Во второй разъ онъ отправился за границу уже послѣ увольненія отъ этого преподаванія, въ концѣ мая 1859 г. Ѣхали мы вмѣстѣ съ К. Д. Кавелинымъ на пароходѣ изъ Петербурга въ Ростокъ. На томъ же пароходѣ ѣхалъ больной глазами и направляющійся въ глазную клинику Грефе М. Н. Катковъ. Кавелинъ не скрывалъ отъ меня своего намѣренія побывать у друга юности своей, Герцена, въ Лондонѣ. Онъ, затѣмъ, по моемъ возвращеніи въ Петербургъ, передавалъ мнѣ свои радостныя впечатлѣнія отъ личнаго свиданія съ человѣкомъ, котораго онъ наиболѣе въ жизни любилъ, и съ которымъ не видался уже 12 лѣтъ. Въ 1862 г. Кавелинъ ѣхалъ на чужбину уже на продолжительное, неопредѣленное время, уже побывавши въ боевомъ огнѣ жизни, уставшій и во многое извѣрившійся, но съ твердо установившимися убѣжденіями и взглядами на жизнь, о которыхъ онъ зналъ, что они не популярны, и что ихъ раздѣляютъ немногіе изъ интеллигентнѣйшихъ земляковъ его и современниковъ. Не дѣлая никакихъ уступокъ революціонерамъ, онъ былъ рѣшителенъ и твердъ по одному главному вопросу, а именно по крестьянскому, который онъ считалъ рѣшеннымъ, какъ слѣдуетъ, по единственно правильному пріему и пути—сверху внизъ. Много разъ повторялъ онъ, примѣнительно къ себѣ, Симеоновы слова: «нынѣ отпущаеши», съ прибавкою, что онъ считаетъ, что главная задача современнаго ему русскаго поколѣнія разрѣшена! Онъ стоялъ за общинное великороссійское крестьянское землевладѣніе, какъ за залогъ успѣшнаго дѣйствія крестьянской реформы въ будущемъ. Изъ крестьянской вытекали для него и всѣ другія реформы,

образующія совокупно одну и ту же нить развертывающагося клубка. Во всѣхъ реформахъ былъ онъ послѣдовательнымъ радикаломъ, чуждающимся всякихъ заплатъ и частичныхъ компромиссовъ. Несмотря на свое глубокое отвращеніе къ бюрократіи вообще, въ государственномъ отношеніи былъ онъ самый послѣдовательный сторонникъ самодержавія, и тысячу разъ я слышалъ изъ устъ его тѣ самыя выраженія, которыя онъ употребилъ въ письмахъ къ Герцену: «игра въ конституцію пугаетъ меня, такъ что я ни объ чемъ другомъ думать не могу» (стр. 47). «Теперь въ эту минуту конституція невозможна общая для всѣхъ классовъ народа, а одна дворянская—немыслима»(59). «Я скоро буду всѣми силами стоять за существующій порядокъ, то-есть за всѣ реформы, но—противъ конституціи» (стр. 47). «Общественная форма, какова бы она ни была, не можетъ быть предметомъ культа, богомъ, которому приносятся человѣческія жертвы. Это тотъ же сапогъ и та же одёжа, которыя по одной мѣркѣ для всѣхъ людей не пригодятся» (стр. 56). «Произвесть переворотъ не такъ невозможно, какъ кажется. Я считаю не такимъ труднымъ подточить теперешнія основы общества къ Россіи, выжившія, выдохшіяся, и дать ей съ нихъ рухнуть цѣлою тяжестью. Только что будетъ за тѣмъ? То, что есть, не создастъ новаго по той простой причинѣ, что будь оно новымъ, старое не могло бы просуществовать двухъ дней. Итакъ, выплыветъ меньшинство—я еще не знаю какое, а потомъ все скристаллизуется по старому, на первый разъ по большинству наличныхъ элементовъ и понятій, и вдобавокъ со всею ненавистью къ новому» (стр. 56). «Я счелъ бы себя безчестнымъ человѣкомъ, еслибы совѣтовалъ барину, попу, мужику, офицеру, студенту —ускорять процессъ разложенія обветшалыхъ историческихъ общественныхъ формъ. Я вожусь всю жизнь въ пакости нашей общественной, вижу и знаю многое, и, вѣря, что изъ теперешней дичи выйдетъ дѣйствительно что-то новое и великое, убѣжденъ, что оно еще далеко впереди, а на первомъ планѣ стоитъ—пройти кризисъ какъ можно спокойнѣе, бережливѣе, съ возможно меньшимъ пожертвованіемъ силъ, чтобы сохранить ихъ ва будущее» (60).

Можно прослѣдить источники анти-оппозиціоннаго направленія Кавелина въ 1862 г. Оно проистекало, во-первыхъ, изъ его взгляда на общество, по методу естественныхъ наукъ, какъ на нѣчто, не имѣющее ни цѣли, ни задачи, какъ на необходимый продуктъ нѣкоторыхъ сочетаній, вслѣдствіе чего нельзя вести насильственно племена и народы по той или другой дорогѣ. «Общество есть организмъ, а противъ организма ничего не подѣлаешь силой. Больного лѣчатъ, а не бьютъ, чтобы онъ выздоровѣлъ» (стр. 77, 78). Но, во вторыхъ, на этотъ же выводъ указывало Кавелину и его знаніе русской исторіи, знакомство съ формулою русскаго развитія, которая, по его мнѣнію, основана не на постепенномъ оппозиціонномъ ограничиваніи монархизма, какъ было на западѣ Европы и въ Польшѣ, а совсѣмъ наоборотъ. «Не такъ мы сложились, росли, не такова вся наша исторія, чтобы мы могли имѣть какое-нибудь поползновеніе смотрѣть на дѣло иначе. Мы прошли еще въ младенчествѣ страшный переворотъ, котораго смыслъ до сихъ поръ не совсѣмъ ясенъ—это *Петровскій*. Но едва мы стали открывать глаза, когда созданное имъ насиліе—эшафодажъ его хитросплетеній разваливается самъ собою, вымираетъ безъ всякой революціи. Чѣмъ спокойнѣе у насъ пойдутъ дѣла, тѣмъ скорѣе онъ вывѣтрится. Я не скажу того же о полякахъ. Порядокъ дѣлъ, существующій въ Польшѣ, не ими созданъ, и я совершенно понимаю возмущающагося поляка; но ближайшій ли путь для свободы Польши —сбросить силою русское иго? Это—другой вопросъ. Я глубоко убѣжденъ, что... имъ невыгодно теперь стряхнуть наше иго. Еслибы русскому правительству пришла благая мысль отказаться и самому отъ Польши, отъ всякаго клочка земли, которую поляки и теперь считаютъ своею собственностью, то представилось бы удивительное зрѣлище: поляковъ опять потянуло бы сильно къ намъ потому только, что за польскимъ вопросомъ стоитъ несравненно болѣе важный вопросъ

—славянскій, въ которомъ безъ Россіи двинуться нельзя. Взаимнымъ треніемъ другъ объ друга мы лѣчимся отъ дикости и безсмыслія, отъ неславянскихъ соковъ и золотухи, которой нахлебались черезъ край. Сближеніе между поляками и русскими, несмотря ни на что, идетъ своимъ чередомъ, медленно, но не останавливаясь, и конечно сближеніе въ ненависти къ правительству не есть ни самая прочная, ни самая глубокая сторона этого многозначительнаго явленія. Она исчезнетъ съ перемѣнившимися обстоятельствами и оставитъ одни разочарованія. Прочно будетъ сближеніе, происходящее отъ взаимнаго перерожденія, отъ сознанія единства передъ глубокимъ кореннымъ различіемъ съ европейскимъ синтезомъ» (стр. 79).

VII.

Кавелинъ слѣдилъ съ живымъ интересомъ, въ богатомъ крупными событіями 1862 г., какъ послѣ пожара Апраксина двора въ Духовъ день сильнѣе выразилась реакція въ Россіи противъ движенія впередъ вообще; какъ начались въ Петербургѣ многочисленные аресты, и въ числѣ заарестованныхъ оказались многіе его знакомые, напримѣръ Чернышевскій; и какъ, съ другой стороны, потерпѣла полную неудачу въ Варшавѣ попытка Вѣлепольскаго разрѣшить миролюбиво польскій вопросъ. Въ теченіе всего этого 1862 г. до осени Кавелинъ старался знакомиться за границею съ разными выдающимися дѣятелями польской національности въ Парижѣ, чему доказательствомъ можетъ служить его весьма подробное письмо ко мнѣ, которое я приведу цѣликомъ безъ всякихъ сокращеній:

„Парижъ,—27-го апрѣля (9 мая), пятница, 1862 г.

„Вы не повѣрите, дорогой Владиміръ Даниловичъ, до какой степени вы меня обязываете вашими интереснѣйшими письмами; я ими упиваюсь и напояю здѣшнихъ пріятелей. Я съ вами тысячу разъ согласенъ во всѣхъ вашихъ воззрѣніяхъ на положеніе. То, что̀ вы пишете о паденіи крайнихъ мнѣній, меня крайне радуетъ. Если вы и мы (разумѣется не лично) имѣемъ какую-нибудь будущность, то, конечно подъ условіемъ, что здравый практическій смыслъ возьметъ, наконецъ, верхъ надъ крайностями, прекрасными и преполезными, какъ мысль,—но никуда негодными какъ дѣло. Не согласенъ я съ вами только въ двухъ пунктахъ: во-первыхъ, относительно отношеній нашихъ мнѣній къ Польшѣ, и, во-вторыхъ, относительно нашей ближайшей дѣятельности въ университетѣ. Насчетъ нашихъ партій, вы, мнѣ кажется, въ большомъ заблужденіи, что крайнія мнѣнія наши суть ваши вѣрнѣйшіе союзники. Это оптическій обманъ, въ которомъ вы скоро сами разочаруетесь. Крайнимъ мнѣніямъ годенъ всякій горючій матеріалъ, и вотъ на чемъ основана мнимая связь. Они—эти крайнія мнѣнія—очень добросовѣстны, я въ этомъ нимало не сомнѣваюсь, но они сами не отдаютъ себѣ, можетъ быть, отчета въ томъ, что̀ ихъ притягиваетъ къ полякамъ, безъ всякой задней мысли эксплоатировать поляковъ. Повѣрьте, самый вѣрный вашъ союзникъ—это здравый смыслъ моихъ земляковъ, который скоро додумается до правды въ польскомъ вопросѣ, а додумавшись, выскажетъ ее въ одинъ голосъ. Аксаковъ и его „День“ затрогиваютъ много живыхъ вопросовъ, высказываютъ много очень хорошихъ мыслей; но вы очень ошибаетесь, думая, что его голосъ—голосъ всей Россіи о польскомъ вопросѣ. Какъ вы можете себѣ представить, я думалъ здѣсь объ этомъ вопросѣ очень, очень много, достаточно говорилъ о немъ и пришелъ къ глубокому убѣжденію (а вы знаете, что мой носъ иногда чуетъ вѣрно), что время его мирнаго и справедливаго рѣшенія близится большими шагами.

„3-го (15) мая.—За разными хлопотами я не могъ кончить начатаго письма. Теперь его продолжаю. Примите ласково Николая Владиміровича Ханыкова, который вамъ его доставитъ. Онъ—очень, очень хорошій человѣкъ.

„И такъ, я вамъ сказалъ, что рѣшеніе польскаго вопроса, мирное и справедливое, близится большими шагами. Мнѣ это сдается, несмотря на многіе факты, которые вы можете привести противъ этого вѣрованія.

„Съ здѣшними поляками отношенія мои какъ-то расклеились. Не то чтобы мы повздорили, или сильно поспорили, а послѣ второго раза я замѣтилъ, что первое хорошее впечатлѣніе, которое я на нихъ произвелъ, какъ будто охладѣло. Долженъ вамъ сознаться, что въ моей душѣ не шевелится противъ нихъ за это ни тѣни непріятнаго чувства.

Съ перваго же раза мы столкнулись на вопросѣ западныхъ губерній и отскочили другъ отъ друга. Вы знаете, что я не фанатикъ нашего владычества въ Литвѣ; но, говоря съ поляками въ Парижѣ, я не считалъ себя вправѣ разыграть роль Хлестакова, наврать имъ чортову пропасть, увѣрять ихъ, что всѣ русскіе очень расположены считать этотъ край польскимъ, и потому осторожно искалъ той точки, около которой могли бы мы согласиться. Теперь представьте себѣ людей, которые всю свою жизнь бѣдствовали за свою родину, у которыхъ одно счастіе, одинъ идеалъ, одна мечта и осталась — это родина. Мысль о насиліи и несправедливости, которыя четвертовали и исковеркали Польшу, окаменѣла въ нихъ. Теперешняго движенія идей у насъ, а можетъ быть и у васъ, они не знаютъ, или знаютъ въ томъ стертомъ обликѣ, въ которомъ доходитъ въ Европу все, что дѣлается въ славянскомъ мірѣ. Понятно, что ихъ національная щекотливость была затронута; они твердо стояли предо мною на историческомъ правѣ, и дальнѣйшій разговоръ самъ собою сталъ невозможенъ, не клеился; каждый затаилъ въ своей душѣ свою мысль. Они увидали во мнѣ русскаго и застегнулись на всѣ пуговицы. Самымъ прекраснымъ лицомъ изъ всѣхъ этихъ господъ показался мнѣ Галензовскій. Онъ мнѣ живо напомнилъ Огризко, и я почувствовалъ къ нему большое влеченіе. Клячко очень уменъ, но имѣетъ французскій шикъ. Хоецкій показался мнѣ человѣкомъ очень практическимъ, менѣе другихъ болящимъ болѣзнью родины. Молодой Мицкевичъ—чистый французъ, въ которомъ мало что сохранилось польскаго. Видѣлъ Милёвича и провелъ съ нимъ нѣсколько часовъ. Онъ обѣщалъ зайти, но исчезъ. Племянникъ Галензовскаго, медикъ изъ петербургской академіи, бывалъ часто, но потомъ пересталъ ходить. Словомъ, отъ меня отшатнулись всѣ, кромѣ Окольскаго [1]), Юзефовича и еще одного (забылъ его фамилію, онъ химикъ), которые меня навѣщаютъ. Окольскій меня удивилъ своимъ примирительнымъ образомъ мыслей, котораго я не видалъ въ немъ въ Петербургѣ. Видѣлся и съ Вызинскимъ. Надобно вамъ сказать, что оба, и Окольскій, и Вызинскій, вращаются больше въ аристократической партіи. По отзывамъ обоихъ, въ этой фракціи болѣе обнаруживается теперь наклонности сближенія съ Россіей и русскими. Въ первый разъ, что я встрѣтился съ Вызинскимъ, у Тургенева, онъ толковалъ мнѣ о нѣкоторыхъ комбинаціяхъ, по которымъ нѣкоторыя части западныхъ губерній должны быть польскими, другія—русскими. При второмъ свиданіи, у меня, онъ спохватился и взялъ назадъ, что говорилъ, сталъ на историческую почву и ставилъ вопросъ такъ: мы, поляки, никакой другой точки отправленія принять не можемъ, кромѣ границы Польши и Литвы до перваго раздѣла. Затѣмъ, принявъ это за основаніе, мы не будемъ насильно держать за собою тѣ области, которыя предпочтутъ быть съ вами, русскими. Въ то же время этимъ опровергаются совершенно нелѣпыя розсказни, будто мы хотимъ Кіева и Смоленска. То, что мы уступили вамъ, какъ свободное государство, то мы признаемъ и теперь, какъ признали тогда. Эта точка зрѣнія, очевидно, гораздо правильнѣе, чѣмъ та, которую онъ высказывалъ въ первый разъ. Юридически поляки не могутъ выйти изъ предѣловъ Польши до раздѣла, и подаваться на что-нибудь другое—значитъ абдикировать. Эти разсчеты границъ, политическія комбинаціи, когда Польша существуетъ какъ народъ, а не какъ политическое тѣло, показываютъ вамъ, что движеніе вопроса совершается по гнилой дорогѣ. Не о границахъ идетъ и должна идти рѣчь, — эти счеты такъ или иначе сведутся непремѣнно. Господствующій вопросъ есть тотъ, чтобы поляки и русскіе поняли и признали себя взаимно какъ равноправные и братья, которыхъ исторія и ошибки отцовъ поссорили, но та же исторія и политическая мудрость потомковъ должны свести въ согласіе и гармонію. Теперь рано толковать о томъ, какъ размѐжеваться. Рѣчь должна идти пока о томъ, какъ прійти пока къ тому, чтобы можно было честно, безъ взаимнаго раздраженія, высказать другъ другу взаимные гріефы и, облегчивъ душу отъ зла, вражды и недовѣрія, начать жить въ одной мысли, въ одномъ стремленіи. Остальное все уладится гораздо проще, чѣмъ мы думаемъ.

„Мнѣ кажется,—и это мнѣніе раздѣляютъ лучшіе изъ здѣшнихъ вашихъ земляковъ,—что на самомъ первомъ планѣ стоитъ теперь для васъ—основать за границей новый òрганъ, въ которомъ услышали бы новый голосъ, голосъ современной просвѣщенной польской партіи. Теперь многіе думаютъ о такомъ òрганѣ. Мысль, затѣянная Огризко и безумно задушенная въ самомъ началѣ Горчаковымъ и К°, ищетъ исхода и выраженія. Это было бы крайне необходимо. Разговаривая очень часто о польскомъ вопросѣ со своими земляками, я всюду встрѣчаю удивительное незнаніе движеній и идей въ польскомъ обществѣ. Судятъ по старымъ понятіямъ, составленнымъ, Богъ знаетъ, когда; новаго не знаютъ, да ска-

---

[1]) Впослѣдствіи профессоръ варшавскаго университета, скончавшійся въ 1897 году.

зать по правдѣ, и узнать-то неоткуда. Журналы наполняются старою, заплесневѣлою гнилью, рутинными нападками на Россію. Духинскій читаетъ лекціи, въ которыхъ доказываетъ, что мы даже не чухонцы, а китайцы! Русскіе мы потому, что Екатерина велѣла намъ такъ называться. Эти и подобныя имъ нелѣпости поддерживаютъ у насъ мракъ въ умахъ. Органъ, который бы прямо и смѣло поставилъ вопросы, которые теперь лежатъ на днѣ каждой мыслящей польской души, но которые не выражаются по какимъ-то страннымъ опасеніямъ и отсталымъ комбинаціямъ, не имѣющимъ больше никакой цѣны, былъ бы для большинства русскихъ великимъ откровеніемъ, раскрылъ бы имъ глаза и подвинулъ бы страшно впередъ польскій вопросъ въ Россіи. Еслибы только напечатать то, что̀ говаривалось между нами съ вами,—дѣйствіе было бы громадное. Дѣло взаимнаго пониманія останавливается теперь не за непобѣдимыми ненавистями, а за незнаніемъ и ребяческими предразсудками. Повторяю, дѣйствіе о̀ргана, о какомъ я мечтаю, было бы громадное. Неужели его не будетъ? Это было бы очень горестно. И для васъ, и для насъ это было бы несчастіемъ. Явись такой о̀рганъ, онъ бы живо сталъ нашимъ общимъ международнымъ о̀рганомъ.

„...Теперь о другомъ предметѣ. Вы вѣрите, милый другъ, что намъ придется и слѣдуетъ дѣйствовать на нашемъ, какъ вы его называете, маленькомъ театрикѣ, т.-е. въ университетѣ; а я эту вѣру потерялъ. Противъ событій, въ родѣ Костомаровской исторіи, какая человѣческая мудрость не спасуетъ? Его я не защищаю; онъ получилъ, что̀ заслужилъ за свой странный образъ дѣйствій; но можете ли вы поручиться, что завтра съ вами не будетъ того же? Юноши расходились, какъ козочки, которыхъ выпустили погулять. Положимъ, обида отъ нихъ не Богъ знаетъ какъ оскорбительна; однако я ни одному порядочному человѣку не желаю ей подвергнуться, потому что ею не замедлятъ воспользоваться тѣ, кому она на̀-руку, и васъ такимъ образомъ выдаютъ врагамъ ни за мѣдный алтынъ. Я согласенъ, впрочемъ, подвергнуться всему, —и клеветѣ, и обидѣ,—но только когда увѣренъ, что самое дѣло, университетъ и юноши, отъ того выиграютъ. Скажите теперь, увѣрены вы въ томъ, что если вы, я, всѣ мы вступимъ въ университетъ снова,—дѣло выиграетъ? Я, признаюсь вамъ, въ этомъ нисколько не увѣренъ. При такихъ гнилыхъ товарищахъ, какъ наши, которые прежде всего ищутъ популярности и не имѣютъ капли такту и политическаго смысла, что̀ вы сдѣлаете? Чтобы имѣть право быть строгимъ, нужно дать университетской молодежи большія права, широкія корпоративныя свободы. Что̀ уполномочиваетъ васъ думать, что ихъ дадутъ, что правительство будетъ смотрѣть на это дѣло такъ же, какъ вы, что во всякой мелочи оно будетъ такъ же благоразумно, какъ вы бы желали? А если оно хоть разъ сфальшитъ, ваша строгость обратится въ палачество, и вы пропали разъ навсегда, смѣшались съ грязью. Нѣтъ, Владиміръ Даниловичъ, время вовсе не такое, чтобы можно было ставить такъ храбро va banque. Ни вамъ я этого не совѣтую, ни самъ не желаю. Васъ, говорятъ, студенты ненавидятъ. Положимъ, одинъ комитетъ ненавидитъ; да этого одного достаточно, чтобы провалиться съ позоромъ, если одинъ изъ комитетскихъ вздумаетъ выразить ненависть оскорбленіемъ. Раскинувши дѣло умомъ и разумомъ, я рѣшился возвратиться въ университетъ только въ самомъ крайнемъ случаѣ. Во-первыхъ, прошу продолженія срока порученія до ноября или декабря; потомъ хлопочу, если только возможно, остаться за границей неопредѣленное время. Если мнѣ это не удастся, останусь за границей на свой рискъ и страхъ, то-есть на свои гроши, но не поспѣшу въ отечество. Разнюхивать гниль, которую чую отсюда—на это я слишкомъ старъ и разбитъ физически. Мнѣ нуженъ покой и возможность заниматься безъ помѣхи. Задумано множество разныхъ разностей, которыхъ хватитъ на два года труда и которыя дадутъ средства существовать. Словомъ, я рѣшился не возвращаться въ университетъ, по крайней мѣрѣ теперь, на первое время, пока положеніе не выяснится хоть сколько-нибудь.

„О своихъ настоящихъ работахъ не пишу вамъ, потому что вы можете прочесть о нихъ въ копіи моего донесенія министру, которую посылаю вмѣстѣ съ тѣмъ къ Даниловичу. Посылаю также министру первую половину очерка французскаго университета, съ просьбою напечатать въ Ж. М. Нар. Пр.

„Партія, враждебная Головнину, разсказываетъ, что Костомаровская исторія его сильно подкосила, что онъ сдѣлался невозможенъ какъ министръ. Я вѣрю этимъ разсказамъ въ половину; но во всякомъ случаѣ видно, что положеніе его—одно изъ самыхъ трудныхъ“...

Кавелинъ узналъ только въ іюлѣ 1862 г. о томъ, что, по предложенію избраннаго Вѣлепольскимъ въ директоры коммиссіи народнаго просвѣщенія Казиміра Адамовича Кржвицкаго, я согласился поступить въ варшавскую главную школу, которая превратилась потомъ въ варшавскій университетъ, на каѳедру уголовнаго права. Онъ написалъ мнѣ

изъ Парижа, 3 (15) августа, слѣдующія строки:

„Дорогой другъ мой В. Д.,—Пишу вамъ письмо на удачу, только для того, чтобы сказать вамъ, какъ вы мнѣ дороги и какъ тяжело, тяжело мнѣ думать, что судьба развела насъ въ разныя стороны надолго,—какъ знать, можетъ быть навсегда; во всякомъ случаѣ, едва ли намъ придется дѣйствовать снова вмѣстѣ. Вы поступили честно, перейдя въ Варшаву; но намъ отъ этого въ Петербургѣ нисколько не легче. Много мы горевали о васъ съ Утинымъ въ Карльсруэ.

„Не могу вырваться изъ Парижа, хотя работаю, какъ вы, можетъ быть, знаете, очень усердно. Составить очеркъ французскаго университета и здѣшняго учебнаго законодательства почти такъ же трудно, какъ написать главу изъ дѣйствующаго русскаго гражданскаго права. Законы, декреты, аретэ, циркуляры и проч. и проч. безпрестанно выходятъ, измѣняютъ, дополняютъ, вполнѣ или частью, дѣйствующіе уставы; есть законы очень важные, существующіе только на бумагѣ. Все это разобрать и привести въ порядокъ—каторга. Когда доѣду до конца—не знаю. Больно то, что мало, мало русскихъ понимаютъ суть дѣла и судятъ здѣшніе порядки крайне поверхностно,—безбородые и сѣдовласые одинаково [1]).

„Третьяго дня я былъ на актѣ къ батиньольской польской школѣ и съ горестью, чуть-чуть не со слезами, видѣлъ слишкомъ 300 дѣтей и юношей, воспитывающихся вдали отъ родины и въ кругѣ идей не-славянскихъ. Это большею частью потерянныя силы. Боже, когда же это недоразумѣніе, принесшее и приносящее столько горя, столько несчастій, наконецъ кончится? Въ мысляхъ замѣтенъ большой переворотъ и между вашими, и между нашими. Когда онъ дойдетъ до степени глубокаго, спокойнаго убѣжденія, которое будетъ вѣрить въ себя, не прибѣгая къ насилію, не думая водвориться въ жизни и дѣйствительности сюрпризомъ и сразу, — тогда будетъ очень близко желанное будущее. Теперь пока все заволочено облаками, небо пасмурно. Будемъ надѣяться лучшаго и призывать его всѣми силами души, хотя бы ему суждено было осуществиться послѣ насъ, когда насъ уже не будетъ.

„...Я не думаю скоро возвращаться въ Россію на житье. Тяжело тамъ жить теперь, а принять службу у меня и въ мысляхъ нѣтъ. Буду здѣсь работать надъ разными трудами, задуманными давно. Времени и досуга—въ волю, да и, стоя вдали, спокойнѣе. Броженіе, которое у насъ теперь совершается, на первый разъ очень безплодно; живя посреди его, измучаешься безъ всякаго толку...“

VIII.

Въ тотъ моментъ, когда я получилъ приведенное мною письмо, я лично уже не питалъ въ себѣ никакихъ надеждъ и зналъ съ достовѣрностью, что участь польской народности на многіе годы рѣшена, и что мы стремглавъ летимъ вь глубокую пропасть. Мнѣ удалось провести въ Варшавѣ по одному мѣсяцу лѣтомъ 1861 г. и потомъ лѣтомъ 1862 г. Я наблюдалъ революціонное движеніе и въ умахъ знакомыхъ людей, и на улицахъ, и тогда, когда оно зарождалось, и затѣмъ, когда оно назрѣло, развѣтвилось и становилось чѣмъ-то вполнѣ организованнымъ—status in statu. При мнѣ стрѣляли въ генерала Лидерса въ Саксонскомъ саду. Я былъ зрителемъ въѣзда вел. князя Константина Николаевича въ Варшаву. Вечеромъ того же дня сдѣлано было покушеніе на жизнь его Ярошинскимъ въ театрѣ. Оно не вызвало въ польскомъ обществѣ, находившемся уже въ состояніи ненормальномъ, похожемъ на тифозное, никакого взрыва всеобщаго негодованія противъ тайныхъ убійцъ. Мнѣ опротивѣла Варшава, съ тогдашними явленіями буйнаго насилія на улицахъ, напускного паѳоса, полнаго господства фразеровъ и горлановъ, недоучившихся студентовъ и бѣшеныхъ сумасбродовъ. Всего ужаснѣе была полная безхарактерность интеллигентныхъ классовъ, знати и средняго сословія, ведомыхъ революціонерами какъ будтобы на привязи и точно на убой, людей трусливыхъ и пуще всего боящихся быть искренними, высказать свои настоящія мнѣнія и чувства. Я не имѣлъ уже ни малѣйшей охоты выселиться изъ Петербурга. Когда я вернулся изъ лѣтней поѣздки въ августѣ

---

[1]) Въ другомъ письмѣ, отъ 8 (20) апрѣля 1862 г., К. Д. писалъ, что устройство учебной части во Франціи интересно для насъ „именно какъ указаніе, чего намъ не слѣдуетъ дѣлать и что мы, къ несчастью, постоянно дѣлали“: „Централизація, контроль, программы, мундиры, — все это до поразительности сходно. Оказывается что и въ этомъ мы безбожно обезьянничали, и плоды, разумѣется,—тѣ же самые. Меня просто ужасаетъ сходство нашей и французской исторической формулы. Этимъ я объясняю себѣ сочувствіе наше къ Наполеоновскимъ учрежденіямъ и страшное вліяніе на насъ французской цивилизаціи. Не дай, всевышнія силы, чтобы окончательный выводъ былъ тоже французскій“.

1862 г., я былъ вызванъ къ А. В. Головнину, сильно интересовавшемуся положеніемъ великаго князя въ Варшавѣ и поставившему мнѣ вопросъ: какъ идутъ дѣла въ Польшѣ? Я ему отвѣчалъ безъ обиняковъ, что неизбѣжно и роковымъ образомъ вспыхнетъ въ скоромъ времени мятежъ въ Царствѣ Польскомъ.

Моя переписка съ Кавелинымъ въ это тяжелое время прекратилась. Ее неудобно было вести по почтѣ. Мы совсѣмъ не видались въ 1863 и 1864 годахъ. Вслѣдствіе вспыхнувшаго мятежа, я очутился въ положеніи не безопасномъ по отношенію къ властямъ и къ правительству. Кругъ поляковъ, общихъ знакомыхъ моихъ и Кавелина, значительно сократился; многіе изъ нихъ были осуждены, казнены или сосланы въ Сибирь. Въ концѣ 1864 г., я былъ уволенъ отъ службы по учебной части, принужденъ былъ содержать себя литературнымъ трудомъ, сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», издаваемыхъ тогда Валентиномъ Ѳеодоровичемъ Коршемъ. Потомъ, послѣ открытія въ 1866 году новыхъ судебныхъ установленій, я поступилъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ. Перерывъ въ моей перепискѣ и въ общеніи съ Кавелинымъ я считаю въ извѣстной степени счастливою случайностью. Несмотря на нашу дружбу и единомысліе по польскому вопросу, мы не были, однако, способны одинаково чувствовать и одинаково откликаться на обострившуюся до кровопролитія борьбу національностей; не могли мы одинаково относиться къ главнымъ дѣятелямъ того момента, напримѣръ къ Н. А. Милютину, которому приходилось дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ за-одно съ М. Н. Муравьевымъ, ни къ мѣрамъ исключительнымъ по отношенію къ польскому элементу, напримѣръ, къ закону 10 декабря 1865 г., котораго идея принадлежала Милютину.—Я сошелся опять съ Кавелинымъ въ 1865 г., когда ни онъ, ни я не занимали никакого оффиціальнаго положенія, когда мы оба посвящены были всецѣло литературѣ и наукѣ, когда мы нашли подходящій для насъ органъ печати, издаваемый съ 1866 года нашимъ товарищемъ, М. М. Стасюлевичемъ. Въ теченіе цѣлыхъ 20 лѣтъ мы сходились во всѣ времена года, кромѣ лѣтняго, на еженедѣльныхъ редакторскихъ обѣдахъ «Вѣстника Европы», въ которыхъ участвовали А. Н. Пыпинъ, И. С. Тургеневъ—во время своихъ пріѣздовъ въ С.-Петербургъ, Гончаровъ — начиная съ 1869 года, В. А. Арцимовичъ, А. Ѳ. Кони, К. К. Арсеньевъ. Въ нашей общей съ Кавелинымъ умственной жизни мы многимъ обязаны общенію, которое происходило въ этомъ маленькомъ дружескомъ кружкѣ. Постараюсь изобразить немногими чертами то представленіе, которое сложилось въ моей памяти и сознаніи о Кавелинѣ за послѣдній, довольно продолжительный, періодъ его жизни.

Кавелинъ въ теченіе этого періода былъ не по лѣтамъ физически состарившійся человѣкъ, потолстѣвшій, грузный, съ рано посѣдѣвшею бородою и большою лысиною на лбу. Его внѣшній видъ передаетъ всего лучше превосходный рисунокъ чернымъ карандашомъ Ярошенки. Онъ нисколько не измѣнился въ своей общительности и отзывчивости на всѣ вопросы дня; онъ много читалъ и работалъ, но надъ предметами болѣе далекими отъ практической жизни, надъ задачами философіи. Его курсъ русскаго гражданскаго права требуетъ еще оцѣнщика,—настолько онъ отступаетъ отъ традиціи, отъ системъ, по которымъ этотъ предметъ излагается въ преподаваніи и въ учебникахъ. Школы Кавелинъ не образовалъ, какъ цивилистъ, и не имѣетъ, на сколько мнѣ извѣстно, послѣдователей. Эстетика не была спеціальностью Константина Дмитріевича. Во всякомъ поэтическомъ произведеніи онъ доискивался идеи, направленія. Онъ не могъ понять прелести «Стихотвореній въ прозѣ» Тургенева и относился къ нимъ отрицательно. — Малый знатокъ въ пластическихъ искусствахъ, онъ страстно любилъ музыку и восхищался безпредѣльно Бетховеномъ. Изъ великихъ философовъ прошлаго онъ отлично зналъ Канта, Спинозу, Локка.— Сначала чистый гегеліанецъ, Кавелинъ пришелъ потомъ къ заключенію, что «философія въ формулѣ Гегеля есть все еще кабалистика и религія». Онъ предлагалъ перевернуть формулу Гегеля: die Natur ist das Anderssein des Geistes, и выворотить ее такимъ образомъ: der Geist ist das Anderssein der Natur. Онъ утверждалъ, что между міромъ нравственнымъ и физическимъ есть глубочайшая связь, единство началъ, и что они находятся въ безпрерывномъ взаимодѣйствіи, что̀ уже завоевано наукою. Но изъ-за ихъ единства, взаимодѣйствія и связи

не надо, однако, ихъ смѣшивать. Гдѣ всякое различіе уже теряется, тамъ перестаетъ и наука, перестаетъ и жизнь (стр. 15, письмо 1859 г.).—Въ 1862 г. Кавелинъ писалъ, что у него есть мысль провѣрить по методу естественныхъ наукъ операціи мышленія и воли. «Работы Локка и Канта, — писалъ онъ,—устарѣли, а послѣ нихъ только строили по результатамъ, которые они дали. Надо провѣрить эти результаты. Мнѣ кажется, тутъ ключъ къ выходу изъ дуалистическихъ воззрѣній и въ новый міръ. Лѣтъ шесть какъ эта мысль меня занимаетъ, но успѣю ли ее изложить, какъ бы хотѣлось, не знаю. Все некогда».—Было не некогда, а уже слишкомъ поздно. Замыселъ былъ великъ: благодаря ему, научное знаніе достигло въ XIX столѣтіи блистательнѣйшихъ результатовъ, но съ сороковыхъ до шестидесятыхъ годовъ Кавелинъ былъ постоянно увлекаемъ въ другія стороны, къ другимъ занятіямъ. За философіею онъ не имѣлъ времени слѣдить, насколько то было необходимо; метода естественныхъ наукъ онъ не успѣлъ себѣ усвоить; съ позитивизмомъ Огюста Конта онъ слишкомъ мало былъ знакомъ; эволюціонизма по Герберту Спенсеру тоже не изучалъ. Онъ не работалъ въ физіологическихъ лабораторіяхъ и не наблюдалъ даже издали за тѣмъ, что дѣлаютъ физіологи, работающіе надъ мельчайшими объективными данными сознанія, надъ эмоціями, мышленіемъ, волевіемъ, не въ самихъ себѣ только, а и въ другихъ субъектахъ, въ массѣ людей. Берясь за рѣшеніе логическихъ и этическихъ задачъ, онъ дѣйствовалъ вооруженный только однимъ старымъ, вѣрнымъ, но недостаточнымъ орудіемъ внутренняго самонаблюденія. За отправную точку онъ бралъ готовое самосознаніе, свое «я», какъ недѣлимое, между тѣмъ какъ это «я» есть нѣчто крайне сложное и имѣющее глубокіе корни въ темныхъ глубинахъ безсознательнаго состоянія. Таковы были, на мой взглядъ,—хотя я по моей профессіи не совсѣмъ компетентный судья въ философіи,—слабыя стороны двухъ послѣднихъ произведеній Кавелина: «Задачи психологіи», 1872 г., по поводу которыхъ онъ состязался съ М. Сѣченовымъ, и »Задачи этики», которыя онъ кончилъ за годъ до смерти своей, 2 августа 1884 г. Этотъ послѣдній трудъ не былъ еще конченъ, когда мнѣ пришлось, какъ адвокату, защищать въ петербургскомъ окружномъ судѣ дѣло Островлевой и Худина (VII т. моихъ сочиненій, стр. 1—58) передъ присяжными засѣдателями, въ числѣ которыхъ оказался Кавелинъ, избранный по этому дѣлу старшиною комплектомъ присяжныхъ засѣдателей. Съ фактической стороны своей это дѣло было крайне простое, почти безспорное — разбой. Женщина 25 лѣтъ, Островлева, отправилась со служащимъ у нея крестьяниномъ Худинымъ за городъ на Лахту. Они наняли извозчика, чухонца 19 лѣтъ, Савина, потомъ на пути напали на него и ранили. Савинъ притворился умершимъ, съ него снятъ армякъ, въ который нарядился Худинъ. Похитители отправились въ городъ на пролеткѣ Савина, продали пролетку и лошадь барышникамъ. На слѣдующій день похищенное было найдено и по принадлежности возвращено. Въ психологическомъ отношеніи задача суда была весьма трудная, потому что при производствѣ блистательной по составу экспертовъ психіатрической экспертизы (Мержеевскій, Чечотъ, Чижъ, Кандинскій) оказалось, что Островлева — существо въ высшей степени ненормальное въ психическомъ отношеніи. Я защищалъ Островлеву въ первый разъ одинъ. Судъ оправдалъ и ее, и Худина. Уголовный кассаціонный департаментъ сената отмѣнилъ это рѣшеніе. Когда дѣло шло во второй разъ въ окружномъ судѣ, я пригласилъ въ помощь себѣ при защитѣ Островлевой моего товарища по профессіи, Евгенія Исаковича Утина, который былъ еще весьма молоденькимъ студентомъ въ 1861 году, во время университетской катастрофы, а потомъ сдѣлался однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ «Вѣстника Европы». Я помню, что когда передъ выборомъ по жребію присяжныхъ намъ, защитникамъ, предстояло воспользоваться правомъ отвода присяжныхъ по очередному списку, Евгеній Утинъ возбуждалъ вопросъ, не отвести ли Кавелина, какъ строгаго моралиста; Утинъ боялся, что Кавелинъ не раздѣлитъ, можетъ быть, мнѣнія экспертовъ-врачей, убѣжденныхъ въ психической уродливости Островлевой, но не отрицающихъ, что эта уродливость — не столько въ разумѣніи, сколько въ чувствованіи и волѣ, и съ трудомъ можетъ быть отнесена къ тѣмъ формамъ психическихъ болѣзней, которыя, бывъ въ прежнее время отмѣчены и, такъ сказать, занумерованы наукою, нашли мѣсто въ перечнѣ этихъ болѣзней, включенномъ въ нашъ сильно уже

отсталый отъ современности кодексъ 1845 года. Я долженъ былъ разбирать по новѣйшимъ сочиненіямъ о болѣзняхъ воли, въ особенности по книгѣ Рибо, волевыя движенія автоматическія, импульсивныя и идеомоторныя, заключать о такъ называемой *абуліи* у Островлевой, о безсиліи воли, болѣзни, которая нашимъ кодексомъ не предусмотрѣна.

Кавелинъ, какъ старшина, вынесъ для Островлевой оправдательный приговоръ, постановленный, какъ я потомъ узналъ, единогласно. Слуга ея Худинъ обвиненъ, но отдѣлался двухлѣтними арестантскими ротами. По порученію присяжныхъ, Кавелинъ, по постановленіи приговора, имѣлъ длинное объясненіе съ предсѣдателемъ суда. Онъ выразилъ мнѣ потомъ полное одобреніе методу, который я избралъ для характеристики болѣзней воли, и моимъ общимъ взглядамъ на этотъ вопросъ. Можетъ быть, слѣдствіемъ моей защиты Островлевой было то, что Кавелинъ двукратно бралъ съ меня обѣщаніе, что я напишу критику на его «Задачи этики». Послѣднее обѣщаніе дано мною было за двѣ недѣли до его кончины. Я былъ въ отъѣздѣ изъ С.-Петербурга во время быстротечной болѣзни, причинившей ему смерть. Данное мною обѣщаніе я исполнилъ въ 1885 г. (IV т. моихъ сочиненій, стр. 157—210) по мѣрѣ моихъ силъ, причемъ я счелъ святымъ долгомъ по отношенію къ памяти умершаго высказать откровенно, почему я не могу раздѣлять многихъ основныхъ его мнѣній; но, оканчивая теперь мои воспоминанія о Кавелинѣ, я считаю моею обязанностью воспроизвести мой окончательный выводъ объ этой книгѣ и ея авторѣ, какъ объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей, которыхъ мнѣ довелось видѣть въ моей жизни, какъ о лицѣ, внушающемъ къ себѣ полнѣйшую привязанность, а мнѣ въ особенности чувство глубокой благодарности, за мое умственное развитіе, за то, что онъ первый заставилъ меня полюбить Россію.— Книга Кавелина, писалъ я (стр. 207), заставила не только юношей, но и стариковъ сильно подумать о томъ, чего коснулась. Она вложила пальцы вниманія въ открытую рану, заставила скорбѣть о томъ, что личность зачахла и одичала, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что при кажущихся успѣхахъ чисто внѣшней культуры испортилась сама среда, и жутко въ ней приходится человѣку. Эта скорбь необычайно глубока и сердечна, вслѣдствіе чего она краснорѣчива и выразительна. Она обаятельно дѣйствуетъ и притомъ она увлекаетъ въ гораздо большей степени людей не-философовъ, нежели записныхъ психологовъ, да и предназначалась она не для немногихъ, а для массы читателей. Я увѣренъ въ томъ, что всѣ наши критики книги, направленныя противъ ея построенія и техники, канутъ въ Лету и забудутся, а читатели «Задачъ этики» все-таки не переведутся, и будутъ они не изъ тѣхъ, которые читаютъ книги ради критики, но изъ тѣхъ, которые дорожатъ всякими изліяніями благородной души, потому что въ нихъ самихъ откликаются и ихъ эмоціонируютъ мощное негодованіе и искренняя печаль.

20 декабря 1897 г.

ПУБЛИЦИСТИКА.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ.—ВОСПОМИНАНІЯ.

ОЧЕРКИ и ЗАМѢТКИ.—РАЗНЫЯ СТАТЬИ.

ЗАПИСКА ОБЪ ОСВОБОЖДЕНІИ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ РОССІИ.

(1855) [1].

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Многіе убѣждены, что Россія по своимъ естественнымъ условіямъ—одна изъ самыхъ богатыхъ странъ въ мірѣ, а между тѣмъ едва-ли можно найти другое государство, гдѣ бы благосостояніе было на такой низкой ступени, гдѣ бы меньше было капиталовъ въ обращеніи и бѣдность была такъ равномѣрно распространена между всѣми классами народа.

Пока внѣшнее спокойствіе и политическое могущество насъ ослѣпляли, мы мало обращали вниманія на это явленіе, но теперь, когда неудачи войны заставляютъ насъ напрягать всѣ наши силы, недостатокъ матеріальныхъ средствъ невольно бросается въ глаза и поставляетъ въ обязанность каждаго русскаго серьезно думать о причинахъ такого состоянія и о средствахъ измѣнить его къ лучшему.

Причинъ нашей бѣдности очень и очень много, какъ-то: ошибочная система управленія; отсутствіе строгаго правосудія и правильнаго кредита; цѣлый кодексъ стѣснительныхъ для промышленности и торговли правилъ, вслѣдствіе которыхъ ни та, ни другая не могутъ свободно развернуться, какъ въ другихъ странахъ; гибельное начало хозяйственныхъ заготовленій и хозяйственнаго управленія вообще, имѣющее въ нашей государственной администраціи, къ несчастію, такое обширное примѣненіе; глубокое невѣжество всѣхъ классовъ народа, не исключая и высшихъ, изъ которыхъ большею частью пополняются ряды чиновниковъ и правительственныхъ лицъ.

Всѣ эти причины дѣйствуютъ болѣе или менѣе гибельно. Но ни одна не проникаетъ такъ глубоко въ народную жизнь, ни одна такъ не поражаетъ промышленной дѣятельности народа въ самомъ ея зародышѣ, ни одна такъ не убиваетъ всякій нравственный и матеріальный успѣхъ въ Россіи, какъ *крѣпостное право*, которымъ опутана цѣлая половина сельскаго народонаселенія имперіи.

I.

Двадцать пять съ половиною милліоновъ жителей мужескаго и женскаго пола въ нашемъ отечествѣ лишены самыхъ первыхъ, самыхъ скромныхъ зачатковъ гражданской свободы,—права по своему усмотрѣнію за-

[1]) Записка эта была доставлена авторомъ въ апрѣлѣ 1885 г., незадолго до кончины, В. И. Семевскому, при письмѣ, которое впослѣдствіи было напечатано въ „Р. Старинѣ" одновременно съ „запиской". Въ этомъ письмѣ сказано, между прочимъ: „Записка эта опредѣлила мою жизнь и судьбу. За напечатаніе урывковъ изъ нея *безъ моего согласія и вѣдома* Чернышевскимъ въ „Современникѣ", надо мной произведено Долгорукимъ слѣдствіе, и я удаленъ отъ покойнаго Наслѣдника. Придворная (партія) на меня разсвирѣпѣла, и меня выдали ей головою. Послѣ со мной не разъ заигрывали, но я не дался въ ловушку и остался въ томъ положеніи, въ какомъ тогда находился, не поступившись ни на іоту. Теперь это все уже прошедшее. Они могли раздавить мою служебную карьеру, но унизить мою личную честь я имъ не далъ. Когда нибудь я подробно разскажу эту исторію, въ назиданіе потомству о дѣятеляхъ тогдашней эпохи".

ниматься тѣмъ или другимъ промысломъ и произвольно отлучаться изъ своего мѣста жительства; вопреки всякому здравому смыслу, они лишены самаго дѣйствительнаго побужденія къ занятію промыслами — права требовать плату или вознагражденіе за свой трудъ, чего онъ дѣйствительно стоитъ.

Не одни помѣщичьи крѣпостные поставлены въ это положеніе. Нѣтъ, нѣсколько сословій или, правильнѣе, званій, по имени свободныхъ, не знаютъ всѣхъ или большей части этихъ правъ и могутъ быть, по всей справедливости, названы крѣпостными государства или правительства. Такъ противоестественно устроенъ нашъ гражданскій бытъ, несмотря на то, что мы учимся вотъ уже слишкомъ полтораста лѣтъ у другихъ народовъ, обогнавшихъ насъ цѣлыми вѣками на пути гражданскаго развитія и преуспѣянія.

Исчислимъ въ должной постепенности сословія или званія, на которыхъ болѣе или менѣе тяготѣетъ государственное крѣпостное право.

Во-первыхъ, сюда принадлежатъ крестьяне, по названію вольные, но приписанные къ разнымъ вѣдомствамъ, къ казеннымъ и поссесіоннымъ фабрикамъ и заводамъ, къ корабельнымъ лѣсамъ, къ благотворительнымъ заведеніямъ, къ почтовому управленію (ямщики), къ конюшнямъ и пр. Такіе крестьяне несутъ въ пользу государства извѣстныя натуральныя повинности и находятся подъ управленіемъ того вѣдомства, къ которому приписаны. Стало быть, родъ ихъ занятій опредѣляется начальствомъ, а не доброю ихъ волею. Притомъ чиновники, пользуясь огромными правами, предоставленными у насъ всякому начальству, не забываютъ себя, управляя подчиненными имъ крестьянами.

За ними слѣдуютъ крестьяне *удѣльные* и *дворцовые*, состоящіе подъ управленіемъ департамента удѣловъ. По названію и они вольные, но стоитъ поближе вглядѣться въ многосложный порядокъ управленія ими, чтобъ удостовѣриться, что они мало чѣмъ отличаются отъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ. Весьма значительная плата установлена для выкупа крестьянъ изъ удѣльнаго вѣдомства; притомъ выкупаться можно только въ купцы, и то не иначе, какъ съ согласія удѣльнаго вѣдомства; земли, пріобрѣтаемыя удѣльными крестьянами въ частную собственность, записываются и числятся вмѣстѣ съ удѣльными землями; мірская запашка составляетъ для этихъ крестьянъ весьма тяжелую и обременительную натуральную повинность, полезную теперь исключительно для однихъ чиновниковъ, потому что запасные магазины по удѣльному вѣдомству уже давнымъ давно наполнены. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ съ излишнимъ, мелочнымъ вмѣшательствомъ удѣльнаго управленія во всѣ малѣйшія подробности крестьянскаго быта, показываютъ, что первые зачатки гражданской свободы также не существуютъ для нихъ, какъ и для многихъ званій въ Россіи.

Многіе думаютъ, что удѣльные крестьяне зажиточнѣе государственныхъ. Это очень можетъ быть и даже весьма естественно. Вспомнимъ, что еще недавно бѣдные и разоренные удѣльные крестьяне были переданы въ вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ, а зажиточные и богатые государственные крестьяне во всей симбирской губ., въ замѣнъ ихъ, обращены въ удѣльное вѣдомство. Водворить такими способами цвѣтущее хозяйство между удѣльными крестьянами—если оно и дѣйствительно таково—весьма не трудно.

Гораздо болѣе названныхъ двухъ видовъ стѣснены и лишены гражданскихъ правъ различнаго наименованія военные поселяне. Нельзя безъ содроганія вспомнить, какъ образовались наши военныя поселенія: простыхъ мужиковъ въ одинъ прекрасный день вдругъ обстригли, обрили, одѣли по военному и во всѣхъ подробностяхъ домашняго и общественнаго быта подчинили военной дисциплинѣ, военному начальству и военному суду! Страшный формализмъ, тупое, мелочное, несносное фельдфебельское педантство и казарменый наружный порядокъ и чистота, въ примѣненіи къ хозяйственнымъ и административнымъ дѣламъ, были бы смѣшны, если бы не были такъ притѣснительны. Военные поселяне—это крѣпостные военнаго вѣдомства. Вдобавокъ, ихъ положеніе; бѣдственное и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніи, никому, кромѣ чиновниковъ и начальниковъ, не приноситъ пользы: войско отъ него не выигрываетъ, а правительство положительно теряетъ, потому что обязано содержать многосложное и многочисленное управленіе, издержки на которое ничѣмъ не окупаются.

Восходя постепенно выше и выше по этой горестной лѣствицѣ, мы встрѣчаемъ, послѣ военныхъ поселянъ, многочисленный классъ

мастеровыхъ людей всякаго рода, приписанныхъ къ казеннымъ заводамъ, фабрикамъ и даже къ небольшимъ заведеніямъ и мастерскимъ, какъ-то: къ типографіямъ, лабораторіямъ, чертежнымъ и пр. Сюда относятся: тульскіе оружейники, мастеровые на горныхъ заводахъ, наборщики и печатники московской университетской типографіи и т. п. Этимъ мастеровымъ или вовсе не назначена задѣльная плата, или назначена самая ничтожная [1]), а выходъ изъ сословія запрещенъ. Званіе рабочаго и мастера наслѣдственно и наслѣдственно обрекаетъ ихъ государственному крѣпостному праву. При этомъ мастеровые на горныхъ заводахъ подчинены управленію, дисциплинѣ и суду военному. Такъ государство присвоиваетъ себѣ, почти безъ вознагражденія, трудъ вольныхъ людей, нарушая тѣмъ самыя основныя понятія о справедливости, самыя безспорныя гражданскія права, и вдобавокъ само терпитъ отъ того большіе убытки.

Далѣе мы должны назвать—какъ ни больно это русскому сердцу—многочисленную категорію тѣхъ, которые поступаютъ въ службу по рекрутскимъ наборамъ. Ежегодно, въ мирное время, государство вырываетъ изъ среды земледѣльческихъ и промышленныхъ классовъ огромныя массы людей, составляющія цвѣтъ народонаселенія, изъ которыхъ самая ничтожная часть возвращается назадъ. Трудно представить себѣ что либо несправедливѣе, тягостнѣе для народа, разорительнѣе для государства и противнѣе здравому смыслу—нашего устава о рекрутской повинности. Срокъ службы полагается 25-тилѣтній. Такая долгая служба перестаетъ уже быть повинностью, а становится просто обращеніемъ въ крѣпостное состояніе государству, тѣмъ болѣе, что дѣти, внуки, правнуки и отдаленнѣйшее потомство сданныхъ въ рекруты тоже обязаны служить государству. Правда, блаженныя памяти государь императоръ Николай Павловичъ облегчилъ судьбу находящихся въ строевой службѣ, установивъ для нихъ безсрочные отпуска послѣ 15, 12 и даже 10-тилѣтней службы; но безсрочно-отпускные стѣснены столькими мелочными, педантическими требованіями, смотрами, явками, для которыхъ, какъ будто нарочно, выбрана самая рабочая пора, что имъ невозможно свободно, безъ помѣхи, заняться какимъ бы то ни было постояннымъ промысломъ до полученія чистой отставки; нестроевые же обязаны отслужить въ дѣйствительной службѣ полный срокъ и безсрочнымъ отпускомъ не пользуются.

Впрочемъ, тягостная обязанность прослужить почти всю жизнь солдатомъ есть еще наименьшее изъ золъ нашей рекрутской повинности. Гибельная сторона ея, противная всякой справедливости, всякому разумному понятію, заключается въ томъ, что рекрутскій наборъ доставляетъ у насъ государству не однихъ строевыхъ солдатъ, обязанныхъ нести военную службу, но также тысячи мастеровыхъ и рабочихъ всякаго рода, даже простыхъ сторожей на крѣпостномъ правѣ, т.-е. съ правомъ заставлять ихъ работать, безъ всякаго или почти безъ всякаго вознагражденія, за черствый кусокъ хлѣба, за самое скудное содержаніе. Ежегодно тысячи людей отрываются отъ промысловъ, отъ занятій, отъ сколько нибудь независимой жизни, чтобы потерять, почти навсегда, всякую тѣнь гражданскихъ правъ и гражданской свободы. Эти тысячи людей распредѣляются въ деньщики, въ мастеровые на заводахъ и фабрикахъ, въ рабочіе баталіоны и роты, въ писаря, въ казенныя типографіи, въ служительскія команды, въ множество рабочихъ должностей, которыя не представляютъ и тѣни военнаго назначенія. Они тоже остаются казенными крѣпостными наслѣдственно.

Судьба солдатскихъ дѣтей, кантонистовъ, самая жалкая и горестная. Трикраты счастливы они, если имъ доведется остаться до 17-ти или 20-ти лѣтъ гдѣ нибудь въ деревнѣ и поступить на службу или въ распоряженіе начальства не съ первой юности: по крайней мѣрѣ они успѣютъ сложиться физически. Но горе кантонистамъ, съ дѣтства поступающимъ въ кантонистскія школы и въ разныя выучки! Отданные въ руки чиновниковъ, они умираютъ толпами, а тѣ изъ нихъ, которые выдержатъ школу лишеній и дурного обращенія, созданную корыстолюбіемъ, равнодушіемъ или невѣжествомъ ихъ начальства, возростаютъ безъ всякаго нравственнаго образованія, большею частью безъ всякаго понятія о семействѣ и собственности, и выходятъ въ жизнь безнравственными людьми, закаленными на всякое зло и достаточно обученными только для того, чтобы быть

[1]) На Златоустовскихъ горныхъ заводахъ мастеровой получаетъ въ мѣсяцъ 1 р. сер. жалованья и обязанъ работать 16 часовъ въ сутки, имѣя въ году одинъ свободный мѣсяцъ.

ниматься тѣмъ или другимъ промысломъ и произвольно отлучаться изъ своего мѣста жительства; вопреки всякому здравому смыслу, они лишены самаго дѣйствительнаго побужденія къ занятію промыслами — права требовать плату или вознагражденіе за свой трудъ, чего онъ дѣйствительно стоитъ.

Не одни помѣщичьи крѣпостные поставлены въ это положеніе. Нѣтъ, нѣсколько сословій или, правильнѣе, званій, по имени свободныхъ, не знаютъ всѣхъ или большей части этихъ правъ и могутъ быть, по всей справедливости, названы крѣпостными государства или правительства. Такъ противоестественно устроенъ нашъ гражданскій бытъ, несмотря на то, что мы учимся вотъ уже слишкомъ полтораста лѣтъ у другихъ народовъ, обогнавшихъ насъ цѣлыми вѣками на пути гражданскаго развитія и преуспѣянія.

Исчислимъ въ должной постепенности сословія или званія, на которыхъ болѣе или менѣе тяготѣетъ государственное крѣпостное право.

Во-первыхъ, сюда принадлежатъ крестьяне, по названію вольные, но приписанные къ разнымъ вѣдомствамъ, къ казеннымъ и поссесіоннымъ фабрикамъ и заводамъ, къ корабельнымъ лѣсамъ, къ благотворительнымъ заведеніямъ, къ почтовому управленію (ямщики), къ конюшнямъ и пр. Такіе крестьяне несутъ въ пользу государства извѣстныя натуральныя повинности и находятся подъ управленіемъ того вѣдомства, къ которому приписаны. Стало быть, родъ ихъ занятій опредѣляется начальствомъ, а не доброю ихъ волею. Притомъ чиновники, пользуясь огромными правами, предоставленными у насъ всякому начальству, не забываютъ себя, управляя подчиненными имъ крестьянами.

За ними слѣдуютъ крестьяне *удѣльные* и *дворцовые*, состоящіе подъ управленіемъ департамента удѣловъ. По названію и они вольные, но стоитъ поближе вглядѣться въ многосложный порядокъ управленія ими, чтобъ удостовѣриться, что они мало чѣмъ отличаются отъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ. Весьма значительная плата установлена для выкупа крестьянъ изъ удѣльнаго вѣдомства; притомъ выкупаться можно только въ купцы, и то не иначе, какъ съ согласія удѣльнаго вѣдомства; земли, пріобрѣтаемыя удѣльными крестьянами въ частную собственность, записываются и числятся вмѣстѣ съ удѣльными землями; мірская запашка составляетъ для этихъ крестьянъ весьма тяжелую и обременительную натуральную повинность, полезную теперь исключительно для однихъ чиновниковъ, потому что запасные магазины по удѣльному вѣдомству уже давнымъ давно наполнены. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ съ излишнимъ, мелочнымъ вмѣшательствомъ удѣльнаго управленія во всѣ малѣйшія подробности крестьянскаго быта, показываютъ, что первые зачатки гражданской свободы также не существуютъ для нихъ, какъ и для многихъ званій въ Россіи.

Многіе думаютъ, что удѣльные крестьяне зажиточнѣе государственныхъ. Это очень можетъ быть и даже весьма естественно. Вспомнимъ, что еще недавно бѣдные и разоренные удѣльные крестьяне были переданы въ вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ, а зажиточные и богатые государственные крестьяне во всей симбирской губ., въ замѣнъ ихъ, обращены въ удѣльное вѣдомство. Водворить такими способами цвѣтущее хозяйство между удѣльными крестьянами—если оно и дѣйствительно таково—весьма не трудно.

Гораздо болѣе названныхъ двухъ видовъ стѣснены и лишены гражданскихъ правъ различнаго наименованія военные поселяне. Нельзя безъ содроганія вспомнить, какъ образовались наши военныя поселенія: простыхъ мужиковъ въ одинъ прекрасный день вдругъ обстригли, обрили, одѣли по военному и во всѣхъ подробностяхъ домашняго и общественнаго быта подчинили военной дисциплинѣ, военному начальству и военному суду! Страшный формализмъ, тупое, мелочное, несносное фельдфебельское педантство и казарменый наружный порядокъ и чистота, въ примѣненіи къ хозяйственнымъ и административнымъ дѣламъ, были бы смѣшны, если бы не были такъ притѣснительны. Военные поселяне—это крѣпостные военнаго вѣдомства. Вдобавокъ, ихъ положеніе; бѣдственное и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніи, никому, кромѣ чиновниковъ и начальниковъ, не приноситъ пользы: войско отъ него не выигрываетъ, а правительство положительно теряетъ, потому что обязано содержать многосложное и многочисленное управленіе, издержки на которое ничѣмъ не окупаются.

Восходя постепенно выше и выше по этой горестной лѣстницѣ, мы встрѣчаемъ, послѣ военныхъ поселянъ, многочисленный классъ

мастеровыхъ людей всякаго рода, приписанныхъ къ казеннымъ заводамъ, фабрикамъ и даже къ небольшимъ заведеніямъ и мастерскимъ, какъ-то: къ типографіямъ, лабораторіямъ, чертежнымъ и пр. Сюда относятся: тульскіе оружейники, мастеровые на горныхъ заводахъ, наборщики и печатники московской университетской типографіи и т. п. Этимъ мастеровымъ или вовсе не назначена задѣльная плата, или назначена самая ничтожная [1]), а выходъ изъ сословія запрещенъ. Званіе рабочаго и мастера наслѣдственно и наслѣдственно обрекаетъ ихъ государственному крѣпостному праву. При этомъ мастеровые на горныхъ заводахъ подчинены управленію, дисциплинѣ и суду военному. Такъ государство присвоиваетъ себѣ, почти безъ вознагражденія, трудъ вольныхъ людей, нарушая тѣмъ самыя основныя понятія о справедливости, самыя безспорныя гражданскія права, и вдобавокъ само терпитъ отъ того большіе убытки.

Далѣе мы должны назвать—какъ ни больно это русскому сердцу—многочисленную категорію тѣхъ, которые поступаютъ въ службу по рекрутскимъ наборамъ. Ежегодно, въ мирное время, государство вырываетъ изъ среды земледѣльческихъ и промышленныхъ классовъ огромныя массы людей, составляющія цвѣтъ народонаселенія, изъ которыхъ самая ничтожная часть возвращается назадъ. Трудно представить себѣ что либо несправедливѣе, тягостнѣе для народа, разорительнѣе для государства и противнѣе здравому смыслу—нашего устава о рекрутской повинности. Срокъ службы полагается 25-тилѣтній. Такая долгая служба перестаетъ уже быть повинностью, а становится просто обращеніемъ въ крѣпостное состояніе государству, тѣмъ болѣе, что дѣти, внуки, правнуки и отдаленнѣйшее потомство сданныхъ въ рекруты тоже обязаны служить государству. Правда, блаженныя памяти государь императоръ Николай Павловичъ облегчилъ судьбу находящихся въ строевой службѣ, установивъ для нихъ безсрочные отпуска послѣ 15, 12 и даже 10-тилѣтней службы; но безсрочно-отпускные стѣснены столькими мелочными, педантическими требованіями, смотрами, явками, для которыхъ, какъ будто нарочно, выбрана самая рабочая пора, что имъ невозможно свободно, безъ помѣхи, заняться какимъ бы то ни было постояннымъ промысломъ до полученія чистой отставки; нестроевые же обязаны отслужить въ дѣйствительной службѣ полный срокъ и безсрочнымъ отпускомъ не пользуются.

Впрочемъ, тягостная обязанность прослужить почти всю жизнь солдатомъ есть еще наименьшее изъ золъ нашей рекрутской повинности. Гибельная сторона ея, противная всякой справедливости, всякому разумному понятію, заключается въ томъ, что рекрутскій наборъ доставляетъ у насъ государству не однихъ строевыхъ солдатъ, обязанныхъ нести военную службу, но также тысячи мастеровыхъ и рабочихъ всякаго рода, даже простыхъ сторожей на крѣпостномъ правѣ, т.-е. съ правомъ заставлять ихъ работать, безъ всякаго или почти безъ всякаго вознагражденія, за черствый кусокъ хлѣба, за самое скудное содержаніе. Ежегодно тысячи людей отрываются отъ промысловъ, отъ занятій, отъ сколько нибудь независимой жизни, чтобы потерять, почти навсегда, всякую тѣнь гражданскихъ правъ и гражданской свободы. Эти тысячи людей распредѣляются въ деньщики, въ мастеровые на заводахъ и фабрикахъ, въ рабочіе баталіоны и роты, въ писаря, въ казенныя типографіи, въ служительскія команды, въ множество рабочихъ должностей, которыя не представляютъ и тѣни военнаго назначенія. Они тоже остаются казенными крѣпостными наслѣдственно.

Судьба солдатскихъ дѣтей, кантонистовъ, самая жалкая и горестная. Трикраты счастливы они, если имъ доведется остаться до 17-ти или 20-ти лѣтъ гдѣ нибудь въ деревнѣ и поступить на службу или въ распоряженіе начальства не съ первой юности: по крайней мѣрѣ они успѣютъ сложиться физически. Но горе кантонистамъ, съ дѣтства поступающимъ въ кантонистскія школы и въ разныя выучки! Отданные въ руки чиновниковъ, они умираютъ толпами, а тѣ изъ нихъ, которые выдержатъ школу лишеній и дурного обращенія, созданную корыстолюбіемъ, равнодушіемъ или невѣжествомъ ихъ начальства, возростаютъ безъ всякаго нравственнаго образованія, большею частью безъ всякаго понятія о семействѣ и собственности, и выходятъ въ жизнь безнравственными людьми, закаленными на всякое зло и достаточно обученными только для того, чтобы быть

[1]) На Златоустовскихъ горныхъ заводахъ мастеровой получаетъ въ мѣсяцъ 1 р. сер. жалованья и обязанъ работать 16 часовъ въ сутки, имѣя въ году одинъ свободный мѣсяцъ.

величайшими плутами и негодяями. Послѣ выучки (которую ни подъ какимъ видомъ нельзя назвать воспитаніемъ) они распредѣляются въ разныя должности, мастерства, въ техническія заведенія, въ военные писаря, получая казенный паекъ, одежду и квартиру и самое ничтожное жалованье, и завися вполнѣ, безотчетно, отъ своего начальства, которое нерѣдко вгоняетъ ихъ въ гробъ и работой, и неумѣренными наказаніями. Дать военному писарю 300—400 розогъ—дѣло самое обыкновенное! Такимъ образомъ кантонистъ, поступившій на службу въ какую бы то ни было нестроевую должность, есть вещь пишущая или работающая. Положеніе его безвыходно, безотрадно. Довольно сказать, что на капсюльное заведеніе, гдѣ постоянное обращеніе съ ртутью убиваетъ человѣка въ 5, а по большей части въ 8 лѣтъ, рабочіе не нанимаются, а берутся изъ кантонистовъ! Нанимающійся, по крайней мѣрѣ, идетъ на смерть добровольно, можетъ хоть своему семейству выговорить какія нибудь выгоды, а тутъ правительство осуждаетъ людей на смерть—даромъ! Что мудренаго, послѣ всего сказаннаго, если изъ кантонистовъ почти всегда выходятъ самые отъявленные и безсовѣстные негодяи? Тѣ изъ нихъ, кои выдержатъ чистилище, т.-е. лѣтъ 12 или 20 чуть-чуть не каторжной службы, становятся классными чиновниками и поступаютъ въ разныя мелкія должности, иные изъ нихъ дослуживаются и до чиновъ покрупнѣе. Не трудно себѣ представить, какія понятія и какую нравственность они приносятъ съ собою въ государственную службу.

Говорятъ, что правительство намѣрено уничтожить званіе кантонистовъ. Дай Богъ, чтобы это была правда! Дай Богъ, чтобы скорѣй исчезло это уродливое, противоестественное учрежденіе!

Таковы главные виды государственнаго крѣпостного права. Ему подлежатъ болѣе 4.000,000 душъ обоего пола, не считая въ томъ числѣ поступившихъ въ этотъ разрядъ изъ разныхъ званій по рекрутскимъ наборамъ и солдатскихъ дѣтей [1]).

Частное крѣпостное право, конечно, не хуже государственнаго, особливо въ сравненіи съ поступающими въ государственное крѣпостное состояніе по наборамъ и изъ солдатскихъ дѣтей; но справедливость требуетъ сказать, что оно и не лучше. Одно стоитъ другого.

Въ личномъ отношеніи положеніе помѣщичьихъ крѣпостныхъ можетъ быть и стало теперь нѣсколько легче противъ прежняго, благодаря времени, успѣхамъ образованія и строгимъ мѣрамъ, принятымъ въ царствованіе императора Николая I, но то же самое образованіе, которое нѣсколько смягчило варварское обращеніе помѣщиковъ съ крѣпостными, научило ихъ смотрѣть на послѣднихъ какъ на капиталъ, изъ котораго надобно извлекать какъ можно болѣе дохода. Очень многіе помѣщики поняли, что невыгодно терзать и забивать крѣпостныхъ, что лучше пользоваться ими, какъ подобаетъ умнымъ и разсчетливымъ хозяевамъ. А какъ мѣры правительства полагаютъ предѣлъ жестокости, а не корыстолюбію владѣльцевъ, то въ матеріальномъ отношеніи состояніе крѣ-

---

[1]) Сюда принадлежатъ по 9-й народной переписи:

	Мужского пола.	Женскаго пола.
Крестьяне, состоящіе подъ управленіемъ департамента удѣловъ и удѣльные, а также вѣдомствъ: кабинета его величества и дворцоваго	852,144	946,564
Приписанныхъ къ государственнымъ конскимъ заводамъ.	91,290	86,766
Принадлежащихъ общественнымъ заведеніямъ	12,342	17,379
Городского и магистратскаго вѣдомствъ	15,304	16,595
Архіерейскихъ и монастырскихъ служителей	5,091	—
Приписанныхъ къ казеннымъ горнымъ и прочимъ заводамъ и фабрикамъ.	209,222	225,829
Мастеровыхъ, приписанныхъ къ дворцамъ	748	932
Мастеровыхъ, приписанныхъ къ горнымъ и винокуреннымъ заводамъ и солянымъ промысламъ и фабрикамъ	137,408	106,980
Тульскихъ оружейниковъ. .	9,061	9,682
Охтенскихъ и Адмиралтейскихъ поселянъ Черноморскаго флота	8,507	8,563
Лоцмановъ	1,557	—
Лѣсныхъ стражей	920	649
Лашмановъ.	115,981	—
Ямщиковъ	26,320	31,933
Регулярнаго военнаго поселенія.	320,941	308,261
Соляныхъ возчиковъ при Эльтонскомъ озерѣ	426	258
	2.004,772	2.049,925
	4.054,697	

постныхъ весьма значительно ухудшилось противъ прежняго: ихъ повинности, оброки и другія обязанности къ владѣльцамъ въ послѣднія 10, 20 лѣтъ удвоились и утроились; особенно нагло увеличена цифра крестьянскихъ повинностей вокругъ столицъ и преимущественно около Петербурга, гдѣ вмѣстѣ съ оброкомъ, весьма значительнымъ, обыкновенно отбываются крестьянами и разныя работы. Оброки съ крѣпостныхъ, отпущенныхъ по паспортамъ, у которыхъ нѣтъ ни земли, ни тягла въ господскомъ имѣніи,—безобразны. Одинъ помѣщикъ, проживающій въ Петербургѣ, беретъ съ своихъ крестьянъ, торгующихъ по свидѣтельствамъ, ежегодно по 450 р. сер. съ каждаго; а сколько такихъ владѣльцевъ, которые берутъ съ своихъ крестьянъ въ годъ до 60 р. сер. оброка. Такая повинность не имѣетъ даже того, весьма любимаго помѣщиками, оправданія, что она будто бы взимается за землю, которою пользуются крестьяне; ибо оброкъ съ крѣпостныхъ, живущихъ по паспортамъ, есть налогъ на трудъ, личная подать, часто до того неумѣренная, что лишаетъ крѣпостного всякой энергіи, всякой охоты заняться чѣмъ бы то ни было. Одинъ маляръ, проживавшій въ Петербургѣ и платившій съ братомъ своимъ въ годъ 400 руб. асс. оброку, жаловался на свою судьбу и на крѣпостную зависимость. Ему замѣтили: „зато семья твоя не замерзнетъ, когда у тебя сгоритъ изба, баринъ построитъ новую“.—„Это такъ, отвѣчалъ маляръ, да я плачу барину по 200 р. вотъ уже десять лѣтъ, а это—2,000 руб.;—останься эти деньги у меня въ карманѣ, я бы четыре избы на нихъ построилъ“.

Есть примѣры еще болѣе горестные. Въ 1842 году, у одного изъ извѣстныхъ кондитеровъ на Невскомъ проспектѣ служилъ лакеемъ одинъ крѣпостной человѣкъ. Хозяинъ заведенія былъ имъ во всѣхъ отношеніяхъ отлично доволенъ, но, несмотря на то, долженъ былъ замѣнить его другимъ, потому только, что за взносомъ оброка изъ жалованья бѣднякъ не имѣлъ довольно денегъ, чтобъ одѣться порядочно, какъ требовалось въ кондитерской. На его мѣсто поступилъ вольный, а онъ—что съ нимъ сталось? Спился ли онъ съ горя или попалъ въ солдаты, или другая горькая постигла его судьба?

Положеніе крѣпостныхъ, служащихъ барину лицомъ и работою, еще печальнѣе. Оброчный можетъ, по крайней мѣрѣ, употребить себя, какъ ему удобнѣе и лучше, по своему усмотрѣнію; служащій лицомъ не пользуется даже и этимъ сомнительнымъ преимуществомъ. Трудъ обязательный, безъ вознагражденія или съ самымъ ничтожнымъ вознагражденіемъ, и при томъ не добровольно избранный по наклонности, а по принужденію—вотъ существо крѣпостного права въ экономическомъ отношеніи. Сколько отъ того пропадаетъ безъ пользы силъ, погибаетъ и замираетъ способностей и талантовъ! На барщинѣ человѣкъ работаетъ, по крайней мѣрѣ, вдвое хуже, чѣмъ у себя дома и на своемъ полѣ. Поразительнымъ этому доказательствомъ служитъ то, что у крѣпостного мужика съ батракомъ различный бываетъ договоръ, смотря по тому, нанимается ли батракъ ходить на барскую работу вмѣсто мужика или работать у послѣдняго въ домѣ и на его полѣ. Въ первомъ случаѣ батракъ идетъ за меньшую плату, а во второмъ—за большую. А какова крѣпостная домашняя прислуга,—лучше всего доказывается тѣмъ, что множество помѣщиковъ предпочитаютъ наемную, и въ большихъ домахъ такая прислуга вошла въ обычай.

Частному крѣпостному праву подлежатъ болѣе 21.500,000 душъ обоего пола, а именно крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ 20.589,178, дворовыхъ людей—1.035,924.

Слѣдовательно, всего государственному и частному крѣпостному праву подлежатъ у насъ 25.498,930 душъ обоего пола, тогда какъ общее народонаселеніе имперіи, за исключеніемъ Финляндіи, Царства Польскаго, Американскихъ владѣній и Закавказскаго края, составляетъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, 56.313,323 души.

II.

Государственное крѣпостное право возникло у насъ во времена невѣжества и варварства, а теперь распространилось и поддерживается вслѣдствіе совершенно ошибочныхъ понятій о пользахъ и выгодахъ государства и вслѣдствіе противнаго здравому смыслу устройства военной повинности въ Россіи.

Въ наше время всѣми признано за несомнѣнную истину, что правительству не слѣдъ заниматься никакимъ промысломъ, никакимъ издѣліемъ, никакимъ заготовле-

ніемъ хозяйственнымъ образомъ, потому что подобныя операціи, въ послѣднемъ итогѣ, всегда, непремѣнно, приносятъ правительству, а слѣд. и государству, не прибыль, а убытокъ. Нашъ государственный совѣтъ давно уже высказываетъ эту мысль при всякомъ удобномъ случаѣ и требуетъ ея приложенія къ нашему внутреннему управленію въ обширныхъ размѣрахъ,—но все понапрасну. Наконецъ, теперешнія, чрезвычайныя военныя обстоятельства, уяснившія для всѣхъ то, что до того времени понимали лишь немногіе, окончательно доказали всю справедливость этого просвѣщеннаго требованія; наши ружья, орудія, военные и артиллерійскіе снаряды, заготовленные на казенныхъ заводахъ, во многихъ случаяхъ оказывались дурного качества и не выдерживали сравненія съ иностранными. Люди спеціальные, близко знакомые съ дѣломъ, утверждаютъ, что одно только и есть средство сравняться въ этомъ отношеніи съ иностранными государствами—заказывать снаряды и оружіе частнымъ фабрикантамъ и заводчикамъ. Совершенно то же самое должно сказать и о всѣхъ прочихъ казенныхъ заводахъ, фабрикахъ и промышленныхъ заведеніяхъ: они существуютъ въ убытокъ правительству, обыкновенно крайне стѣснительны для частной промышленности, а между тѣмъ мало-по-малу приходятъ въ упадокъ.

Горное дѣло, съ такими неимовѣрными трудами и усиліями насажденное и развитое у насъ Петромъ Великимъ, падаетъ съ каждымъ годомъ: дѣйствіе многихъ казенныхъ горныхъ заводовъ прекращается подъ тѣмъ предлогомъ, что выручка не покрываетъ издержекъ производства. Можетъ быть оно и дѣйствительно такъ, но отъ чего? Объясненія должно искать въ казенномъ управленіи, которое всегда и вездѣ оказывалось совершенно неудовлетворительнымъ. Въ этомъ смыслѣ можно безошибочно сказать, что передача сибирскихъ рудниковъ изъ вѣдомства кабинета въ министерство финансовъ и изъ министерства финансовъ въ вѣдомство кабинета, конечно, не поможетъ горю.

Когда есть очевидныя, поразительныя доказательства тому, что при казенномъ управленіи никакая отрасль промышленности хорошо идти не можетъ, когда постоянно, по всякому малѣйшему поводу, объ этомъ напоминаетъ государственный совѣтъ, — отъ чего же держится и болѣе чѣмъ когда нибудь процвѣтаетъ эта убыточная для правительства, гибельная для промышленныхъ силъ государства и въ высшей степени притѣснительная для цѣлаго народа система? Отъ того, что она поддерживается и защищается передъ правительствомъ цѣлыми легіонами совсѣмъ ненужныхъ чиновниковъ, которые, сверхъ жалованья, находятъ свои выгоды въ управленіи казенными заводами, фабриками и другими промышленными заведеніями и потому отстаиваютъ настоящій порядокъ дѣлъ всѣми возможными средствами; правительство же почему-то не понимаетъ, до какой степени вредна и гибельна эта система во всѣхъ отношеніяхъ. Доказательства сказанному можно видѣть во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ (конечно, давнымъ давно сданныхъ въ архивъ), въ которыхъ шла рѣчь о закрытіи или продажѣ какого бы то ни было казеннаго промышленнаго заведенія.

Есть и другая истина, тоже признанная въ наше время за неподверженную никакому сомнѣнію,—что вольная работа по договору во всѣхъ отношеніяхъ лучше подневольной и даровой. Въ простомъ народѣ, который самъ работаетъ обоими способами, эта истина давно уже извѣстна; въ его устахъ выраженія: „казенная" и „барщинная" работа, исполняемыя поневолѣ и даромъ, означаютъ плохую, лѣнивую работу.

Нынѣшняя война, вмѣстѣ съ большими бѣдствіями принесшая намъ столько пользы, и въ этомъ отношеніи многимъ открыла глаза. Говорятъ, что лѣтомъ 1855 года его императорское высочество генералъ-адмиралъ имѣлъ случай лично убѣдиться въ преимуществѣ вольной работы, по поводу постройки разнаго рода судовъ для Балтійскаго моря: работа производилась лучше и скорѣе вольнонаемными, чѣмъ морскимъ рабочимъ экипажемъ и казенными мастеровыми. Впрочемъ, еще задолго до войны, у многихъ помѣщиковъ-фабрикантовъ и заводчиковъ крѣпостные ихъ крестьяне уже работали (и теперь работаютъ) на ихъ фабрикахъ и заводахъ по вольному договору и за вольную, договорную плату; даже есть примѣры, что только этимъ способомъ и можно было поправить и поднять фабрики, первоначально основанныя на крѣпостномъ правѣ.

Если, слѣдовательно, вольный трудъ вы-

годнѣе подневольнаго и для правительства, и для частныхъ владѣльцевъ, то о пользѣ свободной работы въ сравненіи съ крѣпостною для государства и говорить нечего! Вольный наемъ передаетъ въ массы народа много денегъ; деньги эти, проходя чрезъ тысячи рукъ, распространяютъ довольство, а довольство есть самый надежный и обильный источникъ государственныхъ доходовъ. При довольствѣ и подати поступаютъ сполна, и доходъ отъ пошлинъ возростаетъ, потому что чѣмъ больше проживаетъ народъ, тѣмъ больше онъ платитъ пошлинъ. Прибавимъ къ этому, что вольная работа по найму идетъ гораздо скорѣе, чѣмъ подневольная, потому что каждый хочетъ заработать какъ можно больше. Совсѣмъ другія послѣдствія для государства отъ крѣпостного, невольнаго труда, безъ платы или съ малой платой: такой трудъ держитъ массы рабочихъ въ нищетѣ, и они оттого почти ничего не покупаютъ, ничего не проживаютъ и, стало быть, не доставляютъ или почти не доставляютъ казнѣ дохода. Да и работаетъ человѣкъ вяло, неохотно, зная, что отъ труда ему ничего не прибудетъ и бытъ его не улучшится. Самое даже желаніе улучшить положеніе свое въ немъ мало-по-малу угасаетъ. Нравственное и физическое бездѣйствіе и дремота постепенно овладѣваютъ массами и дѣлаютъ невозможнымъ всякій успѣхъ, всякое развитіе... До такого усыпленія уже дошло сельское народонаселеніе въ Бѣлоруссіи. Всѣ знаютъ, каково это состояніе для государства и выгодно ли оно для правительства.

Все здѣсь нами сказанное не удивитъ никого новизною. Отчего же число казенныхъ подневольныхъ работниковъ не только не уменьшается, а напротивъ, съ каждымъ годомъ ростетъ? Частью отъ того, что и изложенныя нами простыя истины понимаютъ далеко не всѣ, даже и изъ высшихъ правительственныхъ лицъ, — такъ низокъ у насъ уровень образованія въ кругахъ административныхъ,—частью же потому, что если подневольный трудъ не выгоденъ для правительства и бѣдственъ для государства, то онъ, въ замѣнъ того, очень полезенъ для чиновниковъ, заправляющихъ казенными работами и рабочими, а классы и лица, заинтересованныя въ томъ, чтобъ этотъ порядокъ дѣлъ измѣнился, не имѣютъ никакого голоса.

Наконецъ, война, потрясшая многіе изъ нашихъ закоснѣлыхъ предразсудковъ, осязательнымъ образомъ опровергла и господствовавшія доселѣ въ Россіи воззрѣнія на военное образованіе солдата, — воззрѣнія, на которыхъ, казалось, незыблемо основанъ нашъ давно устарѣвшій рекрутскій уставъ. Обученіе рекрута, направленное почти исключительно на маршировку и выправку, а не на дѣйствительное знаніе службы и умѣнье владѣть оружіемъ, было одною изъ главныхъ причинъ, почему у насъ удержанъ такой продолжительный срокъ отправленія обязательной рекрутской повинности, ибо въ самомъ дѣлѣ не малаго времени нужно было, чтобъ сдѣлать ловкаго солдата изъ неуклюжаго и косолапаго мужика; это же было и одною изъ главныхъ причинъ, почему значительное сокращеніе срока военной службы почиталось у насъ записными знатоками военнаго ремесла рѣшительно невозможнымъ, а безъ такого сокращенія нельзя было и помышлять о преобразованіи нашего рекрутскаго устава, потому что всѣ основныя положенія его и правила были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ долговременнаго срока обязательной военной службы. Если человѣкъ долженъ быть солдатомъ въ теченіе почти всей своей жизни, то уже этимъ самымъ условливается, что нельзя призвать всѣхъ къ военной службѣ, что она есть самая тяжкая повинность, отъ которой привиллегированныя сословія избавляются, что рекрутъ совсѣмъ оставляетъ прежнее свое званіе и переходитъ въ полную, безраздѣльную зависимость отъ военнаго управленія, что по правамъ и льготамъ какъ самъ солдатъ, такъ и жена его и дѣти становятся въ исключительное положеніе и берутся подъ особенное покровительство государства, службѣ которому онъ посвятилъ всѣ свои силы и время. Но теперь, когда всѣ усилія направлены къ тому, чтобъ по возможности очистить рекрутскую школу отъ мелочей и педантизма, какъ можно болѣе упростить ее и приспособить къ дѣйствительнымъ потребностямъ военнаго званія, — теперь приспѣло, кажется, время и наступила возможность серьезно подумать о совершенномъ измѣненіи гражданскаго положенія солдата и изъ казеннаго крѣпостного въ теченіе всей почти жизни обратить его въ подданнаго и гражданина, обязаннаго предъ государствомъ лишь нѣсколькими годами военной службы.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что для упраздненія въ Россіи государственнаго крѣпостного права должно принять слѣдующія мѣры:

Во 1-хъ, всѣ правительственныя промышленныя заведенія, какія бы они ни были, а именно: заводы (въ томъ числѣ и горные), фабрики, мануфактуры, мастерскія всякаго рода, типографіи, литографіи и т. п., безъ всякаго изъятія, или продать въ частныя руки (лицамъ или компаніямъ русскимъ и иностраннымъ), или же, если покупщиковъ не найдется, — отдать тоже въ частныя руки, въ арендное содержаніе, а приписаннымъ къ нимъ мастеровымъ и рабочимъ предоставить избрать родъ жизни по своему усмотрѣнію.

Во 2-хъ, всѣхъ крестьянъ, приписанныхъ къ какимъ бы то ни было вѣдомствамъ, заводамъ, фабрикамъ, заведеніямъ и т. п., подчинить одному управленію и закону съ свободнымъ сельскимъ населеніемъ имперіи вообще, уволивъ отъ всѣхъ особенныхъ натуральныхъ и денежныхъ повинностей, которыми они нынѣ обложены въ пользу своихъ вѣдомствъ.

Эти двѣ мѣры, предоставляя приписнымъ гражданскія права, которыхъ они теперь, весьма несправедливо, болѣе или менѣе лишены, имѣли бы еще и то благодѣтельное послѣдствіе, что безчисленное множество штатовъ, управленій, вѣдомствъ и должностей могли бы быть упразднены [1]). Не забудемъ также, что по окончаніи нынѣшней войны правительству понадобятся огромные капиталы для возстановленія разрушеннаго и истребленнаго войною, для развитія и усиленія того, что оказалось въ прежнемъ видѣ слабымъ и недостаточнымъ, для пособія цѣлымъ краямъ имперіи, болѣе или менѣе пострадавшимъ отъ военныхъ дѣйствій, но въ особенности, чтобы поддержать государственный кредитъ. Откуда взять на все это капиталы? Создать ихъ возвышеніемъ существующихъ налоговъ и установленіемъ новыхъ — невозможно, особливо тотчасъ же послѣ войны и большихъ пожертвованій, уже понесенны всѣми классами народа. Сдѣлать новые займы, внѣшніе или внутренніе, — слишкомъ обременительно для государства и въ настоящемъ, и въ будущемъ. Продажа и отдача въ аренду промышленныхъ казенныхъ заведеній было бы едва ли не одною изъ дѣйствительныхъ мѣръ, чтобы выйти правительству изъ теперешняго затруднительнаго положенія, потому что, будучи вѣрнѣйшимъ средствомъ къ развитію у насъ промышленности, представляя впереди существенное сокращеніе государственныхъ расходовъ чрезъ постепенное уменьшеніе должностей и штатовъ, она въ то же время доставила бы въ руки правительства разомъ значительные капиталы и тѣмъ дала бы средства для покрытія неотлагательнѣйшихъ издержекъ. Горные заводы, теперь закрытые, потому что казнѣ невыгодно управлять ими посредствомъ чиновниковъ, пошли бы съ торговъ за выгодныя цѣны; то же можно сказать о продажѣ или передачѣ въ частныя руки с.-петербургско-московской желѣзной дороги, и т. д.

Въ 3-хъ, заведеніе кантонистовъ совершенно упразднить, предоставя солдатскимъ дѣтямъ право оставаться въ томъ званіи, къ которому принадлежали ихъ отцы до поступленія въ рекруты, или же приписаться къ другому званію на общемъ основаніи.

Въ 4-хъ, постановить основнымъ закономъ имперіи, не терпящимъ ни малѣйшаго изъятія, что поступающій на службу по рекрутскимъ наборамъ ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ не можетъ быть употребленъ ни въ какую службу, исключая собственно военной, въ самомъ строгомъ значеніи этого слова, т.-е. такой службы, которая прямо и непосредственно относится къ военному ремеслу, а не числится военной по одному мундиру и произвольно данному названію.

Въ 5-хъ, всѣ не военныя должности и службы, наполняемыя нынѣ, совершенно неправильно, людьми, сданными въ рекруты или кантонистами и солдатскими дѣтьми, — сторожей, разсыльныхъ, швейцаровъ, писарей, фельдшеровъ, кондукторовъ, деньщиковъ, мастеровыхъ, служителей, рабочихъ и т. п. въ полкахъ, заведеніяхъ всякаго рода, штабахъ, вѣдомствахъ, мастерскихъ и вообще гдѣ бы то ни было и каковы бы ни были должности, если только онѣ не военныя въ самомъ безспорномъ смыслѣ слова, — замѣщать вольно-

[1]) Упраздненіе мѣстъ и должностей не только можетъ, но и непремѣнно должно происходить безъ лишенія занимающихъ ихъ чиновниковъ куска хлѣба. Способные и годные могутъ быть мало-по-малу переведены въ другія должности, а прочіе, особливо не имѣющіе никакого состоянія, должны быть оставлены при томъ содержаніи, которое получали, безъ всякаго уменьшенія, до смерти или поступленія въ другія должности. Такою мѣрою правительство болѣе выиграетъ, чѣмъ сбереженіемъ денегъ съ осужденіемъ множества людей на горе и нищету.

наемными, служащими по желанію и за условленную плату. Подобная мѣра, по необходимости, заставитъ серьезно подумать объ упраздненіи тысячи должностей, которыя существуютъ теперь только потому, что, повидимому, дешево обходятся правительству или, правильнѣе, вѣдомствамъ.

Въ 6-хъ, собственно военную или рекрутскую повинность устроить на слѣдующихъ основаніяхъ:

а) Срокъ службы установить семилѣтній. Чрезъ это: 1) поступающій въ военную службу не былъ бы, какъ теперь, отрѣзаннымъ ломтемъ для общества и семьи и могъ бы большую часть своей жизни принадлежать къ своему званію и заниматься своимъ промысломъ; 2) народонаселеніе сохранилось бы лучше и могло бы безпрепятственно умножаться, что по малонаселенности имперіи имѣло бы самыя благодѣтельныя послѣдствія. Мы не Европа. У насъ еще мѣста много и очень много нужно рукъ и головъ; 3) большая часть рекрутъ, сохраняя и по вступленіи въ военную службу живую связь съ своей семьей и своимъ роднымъ краемъ, въ надеждѣ скоро возвратиться, не теряли бы, какъ теперь, гражданскихъ привычекъ, и старались бы помнить свое ремесло, зная, что оно скоро опять понадобится; 4) рекрутъ не терялъ бы, какъ теперь, гражданскихъ правъ въ своемъ краю и семьѣ, не становился бы круглымъ бобылемъ, и, слѣд., 5) шелъ бы на службу охотнѣе, а съ тѣмъ вмѣстѣ меньше было бы побѣговъ и военныхъ дезертировъ.

б) Обязать къ военной службѣ всѣ званія и состоянія безъ исключенія, начиная съ 18-ти лѣтняго возраста, уволивъ отъ этой обязанности только негодныхъ для военной службы по причинамъ физическимъ, также учащихся и готовящихся къ нѣкоторымъ должностямъ и занятіямъ, состоящимъ подъ особымъ покровительствомъ, какъ-то: къ духовному сану, въ медики, художники, ученые и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить всякому право нанимать вмѣсто себя въ службу другого, не обязаннаго болѣе службой. Дворянамъ и окончившимъ курсъ въ разныхъ заведеніяхъ предоставить служить съ правами, имъ теперь предоставленными. Чрезъ это: 1) въ распоряженіи правительства было бы постоянно значительное число войска; 2) каждый, отслуживъ свой срокъ лѣтъ 25-ти отъ роду, былъ бы уже совершенно свободенъ и могъ бы устроить свою судьбу и образъ жизни по своему ближайшему усмотрѣнію — важное условіе для промышленныхъ классовъ народа, живущихъ трудомъ, а не процентами съ капитала.

в) Послѣ семилѣтней службы дается чистая отставка. Отслужившій свой срокъ возвращается въ свое сословіе или приписывается къ другому и совершенно, во всѣхъ отношеніяхъ, выходитъ изъ зависимости отъ военнаго начальства.

г) Въ теченіе всей службы солдата, жена его и дѣти не поступаютъ въ зависимость отъ военнаго начальства и остаются подъ защитой и покровительствомъ общихъ земскихъ законовъ въ прежнемъ званіи или переходятъ въ другое [1]).

Вотъ главныя начала, при помощи которыхъ государственное крѣпостное право можетъ быть упразднено. Этого настоятельно требуютъ и благо государства, и выгоды народа, и польза правительства. Стоитъ только пожелать, и къ совершенію такого, во всѣхъ отношеніяхъ, благодѣтельнаго преобразованія не будетъ никакого препятствія. Возражать будутъ только заинтересованные въ сохраненіи этого права вѣдомства и управленія, для которыхъ оно такъ прибыльно. Они

---

[1]) Дальнѣйшія подробности устройства военной части сюда не относятся. Мимоходомъ замѣтимъ только, что для уменьшенія смертности въ войскахъ, происходящей, между прочимъ, отъ слишкомъ внезапнаго измѣненія всего образа жизни и всѣхъ условій быта рекрута, начиная съ климата и мѣстности, къ которымъ онъ привыкъ съ дѣтства (нѣкоторые полагаютъ, что отъ одной тоски по родинѣ умираетъ, по крайней мѣрѣ, $^1/_3$ рекрутъ), — было бы полезно на первый годъ службы оставлять рекрута какъ можно ближе къ родинѣ, напр., въ томъ же уѣздѣ, и не слишкомъ изнурять и ослаблять его ученьями; на второй годъ, когда онъ къ новому своему положенію нѣсколько попривыкнетъ, зачислить его уже въ губернскій гарнизонный батальонъ, а съ третьяго года обратить въ дѣйствительную службу, куда потребуется. За неявку на службу, когда наступитъ законный возрастъ, или за побѣгъ со службы увеличивать обязательный срокъ ея. Если государству нужно солдатъ больше обыкновеннаго числа или если получающаго отставку почему либо считается полезнымъ удержать въ службѣ, то предлагать выслуживающимъ срокъ прибавку содержанія или другія тому подобныя выгоды и преимущества. Кромѣ того, конечно, многіе солдаты, не имѣющіе ни собственности, ни родныхъ, ни промысла, также многіе любители военнаго дѣла, будутъ добровольно оставаться въ службѣ и сверхъ срока. Для этого, конечно, необходимо, чтобы военное начальство въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ стояло хотя нѣсколько выше теперешняго уровня. И это дѣло не невозможное. Будемъ надѣяться, что все измѣнится къ лучшему.

всегда сильно вопіютъ противъ каждой подобной мѣры. Давно ли тому назадъ раздавались громкія сѣтованія противъ правительства за обращеніе въ казаки крестьянъ, приписанныхъ къ нерчинскимъ заводамъ. А почему? Потому что для мѣстнаго горнаго начальства такое распоряженіе было куда какъ непріятно. Приведемъ другой примѣръ, еще болѣе разительный. Государственный совѣтъ обратилъ просвѣщенное вниманіе свое на необходимость закрыть по возможности всѣ казенные винокуренные заводы, на которыхъ куреніе вина обходится дороже, чѣмъ на частныхъ заводахъ. Казалось, что могло быть справедливѣе и разумнѣе такого требованія? Но казенные винокуренные заводы управляются чиновниками, и чиновники грудью стали отстаивать ихъ существованіе, въ чемъ отчасти и успѣли, подъ самыми странными предлогами, напр., что будто бы некуда будетъ ссылать въ работу нѣкоторые разряды преступниковъ!

III.

Гораздо сложнѣе и труднѣе для разрѣшенія вопросъ о помѣщичьемъ крѣпостномъ правѣ, которое тяготѣетъ болѣе, чѣмъ надъ 20 милліонами душъ, и имѣетъ на цѣлый государственный организмъ самое рѣшительное и глубокое вліяніе.

Крѣпостное право владѣльцевъ возникло у насъ частью вслѣдствіе настоятельной государственной потребности дать прочную осѣдлость сельскому народонаселенію, частью исторгнуто у московскихъ царей въ бѣдственное время шаткости нашей государственной власти, когда она вынуждена была льстить и потворствовать знатнымъ, богатымъ и сильнымъ, забывъ настоящее святое свое призваніе покровительствовать незнатнымъ, бѣднымъ и слабымъ. Отсутствіе всякихъ идей о справедливости и правѣ и безсмысленное варварство выработали изъ неопредѣленной зависимости крестьянъ отъ землевладѣльцевъ, въ теченіе XVII вѣка, полное личное рабство, и въ этомъ видѣ крѣпостное помѣщичье право завѣщано XVIII вѣку.

Прошло цѣлое столѣтіе, и это право мало измѣнилось. Петръ Великій, пересоздавшій условія нашей внѣшней и внутренней жизни, не способствовалъ развитію крѣпостного права, какъ думаютъ многіе, но ничего не сдѣлалъ, чтобъ уничтожить или, по крайней мѣрѣ, преобразовать его. Преемники Петра и не помышляли о крѣпостномъ правѣ. Впервые на него обращено вниманіе въ великій екатерининскій вѣкъ: не только императрица, но и очень многіе изъ тогдашнихъ владѣльцевъ смотрѣли на крѣпостное право глазами энциклопедистовъ. Говорятъ, что въ коммиссію для составленія новаго уложенія было представлено много мнѣній, сильно и рѣшительно осуждавшихъ это право. Но всѣ тогдашнія возраженія противъ него, будучи отголоскомъ филантропическихъ и философскихъ идей вѣка, лишь поверхностно коснулись этого права, и поверхностный взглядъ той эпохи отразился и на законодательствѣ великой государыни: противъ дальнѣйшаго распространенія личнаго рабства, конечно, были приняты нѣкоторыя дѣйствительныя мѣры, но зато множество казенныхъ крестьянъ навсегда перешло, вмѣстѣ съ казенными землями, въ помѣщичье владѣніе.

Необходимость упразднить крѣпостное право впервые представилась ясно и отчетливо европейски просвѣщенному уму императора Александра I. Слѣды этой мысли всюду проглядываютъ въ законодательствѣ его времени. Дальнѣйшему распространенію крѣпостного права поставлены рѣшительныя преграды и кругъ дѣйствій его стѣсненъ. Видно намѣреніе по возможности уничтожить личное рабство, а крѣпостную зависимость истолковать въ смыслѣ прикрѣпленія къ землѣ. Наконецъ, противъ жестокаго обращенія владѣльцевъ приняты энергическія мѣры. Этотъ взглядъ и это направленіе не измѣнились и послѣ, несмотря на рѣшительный переворотъ въ общемъ ходѣ русскаго законодательства съ вѣнскаго конгресса и на постепенное замираніе съ того же времени либеральныхъ началъ въ нашей администраціи. Въ этомъ отношеніи царствованія императоровъ Александра I и Николая, столь различныя во многомъ, замѣчательно сходны между собой. Покойный государь, будучи вообще далеко отъ либеральныхъ идей Александра I, въ то же время гораздо настойчивѣе и рѣшительнѣе своего предшественника подготовлялъ постепенное упраздненіе крѣпостного права,—очевидное, поразительное доказательство того, что вопросъ поднятъ не случайно, не по прихоти, но вслѣдствіе побудительныхъ причинъ величайшей важности.

Бросимъ бѣглый взглядъ на эти причины.

Въ *экономическомъ* или хозяйственномъ отношеніи крѣпостное право приводитъ все государство въ ненормальное состояніе и рождаетъ искусственныя явленія въ народномъ хозяйствѣ, болѣзненно отзывающіяся въ цѣломъ государственномъ организмѣ. Какъ въ тѣлѣ отъ неправильнаго обращенія крови обнаруживаются самые разнообразные припадки и болѣзни, такъ и въ государствѣ—отъ крѣпостного права.

Не упоминая уже о послѣдствіяхъ несвободной и даровой работы, о которыхъ мы сказали выше, замѣтимъ только, что при такой работѣ, исполняемой лѣниво и неохотно, по крайней мѣрѣ вдвое хуже вольной, весьма значительный процентъ рабочихъ силъ всего крѣпостного населенія Россіи утрачивается безъ всякой пользы какъ для помѣщиковъ, такъ и для крѣпостныхъ, и слѣд. и вообще для государства. По самому умѣренному исчисленію, потерю эту должно оцѣнить ежегодно по крайней мѣрѣ въ $96^1/_2$ милліоновъ руб. сер. [1]).

Въ помѣщичьемъ крѣпостномъ правѣ заключается если не единственная, то безспорно одна изъ главнѣйшихъ причинъ неправильнаго распредѣленія сельскаго народонаселенія въ имперіи и искусственнаго направленія его промышленной дѣятельности. Крѣпостной не всегда поселенъ тамъ, гдѣ ему удобнѣе и лучше, и не всегда ведетъ именно тотъ образъ жизни, который по мѣстнымъ условіямъ края былъ бы и для всего государства производительнѣе, и для него самого выгоднѣе. Многія мѣстности имперіи содержатъ, сравнительно, слишкомъ частое населеніе; другія, напротивъ, страждутъ отсутствіемъ рабочихъ; тамъ появляется бѣдность отъ недостатка земли, здѣсь остаются безъ употребленія и безъ пользы пространства, самыя благопріятныя для сельской промышленности. А отчего это? Оттого, что помѣщичье право приковываетъ крѣпостныхъ въ той или другой мѣстности случайно и не даетъ огромнымъ массамъ сельскаго народонаселенія разселиться правильнымъ образомъ. Но этого мало: весьма нерѣдко, посреди народонаселенія, занятаго отхожими промыслами, у котораго земледѣліе остается на рукахъ однихъ лишь стариковъ, женщинъ и дѣтей,—совсѣмъ не кстати и неумѣстно лежитъ помѣщичье село или деревня на издѣльи или на пашнѣ. Какъ это дѣлается? Владѣльцы при направленіи промышленной дѣятельности своихъ крѣпостныхъ не всегда сообразуются съ мѣстными условіями края, а весьма часто только съ собственными, нерѣдко невѣжественными, случайными и для нихъ самихъ убыточными понятіями о вещахъ. Такъ, напр., многіе владѣльцы увѣрены, что они сохраняютъ нравственность своихъ крестьянъ, запрещая имъ отхожіе промыслы; другіе въ убѣжденіи, что Россія должна быть государствомъ земледѣльческимъ, а отнюдь не фабричнымъ и заводскимъ, сажаютъ своихъ крѣпостныхъ на тягло и пашню, вопреки самымъ несомнѣннымъ указаніямъ мѣстныхъ условій; наконецъ, очень,

---

[1]) Этотъ разсчетъ основанъ на слѣдующемъ: по 9-й народной переписи крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ (въ томъ числѣ и однодворческихъ) числилось въ Россіи 10,080,407 душъ муж. пола и 10,508,771 душа женск. пола. Положимъ (хотя это на дѣлѣ и не такъ), что цѣлая ихъ половина—старики, старухи и дѣти — вовсе не употребляются въ работу, что изъ остальныхъ затѣмъ (5.040,203 душъ муж. пола и 5.254,198 женск.) половина же, т.-е. 2.520,102 мужчины и 2.627,198 женщинъ находятся на оброкѣ и пользуются своимъ временемъ самымъ производительнымъ образомъ, и только другая половина несетъ въ пользу владѣльцевъ личную повинность работою, другими словами находится на пашнѣ или въ издѣльи; наконецъ, положимъ, что послѣдніе строго по закону работаютъ на своихъ владѣльцевъ не болѣе трехъ дней въ недѣлю (что тоже совсѣмъ иначе бываетъ въ дѣйствительности): такъ какъ всѣми почти хозяевами принято, что помѣщичьи крестьяне могутъ давать владѣльцу, безъ большого обремененія, 140 рабочихъ дней въ году, то и выйдетъ, что общее число рабочихъ дней, отбываемыхъ крѣпостными въ пользу владѣльцевъ, простирается до 352.814,140 дней мужскихъ и 367.807,508 женскихъ. Дворовыхъ по 9-й народной переписи числилось 521,939 душъ муж. пола и 513,985 жен. пола. Примѣнивъ и къ нимъ предъидущіе разсчеты, найдемъ, что изъ нихъ взрослыхъ, способныхъ къ работѣ и службѣ, 260,969 мужчинъ и 256,992 женщинъ. Если изъ нихъ тоже половина, т.-е. 130,484 души муж. и 128,496 жен. пола ходятъ по оброку, а прочіе служатъ и работаютъ своимъ господамъ не болѣе 280 дней въ году, т.-е. исключая воскресенья и праздники, то повинность дворовыхъ составитъ ежегодно 36.535,520 дней мужскихъ и 35.978,880 дней женскихъ. Такимъ образомъ, если крѣпостная работа только вдвое хуже вольной, то и въ такомъ случаѣ для народной промышленности и производительности теряется ежегодно по крайней мѣрѣ 389.349,660 дней мужскихъ и 403.786,400 дней женскихъ. Оцѣнивъ каждый мужской рабочій день въ $14^1/_2$ коп., а женскій—въ 10 коп. сер., найдемъ, что ежегодно теряется на мужскихъ рабочихъ дняхъ до 56.455,700 рублей, а на женскихъ — до 40.378,640 рублей, всего до 96.834,340 руб.

очень многіе, даже наибольшая часть помѣщиковъ, поступаютъ такъ потому, что представляютъ себѣ крѣпостную деревню не иначе, какъ населенную крестьянами пашущими, косящими, жнущими и молотящими на своего барина, а другіе, не имѣя иного источника дохода, кромѣ крѣпостной деревни, поселяются въ ней на житье и сажаютъ своихъ крестьянъ на пашню, чтобъ имѣть чѣмъ существовать и кормиться. Рядомъ съ этимъ большинствомъ попадаются, конечно, и такіе владѣльцы, которые выгоняютъ на заработки народонаселеніе мало подвижное, по преимуществу земледѣльческое.

Политико-экономическіе результаты такого порядка вещей весьма бѣдственны для цѣлаго государства. Огромное большинство помѣщиковъ старается производить какъ можно больше всякаго рода хлѣба, не справляясь и даже не думая о томъ, стоитъ ли заниматься земледѣліемъ, и не было ли выгоднѣе обратиться къ другимъ промысламъ. Помѣщики не думаютъ объ этомъ потому, что пользуются трудомъ своихъ крѣпостныхъ даромъ, а вслѣдствіе этого разсчитываютъ свои выгоды или невыгоды только по урожаю и торговымъ цѣнамъ на хлѣбъ, а не принимаютъ, да и не могутъ принимать въ разсчетъ—сколько они издержали на полученіе своего дохода. Съ перваго взгляда кажется, что это обстоятельство не очень важно, а между тѣмъ въ немъ именно и заключается главнѣйшая причина постепеннаго и повсемѣстнаго обѣднѣнія нашихъ помѣщиковъ и крестьянъ. Не имѣя возможности разсчитать во сколько ему самому обошлось производство хлѣба, помѣщикъ не въ состояніи опредѣлить и низшей, наименьшей цѣны, ниже которой нельзя ему продать хлѣба, не потерпѣвъ убытка, и потому наибольшая часть помѣщиковъ сообразуется только съ торговыми цѣнами и съ своими потребностями. Выжидать хорошихъ цѣнъ на хлѣбъ въ состояніи лишь очень немногіе владѣльцы; а большинство, имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, готово отдать свой хлѣбъ по существующимъ цѣнамъ. Кто же установляетъ торговыя цѣны на хлѣбъ? Торговцы, хлѣбные барышники и скупщики, которые руководствуются при этомъ одними своими, конечно, совершенно безобидными для себя соображеніями, и по стачкѣ между собою умышленно поддерживаютъ самыя низкія цѣны на мѣстахъ закупки, пока весь хлѣбъ ими не скупленъ. Еслибъ отъ этого терпѣли одни владѣльцы, то и тогда вредъ былъ бы очень великъ и важенъ, но, къ довершенію несчастія, отъ такого порядка дѣлъ несутъ чувствительные убытки не одни помѣщики, но вмѣстѣ съ ними и крестьяне. Первые, по крайней мѣрѣ, столько же поставляютъ хлѣба на рынки, сколько и крестьяне, если не болѣе. Роняя его цѣну, частью по невѣдѣнію, частью по необходимости, они сбиваютъ ее и съ крестьянскаго хлѣба. Такимъ образомъ выходитъ, что владѣльцы не только пользуются половиною крестьянскаго труда даромъ, но даже и остальную половину дѣлаютъ гораздо менѣе производительною посредствомъ искусственной дешевизны хлѣба, чѣмъ бы она могла быть, еслибы не существовало крѣпостного права [1]). Слѣд., давленіемъ на хлѣбныя цѣны крѣпостное помѣщичье право поражаетъ всѣхъ, кто въ Россіи живетъ и кормится отъ земли. Каждый годъ это давленіе становится все пагубнѣе; потому необходимость изворачиваться изъ нужды съ каждымъ годомъ дѣлается для владѣльцевъ и для крестьянъ настоятельнѣе, такъ какъ расходы ростутъ, а доходы уменьшаются, слѣд., зависимость производителей отъ хлѣбныхъ торговцевъ и рыночныхъ хлѣбныхъ цѣнъ становится все безусловнѣе. Конечныя послѣдствія этого хода дѣлъ въ весьма непродол-

---

[1]) Многіе приписываютъ дешевизну хлѣба въ Россіи не крѣпостному праву, а отсутствію путей сообщенія, которые уравняли бы цѣны на хлѣбъ въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи. Сильное вліяніе этой причины, конечно, отрицать нельзя, но все же она не главная, а второстепенная. Въ цѣлой имперіи всегда есть большой избытокъ хлѣба, и мѣстные неурожаи не истощили бы его никогда, если-бъ и былъ удобный подвозъ хлѣба изъ губерній, имъ изобилующихъ, въ мѣста, терпящія въ немъ недостатокъ. Пути сообщенія облегчили и усилили бы сбытъ нашего хлѣба даже и на заграничные рынки, но и то не постоянно, а отъ времени до времени, именно при болѣе или менѣе общихъ и сильныхъ неурожаяхъ въ западной Европѣ. За всѣми этими расходами все же оставались бы въ Россіи огромные запасы хлѣба, которые, при удобныхъ путяхъ сообщенія, никогда не дали бы цѣнамъ на хлѣбъ возвыситься, а напротивъ, скорѣе понижали бы ихъ все болѣе и болѣе. Чтобы поднять въ Россіи цѣны на хлѣбъ и тѣмъ возвысить благосостояніе владѣльцевъ и крестьянъ, нужны двѣ вещи: хоть какая нибудь соразмѣрность производства хлѣба съ потребностью въ немъ и свободное установленіе на хлѣбномъ рынкѣ того minimum, ниже котораго цѣны на хлѣбъ упасть не могутъ. Оба эти требованія въ равной степени совершенно невыполнимы, пока существуетъ у насъ крѣпостное право.

жительномъ времени будутъ заключаться въ совершенномъ обѣднѣніи и владѣльцевъ, и крестьянъ; а возростающее, соотвѣтственно тому, уменьшеніе государственныхъ доходовъ поставитъ и правительство въ самое трудное положеніе. Приближеніе этого состоянія мы уже начинаемъ мало-по-малу ощущать. Не дай Богъ, чтобы послѣдніе результаты его когда-нибудь успѣли обнаружиться!

Наконецъ, осуждая на даровой трудъ огромныя массы людей, владѣльческое крѣпостное право дѣлаетъ вольнонаемныхъ менѣе нужными и тѣмъ сбиваетъ цѣны на трудъ вообще. Отъ этого не только терпятъ низшіе классы, но и само правительство, потому что чѣмъ меньше кто зарабатываетъ, тѣмъ онъ бѣднѣе, тѣмъ меньше проживаетъ и, слѣд., тѣмъ меньше платитъ податей и пошлинъ.

Въ *нравственномъ* отношеніи вліяніе крѣпостного права столько же пагубно, если не болѣе. Почти безусловная зависимость одного лица отъ другого въ сферѣ гражданской есть всегда, безъ исключенія, источникъ необузданнаго произвола и притѣсненій съ одной стороны, и раболѣпства, лжи и обмана—съ другой. Насиліе и хитрость соотвѣтствуютъ другъ другу и потому всегда идутъ рядомъ, поддерживая и развивая себя взаимно. Конечно, люди мыслящіе, одаренные благороднымъ сердцемъ, воспитавшіе въ себѣ возвышенныя понятія о вещахъ, болѣе или менѣе счастливо избѣгаютъ тѣхъ крайностей, въ которыя неудержимо влечетъ помѣщичье крѣпостное право; но число этихъ избранныхъ очень невелико; большинство даже образованныхъ и просвѣщенныхъ владѣльцевъ не въ силахъ, еслибъ и хотѣло, безпрерывно вести упорную борьбу съ страстями своими и всю жизнь ихъ сдерживать, но, напротивъ, легко отдается ихъ влеченію. А что сказать о помѣщикахъ необразованныхъ, которыхъ такъ много? Къ стыду нашему должно сознаться, что они своею необузданностью представляютъ горестные образцы того, какъ низко можетъ упасть человѣкъ, когда разумъ и сердце, а за недостаткомъ ихъ законъ и общество, не сдерживаютъ грубыхъ его порывовъ. Архивы судебныхъ и полицейскихъ мѣстъ содержатъ въ себѣ обильные матеріалы для страшной лѣтописи человѣческаго униженія вслѣдствіе невѣжества и рабства. Они такъ многочисленны, такъ всѣмъ извѣстны, что горько и больно русскому сердцу вспоминать ихъ...

Всякій владѣлецъ, конечно, испыталъ на себѣ и знаетъ, какъ самыя благія намѣренія въ отношеніи къ крѣпостнымъ, какъ самое человѣколюбивое къ нимъ расположеніе мало-по-малу уступаютъ мѣсто равнодушію, досадѣ, строгости, суровости, ожесточенію и наконецъ тиранству. Рабство, несправедливо, незаслуженно тяготѣющее на крѣпостныхъ, развило въ нихъ, въ высокой степени, хитрость, лукавство и злонамѣренность, или по крайней мѣрѣ равнодушіе къ господамъ. Каковъ бы ни былъ баринъ, они непремѣнно, прежде всего, всячески стараются обмануть его, и чѣмъ онъ добрѣе и снисходительнѣе, тѣмъ они больше его обманываютъ. Вина всего этого, очевидно, въ крѣпостномъ правѣ. А между тѣмъ, при всемъ доброжелательствѣ, помѣщикъ теряетъ, наконецъ, терпѣніе; неблагодарность крѣпостныхъ его невольно раздражаетъ, и вотъ онъ начинаетъ все строже и строже съ нихъ взыскивать за ихъ дурныя чувства и пріучается мало-по-малу ихъ презирать и ненавидѣть. Послѣдствія такихъ чувствъ въ отношеніи къ лицамъ, съ которыми можно дѣлать почти все, что угодно, угадать не трудно. Вотъ истинный источникъ жестокаго обращенія съ крѣпостными. Несмотря на всѣ строгія мѣры правительства, оно никогда не прекратится, потому что естественно и необходимо вытекаетъ изъ крѣпостного права.

Рядомъ съ этими печальными явленіями развиваются и другія. Вслѣдствіе крѣпостного права владѣлецъ съ дѣтства пріобрѣтаетъ привычку предаваться праздности и тунеядству. Естественное теченіе мыслей невольно приводитъ его къ убѣжденію, что такъ какъ крѣпостные его должны на него работать даромъ, то онъ можетъ, не обременяя себя излишними заботами и хлопотами, поручить хозяйство и дѣла свои управляющему, бурмистру или старостѣ, а самъ—веселиться, жить въ столицѣ, въ чужихъ краяхъ, или гдѣ бы то ни было, для удовольствія собственной своей особы, удовлетворяя однимъ своимъ прихотямъ и болѣе не думая ни о чемъ. Кому не пріятенъ досугъ и кому не тяжкъ трудъ, особливо у насъ, гдѣ потребность труда еще не обратилась во вторую природу! Многіе помѣщики думаютъ также: зачѣмъ учиться, когда есть имѣніе, которое доставляетъ порядочный доходъ, а слѣд., и связи, и знакомства, и все, что нужно? Эти естественныя, почти невольныя разсужденія,

особливо въ очень молодыхъ лѣтахъ, дѣлаютъ большинство помѣщиковъ съ дѣтства праздными и равнодушными къ своему образованію и развиваютъ въ нихъ привычку жить трудами чужихъ рукъ. Такъ мало-по-малу изъ нихъ выходятъ тунеядцы, которые, лишившись, обыкновенно по своей же винѣ, своего состоянія, считаютъ государство обязаннымъ снабжать ихъ всѣмъ, что имъ нужно, давать имъ средства не только на необходимое, но даже на прихоти. Что такія притязанія, при отсутствіи заслугъ, подкрѣпляются раболѣпствомъ и низостью,— разумѣется само собою.

Подобно господамъ разсуждаютъ и крѣпостные,— особенно крестьяне, сидящіе на господской пашнѣ, и дворовые люди. Они охотно предаются лѣни и тунеядству, въ той мысли, что если у нихъ не достанетъ хлѣба, падетъ скотъ, сгоритъ изба, то баринъ обязанъ имъ дать все это; мысль, въ основаніи своемъ справедливая, но къ которой всегда примѣшивается злорадное чувство, что господинъ, который пользуется ихъ трудами и работой даромъ, самъ будетъ нести и убытки за эту неправду.

Такъ, крѣпостное право есть неизсякаемый источникъ насилій, безнравственности, невѣжества, праздности, тунеядства и всѣхъ проистекающихъ отсюда пороковъ и даже преступленій. Всѣ общественныя и частныя отношенія заражены у насъ вліяніемъ крѣпостного права: у нашихъ чиновниковъ нѣтъ чувства права и справедливости, потому что они большею частью изъ господъ; у насъ нѣтъ честности въ гражданскихъ сдѣлкахъ, потому что вслѣдствіе крѣпостного права два главныхъ сословія въ Россіи, владѣльцы и крѣпостные, съ малолѣтства привыкаютъ къ обманамъ и не считаютъ своихъ словъ и обѣщаній обязательными; у насъ существуетъ не мало безполезныхъ должностей и мѣстъ, только для того, чтобъ пристроить разорившихся маменькиныхъ сынковъ, имѣющихъ связи; у насъ нѣтъ порядочной домашней прислуги, даже наемной, потому что ряды ея наполняются крѣпостными, бывшими или настоящими, уже развращенными рабствомъ; у насъ нѣтъ надежныхъ второстепенныхъ органовъ промышленности и гражданскихъ сдѣлокъ – конторщиковъ, приказчиковъ, стряпчихъ, повѣренныхъ и т. п., потому что и эти званія наполняются или изъ бѣднаго дворянства, или изъ вольноотпущенныхъ.

Дѣти господъ и крѣпостныхъ съ колыбели подпадаютъ подъ горестное вліяніе этого несчастнаго права и чрезъ всю жизнь несутъ на себѣ неизгладимую печать людей, несправедливо господствующихъ или несправедливо зависимыхъ.

Наконецъ, крѣпостное право не только разоряетъ и развращаетъ государство, но оно грозитъ ему бѣдами и великими опасностями и въ *политическомъ* отношеніи. Съ тѣхъ поръ, какъ крѣпостное право водворилось на русской почвѣ, нѣсколько разъ государство стояло, благодаря ему, на краю погибели. Оно было одною изъ главныхъ причинъ нашихъ несчастій въ началѣ XVII вѣка; бунты Стеньки Разина, Пугачева и другихъ, менѣе извѣстныхъ, героевъ и атамановъ буйной вольницы,—всѣ эти разрушительные элементы возставали и поднимались изъ мутныхъ источниковъ крѣпостного права; изъ того же источника возникли гайдамаки; огромныя толпы, чуть-чуть не полчища разбойниковъ, опустошавшія Россію въ XVII, XVIII и даже въ началѣ XIX вѣка, вербовали своихъ сподвижниковъ преимущественно изъ крѣпостныхъ. Теперь, когда нравы нѣсколько смягчились, измѣнились и формы возстаній крѣпостныхъ людей, удержавъ, однако, тотъ же опасный для государства политическій характеръ. Нѣтъ такого нелѣпаго слуха, нѣтъ такого неправдоподобнаго повода, который бы не служилъ для крѣпостныхъ достаточнымъ предлогомъ для предъявленія старинныхъ притязаній на освобожденіе. Зловѣщимъ предзнаменованіемъ служитъ при этомъ то обстоятельство, что полумирныя возстанія крѣпостныхъ постепенно принимаютъ все болѣе и болѣе обширные размѣры. Вспомнимъ движеніе огромныхъ массъ людей (до 30-ти тысячъ) изъ могилевской и витебской губерній по одному слуху, что правительство даетъ свободу тѣмъ, которые будутъ работать въ теченіе извѣстнаго времени на с.-петербургско-московской желѣзной дорогѣ; вспомнимъ другое движеніе огромныхъ массъ народа изъ саратовской, симбирской и сопредѣльныхъ губерній въ какую-то обѣтованную страну въ Киргизской степи, гдѣ будто-бы раздаются земли даромъ; вспомнимъ подобныя же движенія массъ во многихъ центральныхъ губерніяхъ по случаю изданія манифеста о морскомъ ополченіи и наконецъ недавнія волненія въ кіевской, воронежской и другихъ губерніяхъ,

по случаю ополченія государственнаго. Все это можетъ убѣдить даже самыхъ близорукихъ и ослѣпленныхъ, что народъ сильно тяготится крѣпостною зависимостью, и при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ изъ этого раздраженія можетъ вспыхнуть и разгорѣться пожаръ, котораго послѣдствія трудно предвидѣть.

Впрочемъ, это только одна сторона политической опасности, которою намъ грозитъ крѣпостное право; есть другая, съ перваго взгляда менѣе замѣтная, но въ существѣ не менѣе дѣйствительная. Крѣпостное право есть камень преткновенія для всякаго успѣха и развитія въ Россіи. Владѣльцы, почти исключительно составляющіе наше правительство, боясь, что освобожденіе крѣпостныхъ почти неизбѣжно повлечетъ за собой насильственный переворотъ, что польются потоки крови и что во всякомъ случаѣ помѣщики должны будутъ, съ упраздненіемъ крѣпостного права, понести болѣе или менѣе значительныя матеріальныя потери,—вмѣсто того, чтобы понять необходимость нечувствительнымъ образомъ подготовлять это неизбѣжное преобразованіе постепенными законодательными и административными мѣрами, предпочитаютъ стоять за крѣпостное право грудью, до послѣдней крайности, и не позволять до него прикасаться. Оттого, неблагоразумно слагая съ себя всякую отвѣтственность за разныя ошибочныя распоряженія, угодливо и раболѣпно скрывая передъ лицомъ монарха всю опасность въ настоящемъ и будущемъ различныхъ законодательныхъ мѣръ, внушаемыхъ нерѣдко минутными и случайными впечатлѣніями, владѣльцы, какъ одинъ человѣкъ, сопротивляются не только всякой, даже малѣйшей попыткѣ смягчить крѣпостное право, но возстаютъ даже противъ всякаго намека, словеснаго или письменнаго, о ненормальности этого права. Какъ ни былъ рѣшителенъ и настойчивъ въ своихъ велѣніяхъ покойный государь, но и онъ не могъ сломить тайнаго и явнаго сопротивленія владѣльческой партіи и, говорятъ, унесъ съ собою въ могилу убѣжденіе, что въ будущемъ крѣпостное право готовитъ Россіи великое горе.

Отстаивая это право такъ послѣдовательно, во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ, дворянство вмѣстѣ съ тѣмъ по необходимости упорно отвергаетъ и всевозможныя другія внутреннія преобразованія, своевременность и даже настоятельность которыхъ сознаютъ единогласно и правительство, и народъ. Нельзя отрицать, что, дѣйствуя такъ, дворянство поступаетъ очень послѣдовательно, ибо всѣ сколько нибудь значительныя внутреннія преобразованія въ Россіи, безъ изъятія, такъ неразрывно связаны съ упраздненіемъ крѣпостного права, что одно невозможно безъ другого, а потому очень естественно, сопротивляясь одному, сопротивляться и другому. Такъ, напр., преобразованіе рекрутскаго устава невозможно, потому что оно повело бы къ уничтоженію крѣпостного права; невозможно измѣнить теперешнюю податную систему, потому что корень ея въ томъ же правѣ; нельзя по той же самой причинѣ ввести другую, болѣе разумную, паспортную систему; невозможно распространеніе просвѣщенія на низшіе классы народа, преобразованіе судоустройства и судопроизводства, уголовнаго и гражданскаго, полиціи и вообще администраціи и теперешней цензуры, убійственной для науки и изящной литературы,—потому что всѣ эти преобразованія прямо или косвенно повели бы къ ослабленію крѣпостного права, а этого-то ни подъ какимъ видомъ и не хотятъ владѣльцы. Вотъ почему Россія осуждена окаменѣть, существовать въ теперешнемъ видѣ, не подвигаясь на шагъ впередъ. И ничто не въ силахъ измѣнить этого положенія, пока крѣпостное право будетъ составлять основу нашей общественной и гражданской жизни, ибо это гордіевъ узелъ, къ которому сходятся всѣ наши общественныя язвы. Самыя благонамѣренныя усилія государей и отдѣльныхъ лицъ, правительственныхъ и не правительственныхъ, поправить наше теперешнее внутреннее положеніе, дѣйствительно требующее безотлагательнаго и рѣшительнаго улучшенія, останутся тщетными, не принесутъ никакой пользы, пока существуетъ у насъ крѣпостное право.

Таковы главныя послѣдствія этого права. То, что нѣкоторые приводятъ въ его пользу, едва заслуживаетъ упоминанія.

„Крѣпостные,—говорятъ нѣкоторые,—еще не созрѣли для свободы". Но государственные крестьяне развѣ болѣе развиты? Однако они пользуются же гражданскими правами.

„Помѣщики,—думаютъ другіе,—суть лучшіе полиціймейстеры, которые притомъ ничего не стоятъ правительству". Но кто же видалъ, спросимъ мы, чтобы въ благоустроенномъ государствѣ полиція имѣла у себя почти въ

безусловномъ подданствѣ подвѣдомственныхъ ей людей? Притомъ казнѣ эти, такъ-называемые, полиціймейстеры обходятся, конечно, дешево, но государству—очень дорого. Въ этомъ, надѣемся, никто не сомнѣвается.

„Помѣщики въ Россіи суть главные поставщики хлѣба на рынки,—говорятъ третьи,—а съ упраздненіемъ крѣпостного права кто будетъ производить хлѣбъ въ такомъ огромномъ количествѣ?“ Противъ этого замѣтимъ, что если даже теперь, въ губерніяхъ наиболѣе хлѣбородныхъ, разнаго званія люди, въ томъ числѣ и купцы, находятъ выгоднымъ для себя покупать или снимать землю, обработывать ее наймомъ и полученный съ нея хлѣбъ продавать, то мы не видимъ причины, почему бы того же самаго не могли дѣлать и владѣльцы, послѣ упраздненія крѣпостного права. Прибавимъ къ этому, что и теперь крестьяне крѣпостные и не крѣпостные поставляютъ на рынки огромныя массы хлѣба, и ихъ хлѣбъ нерѣдко бываетъ даже лучшаго качества, чѣмъ господскій. Почему бы все это измѣнилось съ освобожденіемъ крѣпостныхъ? Мы не видимъ причины.

„Аристократія падетъ въ Россіи съ освобожденіемъ крестьянъ“, — восклицаютъ четвертые. Но какая причина пасть дворянству (которое здѣсь, очевидно, разумѣется подъ словомъ—аристократія), когда крестьяне будутъ свободны? Нѣтъ ни одного государства въ цѣлой Европѣ, гдѣ бы не было высшаго сословія, наслѣдственнаго или не наслѣдственнаго, а крѣпостныхъ въ Европѣ нигдѣ уже нѣтъ. Почему же этому быть иначе у насъ, чѣмъ въ другихъ странахъ? Не понимаемъ.

Самый сильный и, по мнѣнію владѣльцевъ, самый неопровержимый доводъ противъ освобожденія крѣпостныхъ заключается въ томъ, что будто-бы это право лежитъ въ основаніи нашего государственнаго права, и будто-бы въ Россіи государь такой-же помѣщикъ надъ имперіей, какъ дворянинъ надъ своимъ имѣніемъ; „слѣдовательно,—заключаютъ владѣльцы,—уничтоженіе помѣщичьей власти необходимо повлечетъ за собою уничтоженіе неограниченной монархической власти въ Россіи“. Этотъ доводъ заставляетъ призадуматься многихъ—даже само правительство. Но справедливъ-ли онъ? Какой человѣкъ съ здравымъ смысломъ сравнитъ и поставитъ подъ одинъ уровень государственное право и частное, государственную власть и вотчинную собственность, теперешнюю русскую державу и частное имѣніе, теперешняго русскаго государя и хозяина или владѣльца? Одно простое чувство истины, безъ образованія и науки, отвергаетъ такое недостойное уподобленіе. Ссылаемся на нашъ простой народъ, который приписываетъ царю всѣ добродѣтели, всѣ достоинства, всѣ милости и всѣ хорошія правительственныя мѣры, а всѣ постигающія его несправедливости и притѣсненія—владѣльцамъ и чиновникамъ. Этимъ, хотя и безсознательно, выражается въ основаніи своемъ весьма вѣрное различіе государственнаго права отъ гражданскаго, государственной власти—отъ помѣщичьей. То же самое подтверждаетъ и исторія: власть русскихъ государей все росла и укрѣплялась, а по мѣрѣ ея усиленія—власть вельможъ и знатныхъ людей падала. Поэтому было бы очень ошибочно полагать силу власти русскаго императора и нашего теперешняго государственнаго порядка въ интересахъ исключительно одного дворянства. Она неизмѣримо выше всѣхъ вообще сословныхъ интересовъ, и до тѣхъ поръ останется незыблемою и недосягаемою, пока не унизитъ себя сама исключительнымъ, пристрастнымъ предпочтеніемъ пользъ одного класса выгодамъ и преимуществамъ всѣхъ прочихъ.

Весьма понятно стараніе владѣльцевъ увѣрить верховную власть, что сохраненіе помѣщичьяго крѣпостного права самымъ неразрывнымъ образомъ связано съ цѣлостью и неприкосновенностью русскаго престола; но было бы совершенно непонятно, если бы верховная власть убѣдилась въ этомъ, ибо всѣ наши историческія преданія единогласно свидѣтельствуютъ, что русскій царь и русскій дворянинъ — совсѣмъ не одно и то же.

Послѣ всего сказаннаго легко понять, почему помѣщичье крѣпостное право обратило на себя особенное вниманіе императоровъ Александра I и Николая; они не могли не знать, что мысль объ упраздненіи этого права не есть одна лишь мечта празднаго ума, воспитаннаго на иностранныхъ книгахъ и на пустыхъ возгласахъ, но что, напротивъ того, она вытекаетъ изъ дѣйствительныхъ и существенныхъ потребностей Россіи, удовлетвореніе которыхъ не можетъ и не должно быть отлагаемо въ слишкомъ долгій ящикъ; ибо иначе искусственное и напряженное состояніе государства, становясь съ минуты на минуту болѣе и болѣе неисправимымъ, можетъ при-

вести, наконецъ, къ внезапному перевороту, который вовлечетъ въ общую погибель и слабые зачатки гражданственности и просвѣщенія, съ такими трудами и пожертвованіями насажденные Петромъ Великимъ и его преемниками,—и дворянство, и власть, и самую политическую независимость Россіи. Оттого оба государя, въ теченіе цѣлаго полувѣка, ревностно и неутомимо противодѣйствовали помѣщичьему крѣпостному праву.

IV.

Почему усилія императоровъ Александра I и Николая не увѣнчались успѣхомъ и крѣпостное право существуетъ у насъ (1855 г.) почти въ прежнемъ своемъ видѣ, съ самыми лишь поверхностными и незначительными смягченіями?

Причинъ этому очень много.

Вопросъ о крѣпостномъ правѣ не былъ достаточно зрѣло обсужденъ самимъ правительствомъ; цѣль стремленій послѣдняго не была опредѣлена совершенно ясно; наконецъ, правительство, повидимому, не знало средствъ, ведущихъ къ цѣли ближайшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ, или по крайней мѣрѣ не хотѣло къ нимъ прибѣгнуть.

Думали однѣми полицейскими мѣрами поставить преграду произволу и злоупотребленіямъ помѣщиковъ. Такія мѣры, конечно, были полезны, даже совершенно необходимы, только къ сожалѣнію слишкомъ односторонни и недостаточны. Въ самомъ дѣлѣ, какъ оградить крѣпостного отъ злоупотребленій помѣщичьей власти, когда онъ не имѣетъ права жаловаться, и притомъ власти полицейская, судебная и административная находятся почти исключительно въ рукахъ однихъ помѣщиковъ? Сверхъ того, полицейскія огражденія крѣпостныхъ отъ владѣльцевъ по существу своему слишкомъ близко касаются имущественныхъ правъ послѣднихъ. Отсюда и вытекало само собою, что полицейскія мѣры огражденія или оставляли неприкосновенными гражданскія права владѣльцевъ, но зато не улучшали положенія крѣпостныхъ, или же они нарушали, безъ всякаго вознагражденія, матеріальные интересы помѣщиковъ, ихъ право собственности, на которое посягаетъ одна лишь революція, но до котораго правильная государственная власть касаться не должна и не можетъ; а между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ матеріальной, экономической сторонѣ крѣпостного права лежитъ все зло и весь вопросъ; безъ нея девять десятыхъ помѣщиковъ не стояли бы такъ упорно за это право.

Страшились, подобно дворянству, вопроса о крѣпостномъ правѣ, и потому брались за него нерѣшительно, даже робко, всячески скрывали настоящіе свои виды и вообще дѣйствовали въ величайшей тайнѣ. Такіе пріемы, какъ и слѣдовало ожидать, привели къ результатамъ противоположнымъ тѣмъ, къ которымъ стремились. Никто не зналъ, чего хочетъ правительство, но всѣ видѣли, что оно что-то замышляетъ, и каждый толковалъ эти намѣренія по своему крайнему разумѣнію. Стали ходить самые невѣроятные и нелѣпые слухи и предположенія, а правительство молчало или, когда вынуждаемо было высказаться, торжественно отрекалось отъ всякихъ видовъ на измѣненіе или отмѣну крѣпостного права и тѣмъ повергало и владѣльцевъ, и крѣпостныхъ въ самое тревожное недоумѣніе. Дворянство не знало, что и думать; волненіе въ умахъ было большое.

Не знаемъ и не придумаемъ, что могло внушить такой таинственный образъ дѣйствій въ вопросѣ, котораго мирное разрѣшеніе можетъ зависѣть единственно отъ совершенно гласнаго и положительнаго объявленія правительствомъ своихъ цѣлей, намѣреній и требованій, и отъ такого же гласнаго обсужденія владѣльцами и не-владѣльцами способовъ привести эти требованія въ исполненіе. Какъ бы то ни было, но дворянство напугано таинственностью и неизвѣстностью, а еще болѣе всегдашнимъ пріемомъ нашей администраціи — внезапно издать для повсемѣстнаго, однообразнаго выполненія въ цѣлой Россіи одну какую-нибудь мѣру, придуманную въ канцеляріяхъ, безъ всякаго соображенія, а можетъ быть и знанія мѣстныхъ условій краевъ, гдѣ она должна примѣняться. Такъ какъ притомъ въ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ затрогиваются матеріальные интересы величайшей важности, а для многихъ помѣщиковъ съ крѣпостнымъ правомъ связанъ вопросъ о кускѣ хлѣба ихъ самихъ и ихъ семействъ,— то дворянство всѣми силами стало сопротивляться всякой попыткѣ измѣнить или упразднить это право, и къ несчастію въ

томъ успѣло. Послѣдняя, самая неудачная, попытка снова поднять этотъ вопросъ была сдѣлана министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ самые послѣдніе годы царствованія императора Николая I. Въ ней ошибочные пріемы нашей администраціи повторились съ большею силою, чѣмъ когда либо, и существенно повредили дѣлу освобожденія крѣпостныхъ, придавъ какъ бы справедливое основаніе упорному сопротивленію владѣльцевъ и выказавъ слабость администраціи, неумѣніе ея вести къ разрѣшенію великіе государственные вопросы.

Замѣтимъ въ заключеніе, что само правительство какъ будто нарочно отнимало у себя способы достигнуть предположенной цѣли. Вопросъ о крѣпостномъ правѣ есть важнѣйшій, существеннѣйшій изъ всѣхъ нашихъ внутреннихъ вопросовъ. Поэтому, принимаясь за его разрѣшеніе, правительству слѣдовало сосредоточить на немъ всѣ силы, обставить его самыми благопріятными условіями, воспользоваться всѣмъ, что́ могло вести къ предположенной цѣли. Къ сожалѣнію, ничего этого сдѣлано не было. Въ государственномъ совѣтѣ никто въ этомъ вопросѣ не поддерживалъ видовъ правительства Министры, своими распоряженіями противодѣйствовали имъ всѣми силами; гласныя совѣщанія дворянъ объ освобожденіи крѣпостныхъ были запрещены и, несмотря на ходатайства о разрѣшеніи такихъ совѣщаній, они остались недозволенными; даже запрещено было обсуждать печатно, въ политическомъ отношеніи совершенно безвредную, а для разрѣшенія вопроса весьма существенную, экономическую сторону крѣпостного права, — именно о преимуществѣ вольнаго труда надъ крѣпостнымъ въ государственномъ, частномъ, сельско-хозяйственномъ и другихъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, правительство хотѣло невозможнаго: оно хотѣло произвести важнѣйшую въ Россіи реформу секретно, не приготовивъ общественнаго мнѣнія, не опираясь на разумное убѣжденіе, не ознакомивъ съ главною мыслью задуманнаго преобразованія того класса, котораго матеріальные интересы затрогивались самымъ чувствительнымъ образомъ. Отъ того успѣхъ и не увѣнчалъ благонамѣренныхъ и благодѣтельныхъ усилій покойнаго императора. Крѣпостное право продолжаетъ у насъ существовать и до сихъ поръ (1855 г.), съ каждымъ днемъ дѣлая внутреннее положеніе наше все болѣе и болѣе затруднительнымъ, шаткимъ, опаснымъ и безъисходнымъ. Каждый день болѣе и болѣе уноситъ надежду на возможность мирнаго разрѣшенія этого вопроса и приближаетъ насъ къ страшной катастрофѣ, слабые образчики которой въ Галиціи, въ тарновскомъ округѣ, еще такъ недавно привели всю Европу въ смятеніе и ужасъ...

Но несмотря ни на что, истина и время берутъ свое. Есть вѣрные признаки, что теперь наше провинціальное дворянство начинаетъ просвѣщеннѣе и разумнѣе смотрѣть на крѣпостное право и на необходимость преобразованія его, чѣмъ центральная администрація. Это и понятно. Губернское дворянство хорошо знаетъ свои имѣнія и своихъ крѣпостныхъ; оно видитъ Россію хотя и не всю, но зато лицомъ къ лицу; наконецъ оно ближе понимаетъ свои пользы, свое положеніе и опасности, ожидающія насъ впереди.

V.

Мирное благодѣтельное для Россіи разрѣшеніе вопроса о крѣпостномъ помѣщичьемъ правѣ сдѣлается возможнымъ лишь съ той минуты, когда всѣ стороны этого вопроса будутъ приняты въ соображеніе, всѣ связанные съ нимъ интересы, государственные и частные — взвѣшены и уважены, и когда, на основаніи предварительнаго, зрѣлаго обсужденія, составится подробный, обстоятельный планъ упраздненія крѣпостного состоянія, который правительство приметъ себѣ въ непремѣнное руководство во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ.

Представимъ здѣсь опытъ такого плана, конечно, въ самыхъ лишь общихъ чертахъ.

Вопросъ объ упраздненіи помѣщичьяго крѣпостного права заключаетъ въ себѣ два слѣдующіе: на какихъ началахъ или основаніяхъ должно у насъ совершиться освобожденіе помѣщичьихъ крѣпостныхъ? И какія суть лучшія средства или способы освобожденія?

§ 1. *Главныя начала или основанія*, на которыхъ надлежало бы совершиться освобожденію помѣщичьихъ крѣпостныхъ, могутъ быть опредѣлены лишь по разсмотрѣніи всѣхъ интересовъ, которые сходятся въ крѣпостномъ правѣ и въ немъ связаны какъ бы въ

одинъ узелъ. Эти интересы суть: *частные*—владѣльцевъ и ихъ крѣпостныхъ,—и общественные или—правильнѣе—*государственные*.

Интересъ владѣльцевъ въ крѣпостномъ правѣ очевиденъ: они защищаютъ въ немъ свое имущество, дошедшее къ нимъ законнымъ порядкомъ, и потому во всякомъ случаѣ составляющее ихъ неотъемлемую гражданскую собственность. Этого ихъ права добросовѣстно отрицать нельзя: всѣ историческіе доводы и юридическія тонкости, приводимые въ опроверженіе помѣщичьей власти, какъ гражданскаго права, не колебля ее ни мало, только запутываютъ и затемняютъ вопросъ.

Столько же очевиденъ и интересъ *крѣпостныхъ*. Онъ заключается въ полномъ личномъ освобожденіи ихъ отъ владѣльцевъ съ удержаніемъ той земли, которою владѣютъ и пользуются для себя, избы, въ которой живутъ, и всего движимаго и недвижимаго имущества, которое пріобрѣли собственными трудами или наслѣдовали отъ отцовъ своихъ.

Наконецъ, интересы государства совершенно совпадаютъ съ пользами владѣльцевъ и крѣпостныхъ. По изложеннымъ выше причинамъ, для государства необходимо, чтобы крѣпостное право прекратилось въ Россіи, но такъ однако, чтобы при этомъ права и интересы обѣихъ сторонъ — помѣщиковъ и крѣпостныхъ — были вполнѣ сохранены и уважены.

Необходимость послѣдняго условія очевидна даже при самомъ поверхностномъ взглядѣ.

Государство не можетъ ни желать, ни допустить освобожденія крестьянъ безъ вознагражденія владѣльцевъ, и на это имѣетъ самыя основательныя причины. Освобожденіе крестьянъ безъ вознагражденія помѣщиковъ, во-первыхъ, было бы весьма опаснымъ примѣромъ нарушенія права собственности, котораго никакое правительство нарушить не можетъ, не поколебавъ гражданскаго порядка и общежитія въ самыхъ основаніяхъ; во 2-хъ, оно внезапно повергло бы въ бѣдность многочисленный классъ образованныхъ и зажиточныхъ потребителей въ Россіи, что, по крайней мѣрѣ сначала, могло бы во многихъ отношеніяхъ имѣть неблагопріятныя послѣдствія для всего государства; въ 3-хъ, владѣльцы тѣхъ имѣній, гдѣ обработка земли наймомъ больше будетъ стоить, чѣмъ приносимый ею доходъ, съ освобожденіемъ крѣпостныхъ совсѣмъ лишатся дохода отъ этихъ имѣній. Не получивъ вознагражденія, многіе изъ нихъ на первый разъ, а иные можетъ быть и навсегда, были бы осуждены на самое бѣдственное существованіе, или даже остались бы на рукахъ у правительства, которое черезъ это было бы вовлечено въ чрезвычайно обременительныя издержки и пожертвованія.

По соображеніямъ столько же важнымъ и настоятельнымъ, правительство вынуждено также обратить все свое вниманіе и на возможно бо́льшее личное и вещественное обезпеченіе крестьянъ при освобожденіи ихъ отъ власти помѣщиковъ. Такъ, въ видахъ общественной тишины и порядка, правительство не можетъ допустить сохраненія хотя бы тѣни зависимости бывшихъ крѣпостныхъ отъ ихъ бывшихъ помѣщиковъ; иначе безпрестанныя столкновенія между тѣми и другими, неудовольствія, безконечныя тяжбы и несправедливыя взаимныя претензіи размножились и продолжались бы вѣчно, а на безпристрастное разбирательство и рѣшеніе процессовъ между помѣщиками и ихъ прежними крѣпостными долго еще нельзя разсчитывать, потому что много пройдетъ времени послѣ освобожденія, а судебная и полицейская власти все еще будутъ находиться по преимуществу въ рукахъ дворянства и землевладѣльцевъ. Равнымъ образомъ, правительство ни подъ какимъ видомъ не можетъ согласиться на увольненіе крѣпостныхъ безъ земли, потому что чрезъ это сельское населеніе было бы поставлено, если не по праву, то на самомъ дѣлѣ, въ слишкомъ большую матеріальную зависимость отъ владѣльцевъ, или даже, наскучивъ этою зависимостью, потеряло-бы мало-по-малу осѣдлость, для водворенія которой въ низшихъ сословіяхъ столько принесено жертвъ, столько сдѣлано усилій,—и стало-бы, по прежнему, перекочевывать изъ одного края Россіи въ другой, къ явной опасности для государства во всѣхъ отношеніяхъ.

Нѣкоторые думаютъ, что у насъ есть достаточно казенныхъ земель для поселенія на нихъ всѣхъ помѣщичьихъ крѣпостныхъ послѣ ихъ освобожденія. Отсюда заключаютъ, что слѣдовало бы освободить крѣпостныхъ лично, безъ земли. Но возможность осуществленія такой мысли неправдоподобна по недостатку земли; даже не желательно, чтобъ эта мысль могла осуществиться. Водвореніе вновь двад-

цати одного милліона людей на государственныхъ земляхъ и на счетъ государственной казны — планъ слишкомъ уродливый, чтобы можно было на немъ остановиться. Какой человѣкъ съ здравымъ смысломъ станетъ серьезно доказывать возможность новаго переселенія народовъ, съ покрытіемъ потребныхъ на то издержекъ изъ суммъ государственнаго казначейства?

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что освобожденіе помѣщичьихъ крѣпостныхъ могло бы совершиться на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

1) *крѣпостныхъ слѣдовало бы освободить вполнѣ. совершенно, изъ-подъ зависимости отъ ихъ господъ*;

2) *ихъ надлежало бы освободить не только со всѣмъ принадлежащимъ имъ имуществомъ, но и непремѣнно съ землею, и*

3) *освобожденіе можетъ совершиться во всякомъ случаѣ не иначе, какъ съ вознагражденіемъ владѣльцевъ.*

Принять эти начала за основанія при разрѣшеніи вопроса о помѣщичьемъ крѣпостномъ правѣ велитъ и строгая справедливость, и государственная польза, которыя здѣсь, какъ всегда и во всемъ, совпадаютъ въ своихъ требованіяхъ.

§ 2. Что касается до *средствъ* или *способовъ* приведенія этихъ основныхъ началъ въ исполненіе, то въ этомъ отношеніи представляются слѣдующія соображенія:

1) *количество земли*, съ которымъ помѣщичьихъ крѣпостныхъ слѣдовало бы освободить, можетъ быть опредѣлено различно. Ихъ можно выкупить: а) со всею землею, принадлежащею къ имѣнію, въ которомъ они поселены; б) съ опредѣленнымъ бо́льшимъ или меньшимъ количествомъ десятинъ на тягло или на душу, смотря по мѣстности, и в) съ тою лишь землею, которая находится въ дѣйствительномъ владѣніи и пользованіи помѣщичьихъ крѣпостныхъ.

Первый способъ — выкупъ со всею землею, принадлежащею къ имѣнію — весьма неудобенъ. Онъ потребовалъ бы огромныхъ капиталовъ, и не только не принесъ бы пользы, но, напротивъ, имѣлъ бы вредныя послѣдствія. Въ имѣніяхъ многоземельныхъ и даже большей части издѣльныхъ, вообще, для крестьянъ было бы слишкомъ много всей земли, принадлежащей къ имѣнію; слѣдовательно, она перешла бы въ казенное завѣдываніе и чрезъ это, какъ вообще при казенномъ управленіи, стала бы давать гораздо меньше дохода. Въ то же время, чрезъ это почти исчезла бы въ Россіи частная поземельная собственность, а съ нею и всѣ ея благодѣтельныя послѣдствія для промышленности и сельскаго хозяйства; ибо опытомъ дознано, что частная поземельная собственность и существованіе рядомъ съ малыми и большихъ хозяйствъ суть совершенно необходимыя условія процвѣтанія сельской промышленности.

Второй способъ — выкупъ опредѣленнаго количества десятинъ земли на тягло или на душу — почти совершенно невозможно привести въ исполненіе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ назначить количество десятинъ, подлежащихъ въ каждомъ имѣніи выкупу, такъ чтобъ было безобидно и для владѣльцевъ, и для крѣпостныхъ? Подобное назначеніе потребовало бы многолѣтнихъ, невѣроятныхъ трудовъ, огромныхъ издержекъ, подало бы поводъ тысячамъ произвольныхъ дѣйствій, злоупотребленій и столкновеній, которыхъ невозможно было бы ни открыть, ни преслѣдовать, по громадности и сложности операцій; наконецъ,—что можетъ быть всего важнѣе — такая мѣра породила бы большую шаткость и неопредѣленность поземельнаго владѣнія во все время, пока продолжалось бы освобожденіе крестьянъ.

Затѣмъ, остается послѣдній способъ — выкупить только ту землю, которая находится въ дѣйствительномъ владѣніи и пользованіи крѣпостныхъ. Этотъ способъ безспорно лучшій и удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, сохраняя и утверждая, безъ всякихъ измѣненій, поземельное владѣніе, установившееся издавна и къ которому привыкли и помѣщики, и крѣпостные; кромѣ того, такой способъ и не потребуетъ никакихъ особенныхъ издержекъ, и не можетъ возродить большихъ недоразумѣній и неизвѣстности правъ [1]).

[1]) Разрѣшеніе нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ, сомнѣній и вопросовъ понадобится, конечно, и при этомъ способѣ. Такъ, напр., можетъ случиться, что владѣлецъ, желая уменьшить количество отходящей отъ него съ крѣпостными земли, въ ожиданіи выкупа, отниметъ у нихъ большую или меньшую часть земли, которою они до того времени дѣйствительно владѣли и пользовались. Возможность такихъ случаевъ потребуетъ болѣе точнаго опредѣленія, что должно разумѣть подъ выраженіемъ: „земли, находящіяся въ дѣйствительномъ владѣніи и пользованіи крѣпостныхъ“. Далѣе: необходимо будетъ опредѣлить количество

Нѣкоторые предлагаютъ выкупить помѣщичьихъ крѣпостныхъ съ тѣмъ лишь количествомъ земли, какое нужно для удержанія ихъ осѣдлыми на теперешнемъ ихъ мѣстѣ жительства, но котораго было бы совершенно недостаточно для прокормленія ихъ съ семействами. Цѣль та, чтобы, воспользовавшись привязанностью крестьянъ къ ихъ родинѣ, землѣ и двору, побудить ихъ поневолѣ нанимать землю у сосѣднихъ землевладѣльцевъ. Такая система выкупа, въ губерніяхъ почти исключительно земледѣльческихъ, могла бы, можетъ быть, дѣйствительно принести пользу владѣльцамъ, доставя имъ, и то вѣроятно только сначала, выгодныхъ арендаторовъ и дешевыхъ рабочихъ. Но правительство можетъ ли согласиться на такую коварную мѣру? Конечно, нѣтъ! Ему не должно смотрѣть на государственные вопросы, ослѣпляясь выгодами однихъ помѣщиковъ. Въ данномъ же случаѣ выиграли бы—и то не навѣрное—они одни, а государство и крѣпостные непремѣнно бы потеряли, ибо владѣльцы получили бы возможность, къ крайнему стѣсненію бывшихъ ихъ крѣпостныхъ, поднять наемную плату за свои земли или же умалять плату рабочимъ и батракамъ. Послѣдствіемъ этого было бы одно изъ двухъ: или бывшіе крѣпостные впали бы въ крайнюю нищету и обратились въ бездомниковъ и бобылей,—нѣчто въ родѣ сельскихъ пролетаріевъ, которыхъ у насъ покуда, слава Богу, очень мало,—или они стали бы толпами выселяться въ другія губерніи и края имперіи. Въ томъ и другомъ случаѣ правительство, поддерживая бытъ выкупленныхъ крѣпостныхъ на мѣстахъ, или способствуя ихъ переселенію, было бы вовлечено въ несравненно большія издержки, чѣмъ выкупивъ ихъ съ самаго начала со всею землею, которою они теперь дѣйствительно владѣютъ [1]).

2) Вознагражденіе помѣщиковъ за отходящихъ изъ ихъ владѣнія крѣпостныхъ съ землею тоже можетъ быть произведено различнымъ образомъ, а именно: а) вознагражденіе можетъ быть выдано за одну лишь землю, съ освобожденіемъ крѣпостныхъ даромъ, или же за землю, и за крѣпостныхъ; б) мѣриломъ вознагражденія могутъ быть приняты или цѣны, по какимъ-нибудь соображеніямъ установленныя правительствомъ и уменьшенныя противъ дѣйствительности, или же существующія на мѣстахъ, во время выкупа, среднія цѣны, какъ населенныхъ имѣній вообще, такъ и земли, и душъ въ отдѣльности; наконецъ, в) самый порядокъ вознагражденія помѣщиковъ можетъ быть установленъ различный. Такъ, правительство можетъ признать болѣе удобнымъ производить владѣльцамъ выплату слѣдующей за ихъ имѣніе суммы постепенно на основаніи банковыхъ правилъ, опредѣляя ежегодный платежъ предполагаемымъ или дѣйствительно вычисленнымъ среднимъ доходомъ съ выкупленныхъ имѣній, или же процентами съ выкупной суммы, назначивъ величину процентовъ примѣнительно къ правиламъ нашихъ кредитныхъ установленій, или же согласно съ законами гражданскими и торговымъ уставомъ о займахъ между частными лицами и ссудахъ коммерческихъ. Но точно такъ же правительство можетъ всю слѣдующую за выкупныя имѣнія сумму выплатитъ владѣльцамъ за одинъ разъ.

Подробное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ способовъ вознагражденія помѣщиковъ приводитъ къ заключенію: 1) что выплата имъ денегъ за одну землю, не принимая въ разсчетъ крѣпостныхъ людей, была бы весьма несправедлива и неуравнительна. Несправедлива — потому что крѣпостные состав-

---

земли, подлежащей выкупу въ южной и юго-восточной Россіи, гдѣ существуетъ залежневое хозяйство и нѣтъ у крестьянъ постояннаго землевладѣнія въ однихъ мѣстахъ. Необходимо также будетъ рѣшить весьма важный вопросъ: не должно ли, или, напротивъ, слѣдуетъ, и въ такомъ случаѣ на какихъ именно основаніяхъ слѣдуетъ выкупать у владѣльцевъ угодья — сѣнокосы, лѣса, выгоны, водопои и т. п. Очевидно, однако, что разрѣшеніе этихъ и другихъ подобныхъ вопросовъ представитъ несравненно менѣе затрудненій, чѣмъ приведеніе въ исполненіе двухъ первыхъ способовъ.

[1]) О томъ, на какихъ основаніяхъ освобожденные крѣпостные могли бы впредь владѣть выкупленною землею, здѣсь говорить не мѣсто. Замѣтимъ мимоходомъ, что всѣ юридическіе обычаи собственно великоруссовъ и бѣлоруссовъ указываютъ на общинную, а не личную наслѣдственную поземельную собственность, и мы пока не видимъ достаточной причины посягать на эти обычаи, заключающіе въ себѣ, повидимому, плодотворное начало устройства у насъ поземельныхъ правъ на новыхъ началахъ, которыя теперь можно лишь смутно предугадывать. Во всякомъ случаѣ, совершенно было бы необходимо, по мѣрѣ выкупа крестьянъ съ землею, запретить имъ продажу и залогъ выкупленныхъ земель подъ какимъ бы то видомъ и предлогомъ ни было, по крайней мѣрѣ на 50 лѣтъ, ибо иначе эти земли могли бы быть скуплены у крестьянъ, на первыхъ же порахъ, прежними ихъ владѣльцами и другими за безцѣнокъ, какъ отчасти и случилось въ Пруссіи.

ляютъ такую же собственность владѣльцевъ, какъ и земля; неуравнительна—потому что только въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, преимущественно густо-населенныхъ и земледѣльческихъ, земля имѣетъ большую цѣнность, а крѣпостные почти никакой, или весьма малую; въ другихъ же губерніяхъ, преимущественно промышленныхъ, или хотя и земледѣльческихъ, но мало населенныхъ, владѣльцы получаютъ доходъ не отъ земли, а отъ крѣпостныхъ; 2) что допущеніе при выкупѣ крѣпостныхъ какихъ бы то ни было особливыхъ разсчетовъ (какъ, напр., оцѣнки теряемой крѣпостной работы и т. п.), съ цѣлью по возможности уменьшить слѣдующее владѣльцамъ вознагражденіе, подало бы только поводъ къ самымъ несправедливымъ и произвольнымъ дѣйствіямъ и, не сокращая существенно расходовъ на выкупъ крѣпостныхъ, только стѣснило и раздражило бы владѣльцевъ и надолго затянуло бы ходъ дѣла; 3) что по тѣмъ же самымъ причинамъ было бы неудобно назначить владѣльцамъ вознагражденіе по разсчету дохода, котораго они, съ выкупомъ крѣпостныхъ, лишаются, потому что у насъ невозможно опредѣлить даже приблизительно средній доходъ отъ наибольшей части помѣщичьихъ имѣній; 4) что хотя выкупомъ крѣпостныхъ, на основаніи банковыхъ правилъ, справедливость не была бы нарушена, однако на развитіе промышленности въ Россіи такого рода выкупъ имѣлъ бы, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, много лѣтъ сряду, неблагопріятное вліяніе. Освобожденіе крѣпостныхъ, какъ уже выше замѣчено, потребуетъ немедленнаго поставленія нашихъ помѣщичьихъ хозяйствъ на коммерческую ногу, а это можно сдѣлать не иначе, какъ съ помощью болѣе или менѣе значительныхъ единовременныхъ чрезвычайныхъ издержекъ, которыя понадобятся почти въ ту же самую минуту, когда совершится освобожденіе. При всеобщей бѣдности и разореніи нашего дворянства, ему не откуда взять капиталовъ, необходимыхъ для покрытія такихъ чрезвычайныхъ издержекъ. Поэтому, если вся выкупная сумма не будетъ уплачена владѣльцамъ, при самомъ освобожденіи ихъ крестьянъ, сельское хозяйство въ Россіи понесетъ весьма чувствительный вредъ, отъ котораго не скоро оправится, а это, въ свою очередь, будетъ имѣть неблагопріятное вліяніе на все государство.

Итакъ, владѣльцевъ слѣдуетъ вознаградить за выкупаемыхъ у нихъ крѣпостныхъ самымъ простымъ и самымъ справедливымъ образомъ: оцѣнить крѣпостныхъ съ слѣдующею имъ землею, по существующимъ на мѣстѣ цѣнамъ, какъ можно добросовѣстнѣе, какъ можно ближе къ истинѣ, и затѣмъ выдавать всю выкупную сумму сполна, при самомъ отчужденіи крѣпостныхъ изъ частнаго владѣнія. Только такой способъ выкупа, не внося въ важное государственное дѣло освобожденія никакихъ искусственныхъ и произвольныхъ условій, напротивъ, принимая за исходную точку существующій нынѣ порядокъ дѣлъ, въ состояніи приготовить преобразованіе сельско-хозяйственнаго быта Россіи легко, почти незамѣтно; ибо только при помощи такого способа, примиряющаго пользы всѣхъ, новое начнетъ заступать мѣсто стараго безъ перерыва и съ необходимою постепенностью.

Многіе думаютъ, что операцію выкупа крѣпостныхъ слѣдовало бы произвести одновременно съ ликвидаціею долговъ, лежащихъ на дворянскихъ имѣніяхъ по ссудамъ изъ кредитныхъ установленій. Зачетъ сдѣланныхъ ссудъ — такъ думаютъ они — значительно уменьшитъ выкупную сумму, которая будетъ причитаться помѣщикамъ. Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что сліяніе этихъ двухъ операцій отняло бы у помѣщиковъ средства, необходимыя для немедленнаго устройства ихъ хозяйствъ согласно съ новыми экономическими условіями, и уменьшило бы массу денегъ, которая бы безъ того поступила въ обращеніе. Оба эти послѣдствія безъ сомнѣнія, имѣли бы на внутренній бытъ государства такое неблагопріятное вліяніе, что съ нимъ не можетъ идти въ сравненіе неудобство внутренняго или внѣшняго долга, сдѣланнаго для выкупа крѣпостныхъ и равняющагося предполагаемой къ зачету суммѣ. Такой зачетъ слѣдовало бы допустить въ той только части долга кредитнымъ установленіямъ, которая недостаточно бы обезпечивалась остающеюся за владѣльцами послѣ выкупа частью ихъ имѣній.

3) Для опредѣленія количества земли, которое дѣйствительно находится во владѣніи крѣпостныхъ и подлежитъ выкупу, и для назначенія суммы, слѣдующей владѣльцу за выкупаемое имѣніе, слѣдовало бы учредить по уѣздамъ оцѣночныя коммиссіи, составленныя на половину по выбору изъ мѣстныхъ

владѣльцевъ, на половину по назначенію правительства изъ не-владѣльцевъ, однако, коротко знакомыхъ съ мѣстнымъ бытомъ и условіями края. Если владѣлецъ и крѣпостные съ приговоромъ коммиссіи по означеннымъ двумъ предметамъ согласятся, то онъ получаетъ законную силу; въ противномъ же случаѣ поступаетъ на окончательную ревизію губернской оцѣночной коммиссіи, составленной на изложенныхъ выше основаніяхъ изъ владѣльцевъ и не-владѣльцевъ. Кромѣ того, надлежало бы учредить особливую центральную коммиссію для руководства оцѣночныхъ коммиссій въ ихъ дѣйствіяхъ, для разрѣшенія ихъ вопросовъ, сомнѣній и всѣхъ тѣхъ частныхъ случаевъ, кои возбуждаютъ споры и недоразумѣнія по недостаточности или неясности правилъ, данныхъ въ руководство оцѣночнымъ коммиссіямъ.

4) Собственно финансовая операція по выкупу крѣпостныхъ могла бы быть возложена на нарочно для того учрежденный банкъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: а) по постановленіямъ оцѣночныхъ коммиссій, вошедшимъ въ законную силу, выкупъ крѣпостныхъ совершается или ими самими,—взносомъ выкупной суммы сполна, или только частью, или же банкомъ — посредствомъ выплаты владѣльцу всей суммы, или только той ея части, которая не довзнесена крѣпостными; б) банкъ дѣлаетъ уплаты особливыми билетами, которые всюду принимаются наравнѣ съ билетами прочихъ кредитныхъ установленій и обезпечиваются правительствомъ звонкой монетой, не менѣе, какъ въ шестой части ихъ нарицательной цѣны; в) выплаченная владѣльцамъ изъ банка сумма зачисляется долгомъ на выкупленномъ имѣніи, съ уплатою въ 37-лѣтній или другой, болѣе продолжительный срокъ, по равной части ежегодно; процентовъ же на выкупленныхъ крѣпостныхъ начислять: съ капитала обезпеченія—по 5% ежегодно; со всего же выкупного капитала, выплаченнаго владѣльцамъ, не болѣе, какъ сколько нужно для покрытія всѣхъ издержекъ выкупной операціи, а по выплатѣ бывшими крѣпостными 5/6 частей выкупнаго капитала оплачивать процентами уже не весь капиталъ обезпеченія, а только ту его часть, которая обезпечиваетъ остающійся непогашеннымъ выкупной капиталъ, рубль за рубль; г) по мѣрѣ уплаты выкупленными крѣпостными лежащаго на нихъ выкупного долга, выпущенные банкомъ билеты надлежитъ извлекать изъ обращенія [1]); и д) по совершенномъ погашеніи бывшими крѣпостными выплаченнаго за нихъ помѣщикамъ выкупного капитала, владѣемую ими выкупленную землю обратить въ полную ихъ собственность, на правахъ государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ.

5) Такъ какъ выкупъ крѣпостныхъ предполагается производить по существующимъ на мѣстахъ цѣнамъ, безъ всякаго ихъ уменьшенія, то переводъ всякаго рода долговъ, казенныхъ, банковыхъ и частныхъ, сдѣланныхъ самими владѣльцами подъ залогъ населенныхъ ихъ имѣній, на выкупленныхъ у нихъ крестьянъ ни въ какомъ случаѣ допускать не должно. Вслѣдствіе этого, означенные долги обезпечатся тою только частью имѣній, которая останется собственностью владѣльцевъ и, согласно съ этимъ, права кредиторовъ на слѣдующую владѣльцамъ выкупную сумму будутъ опредѣляться дѣй-

---

[1]) Изъ сельско-хозяйственной статистики смоленской губерніи, изданной Я. Соловьевымъ (Москва, 1855 г.), видно, что въ этой губерніи общее число крѣпостныхъ составляетъ 378,038 м. пола душъ: при среднемъ надѣлѣ на душу по 13 десят. земли, средняя цѣна каждой души есть 117 руб. Положимъ, что въ дѣйствительномъ владѣніи крѣпостныхъ находится цѣлая половина общаго количества земли, какое приходится на душу (что невѣроятно, ибо въ томъ же числѣ положены и господскія усадьбы, сѣнокосы, лѣса и т. п.); такъ какъ средняя цѣна незаселенной десятины въ губерніи есть 5½ руб., то при выкупѣ помѣщичьихъ крѣпостныхъ смоленской губ. пришлось бы заплатить владѣльцу за каждую выкупаемую душу, среднимъ числомъ, 117 руб.—(6½ десят.×5½ руб.=35 р. 75 коп.)=81 руб. 25 коп. Слѣд. на выкупъ въ смоленской губ. всего крѣпостного населенія потребовался бы капиталъ въ 30.715,587 руб. 50 коп., и фондъ обезпеченія въ 5.119,264 руб. 58⅓ коп. Если крѣпостные будутъ платить ежегодно не болѣе ½% на выкупной капиталъ, то это составитъ въ первый годъ слишкомъ 153,500 руб. дохода, который хотя въ каждый слѣдующій затѣмъ годъ и будетъ уменьшаться на 4,151 руб., но все же образуетъ сумму, съ избыткомъ достаточную на покрытіе издержекъ всей выкупной операціи, не только по одной, но и по нѣсколькимъ, и даже по многимъ губерніямъ. Съ причисленіемъ этого ½% и 5% на капиталъ обезпеченія, ежегодный платежъ каждой выкупленной души на погашеніе долга, при разложеніи выкупного капитала лишь на 37 лѣтъ, составитъ въ первыя 30 лѣтъ только отъ 2 р. 89 к. до 2 р. 55 к.,—а послѣ того и эта сама по себѣ незначительная плата еще болѣе будетъ понижаться. Не должно при этомъ забывать, что смоленская губ. по количеству крѣпостного населенія занимаетъ, вмѣстѣ съ тульскою, первое мѣсто въ цѣлой имперіи.

ствующими законами, безъ всякаго измѣненія. Только по ссудамъ изъ кредитныхъ установленій должно бы допустить льготу, о которой упомянуто выше (во 2-мъ пунктѣ въ концѣ).

6) Для успѣха дѣла совершенно необходимы были бы: а) предварительное опубликованіе цѣлаго плана освобожденія крѣпостныхъ во всеобщее извѣстіе, съ предоставленіемъ права обсуждать его во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ подробностяхъ, хотя бы въ одномъ только повременномъ изданіи, назначенномъ для того самимъ правительствомъ и подъ его непосредственнымъ надзоромъ. Такое разсмотрѣніе проекта частными лицами дало бы правительству возможность, при окончательномъ изданіи закона о выкупѣ крѣпостныхъ, исправить вкравшіеся въ проектъ недостатки, неточности и ошибки; б) возможная гласность хода всей операціи, начиная съ перваго закона о приступленіи къ выкупу, и оканчивая послѣднимъ взносомъ выкупленными слѣдующей съ нихъ въ банкъ суммы; наконецъ, в) строжайшая справедливость, правосудіе и добросовѣстность какъ при опредѣленіи и выплатѣ выкупныхъ суммъ, такъ и при назначеніи количества выкупаемой земли.

VI.

Вотъ въ общихъ чертахъ планъ упраздненія помѣщичьяго крѣпостного права. Такъ какъ въ этомъ правѣ сходятся интересы и владѣльцевъ, и крѣпостныхъ, и государства, то каждый изъ этихъ трехъ элементовъ принялъ бы дѣятельное участіе и въ разрѣшеніи задачи; дворянство—подвергаясь внезапному переходу къ совершенно новому порядку хозяйства, польза котораго для всего владѣльческаго сословія въ массѣ не подлежитъ сомнѣнію, но который въ примѣненіи къ тому или другому лицу можетъ вести къ большимъ убыткамъ и даже къ совершенному разстройству; крѣпостные—выплачивая полное вознагражденіе владѣльцамъ; правительство—обезпечивая всю операцію своимъ кредитомъ и звонкою монетою.

Скажутъ: планъ этотъ невыполнимъ; выкупъ всѣхъ крѣпостныхъ въ цѣлой имперіи потребуетъ огромнаго количества серебра и золота, котораго правительство не имѣетъ и долго еще не будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи совершенно свободнымъ.

Но необходимо ли, полезно ли, даже благоразумно ли начать вдругъ, разомъ, выкупъ крѣпостныхъ на всемъ пространствѣ государства? Мы, съ своей стороны, думаемъ, что подобной мѣры нельзя ни предлагать, ни даже желать.

Какъ бы ни былъ строго и глубоко обдуманъ планъ упраздненія помѣщичьяго крѣпостного права, въ немъ непремѣнно останется многое недоговореннымъ и недодуманнымъ, пока онъ не пройдетъ чрезъ повѣрку практики и примѣненія. Опытъ осуществленія всякаго такого плана, хотя бы въ самыхъ малыхъ размѣрахъ, во всѣхъ отношеніяхъ совершенно необходимъ.

Опытъ придаетъ самому правительству твердость и увѣренность въ стремленіи къ предположенной цѣли освобожденія крѣпостныхъ.

Опытъ раскроетъ глаза и дворянству; онъ убѣдитъ его на дѣлѣ, лучше всякихъ увѣреній, въ непремѣнномъ, непреклонномъ намѣреніи правительства рѣшить вопросъ о помѣщичьемъ крѣпостномъ правѣ, сохраняя однако въ совершенной цѣлости и неприкосновенности гражданскія права и матеріальные интересы дворянства; онъ успокоитъ владѣльцевъ и на счетъ благодѣтельныхъ послѣдствій освобожденія, которыя не замедлятъ тотчасъ же обнаружиться возвышеніемъ цѣны на землю, на трудъ, и увеличеніемъ матеріальнаго благосостоянія въ мѣстности, очищенной отъ крѣпостного права.

Наконецъ, опытъ будетъ полезенъ и благодѣтеленъ и для самихъ крѣпостныхъ; теперешнимъ неопредѣленнымъ и потому часто дикимъ мечтаніямъ ихъ о вольности, принимающимъ иногда разрушительный характеръ, онъ дастъ тѣло и практическое направленіе, указавъ законную цѣль, законные пути и способы.

Итакъ, съ какой стороны ни взглянуть, предварительный мѣстный опытъ освобожденія крѣпостныхъ на основаніи зрѣло обдуманнаго плана необходимъ. Онъ послужитъ введеніемъ къ всеобщему упраздненію крѣпостного права въ цѣлой Россіи и будетъ существенно тому способствовать. Владѣльцы, убѣдясь, что освобожденіе неминуемо, и что оно совершается добросовѣстно и благонамѣренно, поспѣшатъ предупредить принужденный выкупъ добровольными сдѣлками

съ своими крѣпостными, и такимъ образомъ, пока въ одной мѣстности крѣпостные будутъ освобождаемы по распоряженію правительства, во всѣхъ другихъ общественное мнѣніе не только будетъ уже совершенно приготовлено къ начатію повсемѣстнаго выкупа, но и многое будетъ уже заранѣе сдѣлано въ этомъ смыслѣ.

Какой же край избрать для перваго опыта? Всего лучше западную Россію.

Во-первыхъ, въ ней помѣщики разнаго племени и большею частью разной вѣры съ крѣпостными; во-вторыхъ, въ нѣкоторыхъ западныхъ губерніяхъ крѣпостное право успѣло уже принести всѣ свои горькіе плоды, во всѣхъ отношеніяхъ; въ третьихъ, выкупъ крѣпостныхъ, пустивъ въ оборотъ большіе капиталы, оживилъ бы промышленную дѣятельность этого чуть ли не самаго бѣднаго края въ цѣлой имперіи; наконецъ, въ четвертыхъ, эта мѣра подняла и возвысила бы тамъ значеніе и роль русскаго элемента, ибо могущественнѣйшій рычагъ для обрусѣнія западныхъ губерній—не насильственное введеніе русскаго языка и русскаго управленія, не стѣсненіе инородцевъ и иновѣрцевъ, а освобожденіе тамошнихъ русскихъ изъ крѣпостной зависимости отъ поляковъ.

Но скажутъ: и выкупъ крѣпостныхъ вдругъ въ 9-ти губерніяхъ западной Россіи также опасенъ, дорого обойдется; — словомъ, тоже неудобенъ и даже невозможенъ.

Положимъ, что такъ. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ начать выкупъ хоть съ одной какой-нибудь губерніи по западной нашей границѣ. На это денежныхъ средствъ всегда достанетъ: малѣйшее облегченіе внутренней нашей промышленности, хоть одна какая-нибудь благоразумная мѣра по министерству финансовъ, напр., отмѣна теперешнихъ стѣснительныхъ законовъ о золотопромышленности, уменьшившихъ ежегодную добычу золота въ Сибири, въ теченіе 5-ти лѣтъ, на 500 пудовъ,—и явится фондъ на выкупъ крѣпостныхъ не въ одной, а въ нѣсколькихъ губерніяхъ.

Противъ этого многіе возразятъ: невозможно выкупить крѣпостныхъ въ одной губерніи, не выкупая въ то же время въ другихъ, ибо это подняло бы бунты, которые могутъ охватить всю Россію и привести къ общему перевороту.

Возраженіе очень близорукое. Тѣ, которые такъ думаютъ, конечно, не станутъ отрицать, что довольно трудно предположить внезапное возстаніе всѣхъ крѣпостныхъ не только въ цѣлой Россіи, но даже и въ цѣлой какой-нибудь губерніи; что противъ частныхъ бунтовъ, если бъ они съ началомъ выкупа мѣстами и усилились, можно принимать полицейскія и военныя мѣры, которыя помѣшаютъ имъ распространяться далѣе; что, слѣдовательно, обезпечить внутреннее спокойствіе имперіи на то время, пока продолжается постепенное упраздненіе крѣпостного права, такъ или иначе, еще возможно. Но подумали ли они о томъ, что при крѣпостномъ правѣ положеніе съ каждымъ годомъ будетъ становиться опаснѣе и неисправимѣе, что если это право останется въ теперешнемъ своемъ видѣ, то нѣсколько десятковъ лѣтъ позднѣе оно взорветъ на воздухъ все государство? Малодушная мысль après nous le déluge не можетъ быть девизомъ правительства: какъ кормчій, оно должно видѣть впереди, выбирая и разсчитывая свои мѣры не по одной настоящей минутѣ, но и по ближайшему будущему времени.

Притомъ опасностью грозитъ, конечно, не надежда, а безнадежность крѣпостныхъ когда-нибудь получить свободу. Такая безнадежность начинаетъ уже въ нихъ тамъ и сямъ проглядывать; они, къ несчастію, начинаютъ нападать на опасную, по своимъ послѣдствіямъ, мысль: будто бы правительство держитъ сторону господъ, будто бы оно не хочетъ подумать о защитѣ и покровительствѣ крѣпостныхъ отъ произвола и угнетенія помѣщиковъ. Конечно, мысль эта далеко еще не овладѣла массами; горе, если она найдетъ вѣру у большинства! А теперешнее невмѣшательство правительства въ отношенія владѣльцевъ и крѣпостныхъ можетъ и должно питать ее во всѣхъ концахъ Россіи. Что же? Лучше будетъ такое несчастное заблужденіе, чѣмъ вѣра, что вотъ-де царь и надъ нами сжалился и насъ сдѣлаетъ вольными: сегодня тамъ, а завтра и до насъ очередь дойдетъ?

Кто знаетъ Россію, кто понимаетъ ея великое призваніе, тотъ не сомнѣвается, что ей прежде всего необходимы мирные успѣхи, которые, впрочемъ, не только у насъ, но и вездѣ вѣрнѣе и прочнѣе развитія сомнительнымъ и тяжкимъ путемъ переворотовъ и смертельныхъ опытовъ; а несомнѣнный залогъ мирныхъ успѣховъ въ Россіи есть твердая вѣра народа въ царя. Чтобы поддержать эту-то вѣру и необходимо, прежде и больше

всего, освобожденіе крѣпостныхъ, и безъ отлагательства! Да не обольщаетъ себя никто въ этомъ отношеніи; пройдетъ еще немного времени, и даже этого средства будетъ уже недостаточно.

Къ несчастію, съ нѣкотораго времени всѣ понятія у насъ какъ-будто извратились; нерѣшительность, отсутствіе опредѣленныхъ идей и стремленій, даже робость правительства выдаются у насъ за высокую политическую осторожность, чуть-чуть не за альфу и омегу всякой государственной мудрости. Какъ несогласно это съ уроками русской исторіи! Кто рѣшится сказать, что Петръ I-й, что Екатерина II-я были неосторожны и неблагоразумны, что имъ недоставало государственной мудрости? Великія дѣла этихъ двухъ царствованій громко говорятъ за себя. И что же? Оба отличались большою твердостью и рѣшимостью; Петръ, конечно, болѣе геніальною, Екатерина — болѣе хитрою и умною. Петръ воевалъ въ одно и то же время съ сильнѣйшимъ внѣшнимъ и съ сильнѣйшимъ внутренними врагами; тѣхъ и другихъ онъ какъ-будто нарочно вызывалъ на бой и громилъ безпощадно. То же въ существѣ, хотя и въ другихъ формахъ, дѣлала Екатерина. Но съ вѣнскаго конгресса у насъ какъ-будто исчезло и самое преданіе объ этой спасительной рѣшимости. Во всѣхъ важныхъ внутреннихъ вопросахъ правительство, при кажущейся энергіи, дѣйствуетъ вяло и неопредѣленно.

Отъ этой добровольной искусственной дремоты, овладѣвшей только вслѣдствіе ошибочнаго взгляда, пора встрепенуться, особливо въ отношеніи къ крѣпостному вопросу. Правительству стоитъ только рѣшиться овладѣть этимъ вопросомъ и повести его къ развязкѣ,— и весь народъ пойдетъ по указанному пути съ довѣріемъ и любовью.

VII.

Начавъ выкупъ крѣпостныхъ въ одной мѣстности, слѣдовало бы, въ то же время, содѣйствовать къ упраздненію крѣпостного права и во всѣхъ прочихъ *разными косвенными мѣрами и полумѣрами*, которыя, не касаясь существа этого права, подготовили и значительно облегчили бы выполненіе изложеннаго плана выкупа, въ обширныхъ размѣрахъ, во всей Россіи. Указанія на такія мѣры и полумѣры содержатся въ нашемъ законодательствѣ и нашихъ нравахъ; стоитъ только развить ихъ въ правительственныя распоряженія.

Императоръ Александръ I старался *количественно* уменьшить число крѣпостныхъ и *качественно* придать крѣпостному праву значеніе не непосредственной личной зависимости крѣпостныхъ отъ господъ, а зависимости, какъ бы происходящей вслѣдствіе того, что земля принадлежитъ помѣщикамъ, а крѣпостные крѣпки землѣ. Въ обоихъ этихъ направленіяхъ очень многое остается еще сдѣлать административнымъ и законодательнымъ порядкомъ.

Владѣльцы изъ различныхъ побужденій нерѣдко сами желаютъ предоставить свободу своимъ крѣпостнымъ на различныхъ условіяхъ, а крѣпостные, съ своей стороны, тоже готовы откупиться; тѣмъ и другимъ надлежало бы всячески содѣйствовать.

Огромное большинство помѣщиковъ, даже при сердечной добротѣ и благонамѣренности, не знаютъ и не понимаютъ вопроса объ освобожденіи; имъ и въ мысль не приходитъ, что съ упраздненіемъ крѣпостного права они сами во всѣхъ отношеніяхъ выиграютъ; слѣдовало бы употребить всѣ мѣры, чтобы дворянство и чиновники имѣли возможность сами убѣдиться въ пользѣ и даже необходимости освобожденія крѣпостныхъ, и содѣйствовали въ этомъ отношеніи видамъ правительства не нехотя, а добровольно и сознательно.

Согласно съ сказаннымъ, можно бы принять въ отношеніи къ освобожденію крѣпостныхъ слѣдующія косвенныя мѣры:

I. Продолжая дѣятельность императоровъ Александра I и Николая, издать рядъ постановленій, которыя, не касаясь существа крѣпостного права, ограничили бы, однако, его дальнѣйшее географическое распространеніе, положили бы предѣлъ размноженію лицъ, которыя этимъ правомъ пользуются, и наконецъ, способствовали бы уменьшенію количества помѣщичьихъ населенныхъ имѣній. Такимъ образомъ: 1) *для прекращенія дальнѣйшаго географическаго распространенія крѣпостного права*: а) запретить основаніе, гдѣ бы то ни было, новыхъ поселеній на крѣпостномъ правѣ; б) запретить переселеніе крѣпостныхъ изъ одного имѣнія въ другое на томъ же крѣпостномъ правѣ; 2) *для уменьшенія числа* лицъ, имѣющихъ право пріобрѣтать крѣпостныхъ и владѣть ими: а) ли-

цамъ, вновь получающимъ права потомственнаго дворянства, не предоставлять права владѣть крѣпостными; б) помѣщикамъ, имѣющимъ лишь дальнихъ родственниковъ (напр., въ 8-й степени или и далѣе), дозволять продажу ихъ населенныхъ имѣній не иначе, какъ съ предоставленіемъ крѣпостнымъ права выкупиться съ землею (см. ниже); и в) наслѣдованіе въ населенныхъ имѣніяхъ послѣ дальнихъ родственниковъ въ опредѣленной степени допускать не иначе, какъ съ освобожденіемъ крѣпостныхъ, приписанныхъ къ тѣмъ имѣніямъ по ревизіи, и притомъ съ тою землею, которою они дѣйствительно владѣли и пользовались при жизни умершихъ ихъ владѣльцевъ. Такое правило не было бы несправедливо, потому что тѣсныя родственныя связи между далекими родственниками теперь почти не существуютъ болѣе; имѣнія достаются по наслѣдству отъ дальнихъ родственниковъ большею частью неожиданно и какъ бы отъ совершенно постороннихъ лицъ. Поэтому, въ нѣкоторыхъ законодательствахъ возникалъ даже вопросъ: не слѣдуетъ ли вовсе прекратить право наслѣдованія въ слишкомъ далекихъ степеняхъ родства. И 3) *для уменьшенія количества населенныхъ помѣщичьихъ имѣній*: а) предоставить всѣмъ свободнымъ состояніямъ въ Россіи право пріобрѣтать населенныя имѣнія, но съ освобожденіемъ, притомъ, приписанныхъ къ нимъ крѣпостныхъ, съ владѣемою ими землею, какъ сказано выше; б) при продажѣ населенныхъ имѣній съ публичнаго торга за долги кредитнымъ установленіямъ предоставлять крѣпостнымъ, приписаннымъ къ тѣмъ имѣніямъ, право выкупиться самимъ и съ землею, которая находится въ ихъ дѣйствительномъ владѣніи и пользованіи; или же правительству выкупать ихъ, на основаніи изложенныхъ выше правилъ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ. На такія имѣнія могла бы быть перечислена извѣстная часть долга кредитнымъ установленіямъ; количество слѣдующей имъ земли—опредѣлено посредствомъ особливой оцѣночной коммисіи, а выкупная сумма—или тою же коммисіею, или по разсчету на основаніи цѣны, предложенной за имѣніе на торгахъ и переторжкѣ [1]). в) Выкупать крѣпостныхъ съ землею, на изложенныхъ выше основаніяхъ, у всѣхъ помѣщиковъ владѣющихъ менѣе, чѣмъ 30-ю душами, при переходѣ этихъ душъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, по наслѣдству, завѣщанію, продажѣ или другимъ образомъ. Чрезъ это мало-по-малу стали бы уменьшаться и исчезать мелкопомѣстныя владѣнія, вредныя во всѣхъ отношеніяхъ. г) На тѣхъ же основаніяхъ выкупать имѣнія разнопомѣстныя, при переходѣ ихъ какимъ бы то ни было образомъ отъ одного помѣщика къ другому.

II. Надлежало бы всячески содѣйствовать добровольнымъ сдѣлкамъ между владѣльцами и ихъ крѣпостными о выпускѣ послѣднихъ на волю съ землею и безъ земли. О способахъ достигнуть этой цѣли замѣтимъ слѣдующее: а) отпущеніе на волю крѣпостныхъ съ незапамятныхъ временъ считалось у нашихъ предковъ однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ и какъ бы обязательныхъ подвиговъ благотворительности и благочестія; не было предсмертнаго словеснаго распоряженія владѣльца, которымъ бы не увольнялись крѣпостные. Этотъ исполненный любви и христіанскаго милосердія обычай слѣдовало бы не только поддерживать, но и всячески развивать между владѣльцами. Всего ближе это могло бы сдѣлаться при содѣйствіи и помощи духовенства, которое, конечно, съ радостью воспользовалось бы случаемъ принять дѣятельное, согласное съ духомъ евангелія и съ святымъ пастырскимъ призваніемъ, участіе въ рѣшеніи этого государственнаго вопроса первостепенной важности. Невозможно

[1]) Въ 1846 году крѣпостнымъ предоставлено было право, при продажѣ съ публичныхъ торговъ имѣній, къ которымъ они приписаны, выкупаться на волю; но оно не привело къ ожидаемымъ результатамъ, потому что крѣпостнымъ вмѣнено въ обязанность вносить послѣдне состоявшуюся высшую цѣну на торгахъ за все вообще имѣніе и притомъ на взносъ денегъ данъ самый незначительный срокъ. По первому изъ этихъ условій, на крѣпостныхъ возлагалась тяжелая обязанность платить очень значительную сумму, и взамѣнъ пріобрѣсти гораздо больше земли и угодьевъ, чѣмъ сколько имъ дѣйствительно нужно; по второму же отъ нихъ требовалась уплата всѣхъ денегъ въ такой короткій срокъ, въ какой иной и капиталистъ не успѣлъ бы изворотиться. Наконецъ, даже и это тяжелое и сомнительное право отнято у крѣпостныхъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы оно производитъ частыя волненія между крестьянами, не имѣющими средствъ имъ воспользоваться. Но, во-первыхъ, волненія эти были такъ рѣдки, и тѣ, которыя происходили, были такъ незначительны, что они ни въ какомъ случаѣ не должны были служить основаніемъ къ отнятію права, еще такъ недавно предъ тѣмъ дарованнаго крѣпостнымъ по милости государя; при томъ, если законъ былъ недостаточенъ, то слѣдовало его исправить, а не вовсе отмѣнить.

исчислить, какое огромное и благодѣтельное вліяніе на успѣхи освобожденія крѣпостныхъ могли бы имѣть увѣщанія владѣльцевъ и владѣлицъ, со стороны духовенства, отпускать больше людей на волю или вовсе безъ выкупа, или хотя и съ выкупомъ, но на условіяхъ какъ можно болѣе умѣренныхъ, какъ можно менѣе тягостныхъ для крѣпостныхъ. Само собою разумѣется, что эта цѣль едва ли была бы достигнута формальнымъ предложеніемъ святѣйшему синоду и синодскими циркулярами всему православному духовенству. Только убѣжденіе родитъ убѣжденіе и всѣ его благія послѣдствія. Надобно стараться, чтобы достойнѣйшіе, наиболѣе почитаемые, любимые и вліятельные члены духовенства вошли по сердечному убѣжденію въ виды правительства и ради общаго блага, ради общей пользы гражданской и христіанской, добровольно захотѣли дѣйствовать въ этомъ смыслѣ: тогда они будутъ знать, какъ и къ кому отнестись, кому изъ эпархіальнаго духовенства что и какъ предписать и внушить; словомъ, собственное убѣжденіе и любовь укажутъ имъ пути и способы дѣйствованія, которые недоступны для циркулярныхъ предписаній. б) Слѣдовало бы подвергнуть самому внимательному пересмотру и существенно упростить всѣ безъ изъятія дѣйствующія нынѣ постановленія объ отпускѣ на волю крѣпостныхъ какъ съ землею, такъ и безъ земли, ибо, напр., освобожденіе крѣпостныхъ съ землею въ настоящее время обставлено столькими формальностями, многосложными, придирчивыми и безконечными, что трудно рѣшить—хочетъ ли законодательство способствовать или противодѣйствовать упраздненію крѣпостного права; в) слѣдовало бы также организовать правильнымъ образомъ и по возможности въ обширныхъ размѣрахъ выдачу ссудъ тѣмъ крѣпостнымъ деревнямъ, селамъ и т. п. и даже отдѣльнымъ лицамъ, на увольненіе которыхъ помѣщики изъявляютъ согласіе, подъ условіемъ взноса извѣстной суммы денегъ. Потребность этой мѣры очевидна: часто бываетъ, что крѣпостные имѣютъ случай выкупиться съ землею, на довольно выгодныхъ условіяхъ, и даже деньги у нихъ есть, да не сполна вся требуемая сумма, и изъ-за этого дѣло расходится. Что касается до выкупа изъ крѣпостного состоянія отдѣльныхъ лицъ, то въ большихъ центрахъ, напр., въ Москвѣ и Петербургѣ, онъ совершается такъ часто, что давно уже вошелъ въ разрядъ юридическихъ сдѣлокъ самыхъ обыкновенныхъ. Происходитъ это такимъ образомъ: крѣпостные, не имѣя денегъ для выкупа, пріискиваютъ себѣ кредитора, который вноситъ за нихъ всю сумму, а они ее потомъ у него отслуживаютъ. Такой выкупъ, въ мнѣніи простого народа, есть дѣло благочестивое, болѣе угодное Богу, чѣмъ обыкновенная ссуда. Еслибъ былъ учрежденъ банкъ или отдѣленіе банка для выдачи ссудъ на выкупъ, на извѣстныхъ условіяхъ, согласованныхъ съ потребностями, способами и нуждами простого народа, то нѣтъ сомнѣнія, что при не очень значительномъ оборотномъ капиталѣ онъ оказалъ бы самую существенную услугу дѣлу освобожденія и незамѣтно доставилъ бы волю тысячамъ людей и множеству селъ и деревень. И г) надлежало бы содѣйствовать всѣми возможными средствами образованію капиталовъ для выкупа крѣпостныхъ съ землею и безъ земли. Такими средствами могли бы служить открытіе подписокъ, постоянныхъ и временныхъ, въ цѣлой Россіи, сборы въ церквахъ, разыгрываніе лотерей. Слѣдовало бы не только дозволить, но поощрять составленіе обществъ, по образцу благотворительныхъ, съ цѣлью выкупа крѣпостныхъ; эти общества могли бы принимать участіе и въ составленіи договоровъ или условій между господами и ихъ крѣпостными о выкупѣ и т. п. Многіе найдутъ, можетъ быть, всѣ эти способы неприличными или, какъ у насъ говорятъ, неблаговидными; но съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Если не считается неприличною подписка на выкупъ плѣнныхъ, на вспоможеніе раненымъ, на покупку имъ не только пищи, бѣлья, платья, но даже лекарствъ, корпіи и разныхъ цѣлебныхъ и прохладительныхъ снадобьевъ, если никому не приходило еще въ голову считать неблаговидными пожертвованія деньгами и вещами въ пользу бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ, на выкупъ должниковъ изъ тюрьмы, на содержаніе бѣднаго духовенства, церквей, въ пользу войскъ, даже на покрытіе военныхъ издержекъ, то нѣтъ причины почему бы неприлично или неблаговидно было собирать пожертвованія на упраздненіе крѣпостного права, которое въ государственномъ смыслѣ хуже бѣдности, сиротства, болѣзни, ранъ, тюрьмы, плѣна, и гораздо вреднѣе и опаснѣе войны.

III. Выше было замѣчено, что императоръ Александръ I старался поставить въ крѣпостномъ правѣ на первый планъ не лич-

ность крѣпостныхъ, а землю, недвижимую собственность, и къ ней такъ сказать, пріурочить повинности и обязанности крѣпостныхъ къ владѣльцамъ; мысль глубокая, которая давно преобразовала бы у насъ крѣпостное право, еслибъ и она, какъ многое другое хорошее въ нашемъ законодательствѣ, не была впослѣдствіи забыта. Начать теперь развивать эту мысль во всѣхъ ея подробностяхъ едва ли было бы полезно, потому что большая часть мѣръ, изъ нея вытекающихъ, коснулась бы самаго существа крѣпостного права, а всякая попытка опредѣлить отношеніе между крѣпостными и ихъ владѣльцами, при теперешней низкой степени образованія въ Россіи, при отсутствіи правосудія и неустройствѣ мѣстной администраціи и полиціи, вмѣсто того, чтобъ оградить крѣпостныхъ, повела бы только, какъ показалъ опытъ, къ усиленію взаимнаго неудовольствія и раздраженія господъ и крѣпостныхъ и къ безчисленнымъ новымъ, разорительнымъ процессамъ. Поэтому было бы осторожнѣе, даже, можетъ быть, справедливѣе и во всякомъ случаѣ полезнѣе, имѣя цѣлью выкупъ и окончательное, полное освобожденіе крѣпостныхъ, ограничиться, при осуществленіи означенной выше мысли, тѣми только мѣрами, которыя, подготовляя повсемѣстное освобожденіе, въ то же время не нарушали бы матеріальныхъ интересовъ владѣльцевъ. Въ этихъ видахъ можно было бы: а) выкупить всѣхъ однодворческихъ крестьянъ безъ земли;—по 9-й народной переписи ихъ числилось не болѣе 6,347 душъ муж. пола; б) окончательно запретить, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, владѣть крѣпостными безъ земли. Подобное запрещеніе существуетъ уже и теперь, но оно обставлено столькими оговорками, изъятіями и тому подобными сбивчивостями, что даже до сихъ поръ есть какіе-то, закономъ дозволенные, способы владѣть крѣпостными, не приписанными къ землѣ. И в) окончательно запретить продажу и отчужденіе крѣпостныхъ безъ земли, подъ какимъ бы то предлогомъ ни было, потому что такія продажи подаютъ поводъ къ самымъ вопіющимъ злоупотребленіямъ, напр., по отправленію рекрутской повинности, и обращаютъ крѣпостныхъ въ личныхъ рабовъ [1]).

IV. Наконецъ, для того, чтобъ имѣть возможность приступить къ повсемѣстному освобожденію помѣщичьихъ крѣпостныхъ въ цѣлой имперіи, надлежало бы собрать предварительно всѣ статистическія данныя, необходимыя для составленія проекта выкупной операціи, подготовить достаточное число благонамѣренныхъ, безкорыстныхъ и просвѣщенныхъ чиновниковъ, хорошо знакомыхъ съ юридическою и экономическою стороною крѣпостного права, и расположить въ пользу освобожденія общественное мнѣніе. Для достиженія всѣхъ этихъ цѣлей, прежде всего необходима гласность, само собою разумѣется, въ извѣстныхъ предѣлахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что лишь только крѣпостное право и способы его упраздненія сдѣлаются предметомъ подробнаго разсмотрѣнія и обсужденія въ печати, и начнется обмѣнъ мыслей объ этомъ предметѣ,—общественное мнѣніе, подъ вліяніемъ разсужденій и преній, скоро сложится, будутъ собраны о крѣпостномъ правѣ весьма подробныя и основательныя свѣдѣнія и данныя, и образуются люди и чиновники, какіе нужны для успѣха дѣла,—словомъ, всѣ необходимыя орудія для упраздненія крѣпостного права создадутся сами собою и станутъ въ распоряженіе правительства, а ему останется только пользоваться ими. Согласно съ этимъ, надлежало бы принять слѣдующія мѣры: 1) для собранія статистическихъ свѣдѣній: а) по каждому уѣзду, въ которомъ есть крѣпостные, собрать за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ точныя и полныя данныя о томъ: аа) сколько въ немъ находится всего крѣпостного населенія; бб) поскольку десятинъ земли приходится на каждую крѣпостную душу; вв) сколько изъ нихъ находится въ дѣйствительномъ пользованіи крѣпостныхъ и, слѣдовательно, будетъ подлежать выкупу; гг) какая средняя цѣна десятины земли удобной — пахотной, луговой, покрытой лѣсомъ и проч., и неудобной; дд) какая цѣна одной ревизской души безъ земли; ее) какая средняя цѣна одной ревизской души въ общемъ составѣ населеннаго имѣнія, и жж) сколько въ уѣздѣ оброчныхъ и издѣльныхъ имѣній, сколько въ тѣхъ и другихъ

[1]) Вотъ два случая изъ тысячи: семья крѣпостныхъ людей покупается съ тою единственно цѣлью, чтобы сдать въ рекруты всѣхъ членовъ, годныхъ къ военной службѣ; послѣ того старики, женщины и дѣти перепродаются снова прежнему ихъ владѣльцу, по предварительному объ этомъ условію. Или: крестьянами богатѣйшаго владѣльца покупается на его имя цѣлая деревенька, и все годное въ ней для военной службы сдается въ рекруты; остаются одни старые, малые и женщины. Такъ обходится законъ, запрещающій разрознивать членовъ семействъ при продажѣ.

особливо ревизскихъ душъ и какое въ нихъ распредѣленіе земли между владѣльцами и крѣпостными; б) всѣ эти данныя собирать не чрезъ мѣстное начальство, которое, въ большей части требуемыхъ отъ него ститистическихъ свѣдѣній, почти всогда выставляетъ цифры на обумъ, чтобы лишь очистить бумагу, — а посредствомъ частныхъ лицъ, вызывая ихъ къ тому назначеніемъ, за отличные труды, наградъ, медалей, премій и т. п., открывая имъ всѣ нужные для ихъ работы оффиціальные источники и оказывая всевозможное содѣйствіе. Подобные труды могли бы съ большимъ успѣхомъ быть предлагаемы, въ видѣ задачъ, сельско-хозяйственными обществами, императорскимъ русскимъ географическимъ, академіею наукъ, начальствомъ межеваго вѣдомства и проч. Всѣ свѣдѣнія, собираемыя такимъ образомъ и частными лицами отъ себя,—печатать не только съ дозволеніемъ подвергать ихъ строгой повѣркѣ, но съ вызовомъ къ тому всѣхъ желающихъ и знакомыхъ съ дѣломъ, и съ этою цѣлью преміи, награды, медали и проч. за лучшіе сборники свѣдѣній такого рода присуждать не прежде, какъ по строгой ихъ провѣркѣ особыми спеціальными коммиссіями, которымъ вмѣнить въ обязанность принять въ самое тщательное соображеніе и разные отзывы, сдѣлавшіеся имъ извѣстными путемъ обнародованія или другими способами; 2) *въ видахъ приготовленія общественнаго мнѣнія къ упраздненію крѣпостного права* слѣдовало бы: а) не только разрѣшить владѣльцамъ совѣщаться между собою объ удобнѣйшихъ способахъ освобожденія крѣпостныхъ, преимущественно въ той мѣстности, гдѣ находятся ихъ имѣнія, но и поощрять ихъ къ тому; б) приглашать и поощрять къ тому же всѣ существующія въ Россіи сельско-хозяйственныя общества, къ занятіямъ которыхъ этотъ вопросъ непосредственно относится; в) предложить профессорамъ политической экономіи и статистики во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подробно излагать и объяснять на лекціяхъ пользу и выгоду освобожденія крѣпостныхъ въ промышленномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ; выполнить эту задачу имъ будетъ тѣмъ легче, что наука давно уже признала это положеніе за истину неопровержимую, не подлежащую никакому сомнѣнію; г) дозволить печатно разсуждать о трудѣ добровольномъ и принужденномъ или обязательномъ, съ вознагражденіемъ и безъ вознагражденія, и о пользѣ и вредѣ того и другого вида для государства, общества и частныхъ лицъ, въ хозяйственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Подобныя разсужденія, не касаясь вопроса съ его щекотливой, нравственной и политической стороны, принесли бы особливо при полемикѣ и ту еще неисчислимую пользу, что въ весьма короткое время въ нашемъ обществѣ сложились бы здравыя и ясныя политико-экономическія и финансовыя понятія, отсутствіе которыхъ теперь такъ ощутительно и такія вредныя имѣетъ послѣдствія.

Едва ли нужно оговаривать, что направленіе общественнаго мнѣнія къ извѣстной желаемой правительствомъ цѣли и возбужденіе частной дѣятельности въ извѣстномъ направленіи можетъ быть достигнуто не циркулярными предписаніями, не приказами къ точному и буквальному исполненію, а лишь словесными предложеніями, указаніями, частными сообщеніями, въ которыхъ просвѣчивало бы съ большею или меньшею очевидностью непремѣнное намѣреніе правительства освободить крестьянъ съ владѣемою ими землею, но съ полнымъ за то вознагражденіемъ владѣльцевъ. Убѣжденіе, что таковы цѣли правительства, успокоило бы умы, примирило бы всѣхъ съ предполагаемымъ преобразованіемъ и внушило бы высокое понятіе объ энергіи, прозорливости и справедливости правительства. А такого расположенія умовъ только и нужно, чтобы Россія легко, мирно, безъ потрясенія, освободилась отъ тяжкаго бремени крѣпостного права.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ [1]).

Мысль упразднить помѣщичье крѣпостное право выкупомъ владѣльческихъ крестьянъ со всею землею, которую они на себя обработываютъ, вызвала много возраженій. Благодаря имъ, самый предметъ, столь важный, столь, можно сказать, неисчерпаемый, болѣе и болѣе уясняется съ различныхъ сторонъ.

Признавая въ полной мѣрѣ, что всякое замѣчаніе и возраженіе, каково бы ни было, впрочемъ, его достоинство, указываетъ или на недостаточную разработку предмета, или,

---

[1]) Передъ этимъ на рукописи сдѣлана надпись карандашемъ:

„Слѣдующее написано нѣсколько позднѣе; кажется, въ томъ же 1855 году. *К. Кавелинъ*“.

по крайней мѣрѣ, на болѣе или менѣе существенные недостатки редакціи, мы считаемъ себя обязанными, для пользы самого дѣла, со всевозможнымъ вниманіемъ разобрать всѣ безъ изъятія возраженія, которыя намъ удалось слышать противъ мысли объ освобожденіи крѣпостныхъ вообще и въ особенности противъ предложеннаго нами способа выкупа.

Остановимся сперва на возраженіяхъ и замѣчаніяхъ болѣе общихъ, имѣющихъ особенную важность, и перейдемъ потомъ къ подробностямъ и частностямъ.

I.

Многіе рѣшительно возстаютъ противъ обращенія помѣщичьихъ крѣпостныхъ, послѣ ихъ выкупа, въ государственные крестьяне, водворенные на собственныхъ земляхъ, и остаются въ убѣжденіи, что послѣ освобожденія крѣпостныхъ дворянство въ Россіи никакъ сохраниться не можетъ.

Объ этомъ разсуждаютъ обыкновенно такимъ образомъ:

По освобожденіи, такъ или иначе, крѣпостныхъ людей, какое будетъ ихъ законное положеніе? Конечно, многія помѣщичьи имѣнія, дѣйствительно, представляютъ печальныя доказательства непозволительной безпечности и преступнаго равнодушія владѣльцевъ къ благу ихъ крѣпостныхъ; но, къ счастію, число ихъ, съ успѣхами просвѣщенія, видимо уменьшается, а взамѣнъ того сколько же есть такихъ имѣній, въ коихъ благоустройство, зажиточность крестьянъ и образцовый во всемъ порядокъ на дѣлѣ доказываютъ государственную и административную пользу помѣщичьей власти. Чѣмъ же можно замѣнить эту власть? На кого перенести съ владѣльцевъ безчисленныя заботы по внутреннему устройству бывшихъ крѣпостныхъ общинъ и и попечительство надъ крестьянами? Съ другой стороны, дворянство теперь—первое сословіе въ имперіи и пользуется привилегіями, которыя обезпечиваютъ за нимъ, частью по праву, но еще болѣе на самомъ дѣлѣ, извѣстное и притомъ довольно значительное вліяніе на общественную и государственную жизнь Россіи. Съ той минуты, какъ помѣщичьи крестьяне будутъ освобождены и сами станутъ землевладѣльцами, дворянство неминуемо потеряетъ это важное первенствующее значеніе, потому что не будетъ уже ни малѣйшаго основанія оставлять за нимъ тѣ привилегіи, которыми оно теперь исключительно пользуется. Потерявъ всякое отличіе отъ прочихъ сословій, оно смѣшается съ ними и по малочисленности своей затеряется въ ихъ массѣ. Можетъ ли дворянство желать такого преобразованія? Но, оставляя въ сторонѣ дворянство,—можно ли желать его для государства и для Россіи? Еслибы такое преобразованіе дѣйствительно состоялось, то нѣтъ сомнѣнія, что грубое невѣжественное большинство заглушило бы въ управленіи и общежитіи просвѣщенное меньшинство; нравы стали бы еще грубѣе, чѣмъ теперь, какъ во всѣхъ обществахъ, гдѣ аристократическіе элементы стоятъ на второмъ планѣ. Азіатская основа нашего народнаго характера опять стала бы преобладать, какъ было до Петра Великаго, ибо она сдерживается единственно благодаря тому, что во главѣ народа и управленія стоитъ меньшинство, принявшее европейское вліяніе и нравы. Итакъ, сохраненіе теперешняго положенія и роли дворянства въ Россіи есть дѣло государственной важности, а это невозможно безъ сохраненія крѣпостного права.

Таковы возраженія противъ упраздненія крѣпостного права, которыя слышатся отовсюду, не только отъ рѣшительныхъ противниковъ этой мѣры, но даже и отъ тѣхъ, которые признаютъ крѣпостное право несправедливымъ и во многихъ отношеніяхъ вреднымъ для Россіи.

Въ основаніи всѣхъ изложенныхъ выше разсужденій лежитъ, во-первыхъ, недовѣріе къ нашей администраціи,—особливо къ вѣдомству государственныхъ имуществъ, во-вторыхъ, убѣжденіе въ томъ, что значеніе и вліяніе должны принадлежать въ Россіи не массамъ, а просвѣщенному и зажиточному меньшинству, представляемому дворянствомъ.

Съ тѣмъ и другимъ нельзя не согласиться вполнѣ. Мѣстное наше управленіе крайне притѣснительно, алчно, невѣжественно и беззаконно. За весьма рѣдкими, случайными исключеніями мѣстные органы администраціи и правосудія едва ли не составляютъ худшей, вреднѣйшей части народонаселенія. Мы не станемъ также защищать мѣстнаго управленія государственныхъ имуществъ, хотя, признаемся, и не видимъ причины, почему бы ему именно принадлежало въ этомъ отношеніи печальное преимущество передъ про-

чими вѣдомствами. Наконецъ, нельзя не раздѣлять убѣжденія, что значеніе и вліяніе должны принадлежать не толпѣ, а образованнѣйшему и зажиточнѣйшему сословію. Если это справедливо для всѣхъ странъ въ мірѣ, то тѣмъ болѣе въ примѣненіи къ Россіи, гдѣ просвѣщеніе такъ мало развито въ большинствѣ народа.

Но именно для преобразованія мѣстной администраціи, для поставленія дворянства въ то положеніе, какое ему приличествуетъ, совершенно необходимо уничтожить крѣпостное право. Послѣднее породило и питаетъ неудовольствіе къ дворянству въ крѣпостныхъ и недовѣріе къ нему правительства. Внутренній разладъ между органическими стихіями Россіи, вытекая изъ крѣпостного права, съ его существованіемъ будетъ сохраняться, съ усиленіемъ его усилится, съ упраздненіемъ исчезнетъ,—разумѣется, если послѣднее совершится безобидно для простого народа.

Справедливость этой мысли подтверждаютъ и исторія, и ежедневный опытъ.

Что есть администрація? Орудіе, посредствомъ котораго верховная власть уравновѣшиваетъ различные общественные элементы, приходящіе между собою въ столкновеніе или въ соперничество. Богатые, знатные, родовитые, сильные, просвѣщенные, умные имѣютъ огромныя преимущества передъ бѣдными, незнатными, безродными, слабыми, непросвѣщенными, посредственными или глупыми, и образуютъ высшій слой человѣческихъ обществъ. Необходимое неравенство людей,—составляющее, вопреки всѣмъ теоріямъ, законъ естественный,—повело бы къ чрезмѣрному преобладанію меньшей части общества надъ большинствомъ, еслибы не было верховной власти, которой призваніе—служить между ними посредникомъ, охранять и защищать низшіе классы, во всѣхъ отношеніяхъ нуждающіеся въ опорѣ и покровительствѣ.

Въ древней Россіи крестьянинъ называлъ себя царскимъ сиротою, выражая тѣмъ глубокое, вполнѣ вѣрное, представленіе русскаго народа о верховной власти и ея значеніи, и вся наша внутренняя исторія, отъ первой страницы до послѣдней, есть не что иное, какъ развитіе и примѣненіе этого основного воззрѣнія. Не давъ у себя развиться, по примѣру другихъ славянскихъ племенъ, феодальнымъ и олигархическимъ зачаткамъ, русскій народъ создалъ власть, какой не видалъ еще дотолѣ міръ, и объ нее разбились всѣ бѣды, сгубившія другіе славянскіе народы. Зорко сторожили мы у себя за неприкосновенностью верховной власти, поддерживали ее всѣми силами въ шаткія времена и возстановляли, когда неблагоразуміе правителей низводило ее съ ея несокрушимаго подножія.

Русскій царь—не дворянинъ, не купецъ, не военный, не крестьянинъ; онъ выше всѣхъ сословій и въ то же время всѣмъ имъ близокъ. Сила вещей, нерѣдко вопреки личнымъ наклонностямъ, стремленіямъ и понятіямъ, непремѣнно дѣлаетъ русскаго царя посредникомъ, верховнымъ третейскимъ судьею общественныхъ интересовъ, справедливымъ мѣриломъ притязаній всѣхъ классовъ и сословій. Строго, даже сурово и временами жестоко, сдерживали наши древніе самодержцы высшее сословіе, когда оно чрезмѣрно налегало на простой народъ. Защищая слабаго противъ сильнаго, они должны были, мало-по-малу, создать себѣ покорное и надежное орудіе своего призванія, чуждое интересовъ обѣихъ соперничающихъ сторонъ. Такимъ орудіемъ является, почти тотчасъ же послѣ возникновенія самодержавія, сословіе дьяковъ и подьячихъ, зародышъ и первообразъ званія чиновниковъ. Это сословіе вербовалось изъ людей темныхъ, но болѣе или менѣе грамотныхъ и дѣловыхъ, не принадлежавшихъ ни къ какому званію, или покинувшихъ свое званіе и потому чуждыхъ всякимъ общественнымъ и сословнымъ интересамъ. Степень образованности, безкорыстія и добросовѣстности этого класса зависитъ отъ степени общаго народнаго образованія и нравственности. Но какъ въ полуварварскихъ, такъ и въ высоко просвѣщенныхъ государствахъ, характеръ, значеніе и общественное положеніе этого класса остаются тѣ же, пока не измѣнятся самыя отношенія между сословіями или общественными интересами. Русская пословица: „поссорь Богъ народъ, накорми воеводъ“ навсегда останется и въ буквальномъ, и въ переносномъ смыслѣ истиною для всѣхъ въ мірѣ народовъ. Напрасно многіе думаютъ, что бюрократическое управленіе посредствомъ чиновниковъ можетъ быть введено или уничтожено по произволу, напрасно приписываютъ они вредъ, происходящій отъ бюрократической системы, эгоистическимъ, себялюбивымъ видамъ правительства. Бюрократія есть необходимый

плодъ взаимной вражды и недовѣрія сословій и общественныхъ интересовъ, не умѣющихъ или не хотящихъ придти къ какому нибудь соглашенію. Говорятъ, что бюрократія порождена недовѣріемъ правительства къ народу. Но такъ ли это? Порядокъ вещей, при которомъ низшіе слои общества, по необразованности, отсутствію общественнаго духа и своему положенію, совершенно подчинены вліянію высшаго сословія, а послѣднее всѣми силами стремится исключительно, эгоистически воспользоваться этимъ вліяніемъ въ свою только пользу, едва-ли и заслуживаетъ довѣрія. Народъ, какъ цѣлое, тутъ ни при чемъ. Всякому правительству, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ было бы удобнѣе управлять народомъ посредствомъ высшаго класса, который, по своему положенію между верховною властью и низшими слоями общества, могъ бы служить наилучшимъ представителемъ всенародныхъ пользъ и ходатаемъ за нихъ. Но ненормальное отношеніе высшихъ классовъ къ низшимъ вынуждаетъ правительство питать къ первымъ нѣкоторое недовѣріе и только отчасти, съ важными ограниченіями, предоставлять имъ участіе въ дѣлахъ общественныхъ.

Эти выводы вполнѣ подтверждаются у насъ на дѣлѣ. Наше мѣстное управленіе, вызывающее такія громкія, такія единодушныя жалобы всей Россіи, всѣхъ сословій, можно сказать, основано на недовѣріи. Имъ только и объясняется глубокая тайна, окружающая не только правительственныя распоряженія, но и просительскія дѣла; чрезмѣрное, губительное сосредоточеніе въ центральныхъ государственныхъ установленіяхъ безчисленнаго множества ничтожнѣйшихъ дѣлъ и бумагъ, которымъ слѣдовало бы оканчиваться въ мѣстахъ уѣзднаго управленія, и уже ни въ какомъ случаѣ не восходить далѣе губернскихъ инстанцій; чрезвычайное развитіе въ мѣстномъ управленіи начала бюрократическаго, чиновнаго, при замѣтномъ ослабленіи начала сословнаго и выборнаго. Отсюда прямо или косвенно проистекаютъ всѣ коренные недостатки теперешней нашей системы управленія, для устраненія которыхъ одно только и есть дѣйствительное, вполнѣ надежное средство: всѣ дѣла мѣстнаго интереса и управленія, не имѣющія общей государственной важности, или даже не касающіяся въ одно и то же время нѣсколькихъ мѣстностей, предоставить окончательному рѣшенію мѣстныхъ учрежденій; для этого сословныя дѣла ввѣрить завѣдыванію выборныхъ изъ самихъ сословій, а общія земскія дѣла—учрежденіямъ, образованнымъ частью изъ чиновниковъ, частью изъ выборныхъ, но не безгласныхъ, какъ теперь, а поставленныхъ въ совершенно независимое положеніе отъ исполнительныхъ властей; затѣмъ, для устраненія злоупотребленій, обыкновенныхъ спутниковъ секретнаго дѣлопроизводства, административнаго произвола, безотвѣтственности и безнаказанности, подчинить мѣстное управленіе, въ нѣкоторой мѣрѣ, контролю публичности и гласности, и суду, совершенно независимому отъ административныхъ учрежденій.

Все это очень хорошо извѣстно правительству. Оно слышитъ горькія жалобы народа, но вмѣсто того, чтобъ приступить къ дѣйствительнымъ мѣрамъ, польза которыхъ уже извѣдана на дѣлѣ, ограничивается одними пальятивными полумѣрами. Отчего это происходитъ? Кто осмѣлится сказать, что правительство не желаетъ добра и пользы? Нѣтъ! Вглядываясь глубже въ сущность вопроса, нельзя не угадать скрытой причины, которая одна удерживаетъ правительство на пути благодѣтельныхъ преобразованій нашего мѣстнаго управленія. Не трудно доказать, что если привести въ исполненіе всѣ изложенныя выше мѣры, то дворянство, классъ самый просвѣщенный, самый зажиточный, самый сильный по своему положенію и связямъ, получитъ рѣшительное вліяніе на губернское и уѣздное управленіе; въ этомъ сословіи разовьется сословный духъ, который будетъ имѣть большой вѣсъ въ цѣлой народной жизни. Не будь дворянство поставлено чрезъ крѣпостное право въ ложныя, ненормальныя отношенія къ половинѣ сельскаго народонаселенія имперіи, правительству оставалось бы только съ радостью воспользоваться случаемъ въ одно и то же время и облегчить государство отъ тяжкаго бремени дурного мѣстнаго управленія, и дѣйствовать на непросвѣщенныя массы чрезъ лучшихъ, достойнѣйшихъ представителей народа. Недовѣріе—эта язва и частной и общественной жизни—скоро замѣнилось бы довѣріемъ и любовью. Но крѣпостное право поставляетъ этому непреодолимую преграду. Пока оно существуетъ, правительство не можетъ не измѣнить священнѣйшимъ своимъ обязанностямъ, своему прошедшему, своимъ

преданіямъ, ограничивъ чиновниковъ дворянствомъ и тѣмъ отнявъ у себя, хоть на время, а можетъ быть и навсегда, всякіе способы ограждать низшія сословія отъ произвола высшихъ. Только благодаря тому, что у нашей верховной власти вѣсы еще не выпали изъ рукъ, насъ не постигла судьба Польши. Для знающихъ русскую исторію это уже давно неоспоримая истина.

Скажемъ къ чести всего русскаго народа, не различая сословій и классовъ, что онъ глубоко носитъ въ себѣ убѣжденіе въ этой истинѣ, хотя, разумѣется, не всѣ одинаково отчетливо и ясно ее понимаютъ. Сколько въ теченіе нашей исторіи было самыхъ, казалось, благопріятныхъ минутъ для вовлеченія верховной власти въ исключительные интересы дворянства. Даже бывали неоднократныя попытки въ этомъ родѣ, и удачныя, но здравый политическій смыслъ русскаго народа, въ концѣ концовъ, всегда торжествовалъ надъ этими минутными уклоненіями. Само дворянство не разъ первое возставало противъ попытокъ такого рода.

Теперь ряды чиновниковъ наполнены дворянами. Сколько есть примѣровъ, что дворянинъ, горько сѣтовавшій на порядокъ дѣлъ, осуждающій дворянство на бездѣятельнѣйшую роль въ мѣстномъ управленіи, вступивъ послѣ того въ государственную службу и занявъ вліятельную должность въ администраціи, совершенно входилъ въ виды правительства и съ убѣжденіемъ становился органомъ системы, которую порицалъ такъ рѣшительно. Напрасно стали бы мы объяснять всѣ такіе случаи однимъ искательствомъ, тщеславіемъ, неблагородною лестью. Такова сила вещей, таковъ, къ счастію, законъ русской жизни, покоряющій себѣ все! Онъ измѣнится съ той лишь минуты, когда крѣпостной получитъ свободу съ землею, обезпечивающею его и его семейство; ибо только въ такомъ случаѣ оба, и дворянинъ, и крестьянинъ, сдѣлавшись землевладѣльцами, придутъ въ нормальное отношеніе, будутъ имѣть одни общіе интересы, однѣ выгоды, одни стремленія и цѣли. Тогда и дворянство перестанетъ опасаться необходимыхъ и полезныхъ преобразованій, и правительство перестанетъ не довѣрять дворянству за его отношенія къ простому народу, и послѣдній увидитъ въ дворянствѣ своего естественнаго, достойнаго довѣрія представителя, потому что, имѣя одни и тѣ же интересы съ простымъ народомъ, дворянство будетъ имѣть всѣ способы защищать ихъ для себя и вмѣстѣ для черни. Весь народъ сольется въ единое цѣлое, въ которомъ будутъ различенія, будутъ высшіе и низшіе классы, но не будетъ вражды и внутренней разорванности.

Въ заключеніе сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Многіе думаютъ, что должно освободить крѣпостныхъ вовсе безъ земли, или съ одною усадьбою, или съ одною десятиною пахотной земли. Для обезпеченія крестьянъ предлагаютъ, въ замѣнъ поземельной собственности, учредить для нихъ вѣчную или продолжительную аренду въ помѣщичьихъ земляхъ, а управленіе крестьянскими общинами ввѣрить владѣльцамъ дворянскихъ имѣній, но съ разными ограниченіями, посредствомъ выборныхъ изъ крестьянъ. Подобныхъ комбинацій предлагается множество, съ разными варіаціями, но всѣ имѣютъ одну цѣль: удержать за дворянствомъ всю или почти всю землю и чрезъ это поставить отъ него въ хозяйственную и политическую зависимость крестьянина. Думаютъ, что если такъ было и есть въ большей части Европы, то почему же не быть тому точно также и у насъ? Мы, съ своей стороны, совершенно не раздѣляемъ этого мнѣнія. Дворянство, которое съ перваго взгляда должно чрезъ это выиграть, всего болѣе потеряетъ, ибо если теперь, когда владѣлецъ, по закону и по необходимости, еще заботится о крѣпостныхъ, послѣдніе сильно тяготятся своимъ положеніемъ, то что̀ будетъ, когда такія заботы съ него снимутся, и въ то же время крестьянинъ останется на дѣлѣ въ большей или меньшей зависимости отъ бывшаго своего помѣщика. Теперешнее неудовольствіе между дворянствомъ и крѣпостными обратится въ явную и открытую вражду, которой, конечно, никто не пожелаетъ ни для Россіи, ни въ особенности для дворянства. Нашъ крестьянинъ—не латышъ и не эстонецъ, не покоренное племя, а подданный великой державы, которую самъ создалъ и поддерживаетъ. И онъ это очень хорошо понимаетъ! Нѣтъ, для счастія Россіи во сто кратъ лучше предоставить вопросъ о крѣпостномъ правѣ судьбѣ, даже рѣшенію слѣпого случая, чѣмъ рѣшить его такъ неосновательно, близоруко, неестественно, противно русской исторіи, русскому духу, будущности Россіи! Для нашего крестьянина прикрѣпленіе къ землѣ началось въ то самое время, когда Европа

уже стояла на пути къ упраздненію крѣпостного права; мы знаемъ по примѣру Европы ближайшія и отдаленныя горестныя послѣдствія освобожденія крестьянъ безъ земли. Воспользуемся же этимъ опытомъ, чтобы рѣшить вопросъ объ аристократіи и демократіи иначе, правильнѣе, чѣмъ онъ рѣшенъ въ большей части европейскихъ государствъ. Горе намъ, если мы не воспользуемся ихъ уроками! Пусть высочайшая справедливость, безпристрастіе, общая государственная и народная польза руководятъ насъ при упраздненіи крѣпостныхъ отношеній; ибо только подъ однимъ этимъ условіемъ Россія получитъ несокрушимую прочность и то внутреннее единство, при которомъ невозможны будутъ междоусобія, терзающія Европу. Вмѣсто того, чтобъ поправлять старую ошибку, какъ она теперь дѣлаетъ, постараемся ее совсѣмъ не дѣлать. *А коренная ошибка есть освобожденіе крестьянъ безъ земли или не со всею землею, ими владѣемою, какъ требуетъ справедливость.*

Предметъ этотъ такъ важенъ, что мы считаемъ необходимымъ разсмотрѣть его впослѣдствіи въ особливой статьѣ.

II.

Почти всѣ убѣждены въ томъ, что выкупъ крѣпостныхъ по частямъ или по губерніямъ подалъ бы поводъ къ важнымъ безпорядкамъ и потому крайне опасенъ. Думаютъ, что необходимо произвести его разомъ въ цѣлой имперіи, а для этого потребовалась бы огромная сумма денегъ. О выпускѣ на эту сумму банковыхъ билетовъ, какъ предполагается въ проектѣ, по отзывамъ людей спеціальныхъ, нельзя и думать, потому что вслѣдствіе такой операціи число кредитныхъ знаковъ, обращающихся въ имперіи, далеко превзошло бы дѣйствительную въ нихъ потребность, и непремѣннымъ слѣдствіемъ этого было бы банкротство, котораго не отвратитъ капиталъ обезпеченія въ 6-ю часть выкупной суммы.

Можетъ быть, опасенія эти и не оправдались бы на дѣлѣ, но если всѣ такъ думаютъ, то такое общее убѣжденіе уже само по себѣ дѣлаетъ изложенный въ проектѣ способъ выкупа невыполнимымъ.

Въ замѣнъ его люди спеціальные и практическіе предлагаютъ выпустить на всю выкупную сумму 4-хъ процентныя облигаціи, въ видѣ безсрочнаго долга, конечно, съ удержаніемъ за государствомъ права выкупить эти облигаціи впослѣдствіи, когда признаетъ это нужнымъ, по курсу. Нѣтъ никакой надобности принуждать владѣльцевъ принимать эти облигаціи въ уплату за ихъ имѣнія: облигаціи могутъ быть распроданы въ Россіи и за границей, помѣщикамъ же должно быть предоставлено на волю получать уплату облигаціями или деньгами. Такая операція, по мнѣнію тѣхъ же спеціальныхъ людей, не представляетъ никакой опасности и никакого риска.

Для обсужденія этого предположенія вотъ нѣкоторыя числовыя данныя:

Если положимъ, что за каждую выкупаемую ревизскую мужескаго пола душу, съ предположеннымъ въ проектѣ количествомъ земли, придется выплатить владѣльцамъ по средней оцѣнкѣ отъ 105 до 150 руб. сер., то съ каждой изъ этихъ душъ пришлось бы ежегодно взимать выкупного платежа отъ 4 р. 20 к. до 6 рублей.

Этотъ разсчетъ требуетъ нѣкоторыхъ поясненій.

1. При назначеніи 105—150 руб. основаніемъ служили слѣдующія соображенія:

а) Въ землевладѣльческихъ губерніяхъ средней полосы Россіи, имѣющихъ относительно частое народонаселеніе, какъ-то: тамбовской, рязанской, орловской, тульской, курской—имѣнія оцѣниваются не по числу душъ, а по количеству земли; надѣленіе землею крестьянъ по 6-ти десятинъ на тягло считается роскошнымъ; если въ имѣніи число тяголъ составляетъ половину числа ревизскихъ душъ, то такое отношеніе считается особенно благопріятнымъ; наконецъ, средняя цѣна земли въ названныхъ губерніяхъ составляетъ отъ 35 до 50 руб. сер. за десятину.

б) Въ многоземельныхъ и мало населенныхъ губерніяхъ южной и юго-восточной части имперіи земля хотя несравненно дешевле, чѣмъ въ центральной Россіи, но зато тамъ, вслѣдствіе залежневой системы, ея дается крестьянамъ несравненно больше; и

в) Что касается до оброчныхъ имѣній промышленныхъ губерній — ярославской, костромской, нижегородской и проч., то здѣсь средній оброкъ съ тягла можно положить примѣрно въ 20 руб. А какъ здѣсь еще чаще, чѣмъ въ губерніяхъ землевладѣльческихъ, число тяголъ только вдвое менѣе числа душъ, то подушный оброкъ господину

составитъ 10 руб. сер., т.-е. отъ 6% до 7% съ капитала въ 150 руб., какъ обыкновенно и оцѣняется средній доходъ съ оброчныхъ и даже съ земледѣльческихъ имѣній, кои почему-либо не поставлены въ особенно выгодныя или особенно невыгодныя условія.

2. Нѣкоторые думаютъ, что было бы несправедливо выплатить владѣльцамъ сполна, по оцѣнкѣ, всю выкупную сумму за отходящую отъ нихъ часть имѣнія и крестьянъ, потому что на владѣльцахъ лежатъ обязанности въ отношеніи къ крѣпостнымъ, которыя требуютъ денежныхъ расходовъ и которыя съ освобожденіемъ перенесутся на самихъ крестьянъ. За это справедливость требуетъ сдѣлать соразмѣрный вычетъ изъ слѣдующаго владѣльцамъ вознагражденія.

Противъ этого должно замѣтить, что еслибы вознагражденіе владѣльцевъ предполагалось произвести по разсчету чистаго и валоваго дохода отъ имѣній и по оцѣнкѣ повинностей, работъ и службъ крѣпостныхъ въ пользу помѣщиковъ, то, конечно, вычеты или удержанія изъ выкупной платы были бы справедливы и естественны. Но такая оцѣнка и такіе разсчеты совершенно невозможны и практически невыполнимы, по отсутствію правильнаго хозяйства и счетоводства въ большей части помѣщичьихъ хозяйствъ, по неопредѣленности повинностей, работъ и службъ крѣпостныхъ въ пользу владѣльцевъ и совершенному отсутствію всякаго законоположенія объ этомъ предметѣ, по неразвитію промышленности, вслѣдствіе чего во многихъ мѣстностяхъ невозможно опредѣлить, даже приблизительно, цѣны на разныя работы, по недостатку просвѣщенной, хорошо устроенной, мѣстной администраціи, на которую бы можно было возложить важную, многосложную, деликатную и трудную задачу точнаго вычисленія слѣдующаго владѣльцу каждаго имѣнія вознагражденія. По всѣмъ этимъ причинамъ должно произвести оцѣнку имѣній по существующимъ на мѣстѣ цѣнамъ, которая гораздо проще и выполнимѣе, чѣмъ изложенные дробные разсчеты, а при такой оцѣнкѣ нѣтъ причины дѣлать вычеты изъ выкупной суммы, потому что мѣстныя цѣны на имѣнія не могли составиться безъ соображенія разныхъ по нимъ расходовъ.

Многіе думаютъ, что всего правильнѣе было бы начать съ повсемѣстнаго введенія въ Россіи предложенныхъ въ запискѣ косвенныхъ мѣръ освобожденія, такъ какъ для ихъ осуществленія не можетъ представиться никакого затрудненія. Эти мѣры въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сильно уменьшили бы число крѣпостныхъ, и тогда уже можно было бы, безъ опасенія, приступить къ вынудительному выкупу имѣній, остающихся крѣпостными, тѣмъ болѣе, что онъ не потребовалъ бы такого огромнаго внутренняго или внѣшняго займа, какъ съ самаго начала.

Мнѣніе это весьма основательно. Противъ него можно привести развѣ только опасеніе, что, при дѣйствіи однѣхъ косвенныхъ мѣръ, дѣло освобожденія затянется на слишкомъ долгій срокъ. Но если иначе никакъ невозможно, то пусть же лучше упраздненіе крѣпостного права подвигается впередъ медленно, чѣмъ не двигается вовсе, какъ теперь.

III.

Владѣльцы населенныхъ издѣльныхъ или барщинныхъ имѣній въ губерніяхъ земледѣльческихъ, какъ средней полосы, такъ въ особенности малороссійскихъ, убѣждены, что въ случаѣ выкупа крестьянъ со всею землею, которую они на себя обработываютъ, послѣдніе до такой степени были бы обезпечены въ способахъ существованія, что, по свойственной земледѣльческому населенію привычкѣ довольствоваться малымъ и по врожденной жителямъ южныхъ краевъ лѣни и безпечности, они долго и не подумали бы наниматься въ работники у бывшихъ своихъ помѣщиковъ или нанимать у нихъ землю, а стали бы довольствоваться тою землею, которая останется ихъ собственностью; помѣщики же, отъ совершеннаго недостатка въ рабочихъ и въ арендаторахъ, были бы поставлены, по крайней мѣрѣ сначала, на довольно продолжительное время, въ самое затруднительное положеніе, а менѣе достаточные успѣли бы, между тѣмъ, совершенно разориться.

Этого возраженія нельзя не признать вполнѣ справедливымъ и заслуживающимъ уваженія. Но сохраненіе за крестьянами всей земли, которою они теперь на себя владѣютъ, мы считаемъ, по изложеннымъ въ проектѣ и въ настоящей запискѣ основаніямъ, до такой степени во всѣхъ отношеніяхъ существенно важнымъ условіемъ освобожденія, что для устраненія нѣкоторыхъ, хотя и вредныхъ, но во всякомъ случаѣ временныхъ, его по-

слѣдствій, по нашему убѣжденію, невозможно пожертвовать главнымъ основнымъ началомъ и оставить крестьянъ безъ земли, или же съ количествомъ земли для нихъ недостаточнымъ. При томъ же можно, кажется, пособить дѣлу разными косвенными временными же мѣрами, а именно: обязать выкупленныхъ крѣпостныхъ на извѣстный срокъ отбывать, въ пользу бывшихъ ихъ владѣльцевъ, извѣстныя, закономъ опредѣленныя, работы повинности и службы въ извѣстномъ, закономъ же опредѣленномъ, количествѣ и за денежную плату со стороны помѣщиковъ, по установленной закономъ таксѣ. Эта мѣра не только обезпечила бы владѣльцамъ нужныя для ихъ хозяйствъ рабочія силы, но дала бы и самимъ крестьянамъ надежное средство аккуратно и сполна выплачивать ежегодный выкупной сборъ. Можно было бы даже, для совершеннаго обезпеченія этихъ платежей, постановить правиломъ, что заработанныя крестьянами у ихъ бывшихъ помѣщиковъ деньги вносятся послѣдними отъ себя въ уплату слѣдующаго съ крестьянъ ежегоднаго выкупнаго сбора, и только излишекъ выдается крестьянамъ на руки. Но для пользы, какъ владѣльцевъ, такъ и самихъ крестьянъ, необходимо при опредѣленіи работъ и службъ принять за правило, чтобы: 1) число работниковъ и работницъ было назначено съ общины, а не съ дома или тягла; 2) крестьянамъ предоставлено было право, вмѣсто себя, посылать на работу наемныхъ людей; 3) никакія другія обязанности, кромѣ прямо относящихся къ земледѣлію, на крестьянъ возлагаемы не были; 4) эти обязанности или повинности были ограничены самою неизбѣжною потребностью владѣльца безъ малѣйшаго излишества; 5) помѣщику предоставлено было право не пользоваться рабочими, если въ нихъ не нуждается, и въ такомъ случаѣ и не платить имъ узаконенной платы; 6) работы были опредѣлены съ возможною точностью и возможнымъ соблюденіемъ пользъ крестьянъ; такъ, напримѣръ, чтобы владѣлецъ не имѣлъ права переносить рабочихъ дней изъ одной недѣли въ другую, замѣнять одну работу другою по произволу, требовать коннаго рабочаго вмѣсто пѣшаго, работника вмѣсто работницы, увеличивать урокъ или число рабочихъ часовъ въ рабочемъ днѣ и т. под.; 7) урочныя положенія были составлены по каждому роду работъ, примѣняясь къ мѣстнымъ обычаямъ и условіямъ.

IV.

Кромѣ изложенныхъ главныхъ возраженій на проектъ сдѣланы еще нѣкоторыя другія, не столь существенно важныя, замѣчанія, на которыя, однако, мы тоже считаемъ обязанностью отвѣчать, по крайнему разумѣнію.

1. На какомъ основаніи слѣдуетъ произвести освобожденіе дворовыхъ? О дворовыхъ не сказано въ проектѣ особливо, потому что они разумѣются вообще подъ крѣпостными, приписанными къ имѣніямъ, и нѣтъ основанія отдѣлять дворовыхъ отъ крестьянъ, ибо есть дворовые, несущіе тягло, и есть крестьяне, служащіе помѣщикамъ лично и не имѣющіе тягловаго поземельнаго участка. Такимъ образомъ, различіе ихъ несущественно, и почти не возможно провести между этими двумя разрядами крѣпостныхъ точной разграничительной черты. Притомъ же это и совершенно не нужно. Сколько есть и теперь приписанныхъ къ деревнямъ и селамъ крестьянъ, которые не имѣютъ въ нихъ поземельнаго владѣнія, а между тѣмъ числятся по припискѣ при своихъ крестьянскихъ общинахъ и несутъ съ ними подати и повинности! Въ такомъ же точно положеніи могутъ находиться и дворовые послѣ освобожденія. Тамъ, гдѣ цѣнность имѣній опредѣляется цѣнностью земли, съ переложеніемъ податей и повинностей на землю, распредѣляются по владѣнію и ежегодные выкупные платежи, и тогда на приписанныхъ къ выкупленнымъ имѣніямъ дворовыхъ, не имѣющихъ тягловыхъ участковъ, останутся только личныя повинности, какъ-то: рекрутская, по выборамъ въ разныя должности и по сословнымъ или мірскимъ складкамъ и т. п. Если же имъ почему-либо окажется неудобнымъ принадлежать къ выкупленнымъ сельскимъ обществамъ, то они припишутся къ тому или другому городу, смотря по удобству. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ цѣнность имѣнія опредѣляется не только цѣнностью земли, но и стоимостью труда, на выкупленныхъ дворовыхъ должна быть зачислена опредѣленная, по разсчету, часть выкупной суммы, и проценты съ нея взыскиваться съ нихъ въ видѣ поголовной подати, къ какому бы состоянію выкупленный дворовый впослѣдствіи ни приписался. Такъ какъ эта часть не можетъ быть значительна, то можно будетъ даже, для упрощенія разсчетовъ, взыскать ее съ выкупленныхъ дворовыхъ въ теченіе нѣсколь-

кихъ лѣтъ, уравнявъ ихъ, по взносѣ всей выкупной суммы, въ платежахъ съ тѣми званіями, къ которымъ они припишутся. Наконецъ, что касается до круглыхъ бобылей и бездомниковъ изъ дворовыхъ, которые по старости, болѣзнямъ или по недостатку умственныхъ способностей не могутъ кормиться сами собою, а также малолѣтнихъ и сиротъ, то всѣ они поступятъ по выкупѣ на попеченіе сельскихъ обществъ, къ которымъ приписаны, какъ поступаютъ теперь подобныя лица изъ крестьянскаго званія на попеченіе міра.

2. На какомъ основаніи должна быть произведена раскладка ежегодныхъ выкупныхъ платежей между выкупленными крѣпостными?

Самый нормальный, самый правильный способъ раскладки, конечно, былъ бы по поземельному владѣнію и промысламъ, уравненный если не въ цѣлой имперіи, то по крайней мѣрѣ по каждой губерніи. Но такая раскладка предполагаетъ оцѣнку земли и промысловъ, которая потребовала бы много труда и времени. Поэтому, чтобъ не замедлить и не усложнить дѣла освобожденія, едва ли не было бы полезнѣе на первый разъ зачислить долгомъ на каждомъ выкупленномъ имѣніи сполна всю заплоченную за него владѣльцу выкупную сумму, которая и распредѣлится между приписанными къ тому имѣнію, подобно прочимъ податямъ и повинностямъ. Затѣмъ, тотчасъ же по освобожденіи цѣлаго какого-нибудь уѣзда, можетъ быть немедленно произведено уравненіе выкупныхъ платежей между всѣми выкупленными имѣніями того уѣзда, а съ уничтоженіемъ крѣпостного права въ цѣлой губерніи—между всѣми выкупленными имѣніями той губерніи.

3. Многіе думаютъ, что слѣдовало бы предоставить крѣпостнымъ право выкупаться безъ земли, за опредѣленную закономъ цѣну, даже безъ согласія владѣльцевъ.

Объ освобожденіи крѣпостныхъ безъ земли подробно говорено нами и при изложеніи плана выкупа, и въ настоящей запискѣ. Прибавимъ, что дозволеніе крѣпостнымъ выкупаться безъ земли, лишивъ владѣльческія имѣнія самыхъ богатыхъ, самыхъ промышленныхъ крестьянъ, обратило бы лучшее сельское народонаселеніе въ неосѣдлыхъ бездомниковъ. Не думаемъ, чтобъ правительство, въ общихъ государственныхъ видахъ, могло согласиться на подобную мѣру, которая, вдобагокъ, болѣе другихъ поставила бы крѣпостныхъ еще болѣе въ ложныя и щекотливыя отношенія къ владѣльцамъ, чѣмъ теперь. Если подобную мѣру допустить возможно, то только развѣ въ отношеніи къ дворовымъ, не имѣющимъ тягловаго участка и не занимающимся сельскими промыслами. Но и въ такомъ случаѣ нужно приступить къ дѣлу весьма осторожно и обдуманно, потому что, какъ выше замѣчено, между сословіемъ крестьянъ и дворовыхъ рѣзкой разграничительной черты уже нѣтъ.

4. Нѣкоторые утверждаютъ, что нѣтъ надобности выдавать владѣльцу всю выкупную сумму сразу, а можно ее выплатить въ нѣсколько сроковъ, потому что поставленіе помѣщичьихъ хозяйствъ, послѣ освобожденія крѣпостныхъ, на новую ногу очень большихъ издержекъ не потребуетъ, а между тѣмъ большинство дворянства избѣжитъ опасности, къ крайнему своему разоренію, растратить всю полученную имъ выкупную сумму непроизводительно, и чрезъ это придти въ безвыходное положеніе.

Постепенная выплата помѣщикамъ выкупной суммы, конечно, чрезвычайно упростила и облегчила бы выкупную операцію; но обязать ихъ довольствоваться посрочнымъ полученіемъ капитальной суммы, безъ ихъ на то согласія, едва ли было бы справедливо и полезно для государства. Имѣнія оброчныя, малоземельныя будутъ подлежать выкупу въ полномъ составѣ, такъ что ихъ владѣльцамъ придется или купить другія земли, или обратиться къ какой нибудь отрасли обработывающей промышленности. Въ томъ и другомъ случаѣ имъ понадобятся капиталы, болѣе или менѣе значительные, и въ выплатѣ ихъ немедленно по цѣнѣ освобождаемаго имѣнія правительство, по справедливости, отказать не можетъ, не поставляя самого себя въ необходимость принять на свое попеченіе всѣхъ дворянъ, разорившихся отъ полученія разомъ слѣдующей имъ за имѣнія суммы. То же самое должно сказать и обо всѣхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцахъ, которымъ будутъ причитаться суммы столь незначительныя, что при разсрочкѣ онѣ станутъ совершенно ничтожны и послужатъ развѣ только для кратковременнаго пропитанія получателей.

Многіе предлагаютъ выдавать помѣщикамъ проценты за недоплаченную имъ часть выкупныхъ денегъ; но эта мѣра, по изложеннымъ причинамъ, не могла бы замѣнить полученія капитальной суммы, и притомъ ка-

кой назначить процентъ? Четыре—было бы ниже того, что даетъ имѣніе, а больше—было бы тяжко для крестьянъ или для государства. О замѣчаніи же, что дворяне могутъ воспользоваться выплаченными имъ суммами не такъ, какъ слѣдуетъ добропорядочнымъ хозяевамъ, мы, право, не знаемъ, что и сказать. Оно похоже на то, какъ еслибы правительству рекомендовали приставить къ каждому купцу по чиновнику, для наблюденія за тѣмъ, чтобы онъ правильно велъ свои коммерческіе обороты и конторскія книги; ибо купецъ можетъ же иногда повести дурно свои дѣла и промотаться или обанкротиться. Конечно, будутъ помѣщики, которые послѣ выкупа разорятся. Но развѣ нѣтъ такихъ и теперь? По аналогіи слѣдовало бы уже отнынѣ запретить выдавать имъ деньги подъ залогъ имѣній. Всѣ подобныя опасенія, вытекающія изъ совершенно ошибочнаго взгляда на святой долгъ правительства заботиться о благѣ своихъ подданныхъ, къ счастію, не имѣютъ основанія. Большинство дворянства давно уже принялось за умъ и понемногу распутываетъ гордіевы узлы, завѣщанные ему болѣе безпечною, менѣе предусмотрительною эпохою. И это направленіе усиливается, а не ослабляется. Беззаботныхъ людей стало въ Россіи очень мало. Это племя теперь почти переводится.

5. Многіе предвидятъ затрудненія при уступкѣ крестьянамъ владѣемой ими нынѣ помѣщичьей земли въ томъ, что въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьянское и помѣщичье поля не отведены къ однимъ мѣстамъ, а лежатъ черезполосно. Пока все имѣніе принадлежитъ одному владѣльцу, это не представляетъ никакихъ неудобствъ; но когда крестьяне въ границахъ теперешнихъ своихъ полей станутъ самостоятельными землевладѣльцами, положеніе измѣнится. Между бывшимъ помѣщикомъ и его бывшими крѣпостными начнутся безпрерывныя столкновенія, тяжбы и ссоры, словомъ, обнаружатся всѣ бѣдственныя послѣдствія черезполосицы.

Въ отношеніи ко многимъ имѣніямъ замѣчаніе это вполнѣ справедливо, хотя нельзя утверждать, что всѣ имѣнія болѣе или менѣе находятся въ такомъ положеніи. Поэтому крайне было бы ошибочно, въ предвидѣніи означенныхъ затрудненій, поручить оцѣночнымъ коммиссіямъ по выкупу крестьянъ во всѣхъ выкупаемыхъ имѣніяхъ произвести черезполосное размежеваніе между помѣщиками и крестьянами; ибо чрезъ это крайне усложнилось и замедлилось бы исполненіе главнѣйшихъ обязанностей коммиссіи по отводу земель и оцѣнкѣ выкупаемыхъ имѣній. И такъ, всего правильнѣе было бы, кажется, дать этимъ коммиссіямъ право производить черезполосное размежеваніе въ тѣхъ только случаяхъ, когда оставленіе черезполоснаго владѣнія въ выкупаемыхъ имѣніяхъ было бы, по особенно важнымъ причинамъ, совершенно невозможно, наприм.: еслибы владѣлецъ или крестьяне, оставаясь въ настоящихъ границахъ землевладѣнія, были отрѣзаны отъ воды или не имѣли проѣзда на пастбища, пашни, луга и т. п. Тамъ же, гдѣ нѣтъ такой крайней необходимости измѣнить порядокъ землевладѣнія, лучше, кажется, предоставить уничтоженіе черезполосности обыкновенному ходу этихъ дѣлъ, чтобъ не отвлекать оцѣночныхъ коммиссій отъ отвода земель и оцѣнки имѣній.

6. Многіе думаютъ такъ: если принять за правило, что помѣщичьи крестьяне должны быть выкуплены со всею землею, которою владѣютъ, то всѣ почти оброчныя имѣнія вышли бы изъ частнаго владѣнія въ полномъ составѣ, и владѣльцамъ ничего бы въ нихъ не осталось. Но чрезъ это въ очень многихъ случаяхъ были бы нарушены завѣтныя, фамильныя воспоминанія и преданія, связующія старинныя дворянскія семейства съ ихъ родовыми вотчинами, и при томъ, вслѣдствіе такой системы выкупа, во многихъ губерніяхъ дворянство исчезло бы совсѣмъ.

Противъ этого замѣтимъ, что всѣ важныя государственныя преобразованія всегда имѣютъ, при существенно хорошихъ сторонахъ, и нѣкоторыя свои неудобства. Фамильныя воспоминанія, конечно, заслуживаютъ всякаго уваженія; но нельзя же жертвовать для нихъ общими государственными и народными пользами. Съ другой стороны, должно замѣтить, что въ большей части оброчныхъ имѣній владѣльцы сами не живутъ, а слѣдовательно и воспоминанія, связующія эти имѣнія съ ихъ родовыми владѣльцами, приходятъ въ упадокъ и забвеніе. Съ точки же зрѣнія государственной и экономической пользы и справедливости — выкупа оброчныхъ имѣній въ полномъ ихъ составѣ никакъ нельзя отвергать. Оброчныя имѣнія преобладаютъ преимущественно въ губерніяхъ малоземельныхъ и промышленныхъ, гдѣ сословіе большихъ зажиточныхъ земле-

владѣльцевъ въ дѣйствительности не существуетъ, потому что тамъ большая часть помѣщичьихъ имѣній суть оброчныя, въ которыхъ всею землею и угодьями владѣютъ крестьяне, а имѣній барщинныхъ или издѣльныхъ очень мало. Притомъ же у насъ есть цѣлые края, даже не промышленные, а земледѣльческіе, гдѣ дворянства нѣтъ вовсе, и однако отсюда не происходитъ никакого неудобства ни для государства, ни для управленія, ни для самой страны. Замѣтимъ, что въ промышленномъ, не-земледѣльческомъ краѣ вліяніе и значеніе естественно принадлежатъ богатымъ промышленникамъ, а не большимъ землевладѣльцамъ. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ выкупъ всей земли, владѣемой крестьянами, будетъ имѣть наилучшія послѣдствія, водворяя нормальныя отношенія тамъ, гдѣ крѣпостное право рождаетъ теперь искусственныя явленія въ области хозяйства и промышленности, а владѣльцы ничего отъ того не потеряютъ, потому что получатъ полное вознагражденіе за все свое имѣніе.

7. Въ изложеніи проекта, въ выноскѣ, по поводу вопроса, съ какимъ количествомъ земли должны быть выкуплены крѣпостные, замѣчено, между прочимъ, что для южныхъ и юго-восточныхъ губерній, гдѣ существуетъ система залежей и обработываемая пашня мѣняется, нельзя опредѣлить по владѣнію ту землю, которая подлежитъ вмѣстѣ съ крестьянами выкупу, а надобно назначить закономъ ея количество. Противъ этого замѣчаютъ, что для опредѣленія этого количества не трудно постановить общее правило. Въ каждомъ имѣніи извѣстно сколько земли дается на каждое тягло подъ ежегодную распашку, сколько лѣтъ такая или другая земля можетъ быть сряду обработываема и потомъ должна быть оставляема въ залежи. По однимъ этимъ даннымъ можно совершенно точно опредѣлить, сколько земли должно быть выкуплено въ данномъ имѣніи; для этого надо раздѣлить число лѣтъ, въ продолженіе которыхъ земля должна быть въ залежи, на число лѣтъ, въ продолженіе которыхъ можно сряду воздѣлывать одну и ту же пашню; потомъ прибавить къ частному числу единицу и сумму помножить на число десятинъ, какое ежегодно дается подъ запашку каждаго тягла; наконецъ, это произведеніе слѣдуетъ помножить на число тяголъ въ имѣніи; послѣдній результатъ и опредѣлитъ съ точностью количество пашенной земли, подлежащей выкупу въ имѣніи южнаго и юго-восточнаго края. Такимъ образомъ, положимъ, напр., что въ данной мѣстности земля пашется сряду 4 года и отдыхаетъ въ залежи 12, — ежегодная запашка каждаго тягла $=$ 5 дес., а число тяголъ въ имѣніи $=50$, найдемъ, что въ томъ имѣніи будетъ подлежать выкупу $(^{12}/_{4}+1)\times5\times50=$ $=1000$ десятинъ, т.-е. по 20 дес. на тягло или по 10 дес. на душу; ежегодная запашка составитъ 250 десятинъ; отъ оставленія въ залежь первыхъ 250 дес., прочія 750 дес., раздѣленныя на три участка, по 250 дес. каждый, будутъ воздѣлываться по 4 года, вслѣдствіе чего къ первому возвратятся опять ровно черезъ 12 лѣтъ.

Это правило для разсчета количества десятинъ земли, подлежащей выкупу въ южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ, вполнѣ справедливо, и имъ должно бы воспользоваться при составленіи инструкціи для оцѣночныхъ коммисій.

8. Многіе думаютъ, что совершенно необходимо дать оцѣночнымъ коммисіямъ въ руководство какія нибудь положительныя основанія для произведенія оцѣнки выкупаемымъ имѣніямъ; иначе произволу членовъ коммисій и проискамъ неблагонамѣренныхъ владѣльцевъ откроется слишкомъ большой просторъ. Полагаютъ, что такимъ основаніемъ могли бы служить, для каждой мѣстности, среднія цѣны, выведенныя изъ купчихъ крѣпостей, совершенныхъ между частными лицами въ теченіе послѣднихъ 10-ти лѣтъ, но отнюдь не изъ аукціонныхъ продажъ. Полагаютъ, что разница выведенныхъ изъ крѣпостей среднихъ цѣнъ противъ дѣйствительныхъ, если бы и оказалась, была бы самая ничтожная.

Опасеніе, выражаемое этимъ мнѣніемъ, конечно, очень основательно и справедливо. Но мѣра, предлагаемая для ограниченія произвола оцѣнщиковъ, встрѣтила бы единогласныя и справедливыя возраженія и жалобы со стороны помѣщиковъ. Цѣны населенныхъ имѣній никогда не означаются въ крѣпостныхъ актахъ свыше установленныхъ закономъ наименьшихъ цѣнъ, по разсчету которыхъ взимаются гербовыя и крѣпостныя пошлины; въ дѣйствительности же онѣ всегда, постоянно, гораздо выше ихъ. Слѣдовательно, принять за основаніе цѣны, показанныя въ купчихъ, значило бы умень-

шить противъ дѣйствительности слѣдующее владѣльцамъ вознагражденіе за крестьянъ и за землю, вопреки справедливости и въ ущербъ владѣльцамъ. Конечно, во всѣхъ отношеніяхъ было бы весьма желательно найти какое нибудь постоянное мѣрило оцѣнки, для огражденія интересовъ тѣхъ, которые сами почему либо не могутъ отстаивать свои права и пользы. Но, къ сожалѣнію, мы ничего въ этомъ родѣ не знаемъ и не придумаемъ. Самымъ надежнымъ ручательствомъ все-таки остается выборъ въ оцѣночныя коммисіи честныхъ и знающихъ людей, хотя бы даже одного предсѣдателя или прокурора. Мы не хотимъ вѣрить, чтобъ въ цѣлой имперіи нельзя было пріискать какихъ нибудь четырехсотъ или пятисотъ совершенно честныхъ и порядочныхъ чиновниковъ, особливо назначивъ имъ порядочное содержаніе. Если въ то же время объяснить выкупаемымъ крестьянамъ, что земля по выкупѣ будетъ принадлежать имъ на правахъ собственности, что они сами будутъ ее оплачивать, и что, слѣд., имъ самимъ будетъ выгодно не дать перецѣнить ее, чтобы не платить лишняго, то, безъ сомнѣнія, крестьяне сами будутъ наилучшими блюстителями своихъ выгодъ. Кто не видалъ и не знаетъ, по собственному опыту, какъ хорошо нашъ крестьянинъ понимаетъ свое положеніе и свои выгоды. Особливо это выказывается при полюбовныхъ черезполосныхъ размежеваніяхъ. Владѣлецъ никогда не съумѣетъ такъ основательно и твердо отстаивать крестьянскаго поля въ своихъ помѣстьяхъ, какъ сами крестьяне, и кто заботится о томъ, чтобы сохранить это поле безъ уменьшенія въ качествѣ или количествѣ, тому стоитъ только поручить это самимъ крестьянамъ.

Желаніе найти основаніе оцѣнки имѣетъ, кромѣ изложенной стороны, еще и другую. Оно предполагаетъ, что для каждаго уѣзда (такъ какъ оцѣночныя коммисіи должны быть учреждены по уѣздамъ) будутъ постановлены однѣ общія, нормальныя цѣны, и по нимъ будетъ дѣлаться разсчетъ выкупной суммы, слѣдующей владѣльцамъ населенныхъ имѣній, посредствомъ умноженія этихъ цѣнъ на число ревизскихъ душъ или десятинъ земли, подлежащихъ выкупу. Не споримъ, что подъ такую гуртовую или валовую оцѣнку дѣйствительно подойдетъ самое значительное число выкупаемыхъ имѣній, но зато въ нѣкоторыхъ и даже во многихъ случаяхъ такая оцѣнка была бы неправильна.

Кто не знаетъ, что, смотря по мѣстоположенію, удобству для сбыта произведеній, промысламъ и достатку крестьянъ, цѣна имѣній колеблется между суммами, очень далеко отстоящими одна отъ другой. Конечно, при низкихъ среднихъ цѣнахъ крестьяне этихъ имѣній чрезъ гуртовую оцѣнку значительно бы выиграли; но зато многіе землевладѣльцы значительно бы потеряли и потеряли бы незаслуженно. Поэтому мы думаемъ, что оцѣнку имѣній, находящихся въ исключительномъ положеніи, справедливо было бы производить особливо, назначая по нимъ особливую выкупную сумму, бо́льшую или меньшую противъ средней, не стѣсняясь послѣднею.

9. Очень многіе находятъ, что способъ выкупа и разсчеты по уплатѣ крестьянами капитальнаго долга и процентовъ изложены въ проэктѣ сбивчиво и непонятно.

Хотя поясненіе этого способа, собственно говоря, уже излишне послѣ того, какъ мы предлагаемъ въ настоящей запискѣ другую болѣе удобопримѣнимую систему выкупа, однако, такъ какъ мнѣнія объ этомъ могутъ быть различны, то мы поставляемъ себѣ въ обязанность изложить, для желающихъ, предложенный въ прежней запискѣ способъ выкупа наглядно, примѣрами.

Положимъ, что въ имѣніи, подлежащемъ выкупу, считается 100 душъ, и каждая изъ нихъ оцѣнена, съ выкупаемою землею, въ 125 р. сер., такъ что слѣдовало бы уплатить владѣльцу за имѣніе 12,500 р. сер. По предположенной первоначально выкупной операціи, изложенной въ проектѣ, банкъ выплачиваетъ эту сумму владѣльцу билетами, обезпечивая ее металлическимъ фондомъ въ $^1/_6$ ея часть, а именно 2,083 $^1/_3$ руб. Если выкупъ билетовъ разложить на 37 лѣтъ, то крестьянамъ означеннаго имѣнія пришлось бы выплачивать ежегодно:

$^1/_{37}$ часть всей выкупной цѣны . . . . (почти)	338 р.
$^1/_2$% со всей выкупной цѣны на покрытіе издержекъ выкупной операціи	62 „ 50 к.
5% съ капитала обезпеченія, такъ какъ послѣдній былъ бы занятъ подъ эти проценты . . . . . . (почти)	104 „ 50 „
Всего. .	505 р. — к.

что̀ составитъ нѣсколько болѣе 5 р. сер. съ души.

Эти платежи уменьшались бы съ каждымъ годомъ, сначала только вслѣдствіе того, что по мѣрѣ выкупа капитальной суммы ежегодный полупроцентный сборъ постоянно бы уменьшался, и такъ продолжалось бы до выкупа $^5/_6$ частей в ей выкупной суммы, когда металлическій фондъ обезпечивалъ бы, наконецъ, эту сумму не въ $^1/_6$ часть, а уже рубль за рубль. Съ этой минуты ежегодные взносы стали бы еще быстрѣе уменьшаться, потому что не только цифра полупроцентнаго сбора продолжала бы попрежнему ежегодно упадать, но сверхъ того и сумма 5-процентнаго сбора за капиталъ обезпеченія стала бы тоже постепенно уменьшаться, такъ что съ той минуты, когда выкупная сумма стала бы меньше капитала обезпеченія, справедливость требовала бы взимать пятипроцентный сборъ не со всего капитала обезпеченія, а только съ той его части, которая обезпечиваетъ недоплаченную выкупную сумму рубль за рубль. Такимъ образомъ, когда послѣдняя будетъ составлять 2,083$^1/_3$ р. сер., т.-е. сравняется съ капиталомъ обезпеченія, пятипроцентный сборъ будетъ еще такой же, какъ съ самаго начала; но когда пѐрвая станетъ меньше второго, напримѣръ, не свыше 1,500 р., то было бы несправедливо продолжать взимать пятипроцентный сборъ попрежнему, со всего фонда обезпеченія, а пришлось бы ограничиться взиманіемъ его только съ 1,500 р. сер.. обезпечивающихъ выкупную сумму рубль за рубль.

По поводу этой системы выкупа нѣкоторые замѣчаютъ, что если уже держаться въ точности принятаго начала, то капиталъ обезпеченія могъ бы также уменьшаться постепенно, по мѣрѣ уплаты выкупной суммы, такъ чтобы онъ всегда составлялъ не болѣе $^1/_6$ части послѣдней. Поэтому, начавъ выкупъ имѣній не всѣхъ въ одинъ годъ, а разложивъ эту операцію на нѣсколько лѣтъ, можно было бы удовольствоваться фондомъ обезпеченія гораздо меньше $^1/_6$ части всей выкупной суммы. Соразмѣрно съ тѣмъ уменьшился бы и процентъ. Но такое ежегодное измѣненіе платежей было бы въ практикѣ весьма неудобно, а потому можно было бы сдѣлать разсчетъ на подобіе того, какъ разсчитываются проценты съ погашеніемъ капитала, т.-е. положивъ постоянную цифру процентовъ, но меньшую, чѣмъ вышеприведенная. На это есть свои правила и теорія.

Замѣчаніе это вполнѣ заслуживаетъ внимательнаго обсужденія [1]).

[1]) Кромѣ исчисленныхъ замѣчаній сдѣлано было еще то, что нигдѣ прямо не высказано, хотя и разумѣется само собою,—что по освобожденіи крѣпостныхъ всѣ обязанности въ отношеніи къ нимъ ихъ бывшихъ владѣльцевъ, а также всякая отвѣтственность владѣльцевъ за бывшихъ крѣпостныхъ передъ правительствомъ, совершенно прекращаются. Съ благодарностью упоминаемъ здѣсь и объ этомъ замѣчаніи вмѣстѣ съ прочими.

(Русская Старина, 1886, кн. 1, 2 и 5).

Мысли объ уничтоженіи крѣпостного состоянія въ Россіи.

(1857).

Въ послѣднее время вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ сдѣлалъ большіе успѣхи въ общественномъ мнѣніи. Всѣ теперь согласны уже въ томъ, что разрѣшить его слѣдуетъ и пора. Къ сожалѣнію, въ правительственныхъ сферахъ остается еще убѣжденіе, что это невозможно. Обыкновенно говорятъ такъ: самое разумное, естественное и справедливое было бы выкупить у владѣльцевъ крестьянъ съ землею, которою они пользуются, по безпристрастной оцѣнкѣ, и тѣмъ совершенно развязать оба сословія, такъ чтобы всякія между ними взаимныя претензіи и столкновенія кончились. Но какъ этого

достигнуть? Сами собою крѣпостные выкупиться не въ состояніи, правительство тоже не имѣетъ для того средствъ, а оставить владѣльцевъ безъ вознагражденія невозможно. Стало быть, надобно все оставить въ теперешнемъ положеніи, пока не наступятъ болѣе благопріятныя обстоятельства.

Но на такія обстоятельства нельзя разсчитывать ни въ ближайшемъ, ни въ отдаленномъ будущемъ. Пока крѣпостное право существуетъ, правительство никогда не будетъ въ состояніи располагать огромными капиталами, необходимыми для выкупа всѣхъ крѣпостныхъ; никогда у послѣднихъ не будетъ достаточно средствъ, чтобы выкупиться самимъ. Судя по этому, Россіи, значитъ, суждено навсегда остаться при крѣпостномъ правѣ?

Къ счастію, на дѣлѣ бываетъ совсѣмъ иначе. Ни одинъ сколько нибудь важный вопросъ не рѣшился вдругъ; всѣ подготовлялись исподволь и рядомъ переходныхъ мѣръ приводились къ окончательной развязкѣ. Мудрость состоитъ въ правильномъ уразумѣніи къ чему должно идти, въ выборѣ наилучшихъ средствъ и въ такомъ искусномъ ихъ сочетаніи, чтобы изъ него необходимо вытекало разрѣшеніе задачи. Рядъ такихъ переходныхъ мѣръ, конечно, можно придумать и для упраздненія крѣпостного права, при всѣхъ очевидныхъ трудностяхъ, которыми это дѣло обставлено.

Здѣсь предлагаются нѣкоторыя объ этомъ мысли.

Вопросъ о крѣпостномъ правѣ особенно труденъ у насъ по своей сложности. Теперешнее сословіе крѣпостныхъ образовалось изъ двухъ различныхъ классовъ народа: *рабовъ* или *холопей* и *крестьянъ*. Первые искони не имѣли никакихъ правъ и принадлежали своимъ господамъ на подобіе вещей; крестьяне же, почти исключительно земледѣльцы, извѣка пользовались гражданскою свободою и всѣми сопряженными съ нею правами.

Въ XVI вѣкѣ крестьяне, по уваженіямъ государственнымъ, прикрѣплены къ землѣ. Въ теченіе XVII вѣка множество ихъ роздано, вмѣстѣ съ землею, на которой сидѣли, въ частное владѣніе, *на помѣстномъ правѣ*. Отсюда, строго говоря, могла произойти для поселянъ лишь *нѣкоторая* зависимость отъ владѣльцевъ, обязанность работать на нихъ въ извѣстной мѣрѣ, но съ сохраненіемъ личной свободы [1]). Но въ отдаленныя грубыя времена, когда это происходило, вышло совсѣмъ иначе. Съ крестьянами, прикрѣпленными къ землѣ владѣльцы стали мало-по малу обращаться какъ съ рабами и холопями, такъ что всѣ права, принадлежавшія надъ послѣдними господамъ, перешли, наконецъ, и на крестьянъ. Должно при этомъ замѣтить, что какъ холопи не были обязаны повинностями государству, вслѣдствіе чего много крестьянъ перешло въ это званіе къ ущербу государства, то въ царствованіе Петра Великаго оба сословія, на дѣлѣ уже не различавшіяся между собою, ревизіею слиты въ одно; а въ первой половинѣ XVIII вѣка многочисленныя помѣстныя земли, принадлежавшія государству, утверждены, со всѣми поселенными на нихъ крестьянами, за владѣльцами ихъ, въ полную собственность.—Въ этомъ послѣднемъ видѣ крѣпостное право чрезвычайно распространилось у насъ въ XVIII вѣкѣ новыми многочисленными раздачами казенныхъ селъ и деревень частнымъ лицамъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что для правильной оцѣнки крѣпостного права и способовъ его упраздненія необходимо различать въ немъ два элемента: 1) первоначальную *зависимость* крестьянина отъ владѣльца, обязанность нести и отправлять въ пользу послѣдняго извѣстныя повинности, и 2) полное безусловное *рабство*, исключающее всякія права, которому крестьяне подпали мало-по-малу въ теченіе XVII вѣка, отнюдь не по закону, а по грубости нравовъ, неопредѣленности законодательства и злоупотребленіямъ.

Такое же крѣпостное право, какое у насъ теперь, существовало нѣкогда въ цѣлой Европѣ; но тамъ очень рано была различена зависимость отъ рабства, и послѣднее отмѣнено, съ удержаніемъ лишь первой, которая прекратилась не ранѣе XVIII и XIX вѣка. Такимъ раздѣленіемъ вопроса рѣшеніе его было существенно облегчено, тѣмъ болѣе, что между упраздненіемъ *рабства* и упраздненіемъ *зависимости* прошли вѣка.

---

[1]) Различные юридическіе акты начала XVIII вѣка, какъ, напримѣръ, вводныя и послушныя грамоты, свидѣтельствуютъ, что и дѣйствительно въ это время крестьяне не находились еще въ безусловномъ распоряженіи владѣльцевъ.

У насъ дѣло представляется совсѣмъ иначе. Мы вдвинулись въ условія европейской жизни всего полтора столѣтія, и вслѣдствіе того по необходимости развиваемся съ удвоенною скоростью. Вопросы, рѣшеніе которыхъ въ Европѣ раздѣлено столѣтіями, слѣдуютъ у насъ одни за другими съ неимовѣрною быстротою, или даже совпадаютъ и требуютъ совокупнаго разрѣшенія. Въ такомъ положеніи находится теперь и вопросъ о крѣпостномъ правѣ. При современномъ порядкѣ дѣлъ у насъ и въ Европѣ, зависимость и повинности крестьянъ въ отношеніи къ владѣльцамъ не могутъ быть болѣе терпимы; а у насъ, между тѣмъ, крѣпостное право служитъ основаніемъ не только зависимости, но и рабства, не только обязанностей и повинностей, но полнаго отсутствія правъ и униженія человѣка на степень вещи. Надобно напередъ возвратить крѣпостному личныя его права, и затѣмъ приступить къ отмѣнѣ его зависимости, обязанностей и повинностей.

I. Возстановленіе личныхъ правъ крѣпостныхъ.

Первоначальное значеніе крѣпостного права состояло, какъ выше сказано, въ обязанности отправлять на владѣльца разныя службы и повинности. О потерѣ крѣпостными гражданскихъ правъ и свободы не было и рѣчи. Но мало-по-малу они утратили и то, и другое, и обратились въ рабовъ. Подобно рабамъ, они потеряли право жаловаться на господъ и судиться съ ними, а съ тѣмъ вмѣстѣ право имѣть свою собственность безъ воли владѣльца, отыскивать свое право даже на постороннемъ, вступать по своему усмотрѣнію въ бракъ; владѣльцы же, напротивъ, присвоили себѣ право безусловно и безвозмездно располагать не только трудомъ и работами крѣпостныхъ, но и самою ихъ личностью: право ихъ продавать, переселять, ссылать, отдавать во всякое время, безъ очереди, въ военную службу, подвергать наказаніямъ безъ суда, по своему произволу. Нѣтъ права, котораго бы владѣлецъ не имѣлъ, прямо или косвенно, надъ крѣпостнымъ.

Лишь въ XIX вѣкѣ сдѣланы въ этомъ отношеніи нѣкоторыя ограниченія, впрочемъ легкія, поверхностныя, вынужденныя человѣколюбіемъ и состраданіемъ и оставившія въ сущности неприкосновеннымъ произволъ владѣльцевъ надъ личностію и имуществомъ крѣпостныхъ.

Эти чрезмѣрныя, не-человѣческія права могутъ быть упразднены немедленно, однимъ почеркомъ пера, безъ вознагражденія владѣльцевъ, тѣмъ болѣе, что отъ этого собственность ни малѣйше не была бы нарушена и что эти права нравственно, и даже матеріально, больше вредятъ помѣщикамъ, чѣмъ приносятъ имъ пользы. Одна обязанность отправлять на владѣльца, *въ извѣстныхъ предѣлахъ, земледѣльческія* работы и повинности или платить *извѣстный оброкъ* должна быть удержана; безусловное же право надъ личностью и имуществомъ крѣпостныхъ слѣдуетъ отмѣнить, какъ противоестественный наростъ, никогда закономъ прямо не освященный, противный справедливости и несовмѣстный съ требованіями вѣка.

Въ этомъ смыслѣ весьма желательно, чтобы дѣйствующее нынѣ наше законодательство о крѣпостномъ состояніи было немедленно подвергнуто самому тщательному пересмотру и все носящее печать *личнаго рабства* было изъ него рѣшительно исключено. Это было бы вмѣстѣ первымъ твердымъ и рѣшительнымъ шагомъ впередъ на пути къ упраздненію крѣпостного права.

II. Упраздненіе крѣпостной зависимости и крѣпостныхъ повинностей.

За приведеніемъ крѣпостного права въ его законныя и справедливыя границы могло бы непосредственно слѣдовать его постепенное упраздненіе.

Самыя разумныя, справедливыя, съ государственною и частною пользою согласныя начала упраздненія крѣпостного права, какъ сказано выше, были бы:

Прекращеніе всякой личной и имущественной зависимости крѣпостныхъ отъ ихъ владѣльцевъ.

Предоставленіе имъ всей земли, находящейся въ ихъ пользованіи.

Полное вознагражденіе владѣльцевъ за потери и убытки, которымъ они должны будутъ подвергнуться вслѣдствіе освобожденія.

Упраздненіе крѣпостного права на этихъ началахъ совершенно бы удовлетворило стремленію крѣпостныхъ къ свободѣ; сохранило бы въ неприкосновенности осѣдлость половины сельскаго нашего народонаселенія, а

съ тѣмъ вмѣстѣ и внутреннее спокойствіе, такъ какъ другая половина—государственные крестьяне—имѣетъ уже свое устройство и права, въ главныхъ основаніяхъ вполнѣ соотвѣтствующія потребностямъ. Далѣе, вознаградивъ владѣльцевъ матеріально за убытокъ, такой способъ отмѣны крѣпостного права поставилъ бы ихъ, нравственно и юридически, въ нормальныя отношенія къ простому народу, чѣмъ и было бы положено незыблемое основаніе для образованія у насъ консервативнаго аристократическаго начала, котораго недостатокъ такъ теперь ощутителенъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Къ сожалѣнію, непосредственное примѣненіе этихъ началъ, по причинамъ, уже приведеннымъ, теперь невозможно. Поэтому, къ ихъ осуществленію должно стремиться постепенно, съ помощью переходныхъ мѣръ. На этомъ пути предстоитъ пройти нѣсколько ступеней.

Послѣ пересмотра законодательства о крѣпостномъ правѣ, самая первая, ближайшая и вообще во всѣхъ отношеніяхъ самая благонадежная переходная мѣра—это добровольныя сдѣлки и соглашенія владѣльцевъ съ ихъ крѣпостными. Какъ ни простъ кажется съ перваго взгляда этотъ способъ, но и онъ безъ откровеннаго и рѣшительнаго содѣйствія правительства такъ же невыполнимъ какъ всѣ прочіе.

Для заключенія добровольныхъ сдѣлокъ между владѣльцами и ихъ крѣпостными существуютъ теперь двѣ нормы; законъ 1805 года объ увольненіи въ свободные хлѣбопашцы и законъ 1842 года объ увольненіи въ обязанные поселяне; но обѣ эти нормы обставлены столькими безполезными формальностями, что, вмѣсто поощренія сдѣлокъ, онѣ ихъ только стѣсняютъ, даже дѣлаютъ почти невозможными. Итакъ, самая настоятельная потребность заключается въ подробномъ пересмотрѣ обоихъ законовъ и въ исключеніи изъ нихъ всего того, что безъ всякой нужды стѣсняетъ добровольные контракты владѣльцевъ съ крѣпостными.

Одной этой мѣры для успѣха дѣла, однако, недостаточно. Надобно, чтобы правительство, положительно, въ публичномъ актѣ, заявило свое расположеніе къ дѣлу освобожденія крѣпостныхъ и тѣмъ вывело общественное мнѣніе изъ того тревожнаго недоумѣнія, въ какомъ оно теперь находится.

Положительнаго выраженія мыслей правительства объ этомъ предметѣ особенно не желаютъ и боятся противники освобожденія, справедливо предвидя, что подобное дѣйствіе было бы обязательно, и что послѣ него не только нельзя было бы идти назадъ, но нельзя было бы даже остановиться на полдорогѣ. Подъ вліяніемъ этого опасенія, защитники крѣпостного права стараются поддерживать мысль, что необходимымъ послѣдствіемъ перваго рѣшительнаго шага на пути къ освобожденію неизбѣжно будетъ повсемѣстный бунтъ крестьянъ, истребленіе помѣщиковъ и кровавое ниспроверженіе существующаго порядка дѣлъ въ Россіи.

Подобныя опасенія были бы справедливы, если бы правительство неблагоразумно провозгласило свободу крестьянъ, или возбудило ихъ воображеніе и ожиданія какими нибудь неосторожными воззваніями. Но подобной мѣры, конечно, никто не посовѣтуетъ правительству, да никто и не ожидаетъ. Пересмотръ указовъ 1805 и 1842 годовъ, о необходимости котораго сказано выше, послужитъ самымъ благовиднымъ предлогомъ и удобнымъ случаемъ для правительства, чтобы поднять въ законодательномъ порядкѣ вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Обнародуя сдѣланныя въ этихъ указахъ, вслѣдствіе пересмотра, упрощенія и улучшенія, правительство можетъ совершенно кстати выразить, что многіе помѣщики желаютъ заключить сдѣлки съ своими крестьянами, но встрѣчаютъ затрудненія въ законѣ; что правительство, „желая всячески содѣйствовать такимъ добровольнымъ сдѣлкамъ“, признало нужнымъ упростить и усовершенствовать законы по этому предмету; и такъ какъ отнынѣ сдѣлки эти станутъ несравненно легче и удобоисполнимѣе, то правительство надѣется, что въ теченіе не слишкомъ продолжительнаго срока, напримѣръ, пяти или шести лѣтъ, дворянство не замедлитъ воспользоваться этимъ открываемымъ для него удобствомъ придти съ крестьянами къ окончательному соглашенію о будущихъ ихъ обязанностяхъ и повинностяхъ. По этому поводу полезно бы было простымъ, вразумительнымъ для крестьянъ, образомъ выразить, что право собственности владѣльцевъ надъ имѣніями признается по прежнему ненарушимымъ, что всякія попытки крѣпостныхъ силою освободиться отъ отправленія обязанностей въ отношеніи къ владѣльцамъ будутъ строго преслѣдуемы и наказаны; что

крестьяне, которые не станутъ выполнять принятыхъ на себя по условію въ отношеніи къ владѣльцамъ обязанностей, будутъ немедленно возвращаемы снова въ крѣпостное состояніе. Такимъ образомъ, дѣлу освобожденія въ самомъ началѣ будетъ данъ тотъ характеръ и то значеніе, которые оно имѣть можетъ и должно, именно: характеръ не политическій, а частный, гражданскій, договорный, даже по преимуществу торговый. Такой взглядъ будетъ всего ближе и къ понятіямъ крестьянъ; ибо, будучи одарены здравымъ смысломъ въ высокой степени, чѣмъ отличается нашъ народъ, они очень хорошо понимаютъ, что если имъ нужно освободиться отъ крѣпостнаго права, то и господамъ нельзя же остаться ни при чемъ. Мысль о выкупѣ изъ крѣпостного состоянія близка и съ руки народу, бродитъ въ немъ теперь, и потому законъ, въ изложенномъ выше смыслѣ, былъ бы какъ нельзя болѣе своевременемъ и пришелся бы по народнымъ понятіямъ. Едва ли нужно прибавлять, что такой важный по своему назначенію актъ долженъ быть написанъ весьма ясно, просто, а не канцелярскимъ слогомъ, мало понятнымъ даже для людей грамотныхъ и который подаетъ поводъ къ самымъ нелѣпымъ слухамъ и плачевнымъ недоразумѣніямъ. Наконецъ, подобно тому, какъ дѣлалось въ славныя царствованія Петра Великаго и Екатерины II, должно объяснить народу волю правительства, а не ограничиваться изданіемъ однихъ исполнительныхъ пунктовъ, которыхъ цѣль и намѣреніе всегда могутъ быть истолкованы различно. Чтобы приглашеніе владѣльцевъ къ заключенію сдѣлокъ съ крѣпостными не осталось на словахъ и на бумагѣ, а имѣло послѣдствія, необходимы, вмѣстѣ съ описанными уже, слѣдующія еще мѣры:

Во-первыхъ. Гражданскимъ губернаторамъ и предводителямъ дворянства надлежало бы сообщить въ секретныхъ циркулярахъ, для объявленія дворянамъ, именемъ Государя, о твердомъ намѣреніи правительства упразднить крѣпостное право; о томъ, что срокъ заключенія добровольныхъ условій объ освобожденіи назначенъ съ тою цѣлью, чтобы желающіе и расположенные къ дѣлу могли устроить свои отношенія съ крестьянами, сообразуясь съ своими пользами и даже удобствами; по истеченіи же срока, правительство найдется вынужденнымъ освободить крестьянъ административнымъ порядкомъ, при чемъ, разумѣется, многія частности, желательныя для владѣльцевъ, по необходимости легко могутъ быть оставлены безъ вниманія. Словомъ, такъ или иначе, но въ секретныхъ циркулярахъ надлежитъ рѣшительно и прямо выразить дворянству виды и намѣренія правительства относительно крѣпостного права, потому что это сословіе можетъ просвѣщеннѣе понять виды правительства и, по своему положенію, должно ихъ знать не изъ слуховъ, а оффиціальнымъ образомъ.

Во-вторыхъ. Для разсмотрѣнія и утвержденія заключаемыхъ между владѣльцами и крѣпостными добровольныхъ условій надлежитъ учредить особыя комиссіи изъ мѣстныхъ владѣльцевъ населенныхъ имѣній, ученыхъ агрономовъ и коронныхъ чиновниковъ, подъ предсѣдательствомъ, или, по крайней мѣрѣ, при содѣйствіи, въ качествѣ прокурора, нарочно для того избраннаго правительствомъ довѣреннаго лица. Желательно, чтобы такія комиссіи были учреждены во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ находится болѣе или менѣе значительное число крѣпостныхъ имѣній; но еслибы это встрѣтило затрудненіе, то въ началѣ можно было бы ограничиться образованіемъ одной комиссіи въ каждой полосѣ или части имперіи, отличающейся отъ сосѣднихъ особенными условіями хозяйства, характеромъ сельскаго народонаселенія или другими характеристическими особенностями.

Для руководства комиссіямъ въ ихъ дѣйствіяхъ должны быть даны подробныя инструкціи, содержащія тѣ основныя начала, которымъ правительство намѣрено слѣдовать въ дѣлѣ освобожденія, и тѣ временныя отступленія отъ этихъ началъ, которыя могутъ быть допущены по невозможности непосредственно привести послѣднія въ исполненіе.

Въ числѣ главныхъ началъ надлежитъ упомянуть:

а) чтобы крестьяне были надѣляемы землею не менѣе того количества, какимъ *дѣйствительно* пользуются. При сомнѣніи, что владѣлецъ, какъ теперь нерѣдко случается, съ намѣреніемъ уменьшилъ крестьянское поле, чтобы оставить во владѣніи крестьянъ какъ можно менѣе земли, допускать повѣрку землевладѣнія за послѣднія 10 лѣтъ и уговаривать владѣльцевъ надѣлять крестьянъ высшимъ количествомъ земли, какимъ они въ теченіе этого времени дѣйствительно пользовались; б) чтобы изъ контрактовъ были устра-

нены всѣ условія, чрезмѣрно для крестьянъ стѣснительныя или даже вовсе невыполнимыя, на которыя они могутъ согласиться въ надеждѣ какъ нибудь ихъ обойти, или вслѣдствіе чрезмѣрнаго желанія, такъ или иначе, выйти изъ крѣпостного состоянія; в) чтобы между увольняемыми крестьянами непремѣнно было вводимо общинное устройство и управленіе, составляющее въ Россіи твердый оплотъ противъ пролетаріата и самый могущественный органъ правительства, чего, къ сожалѣнію, многіе помѣщики у насъ еще не понимаютъ; г) чтобы на все то время, пока крестьяне, по свойству заключеннаго съ ними контракта, будутъ находиться въ какой бы то ни было зависимости отъ помѣщика, были опредѣлены контрактомъ и мѣры для огражденія ихъ отъ притѣсненій, именно указаны учрежденія, которымъ они могутъ жаловаться на своихъ помѣщиковъ, равно какъ и помѣщики на бывшихъ своихъ крестьянъ; порядокъ принесенія тѣми и другими жалобъ; лица или установленія, обязанныя защищать крестьянъ въ искахъ или тяжбахъ съ владѣльцами; но вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть оговорено, что въ такомъ случаѣ, когда въ уѣздѣ число освобожденныхъ такимъ образомъ крѣпостныхъ увеличится, правительство оставляетъ за собою право, въ замѣнъ этихъ частныхъ мѣръ огражденія по каждому имѣнію отдѣльно, ввести особливые, общіе по уѣзду, суды для разбора споровъ между владѣльцами и крестьянами, до полнаго и совершеннаго выкупа послѣднихъ; д) чтобы контракты заключались не безсрочно, а на опредѣленный срокъ, хотя бы и продолжительный, послѣ котораго крестьяне удержали бы въ своей собственности всю полученную отъ владѣльца землю, а крѣпостная зависимость ихъ отъ послѣдняго вполнѣ и совершенно бы прекратилась.

Въ подробностяхъ примѣненія этихъ и тому подобныхъ началъ, комиссіямъ должно быть предоставлено дѣйствовать, соображаясь съ мѣстными обстоятельствами, по своему усмотрѣнію. Добросовѣстное пользованіе этимъ правомъ всегда будетъ зависѣть отъ личнаго состава комиссіи, а не отъ инструкціи, которая можетъ только указать что̀ надлежитъ дѣлать, а не предупредить злоупотребленія. Однако, и въ этомъ отношеніи можно указать комиссіямъ, въ видѣ руководства, на нѣкоторыя начала, напр., на разрѣшеніе владѣльцамъ, въ губерніяхъ и имѣніяхъ земледѣльческихъ, удерживать, на нѣкоторое время, повинности крестьянъ натурою, а тѣмъ болѣе постепенный выкупъ земли работами. Сверхъ того, комиссіямъ должно быть предоставлено право, при крайней затруднительности, а тѣмъ болѣе въ случаѣ совершенной невозможности для крестьянъ откупаться отъ владѣльца собственными средствами, дѣлать постановленія о выдачѣ имъ ссудъ изъ кредитныхъ установленій, о чемъ сказано будетъ ниже, и т. д.

Инструкціи комиссіямъ должны быть секретныя, чтобы не возбудить излишнихъ притязаній крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма желательно, чтобы самыя комиссіи, подобно тому, какъ было въ Пруссіи, не зависѣли отъ обыкновенныхъ правительственныхъ лицъ и учрежденій, которыя могли бы только стѣснить ихъ дѣятельность, а были бы исключительно подчинены одному лицу, облеченному довѣріемъ Государя, всегда имѣющему къ нему доступъ и непосредственный докладъ. Что такое лицо должно быть искренно, честно, безъ заднихъ мыслей, предано дѣлу освобожденія — разумѣется само собою и не требуетъ поясненія.

Въ-третьихъ, надлежитъ разрѣшить кредитнымъ установленіямъ помогать выкупающимся крестьянамъ ссудами, но съ извѣстными ограниченіями и условіями, и не иначе, какъ по постановленіямъ комиссій.

Многіе считаютъ участіе нашихъ кредитныхъ установленій въ дѣлѣ освобожденія, при теперешнемъ положеніи государственныхъ финансовъ, невозможнымъ.

Но едва-ли это мнѣніе справедливо. Если при теперешнемъ финансовомъ нашемъ положеніи кредитныя установленія не отказываютъ въ ссудахъ помѣщикамъ подъ залогъ ихъ имѣній, по свидѣтельству гражданскихъ палатъ, то какая можетъ быть основательная причина отказывать въ ссудахъ или въ переводѣ долга крестьянамъ тѣхъ же самыхъ имѣній, по приговорамъ комиссіи?

Надобно только, чтобы размѣры ссудъ не превосходили теперешнихъ, а постановить это правиломъ не трудно. Единственное, но совершенно необходимое, преобразованіе при распространеніи кредита на выкупающихся крестьянъ будетъ заключаться въ переложеніи ссудъ съ душъ на землю; ибо, по дѣйствующимъ нынѣ правиламъ, ссуды выдаются подъ залогъ имѣній, въ коихъ приходится на душу не менѣе 4 съ половиною десят. земли,

считая въ томъ числѣ и господскую и крестьянскую; одна же крестьянская земля, съ которою крѣпостные будутъ выкупаться, очень рѣдко достигаетъ этой цифры и потому, въ большей части случаевъ, не будетъ подходить подъ банковыя правила. Но простое переложенiе ссудъ съ душъ на землю, по каждому имѣнiю отдѣльно, безъ измѣненiя самыхъ основанiй ссудъ, не можетъ, кажется представить ни малѣйшихъ затрудненiй [1]).

Ссуды крестьянамъ на выкупъ или переводъ на нихъ банковаго долга слѣдуетъ производить не иначе, какъ по особымъ по каждому имѣнiю постановленiямъ комиссiй; а послѣднимъ надлежитъ вмѣнить въ обязанность входить въ самое внимательное и подробное разсмотрѣнiе состоянiя и способовъ крестьянъ, для удостовѣренiя въ томъ, могутъ ли они бездоимочно вносить проценты и погашенiе. При самыхъ высшихъ условiяхъ теперешнихъ займовъ по 80 руб. сер. на душу—на 33-хълѣтнихъ правилахъ, т.-е. съ уплатою 5 съ половиною процентовъ, ежегодный взносъ съ души не превзошелъ бы 4 р. 40 к., т.-е. составилъ бы 13 р. 20 к. съ тягла; при разсчетѣ же 5% на 28-милѣтнiй срокъ, предположивъ, что правительство откажется въ пользу выкупающихся крестьянъ отъ прибыльнаго процента, ежегодный взносъ съ души, даже при высшемъ размѣрѣ ссудъ (80 руб.), не превзойдетъ 4 руб., а при наименьшемъ (50 руб.) составитъ только 2 р. 50 к. съ души.

По незначительности банковыхъ платежей и по особенной важности въ этомъ дѣлѣ бездоимочнаго ихъ взноса крестьянами, надлежало бы постановить, на случай ихъ неисправности, строгiя мѣры и примѣнять ихъ безъ послабленiя. Такъ можно, напримѣръ, установить отдачу неисправныхъ крестьянъ въ обработку помѣщикамъ, отъ которыхъ они откупаются; можно, когда это не влечетъ за собою ущерба для владѣльца, переселять неисправныхъ въ другiя губернiи и края, а землю продавать съ публичнаго торга, въ удовлетворенiе кредитнаго установленiя. При всей видимой жестокости такихъ правилъ, они будутъ рѣдко примѣняемы, когда крестьяне увидятъ и убѣдятся, что никакого снисхожденiя имъ оказано не будетъ.

Въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ подобныхъ случаяхъ, два-три примѣра спасительной и своевременной строгости произведутъ свое дѣйствiе и избавятъ правительство отъ необходимости дальнѣйшихъ крутыхъ мѣръ.

Распоряженiе о выдачѣ крестьянамъ ссудъ на выкупъ должно быть сдѣлано секретно и держимо въ тайнѣ отъ крестьянъ; ибо въ этомъ дѣлѣ кредитъ, особливо съ начала, можетъ играть лишь вспомогательную роль. Пусть онъ является въ видѣ милости правительства, а не общаго правила; иначе возродятся притязанiя на ссуды не только со стороны бѣдныхъ и безпомощныхъ крестьянъ, но даже со стороны богатыхъ, имѣющихъ полную возможность выкупиться своими средствами, безъ посторонней помощи; ибо въ глубинѣ души крестьяне питаютъ надежду, что ихъ выкупитъ изъ крѣпости царь своими деньгами.

Поэтому они, конечно, подчинятся выкупнымъ платежамъ, понимая ихъ справедливость и необходимость въ отношенiи къ помѣщикамъ, но подчинятся неохотно и при всякомъ удобномъ случаѣ будутъ накоплять на себя недоимку, въ ожиданiи, что авось-де царь ее сложитъ или за нихъ заплатитъ. Такiя мысли опасно поддерживать въ 25-ти миллiонахъ крѣпостного народонаселенiя. Напротивъ, надобно со всею строгостью и настойчивостью, для ихъ же счастiя, проводить мысль, что они могутъ стать свободны лишь вслѣдствiе собственныхъ усилiй и жертвъ; правительство же только облегчаетъ имъ пути къ тому, не принимая на себя выкупа. Такимъ только образомъ освобожденiе крѣпостныхъ будетъ вмѣстѣ и ихъ воспитанiемъ къ гражданской жизни.

Совокупное дѣйствiе всѣхъ изложенныхъ мѣръ привело бы къ важнымъ нравственнымъ и положительнымъ результатамъ.

Въ *нравственномъ* отношенiи дѣло освобожденiя крѣпостныхъ получило бы, въ глазахъ владѣльцевъ и вообще просвѣщенныхъ классовъ, право гражданства между другими вопросами, котораго, къ сожалѣнiю, до сихъ поръ еще не имѣетъ.

Уже это одно обстоятельство ободрило бы

[1]) Если бы правительство признало возможнымъ отказаться отъ прибыльнаго процента съ имѣнiй, выкупающихся на волю, то при предполагаемомъ перечисленiи долга съ душъ на землю милостью этою воспользовались бы не только крестьяне, но и владѣльцы, что послужило бы важнымъ поощренiемъ для заключенiя ими добровольныхъ сдѣлокъ съ крестьянами.

желающихъ освобожденія, уменьшило бы нравственное вліяніе его противниковъ и дало бы общественному мнѣнію направленіе, котораго оно, по общему сознанію всѣхъ, имѣть не можетъ и не будетъ имѣть, пока правительство не приметъ инціативы въ этомъ дѣлѣ,—не скажетъ своего рѣшительнаго слова.

Въ глазахъ низшихъ классовъ упраздненіе крѣпостного права получитъ размѣры гражданскаго договора, и общія, неопредѣленныя, а потому и опасныя, ожиданія и напряженіе умовъ исчезнутъ: добудь денегъ, выкупись и будешь свободенъ, — вотъ мысль, которую какъ разъ пойметъ нашъ умный, смѣтливый простой народъ, отъ природы одаренный промышленнымъ смысломъ.

Результаты *положительные* были бы не менѣе благопріятны. Всѣ помѣщики, искренно расположенные къ дѣлу освобожденія, пошли бы впередъ по открытому пути и дали бы своимъ крестьянамъ возможность выкупиться; за ними послѣдовали бы полу-расположенные и колеблющіеся, а потомъ и равнодушные къ дѣлу, подъ вліяніемъ дружнаго напора въ одномъ направленіи, дѣйствій правительства, примѣра благонамѣренныхъ владѣльцевъ и опасенія подвергнуться потерямъ, при очевидной непрочности крѣпостныхъ отношеній, и предстоявшаго, по истеченіи срока, понудительнаго освобожденія.

Но еслибы даже число добровольныхъ условій съ крѣпостными и не было значительно, все же важный шагъ былъ бы сдѣланъ; мысль, намѣреніе, цѣль получили бы практическое примѣненіе; существовали бы образцы; совѣщанія помѣщиковъ и переговоры ихъ съ крестьянами уяснили бы до очевидности, какъ должно приступать къ дѣлу; взаимныя отношенія и выгоды владѣльцевъ и крестьянъ, на случай освобожденія, совершенно бы опредѣлились; наконецъ, обнародованіе заключенныхъ договоровъ, печатное обсужденіе выгодъ и невыгодъ увольненія на тѣхъ или другихъ условіяхъ, ознакомили бы массу помѣщиковъ съ лучшими способами освобожденія, примѣнительно къ разнымъ мѣстностямъ, и низвели бы это дѣло до размѣровъ самаго обыкновеннаго житейскаго и гражданскаго условія, — къ чему именно и должны быть направлены всѣ усилія правительства.

Еслибы дѣло освобожденія, съ помощью добровольныхъ контрактовъ, въ продолженіе назначеннаго срока, значительно подвинулось впередъ, то по миновании его можно было бы, смотря по обстоятельствамъ, дать другой дополнительный срокъ, короче перваго, напримѣръ, на два или на три года, и затѣмъ, по истеченіи его, приступить уже къ понудительному освобожденію. Эта третья, окончательная, фаза освобожденія была бы уже предварительными добровольными сдѣлками существенно облегчена. Всѣ стороны вопроса бывшими примѣрами были бы совершенно выяснены для правительства; выкупного капитала потребовалось бы, за происшедшими увольненіями, гораздо менѣе, такъ что не представлялось бы уже опасенія выпустить, для выкупа крѣпостныхъ, облигацій, или вообще предпринять какую нибудь общую финансовую операцію, основанную на кредитѣ. Комиссіи, учрежденныя первоначально для разсмотрѣнія и утвержденія добровольныхъ условій владѣльцевъ съ крестьянами, успѣли бы уже пріобрѣсти достаточный навыкъ и опытность и могли бы съ пользою быть употреблены для начертанія, по каждому имѣнію, оставшемуся на крѣпостномъ положеніи, проекта обязательнаго или понудительнаго договора объ освобожденіи.

Итакъ, это великое дѣло совершилось бы для блага Россіи и для славы царствованія!

(Русская Старина, 1887, кн. II).

Мнѣніе о лучшемъ способѣ разработки вопроса объ освобожденіи крестьянъ.

(1857 г.).

Всѣ великодушныя попытки нашихъ государей упразднить или даже только смягчить крѣпостное право въ Россіи доселѣ не имѣли результатовъ, вслѣдствіе двухъ главныхъ причинъ: тайнаго или явнаго сопротивленія лицъ, на которыхъ возлагалось обсужденіе предмета, и вслѣдствіе непониманія ими дѣла.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы вопросъ о крѣпостномъ правѣ былъ теперь совершенно и окончательно выясненъ. Для этого много еще предстоитъ работы. Но въ послѣднее время кое-что въ этомъ вопросѣ уже выработалось, и можно указать на нѣсколько мѣръ на пути къ упраздненію крѣпостного права, которыя, не требуя никакихъ пожертвованій со стороны владѣльцевъ и правительства, громко и единогласно указываются и призываются общественнымъ мнѣніемъ. Отчего же онѣ до сихъ поръ не разрѣшаются правительствомъ? Вслѣдствіе систематическаго нежеланія вести этотъ вопросъ къ разрѣшенію!

Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что доселѣ крестьянскій вопросъ предлагаемъ былъ на разсмотрѣніе исключительно лицамъ высшаго государственнаго управленія, которыя всю почти жизнь свою провели въ Петербургѣ, и по воспитанію, а въ особенности по роду службы и занятій, или всегда были, или по крайней мѣрѣ мало-по-малу стали чужды сельскому и крестьянскому быту. Даже предположивъ въ такихъ лицахъ полную добрую волю и желаніе привести крѣпостной вопросъ къ разрѣшенію, они, очевидно, не въ состояніи были бы этого сдѣлать по недостатку нужныхъ свѣдѣній.

Можно, не обинуясь, сказать, что пока эта обстановка вопроса о крѣпостномъ правѣ не измѣнится, онъ не подвинется ни на шагъ впередъ, ибо только отъ людей, понимающихъ *дѣло и искренно, добросовѣстно желающихъ его успѣха, должно ожидать и серьезнаго изученія предмета со всѣхъ сторонъ и полезныхъ указаній*, воспользоваться или не воспользоваться которыми будетъ уже зависѣть отъ правительства.

Для вполнѣ успѣшнаго хода предварительныхъ работъ по вопросу объ упраздненіи крѣпостного права, должно обратить еще вниманіе и на слѣдующее, весьма важное, обстоятельство. Крѣпостное право по существу своему находится въ полнѣйшей связи и взаимодѣйствіи съ *юридической, административной, экономической, финансовой и сельско-хозяйственной* сторонами нашего быта, и потому упраздненіе этого права, очевидно, требуетъ предварительнаго тщательнаго обсужденія задачи со всѣхъ этихъ сторонъ. При теперешней неразработанности ея едва-ли можно предположить, чтобъ одно лицо въ одинаковой степени ясно и отчетливо обнимало всѣ эти стороны и соединяло въ себѣ всѣ нужныя свѣдѣнія для ихъ безошибочнаго и точнаго опредѣленія. Сколько до сихъ поръ замѣтить можно, люди, сознающіе настоятельную необходимость упразднить крѣпостное право, разсматриваютъ эту задачу, большею частью, съ одной какой-нибудь стороны, которую потому видятъ и оцѣниваютъ подробнѣе и лучше, чѣмъ другія. Необходимо было бы, для пользы дѣла, соединить всѣ эти разрозненныя силы и свѣдѣнія въ одно,—въ спеціальной *комиссіи*. Соотвѣтственно различнымъ сторонамъ предмета, исчисленнымъ выше, эта комиссія могла бы состоять изъ нѣсколькихъ *отдѣленій*, изъ коихъ каждое занималось бы своею спеціальностью. Въ случаѣ надобности, могли бы происходить общія совѣщанія отдѣленій.

При семъ прилагается списокъ лицъ, извѣстныхъ своими свѣдѣніями по предметамъ, входящимъ въ разрѣшеніе крѣпостного вопроса, и искренностью своихъ убѣжденій относительно необходимости упразднить крѣпостное право:

По части юридической: генералъ-комис-

саръ по морскому министерству, кн. *Оболенскій;* состоящій на службѣ въ томъ же министерствѣ *Глѣбовъ;* профессоръ *Кавелинъ; Иванъ Сергѣев. Аксаковъ.*

По части административной: гофмейстеръ *Хрущовъ*; дѣйств. ст. сов. *Милютинъ*; дѣйств. ст. сов. *Головнинъ.*

По части политико-экономической и финансовой: дѣйств. ст. сов. *Заблоцкій-Десятовскій* и *Арапетовъ*; дѣйств. ст. сов. *Рейтернъ*; членъ комитета желѣзныхъ дорогъ *Абаза*; секретарь географическаго общества *В. П. Безобразовъ;* бывшій секретарь общества *Ламанскій;* состоящій на службѣ по министерству госуд. имущ. *Соловьевъ* (авторъ статистическаго обзора Смоленской губ.).

Часть сельско-хозяйственная могла бы быть представлена, — не говоря о нѣкоторыхъ уже изъ названныхъ лицъ (напр., дѣйств. ст. сов. *Заблоцкомъ*), слѣдующими болѣе или менѣе значительными помѣщиками, расположенными къ дѣлу освобожденія: для Малороссіи *Вас. Вас. Тарновскимъ, Триг. Павл. Галаганомъ*; для прочихъ частей Россіи: генер.-адъют. кн. *Викт. Иллар. Васильчиковымъ*, дѣйст. ст. сов. кн. *Триг. Алексѣев. Щербатовымъ* (попечителемъ С.-Петербургскаго учебн. округа), *Ю. Ѳ. Самаринымъ, А. И. Кошелевымъ*, кн. *В. А. Черкаскимъ* (значительными владѣльцами и составителями проектовъ объ эманципаціи). Слѣдовало бы также пріискать столько же благонадежныхъ лицъ для представленія сельско-хозяйственныхъ и владѣльческихъ интересовъ западнаго края и степной полосы имперіи, Новороссіи и Заволжья.

(Русская Старина, 1887, кн. 4).

ДВОРЯНСТВО И ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ.

(1862 г.).

Крѣпостной вопросъ разрѣшенъ, и разрѣшеніемъ его почти всѣ остались недовольны. Крестьянинъ тужитъ, что ему еще два года придется работать на барина или платить прежній, можетъ быть, тяжелый оброкъ; ему жаль земли, которая отрѣжется изъ его поля на барина; его беретъ раздумье надъ тяжелой повинностью, которая останется на немъ по уставной грамотѣ. Многаго, что ожидаетъ его впереди, онъ еще не разобралъ хорошенько, но то, что онъ понялъ, вовсе не отвѣчаетъ его ожиданіямъ и надеждамъ. Дворяне тоже недовольны и можетъ быть еще болѣе, чѣмъ крѣпостные. Повинности ихъ бывшихъ подданныхъ урѣзаны, часть земли будто перестала имъ принадлежать, издѣльная работа тоже значительно умалена противъ дѣйствительности. Чѣмъ замѣнить ее? Наемные работники страшно дороги, да и хорошо еще, когда ихъ можно нанять хотя бы за высокую плату, а то мѣстами и ихъ никакъ нельзя добыть. Чтобы поставить хозяйство на новую ногу, нужны деньги, нужно много денегъ, а ихъ нѣтъ и занять не у кого. Притомъ, какъ-то неловко, тяжело и почти унизительно чувствовать себя на каждомъ шагу связаннымъ закономъ и юридическими условіями въ томъ самомъ имѣніи, гдѣ до сихъ поръ жилось такъ свободно, почти безъ всякихъ ограниченій, полнымъ хозяиномъ. Мы убѣждены въ томъ, что всѣ эти и подобныя имъ непріятныя впечатлѣнія только что начавшейся реформы мало-по-малу разсѣятся, что недоумѣнія и частныя неудобства, которыя по ея поводу возникли и будутъ еще возникать, постепенно разъяснятся и уладятся. Помѣщики и крестьяне понемногу привыкнутъ къ новому порядку дѣлъ, присмотрятся къ тому, что имъ кажется теперь дикимъ, и увидятъ полезныя и выгодныя стороны реформы, заслоняемыя пока новостью дѣла, чрезмѣрными ожиданіями и чрезмѣрными опасеніями. Временныя потери помѣщиковъ, гдѣ онѣ и будутъ, уравновѣсятся впослѣдствіи прибылями, и тоже забудутся. Частные случаи безвозвратныхъ потерь и совершеннаго разоренія, конечно, представятся и между помѣщиками и между кре-

стьянами: но они неизбѣжны при всякомъ коренномъ общественномъ переворотѣ, встрѣчаются даже въ самое покойное время, при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ и слѣдовательно не идутъ въ счетъ. Въ концѣ концовъ, освобожденіе крестьянъ окажется черезъ нѣсколько лѣтъ не такимъ страшнымъ, какъ казалось съ перваго взгляда на другой день послѣ обнародованія манифеста.

Многіе, пожалуй, и готовы съ этимъ согласиться. Лучшая, образованнѣйшая часть дворянства досадуетъ собственно не за освобожденіе крестьянъ, съ необходимостью котораго уже свыклась, не за надѣлъ ихъ землею, которою и до сихъ поръ крестьяне пользовались на самомъ дѣлѣ, не за матеріальныя пожертвованія, которыя дворянство всегда приносило и теперь приноситъ на общую пользу. Настоящая причина горечи и негодованія гораздо глубже. Дворянство не можетъ примириться съ мыслью, что правительство освободило крестьянъ какъ ему хотѣлось, а не какъ хотѣли дворяне, что дворянство даже не было порядочно выслушано; что правительство не сочло нужнымъ объясниться передъ нимъ, почему освобождаетъ крестьянъ такъ, а не иначе, почему отвергло его предложенія. Роль перваго сословія имперіи въ дѣлѣ такой важности вышла жалкая и унизительная. Правительство его успокоивало, спрашивало мнѣнія, заставляло работать и потомъ рѣшило помимо него, соображаясь съ его желаніями когда хотѣло и на сколько хотѣло. Дворянство видитъ въ этомъ обманъ, оскорбленіе, нестерпимый произволъ и насиліе, и вотъ что его глубоко возмущаетъ. Оттого съ какимъ-то злорадствомъ смотритъ оно на всѣ ошибки и промахи правительства по крѣпостному вопросу, придавая имъ размѣры и значеніе, которыхъ они, если смотрѣть на дѣло спокойно и хладнокровно, на самомъ дѣлѣ можетъ быть и не имѣютъ.

Къ чувству глубокаго оскорбленія присоединяется еще и тяжелое раздумье: что же станется теперь съ дворянствомъ? До сихъ поръ оно было первымъ сословіемъ въ имперіи; совершись освобожденіе согласно съ его предложеніями и безъ земли—оно сохранило бы свое положеніе, и поселенные на помѣщичьихъ земляхъ крестьяне остались бы къ владѣльцамъ въ вассальномъ подчиненіи и зависимости. Но теперь, когда освобожденіе совершено правительствомъ помимо дворянства, когда каждый бывшій крѣпостной крестьянинъ будетъ имѣть свой клочекъ земли, вырванный у помѣщиковъ изъ рукъ насильственно, что ожидаетъ дворянство впереди? Власть бюрократіи и чиновниковъ страшно усилится, все мѣстное управленіе окончательно перейдетъ въ ихъ руки, а дворянство, потерявъ всякое значеніе и всякую власть, сравняется съ другими классами народа и исчезнетъ въ ихъ огромной массѣ. Такое послѣдствіе освобожденія, въ томъ видѣ какъ оно совершилось, неизбѣжно и наступитъ очень скоро. При всеобщемъ обѣднѣніи дворянства, ему не выдержать новаго порядка дѣлъ, новыхъ условій хозяйственнаго быта, не имѣя кредита, который бы далъ возможность извороотиться на первыхъ порахъ; а у насъ, вслѣдствіе плохого законодательства, частный кредитъ не существуетъ; правительство же, истощивъ банки на свои надобности, подорвало и этотъ обильный источникъ ссудъ. Что жъ дѣлать? Большинство дворянства должно будетъ поневолѣ продать свои имѣнія и, расплатившись съ долгами, остаться ни при чемъ.

Такія мысли и чувства волнуютъ теперь дворянъ; отсюда негодованіе и злоба, съ которыми большинство ихъ встрѣтило манифестъ 19-го февраля.

Отбросивъ преувеличенія и крайности, естественныя при раздраженіи, нельзя не согласиться, что въ раздумьи и опасеніяхъ дворянства есть своя доля правды. Положеніе этого сословія въ самомъ дѣлѣ теперь критическое. Въ немъ совершается крутой переворотъ, какого оно никогда еще не испытывало. Рѣчь идетъ не о минутномъ разстройствѣ, но о дальнѣйшемъ существованіи и судьбѣ сословія, шедшаго до сихъ поръ постоянно во главѣ образованія и всякаго успѣха въ Россіи. Въ такую важную и критическую для него минуту правильная и безпристрастная оцѣнка настоящаго положенія, причинъ, которыя его приготовили, и уясненіе вѣроятной и возможной будущности есть дѣло первостепенной государственной важности, ибо, только зная настоящее и прозрѣвая въ будущее, можно рѣшить по какому пути слѣдуетъ идти дворянству, какія лучшія средства выйти ему изъ теперешнихъ затрудненій, не теряя своего значенія, только приспособляясь къ новымъ обстоятельствамъ и условіямъ. Оставаться при одномъ негодованіи было бы для него унизительно, безполезно и безплодно; надѣяться на счастливыя

случайности тоже нельзя и нечего; онѣ сто разъ его манили и обманывали. Только опираясь на самого себя, довѣряя себѣ и своимъ силамъ, дѣйствуя сознательно и разумно, дворянство будетъ въ состояніи перенести кризисъ, снова окрѣпнуть и удержать за собою то почетное мѣсто, которое оно занимало такъ долго. Если дворянство не пойметъ этого и не будетъ сообразно съ тѣмъ дѣйствовать, то другіе элементы замѣнятъ его и выполнятъ его дѣло, потому что исторія ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ не останавливается; она пользуется тѣмъ, что ей годно, осуждая на ничтожество и забвеніе все, что силится ей поперечить.

Мы глубоко убѣждены, что русскому дворянству можетъ предстоять счастливая будущность и блестящая роль. Оно самое образованное и сравнительно самое богатое изъ всѣхъ сословій; оно содержитъ въ себѣ живые зародыши возрожденія. Теперешнее критическое его положеніе есть результатъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыя уже измѣнились, и политическихъ ошибокъ, которыя могутъ еще быть исправлены.

Мы обращаемся къ лучшей, просвѣщеннѣйшей части русскаго дворянства, безъ лести и страха, съ однимъ искреннимъ желаніемъ добра, съ надеждою, что голосъ нашъ будетъ услышанъ. Если, ставя правду, особенно въ такомъ важномъ дѣлѣ, выше всего, мы должны были высказывать горькія истины,—она оцѣнитъ чистоту нашихъ побужденій и, принявъ всѣ или хоть нѣкоторыя изъ нашихъ мыслей, переложитъ ихъ въ дѣло своимъ авторитетомъ, вліяніемъ и примѣромъ.

I.

Прежде всего предстоитъ рѣшить вопросъ: что есть дворянство? Необходимо ли высшее сословіе вездѣ и всегда, или оно существуетъ только при извѣстныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, и съ измѣненіемъ ихъ должно рано или поздно исчезнуть? При теперешней чрезвычайной разноголосицѣ мнѣній, при крайнихъ и рѣзкихъ сужденіяхъ въ самомъ противоположномъ смыслѣ, обойти эти вопросы нельзя. Если высшее сословіе—явленіе временное, историческое, и рано или поздно должно перестать существовать, говорить о будущности дворянства въ Россіи есть явная несообразность и нелѣпость. Каждому дворянину слѣдовало бы въ такомъ случаѣ посовѣтовать воспользоваться теперешнимъ преобразованіемъ, какъ онъ умѣетъ и знаетъ, не заботясь объ остальномъ. Если же высшее сословіе существуетъ вездѣ и всегда, измѣняясь только въ своихъ формахъ, то вопросъ о будущности дворянства есть одинъ изъ самыхъ жизненныхъ вопросовъ Россіи, и переходъ этого сословія изъ одной формы въ другую, сообразно обстоятельствамъ времени,—предметъ достойный глубокаго размышленія и близкій каждому дворянину.

Съ мыслью о дворянствѣ мы привыкли непремѣнно соединять представленіе о какой нибудь исключительной наслѣдственной привилегіи. Это производитъ чрезвычайное смѣшеніе понятій и сбиваетъ съ толку. Для однихъ дворянство есть привилегированный классъ крѣпостниковъ,—стало быть, съ прекращеніемъ крѣпостного права дворянство должно исчезнуть. Смотря по точкѣ зрѣнія, одни объ этомъ горюютъ, другіе радуются, но и тѣ и другіе согласны въ томъ, что безъ крѣпостного права нѣтъ и дворянства. Есть также мнѣніе, сложившееся у насъ исторически, что наше дворянство есть прежде всего сословіе, наслѣдственно посвятившее себя государственной, военной и гражданской службѣ; дворянинъ, никогда не служившій или торгующій, кажется какимъ-то страннымъ, уродливымъ изъятіемъ изъ общаго правила, почти не дворяниномъ; такой же не-дворянинъ въ настоящемъ смыслѣ и тотъ, кто дослужился до дворянства изъ другихъ сословій. Тоже самое думаютъ многіе и о другихъ, такъ называемыхъ дворянскихъ привилегіяхъ; распространеніе ихъ на другія сословія кажется имъ униженіемъ для дворянства, какимъ-то посягательствомъ на его высокое общественное положеніе, а уравненіе въ гражданскихъ правахъ считается равнозначительнымъ уничтоженію этого сословія.

Смотря съ этой точки зрѣнія, нѣтъ мѣста для сомнѣнія и спора. Служебныя и всѣ прочія привилегіи дворянства рушатся однѣ за другими; немного еще пройдетъ времени, и почти всѣ удержавшіяся еще доселѣ мало-по-малу тоже отмѣнятся. Отсюда слѣдовало бы заключить, что наше дворянство падаетъ и осуждено вскорѣ совсѣмъ исчезнутъ. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Съ дворянствомъ мы соединяемъ понятіе о высшемъ первенствующемъ сословіи въ имперіи. Неужели безъ исключительныхъ наслѣдственныхъ при-

вилегій оно существовать не можетъ? Мы противнаго мнѣнія, и исторія представляетъ блистательныя доказательства въ нашу пользу. Въ какой странѣ высшее сословіе богаче, могущественнѣе, вліятельнѣе, чѣмъ въ Англіи? А оно не пользуется никакими привилегіями. Семейство первѣйшаго лорда и послѣдній нищій равны въ правахъ. Участіе аристократіи въ верхнемъ парламентѣ основано въ Англіи главнымъ образомъ на владѣніи майоратами, которые переходятъ изъ рода въ родъ къ одному лицу не по закону, а въ силу завѣщательныхъ распоряженій, введенныхъ обычаемъ; участіе въ нижнемъ парламентѣ и въ мѣстномъ управленіи основано также на поземельномъ владѣніи, доступномъ по праву для всякаго. И такъ, наслѣдственная привилегія и высшее сословіе—двѣ вещи совершенно разныя, которыхъ нельзя смѣшивать, не впадая въ грубыя ошибки. Намъ потому только представляется привилегія въ такой неразрывной связи съ понятіемъ о высшемъ сословіи, что дворянство до сихъ поръ было у насъ и во многихъ другихъ государствахъ привилегированнымъ сословіемъ. Точно также намъ думалось, что фабричная и мануфактурная промышленность только и можетъ существовать при запретительномъ или по крайней мѣрѣ покровительственномъ тарифѣ; но впослѣдствіи оказалось, что такой тарифъ не только ее не охраняетъ, но существенно мѣшаетъ ей развиваться, устраняя соперничество и тѣмъ погружая ее въ усыпленіе и дремоту. Изъ упадка дворянскихъ привилегій слѣдуетъ только, что это сословіе не можетъ долѣе оставаться въ теперешнемъ своемъ видѣ, что оно перерождается, что настало для него время измѣнить свои формы. Это достовѣрно и несомнѣнно; но выводъ, что въ Россіи съ упадкомъ дворянскихъ привилегій не будетъ вовсе высшаго, первенствующаго сословія, совершенно произволенъ, не основанъ ни на чемъ и объясняется лишь превратнымъ понятіемъ о томъ, что такое высшее сословіе, какое его назначеніе въ общей экономіи народной жизни, какія истинныя причины его существованія.

Различіе сословій, различное участіе ихъ въ государственной и общественной жизни есть явленіе общее всему человѣческому роду, отъ начала міра до нашего времени. Какое общество мы ни возьмемъ, на какой бы ступени развитія оно ни стояло, въ каждомъ непремѣнно нѣкоторая его часть выдѣляется изъ массы народонаселенія, и въ томъ или другомъ видѣ первенствуетъ надъ нею. Въ этомъ отношеніи общества, въ которыхъ массы народа не имѣютъ никакихъ правъ, и тѣ, гдѣ основнымъ закономъ признано полное безусловное гражданское и политическое равенство всѣхъ сословій и не существуетъ никакихъ привилегій, подчинены одному, очевидно общему, всемірному закону. Ясно, что неравенство сословій дано не обстоятельствами, а самой природой человѣка и человѣческаго общества, и причину его открыть не трудно. Люди по физической природѣ, по умственнымъ и другимъ своимъ способностямъ, неравны между собою со дня рожденія. Изъ этого прирожденнаго неравенства вытекаетъ и неравенство внѣшней ихъ дѣятельности; одни предпріимчивы, изобрѣтательны, неутомимы, другіе нѣтъ; одни дѣлаютъ много, скоро, хорошо; другіе мало, медленно и плохо. То, что человѣкъ творитъ во внѣшнемъ мірѣ, становится его собственностью, которую онъ оставляетъ послѣ себя дѣтямъ или завѣщаетъ близкимъ; отсюда новый источникъ неравенства. Одни, создавая много, имѣютъ большую собственность; другіе, творя мало, имѣютъ мало принадлежащихъ имъ вещей или вовсе не имѣютъ собственности; одни получаютъ наслѣдство и потому не имѣютъ нужды пріобрѣтать ее; другіе не получаютъ наслѣдства и должны сами пріобрѣтать собственность.

Прирожденное физическое и нравственное неравенство нельзя измѣнить; никто его и не оспариваетъ, такъ оно несомнѣнно и очевидно; но неравенство имущественное многимъ кажется чѣмъ-то произвольнымъ, искусственнымъ, случайнымъ. Его, повидимому, прекратить очень легко: стоитъ только отмѣнить собственность и наслѣдство. Такія предложенія дѣлались социалистами, но они оказались совершенно не осуществимыми, потому что противорѣчатъ закону свободы, столько же непреложному, какъ законъ общежитія. Право собственности, право оставлять ее послѣ себя своимъ дѣтямъ и близкимъ, есть для огромнаго большинства людей лучшій плодъ и награда трудовъ и усилій. Отнимите эти два сильнѣйшихъ побужденія для дѣятельности, и одни только избранные будутъ продолжать трудиться и работать, а большинство не станетъ ничего дѣлать, впадетъ въ бездѣйствіе, въ умствен-

ную и нравственную апатію. Какъ бы общественная жизнь ни была идеально устроена, съ какою бы строгою справедливостью и безпристрастіемъ ни распредѣлялись вещественныя, матеріальныя блага между людьми, съ какою бы нѣжною заботливостью ни пеклось общество послѣ умершаго объ оставшихся въ живыхъ, дорогихъ ему лицахъ,—все это никогда не замѣнитъ права собственности, права оставлять наслѣдство частнымъ лицамъ, потому что въ этихъ двухъ правахъ выражается свобода человѣка, которая ему такъ дорога, безъ которой онъ становится животнымъ, а общество человѣческое—стадомъ барановъ.

Въ прирожденномъ и имущественномъ неравенствѣ людей коренится, какъ сказано, причина общественнаго неравенства, возвышенія и первенства одного слоя общества надъ массой народонаселенія. Съ одной стороны, природный умъ, таланты, добродѣтели, знаніе, опытность даютъ въ каждомъ обществѣ естественное преимущество однимъ людямъ передъ прочими; съ другой—пріобрѣтенное собственными трудами или полученное по наслѣдству имущество, ставя человѣка въ независимое матеріальное положеніе, освобождая его отъ ежедневнаго тяжкаго труда изъ-за куска хлѣба и тѣмъ доставляя необходимый досугъ, открываетъ ему возможность посвящать себя наукѣ, искусствамъ, заниматься общественными дѣлами и интересами,—возможность, которой лишенъ бѣдный труженикъ, борющійся ежедневно съ голодомъ и нуждою. Къ этому должно прибавить, что матеріальная независимость даетъ средства къ болѣе тщательному воспитанію съ малолѣтства, а оно пробуждаетъ и изощряетъ умъ, развиваетъ таланты, укрѣпляетъ хорошія природныя наклонности и подавляетъ въ зародышѣ дурныя, словомъ, вызываетъ къ дѣятельности всѣ душевныя и нравственныя силы, которыя при отсутствіи воспитанія и при тяжкихъ заботахъ съ самой юности о существованіи, остаются неразвитыми, глохнутъ, грубѣютъ и наконецъ замираютъ въ массахъ людей, не имѣющихъ собственности и живущихъ трудомъ.

И такъ, природныя свойства и собственность суть неискоренимый, вѣчный источникъ неравенства людей и различія высшихъ и низшихъ сословій во всѣхъ человѣческихъ обществахъ, во всѣ времена, на всѣхъ ступеняхъ развитія. Отчего же у всѣхъ почти народовъ, съ успѣхами образованія и съ развитіемъ матеріальнаго довольства, среднее и низшее сословія смотрятъ на высшіе классы враждебно и возстаютъ противъ нихъ? Отчего борьба сословій составляетъ такое же необходимое явленіе въ жизни каждаго народа, какъ и самое ихъ различіе? Отчего почти у всѣхъ народовъ рано или поздно создаются самыя необузданныя теоріи равенства, наполняющія исторію слезами и кровью, и безусловно отрицающія всякое неравенство, которое однако, какъ мы видѣли, есть основной законъ человѣческихъ обществъ? Причины должно искать не въ существованіи высшихъ классовъ, а въ томъ, что они большею частью, не зная и не понимая своего назначенія и роли, замыкаются въ наслѣдственныя касты, обставленныя привилегіями, никого не пускаютъ въ свою среду изъ другихъ сословій, управляютъ дѣлами страны въ однихъ исключительно своихъ интересахъ, не думая о благѣ и пользѣ прочихъ сословій и общественныхъ элементовъ.

Исключительность, привилегія, узкій, близорукій эгоизмъ,—вотъ подводные камни, о которые разбились и разрушились высшія сословія въ большей части государствъ. Дворянство должно быть первымъ между равными, а оно, сложившись, почти всюду становилось господиномъ и, какъ всякій господинъ, постепенно облѣнивалось, тупѣло и ограждало свое видное и выгодное положеніе не заслугами, а привилегіями и насиліемъ, въ ущербъ другимъ классамъ народа. Послѣдніе, съ успѣхами образованія, съ большимъ развитіемъ матеріальнаго довольства, не могли этого не замѣтить; теоріи равенства, злая критика прирожденныхъ привилегій, выражали этотъ взглядъ, это отрицательное отношеніе народа къ дворянству, и чѣмъ дворянство было безумнѣе, тѣмъ эти теоріи, эта критика были страстнѣй, безпощаднѣй, радикальнѣй. Самый страшный примѣръ такого рода представляетъ намъ Франція, гдѣ въ первую революцію погибла отъ народнаго гнѣва значительная часть дворянства; напротивъ того, Англія и до сихъ поръ представляетъ образецъ высшаго сословія, которое съ рѣдкимъ благоразуміемъ рано отказалось отъ привилегій и духа исключительности, сдѣлало всѣ сословія причастными правамъ, которыми само пользуется, и

вслѣдствіе того удержало и по наше время свое значительное положеніе въ глазахъ народа и политическую роль въ государствѣ. Причина весьма понятна. Высшее сословіе, которое отмежевалось отъ другихъ породою, привилегіями и властью, есть предметъ справедливой зависти для другихъ классовъ народа, особенно для тѣхъ, которые по образованію и богатству стоятъ не ниже его; для нихъ привилегія породы кажется вопіющею несправедливостью, власть одного сословія надъ другими — нестерпимымъ притѣсненіемъ. Отсюда до ненависти къ высшему сословію, до полнаго отрицанія высшаго сословія и его необходимости вообще—одинъ шагъ. Напротивъ, когда доступъ въ ряды аристократіи открытъ для всѣхъ и каждаго, когда она, вслѣдствіе того, безпрестанно обновляется новыми притоками изъ другихъ классовъ и изъ себя выдѣляетъ въ массу народа чуждые ей элементы; когда, не пользуясь никакими привилегіями, она наравнѣ со всѣми прочими сословіями подчиняется законамъ страны и обязанностямъ, налагаемымъ государствомъ,—тогда зависти и ненависти нѣтъ и не можетъ быть мѣста; теоріи, враждебныя высшему сословію по принципу, не находятъ многочисленныхъ послѣдователей; принадлежать къ высшему сословію становится цѣлью стремленій, и оно, вслѣдствіе того, сохраняетъ свое высокое политическое и общественное значеніе.

Рѣдко гдѣ аристократія вела себя такъ легкомысленно и безумно, какъ во Франціи, и такъ политически разсчетливо и дальновидно, какъ въ Англіи. Въ большей части европейскихъ государствъ монархическая власть достигла законодательными и административными мѣрами того, что̀ во Франціи сдѣлалось посредствомъ революціи, въ Англіи—вслѣдствіе глубокаго политическаго смысла англійскаго народа и высшаго дворянства. Исключительныя привилегіи дворянства, власть его надъ народомъ, духъ касты, все это пало мало-по-малу подъ дѣйствіемъ центральной правительственной власти. Это тоже была своего рода революція противъ дворянства, но болѣе медленная, тихая, и произведенная не снизу, а сверху.

Мы не пишемъ исторіи дворянства; намъ дороги только общія ея черты и общій результатъ. Что же мы видимъ? Всюду есть, были и будутъ высшія сословія, и всюду, гдѣ только они отдалились отъ народа, замкнулись внутри себя и исключительно присвоили себѣ и своему потомству всю власть, не заботясь объ общемъ благѣ и о прочихъ классахъ, тамъ аристократіи либо были истреблены народомъ, либо подавлены правительствами, которыя заступили ихъ мѣсто. Вездѣ чрезмѣрно сильная власть правительства была необходимымъ послѣдствіемъ неправильнаго отношенія аристократіи къ невѣжественнымъ и бѣднымъ массамъ. Напротивъ, тамъ, гдѣ дворянство не чуждалось народа, обновлялось свѣжими и лучшими его соками, не пользовалось исключительными привилегіями и, ища своихъ пользъ, заботилось въ то же время и объ интересахъ другихъ классовъ, тамъ оно удержало власть, сохранило почетъ въ глазахъ народа, измѣнялось сообразно съ потребностями времени и обстоятельствъ и, не допуская ни одного общественнаго элемента до исключительнаго господства надъ прочими, осталось въ странѣ по прежнему высшимъ, уважаемымъ сословіемъ. Вотъ чему насъ учитъ исторія. Важный, многозначительный урокъ, которымъ необходимо воспользоваться всякому дворянству, мечтающему о власти и политической роли.

II.

Судьбы русскаго дворянства представляютъ многія общія черты съ дворянствомъ прочихъ континентальныхъ государствъ, но имѣютъ и свои отличительныя, характеристическія особенности. Не касаясь дворянства остзейскаго, малороссійскаго и польскаго въ западныхъ губерніяхъ, которое образовалось подъ вліяніемъ особенныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, мы остановимся на дворянствѣ великорусскомъ, самомъ многочисленномъ и принадлежащемъ къ первенствующему племени, изъ котораго и около котораго сложилось русское государство.

Русское дворянство тѣмъ существенно отличается отъ прочихъ европейскихъ, что съ самаго начала, уже въ колыбели, имѣло значеніе служебнаго класса. Изъ-за жалованья и добычи удальцы всякаго племени и происхожденія поступали въ службу къ князьямъ; были между ними и такіе, которые служили потомственно; никакихъ опредѣленныхъ правъ въ отношеніи къ князьямъ они

не имѣли; на самомъ дѣлѣ послѣдніе должны были дѣлиться съ ними добычею и совѣщаться о всѣхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, какъ съ своими военными товарищами, — иначе дружина могла не послушаться князя, что нерѣдко и бывало, или, будучи имъ недовольна, оставить его и поступить на службу къ другимъ князьямъ.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока князья перестали переходить изъ княжества въ княжество, изъ удѣла въ удѣлъ, и усѣлись на мѣстахъ. Вмѣстѣ съ ихъ осѣдлостью начинается нѣкоторая осѣдлость и ихъ военныхъ спутниковъ, получившихъ въ управленіе или въ кормленіе города и волости. Здѣсь первый зародышъ поземельныхъ правъ нашего дворянства, которое тогда окончательно получило значеніе служилаго класса, подчиненнаго князю, и сохранило лишь право переходить отъ него на службу къ другимъ князьямъ. Со всѣмъ тѣмъ, князь по прежнему совѣтовался съ служилыми людьми, судилъ вмѣстѣ съ ними тяжбы и по совѣщанію съ ними издавалъ законы и отправлялъ другія дѣла княжества.

Окончательное образованіе нашего дворянства относится къ тому времени, когда удѣлы мало-по-малу исчезли въ русской землѣ и соединились въ одно московское государство. Тогда бывшіе удѣльные князья поступили въ ряды слугъ московскаго государя и стали около московскаго престола какъ высшее, знатное дворянство; бывшіе же ихъ слуги образовали низшее, городовое, мѣстное дворянство. Тѣ и другіе получили отъ московскаго государя въ пользованіе земли для службы, а поселенные на нихъ крестьяне впослѣдствіи прикрѣплены къ землѣ. Въ XVII вѣкѣ эти населенныя помѣстья, съ прикрѣпленнымъ къ нимъ сельскимъ населеніемъ, мало-по-малу обратились въ полную наслѣдственную собственность высшаго и низшаго дворянства и образовали теперешнія дворянскія имѣнія. Огромное большинство ихъ имѣетъ такое происхожденіе, потому что московскіе государи лишили почти всѣхъ бывшихъ удѣльныхъ князей ихъ родовыхъ вотчинъ и обратили ихъ въ помѣстья, а взамѣнъ ихъ пожаловали князьямъ или ихъ потомкамъ другія земли, на помѣстномъ правѣ.

Какъ только дворянство сложилось, тотчасъ же обнаружилось въ высшихъ слояхъ его стремленіе организоваться въ политическое сословіе наслѣдственное, привилегированное, отдѣленное отъ народа. Ряды высшаго дворянства сомкнулись, и право участвовать въ царскихъ совѣтахъ обратилось въ исключительную привилегію только извѣстныхъ знатныхъ родовъ. Входъ и выходъ въ городовое и мѣстное дворянство въ XVII вѣкѣ мало-по-малу тоже прекратился.

Московскіе государи рано почуяли опасность, которая грозила съ этой стороны ихъ власти, и всячески старались предупредить ее и ослабить. Они стали давать сельскимъ и городскимъ обществамъ самоуправленіе посредствомъ выборныхъ, стали выводить и возвышать лица имъ преданныя изъ низшаго дворянства и другихъ классовъ, и даже изъ иностранцевъ, на вѣрность которыхъ разсчитывали; поручали имъ мѣстное и разныя отрасли центральнаго управленія, и подъ разными благовидными предлогами призывали ихъ къ участію и въ царской думѣ. Разныя законодательныя мѣры, издаваемыя въ томъ же духѣ и съ тою же цѣлью, шли объ руку съ административными распоряженіями. Такимъ образомъ, очень рано началась борьба между царскою властью и вельможествомъ. Смотря по личному характеру государей, она то утихала, то принимала большіе размѣры, какъ при Іоаннѣ Грозномъ, но не прекращалась она никогда, и рядомъ съ постепенными расширеніями предѣловъ государства и внѣшними сношеніями наполняетъ всю нашу исторію отъ Іоанна III до царствованія Петра Великаго включительно, составляя одну изъ интереснѣйшихъ и поучительнѣйшихъ ея страницъ. Два съ половиною вѣка длилась эта борьба съ перемѣннымъ счастіемъ. Были минуты, когда высшее дворянство оставалось на время побѣдителемъ, именно когда свергнувъ съ престола династію Годуновыхъ, оно выбрало своего царя — князя Василія Ивановича Шуйскаго; въ другой разъ оно восторжествовало, поставя царемъ Михаила Ѳедоровича Романова и обязавъ его обезпечить присягою гражданскія права и политическую роль высшаго дворянства на будущее время. Но эти минуты были непродолжительны. Борьба кончилась полнымъ, совершеннымъ торжествомъ самодержавія. При Петрѣ ряды высшаго дворянства разомкнуты окончательно и стали доступны

для всѣхъ и каждаго, по годности къ службѣ. Сенатъ, составленный изъ лицъ, назначаемыхъ государемъ изъ высшихъ сановниковъ, дослужившихся до извѣстнаго чина изъ какого бы то ни было званія, замѣнилъ Боярскую Думу, составленную изъ родичей извѣстныхъ только знатныхъ родовъ. Послѣдующія безуспѣшныя попытки высшаго дворянства воспользоваться слабостью самодержавной власти и возвратить себѣ прежнее политическое значеніе были лишь слабымъ отголоскомъ борьбы, которая окончательно завершилась въ пользу самодержавія при Петрѣ Великомъ.

Чѣмъ объяснить такой печальный для высшаго дворянства исходъ борьбы? Какой тайной силой обладало самодержавіе, чтобы побороть своего могучаго противника? Скажутъ: сила, хитрость; но вѣдь этими же средствами располагало и высшее дворянство. Таланты государей? Дѣйствительно, между ними многіе были одарены необычайнымъ государственнымъ и политическимъ смысломъ,—однако не всѣ были таковы; притомъ же мы знаемъ, что и въ высшемъ дворянствѣ были люди высокихъ талантовъ; сверхъ того, были минуты, когда обстоятельства особенно благопріятствовали вельможеству, и такихъ минутъ было не мало: малолѣтство Іоанна IV, царствованіе сына его Ѳедора, время междуцарствія, первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича, царствованіе Ѳедора Алексѣевича, смутное время передъ воцареніемъ Петра. Если, несмотря на свое политическое положеніе, на свѣжія еще историческія воспоминанія, на богатство и на благопріятныя обстоятельства, высшее дворянство не воспользовалось этими минутами и пало въ борьбѣ, то причины должно искать глубже, въ его общественномъ положеніи, въ его отношеніяхъ къ массамъ народа. Наше высшее дворянство не имѣло корней въ народѣ, было ему чуждо, стояло къ нему почти враждебно. Областные правители съ своими слугами и людьми, пріѣзжая на кормленіе, немилосердно грабили и обирали мѣстныхъ жителей, такъ что цѣлыя области разбѣгались отъ ихъ притѣсненій. Чванясь своей породой и знатностью, оно высокомѣрно и презрительно обращалось съ прочими классами и тѣмъ отталкивало ихъ отъ себя; оно попустило, а можетъ быть и желало прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ и обратило ихъ мало-по-малу въ рабовъ; оно рѣзкой чертой отдѣлилось отъ остального народонаселенія и никого не пускало въ свои ряды, ни къ высшимъ государственнымъ почестямъ и власти. Наконецъ, выдѣлившись изъ народа, оно, какъ всякое замкнутое сословіе, пользующееся всѣми благами въ видѣ прирожденной привилегіи, впало въ апатію, ничему не училось и ничего не дѣлало. Уже въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка невѣжество его поражало современниковъ. Самодержавіе отлично воспользовалось этими слабыми сторонами знати. Борьба съ нею не могла не возбуждать въ народѣ глубокаго сочувствія къ царской власти и придавало ей въ глазахъ массы значеніе воплощенной божеской справедливости, карающей сильнаго и спесиваго обидчика. Незнатные и бѣдные, но грамотные, дѣловые и практически-опытные люди, призываемые государями къ управленію и власти, осыпаемые ихъ милостями, были тоже имъ преданы. Московскіе цари, пользуясь этимъ расположеніемъ народа и тогдашнихъ грамотѣевъ и опираясь на нихъ, успѣли сдѣлать кое что для общаго блага страны, во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ высшее дворянство, и тѣмъ окончательно привязали къ себѣ народныя массы. Стоитъ безпристрастно прочесть кровавую лѣтопись царствованія Грознаго, стоитъ прислушаться къ народнымъ преданіямъ изъ того времени, чтобъ убѣдиться, съ чьей стороны, даже въ эту ужасную эпоху, были симпатіи народнаго большинства.

Съ реформы Петра Великаго паденіе вельможества очистило остальному дворянству путь къ высшимъ государственнымъ степенямъ и власти. Отсюда начинается блестящая его исторія и продолжается до кончины императора Александра I. Во всѣхъ важныхъ событіяхъ внѣшней и внутренней жизни государства оно принимало самое дѣятельное и благотворное участіе. Цѣлая фаланга замѣчательныхъ государственныхъ людей, дипломатовъ, писателей, полководцевъ вышла изъ среды этого сословія. Не пользуясь юридически исключительной привилегіей сидѣть въ царскихъ совѣтахъ и стоять у кормила правленія, оно на самомъ дѣлѣ пользовалось большимъ значеніемъ, большою властью и правило государствомъ. Служба и чинъ стали теперь давать дипломъ на дворянство; вслѣдствіе этого луч-

шіе элементы изъ прочихъ классовъ вступили въ ряды этого сословія и придали ему особенный блескъ, предохраняя отъ застоя и неподвижности, столько опасныхъ для всякаго сословія. Въ половинѣ XVIII вѣка дворянство успѣло выхлопотать себѣ разныя гражданскія права, соотвѣтствующія его положенію и духу времени: неотъемлемость дворянства и неприкосновенность лица и имущества иначе какъ за преступленіе и по суду себѣ равныхъ и съ Высочайшаго утвержденія, свободу отъ тѣлесныхъ наказаній, отъ личныхъ податей и рекрутства; право служить или не служить, право ѣздить за границу и поступать на службу въ иностранныхъ государствахъ. Дворянство образовалось въ мѣстныя дворянскія общества, съ выборными губернскими и уѣздными предводителями во главѣ, съ правомъ ходатайствовать о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ, дѣлать представленія и приносить жалобы, исключать изъ своихъ собраній недостойныхъ членовъ, имѣть свои сборы и свою казну; кромѣ того, мѣстныя полицейскія, многія судебныя и нѣкоторыя другія должности стали замѣщаться лицами, выбранными дворянствомъ изъ своей среды. При открытомъ доступѣ въ это сословіе его права не были исключительной привилегіей; скорѣе они служили приманкой для другихъ сословій, которыя и стремились попасть въ дворянство. Послѣднее стало такимъ образомъ представителемъ всего лучшаго, богатаго и талантливаго въ народѣ.

Для начала трудно было находиться въ условіяхъ болѣе благопріятныхъ, чѣмъ наше дворянство въ промежутокъ времени отъ Петра до 1825 года. Къ несчастію, крѣпостное право поставило это сословіе въ фальшивое, щекотливое положеніе къ цѣлой половинѣ сельскаго народонаселенія имперіи; это чудовищное право подсѣкло дворянство подъ корень, вытянуло изъ него лучшіе соки, изсушило его, прежде чѣмъ оно успѣло расцвѣсти въ полной красѣ. Уже во время Александра I мысль объ освобожденіи крестьянъ запала въ лучшіе умы и стала бродить въ обществѣ. Самъ государь былъ склоненъ къ ней, и указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, прекращеніе пожалованія населенныхъ имѣній и нѣкоторыя другія мѣры свидѣтельствуютъ о готовности его привести ее въ исполненіе. Болѣе хитрое и разсчетливое остзейское дворянство, предугадывая вѣрнымъ политическимъ чутьемъ послѣдствія этой мысли, понявъ, что если оно само не позаботится о разрѣшеніи этого вопроса, то онъ будетъ разрѣшенъ помимо его правительствомъ, поспѣшило освободить своихъ крестьянъ какъ само хотѣло и выговорило себѣ при этомъ львиную долю. Русское дворянство не было такъ предусмотрительно и дальновидно. Оно всѣми силами схватилось за это несчастное право, держалось за него до-нельзя, и цѣлымъ рядомъ ошибокъ, бывшихъ неизбѣжнымъ, роковымъ послѣдствіемъ этой основной коренной ошибки, дошло до теперешняго безсилія и ничтожества.

Печальную картину представляетъ исторія русскаго дворянства за послѣдніе полъ-вѣка. Озабоченное одною мыслью удержать за собою крѣпостное право, оно въ царскихъ совѣтахъ упорно сопротивлялось всякимъ полезнымъ реформамъ, прямо или косвенно затрогивавшимъ крѣпостной вопросъ; подъ вліяніемъ той же задушевной мысли оно мало-по-малу стало во враждебное отношеніе къ литературѣ, къ наукѣ, къ университетамъ и просвѣщенію, во всемъ стало тормозить развитіе народной жизни, гдѣ и какъ и сколько могло. Въ мѣстномъ управленіи оно начало избирать въ представители своего сословія, въ полицію и суды, только тѣхъ, которые защищали помѣщиковъ и ихъ драгоцѣнное крѣпостное право, не заботясь и не думая ни о чемъ остальномъ. Стремясь неудержимо все далѣе и далѣе по этому роковому пути, дворянство присвоило исключительно одному себѣ печальную привилегію рабовладѣнія, какъ будто нарочно хотѣло на одномъ себѣ сосредочить всю силу народнаго негодованія; оно затруднило другимъ классамъ вступленіе въ службу и переходъ въ дворянство, и чрезъ это стало все болѣе и болѣе смыкаться въ исключительное привилегированное сословіе. Не имѣя матеріальной необходимости работать и трудиться, оно отвыкло отъ труда и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы предавалось покою и совершенному бездѣйствію въ своихъ имѣніяхъ. Даже воспитаніемъ стало оно пренебрегать, вслѣдствіе того, что крѣпостное право и другія привилегіи освобождали его отъ необходимости вести трудовую жизнь. Дѣти невольно заражались примѣромъ родителей. Словомъ, наше дворянство

снова повторило исторію нашего стариннаго вельможества, только уже не въ политической, а въ гражданской сферѣ. При такихъ условіяхъ образованіе, мало-по-малу проникавшее къ намъ изъ Европы, разумѣется, не могло принести пользы дворянству; напротивъ, оно послужило ему во вредъ. Праздность и бездѣйствіе развили въ дворянствѣ суетность, роскошь, мотовство. Не умѣя брать изъ Европы то хорошее, что она выработала, оно заимствовало только внѣшній лоскъ образованности, привычки довольства, комфорта и разврата, стоившія Россіи очень дорого. Такія наклонности разстроили дворянство и ввели его въ долги; пришлось, чтобъ не отставать отъ другихъ, заложить имѣнія; но какъ ссуды служили не къ поправленію разстроеннаго состоянія, а къ продолженію того же образа жизни, то кредитныя учрежденія, всюду предназначенныя для устройства дѣлъ и обогащенія заемщиковъ и всюду оказавшія это благодѣтельное дѣйствіе, у насъ повели только къ окончательному разоренію большинства помѣщиковъ. Послѣ того дворянству оставалось одно изъ двухъ: или приняться снова за службу и на счетъ казны и просителей поправить свои дѣла, избѣгая въ то же время кредиторовъ и тюрьмы, или налечь на крестьянъ и пополнять дефициты огромными оброками и усиленными работами подданныхъ. Одни прибѣгли къ первому изъ этихъ способовъ и тѣмъ уронили всякій кредитъ къ служащимъ дворянамъ; другіе обратились ко второму, все болѣе и болѣе раздражая противъ дворянства сельское населеніе; третьи не пренебрегали обоими способами, находя вѣроятно соединеніе ихъ особенно для себя выгоднымъ.

Въ то время какъ дворянство, запутанное крѣпостнымъ правомъ, клонилось къ упадку, событія шли своимъ чередомъ, принося свои нужды и потребности. Внутренній бытъ требовалъ коренныхъ реформъ; менѣе важныя изъ нихъ постепенно совершались, хотя очень медленно, потому что дворянство мѣшало имъ на каждомъ шагу; что касается до болѣе важныхъ преобразованій, то они не двигались съ мѣста, тоже по винѣ дворянства. Въ самомъ дѣлѣ, что можно было сдѣлать хорошаго, когда половина народонаселенія принадлежала частнымъ лицамъ и не имѣла никакихъ гражданскихъ правъ? А на этомъ пунктѣ дворянство было непреклонно, и всѣ попытки самодержавія остались безсильными; постановлены были, правда, послѣ разныхъ сопротивленій высшаго сословія, нѣкоторыя частныя ограниченія произвола помѣщиковъ, но они большею частью остались на бумагѣ, не перейдя въ дѣйствительную жизнь. Между тѣмъ потребность радикальныхъ реформъ становилась все ощутительнѣй, народъ все болѣе и болѣе тяготился крѣпостнымъ правомъ, чаще и чаще заявлялъ свое нетерпѣніе...

Въ такомъ положеніи захватила насъ неожиданно крымская война. Разомъ открыла она всѣмъ глаза на страшное положеніе, въ какомъ мы находились. Оказалось, что настоятельная потребность реформъ, о которой многіе давно и напрасно твердили, не была праздною болтовнею опасныхъ мечтателей и злоумышленниковъ, но дѣйствительною насущною потребностью, которую теперь увидалъ и понялъ всякій. Съ тѣмъ вмѣстѣ для всѣхъ стало до послѣдней очевидности ясно, что крѣпостное право не можетъ долѣе держаться, что ему приспѣлъ послѣдній часъ.

По окончаніи войны Государь поднялъ этотъ вопросъ, самый коренной, самый существенный, безъ разрѣшенія котораго невозможенъ никакой успѣхъ, никакія преобразованія. И вотъ, дворянству снова представился удобный, счастливый случай поправить прежнія ошибки и, ставъ во главѣ великой реформы, выиграть себѣ отличное положеніе и передъ народомъ и передъ правительствомъ; но оно такъ глубоко пало и вслѣдствіе того было такъ ослѣплено и обезсилено, что на такой великій политическій и гражданскій подвигъ ему недостало ни пониманія, ни мужества. Не будучи подготовлено къ реформѣ размышленіемъ и знаніемъ дѣла и потому не подозрѣвая, что освобожденіе крестьянъ хотя и потребуетъ сначала нѣкоторыхъ жертвъ, но въ послѣднемъ результатѣ будетъ для него и матеріально и политически гораздо выгоднѣе, чѣмъ удержаніе крѣпостного права, дворянство погрузилось въ копѣечные разсчеты, забарикадировалось за своими отжившими привилегіями и на первыя заявленія правительства о прекращеніи крѣпостного права отозвалось пассивнымъ отрицаніемъ; потомъ, когда увидѣло, что дѣло не останавливается на однихъ заявленіяхъ, пустилось спекулировать на освобожденіе и стало выводить баснословныя суммы, за которыя соглашалось

разстаться съ этой печальной привилегіей; когда же и это не удалось, оно пробовало запугать правительство угрозами народныхъ бунтовъ и дворянской конституціи! Но правительство, разъ рѣшившись покончить съ крѣпостнымъ вопросомъ, конечно не могло испугаться этихъ угрозъ. Цѣлый народъ не возстаетъ, когда съ него снимаютъ ярмо рабства; дворянство же, изолированное отъ другихъ классовъ народа, безсильно вынудить у правительства конституцію. Кончилось тѣмъ, что правительство освободило народъ, великодушно и благоразумно приписавъ этотъ подвигъ не одному себѣ, но и дворянству. Но слова манифеста никого не ввели въ заблужденіе. Англійская газета „Times" говоритъ, что дворянство съ самоубійственной близорукостью оттолкнуло отъ себя въ руки императора всю честь и всю заслугу этого великаго дѣла. Нельзя, къ сожалѣнію, не согласиться, что это такъ: дворянство отнеслось къ вопросу объ освобожденіи крестьянъ нехотя, отрицательно, пассивно, и было обойдено. Ему остались на долю одно напрасное сѣтованіе и безсильная злоба.

III.

Съ изданіемъ манифеста и положеній 19 февраля для дворянства начинается новая эпоха. Какъ ни тягостна ему отмѣна крѣпостного права при настоящихъ его обстоятельствахъ и въ теперешнемъ его положеніи, но она снова даетъ ему возможность поправить старыя ошибки, связать свои интересы съ пользами и выгодами прочихъ классовъ, занять въ странѣ твердое и почетное общественное положеніе и возвратить прежнее, теперь ослабленное вліяніе на бытъ государства. Но для этого дворянство должно совсѣмъ иначе взглянуть на свои права, обязанности, отношенія, и выгоды, чѣмъ смотрѣло до сихъ поръ: вмѣстѣ съ измѣнившимися обстоятельствами и обстановкою и оно должно переродиться. Сама судьба какъ будто ведетъ его на этотъ путь, несмотря на его горькія сѣтованія.

Положенія 19 февраля обрисовываютъ довольно ясно тѣ новыя условія, въ которыя отнынѣ, рано или поздно, будетъ поставлено дворянство въ Россіи. Крѣпостное право уже не можетъ быть, какъ было до сихъ поръ, отличительною характеристикою дворянскихъ преимуществъ. Земли, занимаемыя теперь крѣпостными крестьянами, обратятся, такъ или иначе, въ собственность послѣднихъ, и всякія обязательныя отношенія ихъ съ бывшими помѣщиками совершенно прекратятся. Дворянство обратится такимъ образомъ въ классъ землевладѣльцевъ и постепенно уравняется во всѣхъ гражданскихъ правахъ съ прочими сословіями; ибо свободы отъ имущественныхъ податей и рекрутства оно современемъ лишится, а свобода отъ личныхъ податей, отъ тѣлесныхъ наказаній и нѣкоторыя другія дворянскія преимущества распространятся на всѣ сословія. Чтобы предвидѣть это, не надобно быть пророкомъ; это очевидно для всякаго, кто хоть немного знаетъ исторію и понимаетъ теперешній ходъ дѣлъ въ Россіи.

Вліяніе этихъ существенныхъ перемѣнъ на бытъ и положеніе дворянства предсказать тоже не трудно. Въ значеніи его, съ тѣмъ вмѣстѣ и въ личномъ его составѣ, произойдетъ коренная перемѣна. Теперь дворянство есть привилегированное, наслѣдственное и отчасти замкнутое въ себѣ сословіе, независимо отъ того, владѣетъ оно имѣніями или нѣтъ; слѣдовательно рожденіе и пожалованіе опредѣляютъ теперь принадлежность къ дворянству; тогда же главнымъ, существеннымъ признакомъ высшаго сословія станетъ болѣе или менѣе крупное землевладѣніе. Уже и теперь многія права дворянъ въ составѣ дворянскихъ обществъ пріурочены къ владѣнію имѣніемъ извѣстнаго размѣра; уже и въ наше время съ понятіемъ дворянина невольно соединяется понятіе о владѣльцѣ имѣнія, премущественно населеннаго. Тогда владѣніе значительною поземельною собственностью выступитъ еще болѣе на первый планъ и станетъ главнымъ характеристическимъ отличіемъ дворянства. Конечно, лица, принадлежащія по рожденію къ извѣстнымъ дворянскимъ фамиліямъ, особливо когда они хорошо воспитаны, имѣютъ достатокъ, хотя бы и не состоящій въ землѣ, или достигли своими талантами и заслугами почетнаго положенія въ обществѣ и государствѣ, будутъ по прежнему принадлежать къ дворянству; но зерномъ, главнымъ интересомъ, около котораго сгруппируется это сословіе, будетъ, какъ сказано, крупное землевладѣніе. Большинство мелкихъ землевладѣльцевъ, хотя и дворянскаго происхожденія, силою обстоятельствъ и иму-

щественными интересами болѣе чѣмъ теперь приблизится къ небольшимъ землевладѣльцамъ другихъ сословій и мало-по-малу сольется съ ними въ одно сословіе, точно такъ же какъ большіе поземельные собственники изъ другихъ сословій, силою тѣхъ же имущественныхъ интересовъ, станутъ сближаться съ дворянствомъ и наконецъ вступятъ въ его ряды.

Эта новая группировка сословій по имуществу и землевладѣнію, конечно, произойдетъ не вдругъ, а исподоволь, незамѣтно. Воспитаніе, образованность, бытъ, привычки и фамильныя воспоминанія долго будутъ задерживать эти переходы изъ одного общественнаго разряда въ другой, но сама жизнь приведетъ къ тому мало-по-малу. Имущественные интересы, матеріальная обстановка, родъ занятій, среда, въ которой вращаются люди, имѣютъ на нихъ огромное вліяніе и перерождаютъ ихъ уже во второмъ поколѣніи; не должно также забывать, что съ успѣхами народнаго образованія умственный и нравственный уровень прочихъ сословій возвысится вмѣстѣ съ улучшеніемъ ихъ матеріальнаго быта, а это значительно облегчитъ переходы изъ одного сословія въ другое. Наконецъ,—что мы считаемъ особенно важнымъ, какъ для дворянства, такъ и для прочихъ сословій,—эти переходныя ступени между ними свяжутъ ихъ въ одно цѣлое, и теперешняя, во всѣхъ отношеніяхъ гибельная разобщенность классовъ прекратится. Дворянство, переставъ быть замкнутымъ сословіемъ, будетъ принимать въ себя новые элементы изъ другихъ классовъ и выдѣлять изъ себя въ низшіе слои народа тѣ, которые стали ему чужды. Вслѣдствіе этого, весь народъ составитъ одно органическое тѣло, въ которомъ каждый будетъ занимать высшую или низшую ступень одной и той же лѣстницы; высшее сословіе будетъ продолженіемъ и завершеніемъ низшаго, а низшее—служить питомникомъ, основаніемъ и исходною точкою для высшаго. То, чему весь міръ удивляется въ Англіи, что составляетъ источникъ ея силы и величія, то, чѣмъ она такъ справедливо гордится передъ прочими народами,—именно правильное, нормальное отношеніе между низшими и высшими классами, органическое единство всѣхъ народныхъ элементовъ, открывающее возможность безконечнаго мирнаго развитія посредствомъ постепенныхъ реформъ, дѣлающее невозможною революцію низшихъ классовъ противъ высшихъ—все это будетъ и у насъ, если только дворянство пойметъ свое теперешнее положеніе и благоразумно имъ воспользуется. Сила обстоятельствъ неудержимо толкаетъ насъ на этотъ путь, вопреки нашимъ безпрестаннымъ ошибкамъ и поразительной близорукости.

Что можетъ создать русскому дворянству отличное положеніе въ народѣ, что пророчитъ ему возможность долгой и счастливой будущности, это именно то, противъ чего оно такъ возстаетъ, за что въ особенности такъ негодуетъ на правительство,—это освобожденіе крестьянъ съ землею. Новое устройство сельскаго народонаселенія въ Россіи слагаетъ у насъ бытъ безпримѣрный въ исторіи. Огромное большинство народа, за самыми незначительными изъятіями весь народъ будетъ у насъ причастенъ благу поземельной собственности. Этимъ мы заранѣе на всегда избавляемся отъ голоднаго пролетаріата и неразрывно съ нимъ связанныхъ мечтательныхъ теорій имущественнаго равенства, отъ непримиримой зависти и ненависти къ высшимъ классамъ и отъ послѣдняго ихъ результата - соціальной революціи, самой страшной и неотвратимой изъ всѣхъ, потрясающей народный организмъ въ самыхъ его основаніяхъ и во всякомъ случаѣ гибельной для высшихъ сословій. Гдѣ массы народа имѣютъ свой кровъ, свой трудовой кусокъ хлѣба, какъ бы онъ скуденъ ни былъ, гдѣ онѣ имѣютъ точку опоры противъ случайныхъ напастей въ клочкѣ земли, тамъ нѣтъ мѣста всѣмъ этимъ печальнымъ и страшнымъ явленіямъ, насильственно вынуждаемымъ голодомъ и отчаяніемъ. Въ этомъ отношеніи будущность русскаго дворянства даже свѣтлѣе, обезпеченнѣе, чѣмъ высшихъ классовъ въ Англіи, гдѣ кругъ землевладѣльцевъ мало-по-малу все стѣсняется и огромныя массы народа, живущія теперь въ довольствѣ отъ промышленности и торговли, могутъ когда-нибудь, вслѣдствіе ограниченія по тѣмъ или другимъ причинамъ всемірнаго промышленнаго и торговаго владычества Англіи, остаться безъ куска хлѣба. Россія—государство по преимуществу земледѣльческое. Какъ бы ни развилась у насъ фабричная промышленность и торговля, онѣ никогда не создадутъ у насъ такого могучаго средняго сословія купцовъ и фабрикантовъ и столько же многочисленнаго без-

земельнаго и бездомовнаго класса фабричныхъ рабочихъ и пролетаріевъ, въ противоположность землевладѣльческимъ классамъ и поземельной собственности, какъ въ Европѣ. Главнымъ центромъ промышленности, на очень долгое время, если не навсегда, останется у насъ земледѣліе, и около него будутъ группироваться всѣ прочія отрасли производительности и промышленной жизни; съ тѣмъ вмѣстѣ и классъ землевладѣльцевъ навсегда останется главнымъ, первенствующимъ сословіемъ; по землевладѣльческимъ интересамъ будутъ, главнымъ образомъ, располагаться общественные разряды и группы.

Повторяемъ, сама исторія, помимо насъ, вопреки нашей волѣ, толкаетъ насъ впередъ по этому пути, готовя дворянству общественное положеніе и будущность, какихъ ни одно высшее сословіе не имѣло ни у одного народа. Надѣленіе всѣхъ крестьянъ землею дало ему гранитный, несокрушимый фундаментъ; общеніе съ другими классами сдѣлаетъ его законнымъ представителемъ страны; а преобладаніе землевладѣльческихъ и земледѣльческихъ интересовъ свяжетъ его неразрывными узами съ большинствомъ народонаселенія, имѣющаго тѣ же самые интересы, и навсегда сохранитъ за нимъ значеніе высшаго сословія. Изъ теперешняго своего положенія оно возьметъ съ собою и упрочитъ высшую степень образованности, славныя воспоминанія изъ прошедшихъ событій, въ которыхъ играло такую дѣятельную и почетную роль, высокое положеніе на ступеняхъ общественной іерархіи, которыя наполняетъ теперь собою преимущественно передъ всѣми другими классами.

Съумѣетъ ли дворянство воспользоваться этимъ своимъ завиднымъ положеніемъ и, не сопротивляясь болѣе исторіи, пойдетъ ли сознательно и разумно по открытому передъ нимъ широкому пути,—въ этомъ теперь вся сила, весь жизненный вопросъ настоящей минуты. Упорствуя по прежнему, оно сгубитъ себя и свое потомство, но хода дѣлъ все-таки не перемѣнитъ. Если оно будетъ, какъ доселѣ, чуждаться другихъ классовъ народа, оно по прежнему останется изолированнымъ и безсильнымъ; стараясь, вопреки закону, урѣзать у бывшихъ своихъ крѣпостныхъ часть земли или всю землю, притѣсняя ихъ и обирая какъ встарь, оно окончательно раздражитъ массы, вызоветъ ихъ на открытую вражду, и ненависть ихъ рано или поздно выразится не въ пользу, а въ ущербъ дворянству, его значенію и силѣ. Преслѣдуя минутныя денежныя выгоды и оставаясь по прежнему въ нравственной апатіи и невѣжествѣ, стараясь во что бы то ни стало удержать привычки роскоши не по средствамъ, дворянство разстроитъ себя въ конецъ и должно будетъ разстаться съ своими имѣніями. Лица другихъ классовъ смѣнятъ его и, сдѣлавшись большими землевладѣльцами вмѣсто теперешнихъ дворянъ, будутъ играть ихъ роль. На нѣкоторое время общій уровень образованія, конечно, отъ этого понизится. Новое дворянство, заступивъ мѣсто теперешняго, принесетъ съ собою грубыя привычки разбогатѣвшаго мужика и мѣщанина; но пройдетъ пятьдесятъ лѣтъ, смѣнятся одно, два поколѣнія, и этотъ минутный перерывъ сгладится и забудется, оставивъ только грустное раздумье для будущаго потомка нѣкогда богатаго дворянина и поучительный примѣръ неразумія и ослѣпленія цѣлаго сословія для будущаго историка.

IV.

Но, скажутъ намъ, положимъ, что будущее сіяетъ розовыми лучами; а настоящее? Какія средства имѣетъ дворянство ступить на новый путь? Что ему предстоитъ дѣлать? Какое будетъ оно имѣть вознагражденіе за тѣ стѣсненія правъ и матеріальныя лишенія, которыя создало для него освобожденіе крестьянъ? Нельзя же жить для одного будущаго, какъ бы оно ни было вѣроятно и даже несомнѣнно; нужно что нибудь и для настоящаго.

Если большинство дворянства серьезно убѣдится въ невозможности оставаться въ теперешнемъ своемъ положеніи, чего мы ему желаемъ отъ всего сердца; если оно, безпристрастно взвѣсивъ справедливость и вѣроятность сказаннаго выше, твердо рѣшится стать на новый путь, то и средства выдти изъ теперешняго затруднительнаго положенія найдутся;—они подъ руками.

Положенія 19 февраля дѣйствительно потребуютъ пожертвованій со стороны дворянства, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, быть можетъ, и весьма чувствительныхъ; но они во всякомъ случаѣ никого не выбрасываютъ на улицу, никого не лишаютъ крова и пищи, не отнимаютъ всѣхъ средствъ существова-

нія. Революціи поступаютъ иначе, и въ этомъ лежитъ огромное преимущество всякой мирной реформы, какъ бы она крута ни была. Положенія 19 февраля открыли дворянству возможность исподоволь перейти къ новому порядку и предупредили грозившую катастрофу снизу; въ этомъ великая ихъ заслуга, несмотря на частные недостатки. Какъ ни ощутительны лишенія и стѣсненія, налагаемыя на дворянство вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, однако одни слишкомъ пристрастные и раздраженные люди рѣшатся утверждать, что дворянство лишилось всего. Еще львиная часть осталась ему на долю, и ею очень можно воспользоваться для того, чтобъ выйти изъ временнаго затрудненія. Кто хоть сколько нибудь читалъ или даже перелистывалъ Положенія, тотъ конечно съ этимъ согласится.

А средства? Средства совершить переходъ отданы Положеніями 19 февраля въ руки дворянства. Съ этой стороны нельзя не удивляться умѣренности и благоразумію, съ которымъ правительство воспользовалось выгоднымъ своимъ положеніемъ при освобожденіи крестьянъ. Мысль объ этой реформѣ и инціатива принадлежатъ ему; оно провело ее вопреки дворянству; вопреки ему, оно сократило крестьянскія повинности, оставило за крестьянами часть земли, дало имъ личныя права и независимое отъ дворянства общественное устройство. Будучи довольно сильно, чтобы настоять на этихъ важныхъ реформахъ, чтобы произвести ихъ безъ глубокихъ потрясеній и безъ междоусобной войны, наперекоръ видимому недовольству, тайному и явному сопротивленію дворянства, правительство отдало приведеніе ихъ въ исполненіе въ его руки. Не коронные чиновники будутъ вводить Положенія, а мировые посредники, которые въ большей части случаевъ, въ противность Положеніямъ, избираются самимъ дворянствомъ; въ губернскихъ присутствіяхъ на три коронныхъ чиновника засѣдаютъ пятеро дворянъ; да и самые чиновники,– кто они, большею частью, какъ не тѣ же дворяне? Какой превосходный случай разойтись съ крѣпостными полюбовно; безъ обиды, внушить къ себѣ благорасположеніе въ будущихъ сосѣдяхъ и удержать на нихъ самое сильное и продолжительное изъ всѣхъ вліяній,—вліяніе, возникающее изъ довѣрія къ образованности, справедливости, нравственнымъ качествамъ бывшихъ господъ? Этого рода вліяніе переживаетъ силу и право и установляетъ отношенія, которыхъ не создаетъ никакой законъ. „Дворяне отпустили отъ себя безъ обиды"—это слово будетъ звучать въ отдаленнѣйшемъ потомствѣ бывшихъ крѣпостныхъ и будетъ при случаѣ очень полезно для потомковъ теперешняго дворянства, не только для насъ, современниковъ. Передавъ исполненіе Положеній 19 февраля въ руки дворянства, правительство какъ бы заслонило себя, выставило въ этомъ важномъ дѣлѣ на первый планъ дворянство и тѣмъ открыло ему широкую дверь для спокойнаго и достойнаго выхода изъ настоящаго въ лучшее будущее. Исходъ будетъ уже зависѣть отъ него и лежать на его отвѣтственности передъ судомъ потомства и исторіи.

Если дворянство хочетъ пережить теперешнюю трудную минуту съ пользою для себя, то ему слѣдуетъ, оставя ни къ чему не ведущія сѣтованія и безсильную досаду, серьезно позаботиться о сохраненіи за собою своихъ имѣній, о возможномъ сближеніи со всѣми классами народа, о пріобрѣтеніи возможно большаго вліянія на мѣстныя дѣла и управленіе.

Тѣ, которыхъ освобожденіе крестьянъ разстроиваетъ въ матеріальномъ отношеніи, у кого дѣла имѣнія запутаны, пусть бросаютъ службу и ѣдутъ жить въ свои деревни. На это рѣшиться конечно не легко, но нечего же дѣлать. Деревенская жизнь избавитъ отъ многихъ требованій и привычекъ роскоши и этикета, на которыхъ дворянство разоряется въ столицахъ и за границей; кромѣ того, жизнь въ деревнѣ дастъ возможность пристально заняться хозяйствомъ, не дать себя обкрадывать на каждомъ шагу и, что всего дороже, оно дастъ много досуга для чтенія и размышленія; наконецъ, этимъ способомъ дворянство всего скорѣе ознакомится съ положеніемъ своихъ собственныхъ дѣлъ, съ Россіею, съ народомъ. Лучше же это сдѣлать теперь, чѣмъ впослѣдствіи, когда уже будетъ поздно, ибо освобожденіе крестьянъ скоро положитъ конецъ тому спустя рукава, въ какомъ мы жили до сихъ поръ, получая доходы отъ имѣній чрезъ старостъ и управляющихъ, не заботясь ни о чемъ, а истощеніе средствъ заставитъ же насъ когда-нибудь бросить привычки роскоши, которыми мы теперь такъ дорожимъ.

Переселеніе дворянства изъ городовъ и

столицъ въ свои имѣнія есть, по нашему глубокому убѣжденію, одно изъ самыхъ капитальныхъ условій его возрожденія. Одно это уже повлекло бы за собою много самыхъ благихъ послѣдствій. Постоянное пребываніе большинства дворянъ въ имѣніяхъ открыло бы дворянству возможность сохранить ихъ за собою, дало бы ему дѣльное направленіе и полезную дѣятельность; вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ такого переселенія провинціи оживились бы во всѣхъ отношеніяхъ: онѣ наполнились бы порядочными, просвѣщенными людьми, въ нихъ распространились бы привычки и требованія образованности, развилась бы мѣстная общественная жизнь и мѣстные интересы, отсутствіемъ которыхъ Россія такъ страдаетъ. Теперь всѣ жалуются на нестерпимую скуку въ губерніяхъ, на отсутствіе въ нихъ людей и самыхъ простыхъ, незатѣйливыхъ потребностей и удобствъ образованной жизни; съ переселеніемъ дворянства въ деревни все это скоро измѣнилось бы къ лучшему.

Кромѣ занятій хозяйствомъ и поправленія своихъ дѣлъ, дворянству слѣдуетъ особенно озаботиться и о томъ, чтобъ сблизиться съ прочими классами народа и привлечь ихъ къ себѣ. Для этого не нужно ни тратъ, ни чрезмѣрныхъ усилій: отсутствіе всякаго чванства и спѣси, ласковость, твердое знаніе дѣла, вѣрность въ словѣ и честность въ разсчетахъ, — вотъ качества, которыя требуются для того, чтобы снискать общее къ себѣ довѣріе и благорасположеніе въ массахъ народа. Чѣмъ рѣже встрѣчаются у насъ эти качества, тѣмъ они выше цѣнятся. Но прежде и больше всего дворянству должно стараться свято исполнить всѣ свои обязанности относительно крѣпостныхъ. На этомъ пунктѣ нельзя довольно настаивать, потому что отъ него будетъ зависѣть все остальное. Пусть дворянство самымъ добросовѣстнымъ образомъ рекомендуетъ мировыхъ посредниковъ, пусть воспользуется своимъ вліяніемъ, чтобы разойтись и разсчитаться съ крѣпостными безъ всякой для нихъ обиды и притѣсненій. Ничто такъ не послужитъ ему въ пользу и въ настоящемъ и въ будущемъ. Справедливый надѣлъ землею, возможно скорое отпущеніе на оброкъ, добросовѣстное и честное составленіе уставныхъ грамотъ, возможно скорый переходъ къ выкупу крестьянъ съ землею, по соглашенію или при содѣйствіи казны,— вотъ чего мы ожидаемъ, чего мы требуемъ отъ дворянства, для его же пользы. Чѣмъ скорѣе оно совсѣмъ разстанется съ крѣпостнымъ правомъ, чѣмъ скорѣе изъ владѣльцевъ дворяне обратятся въ сосѣдей бывшихъ своихъ крѣпостныхъ, тѣмъ лучше во всѣхъ отношеніяхъ, потому что тѣмъ скорѣе у дворянства будутъ развязаны руки. Съ прошедшимъ надобно покончить во что бы то ни стало, хотя бы съ пожертвованіями. Въ крѣпостномъ правѣ весь узелъ развязки, въ его правильномъ прекращеніи—ключъ къ возрожденію дворянства и Россіи.

Въ общественной дѣятельности дворянству слѣдуетъ стремиться къ той же цѣли. Общественная дѣятельность должна служить ему средствомъ для сближенія съ прочими классами народа, для пріобрѣтенія на нихъ вліянія, для занятія въ мнѣніи общества того же высокаго положенія и значенія, какое принадлежитъ ему теперь матеріально и юридически, и которымъ оно, къ сожалѣнію, такъ дурно пользуется. Множество мѣстъ замѣщается теперь въ провинціи выборными отъ дворянства: пусть же оно выбираетъ лучшихъ людей, самыхъ образованныхъ, знающихъ, безпристрастныхъ, дѣятельныхъ, честныхъ. Это внушитъ общее довѣріе къ дворянскому сословію. Оно по закону можетъ имѣть вліяніе на народное образованіе и воспитаніе; пусть же воспользуется этимъ, чтобы распространять грамотность и просвѣщеніе во всѣхъ классахъ народа, пусть заводитъ школы, улучшаетъ по возможности училища, поощряетъ частныя учебныя заведенія; чѣмъ народъ образованнѣе, тѣмъ высшему сословію лучше, тѣмъ возможнѣе сближеніе классовъ, тѣмъ вѣрнѣе вліяніе образованнѣйшаго класса на прочіе. Дворянству вмѣстѣ съ другими сословіями предоставлено по закону участіе въ составленіи смѣтъ, раскладкѣ и учетѣ земскихъ сборовъ на мѣстныя потребности; пусть же оно пользуется этимъ своимъ правомъ настойчиво и серьезно; пусть сдѣлается сберегателемъ общественныхъ денежныхъ интересовъ; это придастъ ему огромное значеніе въ глазахъ всѣхъ платящихъ, т.-е. въ глазахъ всего мѣстнаго населенія, не говоря уже о томъ, что чрезъ сокращеніе издержекъ оно само много выиграетъ въ матеріальномъ отношеніи. По своему положенію и связямъ съ центральнымъ управленіемъ, дворянство имѣетъ большое личное, закулисное вліяніе на мѣстное управленіе и дѣла; пусть же пользуется этимъ вліяніемъ не во вредъ себѣ, какъ те-

перь, не для извлеченія минутныхъ выгодъ и личныхъ протекцій, а на общую пользу, для упроченія за собою виднаго и почетнаго нравственнаго положенія въ глазахъ цѣлой губерніи. Оно имѣетъ право ходатайствовать о своихъ пользахъ и нуждахъ, дѣлать правительству представленія, приносить жалобы; пусть же пользуется этимъ великимъ правомъ для блага всѣхъ. Что нужды, что эти ходатайства, представленія и жалобы, можетъ быть, и не будутъ сперва уважены; дворянство должно продолжать настойчиво ходатайствовать, представлять, жаловаться; если право на его сторонѣ и оно не выйдетъ изъ предѣловъ закона, придется напослѣдокъ уважить, особливо когда дворянство всѣхъ или большинства губерній будетъ дѣйствовать въ одномъ духѣ; интриги и происки могутъ заглушать справедливыя желанія лишь на нѣкоторое время, а не навсегда; выдержка, твердость, сознаніе своего права и строгое пребываніе въ границахъ закона должны наконецъ восторжествовать надъ предубѣжденіями, недобросовѣстностью и рутиной.

Нужно ли прибавлять, что дворянство должно соединить свои силы, отказаться отъ теперешней разрозненности, отъ раздробленія на партіи, ничего не значащія, ничего не выражающія, кромѣ мелкихъ претензій, отсталаго мѣстничества и личнаго тщеславія?

Дѣльныя, серьезныя занятія у себя дома хозяйствомъ, общественная дѣятельность, направляемая общею мыслью, безпрестанныя сношенія по дѣламъ общаго интереса, все это свяжетъ дворянъ той же мѣстности въ одно живое цѣлое и заставитъ умолкнуть партіи, обязанныя своимъ происхожденіемъ отсутствію серьезнаго труда и интереса, праздности и скукѣ.

Вотъ чего мы ожидаемъ и требуемъ отъ дворянства во имя его собственныхъ выгодъ, настоящихъ и будущихъ. Если не всѣ раздѣляютъ наши мысли, то конечно найдутся и такіе, которые намъ сочувствуютъ. Пусть же тѣ, которые, не увлекаясь ближайшимъ, смотрятъ впередъ и видятъ ясно теперешнее критическое положеніе, употребятъ всѣ усилія, чтобы раскрыть глаза остальнымъ дворянамъ и, дѣйствуя на нихъ своимъ вліяніемъ и примѣромъ, положатъ начало новому быту этого сословія. Медлить нечего. Каждая потерянная минута все болѣе и болѣе отдаляетъ возможность возрожденія. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и оно, можетъ статься, окажется невозможнымъ.

V.

Многимъ изъ нашихъ читателей дѣятельность дворянства, заключенная въ означенныхъ тѣсныхъ предѣлахъ, покажется слишкомъ мелкой и ничтожной. Дворянство, скажутъ они, готово и на нее, но подъ условіемъ расширенія его правъ, установленія конституціонныхъ гарантій, участія въ политической жизни государства. Конституція — вотъ что составляетъ теперь предметъ тайныхъ и явныхъ мечтаній и горячихъ надеждъ дворянъ; она во всѣхъ устахъ и сердцахъ; о ней толкуется во всѣхъ кружкахъ, въ столицахъ и захолустьяхъ, это теперь самая ходячая и любимая мысль высшаго сословія.

Прежде всего уяснимъ себѣ, что̀ такое конституція? Подъ это понятіе подходятъ предметы очень разнородные. Въ обширномъ смыслѣ подъ конституціей разумѣется всякое правильное государственное и общественное устройство, покоящееся на разумныхъ, непреложныхъ основаніяхъ и законахъ, — устройство, при которомъ нѣтъ мѣста для произвола, личность, имущество и права всѣхъ и каждаго обезпечены и неприкосновенны. Такой порядокъ дѣлъ возможенъ при всякомъ образѣ правленія—въ неограниченной монархіи, какъ и въ республикѣ.—Блистательнымъ примѣромъ благоустроенной неограниченной монархіи можетъ служить Пруссія въ послѣднія тридцать-сорокъ лѣтъ до 1848 г. Въ тѣсномъ смыслѣ подъ конституціею разумѣется такое политическое устройство государства, гдѣ верховная власть ограничена политическимъ представительствомъ, палатами или камерами, раздѣляющими съ нею, въ большей или меньшей степени, законодательную и высшую административную власть. Смѣшеніе понятія о конституціи въ этихъ различныхъ значеніяхъ рождаетъ тысячи недоразумѣній между правительствами и народами, въ особенности же между людьми, одинаково желающими добра своей родинѣ.

Въ какомъ именно смыслѣ необходима, желательна, своевременна и возможна у насъ конституція: въ смыслѣ ли внутренняго благоустройства, или въ смыслѣ представительнаго правленія?

Не только для дворянства, но и для цѣ-

лаго народа совершенно необходимы личная и имущественная неприкосновенность, огражденная отъ произвола и насилія независимымъ, гласнымъ судомъ уголовнымъ и гражданскимъ; необходимъ правильный государственный бюджетъ, публикуемый во всеобщее извѣстіе, и вообще правильное финансовое устройство; необходимо хорошее управленіе и полиція, дѣйствующія по законамъ, а не по произволу, и отвѣтственныя передъ правильнымъ, обыкновеннымъ судомъ; необходимы умные, толковитые и приспособленные къ потребностямъ страны уголовные и гражданскіе законы, расширеніе гласности, развитіе народнаго просвѣщенія въ обширныхъ размѣрахъ и т п. Между тѣмъ, нельзя не сознаться, что наше управленіе, и мѣстное и центральное, требуютъ коренныхъ преобразованій; наши законы спутаны и обветшали; наше финансовое положеніе безпорядочно, разстроено и опасно; судопроизводство никуда не годится; полиція ниже критики; народное образованіе встрѣчаетъ на каждомъ шагу препятствія, гласность предана произволу, не ограждена ни судомъ, ни закономъ. Во всѣхъ этихъ отрасляхъ нашей жизни замѣтны тотъ же хаосъ, та же безурядица, то же смѣшеніе понятій и произволъ, какъ и въ нашихъ мысляхъ, о чемъ бы мы ни стали разсуждать; отсюда общее недовольство, броженіе умовъ, стремленіе къ другому порядку дѣлъ, высказывающееся все рѣзче и рѣзче по мѣрѣ того, какъ время идетъ, а насущная потребность коренныхъ преобразованій въ законодательствѣ и управленіи остается неудовлетворенною. Значитъ ли это, что выходъ изъ теперешняго положенія невозможенъ безъ представительнаго правленія и палатъ? Исторія всѣхъ другихъ континентальныхъ европейскихъ государствъ, кромѣ Франціи, доказываетъ противное; всюду преобразованія, требуемыя временемъ, совершились до введенія политическихъ обезпеченій, и потому нѣтъ основанія считать у насъ первыя невозможными безъ послѣднихъ. Преобразованія, вводящія прочный, разумный и законный порядокъ въ странѣ взамѣнъ произвола и хаоса, по самому существу дѣла должны предшествовать политическимъ гарантіямъ, ибо подготовляютъ и воспитываютъ народъ къ политическому представительству. Тамъ, гдѣ какъ у насъ, царствуетъ глубокое невѣжество, гражданское и политическое растлѣніе, гдѣ честность и справедливость — слова безъ смысла, гдѣ не существуетъ первыхъ зачатковъ правильной, общественной жизни, даже нѣтъ элементарныхъ понятій о правильныхъ гражданскихъ отношеніяхъ, тамъ прежде представительнаго правленія и установленія палатъ, нужны законодательныя реформы; тамъ общество должно сперва переродиться, чтобы политическія гарантіи не обратились въ театральныя декораціи, въ намалеванныя кулисы, ничего не значащія, ничего не стоющія.

Но, скажутъ намъ, какъ же получить необходимыя преобразованія, когда они не дѣлаются? Положимъ, что путь законодательной реформы вѣрнѣе, прочнѣе, правильнѣе; однако, когда этимъ путемъ ничего не выходитъ, или выходитъ, но вяло, медленно, неполно, одно и есть средство произвести реформу — это представительное правленіе; оно разомъ двинетъ дѣло преобразованія; иначе мы очевидно попадемъ въ заколдованный кругъ: политическія гарантіи, говорятъ намъ, невозможны безъ предшествующей имъ законодательной реформы, однако и послѣдняя, въ свою очередь, оказывается у насъ неосуществимою безъ представительнаго правленія. Какъ же, спрашивается, выйти изъ этого противорѣчія? Значитъ, на самомъ дѣлѣ намъ суждено не двигаться съ мѣста?

Этотъ доводъ, повидимому, очень убѣдителенъ; но при сколько-нибудь внимательномъ обсужденіи дѣла онъ разлетается въ прахъ. Необходимыя законодательныя реформы, и у насъ и всюду, не столько были плодомъ прекрасныхъ чувствъ и благородныхъ мыслей, сколько результатомъ неотложныхъ, практическихъ потребностей. Когда цѣлый порядокъ дѣлъ, или какое-нибудь особливое учрежденіе, созданные предшествующимъ законодательствомъ и исторіей, до того обветшаютъ, что становятся на каждомъ шагу помѣхою и для народовъ и для правительствъ, тогда наступаетъ время реформы, которой уже никто и ничто отвратить не въ состояніи. Свѣтлые умы заранѣе предчувствуютъ и предсказываютъ эту минуту; тупые и близорукіе держатся существующаго порядка даже когда всѣ видятъ, что съ нимъ нельзя болѣе уживаться; но отмѣна его наступаетъ независимо отъ опередившихъ и запоздавшихъ, въ силу неотразимыхъ практическихъ нуждъ, которыя имѣютъ свое развитіе и свою судьбу. Многіе давно уже предвидѣли и призывали горячими желаніями освобожденіе крестьянъ,

многіе и теперь еще возражаютъ противъ него; а оно наступило независимо отъ желаній однихъ и сопротивленія другихъ, въ ту минуту, когда массы народа и правительство не могли долѣе существовать съ крѣпостнымъ правомъ и тѣми явленіями, которыя оно производитъ во всѣхъ сферахъ быта и управленія. Въ этомъ смыслѣ наступленіе неизбѣжныхъ преобразованій, которыхъ такъ жаждутъ всѣ просвѣщенные и благомыслящіе люди въ Россіи, которыя составляютъ такую неотложную потребность нашего времени, обезпечено и несомнѣнно, и ничто въ мірѣ не отвратитъ ихъ. Сила обстоятельствъ и вещей уже требуетъ ихъ съ каждымъ днемъ настоятельнѣй. Теперешнія предубѣжденія противъ реформы, пустые страхи, интриги тѣхъ, кому она непріятна и нежелательна, или по неспособности и невѣжеству недоступна, должны скоро разсѣяться передъ свѣтомъ истины, очевидной пока для меньшинства, но которая въ короткое время станетъ убѣжденіемъ всѣхъ. Одно освобожденіе крестьянъ, не говоря о другихъ условіяхъ теперешняго нашего быта, вынудитъ реформу, какъ необходимое свое послѣдствіе.

Многимъ этотъ выводъ покажется, быть можетъ, мало утѣшительнымъ. Они, можетъ быть, найдутъ, что реформа, потребность которой такъ настоятельна, откладывается такимъ образомъ на неопредѣленное время въ долгій ящикъ; политическія гарантіи, по ихъ мнѣнію, вѣрнѣе и скорѣе подвинули бы это дѣло.

Можетъ быть, и объ этомъ можно мечтать; но мечта и дѣйствительность — вещи совершенно разныя. Мы съ своей стороны очень мало интересуемся фантазіями; то только и имѣетъ цѣну въ нашихъ глазахъ, что возможно и достижимо; но возможны ли и достижимы ли у насъ политическія гарантіи въ настоящее время? Вотъ въ чемъ весь вопросъ. Мы глубоко убѣждены, что нѣтъ; а слѣдовательно и мечтать о нихъ теперь нечего. Чтобъ имѣть представительное правленіе, надобно сперва получить его, и, получивши, умѣть поддерживать, а это предполагаетъ выработанные элементы представительства въ народѣ, на которыхъ бы могло твердо и незыблемо основаться и стоять зданіе представительнаго правленія. Гдѣ же у насъ такіе элементы? Повсемѣстное, съ каждымъ годомъ возрастающее броженіе умовъ, на которое иные могутъ, пожалуй, сослаться, свидѣтельствуетъ только о пробужденіи народа къ новой жизни, о насущной потребности коренныхъ реформъ въ законодательствѣ и управленіи, — потребности, остающейся неудовлетворенною; но оно ни въ какомъ случаѣ не есть конституціонный элементъ. Если, не останавливаясь на поверхности вещей, на словахъ и возгласахъ, на отдѣльныхъ мнѣніяхъ, которыя мы такъ склонны принимать за мнѣніе всѣхъ, мы дадимъ себѣ трудъ вглядѣться въ глубь и понять настоящее положеніе вещей въ Россіи, что мы увидимъ? Составныхъ стихій народа у насъ двѣ: крестьяне и помѣщики; о среднемъ сословіи нечего говорить: оно малочисленно и пока такъ еще незначительно, что не идетъ въ счетъ. Что касается до массъ народа, то конечно никто, зная ихъ хоть сколько нибудь, не сочтетъ ихъ за готовый, выработанный элементъ представительнаго правленія. Дай Богъ, чтобъ эти безграмотныя, большею частью бѣдныя, не развитыя массы, лишь со вчерашняго дня вышедшія изъ рабства, съумѣли какъ слѣдуетъ пользоваться своими гражданскими правами и тою скудною долею самоуправленія, которая имъ предоставлена закономъ. Остается дворянство. Въ наше время трудно себѣ представить исключительно дворянскую конституцію. Слава Богу, мы живемъ не въ средніе вѣка, не въ варварскія времена, когда она была возможна. Политическія права одного сословія и отсутствіе политическихъ правъ для всѣхъ другихъ, — это теперь что то немыслимое, такое, что встрѣтило бы единодушное противодѣйствіе не только со стороны правительства, но и со стороны массъ народа и всего просвѣщеннаго, либеральнаго въ Россіи.

Но допустимъ даже на минуту, что дворянское представительное правленіе возможно. Гдѣ, спрашивается, въ дворянствѣ элементы для его поддержанія? Что уполномочиваетъ насъ видѣть въ этомъ сословіи то твердое основаніе, тотъ гранитный пьедесталъ, на которомъ могла бы незыблемо покоиться политическая конституція? Все предъидущее изложеніе доказываетъ противное. Дворянство матеріально разстроено, политически стоитъ изолированно или враждебно съ прочими классами, не представляетъ ничьихъ интересовъ, кромѣ своихъ собственныхъ, не составляетъ стройнаго, органическаго сословія, не пользуется даже своими сословными правами и участіемъ въ мѣстномъ управленіи,

какъ бы слѣдовало ожидать отъ сословія, призываемаго къ политической роли въ государствѣ. При такихъ условіяхъ представительное правленіе у насъ невозможно; мысль о немъ не болѣе какъ праздная мечта, отголосокъ раздраженія и страсти, не взвѣшивающей настоящаго, глубокаго смысла словъ. Толки о представительномъ правленіи въ устахъ сословія, безсильнаго привести свою мысль въ исполненіе, смѣшны и были бы совершенно безвредны, еслибъ не роняли этого сословія еще болѣе въ глазахъ правительства и всѣхъ понимающихъ настоящее положеніе вещей въ Россіи. Мы увѣрены, что если бы какимъ нибудь чудомъ политическая конституція и досталась теперь въ руки дворянства, то это была бы, конечно, самая горькая иронія надъ нынѣшнимъ жалкимъ его состояніемъ; она обнаружила бы вполнѣ всю его несостоятельность и скоро бы пала и была забыта, какъ много конституцій въ Европѣ, не имѣвшихъ твердыхъ основаній въ народѣ. Стоитъ только вспомнить конституціонную исторію Франціи и теперешнее ея положеніе.

Нѣтъ, не въ безплодныхъ мечтахъ о представительномъ правленіи должно искать дворянство выхода изъ теперешняго своего труднаго положенія. Ему прежде всего надобно самому переродиться, самому разстаться съ привычками неумѣренной роскоши, дарового добыванія денегъ отъ крестьянъ или отъ службы и правительства, забыть жизнь спустя рукава; ему надо перестать думать только о своихъ минутныхъ пользахъ и выгодахъ, и серьезно подумать о будущемъ, о пользѣ другихъ сословій страны, государства; ему надо много трудиться, образовать себя какъ слѣдуетъ, привыкнуть дѣйствовать по началамъ строгой справедливости и безпристрастія въ ежедневномъ частномъ быту, въ убѣжденіи, что только трудъ, знаніе и безусловная добросовѣстность ставятъ сословіе высоко въ мнѣніи народа и доставляютъ ему вліяніе и власть. Переродившись нравственно и поправя свои матеріальныя средства, дворянство найдетъ на первый разъ обширное и достойное поприще для гражданской дѣятельности въ сферѣ провинціальной, губернской, гдѣ теперь столько дѣла, и которая никогда не очистится и не улучшится, пока за это не примется дѣятельно высшее, образованнѣйшее сословіе. Сдѣлать провинціальную жизнь не только возможной и сносной, но даже удобной и пріятной—вотъ ближайшее призваніе дворянства, и, повторяемъ, это оно можетъ сдѣлать, на это оно имѣетъ всѣ средства. Россія еще во всѣхъ отношеніяхъ печальная пустыня; ее надо сперва воздѣлать, начиная дѣло снизу, а не сверху. Когда жизнь мало-по-малу отвлечется отъ столицъ и большихъ центровъ въ провинцію, тогда произойдетъ и желаемая всѣми административная децентрализація. Во всякомъ случаѣ, самоуправленіе, эта любимая мечта всего просвѣщеннаго и либеральнаго въ Россіи, можетъ начать осуществляться пока только въ провинціи, при дѣятельномъ содѣйствіи дворянства. Въ этой плодотворной школѣ оно и приготовится, какъ слѣдуетъ, къ дальнѣйшей болѣе обширной политической дѣятельности, которая безъ того навсегда останется неосуществимой фантазіей. Опытъ показываетъ, что даже въ небольшихъ государствахъ невозможна гражданская и политическая свобода, безъ сильнаго развитія мѣстныхъ интересовъ и мѣстной жизни; какъ же будетъ она возможна безъ этого условія въ такой огромной имперіи, какъ Россія? Будемъ же благоразумны и, не растрачивая напрасно силъ на идеалы, займемся тѣмъ, чѣмъ можно и что у каждаго изъ насъ подъ руками. Время принесетъ свое, когда мы будемъ готовы. Отъ насъ зависитъ ускорить или замедлить его ходъ.

Общественное значеніе дворянства.

I.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ Б. П. ОБУХОВУ [1]).

...Вопросъ, предстоящій комиссіи (о реформѣ дворянскихъ выборовъ), очень труденъ, и труденъ не столько самъ по себѣ, сколько потому, что взгляды на призваніе, цѣль и будущность дворянства у насъ еще, кажется, не довольно ясно опредѣлились въ мысляхъ. Рядомъ съ феодально-аристократическими стремленіями, перенесенными въ Россію вмѣстѣ съ учрежденіями, привычками и понятіями изъ Европы въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка, слышатся голоса изъ той эпохи, когда дворянство было почти исключительно служебнымъ сословіемъ; наконецъ, для многихъ и до сихъ поръ дворянинъ прежде и больше всего помѣщикъ, и безъ населеннаго помѣстья или вотчины они не могутъ представить себѣ настоящаго, полнаго дворянина. Трудно согласить между собою всѣ эти различныя представленія и вытекающія изъ нихъ стремленія дворянъ, изъ которыхъ каждое объясняется исторіею русскаго дворянства, и въ этомъ заключается, безъ сомнѣнія, едва ли разрѣшимая трудность задачи. Проектъ тогда только будетъ хорошъ, когда удовлетворитъ всѣмъ разнороднымъ требованіямъ, успѣетъ согласить противорѣчивыя мнѣнія; а какъ этого достигнуть при такомъ разнообразіи мнѣній и взглядовъ?

...Поднимая вопросъ о пересмотрѣ законовъ о дворянскихъ выборахъ, дворянство, безъ сомнѣнія, не имѣло въ виду одного исправленія, поясненія, дополненія дѣйствующихъ постановленій, словомъ, одного устраненія недоразумѣній, которымъ недостатки собственно редакціи подавали поводъ. Дворянство, конечно, имѣло цѣлью обновить ветхій уставъ, который теперь, съ измѣнившимися условіями нашего внутренняго общественнаго и юридическаго быта, представляется какою-то древностью, не соотвѣтствующею современнымъ потребностямъ.

Если вопросъ, дѣйствительно, поставленъ такъ, то разрѣшеніе его существенно зависитъ отъ того, какъ смотрѣть на дворянство. Что оно такое послѣ совершившихся и совершающихся преобразованій? Какая его будущность? Какое мѣсто должно принадлежать ему посреди другихъ общественныхъ элементовъ? Рѣшеніе этихъ вопросовъ дастъ руководящія начала для работъ комиссіи.

Важныя указанія для разрѣшенія этихъ предварительныхъ вопросовъ представляютъ слѣдующія данныя и соображенія:

1) Съ изданія дворянской грамоты при Екатеринѣ II дворянство перестало быть обязательно-служебнымъ сословіемъ. По старой памяти, оно долго считало себя какъ-бы обязаннымъ служить, и государственная служба представлялась ему какъ-бы преимущественнымъ его правомъ. Теперь это понятіе тоже постепенно ослабѣло. Число неслужащихъ и никогда не служившихъ дворянъ замѣтно растетъ. Право государственной службы болѣе и болѣе начинаетъ поставляться въ зависимость отъ диплома или аттестата учебныхъ заведеній, и не пройдетъ много времени, какъ правительство вынуждено будетъ, силою вещей, допускать въ службу только тѣхъ, которые имѣютъ дипломъ или аттестатъ, разумѣется, исключая рядовой военной службы. Такимъ образомъ, государственная служба окончательно перестанетъ быть сословной привилегіей и сдѣлается достояніемъ всѣхъ, какого бы они сословія или зва-

[1]) Манифестъ 19-го февраля 1861 года, радикально измѣнившій бытовыя условія русскаго дворянства, вызвалъ мысль о новой роли дворянства въ мѣстномъ самоуправленіи. Самарское дворянство первое признало необходимость измѣненія дворянскаго сословнаго управленія и для выработки проекта дворянскихъ выборовъ образовало комиссію. Тогдашній губернскій предводитель дворянства Борисъ Петровичъ Обуховъ (впослѣдствіи самарскій и псковской губернаторъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ и сенаторъ, умершій въ 1885 г.) обратился къ К. Д. Кавелину, какъ къ самарскому землевладѣльцу, съ просьбою принять участіе въ работахъ означенной комиссіи.

Печатаемое здѣсь (съ пропускомъ несущественныхъ мѣстъ) письмо есть отвѣтъ К. Д. Кавелина на это приглашеніе.

нія ни были, если только соединяютъ требуемыя условія образованія. Тѣнь служебныхъ преимуществъ, остающихся доселѣ за дворянствомъ по рожденію, не замедлитъ исчезнуть изъ закона; да и теперь на дѣлѣ они мало приносятъ пользы дворянамъ, въ виду усилившихся требованій на образованіе.

2) Съ изданіемъ манифеста и положеній о прекращеніи крѣпостного права, званіе помѣщика, т.-е. владѣльца населеннаго имѣнія, не можетъ почитаться главнымъ, характеристическимъ признакомъ дворянина. За отличительный, характеристическій признакъ можетъ быть признана лишь такая черта сословія, которая остается въ немъ постоянно, если не навсегда. Между тѣмъ, владѣніе имѣніями, населенными срочно-обязанными крестьянами, представляется, по общему смыслу и направленію Положеній 19-го февр. 1861 года, какъ нѣчто временное, преходящее, что̀ должно рано или поздно исчезнуть. Уже теперь отношеніе владѣльцевъ къ срочнообязаннымъ сельскимъ обществамъ и отводимымъ имъ землямъ—весьма далекое. Зависимость этихъ крестьянъ и занимаемой ими земли отъ владѣльца почти ничтожна и, во всякомъ случаѣ, для послѣднихъ крайне невыгодна и стѣснительна. Всюду дворянство старается, всѣми мѣрами, совсѣмъ раздѣлаться съ крестьянами, прекратить всякія съ ними обязательныя отношенія, и дѣло, начатое освобожденіемъ крестьянъ отъ помѣщиковъ, должно, по всѣмъ видимостямъ, окончиться освобожденіемъ помѣщиковъ отъ крестьянъ. Горькія сѣтованія дворянства на неисправное отбываніе крестьянами издѣльной повинности, настоятельное требованіе права переводить ихъ на оброкъ безъ ихъ согласія, готовность, всюду замѣчаемая, воспользоваться правомъ выкупныхъ сдѣлокъ, хотя бы съ важными пожертвованіями и чувствительными потерями, — всѣ эти явленія служатъ вѣрнымъ признакомъ, что срочнообязательныя отношенія недолговѣчны и скорѣе, чѣмъ казалось многимъ сначала, должны перейти въ полную и окончательную развязку всякихъ юридическихъ отношеній между владѣльцами и ихъ бывшими крѣпостными крестьянами. Поэтому, какъ сказано, нельзя принять владѣніе населенными имѣніями за постоянный отличительный признакъ дворянства, тѣмъ болѣе, что во многихъ мѣстностяхъ не-дворяне имѣютъ тоже право селить на своей землѣ свободныхъ людей, и это право, безъ сомнѣнія, въ скоромъ времени сдѣлается общимъ правомъ всѣхъ землевладѣльцевъ, безъ различія состояній и званій.

3) Одновременно съ такимъ кореннымъ переворотомъ въ положеніи дворянства происходитъ переворотъ въ быту и положеніи прочихъ сословій. Городскія и сельскія общества, раздробленныя по вѣдомствамъ, на половину находившіяся подъ частнымъ, владѣльческимъ правомъ, на половину стѣсненныя строгой, входившей во всѣ мелочи правительственной опекой, мало-по-малу получаютъ самостоятельность, группируются, получаютъ гражданскія права и значеніе государственныхъ сословій. Такимъ образомъ, въ общественную нашу жизнь вдвигаются новые общественные элементы, которые были до сихъ поръ заслонены частнымъ владѣльческимъ правомъ или правительственной опекой и существовали только какъ фактъ, а не юридически. Конечно, полный переворотъ въ положеніи городскихъ и сельскихъ классовъ еще не совершился и лишь наступаетъ; но, по общему ходу вещей и дѣлъ въ Россіи въ настоящее время, онъ не заставитъ себя долго ждать, составляя неотложную потребность нашей внутренней жизни. Начало его уже положено освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ и заявленною правительствомъ программою слiянія всѣхъ сельскихъ классовъ въ одно сельское сословіе. Въ томъ же направленіи приготовляются важныя преобразованія въ городовыхъ положеніяхъ.

Въ виду новыхъ условій быта, положеніе и значеніе дворянства должны существенно измѣниться. Оно не есть служебное сословіе; оно съ прошлаго года перестало быть владѣльцемъ крѣпостныхъ населенныхъ имѣній и въ ближайшемъ будущемъ, по всѣмъ видимостямъ, останется владѣльцемъ лишь тѣхъ земель, которыя не отойдутъ въ надѣлъ бывшимъ его крѣпостнымъ крестьянамъ. Что же будетъ отнынѣ отличительнымъ, характеристическимъ признакомъ дворянства? Внесеніе въ дворянскія родословныя книги? Какъ ни почтенно и ни дорого само по себѣ воспоминаніе о предкахъ, фамильныя хроники и архивы, сами по себѣ, не представляютъ живого, *общественнаго*, современнаго *интереса*, по которому сословіе занимаетъ въ настоящемъ извѣстное, принадлежащее ему мѣсто между другими общественными

классами и играетъ бóльшую или меньшую роль, выполняя ту или другую общественную задачу. По интересамъ должны теперь группироваться общественные элементы, и такимъ интересомъ является для дворянства *личное* землевладѣніе, какъ для горожанъ — городскіе промыслы и торговля, для сельскихъ жителей—сельскіе крестьянскіе промыслы и *общинное* землевладѣніе. Всѣ эти интересы должны, на *одинаковыхъ* правахъ, участвовать въ мѣстной жизни и въ мѣстномъ управленіи и дѣлахъ, въ тѣсномъ между собою сочетаніи и взаимодѣйствіи. Преобладаніе того или другого будетъ опредѣляться не историческими и юридическими привилегіями, а мѣстными, дѣйствительно существующими условіями, дающими законный перевѣсъ тому или другому элементу въ обществѣ.

Если принять эти начала, то общественное устройство дворянства должно измѣниться по слѣдующему плану: мѣсто губернскихъ собраній дворянства должны заступить губернскія собранія уполномоченныхъ отъ всѣхъ владѣющихъ сословій и классовъ, дворянское депутатское собраніе—постоянный комитетъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ же сословій и классовъ. Само собою размѣется, что дворянство, будучи и оставаясь сословіемъ, будетъ имѣть по прежнему свои сословныя собранія, уѣздныя или, если будетъ признано нужнымъ, и губернскія; оно удержитъ и свое депутатское собраніе, но съ тою существенною разницею, что теперь дворянскія собранія, кромѣ сословнаго, имѣютъ и земское значеніе, тогда какъ въ будущемъ всѣ общія земскія дѣла должны бы перейти въ собраніе уполномоченныхъ, а за дворянскими—остаться одни чисто сословныя, до одного дворянства касающіяся.

Какъ часть общаго земскаго собранія въ губерніи, дворянство будетъ представлять личное землевладѣніе, и потому, по крайней мѣрѣ по отношенію къ земству, ему необходимо принять въ свою среду всѣхъ личныхъ землевладѣльцевъ, какого бы состоянія и званія ни были, если только они сами не предпочтутъ участвовать въ другихъ сословіяхъ. Для частныхъ, сословныхъ собраній дворянства этого вовсе не нужно: собранія эти устраиваются не по общимъ земскимъ началамъ, а по сословнымъ, собственно дворянскимъ, до которыхъ не-дворянамъ, хотя-бы они и были личные землевладѣльцы, нѣтъ никакого дѣла. Не буду скрывать, что такое различеніе не очень послѣдовательно. Строго говоря, дворянство и въ отношеніи къ земству и къ своимъ собственнымъ дѣламъ должно быть не чѣмъ инымъ, какъ сословіемъ личныхъ землевладѣльцевъ. Различеніе въ дворянствѣ собственно дворянства и личныхъ землевладѣльцевъ другихъ сословій будетъ подавать поводъ къ разнымъ запутанностямъ, напримѣръ, когда будетъ рѣчь о предметахъ, касающихся всѣхъ личныхъ землевладѣльцевъ и для того потребуются собранія особаго рода, отличныя отъ земскихъ, съ одной стороны, и исключительно дворянскихъ сословныхъ, съ другой. Но эту непослѣдовательность и запутанность надобно будетъ, я полагаю, допустить въ видѣ уступки и болѣе или менѣе продолжительной переходной мѣры, чтобы соединить голоса въ пользу реформы и примирить съ преобразованіемъ долгимъ временемъ утвердившіеся сословные предразсудки.

Устройство, кругъ дѣйствій и пространство власти земскихъ губернскихъ собраній до насъ не касаются. Я скажу о нихъ только въ той мѣрѣ, какъ дворянство въ нихъ участвуетъ.

Самымъ раціональнымъ было бы устроить выборы въ земскія собранія не по сословіямъ и классамъ, а по округамъ, безъ различенія общественныхъ разрядовъ. Но при существующей у насъ разрозненности сословій, чуждыхъ или непріязненныхъ другъ другу и во всякомъ случаѣ не имѣющихъ ничего общаго между собою, такое устройство выборовъ по округамъ было бы совершенно невыполнимо и невозможно.

Въ земскомъ собраніи всѣ интересы должны быть представляемы, а при нынѣшнемъ нашемъ состояніи этого не было бы возможно достигнуть территоріальнымъ устройствомъ выборовъ. И такъ, послѣдніе должны происходить по сословіямъ, раздѣленнымъ на три группы: личныхъ землевладѣльцевъ, горожанъ и сельскихъ обществъ.

Каждая изъ этихъ группъ выбираетъ своихъ уполномоченныхъ особо, но чтобы проложить дорогу къ сближенію сословій, что такъ необходимо и для общаго блага, и для истинныхъ интересовъ дворянства, слѣдуетъ постановить общимъ правиломъ, что каждое сословіе можетъ избирать своихъ уполномоченныхъ, не стѣсняясь ни принадлежностью избираемаго къ другому сословію, ни припискою его къ другому уѣзду; словомъ, каж-

дому сословію должно быть предоставлено избирать въ уполномоченные кого угодно, лишь бы онъ былъ постоянный житель губерніи.

Въ группѣ землевладѣльцевъ, къ избранію въ качествѣ избирателей допускаются одни владѣющіе дворяне и личные землевладѣльцы прочихъ сословій. Чтобы не вводить ценза, противъ котораго можно сказать многое, лучше удержать теперешнія правила, а именно: опредѣлить извѣстный minimum землевладѣнія (онъ можетъ быть различный по мѣстностямъ, уѣздамъ, цѣнности земли и проч.), дающій право на голосъ, но значительно меньше (напр., на половину) теперешняго; владѣнія меньше minimum'а складываются и имѣютъ одинъ голосъ, какъ теперь; выше minimum'а даютъ одинъ же голосъ. Земля, отведенная срочно-обязаннымъ крестьянамъ, не берется въ разсчетъ. Привилегію полковниковъ и дѣйст. ст. совѣтниковъ слѣдуетъ отмѣнить, какъ совершенно несогласную съ выраженными выше началами.

Не рѣшаюсь утвердительно сказать, какъ лучше устроить съѣзды землевладѣльцевъ-избирателей: по губерніи или по уѣздамъ. Въ пользу и противъ того и другого можно сказать многое. Многочисленность избирателей, быть можетъ, заставитъ предпочесть съѣзды по уѣздамъ. Можно также избрать среднюю мѣру, а именно: установить съѣзды для мѣстностей, обнимающихъ нѣсколько однородныхъ по условіямъ хозяйства и быта уѣздовъ.

Для избираемыхъ правильнѣе было бы не постановлять никакихъ условій, даже условій владѣнія. Избирателямъ надобно въ этомъ отношеніи предоставить полный просторъ: они сами лучше всѣхъ могутъ знать, кому ввѣрить свои интересы. Достаточно, если избираемый—владѣлецъ или постоянный житель губерніи.

Что касается до сословныхъ собраній и выборовъ дворянства, то въ случаѣ невозможности сразу же поставить ихъ на ногу собраній и выборовъ всѣхъ личныхъ землевладѣльцевъ, къ какому бы они сословію ни принадлежали, можно-бы оставить ихъ въ томъ видѣ, какъ они теперь существуютъ, съ тѣмъ различіемъ, о которомъ сказано выше, а именно, что дѣла общія земскія и выборы въ общія земскія должности должны отойти въ общія земскія собранія всѣхъ сословій. Во всякомъ случаѣ, привилегія чина должна быть отмѣнена и въ отношеніи къ сословному устройству дворянства, во всѣхъ ея видахъ.

Что касается до службы по выборамъ, то весьма желательно, чтобы характеръ ея совершенно измѣнился. До сихъ поръ она едва-ли чѣмъ рознится отъ государственной, кромѣ способа избранія, тогда какъ на самомъ дѣлѣ различіе ихъ очень большое. Уполномоченные довѣріемъ земства и сословій къ завѣдыванію общественными и сословными дѣлами, если только выборы произведены правильно, если выбранныя лица имѣютъ условія, требуемыя закономъ, не подлежатъ, казалось бы, утвержденію, не награждаются ни чинами, ни орденами. Избиратели должны, кажется, имѣть право требовать отъ нихъ отчета въ ихъ общественно-административной дѣятельности, преслѣдовать ихъ судебнымъ порядкомъ въ случаѣ нарушенія ими обязанностей, выражать имъ свое одобреніе или неодобреніе. Если правительственный контроль и опека въ дѣлахъ общественныхъ, мѣстныхъ, вообщее, насколько они не связаны непосредственно съ общими государственными интересами, неумѣстны и вредны, то они совсѣмъ должны быть устранены въ дѣлахъ чисто сословныхъ. Судебное преслѣдованіе проступковъ и преступленій, запрещенныхъ законами вообще, къ какого бы рода дѣятельности они ни относились,—вотъ единственно правильное отношеніе правительственной власти ко всему, что не имѣетъ ближайшей связи съ общимъ управленіемъ и государственными интересами.

Вотъ нѣсколько мыслей по предмету, который занимаетъ теперь все дворянство. Простите, что я набросалъ ихъ такъ, какъ онѣ приходили мнѣ въ голову. Времени у меня немного въ распоряженіи. Черезъ три недѣли ѣду за границу, съ порученіемъ, относящимся къ университетамъ. Но въ какомъ бы видѣ ни разработалось важное дѣло, отъ котораго будетъ зависѣть очень многое не только для дворянства, но и для всей Россіи, всякому благомыслящему человѣку остается пожелать одного: дай Богъ, чтобы дворянство, понявъ свои дѣйствительные интересы, прежде и больше всего озаботилось о сближеніи съ прочими сословіями на почвѣ закона. Переставъ быть исключительно господствующимъ классомъ и раздѣливъ свое

участіе въ мѣстныхъ общественныхъ дѣлахъ и управленіи съ другими сословіями, на равныхъ правахъ, оно на дѣлѣ только можетъ выиграть и занять самое почетное и вліятельное мѣсто, которое будетъ тѣмъ прочнѣе, чѣмъ менѣе будетъ основано на юридическихъ привилегіяхъ. По землевладѣнію и по образованности дворянство имѣетъ рѣшительное преимущество передъ другими классами, и этихъ преимуществъ слишкомъ достаточно для упроченія его вѣса и значенія, если только оно захочетъ благоразумно имъ воспользоваться. Самарское дворянство, къ которому и я имѣю честь теперь принадлежать, доказало уже, что стоитъ на высотѣ настоящихъ требованій и условій. Я убѣжденъ, что и въ этомъ важномъ дѣлѣ оно пойдетъ объ руку съ дворянствами нѣкоторыхъ губерній и подастъ примѣръ другимъ. Отъ направленія, какое получитъ преобразованіе дворянскихъ учрежденій въ настоящее время, будетъ зависѣть дальнѣйшее развитіе этого сословія, которому еще предстоитъ значительная и многовѣсная роль въ судьбахъ Россіи. Будемъ же надѣяться и ожидать всего лучшаго...

С.-Петербургъ,
24-го января 1862 г.

(Новости, 1886, № 22).

II.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ А. Л. КОРСАКОВУ.

..Картина, которую Вы рисуете, мрачна, но, къ сожалѣнію, вѣрна. Ваши сѣтованія—общія, и доходятъ до насъ, съ небольшими варьяціями, отовсюду. Очевидно, есть зло и глубокое, съ которымъ нужно бороться. Не стану защищать передъ Вами нашу бюрократію. Это была бы задача неблагодарная и вдобавокъ не совсѣмъ честная. Но нельзя также не сказать, что ей—я разумѣю лучшихъ людей—приходится бороться съ такими неодолимыми трудностями, что надо удивляться, какъ у нея не опускаются руки! Вы говорите: казна, пожертвуй 15—20 милліоновъ. Легко сказать: а у насъ ежегодно дефицитъ въ бюджетѣ! Вы говорите: 20% государственнаго дохода идетъ чортъ знаетъ на что! Это правда: но вѣдь бюрократія, сорящая деньги направо и налѣво,—вѣдь это мы же сами, а не какіе нибудь пришлые завоеватели, которые подчинили насъ своему игу. Привычка къ мотовству, къ безпутнѣйшему, непроизводительнѣйшему транжиренью трудовыми и потовыми грошами народа,—вѣдь это легкомысліе, невѣжество, слабоуміе и своекорыстіе мы несемъ въ бюрократію изъ нашихъ домашнихъ и общественныхъ нравовъ. Какимъ чудомъ, скажите, бюрократія наша была бы лучше насъ, — образцовою по экономіи, порядочности, просвѣщенію, самоотверженію, патріотизму, когда мы сами, во всѣхъ слояхъ, — и невѣжды, и грубые, и глупые и моты и воры, и думаемъ только о сегодняшнемъ днѣ, да и то глупо и безъ разсчета? Исключенія во всѣхъ классахъ блестятъ какъ рѣдкія точки, заволоченныя густымъ слоемъ всякой грязи и пошлости. Вы говорите: зачѣмъ частые наборы? Я Васъ, въ свою очередь, спрошу: а зачѣмъ мы составили государство съ необозримымъ пространствомъ, съ громадными пустырями, съ наиневыгоднѣйшими границами для защиты? Зачѣмъ всѣ государства держатъ огромныя войска? Я видѣлъ письмо изъ Парижа, въ которомъ передается отзывъ государственныхъ людей Франціи. Не будь—говорятъ они — такого быстраго развитія военныхъ силъ Россіи во время послѣдняго польскаго возстанія, Франція непремѣнно начала бы войну. Положимъ, что такой миръ хуже всякой войны, да вѣдь не рискнешь же, вслѣдствіе такого разсужденія, на войну; и приходится содержать дорогой миръ, упрятывать массу всякихъ силъ и денежныхъ и людскихъ въ войско, а за тѣмъ высасывать изъ страны огромныя подати, не мытьемъ такъ катаньемъ, чтобъ оплатить бюджетъ. Попробовали разоружиться, и чтожъ вышло? Чуть не съѣли собаки.

Вы знакомы хорошо съ механикой и

знаете, что всякая сила, по своей природѣ, когда не встрѣчаетъ препятствія и сопротивленія, развивается безгранично. То же явленіе повторяется во всемъ, — въ развитіи страстей, въ развитіи живыхъ организмовъ, точно также въ общественномъ и политическомъ развитіи. У насъ образовалась, вслѣдствіе множества внутреннихъ причинъ, централизованная бюрократія, которая властвуетъ безгранично и не встрѣчаетъ ни малѣйшаго сопротивленія. Нравами она не лучше, но и не хуже всего русскаго общества, не умнѣй и не глупѣй его. Корень ея сидитъ въ насъ такъ глубоко, что до конца его и не докопаешься. Изъ насъ самихъ выросло это многовѣтвистое дерево. Стало быть, какой нибудь живой, насущной, неотразимой потребности народа этотъ продуктъ отвѣчаетъ. Рядомъ съ этимъ, властвуя безгранично, централизованная бюрократія приноситъ много существеннаго вреда, какъ всякая сила, какъ все на свѣтѣ. Я не знаю блага въ мірѣ, которое бы не имѣло своей оборотной стороны медали, не знаю и зла въ мірѣ, которое бы не приносило свою относительную, иногда значительную пользу.

Вы спросите меня, къ чему ведутъ эти общія разсужденія и какую они могутъ имѣть практическую пользу? А вотъ какую: у насъ всѣ и все протестуетъ противъ бюрократіи; прогрессисты протестовали, дворяне протестовали, и всѣмъ рты были зажаты. Литература тоже протестовала, и ей былъ наложенъ намордникъ молчанія. Чтожъ это показываетъ? То, что бюрократія есть страшная, громадная сила, сильнѣй всего остальнаго, и что съ этой силой надо считаться. Это не мечта, какъ называлъ Чичиковъ умершаго, не помню, портного или сапожника Собакевича, а живая дѣйствительность, которая практически существуетъ и даетъ себя чувствовать. Это сила, а съ силой надобно считаться такой же, равной ей силой. Какъ только явится и образуется въ Россіи что нибудь, что будетъ лучше отвѣчать тѣмъ же потребностямъ русскаго общества, которымъ теперь, дурно или хорошо, отвѣчаетъ наша бюрократія, послѣдняя начнетъ необходимо съеживаться и приведется естественнымъ образомъ въ свои настоящія границы; станетъ русское общество понравственнѣе и попросвѣщеннѣе,— и бюрократія станетъ просвѣщеннѣй и нравственнѣй; будетъ въ русскомъ обществѣ больше чувства и сознанія законности и правъ,—и бюрократія перестанетъ быть такой произвольной и беззаконной; водворятся въ русскомъ обществѣ получше нравы и привычки,—они не замедлятъ перейти и въ бюрократію,—все это потому, что бюрократія есть собственно отвлеченное понятіе, а лица, изъ которыхъ она составляется, все тѣ же мы сами.

Вы видите, куда я подбираюсь. Въ Европѣ бюрократіи не дали разыграться сначала церковь, съ самостоятельнымъ устройствомъ, аристократія, городскія общества и вообще среднее сословіе. Каждый изъ этихъ общественныхъ элементовъ, отстаивая свои права или пріобрѣтая ихъ, вырабатывалъ понятія и привычки права и законности, которыми и общество и бюрократія пропитались насквозь, сверху до низу. Это поражаетъ нашего брата за границей. Даже въ теперешнія времена, когда политическій и общественный бытъ европейскихъ народовъ сильно потрясенъ и колеблется въ самыхъ основаніяхъ, — и теперь Вы чувствуете во всемъ и всюду, какъ сильны привычки права и законности, когда имъ иногда и недостаетъ яснаго сознанія.

Посмотрите же у насъ. Самостоятельной церкви нѣтъ; аристократіи, городского сословія—и не бывало! Огромная, несмѣтная масса мужиковъ, не знающихъ грамотѣ, не имѣющихъ даже зачатковъ религіознаго и нравственнаго наставленія, да 150 т. дворянскихъ семействъ-землевладѣльцевъ, изъ которыхъ почти все взрослое мужское поколѣніе находится въ рядахъ бюрократіи. Извольте тутъ найти образовательныхъ элементовъ въ борьбѣ сословій, въ противодѣйствіи слоевъ общества всепоглощающей силѣ централизованной бюрократіи! Простите, а я не могу безъ сожалѣнія вспомнить о протестахъ, рѣчахъ и адресѣ московскихъ дворянъ! Мнѣ все это представляется кукольной комедіей.

Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно!

Оберъ-церемоніймейстеръ императорскаго двора ѣдетъ въ Москву, пускаетъ подъ рукой слухи, что правительство ждетъ иниціативы отъ дворянства, чтобы дать конституцію. Дворянство идетъ на эту удочку. Другой, ученый магистръ права, отли-

чившійся тѣмъ, что съ негодованіемъ возвратилъ петербургскому городскому обществу дипломъ на петербургскаго гражданина (а онъ здѣсь домовладѣлецъ): потому-де, что не принадлежитъ къ „среднему роду“ людей, а къ знаменитому роду. Вотъ кто стоялъ во главѣ московскаго движенія! Оберъ-церемоніймейстеръ воспитывался въ Кембриджѣ и, говорятъ, читаетъ классиковъ на подлинномъ языкѣ, греческомъ и латинскомъ, что не мѣшало ему выказать въ рѣчи своей дѣтское незнаніе и предложить публикѣ меньше простора для печати и мысли, чѣмъ даетъ даже теперешнее правительство. Поощрительно для друзей его! Когда оберъ-церемоніймейстеръ возвратился въ Петербургъ, его не пригласили на придворный балъ, и онъ былъ въ отчаяніи! За напечатаніе адреса въ газетѣ „Вѣсть“ его и Скарятина потянули къ слѣдствію, и оберъ-церемоніймейстеръ, либералъ и аристократъ, не могъ никакъ примириться съ тѣмъ, что его позвали къ слѣдственному приставу, предлагали формально вопросы, соблюдали очередь съ другими просителями. Когда онъ жаловался шефу жандармовъ за такое униженіе—какъ же поставить его наряду съ другими смертными—то князь Долгоруковъ, говорятъ, замѣтилъ ему очень мѣтко: да вѣдь это необходимые спутники конституціи, которой Вы желаете!

Съ глубокою грустью и негодованіемъ спрашиваю я самого себя: да долго ли будетъ наше провинціальное дворянство давать водить себя за носъ такимъ олухамъ царя небеснаго! Неужели оно никакъ не понимаетъ, что ни демонстраціями, ни протестами, ни рѣчами ничего не подѣлаешь? Неужели ему не ясно, какъ дважды два четыре, что его интересы и интересы петербургскихъ остроумниковъ не имѣютъ ничего между собою общаго? Послѣдніе живутъ на счетъ государственной казны, которую, по мѣрѣ возможности, обираютъ. Имъ, кромѣ собственныхъ интересовъ, нѣтъ ни до чего никакого дѣла. Провинціальное дворянство поставлено лицомъ къ лицу съ народомъ, съ бюрократіей, съ дѣлами, практикой. Оно несетъ на себѣ всю тягость мѣстныхъ нуждъ и неурядицъ, которыми мы такъ богаты. Неужели оно еще не убѣдилось, что только тяжкимъ, будничнымъ, ежедневнымъ, скучнымъ трудомъ, можно наладить наконецъ машину на добрый путь, завоевывая шагъ за шагомъ въ деталяхъ, мелочахъ, добро, и давая, точно также шагъ за шагомъ, въ мелочахъ и подробностяхъ, отпоръ злу? Что время нужно и на ѣду, не только на улучшеніе положенія и нравовъ; что только выдержкой, терпѣніемъ, дальновиднымъ выжиданіемъ и трудомъ можно чего нибудь достигнуть, а не протестами и демонстраціями. Безъ высшаго, руководящаго сословія не бывало и не можетъ быть благоустроенной страны. Дворянство приготовлено всѣмъ—и исторіей, и образованіемъ и матеріальнымъ положеніемъ—быть такимъ высшимъ, руководящимъ сословіемъ. Освобожденіе крестьянъ и земскія учрежденія выбили его изъ прежней колеи, потрясли, отчасти обѣднили его и создали ему совершенно новое положеніе. Признаюсь Вамъ, я сильно надѣялся на то, что оно скоро пойметъ въ чемъ дѣло и постарается поскорѣе найтись въ новыхъ условіяхъ Съ отдѣльными лицами это такъ и вышло, но голосъ ихъ и усилія остались втунѣ посреди непониманія, равнодушія, вѣтрености и близорукаго своекорыстія огромнаго большинства. Грустно это выговорить, а между тѣмъ это такъ! Правду Вы говорите, что ни намъ ни нашимъ дѣтямъ не дождаться лучшаго! Это лучшее не дается какъ кладъ. А оно совершенно немыслимо, пока провинціальное дворянство не примется серьезно за дѣло. Бюрократія останется все та же, мотовство все то же, произволъ администраціи и безалаберщина—тѣ же, пока у васъ, въ провинціяхъ, не образуется просвѣщенный, умный, честный, достаточный классъ, около котораго сгруппируются мѣстные элементы, къ которому мѣстная и центральная бюрократія, волей неволей, должны будутъ относиться съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Пока такого класса не будетъ,—а главный матеріалъ для него въ дворянствѣ—до тѣхъ поръ вы будете ругать бюрократію и прогрессистовъ на повалъ, а они будутъ помыкать вами какъ имъ вздумается и жить въ свое удовольствіе; люди же честные, умные и образованные, всѣхъ цвѣтовъ, мнѣній и лагерей, будутъ, какъ и теперь, съ горестью и сжатымъ сердцемъ смотрѣть на эту печальную картину, потому что ни умъ, ни образованіе, ни честность тутъ не помогутъ. Нужна среда, слой, элементъ, который бы представлялъ практическіе интересы, имѣлъ бы независимое и видное поло-

женіе, на первый разъ хоть въ провинціи только, и настолько былъ бы образованъ и уменъ, чтобы понимать, что, защищая общественную пользу и интересы всѣхъ классовъ, отстаивая законъ, права, образованность для всѣхъ и каждаго въ данной мѣстности,—что только этимъ способомъ онъ можетъ что нибудь сдѣлать, до чего нибудь порядочнаго доработаться. Къ такой средѣ, слою, элементу примкнуло бы быстро все: и масса мужиковъ, и тѣ носящіеся всюду въ русскомъ обществѣ отдѣльные атомы знанія, таланта, образованности, которые теперь испаряются совершенно безплодно, потому что они безсильны, не имѣютъ никакой точки опоры. Не мнѣ Васъ учить, Вы знаете не хуже меня, что никогда, ни въ какой странѣ въ мірѣ, обществомъ и государствомъ не двигали безплотныя идеи. Когда говорятъ, что философы и безбожники подготовили французскую революцію, то вѣдь это курамъ на смѣхъ! Ее подготовило положеніе дѣлъ, а они только его высказывали въ литературной или научной формѣ. Только интересы, положеніе дѣлъ приводятъ за собой перемѣны, а отнюдь не книжки и мысли. Такъ и у насъ; освобожденіе крестьянъ вынуждено обстоятельствами; нынѣшнему царствованію принадлежитъ только честь и заслуга, что оно ихъ поняло. Земскія учрежденія—тоже порожденіе обстоятельствъ, результатъ совершенной невозможности вести дѣло одной бюрократіей, невозможности громадному государству существовать и управляться безъ всякаго участія заинтересованныхъ въ управленіи лицъ, по крайней мѣрѣ на мѣстахъ, въ провинціяхъ. И пока земскія учрежденія не сложатся, не принесутъ пользы странѣ, не выкажутъ пониманія мѣстныхъ интересовъ и умѣнія вести ихъ хорошо, до тѣхъ поръ я не жду никакой хорошей перемѣны въ центральномъ управленіи государствомъ... Безъ политическихъ обезпеченій оно невозможно, немыслимо; а политическія гарантіи невозможны и немыслимы, пока провинціальное дворянство не сдѣлается тѣмъ, чѣмъ ему слѣдуетъ быть, и отъ чего оно еще очень, очень далеко. Я говорю о цѣлой его массѣ, а не о рѣдкихъ, почтенныхъ исключеніяхъ, которыя не идутъ въ разсчетъ въ общемъ дѣлѣ.

Посмотрите, какъ шли дѣла въ Европѣ. Одинъ классъ, слой, элементъ смѣнялъ тамъ другой въ управленіи общественными дѣлами. Сперва церковь, потомъ аристократія, потомъ среднее сословіе. Теперь и оно расшаталось, потому что тяжко давитъ на народъ, на массы, и отсюда вся неурядица теперешнихъ европейскихъ порядковъ, которымъ грозитъ великая опасность въ ближайшемъ будущемъ. Мы, повидимому, счастливѣе ихъ. У насъ теперь есть матеріалъ въ дворянствѣ, двѣ капли воды сходный съ тѣмъ, какой господствовалъ въ Англіи въ XVIII вѣкѣ и создалъ ея блистательное парламентское правленіе. Это элементъ достаточныхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ (gentry), на которомъ до сихъ поръ стояло зданіе англійской конституціи; ибо изъ этого класса вышла почти вся теперешняя аристократія; старинная давно вымерла и перевелась. Къ этому превосходному элементу, сильному и прочному, присоединяется у насъ, къ великому нашему счастію, и чего нѣтъ у Англіи, — сильное, громадное, въ высшей степени консервативное мужицкое сословіе,—консервативное потому, что оно, къ счастію, теперь тоже землевладѣлецъ. Гдѣ въ мірѣ лучше условія для государственной жизни? Выдумывать, такъ не выдумаешь ничего лучше! А между тѣмъ изъ этихъ превосходныхъ условій у насъ ничего не выходитъ, и не выходитъ единственно потому, что дворянство не понимаетъ, да и не хочетъ понимать своего положенія: протестуетъ, сердится, проживается на вздоръ, держитъ себя особнякомъ, и по возможности устраняется отъ труда и работы на общее дѣло въ провинціи. Вмѣсто того, чтобъ заниматься дѣломъ, оно твердитъ зады, мотаетъ, ѣздитъ за границу, старается жить въ свое удовольствіе. Я не говорю о людяхъ бѣдныхъ, а о достаточныхъ, которые могли бы и должны бы быть запѣвалами; а на нихъ жалко смотрѣть!

Совершенно понимаю, многоуважаемый другъ, что роль дворянства у насъ, и при теперешнихъ обстоятельствахъ, несравненно труднѣе, чѣмъ она когда-либо была въ другія времена и въ другихъ странахъ. Знаю, что вездѣ и всегда классы, господствующіе въ странѣ, опирались на привилегіи, которыя облегчали имъ дѣло, тогда какъ русское дворянство ихъ не имѣетъ. Но за то, какъ же и измѣнились общія условія во всей Европѣ! Наполеонъ раздавилъ всѣхъ своихъ враговъ внутри Франціи, опираясь

на массы; въ Англіи готовится расширеніе избирательнаго закона, которое введетъ въ парламентъ народныя массы; Бисмаркъ—нѣмецкій баронъ, какихъ спѣсивѣе и гаже на свѣтѣ нѣтъ, — и тотъ видитъ, что съ горожанами, которые засѣдаютъ въ камерѣ, сладу нѣтъ, и задумываетъ нѣчто въ родѣ всеобщей подачи голосовъ, на манеръ Наполеона, которому это такъ удалось. Въ цѣломъ мірѣ массы выступаютъ впередъ, самою силою вещей. Время сословныхъ привилегій прошло безвозвратно, и опять-таки не потому, что вольнодумцы и прогрессисты трубили и трубятъ объ этомъ въ газетахъ и книгахъ, а потому, что обстоятельства такъ слагаются и все къ тому идетъ неотразимо. Религіозные люди скажутъ: таковы ужъ пути Провидѣнія; философы скажутъ—таковъ законъ исторической необходимости; политики разсуждаютъ: такова логика вещей. Но такъ или иначе, но это видимо, что въ этомъ направленіи движется вся жизнь, какъ видимо, что младенецъ ползаетъ на четвереинькахъ, а взрослый ходитъ на двухъ ногахъ. Что ни шагъ, общественная жизнь становится сложнѣй, тоньше и потому труднѣй. Говорятъ, что Государь, по поводу польской революціи, замѣтилъ: тактика революціонеровъ стала несравненно хитрѣй, адской, въ сравненіи съ прежнимъ образомъ ихъ дѣйствій. Ему можно было бы замѣтить, что все стало хитрѣй, тоньше, искуснѣй и искусственнѣй,— и правительства, и народы, и общество, и сословія, и чиновники, и наука, и юристы, и фабриканты, и попы.

Положеніе дворянства въ провинціяхъ чрезвычайно трудное. Соразмѣрно съ тѣмъ усилія его должны быть больше, больше и желаніе глубже вглядѣться въ свои интересы, нужды, права, обсудить путь, которымъ предстоитъ идти и дѣйствовать. Голоса, которые слышу кругомъ, къ сожалѣнію, не соотвѣтствуютъ важности задачи и серьезности дѣла. Пока это все варіаціи на прежнія темы, которыя безплодны и ни къ чему не ведутъ.

Чтожъ дальше, спросите Вы? Наговорилъ ты много всякой всячины, а проку изъ этого никакого! Скажи-ка мнѣ лучше, какъ уменьшить пьянство и развратъ въ народѣ, сдѣлать соль подешевле, облегчить намъ обузу земскихъ повинностей и податей, да какъ пообуздать воровство, произволъ и мотовство нашихъ и вашихъ чиновниковъ, отъ которыхъ намъ житья никакого нѣтъ? А то ты пишешь какую-то великолѣпную дичь, отъ которой, какъ отъ козла, ни шерсти, ни молока!

Я право не знаю, что Вамъ на это сказать. Прежде люди вѣрили въ революціи. Я имъ рѣшительно не вѣрю! Не вѣрю имъ и въ Европѣ, не только у насъ. Прежде люди вѣрили въ тайныя общества; и имъ я не вѣрю, какъ никогда не вѣрилъ. Вѣрили въ чудеса, въ личности, геніальныя или добродѣтельныя, и ими надѣялись обновить міръ, въ гласность и свободное обличеніе, въ конституцію наконецъ. Я и этому ничему не вѣрю. Я вѣрю непоколебимо только въ ходъ дѣлъ, въ правильное, безпристрастное, умное пониманіе положенія вещей и въ общественные нравы, которые складываются подъ вліяніемъ этихъ двухъ главныхъ дѣятелей. По моему глубокому и глубочайшему убѣжденію, ключъ къ лучшему порядку дѣлъ въ Россіи въ рукахъ провинціальнаго нашего дворянства. Какъ оно будетъ смотрѣть на вещи, какъ поведетъ себя, что будетъ дѣлать и какъ дѣлать, въ этомъ и ни въ чемъ другомъ лежитъ разгадка нашего ближайшаго будущаго. Чѣмъ дольше оно останется такимъ, каково оно теперь, — я всетаки говорю о его массѣ—такимъ же легкомысленнымъ и пустымъ, не серьезнымъ, живущимъ со дня на день,—тѣмъ дольше продолжится то, на что всѣ мыслящіе и порядочные люди въ Россіи такъ горько жалуются. Какъ только оно измѣнится къ лучшему, тотчасъ же все пойдетъ иначе. Не добродѣтели и героизма я отъ него требую, а ума и пониманія, пониманія и ума, и опять-таки ума, ума и ума, пониманія, пониманія и пониманія! А въ чемъ же этотъ умъ и пониманіе должны заключаться, спросите Вы? Вотъ въ чемъ, по моему слабому разумѣнію: учите народъ грамотѣ елико возможно, что силъ есть; богатые и достаточные, идите толпами въ земскія учрежденія не только избирателями, гласными, членами управъ, но и въ мировые посредники, и въ училищные совѣты, и въ мировые судьи, и въ приходскіе совѣты, и всюду, куда только пускаютъ служить по выборамъ; считайте общественную казну, усчитывайте приходы и расходы ея безпощадно, хоть бы пришлось уличить друга закадычнаго. Изучите законъ, хоть насколько онъ касается земства; умудритесь во всѣхъ лазейкахъ, ко-

торыя онъ даетъ, чтобъ отстаивать земскіе интересы отъ всякаго произвола, откуда бы онъ ни шелъ; изучите въ мельчайшей подробности средства и нужды и цѣлой мѣстности и каждой малѣйшей ея точки,—и въ пять лѣтъ не узнаешь Россіи! Другая жизнь въ ней начнется, другіе люди будутъ, другая администрація очутится на мѣстѣ теперешней и другіе будутъ законы. Въ земскихъ учрежденіяхъ — громадная цѣлительная сила для всѣхъ нашихъ недуговъ, а въ дворянствѣ — и именно въ провинціальномъ дворянствѣ—главный ихъ движущій нервъ, единственный источникъ обновленія Россіи. Все, что до сихъ поръ у насъ дѣлалось, было въ рукахъ правительства. Что теперь дѣлается,—этого никакое въ мірѣ правительство, будь у него семь пядей во лбу, сдѣлать не можетъ.

Создать элементы оно не властно, и мы напрасно будемъ къ нему взывать, или его проклинать,—наши мольбы и ругательства останутся равно тщетными, еслибъ оно даже и имѣло, какъ въ нынѣшнее царствованіе, самыя благія, великодушныя намѣренія.

Не примите, дорогой другъ Александръ Львовичъ, это письмо за реплику. Не подумайте, чтобъ я хотѣлъ хитрыми изворотами отыграться отъ вопроса и перебросить къ Вамъ назадъ мудреный мячикъ, которымъ Вы въ меня кинули. Пишу Вамъ отъ глубины убѣжденія, желая, подобно Вамъ, разъяснить дѣло, которое занимаетъ всѣхъ и каждаго. Прибавлю, что я упрямъ въ мелочахъ житейскихъ, но не упрямъ когда рѣчь идетъ о мнѣніяхъ, объ общихъ матеріяхъ, близкихъ каждому порядочному человѣку въ Россіи. Если я неправъ—исправьте мой взглядъ,—я отступлюсь отъ прежняго. Но теперь пока я думаю такъ, и до сихъ поръ все, что вижу и слышу, только утверждаетъ меня болѣе и болѣе въ моихъ мысляхъ.

Спб., 16 мая 1865.

(Вѣстникъ Европы, 1886, кн. IX, стр. 166—176).

ВЗГЛЯДЪ
НА
РУССКУЮ СЕЛЬСКУЮ ОБЩИНУ.

Русская сельская община, какъ всѣ предметы, до которыхъ не касалась наука, подаетъ поводъ къ безконечнымъ недоразумѣніямъ. Попробуйте о ней поспорить съ кѣмъ бы то ни было, и вы увидите, что каждый соединяетъ съ нею свое особливое понятіе. Оно и не можетъ быть иначе. Община—явленіе живое, дѣйствительное и оттого весьма сложное; она органически связана со всѣми сторонами нашей народной жизни, находится подъ ихъ вліяніемъ и сама на нихъ вліяетъ. Естественно, что каждый смотритъ на общину съ своей точки зрѣнія, подводитъ ее подъ общія свои понятія о народной жизни вообще и нашей въ особенности. А кто можетъ похвалиться, что понялъ ее вполнѣ, проникъ всѣ тайники ея въ прошедшемъ и настоящемъ, и съ увѣренностью можетъ указать хотя главныя ея направленія въ будущемъ? Оттого каждый видитъ въ русской сельской общинѣ одну какую-нибудь сторону, и потому, порицая или защищая ее, относительно правъ; неправъ же потому, что или вовсе не замѣчаетъ, или не довольно взвѣшиваетъ другія стороны того же явленія.

Первый, самый обильный источникъ недоразумѣній относительно русской сельской общины — это смѣшеніе общины административной съ поземельною. Находятъ, что община поглощаетъ индивидуальность, не даетъ почти никакого простора личности и гражданской самостоятельности членовъ общины.

и тѣмъ парализуетъ ихъ силы, существенно мѣшая вмѣстѣ съ тѣмъ развитію нравственныхъ и экономическихъ силъ всего государства. Упрекъ справедливъ, но къ кому онъ относится? Очевидно къ общинѣ административной. Подать лежитъ не на землѣ, а на душѣ; рекрутскую повинность отправляетъ не всякій за себя, а нѣсколько лицъ изъ числа тысячи ревизскихъ душъ. Всѣ повинности натуральныя, подати, сборы, самый поземельный оброкъ расчисляются по числу душъ. При такомъ личномъ характерѣ податей и повинностей, отвѣтственность за исправное отправленіе ихъ со стороны общины неизбѣжна. Государству невозможно имѣть дѣло непосредственно съ каждымъ изъ податныхъ людей въ отдѣльности, и оно поручаетъ это общинамъ, возлагаетъ на нихъ надзоръ надъ каждымъ изъ своихъ членовъ и отвѣтственность за нихъ. Для этого общины снабжены большою принудительною властью относительно каждаго изъ своихъ членовъ. Кто приписанъ по уплатѣ податей и повинностей къ общинѣ, тотъ не можетъ выйти изъ нея безъ ея согласія, не можетъ отлучаться изъ нея безъ ея позволенія; не платитъ онъ податей, община его наказываетъ, потому что за него отвѣчаетъ передъ правительствомъ; а если онъ такъ замотался, что и платить не можетъ,—община или ставитъ его въ рекруты вмѣсто исправныхъ хозяевъ, или совсѣмъ отъ него отказывается и отдаетъ его въ распоряженіе правительства. Такая круговая отвѣтственность всѣхъ за одного тяжела для первыхъ, тяжела и для послѣдняго, потому что на практикѣ стѣснительна для правыхъ, и виноватыхъ. Три четверти возраженій противъ общины направлены съ этой стороны, но относятся не ко всѣмъ сторонамъ ея, а только къ одной, административной. Честь этого различенія безспорно принадлежитъ, если не ошибаемся, „Сельскому Благоустройству", въ особенности почтенному редактору его, г. Кошелеву. Вездѣ и при всякомъ случаѣ онъ указываетъ на различіе и, отстаивая общину поземельную, постоянно напоминаетъ, что не къ ней относятся возраженія, вызываемыя противъ общины ея теперешнимъ административнымъ устройствомъ. Дѣйствительно, послѣднее зависитъ отъ общей финансовой системы, существующей у насъ съ Петра Великаго, и съ измѣненіемъ ея можетъ измѣниться административнымъ или законодательнымъ порядкомъ, не касаясь поземельнаго устройства.

Обратимся теперь къ поземельной общинѣ.

Владѣніе землею міромъ, какъ называется наша сельская община, чрезвычайно оригинально. Такъ какъ самый способъ этого владѣнія не всѣмъ одинаково извѣстенъ и тѣмъ затемняются разсужденія объ этомъ предметѣ, то я считаю необходимымъ представить его насколько самъ знаю. Тѣ, которымъ онъ больше и лучше извѣстенъ, потрудятся исправить мои ошибки и оговорить невольныя и неизбѣжныя недомолвки. По крайней мѣрѣ всякій, прочитавъ слѣдующія строки, будетъ точнымъ образомъ знать что̀ я разумѣю подъ общиннымъ владѣніемъ и на какихъ фактахъ основаны всѣ дальнѣйшіе выводы, а это первое условіе всякихъ разсужденій и споровъ.

Русская сельская община, поселена ли она на своей землѣ, или на казенной, или хоть на помѣщичьей—если только послѣдняя предоставлена въ полное ея пользованіе, какъ напримѣръ въ оброчныхъ имѣніяхъ,—даетъ каждому изъ своихъ членовъ равное участіе въ мірскихъ земляхъ и угодьяхъ. Временная отлучка, хотя и продолжительная, не лишаетъ члена общины права на такое участіе, особливо когда въ селѣ остается семья отлучившагося. На такомъ положеніи остаются членами общинъ тысячи торгующихъ по свидѣтельствамъ крестьянъ, живущихъ въ городахъ, имѣющихъ тамъ торги и промыслы: ихъ семьи остаются очень часто въ деревняхъ, и живутъ тамъ своими хозяйствами, на полномъ крестьянскомъ участкѣ. Но если крестьянинъ совсѣмъ покинетъ свое общество, перечислится въ другое, или переѣдетъ на постоянное житье въ городъ, и послѣ него никого не останется въ томъ обществѣ, то онъ лишается участія въ мірскихъ земляхъ и угодьяхъ, безъ всякаго вознагражденія: участокъ его оставляется имъ безвозмездно въ распоряженіе міра, исключая движимости, которая остается его собственностью, и принадлежавшихъ ему жилыхъ и другихъ строеній, которыя онъ можетъ вывезти съ собою, продать, уступить односельчанину, но не можетъ ни въ какомъ случаѣ ни продать или уступить постороннему, ни оставить за собою на прежнемъ своемъ участкѣ. Въ отношеніи къ государственнымъ крестьянамъ этотъ народный обычай закрѣпленъ закономъ, съ необходимою оговоркой, что избою и дру-

гими строеніями оставляющій общину крестьянинъ не можетъ распорядиться какъ полною собственностью, если они построены изъ казеннаго лѣса.

Итакъ, въ мірскихъ земляхъ и угодьяхъ имѣетъ часть только членъ мірского общества, пока остается его членомъ, т.-е, пока имѣетъ въ немъ осѣдлость; получаетъ онъ ее безвозмездно, не платя за нее ничего впередъ; онъ имѣетъ право на часть, равную со всѣми прочими членами того же общества, хотя и можетъ, если самъ захочетъ, взять меньшую часть, чѣмъ другіе. Конечно, взятіе участка, равнаго со всѣми, бываетъ обязательно тамъ, гдѣ земледѣліе не составляетъ главнаго промысла жителей, а раскладка податей и повинностей производится по землѣ; но такой случай составляетъ изъятіе изъ общаго правила, и притомъ изъятіе, вытекающее не изъ самаго общиннаго владѣнія, а изъ финансоваго характера, сообщеннаго нашимъ общинамъ законодательствомъ. Наконецъ, оставляя свое общество и перенося осѣдлость въ другое мѣсто, крестьянинъ лишается всякаго права на часть въ землѣ и угодьяхъ, и лишается безвозмездно, не въ правѣ даже оставить своего бывшаго жилья за собою, ни строеній, потому что они на мірской землѣ, въ которой у него нѣтъ болѣе части; послѣдняя поступаетъ въ распоряженіе міра; выбывающій членъ общины не можетъ по своей волѣ сдать ее другому крестьянину, посадить его вмѣсто себя, войти съ нимъ объ этомъ въ сдѣлку, потому что земляной пай не принадлежитъ ему болѣе съ тѣхъ поръ, какъ онъ пересталъ быть членомъ общества. Не знаю, встрѣчаются ли случаи, чтобы крестьянинъ, надолго отлучаясь изъ общества, но продолжая въ немъ числиться, отдалъ свой пай другому крестьянину въ наемъ на время отлучки. Быть можетъ, что такія сдѣлки и бываютъ, но онѣ противны основнымъ правиламъ мірского владѣнія, по которому всякій можетъ пользоваться своею частью, но не можетъ уступать ее другому отъ себя, по частному условію.

Какъ же пользуются члены общины мірскими землями и угодьями? Способъ пользованія весьма различенъ, смотря по землямъ и угодьямъ. Въ исключительномъ, постоянномъ пользованіи находится усадьба; лѣсъ состоитъ въ общемъ пользованіи всѣхъ членовъ общины, по мѣрѣ надобности; также и выгонъ, если по мѣстнымъ обычаямъ выгоны не прирѣзаны къ усадьбамъ; луга и сѣнокосы тоже, смотря по мѣстнымъ обычаямъ, или раздѣляются на участки ежегодно, передъ косьбой, по числу земляныхъ частей, и тогда каждый коситъ и убираетъ свой участокъ особливо на себя; или же сѣно косится и ставится въ копны всѣмъ міромъ, и затѣмъ уже дѣлится на равныя части, тоже по числу земляныхъ частей. Мнѣ не встрѣчалось видѣть, чтобы сѣнокосныя и луговыя мѣста дѣлились на постоянные участки, но очень можетъ быть, что есть въ иныхъ мѣстностяхъ и этотъ обычай. Наконецъ при повсемѣстной почти у насъ трехпольной системѣ хозяйства полевая мірская земля дѣлится на три поля; озимое, яровое и паръ. Послѣдній служитъ пастбищемъ для скота всей общины, который пасется вмѣстѣ; каждое изъ остальныхъ двухъ полей, озимое и яровое, раздѣляется или по числу душъ, или по числу тяголъ на равныя части. Эти части рѣдко отводятся къ однимъ мѣстамъ. Качество и плодородіе почвы, мѣстоположеніе пашни, на ровномъ мѣстѣ, на низкомъ или высокомъ, на косогорѣ, вблизи или вдали отъ села или деревни и т. д.,—все это принимается крестьянами въ самое внимательное соображеніе при надѣлѣ участковъ. Оттого каждое поле разбивается сначала на клины, и каждый клинъ, для безошибочной уравнительности участковъ, дѣлится на столько жеребьевъ, сколько всего слѣдуетъ быть поземельныхъ участковъ. Затѣмъ крестьяне мечутъ жребій всѣмъ міромъ, и кому въ какомъ полѣ и клину какой жребій достанется, тотъ имъ и владѣетъ. По жеребью же распредѣляются ежегодно и луговые участки, гдѣ въ обычаѣ отводить ихъ участками. При раздѣлѣ луговъ и сѣнокосовъ обращается такое же вниманіе на свойство мѣстности, качество и количество травы и т. п. Впрочемъ членамъ общины не запрещается мѣняться жеребьями, доставшимися имъ въ полѣ или сѣнокосѣ и уступать ихъ другъ другу по добровольнымъ сдѣлкамъ. Такія сдѣлки дѣйствительны на все время ихъ отвода. Итакъ, только такими угодьями, каковы лѣсъ, выгонъ, пастбище, крестьяне владѣютъ сообща, усадьбами же и полевою землею каждый изъ членовъ общины владѣетъ или пользуется про себя, отдѣльно отъ прочихъ членовъ міра. Такое отдѣльное пользованіе примѣняется мѣстами даже къ сѣнокосамъ и выгонамъ, о чемъ уже было сказано выше.

Сроки пользованія одними и тѣми же земляными паями чрезвычайно разнообразны, смотря по мѣстности, обстоятельствамъ и обычаямъ. Въ однихъ мѣстахъ передѣлъ производится ежегодно, у государственныхъ крестьянъ закономъ опредѣлено передѣлять землю не иначе, какъ съ наступленіемъ новой ревизіи: здѣсь за начало принятъ не тягловый, а душевой надѣлъ; наконецъ, есть сельскія общества, въ которыхъ поземельные участки никогда не передѣляются и остаются неизмѣнными. Подобное устройство землевладѣнія я видѣлъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и, сколько знаю, оно установлялось по настоянію владѣльцевъ, а не крестьянскаго общества, но потомъ вошло въ обычай, за который крестьяне крѣпко держатся, по причинамъ, которыя представлю ниже. Между этими тремя главными видами срочнаго и безсрочнаго общиннаго землевладѣнія есть множество оттѣнковъ: такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передѣлъ бываетъ не ежегодно и не вслѣдствіе новой ревизіи, а съ принятіемъ въ общество или выбытіемъ изъ него членовъ, и т. п.

Вотъ главнѣйшіе изъ извѣстныхъ мнѣ фактовъ общиннаго землевладѣнія.

Возраженія противъ него идутъ преимущественно отъ сельскихъ хозяевъ и экономистовъ. Разверстка поземельныхъ жеребьевъ, говорятъ они, подаетъ поводъ къ чрезмѣрной ихъ дробности, такъ что по иной полосѣ и соха съ трудомъ пройдетъ. Передѣлы земли, особливо когда они часто возобноляются, отнимаютъ у крестьянина всякую охоту унавоживать и улучшать землю, потому что она можетъ достаться другому. Правда, есть у насъ земли, которыя теперь пока не удобряются, и по качеству и по положенію своему совершенно однообразны. Въ такихъ мѣстностяхъ при отводѣ жеребьевъ нѣтъ черезполосицы, и вопросъ о томъ, гдѣ пахать въ нынѣшнемъ году, гдѣ въ будущемъ, не представляетъ никакой важности. Но это—хозяйство первобытное, младенческое, и рано или поздно оно должно уступить мѣсто улучшеннымъ способамъ земледѣлія. Положимъ, что время это не скоро наступитъ; но все же когда-нибудь оно наступитъ. Тамъ, гдѣ потребность болѣе тщательной обработки земли уже чувствуется, хорошіе хозяева-крестьяне уже тяготятся теперешнею системой разверстки и надѣла, и она остается лишь по настоянію большинства, которое частью по привычкѣ и по нелюбви къ нововведеніямъ, а частью и изъ ошибочнаго расчета, упорно держится старины. Большинству, конечно, выгодно вводить въ общій передѣлъ земли, унавоженныя хорошими хозяевами и получать частичку въ нихъ даромъ, что при жеребьевомъ надѣлѣ легко можетъ случиться и часто случается. Такимъ образомъ, лѣнивый или по крайней мѣрѣ посредственный хозяинъ получаетъ при передѣлѣ, безъ всякаго вознагражденія, часть въ землѣ удобренной, а послѣдній взамѣнъ ея — пустую землю, теряя свою хорошую. Но какой же конечный результатъ такого порядка? Хорошій хозяинъ, не имѣя понужденія трудиться и унавоживать свою полосу, не прилагаетъ къ ней рукъ и хозяйничаетъ подобно большинству, отчего крестьянское мірское хозяйство не можетъ выбиться изъ заведенной колеи и подняться надъ уровнемъ жалкой посредственности.

Что это коренное неудобство теперешняго порядка общиннаго землевладѣнія необходимо устранить, въ томъ всѣ согласны. Но какъ устранить? Здѣсь-то и расходятся мнѣнія. Одни отвергаютъ самое начало общиннаго землевладѣнія и требуютъ совершенной его отмѣны, съ разными варіаціями насчетъ того, когда и какъ этому совершиться Они считаютъ общинное землевладѣніе неисправимымъ, и требуютъ замѣны его личною наслѣдственною поземельною собственностью, которая одна, по ихъ мнѣнію, вполнѣ можетъ соотвѣтствовать предстоящей гражданской самостоятельности и правамъ крестьянскаго сословія. Другіе смотрятъ на дѣло совсѣмъ иначе. По мнѣнію ихъ, передѣлы и чрезполосицы не суть неизбѣжныя, существенныя принадлежности общиннаго землевладѣнія, и потому послѣднее, несмотря на ихъ отмѣну, легко можетъ быть сохранено. Передѣлы, черезполосицы вытекаютъ изъ теперешняго способа пользованія общинными землями, который слѣдуетъ измѣнить; но общинное землевладѣніе удержать необходимо. Мнѣніе это высказано въ этой формѣ г. Самаринымъ и потомъ неоднократно высказывалось г. Кошелевымъ, въ „Сельскомъ Благоустройствѣ". Неотъемлемая и великая заслуга этихъ писателей состоитъ безспорно въ томъ, что они ознакомили публику съ сущностью и формами общиннаго землевладѣнія, уяснили фактическую его сторону и выставили на видъ странныя и даже забав-

ныя недоразумѣнія относительно этой, столь повсемѣстной и общепринятой между нашими крестьянами, формы пользованія общественною землей.

Различеніе способа пользованія общинною землей отъ общиннаго землевладѣнія не удовлетворило многихъ. Какой можетъ оно имѣть смыслъ? Если измѣнить теперешній способъ пользованія общинною землей, чѣмъ же станетъ само общинное землевладѣніе? Должно же оно, въ той или другой формѣ, перейти въ личную собственность!

Съ этимъ мнѣніемъ я никакъ не могу согласиться. Сдѣлавъ это различіе, уступивъ передѣлъ общинныхъ земель и въ то же время крѣпко отстаивая общинное землевладѣніе, гг. Самаринъ и Кошелевъ, какъ мнѣ кажется, доказали глубокое знаніе дѣла и вѣрное прозрѣніе въ великую роль, которую, повидимому, суждено играть общинному землевладѣнію въ устройствѣ и судьбахъ нашего землевладѣльческаго сословія. Я позволю себѣ изложить здѣсь тѣ мысли, которыя сложились въ моей головѣ послѣ долгихъ размышленій о нашихъ общинахъ.

Отъ передѣловъ мірской земли, рано или поздно, придется отказаться совсѣмъ: это безспорно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, идя послѣдовательно, придется отказаться и отъ начала, изъ котораго передѣлы проистекаютъ, именно отъ надѣленія каждаго изъ членовъ общины равнымъ землянымъ паемъ; ибо при постоянныхъ, непередѣляемыхъ участкахъ и съ увеличеніемъ народонаселенія это станетъ рѣшительно невозможно.

Но и за этими важными перемѣнами общинное землевладѣніе сохранитъ еще много особенностей, одному ему свойственныхъ. Юридически оно опредѣляется слѣдующими положеніями:

1) Членъ общины не имѣетъ права собственности на отведенный ему земляной пай, а лишь право владѣнія и пользованія. Потому онъ не можетъ отчуждать его ни при жизни, ни на случай смерти; не можетъ его закладывать; дѣти и родственники не наслѣдуютъ его, по смерти крестьянина; наконецъ. отведенный обществомъ земляной пай не можетъ быть проданъ въ удовлетвореніе долговъ и взысканій, лежащихъ на владѣющемъ имъ членѣ общины, какіе бы они ни были.

2) Владѣніе и пользованіе общинною землей неразрывно связано съ постоянною осѣдлостью въ общинѣ. Владѣть и пользоваться общинною землей можетъ лишь самъ членъ общины непосредственно, или его семейство; поэтому нельзя владѣть общинными земляными паями въ одно и то же время въ нѣсколькихъ общинахъ, а можно только въ одной; нельзя владѣть въ одной и той же общинѣ двумя или болѣе паями, если есть члены общины, не надѣленные землей и желающіе получить паи на свою долю, но нѣтъ свободныхъ паевъ; нельзя сдавать, уступать, дарить и вообще отчуждать какимъ бы то ни было образомъ, при жизни или на случай смерти, владѣніе и пользованіе общиннымъ участкомъ посредствомъ частной сдѣлки, не только члену другой общины, но даже члену той самой, къ которой принадлежитъ владѣлецъ;

и 3) владѣніе и пользованіе общинною землей соединено съ отправленіемъ извѣстныхъ податей и повинностей и есть пожизненное; но если послѣ умершаго владѣльца остались малолѣтныя сироты, или взрослый сынъ, не имѣющій своего земляного пая, то они имѣютъ предпочтительно передъ всѣми прочими соискателями право удержать за собой отцовскій пай. Общинные участки отводятся безденежно, то-есть безъ требованія залога, поручительства или задатка въ обезпеченіе исправнаго отправленія податей и повинностей. По смыслу общинныхъ учрежденій, каждый воленъ, во всякое время, отказаться отъ своего участка, отбывъ соединенныя съ его владѣніемъ подати и повинности. Онъ въ правѣ распорядиться своею движимостью и строеніями какъ хочетъ, но не имѣетъ никакого права на вознагражденіе за сдѣланныя имъ въ своемъ паю хозяйственныя улучшенія. Оставляя совсѣмъ общину, онъ обязанъ свезти или продать свои строенія; но отъ усмотрѣнія общины зависитъ позволить ему жить въ ней, не владѣя землянымъ паемъ, и въ такомъ случаѣ жилое строеніе и усадьба остаются за нимъ. Наконецъ, поземельный участокъ отнимается у владѣльца, если онъ неисправно платитъ подати и повинности, и всѣ другія мѣры взысканія окажутся безуспѣшными или невозможными.

Всѣ эти положенія существуютъ въ дѣйствительности и частью держатся обычаемъ, частью перешли въ законъ. Разсматривая ихъ по одиночкѣ, можно подмѣтить сходство ихъ то съ тою, то съ другою формой землевладѣнія, выработанными римскимъ правомъ

и законодательствами новыхъ христіанскихъ народовъ; но взятыя въ совокупности, они представляютъ особливый гражданскій институтъ, не похожій на всѣ извѣстные доселѣ и всего менѣе на личную собственность. Какъ же послѣ этого не сказать, что общинное землевладѣніе можетъ сохраниться, несмотря на прекращеніе передѣловъ, устраненіе черезполосицы и отмѣну права каждаго изъ членовъ общины на равный надѣлъ землею!

Но всего любопытнѣе и поразительнѣе то, что общинное землевладѣніе, которое обыкновенно считается запоздалымъ остаткомъ варварскихъ временъ, удѣломъ безличныхъ массъ, не представляетъ, за устраненіемъ названныхъ выше несущественныхъ его принадлежностей, ни одного положенія, которое бы не подходило подъ правила любого гражданскаго права, наиболѣе благопріятствующаго личной независимости и свободѣ.

Многіе найдутъ это мнѣніе или ложнымъ, или по крайней мѣрѣ преувеличеннымъ; а между тѣмъ это истина неоспоримая.

Говорятъ: безвозмездный отводъ земляного пая есть благодѣяніе, которое не подходитъ ни подъ какія юридическія правила, и возможно лишь до тѣхъ поръ, пока есть довольно земли для такого рода благотвореній. Увеличится народонаселеніе, вздорожаетъ земля, и тогда оно по необходимости прекратится. Придется и съ этимъ распроститься, какъ съ передѣломъ участковъ и равнымъ надѣломъ землею всѣхъ членовъ общины.

Это замѣчаніе основано на очевидномъ недоразумѣніи. Нельзя называть благодѣяніемъ или благотвореніемъ отводъ земли, съ обязанностью платить за то подати и отправлять повинности. Правда, исправное отправленіе ихъ ничѣмъ не обезпечивается. Но развѣ это благотвореніе? Это кредитъ, къ развитію котораго стремятся всѣ законодательства въ мірѣ, видя въ немъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ двигателей промышленности и благосостоянія. И надобно сказать, что кредитъ, оказываемый владѣльцу общинной земли, далеко еще не такой рискованный, какіе встрѣчаются въ Европѣ, гдѣ считать умѣютъ.

Скажутъ: чѣмъ оправдать правило, что за участокъ, оставляемый членомъ общины, послѣдняя не даетъ ему никакого вознагражденія? Какая же тутъ справедливость! Крестьянинъ владѣлъ участкомъ, можетъ быть, нѣсколько поколѣній сряду, улучшилъ, удобрилъ его, положилъ въ него трудъ и капиталъ,—и все это онъ долженъ оставить даромъ, безвозмездно! Это, очевидно, отнимаетъ у него всякое поощреніе улучшать свое хозяйство и заставляетъ хозяйничать кое-какъ, спустя рукава, жить со дня на день.

Кажется, будто это дѣйствительно такъ; а взгляните поближе: на дѣлѣ оказывается совсѣмъ другое.

Всѣ знаютъ, что̀ такое договоръ объ отдачѣ земли въ содержаніе изъ выстройки: хозяинъ предоставляетъ свой участокъ другому лицу, съ условіемъ, чтобъ онъ выстроилъ на немъ такое-то строеніе; по истеченіи опредѣленнаго числа лѣтъ, участокъ возвращается въ полное распоряженіе и собственность хозяина, и вмѣстѣ съ нимъ поступаетъ въ его собственность безвозмездно и поставленное на немъ строеніе. Что̀ мы тутъ видимъ? Наниматель участка положилъ на него трудъ и капиталъ и оставляетъ ихъ, по истеченіи срока, хозяину, безъ всякаго вознагражденія. Мнѣ возразятъ: за то наниматель и не платитъ въ такомъ случаѣ хозяину наемныхъ или арендныхъ денегъ. Дѣйствительно, иногда не платитъ, но иногда платитъ, смотря по обстоятельствамъ и условію. Примѣровъ подобныхъ сдѣлокъ множество. Таковы: отдача земли по берегу рѣки, изъ выстройки мельницы, даже завода; отдача въ содержаніе фабрики, требующей капитальныхъ исправленій. Въ огромныхъ размѣрахъ тѣ же начала лежатъ въ основаніи условій правительства съ частными лицами и компаніями о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, которыя, по истеченіи извѣстнаго срока, обращаются въ собственность государства безвозмездно. Но оставимъ эти примѣры, возьмемъ отдачу въ наемъ и арендованіе земель, — формы договоровъ, имѣющихъ нѣкоторыя общія черты съ раздачею участковъ изъ общинныхъ земель. Ни въ римскомъ, ни въ германскомъ, ни во французскомъ правѣ нѣтъ правила, чтобъ арендаторъ или наниматель земли имѣлъ право на какое-нибудь вознагражденіе за произведенное имъ улучшеніе почвы и усиленіе ея производительности. (Не говорю о строеніяхъ: они и на основаніи общиннаго владѣнія считаются личною собственностью крестьянина). Кодексъ Наполеона выражается объ этомъ очень категорически (C. art. 599): „l'usufruitier ne peut, à la cessation de l'usu-

fruit, réclamer aucune indemnité pour les améliorations qu'il prétendrait avoir faites, encore que la valeur de la chose en fût augmentée". Правда, Ф. Вальтеръ въ сочиненіи своемъ: System des gemeinen deutschen Privatrechts, 1855, стр. 580, называетъ, въ числѣ прочихъ, особенную форму поземельныхъ отношеній между владѣльцами и крестьянами въ Германіи, именно временный колонатъ (Colonatrecht auf Zeit), въ силу котораго собственность на землю принадлежитъ господину, а временное пользованіе и право собственности на сдѣланныя въ ней улучшенія (Besserungen)—крестьянину. Однако изъ описанія этой формы землевладѣнія видно, что господинъ обязанъ вознаградить крестьянина, когда отказываетъ ему или его наслѣднику въ пользованіи землею. Но чтобъ онъ былъ къ тому обязанъ, когда крестьянинъ добровольно отказывается отъ участка, этого не сказано и ни изъ чего заключить нельзя. Мнѣ пожалуй укажутъ на цѣлое ученіе о Meliorationen, объ accessiones, объ impensae и expensae, то-есть объ улучшеніяхъ, сдѣланныхъ въ вещи, издержкахъ, употребленныхъ на нее или по поводу ея, за которыя хозяинъ обязанъ дать содержателю или владѣльцу вознагражденіе. Но когда существуетъ эта обязанность? Тогда лишь, когда хозяинъ возвращаетъ вещь изъ чужого владѣнія или пользованія, законнаго или незаконнаго, добросовѣстнаго или недобросовѣстнаго, особливо же когда онъ разрываетъ договоръ о пользованіи землею, что̀ въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускается; но никогда не примѣняется это правило къ случаямъ добровольнаго отказа арендатора или нанимателя отъ взятаго имъ въ содержаніе участка.

Что постановили законодательства, то подтверждаетъ и простой здравый смыслъ. Когда я спокойно владѣю или пользуюсь землею, въ качествѣ арендатора, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, я могу, соображаясь съ этимъ срокомъ, найти для себя выгоднымъ, въ теченіе первыхъ лѣтъ аренднаго содержанія, не только не получать никакого дохода отъ заарендованной земли, но даже положить въ нее трудъ и капиталъ, ибо разсчитываю въ остальные годы аренднаго срока воротить всѣ издержки и сверхъ того получить барышъ. Если посреди этой моей операціи, когда сдѣланы затраты, а выручка еще впереди, у меня вдругъ отнимутъ аренду, понятно, что мнѣ по всей справедливости слѣдуетъ вознагражденіе, потому что я улучшилъ землю, увеличилъ ея капитальную цѣнность, сдѣлалъ ее способною дать большій доходъ, въ чистый себѣ убытокъ. А если я владѣлъ землею не въ качествѣ арендатора, а въ качествѣ собственника, тѣмъ болѣе слѣдуетъ, потому что я могъ разсчитывать свои хозяйственные обороты на весьма длинный, даже на неопредѣленный срокъ. Но если я, срочный или безсрочный арендаторъ, владѣлъ своимъ участкомъ спокойно, безъ помѣхи, и самъ, по своимъ разсчетамъ, оставляю землю, дѣло представляется уже совсѣмъ въ другомъ видѣ. При вѣрномъ разсчетѣ я успѣлъ воротить всѣ мои издержки на улучшеніе земли и получилъ сверхъ того прибыль; невѣренъ былъ мой разсчетъ, никто какъ я самъ и не виноватъ въ томъ. Итакъ, хозяинъ, получая свою землю улучшенною, конечно въ выигрышѣ, но и я, если велъ умно свои дѣла, не въ проигрышѣ.

За что же вознаграждать меня? А за ошибки, промахи, неудачи никого не вознаграждаютъ. Это также общее правило. Наконецъ, заставить хозяина вознаграждать арендатора за сдѣланныя имъ улучшенія было бы во многихъ случаяхъ явною несправедливостью. Арендаторъ можетъ иногда сдѣлать такія улучшенія, что у хозяина земли и состоянія не хватитъ заплатить за нихъ. Что жъ тогда дѣлать?

Послѣ всего сказаннаго, едва ли стоитъ опровергать мысль, будто бы безвозмездное возвращеніе хозяину улучшенной арендаторомъ земли отниметъ у послѣдняго побужденіе и охоту заняться хозяйствомъ на снятомъ участкѣ какъ слѣдуетъ. Если онъ займется имъ, то ужъ конечно не въ виду вознагражденія со стороны хозяина, а въ виду тѣхъ выгодъ, которыя самъ надѣется извлечь изъ аренды при помощи сдѣланныхъ имъ улучшеній. Въ самомъ дѣлѣ, крайне слабоуменъ долженъ быть арендаторъ, который согласится лучше довольствоваться ничтожнымъ доходомъ отъ аренды, чтобы только хозяину не достались даромъ сдѣланныя имъ улучшенія. Большинство разсуждаетъ такъ: лишь бы мнѣ побольше извлечь выгодъ, а получилъ я ихъ—какое мнѣ дѣло, что другому стало отъ этого хуже или лучше?

Итакъ, правило общиннаго владѣнія, наиболѣе кажущееся несправедливымъ, оправдывается всѣми положительными законодательствами и выходитъ, на повѣрку, весьма разумнымъ.

Далѣе: нѣкоторые найдутъ можетъ быть страннымъ запрещеніе члену общины сдавать свой земляной пай кому-нибудь другому по частной сдѣлкѣ или частному распоряженію. Но запрещеніе субъ-аренды не то ли же самое? А оно очень извѣстно въ положительныхъ законодательствахъ и нисколько не считается необыкновеннымъ или чрезвычайнымъ. То же должно сказать и о томъ, что пользованіе общинными паями не наслѣдуется: вѣдь и пожизненная аренда тоже не переходитъ по наслѣдству.

Особенность общиннаго землевладѣнія дѣйствительно составляютъ: запрещеніе владѣть паями въ разныхъ общинахъ; право владѣть постоянно однимъ лишь паемъ; нераздѣльность права владѣть паемъ съ прочною осѣдлостью тамъ, гдѣ пай отведенъ; наконецъ, привилегія сиротъ и безземельнаго сына преимущественно передъ другими владѣть отцовскимъ паемъ. На первыя три условія указываютъ какъ на ограниченія въ экономическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ. Но это несправедливо. Они были бы ограниченіями, и ограниченіями весьма стѣснительными, еслибы никакой другой земли кромѣ общинной не было, и еслибы взятіе общиннаго участка было обязательно. Но когда рядомъ съ общинною землей существуетъ поземельная личная собственность, когда всякій можетъ покупать или иначе пріобрѣтать землю и располагать ею по произволу, когда, наконецъ, каждый воленъ брать или не брать поземельный пай въ общинной землѣ, какое же это ограниченіе или стѣсненіе? Это ни болѣе, ни менѣе какъ простое условіе, обязательное лишь для того, кто добровольно захочетъ владѣть общиннымъ поземельнымъ участкомъ; тотъ же, для кого это условіе покажется стѣснительнымъ, постарается устроить иначе. Очень стѣснительно домовладѣніе въ городѣ, потому что оно обставлено разными ограничительными условіями, необходимыми тамъ, гдѣ зданія тѣснятся между собою; еще болѣе стѣснительны для лица условія домашней или частной службы, начиная отъ домашнихъ секретарей и гувернеровъ и оканчивая самыми низшими служительскими должностями и чернорабочими: однако никто не называетъ ихъ несправедливыми и стѣснительными, именно потому, что отъ доброй воли каждаго зависитъ имѣть домъ въ городѣ, или не имѣть, вступить въ частную службу, или не вступать.

Разсмотрѣніе юридическихъ основаній общиннаго землевладѣнія даетъ намъ возможность глубже вникнуть въ сущность этого любопытнаго учрежденія и безпристрастно оцѣнить неизмѣримо важную роль, которую оно, по всѣмъ видимостямъ, призвано играть въ будущихъ судьбахъ Россіи. Съ измѣненіемъ дѣйствующей нынѣ административной и финансовой системы, а съ тѣмъ вмѣстѣ и гражданскихъ правъ земледѣльческихъ классовъ, съ постепеннымъ прекращеніемъ передѣловъ общинной земли и правъ каждаго члена общины на полученіе изъ нея участка наравнѣ со всѣми прочими, владѣніе и пользованіе общинными землями перейдетъ мало-по-малу въ пожизненное арендное содержаніе, которое, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ быть и наслѣдственнымъ. Но эта система арендъ будетъ имѣть свое особливое назначеніе, свой характеръ, совершенно отличный отъ арендъ частныхъ, которыя, по самому свойству личной собственности, неудержимо обращаются, рано или поздно, въ промышленныя спекуляціи. Маленькая ферма, владѣніе которой обусловлено разными исчисленными выше ограниченіями, не сподручна ни богатому капиталисту, ни предпріимчивому человѣку, ни зажиточному собственнику, ни тому, кто, не имѣя ни способностей, ни охоты къ сельскимъ промысламъ и занятіямъ, обезпечиваетъ свою жизнь и кормитъ свое семейство занятіями и промыслами городскими или какими-нибудь другими. Такую ферму возьметъ небогатый крестьянинъ, который, не мечтая о большихъ прибыткахъ, думаетъ объ завтрашнемъ лишь днѣ и радъ, когда къ концу года свелъ концы съ концами; ее возьметъ и не крестьянинъ, человѣкъ, которому некуда дѣваться, но у котораго есть семья, и онъ бы радъ трудиться, да не везетъ ему въ городѣ; ее возьметъ иной предпріимчивый и оборотливый человѣкъ изъ простонародья, который и свой капиталъ имѣлъ, да разорился на неудачной спекуляціи; у этого и надежда будетъ впереди: авось опять справлюсь, сколочу капиталецъ и опять пущу его въ оборотъ; ее возьмутъ и бѣдный сирота, и вдова съ дѣтьми, и всѣ люди, которыхъ природа не надѣлила ни особеннымъ талантомъ, ни широкимъ полетомъ, ни жаждой дѣятельности, богатствъ, пріобрѣтеній, славы, отличій,—словомъ, люди, по выраженію народа, смирные, которые составляютъ большинство въ человѣческихъ

обществахъ, работаютъ, трудятся и хотятъ имѣть свой уголъ и свой кусокъ хлѣба. Для такихъ людей подобная ферма, несмотря на ограничительныя условія, соединенныя съ владѣніемъ ею,—сущій кладъ. Чтобы получить ее, не надо никакихъ издержекъ; первое обзаведеніе потребуетъ небольшихъ средствъ, которыя легче добыть, чѣмъ, напримѣръ, на покупку земли; ферма дастъ чѣмъ заплатить арендную плату и прокормиться съ семьей, небогато, но хоть какъ-нибудь; никто не отыметъ земли, не прогонитъ съ нея, пока человѣкъ исправенъ: владѣй хоть до смерти! Жену съ дѣтьми никто не потревожитъ и послѣ смерти: если же судьба улыбнулась, завелись деньги, вышелъ какой-нибудь благопріятный случай, можно, во всякое время, и бросить ферму, купить свою землю, пойти въ торгъ, взяться за какой-нибудь промыселъ и распроститься съ арендой. Въ устройствѣ общественной экономіи и быта я не могу представить себѣ ничего раціональнѣе системы такихъ небольшихъ фермъ. Существуя о бокъ съ личною поземельною собственностью, она служитъ вѣрнымъ, единственно возможнымъ убѣжищемъ для народныхъ массъ отъ монополіи владѣльцевъ и капиталистовъ. Система мелкой, личной, поземельной собственности, въ которую многіе предлагаютъ обратить общинное землевладѣніе, не можетъ идти въ этомъ отношеніи ни въ какое сравненіе съ системой мелкихъ арендъ. Это вытекаетъ само собою изъ самаго свойства личной собственности.

Всѣ знаютъ, какое огромное развитіе промышленности и духа предпріимчивости даетъ начало личной собственности. Оно создало тѣ чудеса индустріи, которыми такъ справедливо гордится Европа и Сѣверо-Американскіе Штаты. Оно—живая сила, поддерживающая современныя образованныя общества въ вѣчномъ движеніи, толкающая ихъ безпрестанно впередъ на пути всякихъ преуспѣяній. Но давно уже, рядомъ съ этими благодѣтельными и блистательными дѣйствіями личной собственности, исторія отмѣтила и тѣневую ея сторону. Гдѣ только личная собственность господствуетъ исключительно, тамъ, рано или поздно, непремѣнно наступаетъ полная соціальная анархія и бѣдствіе народныхъ массъ, страшные общественные недуги, противъ которыхъ доселѣ оставались безсильными всѣ средства, — недуги, которые развиваются неудержимо, питаясь и поддерживаясь сами собою. Оба явленія не случайно совпадаютъ съ исключительнымъ господствомъ личной собственности и между собою, но состоятъ въ тѣснѣйшей связи. Личная собственность, исключительная по своей природѣ, стремится къ безпрерывному расширенію и увеличенію; стяжаніе есть ея лозунгъ и знамя. Такимъ образомъ, въ личной собственности лежитъ причина и источникъ столкновенія и борьбы матеріальныхъ интересовъ, которая ниспровергаетъ всѣ административныя стѣсненія и препоны и наконецъ, вырвавшись на свободу, не знаетъ границъ. Еслибы всѣ люди были равныхъ способностей, талантовъ, знаній, въ особенности еслибъ они выходили на такую борьбу равно хорошо вооруженные и не имѣли никакихъ неотложныхъ насущныхъ потребностей, конкурренція матеріальныхъ интересовъ только оживляла бы промышленное развитіе и дѣятельность, не производя общаго зла и бѣдствій; но въ томъ-то и бѣда, что бойцы не равны, средства нападенія и обороны у нихъ не одинаковы, а между тѣмъ есть матеріальныя потребности общія для всѣхъ и безъ удовлетворенія которыхъ обойтись невозможно. При такихъ условіяхъ окончательный исходъ борьбы несомнѣненъ: рано или поздно собственность сосредоточивается въ немногихъ рукахъ и даетъ имъ безграничную матеріальную власть надъ неимѣющими собственности. Мелкіе собственники не могутъ держаться и постепенно переходятъ въ работниковъ. Массы народа должны по необходимости безусловно подчиниться этому новаго рода владычеству, безпощадному, произвольному, котораго единственный законъ—личная выгода. Создается гнетъ нестерпимый и тѣмъ болѣе ненавистный, что не оправдывается никакою разумною необходимостью и требованіемъ общественнаго блага.

Такой порядокъ дѣйствуетъ гибельно на народныя массы и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ. Онѣ тупѣютъ отъ нищеты, голода, чрезмѣрнаго труда и безвыходнаго положенія; озлобленіе и отчаяніе овладѣваютъ ими. Кто можетъ примириться съ мыслью, что общежитіе существуетъ не на благо человѣка, а на бѣду его и несчастіе? И массы съ этимъ не примиряются, а привыкаютъ ненавидѣть общественныя учрежденія, подъ которыми живутъ. Все то, что составляетъ физіологическое, неизбѣжное условіе всякой обществен-

ной жизни, власть, имущественное неравенство, личная собственность, личная самостоятельность и развитіе, представляются имъ орудіями угнетенія, своекорыстными выдумками притѣснителей-собственниковъ. Открывается широкое поле для всякаго рода идеаловъ соціальнаго блаженства, которые тѣмъ краше и недѣйствительнѣе, чѣмъ ужаснѣе ежедневная жизнь. Народныя массы, глубоко оскорбленныя, жадно питаются ими и въ справедливомъ негодованіи начинаютъ требовать невозможнаго и неосуществимаго. Возникаетъ другого рода борьба — борьба массъ народныхъ съ обществомъ, страшная и разрушительная. Общество съ ужасомъ начинаетъ замѣчать внутри себя эти элементы, ежеминутно грозящіе гибелью, и не вникая сначала въ органическія причины зла, старается пособить ему косвенными мѣрами. Частная благотворительность, разумѣется, оказывается недостаточною; на чрезвычайное зло нужны и чрезвычайныя мѣры. И вотъ благотворительность организуется въ тысячахъ учрежденій. Для извлеченія массъ изъ той бездны золъ и несчастій, въ которую ввергла ихъ необузданная борьба интересовъ, расточается столько же ума, изобрѣтательности, геніальности, творятся такія же сверхъестественныя усилія, какія потребовались для приведенія низшихъ классовъ, конечно безсознательно, въ такое положеніе. Сколько самоотверженія, великодушія, человѣколюбія и высокой христіанской любви выказали и выказываютъ при этомъ общества! Это торжественная culpa mea современнаго просвѣщеннаго человѣчества, но безсильная передъ роковыми законами, лежащими въ основаніи теперешней общественности, безсильная потому, что самое начало соціальной анархіи продолжаетъ въ ней дѣйствовать и служить неизсякаемымъ источникомъ глубокихъ общественныхъ язвъ. Соціальныя теоріи, надѣющіяся возсоздать общественный миръ и равновѣсіе силъ и въ то же время сохранять исключительное господство начала личной собственности, доказываютъ только, что корень зла не понятъ; тѣ же, которые отрицаютъ вовсе это начало, осуждаютъ общества на вѣчную регламентацію, апатію и бездѣятельность. Указываютъ на ассоціацію, какъ на панацею противъ такой безурядицы. Эта мѣра хорошая, безспорно, но по самому свойству своему она не можетъ быть учрежденіемъ всеобщимъ; успѣхъ ея зависитъ отъ тысячи случайностей, въ томъ числѣ отъ собственности, капитала. Въ этомъ смыслѣ и ассоціація—мѣра палліативная, какъ благотворительныя общества и учрежденія, какъ такса въ пользу бѣдныхъ, какъ огромныя публичныя работы, и не врачуетъ болѣзни въ самомъ корнѣ.

Доискиваясь до источниковъ разнообразныхъ явленій общественной жизни, люди, въ наше время, болѣе и болѣе приходятъ къ убѣжденію, что всѣ эти явленія другъ другомъ обусловливаются, тѣсно связаны между собою и представляютъ вмѣстѣ одно органическое цѣлое, покоящееся на такомъ же равновѣсіи всѣхъ отправленій, какъ вообще всякій организмъ, какой бы онъ ни былъ. Лишь только одна изъ функцій беретъ верхъ надъ другими, начнетъ развиваться насчетъ другихъ, равновѣсіе нарушается, и общественное тѣло приходитъ въ болѣзненное состояніе. Эти общественныя болѣзни весьма разнообразны и сложны. Усиливаясь сначала незамѣтно, онѣ наконецъ, если будутъ запущены, обращаются въ хроническія, ничѣмъ неизлѣчимыя, поражаютъ весь организмъ и ускоряютъ его смерть. Мало того: каждый общественный организмъ, подобно физическому, имѣетъ свои привычки, свои предрасположенія къ той или другой болѣзни; онъ можетъ привыкнуть къ извѣстному ненормальному состоянію до того, что оно кажется нормальнымъ и здоровымъ; при помощи разныхъ палліативовъ онъ можетъ нѣкоторое время обольщать себя насчетъ своего здоровья, пока наконецъ сильнѣйшіе припадки скрытой болѣзни вдругъ не раскроютъ ему глазъ и не обнаружатъ, иногда слишкомъ поздно, опаснаго состоянія.

Соціальная анархія, то есть ничѣмъ неумѣряемая борьба частныхъ интересовъ, принадлежитъ именно къ числу тѣхъ страшныхъ разъѣдающихъ общественныхъ недуговъ, которые исподоволь, незамѣтно, разрушаютъ общественные организмы. Только уравновѣшенная другимъ началомъ, эта борьба поддерживаетъ и развиваетъ жизнь. Какое же это начало? Обыкновенно указываютъ на правильную администрацію, судъ, на палліативныя средства, о которыхъ говорено выше. Но это заблужденіе! Ни администрація, ни судъ не могутъ устоять противъ соціальной анархіи, по той простой причинѣ, что они соотвѣтствуютъ совершенно дру-

гимъ функціямъ общественной жизни. Судъ существуетъ на вора, разбойника, обидчика, убійцу; полиція въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова тоже относится къ поверхности общественныхъ явленій, когда они уже заявили себя, или грозятъ заявить въ томъ или другомъ фактѣ. Борьба капиталовъ, собственности, совершающаяся въ условіяхъ закона и безъ нарушенія общественнаго порядка, ускользаетъ и отъ суда, и отъ администраціи. Ее нельзя поймать и остановить ни въ какомъ ощутительномъ явленіи, безъ нарушенія законовъ и самой справедливости. Ей можетъ противодѣйствовать только начало, вполнѣ ей соотвѣтствующее. Одно лишь развитіе кредита убиваетъ ростовщичество, а не законы о ростѣ; обильный подвозъ хлѣба понижаетъ цѣны на него и прекращаетъ дороговизну, а не хлѣбныя таксы и не запретительныя мѣры.

Примѣнимъ все сказанное къ землевладѣнію. Земля, къ несчастію, не безгранична; количество ея опредѣлено. Предоставьте ее всю въ частную собственность, сколько бы ея ни было, и она тотчасъ же сдѣлается предметомъ своего рода ажіотажа и коммерческой конкурренціи. Ее начнутъ скупать и перепродавать съ барышомъ. Дѣломъ этимъ займутся сильные капиталисты и промышленныя компаніи; цѣна ея будетъ подыматься, и съ увеличеніемъ народонаселенія масса земледѣльцевъ, за самыми малыми исключеніями, обратятся въ батраковъ и бездомниковъ, на полной милости землехозяевъ, которые будутъ имѣть всѣ средства заставить ихъ служить себѣ и работать на самыхъ для себя выгодныхъ, а для нихъ тяжелыхъ и обидныхъ условіяхъ. Таковъ законъ соціальной анархіи и личной собственности въ примѣненіи къ землѣ; онъ дробитъ послѣднюю на мельчайшіе участки и неудержимо направляетъ ихъ въ руки немногихъ богатѣйшихъ собственниковъ, которые и ставятъ потомъ массамъ арендную и заработную плату, какую хотятъ.

Возраженія на этотъ непреложный законъ развитія соціальной анархіи, подтверждаемый всѣми наблюденіями, невольно вызываетъ улыбку.

Стоитъ ли говорить объ этомъ въ Россіи? —скажутъ вамъ: у насъ земли не оберешься! Слава Богу, есть гдѣ разселяться еще въ продолженіе тысячи лѣтъ! А въ Америкѣ, въ Азіи незаселенныхъ и способныхъ къ заселенію земель еще бездна! Колонизація, конкурренція городскихъ промысловъ, требующихъ множества рукъ, конкурренція земледѣльческихъ произведеній другихъ странъ будетъ всегда парализировать монополію землевладѣльцевъ на арендныя цѣны и опредѣленіе заработной платы.

Такими-то разсужденіями успокоиваются люди насчетъ бѣды, которая ходитъ кругомъ ихъ. Присмотритесь пристальнѣе: разрѣшаютъ ли эти соображенія вопросъ хоть сколько нибудь? Положимъ, земли у насъ теперь еще довольно; но вѣдь когда-нибудь ея будетъ мало? Дожилъ же Китай до того, что народонаселеніе переполняетъ его огромныя пространства. Сегодня, завтра, послѣ завтра, да развѣ этимъ можно рѣшить вопросъ объ органическихъ законахъ общественной жизни? Допустимъ, что и колонизація и конкурренція другихъ странъ дѣйствительно могутъ смягчить дѣйствіе зла; но вѣдь это только временно. Если конкурренція производителей всѣхъ странъ устанавливаетъ постоянныя отношенія между послѣдними и дѣлаетъ ихъ какъ бы членами одного и того же промышленнаго міра, то вѣдь и поземельные собственники всѣхъ странъ не замедлятъ замѣтить соединяющія ихъ общія личныя выгоды, на какой бы точкѣ земного шара они ни находились, какъ одинаково понимаютъ эти выгоды банкиры и большіе капиталисты. Говорить о всемогуществѣ конкурренціи къ излѣченію соціальныхъ золъ, происходящихъ отъ монополіи, значитъ не видать послѣдняго члена посылки и остановиться на одномъ изъ среднихъ. Не трудно представить себѣ, что наступитъ время, когда въ индустріальномъ и промышленномъ отношеніи весь міръ будетъ составлять одно цѣлое, управляемое одними экономическими законами. Что же? Лучше будетъ положеніе массъ отъ всемірной монополіи землевладѣнія и поможетъ противъ нея всемірная конкурренція?

Нѣтъ, не количественное, а качественное врачеваніе соціальнаго недуга можетъ положить ему конецъ; и не количественная, а качественная оцѣнка раскрываетъ его глубокій внутренній смыслъ. Личная собственность, какъ и личное начало, есть начало движенія, прогресса, развитія; но оно становится началомъ гибели и разрушенія, разъѣдаетъ общественный организмъ, когда, въ крайнихъ своихъ послѣдствіяхъ, не будетъ

умѣряемо и уравновѣшиваемо другимъ организующимъ началомъ землевладѣнія. Такое начало я вижу въ нашемъ общинномъ владѣніи, приведенномъ къ его юридическимъ началамъ и приспособленномъ къ болѣе развитой и граждански-самостоятельной личности. Существуя для народныхъ массъ, будучи устроено по ихъ нуждамъ, не представляя никакой возможности для спекуляцій и потому нисколько не будучи привлекательно для людей зажиточныхъ, богатыхъ, предпріимчивыхъ, не довольствующихся малымъ и скромнымъ существованіемъ, общинное владѣніе будетъ служить надежнымъ убѣжищемъ для людей неимущихъ отъ случайности спекуляцій, отъ монопольнаго повышенія цѣнъ на земли и пониженія цѣнъ на земледѣльческій трудъ. Въ этомъ затишьѣ будутъ выростать, посреди прочнаго семейнаго быта, живительнаго труда, подъ соломенною, но все же своею крышей, питаемыя хоть чернымъ и черствымъ, но все же какимъ-нибудь и притомъ своимъ кускомъ хлѣба, здоровыя, свободныя земледѣльческія и сельско-промышленныя поколѣнія; отсюда будутъ выдѣляться элементы, способные не потеряться въ водоворотѣ и случайностяхъ промышленной игры, уступая мѣсто тѣмъ, которые безъ такого пристанища были бы осуждены на безвыходное горе, отчаяніе и преступленія. Общинное владѣніе предназначено быть великимъ хранилищемъ народныхъ силъ, изъ котораго онѣ будутъ безпрерывно бить живою струей и въ которомъ будутъ безпрестанно обновляться для новой плодотворной дѣятельности. При существованіи такой среды, нейтрализирующей горькія и разрушительныя послѣдствія азартной промышленной борьбы, общественный организмъ останется въ нормальномъ состояніи, и то, что безъ нея ведетъ каждое общество, рано или поздно, къ соціальному перевороту и разрушенію, то при существованіи ея сдѣлается признакомъ жизни и здоровья,—тѣмъ же, что обращеніе крови и соковъ во всякомъ органическомъ тѣлѣ.

Мнѣ скажутъ: вѣдь это утопія! Но отчего же утопія?—спросилъ бы я,—когда то, что я говорю, уже существуетъ у насъ въ дѣйствительности, хотя конечно въ зародышѣ, въ неразвитомъ видѣ. Эта утопія — фактъ осязаемый, не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію. Не съ бóльшимъ ли правомъ можно считать утопіей надежду возстановить равновѣсіе общественныхъ силъ, нарушенное исключительнымъ господствомъ личной собственности, посредствомъ ассоціацій, конкурренціи, цѣлой системы общественной благотворительности, силящейся обнять всѣ неимущія и голодныя массы? Вѣдь эти способы врачеванія, сколько мнѣ извѣстно, пока еще нигдѣ и никогда не привели къ желаемому результату, не умирили вражды, не возстановили гармоніи общественныхъ силъ.

Многіе думаютъ и такъ: матеріальное обезпеченіе массъ отнимаетъ у нихъ всякое побужденіе къ дѣятельности, къ улучшенію своего быта и тѣмъ осуждаетъ ихъ надолго, если не навсегда, на безпробудный сонъ. Мы и теперь наклонны къ умственной дремотѣ; что же съ нами будетъ, когда нужда не будетъ насъ толкать къ дѣятельности? Нѣкоторые простираютъ заслуживающую конечно всякаго уваженія ревность къ возбужденію промышленной дѣятельности въ нашемъ народѣ до того, что серьезно предлагаютъ, при предстоящемъ преобразованіи быта помѣщичьихъ крестьянъ, не надѣлять ихъ вовсе землею ни въ пользованіе, ни въ собственность, и предоставить имъ входить съ землевладѣльцами въ полюбовныя сдѣлки. Это средство должно заставить нашего крестьянина стряхнуть съ себя вѣковѣчную лѣнь, встрепенуться и приняться живо и бойко за работу. Оно можетъ быть и такъ: промышленная дѣятельность закипитъ, но при этомъ кипяткѣ только часть сельскаго населенія успѣетъ кое-какъ устроиться, остальная же погибнетъ въ злой долѣ, станетъ бродяжничать, пойдетъ на разбой, переполнитъ города на укомплектованіе жалкаго городского пролетаріата, станетъ круглымъ бездомникомъ, какъ вездѣ было, гдѣ крестьянина освобождали безъ земли и осѣдлости.

Когда же, наконецъ, Боже мой, кончатся вѣчныя недоразумѣнія, мѣшающія людямъ понимать другъ друга? Всѣ мы, отъ перваго до послѣдняго, желаемъ развитія промышленной дѣятельности и неразлучнаго съ нимъ матеріальнаго благосостоянія и довольства. Но чтобы возбудить въ человѣкѣ дѣятельность, не сбивайте его съ ногъ и главное съ толку, и изъ боязни промышленнаго застоя не вгоняйте его въ промышленную бѣлую горячку, которая есть тоже источникъ дѣятельности, но истощающей, а не поддерживающей силы. Высокое промышленное развитіе, когда оно совершается правильно,

идетъ объ руку съ развитіемъ умственнымъ и нравственнымъ, рождающимъ потребности и нужды, неизвѣстныя народу въ колыбели. Въ сытомъ и физически обезпеченномъ человѣкѣ онѣ скорѣе и прочнѣе развиваются, чѣмъ въ томъ, котораго гнетутъ нужда и голодъ. Устраняйте только препятствія, искусственно замедляющія естественный ростъ народа, а остальное предоставьте лежащимъ въ немъ живымъ силамъ. Искусственные пріемы хороши какъ временныя средства противъ мѣстныхъ патологическихъ явленій, и невозможны или убійственны, когда направлены противъ всей экономіи общественнаго организма.

Гораздо серьезнѣе возраженіе такого рода: если участки въ общинномъ землевладѣніи будутъ оставаться безъ передѣла, то съ увеличеніемъ народонаселенія должно же наступить время, когда множество людей останутся безъ арендныхъ участковъ? Итакъ, общинное владѣніе только временно устранитъ зло безземельности и бездомности массъ, а потомъ оно разовьется своимъ порядкомъ, какъ и вездѣ.

Это, конечно, справедливо. Но ни я, ни кто другой, говоря объ общественной экономіи, конечно и не думалъ пріискать такія условія, которыя бы водворили рай на землѣ, безъ слѣда искоренили бы бѣдность и нищету. Какое бы ни завелось между людьми идеальное правосудіе и административный порядокъ, преступленія и проступки никогда не переведутся, процессы никогда не прекратятся, полиція и администрація никогда не останутся безъ дѣла. Весь вопросъ только въ томъ, въ какихъ отношеніяхъ, въ какой пропорціи будутъ находиться между собою нарушеніе правъ и правосудіе, безпорядки и устройство. Не въ томъ сила, чтобы каждый безъ изъятія имѣлъ свой вѣрный кусокъ хлѣба, свой кровъ, свой достатокъ, а въ томъ, чтобы бездомовье и нищета не стали общимъ правиломъ для массы народа. Въ каждомъ здоровомъ организмѣ есть во всякое время возможность болѣзней; но если нѣтъ повода, нѣтъ благопріятствующихъ обстоятельствъ, эта возможность и остается до времени возможностью; а представится случай, причина —возможность переходитъ въ дѣйствительность, появляется болѣзнь, развивающаяся послѣдовательно и правильно, по свойственнымъ ей законамъ. Бездомность, необезпеченность быта, пока она не охватила огромной массы людей, есть такое же печальное явленіе общественной жизни, какъ и многія другія, но не есть еще признакъ органическаго разстройства. Противъ нихъ разныя палліативныя мѣры имѣютъ настоящее свое употребленіе и оказываютъ дѣйствіе. Но когда въ это положеніе придутъ большія массы, или, что еще хуже, большинство народонаселенія, тогда-то опасность становится велика, и тутъ палліативы ничего не помогутъ: очевидно, общественный организмъ страждетъ, и нужны сильныя, радикальныя лекарства, успѣхъ которыхъ всегда сомнителенъ.

Я думаю, что при существованіи общиннаго землевладѣнія, разумѣется въ надлежащей пропорціи съ личною поземельною собственностью, опаснаго для общественной экономіи перевѣса людей бездомныхъ никогда быть не можетъ, какъ бы народонаселеніе ни увеличилось. Участокъ, котораго теперь едва достаточно для прокормленія четырехъ человѣкъ, съ умноженіемъ народонаселенія и необходимымъ, вслѣдствіе того, улучшеніемъ сельскаго хозяйства, будетъ кормить восемь, десять, двадцать человѣкъ. Къ средствамъ, извлекаемымъ непосредственно изъ земли, придутъ на помогу другіе промыслы, всегдашніе спутники густого сельскаго населенія и болѣе развитого общественнаго быта, а это въ свою очередь еще значительно увеличитъ число людей, осѣдлыхъ на одномъ участкѣ.

Замѣчу еще одно, весьма важное обстоятельство: если вокругъ густыхъ массъ осѣдлаго и домовитаго сельскаго народонаселенія обростутъ многочисленные слои бездомныхъ людей, въ этомъ еще нѣтъ большой бѣды. Бѣда, когда въ быту, въ привычкахъ, въ убѣжденіяхъ массы сельскаго населенія изчезнетъ понятіе о домовитости, о ничѣмъ нетревожимой осѣдлости, о прочности его ежедневной жизни. Когда масса народа глубоко пустила корни въ землю, создается крѣпкій бытъ и крѣпкіе нравы, которые сообщаются и остальному народонаселенію, каково бы оно ни было. А въ нравахъ вся сила народа; въ нихъ тотъ геній его, который на дѣлѣ исправляетъ недостатки законовъ и учрежденій и спасаетъ общество въ годины великихъ бѣдствій. Вездѣ, гдѣ сельскія массы домовиты и прочно-осѣдлы, онѣ являются самымъ охранительнымъ общественнымъ элементомъ, о который сокру-

шаются всѣ невзгоды, внѣшнія и внутреннія. Отвоевывая мало-по-малу изъ-подъ сельскаго класса почву, къ которой оно прирастаетъ по своему положенію, исключительная личная собственность поражаетъ нравы и крѣпость народную, устойчивость массъ, въ самомъ ихъ источникѣ.

Но, спросятъ меня, въ какой же именно пропорціи должны быть распредѣлены въ каждомъ общественномъ организмѣ общинное владѣніе и личная собственность? На это я не могу отвѣчать. Задача эта можетъ быть рѣшена лишь опытомъ, мудростью правительствъ и наукой, которая, сказать мимоходомъ, пока еще мало о ней заботилась. Эту задачу едва-ли и можно рѣшить одною формулой. Смотря по мѣстности, по главнымъ промысламъ и занятіямъ жителей, по національнымъ особенностямъ, она вѣроятно получитъ нѣсколько различныхъ рѣшеній: легко можетъ быть, что рѣшеніе будетъ зависѣть даже отъ степени развитія народа, отъ его историческаго возраста и степени возмужалости. А пока ничего не сдѣлано для рѣшенія этого вопроса, пока онъ даже и не поставленъ, трудно согласиться съ тѣми, которые такъ горячо настаиваютъ на продажѣ государственныхъ земель въ частныя руки, ожидая отъ этого чрезвычайной пользы для общественнаго и экономическаго развитія. Мнѣ кажется, что этимъ дѣломъ вовсе не слѣдуетъ слишкомъ спѣшить. Государственныя земли могутъ еще понадобиться подъ общинныя земли, или для промѣна на общинныя же земли, состоящія въ частной собственности. Во всякомъ случаѣ, лучше сперва осмотрѣться хорошенько!..

Велико счастіе того государства, у котораго много такихъ земель; но, разсчитывая на это богатство, не думать о будущемъ не слѣдуетъ.

Наконецъ, подъ умѣряющимъ вліяніемъ общиннаго землевладѣнія и личная поземельная собственность будетъ заселяться на условіяхъ гораздо выгоднѣйшихъ для массы, чѣмъ при исключительномъ господствѣ личной собственности; а разъ заселенная густо, она, по естественному ходу дѣлъ, получитъ значеніе общественное, какъ городъ, фабрика, заводъ, и т. п. Такимъ образомъ то, чего нельзя достигнуть никакими законодательными мѣрами, то подъ вліяніемъ общиннаго землевладѣнія устроится и введется само собою, безъ нарушенія чьихъ либо правъ и безъ всякой регламентаціи, стѣсняющей свободныя сдѣлки и бойкій размахъ промышленныхъ предпріятій.

Многіе разсуждаютъ такъ: если общинное землевладѣніе должно служить къ обезпеченію быта массъ, то средство это, при постепенномъ вздорожаніи земель, обойдется несравненно дороже, чѣмъ всѣ возможныя таксы для бѣдныхъ и общественныя благотворительныя учрежденія, вмѣстѣ взятыя. Стало быть, это просто не разсчетъ,—мѣра въ финансовомъ и экономическомъ отношеніи неправильная и убыточная.

Мнѣ кажется, что сравнивать обезпеченіе для массы земледѣльцевъ осѣдлости и пользованія землею съ общественною благотворительностью, въ какихъ бы то ни было видахъ, значитъ не понимать вопроса. Сохраненіе за сельскимъ населеніемъ возможности трудиться для себя есть мѣра общественной организаціи, которая уравновѣшиваетъ экономическія силы; всѣ же прочія формы попеченія о народѣ клонятся лишь къ ближайшему, непосредственному смягченію и отвращенію зла, уже произведеннаго социальною анархіей. Отношеніе ихъ—такое же въ общественной экономіи, какое въ медицинѣ между гигіеною и терапіей. И система мелкихъ арендъ и такса для бѣдныхъ равно имѣютъ предметомъ пользу народныхъ массъ, преимущественно бѣднѣйшіе классы; но только это одно и есть у нихъ общее: во всемъ прочемъ онѣ совершенно различны. Если оцѣнивать сравнительную ихъ выгоду по тому только, которая изъ нихъ дешевле, то идя логически, надобно признать, что выгоднѣе жить въ сырой и зловонной комнатѣ и ѣсть несвѣжую пищу, потому что лѣченіе происходящихъ оттого болѣзней (если только оно возможно!) обойдется дешевле, чѣмъ прожить всю жизнь въ сухой квартирѣ съ хорошимъ воздухомъ и питаться здоровою пищей. Подобные выводы и разсчеты свидѣтельствуютъ только о глубокомъ коренномъ извращеніи всѣхъ понятій. Общественная благотворительность отучаетъ людей стоять на своихъ ногахъ, и напротивъ пріучаетъ высматривать хлѣбъ изъ чужихъ рукъ: этимъ она унижаетъ и развращаетъ ихъ, развиваетъ въ нихъ праздность и тунеядство, а вмѣстѣ требовательность и претензіи, ничѣмъ неоправдываемыя. Новыя поколѣнія, рожденныя и воспитанныя въ такой средѣ, всасываютъ въ себя

съ молокомъ матери эту нравственную порчу. Хороши выйдутъ изъ нихъ граждане! Иныя дѣйствія имѣетъ отводъ земель въ пользованіе. Земляной участокъ—это одно лишь условіе, возможность, которая приноситъ что-нибудь тогда только, когда оплодотворяется трудомъ. Стало быть, чтобъ имъ воспользоваться, надобно непремѣнно и во что бы то ни стало трудиться. Отъ степени труда зависитъ и мѣра вознагражденія, которое можетъ рости и умножаться; это не то, что благотвореніе, которое по необходимости скудно измѣрено и опредѣлено и только утоляетъ на время голодъ. Владѣлецъ участка можетъ, трудясь усердно, поправить свои дѣла, жить въ довольствѣ, даже разбогатѣть и стать собственникомъ-капиталистомъ, потому что участокъ даетъ ему точку опоры съ чего подняться. И онъ трудится. Всѣ нравственныя его силы употребляются въ дѣло. Въ этой здоровой атмосферѣ труда, осѣдлости, семейственности, рождается и воспитывается доброе, трудолюбивое племя. Наконецъ, отводъ земляныхъ участковъ уже потому не имѣетъ ничего общаго съ благотворительностью, что послѣдняя оказывается безвозмездно и есть чистый расходъ, убытокъ, тогда какъ за арендные участки земледѣльцы вносятъ арендную плату, которая, при процвѣтаніи сельскаго хозяйства и благосостоянія массъ, съ возростаніемъ цѣнъ на произведенія и земли, можетъ быть періодически, постепенно, возвышаема, не обращаясь въ спекуляцію и аферу, разсчитанную на зависимое положеніе земледѣльческихъ классовъ, потому что правительство не торгашъ и не спекулянтъ. Повторяю: обезпеченіе землевладѣнія за сельскими массами есть мѣра соціальной экономіи и общественнаго благоустройства, а отнюдь не мѣра благотворительности. Филантропическія идилліи не имѣютъ съ нею ничего общаго. Огражденіе низшихъ слоевъ общества отъ монополіи частной собственности посредствомъ общиннаго владѣнія есть государственный институтъ, подобно администраціи, правосудію, а не чрезвычайная мѣра, вызываемая чрезвычайными обстоятельствами.

Наконецъ, мнѣ возразятъ: пользованіе общинными участками очень стѣснительно; въ нихъ нельзя учреждать субъ-арендъ, нельзя владѣть постоянно двумя арендными участками, и т. д. Возможно ли, чтобъ эти ограниченія на дѣлѣ соблюдались? Ихъ, навѣрное, будутъ обходить, владѣть нѣсколькими участками подъ чужими именами, сдавать эти участки другимъ подъ разными благовидными предлогами, такъ что въ дѣйствительности эта система не осуществится, или осуществится лишь отчасти.

Едва ли. Съ увеличеніемъ народонаселенія строгое исполненіе этой системы будетъ охраняться бдительнымъ надзоромъ самихъ заинтересованныхъ, то есть тѣхъ, которые желаютъ получить такіе участки для себя. Они тотчасъ разузнаютъ кто и какъ владѣетъ арендой и имѣетъ ли на то право, и въ своихъ собственныхъ интересахъ будутъ разоблачать нарушенія закона. Стало-быть, слишкомъ часто они повторяться не могутъ, но что все-таки они встрѣчаться будутъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Ихъ нельзя будетъ вполнѣ искоренить; нельзя вѣдь совершенно искоренить и тайной продажи контрабандныхъ и неоплаченныхъ акцизомъ товаровъ, нельзя совершенно искоренить злоупотребленій, убійствъ и другихъ преступленій,—однако таможенная, акцизная система и юстиція существуютъ же и оказываютъ свое дѣйствіе?

Таковы основанія, которыя побуждаютъ меня смотрѣть на общинное землевладѣніе какъ на одинъ изъ важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ элементовъ въ теперешнемъ и будущемъ устройствѣ земледѣльческаго класса въ Россіи.

Самые снисходительные изъ читателей найдутъ, можетъ быть, что если и принять изложенныя выше начала, то все же непонятно, что̀ они могутъ имѣть общаго съ общиннымъ и мірскимъ устройствомъ? Да и къ чему оно? Если міръ не можетъ передѣлять участковъ и раздавать ихъ по своему благоусмотрѣнію, то не проще и не вѣрнѣе ли учредить особливое казенное управленіе, которому и дать въ руководство, къ непремѣнному исполненію, правила о раздачѣ мелкихъ фермъ.

И съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Никакое казенное управленіе въ мірѣ, какъ бы оно совершенно ни было, не въ состояніи такъ безпристрастно и справедливо примѣнять систему арендныхъ участковъ къ даннымъ частнымъ случаямъ, приспособить топографическое очертаніе этихъ участковъ къ данной мѣстности, къ ближайшимъ потребностямъ и цѣлой мірской общины и

каждаго изъ ея членовъ, какъ именно та община, которая поселена на этихъ участкахъ. Она всего болѣе заинтересована въ точномъ исполненіи правилъ арендной системы, потому что большинство претендентовъ на свободные арендные участки будетъ преимущественно нарождаться изъ нея же самой и принадлежать къ ней. Сверхъ того особое казенное управленіе стоило бы государству большихъ издержекъ, тогда какъ главныя его обязанности, распредѣленіе участковъ и сборъ съ фермеровъ арендныхъ платежей, могутъ производиться, какъ и теперь производятся, мірскими обществами безъ всякихъ издержекъ со стороны правительства. Поэтому нельзя не отдать преимущества управленію арендными участками посредствомъ общинъ надъ управленіемъ ихъ посредствомъ коронныхъ чиновниковъ. А случатся претензіи, недоразумѣнія и злоупотребленія, то ихъ разберетъ судъ, обыкновеннымъ порядкомъ.

Въ Европѣ, гдѣ земледѣльческіе классы освобождены отъ землевладѣльцевъ съ стольскими пожертвованіями, съ пролитіемъ крови, исключительное господство личной собственности водворяетъ мало-по-малу ихъ зависимость. Вотъ многознаменательныя объ этомъ слова того же Ф. Вальтера. Я нарочно выписываю ихъ буквально.

Nachdem durch die neuere und neueste Gesetzgebung in Preussen der gutsherrliche bäuerliche Verband aufgelöst, die Mittelzustände erblicher Nutzungsverhältnisse in das volle Eigenthum des Bauern umgewandelt, die bisherigen Leistungen zwar als Reallasten beibehalten, deren Ablösung aber angebahnt und durch die Rentenbanken erleichtert ist: so wird es, wenn dieses vollständig ausgeführt sein wird, nur noch eine doppelte Klasse von Bauerngütern geben: Güter, die im unbelasteten Eigenthum des Bauern stehen, und gewöhnliche Pachtgüter. Es fällt dadurch das Bauernrecht unter das gemeine Recht. Dasselbe ist der Gang und die Richtung der Gesetzgebung auch in andern Ländern. Ob die dadurch für den Bauern bezweckten Vortheile, bei fortgesetzten Theilungen des Bodens, bei der daraus entstehenden Verarmung, und bei der Leichtigkeit hypothekarischer Anleihen sich auf die Länge werden halten können, ist sehr zweifelhaft Wahrscheinlich wird, bei der zunehmenden Macht des Geldes das Grundeigenthum immer mehr an die Reichen fallen, und, wie das Beispiel von Oberitalien in der Nähe der Städte zeigt, die Nachkommen sich glücklich schätzen, als Pächter auf der Scholle zu sitzen, welche ihre Vorfahren als Eigenthümer gebaut haben. Es werden sich zwischen dem Herrn und dem Pächter, der die Aufkündigung fürchtet, thatsächlich neue Bande der Abhängigkeit bilden; allein ohne den Geist des Wohlwollens und der gegenseitigen Zuneigung, der ehemals diese Institutionen belebte und dem Herrn nicht blos Rechte gab, sondern auch Pflichten auferlegte. Es wird vielleicht dem Boden durch die stärker angespannte Kraft des Pächters ein grösserer Ertrag abgewonnen werden; allein dieser Gewinn wird nicht, wie sonst bei den unveränderlich festgesetzten Leistungen, seinem Fleisse zu Gute kommen, da der Herr den Pachtzins des gebesserten Gutes nach Ablauf der Pachtzeit steigern kann. Es wird vielleicht die Gesetzgebung diesem wucherlichen Geiste eine Schranke entgegenzustellen suchen. Allein mit der dadurch nöthig werdenden Beschränkung der Freiheit des Herrn muss billiger Weise die Beschränkung der Freiheit des Pächters Hand in Hand gehen, und so können doch wieder in irgend einer Form organisirte persönliche Abhängigkeitsverhältnisse, wie das Colonat des sinkenden römischen Reiches, geschaffen werden müssen. Falsch ist, dass man dem Princip der unbedingten Theilbarkeit des Bodens das Erbpachtverhältniss und ähnliche Mittelzustände zum Opfer gebracht hat. Diese Formen waren wohlthätig, weil sie die Erhaltung des Hofes schützten, und dem Bauern billige Bedingungen, Sicherheit der Existenz für sich und seine Kinder, und dadurch den Antrieb zum Fleisse und zur Besserung der Cultur gewährten. Die Folgen der verkehrten Richtung wurden auch bereits in dem reissenden Verfall des Bauernstandes, in der Kläglichkeit seiner Existenz und in dem Anwachs des ländlichen Proletariates sichtbar. Hin und wieder denkt man auch schon mit der Theilbarkeit einzulenken. Will man erbliche Nutzungsverhältnisse festhalten oder herstellen, so wird es zur Vereinfachung am gerathensten sein, alle Formen der Art durch die Gesetzgebung in der Erbpacht oder Emphyteuse nach ihrem ächten Sinne zu verschmelzen und die Theorie vom getheilten Eigenthum über Bord zu werfen (стр. 587 и 588).

Въ выноскѣ къ этому мѣсту, Вальтеръ приводитъ слова Нибура въ томъ же смыслѣ: Mit ganz untadelhaften Absichten und wirklich in der Meinung, dem Bauer wohl zu thun, richtet man den ganzen Bauernstand zu Grunde durch die ihm gegebene Berechtigung zu verkaufen, zu zerstückeln und zu verpfänden: und so geht es in allen Dingen. Die allerplattesten Meinungen sind allgemein herrschend geworden; und mögen Ministerien oder Stände darüber zu entscheiden haben, so bekommt man dieselben Resultate. Die Leute thun es nicht aus Bösem: aber alle deutsche Staaten, die nicht ganz stationär sind, gehen nach dem Ausdruck eines ausgezeichneten Mannes, mit ihrer Gesetzgebung dahin, unsere Nation dahin zu bringen, wo die Italiener sind: in den Städten Pfuscher und Krämer, auf dem Lande zeitpachtendes oder tagelöhnendes Lumpengesindel (тамъ же).

Всѣ эти бѣдствія отстраняются просто, естественно, сохраненіемъ общиннаго нашего землевладѣнія, съ тѣми лишь необходимыми коррективами, на которые указываетъ мѣстами самый опытъ, самая жизнь. Можно ли послѣ этого сочувствовать тѣмъ, даже умѣреннымъ противникамъ общиннаго землевладѣнія, которые, не рекомендуя насильственныхъ мѣръ для его отмѣны, не безъ удовольствія ожидаютъ того времени, когда оно постепенно и естественно перейдетъ въ частную собственность. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Исторія, народные инстинкты и разныя благопріятныя обстоятельства сохранили, къ счастью, это учрежденіе до той минуты, когда Россія изъ полупатріархальнаго быта переходитъ въ бытъ гражданскій, промышленный и коммерческій. Дорожите, какъ зѣницею ока, этимъ неразвитымъ еще, но драгоцѣннѣйшимъ залогомъ правильной соціальной организаціи. Беритесь за него съ крайнею осторожностью и не спѣшите преобразовать, пока не изучите всѣ его стороны, не вникнете глубоко въ его сокровенный смыслъ. Если гдѣ мѣстами смыслъ народный ослабѣлъ и не дорожитъ болѣе этою своею святыней и вѣрнымъ оплотомъ противъ будущихъ бѣдъ, поддержите его, закрѣпите закономъ, на вѣчныя времена. Мало-по-малу оно перейдетъ въ личную, пожизненную поземельную аренду, но храни насъ Боже, чтобъ оно перешло въ личную собственность.

(Атеней, 1859 г., кн. 2).

ПРОЕКТЪ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ.

Недавно появилась на русскомъ языкѣ книга Яна Миттельштедта, познанскаго поляка, вышедшая сперва на польскомъ языкѣ, а на русскій переведенная въ нынѣшнемъ (1875) году подъ заглавіемъ: „Новыя экономическія начала общественнаго строя".

Какъ всѣ познанскіе поляки, г. Миттельштедтъ ненавидитъ нѣмцевъ, предсказываетъ —и не онъ первый—кровавое столкновеніе между нѣмецкимъ и славянскимъ племенами въ лицѣ германской имперіи и Россіи, единственнаго теперь представителя политически-самостоятельнаго славянскаго элемента. Спѣши развиться, образоваться, разбогатѣть, спѣши стать нравственно и матеріально сильной, иначе врагъ сотретъ тебя съ лица земли въ предстоящей борьбѣ, какъ онъ вычеркнулъ изъ списка живыхъ народовъ столько славянскихъ племенъ,—вотъ основная тема, которая проходитъ красной ниткой черезъ всю книгу. Самая книга есть лишь программа того, что надо дѣлать, чтобы приготовиться къ предстоящей борьбѣ.

Я принялся за чтеніе этой книги съ большимъ интересомъ и любопытствомъ. Но, признаюсь, она далеко не удовлетворила моихъ ожиданій. Авторъ говоритъ обо всемъ на свѣтѣ, но къ сожалѣнію далеко не подготовленъ ни къ правильной постановкѣ, ни къ рѣшенію сложныхъ и трудныхъ задачъ, за ко-

торыя взялся. Намѣренія его—самыя почтенныя; но ихъ еще мало, чтобъ совладать съ такимъ предметомъ.

Книга г. Миттельштедта раздѣляется на двѣ части. Въ первой изслѣдуется, съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, поземельное устройство; во второй излагаются новыя основанія политической экономіи. Какъ ни далеки, повидимому, эти чисто научные вопросы отъ задушевной темы автора, но подъ его перомъ они приводятся съ нею, какъ увидимъ ниже, въ непосредственную, тѣснѣйшую связь.

Главная мысль, развиваемая г. Миттельштедтомъ въ части, посвященной поземельному устройству, заключается въ томъ, что есть извѣстные, наименьшій и наибольшій, размѣры поземельнаго владѣнія, при которыхъ земледѣльческое устройство приноситъ болѣе или менѣе значительный доходъ. Участки меньше наименьшаго размѣра не даютъ ничего, только кормятъ владѣльца, а имѣнія, превышающія извѣстный высшій размѣръ, даютъ сравнительно меньшій доходъ, и по мѣрѣ возростанія размѣра имѣнія, доходъ все понижается. И такъ, заключаетъ авторъ, самыя выгодныя, въ смыслѣ народнаго хозяйства, имѣнія суть тѣ, которыя своими размѣрами колеблются между наименьшимъ и наибольшимъ предѣлами доходности. А такъ какъ въ этихъ предѣлахъ поземельныя владѣнія даютъ тѣмъ большій доходъ, чѣмъ они больше, то для народнаго хозяйства всего выгоднѣе, когда поземельныя имѣнія ближе подходятъ къ нормальной величинѣ, дающей наибольшіе доходы. При такомъ поземельномъ устройствѣ, все пространство, посвященное земледѣлію, приноситъ наибольшіе доходы, и страна получаетъ средства, нужныя для развитія образованія и необходимыхъ для обороны военныхъ силъ. Вторая часть проводитъ ту мысль, что матеріальныя богатства страны развиваетъ не одинъ матеріальный трудъ, не одни вещественные капиталы, а просвѣщеніе и нравственность, которыя создаютъ цѣнности и матеріальное богатство.

Обѣ темы, какъ видитъ читатель, интересны въ высокой степени. Г. Миттельштедтъ заявляетъ во многихъ мѣстахъ своей книги, что онъ открылъ законъ поземельнаго устройства, столько же непреложный и неотразимый, какъ законы природы. Еслибъ это дѣйствительно было такъ, то книга его произвела бы цѣлый переворотъ въ вопросѣ о землевладѣніи и, рано или поздно, измѣнила бы кореннымъ образомъ бытъ земледѣльческаго населенія. Въ особенности для Россіи и другихъ по преимуществу земледѣльческихъ странъ такое открытіе имѣло-бы неисчислимыя послѣдствія. Что касается до указаній на умственные и нравственные факторы, какъ на условія производства вещественныхъ богатствъ, то хотя тема эта и не нова, но въ виду недвусмысленныхъ и безцеремонныхъ поползновеній г. Леонарда и ему подобныхъ, на основаніи и подъ предлогомъ законовъ промышленнаго развитія, обратить работающіе классы въ илотовъ, попытка рѣзче оттѣнить и научно опредѣлить значеніе въ народной производительности умственныхъ и нравственныхъ элементовъ, забываемыхъ къ сожалѣнію слишкомъ часто, была бы именно теперь какъ разъ кстати и могла бы имѣть счастливыя послѣдствія. Воздыханіе по крѣпостномъ правѣ еще не совсѣмъ у насъ прекратилось; но какъ совѣстно признаться, что намъ жаль отмѣненныхъ даровой работы, а также вотчинной полиціи и помѣщичьей расправы, которыми она обезпечивалась и закрѣплялась, то мы въ новѣйшее время, согласно съ духомъ эпохи, роемся въ книгахъ, вооружаемся выводами науки, ссылаемся на исторію, на потребности государственныя, политическія, экономическія и финансовыя, чтобы замаскировать настоящую свою цѣль и заслѣпить глаза недальновиднымъ людямъ. Въ такую-то минуту правильная научная постановка экономическаго вопроса, въ связи съ другими сторонами народной жизни, была бы сущимъ кладомъ и принесла бы несомнѣнную, громадную пользу.

Но въ книгѣ г. Миттельштедта я не нашелъ того, чего ожидалъ и искалъ. Трудъ его, несмотря на громкое заглавіе, не подвигаетъ научное разрѣшеніе поставленныхъ имъ вопросовъ ни на одинъ шагъ впередъ, а недоразумѣнія, которыя онъ вызываетъ, такъ велики и такъ многочисленны, что ихъ и не пересчитаешь въ короткой журнальной статьѣ.

Начну по порядку съ его изслѣдованій агрономическаго закона. Всякій законъ, научно обслѣдованный, какъ извѣстно, сводится къ алгебраической формулѣ, которая всегда оказывается правильной, какія-бы въ нее ни были вставлены числовыя данныя. Перемѣна этихъ данныхъ не измѣняетъ формулы, а

только даетъ въ выводѣ искомую для извѣстнаго случая величину, выраженную цифрами. Такая формула, по всѣмъ вѣроятіямъ, существуетъ и для доходности земледѣльческихъ имѣній и участковъ. Я по крайней мѣрѣ могу себѣ представить ученаго, который, принявъ въ соображеніе всѣ элементы, входящіе въ хозяйство для произведенія чистаго дохода, изъ безчисленнаго множества фактовъ и наблюденій выведетъ законъ взаимныхъ отношеній всѣхъ факторовъ хозяйства. Очень можетъ быть, что одна формула и не обойметъ всѣхъ случаевъ, что для этого понадобятся десятки, сотни формулъ, но все-же вывести ихъ, кажется, возможно, а объ ихъ пользѣ и говорить нечего.

Что же дѣлаетъ г. Миттельштедтъ? Онъ беретъ имѣніе данной мѣстности въ 300 дес., съ опредѣленнымъ количествомъ чернозема и глинистой почвы, дѣлаетъ для этого имѣнія подробные сельско-хозяйственные разсчеты на основаніи мѣстныхъ цѣнъ и по мѣстной урожайности, и выдаетъ свои выводы за законъ, столько же непреложный, какъ законы химіи и физики. Я сошлюсь на всѣхъ, — неужели это научный выводъ? Въ лучшемъ случаѣ онъ годенъ только для той мѣстности, о которой пишетъ г. Миттельштедтъ, да и то только на то время, когда онъ писалъ, потому что неурожай, способы сбыта, желѣзная дорога, новая подать или повинность, могутъ разомъ опрокинуть и данныя и выводы вверхъ дномъ. Между тѣмъ, основываясь на разсчетахъ по одному, дѣйствительному или воображаемому имѣнію, авторъ смѣло высказываетъ слѣдующія общія положенія:

Фольварки не должны быть меньше 150 и больше 450 десятинъ съ хорошей почвой (стр. 116).

Слишкомъ обширныя хозяйства также вредны для страны, какъ и слишкомъ малыя (тамъ-же).

На каждыя 15 дес. необходимо затратить 1,800 р., чтобы фольваркъ приносилъ доходъ (стр. 117).

Доходъ съ одного 15-тидесятиннаго участка составляетъ 95 руб., а съ того-же 15-тидесятиннаго участка, въ составѣ фольварка въ 300 дес., — 405 р.; цѣна такого участка одного—1,900 руб., а въ составѣ фольварка—8,106 р.; цѣна всѣхъ 300 дес., разбитыхъ на 15-тидесятинные участки,—38,000 р., а тѣхъ же 300 дес. въ составѣ цѣлаго фольварка—162,120 р. Значитъ если раздробить фольваркъ въ 300 дес. на 15-тидесятинные участки, то цѣна имѣнія уменьшается на 124,120 р. (стр. 114 и 115).

При участкѣ въ $7^1/_2$ дес. доходъ равенъ нулю, а при меньшихъ участкахъ не только не будетъ чистаго дохода, но участокъ не будетъ въ состояніи прокормить своего работника, и ему придется пополнить свои средства займомъ или кражею (почему же не заработкомъ?) (стр. 117).

Вооружившись такими-то выводами, сдѣланными, повторяю, изъ наблюденій по одному имѣнію въ Царствѣ Польскомъ, на границѣ герцогства Познанскаго, г. Миттельштедтъ рекомендуетъ Россіи поспѣшить распредѣлить всю свою территорію, способную къ земледѣлію, на имѣнія, заключающія въ себѣ отъ 150 до 450 дес., а маленькимъ участкамъ помочь какъ можно скорѣе уничтожиться. Средство для этого самое простое: „нужно дать полнѣйшую свободу конкурренціи, и эти хозяйства исчезнутъ сами собою; въ мѣстахъ, гдѣ не возникнетъ и не окажется выгоднымъ огородничество, они будутъ поглощены фольварками. Какъ только въ Пруссіи было разрѣшено отчужденіе крестьянскихъ участковъ, половина мелкихъ хозяйствъ исчезла, да и другія продержатся недолго“ (стр. 117).

Далѣе авторъ входитъ въ нѣкоторыя подробности относительно поземельнаго устройства Россіи и будущности ея мелкихъ землевладѣльцевъ. Съ его точки зрѣнія, крестьянское общинное землевладѣніе, разумѣется, никуда не годится. „Необходимо оставить общественную собственность, и раздѣлъ по участкамъ замѣнить фольварочнымъ устройствомъ; а общіе собственники, работая на правахъ рабочихъ, могутъ дѣлить сообща чистый доходъ, кромѣ вознагражденія за трудъ“ (стр. 127). „Такое хозяйство, принадлежащее сельскому обществу, можетъ управляться человѣкомъ съ высшею интеллигенціею, можетъ извлекать выгоды изъ машинъ, овцеводства, невозможнаго на маленькихъ участкахъ, изъ раздѣленія труда, и къ нему легко можетъ быть присоединена техническая промышленность, увеличивающая доходность и помогающая культурѣ. Такъ какъ двадцать пять семействъ вполнѣ достаточны для обработки такого хозяйства, то остальное населеніе, потребляющее и ничего не производящее въ настоящее время,

могло бы найти выгодное помѣщеніе для своего труда на фабрикахъ и заводахъ и обогатить себя и страну“ (стр. 200 и 201).

Какъ же однако произвести такую реформу? На это г. Миттельштедтъ, не задумываясь, отвѣчаетъ: „Одно селеніе, преобразованное въ фольваркъ съ общимъ владѣніемъ и общею эксплуатаціею земли, всѣмъ открыло бы глаза“ (стр. 201 и 202). „На государствѣ лежитъ обязанность смотрѣть за тѣмъ, чтобы не пропадали даромъ ни силы природы, которыя должны обогащать государство, ни силы человѣческаго труда — этотъ главный дѣятель народнаго богатства. Начало laissez faire здѣсь оказывается нелѣпымъ и вреднымъ. Начало, что каждый самъ наилучше понимаетъ свою цѣль и правительство не должно вмѣшиваться въ его дѣйствіе,—очень вредно, хотя часто его считаютъ не лишеннымъ основанія. Правительство имѣетъ и должно имѣть способныхъ людей, которые лучше самихъ владѣльцевъ понимаютъ частные интересы, которые могутъ лучше оцѣнить, чѣмъ общественное мнѣніе“ (стр. 204).

И такъ, г. Миттельштедтъ желаетъ провести свою реформу землевладѣнія мѣрами административными, разрушить существующія селенія, выгнать ненужную для фольфарковаго хозяйства часть жителей на фабрики, въ города, и поставить во главѣ общинныхъ фольфарковъ людей „съ высшей интеллигенціей“. Чтобъ убѣдить читателей въ выгодѣ предполагаемой имъ системы, чтобъ возвысить въ глазахъ каждаго выгоды фольварочнаго хозяйства на участкахъ 450 дес. и уронить въ мнѣніи всѣхъ хозяйство на маленькихъ участкахъ въ $7^1/_2$ д., авторъ не жалѣетъ красокъ. Такъ, въ разсчетахъ фольварочнаго хозяйства онъ вездѣ полагаетъ 10-ти часовую работу человѣка въ $22^1/_2$ к.; между тѣмъ изъ разсчета, помѣщеннаго на стр. 181, видно, что въ эти $22^1/_2$ коп. входитъ все, кромѣ платы за трудъ. Значитъ, такой разсчетъ годенъ только для общинныхъ фольварочныхъ хозяйствъ, а никакъ не для фольфарковъ, принадлежащихъ въ личную собственность, ибо я не имѣю никакого основанія предполагать, что г. Миттельштедтъ желаетъ возстановленія крѣпостного права. Въ другомъ мѣстѣ, о хозяйствѣ на участкахъ въ $7^1/_2$ дес., авторъ предполагаетъ, что каждый владѣлецъ такого участка непремѣнно кормитъ свой скотъ лѣтомъ ночными потравами по сосѣднимъ фольваркамъ (стр. 111). Надобно быть фанатикомъ своей мысли, чтобъ возвести горькую иронію надъ маленькими землевладѣльцами въ цифру разсчета.

Послѣ сказаннаго нечего удивляться, что авторъ и слышать не хочетъ возраженій. Ему замѣчаютъ, что „факты говорятъ иначе, что въ настоящее время крестьянинъ, имѣющій 15 десятинъ—баринъ; что послѣ уничтоженія барщины крестьяне разбогатѣли, а на фольваркахъ дѣла плохи, и что незачѣмъ пускаться въ длинные и подробные разсчеты, въ виду столь отраднаго явленія, какъ видимый экономическій прогрессъ страны“. „Тѣмъ не менѣе, отвѣчаетъ г. Миттельштедтъ, мелкія хозяйства нисколько не доходны, а крестьяне, не имѣя возможности получить образованія и работать умственно, не живутъ, а прозябаютъ по прежнему: въ послѣднемъ не видно прогресса. Мы, продолжаетъ онъ, вовсе не апостолы барщины, обусловливавшей небрежную и дурную работу и заставлявшей бѣдныхъ крестьянъ воровать вслѣдствіе бѣдности. Но мы должны согласиться, что если крестьяне не могутъ приносить пользы умственною работою, то они должны работать физически, чтобы не ѣсть хлѣба даромъ, иначе это разоритъ страну; это будетъ тоже, что безполезное отопленіе милліоновъ недѣйствующихъ паровыхъ машинъ. Барщина была зло, но теперь стало хуже“ (стр. 115).

Главный недостатокъ г. Миттельштедта, не во гнѣвъ ему будь сказано, тотъ, что онъ не умѣетъ серьезно думать. Отъ этого въ его взглядахъ несообразностямъ нѣтъ конца. Ему бы хотѣлось и приготовить насъ поскорѣе къ борьбѣ съ нѣмцами, и видѣть у славянъ высокое умственное развитіе, и содѣйствовать славянскому племени осуществить новую идею, къ чему они призваны во всемірной исторіи. Но предполагаемыя имъ мѣры ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, ни съ третьимъ не клеятся, напротивъ—идутъ съ этими различными задачами въ разрѣзъ, такъ что невнимательный и предубѣжденный читатель легко можетъ, совершенно незаслуженно, заподозрить г. Миттельштедта въ томъ, что онъ великодушными мечтами только маскируетъ весьма узкіе и своекорыстные виды одного класса населенія, клонящіеся ко вреду крестьянства.

Основная идея г. Миттельштедта придать славянскому племени, въ лицѣ Россіи, такую несокрушимую матеріальную силу, о которую разбился бы въ дребезги натискъ нѣмецкой

орды, вооруженной всѣми неисчерпаемыми средствами современной науки и цивилизаціи. Прекрасно. Но пока его аграрная система будетъ проведена, пока мы соберемъ милліарды милліардовъ, потребные на водвореніе предлагаемой имъ фольварочной системы хозяйства (по 1,800 рублей на каждыя 15 дес., легко сказать!), пока выкажутся всѣ, обѣщанные авторомъ, благодатные плоды аграрной реформы — богатство, развитіе интеллигенціи и нравственности, должно пройти по крайней мѣрѣ столѣтіе. Неужели г. Миттельштедтъ воображаетъ, что нѣмцы будутъ до тѣхъ поръ ждать, сложа руки? Я считаю ихъ гораздо умнѣе. Германская имперія или скоро лопнетъ, какъ пузырь, отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ, или нѣмцы ринутся на славянъ и Россію, прежде чѣмъ мы успѣемъ провести у себя аграрное преобразованіе, предлагаемое г. Миттельштедтомъ, — разумѣется, если мы когда нибудь на это рѣшимся. Признаюсь, я по крайней мѣрѣ никакъ не могу въ аргументаціи автора связать концы съ концами. Для меня ясно, когда говорятъ, что для обороны отъ нападенія гунновъ XIX столѣтія надо напрягать всѣ военныя силы, но я совсѣмъ не понимаю, какимъ образомъ въ такое время можно начинать страшную внутреннюю ломку, при которой государство не можетъ быть сильно и развить всѣ свои боевыя средства. Значитъ, поземельную реформу надо отложить, пока новая буря не пронесется и политическое небо снова не прояснится. Но въ такомъ случаѣ какое отношеніе можетъ имѣть грозящая намъ отъ нѣмцевъ бѣда къ поземельному переустройству Россіи?

Далѣе. Допустимъ, что обобщенный цыфирный разсчетъ по одному имѣнію въ Царствѣ Польскомъ дѣйствительно есть непреложный законъ агрономіи. Спрашивается: какое же правительство, съ здравымъ смысломъ, рѣшится провести его, не говорю—въ цѣломъ государствѣ, а въ какой-нибудь десятой части наималѣйшаго уѣзда? Для этого надо, презрѣвъ право собственности маленькихъ владѣльцевъ, которое самъ г. Миттельштедтъ называетъ святымъ, выгнать большую часть жителей изъ селъ и такимъ образомъ изъ мирныхъ, хотя и непріятныхъ травителей чужихъ фольварковъ, обратить по нуждѣ въ грабителей и разбойниковъ на большихъ дорогахъ. Совершивъ такое по-истинѣ вандальское дѣло, правительство должно еще озаботиться добыть для остающихся 25-ти семействъ на каждыхъ 450 десятинахъ по 1,800 р. на каждыя 15 дес., да вдобавокъ пріискать людей „съ высшей интеллигенціей", чиновниковъ на жалованьи, которые бы вели прозябающихъ нынѣ умственно крестьянъ по пути сельско-хозяйственной цивилизаціи и прогресса. Еслибы кто-нибудь рѣшился предложить что-нибудь подобное для кантона Ури, его бы забросали грязью, какъ коммуниста, коммуналиста, яраго демократа, для которыхъ г. Миттельштедтъ такъ щедръ на самые сильные эпитеты; а предложить такую небылицу въ лицахъ для Россіи считается возможнымъ. Почему это? Конечно потому, что на нее привыкли смотрѣть какъ на такой матеріалъ, изъ котораго можно лѣпить все, что угодно, что не предполагается даже о кантонѣ Ури.

Я понимаю возможность лелѣять въ душѣ какой угодно политическій или соціальный идеалъ, желать всѣмъ сердцемъ осуществленія и всячески этому содѣйствовать, но отказываюсь понять, какъ можетъ придти просвѣщенному человѣку въ голову предлагать насильственныя мѣры, хотя бы для осуществленія райскаго счастія на землѣ. Помогайте росту идей, которымъ вы сочувствуете, вносите вашу лепту въ общую работу мысли и зрѣющихъ преобразованій, но ради всего на свѣтѣ отучитесь же наконецъ отъ дикой привычки благодѣтельствовать кому бы то ни было помимо его самого, или вопреки его желанію. Вы думаете такъ, а я, и многіе другіе, думаемъ совсѣмъ иначе; вы, можетъ быть, совершенно правы, а мы не правы. Дайте же намъ время вдуматься въ наши планы и убѣдиться въ ихъ справедливости. Тогда мы, безъ всякаго насилія, послѣдуемъ вашему указанію. Но вы, во имя цивилизаціи и прогресса, прибѣгаете къ пріемамъ Атиллы. Сегодня вы рекомендуете одну насильственную мѣру, завтра другой порекомендуетъ другую, и переворотамъ конца не будетъ. Какое же развитіе общества при этомъ возможно?

Такое же вопіющее противорѣчіе между намѣреніемъ и дѣломъ бросается въ глаза при сравненіи того, что думаетъ г. Миттельштедтъ, съ тѣмъ, что онъ рекомендуетъ. Во второй части своей книги онъ горячо доказываетъ, что умственная развитость и нравственныя начала создаютъ богатства, что трудъ и капиталъ только ближайшія орудія, органы

производства, которые частью создаются знаніемъ и нравственными элементами и во всякомъ случаѣ ими направляются къ производству. Тотъ, кто такъ думаетъ, не можетъ не понимать, что при такой постановкѣ дѣла, производство матеріальныхъ богатствъ не должно уже играть первую и главную роль, что задачею должно стать равномѣрное, гармоническое развитіе всѣхъ сторонъ общественной жизни. Между тѣмъ, рекомендуемая г. Миттельштедтомъ аграрная реформа, или правильнѣе—цѣлая соціальная революція мотивируется желаніемъ довести производство земледѣльческихъ богатствъ до высшей степени развитія, чего бы это ни стоило государству или народу въ другихъ отношеніяхъ. Какъ согласить это противорѣчіе?

Если бы рѣчь шла только о пользѣ существованія въ странѣ фольварковъ или хуторовъ, объемовъ въ 150—450 десятинъ, едва ли бы кто сталъ противъ этого спорить. Но г. Миттельштедтъ, какъ читатель видитъ, стремится къ уничтоженію маленькихъ хозяйствъ въ $7^1/_2$ десятинъ и ниже (за исключеніемъ огородничествъ), потому что они не приносятъ никакого дохода и достаточны только для прокормленія семьи. Другими словами, онъ ведетъ рѣчь ни больше, ни меньше какъ объ истребленіи маленькой крестьянской собственности, созданной въ нынѣшнее царствованіе въ Россіи и Царствѣ Польскомъ, и о замѣнѣ ея средними помѣщичьими хозяйствами, или крестьянскими на манеръ помѣщичьихъ, съ казенными управителями, состоящими на жалованьи у крестьянъ-собственниковъ, соединенныхъ въ артели. О послѣдней формѣ земледѣльческой эксплуатаціи трудно судить, потому что она существуетъ лишь на бумагѣ, а не въ дѣйствительности. Если крестьяне до нея додумаются, почему ей и не быть? Дѣло, можетъ быть, доброе, только трудно предположить, чтобъ они обратились къ ней добровольно; а какъ результатъ правительственныхъ мѣропріятій, такая форма хозяйства невозможна. И потому я обращаюсь къ фольварочной системѣ, какая существуетъ теперь въ дѣйствительности. Положимъ, что она несравненно выгоднѣе мелкаго землевладѣнія. Но если доходы отъ земли и скотоводства не составляютъ единственной цѣли общежитія, а есть у него, кромѣ того, и многія другія цѣли, то экономическій вредъ отъ затраты, хотя бы и непроизводительной, происходящій вслѣдствіе мелкой крестьянской поземельной собственности, не есть еще достаточный мотивъ ея уничтоженія. Человѣческія общества, какъ и отдѣльныя лица, дѣлаютъ многое множество расходовъ, непроизводительныхъ въ экономическомъ смыслѣ, а между тѣмъ, для разныхъ цѣлей общежитія и для индивидуальной жизни не только полезныхъ, но и совершенно необходимыхъ. Чтобы правильнымъ образомъ поставить вопросъ, рѣшаемый г. Миттельштедтомъ безапелляціонно и крайне непослѣдовательно противъ мелкаго поземельнаго владѣнія, слѣдовало бы напередъ разрѣшить другой вопросъ, до сихъ поръ едва затронутый, но въ то же время очень важный, — а именно: въ какихъ отношеніяхъ находится организованное человѣческое общество, составляющее политическую и общественную единицу, не только въ экономической производительности — земледѣлію, промышленности всякаго рода и торговлѣ, — но и ко всѣмъ другимъ сторонамъ и явленіямъ общественной и политической жизни, — праву, внѣшней политикѣ, высшимъ классамъ, высшему образованію. Ни производство матеріальныхъ богатствъ, являющееся въ наше время какимъ-то Молохомъ, которому мы готовы приносить всевозможныя, даже человѣческія жертвы, ни другія стороны общественной жизни не должны быть развиваемы исключительно на счетъ другихъ. Ни одна изъ нихъ не существуетъ сама для себя, а лишь для всесторонняго, гармоническаго развитія человѣка въ общежитіи, которое, въ свою очередь, есть тоже лишь средство для возможно полнаго, правильнаго, всесторонняго развитія каждаго изъ людей, входящихъ въ составъ общества. Обращаясь къ производству богатствъ, которое насъ теперь занимаетъ, мы скажемъ, что человѣкъ производитъ для того, чтобы жить, а не для того существуетъ, чтобы производить. Теорія же г. Миттельштедта возводитъ средство въ цѣль, а самую цѣль отбрасываетъ вовсе. Народъ, который станетъ усиливать производительность на счетъ другихъ сторонъ человѣческаго существованія, разовьется въ нѣчто уродливое; общественный его организмъ будетъ потрясенъ и ослабленъ въ самомъ основаніи.

Съ этой точки зрѣнія взглядъ г. Миттельштедта на мелкое крестьянское землевладѣніе въ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ представляется мнѣ непонятнымъ ослѣпленіемъ. Цѣлые милліоны, десятки милліоновъ людей

кормятся теперь на своихъ маленькихъ участкахъ и живутъ со дня на день, имѣя кой какіе достатки, платятъ довольно тяжелыя подати и позволяютъ себѣ, отъ времени до времени, кой-какія удовольствія, соотвѣтственныя ихъ скромной долѣ. Г. Миттельштедтъ говоритъ имъ: въ производствѣ народнаго богатства вы, милліоны людей,—отрицательныя величины, и потому наука, общество, государство не могутъ васъ терпѣть. Треть или половина изъ васъ можете заниматься земледѣліемъ, какъ вамъ будетъ указано умными людьми; а остальныя двѣ трети или половина—маршъ рабочими на фабрики, батраками на фольварки,—куда хотите, гдѣ трудъ вашъ будетъ производителенъ въ народномъ смыслѣ. Съ подобною же рѣчью, но съ нѣсколько инымъ заключеніемъ, я попросилъ бы г. Миттельштедта обратиться и къ другому, тоже многочисленному разряду людей—къ старикамъ и старухамъ, выжившимъ изъ памяти, къ неизлечимо-больнымъ, не способнымъ ни къ какой работѣ, къ сумасшедшимъ и идіотамъ. Вы,—долженъ имъ сказать г. Миттельштедтъ для послѣдовательнаго проведенія своей мысли,—люди ни къ чему неспособные и въ народномъ смыслѣ не только не производительные, но требующіе содержанія отъ общества и государства, за которое ихъ ничѣмъ не вознаграждаете. Вы даже еще болѣе отрицательныя величины, чѣмъ владѣльцы 7½ десятинныхъ участковъ, потому что даже и кормиться сами не можете. И потому я васъ присуждаю къ истребленію, чтобъ избавить общество отъ совершенно непроизводительныхъ расходовъ. Ставъ на точку зрѣнія автора, можно договориться и до такихъ нелѣпостей; стоитъ только вмѣсто человѣка и его потребностей поставить цѣлью какую-нибудь одну сторону общественной или политической жизни и начать развивать ее на счетъ другихъ. Послушаешь г. Миттельштедта, рѣчь его дышетъ благорасположеніемъ къ людямъ; а выходитъ на дѣлѣ истребленіе маленькой поземельной собственности и изгнаніе милліоновъ людей и семействъ изъ селъ на фабрики и въ города. Но вѣдь за такія мѣропріятія древній Римъ поплатился своею государственною крѣпостью, а новыя европейскія общества обзавелись рабочимъ вопросомъ, который не даетъ покоя ни правительствамъ, ни владѣющимъ классамъ.

Послѣдній аргументъ г. Миттельштедта въ пользу своей агрономической теоріи есть счастіе славянскаго племени, которому она, по мнѣнію автора, должна принести силу, величіе, побѣду надъ нѣмцами, совершеніе великихъ историческихъ судебъ, разрѣшеніе экономическаго и рабочаго вопроса и вообще всяческія благополучія. Г. Миттельштедтъ, какъ всѣ мыслящіе поляки, горячій патріотъ, съ сильнымъ панславистическимъ оттѣнкомъ. Но и съ этой стороны я нахожу предложенія автора несостоятельными. Они идутъ въ разрѣзъ съ характеромъ и условіями существованія славянскихъ народовъ и Россіи и съ тѣми задачами, которыя стоятъ на очереди въ ходѣ всемірной исторіи. Европейцы весьма недружелюбно смотрятъ на славянъ, и мы, въ свою очередь, какъ ни тянемся за ними, тоже чувствуемъ и понимаемъ, что имѣемъ съ ними очень мало общаго. Что же значатъ тѣ надежды и почти увѣренность, которыя питаетъ польская, чешская и значительная часть русской интеллигенціи, что славянскому племени предстоитъ большая будущность и важная роль въ развитіи и судьбахъ человѣческаго рода? Есть ли это пустая и праздная фантазія, которой мы утѣшаемъ себя, чтобы забыть дѣйствительное и несомнѣнное превосходство надъ нами европейцевъ во всѣхъ отношеніяхъ, котораго не можемъ не понимать, или эти чаянія выражаютъ собою смутное сознаніе какихъ-нибудь задатковъ, которые, развившись, могутъ со временемъ передать въ руки славянскихъ народовъ гегемонію въ человѣческомъ родѣ? Вотъ вопросъ, котораго г. Миттельштедтъ не касается, который вообще какъ-то обходится, но за который давно бы пора приняться. Исторія не есть калейдоскопъ, въ которомъ случайно перевертываются стеклышки, образуя собою причудливыя фигуры. Она есть непрерывающійся, преемственный рядъ попытокъ разрѣшить вопросы, изначала занимающіе родъ человѣческій и становящіеся, по мѣрѣ большей опытности, болѣе и болѣе сложными, серьезными и значительными. Какъ бы ни было многочисленно и даровито славянское племя, но оно въ исторіи не можетъ и не будетъ играть никакой роли, если въ условіяхъ его существованія не окажется задатковъ, изъ которыхъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, разовьется новая, болѣе удачная постановка и рѣшеніе вопросовъ, которые выведены на очередь въ историческомъ ходѣ человѣческаго рода. Мало

ли народовъ и государствъ прошли, не оставя по себѣ слѣда? Одна привязанность къ своей средѣ, или одни безпримѣрныя страданія не даютъ еще права на историческое значеніе; оно опредѣляется только тѣмъ вкладомъ, какой кто вноситъ въ общій трудъ, въ общее дѣло исторіи.

Мнѣ кажется, что такіе задатки у насъ есть, что мы несемъ съ собою особую отъ европейской общественную формацію, которая, развившись, представитъ новое, болѣе правильное и удачное разрѣшеніе стоящихъ на очереди соціальныхъ вопросовъ. Въ этомъ смыслѣ я вполнѣ раздѣляю надежды и чаянія г. Миттельштедта. Но его аграрная теорія показываетъ, что онъ никогда не вдумывался въ коренное различіе между условіями общественнаго быта европейцевъ и славянъ, и еслибъ ему удалось осуществить свою теорію, то славянскіе народы утратили бы навсегда одну изъ самыхъ характеристическихъ своихъ особенностей и окончательно обратились бы въ плохихъ подражателей европейцевъ, безъ надежды когда либо сравняться съ своими геніальными учителями. Вотъ новое, вопіющее противорѣчіе, въ которое впалъ г. Миттельштедтъ, окончательно запутавшійся въ своихъ воззрѣніяхъ, потому только, что не прослѣдилъ ихъ въ связи до конца. Я и не ставлю ему этого въ вину. Западные славяне, вслѣдствіе своей исторической судьбы, утратили въ значительной степени существенныя особенности славянскаго общественнаго строя и подпали подъ общественную формулу, выработанную Европой. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что авторъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что теорія его есть чисто европейская, а вовсе не славянская. Но поднявши славянскій вопросъ и рекомендуя свою теорію Россіи, ему слѣдовало бы поближе познакомиться съ послѣдней, пристальнѣе вглядѣться въ ея особенности и поразмыслить о томъ, отчего эта младшая отрасль славянскаго племени, единственное теперь самостоятельное славянское государство, такъ много разнится отъ старшихъ вѣтвей того же племени?

Я постараюсь, съ своей точки зрѣнія, пополнить этотъ пробѣлъ и показать, почему аграрная теорія г. Миттельштедта къ намъ вовсе не идетъ и вовсе не есть славянская, а европейская.

Еще Аристотель высказалъ мысль, вполнѣ вѣрную и въ наше время, что политическія формы каждаго государства опредѣляются его составными общественными элементами. Но не однѣ политическія формы, а весь общественный и политическій бытъ народовъ опредѣляется преобладающими въ немъ общественными элементами, какъ химическія свойства тѣлъ — ихъ составными частями. Всѣ организованныя человѣческія общества, на какой-бы ступени развитія они ни находились, имѣютъ всѣмъ имъ общія и во всѣхъ неизмѣнно повторяющіяся какъ бы физіологическія черты и принадлежности — высшіе и низшіе классы, верховную власть, судъ, администрацію, войско, культъ и т. д. Но они, въ различныхъ обществахъ, являются въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ и имѣютъ совершенно различное значеніе, смотря по тому, изъ какихъ элементовъ сложился общественный бытъ, а также въ какой мѣрѣ и степени эти элементы участвовали въ организаціи государства и которые изъ нихъ оказались наиболѣе вліятельными. Въ теократіяхъ, городахъ, разросшихся въ государства, въ государствахъ, образовавшихся чрезъ завоеваніе по феодальному началу, однѣ и тѣ же принадлежности организованной общественности принимаютъ до того разнообразныя формы, что съ перваго взгляда кажется, будто онѣ не имѣютъ между собою ничего общаго.

Въ Европѣ общественныя формы развились изъ феодализма и городового начала, унаслѣдованнаго, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, отъ греко-римскаго міра. Послѣднее, т.-е. городовое начало, болѣе и болѣе брало верхъ въ Европѣ, по мѣрѣ того, какъ феодальный принципъ падалъ и разрушался, и наконецъ сдѣлалось преобладающимъ въ цѣломъ европейскомъ бытѣ. Съ выходомъ изъ среднихъ вѣковъ, городовой элементъ опредѣлилъ взгляды, бытъ, нравы европейцевъ. Даже въ Англіи, всего дольше остававшейся вѣрною феодальной старинѣ, городовой элементъ мало-по-малу тоже усилился и выступилъ на первый планъ. Европейскіе радикалы, ратуя за права народныхъ массъ, называютъ четвертымъ сословіемъ низшіе неимущіе городскіе классы рабочихъ и пролетаріевъ. Въ ихъ глазахъ народъ и неимущій рабочій—однозначительны. Сельскій же элементъ остался стушеваннымъ, безъ значенія, подведенъ подъ городской типъ и уложился въ немъ. Въ немногихъ мѣстахъ, наприм.

въ Швейцаріи, въ Саксонскомъ королевствѣ и бывшемъ Ганноверскомъ, сельскій элементъ сохранился до нѣкоторой степени съ своимъ самостоятельнымъ характеромъ и не растворился въ городскомъ. Во Франціи затертость крестьянства выступаетъ особенно ярко. Вся французская исторія, со времени великой революціи, вертится на городскихъ классахъ. О сельчанахъ вспомнили только въ самое послѣднее время, послѣ несчастнаго исхода войны съ Германіей, когда оказалось, что забытое и заброшенное французское крестьянство равнодушно смотрѣло на успѣхи нѣмцевъ и на неудачи французскихъ войскъ.

Законъ общественнаго развитія въ странахъ, гдѣ крестьянство не существуетъ въ качествѣ общественнаго элемента и городское населеніе представляетъ собою народъ, вполнѣ выясненъ исторіей древнихъ и новыхъ европейскихъ народовъ. Въ такихъ странахъ центрами движенія и развитія становятся города; городскіе классы толкаютъ впередъ и высшія сословія, и правительства, и указываютъ путь. Начинается движеніе съ городского патриціата, но силою вещей, мало-по-малу, оно переходитъ въ руки низшаго неимущаго городского населенія—рабочихъ и пролетаріевъ. По мѣрѣ того, какъ рабочій классъ выдвигается впередъ, въ обществѣ выростаетъ сила, которая становится во враждебное отношеніе къ капиталу и владѣющимъ классамъ Обратить этотъ неимущій классъ въ имущій и владѣющій нѣтъ никакой возможности, а между тѣмъ жизнь въ большихъ центрахъ населенія, посреди образованности, довольства и роскоши, развиваетъ и поддерживаетъ въ немъ требованія, привычки и вкусы, которымъ удовлетворять онъ не можетъ. Отсюда — недовольство положеніемъ, которое переходитъ во вражду къ имущимъ, владѣющимъ и образованнымъ классамъ. Послѣдніе вслѣдствіе того, силою вещей, становятся въ оборонительное положеніе. Таковы неизбѣжныя послѣдствія подавленія крестьянства. Вмѣсто совокупнаго дѣйствія всѣхъ силъ, умѣряющихъ и уравновѣшивающихъ одна другую, появляется разладъ и антагонизмъ, подъ вліяніемъ которыхъ постепенно меркнутъ и угасаютъ естественное доброжелательство и благорасположеніе между людьми, участіе къ судьбѣ ближняго, незлобивое отношеніе между слоями общества, различно надѣленными житейскими благами и дарами образованія. Посреди такой вражды, взгляды съуживаются, мысль, искусство и самая наука о человѣкѣ и обществѣ теряютъ высоту полета, становятся сухи, черствы, пропитываются острой отравой, к торая парализуетъ ихъ силу и широту размаха. Постепенно падая, человѣкъ сначала скорбитъ объ этомъ, а потомъ примиряется съ своей судьбой и быстрыми шагами, не озираясь, идетъ къ своему ничтожеству и безсилію.

Все это пережили и испытали на себѣ и древній міръ и новая Европа. И здѣсь, и тамъ, городъ, городской элементъ, опредѣлили, въ концѣ концовъ, строй общественной и политической жизни, и послѣдствія этого, здѣсь и тамъ, поразительно сходны между собою. Не даромъ Гротъ поясняетъ политическое развитіе древней Греціи примѣрами изъ средневѣковой и новой политической исторіи; не даромъ Моммзенъ и Наполеонъ третій возстановляютъ исторію послѣднихъ временъ римской республики при помощи эпохи французскаго цезаризма. Съ этой стороны исторія современныхъ европейскихъ народовъ есть продолженіе, дальнѣйшее развитіе и ближайшее разъясненіе греко-римскаго міра, новое примѣненіе при другихъ обстоятельствахъ принципа преобладанія города надъ селомъ. Та же общественная формула не могла не дать, въ окончательномъ выводѣ, однихъ и тѣхъ же результатовъ.

Западные славяне усвоили себѣ европейскую формулу общественнаго развитія, съ тою впрочемъ весьма существенною разницею, что городской элементъ, играющій такую первенствующую роль въ Европѣ и представляющій тамъ народъ и народныя массы, вовсе не имѣлъ у нихъ самостоятельнаго значенія, сложился изъ иностранцевъ и евреевъ, не имѣющихъ связи съ страной и славянскимъ населеніемъ. За отсутствіемъ городского элемента, единственнымъ дѣйствующимъ элементомъ съ общественнымъ значеніемъ являются тамъ высшій классъ поземельныхъ владѣльцевъ и образованные слои, пополняющіеся изъ самыхъ разнородныхъ разрядовъ общества. При такихъ условіяхъ, понятіе о народѣ здѣсь должно было совершенно утратиться.

Совершенно иное представляетъ Россія. Въ ней мы встрѣчаемъ ту замѣчательную и безпримѣрную въ исторіи особенность, что ни владѣльческій, ни городской элементы не получили первенствующаго значенія, и кре-

стьянство не было разрушено или окончательно оттерто. Вслѣдствіе того, когда формація русскаго государственнаго тѣла завершилась, сельскій элементъ занялъ хотя и низшее, но самостоятельное мѣсто между другими общественными элементами, не былъ ими затертъ и стушеванъ. Этотъ фактъ, до сихъ поръ недостаточно еще оцѣненный нами самими, придалъ всему нашему общественному быту совершенно иной складъ и характеръ, чѣмъ въ Европѣ и западно-славянскихъ земляхъ, и ему-то, мнѣ кажется, суждено имѣть громадное значеніе въ будущихъ нашихъ судьбахъ и въ дальнѣйшемъ развитіи общественности. Россію въ насмѣшку зовутъ мужицкимъ царствомъ. Мы можемъ принять это прозвище какъ обозначеніе совершенно новаго общественнаго строя, которому повидимому предстоитъ видная будущность и которымъ можетъ быть дѣйствительно разрѣшатся нѣкоторые изъ труднѣйшихъ и запутаннѣйшихъ соціальныхъ вопросовъ. До освобожденія крестьянъ съ землею въ имперіи, до надѣленія поземельною собственностью крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ еще можно было сомнѣваться, какой оборотъ приметъ русская жизнь и русская исторія. Теперь дальнѣйшій ходъ опредѣлился со всевозможною ясностью.

Присутствіе въ нашемъ общественномъ составѣ многочисленнаго владѣющаго крестьянства и отсутствіе преобладающаго городского элемента вноситъ въ нашу жизнь и наши воззрѣнія совершенно иныя условія, неизвѣстныя въ Европѣ. Тамъ, какъ мы видѣли, подъ народомъ разумѣется неимущій городской рабочій классъ и пролетаріи; у насъ— осѣдлые, владѣющіе крестьяне. По основнымъ физіологическимъ свойствамъ крестьянства, одинаковымъ въ цѣломъ мірѣ, этотъ фактъ имѣетъ, безспорно, свои большія неудобства, но зато и нѣкоторыя, ничѣмъ не замѣнимыя выгоды. Владѣющіе крестьяне вездѣ являются, въ противоположность горожанамъ, самымъ коснымъ, неподвижнымъ, рутиннымъ общественнымъ элементомъ, упорно привязаннымъ къ старинѣ и заведенному порядку. Въ странѣ, гдѣ ихъ много и гдѣ они не оттерты отъ всего, охранительные и прогрессивные элементы общества распредѣляются совершенно иначе, чѣмъ тамъ, гдѣ первенствующую роль играютъ горожане. При преобладаніи городского элемента, движеніе, какъ мы видѣли, идетъ изъ городовъ; напротивъ, при большомъ перевѣсѣ сельскаго населенія охранительное начало представляется низшими слоями общества. Стоитъ прислушаться къ разсказамъ швейцарцевъ, чтобы вполнѣ въ этомъ убѣдиться. Крестьяне нетолько представляютъ собою охранительное начало, они подозрительно и недовѣрчиво относятся вообще ко всякому нововведенію, какъ бы оно ни было необходимо, потому только, что оно несогласно съ обычаями отцовъ и дѣдовъ. Оттого въ крестьянскихъ массахъ поступательное движеніе совершается чрезвычайно медленно и измѣряется вѣками. Подвижность, готовность къ принятію новизны и усовершенствованій представляютъ, при такихъ условіяхъ, высшіе слои общества, до которыхъ коснулось образованіе. Въ этой средѣ чуткость къ лучшему, способность быстро промѣнять старое на болѣе привлекательное новое, бываютъ особенно сильны тамъ, гдѣ такое расположеніе, весьма естественное въ человѣкѣ болѣе просвѣщенномъ, болѣе знающемъ, видавшемъ и бываломъ, не смущается никакими опасеніями за свою будущность, достояніе и вліятельное положеніе, а такія условія за ними вполнѣ обезпечены въ странѣ, гдѣ низшіе классы представляются не горожанами, а крестьянствомъ. Такимъ образомъ зачинателями и носителями движенія впередъ преобразованій являются въ такомъ обществѣ высшіе, образованные слои. Они ведутъ государство впередъ, въ нихъ сосредоточивается знаніе, культура, наука, искусство и вся умственная жизнь общества. Такъ у насъ всегда было, есть и будетъ, пока, какъ доселѣ, крестьянство сохранитъ свое самостоятельное значеніе въ общественномъ организмѣ. Г. Фадѣевъ и думающіе съ нимъ одинаково выказываютъ дѣтское незнаніе элементарныхъ условій общественной жизни, приравнивая сельскія массы къ подвижному городскому населенію рабочихъ и пролетаріевъ. Владѣющее компактное крестьянство, какое существуетъ въ одной Россіи, по самому характеру этого элемента, придаетъ государственному тѣлу такую устойчивость, какой не въ состояніи дать ему всѣ образованные высшіе классы, вмѣстѣ взятые. Мы оттого, между прочимъ, развиваемся такъ медленно, что съ гирей въ 60 милліоновъ крестьянъ на ногахъ образованнымъ и прогрессивнымъ элементамъ русскаго общества приходится, волей-неволей, умѣрить свой

ходъ. Вслѣдствіе такого общественнаго строя, наша исторія не имѣетъ яркихъ и блестящихъ красокъ, составляющихъ прелесть европейской исторіи; индивидуальному развитію и выработкѣ нѣтъ у насъ необходимаго простора. Какою-то давящей сухостью, черствостью и утомительной прозаичностью запечатлѣны всѣ великія событія русской исторіи, даже тѣ, которыми совершалось перерожденіе русской земли и обозначался переходъ ея изъ одной эпохи въ другую. Изъ нашего прошедшаго и настоящаго можно лишь съ великими усиліями и натяжками выхватить кой-гдѣ драматическій или трагическій мотивъ, да и тотъ больше въ самомъ положеніи, чѣмъ въ сознаніи дѣйствующихъ лицъ. Дѣльность, толковость фактовъ и соображеній, нерѣдко поражающихъ своею обдуманностью, кажется порой безотрадной и убійственной,—такъ мало они оставляютъ мѣста свободной игрѣ поэтическихъ сторонъ жизни, менѣе разсудительныхъ, но болѣе привлекательныхъ, на которыхъ отдыхаешь отъ строгаго и суроваго хода трудовой жизни. Всѣ эти черты—стиль и фактура крестьянства: адская выносливость, прозаическая толковитость, которая никогда не покидаетъ крестьянина, что̀ бы ни стряслось надъ его головой. Зато почитайте русскія лѣтописи, донесенія иностранныхъ резидентовъ при нашемъ дворѣ. Иногда духъ захватываетъ: такъ и кажется, вотъ-вотъ разсыплется русская земля, не вынесетъ она бремени, которое на нее навалилось; а мы все перенесли, все перетерпѣли, изъ самыхъ отчаянныхъ положеній выкарабкались, сохранили въ цѣлости свое государственное и народное существованіе и медленно, но шагъ за шагомъ, подвигаемся впередъ.

Большая природная подвижность, впечатлительность и юркость славянскаго племени нашли себѣ въ Россіи страшный противовѣсъ въ сильномъ развитіи крестьянскаго элемента.

Я впрочемъ нисколько не намѣренъ взвѣшивать и оцѣнивать, хорошо или худо, что мы таковы. Объ этомъ каждый конечно судитъ по своему. Мнѣ дорогъ фактъ, каковъ онъ есть, и его вѣроятныя причины и послѣдствія. Такого факта, какъ общественный строй и составъ многомилліоннаго государства и народа, измѣнить невозможно во имя какой бы-то ни было, хотя бы самой глубоко обдуманной теоріи. Мы не можемъ измѣнить темперамента даже одного человѣка, а о составныхъ элементахъ цѣлаго народа и говорить нечего. Но г. Миттельштедтъ рекомендуетъ намъ именно такую безплодную и невыполнимую задачу—упразднить маленькое землевладѣніе, т.-е. крестьянство, и завести у себя вмѣсто него средній владѣльческій классъ, который уже существуетъ у насъ и безъ того, но съ нынѣшняго царствованія въ правильномъ сочетаніи съ крестьянскимъ. Такое коренное преобразованіе не только невозможно, но, по изложеннымъ выше соображеніямъ, вовсе не желательно. Россія, съ ея десятками милліоновъ владѣющихъ крестьянъ, представляетъ новую экономическую и общественную формулу, нигдѣ и никогда еще небывалую, самую приличную и подходящую къ земледѣльческому народу, какимъ были всегда по преимуществу славяне. Мѣнять эту, счастливо выпавшую на нашу долю, новую постановку вопроса о рабочихъ классахъ на какую-нибудь другую, а тѣмъ болѣе на химеру, выведенную изъ разсчета по одному имѣнію въ Царствѣ Польскомъ, намъ нѣтъ никакой надобности. Для примѣненія же фольварковаго хозяйства, рекомендуемаго г. Миттельштедтомъ, есть въ Россіи, помимо маленькихъ крестьянскихъ владѣній, весьма обширное и благодарное поле въ нашихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Если они одни будутъ приведены въ порядокъ, если хоть на нихъ однихъ введется сперва правильная культура, то Россія сдѣлаетъ огромный шагъ впередъ и быстро разовьетъ свои экономическія силы. Крестьяне уже теперь, во многихъ мѣстахъ, чувствуютъ недостатки трехпольнаго хозяйства. Отъ частыхъ неурожаевъ и жалкаго дохода отъ землепашества на истощенныхъ пашняхъ они начинаютъ и сами приходить въ раздумье и далеко уже не такъ твердо какъ прежде вѣрятъ въ непогрѣшимость заведенныхъ ихъ отцами и дѣдами сельско-хозяйственныхъ порядковъ. При такомъ положеніи вещей хорошо устроенныя помѣщичьи хозяйства не замедлили бы оказать самое благотворное вліяніе на земледѣліе крестьянъ, и въ этомъ смыслѣ бывшему помѣщичьему элементу, какъ мнѣ кажется, могла бы предстоять въ Россіи огромная будущность. По силѣ вещей элементъ этотъ долженъ переродиться. Собственные интересы заставятъ владѣльцевъ помѣщичьихъ имѣній поставить свои деревенскія хозяйства на новую ногу

и приспособиться къ новому положенію посреди свободнаго крестьянскаго населенія. Помѣщичьи хозяйства средней величины должны, рано или поздно, сдѣлаться, въ рукахъ теперешнихъ владѣльцевъ и ихъ потомковъ, или послѣ перехода ихъ къ новымъ серьезнымъ хозяевамъ, разсадниками новыхъ, лучшихъ сельско-хозяйственныхъ пріемовъ и добрыхъ нравовъ между крестьянами. Этимъ путемъ станетъ понемногу подниматься уровень культуры нашихъ сельскихъ классовъ и экономическій бытъ страны безъ всякихъ крутыхъ переломовъ и насильственныхъ мѣръ. Каждый сколько-нибудь порядочный и толковый хозяинъ и теперь уже знаетъ по опыту, что правильныя, справедливыя и нравственныя отношенія къ работникамъ и крестьянамъ составляютъ одно изъ необходимыхъ условій благоустроеннаго деревенскаго хозяйства. Къ этому убѣжденію, волей неволей, придутъ всѣ, если не изъ сердечныхъ побужденій, то изъ разсчета, и тогда получитъ широкое примѣненіе весьма справедливая мысль г. Миттельштедта, что цѣнности создаются не однимъ трудомъ или капиталомъ, но вмѣстѣ и умственными и нравственными силами людей; но для этого нѣтъ никакой нужды обезземеливать мелкихъ землевладѣльцевъ и обращать ихъ въ пролетаріевъ. Всѣ мы тогда только и почувствуемъ всю необходимость и всю силу нравственныхъ началъ и цѣну просвѣщенія, когда эти условія производительности окажутся неизбѣжными для развитія хозяйствъ посреди свободнаго и владѣющаго сельскаго населенія.

Надъ второй частью книги г. Миттельштедта, претендующей излагать новыя начала политической экономіи, я не стану долго останавливаться. Въ научномъ отношеніи она совершенно ничтожна; въ практическомъ же я не могу согласиться съ авторомъ, чтобъ одного открытія школъ было достаточно для умственнаго развитія страны и чтобъ духовенство и церковь „съ преемникомъ Христа во главѣ“—одни могли водворить въ народѣ нравственность. Умственныя и нравственныя силы народа вездѣ и всегда были продуктомъ весьма разнообразныхъ и сложныхъ условій, помогающихъ одни другимъ. Панацеи противъ невѣжества и дурныхъ нравовъ не существуютъ въ одномъ какомъ-нибудь рецептѣ, и народы излечиваются отъ нихъ не одними книжками и наставленіями, а вмѣстѣ и правильной общественной гигіеной. Давно уже всѣмъ извѣстно, что для уменьшенія и ослабленія преступленій недовольно однихъ судовъ и полиціи, а нужны, кромѣ того, правильныя законодательныя и экономическія мѣры. Одною изъ дѣйствительнѣйшихъ мѣръ для водворенія нравственности въ странѣ является экономическая независимость народныхъ массъ, прочная ихъ осѣдлость, обезпеченіе семействъ и потомства ихъ противъ случайностей бродячей жизни по фабрикамъ и городамъ. Все это достигается вѣрнѣйшимъ образомъ, особливо въ земледѣльческой странѣ, поземельною собственностью, какъ бы мала она ни была. Рекомендуя ее отмѣнить тамъ, гдѣ она, по счастью, существуетъ, г. Миттельштедтъ, самъ того не подозрѣвая, подкапывается подъ самыя основанія нравственности, религіи и семейства, которыя такъ горячо отстаиваетъ въ своей книгѣ. Повторяю: усилія его доказать, что безъ умственныхъ и нравственныхъ элементовъ ни трудъ, ни капиталъ не создадутъ богатствъ, весьма почтенны; но то, что онъ приводитъ въ доказательство этого совершенно вѣрнаго положенія, болѣе чѣмъ посредственно и скорѣй опровергаетъ, чѣмъ подтверждаетъ его мысль. Современная наука, законодательство и администрація касаются самой сути дѣла, обращая все свое вниманіе и всѣ силы на улучшеніе условій быта народныхъ массъ, и мѣры, ими придуманныя и вводимыя съ этою цѣлью, гораздо дѣйствительнѣе для уменьшенія преступленій и водворенія добрыхъ нравовъ, чѣмъ наставленія г. Миттельштедта. Не слѣдуетъ забывать, что для огромнаго большинства людей факты гораздо убѣдительнѣе и внушительнѣе словъ, а бытовыя условія несравненно краснорѣчивѣе всякой проповѣди. Подготовьте сперва людей къ воспріятію истинъ идеальнаго міра,—и тогда, но только тогда, эти истины падутъ на плодородную почву; теоріями же уничтоженія мелкой собственности могутъ быть только выброшены, во имя экономическаго прогресса, толпы людей на улицу. Какъ же просвѣщать такихъ людей школой и проповѣдью, и къ чему это поведетъ?

(Недѣля, 1875, №№ 32 и 33).

ОБЩИННОЕ ВЛАДѢНІЕ.

Общинное землевладѣніе, А. Посникова. Выпускъ 1-й. *Ярославль, 1875 г.*

Обычное право, Е. Якушкина. Выпускъ 1-й. Матеріалы для библіографіи обычнаго права. *Ярославль, 1875 г.*

De la propriété et de ses formes primitives, par Emile de Laveleye. *Paris 1874.*

Johannes Keussler: Zur Geschichte des bauerlichen Gemeindebesitzes in Russland. Baltische Monatsschrift, N. Folge, Bd. VI, Drittes Doppelheft.

Изъ различныхъ народныхъ обычаевъ, удержавшихся до нашего времени, посреди новой обстановки, немногіе имѣли у насъ такую странную судьбу, какъ общинное землевладѣніе. Все старое или вымираетъ, или кореннымъ образомъ перерождается, и это, вообще говоря, происходитъ какъ-то незамѣтно. Лишь изрѣдка, да и то обыкновенно мимоходомъ, выкажется почему либо и обратитъ на себя вниманіе послѣдній, запоздалый остатокъ сѣдой старины, въ минуту своего исчезновенія, какъ вспыхиваетъ искра, потухая. Только историки и археологи спѣшатъ фотографически увѣковѣчить его, какъ драгоцѣнный фактъ для возстановленія впослѣдствіи въ наукѣ и искусствѣ старины, неудержимо и безвозвратно уходящей въ вѣчность. Обычай общиннаго землевладѣнія какъ будто составляетъ исключеніе изъ этого правила. Простой народъ великорусскихъ губерній почти вездѣ крѣпко за него держится и понынѣ, разстается съ нимъ рѣдко и неохотно. Но что гораздо замѣчательнѣе—мыслящіе и образованные люди далеко еще не успѣли согласиться у насъ въ томъ, полезенъ или вреденъ этотъ обычай, слѣдуетъ ли его поддержать, или, напротивъ, надо помочь ему скорѣе разложиться. Одни видятъ въ общинномъ землевладѣніи остатокъ грубаго, допотопнаго времени, мѣшающій нашему гражданскому и экономическому развитію, другіе—и число ихъ тоже не мало,—крѣпко стоятъ за общинное землевладѣніе, признаютъ въ немъ прочное основаніе нашей государственной самобытности, вѣрное матеріальное обезпеченіе народныхъ массъ и зародышъ новыхъ экономическихъ отношеній, которому суждено, при дальнѣйшемъ его развитіи, дать формулу, удовлетворительно разрѣшающую вопросы о взаимныхъ отношеніяхъ капитала и труда и о пролетаріатѣ. Къ общинному землевладѣнію, о которомъ лѣтъ сорокъ тому назадъ въ литературѣ едва кто упоминалъ и на которое никто не обращалъ вниманія, теперь обратились и литература и наука, нетолько у насъ, но и въ Европѣ. Оно изучается и обсуждается съ различныхъ точекъ зрѣнія, становится предметомъ законодательныхъ заботъ и мѣропріятій, словомъ получаетъ значеніе важнаго общественнаго явленія, которое серьезно занимаетъ умы, вызываетъ горячіе споры. Чѣмъ объяснить все это? Откуда такой интересъ къ чертѣ изъ народныхъ привычекъ, которая, на ряду со всѣми другими, была заброшена и забыта, казалось, навсегда?

I.

Вопросъ объ общинномъ землевладѣніи впервые возбудила у насъ императрица Екатерина Вторая. Въ 1765 году, она предложила на разрѣшеніе только-что основаннаго Вольнаго Экономическаго Общества, между прочимъ, слѣдующій вопросъ:

„Многіе разумные авторы поставляютъ и самые опыты доказываютъ, что не можетъ быть тамъ ни искуснаго рукодѣлія, ни твердо основанной торговли, гдѣ земледѣліе къ уничтоженію или нерачительно производится, что земледѣльство не можетъ процвѣтать тутъ, гдѣ земледѣлецъ не имѣетъ ничего собственнаго. Все сіе основано на правилѣ весьма простомъ: всякій человѣкъ имѣетъ

болѣе попеченія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, чего опасаться можетъ, что другой у него отыметъ. Поставляя сіи правила за неоспоримыя, осталось мнѣ просить васъ рѣшить: въ чемъ состоитъ или состоять должно, для твердаго распространенія земледѣльчества, имѣніе и наслѣдіе хлѣбопашца? Иные полагаютъ, чтобъ то состояло въ участкѣ земли, принадлежащей отцу, сыну и потомкамъ его, съ пріобрѣтеннымъ движимымъ и недвижимымъ, какого-бы то званія ни было; другіе, напротивъ того, полагаютъ на одинъ участокъ земли четыре и до восьми человѣкъ родовъ разныхъ и поставляютъ старшаго въ томъ обществѣ главнымъ, или такъ-называемымъ хозяиномъ; изъ сего послѣдуетъ, что сынъ послѣ отца не наслѣдникъ, слѣдовательно и собственнаго не имѣетъ, называя собственнымъ только то, что тому обществу принадлежитъ, а не каждой особѣ. И такъ нахожусь я въ великомъ недоумѣніи, не зная, на точной ли, или на спекулятивный разумъ слова „собственное“ полагаться. Я по сіе время почитаю собственнымъ то, чего ни у меня, ни у дѣтей моихъ, безъ законной причины никто отнять не можетъ, и по моему мнѣнію то одно можетъ сдѣлать меня рачительнымъ; однако въ семъ моемъ мнѣніи не утверждаюсь, а ожидаю для наставленія мнѣ и потомкамъ моимъ вашего на сіе рѣшенія“.

Изъ самой постановки вопроса уже видно, что императрица склонялась къ отрицательному отвѣту; но ея свѣтлый умъ видѣлъ, что дѣло, во всякомъ случаѣ, требуетъ внимательнаго изслѣдованія. Однако о вопросѣ забыли, и не думали болѣе полвѣка.

Снова поднятъ вопросъ объ общинномъ землевладѣніи въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія московскими славянофилами, но совсѣмъ съ другой точки зрѣнія. Въ это время, оцѣпенѣвшая русская мысль стала снова оживать. Отрѣзанная отъ практической области, которая была для нея заперта наглухо, мысль могла пробовать свои силы только на теоретическихъ построеніяхъ изъ матеріаловъ, какіе давало тогдашнее знаніе, и въ эту-то сторону она и направилась. Московскіе славянофилы видѣли въ великорусской крестьянской общинѣ живое подтвержденіе своихъ основныхъ воззрѣній и потому относились къ установленнымъ въ ней издавна обычнымъ порядкамъ и нравамъ съ особеннымъ сочувствіемъ. Общество, владѣющее землей сообща, устраивающее пользованіе ею по взаимному соглашенію всѣхъ главъ семействъ или домовъ до единаго, недопущеніе счета голосовъ, большинства и меньшинства, при рѣшеніяхъ общихъ дѣлъ, круговая отвѣтственность всѣхъ за одного и одного за всѣхъ,—все это казалось воплощеніемъ высокаго христіанскаго идеала взаимныхъ отношеній между людьми, удержавшимся только у насъ и притомъ только въ крестьянствѣ.

Тогдашніе противники славянофиловъ, такъ-называемые западники, рѣзко возражали противъ этой теоріи и противопоставляли ей свою. Въ ихъ глазахъ, русскій міръ и общинное владѣніе были лишь запоздалыми остатками патріархальнаго быта, подавлявшими личное, индивидуальное развитіе, энергію и иниціативу лица, безъ которой никакая правильная общественность немыслима. Единогласіе, круговая порука, представлялись западникамъ не выраженіемъ любви, а путами, подъ давленіемъ которыхъ лицо принижалось и умалялось до нуля. Поэтому, они желали не сохраненія, а скорѣйшаго разложенія и русской крестьянской общины, и русскаго крестьянскаго общиннаго землевладѣнія.

Изъ сказаннаго видно, что рѣчь шла не о русскомъ мірѣ и не объ общинномъ владѣніи, а по ихъ поводу о вопросахъ весьма отвлеченныхъ и общихъ. Два различныхъ воззрѣнія, на которыхъ распалась русская мысль, искали подтвержденія своихъ философскихъ тезисовъ въ фактахъ, еще ожидавшихъ разслѣдованія и тщательной критической разработки.

Въ 1856 году, Б. Н. Чичеринъ, сперва въ диссертаціи на степень магистра, подъ заглавіемъ „Областныя учрежденія Россіи въ XVI в.“, впослѣдствіи въ другихъ своихъ статьяхъ, пытался объяснить историческое происхожденіе общиннаго землевладѣнія въ Россіи условіями великорусскаго быта въ московскій періодъ. По его мнѣнію, у насъ уже существовала личная крестьянская поземельная собственность, когда съ одной стороны крѣпостное право, а съ другой—круговая отвѣтственность въ исправномъ отбываніи податей и налоговъ обезправили и обезличили крестьянскія массы. Подъ вліяніемъ взаимной отвѣтственности крестьянъ другъ за друга по отправленію непомѣрно тяжкаго тягла, они, по мнѣнію

проф. Чичерина, мало-по-малу утратили сознаніе о личной поземельной собственности.

Это объясненіе, примыкавшее по своему характеру къ возраженію западниковъ, вызвало, въ свое время, большіе споры. Теперь, когда мы знаемъ, что общинное землевладѣніе когда-то существовало у всѣхъ народовъ, объясненіе г. Чичерина утратило значеніе; но несмотря на то, оно остается и до сихъ поръ весьма цѣннымъ вкладомъ въ исторію нашего общиннаго владѣнія, указывая на обстоятельства, которыя способствовали сохраненію этого вида землевладѣнія до нашего времени, тогда какъ оно, при иныхъ обстоятельствахъ, отчасти замѣнилось личною собственностью въ Малороссіи и въ земляхъ бывшаго Литовскаго великаго княжества.

Едва замолкли послѣдніе отголоски отвлеченныхъ теоретическихъ и историческихъ ученыхъ споровъ о русской общинѣ, какъ уже снова начались оживленные толки объ общинномъ землевладѣніи. На этотъ разъ вопросъ ставился практически, какъ его поставила императрица Екатерина. Приближалась отмѣна крѣпостного права. Она должна была глубоко затронуть весь нашъ бытъ и коореннымъ образомъ повліять на дальнѣйшія судьбы нашего крестьянства. Между различными вопросами первой важности, которые при этомъ предстояло рѣшить, на первомъ планѣ стоялъ вопросъ объ общинномъ владѣніи. Слѣдовало ли его отмѣнить, какъ устарѣлый и вредный остатокъ прошедшаго, или, напротивъ, удержать и сохранить? На этомъ воззрѣнія славянофиловъ и западниковъ опять встрѣтились лицомъ къ лицу, только уже на другой почвѣ и при совершенно иныхъ обстоятельствахъ. Обѣ стороны, когда-то враждебныя между собою, тотчасъ же поняли, что теперь рѣчь уже идетъ не о теоретическомъ разномысліи, которое, каково бы оно ни было, во всякомъ случаѣ подвигаетъ впередъ мысль, знаніе, а о практической постановкѣ дѣла, при которой малѣйшая ошибка неминуемо поведетъ за собою въ будущемъ неисчислимыя, хорошія или дурныя послѣдствія для народа и государства. Естественно, что обѣ стороны отнеслись другъ къ другу гораздо серьезнѣе. Поборниками общиннаго владѣнія снова выступили московскіе славянофилы, вооруженные большимъ практическимъ знаніемъ великорусскаго народнаго быта, а противниками ихъ, защитниками личной собственности и участковаго владѣнія,—западники, опиравшіеся на законы политической экономіи и блистательные результаты примѣненія ихъ въ западной Европѣ.

Сдѣлать практическій выводъ изъ этихъ споровъ выпало на долю редакціонныхъ коммиссій, образованныхъ для проектированія Положеній 19-го февраля 1861 года. Члены комиссій принадлежали, по вопросу объ общинномъ владѣніи, къ одному изъ двухъ воззрѣній, между которыми раздѣлялись, отчасти и теперь раздѣляются мыслящіе русскіе люди. Великая, незабвенная заслуга комиссій состояла въ томъ, что, дѣйствуя посреди общества, въ которомъ въ то время различіе воззрѣній доходило до крайностей и вражды, онѣ вполнѣ поняли всю важность задачи, которую призваны были рѣшать, великую нравственную отвѣтственность, которая на нихъ лежала, и не поддавшись искушенію защищать, во чтобы то ни стало, то или другое воззрѣніе, добросовѣстно искали и нашли средніе термины, сблизившіе до соглашенія рѣзко противоположные другъ другу взгляды. Не присвоивая себѣ права разрушать народнаго обычая, котораго польза или вредъ не были окончательно выяснены наукою, не навязывая крестьянству началъ, остававшихся спорными, редакціонныя комиссіи приняли за основаніе существующій фактъ; тамъ, гдѣ общинное владѣніе было на дѣлѣ, тамъ оно оставлено; гдѣ оно уже замѣнилось участковымъ, оно тоже признано. Такое вполнѣ безпристрастное, разумное и практическое рѣшеніе должно было удовлетворить всѣхъ. Оставалось опредѣлить порядокъ перехода крестьянъ отъ одной формы землевладѣнія къ другой. Въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ огромномъ большинствѣ образованнаго русскаго общества, да кажется и между членами редакціонныхъ комиссій, господствовало убѣжденіе, что общинное владѣніе не имѣетъ будущности, что оно, рано или поздно, неизбѣжно должно перейти въ участковое. Никому не приходило тогда въ голову, что крестьяне могутъ когда-нибудь, какъ случалось впослѣдствіи, домогаться обращенія участковаго владѣнія въ общинное; всѣ, напротивъ были убѣждены, что крестьяне непремѣнно пожелаютъ перейти отъ общиннаго владѣнія къ участковому и личной поземельной собственности. При такомъ взглядѣ, въ Положеніяхъ 19-го

февраля 1861 года не было постановлено никакихъ правилъ о порядкѣ обращенія участковаго владѣнія въ общинное. Вниманіе редакціонныхъ комиссій было обращено лишь на случаи перехода отъ общиннаго владѣнія къ участковому. Въ этомъ отношеніи, рѣшенію подлежали слѣдующіе вопросы: во 1-хъ, можно ли допустить въ принципѣ переходъ отъ общиннаго владѣнія къ участковому цѣлаго сельскаго общества?—во 2-хъ, если можно, то какъ поступать, когда не всѣ члены общества на то согласны? и въ 3-хъ, можно ли допустить выдѣленіе одного домохозяина изъ общиннаго владѣнія цѣлаго общества, и если можно, то какой порядокъ установить для такого рода случаевъ? Въ виду противоположныхъ воззрѣній на общину и участковое владѣніе, рѣшить эти вопросы было не легко. Съ точки зрѣнія славянофиловъ, на всѣ эти вопросы нельзя было отвѣтить иначе, какъ отрицательно; съ точки же зрѣнія европейской науки и практики, они рѣшались безусловно въ положительномъ смыслѣ. Но и эти затрудненія редакціонныя комиссіи съумѣли побѣдить. Взаимныя уступки привели членовъ комиссіи къ слѣдующему общему выводу: во 1-хъ, общинное владѣніе можетъ быть замѣнено участковымъ, если за такую перемѣну выскажется не менѣе двухъ третей членовъ общества, имѣющихъ право голоса на сходѣ; во-2-хъ, отдѣльные домохозяева могутъ выдѣляться изъ общины, если выкупятъ свой поземельный надѣлъ; но этотъ надѣлъ отводится имъ въ такомъ случаѣ особо, по усмотрѣнію общества. Мысль, руководившая при томъ и другомъ рѣшеніи, была, очевидно, такая; дозволить упраздненіе общиннаго землевладѣнія, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ доказано, что этого дѣйствительно желаетъ несомнѣнно значительнѣйшее большинство общества; дозволить и отдѣльному домохозяину выдѣлиться изъ общины, но такъ однако, чтобъ остальные члены того общества не были стѣснены этимъ выдѣленіемъ и выгоды общественнаго землевладѣнія чрезъ то для нихъ не умалились.

Мы вполнѣ понимаемъ, что на такое рѣшеніе вопроса можно взглянуть съ различныхъ точекъ зрѣнія, сочувствовать ему и не сочувствовать. Смотря по взгляду, можно находить его слишкомъ податливымъ или въ пользу личнаго землевладѣнія, или, наоборотъ, въ пользу общиннаго. За отсутствіемъ всякой объективной мѣрки для опредѣленія середины между двумя взаимно другъ друга отрицающими взглядами, къ заключеніямъ редакціонныхъ комиссій по этому предмету слѣдуетъ отнестись какъ къ результату взаимныхъ уступокъ, и съ этой точки зрѣнія нельзя не признать, что вопросъ рѣшенъ съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ и съ достойною всякаго уваженія терпимостью къ противоположному взгляду.

Правило, принятое въ Положеніяхъ 19-го февраля 1861 года, какъ мы сказали, только указало практическій исходъ изъ затрудненія, но оно не рѣшило, да и не могло рѣшить самаго вопроса. Споръ между защитниками и противниками общиннаго владѣнія продолжался и послѣ того, и съ особенною силою поднялся теперь. Поводомъ послужило предпринятое правительствомъ въ 1872 году изслѣдованіе нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи. Богатые и драгоцѣнные матеріалы, собранные по этому случаю министерствомъ государственныхъ имуществъ со всѣхъ краевъ Европейской Россіи, мнѣнія и взгляды на общинное владѣніе, высказанные при этомъ множествомъ лицъ, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ общественнымъ положеніямъ, не могли не обратить снова вниманія мыслящихъ людей и печати на предметъ, къ которому, по самому его свойству, сходятся самые разнообразные интересы государства, общества и частныхъ лицъ. Достаточно было напомнить объ этомъ предметѣ, чтобы противорѣчивыя сужденія всплыли снова, и съ такою же живостью, почти враждебностью, какъ прежде. Съ тѣхъ поръ, какъ московскіе славянофилы подняли вопросъ объ общинѣ и общинномъ землевладѣніи, обстановка и условія русской жизни существенно измѣнились; отвлеченная точка зрѣнія смѣнилась практической и реальной; и однако, несмотря на то, теперь какъ тогда, общинное землевладѣніе остается спорнымъ предметомъ. До послѣднихъ лѣтъ можно еще было думать, что разногласіе, на самомъ дѣлѣ, не такъ важно и ограничивается тѣснымъ кружкомъ столицъ и столичныхъ газетъ и журналовъ, но теперь думать такъ стало невозможно; матеріалы и и отзывы, собранные министромъ государственныхъ имуществъ, несомнѣнно доказываютъ, что такое же разногласіе относи-

тельно общиннаго владѣнія существуетъ во всей Россіи; тогда какъ одни видятъ въ немъ главную помѣху сельско-хозяйственному развитію и успѣхамъ, ему приписываютъ недостатокъ иниціативы, энергіи, самодѣятельности и бережливости въ крестьянскомъ населеніи, другіе видятъ въ общинномъ владѣніи неизбѣжный результатъ нашихъ географическихъ условій и вѣрное обезпеченіе противъ бездомности и пролетаріата. Все это показываетъ, что общинное владѣніе недостаточно изучено, что оно требуетъ тщательнаго и всесторонняго изслѣдованія. За недостаткомъ его, многіе, по нашему похвальному обычаю, замѣняютъ положительное, фактическое знаніе или чисто личными соображеніями, причемъ общая польза и завтрашній день совершенно забываются, или же готовыми шаблонами, которые даютъ опытъ и наука въ Европѣ. При общинномъ владѣніи не можетъ образоваться многочисленнаго класса сельскихъ безземельныхъ батраковъ, вынужденныхъ, чтобъ снискивать себѣ пропитаніе, наниматься въ постоянные работники на господскія усадьбы; стало быть, разсуждаютъ крѣпостники, общинное землевладѣніе вредно, и его надо отмѣнить. Но не мало у насъ и такихъ противниковъ и защитниковъ общиннаго землевладѣнія, которые смотрятъ на него сквозь европейскія очки и примѣняютъ къ нему европейскіе шаблоны. Консерваторамъ этого пошиба мерещатся въ общинномъ землевладѣніи зародыши европейскаго соціализма и коммунизма, которые со временемъ, когда разовьются, должны разрушить священное право личной собственности. Естественно, что всякій защитникъ общиннаго крестьянскаго землевладѣнія долженъ имъ казаться крайнимъ изъ крайнихъ, краснымъ, чуть-чуть не коммунаромъ и петрольщикомъ. Къ сожалѣнію, есть у насъ и такіе защитники общиннаго владѣнія, которые наивно принимаютъ вызовъ подобныхъ противниковъ и, стоя съ ними на одной почвѣ, примѣняя, подобно имъ, европейскую мѣрку къ нашимъ общественнымъ явленіямъ, объясняютъ общинное владѣніе въ смыслѣ самыхъ крайнихъ радикальныхъ европейскихъ воззрѣній. Такая невольная мистификація, плодъ совершеннаго незнанія и очевиднаго непониманія дѣла, спутываетъ всѣ понятія и окончательно затемняетъ вопросъ и безъ того очень трудный для рѣшенія. Что-жъ мудренаго, что мы относительно его ходимъ въ потемкахъ и нѣтъ двухъ человѣкъ, смотрящихъ на него одинаково.

Теперь, вопросъ объ общинномъ землевладѣніи какъ-будто начинаетъ выходить на новый путь, на которомъ только и можно ожидать его рѣшенія. Крестьянское землевладѣніе начинаютъ изучать фактически, и притомъ не только у насъ, но и за границей. Въ прошломъ году появилась весьма замѣчательная диссертація по этому предмету г. А. Посникова, составляющая начало критическихъ этюдовъ, посвященныхъ разъясненію общиннаго владѣнія и защитѣ его. Судя по началу, критическій трудъ г. Посникова долженъ существенно подвинуть впередъ научное изслѣдованіе этой формы землевладѣнія. Къ числу важныхъ и серьезныхъ приготовительныхъ трудовъ по тому же предмету слѣдуетъ отнести и работу г. Е. Якушкина. Она содержитъ въ себѣ очень тщательно составленный библіографическій указатель всего, что у насъ до сихъ поръ издано по обычному праву, въ томъ числѣ и по общинному землевладѣнію. Этому почтенному труду, за который каждый занимающійся нашимъ обычнымъ правомъ искренно поблагодаритъ г. Якушкина, предпосланъ мастерски составленный систематическій обзоръ народныхъ обычаевъ по всѣмъ отраслямъ права, и въ немъ, здѣсь и тамъ, приводятся факты, кажется нигдѣ еще не напечатанные, между прочимъ и по общинному землевладѣнію. Мы слышали, что вслѣдъ за симъ выйдутъ полный сводъ всего до сихъ поръ напечатаннаго объ общинномъ владѣніи, составленный тоже г. Якушкинымъ, продолженіе изслѣдованій г. Посникова и матеріалы, по тому же предмету, собранные г-жею Ефименко. Недавно г. Кейслеръ напечаталъ въ „Балтійскомъ Ежемѣсячникѣ“ интересную работу по исторіи общиннаго землевладѣнія въ Россіи. Въ этомъ почтенномъ трудѣ сведено и критически провѣрено все, что до сихъ поръ было написано по этому предмету. Изъ періодическихъ изданій, сочувственно относящихся къ общинному владѣнію, укажемъ на „Еженедѣльникъ“, замѣнившійся съ нынѣшняго года „Молвою“. Въ немъ отъ времени до времени печатаются матеріалы по общинному владѣнію, заслуживающіе серьезнаго вниманія и расширяющіе поле изслѣдованія.

Въ то время, какъ мы начинаемъ ближе

всматриваться въ загадочный народный обычай, которымъ опредѣляется бытъ около тридцати милліоновъ нашего сельскаго населенія, европейскіе экономисты тоже подходятъ къ нему, хотя и съ другой стороны. Неизвѣстный намъ вовсе антагонизмъ сословій или слоевъ общества существуетъ въ западной Европѣ, и въ послѣднее время, къ сожалѣнію, въ худшей и самой опасной его формѣ—въ видѣ вражды труда и капитала, бѣдныхъ и богатыхъ Симптомы этой соціальной болѣзни не ослабѣваютъ, а напротивъ, отъ времени до времени усиливаются. Естественно, что лучшіе умы въ Европѣ прилежно изучаютъ этотъ вопросъ и пріискиваютъ средства отвратить надвигающуюся грозу, которая въ древнемъ мірѣ привела государства и цивилизацію къ упадку. Но европейцы работаютъ не по нашему; они изучаютъ каждый вопросъ глубоко, со всѣхъ сторонъ, со всевозможныхъ точекъ зрѣнія. Опасность, которой подвергается у нихъ собственность со стороны соціалистическихъ и коммунистическихъ теорій, повела къ глубокому историческому изслѣдованію права поземельной собственности, и это-то изслѣдованіе и натолкнуло ученыхъ на общинное владѣніе, которое, какъ теперь оказывается, существовало когда-то во всей Европѣ и существуетъ до сихъ поръ у многихъ народовъ внѣ Европы. Въ послѣдней слабые слѣды его, не говоря о славянскихъ племенахъ, удержались еще кое-гдѣ въ Швейцаріи и великомъ герцогствѣ Баденскомъ. Недавно, бельгійскій экономистъ Лавелэ свелъ всѣ отдѣльныя изслѣдованія по этому предмету въ одно цѣлое и пришелъ къ выводу, что личная поземельная собственность, смѣнившая собою въ Европѣ общинное владѣніе, привела роковымъ образомъ къ соціальной розни, чего общинное владѣніе не допускало. Поэтому онъ съ особеннымъ сочувствіемъ относится къ этой формѣ землевладѣнія, хотя и не указываетъ, какъ можно ею воспользоваться тамъ, гдѣ она уже исчезла. Мы еще возвратимся къ книгѣ Лавелэ, а здѣсь укажемъ только на ту странность, что въ то самое время, какъ мы весьма легко, поверхностно и съ пренебреженіемъ относимся къ народному обычаю, который у насъ сохранился и у каждаго изъ насъ подъ глазами, европейцы, давно его утратившіе, начинаютъ серьезно его изучать и приходятъ въ раздумье, не было ли бы лучше, еслибъ онъ удержался и былъ ими въ свое время такъ же тщательно обработанъ юридически, возведенъ въ общественный институтъ, огражденъ и обезпеченъ закономъ, какъ это было сдѣлано съ личною поземельною собственностью. Для довершенія странности не достаетъ только, чтобы мы, по рекомендаціи европейцевъ и съ ихъ голоса, воспользовались своимъ же добромъ какъ слѣдуетъ, чего до сихъ поръ не можемъ и не умѣемъ, потому что, какъ водится, объ немъ не думали и имъ не занимались.

Въ самомъ дѣлѣ, мы и до сихъ поръ не знаемъ, что̀ такое крестьянское общинное землевладѣніе. Спросите де́сять человѣкъ,—каждый опредѣлитъ его по своему, иначе, опираясь на тѣ факты, которые обратили на себя его вниманіе, или на которые онъ натолкнулся случайно. Связнаго цѣльнаго понятія объ общинномъ владѣніи, обнимающаго всѣ его существенныя, характерныя особенности, никто не имѣетъ. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ пересмотрѣть сообщенія и отзывы, собранные министромъ государственныхъ имуществъ. Что за разноголосица, что за отсутствіе ясныхъ представленій о томъ, что у каждаго почти ежеминутно подъ глазами!

II.

Недавно въ одномъ пріятельскомъ кругу былъ поднятъ вопросъ объ общинномъ землевладѣніи. Здѣсь, какъ и во всей Россіи, его опредѣленіе и установленіе существенныхъ, отличительныхъ его признаковъ вызвало жаркіе, нескончаемые споры. Наконецъ, послѣ зрѣлаго обсужденія, въ продолженіе нѣсколькихъ вечеровъ, всѣ сошлись на слѣдующихъ общихъ положеніяхъ:

„Подъ *общиннымъ владѣніемъ* разумѣется владѣніе недвижимымъ имуществомъ, принадлежащее обществу домохозяевъ, которые распоряжаются и пользуются имъ по взаимному между собою соглашенію.

„Основныя характеристическія черты общиннаго владѣнія суть слѣдующія:

„1) Въ общинномъ владѣніи можетъ находиться недвижимое имущество, принадлежащее или непринадлежащее обществу на правахъ собственности.

„2) Каждый домохозяинъ, какъ членъ общества, имѣетъ право участвовать и въ рас-

поряженіи и въ пользованіи имуществомъ, состоящимъ въ общинномъ владѣніи того общества.

„3) По отношенію къ общинному владѣнію, общество домохозяевъ есть юридическое лицо особаго рода, представляемое не большинствомъ ихъ, а совокупностью всѣхъ. Вслѣдствіе того, каждое распоряженіе имуществомъ, состоящимъ въ общинномъ владѣніи, предполагаетъ согласіе всѣхъ домохозяевъ.

„4) Если недвижимое имущество, находящееся въ общинномъ владѣніи, принадлежитъ обществу на правахъ полной собственности, то домохозяева, по взаимному между собою соглашенію, могутъ распоряжаться имъ точно такъ же, какъ всякій личный собственникъ—продавать, закладывать, отдавать въ наемъ или аренду и т. п., въ полномъ составѣ, или по частямъ.

„5) Домохозяева, имѣющіе недвижимое имущество въ общинномъ владѣніи, хотя бы и безъ права собственности, могутъ, по взаимному соглашенію, распредѣлять между собою это имущество, въ полномъ его составѣ, или только нѣкоторыя его части, въ отдѣльное, временное или постоянное пользованіе, или оставлять его въ общемъ пользованіи.

„6) Порядокъ распредѣленія и виды пользованія поземельнымъ имуществомъ, при общинномъ владѣніи, могутъ быть весьма разнообразны, смотря по обстоятельствамъ. Но, завися исключительно и вполнѣ только отъ взаимнаго соглашенія всѣхъ домохозяевъ, какъ способы распоряженія, такъ и виды пользованія, сами по себѣ, не составляютъ отличительнаго характеристическаго признака общиннаго владѣнія и могутъ, по усмотрѣнію домохозяевъ, не только разнообразиться до безконечности, но и замѣняться совершенно новыми, никогда прежде не бывавшими, не измѣняя самаго существа общиннаго владѣнія.

„7) Когда поземельное имущество, состоящее въ общинномъ владѣніи, распредѣляется въ отдѣльное пользованіе между домохозяевами, то такое распредѣленіе производится уравнительно, на основаніяхъ, установленныхъ съ общаго согласія всѣхъ домохозяевъ. Отступленія отъ этихъ основаній допускаются тоже не иначе, какъ по соглашенію всѣхъ же домохозяевъ; и

„8) Ограниченія и стѣсненія, которымъ подвергаются домохозяева въ распоряженіи и пользованіи недвижимымъ имуществомъ при общинномъ владѣніи, не проистекаютъ исключительно изъ самаго существа общиннаго владѣнія, но зависятъ также частью отъ принятыхъ теперь почти во всѣхъ нашихъ крестьянскихъ обществахъ способовъ распредѣленія и видовъ пользованія общиннымъ владѣніемъ, частью же отъ разныхъ другихъ обстоятельствъ и условій, въ которыхъ поставлено наше крестьянство".

Читателямъ, не имѣвшимъ случая познакомиться съ практикою общиннаго землевладѣнія въ нашихъ великорусскихъ деревняхъ, смыслъ многихъ изъ приведенныхъ положеній останется несовсѣмъ яснымъ. Поэтому мы считаемъ необходимымъ войти здѣсь, по поводу этихъ положеній, въ нѣкоторыя подробности.

Первое, что бросается въ глаза и вызываетъ недоумѣніе, это то, какимъ образомъ могутъ всѣ безъ изъятія домохозяева единогласно распоряжаться общиннымъ владѣніемъ? Въ случаѣ разногласія, которое не можетъ же не встрѣчаться, непремѣнно должно произойти одно изъ двухъ: или никакого рѣшенія, за отсутствіемъ единогласія, не состоится, или же голосъ меньшинства будетъ подавленъ большинствомъ. Такъ разсудитъ каждый юристъ и будетъ совершенно правъ Чтобъ объяснить эту кажущуюся странность, не должно терять изъ виду, что общинное владѣніе есть народный обычай, до котораго юридическія опредѣленія еще не касались. Что современемъ и для распорядка общиннаго владѣнія потребуются юридическія опредѣленія, это не подлежитъ сомнѣнію. Очень возможно, и даже вѣроятно, что уже и теперь, здѣсь и тамъ, на фактѣ, голосъ большинства подавляетъ меньшинство, не принимая въ соображеніе даже его законныхъ требованій. Но по убѣжденію большинства крестьянъ, единогласное рѣшеніе домохозяевъ есть непремѣнное условіе всякаго распоряженія ихъ общиннымъ владѣніемъ. Что они дѣйствительно такъ понимаютъ дѣло—извѣстно всякому, кто приглядывался къ быту великорусскихъ и бѣлорусскихъ деревень. Скажемъ болѣе: это старинный взглядъ всѣхъ славянскихъ племенъ. Изъ него проистекли несчастное польское liberum veto и кровавыя свалки при новгородскихъ смутахъ. Не только въ распоряженіяхъ общинною землею, но и во всякихъ рѣшеніяхъ сельскаго общества непремѣнно предполагается, что всѣ до еди-

наго согласны, и пока единогласіе не достигнуто, общество ни на что не рѣшается. Требованіе единогласнаго вердикта отъ англійскихъ присяжныхъ, безъ сомнѣнія, вытекаетъ изъ того же стародавняго воззрѣнія. Намъ изъ личнаго опыта извѣстно, что одинъ какой-нибудь крестьянинъ, даже изъ такихъ, которые не пользуются уваженіемъ, нерѣдко тормозитъ полезное дѣло.

Какимъ же образомъ, спроситъ читатель, могутъ, при такихъ условіяхъ, дѣлаться крестьянскими обществами какія бы то ни было распоряженія? А очень просто: меньшинство или убѣждается доводами большинства, или, не убѣдившись, добровольно уступаетъ, чтобы быть за-одно со всѣми. Случаи насилія, случаи уговора всѣхъ противъ одного, до того рѣдки, что намъ, напримѣръ, не случалось слыхать ничего подобнаго, хотя, безъ сомнѣнія, такіе случаи возможны и кое-гдѣ вѣроятно встрѣчаются. Напротивъ, безпрестанно случается видѣть, что цѣлое крестьянское общество на многихъ сходкахъ выбивается изъ силъ, чтобъ уломать одного изъ своихъ сочленовъ согласиться со всѣми, и, не получивъ его согласія, отлагаетъ дѣло. Такой обычай, до сихъ поръ глубоко вкорененный въ нашемъ великорусскомъ крестьянствѣ, вполнѣ объясняетъ, почему славянофилы видятъ въ нашей общинѣ живую единицу, связанную полнымъ единодушіемъ всѣхъ ея членовъ, и признаютъ за выраженіе ея мнѣнія не большинство голосовъ, а полное согласіе всѣхъ; понятнымъ становится также, почему, по той же теоріи, лицо не поглощается общиной, не подчиняется его силѣ, а добровольно и непринужденно присоединяется къ его рѣшенію, сливается съ нимъ въ любви. Эта теорія оправдывается исторически тѣмъ, что она высказываетъ существующій фактъ, а теоретически тѣмъ, что навсегда останется идеаломъ, хотя, можетъ быть, при сильномъ развитіи индивидуализма, и недостижимымъ для общины. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о представительствѣ меньшинства, занимающій лучшіе умы Англіи, показываетъ, что рѣшеніе по большинству голосовъ не разрѣшаетъ задачи, въ смыслѣ приблизительно вѣрнаго выраженія общественнаго мнѣнія.

Не вдаваясь здѣсь въ дальнѣйшее развитіе этихъ мыслей, ограничимся замѣчаніемъ, что, признавъ за характерную черту единогласное рѣшеніе всѣхъ домохозяевъ по вопросамъ общиннаго владѣнія, мы только указываемъ на фактъ, всеобщій въ великорусскомъ крестьянствѣ и хорошо извѣстный всѣмъ, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ его бытомъ. Откуда онъ ведетъ свое начало,—трудно сказать. Можетъ быть, въ немъ, по преданію и привычкѣ, живетъ до сихъ поръ воспоминаніе о происхожденіи общины изъ разросшейся семьи; можетъ быть также, что это остатокъ совершившагося, въ незапамятныя времена, соединенія между собою разрозненныхъ семей въ общій союзъ, или въ совокупное общежитіе, на что какъ-будто указываетъ слово *міръ*. Какъ бы то ни было, но требованіе полнаго единогласія въ распоряженіяхъ общинной землей—фактъ весьма замѣчательный и характерный, хотя повидимому и не исключительно славянскій. Вотъ почему его нельзя обойти, говоря объ общинномъ землевладѣніи.

Далѣе. Правильному пониманію этой формы вещныхъ правъ существенно мѣшаетъ смѣшеніе общиннаго землевладѣнія съ усвоенными теперь у большинства нашего крестьянства способами хозяйства и распорядка земель. Между великорусскими крестьянами почти вездѣ принято распоряжаться общинною землею такъ: 1) часть ея отводится подъ усадьбы, съ огородами и коноплянниками, и каждый домохозяинъ получаетъ въ ней участокъ въ постоянное пользованіе. Здѣсь онъ полный хозяинъ, можетъ заводить и строить что̀ ему угодно. Но этотъ участокъ не есть его собственность, и если онъ выбудетъ изъ общества, то усадьба его поступаетъ въ распоряженіе общества; только то, что на ней построено и насажено, принадлежитъ ему или его наслѣдникамъ, если они не захотятъ или, въ силу обычая, не могутъ удержать за собою усадебной земли. Согласно съ тѣмъ, домохозяинъ не можетъ ни продать, ни заложить своей усадьбы въ общинной землѣ. 2) Лѣсъ, луговой покосъ, выгонъ, рыбныя ловли, паръ, не отводятся домохозяевамъ въ отдѣльное или участковое пользованіе. Лѣсъ или заказывается, или оставляется въ пользованіи всѣхъ домохозяевъ; точно также и рыбныя ловли, не отданныя въ аренду или наемъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ самый ловъ рыбы производится всѣми домохозяевами сообща; лугъ или покосъ обыкновенно дѣлятъ на участки передъ самымъ покосомъ; наконецъ, паръ и выгонъ служатъ для пастьбы скота и лошадей всѣхъ домохозяевъ, безъ раздѣленія между ними въ отдѣльное поль-

зованіе. 3) Затѣмъ, въ постоянное, отдѣльное, болѣе или менѣе продолжительное пользованіе домохозяевъ отводится лишь пашня подъ засѣвъ озимаго и ярового хлѣба. Вся общинная земля, предназначенная для хлѣбопашества, дѣлится въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сѣятъ озимый и яровой хлѣбъ, на три поля, изъ которыхъ одно остается въ пару, а остальныя два опять дѣлятся, смотря по качеству, положенію и удобству пашни, на нѣсколько клиновъ, изъ которыхъ каждый, въ свою очередь, подраздѣляется на равные мелкіе участки, распредѣляемые между крестьянами по жребію. Эти участки называются паями, жеребьями, полосами, загонами и т. д., и число ихъ зависитъ отъ того, какое основаніе принято въ обществѣ для отвода частей пашни въ отдѣльное пользованіе: въ иныхъ участки дѣлятся по числу ревизскихъ мужскихъ душъ, въ другихъ по числу взрослыхъ работниковъ. Такое раздѣленіе на паи или жеребьи рѣдко гдѣ остается постояннымъ и неизмѣннымъ навсегда; почти во всѣхъ обществахъ оно или ежегодно, или въ болѣе или менѣе продолжительные промежутки времени измѣняется. Съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ числа членовъ общества, жеребьи естественно или уменьшаются, или увеличиваются въ размѣрѣ.

Таковъ, въ самыхъ общихъ и главныхъ чертахъ, теперешній порядокъ общиннаго землевладѣнія у великорусскихъ крестьянъ. Отъ него, здѣсь и тамъ, встрѣчаются весьма замѣчательныя отступленія. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поле разбивается не прямо на клины, а сперва на „выти“, которыя предоставляются въ общинное пользованіе части общества, состоящей изъ нѣсколькихъ семействъ. О другихъ отступленіяхъ мы будемъ имѣть случай сказать ниже. Понятно, что такіе порядки зависятъ отъ взгляда крестьянъ на способы воздѣлыванія земли, отъ свойствъ почвы, отъ разныхъ мѣстныхъ условій и т. п. Перемѣнись взгляды крестьянъ на принятые у нихъ способы эксплуатаціи земли, переселись они въ другую мѣстность, гдѣ условія хлѣбопашества другія, они могутъ, сохранивъ общинное землевладѣніе, распорядиться имъ совсѣмъ иначе, чѣмъ теперь, потому что существенное въ общинномъ владѣніи—не тотъ или другой способъ распредѣленія земли между домохозяевами, а то, что они распоряжаются ею съобща, по единогласному рѣшенію. Но этого у насъ очень немногіе понимаютъ. Большинство считаетъ принятые теперь у нашихъ крестьянъ сельско-хозяйственные порядки за самую суть общиннаго землевладѣнія, въ недостаткахъ первыхъ видитъ аргументъ противъ послѣдняго и убѣждено, что, осуждая передѣлы пашни, дробность и черезполосность крестьянскихъ владѣній, трехпольную систему хозяйства, оно тѣмъ самымъ произноситъ смертный приговоръ общинному владѣнію. Для каждаго, кто хоть сколько-нибудь вникалъ въ дѣло, конечно ясно, что между сельско-хозяйственными понятіями крестьянства и общиннымъ владѣніемъ нѣтъ ничего общаго, что ихъ связь совершенно случайная. Отъ крестьянъ вполнѣ зависитъ разбить пашню не на три, а на пять, семь, девять и т. д. полей, вовсе отмѣнить періодическіе передѣлы, завести хуторное хозяйство, выдѣливъ на долю каждаго къ одному мѣсту все причитающееся ему пространство общинной земли. Этимъ и подобнымъ распоряженіямъ общинное владѣніе ни мало не препятствуетъ; препятствуютъ тому другія причины, между которыми первыя—низкая степень ихъ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній, недостаточность надѣла, чрезмѣрность налоговъ, бѣдность, отсутствіе долгосрочнаго кредита, самое свойство почвы, мѣстоположеніе надѣла и т. п. Стало быть, нужно устранить эти помѣхи сельско-хозяйственнаго развитія нашего крестьянства, а не общинное владѣніе, которое въ земледѣльческомъ застоѣ крестьянъ ничѣмъ неповинно. Мы же перемѣшиваемъ все, и отъ недостатка вниманія и знакомства съ дѣломъ запутываемъ и усложняемъ вопросъ.

Наконецъ, большинство разсуждающихъ у насъ объ общинномъ владѣніи приписываетъ ему одному всѣ стѣсненія, которымъ подвергается нашъ крестьянинъ въ своихъ сельско-хозяйственныхъ занятіяхъ и распоряженіяхъ, не дѣлая между этими стѣсненіями никакого различія. Крестьянинъ стѣсненъ весьма сильно, — это несомнѣнно; что нѣкоторыя изъ стѣсненій, которыя онъ терпитъ, проистекаютъ непосредственно изъ общиннаго владѣнія – тоже безспорно. Но мы не даемъ себѣ труда подробно выяснить, изъ какой именно причины каждое изъ нихъ проистекаетъ. Разсуждаемъ мы, очень легкомысленно, такъ: многія изъ ограниченій крестьянъ въ свободномъ распоряженіи землею зависятъ прямо отъ принятыхъ у нихъ сельско-хозяйствен-

ныхъ порядковъ; а такъ какъ въ этихъ порядкахъ и заключается вся суть общиннаго владѣнія, то, заключаемъ мы, во всѣхъ стѣсненіяхъ виновато оно и оно одно. Поспѣшность и опрометчивость такого вывода, послѣ сказаннаго выше, очевидны. Допустимъ однако, что большинство стѣсненій, дѣйствующихъ вредно на земледѣліе у крестьянъ, дѣйствительно происходитъ только отъ общиннаго владѣнія. Есть ли это одно достаточное основаніе для произнесенія ему смертнаго приговора? По здравой логикѣ надо бы обсудить, не представляетъ ли оно какихъ-нибудь хорошихъ и полезныхъ сторонъ, которыми вредныя уравновѣшиваются или смягчаются,—сторонъ, изъ-за которыхъ крестьяне имъ дорожатъ, а многіе мыслящіе люди его отстаиваютъ. Эти стороны могутъ оказаться до того важными, ограждать такіе существенные интересы страны и народа, что волей-неволей придется помириться и съ дурными, терпѣть ихъ, изъ опасенія большаго зла. Мало ли что̀ дурное терпится за то хорошее, что̀ въ немъ есть! Всякій хозяинъ знаетъ это по опыту, не только управляя имѣніемъ, но даже своимъ домашнимъ хозяйствомъ. Наконецъ, тотъ же здравый смыслъ велитъ, прежде отмѣны вѣкового и любимаго народомъ обычая, подумать сперва, нельзя ли устранить или хоть ослабить его дознанныя неудобства и сдѣлать ихъ по возможности безвредными. Но обо всемъ этомъ, сколько извѣстно, мы до сихъ поръ и не думали. Общинное владѣніе, говоримъ мы, стѣснительно, стало быть его надо уничтожить. Но вѣдь и всякое учрежденіе и всякій обычай стѣснительны для индивидуальности; стало быть, слѣдуетъ всѣ ихъ уничтожить? Люди, разсуждающіе такъ съ плеча, должны бы вспомнить, что самое общежитіе, въ принципѣ, стѣснительно для каждаго лица, что даже природа насъ постоянно стѣсняетъ и ограничиваетъ своими неизмѣнными и неотвратимыми законами. А столько нами желанная для крестьянъ личная поземельная собственность—развѣ ужъ такъ безусловно неограниченна и свободна? Говоря объ общинномъ владѣніи, надо всмотрѣться въ него глубже, со всѣхъ сторонъ, а этого мы упорно не дѣлаемъ. Рутинное размышленіе, по готовымъ шаблонамъ, разумѣется гораздо удобнѣе. У насъ сельское хозяйство идетъ дурно, а въ Европѣ хорошо; у насъ распространено общинное землевладѣніе, а въ Европѣ оно давно упразднено, и мы поспѣшаемъ къ выводу: стало быть, общинное владѣніе этому виной, и если его упразднить, то сельское хозяйство пойдетъ у крестьянъ хорошо. Этотъ ходъ мыслей напоминаетъ намъ аргументацію одного господина, который доказывалъ, что музыкальныя способности славянскаго племени потому не говорятъ въ его пользу, что англичане—первый народъ въ мірѣ, а къ музыкѣ вовсе не способны. Съ такими и подобными аналогіями можно договориться Богъ знаетъ до чего. Единственный вѣрный и правильный путь—это изучить дѣло со всѣхъ сторонъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ, принимая къ свѣдѣнію чужой опытъ, но не давая сбивать себя съ толку чужими выводами изъ чужихъ фактовъ. Попробуемъ, съ этой строго-научной точки зрѣнія, разсмотрѣть общинное владѣніе, пользуясь очень немногочисленными, но весьма цѣнными опытами критической разработки этого предмета и все еще очень скуднымъ и, главное, крайне разбросаннымъ матеріаломъ. Мы нисколько не скрываемъ отъ себя, что при недостаткѣ положительныхъ фактовъ и при немногихъ пока попыткахъ научной ихъ разработки, изслѣдованіе не можетъ имѣть ни большой цѣны, ни большого научнаго значенія. Мы только хотимъ, съ своей стороны, помочь читателю уяснить себѣ вопросъ, возбудить интересъ къ предмету и, насколько можемъ, облегчить на первыхъ порахъ трудъ серьезныхъ изслѣдованій.

III.

Все, что можно сдѣлать при настоящемъ положеніи вопроса,—это взвѣсить и оцѣнить аргументы за и противъ общиннаго землевладѣнія. Этимъ мы и займемся.

Какъ уже замѣчено, наибольшее число возраженій противъ общиннаго владѣнія направлены, въ дѣйствительности, противъ принятаго теперь, въ большей части сельскихъ обществъ, распорядка пашенъ, при чемъ предполагается, что онъ зависитъ вполнѣ отъ общиннаго владѣнія.

Такъ, говорятъ, что при существующихъ теперь передѣлахъ общинной земли крестьянинъ не имѣетъ ни увѣренности, ни даже надежды воспользоваться трудомъ и деньгами, которые онъ положитъ на отведенную ему долю общинной земли, съ тѣмъ, чтобы

поднять на ней хозяйство. Онъ и истощаетъ свою пашню, не дѣлая ничего для улучшенія.

Говорятъ также, что общинное землевладѣніе искусственно поддерживаетъ между крестьянами крайнюю раздробленность пашни, при которой немыслимы никакія улучшенія въ обработкѣ полей. Частички земли, до того узкія и малыя, что по нимъ даже соха съ трудомъ ходитъ вдоль и вовсе не можетъ ходить поперекъ, вдобавокъ еще разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ, иныя вдалекѣ отъ жилья, отнимаютъ всякую возможность и охоту вести полевое хозяйство какъ слѣдуетъ, заставляютъ терять золотое время на проѣзды, изводятъ много пашни подъ межники, вынуждаютъ даромъ тратить много сѣмянъ по тѣмъ же межникамъ, ставятъ въ необходимость топтать, при проѣздахъ, полосы другихъ крестьянъ того же общества.

Многіе замѣчаютъ, что поле, озимое или яровое, общее для всѣхъ домохозяевъ одного общества, несмотря на то, что оно раздѣлено между ними полосами въ отдѣльное пользованіе, чрезвычайно стѣсняетъ каждаго домохозяина въ отдѣльности. Каждому изъ нихъ волей-неволей приходится начинать и оканчивать всѣ полевыя работы непремѣнно въ одно время съ другими. Начать сѣять и убирать хлѣбъ, вывозить навозъ, косить раньше другихъ онъ не можетъ: ему придется то топтать чужой хлѣбъ, или траву, то подымать паръ, когда по немъ гоняютъ скотъ, чего ему никто не позволитъ; если же онъ опоздаетъ передъ другими въ уборкѣ, или покосѣ,—опять бѣда: его хлѣбъ или трава будутъ побиты скотомъ и лошадьми. И потому крестьянину остается одно принятое всѣми крестьянами того же общества шаблонное, рутинное полеводство, хотя бы онъ ясно понималъ, что оно никуда не годится, и желалъ завести у себя улучшенное!

Всѣ эти замѣчанія сами по себѣ вполнѣ вѣрны. Ихъ, къ сожалѣнію, отвергать нельзя, какъ нельзя отрицать, что сельское хозяйство у огромнаго большинства нашихъ крестьянъ находится въ печальномъ состояніи, Защитники общиннаго владѣнія оказываютъ ему плохую услугу и большую своимъ противникамъ, усиливаясь стушевать очевидные и несомнѣнные факты. Но вопросъ въ томъ, говорятъ ли эти факты противъ общиннаго владѣнія, другими словами, проистекаютъ-ли они изъ общиннаго владѣнія, или изъ какихъ-нибудь другихъ причинъ?

Во 1-хъ, еслибъ у большинства или хоть у значительнаго меньшинства личныхъ поземельныхъ собственниковъ, крестьянъ и не крестьянъ, сельское хозяйство велось видимо лучше, чѣмъ у владѣющихъ на общинномъ правѣ, то это былъ-бы безспорно сильный аргументъ въ пользу мнѣнія, что общинное землевладѣніе виновато въ дурномъ состояніи у насъ сельскаго хозяйства. Но оно ведется у насъ одинаково плохо вездѣ, на всякихъ земляхъ, общинныхъ и не общинныхъ. Хорошія хозяйства, крестьянскія и не крестьянскія, — рѣдкія исключенія, и встрѣчаются они и на общинныхъ и не на общинныхъ земляхъ. Значитъ, общинное землевладѣніе не играетъ въ нашей сельскохозяйственной отсталости ровно никакой роли.

Во 2-хъ, черезполосица и связанная съ нею крайняя дробность полосъ, со всѣми ихъ вредными для хозяйства послѣдствіями, вовсе не составляютъ исключительной принадлежности общиннаго землевладѣнія. Они встрѣчаются очень часто и въ общихъ дачахъ и во владѣніяхъ мелкихъ собственниковъ, завися нерѣдко не отъ случайныхъ причинъ, каковы дробленіе наслѣдствъ, раздѣлы, покупки, неумѣнье или нежеланіе разверстаться къ однимъ мѣстамъ и проч., но и отъ причинъ весьма существенныхъ, мѣшающихъ устраненію черезполосицы, какъ, напр., отъ свойства угодій, ихъ особенной выгодности или невыгодности, отъ разныхъ топографическихъ условій и т. п. Стало быть, дробность и черезполосность владѣній, встрѣчаясь и на общинныхъ земляхъ и на принадлежащихъ въ личную собственность, во всякомъ случаѣ не могутъ, по здравой логикѣ, считаться зломъ, проистекающимъ исключительно изъ общиннаго землевладѣнія. Принятый у крестьянъ способъ распредѣленія пашни дѣйствительно много содѣйствуетъ дробности участковъ и чрезполосности. Но мы видѣли выше, что это не имѣетъ никакого отношенія къ общинному землевладѣнію. Послѣднее не требуетъ непремѣнно извѣстнаго распредѣленія полей, извѣстнаго сѣвооборота. Въ подтвержденіе, приводимъ слѣдующіе факты. Въ „Матеріалахъ для статистики Россіи, собираемыхъ по вѣдомству министерства государственныхъ имуществъ“, читаемъ (выпускъ 1-й, 1858 г.,

стр. 12), что въ двухъ подмосковныхъ селеніяхъ, Карачаровѣ и Андроновкѣ, нѣтъ пару: хозяева раздѣляютъ свои полосы, смотря по силѣ удобренія, на 4 или 5 смѣнъ, съ удобреніемъ черезъ четыре или пять лѣтъ; Гремячевское общество, въ 30-ти верстахъ отъ Москвы, засѣваетъ въ пару ромашку. Въ ярославской губерніи (тамъ же, выпускъ 2-й, 1859 г., стр. 23 и 24) есть селенія съ однопольнымъ хозяйствомъ (яровымъ) и безпольнымъ (переложнымъ); въ калужской губерніи (тамъ же выпускъ 5-й, стр. 18) есть селенія съ однопольнымъ и двухпольнымъ хозяйствомъ. Однопольныя и переложныя хозяйства существуютъ во множествѣ и въ самарскихъ степныхъ уѣздахъ, новоузенскомъ и николаевскомъ. Мы знаемъ изъ собственныхъ наблюденій въ бѣлевскомъ уѣздѣ тульской губерніи и по отзывамъ о нѣкоторыхъ селеніяхъ рязанской губерніи, что крестьяне, убѣдившись въ большихъ неудобствахъ дробныхъ полосъ, уже начинаютъ кое-гдѣ замѣнять ихъ болѣе обширными, сводя по возможности къ однимъ мѣстамъ разбросанные мелкіе клочки пашни. И въ этомъ отношеніи необходимость удобрять пашню должна постепенно научить крестьянъ болѣе правильнымъ порядкамъ, чѣмъ теперешніе. По мѣрѣ введенія удобренія, первоначальное, иногда случайное различеніе достоинства пахотной земли должно, мало-по малу, потерять во многихъ случаяхъ свое прежнее значеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ исчезнетъ и необходимость подраздѣлять каждое поле на нѣсколько, иногда на много клиновъ; съ уничтоженіемъ же, или хотябы только съ уменьшеніемъ числа клиновъ, участки естественно увеличатся. Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ, сельско-хозяйственные порядки, а не общинное владѣніе, оказываются причиною указанныхъ теперешнихъ неудобствъ и недостатковъ въ распорядкѣ полей.

Въ 3-хъ, передѣлы полей, какъ источникъ всякаго зла для сельскаго хозяйства и поводъ къ большимъ злоупотребленіямъ со стороны міроѣдовъ, несправедливости въ отношеніи къ заботливымъ хозяевамъ,—любимая тема противниковъ общиннаго владѣнія. При этомъ, по нашей всегдашней привычкѣ, не дѣлается никакого различія между условіями, при которыхъ передѣлы положительно вредны, и другими, при которыхъ они безвредны, или могутъ быть сдѣланы безвредными. Вмѣсто того, чтобы утруждать себя выясненіемъ такихъ различій, мы рубимъ съ плеча, и результатъ, разумѣется, выходитъ ошибочный.

Передѣлы ввелись и держались, пока земли давали, при плохой первобытной культурѣ и безъ удобренія, очень хорошіе урожаи. При такихъ условіяхъ, передѣлы совершенно безвредны. Естественныя различія почвы уравновѣшиваются разбивкой пашни на клины, а въ предѣлахъ каждаго клина зéмли совершенно одинаковы, пахать и засѣвать ту ли или другую полосу совершенно все равно. Вотъ что давало полную возможность ежегодно уравнивать доли всѣхъ участниковъ общиннаго владѣнія, не нарушая строгой справедливости. Ежегодный передѣлъ, съ распредѣленіемъ полосъ между участниками по жребію, окончательно уравновѣшивалъ незначительныя и случайныя неравенства, которыя могли еще оставаться послѣ разбивки пашни на клины и полосы. Но съ истощеніемъ земель, съ появленіемъ необходимости удобрять землю и тщательнѣе ее обработывать, условія передѣла начали существенно измѣняться. Въ первоначальномъ своемъ видѣ онъ сталъ несправедливымъ, тасуя между домохозяевами зéмли неодинаковаго качества, отнимая полосу унавоженную и хорошо обработанную у хозяина, который объ этомъ старался, и отдавая ее, совершенно случайно, въ руки лѣнтяя, который ничего или мало сдѣлалъ для улучшенія своей земли, а захудалую и тощую полосу—хорошему и самостоятельному хозяину. Такая явная несправедливость стараго передѣла, посреди новыхъ условій хозяйства, привела, мало-по-малу, къ нѣкоторымъ измѣненіямъ прежняго порядка, а именно, стали постепенно отмѣнять ежегодные передѣлы и производить ихъ черезъ болѣе продолжительные промежутки времени,—черезъ три года, пять, шесть, девять, двѣнадцать, пятнадцать и двадцать лѣтъ, или при наступленіи новой ревизіи. Этимъ нарушалась строгая уравнительность надѣловъ съ наличнымъ числомъ работниковъ или мужскихъ душъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ устранялись явныя несправедливости въ отношеніи къ старательнымъ хозяевамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне уже подумываютъ о совершенной отмѣнѣ передѣловъ. Любопытныя свѣдѣнія собраны по этому предмету въ 55-ти волостяхъ саратовской

губерніи (см. „Еженедѣльникъ", 1875 г., № 43, стр. 360). Наконецъ, здѣсь и тамъ, крестьяне уже начинаютъ, при передѣлахъ, оставлять неудобренныя полосы за прежними ихъ хозяевами и тѣмъ отнимаютъ у нерадивыхъ возможность пользоваться на счетъ старательныхъ. Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что частые и рѣдкіе передѣлы и полное ихъ прекращеніе одинаково уживаются съ общиннымъ владѣніемъ, и что слѣдовательно не оно, а другія причины поддерживаютъ ихъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ, несмотря на существенныя перемѣны въ прежнихъ условіяхъ хлѣбопашества.

Г. Посниковъ, въ своей замѣчательной диссертаціи, тоже доказываетъ, что общинное владѣніе нисколько не мѣшаетъ развитію сельскаго хозяйства и усовершенствованной культурѣ. Основная его тема та, что краткосрочная аренда земли не предоставляетъ арендатору больше правъ на арендуемый имъ участокъ, чѣмъ общинное владѣніе домохозяину на пашню, предоставленную въ его отдѣльное пользованіе. У перваго даже скорѣе меньше правъ, чѣмъ у послѣдняго, такъ какъ домохозяинъ, лишившись при передѣлѣ своей пашни, имѣетъ по крайней мѣрѣ право получить другую, тогда какъ арендаторъ, по истеченіи срока аренды, можетъ остаться вовсе безъ земли, если землевладѣлецъ не захочетъ возобновить съ нимъ контракта. И, несмотря на то, въ Англіи, гдѣ владѣльцы сами не занимаются сельскимъ хозяйствомъ, а раздаютъ свои земли фермерамъ, сельское хозяйство процвѣтаетъ какъ нигдѣ. Особаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что англійскіе фермеры не домогаются установленія долгосрочныхъ арендныхъ контрактовъ, а только требуютъ закона, который бы обязывалъ землевладѣльцевъ, при передачѣ ими фермы другому лицу, вознаграждать ихъ за всѣ сдѣланныя ими на ней улучшенія, которыя остаются въ пользу владѣльца или новаго содержателя. Изъ своего изслѣдованія, основаннаго на массѣ данныхъ и свидѣтельствующаго о большой начитанности и серьезномъ отношеніи къ вопросу, г. Посниковъ выводитъ, что общинное землевладѣніе утратило бы замѣчаемыя въ немъ теперь неудобства, еслибъ было, во 1-хъ, принято за правило, что передѣлы, какъ бы они часто ни производились, допускаются во всякомъ случаѣ не иначе, какъ черезъ однажды навсегда опредѣленные промежутки времени; другими словами, онъ требуетъ чтобы за каждымъ домохозяиномъ было обезпечено пользованіе своимъ участкомъ въ продолженіе однажды навсегда установленнаго періода времени, такъ что еслибы опредѣлены были передѣлы черезъ каждые три года и передѣлъ, предстоявшій, положимъ, въ 1876 году, не былъ произведенъ въ свое время, то слѣдующій затѣмъ могъ имѣть мѣсто не иначе, какъ въ 1870 году. При такомъ порядкѣ всякій домохозяинъ-общинникъ былъ-бы, подобно фермеру или арендатору, обезпеченъ, что раньше извѣстнаго срока его не потревожатъ въ пользованіи отведенной ему пашней, и онъ, вслѣдствіе того, могъ бы составить себѣ планъ своего хозяйства. Затѣмъ во 2-хъ, необходимо, по мнѣнію г. Посникова, обезпечить каждому домохозяину вознагражденіе за всѣ сдѣланныя имъ въ своемъ надѣлѣ улучшенія, когда его пашня при передѣлѣ переходитъ къ другому хозяину. При этихъ двухъ поправкахъ, общинное землевладѣніе не будетъ представлять бо́льшихъ неудобствъ для домохозяевъ, чѣмъ фермерство. Какъ ни справедливы, сами по себѣ, эти соображенія почтеннаго автора, но мы опасаемся, что они едва-ли покажутся вполнѣ убѣдительными. Фермерское хозяйство въ Англіи и наше крестьянское на общинной землѣ покажутся большинству несоизмѣримыми; сближеніе того и другого легко можетъ показаться искусственнымъ, натянутымъ. Въ Англіи содержаніе фермъ есть одна изъ отраслей промышленности и равносильно затратѣ капитала въ промышленное предпріятіе; крестьянскій же тягловой или душевой полевой надѣлъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, даетъ крестьянину только средство жить безбѣдно, уплачивать налоги и лишь въ лучшемъ случаѣ возможность отложить копѣйку про черный день. На фермерскомъ участкѣ сосредоточено цѣлое хозяйство; тягловой и душевой полевой надѣлъ состоитъ изъ полосъ, отведенныхъ въ разныхъ, иногда во многихъ мѣстахъ и окруженныхъ чужими полосами, а сѣнокосъ и пастбище находятся въ общемъ пользованіи съ другими и потому не могутъ быть улучшаемы иначе, какъ съ общаго согласія всѣхъ членовъ общества. Такое же различіе, въ большинствѣ случаевъ, представляетъ и размѣръ

отданной въ аренду фермы въ сравненіи съ крестьянскимъ надѣломъ. Мы далеки отъ мысли, чтобы между фермою и крестьянскимъ полевымъ надѣломъ не было никакихъ точекъ сравненія; онѣ безпорно есть, но слишкомъ далеки, чтобъ аргументація автора, на самомъ дѣлѣ весьма сильная, показалась всѣмъ достаточно убѣдительной. Намъ все-таки кажется, что вопросъ объ общинномъ владѣніи и вопросъ о системѣ полеводства и сельскаго хозяйства совершенно различны и смѣшивать ихъ никакъ не слѣдуетъ. Общинное владѣніе, какъ мы старались показать, уживается со всякими порядками распредѣленія полей и потому не можетъ мѣшать созданію самыхъ благопріятныхъ условій для сельскаго хозяйства. Это—первое и главное. Затѣмъ уже возникаетъ другой вопросъ: что благопріятнѣе для успѣховъ сельскаго хозяйства—временное ли пользованіе землей, или право личной собственности? Изъ диссертаціи г. Посникова несомнѣнно слѣдуетъ, что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, двигателемъ сельскаго хозяйства является фермерство, краткосрочная аренда, а не личная поземельная собственность. Если этимъ и не доказывается, что послѣдняя вездѣ и всегда менѣе полезна для успѣховъ сельско-хозяйственной культуры, то во всякомъ случаѣ оказывается несомнѣннымъ, что при общинномъ владѣніи, имѣющемъ нѣкоторыя условія, одинаковыя съ краткосрочными арендами, сельское хозяйство можетъ процвѣтать точно также, какъ и на личной поземельной собственности.

Къ сказанному выше прибавимъ еще слѣдующее. Многіе думаютъ, будто-бы общинное владѣніе отбиваетъ у крестьянъ охоту затрачивать труды и деньги на удобреніе, расчистку, осушеніе или орошеніе полей и луговъ, вслѣдствіе неувѣренности, что они сами воспользуются результатами этихъ усилій и пожертвованій. Упрекъ сформулированъ очень неправильно и сбивчиво. О комъ идетъ здѣсь рѣчь? Очевидно, не о цѣломъ обществѣ домохозяевъ, а о каждомъ домохозяинѣ въ отдѣльности, такъ какъ только онъ, а не общество, можетъ даромъ потерять свои труды и издержки на улучшеніе пашни. Цѣлому обществу они во всякомъ случаѣ воротятся. Если же рѣчь идетъ о надѣлѣ того или другого крестьянина, то возраженіе далеко не такъ серьезно, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Что касается улучшенія почвы, то мы видѣли—и это подтверждается всѣми, знакомыми съ бытомъ крестьянъ,—что тамъ, гдѣ удобреніе становится необходимымъ, передѣлы допускаются все рѣже и рѣже, а кое-гдѣ и вовсе начинаютъ прекращаться; при рѣдкихъ же передѣлахъ, а тѣмъ болѣе съ прекращеніемъ ихъ, приведенный упрекъ совершенно теряетъ свою силу. Другіе же способы улучшенія земли, какъ то: расчистка, орошеніе или осушеніе пашни, не подъ силу одному домохозяину; но при общинномъ владѣніи и не можетъ случиться, чтобъ одному или нѣсколькимъ домохозяевамъ понадобилось этимъ заняться на своихъ надѣлахъ, а другимъ не понадобилось. При разверсткѣ между собою пахотной земли, крестьяне прежде всего заботятся объ уравнительности участковъ, и, какъ мы выше замѣтили, только этимъ объясняется чрезмѣрная черезполосность и дробность жеребьевъ на крестьянскихъ поляхъ; но при такой исключительной заботѣ о строгой уравнительности, никакъ не можетъ случиться, чтобъ одинъ или нѣсколько домохозяевъ получили въ надѣлъ землю, требующую расчистки, осушенія или орошенія, а другіе нѣтъ; одно изъ двухъ: или всѣ получатъ на свою долю такія мѣста, или ни одинъ. Мѣста неудобныя, занимающія малое пространство и которыя потому не могутъ идти въ общій раздѣлъ, выключаются изъ разверстки между домохозяевами, не полагаются въ пашню, а остаются въ общемъ пользованіи. Что касается до луговъ, то къ нимъ приведенное возраженіе вовсе не можетъ относиться, такъ какъ они состоятъ не въ отдѣльномъ пользованіи домохозяевъ, а въ общемъ владѣніи общины и отводятся особо каждому только на время покоса. Значитъ, рѣчь можетъ идти о расчисткѣ, орошеніи и осушеніи крестьянскихъ полей и луговъ только въ примѣненіи ко всѣмъ домохозяевамъ, т.-е. къ цѣлому крестьянскому обществу, а никакъ не въ примѣненіи къ одному или нѣсколькимъ домохозяевамъ. Но цѣлыя общества очень часто расчищаютъ свои пашни, осушаютъ принадлежащія имъ болота и обращаютъ ихъ въ покосы и пашни; на это есть много примѣровъ. Пишущему лично извѣстенъ въ бѣлевскомъ уѣздѣ одинъ случай осушенія луга при помощи канавы, прорытой цѣлымъ обществомъ. Любопытный примѣръ осушенія болота цѣлымъ обществомъ приведенъ г. Якушкинымъ (Обычн. право, стр. XVII). Въ Уго-

дичской волости ростовскаго уѣзда ярославской губерніи находилось во владѣніи государственныхъ крестьянъ села Якимовскаго съ деревнями обширное покосное болото. Для осушенія его крестьяне прорыли канавы, длиною около 5-ти верстъ. За одну очистку этой канавы они впослѣдствіи заплатили 720 руб. Въ селѣ Копринѣ, рыбинскаго уѣзда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, употреблено 200 рублей на осушеніе 30 дес. болота подъ пашню и подъ посѣвъ клевера; а въ этомъ селѣ, по 10-й ревизіи, числилось всего 137 душъ. Въ олонецкой губерніи и уѣздѣ крестьяне Тускинской волости, въ числѣ 800 человѣкъ, окруженные болотами, положили осушить ихъ міромъ; два года они рыли общими силами канавы, два года выжигали торфъ, три года получали великолѣпные урожаи хлѣба съ осушенныхъ болотъ и затѣмъ стали получать съ нихъ отличное сѣно, до 500,000 пудовъ (Посниковъ, Общинное владѣніе, выпускъ 1-й, стр. 134). Такіе примѣры не рѣдки, хотя они лишь случайно попадаютъ въ печать, потому что за изученіе экономической жизни крестьянъ принялись у насъ, сравнительно, очень недавно. Будь на мѣстѣ крестьянъ мелкіе личные собственники,—никогда бы имъ не соединиться самимъ между собою для осушенія болотъ, подобно копринцамъ и тускинцамъ. Мы не умѣемъ не только полюбовно соединяться для общаго экономическаго предпріятія, но даже и раздѣлиться или размежеваться не можемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, насилу-насилу привели къ соглашенію какихъ-нибудь тридцать личныхъ землевладѣльцевъ Куяльницкаго и Хаджибейскаго лимановъ близъ Одессы, когда того требовала ихъ очевидная выгода и въ случаѣ несоглашенія имъ грозила потеря собственности. Сколько на примиреніе различныхъ интересовъ потрачено времени, безплодныхъ переговоровъ, сколько принесено казною матеріальныхъ пожертвованій! Надобно еще замѣтить, что въ приведенномъ случаѣ правительство, желавшее устроить соляной промыселъ близъ Одессы, настаивало на соглашеніи и имѣло въ рукахъ сильныя средства принудить къ тому владѣльцевъ. Въ этомъ отношеніи крестьянскія общества, уже привыкшія дѣйствовать съ общаго согласія всѣхъ членовъ, уже сложившіяся по привычкѣ въ организованныя единицы, представляютъ гораздо болѣе удобствъ для выполненія общихъ предпріятій на болѣе или менѣе обширномъ пространствѣ, чѣмъ соотвѣтственное количество личныхъ землевладѣльцевъ на такомъ же пространствѣ, но ничѣмъ между собою не связанныхъ. Эту мысль развиваетъ г. Посниковъ въ своей диссертаціи. Примѣромъ Англіи и Пруссіи онъ доказываетъ, что осушеніе большихъ пространствъ производилось и въ этихъ странахъ не иначе, какъ при вмѣшательствѣ правительства, при его дѣятельномъ содѣйствіи по установленію плана работъ, надзору за ихъ выполненіемъ и по доставленію необходимыхъ для того значительныхъ средствъ. Весьма замѣчательно, что даже въ Англіи, гдѣ начало личной независимости и свободы развито такъ сильно, какъ нигдѣ на европейскомъ континентѣ, законодательство допускаетъ принудительныя мѣры противъ землевладѣльцевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оказываются нужными улучшенія почвы для земледѣлія на большихъ пространствахъ. Такъ, если двѣ трети землевладѣльцевъ признаютъ такое улучшеніе необходимымъ, то остальная треть волей неволей должна подчиниться этому рѣшенію, принять планъ работъ, покориться приведенію его въ исполненіе и даже нести издержки, падающія на нихъ по этому предмету, по общей раскладкѣ. О Пруссіи и говорить нечего; тамъ, въ этомъ отношеніи, правительство распоряжалось, не стѣсняясь желаніемъ или нежеланіемъ владѣльцевъ. Г. Посниковъ, кромѣ того, указываетъ еще и на другой, не менѣе любопытный фактъ: и въ Англіи, и въ Пруссіи дѣятельность по улучшенію почвы для земледѣлія и сельскаго хозяйства замѣтно ослабѣла съ тѣхъ поръ, какъ правительства этихъ странъ, вѣроятно подъ вліяніемъ взгляда, что починъ въ дѣлахъ общественной пользы долженъ принадлежать не государству, а самому обществу, ослабили свою иниціативу и издали законы, предоставившіе большій просторъ самодѣятельности землевладѣльцевъ. Факты эти до очевидности разъясняютъ, что упреки общинному владѣнію, будто бы оно представляетъ помѣхи для расчистки, осушенія и орошенія полей и луговъ, лишены всякаго основанія и построены на однѣхъ фантазіяхъ, ничѣмъ не подкрѣпленныхъ. Примѣры, напротивъ, доказываютъ, что у насъ сельскія общества, и даже цѣлыя волости, при общинномъ владѣніи, выполняютъ иногда значительныя работы для осушенія пашни и луговъ. Если такихъ примѣровъ извѣстно

мало, то это потому, что многіе остаются неизвѣстными, и притомъ мы ничего не знаемъ о томъ, часто ли они встрѣчаются на земляхъ личныхъ владѣльцевъ, и не можемъ сравнивать, гдѣ такихъ работъ выполнено больше. Наконецъ, опытъ другихъ странъ, далеко насъ опередившихъ въ земледѣліи, показываетъ, что личное владѣніе не представляетъ, въ сравненіи съ общиннымъ, никакого преимущества относительно улучшенія почвы на большихъ пространствахъ, принадлежащихъ многимъ лицамъ.

Пойдемъ теперь далѣе. Большинство думаетъ, что общинное землевладѣніе нетолько оправдываетъ, но дѣлаетъ возможной и необходимой круговую поруку, благодаря которой трудолюбивый и бережливый крестьянинъ отвѣчаетъ за лѣниваго и расточительнаго, и вслѣдствіе того теряетъ всякую охоту трудиться, заниматься усердно своимъ хозяйствомъ, такъ какъ, въ концѣ концовъ, при круговой порукѣ, ему же приходится платиться плодами своей заботливости за нерадиваго и безпечнаго.

Принудительная, недобровольная круговая порука давно уже вызываетъ большія и справедливыя жалобы. Съ перваго взгляда можетъ показаться, будто связь ея съ общиннымъ землевладѣніемъ есть только случайная, вызванная побочными обстоятельствами. Въ пользу такого взгляда можно привести, что обязательная круговая отвѣтственность по уплатѣ податей, налоговъ и повинностей, какъ мѣра фискальная, служащая для обезпеченія интересовъ казны и установленій, пользующихся ея привилегіей, существуетъ и тамъ, гдѣ есть общинное владѣніе, и тамъ, гдѣ его нѣтъ. Такъ, подати отбываются крестьянами съ круговою отвѣтственностью другъ за друга безъ различія, находится ли у нихъ земля въ общинномъ, или въ участковомъ пользованіи. Даже въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ подушная подать взималась, до 1863 года, съ круговою отвѣтственностью лицъ податнаго званія, приписанныхъ къ городу, посаду, или мѣстечку (уст. под., ст. 243, 249, 257). Изъ этого бы слѣдовало, что обязательную круговую поруку никакъ не должно ставить въ зависимость отъ общиннаго владѣнія и производить изъ него. Несмотря на то, мы думаемъ, что общинное землевладѣніе, въ самомъ принципѣ, несетъ обязательную круговую отвѣтственность, какъ свое необходимое послѣдствіе. Примѣры, приводимые противъ этого изъ нашего законодательства, въ этомъ случаѣ ничего не доказываютъ и легко могутъ быть обращены въ пользу нашего заключенія. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, когда круговая порука по фискальному управленію господствовала въ городахъ, посадахъ, селахъ и деревняхъ московскаго государства, податные классы не имѣли личной поземельной собственности; они сидѣли на царской, государевой землѣ, которая не могла быть, ни въ какомъ случаѣ, обращена на пополненіе казенной недоимки. Готовая, выработанная форма обязательной круговой поруки была позднѣе введена и тамъ, гдѣ виды землевладѣнія были другіе, чѣмъ въ московскомъ государствѣ, и удержалась въ городахъ до 1863 г., несмотря на коренныя преобразованія ихъ внутренняго быта. Такимъ образомъ оказывается, что примѣненіе круговой поруки къ участковому владѣнію объясняется историческими обстоятельствами, а не самымъ существомъ дѣла. Строго говоря, вопросъ объ обезпеченіи взысканій недвижимымъ имуществомъ, взамѣнъ обязательной круговой поруки, могъ возникнуть въ примѣненіи къ общинному землевладѣнію лишь позднѣе, съ того только времени, когда земля стала собственностью крестьянскихъ обществъ на общинномъ правѣ. Отрицательное рѣшеніе его не можетъ, юридически, подлежать никакому сомнѣнію. Надѣлъ, отведенный домохозяину лишь въ пользованіе, не можетъ быть проданъ на удовлетвореніе падающихъ на него недоимокъ и взысканій, когда право собственности на этотъ надѣлъ принадлежитъ не ему, а всѣмъ домохозяевамъ общества въ совокупности. Если всѣ домохозяева вмѣстѣ собственники земли, то они всѣ вмѣстѣ и отвѣчаютъ за недоимки и взысканія съ каждаго изъ нихъ, по началу обязательной круговой поруки. Слѣдовательно, необходимо признать, что обязательная круговая порука и общинное землевладѣніе тѣсно между собою связаны; послѣднее непремѣнно предполагаетъ второе. Но, признавая это, мы считаемъ необходимымъ, для совершеннаго разъясненія вопроса, обратить вниманіе на другую сторону дѣла, которая, при всѣхъ разсужденіяхъ объ общинномъ владѣніи, остается почему-то въ тѣни и благоразумно забывается его противниками. Круговая порука, говорятъ, есть великое зло, великая несправедливость и бремя для рачительныхъ хозяевъ, которое

они несутъ въ пользу нерадивыхъ и лѣнтяевъ. Но почему, спрашивается, это бремя такъ тяжко, такъ разорительно и невыносимо? Положимъ, открылось наслѣдство, на которомъ есть долги. Каждый изъ наслѣдниковъ разсчитываетъ, выгодно ли ему принять его, или нѣтъ; если долги не превышаютъ стоимости наслѣдства, наслѣдникамъ можетъ быть выгодно оставить его за собой; если же долговъ больше, то они отъ него, въ большинствѣ случаевъ, откажутся. Примѣнимъ это къ крестьянскому общинному надѣлу. Если извлекаемый изъ него доходъ можетъ покрыть, хотя бы съ небольшимъ избыткомъ, лежащіе на немъ подати и сборы, то каждый домохозяинъ будетъ дорожить такимъ надѣломъ, и окажись временный его обладатель несостоятельнымъ, явится много охотниковъ взять его на себя. При такихъ условіяхъ, обязательная круговая порука будетъ лишь юридическимъ принципомъ, который рѣдко, почти никогда, не будетъ примѣняться на дѣлѣ, развѣ въ случаѣ какихъ-нибудь особенныхъ общественныхъ бѣдствій, когда впрочемъ обыкновенный ходъ фискальнаго управленія и безъ того на время прерывается. Напротивъ, если подати, налоги, взысканія, ежегодно падающія на крестьянскій надѣлъ, не только не покрываются ежегоднымъ съ него доходомъ, но даже, какъ у насъ бываетъ, превышаютъ самую капитальную стоимость надѣла, то онъ является уже не имуществомъ, а лишь поводомъ къ налогу, падающему прямо на лицо, на его личный трудъ и заработки. На оставленіе такого надѣла за собою, въ замѣнъ неисправнаго владѣльца, разумѣется не найдется охотниковъ, точно также, какъ и продажа его съ публичнаго торга не обезпечитъ казенныхъ взысканій и недоимокъ. И вотъ онѣ падаютъ всею своею тяжестью на общество домохозяевъ и составляютъ для нихъ дѣйствительно невыносимое бремя. Но кто же, спрашивается, въ этомъ случаѣ виноватъ: начало ли круговой обязательной поруки, или несоразмѣрность налоговъ съ доходностью надѣла, — общинное ли землевладѣніе, или податная система?

Кромѣ того, есть много и другихъ причинъ, почему замѣна обязательной круговой поруки поземельною отвѣтственностью, еслибы она и была юридически возможна, оказалась бы на дѣлѣ крайне затруднительной и для казны мало полезной. Примѣрно треть бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ еще не на выкупѣ, и съ тѣхъ поръ, что крестьяне стали свободны, владѣльческія земли нельзя обращать въ продажу на покрытіе крестьянскихъ недоимокъ. Затѣмъ, двѣ трети бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ состоятъ на выкупѣ съ пособіемъ отъ правительства, и ихъ земли состоятъ у казны какъ бы въ залогѣ. Продавать эти земли въ возмѣщеніе недоимокъ, при высокихъ податяхъ и налогахъ, какіе у насъ лежатъ на крестьянахъ, было бы операціей для казны крайне невыгодной. Казнѣ приходилось бы часто, въ одно и то же время, и продавать надѣлы за цѣну меньшую, чѣмъ сумма взысканія, и въ тоже время выплачивать изъ доходовъ казны проценты по ссудамъ на выкупъ этихъ надѣловъ, уже безъ всякой надежды возмѣщать эти проценты изъ крестьянскихъ платежей. Замѣнить круговую поруку обезпеченіемъ надѣла можно было бы только въ крестьянскихъ обществахъ, владѣющихъ на общинномъ правѣ собственною землею, окончательно выкупленною или неподлежащею выкупу. Они составляютъ болѣе половины всего сельскаго населенія имперіи. Но гдѣ подати и налоги не поглощаютъ всего чистаго дохода съ надѣла, тамъ подобная замѣна не имѣла бы никакой практической важности; гдѣ же они равны чистому доходу или превышаютъ его, а тѣмъ болѣе, гдѣ надѣлъ не имѣетъ никакой стоимости и весь окладъ падаетъ на личный трудъ и промыселъ, тамъ обращеніе взысканія на надѣлъ несостоятельнаго было бы безспорно полезно для прочихъ домохозяевъ того же общества, но казна мало бы чрезъ это выиграла. Притомъ, подобная мѣра имѣла бы еще и другое, гораздо большее неудобство. Продать крестьянскій надѣлъ за недоимки, конечно, очень легко, но едва-ли въ интересахъ государства размножать бездомниковъ, скитающихся по лицу Россіи съ семьями и дѣтьми, не имѣя ни пристанища, ни куска хлѣба. Въ числѣ причинъ, которыя приводились въ свое время въ пользу крѣпостного права, говорилось, что оно, между прочимъ, остановило бродячую жизнь крестьянъ и завело у насъ прочную осѣдлость. Продажею надѣловъ за недоимки мы бы стали раздѣлывать то, чего добились послѣ вѣковыхъ усилій и цѣною самыхъ тяжкихъ пожертвованій. Этимъ достаточно объясняется, почему правительство, впредь до болѣе благопріятныхъ условій на-

роднаго труда и поднятія уровня благосостоянія крестьянства, не рѣшается на мѣру, съ виду простую и легкую, но которая, устраняя одно зло, повлекла бы за собою другое, несравненно болѣе вредное и опасное. Нельзя смотрѣть на вещи такъ въ упоръ, какъ мы дѣлаемъ, не вникая въ ихъ причины, которыя всегда скрыты глубоко за поверхностью, не изслѣдуя явленій въ ихъ совокупности и взаимной связи. Изолированныхъ фактовъ нѣтъ въ мірѣ; все между собою вяжется и потому все производится множествомъ причинъ. Вынужденная отвѣтственность одного за другого по податямъ и повинностямъ есть, безъ сомнѣнія, зло. Но отчего происходитъ, что такъ часто приходится одному крестьянину платиться за другого? — вотъ что надо изслѣдовать. Будь такіе случаи рѣдки, на обязательную круговую поруку никто бы не жаловался, и пособить злу было бы легко разными палліативными мѣрами. Бѣда въ томъ, что послѣдствія невольной круговой поруки обратились у насъ въ хроническую болѣзнь, падающую разореніемъ на зажиточныхъ, трудолюбивыхъ и старательныхъ хозяевъ. Развились же они такъ и приняли такіе размѣры оттого, что поборы, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не соразмѣрны съ доходностью крестьянскихъ надѣловъ.

Изъ сказаннаго видно, что круговая порука дѣйствительно находится въ тѣсной, неразрывной юридической связи съ общиннымъ землевладѣніемъ; но, во-первыхъ, не она сама по себѣ такъ обременительна и несправедлива; виною тому—тяжесть налоговъ и платежей, падающихъ на крестьянство; а во-вторыхъ, отмѣна круговой поруки, а съ нею и общиннаго владѣнія, не устраняя зла при удержаніи теперешняго размѣра налоговъ, породила бы для казны, общества и государства еще бо̀льшее зло и еще бо̀льшія опасности въ настоящемъ и будущемъ, чѣмъ несправедливость и обременительность круговой поруки, при ея теперешнихъ условіяхъ.

Масса великорусскаго крестьянства, очень далекая отъ нашихъ споровъ за и противъ общиннаго владѣнія, относится къ дѣлу совершенно практически: гдѣ можетъ, она отдѣлывается отъ круговой поруки, потому что въ теперешнемъ своемъ видѣ и въ данныхъ условіяхъ она ее разоряетъ, а за общинное владѣніе держится крѣпко. Вотъ нѣсколько замѣчательныхъ примѣровъ. „Въ ярославской губерніи,— говоритъ г. Якушкинъ,—народъ глубоко убѣжденъ въ превосходствѣ общиннаго пользованія землею передъ всякою другою формою землевладѣнія. По ст. 165 Положенія о выкупѣ, общество обязано выдѣлить отдѣльный участокъ домохозяину, уплатившему въ казну выкупную ссуду, причитающуюся на его часть. Въ ярославской губерніи, съ 1861 года по ноябрь мѣсяцъ 1874 г., взнесена въ казну 679 лицами выкупная ссуда за 1900 надѣловъ, и только 11 домохозяевъ потребовали выдѣла изъ общиннаго владѣнія 39-ти принадлежавшихъ имъ надѣловъ и выдачи на нихъ данныхъ. Изъ 12,850 душъ крестьянъ, выкупившихся до 1861 года на волю отъ помѣщиковъ, по особымъ съ ними договорамъ, только одинъ домохозяинъ заявилъ желаніе выдѣлить свой участокъ къ одному мѣсту, между тѣмъ какъ на основаніи договоровъ и самаго закона (808 ст. IX Т. Св. Зак.) крестьяне обязаны были, въ теченіе опредѣленнаго срока, давно уже истекшаго, раздѣлить всю землю на отдѣльные участки, по числу домохозяевъ, и перейти отъ общиннаго землевладѣнія къ владѣнію землею на правахъ личной собственности. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на казенной землѣ, были составлены, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, приговоры о раздѣлѣ общинной земли на подворные участки. Цѣлью этихъ приговоровъ было уничтоженіе круговой поруки, такъ какъ при подворномъ владѣніи ея нѣтъ [1]). Круговая порука была у нихъ уничтожена, но земля не раздѣлена на участки до настоящаго времени и общинное владѣніе осталось у нихъ по прежнему". (Обычное право, стр. XVIII и XIX). Изъ этихъ примѣровъ, и притомъ по одной изъ самыхъ промышленныхъ губерній, видно, что крестьяне, тяготясь круговою порукою, крѣпко держатся за общинное землевладѣніе. Какимъ образомъ неисправный плательщикъ, при существованіи общиннаго владѣнія, отвѣчаетъ за падающія на него взысканія, — этого г. Якушкинъ не объясняетъ. Мы думаемъ, что объясненія должно искать, въ приведенныхъ имъ случаяхъ, въ сравнитель-

[1]) Въ 1866 и 1869 годахъ изданы были правила, на основаніи которыхъ крестьяне, въ извѣстныхъ случаяхъ, освобождаются отъ круговой отвѣтственности въ отбываніи государственныхъ податей и повинностей (Уст. Под., ст. 521 по прод. 1869 и 1870 годовъ).

ной легкости платежей, падающихъ на долю каждаго домохозяина. Какъ мало крестьяне иногда боятся круговой поруки, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: въ самарской губерніи нѣкоторые крестьяне, поселенные на казенныхъ земляхъ, испросили себѣ, въ пятидесятыхъ годахъ, разрѣшеніе подѣлить участковыя свои земли по душамъ. Въ спасскомъ уѣздѣ рязанской губерніи, крестьяне села Ижевскаго, поступившіе въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ и раздѣлившіе сначала свои земли на участки, потомъ выпросили себѣ право снова перейти къ общинному владѣнію. Въ Бессарабіи существуютъ такъ-называемыя резешскія вотчины, которыя сначала принадлежали нѣсколькимъ владѣльцамъ, переходили потомъ къ потомкамъ ихъ мужского и женскаго пола по равной части, а съ дальнѣйшимъ размноженіемъ уже не дѣлились, а оставались въ общинномъ владѣніи. Только для облегченія пользованія, отъ времени до времени, производятся раздѣлы этихъ земель, по взаимному соглашенію всѣхъ собственниковъ. Передѣлы между родами производятся каждые 10—15 лѣтъ, а между членами одного рода—каждые два или три года.

Трудно, не имѣя точныхъ данныхъ, рѣшить, чѣмъ мотивируется такое предрасположеніе нашего простого народа къ общинному владѣнію, даже когда земля принадлежитъ отдѣльнымъ семьямъ на вотчинномъ правѣ?.. Даже нѣмцы, поселенные на Волгѣ, замѣнили у себя, какъ извѣстно, участковое владѣніе общиннымъ. Вопросъ во всякомъ случаѣ заслуживалъ бы подробнаго изслѣдованія, безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей. Быть можетъ, оно раскрыло бы намъ такія стороны общиннаго владѣнія, которыя мы теперь совершенно опускаемъ изъ виду.

Мы разсмотрѣли важнѣйшія и наиболѣе общія возраженія противъ общиннаго землевладѣнія. Но кромѣ ихъ есть и другія, неосновательность которыхъ сразу бросается въ глаза. Разсмотримъ для полноты и ихъ.

Говорятъ: общинное землевладѣніе мѣшаетъ укорениться въ крестьянахъ понятію о правѣ собственности и объемѣ этого права. Возраженіе это взято не съ факта и дѣлается лицами, повидимому, никогда не говорившими съ крестьянами. Кто съ ними хоть разъ толковалъ о правѣ личной поземельной собственности и общинномъ землевладѣніи, тотъ знаетъ, что они ихъ различаютъ очень отчетливо и сознательно. Намъ сдается, что это возраженіе прямо выхвачено изъ какихъ-нибудь иностранныхъ книгъ. Иностранцы, за исключеніемъ весьма немногихъ, до сихъ поръ убѣждены, что наши мужики— коммунисты, а мужицкая община—дикій фаланстеръ, и этому вздору мы вѣримъ, или, по разнымъ соображеніямъ, хотимъ вѣрить, будто общинное владѣніе взаправду зародышъ будущаго обновленія міра по идеалу коммунистовъ и радикаловъ. Крѣпостники, явные и тайные, поддерживаютъ и раздуваютъ подобные толки съ умысломъ, обращая ихъ въ орудіе для своихъ цѣлей. Мы напомнимъ только, что если общинное владѣніе и ослабляло въ крестьянахъ сознаніе права личной собственности, то крѣпостное право, которое они выносили на своихъ плечахъ, въ теченіе столѣтій, не могло не внѣдрить въ нихъ совершенно отчетливаго понятія о томъ, что̀ такое личная собственность и чѣмъ она отличается отъ общиннаго владѣнія.

Говорятъ еще, будто общинное землевладѣніе скучиваетъ крестьянъ въ большія поселенія и тѣмъ удаляетъ ихъ отъ ихъ полей и угодій. Мы видѣли, что распредѣленіе полей зависитъ отъ системы земледѣлія, а не отъ общиннаго владѣнія, что послѣднее такъ же хорошо можетъ уживаться и съ хуторнымъ хозяйствомъ, какъ теперь уживается съ передѣлами. Скученіе нашихъ крестьянъ въ большихъ деревняхъ, по справедливому замѣчанію знающихъ людей, имѣетъ совсѣмъ другія причины, а именно: недостатокъ воды, необходимость, чтобы добыть ее на безводномъ пространствѣ, рыть глубокіе колодцы, что̀ подъ силу не одному домохозяину, а цѣлой деревнѣ; далѣе, — при первобытной культурѣ, водворенію хуторнаго хозяйства мѣшаетъ большое разнообразіе качества земли: разселившись хуторами, крестьянамъ пришлось бы—однимъ жить въ болотѣ, другому—на пригоркѣ, третьему—въ лѣсу и т. д.; кромѣ того, скученными держатъ крестьянъ и проѣзжіе пути, которые даютъ доходы отъ постояльцевъ, и разныя очевидныя выгоды сожительства, какъ-то: возможность имѣть общій выгонъ, общее пастбище, общаго пастуха и табунщика; живя въ разбросъ, крестьянамъ пришлось бы каждому пасти свой скотъ и лошадей особо, или содержать ихъ круглый годъ на стойлѣ; но ни то, ни другое, при

теперешнемъ хозяйствѣ и степени культуры, немыслимо. Прибавимъ къ этому наши зимнія вьюги, мятели и сугробы снѣга, заносящія цѣлыя селенія, наши ростепели и половодья, прекращающія сообщенія даже между близкими жильями весною и осенью. Что стали бы дѣлать, при такихъ условіяхъ, люди, разселенные хуторами на болѣе или менѣе значительномъ пространствѣ? И теперь мы затрудняемся заставлять крестьянскихъ дѣтей аккуратно ходить въ школы; а что было бы тогда? Жители разбросанныхъ дворовъ, залитые водой или засыпанные снѣгомъ, перегибли-бы въ одиночку отъ голода и холода, а школы пришлось бы закрыть вовсе.

Но забудемъ на минуту всѣ топографическія и климатическія условія, дѣлающія хуторный бытъ въ сѣверной и средней Россіи, по крайней мѣрѣ при теперешней степени культуры, положительно невозможнымъ; спросимъ: желательно ли вообще, чтобы наши села и деревни разселились отдѣльными хуторами? Въ экономическомъ, сельско-хозяйственномъ отношеніи, можетъ быть и да; но въ социальномъ—едва ли! И мы, и иностранцы, въ одинъ голосъ, твердимъ объ общительности великорусскаго крестьянина, живости его ума, его сметливости, находчивости, умѣньи жить съ людьми, о его расположеніи къ артельной жизни и работѣ, о значительности русскаго народа въ массѣ и напротивъ слабости, стертости, въ одиночку. Великорусскій простой народъ по преимуществу передъ всѣми другими племенами, вошедшими въ составъ Россіи, есть народъ общежительный, со всѣми достоинствами и недостатками, вытекающими изъ этой основной, преобладающей черты національнаго характера. Откуда эти общежительныя способности и инстинкты? Мы думаемъ, что они зарождаются, воспитываются и укрѣпляются въ сожительствѣ деревень и селъ, въ веденіи сообща сельскихъ и деревенскихъ дѣлъ, обусловленныхъ общиннымъ землевладѣніемъ и вытекающей изъ него круговой порукой. Какъ ни бѣдна и однообразна крестьянская общественная жизнь, но она закрѣпляетъ инстинкты и привычки общежительности, которые великорусскій крестьянинъ несетъ потомъ повсюду, куда ни заброситъ его судьба,—въ Ригу, Вильну, Одессу, Варшаву и Питеръ, въ солдаты, бурлаки или рабочую артель каменщиковъ, плотниковъ, землекоповъ,—въ извозчики, торгаши или половые. По этой характерной чертѣ — общительности, умѣнью жить съ людьми самыми разнородными, великорусскаго крестьянина узнаемъ вездѣ, всюду. Далеко не таковъ малороссіянинъ; онъ сосредоточенъ въ себѣ, мало общителенъ. Не происходитъ ли это, между прочимъ, оттого, что малороссіяне живутъ хуторами? На нѣмца одиночная выработка тоже наложила свою неизгладимую печать рѣзко запечатлѣнной индивидуальности. Мишле жалуется, что французскіе крестьяне мѣстами дичаютъ въ своихъ отдѣльныхъ хозяйствахъ. Мы не настаиваемъ на этихъ замѣткахъ, не приписываемъ имъ значенія дознаннаго факта, но думаемъ, что предметъ самъ по себѣ заслуживалъ бы подробнаго изслѣдованія, и пока оно положительно не опровергнетъ догадки о тѣсной связи характера нашего крестьянства съ условіями его общественной жизни, до тѣхъ поръ, кажется намъ, было бы слишкомъ рискованно рѣшительно произноситься въ пользу хуторнаго быта, въ ущербъ нашего теперешняго, деревенскаго.

Есть также мнѣніе, будто общинное землевладѣніе оправдываетъ и укрѣпляетъ самовластіе сельскихъ сходовъ, нарушающее и стѣсняющее личныя права и дѣйствія крестьянъ. Возраженіе это не выдерживаетъ критики. Сельскіе сходы существуютъ не при одномъ общинномъ землевладѣніи, но также и при участковомъ. Слѣдовало бы доказать, что самовластіе сельскихъ сходовъ въ обществахъ, владѣющихъ на общинномъ правѣ, сильнѣе и стѣснительнѣе; а пока это не доказано, такія обвиненія общиннаго владѣнія, какъ голословныя, не имѣютъ никакой цѣны. Общинное владѣніе, по принципу, предполагаетъ единогласное рѣшеніе всѣхъ домохозяевъ. Если этотъ принципъ нарушается, то причина, очевидно, не въ общинномъ владѣніи, а въ разныхъ побочныхъ обстоятельствахъ, которыхъ мы здѣсь разбирать не станемъ. Замѣтимъ только, что самовластіе проявляется у насъ нетолько въ сельскихъ сходахъ крестьянъ, владѣющихъ землею на общинномъ правѣ, но также и въ дѣйствіяхъ, напримѣръ, хоть правленій акціонерныхъ обществъ относительно акціонеровъ. Стало быть, самовластіе у насъ — явленіе гораздо болѣе общее, замѣтное и тамъ, гдѣ объ общинномъ владѣніи нѣтъ и помину. Почему же именно оно, и только оно одно, должно играть у насъ роль козла очищенія?

Упрекаютъ, кромѣ того, общинное земле-

владѣніе въ томъ, что оно будто бы убиваетъ въ крестьянахъ свободный починъ и укрѣпляетъ между ними старозавѣтные сельско-хозяйственные порядки.

Выше мы подробно объясняли, что не общинное землевладѣніе, а допотопныя сельскохозяйственныя понятія и пріемы, вмѣстѣ со многими другими причинами, мѣшаютъ успѣхамъ земледѣлія между крестьянами. Что же касается недостатка почина въ нашемъ крестьянствѣ, а особенно вслѣдствіе общиннаго владѣнія, то такого рода упрекъ похожъ на иронію. Мы, признаемся, напротивъ, удивляемся предпріимчивости, оборотливости, находчивости крестьянъ,—какъ это они умѣютъ, при ихъ крайнемъ невѣжествѣ и при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, извороротиться, пріискать себѣ промыселъ на сторонѣ, за тридевять земель, не унывать при горькой бѣдѣ и совершенной безпомощности! Мысль, что въ мнимомъ отсутствіи почина нашего крестьянина виновато общинное землевладѣніе, просто забавна и доказываетъ наивное незнаніе самыхъ простыхъ вещей. Всѣмъ и каждому извѣстно, что изъ всего крестьянства русской имперіи самые предпріимчивые—великорусскіе крестьяне. Они во всей имперіи и ея окраинахъ являются мелкими торгашами, ремесленниками, содержателями постоялыхъ дворовъ и трактировъ и мелкими банкирами, половыми, огородниками, возчиками, конкурируя съ жидами даже въ мѣстахъ ихъ постояннаго жительства. А именно, у великорусскихъ крестьянъ и существуетъ почти исключительно общинное землевладѣніе. Всѣ прочіе крестьяне, уступающіе имъ въ промышленной предпріимчивости, не выдерживающіе съ ними, въ этомъ отношеніи, никакого сравненія, владѣютъ землею на участковомъ правѣ. Наши крестьяне рутинисты, и притомъ благодаря общинному землевладѣнію! Да подумали ли тѣ, кто это говоритъ, что не только у насъ, но и въ цѣломъ мірѣ, крестьянство—среда самая косная, самая привязанная къ преданіямъ и заведенному порядку? Вездѣ у крестьянъ память о прошедшемъ, старые обычаи живутъ вѣка и сохраняются, несмотря на громадные перевороты, смывающіе ихъ до-чиста въ другихъ общественныхъ слояхъ. Въ Малороссіи до сихъ поръ ругаются „злымъ католыкомъ", въ тульской губерніи—„Литвою"; въ Эстляндіи до сихъ поръ крестьяне помнятъ дебри, куда они спасались отъ нашествія саксовъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Море тоже остается спокойнымъ въ глубинѣ, когда на поверхности его бушуетъ сильнѣйшая буря. Какъ же приписывать общинному владѣнію то, что есть общее явленіе и объясняется общимъ закономъ!

Въ вину общинному владѣнію ставятъ также, будто оно прикрѣпляетъ крестьянъ къ ихъ мѣсту жительства и мѣшаетъ ихъ свободному передвиженію. Всѣ знаютъ, что фискальныя и полицейскія условія, которыми обставлена наша деревенская община, что разныя положенія гражданскаго и уголовнаго права, гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, затрудняютъ свободное передвиженіе населенія; но чтобы общинное землевладѣніе ему препятствовало — объ этомъ никто, конечно, никогда не слыхалъ. Намъ укажутъ на круговую поруку; но мы уже выше показали, отчего она такъ тяжка для крестьянъ. А кромѣ круговой отвѣтственности нельзя придумать ничего, что бы могло навлечь на общинное владѣніе такую напраслину. Что оно, какъ мы видѣли, напримѣръ, въ ярославской губерніи, нравится крестьянамъ и добровольно привязываетъ ихъ къ ихъ мѣсту жительства въ селѣ или деревнѣ, гдѣ они участвуютъ въ общинной землѣ,—это очень можетъ быть, даже очень вѣроятно; но въ этомъ мы готовы видѣть не слабую, а скорѣе сильную сторону общиннаго землевладѣнія, не вредъ, а напротивъ, пользу. Развѣ было бы лучше, еслибъ масса нашего сельскаго населенія, обращенная самыми энергическими мѣрами, въ теченіе столѣтій, изъ бродячаго въ осѣдлое, снова начала перекочевывать съ мѣста на мѣсто? Этого, конечно, никто не пожелаетъ. Никто конечно не поставитъ общинному землевладѣнію въ вину, что оно привязываетъ сельское населеніе къ мѣсту жительства даже въ тѣхъ частяхъ имперіи, которыя, по климату, свойствамъ почвы и всей обстановкѣ жизни, крайне невыгодны и непривлекательны. Желать, чтобъ наше сельское населеніе передвинулось съ сѣвера на югъ, могутъ развѣ владѣльцы и арендаторы нашихъ хлѣбородныхъ степей; но въ виды правительства такая дикая мысль никакъ входить не можетъ; оно, безъ сомнѣнія, вполнѣ цѣнитъ тѣ условія, которыя побуждаютъ сельскія массы добровольно оставаться на своихъ мѣстахъ; избытокъ же сельскаго населенія и крестьяне, поставленные въ слишкомъ неблагопріятныя хозяйствен-

ныя условія, уже и теперь тянутся на востокъ и юго-востокъ, въ Сибирь, Оренбургскій край, въ новозавоеванныя среднеазіатскія владѣнія, несмотря на общинное землевладѣніе. Такое разселеніе крестьянъ по лицу имперіи происходило бы гораздо правильнѣе, успѣшнѣе и цѣлесообразнѣе, еслибъ были устранены разныя полицейскія и финансовыя препятствія, безполезно тормозящія дѣло, а главное, еслибы въ основаніе распоряженій по этому предмету былъ положенъ какой-нибудь общій планъ, общее начало, съ которымъ были бы соображены и согласованы частныя постановленія и мѣры.

Общинное землевладѣніе обвиняютъ также въ томъ, будто оно даетъ міру право распредѣлять между домохозяевами, по своему усмотрѣнію, повинности за всю общественную землю; вслѣдствіе этого, домохозяева воздерживаются будто бы отъ хорошей обработки земли, опасаясь, чтобы міръ не возвысилъ повинностей за лучше обработанные участки. Намъ лично такіе случаи нигдѣ не встрѣчались, и мы объ нихъ никогда не слыхали. Но допустимъ, что здѣсь и тамъ такія распоряженія дѣлаются міромъ: чтожъ бы это доказывало? Только то, что налоги слишкомъ велики, что ихъ приходится взимать не съ одной земли, а съ достатка и промысловъ. Къ общинному землевладѣнію это не имѣетъ ровно никакого отношенія. Міръ, распоряжающійся общинною землею, не кто другой, какъ сами владѣльцы этой земли, и когда она не даетъ довольно на покрытіе налоговъ, приходится пооброчить того, кто богаче. Это та же круговая отвѣтственность, только примѣненная не къ взысканіямъ, а къ раскладкѣ. Гдѣ подати покрываются легко, тамъ этой дополнительной раскладки никогда не бываетъ.

Замѣчаютъ еще, что тамъ, гдѣ существуютъ передѣлы полей, крестьяне не могутъ, безъ согласія міра, возводить построекъ на общинныхъ земляхъ и, скучивая по необходимости всѣ строенія на тѣсномъ пространствѣ усадьбы, подаютъ поводъ къ опустошительнымъ пожарамъ, уничтожающимъ у насъ вдругъ цѣлыя деревни и селенія.

Замѣчаніе это очень справедливо, но относится къ передѣламъ и способамъ поселенія, а не къ общинному землевладѣнію, которое, какъ мы видѣли, уживается и съ непередѣлимостью надѣловъ, и съ хуторнымъ хозяйствомъ.

Находятъ также, что при общинномъ владѣніи не доступенъ для крестьянъ долгосрочный поземельный кредитъ, а возможенъ только краткосрочный, подъ залогъ ожидаемаго урожая, а этотъ видъ кредита слишкомъ дорогъ и обременителенъ.

Здѣсь рѣчь идетъ конечно только объ отдѣльныхъ домохозяевахъ. Крестьянскія общества пользуются и теперь долгосрочнымъ поземельнымъ кредитомъ: это доказывается выкупнымъ положеніемъ и выкупными сдѣлками крестьянъ съ помѣщиками, при содѣйствіи правительства; чрезъ посредство же общества, такой кредитъ доступенъ и отдѣльнымъ домохозяевамъ, которыхъ ежегодные платежи соразмѣряются съ ихъ общинными надѣлами. Точно также, и до освобожденія крестьянъ, банковые долги нерѣдко переводились на крестьянскія общества, поступавшія въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, и мы, признаемся, не можемъ понять, почему бы точно также не могли пользоваться долгосрочнымъ кредитомъ всякія общества крестьянъ, собственниковъ своей земли, владѣющихъ ею на общинномъ правѣ. Слѣдовательно, рѣчь можетъ идти только о недоступности долгосрочнаго кредита для домохозяина, владѣющаго общиннымъ надѣломъ, помимо общества. Это совершенно справедливо: ни продать, ни заложить, ни подарить, ни завѣщать своего надѣла онъ не можетъ, потому что надѣлъ не принадлежитъ ему на правѣ собственности. Но вѣдь и арендаторъ подлежитъ такимъ же ограниченіямъ относительно арендуемой имъ земли, и наемщикъ дома, и взявшій вещь на сохраненіе; почему же именно общинному землевладѣнію это ставится въ укоръ, а не другимъ видамъ вещныхъ отношеній? Мы также не слыхали, чтобы дѣло шло у насъ о предоставленіи благодѣяній долгосрочнаго кредита крестьянамъ, владѣющимъ землею на участковомъ правѣ; они, сколько извѣстно, тоже не пользуются кредитомъ, помимо ссудъ на выкупъ надѣловъ, хотя и не владѣютъ землею на общинномъ правѣ. Когда возбудится у насъ общій вопросъ о долгосрочномъ кредитѣ для крестьянъ на занимаемыя ими земли,—а это очень желательно и, рано или поздно, должно будетъ стать на очередь,—будутъ, навѣрное, придуманы и комбинаціи о примѣненіи долгосрочнаго кредита къ общиннымъ надѣламъ.

Иные разсуждаютъ такъ: въ непромыш-

ленныхъ губерніяхъ, гдѣ дѣятельность крестьянъ по необходимости почти исключительно замкнута внутри общины, они бѣдны. Это замѣтно нетолько въ неплодородныхъ губерніяхъ, напримѣръ, псковской или смоленской, но и въ плодородныхъ, наприм., въ пензенской. Напротивъ, въ губерніяхъ промышленныхъ, лѣсныхъ и степныхъ, гдѣ крестьянинъ можетъ дѣйствовать внѣ общины, крестьяне зажиточны, несмотря на качества почвы. Изъ этого выводится, что трудъ крестьянина, подъ давленіемъ общины, мало производителенъ, хотя бы природныя условія ему благопріятствовали, и щедро награждается внѣ общины.

Вся эта аргументація основана на ошибочныхъ данныхъ и представляетъ рядъ недоразумѣній.

Пензенская губернія не вся черноземная; притомъ она не можетъ служить доказательствомъ, такъ какъ въ ней, сколько извѣстно, Положенія 19-го февраля были примѣнены очень неправильно.

Степныя губерніи ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить примѣромъ дѣятельности крестьянъ внѣ общины. Напротивъ, въ этихъ губерніяхъ крестьяне исключительно занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ внутри общинъ; а между тѣмъ, между ними дѣйствительно есть много зажиточныхъ и даже богатыхъ, потому что земли у нихъ много и она родитъ хорошо.

Зажиточность крестьянъ въ промышленныхъ губерніяхъ объясняется совсѣмъ не дѣятельностью внѣ общинъ, а тѣмъ, что неплодородіе почвы вынудило ихъ искать другихъ заработковъ, чтобы кормиться и платить подати. И потомъ нельзя никакъ сказать, чтобы дѣятельность крестьянъ промышленныхъ губерній исключительно происходила внѣ общинъ. Всѣмъ извѣстно, что въ этихъ губерніяхъ, рядомъ съ такъ-называемыми отхожими промыслами, существуютъ мѣстные, такъ-называемые кустарные, которые занимаютъ массы крестьянъ на мѣстахъ, внутри общинъ. Какъ же говорить послѣ того, что крестьяне зажиточны только тогда, когда дѣятельность ихъ происходитъ внѣ общинъ? Замѣчательно, что именно въ промышленныхъ губерніяхъ крестьяне крѣпко держатся общиннаго владѣнія, какъ мы видѣли на примѣрѣ ярославской. Зажиточность крестьянъ этихъ губерній, занимающихся промыслами, объясняется тѣмъ, что у насъ есть большой запросъ на промысловый трудъ, на земледѣльческій же онъ, сравнительно, меньше. Это показываетъ только, что промышленность у насъ слишкомъ мало развита.

Что промышленныя занятія не имѣютъ никакого отношенія къ общинному землевладѣнію—совершенно справедливо. Но какимъ образомъ промысловыя занятія могутъ происходить внѣ давленія общинъ, когда крестьяне наши, въ наиболѣе промышленныхъ губерніяхъ — ярославской, владимірской, костромской, отчасти нижегородской—живутъ въ такихъ же крестьянскихъ общинахъ и имѣютъ такое же общинное владѣніе, какъ и крестьяне всѣхъ другихъ великорусскихъ губерній,—этого рѣшительно нельзя понять.

Кромѣ того, пусть объяснятъ намъ, съ этой точки зрѣнія, почему въ западныхъ и малороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ существуетъ участковое владѣніе и слѣдовательно, по теоріи, община не подавляетъ крестьянъ, ни земледѣліе, ни промышленность не процвѣтаютъ?

Наконецъ, общинное владѣніе упрекаютъ въ томъ, что оно будто бы обязываетъ каждаго домохозяина взять на свою долю земельный надѣлъ ни больше, ни меньше того, сколько причитается на долю другихъ. Вслѣдствіе того тѣ, которые бы хотѣли заняться другимъ промысломъ, должны, волей неволей, брать больше земли, чѣмъ сколько имъ нужно. Отсюда, говорятъ, дурная обработка полей, помѣха промысламъ и раздѣленію труда въ сельскомъ населеніи.

Упрекъ этотъ, какъ и многіе другіе, взятъ не съ факта, а выдуманъ. Общинное владѣніе вовсе не *требуетъ* полной уравнительности надѣловъ; оно *даетъ* только домохозяевамъ *право* требовать уравнительности съ другими въ отводѣ имъ надѣловъ. Между тѣмъ и другимъ огромная, существенная разница. Уравнительность бываетъ обязательной только въ тѣхъ случаяхъ, когда налоги превышаютъ доходъ отъ надѣла, или даже его капитальную стоимость; но въ этихъ случаяхъ владѣніе не есть выгода, польза, а тягость; земля не служитъ обезпеченіемъ крестьянина, а мѣрою для обложенія личнаго труда. Никто, понятно, не желаетъ взвалить на себя большую обузу въ сравненіи съ другими, а нести меньшую другіе не позволятъ, по той же причинѣ. Очевидно, общинное землевладѣніе тутъ ни при чемъ.

Тамъ же, гдѣ земля съ избыткомъ покрываетъ налоги, каждый съ радостью беретъ землю, и никто отъ нея и не думаетъ отказываться. Въ такихъ мѣстностяхъ можно говорить о maximum надѣла, но minimum всегда будетъ опредѣляться доброй волей домохозяина; оттого здѣсь мы зачастую видимъ, что иной владѣетъ лишь усадьбой, или даже однимъ домишкой. И такъ, уравнительность или неуравнительность надѣловъ зависятъ вовсе не отъ общиннаго землевладѣнія, а отъ другихъ причинъ, и ставить ему въ вину неизбѣжную уравнительность, навязываемую волей-неволей, значитъ не имѣть понятія ни о бытѣ нашихъ крестьянъ, ни объ общинномъ землевладѣніи.

Кажется мы не пропустили ни одного возраженія противъ общиннаго землевладѣнія и внимательно разсмотрѣли каждое Что же оказывается? Ни одно изъ нихъ не выдерживаетъ критики. Самыя, повидимому, серьезныя основаны на недоразумѣніи и приписываютъ общинному владѣнію то, что вытекаетъ совсѣмъ изъ другихъ причинъ; незнаніе же и непониманіе предмета и нашего крестьянскаго быта, неумѣнье серьезно вдумываться, привычка къ рутиннымъ заключеніямъ и разсужденіямъ по готовымъ шаблонамъ довершаютъ путаницу понятій. Въ такомъ положеніи находятся почти всѣ наши коренные русскіе вопросы, и пройдетъ еще много времени, потребуется много труда и усилій, пока наконецъ мракъ начнетъ разсѣеваться и уступитъ мѣсто свѣту и правдѣ.

IV.

Представимъ теперь аргументы въ пользу общиннаго владѣнія. Ихъ тоже не мало, и они, смотря по точкѣ зрѣнія, очень различны.

Во-первыхъ, есть много людей практическихъ, которые, не задаваясь ни либеральными, ни консервативными задними мыслями, берутъ фактъ общиннаго владѣнія какъ онъ есть, взвѣшиваютъ его хорошія и дурныя стороны, пользу и вредъ, приносимые имъ теперь крестьянамъ. Отъ этой группы нельзя требовать анализа началъ общиннаго владѣнія; она разсматриваетъ его цѣликомъ, со всѣми его случайными приростами, произноситъ сужденіе о томъ непосредственномъ, научно не разсмотрѣнномъ и не разработанномъ фактѣ, который у каждаго подъ глазами. Доводы этой группы состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Общинное владѣніе имѣетъ передъ хуторнымъ хозяйствомъ то важное преимущество, что представляетъ возможность пользоваться, въ видѣ пастбища, паромъ и полями, съ которыхъ снятъ хлѣбъ. Безъ этого, крестьяне не могли бы держать большого количества скота и овецъ.

Противъ этого, конечно, можно замѣтить, что крестьяне при общинномъ владѣніи выгадываютъ только издержки на пастуха, ибо каждый домохозяинъ, имѣя весь свой участокъ около своего жилья, могъ бы точно также пасти свою скотину на своемъ пару и на своемъ убранномъ полѣ. Трудно понять, почему бы, при такомъ порядкѣ, количество скота должно было уменьшиться. Прибавимъ къ этому, что выпасъ скота на пару не можетъ быть названъ нормальнымъ; съ лучшей обработкой земли, при раннемъ вывозѣ удобренія и раннемъ поднятіи пара, выпасъ на немъ скота долженъ, если не вовсе отмѣниться, то во всякомъ случаѣ сократиться очень значительно. Поэтому, нельзя считать преимуществомъ общиннаго владѣнія то, что является лишь послѣдствіемъ низкаго уровня сельскаго хозяйства.

2) Въ степныхъ мѣстностяхъ хуторное хозяйство невозможно, по недостатку воды.

Это замѣчаніе тоже совершенно справедливо, но только при теперешнихъ условіяхъ земледѣлія, которое, надо надѣяться, подымется когда-нибудь и у насъ. Если крымскіе татары, жители Кавказа и Закавказья, новые наши подданные въ Средней Азіи, наши русскіе садоводы въ Поволжьѣ умѣли и умѣютъ устроивать орошеніе безводныхъ степей и обращать ихъ въ плодородныя мѣста, то нѣтъ причины, почему бы это было невозможно и въ другихъ степныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи. Итакъ, этотъ доводъ, подобно предъидущему, говоря въ пользу поселенія деревнями въ степныхъ пространствахъ въ настоящее время, не доказываетъ еще необходимости общиннаго владѣнія въ принципѣ.

3) Въ пользу общиннаго владѣнія и въ видѣ важнаго его преимущества передъ участковымъ приводится и то, что при круговой отвѣтственности по уплатѣ подушныхъ податей и повинностей душевой передѣлъ земель выравниваетъ лежащую на крестьянахъ тяжесть между всѣми; если же подѣлить земли

между крестьянами однажды навсегда, то семьямъ, въ которыхъ число членовъ уменьшится, будетъ слишкомъ тяжело, и они станутъ несостоятельны; притомъ, качество земель не одинаково, а платежъ съ души одинаковъ, вслѣдствіе чего онъ падетъ на нѣкоторыхъ плательщиковъ большею тяжестью, чѣмъ на другихъ. Наконецъ, какъ быть съ участками, владѣльцы которыхъ вымрутъ или выбудутъ? Слѣдующія съ нихъ подати и повинности по прежнему будутъ взыскиваться, но кому ихъ платить? Всѣхъ этихъ неудобствъ нѣтъ при общинномъ землевладѣніи и передѣлахъ полей. Надѣлы всѣхъ уравниваются, подати раскладываются по рабочимъ силамъ равномѣрно, земель, подлежащихъ налогамъ, не остается въ пустѣ, за выбытіемъ или смертью ихъ владѣльцевъ.

Предпосылка всей этой аргументаціи та, что податная система останется теперешняя, и размѣры платежей—тѣ же самые. При такихъ условіяхъ, полезно ли, спрашивается, для крестьянъ отмѣнить общинное владѣніе и подѣлить землю между домохозяевами на участки, отведя ихъ къ однимъ мѣстамъ? Отвѣтъ, разумѣется, дается отрицательный. Но онъ ничего не говоритъ въ пользу общиннаго владѣнія, ибо если перемѣнить предпосылку и предположить, что теперешняя наша податная система, какъ и должно надѣяться, будетъ когда-нибудь замѣнена болѣе правильной и уравнительной, то окажется, что и общиннаго владѣнія не нужно.

Очень замѣчательно, что въ то время, какъ противники общиннаго владѣнія нападаютъ на него во имя неудобствъ, порождаемыхъ при теперешней податной системѣ, защитники его, смотрящіе на дѣло чисто практически, отстаиваютъ его въ виду той же самой податной системы. Не доказываетъ ли это, что податной вопросъ существенно мѣшаетъ выясненію свойствъ общиннаго владѣнія въ глазахъ многихъ и что дѣйствующіе наши законы о податяхъ и повинностяхъ производятъ цѣлый рядъ ненормальныхъ явленій, затрудняющихъ изученіе русской экономической жизни?

4) Сознавая, что черезполосица одно изъ главныхъ неудобствъ общиннаго владѣнія, защитники его говорятъ, что семейные раздѣлы и отдача земель въ аренду завели бы ее и при участковомъ владѣніи; другіе отстаиваютъ даже и черезполосицу, въ виду уравнительности надѣловъ, которая ею достигается, при указанной выше невозможности разселенія хуторами во многихъ мѣстностяхъ Россіи.

И объ этихъ доводахъ въ пользу общиннаго владѣнія слѣдуетъ сказать то же самое, что мы замѣтили о предыдущихъ. Они безспорны, но не касаются общиннаго владѣнія въ принципѣ, а отстаиваютъ только извѣстныя его примѣненія, въ виду извѣстныхъ условій и обстоятельствъ; но разъ послѣднихъ нѣтъ, или они измѣнились, вся аргументація теряетъ свою силу. Значитъ и общиннаго владѣнія не нужно въ такомъ случаѣ? Таковъ общій недостатокъ доводовъ этой группы въ защиту общиннаго владѣнія. Они совершенно справедливы, но не рѣшаютъ вопроса, потому что ограничиваются обороной общиннаго владѣнія только въ виду побочныхъ условій, въ которыя оно теперь поставлено и которыя могутъ измѣниться. Поставленное въ иныя условія, оно дастъ новыя комбинаціи.

Вторая группа поборниковъ общиннаго владѣнія стоитъ, въ противоположность первой, на чисто теоретической почвѣ, противопоставляетъ его личной поземельной собственности и видитъ въ немъ начало, которое должно замѣнить послѣднюю и тѣмъ обновить теперешнія ненормальныя экономическія и соціальныя отношенія. Этотъ взглядъ выросъ и развивается не у насъ, а въ Европѣ, подъ вліяніемъ соціальныхъ неустройствъ и анархіи, порожденныхъ возростающимъ съ году на годъ пролетаріатомъ, нуждою и бѣдствіями огромной массы бездомнаго и голоднаго люда, брошеннаго съ семьями на произволъ судьбы,—люда, существованіе котораго исключительно зависитъ отъ хода промышленности и доброй воли капиталистовъ и собственниковъ - производителей. Изъ множества ученыхъ трудовъ и изслѣдованій, вызванныхъ соціальнымъ броженіемъ Европы, къ общинному владѣнію ближайшимъ образомъ относится книга Лавелэ, „о собственности и ея первоначальныхъ формахъ", обратившая на себя вниманіе и въ нашихъ мыслящихъ кружкахъ. Лавелэ идетъ отъ того начала, что гражданская свобода немыслима безъ землевладѣнія, какъ жизнь невозможна безъ свѣта и воздуха. Между тѣмъ, личная поземельная собственность была всюду, какъ только появлялась, причиною обезземеленія народныхъ массъ и вслѣдствіе того—источникомъ гражданскаго неравенства, вражды со-

словій, междоусобной войны и анархіи, приводящей государства къ ослабленію и упадку. До появленія личной поземельной собственности всюду существовало общинное владѣніе, и оно дѣлало людей довольными, счастливыми и спокойными. Воспоминанія объ этомъ блаженномъ времени сохранились въ преданіяхъ о золотомъ вѣкѣ, въ которыхъ на первомъ планѣ красуется отсутствіе личной собственности. Вездѣ, гдѣ общинное владѣніе удержалось до сихъ поръ, оно и теперь обезпечиваетъ существованіе и довольство людей и вполнѣ совмѣстимо съ раціональной культурой и успѣхами земледѣлія.

Окончательныхъ выводовъ изъ этого ряда мыслей Лавелэ не дѣлаетъ, но они просвѣчиваютъ довольно ясно; по крайней мѣрѣ изъ того, что онъ говоритъ, мы вправѣ заключить, что всѣ его сочувствія на сторонѣ общиннаго землевладѣнія и противъ личной поземельной собственности. Такого взгляда нельзя не признать одностороннимъ и узкимъ. Въ немъ, къ результатамъ строгаго научнаго и историческаго изслѣдованія, примѣшивается отголосокъ борьбы партій, не дающей мысли держаться на высотѣ полнаго безпристрастія и объективнаго пониманія событій. Книга Лавелэ—трудъ во всѣхъ отношеніяхъ весьма почтенный и достойный – вызвана соціальной безурядицей, и авторъ, подъ вліяніемъ вполнѣ понятныхъ сочувствій къ обиженнымъ и страдающимъ массамъ, нѣсколько увлекся въ одну сторону. Сужденіямъ его не чуждъ полемическій тонъ; Лавелэ не столько старается выяснить ходъ историческаго развитія поземельныхъ правъ и отношеній, сколько подъискать доводы въ пользу общиннаго владѣнія. Основной мотивъ его заслуживаетъ полнаго уваженія и сочувствія, но разъясненіе вопроса, при такой постановкѣ, мало выигрываетъ. Только совершенно безпристрастное, всестороннее разсмотрѣніе фактовъ только полная, внимательная ихъ оцѣнка, чуждая всякихъ предубѣжденій, можетъ привести къ заключеніямъ, разъясняющимъ настоящее экономическое положеніе, и указать правильный изъ него выходъ. Одна наука, въ ея истинномъ и высокомъ значеніи, въ состояніи успокоить возбужденную и встревоженную мысль и направить людей къ нормальной дѣятельности. Все, что дѣлается или пишется не въ этомъ смыслѣ и направленіи, только замедляетъ на пути къ рѣшенію вопросовъ, въ лучшемъ случаѣ прибавляя лишь нѣсколько новыхъ матеріаловъ и соображеній для будущаго ихъ рѣшенія.

Съ тѣхъ поръ, что міръ стоитъ, во всѣхъ человѣческихъ обществахъ, рано или поздно, непремѣнно выдѣляется изъ общиннаго владѣнія личная поземельная собственность. Одинъ этотъ фактъ не доказываетъ ли, лучше всякихъ разсужденій, что она имѣетъ такія же законныя и разумныя причины существованія, какъ и общинное владѣніе? Это меньшее, что можно сказать о личной поземельной собственности, но зато это можно утверждать безъ ошибки и колебаній.

Лавелэ розовыми красками описываетъ идиллическое счастіе добрыхъ и простыхъ людей при общинномъ владѣніи. Какъ почти всѣ писатели и ученые романской расы, онъ грѣшитъ излишествомъ воображенія, любитъ густыя, яркія краски, и подъ его перомъ пропорціи дѣйствительно измѣняются. Если общинный бытъ такъ прекрасенъ, если люди въ немъ такъ счастливы, то почему же онъ распадается даже тамъ, гдѣ никто подъ него не подкапывается? Отчего въ Сербіи, задруги, по свидѣтельству самого Лавелэ, приходятъ въ упадокъ? Отчего у насъ крестьянскія семьи, нѣкогда многочисленныя и богатыя, распадаются, и дѣлежи становятся все чаще и чаще? Надъ такими фактами нельзя не задуматься, имъ нельзя противопоставлять добрыя пожеланія и мечты. Исторія и факты, ихъ суровая, неумолимая логика, стоятъ за себя крѣпко, требуютъ признанія и оцѣнки, и мы не можемъ построить теоріи, создать формулы, сколько-нибудь полезной и пригодной, не разставшись съ тѣмъ, чего бы намъ желалось, не отдавшись вполнѣ тому, что даетъ, на что указываетъ сама жизнь, сама дѣйствительность. Ходъ исторіи—та же логика, та же математика, только имѣющая дѣло не съ понятіями, не съ отвлеченными величинами, а съ общественными явленіями.

Начнемъ съ того, что развитіемъ обществъ, какъ и матеріальныхъ организмовъ, одинаково и одновременно управляютъ два закона: во-первыхъ, законъ выдѣленія составныхъ частей или единицъ изъ совокупности, въ которой они заключались и жизнью которой жили, для особаго, самостоятельнаго существованія, и во-вторыхъ, законъ сведенія составныхъ частей къ единству, къ общему, совокупному, цѣлостному существованію. Это—такъ называемые законы дифференціаціи и организаціи. Семья, соединенная сначала при-

родными узами въ одно, потомъ распадается, и связь, которая поддерживается между ея членами, потомъ существенно измѣняетъ прежній свой характеръ. То же самое замѣчаемъ мы и въ первобытныхъ обществахъ. Ихъ составныя части и члены, находившіеся сначала въ тѣсномъ, непосредственномъ единеніи, мало-по-малу выдѣляются, начинаютъ жить каждый особою, самостоятельною жизнью, и тогда создается между ними уже другая связь, общественная и государственная, непохожая на прежнюю, непосредственную, природную.

Но вмѣстѣ съ выдѣленіемъ составныхъ элементовъ и членовъ первобытныхъ обществъ и образованіемъ между ними новой связи, на иныхъ началахъ, выказывается и развивается неравенство людей, которое дотолѣ оставалось въ тѣни, незамѣченнымъ, потому только, что ему не на чемъ было обнаружиться и разыграться. Лишь при обособленіи людей и самостоятельномъ развитіи каждаго изъ нихъ, оно обнаруживается вполнѣ. Физическое, умственное, нравственное неравенства людей создаются природными различіями, которымъ существенно содѣйствуютъ особенныя, иногда случайныя условія самостоятельнаго развитія и существованія каждаго члена общества въ отдѣльности. Такимъ образомъ, неравенство есть такой же основной фактъ человѣческой природы и человѣческихъ обществъ, какъ и физической природы. Требованіе равенства возникло только какъ отрицаніе гражданской и политической неурядицы, при которой одни члены общества нарушили самостоятельное, спокойное существованіе и развитіе другихъ. Равенство въ смыслѣ полнаго матеріальнаго умственнаго и нравственнаго уравненія всѣхъ есть безсмыслица, которой нельзя и формулировать.

Вмѣстѣ съ выдѣленіемъ составныхъ стихій первобытныхъ человѣческихъ обществъ для отдѣльнаго, самостоятельнаго развитія и существованія, родилась и личная поземельная собственность. Въ ней получили люди или группы людей опору для своей самобытности, матеріалъ для выработки своей индивидуальности, для воплощенія своей мысли и своихъ особенностей, поприще для дѣятельности. Вотъ почему личная поземельная собственность — такое же необходимое явленіе въ человѣческомъ обществѣ и государствѣ, со времени выдѣленія индивидуальности, какъ и неравенство, и также неотмѣнима, какъ оно. Личная поземельная собственность должна и будетъ существовать во всѣхъ сколько-нибудь развитыхъ человѣческихъ обществахъ, съ той минуты, какъ они начинаютъ развиваться, и мысль, что можно упразднить ее,—такая же фантазія, какъ мысль водворить полное равенство. Рѣчь можетъ идти только о томъ, чтобы личная поземельная собственность, составляющая одно изъ условій развитой общественности, не нарушала равновѣсія общественнаго организма, не мѣшала правильной, равномѣрной жизни всѣхъ его сторонъ и всѣмъ его нормальнымъ отправленіямъ. Наблюдая развитіе древнихъ и новыхъ человѣческихъ обществъ, мы открываемъ, въ этомъ отношеніи, слѣдующій знаменательный фактъ: какъ только личная поземельная собственность становится единственною, исключительною формою поземельныхъ отношеній, другими словами—какъ только вся земля переходитъ въ личную собственность, послѣдняя становится орудіемъ угнетенія однихъ слоевъ общества другими, рождаетъ между ними вражду, внутреннюю ожесточенную борьбу общественныхъ элементовъ, которая мало-по-малу разъѣдаетъ общественность, ведетъ къ междоусобіямъ и анархіи. Изъ этого слѣдуетъ, что разрушительно дѣйствуетъ не личная поземельная собственность, а ея исключительное владычество. Значитъ, надо не уничтожить ее, а сдѣлать безвредной, ввести въ должныя границы. Жизнь природы, человѣка и человѣческихъ обществъ обусловлена гармоническимъ сочетаніемъ элементовъ, а не уничтоженіемъ того изъ нихъ, который въ данную минуту кажется вреднымъ или опаснымъ. Всѣ элементы полезны и благотворны, но только въ правильныхъ сочетаніяхъ, и вредны только тогда, когда такихъ сочетаній нѣтъ. Нельзя указать ни одного общественнаго элемента, который, развиваясь исключительно на счетъ всѣхъ другихъ, не былъ бы вреденъ и опасенъ для общества и государства; отыскать между различными элементами такое сочетаніе, которое бы помѣшало одному изъ нихъ развиваться на счетъ другихъ и нарушить общую гармонію силъ и дѣятельностей,—вотъ въ чемъ состоитъ вся задача и вся политическая мудрость.

Примѣнимъ это къ предмету, который насъ занимаетъ. Личная собственность, какъ цѣль и въ то же время мотивъ предпріимчивости, дѣятельности, изобрѣтательности, трудолюбія,

выдержки, есть сильнѣйшій рычагъ всякаго успѣха, всякаго развитія въ обществѣ. Это— закваска, которая непрерывно толкаетъ впередъ, не даетъ погрузиться въ лѣнь и дремоту. Она двигаетъ промышленность во всѣхъ ея видахъ; она поднимаетъ экономическій бытъ и экономическій строй народа. Въ сельскомъ хозяйствѣ крупная и средняя личная поземельная собственность подстрекаетъ ко всякимъ нововведеніямъ и улучшеніямъ, къ опытамъ и пробамъ, къ новымъ пріемамъ, увеличивающимъ доходность; у малой собственности нѣтъ для этого ни условій, ни почвы, ни нужнаго простора. Но когда вся земля обращается въ личную собственность, то изъ этого происходитъ вотъ какое существенное зло: личная собственность, по своей природѣ, завоевательна; она стремится расшириться, захватить какъ можно больше; отъ этого она, рано или поздно, производитъ между поземельными собственниками экономическую борьбу, которая, не будучи сдерживаема ничѣмъ и предоставленная самой себѣ, оканчивается побѣдою сильнѣйшихъ надъ слабѣйшими, поглощеніемъ мелкой собственности крупною. Вслѣдствіе того, поземельная собственность, мало-по-малу, неудержимо сосредоточивается въ немногихъ рукахъ; бѣдная, слабая, мало способная, не предпріимчивая или, по случайнымъ обстоятельствамъ, захудалая часть населенія остается безъ земли, выбрасывается съ дѣтьми на улицу, на произволъ судьбы, безъ средствъ, безъ крова, и отдается на милость тѣхъ, кто согласится ее кормить за работу. Условія заработка не могутъ не быть крайне тяжки, при неравномъ положеніи дающаго работу и предлагающихъ свой трудъ. Условія эти становятся еще тяжелѣ при конкурренціи между собою собственниковъ, изъ которыхъ каждый стремится выиграть и нажить больше другого и ставитъ беззащитному передъ нимъ труду все болѣе и болѣе невыгодныя условія.

Какое же средство умѣрить эти послѣдствія права личной поземельной собственности, парализовать ея разъѣдающія свойства, не уничтожая этого, не только неизбѣжнаго, но и полезнаго, дѣятельнаго, образовательнаго, прогрессивнаго элемента общественной жизни?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ третья группа поборниковъ общиннаго владѣнія. Она видитъ въ этой формѣ землевладѣнія охрану сельскаго населенія отъ несправедливыхъ и вредныхъ послѣдствій исключительнаго господства личной поземельной собственности, и потому особенно дорожитъ общиннымъ крестьянскимъ землевладѣніемъ. Эта группа чрезвычайно многочисленна во всѣхъ слояхъ русскаго общества, хотя программа ея можетъ быть и не формулирована еще съ достаточной точностью и опредѣленностью. Наблюдая практически надъ послѣдствіями различныхъ условій экономической жизни крестьянъ, живущихъ въ общинѣ, люди, принадлежащіе къ этой группѣ, находятъ, что общинное землевладѣніе наилучшимъ образомъ ограждаетъ крестьянъ отъ безземелья, батрачества и пролетаріата, и потому стоятъ за него и ему сочувствуютъ.

„Стремленіемъ къ раздѣленію земли,—говорится въ одномъ изъ отзывовъ,—можно дойти до передачи мелкихъ участковъ въ руки немногихъ и создать безземельныхъ крестьянъ, которые и у насъ въ Россіи будутъ тѣ же пролетаріи, и изъ нихъ извѣстно что можно сдѣлать—примѣръ западная Европа. Да и у насъ довольно примѣровъ среди голодающей отрасли духовенства, отставныхъ чиновниковъ и другого безземельнаго люда. Лучше оставить общинное владѣніе сельскихъ обществъ такъ, какъ оно есть, и ежегодные передѣлы полей. Въ нашей мѣстности (саратовской) это не уменьшаетъ благосостоянія сельскихъ жителей и не производитъ безземельныхъ. Но если бы число оставляющихъ земледѣліе увеличивалось, то только переходомъ крестьянина-земледѣльца къ болѣе прибыльнымъ занятіямъ, и тогда оставленіе земли было бы естественнымъ переходомъ участковъ въ однѣ руки. Идя такимъ путемъ, у насъ увеличилось бы городское населеніе и прибавилось бы крупныхъ участковыхъ землевладѣльцевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ развились бы и промыслы“.

„Вопросъ о преимуществѣ общиннаго или участковаго пользованія—сказано въ другомъ отзывѣ—имѣетъ значеніе только въ соціальномъ, а не въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, именно: общинное пользованіе препятствуетъ развитію безземельности и удерживаетъ неравенство имуществъ въ извѣстныхъ предѣлахъ. Что же касается до сельско-хозяйственной стороны этого вопроса, то опытъ показываетъ, что земли, принадлежащія отдѣльнымъ крестьянамъ на правѣ собственности, а также земли частныхъ владѣльцевъ, воздѣлываются точно такъ же, какъ и

земли, находящіяся въ общинномъ пользованіи, а потому и дѣлаемыя противъ сего послѣдняго возраженія, будто оно препятствуетъ улучшенному воздѣлыванію земли, лишены всякаго основанія. Съ другой стороны, улучшенное земледѣліе возможно и при общинномъ пользованіи: для этого стоитъ только продолжить срокъ передѣловъ земли, или отдавать каждому хозяину участокъ, по возможности, въ прежнемъ мѣстѣ. Если улучшенное земледѣліе возможно на арендуемой землѣ, то нѣтъ основанія предполагать его невозможнымъ на общественной".

„Хотя общинное пользованіе землей—замѣчается однимъ изъ сообщавшихъ свѣдѣнія—не представляетъ большихъ удобствъ для хозяйства въ томъ отношеніи, что ее не удобряютъ какъ слѣдуетъ, не зная, попадетъ ли она на будущій годъ, при передѣлѣ, тому, кто ее удобрилъ, и хотя здѣсь (въ липецкомъ уѣздѣ, тамбовской губерніи) имѣющіе на общихъ сходкахъ силу мужики, называемые крестьянами „міроѣдами", при передѣлѣ земли имѣютъ большія выгоды въ выборѣ ея,—все-таки всякій обезпеченъ въ кускѣ хлѣба и въ уплатѣ податей, тогда какъ при введеніи участковаго хозяйства число безхлѣбныхъ и несостоятельныхъ много увеличится, и міроѣды постараются забрать у неимущихъ весь участокъ за нѣсколько лѣтъ, за то, что подпоятъ бѣдняка, или заплатятъ за него за одинъ годъ, а потомъ онъ поступитъ на общество, и міроѣдъ будетъ платить за него самую ничтожную часть, владѣя его участкомъ".

„Предполагать можно,— говоритъ четвертый, — что участковое хозяйство возможно только для крестьянъ зажиточныхъ, или для сильныхъ семействъ, имѣющихъ много работниковъ; для малыхъ же семействъ или для бѣдныхъ крестьянъ оно немыслимо и поведетъ неминуемо за собою пролетаріатъ".

Пятый, не расположенный къ общинному владѣнію, признаетъ однако, что оно „не допускаетъ развитія пролетаріата".

Одинъ житель бессарабской губерніи находитъ, что „въ предупрежденіе развитія пролетаріата было бы желательно, чтобы полевые надѣлы царанъ оставались навсегда въ глазахъ закона общиннымъ владѣніемъ и чтобы тѣ порядки, которые теперь существуютъ въ полѣ между членами общины по ея приговору, не могли послужить къ закрѣпленію участковъ... Лучшимъ доводомъ къ подтвержденію этого мнѣнія можетъ послужить примѣръ мелкихъ собственниковъ, которыхъ по крайней мѣрѣ половина обнищала, хотя пользуются они правомъ собственности, или вѣрнѣе сказать, потому именно, что пользуются они искони этимъ правомъ". На такое же обнищаніе собственниковъ семейныхъ участковъ указываютъ въ саратовской губерніи, именно на бывшихъ питомцевъ московскаго воспитательнаго дома, надѣленныхъ землею лѣтъ 20 тому назадъ, а въ ардатовскомъ уѣздѣ нижегородской губерніи указываютъ два случая перехода отъ общиннаго владѣнія къ участковому, но отъ котораго не послѣдовало улучшенія хозяйства.

Одинъ землевладѣлецъ валуйскаго уѣзда воронежской губерніи безпристрастно сравниваетъ между собою общинное и участковое пользованіе землею и находитъ, что каждое имѣетъ „свои выгоды и неудобства. Выгоды общиннаго владѣнія землею заключаются: 1) въ исправномъ отбываніи повинностей, пока подать не разложена крестьянами на землю; 2) въ удобствѣ пастьбы общественнаго скота на толокѣ, особливо въ маловодныхъ земляхъ и большихъ притомъ селеніяхъ, и 3) въ томъ, что вновь подростающія поколѣнія не такъ страдаютъ отъ нерадѣнія родителей. Выгоды участковаго владѣнія: 1) стараніе хорошо обработать и удобрить свою землю, въ увѣренности, что земля эта не отойдетъ къ другому. Случается, что общества, которыя обыкновенно поздно дѣлятъ свои земли, отнимаютъ уже взоранную землю и отдаютъ другому; 2) участковый владѣлецъ можетъ во всякое время начинать пахать свою землю, что, для удобства пастьбы, ему запрещаютъ при общинномъ пользованіи. Для этого нужно стараться, чтобъ большія слободы выселялись на отдаленные свои участки, лишь бы не было недостатка въ водопоѣ. При участковомъ владѣніи, говоритъ въ заключеніе тотъ же землевладѣлецъ, общій выводъ урожайности земель долженъ бы подняться въ значительной степени; но зато нерадивые крестьяне, а нѣкоторые и по несчастію, обнищали бы и попали бы въ вѣчные работники".

Указаніе на то, что при общинномъ владѣніи подростающія поколѣнія менѣе страдаютъ отъ родителей, подтверждается любопытнымъ свѣдѣніемъ изъ ново-архангельскаго уѣзда орловской губерніи. Здѣсь право бывшихъ государственныхъ крестьянъ про-

давать свою землю признается *пагубнымъ*. „Случается, сказано въ доставленномъ свѣдѣніи, что глава семейства грозитъ продать (землю) и сдѣлать нищими жену, мать сейства и взрослыхъ сыновей“. Противъ этого предлагаются разныя мѣры.

„Въ Бобровскомъ уѣздѣ (Воронеж. губ.)—говоритъ одинъ мѣстный житель—исключительно существуетъ общинное пользованіе землею и оно одно спасаетъ всѣхъ, ибо, если бы было участковое землевладѣніе, то большинство крестьянъ скоро бы окончательно разорилось“.

На міроѣдовъ всѣ жалуются. Разсказывается много о томъ, какъ они притѣсняютъ бѣдныхъ крестьянъ при общинномъ владѣніи. Однако высказывается также мнѣніе, что при участковомъ владѣніи міроѣды были бы еще вреднѣе [1]).

[1]) Противъ единогласныхъ заявленій, что общинное владѣніе оберегаетъ крестьянъ отъ пролетаріата, сдѣланы возраженія изъ уманскаго уѣзда кіевской губерніи и изъ симбирской губерніи. Одно заключается въ томъ, что „участковое хозяйство болѣе уравниваетъ бытъ всего крестьянскаго общества и приноситъ ему пользу въ хозяйственномъ отношеніи; между тѣмъ, гдѣ общества имѣютъ общинное пользованіе землею, тамъ болѣе есть пролетаріевъ, и пользованіе землей находится въ рукахъ богатыхъ односельцевъ“. Въ другомъ отзывѣ указывается противъ тѣхъ, которые опасаются пролетаріата отъ введенія участковаго владѣнія, „во 1-хъ, на большое количество незаселенныхъ казенныхъ и частныхъ земель и, во 2-хъ, на обѣднѣлыхъ и бездомныхъ крестьянъ, не приносящихъ пользы ни себѣ, ни правительству, ни обществу, которые забрасываютъ свою землю и самые дома и, скитаясь по свѣту, служатъ только обремененіемъ обществу“. Ни одно изъ этихъ заявленій не доказываетъ, впрочемъ, ничего противъ пользы общиннаго владѣнія, какъ одной изъ дѣйствительнѣйшихъ мѣръ противъ пролетаріата. Они только свидѣтельствуютъ, что при участковомъ владѣніи крестьяне могутъ быть зажиточны, а при общинномъ бѣдны; но въ этомъ едва-ли кто-либо сомнѣвался; далѣе указывается на злоупотребленія, при общинномъ владѣніи, богатыхъ; и это легко можетъ быть, и естественно, при отсутствіи закона, который бы опредѣлялъ порядокъ распредѣленія надѣловъ и при отсутствіи всякой возможности жаловаться на распоряженія міра по поземельнымъ дѣламъ; наконецъ, никто, конечно, не станетъ отрицать, что и при общинномъ владѣніи, какъ и при участковомъ, были, есть и будутъ лѣнтяи, забулдыги и негодяи, которые предпочтутъ бродяжничество и легкую наживу воровствомъ, мошенничествомъ, или прошеніемъ милостыни, честному, упорному, постоянному труду и осѣдлой жизни. Тяжесть и неравномѣрность налоговъ, конечно, не мало содѣйствуетъ увеличенію ихъ числа и крайнему обремененію обществъ. Что же касается указанія на частныя и государственныя земли для поселенія безземельныхъ крестьянъ, которые будутъ выбрасываться изъ общинъ при участковомъ устройствѣ ихъ владѣній, то въ немъ заключается только признаніе доказаннаго и несомнѣннаго факта, что исключительное господство личной поземельной собственности неизбѣжно сопровождается обезземеленіемъ части сельскаго населенія.

Дополнимъ эти ссылки и указанія нѣкоторыми другими, столько же характеристическими.

Разныя лица, владѣльцы ветлужскаго и варнавинскаго уѣздовъ костромской губерніи, губерній тульской, орловской и суджанскаго уѣзда курской, свидѣтельствуютъ, что крестьяне болѣе зажиточные, покупая земли въ личную собственность внѣ своей общинной земли, удерживаютъ за собою и свой общинный надѣлъ. И это одинаково замѣчается какъ въ мѣстностяхъ, гдѣ между крестьянами видно стремленіе перейти къ участковому владѣнію, такъ и тамъ, гдѣ этого стремленія нѣтъ. Какъ намъ извѣстно изъ личныхъ наблюденій, большинство крестьянъ, имѣющихъ личную поземельную собственность или занимающихся на сторонѣ выгоднымъ промысломъ или службой, дорожатъ своимъ общиннымъ надѣломъ на случай болѣзни, старости или крупной неудачи, которая можетъ лишить ихъ и денегъ и пріобрѣтенной земли. На свой общинный надѣлъ, какъ на мѣсто прибѣжища въ крайнемъ случаѣ, они нерѣдко употребляютъ свои сбереженія, для прикупки скота, для постройки новыхъ избъ въ виду будущаго, которое можетъ быть хорошо, но можетъ быть и дурно.

Всѣ эти отзывы и данныя вполнѣ выясняютъ значеніе общиннаго владѣнія въ быту нашего сельскаго населенія. Эта форма землевладѣнія имѣетъ свои неудобства, изъ которыхъ самыя главныя и существенныя: круговая порука, недоступность для отдѣльнаго домохозяина поземельнаго кредита помимо общества, невозможность для домохозяина устроить, помимо общества, свой полевой надѣлъ такимъ образомъ, чтобы можно было его обработывать независимо отъ прочихъ домохозяевъ по желанію и дѣлать на немъ любые опыты и улучшенія; наконецъ, домохозяинъ, отдѣльно взятый, не будучи личнымъ собственникомъ своего надѣла, не имѣетъ ни права свободнаго имъ распоряженія, ни права его отчуждать какимъ бы то ни было образомъ. Все это, безспорно, стѣсненія и ограниченія, и притомъ весьма серьезныя.

Но, во-первыхъ, тяжесть круговой поруки, какъ мы старались объяснить выше, происходитъ отъ обременительности податей. По свидѣтельству одного лица изъ рязанской губерніи, „въ черноземныхъ мѣстностяхъ крестьяне не избѣгаютъ круговой поруки, потому что, въ случаѣ несостоятельности, они пользуются землею неисправнаго“, и только „въ другихъ мѣстахъ эта порука для крестьянъ представляетъ большое затрудненіе“. Но наша теперешняя обременительная и неравномѣрная податная система, надо надѣяться, будетъ измѣнена, подати будутъ приведены въ справедливую уравнительность съ доходами отъ земли и тогда круговая порука перестанетъ быть, какъ теперь, несноснымъ бременемъ для крестьянъ, владѣющихъ землею на общинномъ правѣ. Во-вторыхъ, существенныя неудобства теперешняго распорядка общинныхъ земель для развитія сельскаго хозяйства, насколько такой распорядокъ не обусловленъ географическими и топографическими условіями, устраняется, какъ объяснено выше, сами собой, съ поднятіемъ уровня образованія въ нашихъ сельскихъ массахъ и съ распространеніемъ между ними свѣдѣній о правильномъ веденіи сельскаго хозяйства. Зачатки этого мы уже и теперь видимъ, здѣсь и тамъ, въ прекращеніи ежегодныхъ передѣловъ пашни, въ отмѣнѣ вовсе передѣловъ и во введеніи удобренія полей тамъ, гдѣ его прежде не было. Всякія улучшенія сельскаго хозяйства у крестьянъ, владѣющихъ на общинномъ правѣ, повторяемъ, возможны, потому что общинное владѣніе ни мало этому не мѣшаетъ и допускаетъ всякій распорядокъ полей, заведеніе всякаго рода хозяйства, не исключая хуторнаго. Наконецъ, въ третьихъ, юридическія стѣсненія каждаго отдѣльнаго домохозяина при общинномъ владѣніи и недоступность для него непосредственно, помимо общества, долгосрочнаго поземельнаго кредита, заключаются въ самомъ существѣ общиннаго владѣнія и не могутъ быть вполнѣ устранены въ будущемъ; но такимъ же ограниченіямъ и стѣсненіямъ подвергается и арендаторъ относительно арендуемой имъ земли; подвергается и всякій участникъ общей нераздѣленной собственности, въ отношеніи къ своей въ ней части. Весь вопросъ сводится, слѣдовательно, къ тому, выкупаются ли стѣсненія и ограниченія, проистекающія изъ общиннаго владѣнія, какими-нибудь особенными выгодами и пользами, которыя дѣлаютъ желательнымъ и необходимымъ его сохраненіе, несмотря на эти ограниченія и стѣсненія?

Выгоды эти перечислены въ свидѣтельствахъ и свѣдѣніяхъ, приведенныхъ выше, и заключаются въ слѣдующемъ:

1) При общинной собственности домохозяинъ не можетъ отчуждать свою часть въ общинной землѣ, слѣдовательно имѣетъ гораздо менѣе поводовъ и соблазна оставаться безземельнымъ и безпріютнымъ батракомъ и пролетаріемъ. Общинное землевладѣніе, въ этомъ смыслѣ, есть, для массы сельскаго населенія, страховое учрежденіе отъ безземелья и бездомности, особенный видъ примѣненія къ ней законовъ противъ мотовства, безпутства и расточительности, приспособленный къ условіямъ быта низшаго сельскаго населенія.

2) Общинная собственность представляетъ твердый оплотъ противъ разнузданной, не знающей границъ экономической борьбы частныхъ интересовъ, спекуляціи и наживы, въ примѣненіи къ сельской народной массѣ. Безъ ограниченія, какое представляетъ въ этомъ отношеніи общинное владѣніе, экономическая борьба, въ силу своей природы, своихъ основныхъ свойствъ, своего разъѣдающаго и завоевательнаго характера, сломила бы мелкую поземельную собственность, обезземелила бы ея владѣльцевъ и сосредоточила бы ее въ рукахъ болѣе крупныхъ капиталистовъ и собственниковъ, въ ущербъ интересамъ низшаго сельскаго населенія.

3) Общинное владѣніе обезпечиваетъ за низшимъ сельскимъ населеніемъ прочную осѣдлость, пріютъ и кусокъ хлѣба въ старости и дряхлости, даетъ возможность вырости и окрѣпнуть подростающимъ сельскимъ поколѣніямъ, не подвергаясь всѣмъ невыгодамъ, случайностямъ и опасностямъ бродячей жизни между чужими людьми, по распутьямъ и городамъ.

4) Общинное владѣніе создаетъ для промышленной и предпріимчивой части низшаго сельскаго населенія твердую точку опоры, возможность выступить на промышленное поприще, а вмѣстѣ представляетъ и центръ тяжести, къ которому огромное большинство безпрестанно тяготѣетъ и возвращается. Обезпечивая семьямъ промышленныхъ людей неотчуждаемый очагъ, общинное владѣніе развязываетъ имъ самимъ руки, даетъ имъ размахъ и полетъ, невозможный и немыслимый

для людей, которыхъ семьи не имѣютъ обезпеченнаго и независимаго крова и пропитанія.

Вотъ благодѣянія, вносимыя общиннымъ землевладѣніемъ въ жизнь крестьянскихъ сельскихъ массъ. Они такъ существенны и важны, послѣдствія, вытекающія изъ общиннаго владѣнія для цѣлаго строя народной жизни, такъ многозначительны и плодотворны, что нельзя разсматривать этотъ видъ поземельныхъ отношеній какъ предметъ только частнаго права и частнаго интереса; наравнѣ съ желѣзными дорогами, кредитными учрежденіями, отправленіемъ правосудія, способами корреспонденціи, укрѣпленіемъ имуществъ, общинное землевладѣніе есть предметъ публичнаго или общественнаго права, и касаясь одною своею стороною частныхъ пользъ и выгодъ, оно другою тѣсно связано съ вопросами общаго интереса и общаго благосостоянія. Если мы не хотимъ, рано или поздно, видѣть у себя зарожденія рабочаго вопроса, со всѣми его экономическими и нравственными послѣдствіями, съ его ученіями, страстями и борьбами, мы не должны расшатывать народнаго обычая, который носитъ въ себѣ всѣ зачатки правильной экономической и поземельной организаціи, но безъ тѣхъ фантазій и миражей, въ которыхъ заблудилась европейская мысль, ища выхода изъ ненормальнаго экономическаго положенія, созданнаго исключительнымъ и безусловнымъ господствомъ начала личной поземельной собственности. Особенно теперь, больше чѣмъ когда-нибудь, мы должны дорожить общиннымъ землевладѣніемъ. Наше великорусское крестьянство вступило, въ настоящее время, въ тотъ періодъ своего развитія, чрезъ который неизбѣжно проходятъ всѣ народы, — въ періодъ разложенія непосредственныхъ, природныхъ семейныхъ и родовыхъ союзовъ на ихъ составныя единицы. Прежнія большія крестьянскія семьи дробятся безконечно, во всѣхъ концахъ Россіи; отовсюду слышно, что раздѣлы семействъ изъ года въ годъ усиливаются. По глубоко-вѣрному замѣчанію одного лица, котораго показанія мы привели, участковое хозяйство по плечу лишь сильной крестьянской семьѣ, состоящей изъ многихъ членовъ; малой семьѣ оно не подъ силу, и при участковомъ владѣніи такія семьи скоро пришли бы въ совершенное разореніе. Вотъ почему, посягать на общинное владѣніе теперь было бы особенно несвоевременно и опасно. Многіе утѣшаютъ себя надеждою, что мелкіе личные собственники и крестьяне-общинники перейдутъ въ земледѣльческія ассоціаціи, которыя съ успѣхомъ поведутъ у насъ впередъ сельское хозяйство, избавятъ народныя массы отъ безземелья и подымутъ благосостояніе мелкихъ владѣльцевъ. Очень можетъ быть, даже очень вѣроятно, что это когда-нибудь такъ и будетъ; но никакъ нельзя ожидать, чтобъ это сдѣлалось скоро; для этого нужна совсѣмъ другая степень культуры народныхъ массъ, чѣмъ какая у насъ, и совсѣмъ иныя сельско-хозяйственныя знанія, понятія и привычки, чѣмъ наши; а никакой перемѣны, ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи, нельзя ожидать скоро. Впрочемъ, даже когда она произойдетъ, сельско-хозяйственныя ассоціаціи найдутъ настоящее свое примѣненіе и окажутъ благотворное дѣйствіе преимущественно въ отношеніи къ мелкой личной собственности; общинное владѣніе, со временемъ, вѣроятно, тоже будетъ, болѣе или менѣе, захвачено сельско-хозяйственной ассоціаціей, но едва ли когда-нибудь оно сольется съ ними вполнѣ. Задача общиннаго владѣнія, его призваніе и назначеніе—совсѣмъ другія, и только оно одно и можетъ ихъ выполнить; вотъ это то обстоятельство и придаетъ ему характеръ важнаго общественнаго учрежденія.

Но обратимся отъ возможнаго и вѣроятнаго будущаго къ дѣйствительному и несомнѣнному настоящему. Теперь мы видимъ у насъ разложеніе непосредственной крестьянской семьи на ея составныя единицы. Начало индивидуальности предъявляетъ свои права весьма замѣтно. Въ такую минуту особенно важно, чтобъ это начало не разнесло и не разрушило того, что составляетъ прочное основаніе благосостоянія, осѣдлости, обезпеченности и спокойствія многочисленнаго сельскаго населенія. Періодъ развитія, который оно теперь переживаетъ, очень многозначителенъ, и если мы пойдемъ по пути исключительной и безусловной индивидуализаціи поземельной собственности, то попадемъ безвозвратно на тотъ опасный путь, благодаря которому казнится теперь Европа и съ котораго сойти не будетъ уже потомъ никакой возможности, безъ глубокихъ соціальныхъ потрясеній. Поэтому-то мы и должны не упразднять, а напротивъ бережно охранять общинное владѣніе и пронести его неприкосновеннымъ до того времени, когда бо̀льшая степень культуры, лучшее пониманіе

частныхъ и общественныхъ интересовъ, сдѣлаютъ огражденіе его ненужнымъ. Возведенное въ общественное учрежденіе, укрѣпленное закономъ, выработанное и опредѣленное юридически, освобожденное отъ постороннихъ наплывовъ и примѣсей, оно дастъ намъ возможность спокойно и благополучно пережить трудный въ жизни каждаго народа періодъ индивидуализаціи; но и послѣ, когда пройдетъ этотъ періодъ, общинное землевладѣніе будетъ приносить нашей общественности, правильному ходу нашихъ внутреннихъ дѣлъ, существенную пользу, оказывать нашему развитію безчисленныя, неоцѣнимыя услуги. Общинное землевладѣніе, какъ можно видѣть уже и теперь, не предназначено двигать сельское хозяйство, толкать впередъ промышленность: оно можетъ только обезпечивать существованіе народныхъ сельскихъ массъ съ ихъ подростками. Оно не есть поприще для кипучей и широкой промышленной дѣятельности, но есть почва, на которой можетъ спокойно вырости и приготовиться къ промышленной дѣятельности многочисленная народная масса, и въ то же время мѣсто прибѣжища для тѣхъ, которые изнемогаютъ и падаютъ въ непрерывной борьбѣ экономическихъ и промышленныхъ интересовъ. Для сильныхъ, предпріимчивыхъ, способныхъ, даровитыхъ людей общинное владѣніе слишкомъ тѣсно и узко, и они будутъ изъ него выходить; но для слабыхъ, посредственныхъ, непредпріимчивыхъ, довольствующихся немногимъ, и для неудачниковъ — а такихъ огромное большинство — общинное владѣніе есть якорь спасенія, тотъ челнокъ, или та спасательная доска, на которыхъ они могутъ держаться около берега, посреди экономическихъ треволненій и бурь, поодаль отъ ожесточенной борьбы за наживу.

Такимъ образомъ, ближайшая будущность общиннаго владѣнія, если только мы съумѣемъ его сохранить, обозначится, какъ мы полагаемъ на основаніи предъидущаго, приблизительно въ слѣдующемъ видѣ:

Вездѣ, гдѣ общинное владѣніе существуетъ, оно будетъ утверждено закономъ, и дальнѣйшее раздробленіе его на отдѣльныя личныя собственности прекратится. Запрещены будутъ, въ предѣлахъ общинной собственности, продажа участковъ и выдѣленіе ихъ на вотчинномъ правѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, крестьянскимъ обществамъ будетъ дана возможность выкупить изъ частной собственности лежащіе посреди общиннаго владѣнія участки и предоставлено будетъ этимъ обществамъ наслѣдовать такіе участки, когда они станутъ выморочными.

Всѣмъ сельскимъ обществамъ, владѣющимъ своими землями на участковомъ правѣ, будетъ предоставлено свободно, безъ помѣхи, переходить, въ случаѣ желанія, отъ участковаго владѣнія къ общинному.

Для устраненія злоупотребленій и несправедливостей по распредѣленію общинныхъ надѣловъ, предоставлена будетъ обиженнымъ и заинтересованнымъ возможность жаловаться на постановленія и распоряженія міра по владѣнію и пользованію общинной землей. Разсмотрѣніе такихъ жалобъ возложено будетъ на учрежденія, близко и подробно знакомыя съ существующими по этому предмету, въ каждой мѣстности, обычаями и порядками.

Юристы, отбросивъ предразсудокъ, что всѣ явленія русской жизни непремѣнно должны подходить подъ Сводъ законовъ гражданскихъ, разставшись съ ложнымъ убѣжденіемъ, будто нѣтъ и не можетъ быть другихъ началъ гражданскаго права, кромѣ римскихъ или европейскихъ, начнутъ вполнѣ безпристрастно, объективно и подробно изучать сложную и подчасъ весьма тонкую казуистику распредѣленія общинной земли между членами общества, и извлекутъ изъ нея живущія между крестьянами безсознательно или полусознательно общія юридическія начала, которыя, будучи въ главныхъ и общихъ чертахъ почти вездѣ одни и тѣ же, представляютъ чрезвычайное разнообразіе въ примѣненіи къ различнымъ мѣстностямъ, мѣстнымъ условіямъ и особенностямъ. Такимъ изученіемъ и разработкою живыхъ фактовъ, доступныхъ и близкихъ каждому, исподоволь подготовится юридически выработанный матеріалъ для закона о порядкѣ распредѣленія между членами сельскаго общества поземельнаго владѣнія въ общинной землѣ. Такой законъ будетъ служить вмѣстѣ и руководствомъ при разбирательствѣ жалобъ на дѣйствія мірскихъ сходовъ по этому предмету.

Съ болѣе правильнымъ распредѣленіемъ налоговъ, лежащихъ теперь на крестьянскомъ населеніи, съ приведеніемъ ихъ въ правильную соразмѣрность съ доходами отъ земли, сдѣлаются ненужными какъ фискальныя, такъ и полицейскія стѣсненія, затрудняющія теперь выходъ изъ общины и вступ-

леніе въ число ея членовъ. И то и другое будетъ вполнѣ свободно и предоставится ближайшему усмотрѣнію самихъ сельскихъ обществъ и ихъ членовъ, подъ аппелляціею недовольныхъ въ учрежденія, которыя будутъ устроены для разбирательства дѣлъ по распредѣленію общинной земли.

Всѣ такія нововведенія будутъ логическимъ и необходимымъ послѣдствіемъ признанія общиннаго владѣнія какъ одного изъ видовъ вещныхъ правъ, наравнѣ съ правомъ личной поземельной собственности, а также преобразованія правилъ податныхъ, паспортныхъ и полицейскихъ.

Въ экономическомъ отношеніи все это создастъ у насъ слѣдующій порядокъ дѣлъ: предпріимчивая, богатая, промышленная часть населенія будетъ свободно выходить изъ сельскихъ общинъ въ города, или въ мѣста своихъ постоянныхъ промысловъ и заработковъ, или же на свои покупныя, вотчинныя земли, а мѣсто ихъ будутъ заступать, въ обществахъ съ общиннымъ владѣніемъ, отчасти подростающія въ тѣхъ же обществахъ поколѣнія, отчасти со стороны разный безземельный и безпріютный людъ, бьющійся не изъ-за большого достатка, а изъ куска хлѣба и крова для себя и семьи. Для этихъ людей безъ пристанища, способныхъ и готовыхъ работать, общество съ общиннымъ владѣніемъ будетъ общественнымъ учрежденіемъ, какого лучше придумать нельзя. Оно сократитъ число бродягъ на всю цифру неиспорченныхъ, трудолюбивыхъ и спокойныхъ людей, которые не бѣгутъ отъ честнаго заработка, но не имѣютъ гдѣ пристроиться, часто потому что обременены семьями; оно освободитъ общество и государство отъ обязанности заботиться объ этомъ людѣ и замѣнитъ, съ несравненно большею пользою для общества и частныхъ лицъ, налогъ на содержаніе бѣдныхъ, который расплоделъ лѣнтяевъ, кормитъ ихъ по необходимости въ проголодь и непремѣнно производитъ недовольство и взаимное раздраженіе между бѣдными, получающими помощь, и тѣми, кто платитъ налогъ на ихъ содержаніе. Каждый членъ сельскаго общества, имѣющій общинный надѣлъ, самъ свой хозяинъ, работаетъ, этимъ кормится, и жаловаться ему не на кого; у него притомъ есть и перспектива, трудясь и работая, выбраться въ лучшее положеніе, зашибить копѣйку, стать на ноги. Деревни и села, при удержаніи общиннаго владѣнія, будутъ постоянно подбирать народъ, требующій призрѣнія, и тѣмъ существенно облегчатъ издержки общества и государства, а также суды, полицію, тюрьмы и каторги.

Что и при такихъ условіяхъ, для части сельскаго народонаселенія современемъ будетъ тѣсно на мѣстахъ его постояннаго жительства и понадобятся переселенія,—это не подлежитъ сомнѣнію. Но при указанныхъ экономическихъ и соціальныхъ условіяхъ народнаго быта, выселенія будутъ происходить правильнѣе, постепеннѣе, обдуманнѣе, чѣмъ теперь.

Опасеніе, что при обезпеченномъ существованіи сельскаго населенія, затруднится для землевладѣльцевъ-собственниковъ возможность находить нужное количество работниковъ и личной прислуги, кажется намъ совершенно ошибочнымъ. Нельзя не сознаться, что мы и теперь, въ большинствѣ случаевъ, бываемъ сами виноваты въ томъ, что терпимъ недостатокъ въ рабочихъ. Многіе еще и до сихъ поръ не совсѣмъ разстались съ привычками и преданіями крѣпостного права и вотчинной власти. По большей части мы не знаемъ и не стараемся узнать бытъ, нравы, привычки, характеръ, требованія крестьянъ и рабочихъ, съ которыми имѣемъ дѣло, относимся къ нимъ обыкновенно съ предубѣжденіемъ, почти всегда безучастно, ставимъ имъ требованія, которыя превышаютъ степень ихъ пониманія и культуры, а нерѣдко дурно ихъ содержимъ, дурно съ ними расплачиваемся. Хозяева заботливые, добросовѣстные и хорошо знакомые съ бытомъ крестьянъ, сколько намъ извѣстно, всегда имѣютъ нужное число рабочихъ рукъ, и на работниковъ и крестьянъ не жалуются. Въ каждой мѣстности, хозяйства и усадьбы, какъ и люди, пользуются худой или хорошей славой въ народѣ. Гдѣ, по сложившемуся мнѣнію, хорошо жить, радостно работать, туда хорошій рабочій идетъ охотно; гдѣ дурно и тяжело, туда отправляется лишь дрянной народъ, или не идетъ никто, даже за большія деньги. Вотъ гдѣ главный источникъ всѣхъ жалобъ. Но, кромѣ того, говоря о рабочихъ и прислугѣ, надо, какъ намъ кажется, различать нанимаемыхъ на время, для одной изъ работъ, обычныхъ въ данной мѣстности, и которыя легко исполнитъ любой крестьянинъ или крестьянка (пахота сохой или плугомъ смотря по мѣстности, косьба травы, жнитво, рубка лѣса и т. п.), и нанимаемыхъ постоянно,

для отправленія работъ или службъ, требующихъ особаго навыка, умѣнья, сноровки, знанія. Для первыхъ изъ этихъ работъ всегда найдется достаточное число между мѣстными крестьянами и крестьянками, которые всегда не прочь получить лишнюю копѣйку; при общинномъ владѣніи, какъ бы оно ни было отлично устроено, они всегда будутъ нуждаться въ постороннемъ заработкѣ, тѣмъ болѣе, что при небольшихъ надѣлахъ, которые не увеличатся же отъ прироста населенія, у нихъ всегда будетъ довольно свободнаго времени отъ своихъ занятій. Что же касается постоянныхъ рабочихъ, съ извѣстными спеціальными знаніями, то для нихъ безспорно нужны, въ большинствѣ, люди, не имѣющіе своего хозяйства; но въ ежегодно возростающемъ у насъ пролетаріатѣ изъ лицъ такъ называемыхъ неподатныхъ сословій, матеріалъ для этого разряда рабочихъ и прислуги всегда имѣется обильный; къ сожалѣнію, до сихъ поръ почти ничего не дѣлается для подготовленія многочисленнаго и несчастнаго класса бездомниковъ неподатныхъ сословій къ полезной дѣятельности, для представленія ему способовъ честнаго заработка. Съ другой стороны, никто конечно не думаетъ, чтобъ общинное владѣніе, какъ бы оно ни было хорошо поставлено, могло вобрать въ себя все бѣдное сельское населеніе безъ остатка; и при наилучшихъ условіяхъ, всегда найдутся люди, предпочитающіе, по самымъ разнообразнымъ побужденіямъ, оставаться внѣ сельскихъ общинъ и не имѣть поземельной собственности, — люди, которымъ служба по найму на всемъ готовомъ болѣе по сердцу, чѣмъ заботы о собственномъ хозяйствѣ. Вообще, при нашемъ теперешнемъ, неустоявшемся бытѣ, при далеко не опредѣлившихся гражданскихъ и экономическихъ отношеніяхъ, и главное — при крайне низкомъ уровнѣ культуры во всѣхъ классахъ общества, трудно еще судить объ условіяхъ наемнаго труда въ Россіи, въ ближайшемъ будущемъ. Теперь, повторяемъ, они далеко не такъ дурны для хозяевъ, какъ думаютъ многіе. Послѣдніе пятнадцать-двадцать лѣтъ высказали съ совершенною очевидностью, какъ не соотвѣтствуютъ наши культурныя средства нашимъ аппетитамъ и требованіямъ; въ этомъ скрывается главная, важнѣйшая причина нашихъ жалобъ и недовольства.

Поставленное въ условія, которыя мы старались обрисовать только въ общихъ, крупныхъ чертахъ, общинное землевладѣніе нетолько не ослабитъ понятія о личной поземельной собственности, но напротивъ отниметъ всякій поводъ относиться къ ней завистливо и враждебно; оно не только не подавитъ индивидуальнаго развитія и промышленной предпріимчивости въ сельскомъ населеніи, но укрѣпитъ ихъ, направитъ и поддержитъ.

Такіе же взгляды высказывали мы, семнадцать лѣтъ тому назадъ, въ статьѣ, напечатанной въ „Атенеѣ", издававшемся въ 1859 году въ Москвѣ. Несмотря на измѣнившіяся съ тѣхъ поръ обстоятельства и строй мыслей, они теперь кажутся намъ вѣрными. Къ сожалѣнію, матеріалъ для фактическаго изученія общиннаго крестьянскаго землевладѣнія мало обогатился съ того времени новыми данными, и мы, и на этотъ разъ какъ тогда, вынуждены ограничиться одними лишь общими соображеніями, одной провѣркой мнѣній и взглядовъ, вмѣсто разработки самихъ фактовъ. Будемъ надѣяться, что русская наука, начинающая съ болѣе зрѣлымъ пониманіемъ обращаться къ изученію русскихъ вопросовъ, скоро пополнитъ этотъ важный пробѣлъ, и опираясь на многочисленные, критически обслѣдованные факты, окончательно разсѣетъ туманъ, доселѣ скрывающій отъ насъ многозначительный обычай общиннаго владѣнія и довершитъ съ неотразимою убѣдительностью то, что мы старались только намѣтить въ настоящемъ бѣгломъ очеркѣ.

(Недѣля, 1876).

ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ОБЩИНА
ВЪ
НОВОЙ И ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland, von Johannes von Keussler. Erster Theil, 1876. in 8°. III и 304.

Въ минувшемъ году вышла въ свѣтъ первая часть сочиненія, которое и по своему предмету, и по своимъ внутреннимъ достоинствамъ не можетъ и не должно пройти незамѣченнымъ въ Россіи, а въ Европѣ безъ сомнѣнія обратитъ на себя большое, вполнѣ заслуженное вниманіе. Мы говоримъ о критико-историческомъ изслѣдованіи общиннаго землевладѣнія въ Россіи, фонъ-Кейсслера.

Вышедшая пока часть этого ученаго труда содержитъ, подъ скромнымъ заглавіемъ, очень обстоятельную исторію нашихъ крестьянскихъ общинъ и общиннаго землевладѣнія, подробное и добросовѣстное изложеніе взглядовъ на этотъ видъ поземельныхъ правъ и отношеній, и тщательное разсмотрѣніе дальнѣйшаго его развитія въ русскомъ законодательствѣ, литературѣ и администраціи до нашего времени. Изъ предисловія видно, что во второй части, уже приготовленной къ печати, будутъ изложены и критически разсмотрѣны свѣдѣнія объ общинномъ землевладѣніи, собранныя коммиссіею для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи, высочайше учрежденной въ 1872 году, подъ предсѣдательствомъ ст.-секр. Валуева, а въ заключеніе, какъ выводъ изъ всего предъидущаго, авторъ представитъ свои предположенія относительно рѣшенія крайне запутаннаго и спорнаго вопроса объ общинномъ землевладѣніи вообще. Изъ того же предисловія видно, что г. Кейсслеръ изучалъ предметъ не только по книгамъ, въ кабинетѣ, но и по свѣдѣніямъ, доставленнымъ ему людьми, практически знакомыми съ дѣломъ — сельскими хозяевами, чиновниками и другими лицами изъ различныхъ краевъ Россіи, и наконецъ по собственнымъ наблюденіямъ во время поѣздки по средней и восточной Россіи въ 1868 году. Что этимъ ненапечатаннымъ матеріаломъ авторъ воспользовался съ полнымъ знаніемъ дѣла, въ этомъ служитъ намъ порукой его отличное знаніе и пониманіе историческихъ данныхъ и литературы предмета, которому онъ посвятилъ свой ученый трудъ. Такіе труды появляются у насъ, къ сожалѣнію, не часто. Но что придаетъ ему особенную цѣну—это полное безпристрастіе автора, столь рѣдкое вообще, когда рѣчь идетъ объ общинномъ землевладѣніи, особенно же рѣдкое въ лагерѣ экономистовъ, относящихся къ этому предмету большею частью или шаблонно и рутинно, или же съ соціалистическими предразсудками, запутывающими, а не разъясняющими дѣло. Взглядъ г. Кейсслера, какъ сказано, будетъ подробно развитъ во второй части его сочиненія; что этотъ взглядъ, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ полнаго вниманія, объ этомъ можно уже судить по предисловію, гдѣ высказана, въ общихъ чертахъ, программа автора. На стр. II и III онъ говоритъ, что нашелъ разрѣшеніе задачи „въ созданіи такой формы землевладѣнія, которая, съ одной стороны, постоянно бы сохраняла распредѣленіе землевладѣнія, какое желательно въ интересахъ всего общества и непосредственно заинтересованныхъ лицъ, а съ другой — не мѣшала бы сельско-хозяйственной производительности“, слѣдовательно „въ законодательной организаціи общиннаго землевладѣнія, съ ограниченіемъ теперешняго права каждаго члена общины на равный съ другими участокъ земли. При такой организаціи,—продолжаетъ авторъ,—поземельная община, сохраняя свой частный характеръ, должна быть возведена въ общественное учрежденіе, состоящее подъ контролемъ государства, кото-

рый, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, долженъ удержать или же возстановить наиболѣе цѣлесообразное распредѣленіе поземельнаго владѣнія (помѣшать чрезмѣрному его раздробленію и совокупленію въ однѣхъ рукахъ). Основныя начала, о которыхъ идетъ рѣчь—такъ оканчиваетъ авторъ — „имѣютъ, по моему мнѣнію, значеніе, конечно съ извѣстными, необходимыми видоизмѣненіями, и для западной Европы, гдѣ право свободнаго распоряженія землею, въ одномъ мѣстѣ болѣе, въ другомъ менѣе — не отвѣчало тому, чего отъ него ожидали". Эти слова не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что г. Кейсслеръ смотритъ на общинное владѣніе просвѣщенными глазами, стоитъ на высотѣ современныхъ задачъ науки, и потому мы вправѣ ожидать, что вторая часть будетъ по меньшей мѣрѣ такъ же интересна и поучительна, какъ первая.

Ознакомить читателей со всѣмъ разнообразнымъ и крайне любопытнымъ содержаніемъ вышедшей первой части сочиненія г. Кейсслера нѣтъ, конечно, никакой возможности. Чтобы дать возможно полное понятіе о высокомъ достоинствѣ этой ученой работы, мы попытаемся представить взглядъ автора на развитіе русской поземельной общины и общиннаго землевладѣнія до отмѣны крѣпостного права въ 1861 году. Изслѣдованія г. Кейсслера по этому предмету составляютъ капитальнѣйшую часть вышедшаго теперь тома и не могутъ не интересовать большинства образованной русской публики, которая не безъ основанія ставитъ вопросы о крестьянскомъ землевладѣніи и сельской общинѣ въ число важнѣйшихъ русскихъ вопросовъ.

Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ занятія и заселенія русской земли. При основаніи русскаго государства восточные славяне, раздѣленные на племена, жили отъ Ильменьскаго озера и Волхова до Чернаго моря и Карпатовъ. При рѣдкомъ населеніи, обширная страна была свободно занимаема каждымъ. Лѣса расчищались, новь распахивалась большимъ или меньшимъ числомъ людей сообща или отдѣльными семьями, и земля воздѣлывалась до тѣхъ поръ, пока давала достаточные урожаи; когда же она выпахивалась, ее бросали и занимали новую. Если не было по близости дѣвственной почвы, то жители покидали свои поселенія и основывали новыя, — тамъ, гдѣ находили довольно земли. При незатѣйливости первоначальныхъ жилищъ это дѣлалось легко. Съ увеличеніемъ народонаселенія выселки основывались изъ городовъ и деревень цѣлыми общинами и отдѣльными семьями. Такимъ образомъ, рядомъ съ старыми общинами возникали новыя. Связь между тѣми и другими со временемъ ослабѣла, и земля, составлявшая собственность цѣлаго племени, раздѣлилась на особую собственность общинъ и отдѣльныхъ лицъ.

Въ общинахъ сосредоточивалась сперва вся общественная власть. Это были первые государственные и гражданскіе союзы. Земля, занимаемая общиной, находилась въ ея общемъ владѣніи; она распредѣляла ее между своими членами и установляла способъ пользованія ею. Съ увеличеніемъ народонаселенія и съ образованіемъ новыхъ поселковъ, увеличивалось и число принадлежащихъ къ ней дворовъ. Въ южной Россіи такія поземельныя общины назывались верьвями, въ новгородской области—погостами, въ псковской—губами, и были тоже, что нѣмецкія марки. Съ призваніемъ варяжскихъ князей и развитіемъ княжеской власти, вліяніе и значеніе древнихъ общинъ должны были ослабѣть, частью вслѣдствіе того, что нѣкоторыя ихъ права перешли къ государственной власти, частью же оттого, что извѣстная доля ихъ земель выдѣлена въ пользу князя, церкви, членовъ княжеской дружины (для послѣднихъ едва ли ранѣе XI вѣка), и выдѣленныя земли были этимъ изъяты изъ-подъ власти общинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, община распалась на составныя ея части—города и деревни, къ которымъ и перешло распоряженіе землею, находящеюся во владѣніи ихъ членовъ.

Рядомъ съ населеніемъ, сидѣвшимъ на общинной и на своей собственной землѣ, образовался въ древнѣйшей Россіи классъ лично свободныхъ землевладѣльцевъ, поселившихся на чужой землѣ и несшихъ разныя повинности въ пользу землевладѣльцевъ. Свободныхъ, никому не принадлежащихъ земель было, конечно, довольно; но ими могъ овладѣть только имѣющій на то нужныя средства, тотъ, кто могъ приготовить ихъ къ воздѣлыванію, построить жилье, вспахать, засѣять и мѣсяцами ждать плодовъ своего труда и затратъ: бѣднѣйшіе, не располагавшіе такими средствами, селились на земляхъ, уже занятыхъ болѣе достаточными. Таковы были упоминаемые въ Русской Правдѣ „ролейные закупы". Число ихъ вѣроятно было не мало.

если оказалось необходимымъ защитить ихъ закономъ отъ притѣсненій хозяевъ и юридически опредѣлить ихъ положеніе.

Объ отношеніи земледѣльческаго населенія къ землѣ и къ общинамъ мы имѣемъ изъ болѣе древней эпохи лишь немногія указанія. Обильнѣе становятся источники въ XIV и XV вѣкахъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что положеніе крестьянства было въ это время слѣдующее:

Чтобы быть полноправнымъ членомъ сельской или городской общины, надо было имѣть надѣлъ въ общинной землѣ и нести соотвѣтствующую часть податей и повинностей, лежавшихъ на общинѣ. Бояринъ и церковь, пріобрѣтая общинную землю, становились тоже ея членами, и наоборотъ: оставляя общинную землю, и крестьянинъ, и купецъ переставали быть членами общины и нести подати и повинности.

Отношенія земледѣльца къ землѣ были различны, смотря по тому, на чьей землѣ онъ сидѣлъ. Если та земля была общинная (черная), то онъ пользовался своимъ участкомъ, въ качествѣ члена общины, неопредѣленное время, такъ что могъ оставаться на одномъ и томъ же участкѣ всю свою жизнь, и оставлялъ его своимъ наслѣдникамъ, но подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ они оставались членами общины и несли подати и повинности. Земледѣлецъ могъ заложить и отчуждать свой участокъ, съ тѣмъ однако, чтобы новый пріобрѣтатель платилъ подати и несъ повинности; иначе онъ лишался пріобрѣтеннаго участка. Впрочемъ, отчуждаема могла быть не сама земля, такъ какъ, принадлежа на правахъ собственности къ общинѣ, она не могла быть продаваема и покупаема даже самимъ княземъ: отчуждалось только принадлежащее земледѣльцу право пользованія своимъ участкомъ. Крестьянину принадлежали всѣ права пользованія и распоряженія своимъ надѣломъ, въ томъ числѣ право отдавать его въ наемъ. Онъ могъ пользоваться имъ совершенно свободно и безпрепятственно; могъ по своему усмотрѣнію, одну его часть пахать, другую запустить въ залежъ, обратить въ огородъ, окруживъ изгородью, возводить на немъ постройки и т. д. Во все это община не вмѣшивалась. (Изъ такого общаго правила вполнѣ свободнаго пользованія участкомъ были однако и исключенія). Общины могли соединить съ общинною землею и частныя земли, пріобрѣтаемыя ими покупкою или мѣною. Что касается частныхъ собственниковъ (своеземцевъ), то они распоряжались и пользовались своею землею на правахъ полной собственности. Наконецъ, отношенія земледѣльца, сидѣвшаго на чужой землѣ, къ ея владѣльцу (князю, боярину, монастырю, купцу, крестьянину и т. д.) и принадлежащей ему землѣ опредѣлялись взаимнымъ соглашеніемъ. Лично земледѣлецъ былъ свободенъ, хотя и обработывалъ чужую землю; но по причинамъ, лежащимъ въ требованіяхъ земледѣлія, онъ могъ оставлять землю или быть высылаемъ съ нея владѣльцемъ только въ опредѣленное время въ году (14-го ноября — Филиппово заговѣнье, Юрьевъ день). Въ XIV и XV вѣкахъ населеніе стало уже болѣе осѣдлымъ; часто упоминаются старожилы на общинной и частной землѣ, сидѣвшіе на томъ же мѣстѣ 20, 30, 40 и болѣе лѣтъ; говорится, что на той же землѣ жили ихъ отцы и дѣды. Рядомъ съ повинностями въ пользу землевладѣльца, такой крестьянинъ, какъ членъ общины, платилъ и государственную подать съ земли. Хотя земля ему и не принадлежала, но онъ не былъ нанятымъ работникомъ, а хозяиномъ, нанимающимъ землю. Особенный характеръ придавалъ свободный земледѣлецъ землѣ, на которой сидѣлъ: государство взимало подати съ обработываемой имъ земли только на томъ основаніи, что на ней жилъ земледѣлецъ; земля, остававшаяся впустѣ, земля, которая обработывалась рабами, не считалась тяглою.

Отношенія крестьянъ, поселенныхъ на чужой землѣ, къ ея владѣльцу были очень разнообразны. Если первые селились на пустой, невоздѣланной частной землѣ, которую должны были сами приготовить къ обработкѣ своими средствами, и сами возвести нужныя имъ постройки, то положеніе ихъ было совершенно самостоятельное, особливо если владѣлецъ давалъ имъ позволеніе или поручалъ привести съ собой другихъ людей, для поселенія на той же землѣ, и уступалъ всѣ свои права, кромѣ права собственности и продажи. Такія отношенія могли установиться тамъ, гдѣ уже чувствовался недостатокъ въ свободныхъ, никѣмъ не занятыхъ, выгодныхъ для воздѣлыванія земляхъ: когда хорошая, плодородная общинная земля уже была занята, крестьянинъ не успѣвшій получить въ ней долю, нерѣдко могъ находить болѣе для себя выгоднымъ поселиться на частной

землѣ и платить за пользованіе ею, чѣмъ безплатно сидѣть на плохой общинной землѣ. Къ заселенію владѣльческихъ земель поощряли также льготные годы и защита, которою поселенцы пользовались со стороны богатыхъ и сильныхъ (монастырей, бояръ). Даже жители цѣлыхъ деревень становились подъ такую защиту. Менѣе самостоятельно было положеніе земледѣльца, который селился на землѣ уже воздѣланной, и которому землевладѣлецъ давалъ нужныя строенія, хотя бы такой земледѣлецъ и приводилъ съ собою свой рабочій скотъ, имѣлъ свои земледѣльческія орудія и т. п.; наконецъ, крестьяне, получавшіе отъ землевладѣльцевъ рабочій скотъ, орудія, да вдобавокъ сѣмена, содержаніе до жатвы, ссуды деньгами и т. д., едва походили на свободныхъ арендаторовъ. Ихъ повинности были, разумѣется, выше, чѣмъ прочихъ; уйти отъ землехозяина они могли только, уплативъ ему, сверхъ повинности за пользованіе землей, все полученное ими въ ссуду съ процентами.

Между собою крестьяне составляли общины. Каждая община была административной единицей. Кто селился на общинной землѣ, тотъ становился ея членомъ; поселившійся же на владѣльческой землѣ причислялся къ общинѣ только въ административномъ отношеніи. И тѣ и другія крестьянскія общины, какъ поземельныя, такъ и административныя, были различной величины, и число ихъ жителей было не одинаково; у крестьянъ, жившихъ на частной или общинной землѣ, высшей единицей была волость, состоявшая всего чаще изъ нѣсколькихъ поселковъ и дворовъ. У крестьянъ, жившихъ на владѣльческой землѣ, административная община опредѣлялась обыкновенно владѣніемъ — помѣстьемъ или вотчиной: всѣ деревни и отдѣльные дворы, принадлежавшіе къ помѣстью или вотчинѣ, и находившіеся въ одномъ округѣ, образовали и одну общину; у малыхъ же владѣльцевъ, владѣвшихъ небольшимъ числомъ крестьянскихъ дворовъ, крестьяне въ административномъ отношеніи—или причислялись къ сосѣдней волости, или, принадлежа по податямъ и повинностямъ къ одному разряду, составляли изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ владѣній одну особую общину. Такое образованіе общинъ не по владѣніямъ было возможно потому, что крестьяне были свободные люди, связанные съ землевладѣльцемъ только частнымъ договоромъ. Итакъ, общины раздѣлялись на три разряда: сидѣвшія на общинной землѣ, сидѣвшія на частной, и смѣшанныя, поселенныя частью на общинной землѣ, частью на принадлежащей въ личную собственность, частью на владѣльческой. Первыя сами завѣдывали дѣлами своихъ членовъ, распоряжались землей. Основаніемъ ихъ общиннаго союза служила земля. Вторыя, поселенныя въ имѣніяхъ владѣльцевъ, были лишь административныя, личныя общины, и не касались земли, состоявшей въ пользованіи ихъ членовъ. Первыя сами защищали землю отъ захвата посторонними, распоряжались ею, отвѣчали передъ государствомъ за порядокъ и спокойствіе въ волости, за исправную уплату податей и отправленіе повинностей, и распредѣляли тѣ и другія сами между своими членами; вторыя же не имѣли этихъ правъ.

Общественныя дѣла всѣхъ общинъ находились въ непосредственномъ завѣдываніи органовъ государственной власти. Въ XIV и XV вѣкахъ князья, все еще въ видѣ исключенія, хоть и не рѣдкаго, передавали нѣкоторымъ землевладѣльцамъ лично высшую власть надъ общинами. Вслѣдствіе того, непосредственныя отношенія такихъ общинъ къ государству прекращались, и землевладѣлецъ, по всѣмъ дѣламъ, становился посредникомъ между нимъ и общиною. Но затѣмъ постепенно исключенія обратились въ правило, и непосредственное завѣдываніе общинами, со стороны государства, перестало быть общимъ правиломъ. Общины, изнемогая подъ страшнымъ гнетомъ княжескихъ намѣстниковъ и большихъ владѣльцевъ, подпали подъ полную отъ нихъ зависимость; поселяне, жившіе на владѣльческихъ или даже на своихъ земляхъ, добровольно отдавались подъ защиту могущественныхъ владѣльцевъ. Въ силу соглашенія, послѣдніе принимали на себя уплату крестьянскихъ податей и отправленіе повинностей. При извѣстныхъ обстоятельствахъ, крестьяне могли находить болѣе для себя выгоднымъ имѣть дѣло съ однимъ господиномъ, который представлялъ ихъ передъ правительствомъ, чѣмъ со сборщиками податей отъ различныхъ вѣдомствъ, какихъ въ древней Россіи было не мало.

Для распредѣленія податей и повинностей, земля, находившаяся въ пользованіи крестьянъ, дѣлилась на „сохи". Соха составляла наивысшую податную единицу. Въ различ-

ныхъ мѣстностяхъ обнимаемое ею пространство опредѣлялось различно, и, смотря по различнымъ соображеніямъ и обстоятельствамъ, могло быть и больше и меньше. Соха измѣрялась четвертями, т.-е. количествомъ посѣва; покосы—копнами сѣна, которыя на нихъ становились. Низшей податной единицей земли была „выть“ (въ новгородскихъ областяхъ „обжа“)—первоначально нормальный размѣръ крестьянскаго хозяйства или двора. Впослѣдствіи, пространство двора уменьшалось, такъ что нѣсколько дворовъ составляли одну выть или обжу. Кромѣ того, и размѣръ выти, подобно пространству сохи, измѣнялся также подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ и соображеній. Личность крестьянъ, владѣющихъ землею, ихъ положеніе, ихъ большая или меньшая зажиточность, имѣли, въ свою очередь, вліяніе на размѣръ податей, падавшихъ на землю, и на раскладку ихъ между плательщиками. Полное развитіе получили права крестьянскихъ общинъ въ XVI вѣкѣ. Судебники 1497 и 1550 годовъ опредѣлили точнѣе и развили то, что уже было выработано обычаями и мѣстными узаконеніями прежде, касательно отношеній поселянъ къ землевладѣльцамъ и къ землѣ. Самостоятельность сельскихъ и городскихъ общинъ въ отношеніи къ великокняжескимъ намѣстникамъ и вельможамъ подтверждена и ограждена; это особенпо замѣтно по части судебной. Изданъ рядъ постановленій для огражденія общинъ отъ произвола великокняжескихъ чиновниковъ.

Съ XVI же вѣка появляется новый разрядъ сельскаго населенія—бобыли, которые владѣли только частью крестьянскаго тягла, т.-е. крестьянскаго земельнаго участка, и вслѣдствіе того, несли только соразмѣрную съ ихъ владѣніемъ часть податей и повинностей. Это новое явленіе въ жизни крестьянъ развилось вслѣдствіе необходимости раздѣлить тягло, такъ какъ часть крестьянъ не была въ состояніи платить непомѣрно возвысившихся податей съ цѣлаго тягла. Кромѣ того, въ общинахъ находились теперь такъ называемые „казаки“, изъ которыхъ одни, имѣвшіе свой дворъ и свой участокъ, подобно бобылямъ, составляли, вѣроятно, лишь малую часть, а другіе жили у крестьянъ въ работникахъ, или занимались промыслами. Послѣдніе не были полноправными членами общины, именно потому, что у нихъ не было земли. Въ этомъ же положеніи „затяглыхъ людей“ (т.-е. находящихся внѣ тягла) находились въ общинѣ и тѣ, кто или по рожденію, или вслѣдствіе договора жили въ видѣ рабочихъ у самостоятельныхъ хозяевъ, не владѣя общинной землей. Подати раскладывались выборными людьми изъ владѣвшихъ землею, по дворамъ, соразмѣрно съ платежной силой каждаго хозяина.

Въ общину вступали какъ подростающія поколѣнія уже осѣдлыхъ семействъ, такъ и новоприходящіе поселенцы. Первые, именно родившіеся въ общинѣ, занимали сначала обыкновенно не цѣлую выть, а смотря по силамъ — половину, четверть выти и т. д.; посторонніе вступали въ общину по взаимному съ нею соглашенію, получая цѣлую выть, или тоже половину ея и т. д.

Поземельныя отношенія, сравнительно съ прежнимъ временемъ, стали съ XVI вѣка прочнѣе и самостоятельнѣе. Правда, какъ община, такъ и владѣлецъ могли и теперь, какъ прежде, отобрать у неплательщика его участокъ, но они не имѣли права, вопреки письменному условію („порядной записи“) увеличивать или уменьшать данное ему количество земли; участокъ, составлявшій тягловый надѣлъ крестьянина, оставался за нимъ безповоротно, пока онъ своевременно уплачивалъ подати и несъ повинности. Права его на свой земельный надѣлъ были такъ велики, что онъ могъ промѣнять его или передать другому, если послѣдній принималъ на себя уплату податей. Тѣмъ же правомъ пользовались и крестьяне, поселенные въ имѣніяхъ владѣльцевъ, но о перемѣнѣ или передачѣ участковъ надо было заявлять землевладѣльцу. Несмотря на такую большую самостоятельность и большія юридическія обезпеченія крестьянскихъ общинъ, крестьянство, въ XVI вѣкѣ, постепенно бѣднѣло и отчасти все болѣе и болѣе подпадало подъ зависимость отъ большихъ владѣльцевъ. Причиной тому были страшно увеличивавшіяся подати. Къ концу столѣтія крестьяне-собственники почти совсѣмъ исчезли. Недостатокъ защиты и тяжкій гнётъ податей и повинностей вынудили свободныхъ землевладѣльцевъ изъ крестьянъ перейти на общинныя земли или на земли сильныхъ владѣльцевъ, гдѣ они находили охрану и защиту и гдѣ свобода перехода обезпечивала ихъ отъ чрезмѣрныхъ притѣсненій. Кромѣ того, земли, составлявшія частную собственность, продавались крестьянами, когда приходилось дѣ-

лить наслѣдство между сыновьями, и часть, доставшаяся на долю каждаго наслѣдника, не давала ему средствъ существованія, почему сыновья предпочитали продать наслѣдство и заняться хозяйствомъ на нанятыхъ участкахъ, соотвѣтствующихъ ихъ рабочимъ силамъ.

Иванъ III и Иванъ IV, столько сдѣлавшіе для поднятія крестьянъ въ юридическомъ отношеніи, значительно содѣйствовали переходу отъ нихъ земли въ руки служилыхъ людей, дворянства и въ княжескую собственность. Съ образованіемъ московскаго великаго княжества появилось новое государственное начало. Въ этомъ княжествѣ земля была собственностью князя, потому что она состояла почти исключительно изъ завоеванныхъ земель. Развившееся отсюда могущество московскихъ князей, сравнительно съ прочими древне-русскими князьями, существенно содѣйствовало преобладанію Москвы. Со включеніемъ княжествъ въ московское государство и благодаря обширнымъ завоеваніямъ (Новгорода, Пскова, Смоленска, Казани и т. д.), царская власть возросла до того, что на всю Россію распространено начало, въ силу котораго вся земля принадлежитъ государству, и оно можетъ ею распоряжаться. Практическія послѣдствія этого начала выразились между прочимъ въ томъ, что, смотря по надобности, „черная земля", находившаяся во владѣніи общинъ, раздавалась служилымъ людямъ въ помѣстья, когда, для частныхъ войнъ, требовалась личная служба; а когда нужны были деньги, она объявлялась княжескою землею, съ которой, сверхъ податей, взыскивался оброкъ въ княжескую казну. Этотъ переворотъ совершался при Иванѣ III (отдѣльные случаи встрѣчались и раньше), но особенно и въ большихъ размѣрахъ со времени Ивана IV.

Общины изнемогли подъ бременемъ податей и чрезмѣрной власти большихъ владѣльцевъ. По мѣрѣ того, какъ росли подати (при Иванѣ IV и преемникѣ его Θедорѣ), онѣ все больше старались о томъ, чтобы при составленіи новыхъ окладныхъ книгъ жилые дворы показывались пустыми. Несмотря на строгія запрещенія, злоупотребленія такого рода усилились чрезвычайно, особливо при Θедорѣ. Чтобъ избѣжать суровыхъ взысканій, грозившихъ за подобный обманъ, крестьяне толпами покидали деревни. Кромѣ того, къ побѣгамъ поощряли и льготные годы, даруемые поселенцамъ въ новопріобрѣтенныхъ русскихъ областяхъ. Чтобы положить конецъ такимъ неустройствамъ и вообще шатанью крестьянъ изъ мѣста въ мѣсто, мѣшавшему правильному поступленію податей и платежей въ пользу служилыхъ людей, послѣдовало, въ 1592 году, прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Въ видѣ вознагражденія за потерю личной свободы и права свободнаго выхода, законодательство XVII вѣка дало крестьянамъ право на обрабатываемую ими землю.

Въ какомъ видѣ сложилось древне-русское общинное владѣніе при подобномъ ходѣ развитія крестьянскаго общиннаго землевладѣнія вообще? По этому любопытному предмету г. Кейсслеръ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

При заселеніи земли, выработались, какъ сказано, двѣ формы землевладѣнія: вотчинное и общинное, смотря потому, одна ли семья или совокупность семей занимали землю, расчищали и обработывали ее. Но, кромѣ того, общинное владѣніе могло также возникать и изъ вотчиннаго, когда семья разросталась, занимала новыя свободныя земли и принимала въ товарищи новыхъ поселенцевъ.

Когда первыя работы и труды по водворенію выполнялись обществомъ, каждый изъ его членовъ имѣлъ равное право на занятую землю, и она вслѣдствіе того дѣлилась между ними поровну. Каждый получалъ столько земли, сколько могъ обработать и сколько было ему нужно, чтобы прокормиться съ семействомъ. Земля, отведенная каждому, называлась „участкомъ", „удѣломъ". Названіе „жеребій" указываетъ на способъ распредѣленія участковъ. При изобиліи земли, число такихъ участковъ увеличивалось съ умноженіемъ народонаселенія. По замѣчанію автора, въ русскомъ народѣ, болѣе чѣмъ въ другихъ индо-европейскихъ народахъ, было стремленіе къ индивидуализаціи, выразившееся въ томъ, что каждый старался какъ можно раньше создать себѣ самостоятельное хозяйство, отдѣльное отъ отцовскаго. Развитію этой черты быть можетъ способствовали, какъ онъ думаетъ, легкость и удобство, при большомъ избыткѣ земель, основать самостоятельное жилье. Въ окладныхъ книгахъ находимъ указаніе, что во дворѣ жилъ одинъ человѣкъ, одна рабочая сила; только въ видѣ изъятія при отцѣ жилъ сынъ; еще рѣже жили въ одномъ дворѣ вмѣстѣ братья; го-

раздо чаще сыновья и братья жили особыми дворами. Это было общимъ правиломъ. Раннее выселеніе взрослыхъ сыновей изъ отцовскаго дома должно было чрезвычайно способствовать заселенію обширной равнины. Впрочемъ, населеніе и число участковъ увеличивались не только естественнымъ приростомъ, а также благодаря новымъ поселенцамъ: какъ общины были заинтересованы привлекать ихъ къ себѣ, такъ и отдѣльныя семьи находили свои выгоды становиться подъ защиту общины.

Такимъ образомъ, поземельная община состояла изъ непостояннаго числа равныхъ единицъ; какъ ни была различна величина общинъ, участки вездѣ были одинаковы. Съ тѣхъ поръ, что дворъ сталъ финансовый единицей, жилье и домъ, дымъ и дворъ сдѣлались въ народныхъ понятіяхъ и на народномъ языкѣ тожественными выраженіями. Въ южной Россіи, до XVI в., участокъ назывался „дымомъ", на сѣверѣ—„дворомъ", въ московскомъ государствѣ—„вытью" или „тягломъ". Впослѣдствіи, когда выть перестала обозначать дѣйствительную хозяйственную единицу семьи, эта единица, обратившаяся въ фиктивную, все-таки была удержана для измѣренія общинной земли. Что же касается первоначальнаго равенства участковъ, находившихся въ пользованіи семействъ, то оно было нарушено тѣмъ, что крестьянинъ, разбогатѣвшій благодаря дѣльности, трудолюбію и бережливости, бралъ у общины два или болѣе участковъ и несъ слѣдующія съ нихъ подати и повинности, тогда какъ менѣе зажиточный бралъ только половину участка, или и того менѣе, а вовсе бѣдный совсѣмъ не могъ держать земли и, чтобъ кормиться, поступалъ въ работу и службу къ богатымъ, которые не могли вести своего большого хозяйства рабочими силами одной своей семьи. Впослѣдствіи, пріобрѣтя средства для веденія хозяйства, и онъ тоже требовалъ и получалъ землю отъ общины, всегда готовой исполнять такія требованія,—сначала можетъ быть только половину участка, съ обязательствомъ нести слѣдующія съ нея подати и повинности. Вслѣдствіе такого порядка надѣленія землею, одинъ хозяинъ владѣлъ многими дворами, другой половиною или четвертью двора. Кромѣ того, размѣръ поземельныхъ участковъ долженъ былъ опредѣляться различно, смотря и по свойству почвы, примѣрна пя ео естественному плодородію и т. п., и по трудолюбію населенія, которое обработывало бо̀льшее или меньшее пространство земли. Слово „дворъ" означало все крестьянское хозяйство со всѣми принадлежавшими къ нему правами пользованія тою частью общинной земли, которая не была подѣлена между членами общины. Составныя части двора были слѣдующія: усадьба—строенія, огороды и вся земля, прилегающая къ строеніямъ и не находящаяся подъ пашней; пахотная земля—важнѣйшая составная часть крестьянскаго двора; покосы, обыкновенно подѣленные въ натурѣ между дворами; затѣмъ, выгонъ, лѣсъ, пруды, рѣки (для рыбной ловли) и другія угодья находились въ нераздѣльномъ общемъ пользованіи всѣхъ членовъ общины.

Со временемъ первоначальная нормальная величина крестьянскаго двора (выть, обжа) исчезла, именно вслѣдствіе дѣлежей. Большое вліяніе имѣли на это вездѣ чрезвычайно усилившіеся въ XVI вѣкѣ раздѣлы полныхъ дворовъ, хотя здѣсь и тамъ процессъ ихъ распаденія совершился уже ранѣе. Спрашивается: могло ли крестьянское семейство кормиться и нести подати и повинности съ того незначительнаго пространства земли, какое оказывалось при тогдашнемъ дробленіи дворовъ? При экстенсивномъ хозяйствѣ, рабочей силы человѣка, на такое малое пространство, во всякомъ случаѣ было слишкомъ много. Профессоръ Лешковъ думаетъ, что малые участки земли ($^1/_6$, $^1/_8$, $^1/_{12}$ и т. д. выти, обжи) не представляли особаго, самостоятельнаго хозяйства, что крестьянинъ имѣлъ въ разныхъ мѣстахъ по нѣскольку такихъ частицъ земли Г. Кейсслеръ, допуская, что такіе случаи бывали, отрицаетъ, чтобы вездѣ было такъ. Онъ находитъ очень невѣроятнымъ, чтобы при экстенсивномъ хозяйствѣ и большомъ изобиліи земли могло повсемѣстно существовать такое раздробленіе хозяйствъ. Къ тому же, при общинномъ землевладѣніи и при передѣлахъ земли не могло развиться хозяйство на раздробленныхъ участкахъ; наконецъ, извѣстно, что все владѣніе одного крестьянина, во многихъ случаяхъ, дѣйствительно ограничивалось одной небольшой частью выти или обжи. Автору кажется гораздо вѣроятнѣе, что владѣльцы такихъ небольшихъ частицъ земли занимались не однимъ земледѣліемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ какимъ-нибудь промысломъ: рыболовствомъ, охотой, сидкою дегтя и другою обработкою

лѣсного матеріала въ обширныхъ лѣсахъ, а также разнаго рода ремеслами и т. д.

Сравнивая древнее русское общинное землевладѣніе съ германскими общинными марками и съ теперешнимъ русскимъ, авторъ открываетъ въ первой своебразныя черты, опредѣлившіяся мѣстными и, быть можетъ, національно-историческими особенностями. Условія, вслѣдствіе которыхъ иначе сложились общинныя и поземельныя отношенія въ Германіи и Россіи, сводятся, по его мнѣнію, къ тремъ слѣдующимъ: большому обилію земель въ Россіи при рѣдкомъ населеніи, разселенію народа въ Россіи малыми деревнями, въ нѣсколько дворовъ и отдѣльными дворами; наконецъ, большому однообразію у насъ поверхности страны и естественнаго плодородія почвы.

Нѣмецкая община была больше замкнута въ себѣ, меньше доступна для новыхъ членовъ. Число членовъ общины, пользовавшихся маркою, было ограничено; число крестьянскихъ дворовъ, въ большей части старыхъ поселеній, опредѣлено искони. Только тамъ, гдѣ, по счастію, деревенская община имѣла огромную, владѣемую сообща марку, далеко превышавшую потребности мѣстнаго населенія, новыя поселенія поощрялись; но и здѣсь число крестьянскихъ дворовъ скоро было ограничено, для огражденія полноправныхъ сочленовъ отъ наплыва новыхъ поселенцевъ. Послѣдніе могли вступить въ селѣ въ полныя права гражданства не иначе, какъ пріобрѣтя крестьянскій дворъ, оставшійся пустымъ послѣ прежняго хозяина. Причина этихъ ограниченій заключалась въ недостаткѣ свободной земли. Такъ продолжалось, пока скотоводство составляло значительнѣйшую часть хозяйства. Впослѣдствіи, въ теченіе столѣтій, земледѣліе получило большое развитіе, произведенія земли стали составлять значительнѣйшую часть пропитанія, а скотоводство по немногу уменьшилось. Съ тѣмъ вмѣстѣ исчезла надобность въ обширныхъ пространствахъ, владѣемыхъ поселеніемъ сообща. Когда это наступило, опять не только было дозволено, но даже поощрялось ставить новые, полноправные дворы, и дѣлить существующіе на части. Но и это время, благопріятное для развитія народнаго благосостоянія, скоро кончилось вслѣдствіе быстраго возростанія населенія. Въ XIV и XV вѣкахъ видно уже стремленіе всячески затруднить и даже совсѣмъ остановить новыя поселенія въ деревенскихъ общинахъ, хотя бы даже безъ всякихъ правъ на общинную землю.

Другое видимъ мы въ древней Россіи. Здѣсь, до самаго прикрѣпленія къ землѣ, происходило безпрестанное передвиженіе населенія. Ставятся новые дворы, которые по обстоятельствамъ и доброй волѣ опять бросаются; существующіе дворы, вслѣдствіе смерти бездѣтныхъ хозяевъ или ухода ихъ, остаются пустыми и потомъ снова попадаютъ во владѣніе другихъ. Охотно принимала община новыхъ поселенцевъ и только требовала отъ нихъ, чтобъ они несли соотвѣтственную часть податей и повинностей; она даже давала, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, льготные годы, чтобы только приманить новыхъ поселенцевъ. Обиліе земли было такъ велико, населеніе такъ рѣдко, что принятіе новыхъ членовъ въ общину, съ надѣленіемъ землей, даже тамъ, гдѣ земля уже была воздѣлана, не стѣсняло прежнихъ членовъ общины въ ихъ владѣніи и правахъ пользованія; напротивъ, оно приносило пользу, именно, облегчало подати и представляло неразрывную съ болѣе густымъ населеніемъ защиту отъ нападенія людей и дикихъ животныхъ.

Замѣченная выше замкнутость нѣмецкихъ общинъ простиралась и на подростающія поколѣнія. Сыновья обыкновенно должны были довольствоваться отцовскимъ наслѣдіемъ, которое или дѣлилось между ними, или переходило нераздѣльно къ одному изъ нихъ, а другимъ предоставлялось найти себѣ пристанище. Подростающія поколѣнія получали часть въ общинной землѣ; для нихъ основывались выселки, только въ тѣхъ случаяхъ, когда общинная земля, находившаяся въ общемъ пользованіи, давала возможность заводить новыя поселенія, и они могли возникать, не стѣсняя старыхъ членовъ общины въ удовлетвореніи ихъ нуждъ. Такая замкнутость нѣмецкихъ сельскихъ общинъ придала имъ со временемъ аристократическій характеръ, тогда какъ древнерусская община сохраняла болѣе демократическій складъ. Въ нѣмецкихъ деревняхъ только владѣльцы крестьянскихъ дворовъ были полноправными членами общины. Мало-по-малу, вслѣдствіе наплыва новыхъ пришельцевъ, ихъ водворенія и естественнаго приращенія коренныхъ жителей возникло населеніе, не пользовавшееся полными правами гражданства. Рядомъ съ поденщиками,

батраками и другими людьми, не имѣвшими ни земли, ни правъ членовъ общины, образовался новый классъ землевладѣльцевъ. Къ нимъ принадлежали тѣ, кто не имѣлъ средствъ владѣть цѣлымъ опустѣлымъ дворомъ или хоть частью такого двора. Они селились на мѣстахъ, предоставленныхъ имъ для обработки въ общинной землѣ или въ землѣ, принадлежащей крестьянскому двору. Сначала они не имѣли никакихъ правъ на земли и угодья (пастбища, лѣсъ и т. д.), владѣемыя деревней сообща. Впослѣдствіи и имъ и вовсе безземельнымъ предоставлялась въ ней обыкновенно самая малая доля, но это было лишь снисхожденіемъ со стороны общины или землевладѣльца, и вовсе не вытекало изъ правъ на общинную землю, которыхъ они, какъ сказано, не имѣли. Поэтому, эти люди обыкновенно платили общинѣ вознагражденіе за пользованіе землей, не раздѣленной между членами общины, и не участвовали въ ея поземельныхъ и другихъ дѣлахъ, слѣдовательно, находились въ полной зависимости отъ полноправной общины. Этотъ классъ неполноправныхъ землевладѣльцевъ составился не изъ однихъ пришельцевъ, но и изъ туземцевъ, такъ какъ дѣти полноправныхъ членовъ общины становились полноправными, только пріобрѣтя крестьянское хозяйство, а полноправный терялъ свои права гражданства, продавъ свой дворъ и права общиннаго пользованія, хотя бы послѣ того онъ и оставался жить въ общинѣ. Такъ какъ всѣ права принадлежали настоящимъ участникамъ деревенской поземельной общины, то на нихъ лежали и всѣ общинныя обязанности: службы и повинности всякаго рода, общинныя службы и подати, потому что и тѣ и другія лежали на общинномъ владѣніи; а прочіе владѣльцы, не принятые въ поземельную общину, не имѣвшіе части въ пользованіи общими угодьями, по-крайней-мѣрѣ не имѣвшіе полныхъ на то правъ, не были обязаны участвовать въ общинныхъ и государственныхъ службахъ и податяхъ, и только платили общинѣ вознагражденіе, о которомъ было упомянуто выше.

Изъ сказаннаго видно, что основаніемъ нѣмецкаго сельскаго устройства было исключительное право собственности общины на землю. Поземельное владѣніе находилось здѣсь исключительно въ рукахъ господствующаго класса. Впослѣдствіи, изъ уступокъ, сдѣланныхъ общинами въ пользу неполноправныхъ владѣльцевъ, развилось право ихъ на пользованіе угодьями, владѣемыми сообща. Рядомъ съ старинными вещными правами полноправныхъ членовъ общины, образовались личныя права пользованія неполноправныхъ. Это подорвало старинное поземельное устройство нѣмецкихъ общинъ. Его преобразованію существенно содѣйствовало и то, что неполноправные владѣльцы получили право участвовать въ сельскомъ управленіи, которое сперва находилось исключительно въ рукахъ однихъ полноправныхъ; они привлечены также къ отправленію общинной и государственной службы.

Древне-римскія поземельныя отношенія выработались совсѣмъ на другихъ началахъ. Здѣсь не земля служила основаніемъ общиннаго союза, а роды (gentes). Замкнутость народа (populus) покоилась на родовомъ устройствѣ. Вся земля принадлежала государству, была публичной (ager publicus) и отдавалась старинному гражданину только въ пользованіе и владѣніе (possessio). Старинный гражданинъ или патрицій, и только онъ одинъ, имѣлъ, вмѣстѣ съ наслѣдственною собственностью (heredium), право на общинную землю, которая находилась не только въ общемъ пользованіи, въ видѣ пастбища и т. д., но отчасти и въ личномъ владѣніи (possessio) и пользованіи (usus). Впрочемъ и они могли быть отняты государствомъ. Право пользованія общинною землею патриціи присвоивали исключительно себѣ, какъ сословную привилегію. Въ этомъ и заключается различіе между римскимъ и нѣмецкимъ поземельнымъ устройствомъ. Когда, вслѣдствіе обширныхъ завоеваній, публичныя земли (ager publicus) очень значительно расширились, а войны и публичныя тягости сильно обременяли плебеевъ, старые римскіе граждане (сенатъ) были вынуждены дѣлать уступки. Плебеямъ данъ надѣлъ (assignatio) земель; участокъ, отведенный отдѣльному лицу, сталъ его наслѣдственною собственностью. Но плебеи не имѣли правъ на землю, находившуюся въ общемъ пользованіи; кажется, они имѣли только издавна право пользоваться общимъ пастбищемъ, хотя и за извѣстную плату. Но патриціи, въ первое столѣтіе республики, ничего не платили за пользованіе общими угодьями, и когда введена была плата съ пашни, съ виноградниковъ и съ лѣсонасажденій (vectigal), патриціи съумѣли отъ нея

отдѣлаться. Только законы Лицинія отмѣнили эту привилегію. Вотъ какимъ образомъ и плебеи мало-по-малу стали полноправными въ пользованіи землею, владѣемою сообща, но это не было, какъ и установившіяся впослѣдствіи права неполноправныхъ въ нѣмецкихъ общинахъ, дальнѣйшимъ развитіемъ древняго права, а новымъ правомъ, неизвѣстнымъ прежде въ Римѣ, какъ и въ древней Германіи.

Демократичнѣе сложились поземельныя отношенія въ древне-русскихъ общинахъ. При рѣдкомъ населеніи, земля вообще цѣнилась очень низко, исключая большихъ центровъ, гдѣ скучилось болѣе густое населеніе. Поэтому общины не только давали новымъ поселенцамъ землю подъ жилье и пашню, но предоставляли имъ полное право пользоваться землями, владѣемыми сообща, и полное участіе въ управленіи общинными и поземельными дѣлами. Новые поселенцы становились полноправными членами общины, хотя бы владѣли очень малою долею общинной земли. Только тѣ жители общинъ не имѣли общинныхъ правъ, которые въ нихъ вовсе не владѣли землею, именно потому, что они жили „за чужимъ тягломъ“. Эта часть населенія состояла изъ дѣтей членовъ общины, не получившихъ еще своихъ участковъ, и изъ тѣхъ, которые по недостатку средствъ или другимъ причинамъ не взяли себѣ земли и въ качествѣ свободныхъ работниковъ служили у богатыхъ хозяевъ, либо занимались ремесломъ.

Пользованіе угодьями, владѣемыми сообща (лѣсомъ, пастбищемъ и т. д.), повидимому не подвергалось никакимъ ограниченіямъ; въ нихъ вообще не было недостатка. Въ Германіи, напротивъ, рано выработались точныя правила о размѣрѣ правъ пользованія ими.

Низкая, вообще говоря, цѣна земли и возможность легко добыть ее въ другомъ мѣстѣ, уже сами по себѣ не могли вести къ образованію тѣснаго поземельнаго союза. Но, кромѣ того, сомкнутости членовъ общины, какую находимъ въ древне-германскихъ селеніяхъ, мѣшало и то, что русскій народъ не жилъ большими деревнями; напротивъ, русская поземельная община обыкновенно состояла изъ одного небольшого главнаго села, изъ многихъ, еще меньшихъ деревень, починковъ, поселковъ и изъ отдѣльныхъ дворовъ. Первымъ общиннымъ поселеніемъ было кажется село, изъ котораго, съ увеличеніемъ народонаселенія, вслѣдствіе нарожденія и вступленія въ общину новыхъ пришельцевъ, основывались деревни (расчисткою лѣса и т. д.). Вопреки мнѣнію проф. Лешкова, г. Кейсслеръ думаетъ, что деревня не составляла самостоятельной поземельной общины, а была лишь ея составною частью, и источники, имъ приводимые, говорятъ, кажется, въ его пользу, несмотря на то, что деревни повидимому имѣли, большею частью, свои округленныя территоріи, съ постоянными границами или межами. Даже части деревень имѣли такія границы. Очень можетъ быть также, что мѣстами деревни дѣйствительно составляли самостоятельныя поземельныя общины; но это было исключеніемъ, а не правиломъ. Впослѣдствіи все это, конечно, измѣнилось. Бывали также случаи, что двѣ, три деревни находились между собою въ болѣе тѣсной экономической связи. Вообще трудно, быть можетъ невозможно, возстановить теперь вполнѣ картину древнерусскаго общиннаго быта. Историческіе памятники, изъ которыхъ мы черпаемъ извѣстія, относятся къ тому времени, когда процессъ разложенія древнихъ союзовъ уже сильно подвинулся впередъ: цѣлыя общины, села съ деревнями, были уже отписаны въ великокняжескую казну, розданы монастырямъ и служилымъ людямъ, и отдѣльныя деревни, поступившія въ ихъ владѣніе, выдѣлились изъ поземельнаго общиннаго союза. Такимъ образомъ, старинная поземельная община распадалась болѣе и болѣе. Этому содѣйствовала слабая внутренняя связь общинъ. Земля не имѣла большой цѣны; деревни и дворы были разселены далеко другъ отъ друга; общины имѣли мало поводовъ вмѣшиваться въ поземельныя отношенія отдѣльныхъ лицъ между собою и съ цѣлымъ союзомъ, вслѣдствіе чего части могли легко отпадать отъ цѣлаго. Волость все болѣе и болѣе теряла значеніе поземельной общины, и все болѣе обращалась въ административный союзъ. Это могло совершиться тѣмъ легче, что кажется уже изстари въ составъ волостей входила личная поземельная собственность (сначала владѣнія своеземцевъ, впослѣдствіи помѣстья и т. д.).

Изъ сравненія внѣшняго устройства деревень и сожительства поземельныхъ общинниковъ въ Германіи и древней Россіи оказывается, что устройство болѣе значительныхъ селъ, здѣсь и тамъ, имѣло много об-

щаго: отдѣльные дворы стояли близко другъ отъ друга. Все различие вѣроятно состояло только въ томъ, что число дворовъ въ древнихъ русскихъ общинахъ было меньше; деревни же, отдаленныя другъ отъ друга и отъ села и состоявшія изъ одного, двухъ, трехъ или четырехъ дворовъ, по внѣшнему своему характеру, ближе подходили къ нѣмецкимъ деревнямъ, безъ общиннаго поземельнаго владѣнія, или къ дворамъ, владѣвшимъ сообща только пастбищемъ и лѣсомъ, и стоявшимъ отдѣльно отъ другихъ, посреди принадлежавшихъ имъ полей и луговъ.

Наконецъ, бо́льшее разнообразіе Германіи въ топографическомъ отношеніи и по естественному плодородію было тоже причиною различія между нѣмецкими и древне-русскими общинами.

Изъ всего сказаннаго авторъ выводитъ, относительно устройства послѣднихъ, такія заключенія:

При тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находились древнія русскія общины (при избыткѣ земли, однообразіи почвы, маломъ объемѣ деревень), не было поводовъ ограничивать отдѣльныя лица въ интересѣ всѣхъ, а потому не могло развиться поземельной общины въ строгомъ смыслѣ слова и обязательной для всѣхъ системы веденія хозяйства. Каждый общинникъ имѣлъ одинаковый интересъ удерживать въ своемъ постоянномъ пользованіи ближайшую къ его двору землю, и этому не противорѣчилъ равносильный интересъ другихъ членовъ общины. Удобство мѣстоположенія могло, въ большинствѣ случаевъ, имѣть въ глазахъ крестьянъ преимущество даже передъ бо́льшимъ плодородіемъ участка, находившагося въ далекомъ разстояніи. При такихъ условіяхъ, вообще говоря, рѣдко могла представляться необходимость періодически возобновлять между членами общинъ обмѣнъ обработываемой земли; при господствовавшемъ въ Россіи до конца XV вѣка залежневомъ хозяйствѣ, съ расчисткою лѣсовъ и кустарника, замѣнялась только обработываемая крестьянами пашня другою. Кейсслеръ думаетъ, что такое экстенсивное хозяйство, предполагающее обширныя пространства земель, послужило существеннымъ основаніемъ для поселенія малыми деревнями и отдѣльными дворами. Желаніе имѣть въ своемъ распоряженіи какъ можно больше земли и какъ можно ближе къ жилью, взяло верхъ надъ стремленіемъ жить тѣснѣе вмѣстѣ, которое обыкновенно такъ сильно чувствуется при низкой степени культуры, при недостаткѣ юридическихъ обезпеченій и т. п. Такимъ образомъ, владѣльцы отдѣльныхъ дворовъ пользовались окружающею землею вѣроятно по собственному усмотрѣнію, безъ вмѣшательства общинъ. Если деревня состояла изъ нѣсколькихъ дворовъ, расположенныхъ близко одинъ отъ другого, то сосѣди необходимо должны были войти между собою въ соглашенія. И въ этихъ случаяхъ, вся поземельная община, село, другія деревни и отдѣльные дворы, — обыкновенно не имѣли повода дѣятельно вмѣшиваться въ такія сосѣдскія отношенія, такъ какъ другія поселенія были отдѣлены и сами имѣли около себя достаточно земли. Разстояніемъ деревень между собою и отъ главнаго села опредѣлялась бо́льшая или меньшая надобность въ дѣятельномъ вліяніи общины,—прежде всего для опредѣленія границъ, до какихъ мѣстъ отдѣльный дворъ, дворы цѣлой деревни или села могли дѣлать расчистки лѣсовъ и т. п. Вѣроятно, что общины ограничивали расчистки также и для огражденія поселеній отъ пожаровъ и т. п. Но чѣмъ населеніе было гуще, чѣмъ больше число дворовъ въ селѣ, тѣмъ необходимѣе становилось вмѣшательство общины для огражденія владѣльцевъ дворовъ однихъ отъ другихъ, тѣмъ настоятельнѣе становилась потребность точнаго распредѣленія земли; а когда обработываемая земля становилась менѣе плодородной, или новь подымалась деревнею сообща, то приходилось производить новую разверстку. Слѣдуетъ также принять въ соображеніе, что при очень частомъ передвиженіи въ древней Россіи сельскаго населенія съ мѣста на мѣсто, при частой передачѣ выморочныхъ, оставленныхъ владѣльцами и запустѣлыхъ дворовъ новымъ владѣльцамъ и при отводахъ земель для основанія новыхъ дворовъ и расширенія существующихъ, могло живо сохраниться въ народномъ сознаніи представленіе объ общинной собственности на землю и о правѣ общины распоряжаться общинною землею, несмотря на почти неограниченныя права отдѣльныхъ хозяевъ на свои участки.

Съ конца XV вѣка залежневое хозяйство стало переходить въ трехпольное. На эту перемѣну имѣли, повидимому, большое вліяніе усилившіяся съ того времени ограниченія вольныхъ переходовъ съ мѣста на мѣсто. Существенное ограниченіе состояло въ томъ,

что крестьянинъ не могъ покинуть своей общины, пока его не принимала къ себѣ другая община или землевладѣлецъ. Это ограниченіе становилось болѣе и болѣе чувствительнымъ по мѣрѣ того, какъ населеніе увеличивалось, а количество еще не занятой, способной къ обработкѣ земли уменьшалось. Важное значеніе имѣло также въ этомъ отношеніи различеніе крестьянъ тягловыхъ отъ затяглыхъ; первые владѣли и пользовались общинной землей, вторые—нѣтъ, и потому не имѣли никакихъ обязательствъ относительно общины. Тягловымъ крестьянамъ выходъ былъ запрещенъ, по фискальнымъ соображеніямъ, а именно: тягловые были записаны въ окладныя книги, и государство требовало, до новаго оклада, податей со всѣхъ, записанныхъ въ окладъ. Такъ какъ община отвѣчала круговой порукой за уплату податей, то въ огражденіе ея было необходимо ограничить выходъ такихъ крестьянъ изъ общины. Община имѣла право отпустить крестьянина, но въ такомъ случаѣ должна была сама нести лежавшую на немъ долю податей. Точно также и крестьянинъ могъ покинуть общину, если представлялъ другого на свое мѣсто, или другимъ образомъ обезпечивалъ общинѣ исправный взносъ лежавшей на немъ подати. Эти и другія ограниченія свободнаго перехода, дѣйствовавшія уже задолго до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ (въ концѣ XVI вѣка), сдѣлали сельское населеніе осѣдлымъ и со временемъ повели къ преобразованію всего полевого хозяйства. Съ увеличеніемъ населенія и все бо́льшимъ истощеніемъ почвы, залежневое хозяйство не могло уже удовлетворять потребностямъ жителей въ хлѣбѣ, и крестьянинъ вынужденъ былъ перейти къ болѣе тщательной обработкѣ земли.

Эти новыя условія повліяли со временемъ на общинное владѣніе, которое должно было получить болѣе строгую и для отдѣльнаго лица болѣе стѣснительную форму. Болѣе тѣсное сожительство и основаніе новыхъ дворовъ увеличивали надобность въ землѣ. Прежде, когда ея было много, крестьянинъ могъ расширить свое полевое хозяйство сколько хотѣлъ, не вредя другимъ членамъ общины; для послѣдней это даже было полезно, потому что крестьянинъ, увеличивавшій свое поле, участвовалъ въ платимыхъ общиной податяхъ; теперь, напротивъ, сосѣди противились такому распространенію хозяйства, и общинѣ приходилось рѣшать, опредѣлять и ограничивать права владѣнія отдѣльныхъ хозяевъ. Переходъ къ трехпольной системѣ и вообще болѣе тщательная обработка земли еще болѣе расширили власть общинъ. Естественное плодородіе участковъ получаетъ теперь большое значеніе; выгодность мѣстоположенія (разстояніе отъ двора) участковъ цѣнится тѣмъ болѣе, чѣмъ чаще крестьянину приходится бывать на своей пашнѣ. Каждый желаетъ получить самыя плодородныя и ближайшія земли; спорящія стороны обращаются къ общинѣ, и ея приговоръ ограждаетъ интересы однихъ противъ интересовъ другихъ. Такимъ образомъ густота населенія, способъ сожительства и пространство общинныхъ земель имѣли рѣшительное вліяніе на форму общиннаго владѣнія, на способъ и и мѣру ограниченія члена общины въ интересахъ всѣхъ. Чѣмъ больше число дворовъ въ деревнѣ, тѣмъ большее значеніе получаетъ разверстка земли. Она, смотря по плодородію, дѣлится на клины, а клины, въ свою очередь, на узкія полосы, по числу имѣющихъ право на надѣлъ, чтобы каждый получилъ поровну близкой и дальней, хорошей и дурной земли.

Въ подтвержденіе правильности такого взгляда на прежнее наше общинное владѣніе и его постепенное преобразованіе въ теперешнее, авторъ ссылается на нынѣшніе порядки владѣнія землею въ тѣхъ частяхъ имперіи, гдѣ до сихъ поръ удержались условія, одинаковыя съ тѣми, какія существовали въ древней Россіи до XVI вѣка. Въ этой части его труда (стр. 72—82) сгруппированы характерныя черты хозяйственнаго быта въ губерніяхъ архангельской, олонецкой, вологодской, вятской, пермской, у государственныхъ крестьянъ воронежской, екатеринославской и въ новоузенскомъ уѣздѣ самарской губерніи, въ области донскихъ казаковъ и въ западной Сибири. Картина эта очень интересна, показывая, какъ, при одинаковыхъ условіяхъ, могъ удержаться, почти до нашего времени, бытъ, давно исчезнувшій въ остальной Россіи и для полнаго возстановленія котораго источники не представляютъ достаточно данныхъ.

Чѣмъ же отличается древне-русское общинное владѣніе отъ теперешняго? Вопросъ этотъ, до котораго не касались наши изслѣдователи, авторъ рѣшаетъ слѣдующимъ образомъ:

Большая власть поземельной общины, бо́льшее вмѣшательство совокупности ея членовъ въ сельско-хозяйственныя распоряженія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности могли и должны были развиться только съ того времени, когда сельское населеніе скучилось въ большія деревни и распространилось трехпольное хозяйство. Съ этихъ поръ стали необходимы строгое подчиненіе каждаго хозяина извѣстной системѣ полеводства и передѣлы пашни. Итакъ, преобразованіе сожительства и введеніе трехпольнаго хозяйства, съ дальнѣйшимъ увеличеніемъ населенія, постепенно придали общинному владѣнію новый характеръ.

Другая, важнѣйшая отличительная черта теперешняго общиннаго владѣнія отъ древне-русскаго заключается въ прирожденномъ каждому члену общины правѣ получить равную съ другими членами часть въ общинной землѣ, съ обязательствомъ нести падающую на нее часть податей и повинностей. Это право считается въ существующемъ общинномъ владѣніи основнымъ. Община, представляя совокупность всѣхъ, пользующихся общинной землей, обязана надѣлить каждаго изъ своихъ членовъ равнымъ земельнымъ участкомъ, хотя бы для этого пришлось уменьшить доли, которыми уже пользуются прочіе члены, когда, напримѣръ, запасной земли болѣе нѣтъ, или число имѣющихъ право на надѣлъ не уменьшилось вслѣдствіе смерти или выхода изъ общины. Это начало придало теперешнему общинному владѣнію своеобразный характеръ. За удержаніе и сохраненіе этого начала ратуютъ поборники общиннаго владѣнія, опираясь на національно-историческія и соціально-экономическія соображенія. Г. Кейслеръ доказываетъ, что въ древней Россіи это начало не было извѣстно, и въ подтвержденіе ссылается на слѣдующее:

При усиленіи въ XVI вѣкѣ тяжести податей, общины могли въ извѣстныхъ случаяхъ находить для себя выгоднымъ давать землю новымъ пришельцамъ или подросткамъ, даже когда вся земля, годная для воздѣлыванія, была уже занята и приходилось отбирать часть земли у тѣхъ, которые ею пользовались. Еслибъ въ источникахъ и были указанія на такіе случаи, то ими одними никакъ нельзя было бы доказать, что каждому члену общины принадлежало право на равную съ другими часть въ общинной землѣ. Скорѣе изъ этого можно было бы заключить, что члены общины нашли болѣе выгоднымъ уменьшить размѣръ податей, падающихъ на каждаго изъ нихъ, чѣмъ оставлять за собою свои поземельные участки въ прежнемъ размѣрѣ, и потому добровольно согласились на уступку части своихъ земельныхъ надѣловъ. Пока мы не имѣемъ прямыхъ доказательствъ или ясныхъ указаній, что уменьшеніе надѣловъ производилось общиною вопреки волѣ и согласію владѣльцевъ, до тѣхъ поръ нельзя говорить о правѣ каждаго на равный поземельный надѣлъ въ древнихъ русскихъ общинахъ. Но, кромѣ того, существованію подобнаго права противорѣчитъ все, что мы знаемъ о древне-русскомъ общинномъ землевладѣніи. Крестьяне имѣли право распоряжаться отведенными имъ участками совершенно свободно и самостоятельно, пока платили падающія на тѣ участки подати, могли даже отдавать ихъ въ наемъ. Въ XVI вѣкѣ община, по признанію самого проф. Бѣляева, не имѣла права, вопреки порядной или нарядной записи (договоръ крестьянина съ общиной объ отводѣ земли), набавлять крестьянину земли, или отнимать у него часть отведенной, пока онъ исправно платилъ подати. Тотъ же изслѣдователь говоритъ, что по занятіи всей способной къ обработкѣ земли въ общинѣ крестьянинъ, не успѣвшій ее получить, могъ найти болѣе для себя выгоднымъ поселиться на землѣ частнаго владѣльца, съ платою за пользованіе, чѣмъ брать у общины плохую землю. Все это рѣшительно говоритъ противъ прирожденнаго права каждаго члена общины на равный съ прочими надѣлъ землею. Противъ такого права говоритъ и то, что земля, принадлежащая къ крестьянскому двору, составляла въ древней Россіи, какъ показано выше, опредѣленную величину, которой не измѣнили и послѣдовавшіе передѣлы. Противъ такого права говоритъ, повидимому, и способъ введенія крѣпостного права. Изъ относящихся сюда постановленій, изданныхъ до половины XVII вѣка, видно, что не все свободное сельское населеніе было прикрѣплено къ землѣ, а только та часть крестьянъ, которые несли тягло, владѣли крестьянскимъ дворомъ или брали за себя такой дворъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, крестьяне получили право на находившуюся въ ихъ владѣніи крестьянскую землю. Размѣръ крестьянскаго двора былъ даже, повидимому,

опредѣленъ закономъ. Все остальное сельское населеніе сохранило право свободнаго перехода. Опредѣленный закономъ размѣръ двора, по всему вѣроятію, говоритъ противъ права каждаго изъ подростковъ на участокъ земли. Точно также трудно согласить право свободнаго перехода нетяглыхъ крестьянъ съ обязанностью общинъ дать поземельный надѣлъ каждому члену общины, родившемуся въ ней. Итакъ, пока не будетъ положительно доказано, что по древнему праву каждый, рожденный въ общинѣ, имѣлъ право на равный съ другими участокъ земли, мы имѣемъ полное основаніе заключать, что его не существовало и что оно установилось лишь въ новѣйшее время. Наконецъ, нельзя не обратить особеннаго вниманія и на то обстоятельство, что во время отмѣны крѣпостного права, крестьянское общинное землевладѣніе было распространено гораздо болѣе, чѣмъ въ древней Россіи. Выше было замѣчено, что въ личномъ владѣніи крестьянъ находилась земля, которую они нанимали у вотчинниковъ и помѣщиковъ, въ имѣніяхъ князей, церквей и монастырей. Но ко времени упраздненія крѣпостного права общинное владѣніе существовало повсемѣстно во всей Великороссіи, во всѣхъ господскихъ и удѣльныхъ имѣніяхъ и у крестьянъ государственныхъ имуществъ, значительную часть которыхъ составляютъ имѣнія церквей и монастырей, отобранныя у нихъ въ XVIII вѣкѣ. Изъ этого видно, что общинное землевладѣніе съ теченіемъ времени появилось и тамъ, гдѣ его прежде не существовало.

Многіе думаютъ, что наше общинное землевладѣніе — явленіе исключительно славянское, и сближаютъ его съ общиннымъ владѣніемъ у другихъ славянскихъ племенъ, преимущественно южныхъ. Г. Кейслеръ подробно изслѣдуетъ этотъ вопросъ и приходитъ къ заключенію, что совокупное управленіе имуществомъ, нераздѣльно принадлежащимъ семейству, не составляетъ особенности славянскаго племени; что такое-же совокупное управленіе существовало вездѣ и въ древнемъ и въ новомъ мірѣ, пока народъ находился на извѣстной ступени развитія, и что, наконецъ, теперешнее наше общинное землевладѣніе развилось не изъ семейныхъ союзовъ. У южныхъ славянъ дѣйствительно существовала крѣпкая связь семей (даже послѣ смерти отца); въ нашемъ же сельскомъ населеніи, напротивъ того, издавна замѣтна ихъ сильная раздробленность. На памяти исторіи взрослые сыновья очень рано, еще при жизни отца, отдѣлялись отъ семьи, вели особое хозяйство, ставили новый дворъ. Этимъ и объясняется малолюдность дворовъ въ древней Россіи. Только младшій сынъ оставался при отцѣ, на корню, и наслѣдовалъ отцовскій дворъ. Такому раннему выселенію много способствовало, между прочимъ, большое обиліе земли; а раннее отдѣленіе отъ семьи, въ свою очередь, чрезвычайно облегчило заселеніе обширной русской территоріи. Ошибочное представленіе объ исконной крѣпкой семейной связи въ древней Россіи образовалось у насъ вслѣдствіе того, что передъ отмѣною крѣпостного права сельское населеніе жило большими семьями. Это показалось намъ особенностью славянъ, слѣдствіемъ древне-славянскаго семейнаго права; между тѣмъ такое явленіе было новымъ въ Россіи и до того слабо вкоренилось въ народномъ сознаніи, что прошло какихъ-нибудь десять лѣтъ со времени освобожденія, и весь складъ крестьянской жизни въ этомъ отношеніи совершенно измѣнился. Съ отмѣною крѣпостного права, съ дарованіемъ самостоятельности общинамъ, съ утвержденіемъ за ними права свободно распоряжаться общинною землею и своими внутренними дѣлами—вездѣ начались раздѣлы семей. Это доказываетъ, что не глубокое сознаніе семейнаго единства, а внѣшнія обстоятельства поддерживали въ нашемъ сельскомъ населеніи жизнь большими семьями. Владѣльцы и правительство изъ своихъ выгодъ и для пользы самихъ крестьянъ мѣшали слишкомъ большому раздробленію крестьянскихъ хозяйствъ. Но какъ только внѣшнія препятствія прекратились, большія семьи распались. Есть, конечно, и теперь въ Россіи общины, ведущія хозяйство болѣе или менѣе сообща; но основаніемъ къ тому служитъ не живое сознаніе семейнаго единства, а совсѣмъ другіе мотивы,—или религіозно-экономическіе, какъ, напримѣръ, у раскольниковъ, или чисто-экономическіе, какъ, напримѣръ, при уборкѣ сообща луговъ, съ раздѣленіемъ накошеннаго сѣна и т. д. Въ этихъ и другихъ подобныхъ случаяхъ совокупное выполненіе сельско-хозяйственныхъ работъ зависитъ не отъ семейныхъ связей, а вытекаетъ изъ свободнаго соединенія въ

артели. Такія артели очень распространены и развиты въ сѣверной Россіи и не ограничиваются одними торговыми и промышленными предпріятіями, а обнимаютъ и сельско-хозяйственныя работы. Такими же артелями были первоначально казацкія товарищества на Дону.

Прикрѣпленіе къ землѣ и введеніе подушной подати придали древне-русскому общинному владѣнію его теперешній видъ и имѣли послѣдствіемъ введеніе общиннаго владѣнія въ тѣхъ даже общинахъ, гдѣ прежде земля находилась въ личномъ владѣніи и пользованіи крестьянъ. Какъ произошла эта перемѣна, имѣвшая такое важное вліяніе на права крестьянскаго землевладѣнія, какъ и при какихъ условіяхъ скучилось въ большихъ селеніяхъ крестьянство, жившее до тѣхъ поръ малыми деревнями и отдѣльными дворами,—эти вопросы у насъ еще не изслѣдованы; но по самому свойству дѣла нельзя не предположить, что такая перемѣна произошла очень различно въ различныхъ мѣстностяхъ. Упомянутыя выше общія государственныя мѣры ускоряли или замедляли процессъ, смотря по тому, мало или много земли находилось въ распоряженіи сельскаго населенія, быстро или медленно оно умножалось чрезъ нарожденіе и призывъ землевладѣльцами новыхъ поселянъ, — или, наоборотъ, вслѣдствіе выселенія туземныхъ крестьянъ на другія земли; вырабатывались ли побочные промыслы въ общинахъ и, наконецъ, примѣнялась ли усилившаяся власть землевладѣльцевъ. При достаточномъ запасѣ земли и тяжкихъ податяхъ, общины могли вообще охотно надѣлять участками подростковъ изъ крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, по мѣрѣ требованія. Но какъ только вся способная къ обработкѣ земля была занята, общинамъ надо было рѣшить: слѣдуетъ ли, для облегченія податной тягости, дать возможность заводить новые дворы съ соотвѣтствующимъ уменьшеніемъ надѣла у всѣхъ крестьянъ. Сначала общины могли поступать такъ: отбирать у крестьянъ, владѣвшихъ большимъ количествомъ земли чѣмъ другіе, излишній противъ нихъ надѣлъ, или же не давать земли желающимъ увеличить свои дворы. Такимъ путемъ могло снова выработаться равенство поземельныхъ участковъ, какое было сначала при населеніи страны. Но такое равенство основывалось не на равенствѣ потребностей и возможности обрабатывать, а произошло вслѣдствіе недостатка въ землѣ. Болѣе трудолюбивый и болѣе зажиточный не могъ расширить своего хозяйства. Кажется однако, что въ XVII вѣкѣ вообще еще не чувствовалось недостатка въ землѣ и до равнаго ея раздѣла между всѣми еще не доходило. Очень часто упоминаются еще бобыли въ отличіе отъ полныхъ крестьянъ. Правда, встрѣчаются и такія указанія, что крестьяне переселялись въ другія деревни, такъ какъ въ ихъ прежнемъ мѣстѣ жительства не было достаточно земли.

Существенное вліяніе оказала въ этомъ отношеніи замѣна древней поземельной подати подушною. Введеніе послѣдней преобразовало древне-русское общинное устройство. Такъ какъ каждый, принадлежащій къ общинѣ, долженъ былъ платить подушную подать, то онъ тѣмъ самымъ дѣлался полноправнымъ членомъ общины, тогда какъ прежде такими были только владѣющіе дворами. Изъ поземельной общины образовалась съ теченіемъ времени личная, которая, впрочемъ, тѣмъ существенно отличалась отъ подобныхъ общинъ въ Россіи (наприм. городскихъ) и въ остальной Европѣ, что каждый изъ ея сочленовъ имѣлъ право на равную съ другими часть общественной земли, составляющей основаніе такой личной общины. Подать возложена на все прикрѣпленное къ землѣ мужское населеніе, принадлежавшее къ общинѣ; изъ этого естественно вытекало, что каждому взрослому мужчинѣ отводилась земля, чтобы дать ему возможность платить подать; а такъ какъ послѣдняя была для всѣхъ одинакова, то отсюда и развилось равенство поземельныхъ участковъ. Съ умноженіемъ народонаселенія и при возможности выхода, неизбѣжно должно было произойти неравенство земляныхъ надѣловъ, и для возстановленія нормальнаго отношенія, оказались необходимыми періодическіе надѣлы, по мѣрѣ увеличенія населенія и перемѣнъ въ личномъ составѣ семействъ. Чрезъ это сложилось въ юридическомъ сознаніи народа убѣжденіе, что каждый членъ общины имѣетъ право на равный со всѣми прочими участокъ земли. Развитію такого взгляда содѣйствовала, съ одной стороны малая стоимость земли, которая обыкновенно цѣнилась едва-ли больше труда на ея обработку, а съ другой, — то обстоятельство, что крестьяне частью не имѣли

правъ собственности на землю, частью утратили это право.

Наконецъ, введенію общиннаго владѣнія на земляхъ, изстари принадлежавшихъ владѣльцамъ на правахъ собственности, могло способствовать также и то обстоятельство, что они предоставили общинѣ самой распоряжаться землею, находившейся въ пользованіи ея членовъ (замѣщать пустые дворы и т. п.), чтобъ не имѣть дѣла особо съ каждымъ крестьяниномъ. Установленіе подушной подати должно было усилить власть господъ, такъ какъ они (инструкція 5-го февраля 1722 года) отвѣчали за своевременное ея поступленіе, какъ съ крестьянъ, такъ и съ дворовыхъ людей. Такъ какъ подобная отвѣтственность давала владѣльцамъ новый поводъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла общины, то обложеніе дворовыхъ людей подушною податью могло вынудить бѣдныхъ владѣльцевъ уменьшить ихъ число и не находившихъ себѣ другой работы посадить на пашню, т.-е, приписать къ общинѣ, которая должна была надѣлить ихъ землей.

Изъ права каждаго члена общины на равный съ прочими участокъ земли возникъ, съ умноженіемъ населенія, цѣлый рядъ новыхъ отношеній, имѣвшихъ огромное значеніе для всего соціальнаго и экономическаго строя народной жизни. Общинное владѣніе не даетъ возможности поддерживать желанное соотвѣтствіе между землею и народонаселеніемъ. Пространство, предоставленное въ пользованіе общины, опредѣлено и большею частью неизмѣнно, вслѣдствіе чего, съ умноженіемъ населенія, и при удержаніи стараго экстенсивнаго хозяйства, должна была появиться несоразмѣрность между количествомъ земли и населеніемъ, которое съ нея кормилось. Недостаткомъ земли, мало приносившей при трехпольномъ хозяйствѣ и слабомъ удобреніи, авторъ объясняетъ большое развитіе огородничества, во многихъ частяхъ имперіи, при первобытныхъ вообще способахъ земледѣлія; благодаря огородничеству, добывается на маломъ пространствѣ больше средствъ для прокормленія, чѣмъ при полевомъ хозяйствѣ. Государство и большіе владѣльцы были въ состояніи помочь недостатку земли нарѣзкою новой или выселеніемъ части крестьянъ на другія земли; но гдѣ этого не дѣлалось, тамъ оказывался избытокъ мѣстнаго населенія: общинная земля не могла прокормить людей, наличныхъ рабочихъ силъ было для нея слишкомъ много, а вообще въ Россіи населеніе было рѣдкое, всюду чувствовался недостатокъ въ рукахъ по всѣмъ отраслямъ промышленной жизни; и вотъ, избытокъ сельскаго населенія шелъ въ работу. Такимъ образомъ произошло широко-распространенное у насъ движеніе сельскаго населенія съ мѣста на мѣсто, придающее всей соціальной и экономической жизни Россіи замѣчательную своеобразность. Если сельскій домашній промыселъ не доставлялъ крестьянину довольно занятій, если у него не было работы на общинной землѣ или по господскому хозяйству, то онъ, чтобы прокормиться, уходилъ на короткое время или надолго въ города, рабочимъ на фабрику, занимался ремесломъ или торгомъ и т. п., или шелъ въ работники въ мало-населенные края, южныя и юго-восточныя плодородныя губерніи, гдѣ для обработки земли недоставало рукъ. Нѣтъ въ цѣлой Европѣ страны, гдѣ бы была видна такая подвижность сельскаго населенія, притомъ осѣдлаго, имѣющаго дворъ и жилье. Этимъ Россія существенно отличается отъ остальной Европы. Явленіе это имѣетъ рѣшительное значеніе не только для сельскаго хозяйства, но и для всѣхъ вопросовъ промышленности и торговли; оно должно отзываться въ управленіи и законодательствѣ, и не можетъ не имѣть вліянія на весь строй народнаго хозяйства и самаго государства. Необходимость идти въ работу преобразовала общинную и семейную жизнь. Въ древней Россіи сельское населеніе жило малыми семьями; крестьянскій дворъ представлялъ обыкновенно только одну полную рабочую силу. Такой крестьянинъ не могъ на долгое время оставить своего двора, не допуская до совершеннаго упадка всего своего хозяйства. Когда же, съ увеличеніемъ населенія, отношеніе его къ общинной землѣ стало неблагопріятнымъ, и число рабочихъ рукъ безпрестанно увеличивалось, оказалось необходимымъ жить вмѣстѣ большими семьями. Только при болѣе значительной хозяйственной единицѣ, заключающей въ себѣ нѣсколько рабочихъ силъ, можно было обойтись безъ одной изъ нихъ. Стало быть, и съ этой стороны интересъ землевладѣльцевъ заставлялъ ихъ ограничивать семейные крестьянскіе раздѣлы.

Итакъ, съ увеличеніемъ населенія и съ

надѣленіемъ каждаго члена общины землею стало необходимо ограничить каждаго изъ нихъ. Права общины значительно расширились, а передѣлы получили существенно другое и гораздо бо̀льшее значеніе; мало того: измѣнившійся характеръ сожительства произвелъ и бо̀льшую сомкнутость общины. Изъ малыхъ деревень и отдѣльныхъ дворовъ крестьянство насильственно скучено въ большія селенія. Малыя деревни удержались только въ сѣверныхъ губерніяхъ — архангельской, олонецкой, вятской, вологодской, пермской, въ ярославской и частью въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ. Какъ совершилась такая перемѣна и при какихъ условіяхъ,—объ этомъ можно пока только догадываться по нѣкоторымъ указаніямъ. Скученіе крестьянъ было въ интересахъ землевладѣльцевъ. При болѣе тѣсномъ сожительствѣ крестьянъ, легче было имѣть надъ ними надзоръ и держать ихъ въ порядкѣ. При малоцѣнности первобытныхъ хижинъ выселеніе крестьянъ изъ отдѣльныхъ дворовъ и деревень въ главное село могло совершиться безъ большихъ затрудненій. Многія деревни могли достигнуть теперешнихъ своихъ размѣровъ и безъ помощи переселенія однимъ естественнымъ приращеніемъ жителей и такимъ способомъ обратиться въ особыя поземельныя общины.

Что касается городовъ, то они въ древней Россіи возникли вслѣдствіе расширенія сельскихъ поселковъ. Большая часть древнихъ городовъ были, повидимому, первые поселки, откуда какъ изъ центра вышли новыя колоніи въ обширной странѣ. Послѣднія оставались въ союзѣ съ первыми, какъ было и въ Германіи. Такіе союзы послужили основаніемъ древнему дѣленію Россіи на области. За немногими исключеніями (Новгорода, Пскова и др.), городская жизнь была мало развита. До XVI вѣка, города и сельскія общины подлежали одинаковымъ административнымъ условіямъ, и лишь въ судебникахъ положено начало отдѣленію города отъ села. Отдѣленіе это совершается въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича (1648 г.); сельскія общины обращаются въ собственность землевладѣльцевъ—государства, церкви или дворянства, тогда какъ въ городахъ сохраняется или дается вновь извѣстная свобода съ самоуправленіемъ. Полное развитіе этого начала заканчивается при Петрѣ Великомъ. По отношенію къ землѣ, древнерусскіе города тоже составляли поземельныя общины. Торговлею и промышленностью занимались не всѣ и не исключительно одни городскіе жители. „Посадскіе люди“ занимались и земледѣліемъ, подобно крестьянамъ въ сельскихъ общинахъ. Мы видѣли, что чѣмъ населеніе становилось гуще, тѣмъ бо̀льшее значеніе получали передѣлы и вырабатывались болѣе строгія правила пользованія; въ городахъ все это должно было имѣть еще бо̀льшее значеніе, чѣмъ въ сельскихъ общинахъ. Съ умноженіемъ населенія, съ развитіемъ городскихъ промысловъ и т. п., болѣе и болѣе падало значеніе общинной земли, которою жители пользовались для сельскохозяйственныхъ цѣлей, и число занимающихся земледѣліемъ должно было уменьшаться сравнительно съ собственно городскимъ населеніемъ. Существуетъ ли и теперь общинное владѣніе въ городахъ, и если оно исчезло, то какъ и при какихъ условіяхъ? Перешли ли съ теченіемъ времени земельные надѣлы въ личную собственность, или общинная земля обратилась въ имущество городской корпораціи въ римскомъ смыслѣ и служитъ для пользы городской казны?—всѣ эти вопросы остаются у насъ до сихъ поръ неразработанными.

Таковы выводы автора. Мы старались передать какъ можно ближе, почти въ буквальномъ переводѣ, главные результаты его изслѣдованій, но далеко не исчерпали всего ихъ содержанія. Особенная важность и значеніе ученаго труда г. Кейсслера заключаются, какъ мы думаемъ, въ томъ, что онъ первый представилъ связную, отъ начала до конца продуманную исторію русскихъ общинъ и общиннаго землевладѣнія, въ связи съ общими экономическими условіями и историческими обстоятельствами, опредѣлившими ходъ развитія и нашихъ общинъ, и нашего общиннаго владѣнія. Читатель, сколько-нибудь знакомый съ предметомъ и его трудностями, оцѣнитъ заслугу автора и найдетъ въ его книгѣ много новаго. Такъ, сколько мы знаемъ, нигдѣ еще не было разъяснено различіе между нашимъ стариннымъ и новѣйшимъ общиннымъ землевладѣніемъ; нигдѣ не было изслѣдовано такъ обстоятельно сравнительно недавнее происхожденіе права каждаго члена общины на равный съ прочими надѣлъ землею,—права, не имѣющаго ничего общаго ни съ предполагаемымъ древ-

нѣйшимъ патріархальнымъ бытомъ, ни съ особенностями славянскаго и русскаго племени, ни съ философскими и соціальными взглядами новѣйшей эпохи. Живой потребности нашего времени,—разсѣять мистическій туманъ, которымъ до сихъ поръ подернуто наше общинное землевладѣніе къ существенному вреду дѣла, поставить вопросъ на историческую и практическую почву и тѣмъ положить конецъ нескончаемымъ недоразумѣніямъ и пустымъ спорамъ,—трудъ г. Кейсслера удовлетворяетъ въ значительной степени, несмотря на то, что, къ стыду нашему, матеріалы по общинному землевладѣнію не только не разработаны, какъ слѣдуетъ, но большею частью еще не собраны, и относящіеся къ нему историческіе документы бо̀льшею частью лежатъ еще неизданными въ архивахъ. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ работы, автору часто приходилось по необходимости прибѣгать къ догадкамъ и предположеніямъ и ими наполнять пробѣлы въ своихъ изслѣдованіяхъ. Къ чести его надо сказать, что, зная очень основательно предметъ и глубоко изучивъ источники, онъ пополняетъ такіе пробѣлы почти всегда весьма удачно, предположенія его бо̀льшею частью очень правдоподобны, хотя иногда онъ, можетъ быть, ошибается. Такъ, напримѣръ, различая, весьма справедливо, прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ отъ введенія крѣпостного права, г. Кейсслеръ на стр. 38 говоритъ, что въ нашемъ законодательствѣ XVII вѣка крестьянамъ было предоставлено, въ вознагражденіе за потерю личной свободы, *право на обработываемую ими землю*. Изъ какихъ именно источниковъ почерпнуто это извѣстіе, авторъ не указываетъ. Сколько намъ извѣстно, такого права не было предоставляемо у насъ крѣпостнымъ крестьянамъ ни въ XVII-мъ вѣкѣ, ни послѣ, вплоть до 1861 года. Государство, правда, заботилось о томъ, чтобъ не было крестьянъ безъ прочнаго водворенія и осѣдлости, и съ этою цѣлью обязывало помѣщиковъ давать крестьянамъ землю, въ извѣстномъ количествѣ. Подобныя стремленія были, и ихъ легко прослѣдить чрезъ все время, пока существовало крѣпостное право. Но между обязанностью помѣщиковъ надѣлять крестьянъ землей и правомъ послѣднихъ на такой надѣлъ—большая, существенная разница. На такое право крѣпостныхъ крестьянъ какъ будто указываетъ убѣжденіе, бывшее между ними въ большомъ ходу до 1861 года, будто отведенная имъ земля принадлежитъ имъ, а сами они—владѣльцамъ. Но такой взглядъ, точно такъ же какъ и ожиданіе, что при освобожденіи вся господская земля отойдетъ къ нимъ, не были отголоскомъ изданныхъ въ XVII вѣкѣ законовъ, а смутными воспоминаніями отдаленной старины, задолго предшествовавшей XVII вѣку, когда всѣ общины были свободны и большая ихъ часть сидѣли на своей землѣ. Утвержденіе за крѣпостными крестьянами правъ на обработываемую ими землю въ XVII вѣкѣ вообще очень неправдоподобно, такъ какъ оно противорѣчило бы цѣлому ходу нашего историческаго развитія. Періодъ русской исторіи, начавшійся съ Ивана III и законченный Петромъ Великимъ, былъ эпохой постепеннаго закрѣпощенія, какъ послѣдующее время, начиная съ Петра до нашихъ дней, представляетъ эпоху такого же постепеннаго раскрѣпощенія. Значеніе этихъ двухъ направленій нашего внутренняго развитія, наложившихъ свою печать на всѣ явленія русской жизни въ продолженіе столѣтій, совсѣмъ не изслѣдовано и даже не оцѣнено во всей полнотѣ. Насколько въ выработкѣ и установленіи крѣпостного начала участвовала естественная неумѣлость полудикаго народа создать государственный и общественный бытъ иначе какъ въ формахъ частной, полу-семейной, полу-рабской зависимости, насколько татарское владычество, наплывъ и вліяніе литовско-польскаго вельможества, можетъ быть даже формы власти и подчиненности въ церковной іерархіи, перенесенной къ намъ изъ Византіи, —объ этомъ нельзя пока сказать ничего основательнаго, по неразработанности предмета; но не подлежитъ сомнѣнію, что крѣпостное начало, окончательно и вполнѣ развившееся у насъ въ XVII вѣкѣ, обнимало и опредѣляло не одни отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ, но всю тогдашнюю государственную, общественную и частную жизнь, со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ ихъ малѣйшихъ проявленіяхъ. Какимъ же образомъ могло, при такомъ направленіи и складѣ всей русской жизни въ то время, появиться право крѣпостныхъ на землю, которая имъ не принадлежала въ собственность? Такое явленіе было бы, въ XVII вѣкѣ, вопіющей аномаліей и противорѣчіемъ всему, что̀ тогда дѣлалось.

Укажемъ также на одно соображеніе, къ которому авторъ часто возвращается въ про-

долженіе своихъ историческихъ изслѣдованій и которое возбуждаетъ въ насъ недоумѣніе. Почти каждый разъ, когда рѣчь идетъ о раздробленіи подворныхъ надѣловъ между нѣсколькими хозяевами или о призывѣ поселенцевъ со стороны на земли, остававшіяся пустыми, г. Кейсслеръ объясняетъ такіе факты стараніемъ общинъ облегчить усиливавшееся бремя податей и повинностей разложеніемъ его на бо̀льшее число лицъ. Но вѣдь подати и повинности взимались въ древней Россіи, до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, съ заселенныхъ, а не съ пустыхъ земель. Какимъ же образомъ призывъ поселенцевъ и раздробленіе дворовъ могли облегчить отбываніе податей и повинностей? Относительно дворовъ, которые ставились на пустой землѣ, облегченія, очевидно, не могло быть никакого, но его не могло быть и при раздробленіи двора, потому что, платя вдвое, втрое, вчетверо и т. д. менѣе, хозяинъ зато и владѣлъ пространствомъ земли вдвое, втрое, вчетверо и т. д. меньшимъ. Отсюда мы заключаемъ, что тяжесть податей могла вліять неблагопріятно на осѣдлость крестьянъ, пріучать ихъ къ бродячей жизни; но едва-ли ей можно приписывать призывъ общиною новыхъ поселенцевъ и раздробленіе подворныхъ участковъ.

Не будемъ останавливаться на ошибкахъ, напримѣръ, на объясненіи названія „изорникъ" отъ зерна, слова „кочетникъ" отъ „чети" (стр. 24), когда, очевидно, первое происходитъ отъ слова „орать" (пахать), второе отъ слова „кочетъ" (пѣтухъ). Все это мелочи, исчезающія передъ существенными, несомнѣнными достоинствами труда г. Кейсслера. Но мы позволимъ себѣ, въ заключеніе, коснуться личнаго вопроса. Въ тщательномъ, мастерски составленномъ обзорѣ различныхъ взглядовъ на крестьянское общинное владѣніе, высказанныхъ въ нашей литературѣ, авторъ между прочимъ излагаетъ и наши мнѣнія, выраженныя печатно въ 1859 г. въ „Атенеѣ" и въ 1876 г. въ „Недѣлѣ". Сравнивая между собою тѣ и другія, онъ находитъ между ними противорѣчіе по вопросу объ установленіи подворныхъ участковъ опредѣленной величины, съ сохраненіемъ извѣстныхъ правъ общины на общинную землю. Г. Кейсслеръ, какъ мы видѣли, считаетъ право всѣхъ членовъ общины на равный съ другими земельный надѣлъ новѣйшимъ явленіемъ, результатомъ крѣпостного права и введенія подушной подати, крайне вреднымъ для успѣховъ хозяйства крестьянъ. Противъ передѣловъ общинной земли, съ цѣлью отвода каждому равнаго съ другими участка, высказались и мы въ 1859 г. Авторъ находитъ, что въ статьѣ, напечатанной въ 1876 году, мы отступили отъ этого прежняго своего взгляда, и стоимъ теперь за право каждаго члена общины на надѣлъ землею; что прежде мы указывали на необходимость ограничить права̀ пользованія землею подростающихъ поколѣній, въ виду того, что общинной земли не будетъ хватать при возростающей на нее потребности, а теперь мы указываемъ на тотъ же выходъ изъ затрудненія, какой предлагаютъ и другіе приверженцы общиннаго землевладѣнія, именно на выселеніе, и желаемъ, чтобы колонизація крестьянъ, даже при улучшенныхъ условіяхъ экономическаго и соціальнаго ихъ быта, и при организаціи общиннаго землевладѣнія, предпринималась и выполнялась правильнѣе и обдуманнѣе, чѣмъ теперь (стр. 167 — 169). Все это мы дѣйствительно высказывали, но не знаемъ, почему авторъ видитъ противорѣчіе между необходимостью отмѣнить право каждаго члена общины на равный съ другими надѣлъ землею, и другою необходимостью — дать исходъ избытку земледѣльческаго населенія въ правильно-организованной колонизаціи пустыхъ пространствъ, которыхъ еще столько въ имперіи? Тутъ очевидное недоразумѣніе. Какъ бы тщательно ни была обработываема пашня, какъ бы ни было превосходно организовано распредѣленіе общинной земли между членами общины, неизбѣжно должна, рано или поздно, наступить минута, когда земля не будетъ больше въ состояніи кормить сильно увеличившееся населеніе. Часть жителей станетъ тогда сперва кормиться промыслами, ремеслами, торговлей и личной службой на мѣстахъ жительства, или разойдется съ тою же цѣлью въ другія мѣста и на время или навсегда покинетъ родину. Но когда этимъ путемъ потребность въ разнаго рода и вида услугахъ, трудѣ и работѣ, помимо собственно земледѣльческихъ, будетъ тоже удовлетворена, для возростающаго населенія останется послѣдній исходъ, — это выселеніе въ другія мѣста. У насъ оно, кромѣ того, имѣетъ еще и государственное значеніе: ново-пріобрѣтенныя огромныя пустыя пространства сдѣлаются чрезъ засе-

леніе крѣпкими государству навсегда, войдутъ не только географически и политически, но и этнографически и экономически въ составъ имперіи. Вотъ съ какихъ точекъ зрѣнія мы смотримъ на правильное устройство у насъ колонизаціи, какъ на насущную потребность, и не понимаемъ, почему бы она предполагала непремѣнно удержаніе права каждаго на клочокъ общинной земли. Въ новой статьѣ, какъ и въ прежней, мы, напротивъ, прямо говоримъ о томъ, что и при правильномъ устройствѣ общиннаго землевладѣнія, люди, не имѣющіе своего надѣла и хозяйства, будутъ, какъ были и прежде [1].

[1]) Недоразумѣніе это уже выяснено частной перепиской съ г. Кейсслеромъ, который обѣщалъ сдѣлать оговорку во второй части своего труда.

Мыслей автора относительно порядка и условій предоставленія надѣловъ въ общинной землѣ, послѣ смерти ихъ владѣльцевъ, другимъ лицамъ и относительно правъ, сопряженныхъ съ владѣніемъ такими надѣлами (стр. 166 и 167), мы не раздѣляемъ вполнѣ. Но такъ какъ взгляды г. Кейсслера по этимъ предметамъ высказаны здѣсь мимоходомъ, съ оговоркой, что подробно они будутъ развиты во второй части, то мы отлагаемъ наши замѣчанія до выхода ея въ свѣтъ. Вопросы, возбуждаемые его указаніями, слишкомъ важны, чтобы можно было разрѣшить ихъ въ двухъ-трехъ словахъ.

(Вѣстникъ Европы, 1877, кн. 5).

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ
ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

I.

Въ теченіе минувшей зимы (1876 г.) вышло изъ печати въ высокой степени замѣчательное сочиненіе князя А. И. Васильчикова, подъ заглавіемъ: „Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ“. Появись эта книга года два раньше или позднѣе—она произвела бы общее глубокое впечатлѣніе; но теперь вниманіе русскаго общества поглощено исключительно ходомъ восточныхъ дѣлъ, и капитальный трудъ честнаго писателя, котораго Россія знаетъ и любитъ, остался какъ бы въ тѣни, мало оцѣненнымъ. Мы впрочемъ убѣждены, что это только на время. Минуютъ теперешнія овладѣвшія всѣми умами событія, и къ книгѣ князя Васильчикова обратятся у насъ всѣ: и государственные и общественные дѣятели, и экономисты, и мыслящіе люди всѣхъ направленій и оттѣнковъ. По глубинѣ проводимыхъ авторомъ идей, по новости взгляда, по серьезности и солидности труда, по существенной важности и высокому интересу поднятыхъ вопросовъ, сочиненіе князя Васильчикова принадлежитъ не одной русской, но европейской литературѣ.

Основная задача автора—разъяснить положеніе и условія существованія сельскаго населенія въ западной Европѣ и у насъ. Нужно было много знанія и пониманія дѣла, много труда и проницательности, чтобы добраться до настоящей сути дѣла сквозь толстый слой общепринятыхъ такъ называемыхъ либеральныхъ и охранительныхъ воззрѣній. Авторъ съумѣлъ остаться чуждымъ всякимъ сословнымъ предразсудкамъ и интересамъ, не далъ ввести себя въ обманъ ни блестящей внѣшней оболочкѣ міровыхъ событій, ни воплямъ тѣхъ, которые умѣютъ кричать всѣхъ громче. Невозмутимо, безстрастно разлагаетъ онъ, при помощи историческихъ данныхъ, статистическихъ цифръ и критики ихъ, составъ современныхъ европейскихъ обществъ и показываетъ настоящія причины общественныхъ золъ и страданій въ Европѣ. Именно потому, что авторъ не принадлежитъ ни къ какому политическому и соціальному толку, выводы его, доступные повѣркѣ каждаго, глубоко западаютъ въ

душу, открывая въ ходѣ европейской и нашей исторіи совершенно новыя стороны, остававшіяся до сихъ поръ въ тѣни, незамѣченныя, или понятыя ошибочно, подъ вліяніемъ предвзятыхъ воззрѣній.

Ознакомить читателей въ небольшомъ этюдѣ съ разнообразнымъ и богатымъ содержаніемъ новаго сочиненія князя Васильчикова нѣтъ никакой возможности; поэтому мы ограничимся сообщеніемъ, въ извлеченіи, первыхъ пяти главъ перваго тома, посвященныхъ изслѣдованію землевладѣнія во Франціи, Англіи и Германіи; эти пять главъ представляютъ округленное цѣлое и довольно полно выражаютъ основной взглядъ почтеннаго автора. Извлеченіе, которое мы здѣсь предлагаемъ, сдѣлано какъ можно ближе къ подлиннику и потому, безъ сомнѣнія, прочтется съ удовольствіемъ.

Кн. Васильчиковъ видитъ глубокое разстройство хозяйственнаго быта въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы. Какъ на признакъ и доказательство этого явленія онъ указываетъ на эмиграцію или выселеніе изъ нихъ въ другія страны. Общій итогъ улучшеній и общая сумма народнаго богатства безспорно возрастаютъ въ Европѣ, а между тѣмъ жители стремятся къ переходу изъ своего отечества въ чужіе края. Послѣ того, какъ гоненія за вѣру миновали, крестьяне вышли на полную волю, фабричные и городскіе рабочіе освободились отъ притѣсненія цеховъ, гильдій, ремесленныхъ управъ, и слѣдовательно самое тяжелое время для Европы миновало,—эмиграція изъ нея началась и продолжается, все усиливаясь. Говорятъ: переселенцы составляютъ незначительный процентъ населенія и притомъ ту часть рабочихъ, которые по дурному поведенію или безпокойному нраву не уживаются въ образованныхъ обществахъ; но на дѣлѣ оказывается, что большая часть эмигрантовъ—люди трудолюбивые и бережливые; что выселенія большими массами происходятъ не изъ тѣхъ преимущественно областей, гдѣ населеніе особенно густо, а изъ тѣхъ, гдѣ высшія сословія завладѣли большею частью государственной территоріи. Главная масса эмигрантовъ набирается не изъ послѣдняго, низшаго класса неимущихъ, впавшихъ въ безвыходную нищету, а составляетъ верхній слой этого низшаго и бѣднѣйшаго класса, сохранившій еще нѣкоторую энергію для улучшенія своего положенія и нѣкоторыя, хотя и скудныя, средства для необходимѣйшихъ расходовъ на переселеніе. Это убѣдительно доказываетъ, что несравненно бо́льшая сравнительно съ эмигрантами часть населенія находится въ еще гораздо худшемъ хозяйственномъ положеніи.

Всѣ эти выводы подкрѣпляются множествомъ статистическихъ данныхъ и наблюденій. Эмиграція совершается въ наибольшихъ размѣрахъ изъ Англіи и Германіи; изъ земель франкскихъ и романскихъ она несравненно слабѣе; а изъ Италіи и Франціи даже совершенно ничтожна, несмотря на то, что многіе департаменты Франціи и нѣкоторыя области Италіи населены вдвое и втрое гуще, чѣмъ сѣверо-восточная Германія или горная Шотландія. Обыкновенно объясняютъ это тѣмъ, что во Франціи, при мелкомъ землевладѣніи, низшіе классы вполнѣ удовлетворены и такъ обезпечены своимъ земельнымъ бытомъ, что не ищутъ лучшаго. Противъ этого авторъ замѣчаетъ, что въ Испаніи и Италіи преобладаетъ крупное землевладѣніе, и однако изъ этихъ странъ эмиграція еще слабѣе, чѣмъ изъ Франціи; и наоборотъ: въ прирейнскихъ областяхъ Германіи, со временъ Наполеона I, введены поземельныя положенія и порядки наслѣдованія Франціи, а между тѣмъ переселенія усиливаются оттуда съ каждымъ годомъ. Дѣло въ томъ, что франко-латинское племя менѣе способно къ водворенію на новыхъ мѣстахъ, чѣмъ англо-саксонское; къ тому же, подъ небомъ Франціи и Италіи бѣдность не сопряжена съ такими лишеніями и страданіями, какъ въ суровыхъ сѣверныхъ странахъ. Но по отношенію къ пролетаріату эмиграція дѣйствуетъ какъ спасительный клапанъ, выпускающій изъ котла лишніе пары. Въ Англіи и Германіи, гдѣ она сдѣлалась нормальнымъ явленіемъ, соціальныя смуты не доходятъ до революціонныхъ движеній и междоусобій; за то во Франціи, откуда эмиграція незначительна, общество бродитъ и вскипаетъ періодически. Съ 1815 по 1870 годъ изъ Англіи выселилось около 7 милл. жителей, изъ Германіи не менѣе 3 милліоновъ, скорѣе гораздо болѣе; и такъ, только изъ этихъ двухъ странъ всего 10 милл. или 16,5% общаго числа населенія.

Въ Англіи переселенія начались въ большихъ размѣрахъ гораздо раньше, уже въ XVI и XVII столѣтіяхъ; но то были или

спекулятивныя предпріятія частныхъ лицъ, получившихъ въ странахъ новаго свѣта земли въ даръ отъ казны, или движенія людей, бѣжавшихъ отъ политическихъ и религіозныхъ преслѣдованій. Но въ XVIII вѣкѣ начали обнаруживаться другія побужденія къ эмиграціи—не политическія, а хозяйственныя и соціальныя. Въ Англіи—неурожайные годы, суровыя зимы, законы о бѣдныхъ и общественномъ призрѣніи, возлагавшіе тягость расходовъ на пособіе неимущимъ на мѣстныхъ владѣльцевъ, которые и старались ихъ выселить въ другія страны; въ сѣверной Шотландіи и горныхъ графствахъ—хозяйственный разсчетъ владѣльцевъ, которымъ было выгоднѣе заставить арендаторовъ ихъ земель выселиться, для того чтобъ обратить занимаемые ими хутора и фермы въ скотные дворы и овчарни. Причины эмиграціи изъ Ирландіи всѣмъ извѣстны. Здѣсь „вся поземельная собственность принадлежитъ англійскимъ лордамъ, которые, имѣя свое жительство въ другихъ частяхъ Англіи и не занимаясь хозяйствомъ, сдаютъ свои земли въ аренду; но такъ какъ сдача по мелкимъ участкамъ оказывается, съ одной стороны, болѣе выгодной, а съ другой—для отсутствующаго землевладѣльца затруднительной, то ирландскіе помѣщики устроили въ своихъ помѣстьяхъ систему двойной аренды, т.-е. сами отъ себя сдаютъ цѣнныя фермы одному арендатору или приказчику, предоставляя передавать земли по мелкимъ частямъ въ оброчное содержаніе крестьянамъ. Пользуясь этимъ правомъ въ отсутствіе самихъ вотчинниковъ, сдѣлавшись почти безотчетными и неограниченными, приказчики - арендаторы дробили господскія запашки на самыя мелкія полосы и возвышали непомѣрно наемную плату на земли; общее разстройство крестьянскаго сословія слѣдовало быстрыми шагами за такой грубой эксплуатаціей, оброчныя статьи дорожали, съемщики разорялись и, какъ къ послѣднему убѣжищу отъ гнета землевладѣльцевъ, несчастные ирландцы прибѣгли къ переселенію“ (стр. 11). Нечего удивляться, что больше половины всѣхъ выходцевъ изъ Великобританіи принадлежитъ Ирландіи, и съ 1835 по 1855 годъ на 100 жителей Ирландіи приходилось 37 эмигрантовъ; что населеніе Ирландіи, которое до 1844 года прибывало по 14% въ годъ и достигло 8,300,000 душъ, уменьшилось на 2.554,000, изъ которыхъ около 2.210,000 выселились, а остальные, около 345,000, надо полагать, умерли отъ болѣзней и голода.

Въ Германіи съ начала нынѣшняго столѣтія эмиграція тоже получила характеръ правильнаго выселенія и притомъ подъ вліяніемъ того же хозяйственнаго разстройства и притѣсненій помѣстнаго сословія, какъ и въ Великобританіи. Но въ послѣдніе годы выселеніе достигло, кажется, своего нормальнаго предѣла, соотвѣтствуя приблизительно ежегодному приросту жителей; въ срединной же Европѣ этого соотвѣтствія нѣтъ. Съ 1818 по 1865 годъ народонаселеніе увеличилось въ Германіи на 14.704,500 человѣкъ, а выселилось только 2 милл. Поэтому вѣроятно, что эмиграція изъ Германіи будетъ постоянно возростать, пока не станетъ высылать изъ себя отъ 800 т. до 400 т. эмигрантовъ въ годъ. Эмиграція происходитъ главнымъ образомъ изъ Баваріи, Бадена, Виртемберга, Гессенъ-Касселя, Гессенъ-Дармштадта. Въ послѣднихъ двухъ странахъ, вслѣдствіе эмиграціи, народонаселеніе даже уменьшилось. Но самую печальную картину нѣмецкаго сельскаго быта представляетъ, какъ извѣстно, Мекленбургъ. Принадлежа къ самымъ слабо населеннымъ частямъ средней Европы, Мекленбургъ, отечество самаго закоренѣлаго юнкерства, развилъ выселеніе сельскаго люда до ужасающихъ размѣровъ. Изъ этой несчастной для сельскихъ рабочихъ классовъ страны выселяется ежегодно 1 на 100 жителей, и въ то время какъ общее число выселяющихся батраковъ и работниковъ составляетъ 66% общаго числа эмигрантовъ, 59% т, е. 1 изъ 56 жителей, выселяется изъ помѣщичьихъ имѣній. Такая огромная цифра эмигрантовъ не представляетъ ничего подобнаго въ цѣлой Европѣ, исключая только Ирландіи. Естественно, что движеніе народонаселенія здѣть пріостановилось, что число жителей въ общей сложности, на нѣкоторое время, даже уменьшилось, помѣщичьи имѣнія опустѣли, и разведеніе въ нихъ молочнаго скота уступило разведенію жителей.

Сводя все сказанное къ окончательнымъ выводамъ, кн. Васильчиковъ находитъ, что соціальныя смуты происходятъ не исключительно отъ ложнаго пониманія самими рабочими своихъ интересовъ, или отъ подстрекательства неблагонамѣренныхъ людей, волнующихъ народныя толпы, и вообще не

отъ искусственныхъ и насильственныхъ причинъ, а отъ глубокаго разстройства народнаго быта, которое не служитъ вымышленнымъ или преувеличеннымъ предлогомъ, а естъ дѣйствительная причина дѣйствительнаго неудовольствія. Чтобъ опредѣлить язву пауперизма, надо бы къ списку эмигрантовъ прибавить списокъ призрѣваемыхъ, нищихъ, не попадающихъ въ число выселенцевъ и призрѣваемыхъ, уволенныхъ по бѣдности отъ податей и сборовъ, и многія другія категоріи лишенныхъ всего, ускользающія отъ всякихъ исчисленій. Но причины неимущества всего удобнѣе изслѣдовать по даннымъ эмиграціи. Она, во-первыхъ, доказываетъ, что „гнетъ безземельнаго состоянія сдѣлался для простого народа такъ невыносимъ, что онъ предпочитаетъ страшный рискъ переселенія и тяжкій трудъ водворенія на новыхъ мѣстахъ всѣмъ удобствамъ жизни въ благоустроенныхъ государствахъ стараго свѣта. Во-вторыхъ, она же, эмиграція, указываетъ, отъ чего люди бѣгутъ изъ своихъ отечествъ и чего они ищутъ: они уходятъ отъ тѣхъ порядковъ, которые лишили ихъ осѣдлости, отобрали у нихъ земли и предали ихъ произволу землевладѣльцевъ и капиталистовъ, и ищутъ за морями, за океанами ничего болѣе какъ участка земли или такой работы, которая дала бы возможность пріобрѣсть на заработанныя деньги уголокъ полевыхъ угодій за дешевую цѣну, съ избой, дворомъ и огородомъ“ (стр. 34). Такимъ образомъ „соціальныя смуты, волнующія современную Европу, имѣютъ основаніе и опредѣленную цѣль: основаніе ихъ то, что большая часть народа въ этой части свѣта находится въ состояніи вѣчной рабочей кабалы, не имѣя осѣдлости и собственности и работая весь свой вѣкъ изъ рода въ родъ на другихъ, на хозяевъ,—цѣль ихъ, отчасти безсознательно проявляющаяся въ эмиграціи, есть стремленіе къ пріобрѣтенію недвижимаго имущества въ полную собственность, стремленіе, которое въ Европѣ удовлетворено быть не можетъ по относительной дешевизнѣ труда и дороговизнѣ недвижимыхъ имуществъ вообще и поземельной собственности въ особенности“ (стр. 35).

Подтвержденіемъ этихъ выводовъ служатъ послѣдующія (2—5) главы книги, въ которыхъ авторъ изслѣдуетъ распредѣленіе поземельной собственности и владѣнія во Франціи, Англіи и Германіи.

Обыкновенно думаютъ, что главное различіе въ сельско-хозяйственномъ бытѣ и соціальныхъ отношеніяхъ Франціи, Англіи и Германіи заключается въ томъ, что во Франціи преобладаетъ вольная и мелкая собственность, въ Англіи—крупное землевладѣніе, въ Германіи—смѣшанное владѣніе помѣстное и крестьянское. Кн. Васильчиковъ находитъ, что различіе это не такъ существенно, какъ кажется, и что „расходясь въ нѣкоторыхъ своихъ основаніяхъ, аграрное положеніе во всей Европѣ развивалось подъ вліяніемъ очень сходныхъ началъ и привело современныя общества къ одному положенію—безземельному состоянію большей части народовъ“ (стр. 48).

Во *Франціи* малоземелье и безземелье низшихъ классовъ народа обнаруживается слабѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ: она даже слыветъ типомъ демократическаго землевладѣнія и мелкой культуры, на томъ основаніи, что ея территорія, состоящая по кадастру изъ 53 милл. гектаровъ [1]), раздѣляется слишкомъ на 126 милл. дѣлянокъ и 12 милл. окладныхъ участковъ, а общее число собственниковъ, по выводамъ нѣкоторыхъ статистиковъ, простирается до 7—8 миліоновъ. Но число дѣлянокъ доказываетъ только чрезвычайную дробность и черезполосность; число окладныхъ участковъ ничего не говоритъ о числѣ поземельныхъ собственниковъ; что же касается исчисленія послѣднихъ, то въ него вкрались грубѣйшія ошибки. По очень сбивчивымъ показаніямъ, число поземельныхъ собственниковъ на самомъ дѣлѣ колеблется между 3.100,000 и 5.500,000; но изъ этого числа слѣдуетъ исключить тѣхъ, которыхъ владѣнія не даютъ никакого чистаго дохода. Такихъ бѣднѣйшихъ собственниковъ, изъятыхъ изъ оклада по бѣдности, считается до 3 милл., да освобожденныхъ отъ платежа, потому что окладъ ихъ менѣе 5 сантимовъ, насчитывается отъ 600 т. до 900 т. „Если принимать землевладѣніе въ серьезномъ его значеніи, какъ соціальное положеніе, дающее нѣкоторыя, хотя и неполныя средства пропитанія, то люди, оффиціально приписанные къ разряду неимущихъ, не могутъ быть названы въ настоящемъ, общепринятомъ смыслѣ этого слова собственниками“ (стр. 50). Стало быть, изъ общаго числа

[1]) Гектаръ=0,91 дес.

землевладѣльцевъ надо исключить по крайней мѣрѣ 3.600,000 бѣднѣйшихъ домохозяевъ. У этой массы владѣльцевъ, по разсчетамъ Leonce de Lavergne, имѣется не болѣе 20,000 гектаровъ земли. По другимъ разсчетамъ 3.600,000 собственниковъ имѣютъ отъ своихъ земель по 64 франка дохода, да существуетъ 3.900,000 хозяйствъ, средняя величина которыхъ 3,64 гектара (3,31 десят.). Изъ этого видно, что французское крестьянство большею частью имѣетъ усадебную осѣдлость, и въ этомъ состоитъ его преимущество передъ нѣмецкимъ и англійскимъ; но назвать его поземельнымъ собственникомъ въ серьезномъ смыслѣ никакъ нельзя.

Обыкновенно думаютъ, что чрезвычайная дробность и мелкопомѣстность поземельныхъ владѣній во Франціи произошли вслѣдствіе революціи 1789 года и введенной ею полной свободы землевладѣнія и наслѣдованія. Оказывается, что „пропорціональное отношеніе между крупнымъ и мелкимъ землевладѣніемъ очень мало измѣнилось въ новѣйшей Франціи, что уже въ XVII и XVIII столѣтіяхъ аграрное положеніе большей части французскихъ крестьянъ было такое же, какъ и нынѣ, то-есть крайне малоземельное. Правда, состояніе это значительно улучшилось отъ отмѣны разныхъ вотчинныхъ и корпоративныхъ правъ, упраздненныхъ революціей, отъ освобожденія лицъ и имуществъ отъ гнета феодальныхъ повинностей, отъ вольнаго порядка наслѣдованія и свободы семейныхъ раздѣловъ,—но улучшенія эти относятся вообще къ землевладѣнію и народному хозяйству всей страны, всѣхъ сословій, и крестьянство выиграло при этомъ менѣе, чѣмъ другіе классы; общій итогъ крестьянскихъ земель не увеличился, средній размѣръ владѣній остался тотъ же, или даже уменьшился, и вообще переворотъ совершился скорѣе въ пользу среднихъ сословій, чѣмъ низшихъ“ (стр. 52). Это видно изъ того, что пространство крестьянскихъ земель, относительно прочихъ разрядовъ крупнаго и средняго землевладѣнія, послѣ революціи не расширилось: та же $^1/_4$ или по другимъ исчисленіямъ $^1/_6$ часть всей территоріи, сколько прежде было во владѣніи крестьянъ, когда народонаселеніе Франціи не превышало 20 милл., осталась и понынѣ въ потомственной собственности, при вдвое большемъ населеніи. Напротивъ, число среднихъ землевладѣльцевъ увеличилось. Имѣющіе отъ 12 до 62 гектаровъ земли или дохода отъ 500 до 2000 фр. владѣли, до революціи, не болѣе $^1/_4$ всѣхъ земель, а въ 1815—1830 годахъ они уже завладѣли почти половиной всей территоріи. „Къ нимъ, къ французской буржуазіи, перешла большая часть земель, конфискованныхъ у эмигрантовъ и духовенства или распроданныхъ крупными помѣщиками“ (стр. 54). „Такимъ образомъ, насиліе, причиненное высшимъ классамъ, не пошло въ пользу низшаго, землевладѣльческаго сословія: оно создало только новый классъ землевладѣльцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ пріобрѣтателей національныхъ имуществъ, классъ среднихъ помѣщиковъ недворянскаго происхожденія, образовавшійся изъ торговцевъ, купцовъ, промышленниковъ, владѣльцевъ рентъ и богатѣйшихъ крестьянъ и составляющій главный корень современной французской буржуазіи; она, буржуазія, а не народъ, выиграла въ великой лотереѣ французской революціи и обогатилась насчетъ дворянства, духовенства и сельскихъ общинъ“ (стр. 56). Напротивъ, крестьянство, оставаясь при прежнемъ пространствѣ владѣній и въ то же время размножаясь и раздѣляя свои земли, въ скоромъ времени дошло до крайней мелкопомѣстности и черезполосности. Въ 1849 году, по отчету министра Пасси, около половины всѣхъ окладныхъ участковъ, именно 5.440,580, платятъ менѣе 5 фр. податей и имѣютъ не болѣе $1^2/_3$ гектара ($1^1/_2$ дес.). Такое измельчаніе собственности лишаетъ эти владѣнія всякой самостоятельности и характера земледѣльческаго хозяйства. Но дойдя до крайняго своего предѣла, дробленіе поземельной собственности въ послѣднее время повидимому пріостановилось и пошло обратнымъ путемъ. Правда, число дѣлянокъ и поземельныхъ окладовъ сильно увеличилось; но это явленіе относится къ городскимъ имуществамъ и сельскимъ строеніямъ, число же полевыхъ участковъ, напротивъ, уменьшается. Такимъ образомъ, полная свобода имущественныхъ правъ имѣла несравненно болѣе выгодныя дѣйствія для среднихъ и высшихъ классовъ, чѣмъ для низшихъ. Свобода раздѣловъ привела французское крестьянство къ наименьшему размѣру подворныхъ участковъ,—такому, что изъ землевладѣльцевъ-хозяевъ они постепенно обращаются въ бобылей и землевла-

дѣльцевъ-поденщиковъ или безземельныхъ рабочихъ. „Уменьшеніе числа мелкихъ полосъ означаетъ именно этотъ переходъ земель отъ крестьянъ къ среднему классу землевладѣльцевъ, а самихъ крестьянъ—въ городскихъ и сельскихъ чернорабочихъ. Когда, при повторяющихся раздѣлахъ, подворный семейный участокъ доходитъ до размѣра 3—4 десятинъ (а таковыхъ во Франціи болѣе 3-хъ милл.), то землевладѣніе дѣлается уже побочнымъ промысломъ, доходнымъ только при винодѣліи или въ подгородныхъ селеніяхъ; когда они поддраздѣляются до 30—40 квадрат. саженъ (таковыхъ около 600 т.), то, разумѣется, всякая эксплуатація прекращается, даже помѣщеніе становится тѣсно для большой семьи, отецъ выживаетъ дѣтей изъ своего дома, отпуская ихъ на городскіе заработки, и по смерти хозяина, по невозможности раздѣлить такое имущество, оно продается наслѣдниками смежнымъ владѣльцамъ; но такъ какъ такія полосы могутъ оказаться пригодными только для ближайшихъ сосѣдей, то продавецъ находится отъ нихъ въ полной зависимости и волей-неволей уступаетъ свой участокъ за предложенную, какую бы то ни было, цѣну зажиточному ближайшему своему сосѣду или помѣщику“ (стр. 60).

Въ числѣ мѣръ, наиболѣе повліявшихъ на крестьянскій бытъ во Франціи, была конфискація и распродажа общинныхъ земель, т.-е. тѣхъ, которыя составляли собственность общинъ, а не въ отдѣльности того или другого изъ ихъ членовъ, хотя и могли находиться во временномъ пользованіи послѣднихъ. Общинныя имущества въ XVIII столѣтіи были повидимому очень велики. На нихъ смотрѣли какъ на запасныя земли для пользованія натурой бѣднѣйшимъ обывателямъ, и потому ихъ оберегали отъ отчужденія и захватовъ, запрещали ихъ продавать и даже сдавать въ аренду постороннимъ. Сначала ими завѣдывали мѣстныя и сельскія власти; послѣ Кольбера они поступили подъ завѣдываніе администраторовъ (intendants). Впослѣдствіи (1669 г.) доходы съ общинныхъ земель причислены въ казенныя имущества и казенное управленіе. Но съ половины XVIII вѣка, подъ вліяніемъ новыхъ экономическихъ ученій, общинное владѣніе начинаетъ считаться невыгоднымъ и издаются приказанія разверстать общія угодья. Во время революціи, въ короткій промежутокъ 1791—1795 годовъ, разрѣшается продажа общинныхъ имуществъ, предписывается разверстать ихъ между обывателями, они причисляются къ казеннымъ имуществамъ и вмѣстѣ съ національными имуществами поступаютъ въ продажу; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ продажа ихъ отмѣняется и разверстаніе пріостанавливается. Въ 1800 году, съ воцареніемъ Наполеона I, всѣ распоряженія революціоннаго правительства относительно общинныхъ земель были отмѣнены, и общинныя хозяйства возстановлены въ прежней независимости, но въ 1813 году всѣ общинныя имущества обращены въ коммиссію погашенія государственныхъ долговъ для обезпеченія новыхъ займовъ, и часть ихъ продана для ихъ погашенія. Послѣ паденія Наполеона и возстановленія Бурбоновъ, общинныя имущества (1816 г.), сколько ихъ еще оставалось, возвращены общинамъ, а въ 1837 году общиннымъ (муниципальнымъ) совѣтамъ предоставлено полное завѣдываніе всѣмъ хозяйствомъ общинъ; но въ 1857 году это право опять подверглось имущественному ограниченію: правительству предоставлено, когда оно усмотритъ, что общинныя угодья запускаются или воздѣлываются небрежно сельскими обществами, отбирать ихъ въ свое распоряженіе, устраивать на нихъ казенныя фермы, запашки, и сдавать въ продолжительную аренду (до 27 лѣтъ), даже продавать за счетъ казны, для покрытія издержекъ эксплуатаціи. Несмотря на всѣ эти превратности, общинныя земли все еще довольно значительны и составляютъ слишкомъ 4,718,000 гектаровъ, оцѣненныхъ въ 1618 милл. фр. и приносящихъ слишкомъ 45 милл. фр. дохода. Обычное право установило, что общинныя земли составляютъ неотчуждаемую собственность общинъ, но пользованіе ими должно быть частное, предоставленное по раскладкѣ или жребію исключительно домохозяевамъ, обывателямъ, приписаннымъ къ общинѣ, имѣющимъ въ ней осѣдлость и хозяйство; но съ 1850 и 1853 г. осѣдлости для пользованія общинными землями болѣе не требуется: достаточно одного жительства въ общинѣ. Самое распоряженіе общинными землями, предоставленное общинамъ, подробно регламентировано и поставлено въ зависимость отъ утвержденія коронными чиновниками—префектами и мэрами.

Общій выводъ о положеніи поземельной собственности и экономическомъ положеніи сельскаго населенія во Франціи выходитъ слѣдующій. Сельскихъ сословій во Франціи считается всего 19—20 милл. душъ обоего пола; изъ нихъ земледѣльцевъ (въ 1851 г.) было около 14 милл., а крестьянъ-собственниковъ, домохозяевъ,—слишкомъ 2 милл. Сельскихъ жителей, не владѣющихъ собственными землями, насчитывается до 7 и даже до 10 и 12 милліоновъ душъ обоего пола, такъ что безземельный, неимущій классъ составляетъ, по различнымъ исчисленіямъ, болѣе $^1/_3$ или даже болѣе $^1/_2$ всего числа сельскихъ жителей. Всего сельскихъ хозяйствъ во Франціи не болѣе 3 или $3^1/_2$ милл. Изъ нихъ принадлежащихъ къ высшимъ и среднимъ разрядамъ, обрабатываемыхъ не самими хозяевами, а наемными рабочими или арендаторами,—550,000; самими крестьянами эксплоатируются около 2 милл., остальные, собственники,—полмилліона или милліонъ—владѣютъ недвижимыми имуществами въ такихъ размѣрахъ, что не могутъ заниматься земледѣліемъ. Всѣ прочіе сельскіе жители—суть рабочіе, наймиты, къ которымъ должны быть причислены и большое число мелкихъ собственниковъ, живущихъ почти круглый годъ на наемной работѣ. Въ положеніе чрезмѣрной мелкопомѣстности крестьянское сословіе во Франціи приведено еще до революціи. Такъ какъ большая часть податей и повинностей лежала на крестьянскихъ земляхъ, то уже издавна мелкіе владѣльцы находили выгоднымъ отчуждать и продавать свои полевыя угодья, оставляя себѣ для жительства только усадебную осѣдлость, а для пропитанія бѣднѣйшіе занимались наемными поденными заработками, а болѣе зажиточные—арендованіемъ чужихъ имѣній исполу, или за деньги. Арендованіе чужихъ земель, преимущественно испольное, составляетъ и понынѣ главный промыселъ французскихъ крестьянъ. Оно состоитъ въ томъ, что съемщикъ (métayer) отдаетъ землевладѣльцу, вмѣсто денежной платы, половину урожая, на дурныхъ почвахъ—нѣсколько менѣе $^1/_3$, на лучшихъ болѣе $^2/_3$. Условія заключаются обыкновенно на 3 года, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вошло въ обычай сдавать земли безсрочно, или даже въ наслѣдственное пользованіе, съ правомъ поселиться на отданной въ аренду землѣ. Обычай этотъ проникъ изъ Италіи, гдѣ половина сельскаго населенія суть половники.

Испольная система хозяйства не есть признакъ достатка, зажиточности земледѣльцевъ; страны, гдѣ она распространена, нельзя причислить къ такимъ, гдѣ сельскіе обыватели пользуются наибольшей самостоятельностью. Уплата аренды извѣстною долею валового урожая стѣснительна сама по себѣ, и такая плата всегда бываетъ гораздо выше денежной ренты, взимаемой при арендованіи земель. Кромѣ того, самое существованіе испольнаго хозяйства указываетъ на недостатокъ денежныхъ капиталовъ въ мѣстномъ населеніи и на малоземелье сельскихъ жителей. Какъ предпочтеніе барщины оброчнымъ окладамъ, или натуральныхъ повинностей денежнымъ налогамъ, такъ и развитіе испольнаго хозяйства вмѣсто фермерства есть вѣрный признакъ отсталости народнаго хозяйства, слабости промышленныхъ и торговыхъ оборотовъ, вообще застоя сельско-хозяйственнаго быта.

Что касается крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ, т.-е. собственно помѣстнаго сословія, то до революціи оно состояло во Франціи изъ дворянъ и духовенства, которымъ принадлежала половина всѣхъ удобныхъ земель: духовенству $^2/_{10}$, а дворянству $^3/_{10}$. Революція лишила поземельной собственности духовенство и только часть дворянства, которое, получивъ 1 милліардъ вознагражденія за часть имуществъ, проданныхъ на 987 милліоновъ, собственно ничего не потеряло. Но всѣ церковныя имѣнія и $^1/_3$ дворянскихъ перешли къ собственникамъ недворянскаго происхожденія. Итакъ, крупное помѣстное сословіе вслѣдствіе революціи не только не уничтожилось, но расширило свои владѣнія и хотя измѣнилось въ своемъ личномъ составѣ, но не утратило своего имущественнаго значенія. Число крупныхъ собственниковъ почти не измѣнилось, если вспомнить, что со времени революціи народонаселеніе Франціи почти удвоилось; только вмѣсто прежнихъ 12 милл. гектаровъ оно владѣетъ теперь 15—19 милл. гектаровъ, и вмѣсто прежняго средняго дохода въ 3000 франковъ получаетъ средній доходъ въ 7,340 франковъ; этому классу принадлежитъ теперь около $^2/_5$ всего поземельнаго дохода всей Франціи, исчисленнаго приблизительно въ 1500 милліоновъ фр. Революція создала только сельскую бур-

жуазію, сельское среднее сословіе, столь же вліятельное, какъ и городское. Къ нему принадлежитъ до 550,000 землевладѣльцевъ, съ среднимъ размѣромъ владѣній въ 30 — 62 гектара (27—56 дес.), которыхъ нельзя обработать рабочими силами одного семейства, а нужна помощь наемныхъ рабочихъ. Этотъ разрядъ владѣльцевъ составляетъ главнѣйшую силу новой Франціи. До революціи онъ владѣлъ ¼ частью всѣхъ земель, теперь же владѣетъ почти половиною, 18—19 милл. гектаровъ. Этому классу Франція обязана преимущественно, если не исключительно, „громаднымъ развитіемъ своего народнаго богатства, изумительнымъ могуществомъ своей производительности, улучшеніемъ культуры сельско-хозяйственныхъ промысловъ и хлѣбопашества“ (стр. 81). Но не надо забывать, что въ то же время отъ 3 до 4 милл. семействъ французскихъ крестьянъ, или отъ 11 до 15 милл. душъ, суть бобыли, не имѣющіе полевыхъ угодій, не занимающіеся земледѣліемъ, не платящіе прямыхъ налоговъ, пропитывающіеся круглый годъ наемной работой. Изъ этихъ семействъ и дворовъ выдѣляются ежегодно сотни тысячъ молодыхъ людей и переселяются въ города, на фабрики и заводы, вслѣдствіе чего съ 1846 по 1866 годъ, т.-е. въ теченіе 20 лѣтъ, число сельскихъ жителей уменьшилось на 6%. Съ 1856 по 1866 годъ общее число жителей во Франціи увеличилось безъ малаго на 2 милліона, а число сельскихъ жителей уменьшилось почти на 300,000 душъ. Переѣздъ сельчанъ въ города замѣчается и въ другихъ европейскихъ государствахъ, но нигдѣ онъ не происходитъ въ такихъ размѣрахъ и нигдѣ не имѣетъ такихъ соціальныхъ послѣдствій, потому что во Франціи нѣтъ спасительнаго клапана эмиграціи, какъ въ Англіи и Германіи. Въ окончательномъ итогѣ оказывается, что изъ числа удобныхъ земель Франціи (около 45—49 милл. гектаровъ) 19 милл. или 42% принадлежатъ крупнымъ землевладѣльцамъ, имѣющимъ среднимъ числомъ по 300 гект. и по 13 тыс. фр. дохода; 18,300,000 или 41%—среднимъ числомъ по 30 гект. и по 1450 фр. дохода, и 7.400,000 или 17%—мелкимъ, имѣющимъ среднимъ числомъ 3 гект. и 106 фр. дохода. Такой аграрный строй никакъ нельзя считать демократическимъ, за какой его обыкновенно принимаютъ.

II.

Англія въ соціальномъ и аграрномъ отношеніи представляется обыкновенно какъ прямая противоположность Франціи. Хотя на самомъ дѣлѣ условія обѣихъ странъ совсѣмъ не такъ различны, какъ кажется съ перваго взгляда, однако въ Англіи образъ землевладѣнія дѣйствительно совершенно отличенъ отъ континентальнаго; сословіе крестьянъ-домохозяевъ въ ней совсѣмъ исчезло, и вся территорія Англіи, около 37 милл. акровъ (14 милл. дес.), принадлежитъ 30-ти тысячамъ землевладѣльцевъ. Процессъ обезземеленія народныхъ массъ проведенъ въ этой классической странѣ личной свободы и гражданской равноправности вполнѣ, и притомъ безъ крутыхъ мѣръ. Здѣсь помѣстное сословіе не стояло за привилегіи, щедро дѣлилось со всѣми классами народа гражданскими вольностями и правами, добровольно отреклось отъ крѣпостного права, приняло на себя службу и повинности, но дорожило только однимъ, основнымъ и самымъ существеннымъ правомъ, — правомъ землевладѣнія. Оттого насъ поражаютъ въ одно и то же время и изумительные успѣхи англійскаго землевладѣнія, и страшное развитіе англійскаго пролетаріата, которое служитъ поучительнымъ примѣромъ, какъ личная свобода можетъ совпадать съ хозяйственнымъ угнетеніемъ и гражданская полноправность съ неимуществомъ.

Первоначальный строй британскаго населенія, во время вторженія норманновъ, былъ такой же, какъ и въ другихъ странахъ Европы. Коренные жители раздѣлялись на два класса: вольныхъ людей, владѣвшихъ землей, и невольниковъ, работавшихъ на хозяевъ. Надъ ними, какъ и въ другихъ странахъ, которыя подверглись вторженію варваровъ, царили завоеватели, рыцари, дружинники. Послѣ вторженія норманновъ, завоеванная земля подѣлена между дружинниками. Эти захваты и раздѣлы произведены здѣсь кажется съ большимъ порядкомъ, чѣмъ въ другихъ странахъ, и притомъ подъ строгимъ надзоромъ королевской власти. Какъ видно изъ древнѣйшаго акта землевладѣнія (Domesday-book, 1086 г.), положеніе разныхъ классовъ жителей, непосредственно послѣ занятія страны норманнами, было слѣдующее; королемъ было

роздано всего 60,215 вотчинъ, феодовъ; изъ нихъ 28,115 церквамъ и духовенству, и 32,100 рыцарямъ, которые обязаны были за право владѣнія исправлять службу и нести воинскую повинность. Нѣкоторымъ изъ туземцевъ, англо-саксамъ и бриттамъ, тоже оставлены земли, или часть земель, но они были подчинены не непосредственно королевской власти, а вотчинникамъ, къ округамъ которыхъ ихъ владѣнія были приписаны. Между ними вольныхъ людей было 23,000 и обязанныхъ поселянъ 102,702. Третье сословіе, тоже осѣдлое, водворенное на земляхъ, но не на своихъ, а на помѣщичьихъ, были тяглые и полутяглые крестьяне, бобыли и рабы, надѣленные полевыми угодьями для ихъ обработки въ пользу помѣщиковъ. Ихъ было около 107,000. Такимъ образомъ вся территорія Англіи была собственность казны, государства и его главы — короля. Всякое частное владѣніе было условное и отдавалось съ тѣмъ, чтобы за него были отправляемы повинности и служба. Мелкіе владѣльцы, въ свою очередь, подчинялись крупнымъ и тоже владѣли землей подъ условіемъ работы, службы или оброка. Такой общественный строй находимъ вездѣ, гдѣ существовало помѣстное или вотчинное право; но въ одной лишь Англіи эти первоначальныя отношенія верховной власти къ помѣстному сословію удержались до нашихъ дней, и какъ государственная служба, такъ и податныя тягости дѣйствительно приняты насчетъ высшихъ сословій; во всѣхъ другихъ странахъ помѣстное сословіе изъято отъ налоговъ и впослѣдствіи освобождено отъ обязательной службы, съ сохраненіемъ однако права на владѣніе, которое первоначально было обусловлено уплатою податей и отправленіемъ личной службы.

Исполняя свои обязанности какъ служители короны, англійскіе вотчинники неограниченно воспользовались своимъ правомъ землевладѣнія. Платя подати и неся службу за весь народъ, они въ силу того считали себя вправѣ владѣть всею землею. Сверхъ того, сознавая, что ихъ помѣстное право условное, видя, что прочіе классы держатъ земли, полученныя отъ нихъ, на такихъ же обязательныхъ условіяхъ, на какихъ они сами получили эти земли отъ короля, англійскіе лорды никогда не претендовали на вотчинный судъ и расправу, подобно поземельнымъ владѣльцамъ другихъ странъ, и остались со всѣми прочими обывателями въ отношеніяхъ равноправныхъ, были подсудны общимъ властямъ, безъ всякихъ льготъ и податныхъ или судебныхъ изъятій.

Помѣстья, розданныя королевскимъ вассаламъ, состояли большею частью изъ господскихъ усадьбъ, окруженныхъ обширными пространствами пустошей, и не имѣли сословнаго или привилегированнаго характера, какъ на континентѣ. Простой крестьянинъ могъ ихъ свободно пріобрѣтать, и покупая имѣніе извѣстнаго размѣра, тѣмъ самымъ приписывался къ помѣстному сословію. Имѣнія сами по себѣ не пользовались никакими исключительными правами. „Всѣ земли, помѣщичьи и крестьянскія, считались феодомъ короля, всѣ владѣльцы были подсудны общимъ узаконеніямъ и судамъ; всѣ сельскіе обыватели признавались содержателями земель и держали эти земли непосредственно отъ короля, отъ главы государства, или посредственно отъ вассаловъ, получившихъ ихъ отъ той же верховной власти“ (стр. 100). Политическое и соціальное преобладаніе англійской аристократіи исключительно основано на матеріальной ея силѣ, на обширности ея владѣній и богатствѣ сравнительно съ прочими сословіями.

Крѣпостное состояніе исчезло въ Англіи незамѣтно, очень давно, и притомъ не вслѣдствіе правительственныхъ мѣръ, а по добровольнымъ сдѣлкамъ помѣщиковъ съ крѣпостными. Первый примѣръ поданъ былъ духовенствомъ, и уже въ XI и XII вѣкѣ было много вольноотпущенныхъ по церковнымъ вотчинамъ. Этому примѣру послѣдовали свѣтскіе владѣльцы. Крестьянскія возстанія въ половинѣ XIV вѣка повліяли на скорѣйшую отмѣну крѣпостного права, которая всюду имѣла характеръ соціальной революціи, а въ Англіи прошла незамѣтно. Послѣдніе крѣпостные были, правда, отпущены въ XVI вѣкѣ при Елизаветѣ, но число ихъ было уже крайне незначительно.

Такимъ образомъ исторія соціальнаго быта Англіи состоитъ не въ высвобожденіи народныхъ массъ изъ-подъ гнета аристократическихъ привиллегій, которыхъ вовсе не было, а въ закрѣпленіи правъ поземельной собственности за высшими правительственными классами, въ регулированіи и упроченіи ихъ имущественныхъ правъ и сельско-хозяйственнаго быта. Такое упроче-

ніе и регулированіе произведены впрочемъ исподоволь и достигнуты гораздо позднѣе. Въ XV вѣкѣ, статутомъ 1448 года вотчинникамъ было запрещено срывать крестьянскіе дворы и уничтожать усадьбы, имѣющія болѣе 20 акровъ (7,4 дес.), а также, въ извѣстныхъ случаяхъ, отмежевывать и загораживать господскія фермы изъ общинныхъ крестьянскихъ угодій. Рядомъ съ крупными владѣльцами и прежніе землевладѣльцы англо-саксонскаго племени, сохранившіе свои земли, потребовали и получили утвержденіе ихъ за собою и были поставлены по своимъ правамъ наравнѣ съ завоевателями—норманнами. Въ XI вѣкѣ ихъ было не болѣе 23 тысячъ. Этотъ разрядъ собственниковъ составилъ впослѣдствіи подъ именемъ gentry (мелкопомѣстнаго дворянства) второй слой англійскаго землевладѣнія, вторую степень помѣстнаго сословія. Органомъ его была палата общинъ, какъ органомъ высшало разряда, лордовъ,—верхняя палата. Всѣ прочіе, разночинцы и крестьяне, вольные и невольные, не были лишены своихъ земель, но были приписаны къ вотчинамъ дворянства и духовенства и стали подвѣдомственны новымъ владѣльцамъ. Эти обыватели постепенно обращены изъ безсрочныхъ и обязанныхъ поселянъ въ вольныхъ посрочныхъ арендаторовъ: ихъ безправное состояніе обратилось въ законное, но условное пользованіе землею; изъ оброчниковъ и барщинниковъ они обратились въ фермеровъ, съемщиковъ помѣщичьихъ имѣній. Сдѣлалось это такимъ образомъ:

Прежде всего точно обозначены ихъ частныя повинности. По всѣмъ оброчнымъ статьямъ составлены инвентари и содержателямъ ихъ выданы съ инвентарей копіи. Чрезъ это всѣ поселяне различныхъ наименованій,—полные хозяева, бобыли, крѣпостные,—слиты въ одно сословіе инвентарныхъ обывателей, содержащихъ господскія земли по контрактамъ, копіи съ которыхъ они получили. Этимъ создано и для нихъ законное положеніе еще въ средніе вѣка, когда въ континентальной Европѣ царствовало кулачное право. Точно также и безземельные сельскіе рабочіе еще въ XIV вѣкѣ произведены въ полноправныхъ гражданъ; но какъ не обладающіе имуществомъ, они уволены отъ прямыхъ налоговъ и лишены голоса въ народныхъ собраніяхъ, утверждающихъ государственную роспись и взиманіе податей. Съ XV вѣка до конца XVIII, или даже до 1815 года, медленно, тихо, незамѣтно обезземелены всѣ землевладѣльческіе классы въ пользу высшаго; они обращены въ состояніе арендаторовъ, съемщиковъ помѣщичьихъ земель, или въ рабочихъ, батраковъ и поденщиковъ. „Процессъ обезземеленія совершился законно, подъ охраной суда, но, правда, по законамъ, установленнымъ крупными собственниками, и по суду, составленному изъ лицъ имущественныхъ классовъ“ (стр. 108). Въ XI вѣкѣ было около 200 или 230 тыс. семействъ, которыя держали земли на разныхъ условіяхъ и пользовались ими на законныхъ правахъ. Въ 1660 г. такихъ мелкихъ владѣльцевъ было еще не менѣе 160 тыс. семействъ; въ 1816 г. всего только 16,000, а въ 1831 году—7,200. Крупныхъ же свѣтскихъ владѣльцевъ было въ XIX вѣкѣ почти столько же, сколько въ XI вѣкѣ.

Прежде всего регулированы отношенія крупныхъ землевладѣльцевъ къ поселянамъ, водвореннымъ на ихъ земляхъ, или обязаннымъ поселянамъ. Законъ и обычай запрещали возвышать повинности, установленныя для нихъ инвентарями; но англійскіе землевладѣльцы старались измѣнить это положеніе и превратили большую часть прежнихъ форменныхъ контрактовъ въ частныя условія, такъ что право законнаго владѣнія замѣнено правомъ пользованія по волѣ лорда. Измѣненіе это проведено очень искусно и ловко. Законъ нарушенъ не былъ; онъ только незамѣтно, исподоволь, былъ истолкованъ въ другомъ смыслѣ, въ пользу лордовъ и во вредъ народной массѣ. Прежніе договоры оставлены сначала неприкосновенными; только вновь заключаемыя сдѣлки составлялись въ новомъ смыслѣ. Въ нихъ оговаривалось, что онѣ заключаются на извѣстное число лѣтъ, или на срокъ, зависящій отъ произвола владѣльца, и на земли, приписанныя къ вотчинѣ. Но это новое положеніе содержателей владѣльческой земли постепенно распространялось на все сословіе поселянъ, водворенныхъ на тѣхъ земляхъ. Память о томъ, что они владѣютъ землей по закону, мало-по-малу замѣнялась понятіемъ, что они держатъ земли по волѣ владѣльца и что если онъ и не можетъ возвышать повинностей и податей, то можетъ во всякое время отказать поселянину въ дальнѣйшемъ содержаніи отданныхъ ему земель. Такимъ образомъ развилось сословіе

фермеровъ—новый, очень вліятельный классъ, безусловно подчиненный вотчинникамъ и служившій главнымъ орудіемъ ихъ политическаго преобладанія. Прежнія пустоши превращены въ вотчинныя земли, заселенныя фермерами. При Карлѣ II (1676 г.) эти земли формально закрѣплены за дворянствомъ и обращены въ заповѣдныя имѣнія.

И такъ, къ концу XVIII вѣка право собственности надъ всей англійской территоріей было закрѣплено за двумя классами—30,000 крупныхъ собственниковъ и 20,000 мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, случайно сохранившихъ свои права на прежнія вольныя земли. Но крестьянское сословіе уже исчезло безслѣдно: селъ съ домохозяевами, воздѣлывающими собственныя земли, болѣе не оставалось. Домохозяева перешли въ фермеровъ, въ чернорабочихъ и поденщиковъ, не имѣли ни клочка земли, ни двора, ни усадьбы, и въ хозяйственномъ отношеніи находились въ положеніи совершенно безправномъ.

Революція 1789 года, отозвавшаяся и въ Англіи народными смутами, побудила земле владѣльцевъ принять окончательныя мѣры къ регулированію своихъ земельныхъ отношеній. Послѣ общаго обезземеленія крестьянъ оставалась еще одна спорная, неопредѣленная статья,—общественныя земли. Въ концѣ XVIII столѣтія общинныхъ полей было 7.800,000 акровъ [1]). Они тоже были большею частью приписаны къ помѣстьямъ лордовъ, но на двусмысленныхъ и шаткихъ основаніяхъ, а именно: статутомъ Карла II (1676 г.) они признаны собственностью лордовъ, но прочимъ сельскимъ жителямъ предоставлены нѣкоторыя права пользованія ими—выгонъ скота и въѣздъ въ лѣсныя дачи. Вслѣдствіе того, земледѣльческая культура на нихъ была самая жалкая; вотчинники держали ихъ впустѣ для выгона скота и овецъ, отчего они и назывались пустошами. Эти-то общинныя земли лорды задумали разверстать. Первые опыты, произведенные въ XVII вѣкѣ, шли туго, потому что на это нужно было согласіе обѣихъ сторонъ, а его достигнуть было нелегко, такъ что съ 1665 по 1797 г. разверстана лишь треть этихъ земель, и расходы на разверстаніе достигали иногда до 68 руб. съ десятины. Съ начала XIX вѣка дѣло пошло быстрѣе, но кончалось большею частью тѣмъ, что лорды скупали общія земли за недорогую цѣну и обращали ихъ въ пастбища и искусственные луга. Лишь въ 1845 г. бѣднѣйшіе обыватели нѣсколько ограждены отъ этой распродажи, лишавшей ихъ послѣднихъ средствъ пропитанія. Биллемъ 1845 г. установлено, что для разверстанія общественныхъ земель нужно, съ одной стороны, постановленіе обывателей, пользовавшихся угодьями, по большинству $^2/_3$ голосовъ, а съ другой — формальное согласіе вотчинника. Всѣмъ домохозяевамъ предоставлено право требовать выдѣла участка въ натурѣ, а бѣднѣйшихъ изъ нихъ постановлено надѣлять во всякомъ случаѣ не менѣе $^1/_4$ акра (200 кв. саж.). Вся операція разверстанія должна была производиться подъ надзоромъ и руководствомъ правительства. Этотъ билль былъ первымъ вмѣшательствомъ англійскаго правительства въ аграрное управленіе страной, первымъ актомъ признанія необходимости поземельнаго надѣла для рабочихъ классовъ; но какъ полумѣра, онъ возбудилъ опасенія помѣстнаго сословія и не удовлетворилъ сельскихъ рабочихъ. При дорогой и долгой процедурѣ отвода въ постоянное пользованіе какихъ-нибудь $^1/_4$ или $^1/_2$ акра, дѣло подвигается медленно и обращается почти исключительно въ пользу тѣхъ сельскихъ обывателей, которые въ состояніи покрывать межевые расходы. Съ 1845 по 1853 годъ всего размежевано или приступлено къ размежеванію 379,166 акровъ (около 140,000 дес.).

Результатомъ такого аграрнаго развитія Англіи было то, что теперь землевладѣніе этой страны представляется въ слѣдующихъ двухъ главныхъ видахъ: отдѣльныхъ помѣстій, принадлежащихъ 30.776 владѣльцамъ на правахъ собственности, было въ 1861 году 223.271. Они разбиты на фермы, хутора, господскія запашки, которыхъ считается 283.736. Фермерство, арендная система устроена въ Англіи на такихъ твердыхъ основаніяхъ, обставлена такими прочными гарантіями, что въ хозяйственномъ отношеніи арендаторъ является какъ бы полнымъ хозяиномъ, а собственникъ отодвигается на второй планъ. Но эта прочность арендныхъ отношеній основана не на буквѣ закона, не на формальныхъ правахъ, но на общемъ духѣ законодательства и на разумномъ пониманіи обоюдныхъ выгодъ и удобствъ. Хозяйственная эксплуатація Англіи почти вся въ рукахъ фермеровъ. Землевладѣльцы оставляютъ за собой, обыкновенно, только ближайшія поля, прилегающія къ ихъ

[1]) Англійскій акръ=0,37 дес., ирландскій=$^2/_3$ дес.

усадьбамъ и паркамъ, и заводятъ на нихъ образцовыя фермы не столько для промышленной культуры, сколько для примѣра, испытанія орудій и примѣненія новыхъ усовершенствованныхъ агрономическихъ пріемовъ. Прочія земли подраздѣляются на фермы. Въ восточныхъ графствахъ, гдѣ преобладаетъ хлѣбопашество, большія фермы имѣютъ до 430 акр. (159 дес.), въ среднихъ и западныхъ, гдѣ болѣе занимаются травосѣяніемъ, 221 акр. (81 дес.). Большая часть фермъ сдается или по контрактамъ, формально заключеннымъ на извѣстные сроки, или безъ назначенія срока, такъ что отъ воли и усмотрѣнія владѣльца зависитъ во всякое время отказать фермеру въ содержаніи аренды. Условія срочныя обыкновенно заключаются на время отъ 7 до 14 лѣтъ въ Англіи, и отъ 19 до 21 года въ Шотландіи. На долгіе сроки, до 99 лѣтъ, сдаются только имущества, не требующія культуры,—дома, подгородныя строенія, дачи. Лишь въ немногихъ мѣстностяхъ сохранился прежній обычай заключать контракты пожизненно на фермера и его дѣтей, не далѣе однако какъ на 54 года. Но въ настоящее время долгосрочныя аренды все болѣе и болѣе выходятъ изъ обыкновенія. Что касается до условій безъ опредѣленія срока, то они представляютъ новѣйшую, современную форму арендованія. Эта форма, лишающая фермера всякаго обезпеченія, оставляющая собственнику полный произволъ, сдѣлалась постепенно почти исключительнымъ общепринятымъ порядкомъ оброчнаго содержанія земель, такъ что всѣ мелкія оброчныя статьи сдаются такимъ образомъ, безъ всякаго формальнаго утвержденія, а контракты заключаются только по крупнымъ помѣстьямъ, имѣющимъ все нужное хозяйственное обзаведеніе. Такъ образовался двоякій разрядъ фермеровъ: одни—господа, другіе — простолюдины и крестьяне; первые — арендаторы, вторые—оброчники. Первые, имѣя оборотный капиталъ и хозяйственный инвентарь, держатъ земли не иначе, какъ по форменнымъ и срочнымъ контрактамъ; вторые, полагаясь на милость и благорасположеніе помѣщиковъ, снимаютъ ихъ угодья изъ оброчной платы, которая устанавливается произвольно, безсрочно, по усмотрѣнію владѣльца. Фермъ перваго разряда, съ запашками отъ 200 до 600 акровъ, въ 1851 году было 39,893; мелкихъ оброчныхъ статей до 200 акровъ (есть и меньше 5 акр.)—около 243,500. Онѣ не требуютъ ни значительныхъ капиталовъ, ни большихъ затратъ и составляютъ предметъ крестьянской эксплуатаціи.

По нашимъ континентальнымъ понятіямъ казалось бы, что положеніе мелкихъ фермеровъ, юридически необезпеченное, подвергаетъ ихъ всѣмъ невыгодамъ и случайностямъ произвола владѣльцевъ. Но на дѣлѣ оно совсѣмъ не такъ. Нравы и преданія, свобода слова и печати, судебная практика—все это ограждаетъ мелкихъ фермеровъ лучше всякихъ контрактовыхъ обезпеченій. Фермерское хозяйство считается личнымъ имуществомъ, которое переходитъ по наслѣдству, и внезапное возвышеніе арендной платы возбуждаетъ такое всеобщее негодованіе, что землевладѣльцы боятся прибѣгать къ такимъ мѣрамъ изъ опасенія лишиться фермеровъ. Въ дѣйствительности, условія, поставленныя въ зависимость отъ воли владѣльца, стали почти безсрочными; мелкіе фермеры, пока исправны, суть потомственные владѣльцы фермы. Теперь мелкіе оброчники, платящіе не менѣе 50 ф. ст. аренды, получили право быть избирателями въ члены парламента. По свидѣтельству писателей, основательно изучившихъ соціальный бытъ Англіи, положеніе мелкихъ оброчниковъ даже выгоднѣе, чѣмъ срочныхъ крупныхъ фермеровъ, потому что они платятъ владѣльцамъ почти вполовину менѣе, пользуются ихъ благорасположеніемъ и у знатнѣйшихъ лордовъ остаются пожизненно во владѣніи своихъ участковъ. Несмотря на то, неопредѣленность этихъ отношеній вредно вліяетъ на культуру и соціальное положеніе сельскихъ обывателей. Мелкія фермы преобладаютъ, вмѣстѣ съ крупными помѣстьями, въ юго-восточной части Англіи. Многія изъ этихъ фермъ такъ малы, что не оставляютъ мѣста для запашки и служатъ только жилищами. Состояніе оброчниковъ самое униженное, зависимое отъ владѣльцевъ, и земледѣліе, сравнительно съ фермерскимъ въ сѣверной Англіи, довольно грубое и непроизводительное. Чистый доходъ фермера, контрактующаго землю на срокъ, составляетъ отъ 20% до 28% валового дохода, а оброчниковъ—не болѣе 4% — 5%. Такимъ образомъ, всѣ прибыли и барыши землевладѣльческой производительности, доведенной въ Англіи до совершенства, дѣлятся почти поровну между 30 тыс. собственниковъ и 30 или 40 тысячами крупныхъ фермеровъ, т.-е. всѣ стекаются въ однѣ руки

большихъ собственниковъ и богатыхъ промышленниковъ.

Въ такомъ видѣ представляется дѣло въ собственной Англіи и Валлійскомъ княжествѣ. Въ Шотландіи число землевладѣльцевъ еще меньше. Здѣсь на 19 милл. акровъ считается всего 7,273 землевладѣльца, и 26-ти богатѣйшимъ владѣльцамъ принадлежитъ $^1/_3$ всѣхъ земель. Между сѣверными и южными графствами они распредѣлены очень неравномѣрно. Въ сѣверной части Шотландіи развилось крупное землевладѣніе, съ залежневой системой полеводства и выгоннымъ хозяйствомъ, тогда какъ въ центральныхъ и южныхъ графствахъ образовалось, наоборотъ, землевладѣніе средняго размѣра съ мелкими фермами и долгосрочными контрактами.

Шотландское помѣстное сословіе — самое крупное и богатое во всей Европѣ. Половина его состоитъ на заповѣдномъ, маіоратномъ правѣ, которое введено въ Шотландіи лишь съ конца XVII столѣтія. По мѣрѣ развитія маіоратнаго владѣнія въ сѣверной Шотландіи стѣснялось крестьянское. „Чтобы закрѣпить преемственно въ знатныхъ родахъ обширныя помѣстья, чтобы дать имъ полное значеніе запрещенныхъ дачъ, заказныхъ владѣній, приступлено было къ особой системѣ хозяйственнаго управленія, извѣстной въ Англіи подъ именемъ clearing of estates. Эта система играла весьма важную роль въ аграрномъ устроеніи всѣхъ европейскихъ странъ, по крайней мѣрѣ всѣхъ тѣхъ, куда проникалъ германско-саксонскій элементъ". Это выраженіе буквально значитъ—прочистка помѣстій; она состоитъ въ томъ, что подворные участки, въ прежнія времена надѣленные земледѣльцамъ, впослѣдствіи переведенные на оброчное, срочное содержаніе, подъ разными, болѣе или менѣе законными предлогами отбираются у крестьянъ, присоединяются къ господскимъ дачамъ и запашкамъ и поступаютъ такимъ образомъ въ полное распоряженіе землевладѣльца; при этомъ очищеніе дѣлается полное, радикальное: жилыя и надворныя строенія срываются до основанія, ограды, заборы разбираются, межи распахиваются и сами жители выселяются, оставляя за собой пустыя поля, обыкновенно обращаемыя въ искусственные луга и пастбища. Операція эта, какъ мы выше сказали, производилась и въ Англіи, но тамъ была отчасти пріостановлена распоряженіями правительства, запретившаго по статуту 1448 г. сносить всѣ крестьянскія усадьбы, которыя имѣютъ пространства болѣе 20 акръ (7,4 дес.), такъ что выселенію подвергались только бѣднѣйшіе, малоземельные поселяне, которые всѣ окончательно и исчезли. Но въ Шотландіи, гдѣ аристократія была сильнѣе, она провела свое право безъ всякихъ ограниченій и въ теченіе прошлаго столѣтія производила эту операцію—сноса и своза крестьянскихъ дворовъ—въ такихъ широкихъ размѣрахъ и съ такимъ успѣхомъ, что постепенно захватила въ свое непосредственное распоряженіе всѣ крестьянскія земли" (стр. 125).

Такъ дѣлалось въ горной Шотландіи. Въ остальной же полосѣ ея владѣльцы, воспользовавшись, наравнѣ съ другими, правомъ разверстанія угодій, не употребили во зло своего права, не выселяли прежнихъ своихъ оброчниковъ, а напротивъ, дѣлали имъ значительныя уступки противъ цѣнъ, предложенныхъ крупными срочными фермерами, и черезъ это удержали на мѣстахъ очень густое населеніе. Его рабочая сила способствовала процвѣтанію помѣщичьихъ хозяйствъ. Вслѣдствіе того, приращеніе народнаго богатства идетъ несравненно быстрѣе въ этой части Шотландіи. Въ графствѣ Сутерландъ, странѣ крупной культуры, доходность всѣхъ имуществъ (33,378 фунт. ст.) увеличилась въ періодъ времени 1815—1861 гг. на 19,544 ф. ст., а въ графствѣ Кайтнессъ, странѣ мелкой культуры, гдѣ доходность составляла въ 1815 г. 35,000 ф. ст., она въ теченіе того же періода времени возрасла на 72,561 ф. ст., несмотря на то, что поденная плата здѣсь выше.

Самое послѣднее, низкое мѣсто между всѣми странами Европы занимаетъ, въ аграрномъ отношеніи, Ирландія. „Положеніе ирландцевъ даже обыкновенно представляется какъ совершенно исключительное, вовсе не похожее на общественный строй прочихъ современныхъ народовъ, обусловленное другими причинами и вліяніями. Злая участь этого населенія приписывается преимущественно природнымъ свойствамъ и врожденнымъ порокамъ этого племени, его безпечному, разгульному нраву и закоснѣлому невѣжеству" (стр. 129). Противъ послѣдняго обвиненія достаточно говоритъ скорое перерожденіе будто бы природныхъ свойствъ ирландцевъ на сѣверо-американской почвѣ. Что же касается до совершенно исключительнаго аграрнаго положенія Ирландіи, то и это далеко

не такъ, какъ обыкновенно думаютъ. Соціальный строй Ирландіи не очень рѣзко отличается отъ положенія Англіи, сѣверной Шотландіи, многихъ мѣстностей Германіи, средней Италіи и Испаніи. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, происходилъ, въ теченіе многихъ вѣковъ, тотъ же процессъ обезземеленія низшихъ сословій, по тѣмъ же системамъ, юридическимъ понятіямъ и правиламъ раціональнаго сельскаго хозяйства. Результатъ былъ очень сходный; множество земель захвачено крупными собственниками у мелкихъ. „Вся разница состоитъ въ томъ, что въ Ирландіи помѣстное сословіе проводило свою аграрную политику, позаимствованную изъ Англіи, грубо и насильственно, пользуясь своими правами неограниченно, но права ихъ, принципы, ими защищаемые, и всѣ основанія землевладѣнія были чисто англійскаго происхожденія, или, вѣрнѣе сказать, они были перенесены аристократическими классами саксонскаго племени во всѣ тѣ страны, куда проникало это племя, начиная съ береговъ Финскаго залива до Зеленаго острова на океанѣ, и мрачная лѣтопись аграрнаго разоренія Ирландіи есть живая картина исторіи помѣстнаго права во многихъ другихъ странахъ Европы... Дѣйствія, осуждаемыя въ этой странѣ (Ирландіи), происходили во многихъ другихъ съ таковой же энергіей и послѣдовательностью и скрылись отъ суда цивилизованной Европы только потому, что разореніе крестьянъ было уже совершено, когда запоздалый либерализмъ XVIII вѣка возбудилъ вопросъ о демократизаціи современныхъ обществъ; въ Ирландіи же, напротивъ, это разореніе началось позднѣе, продолжалось съ возрастающей грубостью до нашихъ временъ, до половины XIX вѣка, и потому навлекло на себя общее вниманіе и негодованіе англійской и европейской публики“ (стр. 129 и 130).

Съ самаго пожалованія Ирландіи, въ 1156 году, папою Адріаномъ IV англійскому королю Генриху II и до настоящаго столѣтія, Ирландія въ хозяйственномъ и соціальномъ отношеніи очень мало различалась отъ Англіи. „Сельскія рабочія сословія находились въ совершенно одинаковомъ экономическомъ состояніи, крайне стѣсненномъ и униженномъ; заработки ихъ были самые скудные, земли у нихъ были вездѣ отобраны, и сельскій пролетаріатъ развивался повсемѣстно во всѣхъ трехъ королевствахъ“ (стр. 132). Но въ Англіи и южной Шотландіи для сельскихъ обывателей были по крайней мѣрѣ открыты городскіе и фабричные промыслы, въ Ирландіи же не было и этого, и все населеніе оставалось на земляхъ, которыя постепенно обратились изъ крестьянскихъ въ помѣщичьи. Къ этому присоединилось, что довольно рѣдкое населеніе Ирландіи вдругъ начало страшно рости. Въ 1766 году было всего около 1.900,000 жителей на страну въ 1,529 кв. мил; а въ 1841 году ихъ стало около 8.200,000, такъ что вмѣсто 1,200 жителей на квадратную милю ихъ уже было 5,200. Вслѣдствіе того число съемщиковъ быстро возростало, оброчныя цѣны на земли дорожали, отдаваемые участки стали дробиться такъ, что наконецъ мелкія полосы уже не могли служить для земледѣльческой эксплуатаціи. Такъ, какъ сдача такихъ дробныхъ участковъ и надзора за ними были стѣснительны для помѣщиковъ, то послѣдніе стали сдавать цѣлыя помѣстья одному оптовому съемщику, который уже отъ себя отдавалъ ихъ крестьянамъ-земледѣльцамъ. И этотъ обычай тоже перенесенъ въ Ирландію изъ другихъ мѣстностей Великобританіи; но въ Ирландіи эта система получила особый, хищническій характеръ, вслѣдствіе неопредѣленности арендныхъ условій, потому что большая часть оброчныхъ земель сдавалась изъ году въ годъ безъ всякаго срочнаго или письменнаго контракта и съемщики непомѣрно возвышали цѣны при каждомъ возобновленіи аренды.

Въ первой и второй четверти XIX вѣка хозяйственное и соціальное положеніе Ирландіи было слѣдующее.

Во всей странѣ было слишкомъ 20.320,000 акровъ земли, въ томъ числѣ около 15.600,000 удобной. Она находилась во владѣніи 8,412 помѣщиковъ англійскаго происхожденія и протестантскаго исповѣданія. Изъ нихъ около 3,000 были владѣльцами дачъ и подгородныхъ виллъ, а собственно землевладѣльцами не болѣе 5,400. Помѣстья послѣднихъ раздѣлялись на слишкомъ 682,000 фермъ, хуторовъ и оброчныхъ участковъ. Изъ нихъ слишкомъ 20 т. болѣе крупныхъ (100—200 акр.) воздѣлывались самими помѣщиками, около 136 т. отдавались въ срочную аренду по контрактамъ, а остальныя, слишкомъ 526 т., отдавались оброчникамъ на срокъ, опредѣляемый волею и усмотрѣніемъ владѣльца или оптоваго съемщика. Между тѣмъ, сельскихъ обывателей-хозяевъ было около 1.420,000

или около 6 милл. душъ обоего пола. Такъ какъ они промышляли исключительно земледѣліемъ, то желающихъ получить сдаточный участокъ было много, почти по трое на каждый. Надо притомъ замѣтить, что земли, обработываемыя самими владѣльцами, занимаютъ 1/4 или 1/3 всѣхъ удобныхъ земель Ирландіи, а на долю крестьянъ приходится съ небольшимъ 3 милл. акровъ, или около 1/6 дес. (400 кв. саж.) на душу, остальные же 12 милл. акровъ предназначены на прокормленіе скота (слишкомъ 10 милл. акровъ подъ одними естественными лугами и выгонами) и находится въ распоряженіи владѣльцевъ, зажиточныхъ фермеровъ и другихъ промышленниковъ и торговцевъ.

Такимъ образомъ, крестьянскія хозяйства все болѣе и болѣе стѣснялись развитіемъ скотоводства, и въ сороковыхъ годахъ (1845) на общее число фермъ 905,015 приходилось заключающихъ въ себѣ болѣе 100 акровъ (37 дес.) всего только 25,047, а остальные 880 т. были не больше 1—100 акровъ и даже менѣе одного акра.

Крайнему раздробленію оброчныхъ статей сильно содѣйствовалъ древній порядокъ наслѣдованія, по которому подворные семейные участки дѣлились поровну между сыновьями и братьями. А къ тому еще, по новому обычаю, на уступку аренды новому содержателю, кромѣ согласія владѣльца, нужна была еще особая сдѣлка съ прежнимъ оброчникомъ; ему надо было приплатить, въ видѣ отступного, среднимъ числомъ около 50 ф. ст. за акръ, т.-е. до 200 р. за десятину; но бывали примѣры, что за аренду, дающую чистаго дохода 7 ф. ст., приплачивали отступного 100 ф. ст. Этотъ обычай, господствовавшій въ сѣверной части Ирландіи, въ графствѣ Ольстеръ и по этой мѣстности и получившій названіе ольстерскаго, былъ полезенъ для сельскаго хозяйства въ томъ отношеніи, что поощрялъ дѣлать затраты на сельско-хозяйственныя улучшенія; но эти улучшенія доставались владѣльцамъ даромъ, потому что послѣдніе всегда могли, по произволу, прогнать оброчника и замѣнить его другимъ; а для новыхъ съемщиковъ ольстерскій обычай былъ крайне стѣснителенъ, особливо при огромной арендной платѣ, дошедшей въ южной Ирландіи до 7—15 ф. ст. за акръ, или до 50—105 руб. за нашу десятину.

Ко всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, разстроивавшимъ сельско-хозяйственный бытъ народа, присоединился, въ 1848—1851 годахъ, неурожай картофеля, который довершилъ разореніе несчастной Ирландіи. Бѣдственнѣйшее положеніе этой страны продолжалось около 14—15 лѣтъ. Въ это время около 2.210,000 жителей выселилось въ Америку и Австралію, общее число жителей (1841—1861 г.) уменьшилось почти на 2.400,000 душъ, число домохозяевъ—на 24%, число жилыхъ домовъ—на 26%. На общественномъ призрѣніи находилось (1849 г.) 16% всѣхъ жителей, и расходы на этотъ предметъ, во многихъ приходахъ, составляли отъ 50% до 75% всей доходности имуществъ, обложенныхъ земскими сборами. Въ 20 лѣтъ (1841—1861) число людей, исчезнувшихъ неизвѣстно какъ, было, по приблизительному исчисленію, не менѣе одного милліона. „Въ это время, съ помощью голодной смерти, тифозной горячки, понудительнаго выселенія и добровольной эмиграціи, произошло нѣкоторое улучшеніе,—совершилось само собой, если можно такъ выразиться, очищеніе помѣстій отъ черныхъ людей, разверстаніе между живыми и мертвыми, переселенцами и жителями, оставшимися на мѣстахъ... Такимъ образомъ волей Божіей, моромъ и голодомъ достигнута была та цѣль, то благополучное преобразованіе, котораго домогались ирландскіе помѣщики, слѣдуя въ этомъ примѣру своихъ родоначальниковъ,—англійскихъ и шотландскихъ ландлордовъ: помѣстья ихъ освободились отъ нищаго населенія, и мѣра, уже проведенная въ другихъ частяхъ Великобританіи, такъ называемая прочистка земель, совершилась и въ Ирландіи“ (стр. 140 и 141).

Съ тѣхъ поръ, примѣрно съ 1861 г., по увѣренію европейскихъ экономистовъ и англійскаго правительства, положеніе Ирландіи стало измѣняться къ лучшему. Говорили, что средній размѣръ участковъ, сдаваемыхъ крестьянамъ, увеличился; что увеличилось значительно и число крупныхъ фермъ, изъ чего заключали, что число самостоятельныхъ землевладѣльцевъ увеличивалось, а чрезполосность, мелкопомѣстность сокращались; замѣчали также, что площадь удобныхъ земель расширилась почти на 1.400,000 акровъ, что цѣнность скота болѣе чѣмъ удвоилась, что число призрѣваемыхъ съ 620,000 слишкомъ упало до 45,000 душъ. На эта картина экономическаго прогресса оказалась

на повѣрку обманчивой. Прироста удобныхъ земель въ дѣйствительности не было никакого, а только расширились на показанную выше цифру выгоны и пастбища, тогда какъ пространство пахотныхъ земель уменьшилось. Прибывали также льняные посѣвы, самые изнурительные для почвы. Впустѣ лежало 3.775,000 акровъ земли удобной и способной къ хлѣбопашеству. На семью или крестьянскій дворъ приходилось, въ среднемъ выводѣ, пахотной земли около $2^1/_2$ акровъ (менѣе 1 дес.), въ томъ числѣ неопредѣленное пространство, занятое продуктами, идущими на откормъ скота, и которые поступали въ пользу владѣльцевъ. „Съ снятіемъ запрещенія на продажу помѣстій (маіоратовъ), явились въ Ирландіи, вмѣсто прежнихъ патріархальныхъ и безпечныхъ владыкъ земли, люди предпріимчивые, съ свѣжими силами и капиталами, и поспѣшили дать закоснѣлому сельскому хозяйству этой страны новое, живое направленіе; они безпощадно отказывали неисправнымъ плательщикамъ, возвышали арендную плату, выселяли сельскихъ обывателей, срывали ихъ надворныя и жилыя строенія, залужали ихъ пашни и разводили тучныя пастбища и клеверные луга на мѣстахъ выпаханныхъ и истощенныхъ хлѣбными и льняными посѣвами. Страна, ирландская земля—дѣйствительно улучшалась, но только въ отношеніи скотоводства... Въ отношеніи же хлѣбопашества и хлѣбныхъ продуктовъ, напротивъ, замѣчается общее уменьшеніе производительности“ (стр. 142 и 143) Капитальная цѣнность скота въ 24 года удвоилась, число головъ крупнаго и мелкаго скота прибываетъ ежегодно въ громадной прогрессіи (съ 1864 по 1866 оно увеличилось слишкомъ на 1.930,000 штукъ), а хлѣбовъ съ 1856 по 1862 годъ уменьшилось въ годъ на сумму 12 милл. ф. ст.; въ 1866 г. сравнительно съ 1864 г., при одинаковомъ урожаѣ, произведено хлѣбовъ на 2 милл. квартеровъ или 2.740,000 четвертей менѣе. Съ уменьшеніемъ пашенъ, плата за земли, отдаваемыя крестьянами въ оброкъ, дошла до 8, 10, 12 ф. ст. за акръ, или около 200 руб. за десятину. Между тѣмъ, для прокормленія одного крестьянскаго семейства, состоящаго, среднимъ числомъ, изъ 5, 3 душъ, нужно не менѣе 10 акровъ (6,4 дес.); а изъ числа фермъ, отдаваемыхъ въ оброкъ, почти всѣ слишкомъ 500 тысячъ, ниже этого размѣра.

Политическій оптимизмъ англичанъ и миражи экономистовъ относительно Ирландіи продолжались не долго. Ирландскій вопросъ опять поднялся, какъ грозный призракъ, въ сопровожденіи народнаго возстанія такъ называемыхъ феніевъ, и англійское министерство было вынуждено приступить къ разрѣшенію основного вопроса,—вопроса аграрнаго. Въ 1872 году изданъ достопамятный билль, цѣль котораго заключалась въ регулированіи, упроченіи поземельныхъ отношеній между фермерами и землевладѣльцами, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ облегченіи покупки помѣщичьихъ земель водворенными на нихъ поселянами-оброчниками. Первая изъ этихъ цѣлей выговорена ясно и проведена вполнѣ. Въ отношеніи арендной системы за исходную точку и образецъ принятъ описанный выше ольстерскій обычай. Билль даетъ законную юридическую силу всѣмъ существующимъ и впредь заключаемымъ сдѣлкамъ этого рода, учреждаетъ особыя присутствія для разбирательства поземельныхъ исковъ и арендныхъ тяжбъ и вооружаетъ мировыхъ судей полною властью для понужденія и принужденія землевладѣльцевъ къ исполненію этихъ условій. Билль идетъ далѣе,—онъ примѣняетъ отчасти тѣ же ольстерскія правила и ко всѣмъ прочимъ фермамъ, находившимся на безконтрактномъ оброкѣ, и постановляетъ общимъ закономъ, что фермеръ, получившій отказъ въ содержаніи аренды, имѣетъ право требовать вознагражденія за всѣ произведенныя имъ улучшенія. Мало того, существенно дополняя ольстерскій обычай, билль 1872 г. возлагаетъ уплату вознагражденія не на новаго фермера, а на самого землевладѣльца. Нормальный размѣръ вознагражденія тоже опредѣленъ, и чѣмъ арендная плата ниже, тѣмъ оно выше. Если арендная сумма ниже 10 ф. ст., то фермеръ можетъ требовать вознагражденія въ 10 разъ больше; если она простирается на сумму отъ 10 до 31 ф. ст., то въ пять разъ больше; для самыхъ крупныхъ фермеровъ, платящихъ болѣе 100 ф. ст. аренды, нормальное вознагражденіе опредѣлено не свыше годовой арендной платы. Очевидная цѣль всѣхъ этихъ мѣръ та, чтобъ закрѣпить по возможности за оброчниками пользованіе ихъ оброчными статьями и удалить отъ нихъ конкурренцію богатѣйшихъ фермеровъ, перенимающихъ ихъ фермы за ничтожную приплату.

Еще болѣе рѣшительное нововведеніе билля 1872 г. состоитъ въ томъ, что всякія новыя сооруженія и устройства, произведенныя фермерами на свой счетъ, даютъ имъ право требовать полной уплаты за нихъ отъ владѣльца. Въ случаѣ спора, дѣло разсматривается начальствомъ. Фермеръ не можетъ отказаться отъ права требовать уплаты, и всякое условіе объ этомъ считается недѣйствительнымъ, какъ вынужденное. Изъ этого правила изъяты только тѣ случаи, когда арендный контрактъ заключенъ на 31 годъ или долѣе.

Въ случаѣ неисправнаго платежа аренды дѣло разсматривается поземельнымъ присутствіемъ, которое обсуждаетъ—не произошла ли неисправность отъ слишкомъ высокой арендной платы. Еслибъ это подтвердилось, владѣльцу можетъ быть отказано въ правѣ уволить фермера, и послѣдній можетъ быть оставленъ въ пользованіи фермой; если же владѣлецъ будетъ протестовать противъ такого рѣшенія, то онъ обязанъ уплатить фермеру всѣ убытки, какіе онъ, по усмотрѣнію трибунала, потерпитъ отъ увольненія.

Вторая цѣль была—облегченіе фермерамъ покупки владѣльческихъ земель. Эта цѣль впрочемъ только намѣчена. Арендаторамъ право это выговорено, но лишь при согласіи владѣльца. Ни размѣръ выкупаемыхъ земель, ни нормальная ихъ цѣнность не опредѣлены, и всѣ условія предоставлены взаимному соглашенію сторонъ. Чтобы такія продажи стали возможными, нужно было сперва снять съ помѣстной собственности запрещеніе, наложенное на нее маіоратными распоряженіями; это и было уже отчасти сдѣлано въ 1849 г. При состоявшейся добровольной покупкѣ оброчной земли, казна, на основаніи билля 1872 г., открываетъ фермеру кредитъ въ размѣрѣ $^{2}/_{3}$ продажной цѣны, съ погашеніемъ въ теченіе 35 лѣтъ изъ $5^{0}/_{0}$. Такая же ссуда дается чернорабочимъ, безземельнымъ батракамъ и поденщикамъ, если они пожелаютъ пріобрѣсти въ собственность усадьбу.

Такимъ образомъ, многознаменательный билль 1872 г. открываетъ новую эру соціально-аграрнаго устроенія не только въ Ирландіи и Англіи, но и во всемъ старо-европейскомъ мірѣ. „Главный смыслъ ирландскаго земельнаго быта есть тотъ, что арендованіе, фермерство и всякое оброчное содержаніе земельныхъ угодій имѣютъ, вмѣстѣ съ значительными выгодами и удобствами, очень вредное дѣйствіе на земледѣліе и земледѣльцевъ, если заключеніе подобныхъ сдѣлокъ, заоброчиваніе и переоброчиваніе, предоставляются полному, неограниченному произволу собственниковъ; что при этомъ обнаруживается, что добровольное соглашеніе другой стороны, нанимающей, арендующей помѣщичьи земли, хотя по закону и предполагается вполнѣ вольнымъ, но въ дѣйствительности въ большей части случаевъ оказывается вынужденнымъ, особенно въ странахъ крупнаго землевладѣнія, гдѣ число запрашивающихъ, ищущихъ земли, какъ въ Ирландіи и Англіи, въ 500 или 1000 разъ больше числа предлагающихъ—землевладѣльцевъ, и что поэтому, въ концѣ концовъ, если не желать окончательной экспропріаціи всѣхъ сельскихъ обывателей, надо законодательнымъ порядкомъ установить нормальныя кондиціи арендованныхъ сдѣлокъ, подвести ихъ подъ общій законъ и общую подсудность и подчинить этого рода соглашенія нѣкоторымъ правиламъ, при несоблюденіи коихъ договоръ теряетъ свою законную силу“ (стр. 149). Все это дѣйствительно и было очень долгое время высшимъ притязаніемъ ирландскихъ оброчниковъ; но въ настоящее время требованія ихъ расширились. Не говоря уже о домогательствѣ сельскихъ сословій, заявляющихъ права свои на отводъ земельнаго надѣла, главные авторитеты науки и предводители партій начинаютъ склоняться къ тому же принципу выкупа помѣщичьихъ фермъ. Эти мнѣнія уже успѣли такъ распространиться въ народѣ, что въ 1872 г. фермеры маркиза Уатфорда въ графствѣ Лондондерри заявили формально о желаніи своемъ выкупить всѣ арендныя земли этого владѣльца, рента которыхъ составляетъ громадную сумму 90 тысячъ рублей въ годъ.

III.

Аграрный строй *Германіи* представляетъ особый интересъ въ томъ отношеніи, что „служитъ типомъ земельной организаціи во всей средней Европѣ,—образцомъ, которому слѣдовали или старались слѣдовать помѣстныя сословія прочихъ странъ, начиная отъ Даніи до Польши и нашихъ Остзейскихъ провинцій“ (стр. 177). Для насъ, рус-

скихъ, этотъ строй особенно потому интересенъ, что „по этнографическому расположенію нѣмецкаго и славянскаго племенъ, отношенія между ними были болѣе близкія, вліяніе германской культуры болѣе сильное, и хотя это вліяніе и остановилось на рубежѣ, отдѣляющемъ великороссійское племя отъ прочихъ славянскихъ, - но до извѣстной степени проникло и въ окраины русскихъ земель и способствовало къ разобщенію ихъ и къ отторженію западныхъ областей отъ коренной Россіи“ (стр. 177 и 178).

Основанія аграрнаго и соціальнаго быта Германіи были заложены нашествіемъ варваровъ. Переселеніе народовъ повліяло еще болѣе на внутреннія, житейскія и хозяйственныя отношенія, чѣмъ на политическія. Пришельцы-варвары подѣлили между собою забранные края, разверстали вновь земли и основали новыя общественныя отношенія, не обращая вниманія на прежнія права и прежніе обычаи или законы. Это объясняется тѣмъ, что вторгались цѣлыя племена и полчища. Остготовъ, при вторженіи въ Италію, считалось до 200 т. вооруженныхъ людей. Аріовистъ привелъ сначала на Рейнъ до 15 т. воиновъ; но забранный край полюбился его спутникамъ, и они вызвали еще до 120 т. ратниковъ. Сначала они потребовали отъ туземцевъ уступки третьей части земель, потомъ двухъ третей. Бургунды и вестготы присвоили себѣ треть всей завоеванной земли, ируны и вестготы—двѣ трети. Въ остзейскомъ краѣ и по всему Балтійскому поморью рыцари тевтонскаго ордена брали на имя ордена тоже треть, другую отводили церквамъ, а послѣднюю оставляли за туземцами. Но лонгобарды захватили всю землю, большую часть римскихъ владѣльцевъ побили, а остальныхъ обратили въ арендаторовъ, взимая съ нихъ, въ видѣ оброка, третью часть продуктовъ. Вандалы въ Африкѣ тоже присвоили себѣ всю землю. Вообще же прежніе собственники, уступивъ часть земли завоевателямъ и сохранивъ пользованіе остальной, превратились изъ полныхъ собственниковъ въ обязанныхъ и подвластныхъ поселянъ.

Разсматривая различныя общественныя формаціи, образовавшіяся вслѣдствіе завоеваній и водворенія германскихъ племенъ, кн. Васильчиковъ различаетъ два типа. „Когда нашедшее племя было немноголюдно, какъ напримѣръ франкское, то оно дѣйствовало мягче, щадило мѣстныхъ жителей, чтобы не лишиться рабочей силы, и оставляло большую часть изъ нихъ при своихъ владѣніяхъ... Но въ сѣверной Германіи, между Рейномъ и Эльбой произошла, можно сказать, всенародная и поголовная экспропріація, которая объясняется очень естественными причинами. Племена, зашедшія въ этотъ край, были многолюднѣе и притомъ состояли изъ равноправныхъ однополчанъ, изъ коихъ каждый требовалъ и равнаго надѣла“ (стр. 182). „Когда передовыя орды, франки, готы, достигли крайнихъ предѣловъ Западной Европы, то послѣдующія принуждены были остановиться на верховьяхъ Рейна и Дуная, среди дремучихъ лѣсовъ; наконецъ, послѣднія опустились на берега Эльбы, Одера, Вислы, на Балтійское поморье, и этимъ отсталымъ племенамъ, аріергарду переселенія, досталась худшая доля—песчаные берега Балтійскаго и Нѣмецкаго морей и суровыя почвы Помераніи, Мекленбурга и Восточной Пруссіи“ (стр. 183). Отъ этихъ различныхъ порядковъ первобытнаго поселенія произошли два различные вида поземельной организаціи, два закона владѣнія,—франкскій и саксонскій. Первый преобладаетъ въ юго-западныхъ областяхъ Германіи, второй—въ сѣверо-восточныхъ. Во франкскомъ краѣ нашедшія племена отдѣлились отъ прочихъ обывателей дружелюбно, предоставили имъ нѣкоторую свободу владѣнія, допуская наслѣдованіе, семейные раздѣлы по мѣстнымъ обычаямъ, продажу и отчужденіе недвижимыхъ имуществъ. Франкское право собственности было съ самаго начала болѣе либерально, гнетъ помѣщичьей власти менѣе чувствителенъ, хозяйственный бытъ крестьянъ болѣе самостоятеленъ, хотя во внѣшнихъ отношеніяхъ они и подчинялись власти государевой и помѣщичьей. Напротивъ, саксонское право признавало только помѣстную собственность полнымъ владѣніемъ, только ему присвоивало право распоряженія, хозяйственнаго управленія. Помѣщикъ противополагался, по этому праву, обывателю, земледѣльцу, имѣлъ надъ нимъ какъ бы природную власть надзора и опеки для охраненія собственныхъ его интересовъ, для сохраненія собственнаго его имущества, для надзора за его хозяйствомъ, культурой, семейными дѣлами, домашнимъ бытомъ и всѣми житейскими, земельными и общественными

его дѣйствіями, предпріятіями, оборотами. „Изъ этого понятія вытекали сами собой такія обширныя права, что сельское хозяйство и поземельное владѣніе все сосредоточилось въ рукахъ помѣстнаго сословія; крестьянское владѣніе было связано, спутано такими сложными правилами, что хозяинъ въ своемъ хозяйствѣ ничѣмъ не располагалъ: порядокъ наслѣдованія, выдѣлъ дѣтей, полеводство, земельный надѣлъ, все было установлено не по закону, но по уставамъ рыцарей-дворянъ и, въ виду общей пользы сельскаго хозяйства, поселяне лишены были всякой самостоятельности“ (стр. 184).

Этотъ второй типъ, въ которомъ землевладѣльческій элементъ проявился во всемъ своемъ могуществѣ и притомъ въ духѣ чисто германской народности, безъ примѣси инородныхъ воззрѣній, представляетъ особенный интересъ, и ему кн. Васильчиковъ преимущественно посвящаетъ свои изслѣдованія.

Въ имперіи Карла Великаго право владѣнія было двоякое: помѣстное и подвластное. Первое, господское, представлялось въ видѣ зáмка, помѣщичьей усадьбы или дворца; второе, крестьянское, тоже сосредоточивалось въ дворѣ, окруженномъ полевыми угодьями. Тотъ и другой дворъ не были простымъ означеніемъ мѣста жительства помѣщика или мужика, а выражали юридическія понятія, опредѣляющія свойства самаго владѣнія, права и обязанности владѣльцевъ и взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ,—отношенія, приписанныя не людямъ, а землѣ, грунту, на которомъ тѣ и другіе жили. Господскій дворъ, Trohn, Hof,—это усадьба, къ которой приписаны другія усадьбы или дворы, исправляющіе въ пользу главнаго, господскаго, разныя повинности. Окольныя селенія приписывались къ господскому двору не по праву собственности, а по праву господства, т.-е. на всемъ томъ пространствѣ, на какое простиралась власть господина Изъ этого округа помѣщикъ выбиралъ себѣ часть земель, обыкновенно всѣ пустыя и дикія земли, которыя предназначались для заведенія господской запашки; остальныя угодья оставлялись во владѣніи или срочномъ содержаніи обывателей на различныхъ условіяхъ, но во всякомъ случаѣ на положеніи обязаннаго, подвластнаго пользованія. Между этими обывателями были и рабы, употреблявшіеся для домашнихъ служительскихъ работъ, надѣленные усадьбой или дворомъ безъ полевыхъ угодій. Нѣкоторые имѣли и земельный надѣлъ, безъ права собственности, и занимались обработкой господскихъ полей. Но несравненно большая часть сельскихъ обывателей состояла изъ людей лично вольныхъ, туземцевъ и своеземцевъ, которымъ прежде земли принадлежали на правахъ полной собственности. Эти сохранили часть своей земли, принимая на себя трудъ воздѣлыванія прочихъ земель, забранныхъ у нихъ завоевателями. Вступивъ въ обязанныя отношенія по землевладѣнію, они постепенно начали терять права вольнаго распоряженія своими имуществами и сдѣлались покорными, послушными владѣльцами дворовъ, къ которымъ были приписаны. Уже со временъ Карла Великаго только благородные и знатные рыцари-вассалы признавались полными собственниками; всѣ же прочіе владѣльцы, хотя и продолжали пользоваться своими угодьями, но уже подлежали суду и расправѣ первыхъ, а новые поселяне получали землю не иначе, какъ въ видѣ оброчныхъ арендныхъ статей. Вольныя деревни оставались только въ королевскихъ имѣніяхъ и въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ и недоступныхъ округахъ, куда не проникали побѣдители.

Въ теченіе среднихъ вѣковъ отсюда развилось полное понятіе о помѣстномъ и вотчинномъ владѣніи. Вся германская территорія была подраздѣлена на округи, во главѣ которыхъ стояли знатные, родовитые люди. Въ качествѣ частныхъ владѣльцевъ они имѣли свою усадьбу, принадлежавшую имъ на правахъ собственности, но сверхъ того къ каждой усадьбѣ, двору, была приписана извѣстная территорія для управленія и хозяйственнаго завѣдыванія. Земли, входившія въ составъ этой территоріи или округа, дѣлились на два разряда; одни состояли въ непосредственномъ распоряженіи помѣщика и составляли господскую запашку; другія были населены крѣпостными и вольными—оброчными, обязанными поселянами, и вольными, полными собственниками. Всѣ эти обыватели были болѣе или менѣе подчинены суду и расправѣ владѣльца господской усадьбы. Такъ образуется первое понятіе о патримоніальной власти.

Изъ права господства, въ описанномъ смыслѣ, вытекло право передовѣрять господскія права другимъ лицамъ, по усмотрѣнію владѣльца. Таково происхожденіе при-

казчиковъ, повѣренныхъ частныхъ владѣльцевъ, викаріевъ духовныхъ особъ, княжескихъ и королевскихъ намѣстниковъ и графовъ. Эти должности и званія мало-по-малу переходили въ наслѣдственныя. Такъ, понятіе о собственности, право владѣнія и власть суда и полиціи все болѣе и болѣе смѣшивались и сливались. Вольное крестьянство уже въ началѣ среднихъ вѣковъ было совершенно поглощено крѣпостнымъ или обязаннымъ сословіемъ и пріурочено къ нему. Прежнее общественное самоуправленіе, территоріальное раздѣленіе на общества и волости и волостные выборные начальники потеряли свое значеніе, подчинились дворянскимъ учрежденіямъ и слились въ дворовые округа.

Одновременно съ дворянскими помѣстьями и на тѣхъ же началахъ устраивались въ Германіи и церковныя владѣнія. И въ нихъ правительственная духовная власть смѣшалась съ частнымъ владѣніемъ. Сначала ей принадлежало только управленіе по церковнымъ дѣламъ, но мало-по-малу духовенство завладѣло и хозяйственнымъ управленіемъ и судебно-административнымъ, и приходскіе участки обратились въ церковныя вотчины. „Это именно обстоятельство, что церковь и высшее духовенство выступили съ древнѣйшихъ временъ какъ главные представители крупнаго землевладѣнія, сильно повліяло на аграрную организацію европейскихъ земель; церковныя владѣнія освятили право собственности свѣтскихъ владѣльцевъ; льготы и привилегіи, коими они пользовались, служили примѣрами для обѣленія, привилегированія другихъ вотчинъ. Высшее духовенство и высшее дворянство, связанныя солидарностью имущественныхъ своихъ правъ, вступили въ неразрывный союзъ, прикрывая благословеніемъ церкви и властью помѣщика всѣ благопріобрѣтенныя свои территоріи, а въ концѣ среднихъ вѣковъ дворянство приняло даже характеръ полусвѣтской и полудуховной корпораціи, рыцарской и религіозной—монашескихъ орденовъ“ (стр. 193).

Другой видъ владѣнія, противоположный помѣстному, былъ крестьянскій дворъ, входившій въ общій составъ господскихъ земель. „Крестьянскій дворъ былъ, въ маломъ видѣ, такая же полная хозяйственная единица, какъ и господское помѣстье, также состоялъ изъ усадьбы, окруженной полями, и также заключалъ въ себѣ, кромѣ хозяина и его домочадцевъ, батраковъ и служителей, приписанныхъ ко двору... Эти люди считались въ рабочемъ инвентарѣ крестьянскихъ дворовъ, были закрѣплены за ними и переходили вмѣстѣ съ участкомъ отъ одного домохозяина къ другому“ (стр. 194).

Въ началѣ среднихъ вѣковъ крестьяне жили большею частью въ группахъ, называемыхъ селеніями, но отдѣльными дворами, были надѣлены подворно, посемейно усадьбами, полевыми и луговыми угодьями, и владѣли сообща выгонами, лѣсными дачами и пустошами. Эти три черты составляютъ главныя свойства германскаго сельскаго быта и отличаютъ его отъ славянскаго мірского владѣнія. Германское село строилось не по сплошной линіи съ улицей или площадью по серединѣ, но отдѣльными домами, или группами домовъ по разнымъ фасадамъ. Это наружное различіе не осталось безъ большого вліянія на соціальное развитіе крестьянъ. „Сожительство ихъ не было связано матеріальными выгодами и пользами, какъ жительство горожанъ, обитавшихъ на одной улицѣ, и не подвергалось также и тѣмъ неудобствамъ и опасностямъ отъ пожара, наводненія, которыя связывали городскихъ обывателей общими интересами и страхами“ (стр. 195).

Далѣе, къ усадьбѣ, двору приписывалось разъ на всегда извѣстное пространство пашни и луговъ, которые составляли неотъемлемую его принадлежность. Порядокъ надѣла, наслѣдованія и раздѣловъ былъ различный, но существовало коренное правило, что всякая усадьба должна служить центромъ одного полнаго хозяйства и что къ ней приписывалось извѣстное количество угодій, нужныхъ для пропитанія одной семьи и соотвѣтствующихъ ея рабочей силѣ. Подворный участокъ отводился только такимъ хлѣбопашцамъ, которые имѣли или натуральныя, или денежныя средства для содержанія хозяйства; „прочіе сельскіе обыватели оставались за штатомъ и надѣлялись землей какъ попало и сколько оставалось отъ первыхъ, иногда полу-гуфой (Hufe—дворовый земельный участокъ) иногда четвертью, осьмушкой, или однимъ огородомъ, или ничѣмъ“ (стр. 196).

Наконецъ, въ общинномъ владѣніи состояли выгонъ, кустарники, лѣсныя ухожья, запольныя полосы, вообще пустыя и дикія земли, не входившія въ сѣвооборотъ, или лѣсныя дачи, которыми пользовались сообща

помѣщики и крестьяне на правѣ ихъ имуществъ, для сбора валежника, сухоподстоя, рубки дровъ и пастьбы свиней. Эти пустоши составляли единственную связь германскихъ общинъ, тогда какъ дворъ и полевой надѣлъ были, съ древнѣйшихъ временъ, частнымъ, личнымъ владѣніемъ отдѣльныхъ домохозяевъ.

Выше было сказано, что въ началѣ среднихъ вѣковъ были три главныхъ категоріи поселянъ: вольные собственники, полувольные или обязанные, и невольные или крѣпостные. Въ продолженіе среднихъ вѣковъ эти три разряда постепенно сливаются въ одинъ—обязанныхъ поселянъ. Переворотъ этотъ завершается въ XVII столѣтіи, послѣ вестфальскаго мира. Проведеніе такой реформы было дѣломъ сложнымъ, потому что упомянутые три разряда подраздѣлялись еще на многіе виды. „Между людьми невольными были и полные рабы, кабальные холопы, и такіе же невольники, поселенные въ усадьбахъ на господскомъ грунтѣ; между обязанными поселянами были и чужестранные колонисты, лично вольные, и срочные оброчники, съемщики земель. Одни изъ нихъ водворялись на помѣщичьихъ земляхъ и вступали въ непосредственныя сношенія съ землевладѣльцемъ, получая отъ него усадьбу съ огородомъ; другіе селились на крестьянскихъ участкахъ, состоявшихъ въ потомственномъ владѣніи домохозяевъ; третьи —на общинныхъ угодьяхъ и пустошахъ. Наконецъ, разночинцы, одни вольные, другіе крѣпостные, принимались въ господскіе дворы на полные харчи и содержаніе хозяевъ, безъ отвода имъ земли, и составляли низшую категорію сельскихъ обывателей. По имуществу, какъ и по состоянію, сельскій людъ различался строго; полновольные обыкновенно владѣли цѣлыми тяглыми гуфами... обязанные поселяне и всѣ крестьяне славянскаго племени получали половинный надѣлъ [1]); крѣпостнымъ людямъ и новымъ переселенцамъ полевого надѣла обыкновенно не отводилось; они пользовались только усадебною осѣдлостью на господскихъ, крестьянскихъ или общинныхъ земляхъ, за что и отбывали барщину на помѣщиковъ, крестьянъ или сельскія общества“ (стр. 198). Всѣ эти разнородные виды сельскихъ жителей слиты въ одно сословіе обязанныхъ поселянъ. Торжеству помѣстныхъ классовъ надъ земледѣльческими много способствовалъ первобытный составъ крестьянскаго сословія и его организація, лишавшая сельчанъ всякой силы для противодѣйствія. При описанномъ порядкѣ землевладѣнія, въ сельскомъ населеніи не было никакой связи общественности, солидарности интересовъ. Полные дворовые участки (отъ 10 до 15 дес.) отводились не всѣмъ крестьянамъ, а только зажиточнѣйшимъ изъ нихъ, и не по разверсткѣ между домохозяевами, а по нарѣзкѣ, обыкновенно производимой вотчинникомъ отдѣльнымъ крестьянскимъ семьямъ. Полутяглыхъ хозяевъ, кутниковъ, бобылей было вообще гораздо больше, чѣмъ полныхъ хозяевъ. Такое положеніе лишало германскую сельскую общину всякаго общественнаго значенія. Между своеземцами, полными хозяевами и бобылями не могло быть согласія и единомыслія. Яблокомъ раздора, предметомъ постоянныхъ споровъ и ссоръ были „общинные выгоны и пустоши, на которыхъ, во времена оны, при первомъ излишествѣ пустыхъ земель, поселялись, и большею частью безъ спроса и вѣдома общества, бѣднѣйшіе обыватели, загораживая своими постройками пастбища, мѣшая прогону скота и запахивая все далѣе мѣста, считавшіяся въ общемъ пользованіи. Антагонизмъ между ними возникалъ самъ собой, раздоръ исходилъ изъ самаго порядка первоначальнаго поселенія и, разумѣется, усиливался по мѣрѣ приращенія народонаселенія“ (стр. 199). Помѣстное сословіе, съ помощью самихъ крестьянъ, разобщило ихъ, разбило на отдѣльные разряды, враждебные между собою, и покорило всѣхъ своей власти.

Первымъ, древнѣйшимъ способомъ къ распространенію вотчинной власти было обѣленіе — Immunitäten. Этимъ означалось, какъ и въ древней Россіи, исключеніе сельскихъ округовъ изъ вѣдомства коронныхъ чиновниковъ, передача помѣщикамъ и вотчинникамъ права взиманія податей и налоговъ, запрещеніе судьямъ и сборщикамъ въѣзда въ такія привилегированныя села и волости. Но въ Германіи обѣленіе, въ большей части случаевъ, означало, кромѣ того, выдѣлъ хозяевъ изъ сельскаго общества. Чтобы не оставаться въ сожительствѣ съ бѣдными односельцами, крайне отяго-

---

[1]) По замѣчанію князя Васильчикова (стр. 196) поводомъ или предлогомъ къ тому могло послужить, что нѣмецкіе крестьяне, повидимому, изстари употребляли пароконный или пароволовый плугъ, а славянскіе—одноконную соху.

тительномъ для полныхъ тяглыхъ крестьянъ, они, по предложенію вотчинниковъ, выходили изъ сельской общины, отдавались подъ защиту помѣщиковъ и принимали зато на себя нѣкоторыя повинности въ пользу покровителя. Правда, нѣкоторыя преступленія и тяжбы продолжали судиться королевскимъ судомъ, нѣкоторыя подати взимались по прежнему въ государственную казну; но судъ и расправа по дѣламъ, искамъ, тяжбамъ и проступкамъ сельско-хозяйственнаго управленія, всѣ внутренніе сельскіе распорядки, всѣ поземельныя отношенія какъ между крестьянами внутри обществъ, такъ и съ казной, съ духовными и свѣтскими начальниками и съ самими дворянами-землевладѣльцами, перешли въ руки патроновъ. Получивъ право разбирать и рѣшать всѣ такія дѣла, помѣстное сословіе не нуждалось ни въ личномъ рабствѣ, ни въ крѣпостномъ правѣ, для охраненія своихъ имѣній отъ посягательства смежныхъ селеній, для округленія господскихъ дачъ, исправленія спорныхъ межъ и границъ, вообще для расширенія и упроченія помѣщичьей власти. Право суда и расправы давало помѣщикамъ возможность дѣлать всякія беззаконія, присвоивать себѣ всякое имущество, стѣснять всякое постороннее хозяйство, мѣшающее господскому, запрещать всякое дѣйствіе, нарушающее ихъ пользы и нужды. Этотъ порядокъ дѣлъ къ XV столѣтію водворился въ Германіи повсемѣстно, такъ что въ XV вѣкѣ, кромѣ рыцарскихъ имѣній, не оставалось болѣе полныхъ собственниковъ въ нѣмецкихъ земляхъ, и самое понятіе о поземельной собственности было неразлучно связано съ дворянскимъ происхожденіемъ и рыцарскимъ званіемъ.

Такимъ образомъ, „средніе вѣка подготовили почву для эксплуатаціи низшихъ классовъ народа высшими, вселивъ въ имущественные и правительственные классы убѣжденіе, что всѣ земли, кромѣ государя, должны еще имѣть господина, что этимъ господамъ принадлежитъ, кромѣ права собственности, и право мѣстнаго начальства, и что всякій обыватель, чтобы пользоваться правами гражданства, долженъ быть приписанъ къ господскому округу для суда и расправы“ (стр. 204). Человѣкъ, не приписанный ни къ какому округу, не пользовался гражданскими правами, оставался внѣ закона и общества, и какъ лицо, неподсудное никакому вѣдомству, считался дикимъ. Мѣстныя власти имѣли надъ нимъ право ловли, для водворенія его на мѣсто жительства. Гулящаго человѣка можно было обратить въ рабство, умертвить, если онъ позволилъ себѣ дерзости противъ обывателей, или при ссорѣ двухъ сторонъ помогалъ одной изъ нихъ; наслѣдство послѣ него признавалось выморочнымъ и поступало въ казну. Такимъ же строгостямъ подвергались тѣ, которые выдѣлились изъ семействъ. Безправное и безпомощное состояніе заставило ихъ искать опеки вотчинниковъ, и въ концѣ среднихъ вѣковъ всѣ они были уже приписаны къ помѣщичьимъ имѣніямъ.

Такъ вольныя состоянія на самомъ дѣлѣ уничтожились, и во всей Германіи не оставалось болѣе сельскихъ обывателей, не подвластныхъ барину.

Послѣ того, въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка, начался періодъ настоящаго порабощенія германскаго крестьянства. Служебно оно было уже подвластно духовенству и дворянству; оставалось присвоить себѣ его земли и утвердить такіе новые порядки по праву. Эти двѣ стадіи захвата крестьянскихъ земель совершились до XVIII столѣтія и занимаютъ всю новѣйшую исторію Германіи. Насильственному захвату крестьянскихъ земель способствовали въ особенности смуты и междоусобія XVI вѣка, извѣстныя подъ названіемъ крестьянской войны, и 30-лѣтняя война,—эпоха безпощаднаго расхищенія частныхъ имуществъ. Крестьянскія возстанія начались еще въ концѣ XV столѣтія во Фландріи, повторились въ Палатинатѣ, Вюртембергѣ, Венгріи, Каринтіи, и въ 1525 году разыгрались по всѣмъ нѣмецкимъ землямъ общимъ бунтомъ всего крестьянства. „Это былъ послѣдній протестъ обезземеленныхъ хлѣбопашцевъ противъ патримоніальной расправы, и такъ какъ буйныя шайки мятежниковъ были вездѣ разбиты войсками, то войсковое начальство воспользовалось побѣдой для окончательнаго упроченія своей вотчинной власти. Послѣдній ударъ крестьянству нанесенъ былъ тридцатилѣтней войной; остававшееся еще имущество у сельскихъ обывателей было все разграблено рядовыми ратниками, земли ихъ подѣлены между военачальниками, и всякое понятіе крестьянской собственности изгладилось передъ хищническими набѣгами солдатскихъ шаекъ и алчныхъ ихъ предводителей“ (стр. 206).

Послѣ вестфальскаго мира (1648 г.) переворотъ былъ уже совершенъ: обезземеленіе низшихъ классовъ стало фактомъ; рыцари отобрали себѣ всѣ земли, какія имъ были нужны и сподручны. Тогда открылся новый періодъ въ исторіи землевладѣнія Германіи. „Потребовалось узаконить, оправдать грубые факты, совершившіеся въ смутныя времена, придумать теоріи и юридическія правила для упроченія насильственныхъ захватовъ, подвести грабительство прежнихъ вѣковъ, закрѣпленіе чужихъ имуществъ, лишеніе свободы вольныхъ людей, подъ какія-либо благовидныя и раціональныя начала, однимъ словомъ, найти твердую почву, юридическую основу не только для подтвержденія правъ помѣстнаго владѣнія, но и для дальнѣйшаго ихъ развитія" (стр. 206 и 207). Нѣмецкіе рыцари вывели полную теорію помѣщичьей власти и вотчиннаго права. „Теорія эта гласитъ, что помѣстное право не есть только право частнаго владѣнія, но что оно само собой даетъ еще собственнику и нѣкоторое право господства, что низшіе классы поселянъ съ древнѣйшихъ, незапамятныхъ временъ, водворены были не на собственныхъ земляхъ, а на господскихъ, и приняли добровольно на себя повинности, ими отправляемыя въ пользу помѣщиковъ, охранявшихъ ихъ отъ всякихъ золъ и неправдъ; что поэтому всѣ таковыя повинности, а равно и права владѣльцевъ на крестьянскія земли должны быть a priori, покуда не доказано противное, признаны благопріобрѣтенными; и наконецъ, что если службы и платежи крестьянъ не опредѣлены положительными условіями, формальными договорами, то они должны считаться произвольными (ungemessen), потому что размѣръ повинностей, при первоначальномъ водвореніи, зависитъ отъ воли землевладѣльца (стр. 208 и 209).

Въ половинѣ XVIII вѣка, къ этимъ юридическимъ соображеніямъ присоединились агрономическія. Они тоже оказались благопріятными исключительно одному крупному землевладѣнію и помѣстной собственности. Въ Европѣ, съ примѣра Англіи и ея образцоваго фермерскаго хозяйства, утвердилось мнѣніе, что мелкопомѣстное владѣніе и въ особенности общинное, не совмѣщается съ раціональной культурой, съ плодоперемѣннымъ сѣвооборотомъ, травосѣяніемъ, выгоннымъ хозяйствомъ. Отсюда вывели, что всякое владѣніе, препятствующее правильному веденію сельскаго хозяйства, подлежитъ упраздненію, выкупу, въ виду государственной пользы и народнаго благосостоянія. Подъ вліяніемъ этихъ взглядовъ, въ половинѣ XVIII вѣка, произведенъ пересмотръ аграрныхъ законовъ, „мотивированный гуманными и либеральными видами, улучшеніемъ земледѣлія, охраненіемъ плодородія почвъ, введеніемъ усовершенствованныхъ орудій и культуръ, но тѣмъ не менѣе окончательно разстроившій хозяйственный бытъ большей части крестьянъ" (стр. 210).

„Переворотъ этотъ происходилъ одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ по мѣрѣ того, какъ имъ дарились или возвращались личныя права гражданства, отбирались или скупались ихъ имущества и земли, и окончательный исходъ крестьянскихъ реформъ былъ таковъ, что нѣсколько милліоновъ крестьянъ-собственниковъ выпущены были на волю безъ кола и двора, на голодную смерть и произволъ судьбы" (стр. 210).

Сначала землевладѣльцы, для округленія своихъ вотчинъ и помѣстій, отбирали у крестьянъ въ извѣстныхъ случаяхъ, опредѣленныхъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, въ случаѣ надобности и общей пользы, ихъ дворы и присоединяли эти упраздненныя хозяйства и цѣлыя селенія къ своимъ владѣніямъ. При этомъ домохозяева лишались земли на всегда, не переселялись, а выселялись.

Предлоги для такихъ отбираній были обыкновенно законные, благовидные. „Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ владѣніе крестьянъ-оброчниковъ считалось пожизненнымъ или срочнымъ, землевладѣльцы, при первыхъ слухахъ объ освобожденіи крестьянъ, поспѣшили срыть всѣ дворы, коимъ вышелъ срокъ оброчнаго содержанія; въ другихъ мѣстностяхъ имъ предоставлялось право забирать крестьянскіе участки въ счетъ недоимокъ, или упразднять тѣ хозяйства, которыя велись неисправно, безпорядочно, и такъ какъ судьей надъ этими хозяевами былъ тотъ же владѣлецъ, то ему не трудно было найти упущенія, оправдывающія по закону захватъ чужихъ земель" (стр. 212). Правительство и королевскія власти старались противодѣйствовать такому систематическому обезземеленію крестьянъ, но большая часть охранительныхъ мѣръ была парализована дружнымъ противодѣйствіемъ могущественнаго рыцарства и дворянскихъ ор-

деновъ, поддержанныхъ спеціалистами и учеными публицистами. Обезземеленіе крестьянъ, особенно въ славянскихъ земляхъ, происходило въ огромныхъ размѣрахъ. Въ Богеміи, послѣ гусситской войны, во владѣніе нѣмецкихъ дворянъ перешло около $^2/_3$ крестьянскихъ дворовъ, и не смотря на запрещеніе, выселеніе продолжалось массами во все царствованіе Леопольда I. Въ Помераніи и Сѣверной Пруссіи, въ теченіе XVII и XVIII столѣтій, помѣстья пріобрѣли нѣсколько сотъ тысячъ крестьянскихъ надѣловъ. Въ Даніи, Шлезвигѣ, Гольштейнѣ округленіе дворянскихъ вотчинъ шло такъ успѣшно, что въ 1700 году пространство ихъ оказалось въ 15 разъ болѣе, чѣмъ оно было въ XIII столѣтіи, $^9/_{10}$ всей территоріи принадлежали дворянству, и крестьянъ-собственниковъ оставалось въ Даніи всего 5,000 хозяевъ. Въ Мекленбургѣ изъ 12 т. домохозяевъ, числившихся по ревизіи 1628 г., оставалось въ 1724 году всего только 1953, а право выселенія крестьянъ и до сихъ поръ не отнято у рыцарства.

Вторая главнѣйшая мѣра состояла въ томъ, что дробные черезполосные участки постепенно сводились въ сплошныя дачи, въ окружныя межи, и закрѣплялись преемственно не только въ дворянскихъ родахъ, но и въ крестьянскихъ семействахъ.

Прежде всего общинныя земли подверглись разверстанію. Эти земли были въ Германіи не то, что у насъ. Онѣ составляли не коренное владѣніе, а придаточное къ подворнымъ участкамъ. Въ общинномъ владѣніи состояли только пустыя и дикія земли; члены сельскихъ обществъ не были равноправны по землевладѣнію, но подраздѣлялись на нѣсколько разрядовъ, четыре или пять, изъ которыхъ высшіе, тяглые и полутяглые крестьяне, владѣли пашней и лугами подворно и пользовались общинными выгонами и лѣсами пропорціонально числу скота, или печей и дымовъ. Наконецъ, общинныя земли служили пріютомъ и единственнымъ средствомъ пропитанія для низшихъ разрядовъ крестьянъ, которымъ не полагалось участковаго надѣла и которые на этихъ запольныхъ пустошахъ прокармливали себя и свою скотину. По этимъ особенностямъ германскаго общиннаго землевладѣнія разверстаніе общинныхъ земель имѣло характеръ тяжбы между полными и болѣе или менѣе зажиточными крестьянами и бѣднѣйшими деревенскими обывателями. Первые чрезъ разверстаніе избавлялись отъ неудобнаго сожительства и сообщества съ своими бѣдными односельцами, вторые же лишались послѣднихъ средствъ пропитанія. Община чрезъ это расторгалась: зажиточные крестьяне находили прямую свою выгоду въ разверстаніи общинныхъ угодій, проводимомъ помѣщиками, и поддерживали ихъ въ этомъ всѣми силами. Такое разверстаніе началось во многихъ странахъ Германіи съ половины XVIII вѣка. Первые опыты были нерѣшительные; это были только правила, облегчавшія выходъ изъ обществъ и имѣвшія въ виду населеніе пустыхъ земель. Раздѣлу подлежали только сельскіе выгоны и пустыри, если они лежали впустѣ и не воздѣлывались правильнымъ образомъ. Кромѣ того, разверстаніе или выдѣлъ зависѣли, повидимому, отъ добровольнаго соглашенія; но въ общинномъ владѣніи участвовалъ и владѣлецъ-помѣщикъ, который былъ и судьей въ дѣлахъ общины, и начальникомъ сельскаго округа. Понятно, что дѣло рѣшалось въ видахъ его собственныхъ пользъ и выгодъ. Администраціи предоставлялась въ дѣлахъ этого рода не принудительная, но побудительная власть. Разсматривая предложенія и проекты разверстанія общинныхъ земель и признавая его необходимымъ, она могла требовать его обязательно. Эти косвенныя мѣры имѣли такое же дѣйствіе, какъ и принудительное разверстаніе: дѣло всегда рѣшалось въ пользу вліятельныхъ и крупныхъ собственниковъ.

Съ начала XIX вѣка, стали появляться нѣкоторыя сомнѣнія въ пользѣ принудительнаго раздѣла. Въ разныхъ законоположеніяхъ проводится правило, что разверстаніе рѣшается не иначе, какъ большинствомъ голосовъ, и отдѣльный выдѣлъ, по личному заявленію одинокихъ домохозяевъ, запрещенъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждены вопросы: слѣдуетъ ли при разверстаніи имѣть въ виду полное распоряженіе общины или только надѣленіе бѣдныхъ обывателей подворными участками, для улучшенія ихъ быта? Слѣдуетъ ли производить раздѣлъ между одними пашенными крестьянами, надѣленными землей, или между всѣми членами сельскаго общества? Эти два вопроса разрѣшены, большею частью, въ смыслѣ благопріятномъ для высшаго разряда крестьянъ. Имъ предоставлено полное вліяніе

на разверстаніе, съ отстраненіемъ низшихъ категорій обывателей. Тогда возникъ новый вопросъ: какъ производить раздѣлъ и разсчитывать доли между домохозяевами: по ровну ли на каждый дворъ, или по числу лошадей и скота во дворѣ, или по размѣрамъ землевладѣнія? Послѣ долгихъ колебаній, въ большей части нѣмецкихъ государствъ было принято правиломъ считать голоса при рѣшеніи вопроса о разверстаніи по простому большинству, или по большинству $^2/_3$ или $^3/_4$, но во всякомъ случаѣ не иначе, какъ если за этимъ большинствомъ состоитъ и большее количество земель.

IV.

Результатомъ уничтоженія общиннаго владѣнія и разверстанія общинныхъ земель въ Германіи было, съ одной стороны, улучшеніе быта крестьянъ-домохозяевъ и сельскаго хозяйства, а съ другой—быстрое уменьшеніе числа мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ. Въ восточныхъ областяхъ Пруссіи цѣнность и доходность общинныхъ угодій, отъ раздѣла ихъ на подворные участки, поднялась на 25%, въ Нассаускомъ герцогствѣ на 33%, въ Познанской провинціи даже на 50% и на 100%, и подворные участки стали крупнѣе, такъ что напр. въ Пруссіи они во многихъ мѣстахъ достигли размѣра 170—200 морг. (43—60 дес.). Но въ то же время число мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ сократилось въ Познанской провинціи на 25%; въ двухъ датскихъ округахъ, гдѣ считалось около 2,000 крестьянскихъ дворовъ, выселено при раздѣлѣ общественныхъ земель 350 хозяевъ и около 300 бобылей; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ число домохозяевъ уменьшилось въ семь разъ; есть примѣры, что вслѣдствіе разверстанія, изъ 227 дворовъ убыло 162 хозяйства и осталось только 65.

Такія экономическія послѣдствія обратили, наконецъ, на себя вниманіе правительства и ученыхъ. Въ Австріи (1848 г.) и Пруссіи (1847 г.) разверстаніе общинныхъ земель пріостановлено. Ученые экономисты, Кнаусъ, Летте, Штейнъ заявляли, что „общинныя земли доставляютъ бѣднѣйшимъ крестьянамъ нѣкоторыя насущныя средства пропитанія, что онѣ также могутъ служить для покрытія разныхъ общественныхъ расходовъ, которые удовлетворяются легче натурой, чѣмъ деньгами", и что во всякомъ случаѣ „раздѣлъ и распродажа этихъ угодій расплодили въ грозной пропорціи число бездомныхъ скитальцевъ, бродягъ и поденщиковъ" (стр. 220). Но уже было поздно. Аграрный переворотъ совершился, хозяйственныя связи нѣмецкихъ общинъ были порваны, и нѣсколько милліоновъ бѣднѣйшихъ сельскихъ обывателей выведены и выселены. Въ Даніи, еще въ 1806 году, половина общинныхъ земель была раздѣлена на подворные участки; въ Нассаускомъ герцогствѣ, въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, были разверстаны около $^2/_3$ всѣхъ селькихъ обществъ; въ Ганноверѣ, въ 1852 году, разверстаніе окончено почти по всему королевству; въ Пруссіи, въ 1860 году, окончены раздѣлы и регулированіе по 56 милл. моргеновъ; неподѣленныхъ общественныхъ земель оставалось 2.316,530 морг. Послѣдней мѣрой для регулированія поземельной собственности было размежеваніе черезполосныхъ владѣній. Въ Германіи эта мѣра обнимала не одни владѣльческія земли, какъ наше спеціальное размежеваніе, а господскіе и вмѣстѣ и крестьянскіе. Вопросъ о размежеваніи поднятъ въ 30-хъ годахъ и имѣлъ тоже, хотя косвенно, вліяніе на аграрныя условія сельскаго населенія, особливо тамъ, гдѣ принята была не нассауская, а прусская система. Разница ихъ состояла существенно въ томъ, что по прусской системѣ „мелкіе дѣлянки сбиваются, сводятся въ сплошные участки, въ окружныя дачи, по возможности прилегающія къ дворамъ и составляющія, вмѣстѣ съ усадьбами, цѣлое округленное владѣніе; полосы, лежавшія врознь, замыкаются въ единственныя урочища, скопляются въ цѣлыя поля. Черезполосное владѣніе, по этому положенію, вовсе прекращается, между тѣмъ какъ по другому, нассаускому, оно остается и только измѣняется въ нѣкоторыхъ наиболѣе стѣснительныхъ отношеніяхъ... Различіе этихъ двухъ системъ основано на различіи самаго порядка владѣнія въ двухъ краяхъ Германіи, восточномъ — саксонскомъ и западномъ — франкскомъ; въ первомъ, полевыя угодья и полосы были издревле приписаны къ дворамъ и хотя и лежали разсѣянно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, но составляли принадлежность усадьбы и переходили, вмѣстѣ съ ней, къ тому хозяину, который владѣлъ дворомъ или заоброчивалъ его отъ помѣщика; типъ, первообразъ крестьянскаго населенія въ саксонскихъ земляхъ былъ крестьянскій дворъ, окруженный сплошнымъ полевымъ участкомъ,

и прусское положеніе имѣло въ виду возстановить этотъ порядокъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ онъ былъ случайно нарушенъ. Въ франкскихъ земляхъ, по ту сторону Эльбы, полевыя угодья, „дѣлянки и полосы, огороды, нивы и пашни составляли владѣніе тоже наслѣдственное, но независимое отъ двора; они не были прикрѣплены къ нему, продавались врозь, и потому свободно переходили къ такимъ владѣльцамъ, которые не были приписаны къ селенію и не имѣли въ нихъ усадебной осѣдлости,—къ городскимъ обывателямъ, фабричнымъ работникамъ и разночинцамъ“ (стр. 224 и 225).

Регулированіе землевладѣнія шло въ Германіи одновременно и параллельно съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Оно находилось въ тѣснѣйшей связи съ описанными выше аграрными мѣропріятіями и вообще двигалось крайне медленно, вяло, нерѣшительно, и тормозилось всячески, отъ начала до конца, помѣстными классами. Освобожденіе крестьянъ началось здѣсь,—впрочемъ только номинально—въ 1702 г., съ эдикта прусскаго короля Фридриха I, который объявилъ вольными всѣхъ крестьянъ королевскихъ имуществъ; но повинности крестьянъ остались тѣ же, вотчинный судъ и расправа еще усилены. Такъ продолжалось до конца XVIII вѣка. Въ 1791 году, крѣпостные переименованы въ наслѣдственныхъ поданныхъ, запрещены жестокія тѣлесныя наказанія, но право наказанія оставлено за помѣщиками и имъ рекомендовано стараться „по возможности“ вводить опредѣленныя инвентарныя повинности, вмѣсто произвольной барщины. Прекращена крѣпостная зависимость въ Пруссіи лишь въ 1807, 1808 и 1811 годахъ, когда признано за крестьянами право собственности на землю, съ выкупомъ оброчныхъ и барщинныхъ повинностей. Но за то время, пока тянули этотъ вопросъ, помѣщики успѣли воспользоваться своими, еще не отмѣненными правами вотчиннаго суда и полиціи и завладѣли, по возможности, крестьянскими угодьями, округлили или расширили свои дачи. Выкупъ надѣловъ былъ существенно затрудненъ тѣмъ, что онъ объявленъ непремѣнно и во всѣхъ случаяхъ добровольнымъ, необязательнымъ и долженъ былъ производиться самими крестьянами, безъ пособія отъ казны. Выкупъ чрезъ это оттягивался, а между тѣмъ обезземеленіе бѣднѣйшихъ крестьянъ шло своимъ чередомъ.

Мирный ходъ помѣщичьяго самоуправленія прерванъ въ Германіи французской революціей 1848 года, которая заставила, волей-неволей, приступить къ дѣйствительному освобожденію крестьянъ съ правомъ собственности на земли и съ выкупомъ при помощи правительства. Но и тутъ выкупное дѣло шло не безъ нѣкоторыхъ перерывовъ и отсрочекъ.

Современное положеніе землевладѣнія и соціальныя отношенія землевладѣльцевъ въ Германіи представить довольно трудно. Всѣ высшіе и новѣйшіе авторитеты науки въ Германіи свидѣтельствуютъ, что настоящее значеніе произведенныхъ реформъ еще и теперь очень темно. Отмѣнены ли безъ изъятія и во всѣхъ краяхъ Германіи патримоніальный судъ и вотчинная полиція? Возстановлено ли для всѣхъ поземельныхъ имуществъ, или для нѣкоторыхъ, и какихъ именно, право свободной продажи и раздѣла? Выкуплены ли всѣ повинности и всѣ крестьянскіе участки, или часть ихъ еще остается въ обязательныхъ отношеніяхъ? Эти вопросы остаются безъ отвѣта (стр. 250). Послѣ каждой прогрессивной мѣры слѣдуютъ королевскіе эдикты, дополнительные законы, инструкціи и циркуляры министровъ, которыми мѣропріятія пріостанавливаются и старые порядки возстановляются, впредь до дальнѣйшихъ приказаній. Такимъ образомъ, поземельный бытъ въ этой странѣ еще и теперь находится въ переходномъ состояніи. Помѣстное сословіе, въ нѣкоторыхъ областяхъ Германіи, еще продолжаетъ, тихомолкомъ, пользоваться нѣкоторыми остатками прежнихъ вотчинныхъ правъ, насколько требуется для окончательнаго округленія помѣщичьихъ дачъ и вообще лучшаго устройства господскихъ хозяйствъ.

Вообще, теперешняя организація сельскаго населенія въ Германіи отличается отъ аграрнаго строя другихъ странъ тѣмъ, что рядомъ съ помѣстнымъ сословіемъ благородной крови сохранилось и крестьянское, что послѣднее устроилось на такихъ же твердыхъ и прочныхъ основахъ, какъ и первое, не исчезло безслѣдно, какъ въ Англіи, не обратилось въ бобыльское состояніе, какъ во Франціи, но посредствомъ многолѣтняго сортированія и исключенія бѣднѣйшихъ и слабѣйшихъ достигло въ наше время очень цвѣтущаго состоянія.

Особенность германской сельской организаціи состоитъ, какъ уже выше замѣчено, въ томъ, что вольное состояніе перенесено

отъ лица на имущество. Вся территорія, съ давнихъ временъ, раздѣлилась, какъ и сельскіе жители, на два класса, и сословная организація была закрѣплена землевладѣніемъ. Въ то же время, и также изстари, укоренилось, что для упроченія владѣнія необходимо заказать его за родами въ преемственномъ порядкѣ наслѣдованія. Правила такого заповѣднаго, вотчиннаго владѣнія распространены и на крестьянскіе дворы. Дворянскимъ маіоратнымъ имѣніямъ соотвѣтствовали крестьянскіе заказные дворы, которые также считались наслѣдственною собственностью крестьянскихъ семействъ и по общему правилу не подлежали раздѣлу, а переходили или къ старшему въ родѣ, или къ младшему, но всегда въ цѣломъ составѣ. Это и составило первую связь между дворянскимъ помѣстнымъ владѣніемъ и крестьянскимъ подворнымъ. У нихъ были общіе и одинаковые интересы. Правда, въ прежнія времена согласіе ихъ нарушалось насильственными дѣйствіями самовластныхъ вотчинниковъ; но въ XVIII вѣкѣ, когда нравы смягчились и государственная власть начала принимать мѣры къ огражденію крестьянъ, высшій ихъ разрядъ сталъ все ближе и ближе сходиться съ помѣстнымъ сословіемъ, отдѣляясь рѣзко отъ низшихъ разрядовъ односельцевъ.

Въ то время какъ въ коренной Пруссіи и въ другихъ сѣверо-восточныхъ областяхъ Германіи совершалась, такимъ образомъ, консолидація и централизація землевладѣнія, въ другой части Германіи, на Рейнѣ, французское владычество, разбивъ окончательно привилегіи дворянства, вводило, или, вѣрнѣе сказать, утверждало на законныхъ основаніяхъ другую, противоположную форму владѣнія—полную свободу отчужденія, дѣлимости и семейныхъ раздѣловъ. Оттого въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по освобожденіи Германіи отъ наполеоновскаго ига, въ ней оказались два аграрныхъ положенія, совершенно различныхъ: заповѣдное и маіоратное съ крупными вотчинами и крестьянскими дворами, и вольное, съ мелкими помѣстьями и подворными участками.

Которое изъ этихъ двухъ положеній лучше? Вопросъ этотъ поднятъ и обсуждается, раздѣляя защитниковъ той и другой системы на два противоположныхъ лагеря не только въ ученомъ, но и въ политическомъ мірѣ. Въ Пруссіи представлены оба эти аграрныхъ строя. Въ шести ея восточныхъ провинціяхъ существуетъ маіоратное владѣніе съ крупными крестьянскими дворами, въ Вестфаліи же и Прирейнскихъ провинціяхъ — вольное, съ мелкими подворными участками. Летте сравниваетъ Померанію и Рейнскую провинцію по отношенію къ землевладѣнію и наглядно представляетъ поразительную разницу между послѣдствіями того и другого аграрнаго строя. Площадь культурныхъ земель той и другой провинцій почти равная: въ Помераніи она составляетъ 12.345,400, въ Рейнской провинціи 10.486,800 моргеновъ. Между тѣмъ, всѣхъ владѣній, дворянскихъ и крестьянскихъ, числится въ первой 74,566, а во второй 686,275, такъ что въ первой на одного владѣльца приходится 166 морг. ($41^1/_3$ дес.), а во второй 15 морг. ($3^3/_4$ дес). Соотвѣтственно этому, крупныхъ землевладѣльцевъ гораздо больше въ Помераніи, а мелкихъ въ Рейнской провинціи. Такъ, имѣній болѣе 600 морг. въ Помераніи 2,275, а въ Рейнской провинціи 886; наоборотъ, имѣній менѣе 5 морг. ($1^1/_4$ дес.) въ Помераніи 24,677, а въ Рейнской провинціи 454,835. Послѣднихъ въ сравненіи съ первыми въ Помераніи больше только въ 10 слишкомъ разъ, а въ Рейнской провинціи въ 514 слишкомъ разъ.

Вообще же въ Пруссіи, изъ числа около 100 милл. морг. культурныхъ земель, 28.633,227 находится подъ дворянскими имѣніями, которыхъ числится 12,592, и 53.214,218 морг. подъ сельскими обществами, которыхъ всего 27,852. Этотъ результатъ, повидимому очень благопріятный для крестьянской собственности, представится въ другомъ свѣтѣ, если принять въ соображеніе размѣръ владѣній и отношеніе ихъ къ числу владѣльцевъ. Общее число послѣднихъ простирается до 2.141,730, и общее число владѣемой ими земли составляетъ 93.740,144 морг. Изъ этого числа, на долю владѣющихъ 12 и 2 морг., т.-е. 3 дес. и $^1/_2$ дес., приходится только 10.656,563, и число такихъ владѣльцевъ простирается до 1.716,653, остальные же 83.083,581 морг. находятся во владѣніи 425,077 владѣльцевъ. А между тѣмъ, по исчисленіямъ нѣмецкихъ писателей, minimum земельнаго надѣла, необходимаго для содержанія семейнаго домохозяина—30 морг. или $7^1/_2$ дес. на одинъ дворъ. Къ этому надо прибавить, что въ то время какъ число владѣній вообще увеличивается, приращеніе идетъ быстрѣе въ самыхъ крупныхъ и въ самыхъ мелкихъ владѣніяхъ, а число сред-

нихъ владѣній, напротивъ, уменьшается. Такія же неблагопріятныя для народной массы отношенія владѣнія замѣчаются болѣе или менѣе въ цѣлой Германіи, кромѣ бывшаго королевства Ганноверскаго, гдѣ дворянство владѣетъ только 5% полевыхъ угодій и 7% лѣсовъ. Здѣсь изъ 8 милл. моргеновъ 6 милл. принадлежатъ крестьянамъ и городскимъ обывателямъ, 1½ милл. казнѣ и только ½ милл. дворянамъ. Но самое неблагопріятное для крестьянства положеніе землевладѣнія находится въ герцогствѣ Мекленбургскомъ, гдѣ при полу-милліонномъ населеніи вся поземельная собственность принадлежитъ герцогу и тысячѣ землевладѣльцамъ; обязанныхъ поселянъ и оброчныхъ крестьянъ 15,369 семействъ, а все прочее сельское населеніе состоитъ изъ 29 тыс. семействъ безземельныхъ батраковъ и около 21 тыс. поденщиковъ и чернорабочихъ. Мекленбургскіе порядки представляютъ примѣръ, какіе результаты достигаются помѣстными сословіями, когда имъ предоставлена хозяйственная опека надъ низшими классами.

Что касается до числовыхъ отношеній землевладѣльцевъ къ земледѣльцамъ, то изъ сопоставленія и сравненія различныхъ статистическихъ свѣдѣній кн. Васильчиковъ выводитъ, что въ Пруссіи, до 1866 года, было всего сельскихъ жителей 8.399,700; изъ нихъ собственниками, въ полномъ смыслѣ, можно считать: дворянъ-помѣщиковъ, около 12 тыс., и полныхъ хозяевъ-крестьянъ, около 360 тыс., а съ семействами, полагая по 4 души на семейство, всего 1.488,000 душъ, затѣмъ прочихъ сельскихъ обывателей, малоимущихъ и вовсе безземельныхъ, оказывается 6.911,700. Изъ этого слѣдуетъ, что изъ 4-хъ человѣкъ только одинъ можетъ быть названъ землевладѣльцемъ, а трое или не имѣютъ вовсе поземельной собственности, или имѣютъ такъ мало, что должны прибѣгать къ другимъ занятіямъ.

Результатомъ аграрнаго развитія Германіи, приведшаго и здѣсь, какъ во всей западной Европѣ, къ обезземеленію сельскихъ массъ, было то, что оно совершилось не только въ пользу помѣстнаго сословія, но и къ выгодѣ тяглыхъ хозяевъ-крестьянъ, которые по размѣрамъ владѣнія и по способу веденія хозяйства ничѣмъ не отличаются отъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, подобно послѣднимъ держатъ батраковъ, нанимаютъ рабочихъ и сдаютъ земли въ аренду. „Улучшеніе ихъ быта несомнѣнно, и вліяніе этого многолюднаго класса зажиточныхъ домохозяевъ изъ простонародья имѣетъ и будетъ имѣть въ будущности громадное значеніе: сливаясь постепенно съ низшими разрядами дворянъ землевладѣльцевъ, участвуя наравнѣ съ ними въ выгодахъ сельскаго хозяйства, заинтересованные не менѣе рыцарства въ поддержаніи высокихъ цѣнъ на имущества и низкой платы за трудъ, они образуютъ передовой отрядъ охранительной партіи, едва ли не сильнѣйшій, чѣмъ главный корпусъ.

„Вліяніе ихъ на сельско-хозяйственную культуру безспорно благотворное. Въ то время, какъ въ Англіи всѣ земледѣльцы поголовно были вытѣснены изъ землевладѣнія и обращены въ пролетаріевъ, а во Франціи хлѣбопашцы постепенно, отъ семейныхъ раздѣловъ и вольной продажи, превращались въ огородниковъ и бобылей, въ Германіи были избѣгнуты обѣ эти крайности. Часть крестьянъ, не большая, но лучшая, была отдѣлена и спасена отъ разоренія; подворные участки этихъ крестьянъ были приняты, какъ и дворянскія помѣстныя, подъ особое покровительство закона, признаны нераздѣльными, заповѣдными имуществами и такимъ образомъ пріурочены къ рыцарскимъ фидеикомиссамъ по порядку владѣнія и единонаслѣдія.

„Порядки эти, очевидно, должны были способствовать улучшенію культуры, и такимъ образомъ, рядомъ и наравнѣ съ процвѣтающими господскими запашками и благороднымъ рыцарствомъ, образовались столь же благоустроенныя крестьянскія хозяйства и такое же твердое крестьянское сословіе.

„Отъ этихъ двухъ классовъ, которые вмѣстѣ составляютъ аристократическій элементъ современныхъ обществъ, отдѣляются далеко и глубоко сельскіе пролетаріи различныхъ наименованій.

„Они образуютъ, посреди новѣйшей культуры, безпорядочные слои сора и брака, оставшіеся неубранными при прочисткѣ господскихъ помѣстій,—прочисткѣ, произведенной по всѣмъ правиламъ раціональной агрономіи и политической экономіи; они дѣйствительно мѣшали прогрессу и улучшенію культуры; въ ихъ грязныхъ хижинахъ зарождались болѣзни, ихъ огороды загораживали выгоны и дороги, ихъ тощія коровы и свиньи паслись безъ присмотра, объѣдая молодую поросль лѣсовъ и травя смежныя поля; сами они занимались разными недозволительными промыслами: лѣсными поруб-

ками, полевыми потравами, конокрадствомъ и т. п. нарушеніями права собственности.

„Поэтому можно признать, что въ агрономическомъ и экономическомъ отношеніи обезземеленіе этихъ бѣднѣйшихъ и слабѣйшихъ сельскихъ обывателей принесло несомнѣнную пользу. Въ соціальномъ отношеніи оно породило большія опасности, предвѣстниками коихъ служатъ волненія и смуты новѣйшихъ временъ.

„Рознь сословій, антагонизмъ между собственниками и рабочими нигдѣ не поставлены въ такія непримиримыя условія, какъ въ нѣмецкихъ земляхъ; нигдѣ они не пустили такихъ глубокихъ и широкихъ корней.

„Въ Англіи сословіе землевладѣльцевъ такъ малочисленно, что они, рано или поздно, принуждены будутъ уступить и вѣроятно уступятъ дружелюбно требованію радикальной аграрной реформы; во Франціи крестьянское сословіе хотя и многолюдно (болѣе 3 милл. домохозяевъ), но малоземельно и владѣетъ всего 17% всѣхъ удобныхъ земель.

„Въ Пруссіи число крестьянъ собственниковъ меньше, около 1 милл., но они несравненно богаче и самостоятельнѣе, владѣя почти половиной государственной территоріи. Поэтому аграрные и соціальные вопросы имѣютъ въ Германіи другой характеръ, чѣмъ въ прочихъ государствахъ. Это не борьба между аристократическимъ и демократическимъ элементами, какъ въ Англіи, или между среднимъ сословіемъ (буржуазія) и пролетаріатомъ, какъ во Франціи, но семейная и домашняя распря внутри сельскихъ обществъ, между крестьянами, изъ коихъ старшіе братья надѣлены полными подворными участками, а младшіе нанимаются у нихъ въ батраки и чернорабочіе. Силы обѣихъ партій тоже ровнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ; въ матеріальномъ и денежномъ отношеніи тяглые домохозяева, вполнѣ обезпеченные и заинтересованные не менѣе помѣстнаго сословія въ поддержаніи нынѣшнихъ порядковъ землевладѣнія, составляютъ, вмѣстѣ съ дворянами-рыцарями, твердую, непоколебимую опору охранительной политики. Съ другой стороны, сельскіе пролетаріи по численности своей вдвое сильнѣе и, благодаря новѣйшимъ кредитныхъ учрежденіямъ, начинаютъ тоже запасать громадныя суммы изъ трудовыхъ своихъ сбереженій, стараясь, по сіе время безуспѣшно, но не безнадежно, выдти изъ наемной кабалы и пріобрѣсти себѣ гдѣ-либо какое-нибудь недвижимое имущество. Но цѣнность имуществъ ростетъ еще быстрѣе, чѣмъ рабочая плата и накопляющіяся отъ нея сбереженія, и исхода изъ этого смутнаго положенія не видно; видно только то, что въ нѣмецкихъ земляхъ народы раздѣляются на двѣ равныя и равносильныя половины, готовящіяся къ борьбѣ во всеоружіи матеріальныхъ и умственныхъ силъ" (стр. 283—285).

Мы не передали и сотой доли тѣхъ интересныхъ данныхъ и глубокихъ соображеній, которыми изобилуютъ первыя пять главъ сочиненія кн. Васильчикова; тѣмъ не менѣе изъ приведеннаго читатель составитъ себѣ довольно ясное понятіе о взглядѣ автора и главныхъ результатахъ его изслѣдованій. Они наводятъ на цѣлый рядъ мыслей. Читая книгу, невольно находишься подъ нравственнымъ обаяніемъ глубокаго убѣжденія, которымъ проникнутъ авторъ. Иначе и быть не можетъ: чѣмъ меньше у писателя личныхъ побужденій смотрѣть на дѣло съ той или другой точки зрѣнія, тѣмъ онъ внушаетъ больше довѣрія. Освобожденный отъ досадной заботы относить долю выводовъ къ сословнымъ и другимъ предразсудкамъ, къ личнымъ пристрастіямъ и антипатіямъ автора, читатель безраздѣльно отдается впечатлѣнію, производимому на него книгой. Это высокое наслажденіе мы испытали вполнѣ, читая сочиненіе кн. Васильчикова.

Но еще выше и глубже нравственное впечатлѣніе самихъ результатовъ изслѣдованія, тѣхъ выводовъ, къ которымъ пришелъ авторъ. Онъ ощупалъ, если можно такъ выразиться, становую жилу теперешняго соціальнаго строя западно-европейскихъ народовъ, указалъ на его коренной органическій порокъ, изъ котораго, какъ изъ главнаго источника, вытекаютъ всѣ недостатки и опасности, грозящія современнымъ европейскимъ государствамъ, подъѣдающія ихъ подъ корень. Въ продолженіе новой исторіи, когда просвѣщеніе, политическія свободы, либеральныя и гуманныя идеи получили полное развитіе и царили, казалось, прочно, бѣднѣйшія народныя массы были выгнаны изъ своихъ жилищъ, лишены клочка земли и крова въ пользу небольшого числа землевладѣльцевъ и во имя успѣховъ сельскаго хозяйства. Сельское хозяйство дѣйствительно развилось, вмѣстѣ съ народнымъ богатствомъ, до недосягаемой высоты; но такое принесеніе въ жертву бѣд-

наго существованія низшихъ слоевъ сельскихъ обывателей успѣхамъ земледѣлія и зажиточному меньшинству нарушило равновѣсіе общественнаго организма. Выброшенныя на улицу сельскія массы, обратившись въ бездомныхъ батраковъ и чернорабочихъ, образовали тотъ острый осадокъ западно-европейскихъ обществъ, который мѣшаетъ стройному ходу европейской жизни, вѣчно противъ него протестуетъ, вѣчно грозитъ ему разрушеніемъ, виситъ дамокловымъ мечомъ надъ несомнѣнными благами европейской цивилизаціи и ея блистательными многовѣковыми завоеваніями. Потомки когда-то обезземеленныхъ сельчанъ, прозябавшихъ мирно и спокойно въ своихъ жалкихъ лачугахъ, наполнили города, фабрики и великолѣпныя помѣстья и стали врагами существующихъ европейскихъ порядковъ. Это тѣнь Банко, которая возмущаетъ живыхъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ. Общественная неправда, совершенная предками, тяжко отзывается теперь на потомкахъ. Таковъ ходъ и результаты соціальнаго развитія европейскихъ государствъ. Это —лучшая иллюстрація евангельской заповѣди о любви къ ближнему, о состраданіи къ бѣдному, слабому, низко поставленному на общественной лѣстницѣ. Когда-то его немилосердно и несправедливо потревожили въ его низменномъ существованіи, — и вотъ изъ этого родилось великое зло и великая опасность для сильныхъ и богатыхъ.

Изгладятся ли когда-нибудь слѣды этой старинной неправды въ Европѣ, возвратится ли ей когда-нибудь внутренній миръ? Трудно рѣшить этотъ вопросъ, по крайней мѣрѣ теперь. Зла, ненависти накопилось слишкомъ много съ обѣихъ сторонъ, а вражда и ненависть не могутъ создать стройнаго общественнаго порядка, гармоніи общественныхъ элементовъ. Вотъ почему мы не ожидали бы ничего добраго отъ торжества разобиженныхъ, озлобленныхъ европейскихъ народныхъ массъ надъ капиталомъ и землевладѣніемъ, еслибъ такимъ торжествомъ, какъ многіе предвидятъ и предсказываютъ, должна была окончиться великая драма европейской исторіи. Только успѣхи знанія, ясное пониманіе положенія и взаимныхъ выгодъ враждующихъ элементовъ и великіе умы, великіе государственные таланты могутъ указать въ Европѣ средства ослабить вражду, прекратить опасную борьбу интересовъ, успокоить тѣнь Банко. Надъ этимъ теперь европейцы много думаютъ и работаютъ. Во всякомъ случаѣ, это есть главный, основной общественный вопросъ, къ которому теперь все сводится, которымъ ярко освѣщается настоящее и прошедшее европейскихъ государствъ. При такомъ освѣщеніи лихорадочный пульсъ европейской жизни, ея перевороты и революціи, ея стремленія и задачи, колоссальное развитіе ея богатствъ и промышленности, ея политическія и соціальныя партіи, ихъ знамена и программы, самое развитіе права, политическихъ и соціальныхъ ученій, — все это получаетъ иное значеніе, иной смыслъ, котораго прежде никто не замѣчалъ. Подъ вліяніемъ новаго воззрѣнія на ходъ и развитіе европейскихъ обществъ юридическимъ и политическимъ наукамъ предстоитъ такой же коренной переворотъ, какъ и соціальному строю Европы.

Книга кн. Васильчикова изслѣдуетъ развитіе землевладѣнія и земледѣлія съ этой новой точки зрѣнія, и въ этомъ смыслѣ авторъ безспорно примыкаетъ къ передовымъ мыслителямъ и ученымъ Европы: какъ писатель, принадлежащій странѣ, которая осталась непричастной неправдѣ обезземеленія бѣднѣйшихъ народныхъ массъ и всѣмъ ея послѣдствіямъ, кн. Васильчиковъ могъ свободно, безпристрастно взглянуть на положеніе и произнести ему строгій приговоръ, не стѣсняясь привычками и воспоминаніями, невольно и безсознательно связывающими мысль лучшихъ изъ европейцевъ. Что кн. Васильчиковъ вполнѣ воспользовался такимъ выгоднымъ положеніемъ, — въ этомъ заключается его великая заслуга не только передъ русскимъ, но и передъ европейскимъ обществомъ. Подъ его перомъ печальная правда разоблачается, либеральные, политическіе и ученые софизмы, за которыми она скрывалась, отпадаютъ, и всякому становится ясно, какъ день, откуда произошли тѣ потрясенія, которыя не даютъ Европѣ покоя и грозятъ обратиться въ хроническія.

Глубоко сочувствуя почтенному автору, вполнѣ раздѣляя основные его взгляды и его сочувствія, мы въ одномъ только позволимъ себѣ съ нимъ не согласиться. Онъ, какъ мы думаемъ, несправедливо приписываетъ европейскимъ владѣющимъ классамъ какую-то дальнозоркую, на цѣлые вѣка впередъ разсчитанную предумышленность въ обезземеленіи народныхъ массъ. Мы думаемъ, напротивъ, что выгоняя бѣднѣйшихъ сельчанъ изъ ихъ усадьбъ, европейскіе владѣющіе

классы слѣдовали отчасти внушеніямъ непосредственной неразумной корысти, отчасти же ошибочнымъ, близорукимъ понятіямъ о государственной и общественной пользѣ. Еслибъ высшіе классы были такъ дальновидны, какъ предполагаетъ князь Васильчиковъ, они, безъ сомнѣнія, предусмотрѣли бы весь вредъ и всю опасность ихъ способа дѣйствій для нихъ же самихъ. Помнится, еще знаменитый Нибуръ горько жаловался, что въ Виртембергѣ люди, съ наилучшими намѣреніями, разоряли крестьянъ. Дѣятелей первой французской революціи едва ли можно упрекнуть въ преднамѣренномъ желаніи зла народнымъ массамъ, а между тѣмъ, что́ же выиграло крестьянское землевладѣніе отъ переворота 1789 года? Что еще недавно успѣхи земледѣлія и промышленности ставились выше благосостоянія и самаго существованія сельскихъ обывателей, это очень прискорбно, но въ то же время и вполнѣ естественно. Такъ думали не одни алчные безсердечные пріобрѣтатели, но и люди вполнѣ просвѣщенные, весьма гуманные. Въ средніе вѣка, во времена возрожденія наукъ, даже ближе къ намъ, въ эпоху первой французской революціи, самые проницательные и свѣтлые умы были очень далеки отъ мысли, что человѣческое общежитіе есть нѣчто связное и стройное, нѣчто подобное организму, въ которомъ всѣ части находятся въ тѣснѣйшей зависимости одна отъ другой, что разстройство одной изъ этихъ частей роковымъ образомъ влечетъ за собою разстройство остальныхъ. Такой взглядъ, все болѣе и болѣе выясняющійся въ наше время, есть результатъ долгаго практическаго опыта, наблюденій и изслѣдованій. Чѣмъ меньше было у людей и народовъ опытности и знанія, тѣмъ больше и легче поддавались они дѣйствію непосредственныхъ, ближайшихъ мотивовъ и соображеній. Самоуправство, насиліе, хищничество были въ началѣ самыми обыкновенными явленіями; только впослѣдствіи они уступаютъ мѣсто правильнымъ юридическимъ отношеніямъ. И во всемъ такъ. Только вслѣдствіе опыта и знанія люди и народы отучаются слѣдовать непосредственнымъ побужденіямъ, подчиняются мало-помалу внушеніямъ болѣе далекихъ мотивовъ, выведенныхъ изъ длинныхъ и сложныхъ соображеній. Мы, русскіе, можемъ считать себя счастливыми, что у насъ крестьянское землевладѣніе поставлено совершенно иначе, чѣмъ въ Европѣ; но этимъ мы въ значительной степени обязаны тому обстоятельству, что, приступая къ крестьянской реформѣ, мы имѣли уже передъ глазами результаты чужой опытности. Благопріятныя историческія и другія условія только помогли намъ воспользоваться какъ слѣдуетъ опытами Европы; но было бы крайне ошибочно думать, что мы испоконъ вѣка сознательно готовились къ тому разрѣшенію вопроса крестьянскаго землевладѣнія, какое послѣдовало 19 февраля 1861 г., а европейцы такъ же сознательно и предумышленно подготовили его изстари въ смыслѣ обезземеленія сельскихъ народныхъ массъ. Ни люди, добившіеся въ Англіи великой хартіи свободъ, ни нѣмецкіе бароны и рыцари XVI вѣка совсѣмъ не расчитывали такъ далеко впередъ, да и не могли разсчитывать. Задача, поставленная безсмертными положеніями 19 февраля, и взгляды кн. Васильчикова—явленія совершенно новыя въ исторіи рода человѣческаго, плодъ горькихъ опытовъ и тяжкихъ разочарованій. Новые взгляды и новыя мѣропріятія — знаменія и предвѣстники новаго періода развитія, когда правда изъ идеальнаго постулата обратится въ насущную практическую необходимость, дѣятельная любовь къ ближнему — въ одно изъ основныхъ условій индивидуальнаго и общественнаго благополучія. Не будемъ же въ прошедшемъ взваливать вину на цѣлыя сословія. Въ каждомъ изъ нихъ было много людей негодныхъ, но еще больше непонимающихъ, или ошибочно смотрящихъ на дѣло. То, что было бы въ наше время невѣжествомъ или недобросовѣстностью, то казалось во время оно разумнымъ и справедливымъ, и люди могли тогда съ спокойной совѣстью и полнымъ убѣжденіемъ въ правотѣ дѣлать то, о чемъ мы теперь говоримъ съ ужасомъ и отвращеніемъ. Исторія, опытъ— великіе учители! Логика событій непреложно и неумолимо выводитъ всѣ послѣдствія всякой правды и неправды, отъ перваго и до послѣдняго, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, не щадя никого. Она, волей-неволей, рано или поздно, но неудержимо приводитъ людей и народы къ сознанію и водворенію въ жизни высшихъ началъ дѣятельной любви и живой правды. Въ этомъ и заключается великое утѣшеніе и глубокій поучительный смыслъ исторіи.

(Недѣля, 1877, №№ 26—29).

ПО ПОВОДУ КНИГИ ПРОФ. Ю. ЯНСОНА.

Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. Соч. Ю. Янсона. *Спб. 1877.*

Замѣчательный трудъ г. Янсона, на который мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе читателей, есть начало болѣе обширной статистической работы, посвященной землевладѣнію въ Россіи. Авторъ встрѣтилъ, при исполненіи своей задачи, существенныя затрудненія, вслѣдствіе неполноты, сбивчивости и противорѣчивости матеріала, надъ которымъ ему приходилось работать; поэтому проф. Янсонъ самъ смотритъ на свое изслѣдованіе какъ на первый опытъ, имѣющій вызвать другія подобныя же изслѣдованія, въ особенности мѣстныя, въ которыхъ чувствуется крайній недостатокъ. Вмѣстѣ съ незадолго передъ тѣмъ вышедшей книгой кн. Васильчикова: „Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ", изслѣдованіе проф. Янсона касается одного изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ, именно степени благосостоянія и обезпеченности крестьянскаго населенія въ Россіи. Окончательное разрѣшеніе этого вопроса, при почти младенческомъ состояніи хозяйственной статистики имперіи, очевидно не возможно, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что оба названные писателя бываютъ не согласны между собою даже въ фактахъ и приходятъ къ различнымъ выводамъ. Профессоръ Янсонъ находитъ, что крестьянскіе надѣлы, особливо бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, недостаточны для уплаты податей и повинностей и для покрытія необходимѣйшихъ издержекъ на существованіе; что выручка, доставляемая мѣстными и отхожими промыслами, къ которымъ крестьяне прибѣгаютъ, чтобы свести концы съ концами, вообще говоря, далеко не покрываетъ дефицитовъ крестьянскаго бюджета. Князь Васильчиковъ приходитъ тоже къ неутѣшительнымъ результатамъ относительно благосостоянія нашего сельскаго населенія, но не признаетъ, вообще говоря, размѣра земельныхъ надѣловъ слишкомъ малымъ, указываетъ на покупку крестьянами большихъ пространствъ земли, принадлежавшихъ помѣщикамъ, и одной изъ важныхъ причинъ неудовлетворительнаго хозяйственнаго положенія крестьянъ считаетъ крайне плохую обработку полей, небрежную уборку хлѣбовъ и хищническую эксплуатацію земли.

Несмотря на такія различія въ существенныхъ результатахъ, оба сочиненія составляютъ новое, весьма отрадное явленіе въ русской ученой литературѣ. Они выводятъ вопросъ о сельскомъ населеніи Россіи изъ неопредѣленной и туманной области полуфилософской публицистики и ставятъ его на реальную строго-научную почву. То же, на нашихъ глазахъ, произошло съ вопросомъ объ общинномъ землевладѣніи, и только съ тѣхъ поръ онъ началъ выясняться. Положеніе нашего сельскаго населенія не можетъ и не должно служить ареной для безплодной борьбы партій и воззрѣній: это предметъ государственнаго благоустройства, одинаково близкій всѣмъ взглядамъ и направленіямъ, тѣсно связанный съ интересами всѣхъ составныхъ элементовъ общества. Чѣмъ положеніе крестьянъ лучше, тѣмъ это выгоднѣе и полезнѣе и для государства, и для землевладѣльцевъ, крупныхъ и среднихъ, и для успѣховъ торговли и промышленности. Всѣ выигрываютъ, когда сельское населеніе по своей зажиточности и образованію, развивающему потребности благоустроенной жизни, представляютъ огромный рынокъ для сбыта, даетъ сильныхъ, способныхъ, добросовѣстныхъ солдатъ и рабочихъ въ имѣніяхъ и на фабрикахъ; когда же крестьяне бѣдны, неразвиты, и вслѣдствіе того, грубы и неумѣлы,—всѣ отъ этого терпятъ въ матеріальныхъ интересахъ, начиная съ государства и общества и оканчивая тѣми низшими слоями, которые непосредственно соприкасаются съ сельскою произ-

водительностью, Вотъ почему каждый, особливо у насъ, гдѣ сельчане такъ многочисленны, долженъ, по мѣрѣ силъ, всячески содѣйствовать въ своей сферѣ поднятію матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго уровня крестьянъ, тѣмъ болѣе что эта задача не легкая и можетъ быть успѣшно разрѣшена только при дружномъ усиліи всѣхъ и совокупнымъ дѣйствіемъ многихъ весьма разнообразныхъ и сложныхъ мѣръ, направленныхъ къ одной и той же цѣли. До сихъ поръ вниманіе законодательства и самого общества было, главнымъ образомъ, обращено или на предметы, относящіеся къ общему устроенію государства, или къ быту высшихъ и среднихъ элементовъ общественности. Положеніе 19 февраля 1861 года и послѣдующія правительственныя мѣры создали для сельскаго населенія твердую юридическую и хозяйственную почву и тѣмъ положили первое основаніе для дальнѣйшаго устройства сельчанъ. Большая часть того, что предстоитъ дѣлать, уже намѣчена, болѣе или менѣе ясно, въ различныхъ начинаніяхъ правительства и въ мысляхъ и желаніяхъ, выраженныхъ печатно въ нашей литературѣ и ежедневной прессѣ. Для улучшенія матеріальнаго положенія крестьянъ давно уже предлагаются, какъ мѣры наиболѣе цѣлесообразныя, облегченіе переселенія изъ густо населенныхъ мѣстностей, съ недостаточныхъ и дурного качества надѣловъ, на свободныя земли; серьезное облегченіе способовъ пріобрѣтенія крестьянами земли, устройствомъ доступнаго для нихъ кредита, введеніемъ ипотекарной системы, и преобразованіе нотаріата. Въ тѣхъ же видахъ улучшенія матеріальнаго быта сельскаго населенія единогласно указывается всѣми на коренное преобразованіе податной системы, на отмѣну паспортовъ, на облегченіе условій перемѣны мѣста постояннаго жительства и приписки.

Польза всѣхъ этихъ предположеній не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; но это еще не все: необходимо въ то же время принять дѣйствительныя мѣры для поднятія умственнаго и нравственнаго уровня сельскаго населенія. Теперь этотъ уровень, при несомнѣнныхъ природныхъ способностяхъ, бывалости и практической сметкѣ простыхъ русскихъ людей, представляетъ нѣчто весьма печальное. Крайне низкая степень культуры нашихъ крестьянъ есть подводный камень, о который разбиваются лучшія усилія, великодушнѣйшія начинанія. Не говоримъ о грамотности, которая потребна, какъ воздухъ, и необходимость которой сознается теперь почти всѣми: это лишь первая степень азбуки и всякаго дальнѣйшаго развитія. Но одна грамотность, сама по себѣ, еще ничего не даетъ народу. Умѣнье читать, писать, считать—служитъ только средствомъ для образованія. Съ каждымъ почти днемъ чувствуется все сильнѣе недостатокъ тѣхъ условій въ бытѣ нашего крестьянства, которыя одни были бы въ состояніи постепенно выработать и укоренить въ немъ болѣе нравственныя привычки, научить его правильнѣе пользоваться своимъ имуществомъ и данными наклонностями и предрасположеніями. Проповѣдь евангельской нравственности, во многихъ мѣстностяхъ Россіи, была бы и теперь неслыханною новостью для народа, въ понятіяхъ котораго церковная обрядность составляетъ всю суть христіанскаго правовѣрія. Еслибъ наше земское духовенство было лучше воспитано, лучше поставлено и имѣло больше простора въ своей дѣятельности, оно могло бы имѣть сильное и благотворное вліяніе на умственное воспитаніе народа, Рядомъ съ тѣмъ, правильная и прочная организація крестьянскаго суда послужила бы могущественнымъ средствомъ для поднятія народной нравственности. Крестьянскій судъ близко стоитъ къ сельскому населенію и потому имѣетъ на него огромное вліяніе. Къ сожалѣнію, эта существеннѣйшая и важнѣйшая сторона народной жизни, какъ и многое другое, до сихъ поръ разсматривается лишь съ публицистической и политической, а не съ практической и бытовой стороны, и разрѣшеніе вопроса о крестьянской юрисдикціи подвергается всѣмъ случайностямъ публицистическихъ воззрѣній. Наконецъ, благотворное воспитательное и развивающее дѣйствіе на крестьянъ имѣли бы приспособленныя къ ихъ привычкамъ и мѣстнымъ потребностямъ профессіональныя школы, которыя дали бы сельскому населенію возможность обучиться доступнымъ для него улучшеннымъ техническимъ пріемамъ по тѣмъ ремесламъ и производствамъ, которыми оно занимается по преданію, рутинно, не подвигаясь впередъ. Нѣтъ такого закоулка въ имперіи, гдѣ бы не существовало какихъ-нибудь мѣстныхъ производствъ. Профессіональныя мѣст-

ныя школы, прилаженныя къ мѣстнымъ потребностямъ, развили бы тѣ зачатки технической производительности, которые теперь чахнутъ, за недостаткомъ образца, ученія, руководства, сбыта. Въ мѣстностяхъ, гдѣ народъ почти исключительно занимается тѣми или другими отраслями земледѣлія, необходимы приспособленныя къ этимъ отраслямъ сельско-хозяйственныя школы, а также крестьянскія образцовыя хозяйства, на которыхъ и дѣти, и взрослые могли бы наглядно знакомиться съ усовершенствованными земледѣльческими орудіями, съ улучшенной культурой, съ правильнымъ сѣвооборотомъ, съ лучшими способами разведенія и содержанія скота, въ условіяхъ и размѣрахъ, примѣнимыхъ къ крестьянскимъ хозяйствамъ данныхъ мѣстностей. Разсѣянныя во множествѣ по селамъ и деревнямъ, такія образцовыя крестьянскія хозяйства, рядомъ съ земледѣльческими школами, быстро подняли бы земледѣліе между крестьянами и положили бы конецъ теперешней безобразной, хищнической эксплуатаціи земли. Въ тѣсной связи съ этими мѣрами для поднятія сельскаго хозяйства между крестьянами находится и правильное и практическое разрѣшеніе вновь поднятаго въ послѣднее время вопроса о крестьянскомъ общинномъ землевладѣніи. Эта форма поземельныхъ правъ, представляя лучшій способъ обезпеченія землею массы сельскаго населенія, требуетъ, въ подробностяхъ, ближайшихъ законодательныхъ опредѣленій и организаціи, съ цѣлью ближайшаго ея приспособленія къ потребностямъ улучшеннаго земледѣлія и сельскаго домоводства.

Обо всемъ этомъ много у насъ было говорено и писано, и не смотря на то, вопросъ объ устройствѣ сельскаго населенія все еще остается пока новымъ и мало изслѣдованнымъ. Онъ уяснится лишь тогда, когда писатели, подобные кн. Васильчикову и Янсону, будутъ имѣть подъ руками подробныя мѣстныя изслѣдованія, тщательно и добросовѣстно произведенныя по обдуманной и подробно выработанной программѣ. Число лицъ знающихъ и съ любовью и съ пониманіемъ занимающихся различными сторонами крестьянскаго быта у насъ, уже теперь довольно значительно и ростетъ изъ года въ годъ; поэтому теперь не трудно составить такую программу; произвести же по ней изслѣдованія хозяйственнаго быта крестьянъ могли бы на мѣстахъ земскія учрежденія, заинтересованныя въ нихъ прямо и непосредственно, а также частныя лица, каждое въ своемъ раіонѣ, ученыя общества и мѣстное сельское духовенство, близко знакомое съ сельскимъ бытомъ. Нужно только, чтобы эти работы велись по общему плану, не теряя изъ виду главной цѣли; мы же очень склонны расплываться въ подробностяхъ, мелочахъ, курьезахъ, и изъ-за нихъ забывать главное и существенное. Безъ подобныхъ работъ, сведенныхъ потомъ въ одно цѣлое, нельзя ступить шагу; безъ нихъ невозможны никакія ученыя изслѣдованія; всякія мѣропріятія, какую бы они благую цѣль ни преслѣдовали, будутъ безъ нихъ построены на воздухѣ, всякія разсужденія о дальнѣйшемъ направленіи крестьянскаго вопроса окажутся пустой болтовней и фантазіями.

Повторяемъ: съ каждымъ днемъ выясняется все болѣе и болѣе, что устройство крестьянскаго быта не есть предметъ философскихъ и публицистическихъ соображеній: это вопросъ положительной науки и государственнаго благоустройства. Поэтому въ правильномъ его разрѣшеніи, въ поднятіи государственнаго быта, заинтересованы всѣ безъ различія классы и сословія, люди всѣхъ партій и воззрѣній.

(Сѣверный Вѣстникъ, газета Е. Корша и Вл. Рычкова, 1877, № 21).

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ О ЗНАЧЕНІИ У НАСЪ КРЕСТЬЯНСКАГО ДѢЛА, ПРИЧИНАХЪ ЕГО УПАДКА И МѢРАХЪ КЪ ПОДНЯТІЮ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА И БЫТА ПОСЕЛЯНЪ. [1])

Давно и много жалуются у насъ на недостатокъ свободы печати, который существенно мѣшаетъ правильному и здоровому росту русской мысли, литературы, науки и искусства. Но ни въ чемъ этотъ недостатокъ не принесъ столько зла, какъ по крестьянскому вопросу. Благодаря невольнымъ умолчаніямъ, или совершенному молчанію, у насъ до сихъ поръ нѣтъ правильнаго, спокойнаго, безпристрастнаго взгляда на этотъ предметъ. Полезныя, вполнѣ безвредныя и безобидныя мысли не могли высказаться, а явно ошибочныя и пристрастныя, опровергаемыя всѣмъ ходомъ русской исторіи, наукой и опытомъ, чужимъ и нашимъ, напротивъ, пользовались въ печати совершенной свободой и высказывались подъ-часъ такъ откровенно и торжествующе, что невольно думалось, будто они пользуются, со стороны цензурнаго вѣдомства, особеннымъ благоволеніемъ и покровительствомъ. Такое предположеніе, конечно, было неосновательно; ему противорѣчило все наше законодательство, перестроившее, съ 1861 года, нашъ гражданскій бытъ; но разладъ между законодательною дѣятельностью и цензурными распоряженіями поддерживалъ недоумѣнія относительно истиннаго смысла и значенія крестьянскаго вопроса въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ было не спутаться, не сбиться съ толку, когда Положенія 1861 года 19 февраля и цѣлый рядъ послѣдующихъ преобразованій признали крестьянъ граждански свободными, а говорить въ печати съ сочувствіемъ о крестьянахъ считалось неблаговиднымъ, приводить доводы въ пользу общиннаго владѣнія, котораго великорусскіе крестьяне до сихъ поръ цѣпко держатся, было чуть-чуть не равнозначительно съ провозглашеніемъ коммунистическихъ теорій; доказывать, что крестьянскіе земельные надѣлы недостаточны, что лежащія на крестьянахъ подати и повинности обременительны, что необходимо допустить и организовать переселеніе крестьянъ изъ малоземельныхъ губерній — значило заявлять себя политически неблагонадежнымъ! Какъ было не помутиться взглядамъ, когда законодательные акты водворяли убѣжденіе, что свободное состояніе крестьянъ есть благо для русскаго государства, условіе его правильнаго развитія и процвѣтанія; а между тѣмъ, нельзя было ничего сказать въ подтвержденіе этого взгляда, и напротивъ, совершенно свободно высказывался и точно будто поощрялся въ печати взглядъ, что крестьяне — непробудные пьяницы, лѣнтяи, плуты и воры, съ которыми нельзя имѣть никакого дѣла; что помѣщичьи хозяйства пришли въ упадокъ отъ крайней недобросовѣстности нашихъ рабочихъ, съ которыми совершенно немыслимо сколько-нибудь правильное хозяйство!

Послѣдствія этихъ двухъ различныхъ теченій въ законодательствѣ и административныхъ распоряженіяхъ по дѣламъ печати были самыя горестныя. У огромнаго большинства владѣльцевъ, не сочувствовавшихъ отмѣнѣ крѣпостного права въ томъ видѣ, какъ оно совершилось, и у весьма значительнаго числа административнаго персонала, все болѣе и болѣе пополнявшагося недовольными этой реформой, возродилась, благодаря этому обстоятельству, надежда, что если новыя законоположенія и не будутъ

[1]) Настоящее изслѣдованіе появилось, первый разъ, въ видѣ ряда отдѣльныхъ статей въ „Вѣстникѣ Европы“ 1881 года. Предисловіе къ нему написано авторомъ еще въ январѣ 1881 г., а потому все сказанное имъ, въ связи съ современнымъ положеніемъ вещей, относится исключительно къ тому времени, т.-е. къ самому началу 1881 года. Отдѣльное изданіе дополнено отвѣтомъ автора на тѣ возраженія, которыя были вызваны въ печати первымъ появленіемъ его статей въ свѣтъ. Этотъ отвѣтъ помѣщенъ приложеніемъ—въ концѣ.

совершенно отмѣнены, то, по крайней мѣрѣ, на дѣлѣ будутъ допущены существенныя отступленія отъ ихъ духа и буквы. Горячія желанія и надежды такого рода, казалось, были не совсѣмъ напрасны. Гдѣ только можно было, Положенія 19 февраля и послѣдующія крестьянскія законоположенія примѣнялись не въ пользу крестьянъ, а въ пользу владѣльцевъ; укрѣпленіе за крестьянами земель, купленныхъ въ прежнее время на ихъ деньги, часто отклонялось подъ самыми ничтожными предлогами; надѣлы отводились, вопреки смыслу Положеній, къ невыгодѣ крестьянъ и къ выгодѣ владѣльцевъ, выкупные платежи и оброки взыскивались съ безпощадною и разорительною строгостью, причемъ не обращалось никакого вниманія на обстоятельства, дѣлавшія разсрочку или отсрочку не только справедливой, но и необходимой, въ видахъ сохраненія платежныхъ силъ крестьянъ на будущее время. Всякіе пріемы, съ цѣлью обмануть крестьянъ при отводѣ имъ надѣла, по возможности стѣснить ихъ, установить экономическую ихъ зависимость отъ владѣльцевъ, не только считались позволенными, но владѣльцы и управляющіе ими гордились и хвастали. Незамѣтное, почтенное меньшинство помѣщиковъ и должностныхъ лицъ, не сочувствовавшихъ такому обороту крестьянскаго дѣла, мало-по-малу устранились или были устранены отъ всякаго въ немъ участія.

Всего этого, разумѣется, никакъ нельзя было ни ожидать, ни предвидѣть, судя по началу разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Въ началѣ сангвиники и добродушные, непрактическіе идеалисты—сознаемся, и мы когда-то принадлежали къ ихъ числу—мечтали о томъ, что владѣльцы воспользуются отмѣной крѣпостного права для установленія иныхъ отношеній къ сельскому населенію, чѣмъ прежнія; что они горячо примутся за поднятіе умственнаго и нравственнаго уровня новыхъ гражданъ, помогутъ имъ стать твердой ногой посреди новыхъ условій быта и тѣснѣйшимъ образомъ свяжутъ свои интересы съ ихними. Такой способъ дѣйствій указывался самымъ ходомъ вещей, логикою событій; но, къ сожалѣнію, не таковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Въ дѣйствительности случилось то, чему, по состоянію нашей культуры, конечно, и слѣдовало быть. Огромное большинство владѣльцевъ, не обременяя себя заботой о будущемъ, не думая поступиться ни одной изъ прежнихъ своихъ привычекъ въ виду новыхъ обстоятельствъ, жило со дня на день, по возможности по старому, вело упорную и безплодную экономическую борьбу съ бывшими своими крѣпостными,—словомъ, дѣлало все то, что дѣлаютъ люди, не подготовленные солиднымъ образованіемъ, серьезною мыслью и дѣятельностью къ эрѣ новой гражданской жизни, которая наступила и которую все давно предсказывало.

Но изъ этого вышло коренное зло и для владѣльцевъ, и для крестьянъ. Тѣ и другіе обѣднѣли, множество ихъ разорилось въ конецъ. Владѣльцы и крестьяне могутъ, при новомъ порядкѣ дѣлъ, хорошо устроиться только при взаимной тѣсной связи и поддержкѣ. Они безпрестанно нуждаются во взаимной помощи, а это уже предполагаетъ тѣснѣйшую между ними связь и благорасположеніе. Всякому хозяйству нужны рабочіе; крестьянину, по его безграмотству, невѣжеству и бѣдности, нужны совѣтъ, помощь, поддержка, а часто и защита людей образованныхъ и вліятельныхъ, каковы, въ большинствѣ, владѣльцы имѣній. Маломальски устроенное хозяйство доставляетъ своими оборотами заработки окрестному сельскому населенію и представляетъ наглядный примѣръ правильныхъ хозяйственныхъ пріемовъ и порядковъ, которымъ большинству сельскаго населенія негдѣ больше и научиться. Такимъ образомъ, тѣсная нравственная и экономическая связь владѣльцевъ съ крестьянами есть одно изъ первыхъ условій нашего развитія и благосостоянія, безъ котораго они немыслимы или, по крайней мѣрѣ, должны замедлиться на многіе и многіе десятки лѣтъ. Но объ экономической и нравственной связи съ крестьянами большинство владѣльческаго сословія и не думало. Слѣпо и близоруко бросилось оно всячески наверстывать то, чего лишилось вслѣдствіе освобожденія, и тѣмъ поставило себя съ сосѣднимъ, бывшимъ крѣпостнымъ, населеніемъ въ натянутыя и холодныя, подъ-часъ прямо враждебныя отношенія. Результатомъ былъ упадокъ владѣльческихъ хозяйствъ. Множество владѣльцевъ побросали свои имѣнія и разбрелись по столицамъ или чужимъ краямъ. „Абсентеизмъ“ владѣльческаго сословія имѣлъ для провинціи, по изложеннымъ выше причинамъ, самыя печальныя

послѣдствія; но винить въ немъ однихъ крестьянъ и рабочихъ нельзя. Значительнѣйшая доля вины падаетъ на само владѣльческое сословіе, его неподготовленность къ новому порядку дѣлъ и къ серьезному, просвѣщенному и настойчивому труду.

Кромѣ этихъ причинъ, приведшихъ крестьянскую реформу совсѣмъ не къ тѣмъ послѣдствіямъ, на какія всѣ разсчитывали, была и другая,—именно, совершенное незнаніе, въ высшихъ административныхъ и интеллигентныхъ слояхъ русскаго общества, нашего сельскаго люда и, вслѣдствіе того, совершенно ошибочныя о немъ представленія. Практически у насъ знаютъ крестьянъ только тѣ, кто по необходимости и роду занятій находится съ ними въ болѣе или менѣе частыхъ дѣловыхъ сношеніяхъ, именно мѣстные помѣщики, низшее духовенство, военные, имѣющіе непосредственное дѣло съ солдатами, купцы, промышленники, уѣздные чиновники и т. п. Но въ этихъ слояхъ рѣдко кто старается осмыслить свести къ общимъ выводамъ свои наблюденія. Что же касается высшаго административнаго персонала и интеллигенціи, пополняемыхъ преимущественно людьми, живущими почти безвыѣздно въ столицахъ или за границей и имѣющими съ крестьянами лишь рѣдкія и случайныя сношенія, то этотъ слой общества почти ихъ не знаетъ и судитъ о нихъ лишь по отрывочнымъ впечатлѣніямъ или по словеснымъ и печатнымъ разсказамъ, которые, кстати замѣтить, сравнительно недавно серьезно занялись деревней и ея обитателями. Такой крайне скудный и недостаточный матеріалъ свѣдѣній дополняется и поясняется отчасти цвѣтами воображенія, отчасти представленіями о европейскихъ народныхъ массахъ. Но европейская литература и наука отчетливо различаютъ народъ городской и сельскій. Тамъ, гдѣ послѣдній не успѣлъ еще распуститься въ первомъ, тотъ и другой отличаются другъ отъ друга рѣзкими чертами и представляютъ въ психическомъ и соціальномъ отношеніяхъ особые, своеобразные типы, очень непохожіе другъ на друга. Европейцу и въ голову не придетъ смѣшать мужика-земледѣльца или кустаря съ городскимъ рабочимъ и пролетаріемъ; мы же, въ большинствѣ случаевъ, мало обращаемъ вниманія на это различіе. Говоря о народѣ въ Европѣ, мы обыкновенно имѣемъ въ виду городское населеніе — главнаго дѣятеля современной западно-европейской исторіи, который придалъ свой характеръ и свою печать всему теперешнему быту западной Европы. Но положеніе тамошнихъ дѣлъ, смотря по взгляду, возбуждаетъ у насъ, какъ извѣстно, или самыя глубокія, искреннія сочувствія и свѣтлыя надежды въ будущемъ, или, напротивъ, внушаетъ ужасъ, отвращеніе, и наводитъ на мрачныя мысли и предчувствія. Прибавимъ къ этому поверхностное знакомство съ русской исторіей, которую, правду сказать, и до сихъ поръ нельзя ни узнать, ни въ особенности понять изъ книгъ, не смотря на то, что ею теперь много и усердно занимаются. Каковы же могутъ быть, при такихъ условіяхъ, наши взгляды на крестьянство и наши понятія о русскомъ простомъ народѣ? Они поражаютъ своею фантастичностью и нелѣпостью. Что для владѣльцевъ, которые не съумѣли поладить съ мужиками и вслѣдствіе того разорились, сельскій людъ представляется какимъ-то извергомъ, отребьемъ рода человѣческаго, лишеннымъ всякихъ понятій о законѣ, нравственности, справедливости и долгѣ—это, положимъ, понятно. Въ нихъ говоритъ страсть, злоба. Но послушайте друзей и враговъ крестьянства по принципу — и у васъ невольно руки опустятся. Они, какъ есть, ничего не понимаютъ въ мужикѣ!

Для однихъ наши крестьяне чуть-чуть не аркадскіе пастушки. Эти друзья крестьянъ добродушно переносятъ въ село и деревню сцены изъ „Жизни за Царя“ и театральные дивертисменты. Приторную фальшь и маниловщину этихъ представленій обильно питаютъ иллюстраціи и дѣтская литература. Добрые люди, составившіе себѣ идиллическія представленія о деревенскихъ Вахромѣяхъ и Маланьяхъ, горько разочаровываются, приходя въ соприкосновеніе съ дѣйствительнымъ сельскимъ людомъ, и зачастую быстро превращаются въ ярыхъ его ненавистниковъ и презирателей. А кто въ этомъ виноватъ? Ужъ конечно не крестьяне.

Другіе, изъ самыхъ почтенныхъ побужденій, переносятъ на крестьянъ всѣ самые свѣтлые и высокіе идеалы человѣческаго совершенства. Правда, сознаются они, во внѣшнихъ своихъ формахъ, въ бытовыхъ условіяхъ и отношеніяхъ, крестьяне не всегда выказываютъ сокровища, сокрытыя въ ихъ нравственной природѣ; но формы, условія и отношенія — одна внѣшняя формальность,

дѣло наживное и потому не особенно важное. Важно сердце, умъ, душа,—а они у крестьянъ самыя идеальныя, неподражаемыя, превосходныя. Многіе изъ поборниковъ такихъ воззрѣній, въ пламенномъ энтузіазмѣ, восклицаютъ: не у насъ, образованныхъ людей, учиться крестьянамъ, а намъ у нихъ! Но даже при самомъ невыгодномъ понятіи о нравственности образованныхъ слоевъ нашего общества, нельзя согласиться съ такимъ взглядомъ, сколько бы мы ни приводили въ своемъ умѣ и совѣсти смягчающихъ обстоятельствъ въ пользу сельскаго люда. Некрасива нравственность нашего, такъ-называемаго, культурнаго слоя и интеллигенціи; да не красива же она, надо сказать, и у нашихъ крестьянъ. Обѣ хуже! Самое дурное то, что за такими туманными сентенціями, неизвѣстно къ чему именно относящимися, обыкновенно, всего чаще безсознательно, скрывается желаніе возвести въ идеалъ формы быта, воззрѣній и отношеній, которыя роковымъ ходомъ развитія и исторіи осуждены пер継родиться и уступить мѣсто другимъ. Возьмемъ, для примѣра, хоть воспѣтый поэтами и прославленный моралистами патріархальный бытъ многочисленныхъ семей, подъ властью одного престарѣлаго и почтеннаго домохозяина. Слова нѣтъ, эта форма быта, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, можетъ быть идеально-прекрасной. Но вѣдь мы знаемъ изъ тычячи наблюденій, что она имѣетъ свое начало и свой конецъ. Неизбѣжная вездѣ индивидуализація разрушаетъ ее, рано или поздно, и создаетъ на ея мѣстѣ бытъ, построенный на индивидуальной самостоятельности людей. Какъ все на свѣтѣ, послѣдній имѣетъ свои несомнѣнныя достоинства и свои, столько же несомнѣнные органическіе недостатки. Въ своемъ родѣ, бытъ, построенный на индивидуализмѣ, можетъ быть, такъ же хорошъ, какъ патріархальный, когда люди стоятъ высоко въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Смотря на вещи просто, надо, когда одна форма быта падаетъ, а другая нарождается, напрягать всѣ силы, чтобы переходъ совершился по возможности правильнѣй, постепеннѣй, безъ скачковъ и перерывовъ, тягостныхъ и вредныхъ для роста общества. Но разъ извѣстныя формы быта и воззрѣній признаются нами идеальными, мы невольно относимся равнодушно или отрицательно и даже враждебно ко всѣмъ другимъ, и вмѣсто того, чтобы приготовиться, какъ слѣдуетъ, къ новымъ условіямъ существованія, остаемся при идеальномъ созерцаніи того, что ушло или уходитъ и никогда болѣе не возвратится.

Но самый обыкновенный и распространенный у насъ взглядъ на нашъ сельскій людъ есть тотъ, который, сознательно или безсознательно, переноситъ на крестьянина европейское понятіе о простомъ народѣ; а подъ нимъ обыкновенно подразумѣваются жители городовъ и городскіе рабочіе. Въ Европѣ такое понятіе совершенно естественно. Тамъ весь бытъ опредѣлился по городскому типу и подъ его вліяніемъ: типъ сельчанина удаленъ на второй планъ и не играетъ роли. У насъ такое понятіе, въ примѣненіи къ народнымъ массамъ, не имѣетъ смысла; а между тѣмъ оно-то и лежитъ въ основаніи взглядовъ, разсужденій и выводовъ огромнаго большинства образованныхъ и мыслящихъ людей и служитъ исходной точкой законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій. По этому взгляду предполагается, что большинство нашихъ крестьянъ не только грамотны, но и имѣютъ нѣкоторый достатокъ, что они не только знаютъ свои права, но и вполнѣ способны цѣпко за нихъ держаться и ихъ защищать въ случаѣ нарушенія; что имъ, слѣдовательно, не только не нужна опека, но подобно всѣмъ прочимъ классамъ и сословіямъ, не нужны ни поддержка, ни покровительство. Но отсюда вотъ что произошло:

— До освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного права и правительственной опеки у нихъ были свои защитники въ лицѣ помѣщиковъ, коронныхъ стряпчихъ и другихъ чиновниковъ. Теперь они совсѣмъ предоставлены собственнымъ силамъ, и имъ не къ кому обратиться за помощью и защитой.

— Прежде обѣднѣвшіе отъ малоземелья крестьяне переселялись помѣщиками и министерствомъ государственныхъ имуществъ въ многоземельныя губерніи, съ разными пособіями и льготами и съ устройствомъ ихъ на новыхъ мѣстахъ. Теперь забота объ этомъ снята и съ помѣщиковъ, и съ вѣдомствъ. Крестьяне могутъ устраиваться, при недостаткѣ земли, какъ знаютъ.

— Прежде на судѣ гражданскомъ и уголовномъ ихъ руководили и защищали помѣщики и чиновники, подъ опекой которыхъ они находились; теперь ихъ никто не руко-

водитъ и не защищаетъ. Они предоставлены исключительно однимъ своимъ силамъ и средствамъ. Особенно на судѣ гражданскомъ при господствующей теперь строго-состязательной формѣ судопроизводства, они, по бѣдности и невѣжеству, проигрываютъ процессы, въ которыхъ вся правда на ихъ сторонѣ, — и никому нѣтъ до того никакого дѣла.

— Прежде помѣщики и разныя вѣдомства, отъ которыхъ зависѣли крестьяне, старались, въ собственномъ интересѣ, о томъ, чтобы бремя податей и повинностей не было для нихъ слишкомъ обременительно. Теперь и до этого нѣтъ никому никакого дѣла, вслѣдствіе чего сборы съ крестьянъ съ 1861 года увеличились въ пять, въ шесть и болѣе разъ противъ прежняго.

— Прежде, въ случаѣ чрезвычайныхъ бѣдствій и нуждъ, какъ-то: наводненій, потери скота и лошадей отъ падежа или конокрадства, въ случаѣ разныхъ несчастій, постигавшихъ не цѣлый край, а одну деревню или одного домохозяина, крестьянамъ было къ кому обратиться за помощью. Теперь они получаютъ помощь только въ случаѣ общихъ пожарныхъ бѣдствій и голодухъ; когда же ихъ постигаютъ частныя невзгоды, разоряющія часто до тла, имъ не къ кому прибѣгнуть за помощью, и опять-таки никому нѣтъ никакого до нихъ дѣла.

Вотъ что̀ принесъ нашимъ крестьянамъ взглядъ на нихъ, какъ на гражданъ въ европейскомъ смыслѣ. Они получили всѣ гражданскія права и юродически свободны; а экономически они лишены всякой поддержки и помощи, и пришли въ худшее положеніе, чѣмъ были до отрѣзки надѣловъ, отнятія лѣсовъ и значительнаго возвышенія сборовъ и повинностей.

Знаемъ, что защита и помощь крестьянамъ, со стороны помѣщиковъ и чиновниковъ, были не Богъ вѣсть какія; знаемъ, что подъ предлогомъ покровительства надъ крестьянами совершались негодныя дѣла и творились большія злоупотребленія; знаемъ также, что помощью и защитой далеко не окупались стѣсненія и лишенія, которымъ крестьяне подвергались вслѣдствіе крѣпостной зависимости и административной опеки. Но все же помѣщики и вѣдомства были болѣе или менѣе заинтересованы въ томъ, чтобы крестьяне не были разорены въ конецъ,— первые хозяйственнымъ разсчетомъ, послѣднія—страхомъ суда и отвѣтственности. Главное же то, что въ законѣ возводилось въ принципъ, что экономическій бытъ крестьянъ требуетъ поддержки и помощи, что они должны быть оберегаемы и защищаемы. Но изъ новаго законодательства этотъ принципъ вычеркнутъ, и о немъ нѣтъ больше помину. „Думай и заботься самъ о себѣ, какъ хочешь; а если пропадешь—тѣмъ хуже для тебя",—вотъ девизъ новаго законодательства о крестьянахъ, выведенный послѣдовательно и логически правильно изъ представленія о нихъ, какъ о самостоятельныхъ и полноправныхъ гражданахъ въ европейскомъ смыслѣ. Кромѣ щеголеватой формы, оно, это представленіе, оказывалось и съ практической стороны очень удобнымъ. Во-первыхъ, оно совершенно освобождало администрацію отъ массы скучныхъ заботъ о сельскомъ населеніи; а во-вторыхъ, оно давало бывшимъ помѣщикамъ желанную возможность, безъ особеннаго труда и хлопотъ, замѣнить упраздненную юридическую зависимость крестьянъ зависимостью экономической, болѣе благовидной и на первый взглядъ болѣе выгодной, чѣмъ обветшалое, уродливое и до наивности простодушное крѣпостное право.

Взглядъ на нашъ сельскій людъ, какъ на простой народъ, чернь въ европейскомъ смыслѣ, имѣетъ у насъ тоже своихъ энтузіастовъ. Мы слыхали, что въ Европѣ чернь представляетъ безпокойную массу людей, недовольныхъ своимъ положеніемъ, готовыхъ, при малѣйшей искрѣ, обратиться въ огнедышащій волканъ, опасный для государства и существующихъ въ немъ порядковъ; что массы народныя—элементъ вѣчнаго движенія, которому, чтобъ удерживать его въ границахъ, необходимо притопоставить оплотъ консервативныхъ силъ, каковыми являются крупное землевладѣніе, капиталъ и высшая интеллигенція. Нашлись люди, которые цѣликомъ перенесли и это воззрѣніе на нашъ деревенскій людъ. На этомъ воззрѣніи построены, напримѣръ, удивительныя политическія комбинаціи генерала Фадѣева, въ книгѣ: „Чѣмъ намъ быть". По его мнѣнію, наше крестьянство—клокочущій кратеръ, готовый каждую минуту произвести взрывъ и разрушить нашъ политическій и гражданскій строй. До такихъ поразительныхъ нелѣпостей, сколько намъ извѣстно, никто еще у насъ не договаривался, за исключеніемъ только сотрудниковъ и покровителей газеты „Вѣсть". Ге-

нералу Фадѣеву принадлежитъ безспорно честь, что онъ, изъ ошибочной предпосылки, логически вывелъ ея крайнія послѣдствія. Зато, изъ той же предпосылки, были, съ тою же строгой логикой, выведены совсѣмъ другія крайнія послѣдствія, за что̀ мы поплатились нашими лучшими талантливѣйшими молодыми силами, цѣлымъ поколѣніемъ, погибшимъ жертвою иллюзій, одинаковыхъ, по исходной точкѣ, съ иллюзіями генерала Фадѣева. Невольно вспоминается при этомъ замѣчаніе И. С. Аксакова, обращенное много лѣтъ тому назадъ къ нашимъ консерваторамъ фадѣевскаго пошиба: „вы одѣлись въ бѣлый цвѣтъ; не удивляйтесь же и не сѣтуйте, что другіе наряжаются въ красный“. Въ самомъ дѣлѣ, въ основѣ тѣхъ и другихъ воззрѣній лежитъ одна и та же роковая ошибка. Благодаря ей, и ей одной, нашъ крестьянскій людъ, со времени его раскрѣпощенія, былъ забытъ, для него ничего не сдѣлалось, всевозможной его эксплуатаціи со всѣхъ сторонъ открытъ полный просторъ. Всѣ, имѣвшіе случай близко видѣть положеніе крестьянъ и смотрѣвшіе на вещи просто, съ горестью видѣли, какъ наши крестьяне быстро бѣднѣли, какъ число скота и лошадей у нихъ уменьшалось, и пашня приходила въ запустѣніе, какъ многіе изъ исправныхъ хозяевъ обращались въ бездомныхъ бродягъ. Объ этомъ крестьянскомъ горѣ твердилось ежедневно чуть ли не во всѣхъ газетахъ и во многихъ журналахъ, въ видѣ извѣстій, разсказовъ и повѣстей. Но тѣ, которые объ этомъ говорили и напоминали, считались пессимистами, раздувавшими частные случаи въ общенародное бѣдствіе,—кто знаетъ, можетъ быть, съ преступными цѣлями возбудить общую тревогу и вражду сословій! Такъ отыгрывались мы отъ бѣды, которая все росла и росла, разъѣдая бытъ крестьянъ, подтачивая подъ корень живые соки и силы государства. Наконецъ, зло, возростая, начало̀ мало-по-малу выступать въ такихъ явленіяхъ, значенія которыхъ ужъ никакъ нельзя было истолковать злонамѣренностью провинціальныхъ репортеровъ и столичныхъ литераторовъ. Неурожаи, повальныя болѣзни людей, падежи скота, распространеніе вредныхъ насѣкомыхъ, слабость, хилость молодыхъ людей, призываемыхъ къ отправленію воинской повинности, стали быстро переходить изъ случайныхъ фактовъ въ постоянные и періодическіе. Нынѣшній тяжелый годъ переполошилъ всѣхъ. Но открылъ ли онъ всѣмъ глаза? Въ этомъ позволительно сомнѣваться! Мы все еще смотримъ на указанныя невзгоды, какъ на случайныя явленія, приписываемъ ихъ разнымъ неблагопріятнымъ атмосферическимъ и другимъ подобнымъ условіямъ, и все надѣемся, авось, Богъ дастъ, они не повторятся въ будущемъ году, и все пойдетъ у насъ отлично! Но напрасны такія надежды! Не будучи пророкомъ, можно предсказать заранѣе, безъ ошибки, что пока нашъ взглядъ на крестьянъ, а съ нимъ и наши отношенія къ крестьянскому вопросу не измѣнятся кореннымъ образомъ, до тѣхъ поръ ничто у насъ не перемѣнится къ лучшему, напротивъ, все будетъ изъ года въ годъ идти хуже и хуже. Случайно выпадетъ порядочный урожай; но на одинъ такой урожай число слѣдующихъ за нимъ неурожаевъ будетъ все увеличиваться. И чѣмъ дальше мы будемъ откладывать рѣшительныя мѣры противъ органическаго недуга, который насъ гложетъ, тѣмъ труднѣе будетъ съ нимъ бороться. Съ случайнымъ недородомъ хлѣбовъ и бѣдствіями, которыя его сопровождаютъ, можно легко справиться въ странѣ богатой и экономически устроенной; но гдѣ онъ падаетъ на обѣднѣлый народъ и истощенную почву, тамъ дѣйствіе его сокрушительно: это все равно, что болѣзнь, постигающая надломленный и разслабленный организмъ.

Теперь, когда условія печати улучшились и говорить о сельскомъ населеніи съ участіемъ перестало, въ глазахъ подлежащей администраціи, считаться признакомъ превратнаго и опаснаго образа мыслей, крестьянскій вопросъ, какъ и слѣдовало, сразу занялъ въ печати одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Земства и экономическія общества занялись имъ тоже весьма серьёзно въ послѣднее время. Наконецъ, судя по нѣкоторымъ признакамъ, само правительство снова обратило на него особенное вниманіе. При такихъ обстоятельствахъ, можетъ быть, не безполезно будетъ сгруппировать и подвергнуть критической провѣркѣ какъ ходячія у насъ воззрѣнія на крестьянство, такъ и мѣры, предлагаемыя для поднятія и устройства у насъ крестьянскаго быта. Освѣтить настоящее значеніе у насъ крестьянскаго вопроса и установить правильную точку зрѣнія для его безпристрастной оцѣнки—это, по нашему глубокому убѣжденію, несравненно важнѣе, чѣмъ даже выработать рядъ мѣръ для его правильнаго

разрѣшенія. Пренебреженіе, въ которомъ этотъ вопросъ находился у насъ, къ несчастію, слишкомъ долго, и которымъ искусно воспользовались своекорыстіе и хищничество, къ очевидному вреду государства и всего населенія, было прежде и больше всего результатомъ совершенно ошибочнаго и превратнаго взгляда на сельскій людъ вообще и въ особенности у насъ. Мало того: мы не впадемъ въ преувеличеніе, утверждая, что добрая половина путаницы вообще въ нашихъ понятіяхъ, хаоса въ нашихъ головахъ относительно нашихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ и задачъ, имѣютъ свой источникъ, главнымъ образомъ, въ неясномъ или ошибочномъ пониманіи крестьянскаго вопроса, какъ онъ поставленъ исторіей въ Россіи. Поэтому теперъ самое время каждому, кто думалъ объ этомъ предметѣ, высказать свой взглядъ и отдать его на общее сужденіе. Пока у насъ не выработается опредѣленныхъ, ясныхъ понятій о крестьянствѣ и крестьянскомъ вопросѣ, до тѣхъ поръ мы будемъ, какъ доселѣ, шататься изъ стороны въ сторону, подвергая массы народа самому тяжелому, незаслуженному испытанію, а весь нашъ бытъ—весьма серьёзной опасности.

I.

Отношеніе крестьянскаго вопроса къ другимъ вопросамъ общественной жизни.

Желая опредѣлить вполнѣ значеніе у насъ крестьянскаго вопроса,—начнемъ съ общеизвѣстнаго и безспорнаго.

Каждый воленъ, въ оцѣнкѣ людей и вещей, слѣдовать своимъ взглядамъ и вкусамъ. Нравится мнѣ человѣкъ, или не нравится,—это мое личное дѣло, которое ни до кого, кромѣ меня, не касается. Мы же, совершенно по-дѣтски, ведемъ пространные споры о томъ, заслуживаетъ ли нашъ мужикъ любви, или не заслуживаетъ, добродѣтеленъ онъ, или порочень. Въ салонномъ разговорѣ эта матерія можетъ служить весьма удобной темой для остроумнѣйшаго фехтованія словами; но ни къ какому результату такіе споры, разумѣется, не ведутъ, потому что, въ концѣ-концовъ, любовь—дѣло личнаго вкуса, котораго ни доказать, ни оспорить нельзя.

Въ дѣловыхъ отношеніяхъ вопросъ ставится значительно иначе. Въ нихъ мы преслѣдуемъ извѣстныя цѣли. Барину нужна помощь мужика, мужику—помощь барина. Тутъ ужъ рѣчь вовсе не о томъ, нравятся ли они другъ другу, или не нравятся. Интересъ, практическая польза, которой добивается тотъ и другой, заставляютъ ихъ искать другъ друга и вступать во взаимныя сношенія, совершенно независимо отъ того, какія чувства они другъ къ другу питаютъ. Хороши они между собою—и отношенія между ними установляются легче, проще, льготнѣй для обѣихъ сторонъ; не вѣрятъ они другъ другу—отношенія между ними установляются осторожнѣй, труднѣй, формальнѣй, съ разными предусмотрительными оговорками. Но въ томъ и другомъ случаѣ, взаимная, хорошая или дурная оцѣнка, личные вкусы, расположеніе или нерасположеніе, въ разсчетъ не принимаются. Нуженъ человѣкъ, значитъ и надо вести съ нимъ дѣло, каковъ бы онъ ни былъ.

Далѣе. Каждый изъ насъ—членъ общества, государства. Кромѣ личныхъ, мы имѣемъ еще общественные и государственные интересы. При обсужденіи и соображеніи ихъ, мы еще менѣе, чѣмъ въ нашихъ практическихъ дѣлахъ, можемъ класть на вѣсы наши личные вкусы, наклонности и оцѣнки. Тутъ все дано, опредѣлено и обставлено заранѣе, и нашему личному усмотрѣнію не остается ни простора, ни мѣста. Нашей общественной и политической мысли предстоитъ разрѣшить задачу: какъ достигнуть возможнаго благополучія всѣхъ и каждаго при данныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ? Отъ себя мы не можемъ ничего придать при разрѣшеніи такой задачи. И цѣль ея дана: это—благополучіе не наше личное, а всѣхъ, какъ они сами его понимаютъ, а не мы за нихъ. Средства для достиженія цѣли тоже даны: это наличныя, дѣйствительныя, а не воображаемыя условія и обстоятельства, которыми мы можемъ орудовать. Задача, выходитъ, самая положительная, при разрѣшеніи которой каждый нашъ шагъ обусловленъ роковымъ образомъ, какъ дѣйствія врача у постели больного. Мы, конечно, можемъ при этомъ догадываться или предвидѣть, болѣе или менѣе ясно, что вслѣдствіе разрѣшенія задачи самыя условія и обстоятельства, съ которыми мы имѣемъ дѣло, измѣнятся, и на ихъ мѣстѣ создадутся другія; но тогда и вся постановка задачи будетъ совсѣмъ другая; теперь же

думать объ этомъ—праздная мечта; теперь, сегодня, намъ приходится считаться только съ тѣмъ, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло, съ настоящимъ, а не будущимъ, которое еще впереди и когда-то будетъ. Умъ, наука, логика забѣгаютъ далеко впередъ: это ихъ несомнѣнное и неотъемлемое право; но практическая постановка дѣла—нѣчто совсѣмъ другое; она связана по рукамъ и по ногамъ дѣйствительностью, настоящимъ, каково оно теперь. Кто этого не знаетъ, или знать не хочетъ, тотъ — фантазеръ и не сдѣлаетъ никакого дѣла, не подвинетъ его ни на шагъ, только замутитъ и испортитъ. Мало ли что можетъ быть хорошаго черезъ тысячу лѣтъ! Можетъ быть, къ тому времени у насъ будетъ такое же благорастворенiе воздуховъ, какъ въ южной Франціи или Италіи; но, вѣдь, изъ этого не разводить же намъ теперь апельсинныхъ и каштановыхъ деревъ въ тверской губерніи! Можетъ быть, къ тому времени наши природныя богатства и взаправду вскроются и станутъ намъ доступны; да сегодня-то они въ туманѣ, не принимаются никѣмъ къ учету, и мы—бѣдный народъ.

Условія, опредѣляющія жизнь общества, которыхъ оно перемѣнить не можетъ, должны составлять главнѣйшій интересъ всѣхъ его членовъ, отъ мала до велика; всякій изъ нихъ обязанъ, въ видахъ общественнаго самосохраненія, всячески его оберегать, холить и извлекать изъ него всевозможную общественную пользу. Мы на разные лады любуемся Англіей и англійскими порядками. И въ самомъ дѣлѣ, есть чѣмъ любоваться! Соціальныя условія этой страны самыя критическія: вся земля принадлежитъ небольшой кучкѣ людей, народныя массы не имѣютъ собственной поземельной осѣдлости. Для Англіи вопросъ жизни и смерти, чтобъ эти массы, висящія на воздухѣ, имѣли вдоволь работы и заработки, достаточные для поддержанія ихъ существованія. Оттого удержаніе въ своихъ рукахъ всемірной торговли, открытіе и обезпеченіе рынковъ для сбыта англійскихъ издѣлій не есть для Англіи дѣло вкуса, честолюбія или алчности, а насущная, кровная потребность, къ удовлетворенію которой направлены всѣ ея силы, вся ея политика. Трактаты, союзы, войны, завоеванія и захваты Англіи объясняются этой главной, національной ея заботой, которой приносится въ жертву все. Какъ ни враждуютъ между собою въ этой странѣ политическія партіи, но въ вопросѣ національнаго интереса онѣ совершенно между собою согласны и никогда не расходятся: національный интересъ служитъ имъ общей почвой; обереганіе его, какъ одного изъ условій существованія, составляетъ общую ихъ задачу, къ разрѣшенію которой онѣ только стремятся различными путями. Другіе европейскіе народы тоже имѣютъ, каждый свои, присные, кровные интересы, которые составляютъ, такъ сказать, центръ ихъ существованія, основной стимулъ ихъ внѣшней и внутренней дѣятельности; по этому камертону настроено у нихъ все. Нельзя, напримѣръ, не сказать, что въ настоящее время разноплеменная Австрія, съ преобладающимъ славянскимъ населеніемъ, вступила на путь національной политики, проглатывая новыя славянскія страны и принявшись, наконецъ, серьёзно за постепенное уравненіе въ правахъ славянъ съ прочими народностями. Такимъ же точно образомъ, каждое государство имѣетъ какой-нибудь свой кровный національный интересъ, которымъ и опредѣляется его жизнь и дѣятельность.

Какой же нашъ выдающійся, преобладающій національный интересъ, при неоднородномъ составѣ населенія и различной исторической судьбѣ многихъ изъ областей, вошедшихъ въ составъ русскаго государства? На этотъ вопросъ краснорѣчиво отвѣчаетъ статистика.

У насъ *восемьдесятъ* процентовъ населенія принадлежатъ къ крестьянскому сословію, и только двадцать приходится на всѣ остальныя сословія—дворянство, духовенство, купцовъ, горожанъ, служилый классъ и войско. Такъ по оффиціальной статистикѣ, которая относитъ людей къ тому или другому разряду по припискѣ; но крестьянъ должно быть еще больше, если принять въ соображеніе, что значительнѣйшая часть купечества, мѣщанъ, ремесленниковъ, приписанныхъ къ городамъ, и войско принадлежитъ тоже къ крестьянству по происхожденію, образу жизни, привычкамъ, понятіямъ и родственнымъ связямъ.

Чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе приведенныхъ цифръ, представимъ нѣкоторыя другія, ихъ поясняющія.

До отмѣны крѣпостного права, сельское населеніе составляло 82,5% всего населенія.

Въ 1870 году, въ 50-ти губерніяхъ евро-

нейской Россіи было всего жителей обоего пола 65,704,559. Изъ нихъ крестьянъ 52,845,456, т.-е. 80,4%. Колонистовъ 785,066, т.-е. 1,2%. Вмѣстѣ 81,6%.

Въ трехъ остзейскихъ губерніяхъ процентное отношеніе крестьянъ къ другимъ классамъ такое же, какъ въ остальныхъ губерніяхъ (80,4%).

Въ царствѣ польскомъ (въ 1876 г.) крестьяне составляли 83,26%; но въ дѣйствительности занимающихся сельскими промыслами было менѣе, примѣрно около 75—76%, такъ какъ въ 1869 году жители 327 городовъ перечислены въ сельское состояніе.

Въ великомъ княжествѣ финляндскомъ (въ 1875 г.) крестьяне составляли 86,2% всего населенія.

Въ области донскихъ казаковъ крестьяне (317,120) входятъ въ общій счетъ населенія имперіи и составляютъ 29,1% населенія области. Казачье сословіе (690,405 д.) составляетъ 63,5% всего населенія. Вмѣстѣ 96,6%. Но какой процентъ собственно земледѣльцевъ казачьяго сословія—неизвѣстно.

Военно-служащіе цѣлой имперіи, отправляющіе дѣйствительную службу, не входятъ въ приведенныя цифры. Они, примѣрно, составляютъ 1% слишкомъ общаго населенія.

Городскія сословія въ 1870 г. составляли 7,8%, а въ 1857 г.—7,2%. Стало быть, въ 13 лѣтъ прибыло 0,6%. Такое приращеніе ничтожно и легко объясняется приписокою къ городамъ дворовыхъ, которые, при крѣпостномъ правѣ, были записаны крестьянами.

Въ имперіи (не считая царства польскаго и великаго княжества финляндскаго) крестьяне имѣютъ въ своемъ владѣніи 121,140,000 десятинъ земли; дворянству и другимъ частнымъ владѣльцамъ принадлежатъ (за исключеніемъ крестьянскихъ надѣловъ) 99,000,000 десят. Слѣдовательно, на 22,140,000 дес. менѣе.

Въ царствѣ польскомъ крестьяне владѣютъ 4,716,347 дес., помѣщики—около 3,700,000 десятинъ.

Въ великомъ княжествѣ финляндскомъ у крестьянъ 20,200,000 гектаровъ (35/100 десятины), у помѣщиковъ 1,600,000 гектаровъ.

Опредѣлить процентное отношеніе сельскаго населенія къ другимъ въ различныхъ государствахъ, сравнительно съ Россіей, чрезвычайно трудно. Во-первыхъ, у насъ крестьяне исчисляются по припискѣ, въ другихъ государствахъ—по занятію земледѣліемъ; во-вторыхъ, тамъ иногда по занятіямъ распредѣляется все населеніе, иногда же одно производительное.

На *все населеніе* приходится занимающихся сельскимъ хозяйствомъ:

Въ Швеціи 55,3%; во Франціи 51,2%; въ Пруссіи 48,8%; въ Даніи 47%.

Въ Австріи *на все взрослое населеніе* приходится занимающихся сельскимъ хозяйствомъ 37%, въ Венгріи 32%.

Если же взять *одно производительное* населеніе, то изъ него сельскимъ хозяйствомъ занимаются:

Въ Великобританіи: въ Англіи 7,3%; въ Шотландіи 22,4%; въ Ирландіи 36,6%; во Франціи 13,7%; въ Пруссіи 17,6%; въ Италіи 32%; въ американскихъ Соединенныхъ Штатахъ 47,3%; (тамъ на 26 милліоновъ непроизводительнаго населенія приходится только 12½ милліоновъ производительнаго).

Сдѣлать точное сравненіе такихъ разнородныхъ данныхъ съ свѣдѣніями о сельскомъ населеніи Россіи, гдѣ счетъ ему ведется по другимъ началамъ, невозможно. Приблизительно, хотя въ большинствѣ случаевъ гадательно, сравненіе можетъ быть представлено въ слѣдующихъ цифрахъ:

Въ Россіи сельскимъ хозяйствомъ занимаются 80% всего населенія.

Въ Ирландіи 73%; въ Швеціи 55%; въ Италіи 54%; во Франціи 51%; въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ 50%; въ Даніи 47%; въ Шотландіи 45%; въ Австріи 44%; въ Венгріи 42%; въ Германіи 30%—40% (для всей Германіи точныхъ данныхъ нѣтъ); въ Англіи 15% [1]).

Эти цифры достаточно характеризуютъ русское государство, и если многіе зовутъ его, полушутя, полусерьёзно, „мужицкимъ царствомъ", то нельзя не согласиться, что такое названіе весьма мѣтко обозначаетъ Россію по ея наиболѣе характерному признаку. Англію, гдѣ сельчанъ почти совсѣмъ нѣтъ, никто и въ шутку не назоветъ мужицкой державой. Къ государствамъ западной Европы, гдѣ города и городскія сословія играли въ исторіи такую видную роль—и крестьянство совсѣмъ заслонено и отодвинуто на послѣдній планъ,

[1]) Всѣ приводимыя статистическія свѣдѣнія сообщены намъ профессоромъ Ю. Э. Янсономъ. Считаемъ пріятнѣйшимъ долгомъ выразить здѣсь глубоко уважаемому профессору сердечную благодарность за оказанныя намъ въ этомъ дѣлѣ содѣйствіе и помощь.

гдѣ горожане или равны ему, или превосходятъ его числомъ, точно также никакъ не шло бы это названіе. Во всей Европѣ оно идетъ только къ намъ, потому что имъ дѣйствительно опредѣляется наша особенность. Она представляется чрезвычайно знаменательной, если припомнимъ, что ни въ московскомъ государствѣ, ни въ развившейся изъ него Россійской имперіи, ни дворянство, ни церковь и духовенство, ни города и городскія сословія никогда не возвышались, какъ въ западной Европѣ, до степени политически-самостоятельныхъ факторовъ общественной и государственной жизни. Хорошо это или дурно — это другой вопросъ, но оно такъ, и съ этимъ волей-неволей надо помириться. Любимъ мы сельскій людъ, или не любимъ, мы не можемъ передѣлать или устранить тотъ фактъ, что онъ составляетъ у насъ подавляющее большинство населенія, передъ которымъ остальные классы или разряды представляются лишь исключеніемъ.

Какъ численно преобладающій элементъ, крестьянство, самымъ фактомъ своего существованія, должно имѣть огромное вліяніе на весь нашъ бытъ, на весь строй нашей общественной и государственной жизни и, слѣдовательно, составляетъ нашъ главнѣйшій національный интересъ, совершенно независимо отъ того, отвѣчаетъ ли оно нашимъ личнымъ симпатіямъ или нѣтъ, Центръ нашей національной жизни въ крестьянствѣ. Мыслящіе иностранцы, сколько-нибудь знакомые съ Россіей, понимаютъ это. Только для насъ самихъ это кажется еще сомнительнымъ вопросомъ, отъ котораго многіе очень желали бы отчураться ссылками на гражданственность, науку и исторію западной Европы. Но противъ реальнаго факта всякія заклинанія безсильны. Пока мы будемъ упорно отворачиваться отъ дѣйствительности и жить грёзами, наша во всѣхъ отношеніяхъ печальная жизнь будетъ становиться все печальнѣе, недоразумѣнія, опутывающія нашу мысль, будутъ рости, и мы, по прежнему, все будемъ ходить ощупью, наугадъ, терять время въ безплодныхъ попыткахъ передѣлать основныя черты нашей природы и терзать самихъ себя, не понимая, что дѣлаемъ, и тѣмъ доставлять внутреннимъ и внѣшнимъ плутамъ всѣ удобства обдѣлывать свои дѣлишки на нашъ счетъ.

Сильное преобладаніе въ нашемъ населеніи крестьянства не есть только статистическій фактъ, а основная причина своеобразныхъ особенностей, которыми нашъ общественный и государственный бытъ отличается отъ быта всей остальной Европы. Въ этомъ не трудно убѣдиться всякому, кто вдумывался въ различіе между населеніемъ городскимъ и сельскимъ.

Сельчаниномъ называется всякій, кто имѣетъ осѣдлость на извѣстномъ пространствѣ земли и занимается, хотя бы не исключительно, ея обработкой. У насъ большая часть крестьянъ нечерноземной полосы не занимается исключительно пашней; почти всѣ они имѣютъ отхожіе промыслы или работаютъ на фабрикахъ и заводахъ, или занимаются на мѣстахъ своей осѣдлости разными ремеслами въ видѣ подспорья къ разнообразнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, которыми кормятся и содержатся. Многіе промышляютъ ими на сторонѣ и цѣлыми годами не возращаются домой. Но семьи такихъ крестьянъ, старики, женщины и дѣти живутъ въ мѣстахъ осѣдлости, обрабатываютъ землю, хотя бы состоящую въ одномъ огородѣ и коноплянникѣ, а потому и сами они остаются крестьянами не по одному имени, но и на самомъ дѣлѣ. Ихъ тянетъ туда, гдѣ ихъ домъ и семья; сюда они отсылаютъ и несутъ свои заработки и сбереженія; въ это свое хозяйство они складываютъ свои зажитки и, рано или поздно, опять возвращаются въ свой дворъ на постоянное житье.

Совсѣмъ другое горожанинъ. Его осѣдлость не земля, а домъ въ городѣ. Онъ можетъ заниматься и сельскимъ промысломъ, но послѣдній есть лишь подспорье къ тому городскому промыслу, чаще всего ремеслу или торговлѣ, который составляетъ главный предметъ его занятій. Въ городѣ люди самыхъ различныхъ общественныхъ положеній, достатка и образованія, скучены вмѣстѣ, на небольшомъ пространствѣ, и находятся въ весьма частыхъ между собою сношеніяхъ. Односельцы тоже живутъ тѣсно вмѣстѣ и находятся между собою въ такихъ же частыхъ сношеніяхъ; но это—люди одного общественнаго положенія, нравовъ и привычекъ, одной общественной среды и притомъ постоянно одни и тѣ же; въ городѣ, напротивъ, сходятся люди различныхъ положеній и привычекъ и притомъ часто мѣняющіеся, новые, незнакомые другъ другу. Самая осѣдлость въ городѣ совсѣмь не то, что дере-

венская; въ деревнѣ осѣдлый—тотъ, кто имѣетъ въ своемъ постоянномъ владѣніи или пользованіи хотя бы самое крохотное пространство земли; городская осѣдлость, напротивъ, не предполагаетъ самостоятельнаго владѣнія или пользованія домомъ. Осѣдлымъ горожаниномъ считается всякій, кто долгое время живетъ въ одномъ и томъ же городѣ, хотя бы онъ не былъ домовладѣльцемъ и жилъ въ нанятомъ помѣщеніи или квартирѣ.

Эти различныя условія существованія сельчанъ и горожанъ проводятъ рѣзкія различія не только въ образѣ жизни, нравахъ и привычкахъ тѣхъ и другихъ, но и въ ихъ воззрѣніяхъ и въ цѣломъ ихъ умственномъ и нравственномъ складѣ. Горожанинъ — новаторъ, космополитъ; сельчанинъ, напротивъ, цѣпко держится за существующее, за преданіе. Горожанинъ считаетъ свое положеніе и свою фортуну дѣломъ собственныхъ усилій и труда; сельчанинъ далеко не такъ вѣритъ въ себя и яснѣе сознаетъ свою зависимость отъ внѣшнихъ обстоятельствъ; онъ гораздо больше горожанина чувствуетъ, что судьба его всегда виситъ на волоскѣ отъ событій, которыхъ человѣкъ отвратить не въ состояніи.

Въ этихъ различіяхъ сельскаго и городского работающаго населенія воспроизводятся ступени развитія человѣка. Онъ одною своею стороною весь въ природѣ, подчиненъ ея неизмѣннымъ законамъ; другою—онъ какъбы выдается изъ нея и въ значительной степени высвобождается изъ-подъ ея непосредственной власти. Преслѣдуя свои цѣли, онъ преобразуетъ данныя сочетанія природныхъ явленій и фактовъ сообразно съ своими нуждами и потребностями, и тѣмъ какъ-бы господствуетъ надъ нею своею мыслью, создаетъ въ ней то, чего она, помимо его, не даетъ. Въ этомъ смыслѣ горожанинъ гораздо болѣе, чѣмъ сельчанинъ, выражаетъ дѣятельную, творческую сторону человѣческой природы. Онъ несомнѣнно представляетъ въ природѣ принципъ движенія впередъ, открываетъ, прокладываетъ и освѣщаетъ путь улучшеній и усовершенствованій по всѣмъ направленіямъ. Городъ тянетъ за собою деревню на буксирѣ: такъ всегда было и всегда будетъ, по самому существу дѣла. Но какъ деревня, по своей природѣ, болѣе склонна къ косности, неподвижности, застою, такъ городъ, въ силу условій своего быта, склоненъ принимать отвлеченности за дѣйствительность, уноситься быстротою творческой мысли за предѣлы реальныхъ условій и въ нетерпѣливомъ преслѣдованіи идеаловъ пренебрегать тѣмъ, что есть, видѣть въ немъ только путы, мѣшающіе движенію впередъ. Вотъ почему и отсутствіе городского элемента, и его усиленіе насчетъ сельскаго—одинаково неблагопріятны для быта страны, хотя и въ противоположномъ смыслѣ. Какъ для отдѣльнаго человѣка, такъ и для цѣлаго государства чрезмѣрный застой и чрезмѣрное движеніе одинакоко вредны; только на правильномъ гармоническомъ ихъ распредѣленіи и сочетаніи покоится экономія жизни и силъ. Но въ дѣйствительности такого идеальнаго равновѣсія движенія и покоя нѣтъ, да его и быть не можетъ, гдѣ есть жизнь и развитіе. Вездѣ и всегда были, есть и будутъ колебанія, склоняющія вѣсы то въ ту, то въ другую сторону, и они-то и составляютъ животрепещущій интересъ существованія. Большее или меньшее преобладаніе городского или сельскаго элемента въ странѣ опредѣляетъ, такъ или иначе, весь его соціальный строй, независимо отъ степени культуры, которая имѣетъ свои законы развитія.

Все это давно подмѣтили и оцѣнили европейцы. Въ Германіи консервативная партія противопоставляетъ ненавистному ей городскому населенію либеральныхъ бюргеровъ и соціалистовъ-рабочихъ — сельское населеніе мужиковъ; одна изъ любимыхъ ихъ темъ—сочувственное отношеніе неограниченной монархической власти, даже австрійской въ Италіи, къ консервативному по своей натурѣ сельскому населенію. Эта власть,—говорятъ они,—ограждала сельчанъ отъ разлагающаго напора и хищничества горожанъ. Во Франціи приверженцы республики не разъ выражали сожалѣніе о томъ, что сельское населеніе было забыто республиканскимъ движеніемъ и отдано въ руки католическимъ попамъ. Въ странѣ, гдѣ политическая и общественная жизнь по преимуществу сложилась по городскому типу и развилась горожанами, такое признаніе весьма знаменательно и показываетъ, до какой степени, даже тамъ, удержалось и сильно до сихъ поръ различіе горожанъ и сельчанъ. Въ Швейцаріи сохранились и понынѣ живые слѣды и воспоминанія объ антагонизмѣ между селомъ и городомъ. Крестьяне швейцарскихъ кантоновъ, образованныхъ по вѣнскому трактату изъ земель,

подвластныхъ Берну, до сихъ поръ питаютъ къ нему большое нерасположенiе. Въ базельскомъ кантонѣ, въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтiя, неудовольствiе мужиковъ, подвластныхъ городу Базелю, разрѣшилось войной и раздѣленiемъ кантона на двѣ части: городскую Basel-Stadt и мужицкую Basel-Land, изъ которыхъ каждая имѣетъ особое управленiе. Такое же раздѣленiе существуетъ, если не ошибаемся, и въ кантонѣ Аппенцель. Но въ Европѣ, за очень малыми исключенiями, крестьянство затерто горожанами. Городской типъ и складъ тамъ преобладаютъ; по идеаламъ горожанъ созданы гражданское и политическое устройство и экономическiй бытъ. Европейскiй мiръ, въ этомъ смыслѣ, есть дальнѣйшее развитiе греко-римскаго мiра, который былъ по преимуществу мiромъ городовъ и горожанъ. Напротивъ, русское государство есть, по преимуществу, мiръ селъ и деревень. Городъ въ немъ никогда рѣзко не отличался отъ деревни и никогда не игралъ первенствующей роли.

Многiе убѣждены, что у насъ никогда не было самостоятельной культуры именно вслѣдствiе того, что ни одинъ изъ общественныхъ элементовъ, на которыхъ она покоилась въ древнемъ и новомъ европейскомъ мiрѣ,—церковь, высшее владѣльческое сословiе, городской патрицiатъ—не развились до политическаго значенiя. Но въ правѣ ли мы дѣлать такiе рѣшительные выводы изъ фактовъ, которые подаютъ только поводъ къ вопросу? Всемiрная исторiя еще не кончилась; мы не знаемъ, какiя новыя, небывалыя комбинацiи общественныхъ элементовъ она можетъ привести. Церковь, владѣльческiе классы, горожане внесли чрезвычайно много новаго въ развитiе человѣческаго рода, придали великимъ созданiямъ человѣческаго творчества по всѣмъ отраслямъ свой особенный характеръ и отпечатокъ. Одни сельчане были до сихъ поръ парiями рода человѣческаго, работали на другихъ, служили имъ подножiемъ и карiатидой. Заявлять себя они могли лишь случайно, отрывочно; но и по такимъ немногимъ заявленiямъ уже видно, что весь складъ сельскаго типа совсѣмъ другой, не похожiй ни на одинъ изъ тѣхъ различныхъ складовъ, которые до сихъ поръ играли роль въ исторiи. Изъ этого мы, съ большимъ основанiемъ, можемъ заключить, что страна, въ которой типъ сельчанина выступитъ, наконецъ, какъ одинъ изъ факторовъ общественности, необходимо представитъ собою новую, своеобразную формацiю, никогда еще небывалую, по той простой причинѣ, что никогда еще сельскiй элементъ не служилъ, такъ сказать, камертономъ общественной и государственной жизни, не былъ никогда центральнымъ фактомъ, опредѣляющимъ нацiональные интересы. Почему бы такая нацiональная комбинацiя не была возможна,—мы рѣшительно отказываемся понять. Не потому ли мысль о ней кажется нелѣпою, что мужикъ грубъ, пьетъ сивуху, живетъ подъ соломенной крышей, ѣстъ пушной хлѣбъ, ходитъ въ дерюгѣ и кожухѣ, носитъ лапти, что отъ него разитъ дегтемъ и лукомъ? Подобное соображенiе было бы ужъ черезъ-чуръ наивно! Не въ этомъ же заключается характеристика умственнаго и нравственнаго склада сельской массы. Въ Европѣ мужикъ далеко не таковъ, и у насъ культура его передѣлаетъ. Вспомнимъ, чтò были, въ среднiе вѣка, предки горожанъ, которые создали современную блестящую европейскую культуру, оттеревъ на заднiй планъ могущественную и гордую аристократiю, смотрѣвшую на нихъ свысока, презрительно, называвшую ихъ „ротюрьерами". Внѣшнiя формы, образованность, изящество—спутники довольства и приходятъ съ нимъ сами собою. Дѣло не въ этомъ, а въ томъ особенномъ складѣ ума, чувствъ, въ углѣ зрѣнiя, подъ которымъ человѣкъ смотритъ на окружающiй мiръ; а они у жителей селъ и деревень, при рѣзкомъ различiи городской и сельской жизни, не могутъ не быть иными, чѣмъ у горожанъ.

До какой степени городъ и деревня воспитываютъ различныхъ людей, видно даже на типахъ аристократiй. Древняя римская и старинная англiйская аристократiя, обѣ сначала земскiя, сельскiя, рѣзко отличаются отъ городского и торговаго патрицiата итальянскихъ республикъ, высшей французской буржуазiи и „хлопчато-бумажныхъ лордовъ" современной Англiи.

Скажутъ: почему же именно Россiя должна явить мiру невиданный и нигдѣ небывалый типъ сельскаго, деревенскаго государства? Не есть-ли это — утопiя, праздная и вздорная фантазiя не въ мѣру и не по заслугамъ раздутаго нацiональнаго самомнѣнiя? До сихъ поръ мы ничѣмъ не заявили себя мiру: развѣ это даетъ намъ право считать себя способными, впослѣдствiи, когда-нибудь, выступить представителями новой общественной формацiи?

Что мы непремѣнно выступимъ въ такой роли, за это, разумѣется, никакъ нельзя поручиться. Если мы и впередъ будемъ относиться къ себѣ такъ же неосмысленно, какъ до сихъ поръ, то гораздо вѣроятнѣе, напротивъ, что мы будемъ обойдены исторіей, и она разрѣшитъ задачи, поставленныя на очередь развитіемъ, въ какой-нибудь другой странѣ. Историческій процессъ ждать насъ, конечно, не станетъ. Какъ въ общественной жизни, такъ и въ исторіи правъ только тотъ, кто дѣйствуетъ во̀-время; а кто сидитъ сиднемъ и фантазируетъ, тотъ обходится и забывается безъ всякой жалости. Мы утверждаемъ только, что въ насъ есть данныя для разрѣшенія этой новой задачи, для осуществленія въ дѣйствительности новой комбинаціи общественныхъ элементовъ. На это, кромѣ статистическихъ фактовъ, есть не мало указаній и въ нашемъ отдаленномъ и ближайшемъ прошедшемъ.

Самый, на нашъ взглядъ, поразительный, это—московское государство. Что такое оно было въ сравненіи съ сильнымъ, славнымъ и богатымъ „великимъ господиномъ Новгородомъ"? Вотъ городъ лицомъ къ лицу съ первой грубой и неуклюжей формаціей мужицкаго царства на русской почвѣ. И оно, это царство, а не городъ взяло верхъ, послѣ долгой и тяжкой борьбы. Новгородъ былъ обезсиленъ чернымъ народомъ, который ходилъ жаловаться въ Москву: ему не было житья отъ городскихъ патриціевъ. Въ Псковѣ смердамъ тоже стало отъ нихъ не въ мочь: за все княженіе Ивана III они жаловались, что патриціи украли у нихъ какую-то грамоту.

Царствованіе двухъ Іоанновъ, послѣдняго изъ Рюриковичей, Бориса Годунова и смутное время далеко еще не разъяснены и ждутъ критической разработки; но уже по тому, что̀ выяснено, можно съ нѣкоторою вѣроятностью догадываться, что за весь этотъ длинный, тяжкій, кровавый періодъ, рѣшался вопросъ о томъ, идти ли намъ, въ устройствѣ нашихъ внутреннихъ порядковъ, путемъ, которымъ шли другіе народы, особливо ближайшіе наши западные и сѣверные сосѣди, или намъ суждено создать новый общественный складъ. Что передъ двумя Іоаннами, III и IV, носились идеалы особенной общественной формаціи, на это есть въ томъ, что мы уже знаемъ, недвусмысленныя указанія. Крестьянство смѣшало этихъ двухъ государей въ своихъ воспоминаніяхъ и прославляло подъ однимъ именемъ. Ихъ замыслы далеко опередили время, въ которое они жили; послѣдующая исторія показала, что то были лишь смутныя чаянія, инстинкты, выразившіеся, по тогдашней низкой культурѣ, въ самой грубой и дикой формѣ. Но та же послѣдующая исторія объясняетъ и смыслъ загадочныхъ событій XV и XVI вѣка.

Что притянуло къ намъ Малороссію? Казацкая старшина, если не вся, то значительная ея часть, склонялась своими привычками и сочувствіями къ Польшѣ: но чернь тяготѣла къ Москвѣ; она произвела слитіе обѣихъ странъ въ одно государство.

На нашихъ глазахъ волненія въ западной Россіи и Польшѣ прекратились только съ устройствомъ и обезпеченіемъ крестьянъ.

До 1861 года наше призваніе и роль въ исторіи могли еще заслоняться обманчивымъ видомъ крѣпостного права и построенныхъ на немъ учрежденій; но теперь ихъ уже ничто больше не заслоняетъ. Если мы ихъ и теперь не умѣемъ разглядѣть, то потому только, что не умѣемъ или не хотимъ вдуматься въ смыслъ исторіи и явленій современной жизни. Факты неудержимо и безповоротно направляютъ насъ на путь, указываемый главнымъ основнымъ условіемъ нашего соціальнаго существованія. Колеблясь ступить на этотъ путь твердо и сознательно, гоняясь за призраками, мы, въ ущербъ себѣ и нашимъ драгоцѣннѣйшимъ національнымъ интересамъ, только теряемъ даромъ время и, какъ показалъ горькій опытъ, плодимъ экономическія и нравственныя бѣдствія, съ которыми такъ трудно бороться.

Разбродъ мыслей, отсутствіе цѣлей въ жизни, умственная и нравственная дряблость, и ихъ всегдашніе спутники—страсть къ наживѣ и растлѣніе, парализующія въ зародышѣ всѣ лучшія и благороднѣйшія стремленія, овладѣли нами, давятъ насъ только потому, что мы не видимъ и не понимаемъ нашей задачи, не знаемъ, на чемъ сосредоточиться, около чего сгруппироваться, въ чемъ искать національныхъ интересовъ. Стоитъ понять, въ чемъ они заключаются, и наши силы перестанутъ бродить наугадъ, разсѣяваться въ тщетныхъ попыткахъ. Направленныя къ одной цѣли и задачѣ, онѣ оживутъ, осмыслятся и сольются въ одно стройное цѣлое. Мы вянемъ, оттого что не знаемъ, куда идти. И какъ намъ это узнать, когда мы сами себя обманываемъ, на

мѣсто дѣйствительныхъ фактовъ ставимъ фантазіи и, не вникая въ дѣйствительныя явленія, перетолковываемъ ихъ по нашей личной прихоти. Не обременяя себя задачей приладить нашу жизнь и дѣятельность къ тѣмъ условіямъ, которыя опредѣляютъ нашу національную физіономію, мы расплываемся въ общностяхъ и отвлеченностяхъ, кому какъ вздумается. Въ громадной сплошной деревнѣ, какова Россія (за исключеніемъ лишь ея окопечностей, имѣвшихъ свою исторію), можно встрѣтить всевозможныя воззрѣнія, но очень рѣдко тѣ, на которыя наталкиваетъ самый складъ русской жизни. На самыхъ разнообразныхъ поприщахъ дѣйствуютъ у насъ по большей части люди, не имѣющіе о деревнѣ ни малѣйшаго понятія, знающіе ее только по слухамъ да по доходамъ, которые она даетъ, или которыхъ не высылаетъ. Прислушайтесь къ тому, что зачастую говорится въ нашихъ образованныхъ и предержащихъ слояхъ о деревнѣ и ея обитателяхъ: это — какая-то нескладная амальгама ошибочныхъ представленій о русскихъ фактахъ, съ дурно понятыми выводами европейской науки и европейскаго опыта, нелѣпая смѣсь нижегородскаго съ французскимъ. И эта помѣсь незнанія съ фантазіей обращается у насъ въ регулятивъ и норму дѣйствительной жизни, служитъ мѣриломъ правильности или неправильности воззрѣній!

Смутное чувство нашей національной особенности, не осмысленное, не возведенное въ національный принципъ, ищетъ ее въ языкѣ и вѣрѣ, и мы истощаемся въ усиліяхъ водворить ихъ въ нашихъ окраинахъ. Но все наше прошедшее и недавнія событія въ Польшѣ и западномъ краѣ доказываютъ съ поразительной убѣдительностью, что тайна пріобщенія окраинъ къ русской жизни и государственному единству лежитъ не въ языкѣ и вѣрѣ, а въ обезпеченіи и упроченіи быта сельскаго населенія, численно преобладающаго во всѣхъ нашихъ провинціяхъ. Это мы до сихъ поръ безсознательно несли и несемъ съ собою всюду, и это надо возвести въ сознательный принципъ русской политики, предоставя каждому вѣрить чему онъ хочетъ и говорить на языкѣ или нарѣчіи, на какомъ говорили его отцы и дѣды, не огорчая никого въ томъ, что составляетъ самое интимное, самое присное въ жизни и бытѣ каждаго человѣка.

Многіе, пожалуй, увидятъ въ такомъ взглядѣ отреченіе отъ европейской культуры, насажденной у насъ съ такими усиліями и пожертвованіями. Но мы хотѣли бы знать, что общаго имѣетъ съ культурой тотъ или другой національный строй или складъ? Культура, какъ и наука, вѣра, торговля, промышленность, свобода—достояніе всего міра, космополитичны по своему существу; только формы ихъ, смотря по времени, степени развитія и обстоятельствамъ, различны. Чтобъ имѣть право считать сельскій складъ общественной и государственной жизни несовмѣстимымъ съ культурой, надо напередъ доказать, что есть вообще какой-нибудь складъ или строй, съ которымъ она не можетъ ужиться; а этого-то и нельзя никакъ доказать. Видѣть же въ указаніи на преобладающій русскій національный интересъ проповѣдь зипуна, лаптей и курной избы могутъ только любители низкопробнаго остроумія, съ которыми мы спорить не станемъ.

Но насмѣшки — Богъ бы съ ними! Всего хуже то, что тѣ, которые считаютъ крестьянскій вопросъ центральнымъ русскимъ вопросомъ, нужды, потребности и устройства крестьянства—важнѣйшимъ національнымъ русскимъ интересомъ, были зачислены въ ярые демократы, въ разрушители государственныхъ основъ, въ опасные революціонеры, словомъ, въ „красные“, по жаргону еще недавно очень распространенному въ извѣстныхъ слояхъ,— и лишены всякой возможности объясниться. Что же, однако, есть справедливаго въ такихъ обвиненіяхъ?

Формулируются эти обвиненія такъ: народныя массы въ Европѣ составляютъ элементъ безпокойства, волненія и разрушенія. Отъ нихъ плохо спится и правительствамъ, и образованнымъ, достаточнымъ классамъ. Вы, говорятъ намъ, считаете народныя массы нашимъ первенствующимъ національнымъ интересомъ. Кто же вы, какъ не демократы и революціонеры?

Выше мы старались показать, что вся эта аргументація покоится на самомъ странномъ смѣшеніи словъ и понятій. Подъ безпокойными народными массами въ Европѣ разумѣютъ безземельныхъ рабочихъ и пролетаріевъ, которые, дѣйствительно, составляютъ элементъ броженія и готовую армію недовольныхъ своимъ положеніемъ. Да и было бы странно, еслибъ они были имъ довольны и спокойны. Но у насъ подъ народными массами разумѣются осѣдлые крестьяне, которые въ самой Европѣ считаются спокойнѣйшимъ

и консервативнѣйшимъ слоемъ общества, нисколько непохожимъ на классъ рабочихъ. Это доказывается тѣмъ, что вся партія консерваторовъ, юнкеровъ и піэтистовъ въ Пруссіи, группировавшаяся около „Крестовой газеты“, съ особенною любовью говоритъ о крестьянствѣ; а крестьяне въ цѣломъ мірѣ поразительно сходны между собою, несмотря на частныя, мѣстныя и этнографическія различія. Они представляютъ особый соціальный типъ, какъ дворяне, духовные, чиновники, городскіе рабочіе, военные, купцы, ремесленники. Какимъ же образомъ сторонники крестьянства, признаваемые въ Европѣ за консерваторовъ, могутъ въ одной Россіи считаться демократами и революціонерами? Гг. Скарятинъ и Фадѣевъ, бывшіе сотрудники и вдохновители „Вѣсти“ и имъ подобныхъ изданій, никогда не касались этого вопроса. А жаль, было бы интересно послушать, какъ они его разрѣшаютъ.

Исторія, правда, представляетъ не мало примѣровъ крестьянскихъ бунтовъ, „безсмысленныхъ и безпощадныхъ“, со всѣми признаками расходившейся стихійной силы. Таковы были крестьянскія войны въ Германіи, казацкіе и крестьянскіе бунты въ Малороссіи во времена польскаго владычества, пугачевщина у насъ, жакеріи во Франціи, аграрныя движенія въ Ирландіи. Но противъ кого и когда бывали такіе бунты?—противъ владѣльцевъ земли, когда они гнетомъ и вымогательствами доводили крестьянъ до послѣдней крайности и остервенѣнія. Гракхи, отстаивавшіе права ихъ на государственныя земли, которыя патриціи присвоили исключительно себѣ, не были врагами государства, не потрясали никакихъ основъ. Ихъ неудача отдала Римъ въ руки тріумвировъ и цесарей.

Надо, впрочемъ, и то сказать: въ Европѣ, сто лѣтъ тому назадъ, горделивое и презрительное отношеніе высшихъ классовъ къ низшимъ было понятно и отчасти извинительно. Высшіе классы были тамъ двигателями и создателями культуры и не проходили черезъ опыты, которые у насъ подъ глазами. У насъ же высшія сословія — очень недавняго происхожденія, никакой культуры не создавали, а взяли изъ Европы готовую, да и то не самую ея суть, а одну внѣшнюю ея обстановку. Оттого, весь общественный строй у насъ совершенно иной, чѣмъ въ Европѣ, и взаимныя отношенія разныхъ слоевъ общества совсѣмъ иныя. У насъ желать, чтобы, подъ обманчивымъ и лицемѣрнымъ предлогомъ несуществующаго просвѣщенія и едва нарождающейся культуры, сельское населеніе не было осуждено на безъисходное невѣжество, нищету, безправіе и безпомощность, еще не значитъ быть врагомъ образованія и поборникомъ невѣжества, всего менѣе значитъ быть демократомъ и революціонеромъ; ибо перенесеніе на слои русскаго народа названій аристократіи, буржуазіи, демократіи не имѣетъ никакого смысла; самыя роли консерваторовъ и прогрессистовъ распредѣлились у насъ какъ разъ наоборотъ съ тѣмъ, какъ думаютъ Скарятины, Фадѣевы и ихъ сторонники. У насъ консерваторы—это народныя массы, а движеніе испоконъ вѣка сосредоточивалось въ верхнихъ наслоеніяхъ русскаго общества. Только относительно крѣпостного права консерваторами являются владѣльческіе классы; но вѣдь не въ этомъ же смыслѣ Скарятинъ съ товарищемъ выдавали себя за консерваторовъ, а насъ за демократовъ. Недоразумѣніе тутъ очевидно; а сколько бѣдъ у насъ изъ-за него произошло—и сказать нельзя! Было ли оно результатомъ горестной ошибки или сознательной мистификаціи, — въ томъ и другомъ случаѣ будущій историкъ нашего времени оцѣнитъ его по достоинству. Лѣтъ черезъ пятьдесятъ, когда мы больше узнаемъ себя и свою исторію, едва повѣрятъ, что была когда-нибудь возможна наша теперешняя, обычная логика. Выхватить фактъ изъ русской жизни, окрестить его европейскимъ именемъ и, въ силу того понятія, которое соединяется съ этимъ именемъ въ Европѣ, судить и рядить о самомъ фактѣ, — вотъ чѣмъ мы усердно занимались до сихъ поръ. Этотъ пріемъ такъ въ насъ въѣлся, что мы иначе почти и не умѣемъ разсуждать. Мы лелѣемъ, любимъ, призываемъ нашими желаніями или отталкиваемъ отъ себя съ ужасомъ, отвращеніемъ и страхомъ — фантомы, созданные воображеніемъ, грезимъ на яву. А насъ еще называютъ реалистами. Какіе мы реалисты: мы — просто дѣти!

Теперь русская печать, несмотря на различіе взглядовъ и направленій, снова принялась съ замѣчательнымъ единодушіемъ за разработку крестьянскаго вопроса. Встрѣчающіяся изрѣдка разномыслія касаются обыкновенно частностей, или же возникаютъ вслѣдствіе недоразумѣній, которыя, мы въ этомъ убѣждены, скоро будутъ разъяснены и устра-

пятся. О крестьянскомъ вопросѣ нѣтъ и не можетъ быть въ русской печати двухъ мнѣній; могутъ быть только оттѣнки, изъ-за которыхъ враждовать не приходится. Всѣ, кому дороги судьбы и интересы русскаго государства и народа, очень хорошо знаютъ и понимаютъ, что отъ экономическаго, умственнаго и нравственнаго состоянія четырехъ пятыхъ народонаселенія зависитъ весь нашъ бытъ. Въ какомъ положеніи находятся крестьяне, въ такомъ будутъ и образованные классы. Зажиточность и богатство послѣднихъ обусловливается достаточностью первыхъ. Мысль, что для владѣльцевъ выгоднѣе бѣдные мужики, чѣмъ богатые, потому что они дешевле нанимаются въ работу, не можетъ же быть возведена въ государственный принципъ. Невѣжество крестьянъ, ихъ грубость, отсутствіе у нихъ потребностей образованной жизни гибельно отражается на ходѣ и развитіи нашей производительности и промышленности, и на состояніи всей нашей гражданственности; нельзя и исчислить, сколько напрасныхъ издержекъ мы изъ-за одного этого несемъ, сколько силъ у насъ только изъ-за этого тратится и пропадаетъ даромъ. Общая польза всѣхъ и всего государства находится въ этомъ отношеніи въ прямомъ противорѣчіи съ узко-эгоистическими, своекорыстными, хищническими, безсердечными и въ концѣ концовъ близорукими и неразсчетливыми стремленіями многихъ, къ несчастію очень многихъ, — всѣми мѣрами мѣшать развитію крестьянства въ Россіи.

Сознаніе этихъ простыхъ истинъ, ясныхъ, какъ день, безспорныхъ какъ дважды два—четыре, начинаетъ мало-по-малу проникать во всѣ слои русскаго общества. Печальные опыты послѣднихъ лѣтъ доказали наглядно, самымъ дѣломъ, въ какія трущобы мы рискуемъ забрести, стараясь перемѣстить естественные, самой исторіей данные, элементы русской жизни и искусственно создать общественныя и политическія комбинаціи, для которыхъ у насъ нѣтъ условій ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ.

Повторяемъ: преобладающій въ Россіи общественный интересъ въ настоящее время и надолго еще впереди—это устройство крестьянъ. Къ этому важнѣйшему дѣлу должны быть направлены всѣ усилія правительства и общества.

II.

Общій обзоръ мѣръ къ улучшенію положенія крестьянъ.

Какими мѣрами поднять упавшее благосостояніе крестьянъ?—вотъ о чемъ крѣпко думаютъ у насъ теперь всѣ, хоть сколько-нибудь понимающіе наше внутреннее положеніе и тѣ бѣды, которыя должны на насъ обрушиться, если крестьянскій вопросъ не будетъ поставленъ и разрѣшенъ правильно.

Собираясь высказать нѣкоторыя мысли по этому предмету, мы должны напередъ оговориться.

Нѣтъ книжки журнала, нѣтъ нумера газеты, гдѣ бы не говорилось о крестьянахъ и не предлагались мѣры для улушенія ихъ быта. Въ теченіе послѣдняго года (1880 г.) высказано такимъ образомъ много очень дѣльнаго и толковаго. Мы думаемъ, что съ этой стороны вопросъ исчерпанъ, и сводъ всего, что высказано въ печати, представилъ бы полную картину того, что предстоитъ дѣлать. Прибавить къ сказанному что-либо новое мы не беремся, да и не такова наша цѣль и задача. Теперь настало время подвести подъ предложенное итоги, сдѣлать изъ него общіе выводы, освѣщенные одною общею мыслью. Только это и заставило насъ взяться за перо, и мы будемъ счастливы, если изъ нашего обзора читатель составитъ себѣ ясное, отчетливое и полное общее понятіе о настоящемъ положеніи крестьянскаго дѣла въ Россіи и о томъ направленіи, въ какомъ желательно вести его далѣе. Само собою разумѣется, что въ настоящемъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о подробныхъ проектахъ необходимыхъ мѣропріятій. Насущная потребность — это выяснить точку зрѣнія на предметъ, относительно котораго всѣ мы болѣе или менѣе, къ сожалѣнію, все еще ходимъ въ туманѣ. Одинъ изъ нашихъ величайшихъ недостатковъ, отъ котораго мы наиболѣе страдаемъ, есть тотъ, что мы не умѣемъ связно думать. О каждомъ предметѣ мы, почти всегда, имѣемъ много очень вѣрныхъ превосходныхъ мыслей, но рѣдко когда мы даемъ себѣ трудъ сообразить ихъ вмѣстѣ. Оттого наблюденіе, до извѣстной степени, въ извѣстной мѣрѣ справедливое, выростаетъ въ нашей головѣ въ единственную и исключительную причину явленія или событія; что есть другія наблюденія, освѣщающія и объясняющія предметъ съ

другихъ сторонъ,—объ этомъ мы забываемъ, по лѣни или неумѣнью правильно думать. Между тѣмъ, вовсе не требуется особеннаго глубокомыслія, чтобы понять, что всякое дѣйствительное, живое явленіе, каковъ, напримѣръ, постепенный упадокъ крестьянскаго хозяйства, есть всегда результатъ не одной какой-нибудь, а совокупное дѣйствіе нѣсколькихъ или многихъ причинъ, почему и нельзя вызвать живое явленіе или ослабить и устранить его какой-нибудь одной мѣрой, а нужно для этого одновременное совокупное дѣйствіе нѣсколькихъ или многихъ мѣръ, разсчитанныхъ на разныя его стороны, органически между собою связанныхъ и направленныхъ къ одной цѣли. Нельзя также ублажать себя розовой надеждой, будто какія бы то ни было мѣры, будь онѣ наипревосходнѣйшія, могутъ сразу принести свой плодъ. И процвѣтаніе, и упадокъ благостоянія и культуры, въ которыхъ выражается жизнь общества, всегда и всюду подготовляются исподоволь, долгое время, какъ ростъ ребенка или развитіе болѣзни, и никакія манипуляціи не въ состояніи измѣнить органическихъ процессовъ жизни, которые совершаются съ извѣстною послѣдовательностью, въ извѣстной постепенности, и требуютъ извѣстнаго времени. Продолжительность ихъ можно замедлить или ускорить, но невозможно вызывать или отклонять ихъ различныя фазы внезапно, какъ фигуры въ калейдоскопѣ. Эти простыя и несомнѣнныя истины, хорошо знакомыя всѣмъ практикамъ, многими у насъ слишкомъ часто забываются. Люди, не привыкшіе обращаться съ живыми явленіями, считаютъ хорошими только тѣ мѣры, которыя тотчасъ же дѣйствуютъ, съ недовѣріемъ смотрятъ на то, что разсчитано на многіе годы, какъ на книжныя измышленія теоретиковъ и кабинетныхъ ученыхъ, о которыхъ отзываются свысока, какъ о чудакахъ, не имѣющихъ никакого чутья дѣйствительности. Благодаря такому исключительному довѣрію къ непосредственно-пригодному, которое, совершенно ошибочно, смѣшивается съ практически-полезнымъ, мы рѣдко заботимся о томъ, чтобъ овладѣть фактами и направить ихъ развитіе по нашей мысли, а относимся къ нимъ какъ-то страдательно. Вмѣсто того, чтобы предупреждать ихъ, идти имъ навстрѣчу, мы только отъ нихъ отбиваемся, когда они насъ уже настигли, и надо что-нибудь сдѣлать, чтобы не стать ихъ жертвою. Оттого жизнь почти всегда застаетъ насъ врасплохъ, неприготовленными, поражаетъ разными неожиданностями, противъ которыхъ мы оказываемся безоружными и безсильными. Жизнь насъ тащитъ за собой, а не мы ее устроиваемъ и направляемъ. Если такое къ ней отношеніе вообще невозможно, то тѣмъ болѣе — въ вопросѣ такой важности, какъ бытъ народныхъ массъ. Понадобятся не годы, а десятки лѣтъ настойчиваго, упорнаго, кропотливаго труда и дружныхъ усилій правительства и общества, чтобы побороть вредное дѣйствіе условій, мѣшающихъ теперь правильному, здоровому развитію нашего крестьянства. Какъ ни больно, а надо сознаться, что много времени упущено и что, вслѣдствіе того, зло пустило глубокіе корни. То, что было легко и просто двадцать лѣтъ тому назадъ, теперь стало несравненно труднѣе; тѣмъ необходимѣе приняться за дѣло скорѣе, не откладывая, чтобъ оно послѣ не сдѣлалось еще труднѣе.

Мѣры для улучшенія положенія крестьянъ должны обнимать всѣ стороны ихъ быта — матеріальную, умственную и нравственную. Было бы большой ошибкой думать, что одно улучшеніе матеріальныхъ условій въ состояніи поднять умственный и нравственный уровень крестьянъ, или что одни уроки нравственности и грамотности могутъ повести ихъ къ матеріальному довольству. Нужно совокупное дѣйствіе и того, и другого. Если не зажиточность, то по крайней мѣрѣ безбѣдность есть, конечно, одно изъ необходимыхъ условій образованія и культуры; но одна достаточность и богатство къ нимъ еще не ведутъ. Это видно на умственномъ и нравственномъ состояніи тѣхъ слоевъ нашего же русскаго общества, которые не имѣютъ причины жаловаться на матеріальную нужду и лишенія. Но точно также одно умственное и нравственное развитіе, вопреки довольно распространенному у насъ мнѣнію, еще не ведетъ къ матеріальному благосостоянію. Въ дѣйствительности, все находится въ тѣснѣйшей взаимной связи, особливо въ быту народныхъ массъ, живущихъ непосредственною жизнью; у нихъ чувство, мысль и матеріальные факты связаны между собою несравненно тѣснѣе, чѣмъ у развитыхъ и образованныхъ людей. Вотъ почему мы убѣждены, что улучшеніе быта крестьянъ станетъ у насъ возможнымъ лишь съ той минуты, когда мѣры для поднятія ихъ экономическаго положенія, ихъ умственнаго и нравственнаго уровня, поведутся

дружно, рядомъ, поддерживая и дополняя другъ друга. Безъ этого ни одна изъ нихъ не приведетъ къ предположенной цѣли и не подвинетъ крестьянскаго дѣла впередъ.

Послѣ этихъ необходимыхъ оговорокъ, обратимся къ обзору мѣръ, необходимыхъ для экономическаго, умственнаго и нравственнаго развитія крестьянства въ Россіи.

Въ ряду причинъ видимаго упадка крестьянскихъ хозяйствъ прежде и чаще всего указываютъ на малоземелье. Это указаніе подало поводъ къ безчисленнымъ недоразумѣніямъ, взаимнымъ обвиненіямъ и заподозриніямъ самаго тяжкаго свойства. Благодаря имъ, простой и совсѣмъ безобидный экономическій вопросъ перенесенъ въ сферу политики, причисленъ къ разряду подозрительныхъ и опасныхъ, и долгое время былъ исключенъ изъ числа вопросовъ, подлежащихъ печатному обсужденію. Даже и теперь, когда условія печати все-таки не такъ неблагопріятны, какъ были еще недавно, вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи все еще считается однимъ изъ самыхъ щекотливыхъ, даже тѣми, кто на малоземельи крестьянъ не строитъ воздушныхъ замковъ благополучія среднихъ и крупныхъ землевладѣльцевъ.

Постараемся освободить вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи отъ искаженій, которымъ онъ подвергся въ глазахъ правительства и публики благодаря полемическимъ преувеличеніямъ, незнанію и своекорыстнымъ разсчетамъ, и привести его къ тѣмъ размѣрамъ и къ тому простѣйшему виду, какіе онъ имѣетъ на самомъ дѣлѣ.

Прежде всего, не надо забывать, что вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи имѣетъ большую важность только для земледѣльческаго населенія. Тамъ, гдѣ главный мѣстный промыселъ крестьянъ — не земледѣліе и не одна изъ отраслей сельскаго хозяйства, а промышленность переработывающая, хотя бы самая первобытная и грубая, тамъ вопросъ о размѣрахъ крестьянскаго владѣнія не имѣетъ особенной важности; а такихъ мѣстностей, какъ извѣстно, у насъ не мало. Мы говоримъ о разныхъ видахъ кустарнаго промысла, которымъ крестьяне занимаются на мѣстахъ, у себя дома. Ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ такъ-называемыми отхожими промыслами, которые, во всей почти нечерноземной полосѣ Россіи, обыкновенно составляютъ занятіе земледѣльцевъ. Въ отхожіе промыслы отправляются члены семействъ, подростки, безъ которыхъ хозяева могутъ обойтись при обработкѣ земли, и сами хозяева, когда полевыя работы окончены и дома дѣлать нечего. Такимъ образомъ, отхожіе промыслы служатъ полезнымъ и выгоднымъ подспорьемъ къ земледѣлію. Ихъ развитіе является результатомъ естественнаго желанія крестьянъ не тратить даромъ времени и заработать лишнюю копѣйку въ свободное отъ земледѣлія время. Отхожіе промыслы несомнѣнно играютъ у насъ на Руси не очень видную роль въ развитіи культуры посреди крестьянъ. Что бы ни говорили про развращеніе нравовъ, которое, по отзывамъ старыхъ людей, идетъ рука объ руку съ уходомъ на сторону, нельзя отрицать, что такія занятія расширяютъ кругозоръ крестьянъ, вносятъ въ захолустья не одинъ развратъ, а также и правильные взгляды и привычки болѣе развитого гражданскаго быта.

Впрочемъ, такіе хорошіе плоды приносятъ отхожіе промыслы только тогда, когда служатъ подспорьемъ къ земледѣлію. Если же одна нужда гонитъ крестьянъ изъ дому и не манитъ назадъ, отхожіе промыслы развиваютъ только безцѣльное бродяжество и скитаніе; люди теряютъ при такомъ условіи осѣдлость и постепенно обращаются въ проходимцевъ, готовыхъ на все. Изъ этого слѣдуетъ, что заработки на сторонѣ могутъ и хорошо, и дурно вліять на крестьянъ, поднимаютъ ихъ благосостояніе, или въ конецъ разрушаютъ ихъ бытъ, смотря по тому, хорошо или дурно крестьянамъ живется на мѣстахъ ихъ постоянной осѣдлости; послѣднее же, у земледѣльческаго населенія, всегда зависитъ отъ условій и пространства землевладѣнія. Каковы же, спрашивается, условія землевладѣнія у нашихъ крестьянъ-земледѣльцевъ? На этотъ вопросъ нельзя отвѣчать вообще. Мѣстами они хороши, мѣстами только удовлетворительны; мѣстами же плохи, или даже очень плохи. Этого, конечно, не рѣшатся отрицать самые предубѣжденные поборники теперешняго положенія крестьянскаго землевладѣнія. Крестьянъ, получившихъ въ даръ четвертные надѣлы, считается болѣе 600 т. душъ. Эта цифра не даетъ, однако, твердаго основанія для какихъ-либо выводовъ. Она, во-1-хъ, обнимаетъ и земледѣльческое, и неземледѣльческое населеніе; во-2-хъ, данныя ревизіи, бывшей двадцать лѣтъ тому назадъ, не даютъ возможности опредѣлить отношеніе народонаселенія къ землѣ въ настоя-

щее время; въ-3-хъ, въ составъ надѣла входятъ и усадьбы съ огородами и коноплянниками, и лѣса, и выпуски; сколько изъ этого пространства находится собственно подъ пашней,—объ этомъ нѣтъ свѣдѣній, а они-то и были бы необходимы для разрѣшенія вопроса о достаточности или недостаточности надѣловъ для земледѣлія. Какъ велико число малоземельныхъ, можно судить уже по тому, что въ 8-ми центральныхъ губерніяхъ, изслѣдованныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ, надѣловъ въ 1 и 2 десятины считается 21%; а если къ нимъ причислить надѣлы въ 3 дес., равняющіеся теперь, съ умноженіемъ населенія, 2-хъ-десятиннымъ, то получится 17%, или 1.740,871 душъ.

Нельзя не замѣтить, что вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи ставится у насъ, къ сожалѣнію, весьма неправильно — и не столько изслѣдуется и обсуждается, сколько служитъ поводомъ и предлогомъ для борьбы партій. Есть у насъ не мало людей, которые убѣждены, что имѣй крестьяне земельные надѣлы достаточнаго пространства, крупные и средніе землевладѣльцы остались бы безъ рабочихъ рукъ. Иные идутъ еще дальше и строятъ всѣ свои сельско-хозяйственные разсчеты на крестьянскомъ малоземельи. Эти разсуждаютъ такъ: отъ недостатка земли крестьяне приходятъ въ нищету и готовы, по необходимости, наниматься въ работу чуть ли не изъ-за куска хлѣба, а намъ это съ руки; кромѣ того, недостатокъ земли вынуждаетъ крестьянъ нанимать у сосѣднихъ владѣльцевъ необходимые для нихъ земельные участки на очень выгодныхъ для помѣщиковъ условіяхъ; стало быть, для послѣднихъ малоземелье крестьянъ полезно. Опровергать тѣхъ, которые на чужомъ горѣ и чужой бѣдѣ строятъ свое благополучіе, конечно, не стоитъ; во всякомъ случаѣ, государство не можетъ сообразоваться съ такими взглядами, ни брать ихъ въ основаніе своихъ мѣропріятій. Вопросъ, дѣйствительно заслуживающій внимательнаго разсмотрѣнія и изслѣдованія, заключается въ томъ, въ самомъ ли дѣлѣ крупныя и среднія хозяйства не могутъ держаться при хорошемъ состояніи мелкихъ?

Особенная важность этого вопроса заключается не столько въ его сельско-хозяйственной, технической сторонѣ, сколько въ общественномъ и культурномъ значеніи у насъ правильно поставленныхъ и хорошо веденныхъ большихъ и среднихъ хозяйствъ.

Оставляя въ сторонѣ политическія соображенія и ограничиваясь одною экономическою и культурною стороною дѣла, нельзя не замѣтить, что благоустроенныя большія и среднія хозяйства, разсѣянныя по всей странѣ, могутъ стать, при правильномъ и добросовѣстномъ веденіи дѣла хозяевами, могущественнымъ и благотворнымъ орудіемъ для поднятія благосостоянія и развитія образованія между крестьянами. Каждое хозяйство открываетъ мѣстному населенію близкій рынокъ для сбыта произведеній и для выгодныхъ заработковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ естественный культурный центръ, откуда полезныя знанія и привычки болѣе зрѣлой гражданственности проникаютъ въ народныя массы. Пока такихъ центровъ у насъ не будетъ, до тѣхъ поръ трудно ожидать поднятія экономическаго, умственнаго и нравственнаго уровня нашего крестьянства, разбросаннаго на такомъ громадномъ пространствѣ. Легкостью и удобствомъ близкаго заработка эти центры только и могутъ если не прекратить, то хоть значительно ослабить и уменьшить теперешнія, чуть-чуть не поголовныя отлучки, иногда на многіе годы, всего взрослаго сельскаго мужского населенія не-черноземныхъ губерній, представляющія, какъ мы видѣли, рядомъ съ выгодными и многія существенно невыгодныя и вредныя стороны. Благоустроенные, хозяйственные и промышленные пункты могутъ удержать сосѣднее рабочее населеніе на мѣстахъ, по близости отъ семействъ, и замѣнить отдаленные культурные центры, гдѣ простой народъ не только образуется, но и развращается.

При такой громадной важности средняго и крупнаго землевладѣнія, большей у насъ, чѣмъ въ какой-либо другой европейской странѣ, естественно возникаетъ вопросъ: можетъ ли оно удержаться при нѣкоторой степени благосостоянія и довольства рабочаго земледѣльческаго населенія? У насъ онъ до сихъ поръ многими рѣшался отрицательно. Этимъ, главнымъ образомъ, и объясняется, почему интересы крестьянъ, со времени освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости, были въ совершенномъ пренебреженіи и забросѣ. Въ ихъ зажиточности и довольствѣ многіе видѣли помѣху развитію устроенныхъ, цвѣтущихъ среднихъ и крупныхъ хозяйствъ, необходимыхъ для блага страны. Иначе нельзя себѣ объяснить того почти систематическаго устраненія всего, что̀ въ какомъ бы то ни

было отношеніи могло содѣйствовать экономическому благосостоянію крестьянъ и поднятію между ними образованія. Если эта наша догадка справедлива, — а другого сколько-нибудь разумнаго объясненія того, что у насъ дѣлалось въ теченіе двадцати лѣтъ по отношенію къ крестьянскому вопросу, нельзя придумать, — то мы, по несчастію, сдѣлались жертвою самаго горестнаго недоразумѣнія и совершеннаго незнанія крестьянъ вообще и нашихъ въ особенности. По нагляднымъ, живымъ примѣрамъ благоустроенныхъ среднихъ и крупныхъ хозяйствъ, какія намъ случалось видѣть, и какихъ, къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ такъ мало, мы утверждаемъ, что зажиточность и довольство сосѣднихъ крестьянъ для такихъ хозяйствъ ни мало не опасны; напротивъ, чѣмъ крестьянство зажиточнѣе и образованнѣе, тѣмъ бо̀льшаго процвѣтанія и развитія могутъ достигать расположенные посреди него хозяйственные и промышленные пункты. Думать, что одна достаточность крестьянъ лишитъ хозяина, заводчика, фабриканта, возможности имѣть нужное количество рабочихъ рукъ, есть одно изъ самыхъ странныхъ предубѣжденій. Когда на мызу, фабрику или заводъ не идутъ рабочіе изъ сосѣднихъ крестьянъ,—это вѣрный, признакъ, что тому есть какія-нибудь особенныя причины, не имѣющія ничего общаго съ матеріальною обезпеченностью сельскаго населенія.

Какъ бы ни былъ богатъ крестьянинъ, онъ никогда не упуститъ случая заработать лишній грошъ; таковы его нравы, его складъ ума. Къ тому же, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, въ крестьянскихъ хозяйствахъ, какъ бы они ни были щедро надѣлены землей, всегда есть подростки и излишнія рабочія силы, которыя крестьянинъ охотно пускаетъ въ дѣло и работу по сосѣдству, если только живетъ съ сосѣдомъ въ добромъ согласіи. Это извѣстно всякому, кто присматривался къ крестьянскому быту. Въ то время, когда одни владѣльцы не могутъ нанять жнецовъ ни за какія деньги, другіе, въ той же мѣстности, въ самую горячую рабочую пору, получаютъ ихъ, сколько нужно, изъ сравнительно зажиточныхъ крестьянскихъ семействъ за обыкновенную мѣстную рабочую плату.

Намъ возразятъ, что опытъ двадцати лѣтъ, прошедшихъ со времени освобожденія крестьянъ, доказываетъ невозможность существованія среднихъ и крупныхъ хозяйствъ рядомъ съ мелкими крестьянскими, даже при недостаточности земельныхъ надѣловъ крестьянъ. Въ подтвержденіе сошлются на извѣстный всѣмъ фактъ, что въ теченіе этого времени большинство помѣщичьихъ хозяйствъ почти повсемѣстно пришли въ упадокъ и отчасти перешли въ другія руки, между прочимъ, въ руки мелкихъ землевладѣльцевъ. Но указывающіе на это несомнѣнное, весьма печальное, явленіе забываютъ объяснить, при какихъ условіяхъ, въ какой обстановкѣ оно совершилось и продолжаетъ совершаться, а это существенно измѣняетъ смыслъ, который ему обыкновенно приписываютъ. Огромное большинство помѣщиковъ не были приготовлены къ веденію хозяйствъ коммерческимъ образомъ, безъ крѣпостного труда; денежные капиталы, вырученные чрезъ выкупъ крестьянскихъ надѣловъ, а впослѣдствіи полученные подъ залогъ имѣній въ кредитныхъ учрежденіяхъ, употреблены большею частью не на переустройство хозяйствъ сообразно съ новыми обстоятельствами, а частью на уплату прежнихъ долговъ, частью на разныя траты, непроизводительныя для хозяйствъ. Самое же главное и прискорбное то, что большинство помѣщиковъ не могли или не умѣли помириться съ прекращеніемъ крѣпостного права и необходимостью начать жить съ бывшими крѣпостными какъ съ свободными и равноправными сосѣдями. Разстроенныя свои дѣла большинство старалось по возможности поправить разными экономическими прижимками крестьянъ и рабочихъ и тѣмъ значительно ухудшили прежнія, и безъ того не совсѣмъ дружелюбныя, отношенія, вытекавшія изъ крѣпостной зависимости. Эти обстоятельства, а не надѣлъ крестьянъ землей, привели помѣщичьи хозяйства къ упадку. Тѣ, къ сожалѣнію немногія изъ нихъ, которыя благополучно пережили крестьянскую реформу и находятся въ болѣе или менѣе хорошемъ положеніи, наглядно доказываютъ совмѣстимость среднихъ и крупныхъ хозяйствъ съ мелкими. Съ бо̀льшимъ распространеніемъ сельско-хозяйственныхъ знаній, съ развитіемъ образованія и гражданственности между крестьянами и владѣльцами, и съ умноженіемъ населенія, возможность совмѣстнаго существованія тѣхъ и другихъ необходимо замѣнится взаимнымъ ихъ тяготѣніемъ другъ къ другу, взаимною между ними связью, которая чѣмъ далѣе, тѣмъ будетъ становиться тѣснѣе, такъ какъ интересы тѣхъ и другихъ

не противоположны, а солидарны. Но, скажутъ намъ, удобно и умѣстно ли теперь касаться вопроса о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ? Не усилитъ ли это разные нелѣпые толки въ сельскомъ населеніи? Не будетъ ли это на руку сѣятелямъ смутъ? Не будь такихъ толковъ, или будь недостаточность крестьянскихъ надѣловъ тайной, мы, пожалуй, тоже сочли бы за лучшее до поры до времени вовсе не касаться этого вопроса. Но именно при теперешнихъ обстоятельствахъ обходить его, значило бы приписывать ему опасность, которой онъ, безъ покрова таинственности, вовсе не имѣетъ и не можетъ имѣть. Недостаточность во многихъ мѣстностяхъ крестьянскаго земельнаго надѣла ни для кого не тайна. Объ этомъ говорятъ люди практическіе — помѣщики, купцы, духовные, чиновники, которыхъ трудно подозрѣвать въ разрушительныхъ идеяхъ, а что касается нелѣпыхъ толковъ крестьянъ, то они питаются и поддерживаются дѣйствительнымъ, крайнимъ недостаткомъ земли у многихъ крестьянскихъ обществъ и совершенно безвыходнымъ ихъ положеніемъ. Пользуясь этимъ, сосѣдніе землевладѣльцы нерѣдко немилосердно и близоруко возвышаютъ арендныя платы за свои земли до баснословныхъ цѣнъ, а правительство не только отказываетъ крестьянамъ въ какой бы то ни было помощи и содѣйствіи къ переселенію на свободныя казенныя земли, но, напротивъ, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, всѣми мѣрами затрудняло его даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно происходило само собою. Министерство государственныхъ имуществъ отдавало свои оброчныя статьи въ содержаніе разнымъ промышленникамъ, отъ которыхъ крестьяне получали ихъ за непомѣрно возвышенную арендную плату, и раздавало множество государственныхъ земель, удобныхъ для поселенія, частнымъ лицамъ въ собственность даромъ, или за ничтожную плату. Доведенные до совершенной крайности и отчаянія, крестьяне и фантазируютъ. При такихъ обстоятельствахъ заглушать и заминать вопросъ о недостаточности земельныхъ крестьянскихъ надѣловъ, значило бы только раздувать его до чудовищныхъ размѣровъ. Тѣ, которые считаютъ этотъ вопросъ щекотливымъ, попадаютъ въ заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода. Разсуждать о малоземельи многихъ крестьянъ, говорятъ намъ, не слѣдуетъ, изъ опасенія, чтобъ это не подало повода къ превратнымъ толкамъ и химерическимъ надеждамъ. Подъ этимъ предлогомъ вопросъ о малоземельи оставляется безъ разрѣшенія, но благодаря этому, зло ростетъ изъ года въ годъ, и подъ конецъ превращается въ цѣлое народное бѣдствіе, которое и порождаетъ вздорные толки. Чтобъ ихъ прекратить, надо, напротивъ, прямо и смѣло поставить вопросъ о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ и обдумать, какъ ее устранить: тогда всѣ толки прекратятся, и, какъ было во время отмѣны крѣпостного права, крестьяне, видя, что правительство вошло въ ихъ положеніе, станутъ терпѣливо ждать рѣшенія. Теперешнее положеніе выгодно только для распространителей ложныхъ слуховъ и для тѣхъ, кто извлекаетъ изъ него свои пользы. Имъ, конечно, желательно продолжить теперешнее положеніе дѣлъ на неопредѣленное время какъ можно дольше, и потому они искусно смѣшиваютъ трезвый и спокойный взглядъ знающихъ и мыслящихъ людей, указывающихъ на зло и необходимость положить ему конецъ, — съ бредомъ, вымученнымъ у части крестьянъ тяжелымъ ихъ положеніемъ, и тѣмъ навлекаютъ на всѣхъ, разсуждающихъ объ этомъ предметѣ, подозрѣніе въ политической неблагонамѣренности.

Очевидно, съ вопросомъ о малоземельи крестьянъ происходитъ у насъ теперь то же самое, что двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ происходило съ вопросомъ о крѣпостномъ правѣ. Тогда, точно также, считалось крайне опаснымъ для государства обсуждать его; всѣ, указывавшіе на необходимость покончить съ крѣпостнымъ правомъ, считались утопистами, вредными мечтателями, питавшими въ глубинѣ души недобрые замыслы. Но логика вещей взяла свое. Пришлось приняться за этотъ вопросъ, и когда онъ сталъ обсуждаться въ комитетахъ, коммиссіяхъ и въ печати, тотчасъ же всѣ умы успокоились, крестьянскіе бунты, число которыхъ до тѣхъ поръ изъ года въ годъ росло, совсѣмъ прекратились, и переходъ къ новому порядку совершился мирно и спокойно. Попытки замять вопросъ о малоземельи крестьянъ только обострили его и повели къ распространенію безсмысленныхъ толковъ, къ возбужденію ложныхъ надеждъ и ожиданій, гораздо болѣе вредныхъ для землевладѣльцевъ, чѣмъ своевременная правильная постановка дѣла. Какъ извѣстно, знаменитое циркулярное объявле-

ніе одного изъ бывшихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, вмѣсто того, чтобъ успокоить умы, только подлило масла въ огонь. Мало дальновидности показали и дворянскія, и земскія собранія, тщательно обходя вопросъ о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ; ибо отъ дѣйствительнаго факта нельзя ни отмолчаться, ни отчураться заклинаніями: съ нимъ надо считаться, вывести его на свѣтъ Божій, обслѣдовать безъ страха со всѣхъ сторонъ и, введя этимъ его дѣйствіе въ должныя границы, сдѣлать его безвреднымъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, серьёзно отрицать, что если не во всѣхъ, то въ очень многихъ мѣстностяхъ имперіи земледѣльческое населеніе крайне нуждается въ землѣ, потому ли, что ея отведено слишкомъ мало, или что она совсѣмъ или бо̀льшею частью вовсе негодна для полевого хозяйства. Этой части земледѣльческаго населенія необходимо помочь, необходимо дать возможность пріобрѣсти совершенно необходимое количество земли вдобавокъ или въ замѣнъ той, которою теперь владѣетъ. Весь вопросъ въ томъ, какъ, какимъ образомъ помочь и въ какой мѣрѣ? Къ сожалѣнію, вопросъ объ оказаніи помощи крестьянамъ по увеличенію ихъ землевладѣнія ставится у насъ какъ-то слишкомъ неопредѣленно и обще, что̀ его запутываетъ — и увеличиваетъ и безъ того не малыя трудности его рѣшенія. Приступая къ этому вопросу, необходимо, прежде всего, дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, чего же именно мы хотимъ.

Доставить вообще крестьянамъ возможность пріобрѣсти въ собственность побольше земель?—Но такая задача была бы и ошибочна, и невыполнима. Государство не можетъ поставить себѣ цѣлью вообще усиливать крестьянское землевладѣніе. Не говоря уже о томъ, что никакихъ средствъ не хватило бы на достиженіе такой неопредѣленной цѣли, — государство не можетъ ею задаться. Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія—не дѣло государства и правительства, а самихъ крестьянъ, ихъ трудолюбія и бережливости. Въ планы государства не можетъ входить поощреніе крестьянскаго землевладѣнія, на счетъ средняго или крупнаго, уже потому, что, какъ мы видѣли, послѣднія необходимы не менѣе мелкаго для правильнаго развитія сельско-хозяйственной и вообще всякой культуры страны. И такъ, вопросъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія сводится собственно къ доставленію крестьянамъ-земледѣльцамъ возможности пріобрѣсти земельные надѣлы или увеличить ихъ въ томъ только случаѣ, когда они или вовсе не имѣютъ удобной для обработки земли, или имѣютъ, но, очевидно, слишкомъ мало для сноснаго существованія. Государство можетъ и должно предохранить земледѣльческое населеніе отъ совершеннаго упадка и разоренія вслѣдствіе недостаточности земельныхъ надѣловъ. Это вполнѣ входитъ въ его задачи и виды.

Многіе возражаютъ и противъ такой постановки вопроса, находя заботу объ увеличеніи крестьянскихъ надѣловъ ненужной, безполезной и невозможной. Ненужна она, по ихъ мнѣнію, потому, что если государству слѣдуетъ озаботиться о земельныхъ надѣлахъ крестьянъ, то ему же слѣдуетъ озаботиться о томъ же и относительно другихъ сословій, нерѣдко столько же нуждающихся, какъ и крестьяне. Она безполезна потому, что удовлетворитъ нуждамъ крестьянъ только на время: съ приростомъ населенія придется прибѣгать къ ней снова, и такъ далѣе, пока, наконецъ, дополнять крестьянскіе надѣлы окажется невозможнымъ по недостатку земли. Самая мысль доставить крестьянамъ недостающее имъ количество земли несбыточна. Развѣ гдѣ-нибудь возможно, чтобы всѣ имѣли въ своемъ владѣніи столько земли, сколько нужно, хотя бы только для удовлетворенія самыхъ неотложныхъ потребностей?

Какъ эти возраженія ни кажутся, съ перваго взгляда, вѣскими, почти неотразимыми, но они вертятся на важныхъ недоразумѣніяхъ, которыя необходимо выяснить, ибо они затемняютъ дѣло и переносятъ вопросъ на почву, ему вовсе несвойственную.

Представить себѣ такое общество, гдѣ каждый имѣетъ довольно земли для безбѣднаго прокормленія съ нея себя съ семействомъ, значитъ просто-на-просто фантазировать. Въ дѣйствительности, не можетъ быть общества, въ которомъ всѣ кормились бы отъ земли, т.-е. были бы поголовно земледѣльцами. Кромѣ того, какъ бы государство ни было богато землей, въ немъ, рано или поздно, должна наступить минута, когда отъ прироста населенія земледѣльцамъ станетъ тѣсно, и они вынуждены будутъ измѣнить способы земледѣлія, чтобы съ того же пространства получать больше произведеній. Поэтому, когда возбуждается вопросъ о малоземельи крестьянъ

и о средствахъ ему помочь, рѣчь идетъ вовсе не объ идеальномъ снабженіи всѣхъ и каждаго землею, ни о постоянномъ расширеніи крестьянскихъ пашенъ, по мѣрѣ увеличенія народонаселенія. Задача несравненно проще и скромнѣе: надо доставить той части населенія, которая теперь кормится отъ земли, возможность имѣть ее въ крайне необходимомъ количествѣ и удобную для воздѣлыванія. Есть ли вообще такая возможность или нѣтъ? Если она есть, то какими способами доставить землю нуждающимся въ ней крестьянамъ?—вотъ ближайшіе, практическіе вопросы, къ которымъ, въ концѣ концовъ, сводится вся задача, выдаваемая, одними по незнанію, другими не безъ заднихъ мыслей, за опасную утопію, навѣянную соціальными и коммунистическими теоріями. Еслибы такая задача оказалась возможной и удалось ее разрѣшить, то непосредственнымъ результатомъ было бы не всеобщее, поголовное надѣленіе всѣхъ землею, а упроченіе теперешняго быта сельскаго населенія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно занимается земледѣліемъ. Послѣдствія этого были бы благотворныя, не только вообще для государства и общества, но и въ особенности для самихъ крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ. Съ упроченіемъ быта земледѣльцевъ окрѣпла бы ихъ осѣдлость, и приростъ населенія вызвалъ бы необходимость постепеннаго перехода къ лучшимъ пріемамъ земледѣлія, немыслимымъ при теперешней наклонности къ бродяжеству, которая питается и поддерживается больше всего неблагопріятными условіями земледѣльческаго быта, въ особенности же малоземельемъ. Разъ этотъ бытъ будетъ хоть сколько-нибудь упроченъ и обезпеченъ, около сельскаго населенія станетъ лѣпиться и кормиться много бездомнаго и безземельнаго люда, деревенскихъ ремесленниковъ, рабочихъ и служащихъ, въ которыхъ сельчане нуждаются не меньше помѣщиковъ и горожанъ. Избытокъ населенія, по мѣрѣ его увеличенія, шелъ бы на потребности сосѣднихъ крупныхъ и среднихъ хозяйствъ, такъ какъ прочно-осѣдлое земледѣльческое населеніе, имѣющее какой-нибудь достатокъ, неохотно и не отъ радости сердца посылаетъ своихъ подростковъ въ далекіе и рискованные отхожіе промыслы; его вынуждаетъ къ тому одна лишь нужда. Когда есть работа по близости, крестьянинъ, въ большинствѣ случаевъ, предпочитаетъ держать сына, внука, племянника по близости, у себя на глазахъ, зная по опыту и изъ примѣра сосѣдей, что внѣ надзора, за глазами, молодые парни забалтываются. Одно малоземелье гонитъ земледѣльцевъ въ дальніе края за заработкомъ и превращаетъ ихъ мало-по-малу въ бродягъ, отучая отъ дома и семьи. Если у большинства крупныхъ и среднихъ владѣльцевъ сосѣдніе крестьяне не ищутъ заработковъ, то это почти всегда вина первыхъ, а не послѣднихъ.

Намъ, можетъ быть, возразятъ, что каждый самъ лучше знаетъ, какъ ему удобнѣе устроиться; что государству и обществу въ это вмѣшиваться не слѣдуетъ. Но такое возраженіе, какъ и многія другія, требуетъ ближайшаго разъясненія. Государству и обществу, конечно, не слѣдуетъ насильно навязывать людямъ то, что̀ оно считаетъ для нихъ наилучшимъ. Это не подлежитъ сомнѣнію. Но также несомнѣнно, что общество и государство не могутъ сложить съ себя заботы о тѣхъ, кто почему-либо самъ не въ состояніи устроиться. Имъ государство и общество должны придти на помощь, и нѣтъ въ исторіи примѣра, чтобы пренебреженіе этой заботой и этой обязанностью прошло даромъ. Девизъ манчестерской школы, что каждый долженъ пещись о себѣ безъ посторонней помощи, совершенно справедливъ, когда силы борющихся одинаковы; но когда онѣ не равны, на государствѣ и обществѣ лежитъ обязанность поддержкою болѣе слабыхъ уравновѣсить шансы борьбы, для пользы и блага всѣхъ. Внѣ государства и общества безразлично, кто одержитъ верхъ; страдаютъ одни побѣжденные, но это ихъ дѣло. Въ устроенномъ же сожительствѣ людей побѣда однихъ элементовъ надъ другими, нарушеніе равновѣсія силъ есть бѣдствіе, несчастіе, грозящее опасностью всей общественности и всѣмъ ея составнымъ элементамъ, потому что здѣсь всѣ они находятся между собою въ органической связи. Государство и общество для того и существуютъ, чтобъ уравновѣшивать общественные элементы и интересы. Для того и стѣсняются болѣе или менѣе всѣ, чтобы всѣмъ было возможно-хорошо. Отнимите у государства и общества это значеніе, и самое ихъ существованіе теряетъ смыслъ. Вотъ почему во всѣ времена, у всѣхъ народовъ, съ понятіемъ о государствѣ и обществѣ неразрывно связывалось понятіе о защитѣ и поддержкѣ тѣхъ, кто не въ состояніи самъ

себя отстаивать въ жизненной борьбѣ; только примѣнялось это понятіе неодинаково у разныхъ народовъ и въ разныя эпохи, потому что взглядъ на общество и государство не сразу опредѣлился, а постепенно развивался, выяснялся, совершенствовался, какъ все на свѣтѣ. Въ древнемъ мірѣ несовершеннолѣтніе, умалишенные и женщины были поставлены подъ защиту опеки, имѣвшей публичный характеръ. Въ новомъ мірѣ вмѣшательство государства и общества въ борьбу частныхъ интересовъ чрезвычайно усилилось и продолжаетъ расширяться на нашихъ глазахъ, все глубже и глубже проникая въ ежедневный бытъ людей и захватывая постепенно всѣ его стороны, въ малѣйшихъ подробностяхъ.

Самое поразительное подтвержденіе этого факта представляетъ Великобританія,—классическая страна индивидуальной самостоятельности, почина и невмѣшательства государства въ экономическое развитіе страны и борьбу частныхъ интересовъ. Практичность англичанъ, ихъ отвращеніе къ отвлеченностямъ и общимъ политическимъ и соціальнымъ теоріямъ вошли въ пословицу; а между тѣмъ, этихъ въ высшей степени практическихъ людей сама жизнь, сама необходимость вынудила мало-по-малу допустить и узаконить вмѣшательство государства во взаимныя отношенія фабрикантовъ и нанимаемыхъ ими для фабричной работы дѣтей и женщинъ, въ школьное дѣло, регулировать улучшеніе почвы для земледѣлія, опредѣлить закономъ общественную благотворительность, отношенія между лэндлордами и фермерами въ Ирландіи, выкупить изъ частныхъ рукъ желѣзныя дороги. Вмѣшательство государства, какъ посредника въ борьбѣ частныхъ интересовъ, для согласованія ихъ съ пользами всѣхъ, выказывается въ самой Великобританіи все чаще и чаще, развивается ежегодно и доказываетъ наглядно, что не однѣ отвлеченныя политическія и экономическія теоріи, а сама практика, сама ежедневная жизнь вынуждаютъ государство и общество играть волей-неволей такую роль. Та же Великобританія живымъ примѣромъ доказываетъ и ту неоспоримую истину, что нарушеніе существенныхъ интересовъ земледѣльческихъ массъ не проходитъ государству даромъ, что оно производитъ болѣзненныя явленія въ жизни цѣлаго общества и, въ концѣ концовъ, падаетъ тяжкимъ бременемъ на тотъ слой общества, который, повидимому, воспользовался такимъ нарушеніемъ въ свою пользу. Подъ предлогомъ развитія и усовершенствованія сельскаго хозяйства, у мелкихъ земледѣльцевъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи всѣми правдами и неправдами обобраны земли, которыя сосредоточились въ рукахъ немногихъ, крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ. Сельское хозяйство отъ этого, правда, много выиграло; выиграли также много промышленность и торговля, такъ какъ народныя массы должны были, чтобы прокормиться съ семьями, отдать свой трудъ на службу переработывающей и торговой промышленности, или выселиться изъ родины въ чужія страны. Но что изъ этого вышло? Число бѣдныхъ, требующихъ призрѣнія и помощи, такъ усилилось, что забота о нихъ, превышая средства, удѣляемыя частною благотворительностью, выросла въ общественное дѣло, потребовала общественнаго расхода, покрываемаго обязательнымъ, тяжелымъ налогомъ, который падаетъ на людей достаточныхъ. Они теперь должны удѣлять изъ своего кармана, періодически, значительную сумму, какъ бы въ вознагражденіе того, что̀ сдѣлано ихъ предками въ нарушеніе интересовъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ. Имущіе должны теперь, за близорукій своекорыстный разсчетъ предковъ, содержать на свой счетъ потомковъ тѣхъ, которые когда-то были обижены. Таковы послѣдствія старой неправды въ Англіи и Шотландіи. Теперь они все еще сносны, пока масса рукъ заняты фабричнымъ и торговымъ дѣломъ. А что будетъ, когда Великобританія потеряетъ теперешнее первенствующее значеніе въ промышленности и торговлѣ,—что̀ рано или поздно, а непремѣнно должно случиться, по мѣрѣ ихъ развитія въ другихъ странахъ и колоніяхъ? Тогда это искусственно созданное и геніально поддерживаемое общественное зданіе, если оно не будетъ кореннымъ образомъ перестроено, должно разрушиться, ибо палльятивъ обязательной общественной благотворительности и ежегодное переселеніе, почти равняющееся по размѣрамъ естественному приросту населенія, окажутся уже далеко недостаточными для противодѣйствія органическому пороку всего соціальнаго строя. Въ Ирландіи этотъ порокъ сказался уже теперь вполнѣ ясно и опредѣленно, потому что здѣсь преобладаетъ земледѣліе, и нѣтъ того громаднаго развитія промышленности и

торговли, которое въ Англіи и Шотландіи скрадываетъ ужасы быта, построеннаго на обезземеленіи мужиковъ.

Спрашивается: какимъ образомъ помочь малоземелью нашихъ крестьянъ? Мѣры для этого давнымъ-давно указаны нашею періодическою печатью. Но прежде, чѣмъ ихъ разсматривать, скажемъ, для избѣжанія всякихъ инсинуацій и заподозриваній,—которыя теперь въ такомъ ходу,—что мы въ принципѣ отвергаемъ всякую мысль о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія съ нарушеніемъ правъ другихъ землевладѣльцевъ, вообще отвергаемъ какія бы то ни было принудительныя мѣры, такъ какъ онѣ, устраняя сегодня одно зло, завтра производятъ еще худшее, что̀ дѣлаетъ всѣ вообще права шаткими. Вопреки добросовѣстнымъ и недобросовѣстнымъ увѣреніямъ многихъ, мы утверждаемъ, что и въ самомъ сельскомъ населеніи мысль о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія на счетъ другихъ владѣній далеко не такъ распространена, какъ иные думаютъ, хотя и несомнѣнно, что сельскій людъ не питаетъ къ большинству землевладѣльцевъ и помѣщиковъ особеннаго благорасположенія. Наконецъ, точно съ такою же полною увѣренностью мы утверждаемъ, что какъ только будутъ приняты серьезныя и рѣшительныя мѣры къ улучшенію земельнаго положенія крестьянъ, всѣ нелѣпые, раздуваемые страхомъ толки тотчасъ же падутъ сами собою, и самое нерасположеніе къ помѣщикамъ, о которомъ мы говорили, съ ослабленіемъ теперешняго экономическаго гнета съ ихъ стороны, смѣнится равнодушіемъ къ нимъ. Только не надо отлагать разрѣшенія вопроса въ долгій ящикъ, не надо доводить теперешняго положенія до крайности.

Обратимся теперь къ мѣрамъ, какими можно и должно пособить малоземелью крестьянъ.

Какихъ именно крестьянъ слѣдуетъ считать малоземельными? Вотъ первое, что представляется при обсужденіи этого вопроса: ибо только имъ слѣдуетъ придти на помощь; прочимъ должно быть предоставлено самимъ, собственными средствами, пополнить недостатокъ земли, если они найдутъ, что у нихъ ея мало.

Опредѣлить, какой надѣлъ признать, въ различныхъ мѣстностяхъ, достаточнымъ, вообще чрезвычайно трудно. О произведеніи, съ этою цѣлью, особаго изслѣдованія нечего и думать: оно по необходимости затянулось бы на многіе десятки лѣтъ и все-таки не привело бы ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ наша сельско-хозяйственная жизнь находится еще въ младенчествѣ, условія ея далеко не установились и неизвѣстны, и потому для достаточности или недостаточности надѣловъ не выработано еще общихъ, объективныхъ признаковъ. Каждый судитъ о ней по-своему, и въ массѣ различныхъ критеріевъ было бы невозможно разобраться и придти къ справедливымъ и для всѣхъ безобиднымъ заключеніямъ. Вотъ почему необходимо принять другое мѣрило достаточности землевладѣнія, болѣе простое, готовое, всѣмъ извѣстное и къ которому всѣ привыкли. За такое мѣрило должны быть приняты *высшіе* размѣры душевого надѣла, установленные по различнымъ мѣстностямъ имперіи Положеніями 19 февраля 1861 года для надѣленія землею помѣщичьихъ крестьянъ при освобожденіи ихъ изъ крѣпостной зависимости. Размѣръ землевладѣнія мы полагали бы опредѣлять не по наличному числу душъ мужского пола, а по числу *ревизскихъ душъ, приписанныхъ къ селенію съ правомъ на надѣлъ землею.* Гдѣ по такому исчисленію высша̀го душевого надѣла земли недостаетъ, тамъ на пріобрѣтеніе *недостающаго количества* должно быть оказано селенію пособіе. Въ какомъ видѣ,—объ этомъ мы скажемъ ниже.

Такое рѣшеніе вопроса, какъ можно предвидѣть заранѣе, не удовлетворитъ весьма многихъ. Намъ замѣтятъ, что приростъ населенія съ 1861 года, во многихъ мѣстностяхъ, уже обратилъ въ дѣйствительности высшій надѣлъ въ средній или даже въ низшій, соразмѣрно съ количествомъ наличныхъ душъ; что нормы, установленныя Положеніями 19-го февраля, не свободны отъ ошибокъ и во многихъ случаяхъ болѣе или менѣе уменьшены сравнительно съ дѣйствительною потребностью въ земельномъ надѣлѣ; что, наконецъ, нельзя и не слѣдуетъ, при разрѣшеніи такого животрепещущаго вопроса, каковъ вопросъ объ обезпеченіи крестьянъ землею, руководствоваться другими соображеніями, кромѣ дѣйствительныхъ потребностей настоящаго времени, съ которыми то, что̀ было двадцать лѣтъ тому назадъ, можетъ весьма существенно расходиться.

Признавая всю серьёзность этихъ доводовъ, мы, съ своей стороны, не можемъ съ ними согласиться по соображеніямъ, которыя въ настоящемъ дѣлѣ должны, какъ мы ду-

маемъ, тоже играть рѣшительную роль. Объ одномъ изъ нихъ мы уже сказали выше: это —совершенная невозможность въ короткое время опредѣлить заново, на основаніяхъ точныхъ мѣстныхъ изслѣдованій, потребность въ землѣ для крестьянъ. Такая невозможность, какъ мы сказали, еще осложняется тѣмъ, что первобытная культура, до сихъ поръ исключительно господствующая у крестьянъ, не даетъ никакой точки опоры даже для приблизительнаго опредѣленія потребнаго количества земли при мало-мальски улучшенномъ крестьянскомъ хозяйствѣ, которое одно и могло бы служить основаніемъ при соображеніяхъ по настоящему вопросу. Кромѣ того, мы никакъ не допускаемъ принципа, что по мѣрѣ умноженія народонаселенія долженъ быть увеличиваемъ и земельный крестьянскій надѣлъ. Очевидная нелѣпость такого принципа не требуетъ доказательствъ. Еслибъ, при громадномъ количествѣ впустѣ лежащихъ государственныхъ земель, и можно было, въ продолженіе нѣкотораго времени, надѣлять крестьянъ землею по мѣрѣ надобности, то и въ такомъ случаѣ принципъ обязательнаго надѣленія долженъ бы быть безусловно отвергнутъ, не только по тѣмъ фантастическимъ надеждамъ и воззрѣніямъ, которыя провозглашеніе такого принципа могло бы воспитать въ земледѣльческихъ массахъ, но потому въ особенности, что разсчетъ на полученіе новыхъ надѣловъ поощрилъ бы косвеннымъ образомъ крестьянъ оставаться при теперешнихъ безобразныхъ порядкахъ и способахъ пользованія землею, не заботясь объ улучшеніи земледѣлія.

Въ виду всего сказаннаго, мы смотримъ на расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, какъ на мѣру временную, вызываемую не общими теоретическими или соціальными соображеніями, а единственно настоящимъ положеніемъ извѣстной части крестьянъ-земледѣльцевъ. Она должна поправить и довершить дѣло раскрѣпощенія и положить на будущее время прочное основаніе развитію правильно устроеннаго класса земледѣльцевъ, въ которомъ мы такъ сильно нуждаемся. Какъ довершеніе крестьянской реформы, увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія должно примкнуть къ законоположеніямъ, создавшимъ у насъ классъ свободныхъ земледѣльцевъ, опираться на нихъ и быть лишь ихъ ближайшимъ осуществленіемъ и примѣненіемъ. Только въ такомъ видѣ вопросъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія высвободится изъ туманной неопредѣленности общихъ соображеній и получитъ точную, легко опредѣлимую форму, необходимую во всякомъ практическомъ дѣлѣ. Гдѣ и сколько именно селеній нуждаются въ землѣ, сколько ея недостаетъ, какія мѣры и средства могутъ понадобиться для дополненія существующихъ надѣловъ, — все это, при подобной постановкѣ вопроса, можетъ быть всеьма легко приведено къ точнымъ цифрамъ, которыя и послужатъ прочнымъ практическимъ основаніемъ для обсужденія соотвѣтствующихъ законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій. Мы предлагаемъ принять высшій размѣръ надѣловъ, установленный Положеніями 19-го февраля, за норму достаточнаго землевладѣнія на томъ основаніи, что двадцать лѣтъ спустя послѣ крестьянской реформы, душевые надѣлы, съ приростомъ населенія, почти вездѣ должны были уменьшиться, и въ дѣйствительности, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, крестьяне, даже при увеличеніи ихъ надѣловъ, имѣли бы въ своемъ владѣніи не полный, а средній надѣлъ.

И такъ, мы полагаемъ необходимымъ оказать крестьянамъ со стороны государства пособіе на пріобрѣтеніе того количества земли, какого имъ теперь недостаетъ до высшаго размѣра по Положеніямъ 19-го февраля 1861 года и по числу *ревизскихъ* душъ.

Въ какомъ видѣ могло бы быть оказано пособіе?

Для этого представляются три способа, давно уже указанные съ разныхъ сторонъ: во-первыхъ, отводъ земель изъ сосѣднихъ незаселенныхъ казенныхъ земель и оброчныхъ статей; во-вторыхъ, пособіе со стороны казны на покупку земли крестьянами по добровольному соглашенію съ частными владѣльцами, и, наконецъ, въ-третьихъ, добровольное переселеніе крестьянъ на свободныя государственныя земли съ пособіемъ отъ казны.

Первая изъ этихъ мѣръ — прирѣзка недостающей до полнаго надѣла земли изъ сосѣднихъ незанятыхъ казенныхъ земель и оброчныхъ статей—не только была бы полезна для крестьянъ, но и для самой казны. Это былъ бы самый простой и самый выгодный въ финансовомъ отношеніи способъ извлекать доходъ изъ государственныхъ имуществъ этого рода. Отдача государственныхъ земель въ содержаніе или оброкъ иногда за крайне низкія цѣны, съ отводомъ ихъ крестьянамъ,

замѣнилась бы гораздо болѣе прибыльнымъ для казны взиманіемъ хотя бы умѣреннаго поземельнаго оброка, не говоря о косвенныхъ выгодахъ, какія казна и народное хозяйство извлекали бы изъ обращенія необитаемыхъ пространствъ въ населенныя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прекратилась бы необходимость въ управленіи розданными землями, центральномъ и мѣстномъ, что̀, въ свою очередь, доставило бы казнѣ значительныя сбереженія. Но у насъ выгоды и невыгоды операцій съ казенными имуществами нерѣдко опредѣляются только по непосредственной цифрѣ доставляемыхъ ими доходовъ, и не обращается вниманія на расходы, необходимые для ихъ извлеченія; между тѣмъ, зачастую расходъ или равенъ доходу, или превышаетъ его, и вся операція, кажущаяся выгодной, на самомъ дѣлѣ или не приноситъ ничего, или одни убытки.

Гдѣ отводомъ дополнительныхъ надѣловъ нельзя пособить малоземелью крестьянъ, по недостатку казенныхъ земель и оброчныхъ статей, тамъ государство можетъ помочь крестьянамъ своимъ посредничествомъ при покупкѣ ими земель, по добровольнымъ сдѣлкамъ, отъ частныхъ землевладѣльцевъ. Согласно съ тѣмъ, что̀ сказано выше, эта мѣра можетъ относиться только къ тому пространству земли, которое будетъ прикупаться въ дополненіе къ существующимъ надѣламъ до высшаго ихъ размѣра, и притомъ не въ личную и частную собственность крестьянъ, а въ общую собственность селеній. При такихъ условіяхъ, участіе государства въ покупкѣ земель крестьянами будетъ поставлено въ точныя границы, въ которыхъ оно только и возможно, и не расплывется въ общую, неопредѣленную помощь всѣмъ вообще крестьянамъ, желающимъ купить себѣ земли,— помощь невозможную, превышающую средства государства, и вдобавокъ, по нашему убѣжденію, ненужную. Государство можетъ и должно только помочь нуждѣ крестьянъ, а вовсе не призвано распространять крестьянское землевладѣніе вообще.

Мы не станемъ здѣсь останавливаться на томъ, какимъ именно образомъ государство можетъ оказать пособіе по прикупкѣ крестьянами частныхъ земель въ дополненіе къ своимъ надѣламъ, такъ какъ этотъ предметъ требуетъ особыхъ финансовыхъ, юридическихъ и техническихъ соображеній. Готовый образчикъ есть въ правилахъ выкупной операціи, которыя полезно было бы упростить. Быть можетъ, окажется также возможнымъ нѣсколько удешевить кредитъ, открываемый государствомъ крестьянамъ.

Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда оба указанные способа пополненія крестьянскаго землевладѣнія до нормы окажутся невозможными, придется прибѣгнуть къ послѣднему, именно къ добровольному переселенію крестьянъ на свободныя государственныя земли, съ пособіемъ отъ казны.

Одной изъ самыхъ прискорбныхъ и крупныхъ ошибокъ управленія государственными имуществами, со времени оставленія его графомъ Киселевымъ, было безспорно то, что организація правильныхъ переселеній малоземельныхъ крестьянъ на свободныя государственныя земли съ пособіемъ отъ правительства была отмѣнена. Плодомъ заботъ графа Киселева былъ цѣлый кодексъ хорошо обдуманныхъ правилъ по этой важной отрасли государственнаго управленія,—кодексъ, который теперь вычеркнутъ изъ свода законовъ. Не будь сдѣлано этой капитальной ошибки, взгляни управленіе государственныхъ имуществъ на дѣло не съ узко-фискальной и буржуазной, а съ русской государственной точки зрѣнія, продолжай оно дѣло, организованное талантливымъ и прозорливымъ министромъ,—и государство, и народное хозяйство, и финансы, были бы въ выигрышѣ, и мы бы не были теперь озабочены вопросомъ о малоземельи крестьянъ, не было бы неудовольствій между крестьянами и владѣльцами и никакого помину о нелѣпыхъ слухахъ въ народѣ. У насъ въ Россіи переселеніе малоземельныхъ крестьянъ на свободныя государственныя земли представляетъ, благодаря обширности пустыхъ пространствъ, ни съ чѣмъ несравнимое преимущество передъ всѣми европейскими государствами; но къ несчастію, пользоваться имъ мы не хотимъ или не умѣемъ. Переселеніе изъ густо населенныхъ мѣстностей въ ненаселенныя или мало населенныя губерніи и области даетъ государству возможность обратить пустыни, особливо на окраинахъ, въ обитаемыя страны и тѣмъ окончательно и безповоротно сплотить ихъ съ государствомъ узами однороднаго населенія, которыя приращиваютъ области крѣпче и прочнѣе всякой географической границы и международныхъ трактатовъ. Кромѣ того, новыя поселенія, какъ мы уже замѣтили выше, лучшій способъ извлекать доходъ изъ государственныхъ земель, такъ какъ никакія

оброчныя статьи не дадутъ и не сберегутъ государству столько, сколько населенный край. Наконецъ, переселеніе, освобождая переполненную жителями мѣстность отъ избытка населенія и тѣмъ снимая съ нея тяжкое бремя нуждающихся и безполезныхъ людей и давая имъ полезное назначеніе въ другомъ мѣстѣ, гдѣ они нужны, открываетъ остающимся возможность расположиться просторнѣе и тѣмъ избавляетъ ихъ отъ вымучиваемыхъ нуждою отхожихъ промысловъ, которые, въ концѣ-концовъ, далеко не окупаютъ приносимой ими земледѣльческому населенію пользы. Эти соображенія величайшей государственной, финансовой и экономической важности заставляютъ желать скорѣйшаго возстановленія системы правильныхъ, организованныхъ переселеній крестьянъ и примѣненій ея въ возможно широкихъ размѣрахъ, конечно, съ тѣми измѣненіями правилъ, дѣйствовавшихъ при графѣ Киселевѣ, которыхъ требуютъ измѣнившіяся обстоятельства.

Признавая одною изъ настоятельнѣйшихъ потребностей настоящаго времени снова, и по возможности скорѣе, возвратиться къ этой мѣрѣ, мы, однако, считаемъ необходимымъ, для предупрежденія всякихъ недоразумѣній, оговорить, во-1-хъ, что выселеніе малоземельныхъ крестьянъ на новыя мѣста можетъ быть производимо не иначе, какъ по ихъ доброй волѣ и собственному усмотрѣнію; и во-2-хъ, что право на полученіе со стороны казны пособій на переселеніе должно быть предоставлено только тѣмъ изъ крестьянъ, водворяющихся на новыя мѣста, которыхъ переселеніе необходимо для надѣленія землею остающихся въ размѣрѣ не болѣе высшаго или нормальнаго надѣла. Въ этихъ видахъ необходимо было бы установить строгое различіе между *поощреніемъ* къ переселенію и *облегченіемъ возможности* переселиться.

Поощреніе состояло бы въ выдачѣ отъ казны пособій и дарованіи различныхъ льготъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. Поощряемы къ переселенію должны быть малоземельные крестьяне только въ томъ случаѣ, когда инымъ способомъ нельзя доставить имъ нормальнаго земельнаго надѣла. Но затѣмъ, всѣмъ прочимъ крестьянамъ и лицамъ другихъ званій должна быть предоставлена только возможность селиться на свободныхъ государственныхъ земляхъ и облегчены способы поселенія на собственныя средства безъ пособій и льготъ отъ казны. Такое различеніе сразу поставило бы вопросъ о переселеніяхъ на практическую почву и дало бы возможность съ точностью опредѣлить размѣръ издержекъ, потребныхъ со стороны казны на это важное государственное дѣло. Каждый понимаетъ, что государство можетъ быть обременяемо расходами только на неотложныя потребности. Поэтому, въ тѣхъ случаяхъ, когда настоятельной нужды въ переселеніи нѣтъ, казнѣ не для чего на него тратиться: оно должно быть предоставлено тѣмъ, кто находитъ въ томъ свои выгоды и имѣетъ достаточныя средства для покрытія необходимыхъ на то расходовъ. По отношенію къ такимъ выселеніямъ государство должно лишь устранять препятствія, такъ какъ въ его интересы не можетъ входить останавливать естественный отливъ населенія на свободныя земли. Такое облегченіе тѣмъ необходимѣе, что какъ бы ни были тщательны изслѣдованія о малоземельныхъ селеніяхъ, въ свѣдѣнія по этому предмету неизбѣжно вкрадутся ошибки; онѣ и будутъ исправлены на фактѣ облегченіемъ переселеній. Мало того: имъ исправятся, по крайней мѣрѣ отчасти, ошибки и неправильности по опредѣленію размѣра земельныхъ надѣловъ, допущенныя въ самомъ началѣ созданія свободныхъ крестьянъ и отвода имъ земель, и откроется крестьянамъ возможность разселиться какъ имъ удобнѣе.

Какъ бы, впрочемъ, переселеніе крестьянъ ни совершалось, съ пособіемъ или безъ пособій со стороны казны, оно, во всякомъ случаѣ, должно быть правильно организовано, а не предоставлено, какъ теперь, судьбѣ и всякаго рода случайностямъ.

Во-первыхъ, необходимо обдумать и опредѣлить мѣстности, которыя всего необходимѣе и желательнѣе заселить и куда, вслѣдствіе того, въ интересахъ государства должно быть направлено переселеніе. Вопросъ этотъ долженъ быть обсужденъ и рѣшенъ въ общихъ видахъ, какъ общій государственный, а не по министерствамъ и вѣдомствамъ, между которыми теперь подѣлены свободныя государственныя земли.

Во-вторыхъ, въ краяхъ и странахъ, куда рѣшено будетъ направить переселеніе, слѣдуетъ выбрать и указать, для колонизаціи, мѣста, дѣйствительно удобныя для поселенія и хлѣбопашества, тогда какъ теперь для переселенія иногда отводятся земли, вовсе не годныя, безводныя степи, въ которыхъ и ко-

лодцы рыть крестьянамъ не подъ силу, или и совсѣмъ нельзя добыть воды. До сихъ поръ лучшія земли отводились или даромъ, или за ничтожную плату частнымъ лицамъ и служащимъ, а подъ поселенія — худшія, тогда какъ въ интересахъ государства и въ видахъ общей пользы должно быть поступлено какъ разъ наоборотъ.

Въ-третьихъ, какъ на мѣстахъ, куда будетъ направлена колонизація, такъ и въ мѣстностяхъ, откуда ожидаются переселенцы, должны быть устроены пункты, гдѣ послѣдніе могли бы получить всѣ необходимыя свѣдѣнія и объясненія, нѣчто въ родѣ справочныхъ конторъ, которыя относились бы къ запросамъ крестьянъ и ихъ „ходоковъ" съ участіемъ, внимательно, а не по примѣру „кувшинныхъ рылъ" и разнаго рода административныхъ „дантистовъ".

Въ-четвертыхъ, самое движеніе переселенческихъ партій, ихъ отправленіе, слѣдованіе по пути, до прибытія въ тотъ край, гдѣ они должны поселиться, слѣдуетъ правительству организовать возможно удобнымъ для переселенцевъ образомъ, въ видахъ сбереженія времени, путевыхъ издержекъ, устраненія задержекъ и препятствій на пути. Для сопровожденія переселенческихъ партій должны быть назначаемы лучшіе люди, благорасположенные къ крестьянскому люду, внимательные къ его нуждамъ, вполнѣ добросовѣстные, опытные въ русскихъ житейскихъ дѣлахъ и знающіе хорошо народныя привычки. Только такіе люди могутъ быть дѣйствительно полезны переселенцамъ въ пути, оказать имъ защиту и помощь въ разныхъ непредвидѣнныхъ случаяхъ и довести ихъ бережно и благополучно до мѣста назначенія.

Въ-пятыхъ, точно такіе же люди необходимы для принятія переселенческихъ партій на мѣстахъ, для отвода имъ мѣстъ поселенія, для сообщенія всѣхъ необходимыхъ въ новомъ мѣстѣ жительства свѣдѣній, для оказанія имъ на первыхъ порахъ, пока они еще не устроились и не обзавелись своимъ хозяйствомъ, необходимой защиты и помощи.

Въ-шестыхъ, время для переселенія должно быть выбрано съ такимъ разсчетомъ, чтобъ оставляющіе свою родину успѣли покончить безъ стѣсненія свои дѣла въ старой родинѣ, а прибывъ на новое мѣсто, могли прямо приняться за устройство своихъ жилищъ и хозяйства и такимъ образомъ сразу, безъ потери времени, вступить въ условія новаго существованія.

Въ-седьмыхъ, безчисленныя канцелярскія и другія формальности, которыми теперь крестьянинъ, желающій переселиться, опутанъ съ ногъ до головы, и исполненіе которыхъ если не невозможно, то крайне для него разорительно и требуетъ многихъ мѣсяцевъ, а иногда и цѣлыхъ годовъ, должны быть или вовсе отмѣнены, или существенно облегчены и упрощены.

Въ-восьмыхъ, перечисленныя выше мѣры должны быть приняты относительно всѣхъ переселяющихся, какихъ бы то ни было званій, большими и малыми партіями; но поощряемымъ къ переселенію должны быть, сверхъ того, выданы необходимыя пособія на путевыя издержки и на первоначальное обзаведеніе на новыхъ мѣстахъ. Помощь эта можетъ быть оказана и деньгами, и натурою, какъ-то: хлѣбомъ, строительнымъ матеріаломъ и т. п., и наконецъ, льготами отъ податей и повинностей. Смотря по разстоянію мѣста водворенія отъ мѣста теперешняго жительства и другимъ обстоятельствамъ и условіямъ того края, куда направляется переселеніе, и помощь должна быть оказываема различнаго рода, почему ее и нельзя опредѣлить постоянными, точными, общими цифрами. Очень желательно, чтобы она была достаточна, т.-е. давала переселенцамъ возможность дойти до мѣста, водвориться и обзавестись хозяйствомъ, не нуждаясь въ самомъ необходимомъ; и то только при такомъ условіи сразу же создается прочный благоустроенный бытъ переселенцевъ, а это выгодно отзовется на промышленности и торговлѣ, слѣдовательно, черезъ нихъ, и на возвышеніи доходовъ казны. Чрезмѣрная и неблагоразумная экономія въ этомъ случаѣ неминуемо отразится въ бѣдности переселенныхъ крестьянъ, и на поднятіе ихъ быта впослѣдствіи потребуется гораздо больше затратъ, чѣмъ сколько неразсчетливо сбережено въ началѣ. Словомъ, надо избѣгать, чтобы дешевое не вышло на дорогое, какъ это у насъ слишкомъ часто случается и въ государственномъ, и въ частномъ хозяйствѣ.

Въ такомъ видѣ представляется намъ вопросъ о малоземельѣ крестьянъ, который, Богъ знаетъ почему, считается у насъ неудобнымъ, щекотливымъ и даже опаснымъ. Одно горестное непониманіе дѣла причиною, что около этого вопроса скопились предубѣдительныя и престранныя недоразумѣнія, и что онъ разсматривается и толкуется вовсе

не въ томъ смыслѣ, какъ его ставитъ сама жизнь. Пока мы между собою споримъ, взводя другъ на друга, по поводу этого вопроса, самыя вздорныя и нелѣпыя обвиненія и клеветы, зло ростетъ и можетъ, наконецъ, вырости въ нѣчто дѣйствительно опасное, но вовсе не потому, что оно обсуждается, а единственно оттого, что для его ослабленія ничего не дѣлается. Пора перестать надѣяться, что отъ дѣйствительнаго факта можно отмолчаться. Одни дѣти да страусы увѣрены, что нѣтъ опасности, которой они не видятъ. Вопросъ о крестьянскомъ малоземельѣ не имѣетъ ничего общаго съ соціалистическими и коммунистическими теоріями и можетъ быть разрѣшенъ, безъ малѣйшаго нарушенія чьихъ-либо правъ и законныхъ интересовъ, законодательными и административными мѣрами, полезными не только непосредственно для крестьянъ, но и для общества и государства.

Доставить земледѣльцамъ поземельные надѣлы достаточныхъ размѣровъ и годные для обработки есть лишь начало дѣла,—первый шагъ, необходимая предпосылка по устройству ихъ быта. Вторая мѣра, столько же необходимая, безъ которой первая не принесетъ ожидаемой пользы, есть правильное устройство крестьянскаго владѣнія. Каждому, кто видалъ крестьянскій бытъ вблизи, не разъ случалось наблюдать, что даже полные надѣлы и хорошаго качества отведены крестьянамъ такъ неудобно и невыгодно, что пользованіе ими почти невозможно или же сопряжено съ крайними затрудненіями. Во многихъ случаяхъ, устройство землевладѣнія ставитъ ихъ въ полную, чрезвычайно тягостную и разорительную зависимость отъ сосѣднихъ владѣльцевъ, большею частью отъ бывшихъ ихъ помѣщиковъ. Намъ лично извѣстны случаи отвода части пашенной земли крестьянамъ, при увольненіи ихъ изъ крѣпостной зависимости, за пятнадцать верстъ отъ селенія; гораздо чаще, почти вездѣ, допущена вредная черезполосность крестьянскихъ надѣловъ съ землями ихъ бывшихъ владѣльцевъ; нерѣдко надѣлы отведены такимъ образомъ, что господская земля подходитъ къ самому селенію. Во всѣхъ этихъ случаяхъ положеніе крестьянъ самое тяжкое. Ни оберегать, ни обрабатывать пашни, находящейся въ далекомъ разстояніи отъ селенія, крестьяне внутреннихъ губерній не могутъ, и вынуждены отдавать ихъ въ наемъ; а это уменьшаетъ, болѣе или менѣе, и безъ того скудныя ихъ пашни. Черезполосица съ бывшими помѣщиками вынуждаетъ крестьянъ, во многихъ мѣстахъ, нанимать или арендовать у владѣльцевъ промежуточныя ихъ земли на самыхъ тяжкихъ условіяхъ, только изъ того, чтобъ получить возможность спокойно пользоваться своею землею; а близкое сосѣдство господскихъ земель къ селеніямъ служитъ безконечнымъ источникомъ безпрестанныхъ неудовольствій, ссоръ и взаимныхъ претензій. Курица перескочила изъ деревни на землю помѣщика, овца, жеребенокъ, свинья забрели туда,—что, при близкомъ сосѣдствѣ, небрежности крестьянъ и невозможности сторожить, неизбѣжно и случается безпрестанно, — и начинается взысканіе произвольныхъ штрафовъ, тягостныхъ для крестьянъ; отношенія обостряются, переходятъ во взаимное недоброжелательство и вражду, которыя разрѣшаются нерѣдко „краснымъ пѣтухомъ", пущеннымъ въ хлѣбникъ, сѣнной сарай, домъ или другія строенія помѣщика. Прогонъ скота и лошадей черезъ помѣщичьи черезполосныя земли точно также служитъ источникомъ безконечныхъ взаимныхъ претензій, судбищъ, и въ послѣднемъ результатѣ крайне стѣсняетъ и разоряетъ крестьянъ.

Такія послѣдствія отвода крестьянскихъ надѣловъ безъ всякаго вниманія къ нуждамъ и пользамъ сельчанъ хорошо извѣстны всѣмъ, кто знакомъ съ деревенскими дѣлами и порядками. У насъ теперь идутъ большіе толки о дурномъ состояніи земледѣлія у крестьянъ, о необходимости ввести въ ихъ полевое хозяйство травосѣяніе, многопольную систему, объ умноженіи у нихъ скота и т. п., но о томъ, что ни то, ни другое, ни третье немыслимо при черезполосицѣ крестьянскихъ земель съ помѣщичьими, при разбросанности надѣловъ въ разныхъ, иногда отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ, при стѣснительномъ для крестьянъ очертаніи ихъ земли,—объ этомъ мало кто думаетъ. Прежде, чѣмъ говорить объ улучшеніяхъ крестьянскаго полеводства, надо сдѣлать ихъ возможными и выполнимыми, а первое условіе ихъ возможности есть сосредоточеніе крестьянскихъ пашенъ около селеній и прекращеніе черезполосицы. Надо, чтобы всѣ крестьянскія пашни находились въ одной межѣ, непосредственно у селеній, и чтобы къ послѣднимъ не примыкали въ упоръ господскія земли. Вмѣсто того, чтобъ этому всячески способствовать, чтобы поставить округленіе крестьянскихъ

пашенныхъ земель во главу угла благоустройства селеній, законъ не указываетъ къ тому никакихъ способовъ, кромѣ добровольнаго соглашенія, которое во многихъ случаяхъ, по весьма понятнымъ причинамъ, не можетъ состояться. Рѣдкій помѣщикъ захочетъ добровольно поступиться выгодами, которыя ему доставляетъ черезполосица и разбросанность крестьянскихъ земель. Мало того: Положенія 19-го февраля — совершенно непонятно, почему—лишили крестьянъ права требовать не только болѣе правильнаго и удобнаго отвода надѣловъ, но даже уничтоженія черезполосицы съ бывшими своими помѣщиками. Такимъ образомъ, по недосмотру въ законѣ и по ошибкѣ, допущенной въ Положеніяхъ 19-го февраля, теперешній порядокъ владѣнія надѣльной пашней, стѣснительный и разорительный для крестьянъ, ставящій ихъ въ тягостную хозяйственную зависимость отъ ихъ бывшихъ помѣщиковъ и не допускающій никакихъ улучшеній крестьянскаго полевого хозяйства, грозитъ удержаться, вопреки желанію и волѣ крестьянъ, навсегда. Этимъ увѣковѣчивается источникъ серьёзнаго разлада между мелкими землевладѣльцами съ одной стороны, средними и крупными съ другой,—разлада, который желательно было бы всячески и скорѣе ослабить и похоронить, а не раздувать до ожесточенія и ненависти.

Какъ ни незначителенъ можетъ показаться съ перваго взгляда недостатокъ правильнаго устройства и округленности крестьянскихъ пашенъ, но мы по опытамъ, которые имѣли передъ глазами, убѣждены, что онъ, для упроченія крестьянскаго быта и благосостоянія, имѣетъ такое же, если даже не бо̀льшее, значеніе, чѣмъ увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ. Причина та, что отъ недостатка надѣловъ страдаетъ лишь часть, и притомъ сравнительно небольшая, крестьянскихъ обществъ, тогда какъ неустройство крестьянскаго землевладѣнія у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ есть зло крайне распространенное, почти повсемѣстное, которое особенно гибельно отзывается на ихъ хозяйственномъ бытѣ и служитъ главною причиною ихъ недружелюбныхъ отношеній къ владѣльцамъ. Вотъ причина, почему мы считаемъ правильное устройство крестьянскаго землевладѣнія дѣломъ величайшей общественной и государственной важности. Необходимо съ нимъ покончить и притомъ не откладывая въ долгій ящикъ. Отведеніе крестьянскихъ владѣній къ однимъ мѣстамъ, около селеній, съ уничтоженіемъ черезполосицы, должно быть поставлено правительствомъ какъ принципъ государственнаго благоустройства и выражено въ видѣ обязательнаго требованія, которое слѣдуетъ и привести въ исполненіе въ опредѣленные, не слишкомъ продолжительные сроки. Сначала необходимо назначить срокъ для добровольныхъ сдѣлокъ и соглашеній, послѣ чего устройство крестьянскаго землевладѣнія, по требованію самихъ крестьянъ или помѣщиковъ, должно быть сдѣлано правительствомъ, по примѣру того, какъ оно поступало при составленіи уставныхъ грамотъ, при прекращеніи черезполосицы въ частныхъ владѣніяхъ, или какъ опредѣляетъ законъ при раздѣлѣ наслѣдства или выдѣлѣ изъ общаго владѣнія, когда они не могутъ состояться по добровольному соглашенію заинтересованныхъ сторонъ. Важное съ государственной точки зрѣнія устройство крестьянскаго землевладѣнія, сложное и мелочное въ исполненіи, не только должно быть зрѣло обдумано въ цѣломъ и частяхъ, но необходимо заранѣе подготовить и обезпечить его скорое, добросовѣстное и умѣлое осуществленіе. Надо заранѣе подготовить личный составъ, административный и межевой, который могъ бы привести дѣло къ желанному концу въ возможно короткое время; надо также значительно сократить и упростить излишнія и ненужныя формальности, издержки и проволочки, которыя теперь дѣлаютъ размежеваніе равнозначительнымъ цѣлому бѣдствію и разоренію. У насъ обыкновенно надѣются обезпечить правильное примѣненіе закона множествомъ контролирующихъ инстанцій и сложными, мелочными формальностями; но этимъ цѣль не достигается, а создается новое зло, которое почти всегда хуже и тягостнѣе того, которое имѣлось въ виду отвратить. Правильнѣе было бы подрѣзать зло въ самомъ корнѣ — хорошимъ выборомъ людей. Рано или поздно мы должны будемъ къ этому придти; а въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, осторожный и умѣлый выборъ людей будетъ имѣть огромное, рѣшающее значеніе и для настоящаго, и для отдаленнаго будущаго.

III.

Какая желательна форма крестьянскаго землевладѣнія.

Съ дополненіемъ, гдѣ нужно, надѣловъ земледѣльцевъ и правильнымъ устройствомъ ихъ землевладѣнія должно идти рука объ руку болѣе точное и обдуманное опредѣленіе правъ земледѣльцевъ на отведенные имъ надѣлы. Въ основныхъ законоположеніяхъ, создавшихъ въ минувшее царствованіе классъ свободныхъ земледѣльцевъ въ Россіи, допущены были по этому предмету крупныя ошибки, а послѣдующее развитіе крестьянскаго дѣла, вмѣсто того, чтобъ ихъ исправить, только усугубило ихъ, подъ вліяніемъ одностороннихъ воззрѣній, свидѣтельствующихъ о непониманіи задачи и незнаніи быта нашего земледѣльческаго населенія.

Огромное большинство великорусскихъ и бѣлорусскихъ крестьянъ крѣпко держится до сихъ поръ за общинное землевладѣніе. Несмотря на то, что объ этой формѣ пользованія землею написано уже много, и она еще недавно была предметомъ горячей полемики, продолжающейся отчасти и теперь, мы все еще недовольно ее знаемъ и понимаемъ. Причина заключается въ тѣхъ же глубокихъ недоразумѣніяхъ, которыми окружены всѣ важнѣйшіе русскіе вопросы. Недоразумѣнія, эти до того переплетены съ разнаго рода задними мыслями и заподозриваніями, обратившимися у насъ въ хроническую болѣзнь, что отчаяваешься въ самой возможности когда-нибудь изъ нихъ выпутаться.

Глубокіе знатоки быта великорусскихъ и малороссійскихъ крестьянъ пришли къ такому заключенію: малороссіяне больше дорожили личной свободой, великоруссы—землей; оттого у первыхъ развилась личная поземельная собственность, у вторыхъ она не существуетъ и замѣняется общиннымъ землевладѣніемъ. Послѣдствіемъ было то, что въ Малороссіи есть безземельные крестьяне, и число ихъ ростетъ; а у великоруссовъ безземелье, при общинномъ владѣніи, является рѣдкимъ исключеніемъ.

Такъ дѣйствительно и было до отмѣны крѣпостного права.

Съ освобожденіемъ земледѣльческаго населенія отъ крѣпостной зависимости и административной опеки, естественно возникъ вопросъ: какая же форма землевладѣнія желательнѣе для упроченія и улучшенія быта земледѣльцевъ?

Огромное большинство нашихъ образованныхъ и мыслящихъ людей ставило и рѣшало этотъ вопросъ такъ, какъ онъ былъ поставленъ и рѣшенъ въ Европѣ. По этому взгляду, общинное землевладѣніе есть непреодолимая преграда для развитія гражданской и экономической свободы, для успѣховъ земледѣльческой производительности и правильнаго сельскаго хозяйства, наконецъ для установленія правомѣрныхъ отношеній между людьми. Общинное землевладѣніе, — говорятъ поборники этого взгляда,—вездѣ существовало во времена варварства и вездѣ, съ успѣхами гражданственности, замѣнено личною поземельною собственностью. Стало быть, тѣмъ же путемъ должны идти и мы.

Подъ вліяніемъ такихъ воззрѣній составлены Положенія 19 февраля. Уступки сдѣланы въ пользу существующихъ у великорусскихъ и бѣлорусскихъ крестьянъ понятій и привычекъ, которыхъ законъ не хотѣлъ измѣнять насильственно. Но въ Положеніяхъ 19 февраля всюду просвѣчиваетъ убѣжденіе, что съ успѣхами гражданственности сами крестьяне захотятъ отказаться отъ общиннаго землевладѣнія, и законъ указываетъ имъ разные способы къ выходу изъ этого порядка пользованія землею.

Однако, никто еще не опровергалъ и не могъ опровергнуть наблюденія, что начало личной поземельной собственности дѣйствуетъ на мелкое землевладѣніе разрушительнымъ образомъ. Право личной собственности обращаетъ землю въ предметъ купли и продажи, въ товаръ, который, подъ вліяніемъ неравной конкурренціи между богатыми и бѣдными, мало-по-малу переходитъ въ руки первыхъ, сосредоточивается въ нихъ и рано или поздно отдаетъ въ ихъ власть обезземеленныя и обездоленныя массы, которыя, вслѣдствіе того, обращаются въ батраковъ и пролетаріевъ. Что это не одно предположеніе, а дѣйствительный фактъ, подтверждается безчисленными наблюденіями не только въ Малороссіи, но и въ западной Европѣ. Въ странахъ съ высшей культурой значительная часть населенія притягивается фабричною и торговою дѣятельностью; этимъ отчасти парализуются, отчасти скрадываются отъ глазъ вредныя послѣдствія обезземеленія; но тамъ, гдѣ промышленность и торговля мало развиты и требуютъ немного рукъ, гдѣ большинство населенія кормится отъ земли, тамъ разстройство мелкаго поземельнаго владѣнія гибельно отзы-

вается на благосостояніи и бытѣ народныхъ массъ.

Эти различныя наблюденія и выводы изъ своихъ и чужихъ опытовъ послужили основаніемъ для различныхъ воззрѣній на устройство нашего крестьянскаго землевладѣнія.

Тѣ, которые видятъ въ землевладѣніи залогъ прочнаго обезпеченія и будущаго благосостоянія крестьянъ, стоятъ горой за общинное землевладѣніе и хотѣли бы замѣнить имъ между крестьянами личную поземельную собственность даже тамъ, гдѣ послѣдняя успѣла уже прочно укорениться. Люди культурныхъ стремленій вообще, безъ опредѣленной программы, желали бы отмѣны общиннаго землевладѣнія, какъ существенной помѣхи индивидуальному развитію и успѣхамъ сельской промышленности. Наконецъ тѣ, которые видятъ залогъ благоустройства государства въ сильной поземельной аристократіи, или въ богатой буржуазіи, представительницѣ промышленности, торговли и капитала, и подавно желали бы скорѣе отдѣлаться отъ общиннаго землевладѣнія, которое, правда, доставляетъ жалкое прозябаніе народнымъ массамъ, но за то не даетъ сложиться и устроиться тѣмъ высшимъ слоямъ общества, безъ которыхъ, по ихъ мнѣнію, немыслимо развитіе и процвѣтаніе государства.

Каждое изъ этихъ воззрѣній отстаиваетъ свою болѣе или менѣе ясно сознаваемую программу всѣми способами, не останавливаясь ни передъ какими. Послушать однихъ, защитники общиннаго владѣнія — ярые демократы, соціалисты и коммунисты, или поборники варварства и азіатскаго строя жизни, враги культуры и прогресса; въ устахъ другихъ, противники общиннаго землевладѣнія— крѣпостники, олигархи, люди, приносящіе народныя массы въ жертву себялюбивой аристократіи и бездушному золотому мѣшку, или же пустоголовые болтуны, отказавшіеся отъ своей народности, поющіе съ чужого голоса, раболѣпные прислужники западно-европейской цивилизаціи.

Кто правъ, и на чемъ остановиться посреди этихъ разнообразныхъ мнѣній, недоразумѣній и инкриминацій? Вотъ вопросъ, который, прежде всего, предстоитъ разрѣшить.

Если, какъ доказываютъ факты, общинное владѣніе есть наилучшее, наидѣйствительнѣйшее средство противъ обезземеленія народныхъ массъ и сосредоточенія землевладѣнія въ рукахъ немногихъ капиталистовъ, во вредъ и ущербъ большинству населенія, то общинное владѣніе необходимо не только сохранить, но поддержать и утвердить закономъ. Особливо это необходимо у насъ, при маломъ развитіи перерабатывающей промышленности и торговли и при громадномъ преобладаніи земледѣльческаго населенія, которое, какъ мы старались показать въ первой главѣ, составляетъ характеристическую особенность русскаго государства.

Но если общинное землевладѣніе представляетъ твердый оплотъ противъ обезземеленія народныхъ массъ, то оно, въ теперешнемъ своемъ видѣ, несомнѣнно имѣетъ и весьма существенныя неудобства. Участникъ общиннаго землевладѣнія связанъ по рукамъ и ногамъ; онъ не можетъ воздѣлывать своего участка, какъ бы ему хотѣлось, а долженъ волей-неволей подчиниться порядку полеводства, котораго держатся всѣ прочіе члены одного съ нимъ общества. При такихъ условіяхъ личный починъ въ улучшеніи хозяйства невозможенъ: надо, чтобы все сельское общество признало необходимость такого улучшенія, а это дѣлается не скоро, тѣмъ болѣе, что, при невозможности отдѣльныхъ личныхъ попытокъ улучшить хозяйство и поставить его на другую ногу, у большинства не можетъ быть передъ глазами образцовъ, которые побудили бы его послѣдовать хорошему примѣру. Оттого это большинство, какъ мы и видимъ, упорно и насильно остается при старыхъ полевыхъ порядкахъ гораздо дольше, чѣмъ бы того требовали его собственныя, очевидныя выгоды. Мало того, при повсемѣстныхъ теперь—въ обществахъ съ общиннымъ пользованіемъ землею—болѣе или менѣе частыхъ переверсткахъ земельныхъ участковъ между хозяевами и передѣлахъ всей земли по числу душъ или работниковъ, никто изъ хозяевъ не можетъ быть увѣренъ, что его тщательно унавоженныя и обработанныя пашни не достанутся, нынче-завтра, другому, въ обмѣнъ на истощенныя, запущенныя и дурно обработанныя. Въ обществахъ, гдѣ ожидается передѣлъ земли, хозяева задолго перестаютъ вывозить въ поле навозъ изъ опасенія, что его трудами и затратами можетъ воспользоваться нерадивый и безпечный хозяинъ. Такіе примѣры мы имѣемъ у себя передъ глазами,—говоримъ на основаніи фактовъ. Очевидно, что подобныя условія крайне неблагопріятны для сельскаго хозяйства и положительно мѣшаютъ его развитію.

Поборники общиннаго владѣнія возражаютъ противъ этого, что оно, однако, уживается даже съ высшими видами сельскохозяйственной культуры, и въ доказательство указываютъ на мѣстности, гдѣ крестьяне разводятъ изстари въ полевомъ надѣлѣ аптекарскія растенія, огородныя овощи, даже плодовые деревья и кусты, оставаясь однако при общинномъ землевладѣніи. Но это возраженіе ничего не доказываетъ. Приводимые примѣры относятся къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ цѣлыя селенія занимаются названными отраслями сельскаго хозяйства, составляющими такимъ образомъ постоянный общій промыселъ всѣхъ жителей селенія. А когда всѣ хозяева занимаются одной и той же полевой культурой, при помощи одних и тѣхъ же пріемовъ, переверстка и передѣлъ земли, разумѣется, не могутъ имѣть дурного вліянія на промыселъ, точно такъ-же, какъ земля, дающая обильные урожаи безъ удобренія и при самой первобытной обработкѣ, можетъ передѣляться и разверстываться между хозяевами безъ всякаго неудобства. Обѣ крайнія степени культуры, высшая и первобытная, въ данномъ случаѣ сходятся, но обѣ, очевидно, предполагаютъ, что всѣ, безъ исключенія, участники общиннаго владѣнія одинаково занимаются одной и той же культурой, или что, напротивъ, земля не требуетъ большихъ за собою хлопотъ. Но когда она требуетъ тщательнаго удобренія и обработки, и хозяева захотятъ вести полеводство каждый по-своему или заниматься на своихъ участкахъ разными отраслями сельскаго хозяйства, тогда теперешнее общинное пользованіе, очевидно, дѣлается помѣхой и задержкой для успѣховъ земледѣлія и для частнаго индивидуальнаго почина, направленнаго къ усовершенствованію существующихъ способовъ культуры и введенію улучшенныхъ.

И такъ, или обезпеченіе земледѣльческихъ массъ отъ обезземеленія, но съ пожертвованіемъ индивидуальной самостоятельностью и усовершенствованіемъ земледѣлія и сельскаго хозяйства, или развитіе индивидуальнаго почина между крестьянами, извлеченіе изъ земли возможно бо̀льшаго дохода при помощи улучшенной культуры, но со введеніемъ между крестьянами личной поземельной собственности и отмѣной общиннаго землевладѣнія, а слѣдовательно прочной и надежной гарантіи противъ обезземеленія. Вотъ въ какомъ видѣ ставится теперь вопросъ. Никакой середины, по общему убѣжденію, нѣтъ и быть не можетъ.

Дѣйствительно ли это такъ? Въ самомъ ли дѣлѣ общинное землевладѣніе и улучшенная культура исключаютъ другъ друга?

Мы думаемъ, что въ дѣйствительности никакого противорѣчія между успѣхами земледѣлія и обезпеченіемъ землею народныхъ массъ нѣтъ, что оно существуетъ только въ нашемъ воображеніи, возникло изъ совершенно ошибочной постановки вопроса, вслѣдствіе того только, что мы ложно понимаемъ общинное землевладѣніе. Всѣ почему-то увѣрены, что оно опредѣляетъ права крестьянъ на землю; а между тѣмъ, всѣмъ извѣстно, что оно возможно на земляхъ, занимаемыхъ сельскими обществами на совершенно различныхъ правахъ—на собственной и на чужой землѣ, арендуемой или отведенной въ надѣлъ крестьянамъ во владѣніе и въ пользованіе изъ земель частныхъ и государственныхъ. Стало быть, общинное землевладѣніе установляетъ не права на землю, а только извѣстный способъ владѣнія и пользованія ею, и при томъ не вообще, а только между тѣми, кто ею владѣетъ сообща. Что только способъ владѣнія и пользованія землею, обычный между великорусскими и бѣлорусскими крестьянами, который мы называемъ общиннымъ, составляетъ существенное препятствіе для успѣховъ земледѣлія,—въ этомъ очень легко убѣдиться изъ слѣдующаго. Представимъ себѣ, что земля, состоящая въ общинномъ владѣніи крестьянъ, обратилась въ ихъ личную собственность, и за каждымъ изъ хозяевъ закрѣпленъ тотъ надѣлъ, которымъ онъ теперь владѣетъ и пользуется на общинномъ правѣ: станутъ ли отъ того для крестьянъ сельско-хозяйственныя условія лучше? Ни мало; земельный надѣлъ, раздробленный на мелкія полоски во всѣхъ трехъ поляхъ и клинахъ, на которые раздѣлены поля, одинаково неудобенъ для сельско-хозяйственныхъ улучшеній, на какомъ бы правѣ крестьянинъ имъ ни владѣлъ. Чтобы сельско-хозяйственныя улучшенія были возможны, нужно уничтожить черезполосицу, по крайней мѣрѣ, раздробленность пашни на чрезмѣрно малые участки, отмѣнить или хотя бы сдѣлать крайне рѣдкими переверстки надѣловъ и передѣлы пашни по душамъ. Слѣдовательно, условіямъ улучшеннаго земледѣлія противорѣчитъ общеупотребительный теперь между крестьянами способъ распредѣленія земли, въ особенности

пашенной; но этотъ способъ можетъ измѣниться и при общинномъ землевладѣніи, чему мы и видѣли нерѣдкіе примѣры. Такъ, въ различныхъ мѣстностяхъ сами сельскія общества, мірскими приговорами, постановляютъ производить передѣлы пашни въ промежутки времени не ближе пятнадцати лѣтъ. Знаемъ также, что между крестьянами нѣкоторыхъ селеній уже придуманы разныя мѣры для устраненія, при передѣлахъ пашенъ, несправедливаго обмѣна тощей и дурно обработанной земли на хорошо удобренную и воздѣланную. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уже возникаетъ мысль о крайнемъ неудобствѣ раздѣленія пашни на мелкія полоски и о необходимости разбить ее на болѣе крупные загоны. Отсюда видно, что общинное владѣніе допускаетъ различные способы пользованія землею и не связано, какъ многіе думаютъ, съ тѣми, которые теперь господствуютъ между великорусскими и бѣлорусскими крестьянами. Поэтому, не общинное землевладѣніе, а крайне низкій уровень сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній и понятій препятствуетъ у крестьянъ успѣхамъ земледѣлія. Настаивающіе на отмѣнѣ общиннаго землевладѣнія, какъ главной помѣхи усовершенствованіямъ сельскаго хозяйства въ народныхъ массахъ, и указывающіе на водвореніе права личной поземельной крестьянской собственности, какъ на существеннѣйшее условіе для поднятія у насъ земледѣльческой культуры, обнаруживаютъ этимъ незнаніе и непониманіе дѣла, о которомъ судятъ такъ рѣшительно. Все зависитъ, повторяемъ, не отъ правъ на землю, а отъ способовъ пользованія ею. Можно и при общинномъ землевладѣніи создать самыя благопріятныя условія для успѣховъ сельскаго хозяйства; точно также и при полномъ господствѣ личной поземельной собственности можетъ существовать такой распорядокъ владѣнія и пользованія землею, при которомъ немыслима правильная и успѣшная эксплуатація земли. Если, какъ мы видѣли, общинное землевладѣніе не опредѣляетъ вовсе правъ на землю, а только способъ ея распредѣленія между соучастниками, то по какой, спрашивается, логикѣ, право личной поземельной собственности можетъ устранить неудобства общиннаго владѣнія? Логики во всемъ этомъ нечего и искать. Весь споръ между поборниками и противниками теперешнихъ сельско-хозяйственныхъ и земельныхъ порядковъ у нашихъ крестьянъ есть непрерывный рядъ поразительнѣйшихъ недоразумѣній, которыя такъ перепутались и смѣшались, что нѣтъ почти никакой возможности изъ нихъ выбраться.

Попытаемся пролить нѣкоторый свѣтъ въ эту темную область, созданную нашимъ незнаніемъ, непониманіемъ, неумѣньемъ разсуждать логически и научно правильно, и современными европейскими реакціонными и прогрессивными стремленіями, какъ они отразились въ нашихъ русскихъ головахъ. Чтобы сколько нибудь выразумѣть эту путаницу, въ высшей степени характеристическую для нашего времени, придется начать издалека, съ древнѣйшей эпохи русской исторіи.

На основаніи фактовъ, добытыхъ изслѣдованіями, развитіе общиннаго землевладѣнія представляется у насъ въ слѣдующемъ видѣ. Первоначально свободные люди, соединенные въ общества или товарищества и артели, занимали свободныя земли, поселялись на нихъ и съ общаго согласія установляли способъ владѣнія и пользованія ими. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что тогда, какъ и теперь, усадьба и пашни отводились въ особое владѣніе и пользованіе домохозяевъ, а выгоны, покосы, лѣса и рыбныя ловли находились въ общемъ пользованіи всѣхъ членовъ общества. Выходъ изъ послѣдняго былъ свободный; посторонніе могли вступать въ него добровольно, но, конечно, лишь съ согласія всѣхъ прочихъ членовъ.

При такомъ порядкѣ дѣлъ, каждый не иначе, какъ добровольно, подчинялся условіямъ общаго землевладѣнія, и безъ согласія *каждаго* изъ членовъ общества, товарищества или артели, т.-е. безъ *единогласнаго* рѣшенія, нельзя было постановлять никакой мѣры о распорядкѣ земель, обязательной для всѣхъ. Поэтому и круговая отвѣтственность всѣхъ за каждаго и каждаго за всѣхъ была тоже добровольная. Недовольный обществомъ выходилъ изъ него. Понятно, что при такихъ условіяхъ общиннаго землевладѣнія вопросъ о правѣ на землю не возникалъ и не могъ возникнуть. Существовало только отношеніе члена къ обществу. Всѣ они совокупно, на равныхъ правахъ, пользовались землей, на которой поселились и которою владѣли. Со вступленіемъ въ общество начиналось и отношеніе къ землѣ; съ выходомъ изъ перваго прекращалось и послѣднее. Право на землю было одною изъ принадлежностей правъ члена общества, съ нимъ оно возникало, съ нимъ и оканчивалось.

Земли же было много. Когда становилось тѣсно, часть общества отдѣлялась и основывала новыя поселенія. Оттого о передѣлахъ земли вовсе не упоминается. Въ нихъ не было надобности, и ихъ не было.

Когда земли перешли постепенно въ собственность частныхъ лицъ, учрежденій, вѣдомствъ и государства, когда свободные землевладѣльцы сначала были прикрѣплены къ землѣ, а потомъ и сами подпали подъ крѣпостное право, первоначальный бытъ свободныхъ поселенныхъ обществъ, а съ нимъ и условія ихъ землевладѣнія, должны были измѣниться кореннымъ образомъ. Свободный выходъ изъ закрѣпощенныхъ поземельныхъ обществъ и свободное въ нихъ вступленіе прекратились. Съ тѣмъ вмѣстѣ и добровольная круговая порука членовъ общества исчезла и смѣнилась недобровольной, обязательной. Изъ подневольныхъ поселенныхъ обществъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, не было свободнаго выхода, и потому, съ естественнымъ приростомъ населенія, нельзя было разселяться; приходилось на томъ же пространствѣ жить большему числу людей, слѣдовательно, потѣсниться, а такъ какъ члены поселенныхъ обществъ продолжали, по старымъ понятіямъ, считаться равноправными и всѣ должны были, по тѣмъ же понятіямъ, наравнѣ нести налоги, повинности и службы— средства же для ихъ исправнаго отбыванія давала земля—то пришлось ее разверстывать и передѣлять между всѣми поровну. При первоначальномъ, природномъ плодородіи земли и соотвѣтственныхъ тому первобытныхъ способахъ земледѣлія, такія разверстки и передѣлы должны были казаться естественными и не представляли никакого неудобства.

Въ такомъ-то измѣненномъ, правильнѣе искаженномъ, видѣ дожило общинное землевладѣніе до нашего времени. Мы его считаемъ народной святыней, воплощеніемъ русскаго народнаго генія, а оно, именно въ тѣхъ его особенностяхъ, которыми нѣкоторые больше всего дорожатъ, —въ передѣлѣ и переверсткѣ земель, въ правѣ каждаго на равную ея долю и въ обязательной круговой порукѣ— есть продуктъ прикрѣпленія къ землѣ, крѣпостного права, взиманія налога и повинностей съ душъ. Положенія 19-го февраля и послѣдующія органическія законоположенія о крестьянахъ, отмѣнившія крѣпостное право и административную опеку надъ крестьянами и надѣлившія ихъ землей, не измѣнили ни въ чемъ всѣхъ прочихъ условій, созданныхъ прикрѣпленіемъ къ землѣ и крѣпостною зависимостью. Они только замѣнили единогласныя постановленія о хозяйственныхъ распорядкахъ внутри селеній постановленіемъ приговоровъ по большинству голосовъ. Съ этимъ послѣднее, запоздалое воспоминаніе о когда-то существовавшихъ у насъ свободныхъ поселенныхъ товариществахъ или артеляхъ, окончательно исчезло. Впрочемъ, подъ вліяніемъ прикрѣпленія къ землѣ и крѣпостного права, оно уже давно потеряло всякій живой, дѣйствительный смыслъ.

Изъ сказаннаго видно, что общинное землевладѣніе, въ томъ видѣ, какъ мы его теперь знаемъ, есть уродливая помѣсь порядковъ, существовавшихъ въ старинныхъ свободныхъ поземельныхъ крестьянскихъ товариществахъ, съ тѣми, какіе возникли съ прикрѣпленіемъ ихъ къ землѣ и закрѣпощеніемъ двойною крѣпостью—помѣщичьяго права и подушныхъ налоговъ и повинностей; способъ же пользованія землею, господствующій нынѣ при общинномъ владѣніи, созданъ при условіяхъ первобытнаго земледѣлія и поддерживается теперь низкимъ уровнемъ сельскохозяйственныхъ знаній, невѣжествомъ, бѣдностью и безпомощностью нашего сельскаго люда. Теперь изъ этого археологическаго памятника нельзя больше сдѣлать никакого полезнаго употребленія. Онъ потерялъ всякій живой смыслъ и ветшаетъ съ каждымъ годомъ, служа только тормазомъ для правильнаго развитія земледѣльческаго населенія Россіи. Въ самомъ народѣ, между крестьянами, его неумолимо подтачиваетъ подъ корень усиливающаяся изо дня въ день потребность индивидуальной, личной независимости и свободы, которыя плохо уживаются съ порядками, созданными крѣпостнымъ правомъ, и съ исчезнувшими обязательными условіями первобытной сельско-хозяйственной культуры.

Вопросъ о замѣнѣ теперешняго общиннаго землевладѣнія другими, болѣе правильными сельско-хозяйственными порядками возникъ уже давно, но онъ осложнился такими теченіями русской жизни, которыя его совершенно исказили, перенесли совсѣмъ на другую почву и надолго отдалили правильное его рѣшеніе.

Прежде всего, отстранимъ идилліи на славянофильскія темы братства и любви, будто бы лежащихъ въ основаніи общиннаго землевладѣнія и составляющихъ характерное отличіе русскаго народа. Общинное землевладѣ-

ніе, въ теперешнемъ своемъ видѣ, есть тяжкое ярмо на шеѣ крестьянина, цѣпь, которая, вмѣстѣ съ подушною податью и круговою порукою, приковываетъ его къ землѣ и лишаетъ свободы. Устранимъ также и фантазіи соціальнаго свойства, будто общинное владѣніе заключаетъ въ себѣ зародышъ права всѣхъ и каждаго на равный надѣлъ землею. Такого химерическаго права вообще нѣтъ и быть не можетъ, и всего менѣе оно доказывается теперешнимъ общиннымъ землевладѣніемъ, въ которомъ равенство земельнаго надѣла вытекаетъ изъ равенства налоговъ, тягостей и службъ, и подавляетъ всякую личную свободу и починъ отдѣльнаго лица. Устранимъ, наконецъ, и вздорные толки, будто наше общинное землевладѣніе есть коммунистическій институтъ—пошлость, которую пустили въ ходъ иностранцы, не имѣющіе ни малѣйшаго понятія о бытѣ русскаго народа, и которая такъ охотно повторялась еще недавно въ извѣстныхъ великосвѣтскихъ кружкахъ, съ заднею мыслью отмѣнить порядокъ землевладѣнія, сохраняющій землю за крестьянами, и обратить ихъ въ безземельныхъ батраковъ на манеръ великобританскихъ, причемъ подразумѣвалось, что роль англійскихъ лордовъ и джентри, конечно, выпадетъ на долю русскихъ помѣщиковъ. Всѣ такія и имъ подобныя измышленія, плодъ дѣтскаго незнанія и досужей мечты, только спутываютъ понятія и мѣшаютъ прямо взглянуть на дѣйствительные факты, трезво взвѣсить и оцѣнить ихъ значеніе. Фантастическія представленія, о которыхъ мы говоримъ, не пережили крестьянской реформы, совершившейся въ шестидесятыхъ годахъ. Они испарились и исчезли, уступивъ мѣсто борьбѣ двухъ партій, которыя преслѣдовали уже не отвлеченныя, теоретическія, а вполнѣ практическія, реальныя цѣли. Одна изъ нихъ настаивала на надѣленіи земледѣльческихъ массъ необходимымъ для безбѣднаго существованія количествомъ земли, а также на обезпеченіи и упроченіи этой земли за ними на всегдашнія времена. Другая, напротивъ, старалась провести мысль, что земля должна остаться за ея владѣльцами. Этой партіи желалось, обративъ крестьянъ въ арендаторовъ и фермеровъ земель этихъ владѣльцевъ, чрезъ то поставить въ большую или меньшую зависимость отъ послѣднихъ и на вытекающихъ отсюда соціальныхъ условіяхъ построить все зданіе русскаго государства.

Первой удалось провести свою мысль въ органическихъ законахъ, создавшихъ въ Россіи классъ свободныхъ землевладѣльцевъ; но ей не посчастливилось осуществить ее въ дѣйствительности. Дѣло приведенія крестьянской реформы въ исполненіе перешло въ руки противной партіи, которая употребляла всѣ усилія и прибѣгала ко всѣмъ мѣрамъ, чтобъ ослабить на практикѣ строгое, точное и послѣдовательное осуществленіе мысли о крестьянскомъ землевладѣніи. Ей, однако, тоже не удалось провести своей мысли вполнѣ. За то изъ такихъ колебаній въ дѣлѣ величайшей государственной важности произошло то неопредѣленное и невыясненное положеніе, которое имѣло и до сихъ поръ имѣетъ самыя горестныя послѣдствія для всего внутренняго быта имперіи.

Борьба, происходившая въ законодательствѣ и администраціи, перешла и въ литературу, научную и публицистическую. Здѣсь ни одна сторона не могла открыто выступить подъ своимъ знаменемъ съ открытымъ забраломъ: желавшіе обезземеленія крестьянъ не могли высказать своего послѣдняго слова, потому что оффиціальная правительственная программа прямо ставила принципомъ противное; для поборниковъ же этой программы созданы были самыя тяжкія цензурныя условія. Такимъ образомъ, обѣ стороны вынуждены были таить свою мысль, высказываться осторожно, больше намеками и полусловами. Такія условія не могли не затемнить, не извратить вопроса. За невозможностью его обсуждать, сосредоточить на немъ всю полемику, по необходимости, пришлось перенести споръ на другую почву и вести его иносказательно. Возникла горячая борьба объ общинномъ землевладѣніи, причемъ съ обѣихъ сторонъ подразумѣвалось совсѣмъ не то, о чемъ открыто шла рѣчь. По странной ироніи судьбы, къ исторической руинѣ, отжившей свой вѣкъ, пріуроченъ живой и практическій современный вопросъ, отъ такого или другого рѣшенія котораго зависитъ вся наша будущность, все наше дальнѣйшее соціальное развитіе. Отъ старины, поросшей плѣсенью, мы требуемъ отвѣта на вопросы, порожденные обстоятельствами и условіями, которыхъ старинные люди не знали и не подозрѣвали; отъ ископаемаго міра ожидаемъ доводовъ и опроверженій нашихъ теперешнихъ взглядовъ, теорій и требованій. Легко вообразить, какая

изъ этого должна была произойти путаница въ головахъ.

Одни, опираясь на сельско-хозяйственные, экономическіе, юридическіе и политическіе доводы, желали бы водворить у насъ такое же исключительное господство начала личной поземельной собственности, какъ въ Европѣ, и на этомъ основаніи требуютъ отмѣны общиннаго землевладѣнія. Ратующіе за такую отмѣну безъ заднихъ мыслей ссылаются на примѣръ Европы, гдѣ упраздненіе общиннаго владѣнія шло рука объ руку съ водвореніемъ правильной эксплуатаціи земли; но они не обращаютъ вниманія на то, что въ Европѣ упраздненіе общиннаго владѣнія совершено въ пользу средняго и крупнаго землевладѣнія, что оно тамъ шло рука объ руку съ обезземеленіемъ мелкихъ владѣльцевъ и создало сельскій пролетаріатъ въ огромныхъ размѣрахъ. Этого они, конечно, не желаютъ, а именно этого-то и желаютъ всѣ требующіе съ заднею мыслью отмѣны общиннаго владѣнія. Такимъ образомъ, невозможность вести полемику на чистоту приводила въ одинъ лагерь, подъ одно знамя, стремленія, не имѣющія между собою ничего общаго. Отбросьте заднюю мысль обезземеленія крестьянъ и требованіе отмѣны общиннаго землевладѣнія сведется къ требованію иного распорядка крестьянскаго землевладѣнія, болѣе благопріятнаго для сельскаго хозяйства, чѣмъ тотъ, какой теперь существуетъ при общинномъ владѣніи. Противъ такого требованія едва ли кто станетъ спорить.

Такое же смѣшеніе языковъ мы находимъ и между поборниками неприкосновенности крестьянскаго землевладѣнія. Огромное ихъ большинство отстаиваетъ общинное владѣніе не потому, чтобы дорожило теперешними распорядками земли между общинниками, а потому, что видитъ въ отмѣнѣ общиннаго владѣнія первый шагъ къ обезземеленію крестьянства и ко всѣмъ нескончаемымъ бѣдствіямъ, которыя отсюда проистекаютъ. Очевидно, и въ этомъ случаѣ невозможность прямо и открыто стоять за крестьянскую поземельную собственность, необходимость говорить иносказательно вынудила прикрыться общиннымъ владѣніемъ, чтобъ отстоять права крестьянъ на землю. Но между этимъ ихъ правомъ и общиннымъ владѣніемъ нѣтъ ничего общаго. Поборники послѣдняго допускаютъ возможность отмѣны существующихъ теперь у общинниковъ распорядковъ землевладѣнія и замѣны ихъ другими, лучше отвѣчающими потребностямъ правильнаго земледѣлія. Но общинное землевладѣніе, какъ мы видѣли, и есть только извѣстный распорядокъ земли между членами общины. Правъ на землю онъ не опредѣляетъ. И потому отбросьте опасеніе, что съ отмѣною общиннаго землевладѣнія уничтожится крестьянская поземельная собственность, и число его поборниковъ тотчасъ же значительно сократится.

Такимъ образомъ, полемика, которая теперь ведется, какъ почти всѣ наши русскіе споры, осложнена съ обѣихъ сторонъ задними мыслями; чтобы выбраться, наконецъ, изъ путаницы формъ стариннаго, исчезнувшаго быта съ новыми задачами, надо строго различать тѣ и другія и изслѣдовать ихъ особо, не смѣшивая ихъ между собою. Всякій знаетъ и понимаетъ, что отъ стараго нельзя разомъ перешагнуть къ новому, что особливо сельскія массы чрезвычайно медленно и туго измѣняютъ формы своего быта, свои привычки, понятія, взгляды. Но считаться съ ними, обращаться бережно и осторожно, не производить крутой ломки въ бытѣ народномъ, не значитъ еще возводить то, что уже пережито, въ руководящій принципъ, въ политическій и законодательный догматъ. Надо знать, что было, чтобъ ясно видѣть куда идти, куда направлять жизнь, которая создаетъ новыя потребности и соотвѣтствующія имъ формы. Прошедшее завѣщало намъ много такого, чѣмъ мы можемъ воспользоваться для удовлетворенія новыхъ нуждъ, и не мало такого, что этому мѣшаетъ. Надо употребить въ дѣло первое и устранить послѣднее. Вотъ наша задача въ настоящемъ и ближайшемъ будущемъ. Цѣль—упрочить за земледѣльческимъ населеніемъ отведенныя имъ земли, обезпечить его навсегда отъ обезземеленія и устроить распорядокъ земель между крестьянами удобнымъ и благопріятнымъ для развитія земледѣлія образомъ.

Многое въ этомъ направленіи уже сдѣлано, но еще больше остается сдѣлать. Прошедшее завѣщало, въ привычкахъ и воззрѣніяхъ великорусскаго и бѣлорусскаго племени, владѣніе землею цѣлымъ сельскимъ обществомъ, безъ раздробленія въ частную собственность между отдѣльными домохозяевами. Какъ было показано выше, это образовалось первоначально вслѣдствіе занятія земель цѣлыми товариществами или артелями. Положенія 19-го февраля 1861 года возвели это обычное на-

чало въ законъ и, отмѣнивъ прежнія *единогласныя* постановленія всѣхъ домохозяевъ объ обязательныхъ для всѣхъ распорядкахъ земли, ввели, вмѣсто нихъ, постановленія о томъ же предметѣ *по большинству голосовъ*.

Селенія возведены, такимъ образомъ, въ отвлеченныя реальныя, юридическія лица, а дѣйствительныя лица, бывшія когда-то при существованіи товариществъ обладателями земли, обращены въ представителей и носителей юридическаго лица, т.-е. селенія, которое стало настоящимъ собственникомъ, несмотря на смѣну людей и поколѣній.

Къ сожалѣнію, рядомъ съ этимъ основнымъ началомъ введены разныя противорѣчащія ему правила подъ вліяніемъ предубѣжденія, будто, рано или поздно, переходъ общественной земли въ личную собственность долженъ неизбѣжно совершиться. Такъ, допущенъ выкупъ усадебъ въ личную собственность, безъ пашенъ и другихъ угодій; допущенъ выкупъ цѣлаго надѣла, съ вымежеваніемъ его изъ общинной земли, допущенъ раздѣлъ общинной земли между всѣми домохозяевами; вся выкупная операція, съ пособіемъ отъ правительства, разсчитана на послѣдующее обращеніе общинной земли въ подворную личную собственность; въ земляхъ, отведенныхъ въ надѣлъ государственнымъ крестьянамъ, каждому домохозяину предоставлено право продать свой надѣлъ односельцу или постороннему лицу на правахъ собственности. Такимъ образомъ, послѣднимъ результатомъ органическихъ мѣръ по созданію класса свободныхъ землевладѣльцевъ будетъ обращеніе общинной земли въ личную собственность домохозяевъ, а впослѣдствіи изъ этого неминуемо произойдетъ то, что было вездѣ,—постепенное обезземеленіе крестьянъ и скопленіе ихъ надѣловъ въ рукахъ немногихъ промышленниковъ и капиталистовъ. Еслибы подобное превращеніе общинной земли въ личную и частную собственность обязательно сопровождалось округленіемъ надѣловъ и выдѣленіемъ ихъ въ особыя хозяйственныя единицы, такую мѣру можно было бы если не оправдать, то, по крайней мѣрѣ, объяснить желаніемъ создать условія, благопріятныя для земледѣлія и культуры, которыхъ мы, при теперешнихъ распорядкахъ общинной земли, не находимъ. Но ничего подобнаго не было сдѣлано. Общинныя земли, обратясь въ личную собственность крестьянъ, по прежнему останутся разбитыми на мелкія полоски съ удержаніемъ черезполосицы. Отмѣнятся, правда, передѣлы и переверстки пашенъ; но измѣнить теперешнее, крайне неудобное и стѣснительное для правильнаго хозяйства распредѣленіе пашенъ станетъ, съ обращеніемъ ихъ въ частную собственность крестьянъ, еще несравненно труднѣе и не будетъ уже, какъ теперь, зависѣть отъ мірского приговора. Такимъ образомъ, теперешняя разорительная трехпольная система увѣковѣчится, и къ улучшенію крестьянскаго хозяйства будутъ закрыты всѣ пути. Теперь, пока выкупная операція еще не совершилась, все это еще поправимо; но когда она разъ завершится и начало личной поземельной собственности окончательно водворится, мы должны будемъ испытать на себѣ всѣ горькія послѣдствія соціальной дезорганизаціи, которая составляетъ ахиллесову пяту и темное пятно въ бытѣ европейскихъ государствъ.

Соединить для крестьянъ всѣ выгоды прочнаго водворенія и наслѣдственнаго владѣнія землею съ условіями, благопріятными для развитія и усовершенствованія земледѣлія можно, по нашему крайнему убѣжденію, лишь признавъ земли, отведенныя въ надѣлъ крестьянамъ, за *неприкосновенную и неотчуждаемую собственность сельскихъ обществъ и предоставя членамъ обществъ лишь право наслѣдственнаго владѣнія и пользованія этою землею, безъ права ее закладывать или какимъ-либо образомъ отчуждать на правахъ собственности*. Мы непоколебимо убѣждены въ томъ, что только такимъ устройствомъ землевладѣнія будетъ обезпеченъ и упроченъ бытъ земледѣльческаго населенія не у насъ однихъ, но и всюду, и разрѣшится вопросъ о сельскомъ пролетаріатѣ, озабочивающій теперь правительства, владѣющіе классы и мыслящихъ людей въ цѣломъ мірѣ.

Признаніемъ сельскихъ обществъ вѣчными собственниками земель, отведенныхъ въ надѣлъ крестьянамъ, безъ права ихъ отчуждать и закладывать, создается крестьянская земля, изъятая изъ обращенія, не подлежащая куплѣ и продажѣ, чѣмъ устранятся всѣ опасности обезземеленія крестьянъ чрезъ скупку ихъ надѣловъ немногими лицами.

Признаніемъ за каждымъ домохозяиномъ права наслѣдственнаго владѣнія и пользованія отведеннымъ ему надѣломъ устранится крайне вредный для успѣховъ земледѣлія періодическій передѣлъ земель, необезпеченность правъ лица передъ сельскимъ обще-

ствомъ по владѣнію землею. Но вмѣстѣ сохранится весьма драгоцѣнное право общества, по взаимному соглашенію домохозяевъ, уничтожить черезполосицу, измѣнить теперешнее распредѣленіе полей, ввести улучшенную эксплуатацію земли, завести участковое ею владѣніе въ одномъ мѣстѣ, или въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но не въ общихъ поляхъ съ другими и т. п. Этимъ устранятся всѣ невыгодныя послѣдствія теперешняго общиннаго землевладѣнія, но сохранятся и всѣ незамѣнимыя полезныя его стороны, которыя, съ введеніемъ личной собственности домохозяевъ на отведенные имъ надѣлы, должны, къ несомнѣнному вреду земледѣльческаго населенія, совсѣмъ исчезнуть.

Съ отмѣной періодическихъ передѣловъ земли прекратится и уравненіе земель между всѣми членами сельскаго общества и право каждаго изъ нихъ на равный съ другими земельный надѣлъ.

Противъ этого можно ожидать различныхъ возраженій.

Одни увидятъ въ этомъ посягательство на принципъ равнаго права всѣхъ на землю,— принципъ, который будто бы живетъ въ теперешнемъ общинномъ владѣніи. Но поборники этого принципа забываютъ, что такое равенство есть остатокъ не эпохи гражданской свободы крестьянъ, а напротивъ, какъ мы объяснили выше, выработалось изъ условій прикрѣпленія къ землѣ, закрѣпощенія и подушнаго обложенія податями, повинностями и службами, слѣдовательно, и не имѣетъ того значенія, какое имъ приписывается и должно исчезнуть вмѣстѣ съ условіями, которыя его создали. Кромѣ того, право каждаго на землю и равноправность въ надѣлѣ землею есть самообольщеніе, едва ли стоющее опроверженія. Земля нужна только земледѣльцамъ; занимающіеся другими промыслами нуждаются только въ очагѣ и осѣдлости и посмотрѣли бы на земельный надѣлъ какъ на тягость и обузу, или, что еще хуже, какъ на предметъ спекуляціи и наживы. Мало того: невозможно задаваться даже мыслью дать земельный надѣлъ каждому, желающему его получить; на это не хватило бы земли. Вопросъ о сельскомъ пролетаріатѣ могъ бы считаться вполнѣ разрѣшеннымъ, еслибы самая значительная часть мѣстнаго земледѣльческаго населенія была обезпечена землей и могла съ своими семьями жить, не нуждаясь въ необходимомъ; ибо гдѣ большинство устроено и обезпечено, тамъ около него проживаетъ безбѣдно много народа работой и промыслами всякаго рода. Опасность для общества не въ томъ, когда есть бѣдные, а въ томъ, когда большинство бѣдно и не обезпечено.

Другіе, не идя такъ далеко и оставаясь на практической почвѣ, укажутъ на невозможность провести предлагаемое нами поземельное устройство при теперешнихъ нашихъ административныхъ, финансовыхъ и полицейскихъ порядкахъ. Но мы и не считаемъ возможнымъ, при существованіи такихъ порядковъ, провести какую бы то ни было полезную перемѣну въ теперешнемъ положеніи нашихъ земледѣльцевъ.

Пока подать и повинности лежатъ на душахъ, необходима паспортная система; пока подати и повинности такъ несоразмѣрно превышаютъ доходы, доставляемые крестьянамъ землею, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи объ упроченіи ихъ быта на теперешнихъ мѣстахъ ихъ осѣдлости, такъ какъ во многихъ мѣстностяхъ земельный надѣлъ не есть право, преимущество или выгода, а напротивъ, бремя, тягость, которая навязывается насильно и отъ которой крестьянинъ радъ радостью отдѣлаться; пока существуетъ круговая порука, отвѣтственность всѣхъ домохозяевъ селенія за своихъ односельцевъ, неисправно платящихъ подати и отбывающихъ повинности, до тѣхъ поръ нечего и говорить объ освобожденіи крестьянъ отъ теперешней, почти крѣпостной, ихъ зависимости отъ міра и мірскихъ заправилъ. Въ общественномъ, какъ и во всякомъ организмѣ, все находится въ тѣсной взаимной связи и взаимно одно другое обусловливаетъ; такъ и въ настоящемъ случаѣ. Нечего и помышлять о правильномъ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, не измѣнивъ тѣхъ условій, которыя были и суть причиною неправильной, ненормальной постановки у насъ крестьянскаго дѣла. Прикрѣпленіе къ землѣ, крѣпостное право, тяжкіе личные налоги и повинности и вытекающія изъ нихъ принудительная круговая порука и паспортная система—логически привели къ рабской зависимости крестьянъ отъ помѣщика, отъ чиновника, отъ міра. Какъ крестьянинъ освобожденъ отъ одного изъ этихъ трехъ видовъ рабства, также точно онъ долженъ быть освобожденъ и отъ остальныхъ двухъ. Прямой налогъ долженъ быть приведенъ къ подати съ земли, не превы-

шающей нѣкоторой и притомъ небольшой части чистаго дохода, которую она теперь приноситъ. Мірской, земскій и другіе сборы точно также должны быть ограничены небольшою же долею чистаго дохода отъ земли. Разъ то и другое будетъ сдѣлано, нечего будетъ опасаться безцѣльнаго скитанья крестьянъ, избыванія ими податей и повинностей. Огромное большинство приростетъ къ землѣ, отъ которой его теперь насильно отрываютъ нужда, подати и гнетъ общества и мѣстныхъ властей. А тѣ крестьяне, которые занимаются городскими промыслами и не имѣютъ интереса удерживать за собой землю, мало-по-малу совсѣмъ перейдутъ въ города и уступятъ свое мѣсто земледѣльцамъ, къ обоюдной выгодѣ и селъ и городовъ.

Замѣна крѣпостной, вынужденной осѣдлости земледѣльцевъ добровольною, связанною съ собственнымъ интересомъ,—вотъ къ чему слѣдуетъ идти. Только съ разрѣшеніемъ этой задачи, давно уже стоящей на очереди, земледѣльческій бытъ у насъ устроится и окрѣпнетъ. Теперь подати, сборы и повинности, гласные и негласные, прямые и косвенные, не даютъ большинству крестьянъ возможности подняться и стать на ноги. Надо существенно облегчить ихъ бремя, и они, оправившись и войдя въ силу, легко будутъ платить отъ избытковъ больше теперешняго.

Свободное вступленіе въ сельское общество, свободный выходъ изъ него, станутъ возможны лишь съ той минуты, когда съ измѣненіемъ податной системы, отмѣной круговой поруки и опредѣленіемъ правъ и обязанностей, соединенныхъ съ владѣніемъ и пользованіемъ землей, принадлежащей сельскимъ обществамъ на правахъ собственности, отмѣнится теперешняя крѣпостная зависимость крестьянъ отъ міра и сельскаго общества.

При такомъ новомъ порядкѣ дѣлъ, поземельныя права сельскихъ обществъ и поселенныхъ на ихъ земляхъ крестьянъ, а также и взаимныя ихъ отношенія по землевладѣнію опредѣлятся въ слѣдующемъ видѣ:

Сельское общество, въ смыслѣ юридическаго лица, станетъ собственникомъ земли, отведенной въ надѣлъ крестьянамъ, но безъ права закладывать или какимъ бы то ни было образомъ отчуждать ее. Единственное назначеніе этой земли—служить для раздачи земледѣльцамъ въ безсрочное наслѣдственное владѣніе и пользованіе. Обращать крестьянскіе надѣлы въ выгодныя оброчныя или доходныя статьи, отдаваемыя въ содержаніе, должно быть безусловно запрещено закономъ. Распоряженіе землею, въ предѣлахъ правъ, предоставленныхъ на нее обществамъ, и съ тѣми ограниченіями, которыя установятся въ силу правъ земледѣльцевъ, получившихъ ее во владѣніе и пользованіе, должно, какъ и теперь, принадлежать членамъ общества по установленному закономъ большинству голосовъ. Властямъ, наблюдающимъ за исполненіемъ закона о крѣпостной землѣ, и самимъ заинтересованнымъ лицамъ должно быть предоставлено право жаловаться на незаконныя распоряженія сельскихъ обществъ крестьянскими землями судамъ, составленнымъ изъ крестьянъ-земледѣльцевъ и хотя бы одного юриста.

Земледѣльцы, принадлежащіе къ обществу, держатъ отведенную имъ общественную землю на правахъ безсрочнаго и наслѣдственнаго владѣнія и пользованія. Пока она остается за ними, никто, даже цѣлое общество, не въ вправѣ отобрать у нихъ эту землю, развѣ только въ случаѣ неисправности по отбыванію податей и повинностей. При новомъ распорядкѣ земель по большинству голосовъ домохозяевъ, каждый изъ нихъ сохраняетъ право получить, въ замѣнъ отходящей отъ него земли, другую, въ томъ же количествѣ и такого же качества. Отчуждать и закладывать землю, полученную отъ общества, владѣлецъ ея не въ правѣ. Выморочные и брошенные владѣльцами участки возвращаются въ распоряженіе общества; въ случаѣ же смерти владѣльца, на участокъ его имѣетъ ближайшее право его жена, дѣти и вообще нисходящее потомство. Никто не имѣетъ *права* держать безсрочно и наслѣдственно болѣе одного надѣла не только въ одномъ обществѣ, но хотя бы и въ разныхъ обществахъ. Два и болѣе надѣла *могутъ быть* отданы одному владѣльцу лишь на время, впредь до предъявленія на нихъ правъ другими, не имѣющими своего надѣла. Отступленіе отъ этого правила можетъ быть допущено въ пользу многочисленныхъ семействъ и тому подобныхъ случаяхъ. Какъ принадлежащая на правахъ собственности обществу, а не поселеннымъ на ней крестьянамъ, общественная земля не можетъ быть обращаема въ продажу на пополненіе казенныхъ и частныхъ взысканій: они падаютъ на строенія и движимое имущество должниковъ и вообще на ихъ

личную собственность. При выходѣ изъ общества, владѣлецъ можетъ сдать свой надѣлъ постороннему лицу не иначе, какъ съ согласія общества. Во всякомъ случаѣ, владѣльцу надѣла, выходящему изъ общества, принадлежитъ право собственности, кромѣ движимаго имущества, на строенія, возведенныя имъ или его предшественниками на его надѣлѣ; эти строенія онъ можетъ продать (но безъ права на землю) или свезти; наконецъ, онъ имѣетъ право получить вознагражденіе за всѣ сдѣланныя имъ самимъ улучшенія въ надѣлѣ, возвысившія его доходность. Самый же надѣлъ переходитъ отъ него къ обществу или другому владѣльцу безвозмездно.

Уменьшеніе или увеличеніе *того или другого* надѣла, измѣненіе его очертаній, переверстка и обмѣнъ его частей допускаются не иначе, какъ съ согласія самого владѣльца и общества. Безъ согласія владѣльцевъ допускается, по рѣшенію установленнаго закономъ большинства членовъ общества, въ видѣ общихъ мѣръ, обязательныхъ для всѣхъ владѣльцевъ въ обществѣ: передѣлъ всѣхъ земель, новое распредѣленіе участковъ, увеличеніе или уменьшеніе ихъ размѣра, введеніе новой системы хозяйства и т. п. Всѣ такія *общія* мѣры, подобно частнымъ, касающимся одного надѣла, могутъ быть обжалованы въ судъ, о которомъ сказано выше.

Таковы главныя черты того поземельнаго устройства, которое мы считаемъ необходимымъ для обезпеченія и упроченія быта земледѣльческаго населенія. Оно устранило бы недостатки теперешняго, на которые было указано выше, и въ то же время возстановило бы основныя черты нашихъ старинныхъ крестьянскихъ общинъ съ тѣми дополненіями и разъясненіями, которыхъ требуетъ болѣе зрѣлая гражданственность и опредѣлившійся бытъ государства. Такое устройство окончательно сняло бы съ сельскаго населенія тройное ярмо крѣпостной зависимости, подъ которымъ оно такъ долго стонало, и открыло бы путь всякимъ усовершенствованіямъ крестьянскаго полеводства по мѣрѣ распространенія въ земледѣльческихъ массахъ болѣе правильныхъ понятій о земледѣліи и сельскомъ хозяйствѣ. Въ числѣ важныхъ преимуществъ такого устройства слѣдуетъ въ особенности указать на то, что оно близко къ теперешнимъ понятіямъ и привычкамъ крестьянъ и, не ломая, не насилуя ихъ быта, поставило бы всякіе успѣхи и улучшенія въ зависимость отъ ихъ постепеннаго умственнаго, нравственнаго и экономическаго развитія; для тѣхъ же земледѣльцевъ, которые выростутъ изъ тѣсныхъ рамокъ общаго уровня и быта земледѣльцевъ, будетъ открыто, какъ и теперь, обширное поле дѣятельности внѣ сельской общины. Ея единственное назначеніе—успокоить, обезпечить и устроить земледѣльческія массы. Эта цѣль предлагаемымъ устройствомъ будетъ достигнута исподволь вполнѣ.

Но теперешнее наше законодательство и въ особенности практическое его примѣненіе администраціей и судомъ въ предѣлахъ бывшаго московскаго государства, гдѣ почти исключительно господствовало общинное землевладѣніе, нѣсколько уклонились отъ этой цѣли. Что же касается многихъ мѣстностей имперіи, имѣвшихъ, до присоединенія къ ней, свою исторію, то въ нихъ успѣли уже глубоко укорениться начала личной поземельной крестьянской собственности. Спрашивается, какимъ образомъ совершить, здѣсь и тамъ, переходъ къ предполагаемому поземельному устройству, не прибѣгая къ насильственнымъ и крутымъ мѣрамъ, которыя, вмѣсто пользы, принесли бы только существенный и неизгладимый вредъ?

Изъ числа наиболѣе сподручныхъ способовъ для совершенія такого перехода исподволь мы укажемъ на слѣдующее:

Въ Положеніяхъ 19 февраля указаны, какъ мы сказали выше, многіе пути для раздробленія общинной земли между домохозяевами въ частную, личную собственность, и ни одного для обращенія мелкой крестьянской поземельной собственности въ общинную, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, даже въ селеніяхъ не-великорусскихъ, сама необходимость часто наталкиваетъ на такого рода превращеніе земли изъ частной собственности, раздробленной на мелкіе куски, въ общинную. Можно, не нарушая ничьихъ правъ и никакихъ народныхъ привычекъ, прекратить на будущее время раздробленіе общинной земли въ личную собственность крестьянъ и выкупъ надѣловъ отдѣльными домохозяевами, съ выдѣленіемъ ихъ изъ общинной земли, и отмѣнить право бывшихъ государственныхъ крестьянъ продавать свои надѣлы, безвозмездно полученные изъ казенныхъ земель. Вмѣсто того, должно постановить правиломъ, что неотчужденная еще общинная

земля, приписанная къ селеніямъ, составляетъ неотчуждаемую и незакладываемую вѣчную собственность селеній, и предоставить послѣднимъ право пріобрѣтать вновь землю на имя сельскаго общества и выкупать, въ пользу же общества, надѣлы, пріобрѣтенные домохозяевами и купленные у нихъ посторонними лицами въ частную личную собственность. Выкупъ такихъ надѣловъ изъ частной собственности въ пользу обществъ можно подчинить правиламъ пріобрѣтенія недвижимой собственности на общеполезное употребленіе и поощрить къ такимъ выкупамъ выдачею изъ кредитныхъ установленій долгосрочныхъ ссудъ, съ погашеніемъ ихъ на банковыхъ правилахъ. Такими мѣрами будетъ, по крайней мѣрѣ, остановлено дальнѣйшее распаденіе крестьянскихъ земель и положенъ конецъ начавшемуся уже переходу ихъ въ руки скупщиковъ.

Обращеніе земель, владѣемыхъ на правѣ частной собственности, въ общественныя должно быть допущено безпрепятственно. Теперь нерѣдко случается, что общинныя земли только для виду раздѣляются между крестьянами, чтобъ избѣжать круговой поруки по уплатѣ податей и повинностей. Съ измѣненіемъ податной системы и съ отмѣной круговой поруки, такія раздробленія общественныхъ земель больше не понадобятся, и надо всячески облегчить крестьянамъ возможность отмѣнить такіе фиктивные раздѣлы земель.

Труднѣе обратить въ общественныя земли надѣлы, находящіеся уже на выкупѣ, тѣмъ болѣе въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ выкупъ уже совершился. Исправить эту коренную ошибку положенія о выкупной операціи можно лишь постепенно и въ продолженіе долгаго времени. Съ этою цѣлью могли бы быть приняты слѣдующія мѣры:

Во-1-хъ, постановить правиломъ, что на будущее время выкупной платежъ, вносимый каждымъ домохозяиномъ, имѣетъ значеніе взноса денегъ по общественной раскладкѣ, дѣлаемой съ цѣлью пріобрѣтенія выкупаемой земли не въ личную, а въ общественную собственность.

Во-2-хъ, суммы, уплаченныя въ *погашеніе капитальнаго долга* до изданія такого правила, должны быть возвращены уплатившимъ посредствомъ банковой операціи, если они сами добровольно не согласятся считать ихъ за взносы, сдѣланные по общественной раскладкѣ на пріобрѣтеніе земли въ общественную собственность. Мы полагаемъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ крестьяне, у которыхъ и теперь земля находится въ общинномъ владѣніи, охотно согласятся на такое измѣненіе юридическаго характера сдѣланныхъ ими взносовъ капитальнаго долга; ибо вслѣдствіе передѣловъ, переверстокъ, неисправнаго взноса платежей нѣкоторыми домохозяевами, вслѣдствіе вступленія новыхъ членовъ въ сельскія общества и выхода изъ нихъ прежнихъ, передачи надѣловъ и тому подобныхъ передвиженій поземельныхъ владѣній, личные разсчеты крестьянъ между собою очень запутаны; сверхъ того, далеко не всѣ крестьяне имѣютъ ясное понятіе о юридическомъ характерѣ выкупныхъ взносовъ. Твердо они знаютъ только то, что взносомъ выкупныхъ платежей они пріобрѣтаютъ землю въ собственность, но какую именно, частную и личную, или общественную, — объ этомъ они, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ лишь сбивчивое и неясное представленіе. Взаимные ихъ разсчеты вертятся только на томъ, кто не доплатилъ и кто переплатилъ лишняго. Гдѣ общинное владѣніе продолжается и по сіе время, тамъ крестьяне, въ большинствѣ случаевъ, едва ли затруднятся признать землю за общественную, а платежи — за общественныя раскладки на ея выкупъ, если только они будутъ увѣрены, что земля останется въ безсрочномъ неприкосновенномъ и наслѣдственномъ владѣніи и пользованіи. Что касается до *процентовъ, уплачиваемыхъ по выкупнымъ ссудамъ*, то они во всякомъ случаѣ не подлежали бы возврату, такъ какъ представляютъ въ дѣйствительности лишь арендную плату за владѣніе и пользованіе невыкупленною еще землею, впредь до ея окончательнаго выкупа. При такихъ условіяхъ, размѣръ суммъ, подлежащихъ, въ случаѣ требованія, возврату, не можетъ быть слишкомъ значителенъ, а это обстоятельство существенно облегчало бы дѣло.

Гораздо труднѣе провести новое поземельное устройство въ тѣхъ селеніяхъ и цѣлыхъ областяхъ Россіи, гдѣ начало личной поземельной собственности уже успѣло вполнѣ вытѣснить общинное владѣніе и изгладить всѣ его слѣды въ нравахъ и привычкахъ сельскаго населенія. Здѣсь это можно не иначе, какъ постепенной, въ теченіе долгаго времени, скупкой земель, принадлежащихъ членамъ сельскихъ обществъ на правахъ соб-

ственности, и обращенiемъ ихъ въ общественныя по добровольнымъ съ ними сдѣлкамъ. Такiя сдѣлки, при бѣдности крестьянъ, могутъ сдѣлаться весьма для нихъ желательными, если они увидять и убѣдятся на дѣлѣ, что проданныя ими обществу земли въ дѣйствительности остаются въ ихъ безсрочномъ и наслѣдственномъ владѣнiи и пользованiи. При такомъ условiи вся сдѣлка представится имъ лишь отказомъ отъ права продавать и закладывать свои земли за щедрое вознагражденiе, равняющееся стоимости всей земли. Такiя сдѣлки и на самомъ дѣлѣ будутъ для большинства крестьянъ лишь измѣненiемъ юридическаго титула, на которомъ они владѣютъ: продать землю за полную цѣну, съ оставленiемъ за собою и дѣтьми навсегда, слишкомъ выгодно, чтобы многiе не захотѣли воспользоваться подобною сдѣлкой. Наконецъ, въ составъ неотчуждаемыхъ общественныхъ земель должны быть также включены всѣ выморочныя земли членовъ сельскихъ обществъ, которыя теперь по закону поступаютъ въ собственность обществъ. Такимъ образомъ, мало-по-малу большинство земель, принадлежащихъ членамъ обществъ на правахъ собственности, перешли бы въ собственность обществъ, послѣ чего къ немногимъ, остающимся еще въ частномъ правѣ, могли бы уже быть примѣнены правила обязательнаго выкупа. Такъ какъ въ проведенiи такой реформы заинтересовано и государство, и земство, и сами крестьянскiя общества, то фондъ для такихъ сдѣлокъ могъ бы образоваться постепенными малыми взносами отъ казны, земствъ и селькихъ обществъ. Во всякомъ случаѣ операцiя скупки должна быть ведена самимъ правительствомъ, какъ дѣло государственное. Отдавать его въ руки спекуляцiи не слѣдуетъ, ибо въ ея рукахъ она обошлась бы чрезмѣрно дорого и тѣмъ принесла бы не пользу, а вредъ.

Таковы, въ самыхъ главныхъ общихъ чертахъ, преобразованiя въ поземельномъ устройствѣ крестьянъ, которыя мы считаемъ не только необходимыми вообще, но настоятельными и неотложными. О важности и пользѣ ихъ было говорено выше. Теперь сведемъ, для наглядности, все сказанное въ общiе заключительные итоги.

Предполагаемыя преобразованiя имѣютъ задачею отмѣнить послѣднiе остатки закрѣпощенiя земледѣльцевъ и перенести на сельскiя общества права собственности на землю, занимаемую ихъ членами, съ присвоенiемъ послѣднимъ права безсрочныхъ и наслѣдственныхъ арендаторовъ. Это доставитъ массѣ народа всѣ блага и выгоды поземельной собственности и общиннаго владѣнiя безъ вытекающихъ изъ нихъ послѣдствiй, вредныхъ или для быта народныхъ массъ, или для успѣховъ земледѣлiя.

Вездѣ, гдѣ до сихъ поръ существуетъ общинное землевладѣнiе, т.-е. во всей Великороссiи, Бѣлоруссiи, предполагаемая реформа закрѣпила и опредѣлила бы юридически существующiя уже на фактѣ поземельныя отношенiя, не затронувъ ни въ чемъ привычекъ и воззрѣнiй земледѣльцевъ, что во всякомъ преобразованiи, касающемся народнаго быта, такъ неизмѣримо важно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, принадлежность земли, на правахъ собственности, обществу, а не отдѣльнымъ домохозяевамъ, дастъ возможность, когда понадобится, устроить поземельное владѣнiе внутри сельскихъ обществъ, согласно съ требованiями правильнаго и улучшеннаго земледѣлiя, что, при раздробленiи общинной земли между членами общества на правахъ личной собственности, будетъ совершенно невозможно безъ глубокихъ и коренныхъ потрясенiй правъ владѣльцевъ. Если хозяинъ земли есть общество, то оно можетъ, не нарушая ничьихъ правъ, устроить у себя поземельные порядки, какiе оно признаетъ наиболѣе полезными; когда же каждый хозяинъ будетъ собственникомъ своего надѣла, общество будетъ лишено возможности измѣнять существующiй распорядокъ полей и угодiй.

Если общинныя земли обратятся въ личную собственность крестьянъ, то внутри обществъ неизбѣжно начнется то обезземеленiе бѣднѣйшихъ и скопленiе участковъ въ рукахъ наиболѣе влiятельнаго, зажиточнаго и предпрiимчиваго меньшинства, какъ это замѣчалось всюду со введенiемъ личной поземельной собственности и начинается, къ несчастiю, уже и у насъ. Существенный смыслъ освобожденiя крестьянъ съ землею, единственно въ видахъ обезпеченiя осѣдлости народныхъ массъ, былъ бы въ такомъ случаѣ потерянъ, и надѣлы изъ помѣщичьихъ владѣнiй послужили бы только къ переведенiю земель изъ однихъ рукъ въ другiя безъ всякой пользы для земледѣльческаго населенiя. Напротивъ, если право собственности перейдетъ къ сельскимъ обществамъ и общинныя земли будутъ закрѣплены за ними

навсегда, безъ права отчужденія, а крестьяне станутъ безсрочными и наслѣдственными арендаторами этихъ земель, то отсюда произойдутъ два послѣдствія, благотворныя для быта земледѣльцевъ: во-первыхъ, при ограниченіи закономъ захвата многихъ надѣловъ въ однѣ руки, огромное большинство крестьянъ сохранитъ осѣдлость и свое хозяйство; во-вторыхъ, арендная плата за земли не будетъ возвышаться по произволу, какъ это дѣлается при отдачѣ земли въ наемъ собственниками; плата эта установится въ умѣренныхъ размѣрахъ самими сельскими жителями, заинтересованными въ томъ, чтобъ она не возвышалась вопреки справедливости. Притомъ, арендная плата въ пользу юридическаго лица—сельскаго общества, можетъ быть регулируема судомъ и закономъ, чт̀о немыслимо относительно личной поземельной собственности.

Далѣе: положеніе отдѣльныхъ крестьянъ относительно общественной земли не будетъ ничѣмъ существенно разниться отъ положенія личнаго собственника. Оставаясь безсрочнымъ и наслѣдственнымъ владѣльцемъ своего участка, крестьянинъ, его семья и потомство столько же обезпечены, какъ и личный собственникъ. Оставляя общество, крестьянинъ получитъ вознагражденіе за капиталъ и трудъ, который имъ затраченъ на улучшеніе и поднятіе доходности арендснаго надѣла, бывшаго въ его владѣніи и пользованіи. Единственное различіе его правъ съ правами личнаго собственника заключалось бы только въ томъ, что онъ не можетъ воспользоваться, подъ залогъ своей земли, благомъ поземельнаго кредита, не можетъ также, продажею владѣемой земли, реализировать капиталъ. Но мелкая недвижимая собственность не пользуется у насъ и теперь выгодами поземельнаго кредита; кредитъ же подъ залогъ движимости и строеній и при предполагаемомъ поземельномъ устройствѣ не только возможенъ и желателенъ для крестьянъ, но, какъ мы постараемся показать впослѣдствіи, составляетъ одну изъ насущныхъ потребностей сельскаго населенія. Здѣсь замѣтимъ, что аргументація въ пользу обращенія всѣхъ крестьянъ въ мелкихъ личныхъ поземельныхъ собственниковъ на томъ основаніи, что они, вслѣдствіе того, получатъ право закладывать и продавать свои земли, грѣшитъ противъ логики. Намъ говорятъ: мелкій личный собственникъ можетъ продать и заложить свою землю; а владѣющій ею на арендномъ правѣ—не можетъ. Это совершенно справедливо; но также справедливо и то, что неимѣющій вовсе собственной земли не можетъ ни продать, ни заложить ея. Въ общихъ разсужденіяхъ о личной выгодѣ или невыгодѣ того или другого права на землю мы не видимъ правильнаго перехода къ разрѣшенію вопроса о прочномъ устройствѣ быта и осѣдлости массъ, который выросъ въ наше время въ вопросъ первостепенной государственной важности. Что лучше разрѣшаетъ этотъ вопросъ: личная или общественная поземельная собственность—вотъ въ чемъ дѣло. Если справедливо, что послѣдняя благопріятнѣе для осѣдлости народныхъ массъ, то она и должна быть предпочтена, хотя бы личная поземельная собственность и представляла, съ личной точки зрѣнія, несомнѣнныя преимущества. Такая постановка вопроса представляется тѣмъ болѣе правильною, что мы предполагаемъ существованіе, рядомъ съ общественной поземельной собственностью, и личной—мелкой, средней и крупной собственности. Кто ее имѣетъ, или можетъ пріобрѣсти, пусть владѣетъ, пользуется и распоряжается ею, какъ хочетъ, умѣетъ и знаетъ. Крестьянинъ, которому не нравится жить на общественной землѣ и у котораго есть средства, можетъ, если захочетъ, купить себѣ землю, поселиться на ней и стать личнымъ поземельнымъ собственникомъ; онъ можетъ имъ стать, и оставаясь участникомъ въ общественной землѣ. Предлагаемое нами поземельное устройство имѣетъ въ виду не тѣхъ, у кого есть капиталъ, кто предпріимчивъ, а огромное большинство крестьянъ малоимущихъ, кормящихся изо дня въ день отъ земли. Общественная поземельная собственность обезпечитъ и оградитъ отъ случайностей конкурренціи гораздо болѣе, чѣмъ личная поземельная собственность. А мы только это и имѣемъ въ виду. Капиталъ и трудъ, вложенный крестьяниномъ въ общественную землю, во всякомъ случаѣ останется его личною собственностью, которую онъ, оставляя общество, удержитъ за собою или же за которую получитъ вознагражденіе отъ своего преемника.

Намъ замѣтятъ, что съ увеличеніемъ населенія и предлагаемое нами поземельное устройство не въ состояніи будетъ обезпечить землею всѣхъ земледѣльцевъ. Но мы вовсе и не задаемся такой неразрѣшимой задачей. Мы имѣемъ въ виду только устройство быта

большинства земледѣльческаго населенія, обезпеченіе ему покойнаго и безбѣднаго существованія и возможности постепенно улучшать хозяйство и свой бытъ. Это необходимо не только для земледѣльцевъ, но вмѣстѣ и для блага государства, высшихъ слоевъ общества и интеллигенціи. Гдѣ массамъ, именно большинству ихъ, плохо живется, тамъ общее положеніе тоже становится ненормальнымъ. У насъ же, вдобавокъ, массы простого народа кормятся преимущественно отъ земли; поэтому, у насъ вопросъ объ обезпеченіи за ними землевладѣнія естественно получаетъ государственную важность; а такое обезпеченіе даетъ не личная, а общественная поземельная собственность, которую регулировать и приспособить къ потребностямъ земледѣльческаго населенія гораздо легче и удобнѣе, чѣмъ личную поземельную собственность.

Сказаннымъ исчерпывается все, что мы имѣли сказать о поземельномъ устройствѣ крестьянъ. Не можемъ довольно настаивать на томъ, что дѣло это не терпитъ отлагательства, что за него надо приняться какъ можно скорѣе, ибо каждый пропущенный годъ только ухудшаетъ положеніе и создаетъ трудности въ возростающей прогрессіи. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и дезорганизаціи земледѣльческаго населенія нельзя уже будетъ пособить. Не дай намъ Богъ дожить до этого.

IV.

О возможности сельско-хозяйственныхъ успѣховъ при общественной поземельной собственности.

Читатели, интересующіеся крестьянскимъ дѣломъ, но недостаточно съ нимъ знакомые, быть можетъ, упрекнутъ насъ за то, что, предлагая для крестьянъ новое поземельное устройство, мы не обратили должнаго вниманія на сельско-хозяйственную сторону вопроса, тогда какъ она одна изъ важнѣйшихъ, если не самая важная. По вашей мысли, скажутъ намъ, отъ большинства домохозяевъ должно, какъ и теперь, зависѣть распредѣленіе земель между членами общества, устройство надѣловъ, система полеводства, обязательная для меньшинства, на сторонѣ котораго легко могутъ, однако, оказаться люди, болѣе знающіе и опытные по части сельскаго хозяйства. Въ чемъ же будетъ заключаться экономическое преимущество новаго поземельнаго крестьянскаго устройства передъ теперешнимъ? Въ какомъ отношеніи оно будетъ благопріятнѣе для успѣховъ крестьянскаго земледѣлія, чѣмъ общинное землевладѣніе, котораго вредное вліяніе на полевую культуру выяснено со всевозможной очевидностью и признается въ наше время всѣми?

Мы думаемъ, что наиболѣе неблагопріятныя для крестьянскаго хозяйства послѣдствія общиннаго землевладѣнія будутъ устранены, если за каждымъ домохозяиномъ будетъ обезпечено постоянное, наслѣдственное владѣніе и пользованіе землей, на которую онъ имѣетъ право по числу душъ или работниковъ. Этимъ отмѣнится частый переходъ земель отъ однихъ хозяевъ къ другимъ, въ ущербъ заботливыхъ и достаточныхъ крестьянъ и къ несправедливой выгодѣ нерадивыхъ или бѣдныхъ; но въ то же время крестьяне будутъ обезпечены противъ раздробленія общинныхъ земель, которое мы считаемъ вреднымъ и даже опаснымъ не только для благосостоянія крестьянъ, но и для цѣлаго государства.

Впрочемъ, подъ улучшеніемъ крестьянскаго земледѣлія разумѣется обыкновенно не улучшеніе поземельныхъ условій, а введеніе между крестьянами болѣе правильныхъ сельско-хозяйственныхъ пріемовъ, чѣмъ теперешніе. Именно съ этой точки зрѣнія смотрятъ на дѣло тѣ, кто, отвергая необходимость увеличить размѣры крестьянскихъ надѣловъ, настаиваютъ вмѣсто того на распространеніи между крестьянами улучшеннаго полеводства.

Возможно ли въ настоящее время такое улучшеніе, и стоитъ ли теперь этотъ вопросъ на первой очереди, какъ многіе думаютъ? Вотъ что надо разсмотрѣть прежде всего.

Вопросъ объ улучшеніи у крестьянъ земледѣлія возникъ у насъ не такъ давно, но уже имѣетъ за себя многихъ горячихъ сторонниковъ. Это неудивительно. Кто видалъ и знаетъ, какъ плохо и небрежно нашъ крестьянинъ обращается съ навозомъ, пашнею, покосомъ, лошадью, коровою; какъ неразсчетливо, на авось, онъ сѣетъ, убираетъ хлѣбъ, молотитъ и вѣетъ, сколько нелѣпѣйшихъ предразсудковъ и невѣжественныхъ понятій вноситъ въ свои занятія по хозяйству, тотъ естественно приходитъ къ мысли, что улучшеніе крестьянскаго земледѣлія должно стоять на ближайшей очереди. Вдобавокъ, знающіе люди утверждаютъ, что распложеніе вредныхъ насѣкомыхъ, опустошающихъ всходы, покосы и хлѣба въ Россіи, находится въ причинной связи съ дурной обработкой полей, замѣной культуры озимыхъ хлѣбовъ посѣвомъ яровыхъ,

и поднятіемъ пашни не съ осени, а весной. Если эти выводы подтвердятся точными изслѣдованіями, то усиливающійся изъ года въ годъ захватъ нашихъ полей вредными жучками, мухами и гусеницами послужитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что земледѣліе у насъ не только не улучшается, а къ несчастію падаетъ, и представитъ наглядное, графическое изображеніе распространенія его упадка.

Что земледѣліе у насъ вступило въ періодъ остраго кризиса, это, къ сожалѣнію, правда. Но отъ чего онъ произошелъ и какъ ему помочь, объ этомъ мнѣнія очень различны. Передъ этимъ фактомъ, какъ и передъ другими, одинаково губительными, мы по обыкновенію ходимъ въ туманѣ, хватаемся за первое, что попадется подъ руку, какъ за якорь спасенія, и строимъ на отрывочныхъ данныхъ цѣлые взгляды, забывая о другихъ данныхъ, которыя идутъ съ ними рядомъ и могли бы навести на другія соображенія. Къ этому еще присоединяется наша несчастная страсть обращать все на свѣтѣ въ орудіе запугиваній, заподозриваній и инсинуацій. Это спутываетъ всѣ наши мысли и не даетъ никакому вопросу выясниться въ его настоящемъ свѣтѣ.

Говорятъ, земледѣліе находится у крестьянъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Это справедливо. Но развѣ у однихъ крестьянъ? За рѣдкими исключеніями, оно тащится въ заржавѣлой рутинной колеѣ также въ помѣщичьихъ и купеческихъ хозяйствахъ, у арендаторовъ и съемщиковъ. Наша хищническая эксплуатація земли, безразсчетное высасываніе изъ нея производительныхъ силъ, не возвращая ихъ инымъ способомъ, вошли въ пословицу. Почему же на крестьянъ преимущественно указывается какъ на небрежныхъ, нерадивыхъ хозяевъ? Они ведутъ свои хозяйства, правда, не лучше, но за то и не хуже огромнаго большинства крупныхъ и среднихъ владѣльцевъ.

Причинами жалкаго положенія нашего сельскаго хозяйства называютъ: почти поголовное незнакомство съ технической стороною дѣла, недостатокъ, дороговизну и негодность рабочихъ рукъ и служащаго персонала, недостатокъ капиталовъ и дороговизну поземельнаго кредита, неустроенность и неправильность торговли сельскими произведеніями, путей сообщенія и способовъ перевозки, недостатокъ близкихъ и вѣрныхъ пунктовъ сбыта, трудность полученія и дороговизну необходимѣйшихъ предметовъ и орудій правильнаго хозяйства, личную и имущественную необезпеченность, крайне стѣснительное законодательство, которое вяжетъ по рукамъ и ногамъ и подавляетъ всякую промышленную предпріимчивость и энергію и т. п. Всѣ эти помѣхи успѣшному развитію земледѣлія и сельскаго хозяйства дѣйствительно существуютъ и имѣютъ на него очень вредное вліяніе. Но можно ли назвать ихъ главными? Вѣдь онѣ дѣйствуютъ испоконъ вѣка. Справедливость требуетъ сказать, что многія изъ нихъ въ наше время скорѣе ослабѣли, чѣмъ усилились. Отчего же, несмотря на то, земледѣліе у насъ падаетъ? Положимъ, что у помѣщиковъ оно упало вслѣдствіе сильнаго уменьшенія или потери дарового труда; а у крестьянъ отчего хозяйства тоже пошатнулись? Вѣдь они, вслѣдствіе освобожденія, несомнѣнно выиграли. Положимъ, свѣдѣнія ихъ въ агрономіи не Богъ вѣсть какія; но вѣдь нѣтъ такого мужика, который бы не зналъ, что суглинокъ и супесокъ нужно хорошо удобрять, а черноземъ пахать поглубже; что для удобренія надо держать побольше скота и т. п. На такой нехитрой агрономической мудрости и было прежде построено помѣщичье и крестьянское хозяйство, и шли они себѣ помаленьку, доставляя средства жить или хоть перебиваться изъ году въ годъ. Отчего же и теперь и отъ этой азбуки сельскаго хозяйства крестьяне какъ будто отстали, скота и лошадей противъ прежняго у нихъ убавилось на добрую половину, а мѣстами и гораздо болѣе того, даже тамъ, гдѣ на недостатокъ земли и угодьевъ нельзя пожаловаться? Этого нельзя объяснить обыкновенно приводимыми причинами, даже съ присоединеніемъ къ нимъ пьянства, лѣни и разврата мужика, которые многими особенно подчеркиваются. Главная, коренная причина всему— тягость налоговъ, наша финансовая политика. Въ какихъ-нибудь тридцать лѣтъ государственный бюджетъ утроился, денежныя земскія повинности учетверились. Крупная промышленность до послѣдняго времени пользовалась у насъ всевозможнымъ покровительствомъ и поддержкою государства, а мелкая и крестьянское хозяйство были оставлены на произволъ судьбы. Тяжкое бремя податей, взваленное на крестьянъ, вынудило ихъ сбывать, за что попало, не только свои произведенія, но и необходимыя орудія производ-

ства — скотъ и лошадей; пришлось и землю попримучить, и строеніе оставить безъ починки и ремонта. Выжидать хорошихъ цѣнъ на произведенія стало не подъ силу, и мелкій капиталистъ-кулакъ забралъ мужика въ неволю, ставитъ цѣну, какую хочетъ, и тогда, когда крестьянинъ ему продаетъ, и тогда, когда у него покупаетъ. Всѣ мелкія и среднія хозяйства и производства должны были вслѣдствіе того пасть; удержались одни крупныя. Пока ярмо податей не будетъ облегчено и финансовая политика не измѣнится, до тѣхъ поръ нечего и думать объ улучшеніи крестьянскаго земледѣлія и хозяйства. Напирая на второстепенныя условія, неблагопріятствующія его развитію, мы только себя обманываемъ и отводимъ глаза отъ главной причины, которая мѣшаетъ всему. Сперва надо устранить ее и потомъ уже подумать о введеніи сельско-хозяйственныхъ улучшеній и усовершенствованій. До тѣхъ же поръ возбужденіе у насъ общаго вопроса объ улучшеніи крестьянскаго земледѣлія и хозяйства будетъ походить на горькую иронію или свидѣтельствовать о наивномъ незнаніи самыхъ простыхъ вещей. Чтобы начать улучшенія сельскаго хозяйства, надо напередъ озаботиться о томъ, чтобы оно могло существовать; а теперешнія условія ведутъ къ систематическому его уничтоженію у крестьянъ. Чтобы наши слова не показались голословнымъ пессимизмомъ, напомнимъ объ условіяхъ крестьянскаго полеводства, и пусть самъ читатель разсудитъ, преувеличиваемъ ли мы наше теперешнее печальное положеніе, или говоримъ правду.

Съ чего начинаетъ всякій хозяинъ, собирающійся хоть сколько-нибудь осмысленно вести свое хозяйство? Онъ прежде всего старается округлить и устроить свою землю такъ, чтобы при данныхъ обстоятельствахъ правильное хозяйство на ней вообще было возможно. Такъ дѣлали и въ Европѣ. Регулированіе и округленіе владѣній заняли цѣлый періодъ въ сельско-хозяйственномъ развитіи западной Европы и послужили въ Англіи и Германіи, какъ извѣстно, поводомъ и предлогомъ къ обезземеленію сельскихъ жителей въ огромныхъ размѣрахъ. У насъ такое округленіе и устройство земли недоступно не только домохозяевамъ, но и цѣлымъ селеніямъ. Положенія 19-го февраля, неизвѣстно по какой причинѣ, лишили крестьянъ права требовать уничтоженія черезполосицы съ владѣльцами. А при черезполосицѣ не только правильное, но часто и никакое вообще хозяйство немыслимо.

Изъ множества такого рода стѣсненій, вяжущихъ крестьянъ по рукамъ и ногамъ въ ихъ полевомъ хозяйствѣ, выхватываютъ одно, съ которымъ крестьянамъ справиться всего легче, потому что оно отъ нихъ самихъ зависитъ,—именно черезполосность и передѣлъ *общинныхъ* земель, и расписываютъ яркими красками безобразіе, которое отсюда проистекаетъ. Почему же такъ нападаютъ именно на общинное владѣніе и благоразумно умалчиваютъ о невозможности или крайнихъ стѣсненіяхъ полевого хозяйства крестьянъ отъ черезполосицы съ *владѣльцами.* Не потому ли, что послѣдняя очень выгодна для бывшихъ помѣщиковъ и что общинное владѣніе, каково оно ни есть, мѣшаетъ обезземеленію крестьянъ? Сельско-хозяйственные непорядки, проистекающіе изъ черезполосицы и передѣловъ общинныхъ земель, съ успѣхами земледѣлія и съ поднятіемъ образованія между крестьянами, непремѣнно и легко будутъ замѣнены болѣе правильнымъ и болѣе благопріятнымъ для сельскаго хозяйства земельнымъ устройствомъ. Но пока стѣснительный для крестьянъ законъ, запрещающій имъ требовать разверстки земель съ посторонними владѣльцами, не будетъ отмѣненъ, до тѣхъ поръ о сколько-нибудь правильномъ крестьянскомъ хозяйствѣ нечего и говорить, потому что сами помѣщики врядъ ли согласятся добровольно отказаться отъ привилегіи, доставляющей имъ столько выгодъ въ видѣ денежныхъ платежей, арендъ и рабочей силы.

Далѣе: для того, чтобы подумать объ улучшеніи хозяйства, крестьянину нужно имѣть въ своемъ распоряженіи хоть какія-нибудь средства на необходимыя затраты. Нужно и скота прибавить, и сѣмянъ купить, и плужокъ; а у него не только никакихъ средствъ въ запасѣ нѣтъ, но онъ и необходимое продаетъ, чтобы подати уплатить и прокормиться съ семьей. Злая нужда гонитъ его изъ деревни и дому на сторону, чтобъ заработать деньги на насущныя надобности. О какихъ же улучшеніяхъ земледѣлія можетъ быть рѣчь при такихъ обстоятельствахъ? Вдобавокъ, для крестьянина не существуетъ кредита, не только дешеваго, но на условіяхъ сколько-нибудь сносныхъ. Какъ же онъ начнетъ поправлять свое хозяйство?

Представимъ себѣ, однако, такого крестья-

нина-счастливца, у котораго и земля отрубная есть, и кое-какія деньги, и добрая воля улучшить свое хозяйство. Гдѣ и какъ онъ научится, что̀ ему дѣлать и какъ приняться за дѣло? Для большихъ и среднихъ хозяйствъ кое-что уже сдѣлано съ этою цѣлью; для мелкихъ, крестьянскихъ—ровно ничего. Давно ли помѣщики, и то немногіе, принялись за осмысленное хозяйство примѣнительно къ нашимъ мѣстнымъ обстоятельствамъ? У насъ еще не успѣли выработаться и опредѣлиться типы на опытѣ изведанныхъ, осмысленныхъ, большихъ и среднихъ хозяйствъ для различныхъ мѣстностей, такъ что каждому начинающему хозяину приходится чуть не Америку открывать въ своемъ имѣніи и идти ощупью, дѣлая на каждомъ шагу кучу ошибокъ и ненужныхъ расходовъ. Крестьянину же негдѣ ни поучиться, ни посмотрѣть, ни послушать, ни почитать такого, что̀ бы ему, въ его быту, могло быть полезно.

Вотъ при какой обстановкѣ ставится у насъ вопросъ объ улучшеніи крестьянскаго земледѣлія. Не насмѣшка ли это? Не праздная ли это мечта, которой мы потому предаемся, что продолжаемъ сквозь очки смотрѣть на дѣйствительную жизнь. Мы смѣемся надъ мыслями и планами Петра Великаго, въ ребяческой увѣренности, что онъ хотѣлъ подѣлать изъ насъ голландцевъ и шведовъ. Чѣмъ же, однако, лучше, практичнѣе мысль завести между нашими мужиками усовершенствованную культуру полей? И какими мѣрами завели бы мы ее у нихъ? При наилучшихъ условіяхъ, при живомъ примѣрѣ предъ глазами, при увѣренности получить помощь и поддержку на переходные годы, они колеблются и не рѣшаются разстаться съ заведенными порядками, имѣя на то свои весьма вѣскія причины. Не думаютъ ли сторонники улучшеній прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ, какъ они ихъ затѣвали въ видахъ уничтоженія общиннаго землевладѣнія? Это было бы совсѣмъ по-петровски, съ тою только существенною разницею, что Петръ ясно и твердо зналъ, чего хотѣлъ; а современные реформаторы народнаго быта и хозяйства этого не знаютъ, потому что типы русскаго національнаго хозяйства, какъ сказано, еще не выработались, и пока еще только въ зародышѣ. Къ чему же мы будемъ принуждать крестьянъ?

Нельзя здѣсь кстати не указать на поразительное противорѣчіе, которое красной ниткой проходитъ чрезъ все, что у насъ теперь дѣлается, по крайней мѣрѣ, дѣлалось до сихъ поръ. Минувшее царствованіе дало крестьянамъ гражданскія права и призвало ихъ къ гражданской жизни. Вслѣдствіе этого, громадное большинство населенія имперіи, долгое время затертое и заслоненное тонкимъ слоемъ господствующихъ классовъ, выросло изъ-подъ земли къ человѣческому и гражданскому существованію. Воспитавшись въ теченіе вѣковъ подъ крайне своеобразными опредѣленіями нашего деревенскаго быта, это большинство представляетъ совершенно особый типъ культуры, не имѣющій съ культурою образованныхъ слоевъ почти ничего общаго. Слѣдовало бы ожидать, что на выработку новыхъ гражданъ, на пріобщеніе ихъ къ установившимся уже общественнымъ формаціямъ и условіямъ правильной гражданственности, будутъ направлены всѣ усилія, обращены всѣ наличныя средства. Такъ поступили шведы съ финнами. У насъ же видимъ совсѣмъ другое. До сего дня предметомъ заботъ остаются, по старому, выдающіеся слои общества, города и промышленные классы. Какую сторону жизни ни взять, — общественную, экономическую, умственную, или нравственную,—по всѣмъ безъ изъятія то и другое, сравнительно даже многое, дѣлается для высшихъ слоевъ, и ничего или почти ничего для огромнаго большинства. Въ этомъ отношеніи направленіе правительственной и частной дѣятельности не разнится почти ничѣмъ, и безпрестанныя напоминанія большинства печатныхъ о̀рагановъ остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Идеалы, выношенные и воспитанные въ городской или великосвѣтской средѣ, вскормленные на европейскихъ книгахъ и понятіяхъ, аристократическихъ, монархическихъ, буржуазныхъ, клерикальныхъ или радикальныхъ, не прилажены къ нуждамъ, потребностямъ и воззрѣніямъ крестьянскихъ массъ; форма этихъ идеаловъ остается нашему сельскому населенію непонятною и чуждою. Въ этомъ заключается главная причина, почему сельское населеніе равнодушно къ культурнымъ слоямъ, а они, въ большинствѣ, къ сельскому населенію. Оба составные элемента русской общественности живутъ каждый своею особенною жизнью, какъ было до дарованія крестьянамъ гражданскихъ правъ.

Это замѣчаніе вполнѣ относится и къ

предмету, который насъ теперь занимаетъ, именно, къ крестьянскому земледѣлію и хозяйству. Улучшеніе его поставлено задачею; но для ея разрѣшенія, даже для приготовленія ея разрѣшенія въ будущемъ, ровно ничего не дѣлается. А дѣла—бездна.

У насъ есть сельско-хозяйственныя школы, даже академіи, есть училища для приготовленія управляющихъ и приказчиковъ, но нѣтъ самыхъ простыхъ незатѣйливыхъ школъ, приноровленныхъ къ понятіямъ и потребностямъ крестьянъ, гдѣ бы парень лѣтъ 15-ти и старше, хотя бы безграмотный, могъ практически, съ наглядки, ознакомиться съ простѣйшими улучшенными сельско-хозяйственными пріемами, орудіями, сѣменами, скотомъ и лошадьми. Чѣмъ проще, незатѣйливѣй такія школы, чѣмъ онѣ ближе къ уровню теперешнихъ невѣжественныхъ сельскихъ массъ, представляя только нѣкоторое, необходимѣйшее улучшеніе противъ того, что у нихъ есть теперь, — тѣмъ успѣхъ и вліяніе такихъ школъ были бы вѣрнѣе и болѣе обезпечены. Такія школы должны бы быть разбросаны сотнями по деревнямъ въ тѣхъ краяхъ, гдѣ живутъ крестьяне-земледѣльцы. А у насъ едва ли найдется и одна такая школа.

У насъ есть сельско-хозяйственныя фермы, общія и спеціальныя, устроенныя по всѣмъ правиламъ усовершенствованной агрономіи. Онѣ представляютъ образцы культуры и улучшенныхъ орудій. Въ научномъ отношеніи онѣ, безъ сомнѣнія, и полезны, и необходимы. Очень можетъ быть, что онѣ достигаютъ и практическихъ цѣлей въ примѣненіи къ крупнымъ и среднимъ хозяйствамъ. Но для крестьянскихъ хозяйствъ ничего подобнаго нѣтъ. Для крестьянъ нужны не фермы съ лучшими образцами, а такія, которыя бы на дѣлѣ, практически имъ доказывали, что улучшенные пріемы и орудія земледѣлія выгоднѣе тѣхъ, какіе они употребляютъ. На такія фермы они охотно стали бы ходить смотрѣть и учиться. Фермы этого рода должны быть самыя простыя, не хитрыя, представлять только мѣстное крестьянское улучшенное хозяйство и показывать крестьянамъ, какъ наивыгоднѣйшимъ образомъ, съ малыми затратами, вести крестьянское хозяйство при данныхъ мѣстныхъ условіяхъ. Такія фермы должны быть устроены при сельско-хозяйственныхъ школахъ, ибо самыя эти школы, какъ мы ихъ себѣ представляемъ, должны быть не иное что, какъ такія фермы съ учениками въ видѣ работниковъ. Роль фермъ могли бы также играть и маленькія аренды, размѣрами не больше обыкновенныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, сдаваемыя на самыхъ льготныхъ условіяхъ хорошимъ хозяевамъ изъ крестьянъ, съ обязательствомъ вести на нихъ хозяйство улучшеннымъ способомъ и улучшенными орудіями. Такія крестьянскія фермы должны быть разсѣяны сотнями посреди земледѣльческаго населенія; затѣмъ, чтобы хозяйство на нихъ велось какъ слѣдуетъ, долженъ быть установленъ бдительный и серьезный надзоръ, конечно, не бумажный, формальный и стѣснительный, а дѣйствительный и разумный, помогающій дѣлу. При нѣкоторомъ вниманіи, такія фермы сослужили бы, въ какія-нибудь десять-пятнадцать лѣтъ, двѣ великія службы странѣ: живымъ, нагляднымъ и близкимъ примѣромъ онѣ пріохотили бы крестьянъ къ правильному хозяйству и въ то же время выработали бы на практикѣ различные типы маленькихъ крестьянскихъ хозяйствъ, самыхъ подходящихъ къ даннымъ мѣстнымъ условіямъ и обстоятельствамъ. Давнымъ давно пора подумать о такихъ фермахъ. А у насъ, сколько извѣстно, до сихъ поръ нѣтъ ни одной.

Скотоводство у крестьянъ-земледѣльцевъ находится въ печальнѣйшемъ положеніи и идетъ, какъ и все ихъ хозяйство, не впередъ, а назадъ. Крестьянскія клячи — маленькія, тощія, слабосильныя, вошли въ пословицу. Въ газетахъ пишутъ, что созданныя Петромъ Великимъ холмогорская порода коровъ и извѣстная порода битюговъ, превосходнѣйшій типъ русской рабочей лошади, начинаютъ на мѣстахъ портиться и изводиться. Помочь улучшенію расъ лошадей и рогатаго скота у крестьянъ могли бы только всѣмъ доступныя, недорогія случныя конюшни, разбросанныя повсюду. У насъ объ этомъ прежде много думали и кое-что въ этомъ смыслѣ даже сдѣлано. Но со времени освобожденія крестьянъ, когда полное невниманіе къ ихъ нуждамъ было возведено въ административный принципъ и поставлено во главу угла внутренней политики, о случныхъ конюшняхъ даже улучшенныхъ породъ лошадей не стало слышно. А ихъ нужны сотни и тысячи, чтобъ онѣ были у крестьянъ вездѣ по близости, подъ руками, иначе онѣ не принесутъ пользы; не вести же крестьянину своей коровы или лошади за тридцать-сорокъ верстъ на случку; у него на это и средствъ

не станетъ, еслибъ и была охота. Для крупнаго и средняго землевладѣнія дѣлается у насъ и въ этомъ отношеніи много хорошаго; для крестьянскихъ же хозяйствъ—ничего.

Чтобъ улучшить крестьянскія хозяйства, нужны хорошія сѣмяна и болѣе совершенныя орудія, чѣмъ тѣ, какія теперь въ употребленіи у крестьянъ. Нужда въ плугахъ, въ молотилкахъ, въ вѣялкахъ, простыхъ и дешевыхъ, такъ велика, что здѣсь и тамъ сами крестьяне начинаютъ ихъ изготовлять и они распространяются на большіе районы, заходятъ даже въ отдаленныя мѣста. Такимъ образомъ, сама нужда стучится въ дверь и показываетъ, что̀ нужно. Для крупныхъ и среднихъ хозяйствъ сельскія общества и сельско-хозяйственная администрація уже сдѣлали и продолжаютъ дѣлать многое, чтобы удовлетворить такой нуждѣ; но для мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ тоже не сдѣлано ничего по этой части. Небольшихъ складовъ улучшенныхъ сѣмянъ и наипростѣйшихъ, дешевыхъ, необходимѣйшихъ орудій, разсчитанныхъ на крестьянскія надобности, нѣтъ нигдѣ. Нужныхъ крестьянину сѣмянъ и орудій ему не только негдѣ купить, да и посмотрѣть-то на нихъ негдѣ. Какъ же онъ объ нихъ узнаетъ, съ ними познакомится? Откуда можетъ у него запасть въ умъ спасительное сомнѣніе въ непогрѣшимости сельско-хозяйственныхъ пріемовъ, заведенныхъ отцами и дѣдами? Будь у него подъ бокомъ то, что ему полезно знать, онъ бы посмотрѣлъ и подумалъ; а теперь ему и въ голову не приходитъ, что можно сдѣлать какъ-нибудь лучше. А то, что онъ видитъ по этой части хорошаго въ большихъ и среднихъ хозяйствахъ, ему не по карману, да и не идетъ къ его маленькому хозяйству.

Наконецъ, могучимъ распространителемъ правильныхъ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній между крестьянами могли бы служить просто написанныя, незамысловатыя дешевыя книжки съ чертежами и рисунками, которыя объяснили бы, наглянымъ и живымъ образомъ, главнѣйшіе недостатки теперешняго крестьянскаго хозяйства и домашняго обихода и необходимѣйшія въ немъ улучшенія, польза и доступность которыхъ бросались бы ему въ глаза. Грамотность дѣлаетъ у насъ въ простомъ народѣ большіе успѣхи, вкусъ къ чтенію понемногу развивается не только между грамотными, но и между безграмотными, изъ которыхъ иные охотно слушаютъ, когда имъ читаютъ. Но и въ этомъ отношеніи у насъ для крестьянъ ничего не дѣлается. Мы больше любимъ выспреннія сельско-хозяйственныя соображенія, охотно восходимъ на вершины сельско-хозяйственныхъ знаній, разсчитанныхъ на большія и среднія экономіи; а о томъ, что у насъ цѣлые милліоны хозяевъ не знаютъ и азбуки сельскаго хозяйства, что имъ, какъ манна небесная, нужны самыя элементарныя сельско-хозяйственныя свѣдѣнія, которыхъ имъ почерпнуть рѣшительно неоткуда,—объ этомъ у насъ почти никто не думаетъ. Немногіе изъ насъ знаютъ даже, что напечатать и пустить въ продажу книжку вовсе еще не значитъ довести ее до свѣдѣнія простолюдиновъ. Книжки, которыя для нихъ пишутся, до нихъ почти не доходятъ; а у насъ, вдобавокъ, и писать-то для крестьянъ очень рѣдко кто умѣетъ; еще не выучились, за недосугомъ. Наша администрація имѣла бы всѣ средства пропустить полезныя сельско-хозяйственныя публикаціи во всѣ самыя глухія захолустья имперіи, въ любомъ количествѣ экземпляровъ. Съумѣла же она пропустить въ нихъ Положенія 19 февраля. Умно и толково написанныя книжки о томъ, что крестьянину крайне необходимо знать въ его домашнемъ обиходѣ, были бы теперь полезны не менѣе Положеній 19 февраля. Но такихъ книжекъ нѣтъ, ихъ никто не имѣетъ и о составленіи ихъ мало кто заботится. А послушаешь,—сколько толковъ о любви къ народу вообще и къ крестьянину въ особенности!

Итакъ, вотъ сколько условій нужно для того, чтобъ улучшеніе крестьянскаго хозяйства стало возможно. Такъ какъ ни одного изъ этихъ условій, начиная съ правильнаго устройства крестьянскаго землевладѣнія, нѣтъ, то и нельзя поднимать этого вопроса. Всему свое время и своя очередь. Есть здѣсь и тамъ отдѣльныя мѣстности, отдѣльныя селенія, гдѣ, вслѣдствіе особенно благопріятныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, усовершенствованіе крестьянскаго хозяйства возможно. Но такіе исключительные случаи могутъ быть предметомъ не общихъ мѣропріятій, а частныхъ изслѣдованій и заботливости, и должны быть имъ всецѣло предоставлены. Мы же говоримъ здѣсь объ общихъ мѣрахъ для устройства крестьянскаго быта. При теперешнихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, улучшенія крестьянскаго хозяйства общими мѣрами невозможны и немыслимы. Чтобы вести дѣло

съ успѣхомъ, надо начинать его съ начала, а не съ конца или середины. Устроимъ сперва поземельныя владѣнія крестьянъ какъ слѣдуетъ, снимемъ съ нихъ чрезмѣрныя подати и повинности, которыя не даютъ имъ вздохнуть свободно. И то уже будетъ огромнымъ успѣхомъ, если, благодаря такимъ мѣрамъ, крестьяне будутъ въ состояніи примѣнять хоть тѣ понятія и знанія о сельскомъ хозяйствѣ и полеводствѣ, какимъ научились у своихъ отцовъ и дѣдовъ. Затѣмъ, облегчимъ имъ всячески способы ознакомиться съ условіями и пріемами правильнаго хозяйства и примѣнить свои знанія къ дѣлу на своей землѣ; тогда крестьяне сами, скорѣе, чѣмъ мы думаемъ, перейдутъ и къ многополью, и къ травосѣянію, и къ улучшеннымъ орудіямъ, и къ умноженію и улучшенію скота и лошадей. Ко всему этому побудитъ ихъ собственный интересъ, выгода, гораздо дѣйствительнѣе и вѣрнѣе всякихъ принудительныхъ мѣръ. У насъ же разсуждаютъ какъ разъ наоборотъ, и прежде всего, по преданію и привычкѣ, хватаются за принужденіе, не давая себѣ труда подумать, къ какому результату оно можетъ привести. Принужденіе, возведенное во всеобщій принципъ, какъ у насъ, порождаетъ подъ конецъ полнѣйшее равнодушіе ко всему, даже къ собственному интересу, и отучаетъ умъ и волю отъ самодѣятельности. Кромѣ того, какъ мы старались показать, принудительныя мѣры, по части улучшенія земледѣлія и хозяйства, не привели бы у насъ ни къ чему, потому что для такого улучшенія нѣтъ необходимой почвы и подготовки; ввелись бы только, къ новому стѣсненію крестьянъ, административная регламентація, надзоръ и контроль со всѣми ихъ докуками и придирками въ такую область частной дѣятельности, куда они до сихъ поръ, къ счастью, еще не заглядывали. Разъ они сюда проникнутъ, можно быть увѣрену заранѣе, что противъ всякихъ нововведеній по земледѣлію и сельскому хозяйству у крестьянъ вкоренятся такія предубѣжденія, которыхъ потомъ нельзя будетъ искоренить и десятками лѣтъ. Вотъ причина, почему мы, съ своей стороны, были бы даже противъ запрещенія частыхъ передѣловъ общинной земли, — мѣры самой раціональной, относительно полезной и наиболѣе удобоисполнимой изъ всѣхъ обязательныхъ мѣръ, какія предлагались по крестьянскому хозяйству. Когда отмѣнится подушная подать, мало-помалу ослабѣетъ и исчезнетъ и разверстка земли по душамъ; на мѣсто ея по необходимости выработается понятіе о хозяйственной поземельной единицѣ, различной въ разныхъ мѣстностяхъ; можетъ быть, образуется представленіе о нѣсколькихъ различныхъ единицахъ такого рода, соотвѣтствующихъ сильнымъ, среднимъ и малымъ, или слабымъ крестьянскимъ хозяйствамъ. Тогда—но только тогда—наступитъ время помочь крестьянамъ законодательными мѣрами установить новыя условія быта, ограничить частые передѣлы и переверстки земель внутри селеній, содѣйствовать прекращенію въ нихъ черезполосицы и т. п., словомъ, постепенно урегулировать постоянными правилами поземельные порядки въ селеніяхъ, уже подготовленные измѣнившимися понятіями и убѣжденіями самихъ крестьянъ. Теперь надо приступать къ этому дѣлу съ крайнею осторожностью, предоставляя самой жизни и практикѣ опредѣлить дальнѣйшее направленіе и развитіе поземельныхъ отношеній внутри сельскихъ обществъ. Въ такомъ сложномъ и щекотливомъ дѣлѣ законодательство должно, не забѣгая впередъ, слѣдить за естественнымъ развитіемъ — и только помогать ему, расчищая дорогу.

V.

Объ устройствѣ мелкаго крестьянскаго кредита.

У крестьянъ есть пословица: „мужикъ что корова — кто пройдетъ, тотъ и подоитъ“. Нужно знать деревню и видѣть вблизи крестьянское житье-бытье, чтобы вполнѣ понять печальный смыслъ этой горькой ироніи мужика надъ самимъ собой. Только лѣнивый его не обираетъ. Явные, закономъ установленные поборы, налоги, повинности, службы и работы сами по себѣ составляютъ уже весьма солидное бремя для его скудныхъ средствъ, особливо если сообразить, что, кромѣ налоговъ прямыхъ, онъ платитъ массу косвенныхъ, которые обыкновенно не считаются, но которые онъ долженъ волей-неволей нести. Мы умѣемъ чрезвычайно краснорѣчиво распространяться о томъ, что крестьянинъ пропиваетъ несмѣтное количество денегъ, но при этомъ забываемъ, что у насъ, какъ и вездѣ, онъ строго держится заведенныхъ обычаевъ, „которые не нами начались и не нами кончатся“; а эти обычаи, въ очень многихъ случаяхъ жизни, непремѣнно тре-

буютъ покупки вина, хотя бы на него и не было денегъ, и крестьянинъ былъ бы радъ не покупать его вовсе. Обрядъ, обычай неотступно требуетъ угощенія виномъ родныхъ и знакомыхъ на крестинахъ, помолвкахъ, свадьбахъ, похоронахъ, въ великіе и храмовые праздники. Попойки на покосахъ, столь обычныя у крестьянъ, обусловлены частью усталостью, необходимостью подкрѣпить силы, частью же тоже обычаемъ, указывающимъ на прежде бывшее въ пору покоса какое-то языческое празднество. Заболѣлъ крестьянинъ, легъ въ больницу — плати; отправляется онъ въ заработки, часто по лихой нуждѣ — бери паспортъ и опять плати; попалъ, не только за неправду, а за свою правду въ судъ — опять плати и плати. Ни родиться, ни жениться, ни умереть крестьянинъ не можетъ безданно-безпошлинно: за все положена плата, иногда не только тяжелая, но просто разорительная. Создалось земство,—ему плати особо, и тоже не мало. О томъ, что придется промазать и такого, о чемъ ни въ какомъ законѣ не написано, нечего и говорить; невѣжда и неучъ-мужикъ, не имѣя знакомства и связей, заплатитъ негласныхъ поборовъ больше, чѣмъ гласныхъ и явныхъ, часто за то, отъ чего ему же придется потомъ отплачиваться съизнова и въ три-дорога. Такимъ образомъ, крестьянинъ со всѣхъ сторонъ обремененъ поборами, отплачивается направо и налѣво за все и про все, уплачиваетъ большую премію за свое невѣжество. На покрытіе всѣхъ этихъ расходовъ у него два источника: продажа своихъ произведеній и личный трудъ. Но по нуждѣ и злой судьбѣ мужика, доходы его отъ этихъ источниковъ доводятся почти до нуля, или же приносятъ ему лишнее бремя и разореніе. Читатель подумаетъ, что мы преувеличиваемъ, бьемъ на эффектъ. Вотъ однако несомнѣнные факты. — Къ „новинѣ“, т.-е. къ новому хлѣбу, когда всѣ запасы пришли къ концу и перехватить ихъ не у кого, цѣны на всѣ жизненные продукты сильно возвышаются на рынкѣ: торговецъ спѣшитъ воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ и продаетъ дорого. Убранъ хлѣбъ съ поля, мужикъ отъ нужды спѣшитъ везти на рынокъ продать что̀ можно: тогда цѣны вдругъ сильно падаютъ, торговецъ пользуется случаемъ купить какъ можно дешевле; а мужику продать необходимо,—и продаетъ онъ за то, что̀ ему даютъ. Слѣдующей зимой или весной ему приходится, чтобы прокормиться, снова покупать то, что̀ онъ продалъ съ осени за безцѣнокъ, и опять онъ покупаетъ по дорогой цѣнѣ. Такимъ образомъ, продавая дешево и покупая дорого, крестьянинъ всегда въ накладѣ, а причиной одна его нужда и безпомощность.

А трудъ? Казалось бы, трудъ, по крайней мѣрѣ, долженъ выручить крестьянина. Въ земледѣльческомъ краю трудъ по воздѣлыванію земли долженъ быть въ цѣнѣ? Но та же лихая нужда и безпомощность обратили и продажу труда въ самый обременительный видъ займа. Трудъ дорогъ ко времени, когда онъ нуженъ; когда же онъ ненуженъ, онъ идетъ ни за что; а крестьянинъ продаетъ свой трудъ въ то время, когда онъ никому не нуженъ! Въ исходѣ зимы, когда у крестьянина хлѣбъ весь, средства поистощились, а надо и подати платить, и прокормиться съ семьей, и кое-что по дому къ весеннимъ и лѣтнимъ работамъ справить, онъ беретъ у землевладѣльцевъ хлѣбъ подъ работу будущимъ лѣтомъ. Землевладѣльцу работа лѣтомъ нужна, но желающихъ получить хлѣба подъ работу много. Пользуясь своимъ выгоднымъ положеніемъ, онъ входитъ съ мужикомъ въ такую сдѣлку: выданный хлѣбъ долженъ быть возвращенъ сполна, натурою или деньгами по заранѣе назначенной цѣнѣ, которая нерѣдко опредѣляется выше рыночной; а за „пожданье“, т.-е. въ видѣ процента, получающій ссуду обязуется убрать съ поля извѣстное количество хлѣба, ярового или озимаго (вдвое меньше противъ ярового), т.-е. сжать или скосить, связать въ снопы, отвезти въ хлѣбный сарай и сложить порядкомъ. Если перевести эти условія на деньги, то выходитъ такой разсчетъ: четверть ржи лѣтъ пять-шесть тому назадъ стоила у насъ 6 рублей. Хлѣбъ, занятый въ мартѣ или апрѣлѣ, надо по условію возвратить въ сентябрѣ или октябрѣ, т.-е. черезъ шесть мѣсяцевъ; подъ уборку десятины ржи или двухъ десятинъ ярового, что̀ по мѣстнымъ цѣнамъ стоило на деньги 3 рубля, выдавалась четверть ржи. И такъ, за заемъ въ 6 рублей, крестянинъ платилъ 3 рубля въ 6 мѣсяцевъ, т.-е. 50%. Съ тѣхъ поръ, что рожь сильно вздорожала, о такихъ сдѣлкахъ стало мало слышно. Прекратились онѣ или измѣнили свою форму — намъ неизвѣстно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онѣ были очень обыкновенны и чуть ли не повсемѣстны во внутрен-

нихъ земледѣльческихъ густонаселенныхъ губерніяхъ.

Если крайняя нужда крестьянъ обратила продажу ими труда въ одну изъ самыхъ тяжкихъ и разорительныхъ формъ займа, то легко себѣ представить, на какихъ условіяхъ мужики бываютъ вынуждены занимать не подъ работу; размѣръ процентовъ въ такихъ случаяхъ превышаетъ всякое вѣроятіе. Мы слыхали о займѣ рубля изъ 10 копѣекъ процентовъ въ недѣлю, что̀ составитъ въ годъ 520%.

Съ мыслью помочь крестьянамъ въ ихъ кровной нуждѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ поощрить ихъ къ бережливости, устроены ссудо-сберегательныя товарищества, съ пособіемъ отъ правительства. Основной принципъ этихъ учрежденій есть тотъ, что крестьяне, имѣющіе избытки, образуютъ своими взносами складочный капиталъ, изъ котораго выдаются нуждающимся краткосрочныя ссуды съ уплатою умѣренныхъ процентовъ. Изъ этихъ процентовъ выдается дивидендъ вкладчикамъ. Такимъ образомъ, достигаются двѣ полезныя цѣли: тѣ крестьяне, которые имѣютъ деньги, находятъ у себя по близости выгодное для нихъ помѣщеніе, и это побуждаетъ ихъ къ бережливости; другіе же, нуждающіеся въ ссудѣ, получаютъ возможность у себя дома, не отлучаясь далеко, дѣлать займы на сравнительно весьма умѣренныхъ и выгодныхъ условіяхъ. Размѣры и условія вкладовъ и ссудъ разсчитаны по крестьянскимъ нуждамъ.

Польза этихъ учрежденій неоспорима. Она мѣстами отчасти парализуется тѣмъ обстоятельствомъ, что выданныя ссуды, по крайней бѣдности заемщиковъ, обращаются изъ краткосрочныхъ въ долгосрочныя и переписываются изъ года въ годъ за одними и тѣми же заемщиками. Этому значительно способствуетъ, что займы, какъ говорятъ, часто дѣлаются не для оборотовъ или вообще не съ производительною цѣлью, а на уплату податей и податныхъ недоимокъ, и слѣд. не достигаютъ главнаго своего назначенія доставить крестьянамъ средства для поправленія ихъ состоянія и хозяйства, а только покрываютъ текущія неотложныя нужды, налагая на заемщиковъ новыя тягости въ будущемъ. При такихъ условіяхъ ссудо-сберегательныя товарищества не могутъ приносить крестьянамъ и малой доли той пользы, какую они могли бы приносить при другихъ, болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Кромѣ того, замѣтимъ, что эти учрежденія разсчитаны на нужды крестьянъ торговыхъ и промышленныхъ, а не земледѣльцевъ. Вклады предполагаютъ сбереженія, хотя бы самыя малыя, а краткосрочные займы предполагаютъ относительно быстрые денежные обороты, которые возможны только въ торговыхъ и промышленныхъ дѣлахъ, а никакъ не въ земледѣліи. Сельскій трактирщикъ, торговецъ, кабатчикъ, крестьянинъ, имѣющій, кромѣ надѣльной, свою особенную землю, мелкій подрядчикъ всякаго рода работъ, сельскій ремесленникъ-хозяинъ,—вотъ для кого ссудо-сберегательныя товарищества полезны и какъ кассы сбереженій, и какъ источникъ позаимствованій на короткіе сроки и за умѣренные проценты. А кто едва сводитъ концы съ концами, кто считается зажиточнымъ, когда переходитъ изъ одного года въ другой безъ долговъ съ своимъ хлѣбомъ, кто занимаетъ зимой, чтобъ отдать осенью, по продажѣ новаго хлѣба или другихъ произведеній земли,—всѣ эти люди, то-есть огромное большинство крестьянъ-земледѣльцевъ, не имѣютъ денежныхъ сбереженій и не могутъ обязываться срочными коммерческими займами. Имъ нужна помощь извнѣ, обыкновенно небольшая, но разсчитанная по времени, по крайней мѣрѣ, на годовой хозяйственный оборотъ, съ отсрочкой въ случаѣ неурожая, пожара или другого несчастія, нарушившаго однообразный ходъ ихъ обычнаго существованія. Безъ такихъ отсрочекъ, ссуда послужитъ крестьянину-земледѣльцу не спасительной поддержкой и подспорьемъ, а разореніемъ, вынуждая его, для уплаты долга, ослабить свое хозяйство.

Распространеніе въ Россіи однихъ крестьянскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ и совершенное отсутствіе крестьянскихъ кредитныхъ учрежденій другой формы подтверждаетъ мысль, что мы еще не дѣлаемъ, какъ бы слѣдовало, строгаго различія между потребностями населенія земледѣльческаго и промышленнаго или торговаго. Это замѣчается во всемъ. Давно ли, напримѣръ, мы поняли, что денежные продовольственные капиталы не въ состояніи отвратить нужды въ хлѣбѣ для прокормленія и на посѣвъ, если рядомъ съ ними не будетъ существовать правильно организованныхъ и содержимыхъ въ порядкѣ сельскихъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ? Судя по городской жизни и городскому обиходу, который у насъ подъ глазами, руководствуясь примѣромъ Европы, гдѣ почти исключительно господствуютъ усло-

вія городского быта, мы совершенно упускаемъ изъ виду особенныя условія земледѣльческаго населенія, преобладающаго у насъ, и разсчитываемъ помочь массѣ нашего крестьянства мѣрами, которыя полезны для населенія промышленныхъ и торговыхъ центровъ. По той же причинѣ, для достиженія несомнѣнно благихъ цѣлей, мы нерѣдко прибѣгаемъ къ мѣрамъ, предполагающимъ большое промышленное и торговое развитіе, чего у насъ нѣтъ, и что при громадныхъ массахъ земледѣльческаго населенія едва ли когда нибудь будетъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ формахъ, въ какихъ оно развилось въ Европѣ и въ немногихъ нашихъ городахъ. Такъ, у насъ долгое время господствовало убѣжденіе, что полезныя для народныхъ массъ экономическія мѣры могутъ быть проводимы при помощи частныхъ предпринимателей и спекуляцій, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Гдѣ промышленность и торговля достигли уже высокой степени развитія и процвѣтанія, тамъ частныя сбереженія естественно обращаются въ большіе капиталы, которые ищутъ и находятъ помѣщеніе, за умѣренные проценты, въ разныхъ общеполезныхъ предпріятіяхъ и учрежденіяхъ. Частная выгода и стремленіе къ наживѣ, умѣряемыя сильной конкурренціей, совпадаютъ въ этомъ случаѣ съ пользами общества и являются могущественнымъ и главнымъ способомъ ихъ удовлетворенія. Совсѣмъ не то въ странахъ по преимуществу земледѣльческихъ и бѣдныхъ, какова наша. При огромномъ сельскомъ населеніи, живущемъ изо дня въ день, при слабомъ развитіи промышленности и торговли, при бѣдности капиталовъ и скудости сбереженій, при той же страсти къ наживѣ, какъ и вездѣ, но не умѣряемой соперничествомъ, частная предпріимчивость и спекуляція вырождаются у насъ необходимо въ монополію, въ исключительное право, въ кулачество, и приносятъ пользу только частнымъ лицамъ, а не обществу и массѣ народа. Слѣдовательно, у насъ починъ и самое приведеніе въ исполненіе общеполезныхъ мѣръ должны принадлежать не частнымъ предпринимателямъ, а обществу или государству, особливо когда онѣ составляютъ неотложную общественную потребность и имѣютъ государственную важность. Мы не обратили вниманія на это различіе и съ дѣтской поспѣшностью передавали, однѣ за другими, разныя общеполезныя мѣры въ руки частныхъ предпринимателей и спекулянтовъ, убаюкивая себя сладкой мечтой, что акціонерныя общества и компаніи возьмутся потомъ и за осуществленіе всѣхъ остальныхъ необходимыхъ и общеполезныхъ предпріятій. Эти грезы, несогласованныя съ условіями дѣйствительности, имѣли весьма печальный исходъ: частная спекуляція оказалась несостоятельной, въ концѣ-концовъ государство должно было принять на себя бремя издержекъ, вызываемыхъ всенародными нуждами, но сдѣлало это въ формѣ самой убыточной для государственной казны и прибыльной для частныхъ лицъ и спекулянтовъ,—въ формѣ субсидій, выданнымъ частнымъ предпринимателямъ.

Для поднятія разстроеннаго крестьянскаго быта необходимо, рядомъ съ поземельнымъ устройствомъ крестьянъ, принять цѣлый рядъ мѣръ, клонящихся къ огражденію ихъ хозяйствъ отъ тѣхъ безчисленныхъ случайностей, которыя внезапно разоряютъ ихъ въ конецъ и изъ достаточныхъ людей обращаютъ въ нищихъ. Пожаръ, градобитіе, неурожаи, внезапныя невзгоды, ураганы и бури, падежи скота и лошадей, конокрадство, повальныя и другія болѣзни, особливо когда онѣ продолжительны и лишаютъ человѣка возможности работать, сразу уничтожаютъ матеріальное довольство крестьянина и, при полной безпомощности противъ такихъ напастей, лишаютъ его бодрости, что дѣйствуетъ на него еще хуже разоренія, которому онъ подвергся. Кому не случалось видѣть, какъ исправный крестьянинъ, послѣ одного или двухъ такихъ несчастій, совсѣмъ падалъ духомъ, спивался съ кругу, или налагалъ на себя руки. Сравнительно достаточный хозяинъ бѣднѣетъ и опускается, послѣ двухъ-трехъ истратъ или уводовъ рабочихъ лошадей, въ короткіе промежутки времени, или когда эта бѣда надъ нимъ стряслась въ самую рабочую пору. Мы знали случай, что состоятельный и хорошій крестьянинъ обѣднѣлъ отъ того, что проболѣлъ долго; чтобы не сдѣлаться несостоятельнымъ, онъ, человѣкъ очень честный, рѣшился даже на кражу. Противъ всѣхъ такихъ разорительныхъ случайностей есть спасительное и вѣрное средство—это широкое развитіе страхованія. Различные виды его слѣдовало бы слить вмѣстѣ и установить одну общую обязательную страховку. Премія была бы очень незначительна, еслибъ страховая операція обнимала всю имперію. Само собою разумѣется, что страхованіе крестьян-

скаго имущества и жизни, какъ мѣра государственная, не должно быть отдано въ руки спекуляціи; ему слѣдуетъ оставаться въ завѣдываніи самого общества и государства и ихъ органовъ. Необходимо также, при выработкѣ страхованія крестьянскаго имущества и жизни, тщательно устранить ненужныя проволочки и формальности при полученіи страховыхъ денегъ, всѣ тѣ гвозди и шпильки, которыми у насъ съ какимъ-то сладострастіемъ и виртуозностью уснащаются регламенты и инструкціи. При хорошей постановкѣ крестьянскаго страхованія всѣ главнѣйшія хозяйственныя невзгоды и разореніе, падающія внезапно на голову крестьянъ, будутъ существенно ослаблены. Съ тѣмъ вмѣстѣ мѣры народнаго продовольствія и обсѣмененія полей, въ случаѣ неурожаевъ, не потребуютъ отъ общества и государства такихъ огромныхъ затратъ, какія понадобились въ 1881 году и все-таки не могли побороть всѣхъ послѣдствій народнаго бѣдствія.

Съ твердой и прочной постановкой крестьянскаго страхованія, крестьянскія ссудныя кассы, въ которыхъ многіе видятъ якорь спасенія противъ всѣхъ бѣдъ крестьянина, будутъ служить весьма полезнымъ и благодѣтельнымъ подспорьемъ для поддержанія его въ случаѣ внезапной и неожиданной нужды въ небольшой суммѣ денегъ, часто въ нѣсколькихъ рубляхъ. Но необходимо, чтобы такія кассы были примѣнены къ привычкамъ и быту земледѣльческаго населенія. Строгое требованіе уплаты въ назначенный срокъ, обезпеченіе каждой ссуды залогомъ, немедленная продажа залога въ случаѣ неисправности, словомъ, хорактеръ городскихъ ссудныхъ кассъ долженъ быть въ сельскихъ учрежденіяхъ такого рода значительно смягченъ, и облегчены отсрочки. Крестьянинъ вообще хорошій плательщикъ. Долгъ за нимъ рѣдко пропадаетъ, но примѣненіе къ нему строгихъ коммерческихъ правилъ платежа и взысканій легко можетъ разорить его, и ссудная касса, дѣйствующая по такимъ правиламъ, не облегчитъ его, а скорѣй запутаетъ. Очень были бы также желательны какія-нибудь дѣйствительныя мѣры, въ огражденіе крестьянъ противъ неправильной, кулачеcкой, торговли произведеніями земли. Но придумать ихъ чрезвычайно трудно. Мелкія крестьянскія ссудныя кассы противъ нея такъ же безсильны, какъ и полицейскіе законы. Единственнымъ дѣйствительнымъ и радикальнымъ средствомъ были бы общества и товарищества землевладѣльцевъ для установленія правильной торговли своими произведеніями. Никто лучше ихъ не могъ бы справиться съ мелкими скупщиками и кулаками по хлѣбной торговлѣ. Но о такихъ товариществахъ теперь и думать нечего. Чтобъ они могли состояться и дѣйствовать правильно, надо, чтобы сперва крупные и средніе землевладѣльцы серьезно занялись своими имѣніями и хозяйствами и поняли солидарность своихъ интересовъ съ крестьянскими, а до этого намъ теперь еще какъ до звѣзды небесной далеко. Не таковы еще наши понятія и наши нравы, и совсѣмъ непохоже на то, чтобъ они скоро измѣнились къ лучшему. Наши земскія и общественныя кассы пусты; иначе, въ видѣ палліативной мѣры противъ хищничества кулаковъ, могли бы быть устроены, напримѣръ, при сельскихъ запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ хлѣбные склады, съ пріемомъ отъ крестьянъ хлѣба, когда онъ дешевъ, и съ выдачею, подъ залогъ его, денежныхъ ссудъ, для продажи въ то время, когда на рынкѣ установятся на него правильныя цѣны. Хозяинъ платилъ бы умѣренное полежалое за храненіе и процентъ съ выданной ссуды. Наконецъ, на помощь крестьянамъ могли бы придти небольшіе капиталисты, ищущіе своимъ деньгамъ вѣрное помѣщеніе за умѣренные проценты. Такія лица могли бы отъ себя устроивать склады крестьянскаго хлѣба, когда на него цѣны низки, съ выдачей на него авансомъ рыночной цѣны и съ продажей засыпаннаго хлѣба въ пользу крестьянъ, когда продавать его выгодно. Такіе хлѣбные складчики получали бы процентъ за коммиссію и за выгодныя авансомъ деньги, а крестьяне, благодаря авансамъ, могли бы повременить продажею хлѣба и выждать хорошихъ цѣнъ. Обѣ стороны были бы въ выгодѣ на счетъ кулаковъ-скупщиковъ. Чтобы такіе обороты приносили обоюдную выгоду, нужны, конечно, кромѣ капитала, добросовѣстность, распорядительность и довѣріе со стороны крестьянъ, а такія условія рѣдко бываютъ соединены въ одномъ лицѣ. Притомъ у насъ рѣдко кто желаетъ посвятить себя служенію общеполезному дѣлу: большинство предпочитаетъ нажить поскорѣе рубль на рубль, не задумываясь о выгодѣ другихъ, особливо крестьянъ.

VI.

Необходимость реформы какъ учрежденій и управленія, такъ и судебнаго и нотаріальнаго дѣла у крестьянъ, и главныя черты ея программы.

Съ тѣхъ поръ, что у всѣхъ и у правительства раскрылись глаза на печальное положеніе крестьянства, выдвинулся на первый планъ и обсуждается вопросъ о крестьянскомъ управленіи, въ которомъ справедливо видятъ одну изъ главныхъ причинъ упадка крестьянскаго быта. Что крестьянское управленіе во всѣхъ отношеніяхъ крайне плохо— понимаютъ всѣ. Но о томъ, что̀ и какъ сдѣлать, чтобъ его улучшить, высказываются самыя разнообразныя и противорѣчивыя мнѣнія, доказывающія, что по этому вопросу мы тоже ходимъ въ туманѣ, и не успѣли еще додуматься до ясной и опредѣленной мысли. Можно смѣло сказать, что она и не уяснится до тѣхъ поръ, пока мы не разберемъ дѣла по существу, не возведемъ недостатковъ теперешняго положенія къ принципамъ, изъ которыхъ они проистекаютъ, и не поищемъ въ самыхъ условіяхъ нашего общественнаго быта и строя основаній для болѣе удовлетворительной организаціи крестьянскаго управленія.

Въ чемъ заключаются его недостатки? Они сводятся, главнымъ образомъ, къ двумъ слѣдующимъ: по имени, по названію, по наружнымъ формамъ, принципъ его есть самоуправленіе; на самомъ же дѣлѣ, въ дѣйствительности, самоуправленія вовсе не существуетъ. На дѣлѣ крестьянами управляютъ разнаго рода власти, назначаемыя правительствомъ, выбранныя отъ земства и отъ дворянства, и это *дѣйствительное* управленіе во всѣхъ отношеніяхъ крайне неудовлетворительно. Органы крестьянскаго самоуправленія во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ поставлены въ полную, совершенную зависимость отъ уѣздныхъ и губернскихъ властей, и всѣ, указанныя въ законѣ, гарантіи ихъ самодѣятельности и самостоятельности существуютъ только на бумагѣ. Съ этимъ, пожалуй, можно было бы кое-какъ и помириться, еслибъ отсутствіе самоуправленія выкупалось несомнѣнными достоинствами заведенныхъ для крестьянъ на дѣлѣ порядковъ: строгою законностью и справедливостью, безукоризненною честностью, вниманіемъ къ нуждамъ и потребностямъ крестьянъ, просвѣщенною заботливостью о ихъ матеріальномъ благосостояніи, умственномъ и нравственномъ развитіи. Къ несчастію, такія черты встрѣчаются въ крестьянскомъ управленіи лишь здѣсь и тамъ, въ видѣ рѣдкаго изъятія. Часто, напротивъ, встрѣчаются примѣры полнѣйшаго произвола, явнаго нарушенія несомнѣнныхъ правъ, злоупотребленій съ корыстною цѣлью, грубаго невѣжества и незнанія законовъ, а чаще и больше всего, почти въ видѣ общаго правила, замѣчается совершеннѣйшее пренебреженіе къ прямымъ обязанностямъ, полное бездѣйствіе, полное равнодушіе къ интересамъ, нуждамъ и положенію крестьянъ. Результатъ всего этого есть хаосъ, безурядица и анархія въ управленіи ими.

Такое положеніе вещей многіе надѣются измѣнить къ лучшему кое какими частными поправками: оживленіемъ крестьянскаго самоуправленія посредствомъ измѣненія его аттрибутовъ и формъ; новой комбинаціей властей, на самомъ дѣлѣ управляющихъ крестьянами: измѣненіемъ существующихъ теперь отношеній крестьянства и крестьянскаго управленія къ земству и коронной администраціи и т. п. Отъ такихъ подправокъ и заплатъ мы, признаемся, не ожидаемъ ничего, кромѣ горькихъ разочарованій въ ближайшемъ будущемъ. Крестьянское самоуправленіе оказалось несостоятельнымъ, уступило мѣсто другому управленію, и послѣднее оказалось тоже никуда негоднымъ не по одной злой волѣ людей; послѣдніе только воспользовались слабыми сторонами существующихъ порядковъ. Причины лежатъ гораздо глубже, и пока мы ихъ не доищемся и не войдемъ въ самую глубь вопроса, до тѣхъ поръ всѣ попытки улучшить крестьянское управленіе не приведутъ къ ожидаемымъ результатамъ.

Противъ всѣхъ элементовъ, на которыхъ построено и предполагалось или предполагается построить крестьянское управленіе, приводятся, въ интересахъ крестьянъ, весьма серьезныя и вѣскія возраженія.

Начнемъ съ самоуправленія, которое, съ самаго призванія крестьянъ къ гражданской жизни, долгое время считалось надежнѣйшимъ оплотомъ ихъ самостоятельности, самымъ прочнымъ обезпеченіемъ ихъ интересовъ. Оно имѣетъ многочисленныхъ и ярыхъ противниковъ. Какое, говорятъ они, возможно самоуправленіе у безграмотныхъ, невѣжественныхъ и полудикихъ мужиковъ? За ведро вина они готовы выбрать кого угодно, постановить какой угодно приговоръ, праваго сдѣлать ви-

новатымъ, виноватаго—правымъ. Развѣ они имѣютъ малѣйшее понятіе о сколько-нибудь порядочномъ веденіи общественныхъ дѣлъ? Мало-мальски грамотный писарь дѣлаетъ изъ ихъ выборныхъ властей все, что хочетъ; мало-мальски смышленый и достаточный мужикъ вертитъ цѣлымъ обществомъ, какъ ему вздумается! Горланы и безотвѣтная, равнодушная, покорная толпа—вотъ міръ. Одинъ лѣнивый не помыкаетъ имъ. Предоставьте мужиковъ самимъ себѣ, отстраните отъ нихъ всякое начальство,—они сами придутъ просить, чтобы кто-нибудь взялъ надъ ними власть и привелъ ихъ къ уму-разуму: имъ самимъ отъ себя житья не будетъ. Устройте между ними идеальное самоуправленіе,—оно непремѣнно сведется къ тому, что одинъ кто-нибудь заберетъ ихъ въ руки и будетъ ими воеводствовать по своей прихоти. Отъ того, а не почему-либо другому, они и попали подъ полный произволъ чиновниковъ. У нихъ въ крови сидитъ—быть подъ чьей-нибудь командой. А гдѣ самъ человѣкъ за себя не стоитъ, тамъ какіе уставы и регламенты самоуправленія ни дать, все, силою вещей, придетъ къ тому же чиновничьему произволу.

Отбросимъ крайности и преувеличенія такого строгаго приговора и взглянемъ на дѣло совершенно спокойно и безпристрастно. Можно ли, положа руку на сердце, сказать, что въ этомъ описаніи крестьянскихъ общественныхъ порядковъ нѣтъ ни слова правды? Мы, по совѣсти, этого не думаемъ. Общественная самодѣятельность, смыслъ къ общественному самоуправленію, и у крестьянъ, и во всѣхъ другихъ слояхъ нашего общества развиты очень слабо. Одни раскольники и сектанты составляютъ исключеніе изъ правила. По нимъ мы можемъ заключать, что недостатокъ общественнаго почина, равнодушіе и безучастіе къ дѣламъ общественнымъ не есть наше прирожденное свойство, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ, самоуправленіе можетъ выработаться и окрѣпнуть въ народной массѣ. Но это пока въ будущемъ. Рѣчь идетъ о томъ, можно ли, какъ нѣкоторые думаютъ, теперь же отдать крестьянское управленіе исключительно въ руки самихъ крестьянъ? Нашъ взглядъ на дѣло мы изложимъ ниже въ своемъ мѣстѣ, а теперь пойдемъ далѣе.

Какъ сказано, управленіе крестьянами въ дѣйствительности находится теперь въ рукахъ органовъ дворянства, земства и коронной администраціи.

Противъ участія всѣхъ этихъ элементовъ въ управленіи крестьянами дѣлаются многія и сильныя возраженія. Ему приписывается многими дурное состояніе крестьянъ и крестьянскаго дѣла.

Что касается до дворянства, какъ особаго *сословія*, то ему, по весьма понятнымъ причинамъ, не можетъ быть ввѣрено управленіе крестьянами и веденіе крестьянскаго дѣла. Дворянство,—мы, конечно, не говоримъ здѣсь объ отдѣльныхъ лицахъ,—до сихъ поръ все еще не вполнѣ освободилось отъ крѣпостныхъ воззрѣній, воспоминаній и привычекъ; къ тому же интересы дворянъ, въ качествѣ землевладѣльцевъ, часто идутъ въ разрѣзъ съ интересами крестьянъ. Естественно, что первые, во вредъ послѣднимъ и въ ущербъ справедливости, проводятъ то, что̀ имъ выгодно и полезно въ земскихъ раскладкахъ, въ крестьянскомъ управленіи и крестьянскихъ учрежденіяхъ, въ дѣлахъ поземельныхъ, въ веденіи школьнаго дѣла.

Въ составѣ земствъ, въ большинствѣ губерній, по закону и фактически, преобладаетъ дворянство, и потому къ земствамъ относится въ настоящее время все то, что̀ сказано выше о неудобствѣ и невозможности ввѣрить дворянству управленіе крестьянами и веденіе крестьянскаго дѣла. Но нельзя не замѣтить, что земства стали по преимуществу дворянскими не по мысли, лежащей въ основаніи земскихъ учрежденій, а вслѣдствіе ошибочнаго направленія, какое получило развитіе ихъ съ самаго начала. Къ участію въ земскомъ управленіи законъ призываетъ всѣ сословія и всѣ общественные элементы. Такъ какъ дворянство изъ всѣхъ сословій есть самое образованное и почти исключительно знакомое съ дѣлами и практикой управленія, то естественно, что его представителямъ даны, въ земскихъ учрежденіяхъ, нѣкоторыя преимущества передъ другими земскими элементами. Но законъ, очевидно, и не помышлялъ отдать земскія дѣла въ руки дворянства; онъ имѣлъ въ виду, для пользы общей, привлечь къ веденію земскихъ дѣлъ только лучшія силы изъ среды этого сословія. Къ сожалѣнію, основная мысль земскихъ учрежденій была пренебрежена; при практическомъ ихъ осуществленіи лучшею частью дворянства была признана та, которая преслѣдовала особенныя, узко-сословныя его цѣли и всячески старалась, насколько возможно, удержать за собою исключительныя права, которыми дво-

рянское сословіе обладало до отмѣны крѣпостной зависимости. Лучшіе, самые просвѣщенные элементы дворянства не пользовались никакой поддержкой, напротивъ, были по возможности устраняемы или устранились сами отъ веденія земскихъ дѣлъ и уступили мѣсто дворянскому большинству, которое, имѣя развязанныя руки, поспѣшило воспользоваться своимъ вліяніемъ на крестьянское управленіе въ дурно-понятыхъ сословныхъ интересахъ. Огромную поддержку получило оно въ чрезвычайныхъ полномочіяхъ, предоставленныхъ предсѣдателямъ сословныхъ и земскихъ собраній, и въ направленіи, какое давалось земскому дѣлу въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Такой оборотъ земскаго дѣла, противный духу земскихъ учрежденій и вредный не только для крестьянъ, но и вообще для развитія цѣлаго общества и самого государства, можетъ быть устраненъ лишь совершенной отмѣной дворянскихъ привилегій въ земскихъ учрежденіяхъ и чрезвычайныхъ полномочій предсѣдателей собраній, пониженіемъ имущественнаго ценза и введеніемъ, рядомъ съ нимъ, ценза образовательнаго; наконецъ, значительнымъ пониженіемъ возраста для избирателей и избираемыхъ въ земскіе гласные и должности. Необходимо возстановить въ земскихъ учрежденіяхъ равновѣсіе силъ и элементовъ, нарушенное чрезмѣрнымъ преобладаніемъ имущественныхъ и сословныхъ интересовъ надъ образованіемъ и личными качествами.

Но если бы земская жизнь и была снова, послѣ длиннаго періода ошибокъ и искаженій, направлена въ русло, предназначенное ей смысломъ и духомъ законодательства, слѣдовало ли бы ввѣрить земскимъ учрежденіямъ управленіе крестьянами? Объ этомъ, равно какъ и о крестьянскомъ самоуправленіи, мы скажемъ ниже.

Остается разсмотрѣть роль коронныхъ чиновниковъ въ управленіи крестьянами. О ней отзывы тоже крайне неблагопріятны. Большому участію административныхъ должностныхъ лицъ въ крестьянскомъ управленіи, сильному ихъ вліянію на крестьянскія дѣла приписываются, главнымъ образомъ, вопіющія несправедливости и злоупотребленія, разоряющія крестьянъ въ конецъ. Ввѣрить управленіе крестьянами однимъ короннымъ чиновникамъ, какъ было съ государственными крестьянами до преобразованія ихъ устройства, само собою разумѣется, совершенно невозможно; нельзя также защищать и роль коронной администраціи въ управленіи крестьянами. Но справедливость и безпристрастіе требуютъ сказать, что дѣятельность полицейскихъ и другихъ коронныхъ чиновниковъ, по отношенію къ крестьянамъ, если и не лучше, то ужъ никакъ и не хуже выборныхъ должностныхъ лицъ дворянства и земства. Простой народъ и не различаетъ ихъ,— такъ для него нечувствительна ихъ разница. Въ сѣтованіяхъ и жалобахъ на правительственныхъ чиновниковъ, съ указаніемъ то на дворянство, то на государственное представительство, то на земство, какъ на средства улучшить мѣстное управленіе, слышится голосъ общихъ политическихъ воззрѣній на наше теперешнее внутреннее положеніе и на средства изъ него выдти, а не выводъ изъ дѣйствительныхъ фактовъ мѣстной жизни. Что наше мѣстное чиновничество оставляетъ желать очень многаго—не подлежитъ никакому сомнѣнію; что оно, по своему образованію и нравственнымъ свойствамъ, не удовлетворяетъ своему назначенію; что въ его дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ слишкомъ часто царитъ совершенный произволъ, на который рѣдко можно добиться управы; что дѣйствія и распоряженія мѣстной администраціи запечатлѣны очень часто бездушнымъ, безсмысленнымъ и безпощаднымъ формализмомъ, который давитъ жизнь, вовсе не принимая въ соображеніе ея требованій и дѣйствительныхъ обстоятельствъ дѣла; что бездѣйствіе, безпечность и совершенное равнодушіе чиновниковъ и проистекающая отсюда баснословная медленность въ распоряженіяхъ и отправленіи дѣлъ, при другихъ существенныхъ недостаткахъ мѣстнаго управленія, не могутъ не вызывать справедливаго неудовольствія и ропота населенія, — все это, къ несчастію, совершенная правда. Но для правильной оцѣнки положенія и средствъ, которыя могли бы измѣнить его къ лучшему, надо строго различать недостатки, присущіе самой бюрократической системѣ управленія, отъ ненормальной, неправильной постановки ея у насъ, отъ специфическихъ пороковъ русской администраціи; а этого, въ большинствѣ случаевъ, у насъ не дѣлается. Наше мѣстное чиновничество мало образовано, потому что вообще число образованныхъ людей въ Россіи очень невелико, и ихъ на нашъ огромный административный составъ, очевидно, недостаетъ. Ничтожное содержаніе, котораго,

при ростущей дороговизнѣ, не хватаетъ на самое скромное существованіе, конечно, не можетъ привлекать въ уѣздную и губернскую службу и тѣхъ немногихъ образованныхъ и порядочныхъ людей, какіе у насъ есть; а устарѣлость нашихъ административныхъ уставовъ, въ которыхъ нѣтъ ни точныхъ опредѣленій обязанностей и отвѣтственности должностныхъ лицъ, ни какихъ бы то ни было обезпеченій подчиненныхъ противъ произвола и злоупотребленій начальства, естественно отпугиваютъ отъ мѣстной службы людей съ достаткомъ, и привлекаютъ только тѣхъ, которые умѣютъ въ мутной водѣ рыбу ловить, или же такихъ, которые, находясь въ безъисходной нуждѣ, готовы идти на все, чтобъ не умереть съ голоду. Наконецъ, нашъ бюрократическій формализмъ, не знающій соображеній справедливости и здраваго смысла и падающій всею своею тяжестью больше всего на безграмотный, невѣжественный, безпомощный и безотвѣтный деревенскій людъ, есть сложный продуктъ многихъ причинъ. Его производятъ и питаютъ всѣ коренные недостатки нашего административнаго механизма — его дурной личный составъ, неспособный живымъ образомъ отнестись къ дѣлу, глубокое недовѣріе къ нему самого правительства, которому онъ служитъ о̀рганомъ, и полная необезпеченность младшихъ передъ старшими, подчиненныхъ передъ начальствомъ. Всѣ эти недостатки, вмѣстѣ взятые, сводятъ дѣло къ бумагѣ, живое явленіе—къ формѣ, дѣйствительную отвѣтственность за дѣйствія и поступки и дѣйствительный за ними контроль—къ бумажной исправности и повѣркѣ служебныхъ дѣйствій не по ихъ результатамъ, а по слѣду, оставленному ими въ перепискѣ. Пока въ служебныя отношенія, дѣйствія и распоряженія не вдохнется живой души, пока идеаломъ административной дѣятельности будетъ считаться одинъ только правильный ходъ заведенной машины, до тѣхъ поръ формализмъ останется ея девизомъ, и ея безпощадное отношеніе къ фактамъ и явленіямъ дѣйствительной жизни останется неизмѣннымъ и неотвратимымъ. Мы жалуемся на чрезмѣрное, подчасъ безсмысленно жестокое вмѣшательство полиціи въ жизнь и бытъ народа, мечтаемъ о мѣстной администраціи съ мягкими, человѣколюбивыми и просвѣщенными пріемами, исполненными вниманія къ нуждамъ народа и заботливой пощады къ его скудости и безпомощности. Но пока существуютъ непомѣрно тяжкія подати и повинности, превышающія платежныя средства крестьянъ, мечтать объ этомъ—значитъ предаваться несбыточнымъ грёзамъ и маниловскимъ фантазіямъ. Еслибъ полицейскіе чиновники, становые пристава и исправники не подвергались сами суровой отвѣтственности за неисправное поступленіе податей, недоимокъ и взысканій, ихъ безпощадность могла бы быть отнесена къ ихъ винѣ, жестокости и безсердечію. Но вѣдь съ нихъ самихъ строго взыскивается то, чего ласковыми и мягкими мѣрами добиться нельзя. Поговорите съ должностными лицами полиціи: они вамъ поразскажутъ, каково бываетъ присутствовать при продажѣ крестьянскаго имущества съ публичнаго торга за долги и недоимки. Большинство ихъ—не безсердечные и не злые люди; они часто бываютъ жестоки скрѣпя сердце, потому что нужно самимъ кормиться и кормить семью. Не ставьте ихъ въ необходимость дѣлать зло, не требуйте отъ нихъ героизма и самоотверженія, и большинство ихъ будетъ поступать хорошо. Съ измѣненіемъ теперешней системы податей и повинностей отпадетъ самъ собою и безобразный произволъ полиціи относительно крестьянъ, а до тѣхъ поръ никакіе законы, контроли, суды и разгла́гольствованія не будутъ въ состояніи измѣнить строгую логику вещей, роковымъ образомъ выводящую послѣдствія изъ данныхъ условій.

Мы разсмотрѣли элементы, участвующіе теперь въ организаціи крестьянскаго управленія. Ни одинъ изъ нихъ не удовлетворяетъ своему назначенію, а другихъ нѣтъ и быть не можетъ. Волей-неволей приходится придумывать различныя ихъ сочетанія, чтобы создать хоть сколько-нибудь сносное управленіе народными массами, вмѣсто теперешняго, никуда негоднаго. Такъ и дѣлается. Никто не предполагаетъ передать крестьянъ исключительно въ завѣдываніе дворянскаго сословія или коронной администраціи; слѣдовательно, о неудобствахъ и невозможности такихъ комбинацій и говорить нечего. Разсмотримъ другія, которыя съ перваго взгляда какъ будто имѣютъ за себя многое. Мы говоримъ о двухъ, пользующихся въ извѣстныхъ кружкахъ сочувствіемъ, именно объ устройствѣ всесословной волости и о сосредоточеніи управленія крестьянами въ рукахъ земства.

Вопросъ о всесословной волости возникъ у

насъ со времени освобожденія крестьянъ, и съ тѣхъ поръ, до настоящей минуты, раздѣляетъ мнѣнія на два рѣзко противоположные, враждебные лагеря. Теперь составъ волости есть исключительно сословный, крестьянскій. Предполагается преобразовать ее въ территоріальную, и чрезъ это сдѣлать всесословной. Всѣ лица, живущія на пространствѣ земли, образующемъ волость, какого бы ни были сословія, званія или общественнаго положенія, должны войти въ ея составъ, быть ея членами и участвовать въ завѣдываніи ея дѣлами на основаніи закона, опредѣляющаго организацію волости и порядокъ управленія ею.

Мысль эта горячо поддерживалась и до сихъ поръ поддерживается людьми совершенно противоположныхъ воззрѣній. Одни надѣются внести, посредствомъ всесословной волости, свѣтъ, политическую и общественную мысль, культуру, привычку къ веденію общественныхъ дѣлъ и авторитетность высшихъ образованныхъ и зажиточныхъ слоевъ общества въ приниженную, необразованную крестьянскую среду, мало смыслящую въ дѣлахъ общественныхъ и управленія. Этою мѣрою думаютъ поднять ее, возвысить, влить въ нее правовую жизнь, придать ей вѣсъ и значеніе въ глазахъ администраціи и такимъ способомъ оградить крестьянъ отъ злоупотребленій и притѣсненій мелкаго провинціальнаго чиновничества. Другіе, совсѣмъ напротивъ, хотѣли бы ввести различные общественные элементы въ крестьянство, чтобы тѣмъ вѣрнѣе забрать его въ свои руки, и—безъ всякой помѣхи, подъ самымъ благовиднымъ предлогомъ и на законномъ основаніи, заставить крестьянъ служить своимъ сословнымъ или частнымъ и личнымъ интересамъ. Послѣ неудачной попытки удержать при освобожденіи крестьянъ за помѣщиками право вотчинной полиціи на манеръ остзейскихъ бароновъ, всесословная волость представлялась самой удобной формой достигнуть той же цѣли. При помощи вина, подкупа и экономическаго давленія, помѣщикъ, фабрикантъ, ростовщикъ, кабатчикъ, скупщикъ и кулакъ, живущіе въ предѣлахъ волости, могли бы легко попасть въ волостные старшины, судьи, сельскіе старосты и, прикрываясь законною властью, обдѣлывать свои сословныя и личныя дѣла и дѣлишки какъ вздумается; всякое сопротивленіе ихъ хищничеству и насиліямъ облекалось бы тогда въ форму сопротивленія власти и начальственнымъ распоряженіямъ. Этимъ маневромъ воспользовался во времена оны и ханъ Букѣевской орды, и еще недавно нѣкоторые изъ мировыхъ посредниковъ передъ отмѣной этого учрежденія. Несостоятельность, бѣдность, невѣжество крестьянъ и наслѣдственная безотвѣтность ихъ передъ всякимъ начальствомъ такъ велики, что включеніе въ составъ волости элементовъ, не принадлежащихъ къ крестьянству, заставляетъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, опасаться именно этихъ послѣдствій и лишь въ очень немногихъ случаяхъ, въ видѣ рѣдкаго изъятія, тѣхъ благодатныхъ результатовъ, о которыхъ мечтаютъ благонамѣренные поборники всесословной волости. Если волостные старшины изъ крестьянъ часто забираютъ въ свою власть мужиковъ и дѣлаютъ безнаказанно все, что хотятъ, то нетрудно угадать, что могутъ дѣлать люди много ихъ опытнѣе, образованнѣе и вліятельнѣе.

Въ настоящее время многіе предлагаютъ передать управленіе крестьянами земству. Будучи образовано изъ всѣхъ мѣстныхъ элементовъ, оно, по своему личному составу, представляетъ, какъ думаютъ поборники этого мнѣнія, наибольшія гарантіи совершеннаго безпристрастія; въ то же время, какъ мѣстное учрежденіе, и притомъ заправляющее мѣстными хозяйственными дѣлами, земство непосредственно и всего болѣе заинтересовано въ томъ, чтобы крестьяне управлялись какъ можно лучше. Но мы видѣли, что въ большинствѣ земствъ преобладаютъ теперь дворянскіе интересы, почему не только исключительное завѣдываніе земства крестьянскими дѣлами, но и самое участіе большинства теперешнихъ земствъ въ управленіи крестьянами, какъ доказываютъ опытъ и практика, не могутъ быть полезны для крестьянъ. Допустимъ, однако, что земства стали тѣмъ, чѣмъ они должны быть—вполнѣ безпристрастными, чуждыми всякихъ сословныхъ стремленій, представителями мѣстныхъ нуждъ, пользъ и интересовъ. Спрашивается, на какомъ справедливомъ основаніи можно было бы возложить на нихъ завѣдываніе крестьянскими дѣлами? Почему же управленіе крестьянъ, а не дворянъ, мелкихъ землевладѣльцевъ, купцовъ, мѣщанъ, ремесленниковъ, должно быть подчинено земствамъ? Вѣдь законъ призываетъ всѣ мѣстныя сословія и общественные разряды къ завѣдыванію мѣстными

дѣлами, слѣдовательно, признаетъ ихъ въ этомъ отношеніи равноправными: отчего же эта равноправность можетъ быть нарушена только по отношенію къ крестьянамъ, которые, наравнѣ съ другими, участвуютъ въ земскомъ управленіи посредствомъ своихъ представителей? Одно изъ двухъ: или дѣла всѣхъ составныхъ элементовъ земства должны быть переданы въ его завѣдываніе, или ни одинъ изъ нихъ не долженъ находиться подъ его управленіемъ. Передача крестьянъ въ завѣдываніе земствъ имѣла бы необходимымъ послѣдствіемъ подчиненіе однихъ сословій другимъ, подчиненіе массы крестьянъ нѣкоторымъ изъ нихъ, вошедшимъ въ составъ земства, въ которомъ они находятся фактически въ меньшинствѣ, и должны волей-неволей подчиняться голосу и мнѣніямъ представителей другихъ сословій.

Такимъ образомъ, выходитъ, что ни одинъ изъ мѣстныхъ элементовъ въ отдѣльности и никакая ихъ комбинація не представляютъ прочнаго основанія для созданія сколько-нибудь правильнаго и удовлетворительнаго управленія крестьянами. Такой выводъ прямо показываетъ, что въ самую постановку задачи вкралась ошибка, до сихъ поръ не замѣченная, которая спутываетъ наши сужденія и приводитъ къ неправильнымъ результатамъ. Мы думаемъ, что ошибка заключается въ самой предпосылкѣ всѣхъ нашихъ разсужденій о крестьянскомъ и земскомъ дѣлѣ, которую мы вводили въ соображенія, не подвергнувъ сперва анализу и провѣркѣ. Мы смѣшиваемъ земское и крестьянское управленіе, считая послѣднее необходимою составною частью перваго, и вслѣдствіе того считаемъ крестьянское устройство и веденіе крестьянскихъ дѣлъ низшей ступенью земскихъ и коронныхъ административныхъ учрежденій и ихъ дѣятельности. Вотъ гдѣ лежитъ ключъ къ объясненію всѣхъ затрудненій и вмѣстѣ указаніе, какъ изъ нихъ выдти.

Разсуждая объ управленіи дѣлами купцовъ, ремесленниковъ, мѣщанъ, мы не помышляемъ воспользоваться ихъ сословной организаціей и сословными учрежденіями для городскихъ, земскихъ или административныхъ цѣлей, и очень хорошо понимаемъ, что эти учрежденія существуютъ только для, такъ сказать, домашнихъ сословныхъ дѣлъ купцовъ, мѣщанъ и т. п. То же самое должно сказать о дворянствѣ. До учрежденія земствъ, дворянскія сословныя учрежденія имѣли значеніе и сословное, и вмѣстѣ земское, по той первенствующей роли, какая принадлежала дворянству въ мѣстномъ управленіи; но гдѣ введены земскія учрежденія, тамъ бо́льшая часть мѣстныхъ дѣлъ перешла къ нимъ, а за дворянствомъ удержаны лишь нѣкоторые аттрибуты земской власти; въ остальномъ же дворянскія учрежденія обратились въ чисто-сословныя, завѣдывающія только дѣлами дворянства. Только къ крестьянскому управленію мы примѣняемъ иной масштабъ. Теперешнія волостныя и сельскія учрежденія соединяютъ въ себѣ двойственный характеръ: они, въ одно и то же время, и сословныя крестьянскія, и вмѣстѣ административныя, правительственныя и земскія. На нихъ лежатъ полицейскія обязанности, обязанности по производству дознаній, дѣла рекрутскія, раскладка податей и повинностей, дѣла по земскому страхованію. Такое смѣшеніе частныхъ сословныхъ и общихъ мѣстныхъ, правительственныхъ и земскихъ функцій и создаетъ искусственно вопросъ о завѣдываніи крестьянами и крестьянскими дѣлами. Когда рѣчь идетъ о неспособности крестьянъ къ самоуправленію, о несостоятельности крестьянскихъ властей и учрежденій, о необходимости держать ихъ подъ опекою дворянской, правительственной или земской и т. п., рѣчь идетъ о земской и правительственной роли крестьянъ и крестьянскихъ учрежденій; ибо свои домашнія сословныя дѣла крестьяне знаютъ какъ нельзя лучше, не хуже другихъ сословій, и если въ веденіи этихъ дѣлъ безнаказанно совершаются большія злоупотребленія, то вина этого всецѣло падаетъ на ошибочную и неудовлетворительную организацію крестьянскихъ властей и судовъ, а также на отсутствіе выработаннаго законодательства для крестьянъ. Для пользы земскаго и крестьянскаго дѣла необходимо строго, точнымъ образомъ, разграничить то, что́, въ нашихъ понятіяхъ и въ нашемъ законодательствѣ, слито въ одно. Съ этого и слѣдуетъ начать реформу крестьянскихъ и земскихъ учрежденій. Пока такого разграниченія не будетъ сдѣлано, до тѣхъ поръ мы по необходимости будемъ впадать въ неисходныя противорѣчія: или будемъ обращаться къ крестьянскимъ учрежденіямъ съ требованіями, которымъ, они, по степени культуры крестьянъ, удовлетворить не въ состояніи; или же станемъ отказывать имъ въ той долѣ самостоятельности, на которую они имѣютъ

право наравнѣ съ другими сословіями и которой они, безъ явной несправедливости, не могутъ быть лишены. Напротивъ, какъ только дѣла мѣстнаго и сословнаго управленія будутъ разграничены и одни послѣднія останутся въ завѣдываніи крестьянъ, а первыя отойдутъ по принадлежности къ земскимъ или правительственнымъ органамъ, вся путаница исчезнетъ, вопросы чрезвычайно упростятся, земское и крестьянское дѣла начнутъ развиваться, не мѣшая другъ другу.

Чтобы правильно провести границу между кругомъ завѣдыванія крестьянъ и различными сферами мѣстнаго управленія, необходимо сперва ясно опредѣлить, что именно входитъ въ кругъ сословныхъ крестьянскихъ интересовъ, и какъ далеко простирается смыслъ и навыкъ крестьянъ къ дѣламъ общественнымъ. То и другое не такъ легко, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Крестьянскія общества не суть только личныя, какъ другія сословныя общества, но вмѣстѣ и территоріальныя, поселенныя на извѣстномъ пространствѣ земли, которая, на томъ или другомъ правѣ, находится во владѣніи и пользованіи крестьянъ, принадлежащихъ къ обществу; съ территоріальнымъ же или поземельнымъ характеромъ находятся въ тѣснѣйшей связи различныя общественныя функціи, имѣющія не частный сословный, а публичный земскій характеръ. Такъ, наприм., охраненіе личной и имущественной безопасности, въ обществахъ съ личнымъ характеромъ, естественно принадлежитъ общей мѣстной полиціи, тогда какъ въ обществахъ территоріальныхъ обязанности общей полиціи и общественныхъ сословныхъ властей по этому предмету, по необходимости, соприкасаются и въ нѣкоторыхъ пунктахъ даже совпадаютъ. Замѣчаніе это относится и ко многимъ другимъ функціямъ. Что касается смысла, навыка и интереса къ дѣламъ общественнымъ, то они у крестьянъ обыкновенно ограничиваются ближайшимъ обиходомъ и тѣсными предѣлами общаго поселенія; за предѣлами села или деревни привычки и интересы общественности дѣйствуютъ уже гораздо слабѣе, и рѣдко когда переходятъ границы волости. Чтобы заранѣе устранить всякія недоразумѣнія, спѣшимъ прибавить, что мы здѣсь говоримъ не о сочувствіяхъ и сознаніи, которыя у крестьянъ, какъ и у другихъ людей, могутъ обнимать и обнимаютъ цѣлый край или все государство; рѣчь идетъ только о подробномъ знаніи и ясномъ пониманіи дѣлъ общественныхъ и о живомъ дѣятельномъ къ нимъ интересѣ, который побуждаетъ человѣка въ нихъ участвовать и охоту ими заниматься, приложить къ нимъ свои руки. Такого рода общественный духъ и общественный смыслъ несомнѣнно развитъ у крестьянъ, но онъ нейдетъ далѣе села, деревни, много-много волости. Теперь и этотъ общественный смыслъ и духъ ослабляются у обитателей деревень вслѣдствіе опеки, которой подчинены крестьянскія общественныя власти въ качествѣ низшихъ органовъ общаго мѣстнаго управленія. Дѣльные, толковые, энергическіе крестьяне, которые отлично бы умѣли вести домашнія крестьянскія общественныя дѣла и гордились бы своею дѣятельностью и своею ролью, теперь всячески сторонятся отъ общественныхъ должностей изъ боязни попасть подъ отвѣтственность по завѣдыванію тѣмъ, что не относится къ общественному крестьянскому обиходу, въ чемъ они мало смыслятъ и потому волей-неволей попадаютъ въ руки писарей, въ большинствѣ случаевъ недобросовѣстныхъ и невѣжественныхъ. Съ этими фактами должно сообразоваться при разграниченіи крестьянскаго сословнаго управленія отъ общаго мѣстнаго, правительственнаго и земскаго. Крестьянскому самоуправленію должны быть предоставлены одни лишь домашнія крестьянскія общественныя дѣла въ границахъ сельской и волостной территоріи; но волости не должны быть обширны; надобно, чтобъ онѣ обнимали лишь ближайшее сосѣдство, за предѣлы котораго связи и частныя сношенія, а съ ними общественный смыслъ и общественное участіе у крестьянъ не простираются; изъ общихъ же мѣстныхъ дѣлъ въ завѣдываніи крестьянъ должны быть оставлены только тѣ, которыя находятся въ такой непосредственной и неразрывной связи съ домашними крестьянскими, что никакъ не могутъ быть отъ нихъ отдѣлены, и притомъ оставлены только въ той мѣрѣ, какъ это совершенно необходимо для правильнаго хода мѣстной общественной жизни. Но и въ этихъ тѣсныхъ границахъ крестьянское самоуправленіе, по низкой степени культуры и развитія крестьянъ, принесетъ имъ и земскому дѣлу не пользу, а вредъ, если не будетъ обставлено условіями, обезпечивающими его правильность и добросовѣстность. У насъ часто смѣшиваютъ самоуправленіе съ автономіей и самосудомъ, тогда какъ между ними

есть большая разница. Самоуправленіе крестьянъ, въ означенныхъ выше предѣлахъ, не только желательно, но и необходимо, тогда какъ автономія и самосудъ, при теперешнемъ умственномъ и нравственномъ состояніи крестьянъ, повели бы только къ неустройствамъ и вопіющимъ нарушеніямъ самыхъ неотъемлемыхъ правъ. Обезпеченіемъ правильнаго хода крестьянскаго самоуправленія послужатъ, во-первыхъ, хорошій сельскій уставъ, точно, ясно и просто опредѣляющій организацію крестьянскихъ учрежденій и властей, порядокъ и формы ихъ дѣятельности, ихъ права и обязанности, и во-вторыхъ, судебныя гарантіи. По всѣмъ дѣламъ крестьянскаго самоуправленія должны быть устроены, кромѣ крестьянскаго, еще особые суды, близкіе и доступные крестьянскому населенію, для обжалованія рѣшеній крестьянскихъ судовъ, а также дѣйствій и распоряженій крестьянскихъ учрежденій и властей. Такіе суды должны быть образованы изъ крестьянъ, съ придаткомъ образованныхъ, знающихъ и опытныхъ юристовъ, и служить регуляторомъ крестьянскаго самоуправленія. Въ то же время, они будутъ служить посредниками и связью между крестьянскимъ и общимъ мѣстнымъ уплавленіемъ.

Съ выдѣленіемъ крестьянскаго сословнаго управленія, всѣ остальныя мѣстныя дѣла должны быть изъяты изъ завѣдыванія крестьянскихъ сословныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ и переданы, по принадлежности, въ руки общихъ мѣстныхъ правительственныхъ и земскихъ учрежденій и властей. Здѣсь не мѣсто изслѣдовать, какъ и на какихъ началахъ надлежало бы организовать общее мѣстное управленіе, освобожденное отъ чуждой ему сословной примѣси: предметъ этотъ не входитъ въ нашу задачу и отвлекъ бы насъ слишкомъ далеко. Замѣтимъ только мимоходомъ, что точное ограниченіе его отъ сословнаго крестьянскаго упростило бы его существенно во всѣхъ отношеніяхъ. Мы теперь не знаемъ, какъ согласить довольно высокія требованія отъ волостныхъ старшинъ съ невѣжествомъ и безграмотностью лицъ, выбираемыхъ въ эту должность, какъ улучшить личный составъ волостныхъ писарей, которые, при смѣшеніи крестьянскаго управленія съ общимъ мѣстнымъ и при теперешнемъ состояніи крестьянства, не могутъ не играть выдающейся роли въ веденіи дѣлъ; мы ломаемъ себѣ голову, какимъ бы образомъ сдѣлать участіе крестьянъ въ дѣлахъ земства болѣе дѣятельнымъ и полезнымъ и установить въ земскомъ управленіи равновѣсіе между различными земскими элементами и интересами. Всѣ эти и многіе имъ подобные вопросы, кажущіеся почти неразрѣшимыми, отпали бы вовсе или разрѣшились бы легко и просто, съ изъятіемъ общихъ мѣстныхъ дѣлъ изъ завѣдыванія крестьянъ. Волостныя правленія обратились бы тогда въ чисто крестьянскія сословныя учрежденія; волостные писаря сдѣлались бы вовсе ненужными; на мѣсто ихъ появились бы органы мѣстнаго управленія, непосредственно зависящіе отъ общихъ мѣстныхъ учрежденій, дѣйствующіе подъ ихъ контролемъ и по ихъ указаніямъ, и сами отвѣчали бы за свои дѣйствія. Вопросъ о представительствѣ различныхъ мѣстныхъ элементовъ въ земскихъ учрежденіяхъ, съ выдѣленіемъ крестьянскаго управленія въ особую, самостоятельную группу, въ значительной степени потерялъ бы свою важность, въ особенности, если, какъ и слѣдуетъ ожидать, образовательный цензъ займетъ приличное ему мѣсто въ уставѣ о земскомъ представительствѣ.

Чтобы пояснить нашу мысль, укажемъ, въ общихъ чертахъ, какія дѣла слѣдовало бы, при такомъ разграниченіи, отнести къ общему мѣстному, и какія—къ крестьянскому управленію.

Самимъ крестьянамъ и ихъ учрежденіямъ надлежало бы, по самому существу дѣла, предоставить на всемъ пространствѣ крестьянской территоріи прекращеніе всякихъ дѣйствій и фактовъ, нарушающихъ личную неприкосновенность и безопасность, а также владѣніе и имущественныя права; задержаніе людей, совершившихъ преступленіе; раскладка, сборъ и внесеніе, куда слѣдуетъ, денежныхъ податей; распредѣленіе и отправленіе натуральныхъ повинностей между лицами, принадлежащими къ составу сельскаго или волостного общества; составленіе и представленіе списковъ лицъ, обязанныхъ отбывать воинскую повинность; завѣдываніе и распоряженіе землями, входящими въ составъ общественной территоріи, и вообще движимымъ и недвижимымъ общественнымъ имуществомъ, въ предѣлахъ правъ, принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; наконецъ, призрѣніе сиротъ и бѣдныхъ. Всѣ прочія дѣла управленія, какъ-то: по народному продовольствію, народному образованію, полиціи

народнаго здравія, путей сообщенія, строительной, пожарной, торговой, фабричной и ремесленной и т. п., должны быть совершенно исключены изъ крестьянскаго управленія и всецѣло перейти въ завѣдываніе общихъ мѣстныхъ учрежденій и властей. Крестьянскія общества не должны быть, ни подъ какимъ предлогомъ, обременяемы ни перепиской, ни срочными вѣдомостями, ни требованіемъ свѣдѣній по такимъ дѣламъ. Имъ только должно быть вмѣнено въ обязанность доводить до свѣдѣнія ближайшихъ органовъ общаго мѣстнаго управленія о событіяхъ извѣстнаго рода, какъ, наприм., о появленіи заразы, повальныхъ болѣзней, вредныхъ насѣкомыхъ и животныхъ и т. п.; но всѣ обязанности такого рода должны быть точно и опредѣлительно перечислены въ сельскомъ уставѣ; они могутъ быть расширяемы лишь закономъ, а не по усмотрѣнію властей. Въ то же время крестьянскія общества и власти должны имѣть право доводить до свѣдѣнія общаго мѣстнаго управленія, или его органовъ, обо всемъ, на что̀, по соображенію крестьянъ, нужно или полезно обратить вниманіе общаго мѣстнаго управленія.

Остается часть судебная и нотаріальная. Она, какъ мы думаемъ, подлежитъ коренному преобразованію.

Во-первыхъ, компетенція крестьянскихъ судовъ должна быть ограничена спорами и нарушеніями только по такимъ предметамъ, которые предоставлены завѣдыванію крестьянъ, съ ограниченіемъ гражданскихъ тяжбъ извѣстною небольшою суммою, а наказаній—извѣстною незначительною суммою денежнаго штрафа и непродолжительнымъ арестомъ. Прочія затѣмъ спорныя дѣла и нарушенія должны быть отнесены къ компетенціи мировыхъ и общихъ судебныхъ учрежденій. Во-вторыхъ, необходимо возстановить юрисдикцію сельскихъ обществъ по дѣламъ, касающимся ихъ членовъ, или возникающимъ въ предѣлахъ сельской территоріи; волостной же юрисдикціи должны быть подвѣдомы тѣ же самыя дѣла, но между различными сельскими обществами или членами разныхъ сельскихъ обществъ, въ предѣлахъ одной и той же волости. За исключеніемъ этого различія компетенція сельскихъ и волостныхъ судовъ должна быть совершенно одинакова, съ апелляціею на рѣшенія и постановленія тѣхъ и другихъ судовъ въ суды, образованные изъ крестьянъ и юристовъ. Послѣдніе суды должны рѣшать всѣ дѣла окончательно. Сельская юрисдикція можетъ быть, по желанію и усмотрѣнію крестьянъ, отнесена къ сельскимъ сходамъ, или къ особымъ сельскимъ судамъ. Организація сельскихъ сходовъ, въ качествѣ судебныхъ учрежденій, судовъ сельскихъ, волостныхъ и апелляціонныхъ, а равно и правила процедуры и исполненія рѣшеній и приговоровъ, должны быть опредѣлены въ главныхъ чертахъ, безъ мелочныхъ подробностей, въ особомъ крестьянскомъ судебномъ уставѣ, который давно уже составляетъ одну изъ насущныхъ потребностей.

Точно такую же потребность составляетъ и нотаріальный крестьянскій уставъ, съ точнымъ и яснымъ опредѣленіемъ компетенціи крестьянскаго нотаріата, его организаціи и законной силы крестьянскихъ нотаріальныхъ актовъ. Всякаго рода договоры и условія въ предѣлахъ волости, до извѣстной суммы, могутъ быть, какъ мы думаемъ, совершаемы при волостныхъ судахъ, хотя бы лица, заключающія договоры и сдѣлки, не принадлежали къ числу крестьянъ; завѣщанія же крестьянъ могутъ быть, по ихъ желанію, совершаемы при апелляціонныхъ крестьянскихъ судахъ и утверждаемы ими къ исполненію, если завѣщатели живутъ въ округѣ того суда. Наконецъ, при тѣхъ же апелляціонныхъ судахъ могутъ быть совершаемы крѣпостные акты на недвижимое имущество, не превышающее извѣстной цѣны или извѣстнаго пространства земли.

Таковы должны быть общія черты крестьянскаго управленія, какъ мы его себѣ представляемъ. Мы глубоко убѣждены, что только въ этомъ направленіи слѣдуетъ искать разрѣшенія задачи, которая теперь занимаетъ правительство, обсуждается въ земскихъ собраніяхъ и глубоко интересуетъ всѣхъ мыслящихъ людей. При нашемъ теперешнемъ положеніи, едва-ли возможенъ другой выходъ изъ тѣхъ трудностей, на которыя мы наталкиваемся на каждомъ шагу при обсужденіи сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ земскаго и крестьянскаго управленія.

Ознакомившись съ нашимъ взглядомъ, читатели, можетъ быть, заподозрятъ насъ въ желаніи возвратиться къ прежнему раздѣленію русскаго общества на сословія, значительно ослабленному реформами минувшаго царствованія. Но такое подозрѣніе было бы несправедливо. Говоря о необходимости вы-

дѣлить и обсуждать особливо вопросъ объ устройствѣ и управленіи крестьянъ, мы далеки отъ мысли разсматривать ихъ, какъ особое, замкнутое сословіе; также мало хотѣли бы мы увѣковѣчить ихъ теперешнюю изолированность посреди другихъ слоевъ русскаго общества. Но нельзя закрывать глаза на то, что прошедшее, исторія завѣщали намъ до сихъ поръ еще рѣзко между собою различенные общественные и государственные разряды или „чины“, которые до Петра Великаго почти походили на касты. Только въ XVIII вѣкѣ они переименованы въ сословія. Непереступаемыя границы, раздѣлявшія ихъ между собою, въ теченіе того же и текущаго столѣтія значительно вывѣтрились, частью совсѣмъ сгладились; но созданныя долгою жизнью по разрядамъ и сословіямъ бытовыя различія нравовъ, привычекъ и возрѣній удержались до нашего времени, такъ же какъ и бывшія прежде взаимныя отношенія этихъ разрядовъ и сословій. Кромѣ того, различіе занятій и общественныхъ положеній создаетъ и навсегда удержитъ разные интересы, раздѣляющіе или соединяющіе людей. Разсуждая объ общественномъ устройствѣ и управленіи, нельзя не принимать въ соображеніе этихъ историческихъ и бытовыхъ различій; волей-неволей мы должны съ ними считаться. Безъ сомнѣнія, надо всячески стараться соединять и сводить вмѣстѣ разныя общественныя группы въ дѣлахъ общаго ихъ интереса; но будемъ помнить и то, что отъ нашего желанія и постановки задачи факты вдругъ по щучьему велѣнію не перемѣняются и лишь медленно, черезъ многія поколѣнія, исчезаютъ или получаютъ новый видъ. Пока еще живы взаимныя бытовыя предубѣжденія разныхъ нашихъ классовъ, пока ихъ интересы еще сталкиваются и расходятся, хотя бы только вслѣдствіе ошибочныхъ понятій и предразсудковъ; пока не только степень, но и самый характеръ культуры нашихъ различныхъ званій и общественныхъ разрядовъ очень замѣтно между собою разнятся, до тѣхъ поръ надо всячески облегчать переходы изъ одного класса въ другой, устранять всѣ препятствія къ ихъ взаимному сближенію, но невозможно, на основаніи одной юридической или политической фикціи, строить общественное зданіе и мѣстное управленіе. Крестьянство есть особая бытовая группа, имѣющая свои особые интересы, нравы, понятія, складъ ума и весьма отсталая по культурѣ. Всѣмъ этимъ она поставлена особнякомъ между другими группами, и потому должна быть изъ нихъ выдѣлена не юридически или политически, а по самому факту, и имѣть возможность оставаться выдѣленной, пока ея особенности будутъ того требовать.

Кромѣ того, низкая степень развитія крестьянъ, своеобразныя условія и формы ихъ быта настоятельно требуютъ возстановленія учрежденія, когда-то у насъ существовавшаго подъ разными формами, но впослѣдствіи отмѣненнаго и теперь забытаго. Мы говоримъ о стряпчихъ по дѣламъ крестьянскимъ. Принадлежа, въ видѣ особаго сословія, къ составу общества и государства, крестьяне находятся, внѣ тѣснаго круга своей общественной жизни, въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ другими классами и сословіями, съ сословными, земскими и правительственными, мѣстными и центральными учрежденіями и должностными лицами. Эти сферы мало имъ извѣстны или неизвѣстны вовсе, а общественная и государственная жизнь, по мѣрѣ перехода отъ низшихъ ступеней къ вершинамъ, по самому существу дѣла становится сложнѣе, искусственнѣе и формальнѣе. Въ этой, чуждой ему средѣ, крестьянинъ совершенно теряется и ходитъ какъ въ лѣсу. Оно и понятно. Чтобы найтись въ ней, мало одной бытовой умѣлости и сметки, которыя выручаютъ въ тѣсномъ кругу мелкихъ интересовъ и ежедневныхъ сношеній: нужно знаніе законовъ и людей, извѣстная степень образованности, знакомство съ дѣлами суда и администраціи и нѣкоторая опытность въ ихъ веденіи. Всего этого крестьянину недостаетъ. Оттого, выйдя изъ круга близкихъ ему сельскихъ отношеній, онъ чувствуетъ себя въ неловкомъ положеніи, путается, дѣлаетъ массу ошибокъ, которыя тяжко отзываются на его карманѣ; нерѣдко становится по незнанію нарушителемъ законовъ, безвинно подвергается различнымъ карамъ и попадаетъ, беззащитный, въ руки разныхъ обманщиковъ и проходимцевъ, которые, подъ видомъ помощи и заступничества, безсовѣстно и безстыдно его обираютъ. Во времена крѣпостного права, естественными оберегателями, совѣтниками и ходатаями помѣщичьихъ крестьянъ были, въ такихъ случаяхъ, помѣщики; нѣкоторые изъ нихъ исправляли эту обязанность очень усердно и добросовѣстно. Потребность въ оберегателяхъ личности и

имущества крестьянъ ясно сознавало во времена оны и правительство. Для удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ были учреждены особые стряпчіе, которыхъ обязанность состояла въ ходатайствѣ по дѣламъ крестьянскимъ. Но съ отмѣною крѣпостного права и соединеніемъ всѣхъ крестьянъ въ одно свободное крестьянское состояніе подъ управленіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, охрана со стороны помѣщиковъ исчезла, должность стряпчихъ упразднена, и крестьяне предоставлены собственнымъ силамъ, правильнѣе сказать—собственной слѣпотѣ и безпомощности, и выданы головою нахальному и алчному безтыдству частныхъ ходатаевъ. О возстановленіи охраны и защиты крестьянъ и ихъ интересовъ въ прежнемъ видѣ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи. Патронатъ и опека надъ крестьянами извращали принципъ такой охраны и защиты, въ существѣ совершенно правильный и отвѣчавшій дѣйствительной потребности: огражденіе крѣпостныхъ крестьянъ зависѣло отъ доброй воли помѣщика; стряпчіе чиновники навязывали невсегда безкорыстно свою помощь крестьянамъ и обратили ее во власть и подчиненіе. Съ тѣхъ поръ, что крѣпостное право и опека надъ крестьянами упразднены, старинныя формы попечительства надъ ними не могли удержаться; но потребность въ попечительствѣ, конечно, въ другомъ видѣ и въ другихъ формахъ, существуетъ и долго будетъ существовать вездѣ, гдѣ бытъ, культура и воззрѣнія высшихъ и низшихъ слоевъ общества существенно различны, гдѣ рядомъ съ сложнымъ правительственнымъ механизмомъ и болѣе зрѣлой гражданственностью живутъ большія земледѣльческія массы, туго, медленно вдвигающіяся въ условія культурной жизни и культурной обстановки. Только благодаря незнанію и непониманію русской дѣйствительности, попечительство надъ крестьянами могло быть забыто во время крестьянской реформы и вычеркнуто изъ числа крестьянскихъ учрежденій. Давно пора его установить вновь, въ формахъ, соотвѣтствующихъ новому положенію вещей. Необходимо, чтобы крестьяне имѣли, когда имъ нужно и когда они сами захотятъ, къ кому обратиться съ полнымъ довѣріемъ за указаніемъ, совѣтомъ, помощью и защитою по дѣламъ судебнымъ и административнымъ. Къ ихъ услугамъ должны быть поставлены люди добросовѣстные, знающіе, опытные, назначенные правительствомъ и имъ рекомендуемые. Потребность въ такихъ попечителяхъ или ходатаяхъ и стряпчихъ для крестьянъ указывается самою жизнью. Въ кругѣ присяжной адвокатуры есть не мало почтенныхъ лицъ съ выдающимся положеніемъ и именемъ, которыя охотно и безкорыстно отдаютъ свое время и свои труды на защиту крестьянъ въ судахъ. Въ нашемъ молодомъ образованномъ поколѣніи сочувственное отношеніе къ крестьянству составляетъ характеристическую черту. Изъ этого матеріала было бы легко выработать институтъ оффиціальныхъ крестьянскихъ попечителей и стряпчихъ, въ замѣну теперешнихъ невѣжественныхъ, полуграмотныхъ и недобросовѣстныхъ ходатаевъ, къ которымъ крестьяне невольно попадаютъ въ руки, не зная къ кому обратиться. При заботливомъ и тщательномъ выборѣ лицъ не по однимъ внѣшнимъ признакамъ, а по дѣйствительнымъ качествамъ, достоинствамъ и любви къ дѣлу, такіе попечители и ходатаи, оффиціально признанные въ этомъ званіи, съ обязанностью давать совѣтъ и помощь крестьянамъ, съ правомъ вести ихъ дѣла въ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ, за условное или опредѣленное умѣренное вознагражденіе, принесли бы огромную пользу, предохраняя крестьянъ во многихъ случаяхъ отъ большихъ потерь и разоренія. Такіе оффиціальные повѣренные и стряпчіе должны быть учреждены во всѣхъ городахъ и во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ промышленныхъ и торговыхъ пунктахъ; смотря по надобности, ихъ должно быть по нѣскольку. О существованіи ихъ должно быть объявлено во всеобщее свѣдѣніе понятнымъ и доступнымъ и для малограмотныхъ людей образомъ, чтобы крестьяне знали, къ кому могутъ съ полнымъ довѣріемъ обращаться съ своими дѣлами и нуждами.

Окончимъ этотъ очеркъ крестьянскихъ учрежденій и крестьянскаго управленія однимъ общимъ замѣчаніемъ. Теперь съ разныхъ сторонъ раздаются голоса о необходимости сближенія между различными слоями русскаго общества и въ особенности о необходимости засыпать ту бездну, которая раздѣляетъ крестьянство отъ образованныхъ классовъ и интеллигенціи. Къ этой задачѣ подходятъ все чаще и чаще, съ самыхъ различныхъ сторонъ, всѣ направленія русской мысли, враждебныя другъ другу во всемъ остальномъ и въ самой постановкѣ вопроса. Это служитъ

несомнѣннымъ признакомъ, что задача назрѣваетъ и выдвигается на первый планъ насущными потребностями дѣйствительной жизни, которая у насъ къ сожалѣнію слишкомъ часто опережаетъ мысль и застаетъ насъ врасплохъ, неприготовленными. Пока мы съ ожесточеніемъ споримъ о народной правдѣ и народномъ духѣ, котораго никто еще не разгадалъ, прежній бытъ крестьянскихъ массъ, ихъ міросозерцаніе и вѣрованія разлагаются, и это разложеніе, какъ вездѣ и всегда, обнаруживается въ крайне ненормальныхъ, отталкивающихъ явленіяхъ, рядомъ съ свѣтлыми проблесками, указывающими на попытки замѣнить старинныя основанія жизни и воззрѣній другими, ближе подходящими къ стремленіямъ и понятіямъ культурныхъ слоевъ. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на это явленіе, но оно показываетъ, что навстрѣчу направленію, побуждающему образованные классы сближаться съ крестьянскими массами, въ послѣднихъ тоже идетъ безсознательная, темная, стихійная работа, приближающая ихъ, пока еще медленно, къ культурнымъ и образованнымъ слоямъ. Посреди хаоса и мрака, въ которыхъ мы влачимъ нашу убогую жизнь, каждому мыслящему человѣку, безъ сомнѣнія, случалось наталкиваться на факты, доказывающіе, что такая двоякая работа у насъ дѣйствительно совершается. Только крайняя близорукость или вольное и невольное ослѣпленіе могутъ помѣшать ихъ разглядѣть или понять ихъ громадное значеніе для нашего настоящаго и ближайшаго будущаго. Что результатомъ такой работы будетъ, рано или поздно, коренное перерожденіе и высшихъ, и низшихъ слоевъ русскаго народа, — это можно предсказать уже теперь, не будучи пророкомъ. Пора отнестись къ этому нарождающемуся факту, благодатному зародышу лучшаго будущаго, со всею серьезностью и вниманіемъ, какихъ онъ заслуживаетъ по своей неизмѣримой важности. Пора, давно пора, разстаться съ напрасными надеждами снова забрать крестьянство въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ или капиталистовъ, промышленной и торговой буржуазіи, или, напротивъ, воспользоваться крестьянскими массами для политическаго или соціальнаго переворота; но пора также и перестать бояться соприкосновенія интеллигенціи и нарождающихся молодыхъ силъ съ крестьянскимъ населеніемъ. Такая боязнь совершенно понятна со стороны тѣхъ, которые все еще надѣются, тѣмъ или другимъ способомъ, въ томъ или другомъ видѣ, удержать народныя массы въ черномъ тѣлѣ и забрать ихъ въ руки высшихъ слоевъ; но съ точки зрѣнія правильной внутренней политики подобная боязнь—большое недоразумѣніе и ошибка, уже повлекшія за собою самыя горестныя послѣдствія. Судить по нѣкоторой и притомъ небольшой части молодежи о всей молодежи такъ же странно и несправедливо, какъ по нѣкоторымъ органамъ печати составлять себѣ понятіе о всей печати, или по нѣкоторымъ офицерамъ и чиновникамъ произносить приговоръ всѣмъ офицерамъ и чиновникамъ. Интеллигентная молодежь вездѣ отражаетъ въ себѣ, въ преувеличенномъ видѣ, мысли и направленія образованнаго общества, котораго нельзя же разобщить съ простымъ народомъ. Вмѣсто того, чтобы задерживать естественный порывъ молодыхъ силъ къ дѣятельности, —ими, напротивъ, надо воспользоваться въ интересахъ общества и государства и направить ихъ туда, гдѣ онѣ всего нужнѣе.

Безкорыстная, самоотверженная, идейная любовь молодежи къ народу нашла бы наилучшій себѣ исходъ въ служеніи на пользу грубыхъ и темныхъ массъ, заѣденныхъ нищетой, невѣжествомъ и дурнымъ управленіемъ,—въ должностяхъ народныхъ учителей, низшихъ полицейскихъ служителей, письмоводителей, становыхъ, исправниковъ, мировыхъ судей и съѣздовъ, земскихъ управъ, въ званіи фельдшеровъ и т. п. Такая мысль покажется инымъ безумной, пожалуй даже злонамѣренной и преступной; но мы глубоко убѣждены, что будь она осуществлена ранѣе, не было бы многихъ несчастій, которыя мы пережили, много сохранилось бы молодыхъ силъ, потраченныхъ и погибшихъ даромъ, безплодно, и броженіе, найдя естественный выходъ, не приняло бы остраго характера, который надѣлалъ столько зла. Не зная народа, склада его ума и воззрѣній, мы, со словъ генерала Фадѣева и ему подобныхъ, воображаемъ, что наши земледѣльческія крестьянскія массы—волнующееся море западноевропейскихъ рабочихъ и пролетаріевъ, что стоитъ бросить въ нихъ искру, чтобъ произвести всеобщій пожаръ; а на повѣрку оказывается, что и европейскіе фабричные рабочіе и пролетаріи совсѣмъ не такой легковоспламеняющійся матеріалъ, какимъ намъ его изображали писатели скарятинскаго образа мыслей; наши же сельскія массы и по-

давно далеко не такъ политически подвижны, какъ многимъ думается. Еслибъ нашей интеллигентной молодежи были настежь открыты двери въ низшія должности, имѣющія непосредственное отношеніе къ крестьянству, изъ этого не вышло бы ничего, кромѣ хорошаго, отраднаго и желаннаго. Фразеры, болтуны, рисущіеся либерализмомъ, скоро бы соскучились въ средѣ, гдѣ фразами и словами ничего не подѣлаешь и гдѣ жадныхъ слушателей, аплодирующихъ либеральнымъ воззрѣніямъ, не существуетъ. Простой народъ въ деревняхъ фразами не поднимешь. Ему, въ его низменной долѣ, нужны дѣла, услуги, факты: имъ только онъ повѣритъ, но и то не вдругъ, а годами. Дѣльная, умная, трудолюбивая молодежь, увлекающаяся либерализмомъ, скоро увидѣла бы и поняла жизнь, какова она есть, и найдя себѣ полезное дѣло, занялась бы имъ съ увлеченіемъ и великою пользою для крестьянъ и для службы, въ средѣ, гдѣ теперь царятъ мракъ, невѣжество и вопіющія злоупотребленія. Въ этой средѣ, способной отрезвить хоть кого, изъ порядочной молодежи, послѣ двухъ-трехъ-лѣтней службы, выработались бы превосходные общественные и государственные дѣятели, отлично знающіе крестьянскій людъ, и, что всего важнѣе, съ сложившимся, окрѣпшимъ въ трудѣ характеромъ. Съ такими людьми можно провести какую угодно полезную реформу, устроить какое угодно правильное управленіе. Теперь такихъ полезныхъ дѣятелей было бы уже много между нами. Очистивъ темныя дебри сельскаго и низшаго чиновничества, они бы пригодились и въ провинціальной, и центральной службѣ.

На простую мысль—обновить у насъ низшій служебный персоналъ молодыми образованными силами, у насъ теперь начинаютъ указывать съ разныхъ сторонъ. Земства желаютъ пониженія имущественнаго ценза и возраста для вступленія въ земскую службу и введенія ценза образованія, между прочимъ съ тою цѣлью, чтобы привлечь въ провинцію молодыя образованныя силы и дать имъ возможность тамъ, на мѣстѣ, подготовиться къ земской дѣятельности. Возникаетъ и другая, весьма плодотворная, мысль поднять должность волостного писаря и соединить съ нею приличное содержаніе, для того, чтобъ образованные молодые люди съ этой должности начинали свою службу и не могли занять никакого мѣста по министерству внутреннихъ дѣлъ иначе, какъ прослуживъ нѣсколько лѣтъ волостными писарями. Рано или поздно, въ той или другой формѣ, мы должны, наконецъ, придти къ убѣжденію, что образованныя молодыя силы могутъ съ пользою начать служить государству и странѣ не прежде, какъ хорошо ознакомившись на мѣстахъ, практически, съ бытомъ, привычками и воззрѣніями народной массы. Этимъ путемъ достигнутся, въ одно и то же время, двѣ полезныя цѣли: гнетъ безобразнѣйшаго и хищническаго приказнаго сельскаго люда, тяготѣющій теперь на народныхъ массахъ, будетъ существенно облегченъ; мракъ, царящій въ нихъ, понемногу начнетъ рѣдѣть подъ вліяніемъ справедливости и человѣческихъ понятій, которыя образованная молодежь внесетъ въ свои отношенія къ народу; а въ то же время въ составъ земства и въ государственную службу на всѣхъ ея ступеняхъ внесутся свѣжіе элементы, теоретически образованные и вмѣстѣ практически знакомые съ народнымъ бытомъ и народными потребностями, чего намъ такъ недостаетъ во всѣхъ слояхъ нашего общества. Образованіе, рано или поздно, должно пробраться и проникнуть въ народныя массы и коренно преобразовать ихъ бытъ и нравы; лучше же, чтобъ оно проникало этимъ, нормальнымъ путемъ, видимымъ для всѣхъ, чѣмъ потайными боковыми источниками, которые текутъ во мракѣ, незамѣтно ни для кого, и разражаются внезапностями, часто опаснаго характера, которыхъ невозможно предвидѣть и отстранить во-время. До сихъ поръ мы старались вносить въ массы образованіе чрезъ усиленіе вліянія и власти зажиточныхъ, владѣльческихъ, промышленныхъ и торговыхъ слоевъ общества, и ничего этимъ не достигли, только усложнили и запутали наше внутреннее положеніе. Остается избрать другой путь, который мы до сихъ поръ упорно отвергали, какъ вредный и опасный. Онъ на дѣлѣ окажется наилучшимъ и принесетъ благіе плоды.

VII.

Народное образованіе, какъ коренное условіе успѣха всякихъ другихъ реформъ крестьянскаго быта.

Какъ бы ни были сами по себѣ полезны и благотворны мѣры, предлагаемыя для устройства и поднятія у насъ крестьянскаго быта, онѣ, смѣло можно сказать, не приведутъ ни къ чему, пока наши крестьяне будутъ оста-

ваться на той степени умственнаго, нравственнаго и гражданскаго развитія и культуры, на какой теперь находятся. Мы говоримъ преимущественно о великорусскихъ крестьянахъ, съ которыми ближе знакомы. Они составляютъ огромное большинство въ русскомъ государствѣ и потому естественно занимаютъ самое видное мѣсто во всѣхъ разсужденіяхъ и заботахъ объ устройствѣ сельскаго населенія имперіи. Теперешнее культурное состояніе нашихъ крестьянъ составляетъ самую существенную, самую непобѣдимую помѣху не только для улучшенія ихъ быта, но и вообще для всего нашего развитія. Объ нее, какъ о подводный камень, разбиваются въ прахъ всѣ самыя энергическія усилія, откуда бы они ни шли, къ улучшенію нашего внутренняго положенія. О чемъ бы мы ни заговорили — о самоуправленіи, гражданскихъ и политическихъ правахъ, о сельскомъ хозяйствѣ, о водвореніи у насъ добрыхъ нравовъ, о промышленности, торговлѣ, судѣ, полиціи, — вездѣ и во всемъ мы лицомъ къ лицу встрѣчаемся съ невѣжествомъ крестьянъ, ихъ неразвитостью, отсутствіемъ въ нихъ азбучныхъ культурныхъ понятій и привычекъ. Они представляютъ то упорнѣйшее, непобѣдимое препятствіе, передъ которымъ всякая сила въ концѣ концовъ ослабѣваетъ, въ сознаніи своей несостоятельности и ничтожества. Народное образованіе — вотъ къ чему, въ послѣднемъ выводѣ, сводится теперь все. Его успѣхами будутъ отнынѣ измѣряться всѣ наши успѣхи. Безъ образованія народныхъ массъ мы не можемъ ступить шагу, и всякія улучшенія будутъ мнимыми, кажущимися, а не настоящими, прочными, дѣйствительными.

Къ несчастію, именно по этому предмету существуетъ въ нашихъ образованныхъ слояхъ самое рѣзкое разномысліе, самыя странныя и поразительныя недоразумѣнія. Ни въ чемъ разбродъ мыслей не выражается съ такою яркостью и выпуклостью, какъ во взглядахъ на народное образованіе. Мы вообще бѣдны интеллигенціей и культурными силами; а разноголосица по важнѣйшей изъ всѣхъ нашихъ современныхъ задачъ парализуетъ дѣятельность и тѣхъ немногихъ, какія есть налицо, и борьба съ народнымъ невѣжествомъ, предразсудками, дурными привычками и безобразными понятіями и нравами по необходимости отлагается; а время, между тѣмъ, уходитъ, увеличивая трудности для будущихъ поколѣній. Несмотря на то, что вопросъ о народномъ образованіи поднятъ и обсуждается у насъ уже давно, мы не только не успѣли согласиться въ мѣрахъ и способахъ, какъ вести это дѣло, но не могли даже столковаться о томъ, — нужно ли народу образованіе или нѣтъ, полезно оно ему или вредно, и споръ объ этомъ грозитъ сдѣлаться нескончаемымъ.

Многіе отрицаютъ необходимость народнаго образованія, — странно сказать, во имя національнаго величія и доблестей русскаго народа! Патріоты этого пошиба разсуждаютъ такъ: русскій народъ основалъ обширное и могущественное государство, выказалъ великія военныя и гражданскія добродѣтели и политическій смыслъ въ битвахъ, въ эпохи внутреннихъ нестроеній и смутъ; онъ съумѣлъ сохранить и поддержать государственную власть неприкосновенной въ годины самыхъ тяжкихъ испытаній. Какое же ему нужно воспитаніе и образованіе, когда онъ всею своей жизнью и исторіей доказалъ, что воспитанъ и образованъ болѣе, чѣмъ многіе другіе народы, считающіеся образованными?

Ошибочность такого взгляда бросается въ глаза. Поборники его останавливаются на однихъ крупныхъ событіяхъ и эпохахъ русской исторіи, когда національная и политическая живучесть русскаго народа, подвергнутая испытанію великими народными бѣдствіями, выразилась съ особенной силой, — соединяютъ эти событія и эпохи въ дѣйствительно знаменательную и поразительную картину и по ней составляютъ себѣ понятіе объ образованіи и культурѣ русскаго народа. Но національное сознаніе, національный духъ не имѣютъ съ ними ничего общаго. Живучесть, чувство самосохраненія присущи великимъ историческимъ народамъ, пока они живутъ, на всѣхъ ступеняхъ ихъ развитія, и въ эпоху дикости, и въ эпохи высокаго просвѣщенія. Культура не касается этой стороны народной жизни, а выражается въ ежедневномъ будничномъ, общественномъ и домашнемъ бытѣ народа.

И дикіе, и образованные народы могутъ быть и не быть одушевлены національнымъ чувствомъ. Слѣдуетъ также замѣтить, что ненормальныя, болѣзненныя явленія въ ежедневномъ, домашнемъ бытѣ народа, съ которыми онъ не умѣетъ справиться по недостатку культуры, часто отражаются, въ концѣ концевъ, и на внѣшней политической его жизни.

Такъ называемые славянофилы занимаютъ въ вопросѣ о народномъ образованіи своеобразное положеніе, послѣдовательно вытекающее изъ ихъ основныхъ воззрѣній. Такъ какъ взглядъ ихъ чрезвычайно распространенъ и раздѣляется значительнѣйшимъ большинствомъ русскаго общества, въ томъ числѣ множествомъ лицъ, не принадлежащихъ къ славянофильскому лагерю, то необходимо разсмотрѣть этотъ взглядъ подробнѣе.

Славянофилы не отрицаютъ необходимости народнаго образованія. Напротивъ, они относятся къ нему весьма сочувственно, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ оно строго сообразовалось съ направленіемъ, которое они, съ своей точки зрѣнія, считаютъ единственно полезнымъ и благотворнымъ для русскаго народа. А ихъ точка зрѣнія опредѣляется слѣдующимъ образомъ: всѣ качества и добродѣтели въ высшей степени соединены въ русскомъ народѣ, какимъ его воспитала и выработала древняя, до-петровская Россія. Простой русскій народъ, незараженный европейскими вліяніями, представляетъ по преимуществу типъ человѣка. Въ основаніи всѣхъ его духовныхъ и нравственныхъ качествъ лежитъ глубокая религіозность, внѣдренная въ него православіемъ. Такъ называемое образованіе, которое приходитъ къ нему изъ городовъ и отъ культурныхъ слоевъ русскаго общества, пропитано европейскими вліяніями, сосредоточено, какъ и въ Европѣ, на улучшеніяхъ внѣшняго быта, но чуждо нравственныхъ и религіозныхъ началъ, и потому, вмѣсто истиннаго образованія, несетъ съ собою только внѣшнее благообразіе и внутреннее духовное растлѣніе. Благодаря ему, въ деревняхъ добрые старые нравы и обычаи падаютъ; вмѣсто единенія, христіанскаго смиренія, любви и довѣрія, между людьми водворяются раздоръ, злоба, неправда и обманъ, развращеніе нравовъ, ослабленіе семейныхъ связей. Такое мнимое образованіе приноситъ русскому народу не пользу, а вредъ, и усиливать, распространять его, значитъ ускорять и обострять процессъ разложенія здоровой нормальной русской жизни и русскаго національнаго быта. Истинное, желательное у насъ образованіе народа должно заключаться въ утвержденіи его въ ученіи православной церкви, въ послушаніи ея постановленіямъ, въ соблюденіи, во всей чистотѣ, добрыхъ старыхъ нравовъ и народныхъ преданій.

Вся эта аргументація, съ ея предпосылками, выводами и заключеніями, кажется намъ ошибочной, и вотъ по какимъ соображеніямъ.

Славянофильскій взглядъ предполагаетъ, какъ доказанное и несомнѣнное, что извѣстныя умственныя и нравственныя качества народа, его религіозныя вѣрованія и воззрѣнія, его бытъ, нравы, обычаи и привычки должны неизмѣнно оставаться одни и тѣ же, что ихъ ослабленіе и измѣненіе есть признакъ упадка народной жизни и народнаго духа. Мы никакъ не можемъ съ этимъ согласиться. Изученіе исторіи доказываетъ, что вѣрованія, воззрѣнія, бытъ и нравы народа, въ любое данное время, представляютъ результатъ различныхъ эпохъ культуры, пережитыхъ народомъ, слѣдовательно, не суть прирожденные, не явились вдругъ, сразу, а создавались постепенно, измѣнялись и переходили черезъ разные фазисы или эпохи развитія. Отсюда слѣдуетъ, что ослабленіе и упадокъ вѣрованій и формъ народнаго быта еще не доказываетъ упадка народной нравственности или религіозности; это служитъ только вѣрнымъ признакомъ, что послѣдняя фаза или эпоха развитія народа приходитъ къ концу, и нарождается другая, потребность которой всегда является сначала въ видѣ равнодушія къ существующему, и болѣе или менѣе рѣзкаго сознательнаго его отрицанія. Вотъ почему невозможно смѣшивать природныя народныя качества и свойства съ установившимися обычаями, воззрѣніями и вѣрованіями и принимать послѣднія за первыя. Народныя качества и свойства выражаются въ разныя эпохи развитія въ разныхъ формахъ, свойственныхъ данному времени и обстоятельствамъ, часто бываютъ скрыты и какъ бы вовсе не существуютъ, а потомъ, при благопріятныхъ условіяхъ, выступаютъ съ большою рельефностью; также и наоборотъ: извѣстныя черты народнаго характера, ярко выдававшіяся сначала, впослѣдствіи совсѣмъ исчезаютъ. Только у долго существовавшаго и дѣйствовавшаго народа, при пристальномъ изученіи его въ разныя эпохи его исторіи, удается подмѣтить нѣкоторыя особенности и характеристическія свойства, которыя красной ниткой проходятъ чрезъ всю его жизнь и могутъ быть признаны за отличительныя черты его національнаго характера. Смѣшивать ихъ съ добродѣтелями и пороками, свойственными той или другой эпохѣ, значило бы заранѣе сдѣлать невозможнымъ правильный выводъ о характерѣ и

свойствахъ народа и о значеніи переходовъ и колебаній, которымъ бытъ его и вѣрованія подвергаются въ продолженіе его исторіи.

Славянофилы объясняютъ всѣ совершенства русскаго народа воспитаніемъ его въ до-петровской Россіи въ духѣ православія и потому требуютъ, чтобы въ томъ же духѣ образованіе народа продолжалось и теперь. Такое требованіе, хотя бы оно и было справедливо и вѣрно по отношенію къ православному населенію, не можетъ сдѣлаться программой народнаго образованія для цѣлаго государства, считающаго раскольниковъ, сектантовъ и иновѣрцевъ десятками милліоновъ. Чѣмъ же замѣнить ее для нихъ? Религіознымъ направленіемъ народнаго образованія въ духѣ той вѣры, какую каждый исповѣдуетъ? Но программа славянофиловъ систематически враждебна такому отвѣту на вопросъ, ибо она признаетъ только православіе религіозной истиной и только его считаетъ способнымъ вести людей къ совершенству. Или исключеніемъ религіи и вѣроученія изъ программы образованія тѣхъ, которые не исповѣдуютъ православія? Но это было бы столько же противно доктринѣ, ставящей вѣроученіе во главу угла народнаго воспитанія и образованія. Такимъ образомъ, взглядъ славянофильской школы не разрѣшаетъ весьма важнаго вопроса: въ какомъ направленіи должно быть ведено образованіе неправославныхъ подданныхъ русскаго государства. Съ этой неполнотой еще можно было бы помириться, еслибы самая программа славянофиловъ, признающая православіе за единую истину и строящая на этой истинѣ всю систему народнаго образованія, не порождала въ крайнихъ ея ревнителяхъ и поборникахъ совершенно естественнаго стремленія водворить истину православія и между неправославными подданными. Разъ великороссъ признанъ идеаломъ истиннаго христіанина и человѣка, стремленіе обратить всѣхъ не только въ православныхъ, но и въ великороссовъ рождалось само собой, и И. С. Аксаковъ весьма послѣдовательно отрицалъ у малорусскаго нарѣчія право на существованіе въ видѣ литературнаго языка.

Пойдемъ далѣе. Славянофилы потому признаютъ православіе основаніемъ народнаго воспитанія и образованія, что оно самымъ совершеннымъ образомъ выражаетъ смыслъ и духъ Христова ученія; въ послѣднемъ же заключается послѣднее слово всякой истины. Но христіанство, какъ сама жизнь, неисчерпаемо. Оно имѣетъ безчисленное множество сторонъ. Одному болѣе доступна догматическая истина Христова ученія, и въ ней онъ по преимуществу сосредоточивается; другому, напротивъ, практическая,—дѣло любви, милосердіе и личное нравственное совершенствованіе; одному ближе къ сердцу созерцательная жизнь, удаленіе отъ соблазна, отреченіе отъ міра и его страстей, умерщвленіе плоти; другой, напротивъ, видитъ верхъ христіанскаго совершенства въ борьбѣ и побѣдѣ надъ своими грѣховными влеченіями и зломъ въ мірѣ, посреди его соблазновъ. Который же изъ этихъ различныхъ способовъ воспріятія истины христіанской болѣе отвѣчаетъ духу и смыслу Христова ученія? Который долженъ быть признанъ ближайшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ къ совершенству въ духѣ христіанства? Даетъ ли въ этомъ отношеніи православіе какія-либо положительныя указанія? На послѣдній вопросъ мы должны отвѣчать отрицательно. Въ исторіи православной церкви мы находимъ всѣ эти направленія или рядомъ, или же съ преобладаніемъ, въ тотъ или другой періодъ, то одного, то другого. Въ исторіи русской церкви замѣчаемъ также различныя пониманія православія. Наша церковь была православной съ самаго начала; такою же остается она и теперь. Но православіе понималось, напримѣръ, въ XVI и XVII вѣкѣ такъ различно, что изъ этого возникъ расколъ, раздѣлившій вѣрующихъ на два враждебные лагеря, и то, что̀ считалось православнымъ до XVII вѣка, впослѣдствіи отвергнуто какъ лжеученіе. Раскольники, оставшіеся вѣрными старинѣ, считаютъ православными только себя, а насъ—нѣтъ. Такимъ образомъ, слово „православіе“ не довольно точно и опредѣлительно выражаетъ народно-образовательную программу славянофиловъ. Оно обнимаетъ правовѣріе догматическое и практическое, созерцательное, монашеское и дѣятельное, свѣтское, мірское, русское до XVII вѣка и начиная съ XVII вѣка. Напрасно стали бы намъ возражать, что правовѣріе одно и обнимаетъ всѣ указанныя направленія. Исторія нашей церкви доказываетъ, что различныя направленія такъ между собою могутъ расходиться, что доводятъ до вражды и преслѣдованій. Но допустивъ, что православіе обнимаетъ всѣ эти направленія, мы стоимъ на томъ, что необходимо точно указать, которое именно изъ

нихъ должно быть преимущественно примѣняемо въ воспитаніи и образованіи народа, а именно на это мы и не находимъ указаній въ программѣ славянофиловъ.

Въ письмѣ къ покойному Ѳ. М. Достоевскому [1]) мы изложили наши мысли о различныхъ сторонахъ христіанства и воспріятія его людьми. Каждый народъ, какъ и каждый человѣкъ, усвоиваетъ себѣ изъ него то, къ чему наиболѣе расположенъ и подготовленъ, и притомъ настолько, насколько можетъ и способенъ принять по степени своего развитія. Вотъ почему христіанство весьма различно воспринимается различными народами и отчего одинъ и тотъ же народъ, въ разныя эпохи своего развитія, съ большею или меньшею вѣрою, горячностью и увлеченіемъ, относится къ тому или другому изъ его безчисленныхъ направленій и оттѣнковъ. На эту чрезвычайно важную сторону вопроса славянофилы не обратили вниманія. Но подразумѣваемый отвѣтъ на вопросъ, не разрѣшаемый ихъ программою, опредѣляется всею совокупностью и духомъ славянофильскаго ученія. Ихъ идеалъ совершенства есть старинный русскій человѣкъ до-петровскаго періода; народное воспитаніе должно сохранить этотъ типъ у насъ на всегдашнія времена; слѣдовательно, и православіе должно ему внушаться въ томъ направленіи, смыслѣ и духѣ, въ какомъ его восприняли, поняли и усвоили себѣ наши предки до Петра Великаго. Но оставляя въ сторонѣ, что наши прадѣды различно понимали православіе въ XVI и XVII вѣкѣ, замѣтимъ, что вообще такая постановка еще болѣе съуживаетъ народно-образовательную программу славянофиловъ: мы можемъ, оставаясь православными, чувствовать сердечную потребность и настоятельную необходимость развить въ себѣ ту сторону христіанскаго ученія, на которую, по обстоятельствамъ и степени развитія, до сихъ поръ меньше обращали вниманія, и наоборотъ, сдѣлаться менѣе чувствительными и воспріимчивыми къ той, которая до сихъ поръ исключительно нами владѣла, занимала нашъ умъ и наполняла наше сердце. Программа, которая потребуетъ отъ народа, чтобъ онъ во вѣки вѣковъ оставался таковъ, каковъ былъ во времена оны, при другихъ обстоятельствахъ и условіяхъ,—не разрѣшитъ вопроса о народномъ воспитаніи и образованіи; она только помѣшаетъ его правильному развитію. Славянофильскія воззрѣнія, очевидно, вовлечены въ ошибку правильностью, цѣльностью и законченностью нашей культуры въ московскій періодъ. Все въ ней спѣто и слажено въ цѣломъ и подробностяхъ; одни и тѣ же начала, сверху до низу, опредѣляютъ бытъ. Глядя на такое зданіе, выстроенное по одному плану и отдѣланное до мелочей въ одномъ стилѣ, невольно увлекаешься архитектоническою его стороною, особливо, когда время, старина, скрадываетъ коренные недостатки плана и шероховатости деталей. Думается, что людямъ жилось хорошо въ этомъ зданіи, сооруженномъ многими поколѣніями въ теченіе вѣковъ. Невольно приходишь къ мысли, что было бы лучше, еслибъ его поддерживали, исправляли, ремонтировали искусной рукой; вмѣсто того, пришелъ Петръ, разрушилъ зданіе, всколебалъ мирную и правильную жизнь, набросалъ проектъ какого-то новаго зданія въ самыхъ общихъ чертахъ, смыслъ которыхъ понималъ только онъ самъ и горсть его сотрудниковъ, и умеръ, оставя послѣ себя хаосъ, въ которомъ мы до сихъ поръ не можемъ разобраться. Бытъ народный, глубоко потрясенный внезапностью и насиліемъ, былъ надорванъ; мысль народная, выбитая изъ колеи, мечется изъ стороны въ сторону и до сихъ поръ не можетъ придти въ себя и успокоиться. Увлеченіе готовымъ, установившимся, законченнымъ по сравненію съ нарождающимся, еще несклаппымъ, рѣзкимъ, на добрую половину только отрицательнымъ, сулящимъ много впереди и мало дающимъ въ настоящемъ, было и долго еще будетъ камнемъ преткновенія для мыслящихъ людей, историковъ, романтиковъ, поэтовъ и археологовъ. Самъ Гёте не уберегся отъ идеализированія священной Римской имперіи съ ея чинами, сословіями, гильдіями и цехами, разрушенной французской революціей и наполеоновскими войнами. Нѣмецкая романтическая школа возвела въ идеалъ средневѣковый бытъ, о которомъ мы теперь хорошо знаемъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Въ такую же ошибку впалъ въ свое время и „божественный“ Платонъ, и римскіе республиканцы временъ имперіи. Ошибка заключается въ томъ, что историческое, археологическое, художественное созерцаніе отворачивается отъ требованій практической жизни, не знаетъ ихъ. Вглядѣв-

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1890, ноябрь, стр. 431 и слѣд.—См. ниже.

шись пристально въ дѣйствительную жизнь, схваченную и уложенную въ превосходно отдѣланныя рамки, вслушавшись въ ея неудовлетворенныя требованія, громко выраженныя современниками, защитники старины и преданій поняли бы, что̀ привело рамки къ упадку и разрушенію; они замѣтили бы также, что старина и преданіе, до своего разрушенія, были уже сильно поколеблены въ народныхъ вѣрованіяхъ, убѣжденіяхъ и привязанностяхъ. Но созерцаніе, романтизмъ не любятъ живой дѣйствительности. Они охотно уходятъ въ отвлеченности, изукрашаютъ ихъ отъ себя цвѣтами воображенія, и эти прикрасы принимаютъ за бывшую когда-то дѣйствительную жизнь, о которой воздыхаютъ. Хороша или дурна была степень культуры древней Великороссіи, вполнѣ вызрѣвшей и опредѣлившейся въ своихъ формахъ въ московскій періодъ, — вопросъ праздный, ни къ чему не ведущій. Она была подготовлена предшествующими событіями, условіями и обстоятельствами и глубоко вошла въ нашу жизнь, такъ что и до сихъ поръ, въ теченіе двухъ-сотъ лѣтъ и не смотря на реформу Петра, мы далеко еще отъ нея не освободились. Славянофилы совершенно правы, утверждая, что великорусское крестьянство сохранило въ чистотѣ и неприкосновенности преданія, обычаи и нравы добраго стараго времени, именно степени культуры, разрушенной Петромъ. Какая же ея существенная, характерная черта? Та самая, которая и до сихъ поръ характеризуетъ нашего крестьянина и нашъ деревенскій бытъ. Крестьянинъ прежде и больше всего—безусловный послѣдователь и приверженецъ обряда, обычая, заведеннаго порядка, преданія. Вся его дѣятельность, воззрѣнія, привязанности и предубѣжденія опредѣлены уже впередъ, и въ нихъ онъ движется, въ нихъ укладываетъ всю свою жизнь, не внося отъ себя лично ничего, не стараясь видоизмѣнить окружающее своей изобрѣтательностью или усиліями своего личнаго ума, своей личной воли. Его вѣра состоитъ въ исполненіи церковнаго устава; его бракъ устроенъ не имъ самимъ, а помимо него, родительскою властью. Весь его домашній и хозяйственный обиходъ предопредѣлены тѣмъ, какъ ихъ завели и устроили отцы и дѣды; но и они тоже не выдумали ихъ отъ себя, а приняли готовыми отъ своихъ предковъ. Крестьянинъ радуется или горюетъ, жалуется на свою судьбу или благодаритъ за нее Бога, но принимаетъ и доброе, и худое, не допуская мысли, что первое можно привлечь, съ послѣднимъ можно бороться и побѣдить. Все въ его жизни дано, предопредѣлено, предуставлено. Бытъ его мѣняется, съ перемѣной обстоятельствъ и обстановки; но эти перемѣны не плодъ его личнаго почина, а являются въ его глазахъ результатомъ дѣятельности той же судьбы и тайныхъ невидимыхъ силъ, которыя управляютъ его жизнью. Полное отсутствіе самодѣятельности, полное и всецѣлое, безграничное подчиненіе тому, что̀ приходитъ извнѣ, —вотъ основной принципъ всего міровоззрѣнія крестьянина. Имъ опредѣляется вся его жизнь. Протестъ противъ обстановки, когда она приходится не въ моготу, выражается или бѣгствомъ, или внезапнымъ, дикимъ порывомъ разрушенія. Иначе и не можетъ поступать человѣкъ, котораго воззрѣнія по принципу исключаютъ творческую, зиждительную дѣятельность людей какъ начало, источникъ матеріальныхъ и духовныхъ благъ, какъ орудіе противъ золъ и напастей. Теперь, конечно, замѣчаются нѣкоторыя отступленія отъ такого міросозерцанія, и если мы, здѣсь и тамъ, видимъ признаки нарожденія другого, признающаго участіе человѣка въ созданіи собственной судьбы, то это пока только лишь одни проблески, намеки. Много пройдетъ времени, пока слабые зачатки перевоспитанія народной массы окрѣпнутъ и пустятъ корни.

Славянофилы не обращаютъ вниманія на эту основную, господствующую, характерную черту народнаго міросозерцанія, и усматривая въ глубокомъ фатализмѣ и пассивности христіанское смиренномудріе и покорность волѣ Провидѣнія, не понимаютъ ни характера и значенія Петровской реформы, ни того, что̀ происходитъ въ наше время. Тамъ, гдѣ человѣкъ самъ по себѣ ничего не значитъ, гдѣ онъ вполнѣ, исключительно зависитъ отъ внѣшнихъ фактовъ и обстановки, которые представляются велѣніями судьбы и невидимыхъ, добрыхъ или враждебныхъ силъ, тамъ преобразованія и не могли начинаться съ перемѣны взглядовъ, убѣжденій, какъ въ другихъ странахъ, а могли заключаться только въ перемѣнѣ обстановки и условій жизни. Реформа Петра по необходимости могла выдти только внѣшнею. И долго послѣ, грубый, внѣшній фактъ имѣлъ въ нашихъ глазахъ больше авторитета, чѣмъ мысль, убѣжденіе. Далеко ли мы ушли теперь? Предпочитаемъ

ли мы и теперь силу мысли, убѣжденія, нравственной духовной стороны—внушительности внѣшняго факта и внѣшнихъ обязательныхъ мѣръ? Къ сожалѣнію, у насъ и до сихъ поръ слишкомъ еще мало довѣрія къ могуществу мысли и побужденіямъ нравственнаго характера.

Послѣ всего сказаннаго мы можемъ, не боясь вызвать какія-либо недоразумѣнія, утверждать, что воспитаніе и образованіе народа въ направленіи и духѣ до-петровской Россіи было бы не только не полезно, но положительно вредно. У насъ, болѣе чѣмъ гдѣнибудь, оно призвано перевоспитать народныя массы, ослабить въ нихъ страдательное отношеніе къ окружающей дѣйствительности, внушить довѣріе къ силѣ мысли и знанія, вызвать самодѣятельность и подорвать, въ мнѣніи народа, невѣжество, грубость и предразсудки.

Кромѣ славянофильскихъ взглядовъ на народное образованіе, у насъ есть и другіе, хотя далеко не такъ распространенные. Скажемъ и о нихъ нѣсколько словъ.

Въ послѣднее время, съ поднятіемъ народнаго духа, съ развитіемъ народнаго самосознанія, выросла и широко распространилась въ нашихъ образованныхъ слояхъ привязанность и любовь къ русскому простому народу, помимо всякихъ школьныхъ доктринъ, воззрѣній и теорій. Это явленіе громадной важности, служащее живымъ опроверженіемъ славянофильскихъ теорій о несовмѣстимости нашего образованія на европейскій ладъ съ любовью къ русскому народу, показываетъ, что образованность и культура перестаютъ у насъ быть экзотическимъ растеніемъ, переходятъ въ нашу плоть и кровь. Но многіе послѣдователи этого плодотворнаго и весьма симпатичнаго строя мыслей, существующаго у насъ въ разныхъ оттѣнкахъ, впадаютъ, какъ мы думаемъ, въ ошибку, очень понятную, естественную и извинительную, но на которую, въ интересѣ дѣла, нельзя не указать. Глубоко сочувственное отношеніе къ печальной долѣ крестьянина и сильно развитое національное чувство скрадываютъ въ ихъ глазахъ темныя стороны нашего крестьянства и тѣмъ ослабляютъ и притупляютъ критическое къ нему отношеніе. Зная и понимая, отчего крестьянинъ таковъ, какимъ мы его видимъ, люди этого направленія, особливо молодежь, склонны изъ-за смягчающихъ и оправдывающихъ обстоятельствъ видѣть однѣ хорошія и сочувственныя его стороны. Эта своего рода идеализація ведетъ тоже, хотя и безсознательно, и съ другой точки зрѣнія, чѣмъ у славянофиловъ, къ перецѣнкѣ качествъ и свойствъ русскаго простого народа. Отсюда —какое-то равнодушное отношеніе къ дѣлу народнаго образованія. Это—не враждебность къ нему или къ тому или другому его направленію, а увѣренность, что воспитывать намъ народъ въ томъ или другомъ направленіи вовсе не нужно. Народъ хорошъ, каковъ онъ есть; ему только недостаетъ грамотности, да техническихъ знаній; ихъ-то и надо ему дать, и больше ничего не нужно. Такимъ образомъ, люди отличнаго направленія, сами того не замѣчая, въ вопросахъ народнаго образованія подаютъ руку злѣйшимъ его врагамъ. Одно это уже обнаруживаетъ ихъ ошибку. Мало дать нашему народу средства для образованія и для матеріальнаго улучшенія его быта; народъ нашъ долженъ быть кореннымъ образомъ перевоспитанъ для правильной личной и гражданской жизни. Безъ этого онъ не въ состояніи будетъ воспользоваться и данными ему въ руки средствами для устройства своего матеріальнаго положенія.

Наконецъ, не мало у насъ людей, сознательно не желающихъ никакого образованія для народа. Они могутъ быть подраздѣлены на двѣ группы. Одни находятъ въ невѣжествѣ массъ прямой свой разсчетъ, полагая, что чѣмъ онѣ неразвитѣй, тѣмъ легче и удобнѣе извлекать изъ нихъ пользу и выгоду. Эти люди, очевидно, не знаютъ или забываютъ, что если грубаго невѣжественнаго простолюдина и можно дешевле нанять и содержать, заставить за стаканъ вина лишнее сработать, то онъ и хуже работаетъ, и меньше сдѣлаетъ, и больше испортитъ, и меньше на него можно положиться, чѣмъ на образованнаго и порядочнаго рабочаго. Другіе убѣждены, что въ интересахъ государственной власти и общественнаго порядка лучше держать народныя массы въ невѣжествѣ и закоснѣлости. Съ неразвитыми массами, думаютъ они, легче управиться, чѣмъ съ понимающими и разсуждающими людьми. Если-молъ народное образованіе есть необходимое зло, то надо допускать его какъ можно въ меньшихъ размѣрахъ. Вычка, дрессировка—вотъ что̀ нужно простому народу, по мнѣнію этихъ людей, а никакъ не ученіе, не образованіе, всего менѣе развитіе; послѣднее положительно вредно и

опасно. Черни нужно только умѣть читать, писать, считать, да выучиться техническимъ знаніямъ съ практическимъ примѣненіемъ къ тому или другому мастерству. Такія и подобныя имъ разсужденія обыкновенно опираются на опытъ западной Европы. Но именно опытъ Европы и нашъ собственный какъ разъ доказываютъ противное. Образованныя и развитыя народныя массы гораздо труднѣе поддаются всякому нелѣпому и безсмысленному слуху или возбужденію, чѣмъ невѣжественная, темная и грубая чернь, которая вѣритъ всякому слуху и волнуется безъ всякаго разумнаго повода. Наши доморощенные враги народнаго образованія во имя государственныхъ и политическихъ интересовъ, вдобавокъ, смѣшиваютъ земледѣльческія деревенскія массы съ городскими и фабричными работниками и примѣняютъ къ первымъ то, что нѣкогда о послѣднихъ говорилось, но теперь уже давно не говорится и въ Европѣ. Европейцы хорошо знаютъ по опыту, что и низшіе слои городского населенія, въ которыхъ образованіе естественно развиваетъ вкусы образованной жизни и наводитъ на сравненія жалкаго быта бѣдныхъ съ бытомъ зажиточныхъ классовъ,—что и эти слои городскихъ жителей, при образованіи, гораздо трезвѣе и спокойнѣе обсуждаютъ свое положеніе, чѣмъ грубые и невѣжественные пролетаріи, воображающіе, что можно насиліемъ и бунтомъ добиться всякаго благополучія и довольства. Послѣ этого, о необходимости и пользѣ образованія земледѣльческаго сельскаго населенія и говорить нечего. Объ этомъ нѣтъ и не можетъ быть спора. Будь наши народныя, почти исключительно земледѣльческія, массы образованнѣе и просвѣщеннѣе, ихъ, конечно, было бы гораздо труднѣе волновать слухами о какихъ-то золотыхъ царскихъ грамотахъ и указахъ, приглашающихъ грабить евреевъ, или о наборѣ дѣвокъ для отсылки къ царской дочери въ Бѣлую Арапію.

При такой разноголосицѣ сужденій о народномъ образованіи, весьма важно было бы знать мнѣніе, взглядъ самихъ крестьянъ. Но съ этой стороны до сихъ поръ нельзя добиться никакихъ, сколько-нибудь опредѣлительныхъ указаній. У насъ много говорится о единствѣ, цѣльности народной жизни, народныхъ воззрѣній; но даже у великорусскихъ крестьянъ оно больше этнографическое, чѣмъ сознательное, духовное. Между ними, какъ и въ образованныхъ слояхъ, сколько головъ, столько и умовъ. Старые обычаи глубоко потрясены; въ народныхъ массахъ совершается переходъ къ другому порядку жизни и воззрѣній. Каковы они будутъ — нельзя еще предвидѣть; ясно и несомнѣнно то, что прежній строй вѣрованій, понятій и привычекъ ветшаетъ и разрушается. Индивидуализмъ, прежде пассивно, безъ всякой реакціи, подчинявшійся внѣшнимъ условіямъ и обстановкѣ жизни, начинаетъ мало-по-малу, медленно и робко, заявлять о своемъ существованіи. Теперь, на первыхъ порахъ, эти нетвердые еще шаги крестьянства на пути къ созданію новой гражданственности и новаго міросозерцанія выражаются пока, какъ сказано, отрицательнымъ образомъ, въ ослабленіи и упадкѣ старыхъ обычаевъ и нравовъ, въ постепенномъ распаденіи стараго строя жизни, въ перемѣнѣ привычекъ ежедневнаго быта и въ большой порчѣ нравовъ, всегда появляющейся тамъ, гдѣ унаслѣдованныя вѣрованія, теряя свой авторитетъ, свою обязательность, еще не замѣнились другими, равносильными убѣжденіями. Вотъ почему нельзя теперь и требовать отъ нашего простого народа какого-нибудь опредѣленнаго взгляда на народное образованіе. Крестьяне еще не успѣли подняться въ своихъ понятіяхъ выше самаго первобытнаго, грубаго, непосредственнаго утилитаризма и не могутъ составить себѣ сколько-нибудь яснаго понятія не только о томъ, какого рода образованіе имъ нужно, но даже о томъ, нужно ли оно вообще или нѣтъ, полезно или вредно. Замѣтки и отзывы о сужденіяхъ народа по этому предмету такъ разнообразны и противорѣчивы, что по нимъ нельзя придти къ какому-нибудь общему заключенію. Одни говорятъ, что народъ любитъ ученіе и желаетъ имѣть школы; другіе увѣряютъ, что онъ къ нимъ равнодушенъ, считая ихъ безполезными; по отзывамъ однихъ, народъ желаетъ въ школахъ прежде всего религіознаго наставленія, чтенія церковныхъ книгъ и обученія молитвамъ и церковно-славянской грамотѣ; послушать другихъ, народъ требуетъ отъ школы одной грамотности, обученія чтенію и письму; третьи говорятъ, что народъ соединяетъ съ школой понятіе объ обученіи полеводству или ремесламъ, и безъ нихъ считаетъ школу совсѣмъ ненужной; одни, со словъ крестьянъ, передаютъ, что школа безъ строгихъ наказаній не школа, а баловство; другіе, тоже со словъ народа, требуютъ отъ учителя ласковаго,

кроткаго, любовнаго отношенія къ учащимся и говорятъ, что строгость, хотя бы и справедливая, отпугиваетъ не однихъ дѣтей, но и ихъ родителей отъ школы. Всѣ эти отзывы вполнѣ вѣрны; мы сами не разъ слыхали ихъ отъ крестьянъ. Это доказываетъ, что и въ крестьянствѣ тотъ же хаосъ мнѣній и взглядовъ на народное образованіе, какой замѣчается и въ образованныхъ слояхъ. Чтожъ удивительнаго, что оно у насъ идетъ крайне плохо; что народныя школы больше существуютъ на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ; что тѣ, которыя существуютъ, за немногими исключеніями, находятся въ очень печальномъ положеніи; что преподающіе, въ большинствѣ, по своимъ познаніямъ и нравственнымъ качествамъ, не удовлетворяютъ и скромнымъ требованіямъ; что народное образованіе далеко не приноситъ тѣхъ плодовъ, которыхъ общество и государство отъ нихъ ожидаютъ.

VIII.

Существенная задача народнаго образованія въ крестьянскомъ быту.

Нашъ очеркъ различныхъ существующихъ у насъ взглядовъ на образованіе простого народа несомнѣнно показываетъ, что важнѣйшій теперь изъ всѣхъ русскихъ вопросовъ есть вмѣстѣ и самый трудный для разрѣшенія, ибо мы не только не знаемъ хорошенько задачъ и цѣлей русскаго народнаго образованія, но даже не вполнѣ еще убѣждены въ его необходимости; а между тѣмъ все указываетъ на то, что, по нашимъ особеннымъ обстоятельствамъ и условіямъ, оно должно получить въ жизни и развитіи русскаго народа чрезвычайно важное и рѣшительное значеніе, что оно призвано завершить преобразованіе, начатое Петромъ Великимъ.

Вездѣ, гдѣ есть преданіе, обычай, вѣрованія, выработанные сознательною работою поколѣній и отвѣчающіе духовнымъ и нравственнымъ потребностямъ людей, дѣло народнаго образованія сводится къ относительно простой и легкой задачѣ—ознакомить подростающія поколѣнія съ тѣмъ, что̀ общество уже имѣетъ, утвердить въ ихъ сердцахъ и привычкахъ и осмыслить въ ихъ умѣ тѣ основанія, на которыхъ оно стоитъ и которыми держится. У насъ народное образованіе имѣетъ совсѣмъ другія задачи. Оно должно преобразовать людей, а черезъ нихъ и самую жизнь, создать, т.-е. привести къ сознанію и призвать къ жизни то, что̀ безсознательно лежитъ въ глубинѣ народнаго духа, но не играетъ еще никакой роли въ устроеніи быта и людскихъ отношеній. Народное образованіе призвано у насъ пересоздать народныя привычки, понятія, вѣрованія, — все, что̀ въ народѣ выросло на почвѣ безличности, безправія и невѣжества, что̀ сложилось подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ и условій, коренно измѣнившихся и отошедшихъ въ область исторіи. Точно такая же роль выпала у насъ и на долю государства. Что̀ оно призвано было дѣлать во внѣшней обстановкѣ и условіяхъ народной жизни, то народное образованіе должно совершить въ вѣрованіяхъ, понятіяхъ, умственныхъ и нравственныхъ привычкахъ людей. Такъ смотрѣли у насъ испоконъ вѣка лучшіе русскіе люди на задачи и цѣли государства и народнаго образованія, и далеко еще впереди то время, когда преобразовательная роль того и другого прекратится. Теперь, пока, ни государство, ни школа не могутъ отъ нея отказаться, безъ существеннаго вреда для русскаго народа. Измѣняться могутъ и должны, вмѣстѣ съ успѣхами нашего національнаго самосознанія, начала, основанія, идеалы, во имя которыхъ совершается преобразованіе; но оно должно, для блага народа, идти дѣятельно, безъ остановокъ, впередъ, пока не исполнитъ своего историческаго назначенія. Смѣшеніе потребности преобразованія съ ея задачами и цѣлями было одною изъ главныхъ причинъ злосчастныхъ задержекъ въ нашемъ національномъ развитіи, имѣвшихъ самыя печальныя послѣдствія. Изъ того, что идеалы, во имя которыхъ совершалось преобразованіе, отжили свой вѣкъ, вывели заключеніе, что и преобразовательная роль государства и школы пришла къ концу. Пробужденіе народнаго самосознанія, ростъ и развитіе народной жизни истолкованы были въ смыслѣ возвращенія къ старымъ, отжившимъ и вывѣтрившимся ея формамъ. Ихъ стали поддерживать и возстановлять и тѣмъ задерживать, тормозить естественный и необходимый ходъ національной жизни, національнаго развитія. Въ этой роковой ошибкѣ ключъ всѣхъ нашихъ неудачъ и несчастій въ минувшія два царствованія. Необходимость реформы, остановившейся на полудорогѣ въ высшихъ, образованныхъ сферахъ, съ особенною силою и настоятельностью чувствуется въ народномъ бытѣ, народныхъ привычкахъ,

понятіяхъ и вѣрованіяхъ, которыхъ она еще не коснулась. Государство должно, для блага страны и народа, кореннымъ образомъ измѣнить условія крестьянскаго быта; образованіе должно точно такимъ же кореннымъ образомъ перевоспитать народъ, создать въ немъ другія понятія, другое міровоззрѣніе, вызвать къ дѣятельности и жизни индивидуальныя, умственныя и нравственныя его силы, которыя начинаютъ просыпаться, но, за недостаткомъ воздуха и свѣта, бродятъ наугадъ, въ темнотѣ и бездѣйствіи. Напрасно думаемъ мы отдѣлаться отъ задачи, которая намъ предстоитъ, школами грамотности, чтеніемъ житій святыхъ и обученіемъ по часослову; напрасно надѣемся обойти Вія съ опущенными рѣсницами, преподнесеніемъ ему техническаго обученія, на которое тоже скупимся не по разуму. Всего этого мало; онъ начинаетъ задавать себѣ вопросы, на которые нѣтъ отвѣта въ священныхъ исторіяхъ, катехизисахъ и молитвенникахъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они ему преподаются, и бѣжитъ искать ихъ у раскольниковъ и сектантовъ. Размноженіе и разнообразіе сектъ, которыя выростаютъ какъ грибы, показываютъ, чего ищетъ народъ, и какъ мало удовлетворяетъ его то, что̀ ему даетъ школьное вѣроученіе; а возростающее параллельно съ тѣмъ, въ большихъ размѣрахъ, растлѣніе нравовъ въ простомъ народѣ, отсутствіе руководящихъ нравственныхъ началъ, падкость къ наслажденіямъ, быстрой наживѣ и тунеядству, поддерживаемыя невозможными экономическими, юридическими и административными условіями народнаго быта, ясно показываютъ, что прежняя обстановка и употребительные доселѣ пріемы воспитанія и обученія крестьянъ отжили свой вѣкъ, не удовлетворяютъ болѣе своему значенію.

Мы заранѣе знаемъ, что такой нашъ взглядъ на дѣло народнаго образованія будетъ очень многими встрѣченъ съ величайшимъ неодобреніемъ и недовѣріемъ. Въ отвѣтъ мы можемъ только сказать слѣдующее: до сихъ поръ послѣдовательно и безпощадно проводились взгляды, которыхъ мы не раздѣляемъ. Какой же былъ результатъ такихъ усилій? Улучшилось ли отъ нихъ наше положеніе? Нѣтъ, они оказались безсильными въ борьбѣ со зломъ, которое ростетъ изъ года въ годъ. Очевидно, противъ него необходимо принять совсѣмъ другія мѣры, пока еще есть время.

Прежде всего, приготовимся къ огромнымъ затратамъ на народную школу, на которую до сихъ поръ удѣляли скудныя крохи, расходуя нашъ скромный бюджетъ народнаго просвѣщенія почти исключительно на среднее и высшее образованіе. Запущенная народная школа потребуетъ большихъ жертвъ и не единовременныхъ, а ежегодныхъ, которыя будутъ рости и увеличиваться многіе и многіе годы, пока народныя массы придутъ въ состояніе принять часть этихъ издержекъ на себя и разовьются настолько, что будутъ это дѣлать охотно.

Разстанемся, далѣе, одинъ разъ навсегда съ злосчастною и пагубною мыслью, будто народная школа должна и можетъ служить какимъ бы то ни было другимъ цѣлямъ, кромѣ умственнаго и нравственнаго развитія людей и гражданъ и сообщенія имъ необходимыхъ и полезныхъ въ жизни знаній. Школа, какъ церковь, судъ, наука, должна стоять въ сторонѣ отъ борьбы политическихъ или общественныхъ партій и интересовъ. Перенесеніе арены этой борьбы въ школу, вовлеченіе жизни, школы и ученія въ безпрестанно измѣняющіяся условія и шансы этой борьбы убиваютъ народное воспитаніе и образованіе въ самомъ зародышѣ. Всѣ партіи, всѣ интересы, всѣ направленія должны въ этомъ сойтись, подать другъ другу руку и вымежевать школу, какъ общее самое дорогое достояніе всѣхъ и каждаго, котораго никто не долженъ касаться. Пока этотъ основной принципъ не укоренится во всеобщемъ сознаніи, мы не будемъ въ состояніи справиться съ вопросомъ о народномъ воспитаніи и образованіи. Народная школа не можетъ и не должна ставить себѣ задачею отъучить тотъ или другой народъ отъ родного его языка, выучить той или другой вѣрѣ и отклонить отъ своей, внушить тотъ или другой политическій образъ мыслей, или помѣшать развитію ума и замѣнить его внѣшней дрессировкой человѣка, выучкой его тому или другому практическому дѣлу. Народное образованіе представляетъ, по своимъ задачамъ, двѣ стороны, которыя необходимо различать. Оно заключается въ сообщеніи необходимыхъ и полезныхъ въ жизни знаній и въ развитіи ума, сердца и воли. Достиженіе первой цѣли составляетъ задачу школъ грамотности и такъ называемыхъ профессіональныхъ, а второй—среднихъ и высшихъ классовъ народныхъ школъ или училищъ. Предметъ школъ грамотности—обученіе чтенію, письму и первымъ правиламъ

ариѳметики. Въ мнѣніи огромнаго большинства все народное образованіе должно этимъ и ограничиваться, съ прибавленіемъ начатковъ вѣроученія, о которомъ скажемъ ниже. Обученіе чтенію, письму и начальнымъ правиламъ ариѳметики должно доставить невѣжественной, безграмотной массѣ самыя простыя умственныя средства улучшить свой бытъ и свое положеніе; но и эта азбука народнаго обученія находится у насъ въ плачевнѣйшемъ состояніи: она до сихъ поръ еще не пользуется полными правами гражданства, существуетъ какъ бы изъ милости, терпима — не болѣе. Въ бюджетахъ земствъ она даже не попала въ отдѣлъ обязательныхъ расходовъ и въ росписи расходовъ министерствъ выражается самыми мизерными цифрами. Неудивительно, что между всѣми народами, причисляющими себя къ образованнымъ, мы блистаемъ безграмотностью. Мы бы еще поняли, еслибъ министерство народнаго просвѣщенія (1866—80 г.), относясь прежде недовѣрчиво и даже отрицательно къ умственному и нравственному развитію крестьянства, взамѣнъ того дало полный ходъ и просторъ грамотности, необходимость которой признаютъ даже злѣйшіе враги народнаго образованія. Но оно не захотѣло сдѣлать даже этого простого различенія и подчинило самое обученіе грамотѣ такимъ стѣснительнымъ условіямъ, при которыхъ даже существованіе и размноженіе школъ грамотности сдѣлалось крайне затруднительнымъ. На право обучать чтенію, письму и четыремъ правиламъ ариѳметики нужно свидѣтельство; школы грамотности подчинены мелочной инспекціи. Благодаря этому, онѣ съужены, стѣснены, едва прозябаютъ. Вмѣсто того, чтобы размножаться, число ихъ во многихъ мѣстностяхъ уменьшается. И это въ то время, когда сами крестьяне начинаютъ понимать ихъ пользу!

Обученіе грамотѣ не можетъ долѣе оставаться въ такомъ положеніи. Оно должно быть совершенно освобождено отъ связывающихъ его теперь путъ и предоставлено безконтрольно всѣмъ и каждому. Пока школы грамотности не окрѣпнутъ и не будутъ въ состояніи обходиться безъ посторонней помощи и поддержки, правительство должно взять это дѣло въ свои руки, систематически распространять ихъ всюду и вмѣнить ихъ распространеніе въ непремѣнную обязанность городскимъ обществамъ и земствамъ, а между тѣмъ исподоволь подготовлять средства для введенія со временемъ обязательнаго обученія грамотѣ. Обязательность его сдѣлается возможной лишь тогда, когда безграмотность станетъ исключеніемъ изъ общаго правила.

Какъ ни простъ, самъ по себѣ, вопросъ объ обученіи крестьянъ чтенію, письму и первымъ правиламъ счисленія, но дѣло это такъ пренебрежено и запущено и ведено такъ неправильно, что потребуется, кромѣ большихъ издержекъ, не мало усилій, труда и времени, чтобы поставить его на ноги. Вызвать снова частную иниціативу послѣ репрессивныхъ мѣръ, съ которыми она такъ долго боролась и передъ которыми должна была, наконецъ, поникнуть, будетъ уже теперь гораздо труднѣе. Стѣсняемая всячески естественнымъ своимъ защитникомъ и поощрителемъ, министерствомъ народнаго просвѣщенія, грамотность нашла себѣ убѣжище и пріютъ въ военномъ вѣдомствѣ, которое вынуждено было, въ виду неотложной практической потребности въ грамотныхъ солдатахъ, принять на свое попеченіе и заботу то, что̀ должно было дѣлать министерство народнаго просвѣщенія и чего оно систематически не дѣлало. По какой-то ироніи судьбы, примѣровъ которой у насъ не мало, оба министерства перемѣнились ролями: обязанности одного приняло на себя другое, и расходы государства на школы грамотности попали въ бюджетъ военнаго министерства.

Къ трудностямъ, вызваннымъ ошибками и и неправильнымъ взглядомъ, присоединяются у насъ въ этомъ дѣлѣ и препятствія, которыхъ не знаетъ остальная Европа. Таковы: рѣдкость и разбросанность населенія, иногда нѣсколькими дворами, при огромности территоріи и неустроенности путей сообщенія; суровость нашего климата; невозможность прохода къ школѣ отъ непогодъ, снѣжныхъ заносовъ и вьюгъ въ теченіе почти восьми мѣсяцевъ, когда только и возможно ученье. Наша печать и педагогическая литература давно придумываютъ мѣры, какъ устранить эти препятствія. Ихъ труды и усилія, едва обращавшіе на себя вниманіе, когда грамотность народа считалась ненужной и даже опасной, представляютъ обильный и весьма полезный матеріалъ для проведенія въ практикѣ обученія крестьянъ грамотѣ.

Профессіональныя крестьянскія школы должны сообщить крестьянамъ необходимыя техническія свѣдѣнія и практически обучить правильнымъ пріемамъ по различнымъ про-

изводствамъ и ремесламъ, существующимъ въ крестьянскомъ населенiи и составляющимъ предметъ ихъ занятiй и заработковъ.

Профессiональное обученiе—предметъ спецiальный, техническiй, о которомъ могутъ съ пользою подавать голосъ только знатоки дѣла, изучившiе его въ подробности; самое обсужденiе его выходитъ изъ рамокъ журнальной статьи. Мы позволимъ себѣ высказать, по поводу профессiональнаго обученiя крестьянъ, только нѣсколько мыслей и соображенiй, касающихся не самой сути дѣла, а лишь общей постановки его въ крестьянской средѣ.

Во всей не-черноземной полосѣ Россiи почти нѣтъ мѣстности, гдѣ бы крестьяне, рядомъ съ земледѣлiемъ, не занимались какимъ-нибудь ремесломъ или производствомъ. Одними они промышляютъ на сторонѣ, другими у себя дома. Нерѣдко цѣлыя деревни живутъ и промышляютъ на мѣстахъ однимъ производствомъ, которое въ такомъ случаѣ называется кустарнымъ промысломъ и въ послѣднее время сдѣлалось предметомъ подробнаго изученiя и изслѣдованiя.

Этотъ видъ народнаго труда, чрезвычайно разнообразный, оставался до нашего времени въ совершенномъ пренебреженiи, какъ вообще все крестьянское. Онъ глохнетъ и угасаетъ не только отъ бѣдности крестьянъ, недостатка капиталовъ и кредита, конкуренцiи городскихъ, заводскихъ и фабричныхъ промысловъ и производствъ, поддержанныхъ сильными денежными капиталами и банками, но и отъ недостатка техническихъ знанiй, незнакомства съ усовершенствованными прiемами и способами производства и требованiями рынка, которыя измѣняются, и чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще и быстрѣе. Помочь этому недостатку могутъ только профессiональныя школы; но ихъ у насъ для услугъ крестьянъ нѣтъ. Крестьянинъ лишь случайно можетъ попасть въ городъ и поучиться тамъ тому, что̀ ему нужно для его ремесла или промысла: большинству крестьянъ городскiя школы недоступны, или не подъ силу, по ихъ малообразованности. Но кромѣ того, есть и другое, весьма важное обстоятельство, которое дѣлаетъ городскiя, фабричныя и ремесленныя школы для крестьянъ не совсѣмъ пригодными: городъ, фабрика, заводъ работаютъ обыкновенно, по бо́льшей части, на городскихъ потребителей и образованные классы, а сельскiе ремесленники и производители—на крестьянское населенiе. Но потребности, вкусы и требованiя тѣхъ и другихъ такъ расходятся, что превосходный городской ремесленникъ можетъ никуда не годиться и остаться безъ работы въ деревнѣ, и наоборотъ, деревенскiй мастеръ изъ мастеровъ—быть поставленъ ниже плохого подмастерья въ городѣ. Стоитъ вспомнить шубниковъ, портныхъ, сапожниковъ, столяровъ, иконописцевъ, ткачей, кузнецовъ, слесарей и т. п., въ городѣ и деревнѣ, чтобы признать справедливость этого замѣчанiя. Вотъ почему профессiональное обученiе крестьянъ, въ городѣ или въ деревнѣ, городскими, фабричными или заводскими мастерами не можетъ у насъ привиться, по крайней мѣрѣ привьется не скоро. Помочь теперешнему, крайне печальному положенiю крестьянскихъ производствъ, ремеслъ и техническихъ промысловъ, кромѣ другихъ средствъ, о которыхъ здѣсь говорить не мѣсто, могутъ лишь профессiональныя школы, устроенныя на мѣстахъ, посреди крестьянскаго населенiя, и притомъ школы самыя незатѣйливыя, приспособленныя къ низкой степени образованiя крестьянъ и къ существующимъ уже у нихъ производствамъ. Онѣ отнюдь не должны обучать чему-либо совсѣмъ новому, не существующему между крестьянами и имъ неизвѣстному, а лишь помочь имъ дѣлать лучше, дешевле то, чѣмъ они уже сами занимаются и къ чему привыкли. Главная ихъ задача должна быть чисто практическая; теоретическое ученiе должно служить въ нихъ только необходимымъ подспорьемъ практическому умѣнью и сообщать лишь то, безъ чего послѣднее не можетъ быть улучшено или упрочено. Разъ знанiе будетъ пропущено въ невѣжественную и темную среду крестьянскихъ рутинистовъ въ видѣ только практически полезнаго и пригоднаго, оно будетъ принято охотно, пуститъ корни и легко экклиматизируется въ сельскомъ населенiи: тогда оно само за нимъ пойдетъ и будетъ его искать и требовать. Вся трудность — кромѣ матерiальной стороны дѣла—въ приготовленiи учителей. Въ нихъ не только желательно, но совершенно необходимо слiянiе знанiя и городского, и сельскаго или деревенскаго промысла; безъ этого дѣло не пойдетъ въ деревняхъ. Самое лучшее было бы, еслибъ, съ одной стороны, званiе учителя и мастера-хозяина, а съ другой — ученика и работника сливались въ одномъ лицѣ. Для этого слѣдовало бы устроить нѣчто въ родѣ профессiональныхъ семинарiй въ городахъ, которые

лежатъ посреди или по близости крестьянскаго населенія, занимающагося какимъ-нибудь производствомъ или ремесломъ, и привлекать въ нихъ сыновей мастеровъ и молодыхъ рабочихъ на годъ, на два. Возвратившись въ свои семьи, они сдѣлались бы разсадниками улучшеннаго производства и техническихъ знаній въ деревняхъ и селахъ. Гораздо труднѣе было бы распространить ихъ посредствомъ настоящихъ школъ, съ учителями не изъ туземцевъ, а откуда попало, приготовленныхъ въ городскихъ профессіональныхъ семинаріяхъ. Учитель, не связанный интересами съ мѣстностью, незнакомый подробно съ заведенною рутиною производства или ремесла, ни съ потребностями обычнаго рынка, не будетъ имѣть никакого вліянія, развѣ природа надѣлила его чрезвычайнымъ талантомъ и умѣньемъ приживаться къ людямъ; а такіе, какъ извѣстно, большая рѣдкость. Кромѣ того, мы думаемъ, что для профессіональнаго преподаванія въ правильно устроенныхъ школахъ по деревнямъ время еще не наступило. Наши крестьяне до него не доросли; а можетъ быть, эта форма обученія не свойственна вообще русскому простому человѣку, въ особенности крестьянину. Такъ или иначе, но отъ такого способа профессіональнаго преподаванія мы теперь пока не ожидаемъ никакой пользы въ крестьянской средѣ.

Если обученіе крестьянъ грамотѣ и сообщеніе имъ практически полезныхъ знаній у насъ едва, можно сказать, начинаются и представляютъ столько серьезныхъ трудностей, то что̀ сказать о ихъ умственномъ и нравственномъ развитіи, которое составляетъ главную задачу народнаго образованія? Оно у насъ даже не въ зародышѣ, самая мысль о немъ еще въ далекомъ, туманномъ будущемъ; въ настоящемъ, помыслы о немъ считаются иллюзіями, опасными для спокойствія и будущности государства, или фантазіями пустоголовыхъ болтуновъ. Всѣ усилія къ тому направлены, чтобы понятія и вѣрованія крестьянъ оставались вѣрными завѣту отцовъ и дѣдовъ, развѣ признано будетъ нужнымъ, по соображеніямъ политическимъ, претворить ихъ изъ иновѣрцевъ въ православныхъ, изъ инородцевъ въ русскихъ. Но для достиженія той и другой цѣли именно умственное и нравственное развитіе крайне неудобно. Въ нихъ уже скрывается зародышъ умственной и нравственной самостоятельности и свободы, отъ котораго недалеко до сомнѣній, разбора, критики, а тамъ и до стремленія проводить въ дѣйствительной жизни, на практикѣ, тѣ или другія понятія и убѣжденія, несогласныя съ обстановкой и данными условіями жизни. Стало быть—такъ разсуждаетъ у насъ большинство, — гораздо лучше и благонадежнѣе не развивать, а только обучать практически необходимому и полезному. Умственныя и нравственныя потребности, особливо простого народа, насколько онѣ безопасны для общества и государства, могутъ быть съ избыткомъ удовлетворены предписаніями и наставленіями церкви и примѣрами изъ жизни святыхъ угодниковъ. Знаніе молитвъ, краткаго катехизиса, сокращенной священной исторіи ветхаго и новаго завѣта и пониманіе литургіи и церковной службы дадутъ простолюдину все, что̀ ему нужно для удовлетворенія его запросовъ по высшимъ тайнамъ бытія и міра и для нравственнаго руководства въ дѣлахъ житейскихъ. Всякія излишнія умствованія, развивая критическія способности ума, безъ соотвѣтствующаго увеличенія запаса знаній, которыхъ простому человѣку неоткуда взять, только рождаетъ сомнѣніе и отвлекаетъ въ сторону умственныхъ упражненій, которымъ онъ и будетъ предаваться въ ущербъ практической дѣятельности, полезной, здоровой и необходимой для его ближайшихъ цѣлей...

Вотъ обычный и весьма распространенный у насъ взглядъ на умственное и нравственное развитіе крестьянъ и простыхъ людей. Постараемся опредѣлить, что̀ въ немъ есть правильнаго и что̀ ошибочно и ложно.

Отвлеченныя умозрѣнія, предполагающія и достаточный запасъ знаній, и нѣкоторую опытность въ умственныхъ упражненіяхъ, конечно, совершенно неумѣстны въ народной школѣ. Но, сколько извѣстно, никто еще не предлагалъ у насъ ввести ихъ въ кругъ начальнаго народнаго образованія. Весь вопросъ въ томъ: достаточно ли для крестьянина одной выучки, или ему нужно умственное и нравственное развитіе? и если ему послѣднее дѣйствительно нужно, то какими средствами и способами всего легче и удобнѣе этого достигнуть? Для избѣжанія всякихъ недоразумѣній нужно прежде всего условиться въ точномъ смыслѣ словъ. Умственное развитіе состоитъ въ осмысленномъ отношеніи къ предметамъ, въ осмысленномъ усвоеніи того, чему учатъ. Ему противоположно затверживаніе наизусть, на память, безъ яснаго пониманія

и усвоенія себѣ того, что̀ заучивается. Нравственное развитіе состоитъ въ усиленіи чувства добра, въ сознательномъ усвоеніи нравственныхъ правилъ, въ привычкѣ имъ слѣдовать, ихъ держаться въ мысляхъ и поступкахъ. Но въ этомъ смыслѣ кругъ познаній и дѣятельности не имѣетъ никакого отношенія къ степени умственнаго и душевнаго развитія, и смѣшивать ихъ между собою никакъ не слѣдуетъ; а противоположеніе круга познаній и дѣятельности умственному и нравственному развитію, мысль, что первое по своему существу исключаетъ послѣднее, именно основана на такомъ смѣшеніи. Можно знать очень мало, имѣть самый ограниченный кругъ дѣйствій и быть очень развитымъ умственно и нравственно; наоборотъ, можно имѣть обширныя знанія, обширную сферу дѣятельности—и быть крайне поверхностнымъ, безхарактернымъ и развратнымъ. Кругъ знаній, сфера дѣятельности только расширяютъ или съуживаютъ умственную и нравственную опытность: сила и степень сознательности воли и стойкости въ нравственныхъ правилахъ и привычкахъ отъ нихъ не зависятъ и не измѣняются необходимо въ ту или другую сторону, вмѣстѣ съ ихъ измѣненіями. Иной, съ расширеніемъ круга знаній, развиваетъ свой умъ; у другого онъ, напротивъ, теряетъ способность свободно ими распоряжаться. Совершенно то же замѣчается и по отношенію къ нравственной сторонѣ, съ расширеніемъ круга дѣятельности: одинъ при этомъ ростетъ нравственными силами, другой, на болѣе обширной аренѣ, падаетъ. Точно также нѣтъ прямой зависимости и связи между нравственною и умственною развитостью, которыя мы такъ часто смѣшиваемъ. Дѣятельность умственная и душевная, заключающаяся въ желаніяхъ, замыслахъ, намѣреніяхъ и поступкахъ, очень часто находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи другъ съ другомъ. Далеко не всегда сильному характеру и нравственному направленію соотвѣтствуетъ развитой умъ; всѣмъ также извѣстно, что есть люди очень развитые умомъ и въ то же время безхарактерные или безнравственные.

Зная и понимая это, надо прежде всего очертить предѣлы народнаго образованія, а не чураться развитія народа. Странно, что такія азбучныя истины, избитыя до тривіальности, у насъ приходится еще обсуждать и доказывать! Безъ развитія, мы получимъ не образованныхъ дѣтей изъ крестьянъ, а кукол, манекеновъ, негодныхъ и неспособныхъ ни къ чему толковому, гоголевскихъ Петрушекъ, услаждающихся процессомъ чтенія; пріобрѣтаемыя ими ограниченныя свѣдѣнія, безъ развитія, не послужатъ имъ ни къ какому полезному употребленію, и въ скоромъ времени перезабудутся, потому что къ нимъ у неразвитыхъ людей и не лежитъ душа, а пользы и необходимости ихъ они не понимаютъ и потому ими не дорожатъ. У насъ теперь во многихъ мѣстахъ жалуются на безполезность народной школы въ виду множества рецидивистовъ безграмотности, разучившихся всему, чему они учились. А отъ чего это происходитъ? Только отъ того, что начальная школа, по господствующимъ понятіямъ, должна только обучать, а не развивать. Но рецидивы такого рода еще не самая большая бѣда. Бываетъ и хуже. Способный ученикъ пріобрѣтаетъ, благодаря обученію, новыя, до тѣхъ поръ неизвѣстныя ему умственныя средства. Если умъ, сердце и воля его остаются неразвитыми, онъ легко поддается соблазну воспользоваться этими средствами для совершенія разныхъ противозаконныхъ проступковъ, напримѣръ, для поддѣлки или составленія фальшивыхъ актовъ, паспортовъ и проч. Къ чему у насъ грамотность, говорили у насъ еще не такъ давно ея противники: развѣ для того, чтобъ еще больше расплодить поддѣльщиковъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ и документовъ? И они были правы: выучка безъ развитія легко создаетъ рецидивистовъ невѣжества и усовершенствованныхъ негодяевъ, и только случайно, въ видѣ рѣдкаго исключенія, порядочныхъ и полезныхъ людей.

Съ нравственнымъ образованіемъ у насъ горе своего рода. По господствующему взгляду и принятой системѣ, нравственность воспитывается и укрѣпляется въ народѣ вѣроученіемъ или законоученіемъ, и притомъ, когда оно преподается духовнымъ, а не свѣтскимъ учителемъ. Взглядъ этотъ проводится строго въ народной школѣ. Уроки закона Божія занимаютъ въ обученіи самое видное мѣсто и берутъ много времени; отмѣтки по этому предмету имѣютъ рѣшительное вліяніе на аттестацію; нельзя получить свидѣтельства, дающаго право на сокращенный срокъ обязательной военной службы, если законоучителемъ не было духовное лицо. Какіе результаты принесли такія мѣры? Улучшилась ли народная нравственность? Ни въ школѣ,

ни въ жизни она не идетъ впередъ, а падаетъ. Возростающая порча нравовъ во всѣхъ слояхъ русскаго народа и общества составляетъ обычную, излюбленную тему всѣхъ нашихъ разговоровъ и жалобъ. Это доказываетъ ошибочность принятой у насъ системы нравственнаго воспитанія. Мы обратили нравственность въ предметъ преподаванія; но она не преподается, а *воспитывается* всею обстановкою человѣка. Чтобы быть нравственнымъ, мало знать, что̀ нравственно и что̀ безнравственно: надо это почувствовать, надо имѣть твердую рѣшимость и навыкъ удаляться отъ зла и творить благо; а такая рѣшимость и такой навыкъ пріобрѣтаются не заучиваньемъ, внушаются не бальными отмѣтками, аттестатами и взысканіями, а живымъ примѣромъ и руководствомъ нравственныхъ людей, горячимъ убѣжденіемъ, проводимымъ въ ежедневной жизни, во всѣхъ поступкахъ. Испорченный человѣкъ, живя въ обстановкѣ, гдѣ правила нравственности не остаются пустыми словами, а дѣйствительно примѣняются, мало-по-малу тоже становится нравственнымъ. Большинство людей впадаетъ въ безнравственность только потому, что потеряли вѣру въ осуществимость нравственныхъ правилъ, видя, какъ кругомъ ихъ всѣ говорятъ о нравственности, исповѣдуютъ ее на словахъ, а на дѣлѣ поступаютъ совсѣмъ иначе и вовсе не сообразуются съ ея началами.

Нравственности и нравственнаго воспитанія въ объясненномъ смыслѣ у насъ почти не существуетъ, или они существуютъ въ видѣ рѣдкаго изъятія. Въ народной школѣ, собственно говоря, на нихъ не обращается никакого вниманія. Отъ преподавателя и законоучителя требуется только извѣстный запасъ знаній, педагогическая сноровка и формальная безукоризненность, особливо по отношенію къ религіозному и политическому образу мыслей. Его характеръ, добропорядочность, любовь къ дѣлу, отношенія къ воспитанникамъ, нравы и привычки въ обыденной жизни совсѣмъ не принимаются въ разсчетъ. Народная школа, съ этой стороны, въ большинствѣ случаевъ ниже посредственности. Она еще можетъ, съ грѣхомъ пополамъ, обучить чему-нибудь, а ужъ никакъ не развить въ воспитанникахъ чувства добра и правды, вѣру въ нравственные принципы, рѣшимость и привычку проводить ихъ въ жизни; а именно эта-то сторона народнаго образованія и чрезвычайно важна, и ничѣмъ не уступаетъ собственно такъ-называемому обученію и развитію умственныхъ способностей, потому что въ ней-то и заключается по преимуществу преобразовательная роль воспитанія въ Россіи. Народное образованіе должно, рядомъ съ обученіемъ, развить человѣка въ нравственномъ смыслѣ, искоренить или, по крайней мѣрѣ, ослабить въ немъ нравственно-дурныя привычки, загрубѣлость, безсердечіе, которыя онъ выноситъ съ собою изъ ежедневной дѣйствительности, воспитать чувство и сознаніе своей и чужой нравственной личности, взамѣнъ обычнаго взгляда крестьянъ на человѣка какъ на пассивную арену, на которой свободно и безпрепятственно разыгрываются внѣшнія силы и всякія вліянія. Въ современной народной школѣ нѣтъ и намека на такое ея преобразовательное назначеніе. Обстановка ея въ нравственномъ отношеніи, въ большинствѣ случаевъ, ниже всякой критики, и потому нечего удивляться, что крестьяне относятся къ ней безучастно. Народная школа, по нравственнымъ качествамъ преподающихъ, надзирающихъ и попечителей, должна высоко стоять надъ общимъ уровнемъ, а она у насъ зачастую гораздо ниже его. Говорятъ: откуда же взять людей? Ихъ нѣтъ.—Напротивъ, они есть и ихъ довольно; но ихъ надо искать, выбирать; а у насъ выборъ опредѣляется не внутренними, умственными и нравственными качествами, а шаблонными, вдобавокъ изветшавшими формальными наружными примѣтами, которыя всего менѣе могутъ служить мѣркой нравственныхъ и душевныхъ качествъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ основаніе народнаго образованія положены у насъ два ошибочныхъ начала: стремленіе стѣснить умственное развитіе и замѣнить его выучкой, дрессировкой, и дать нравственное воспитаніе посредствомъ усиленія законоученія или вѣроученія. Благодаря этимъ двумъ ошибочнымъ мыслямъ, на которыхъ построено обученіе въ народной школѣ, она не пользуется сочувствіемъ и остается безъ всякаго вліянія на народныя массы. Роль ея ограничивается обученіемъ грамотѣ. Пока умственное и нравственное развитіе народа не станетъ единственною задачею народной школы, до тѣхъ поръ значеніе ея будетъ, какъ теперь, почти ничтожно.

Что нравственное развитіе возможно только посредствомъ нравственной обстановки,

живыхъ нравственныхъ людей и нравственныхъ фактовъ, объ этомъ уже сказано выше. Разсмотримъ теперь, какимъ образомъ, посредствомъ какихъ предметовъ, можетъ быть достигнуто умственное развитіе крестьянъ.

У насъ теперь признается, что преподаваніе закона Божія вполнѣ отвѣчаетъ умственнымъ потребностямъ крестьянскаго населенія. Оно, говорятъ, воспитываетъ и укрѣпляетъ религіозное чувство, даетъ доступный простому уму отвѣтъ на высшіе вопросы бытія и человѣческаго существованія, и въ то же время воздерживаетъ отъ безплодныхъ умствованій и сомнѣній.

Мы можемъ принять такой взглядъ лишь съ большими оговорками и дополненіями. Особливо въ томъ видѣ, какъ у насъ законоученіе понимается и преподается, оно одно, по нашему глубокому убѣжденію, не достигаетъ своей цѣли.

Ни вѣра, ни народное образованіе не должны, какъ мы сказали выше, служить средствомъ для достиженія какихъ-либо государственныхъ или общественныхъ цѣлей. Законоученіе должно оставаться религіознымъ назиданіемъ вѣрующихъ, каждаго по тому исповѣданію, къ которому онъ принадлежитъ. Принявъ это за основаніе, нельзя не придти къ заключенію, что вѣроученіе—предметъ весьма неудобный для умственнаго развитія народа. Прежде всего надо помнить,—а мы это слишкомъ часто упускаемъ изъ виду,—что далеко не все сто-милліонное населеніе имперіи исповѣдуетъ христіанскую вѣру, по ученію православной церкви, и что между множествомъ самыхъ разнообразныхъ вѣръ, сектъ, расколовъ и исповѣданій, какіе у насъ имѣются, есть и такіе, которые не могутъ служить предметомъ для умственнаго развитія. Затѣмъ, христіанство, направляя къ одной цѣли людей разныхъ націй, культуръ и степени развитія, говоритъ каждому языкомъ ему понятнымъ, обращено къ нему тою своею стороною, которою онъ наиболѣе способенъ принять и усвоить. Еврею христіанство представилось какъ завершеніе іудейскаго закона; греку—какъ послѣднее слово греческой философіи и науки, какъ полнѣйшее ихъ осуществленіе; восточный квіетизмъ и факирство увидѣли и поняли въ немъ отрицаніе тѣла и его вожделѣній, удаленіе отъ міра и созерцаніе божьей истины и правды. Точно также и другія племена и народы усвоили себѣ преимущественно тѣ стороны христіанства, къ которымъ всего больше привлекались своимъ народнымъ характеромъ. Русскому народному генію, при нашей природной живости и склонности къ реальному и практическому, повидимому, особенно близка и сочувственна дѣятельная сторона христіанства въ общежитіи, заповѣдь христіанской жизни въ общеніи съ другими людьми. Поэтому, одни лишь начала христіанской нравственности, имѣющія всемірный характеръ, одинаково обязательныя для всѣхъ людей, какого бы они ни были племени и исповѣданія, могутъ и должны служить основаніемъ для нравственнаго развитія и образованія народныхъ массъ; собственно же вѣроученіе, догматы, какъ предметъ вѣрованія, а не обсужденія, различно объясняемые въ различныхъ исповѣданіяхъ, не могутъ служить удобной темой для умственнаго развитія простыхъ людей. Для этого нужны предметы болѣе имъ близкіе и болѣе доступные ихъ пониманію.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что въ христіанскихъ школахъ лучшими уроками нравственности будутъ чтеніе и объясненіе евангелія; въ не-христіанскихъ, мѣсто евангелія заступитъ объясненіе и толкованіе обязанностей человѣка къ ближнему и правилъ честной жизни и поступковъ. Къ этому долженъ еще быть присоединенъ краткій обзоръ гражданскихъ правъ и обязанностей въ обществѣ и государствѣ. Поддержанное нравственною обстановкою школы, безъ которой никакіе уроки нравственности не поведутъ ровно ни къ чему, такое преподаваніе внесетъ свѣтъ въ темный и печальный бытъ крестьянина, исподоволь перероди́тъ и перевоспитаетъ его къ лучшей жизни. Что касается умственнаго развитія, то оно должно происходить на предметахъ, которые крестьянину полезно и необходимо знать въ его быту. Таковы: отечественная исторія, географія, статистика, естественныя науки, сельское хозяйство, технологія и т. п. Само собою разумѣется, что о систематическомъ изложеніи этихъ предметовъ въ народной школѣ не можетъ быть рѣчи. Преподаваніе ихъ должно замѣниться толковымъ чтеніемъ, веденнымъ такимъ образомъ, чтобъ ученики, переходя отъ легкаго къ трудному, усвоили себѣ наиболѣе полезныя для нихъ свѣдѣнія по всѣмъ названнымъ и близкимъ къ нимъ отраслямъ знанія. Въ каждой мѣстности выборъ предметовъ для чтенія и объясненій будетъ раз-

личенъ, смотря по ближайшимъ потребностямъ мѣстнаго населенія. Чтобъ учитель имѣлъ подъ руками обильный и разнообразный матеріалъ для выбора предметовъ такого толковаго чтенія и могъ вести его по извѣстному, обдуманному плану, надо всячески поощрять составленіе и изданіе сборниковъ статей для чтенія въ народныхъ школахъ, и не ограничивая учителей тѣмъ или другимъ руководствомъ, предоставить имъ выборъ статей и сборниковъ, право сокращать ихъ, вводить въ преподаваніе статьи, не вошедшія въ изданные сборники, словомъ, вести толковыя чтенія по собственному усмотрѣнію. Опытъ, педагогическая литература и критика, народныя потребности, различныя въ разныхъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе вліянія различныхъ мѣстныхъ условій и особенностей, создадутъ и выработаютъ разные типы такихъ сборниковъ, установятъ ихъ нормальный составъ и предѣлы школьнаго толковаго чтенія. Всего этого никакъ нельзя заранѣе предугадать и предуставить. Сама жизнь, практика—лучше всего укажутъ что нужно.

Къ числу необходимыхъ предметовъ для нравственнаго и умственнаго развитія крестьянскаго населенія принадлежитъ и пѣніе, въ особенности церковное, различное, смотря по вѣрѣ и исповѣданію. Ничто такъ не привлекаетъ къ школѣ простой народъ, ничто такъ не располагаетъ къ ней мѣстнаго крестьянскаго населенія, какъ хорошее, благообразное церковное пѣніе. Эта сторона народнаго образованія и развитія такъ важна, такъ настоятельно необходима, что при невозможности на первый разъ обучать въ народныхъ школахъ пѣнію посредствомъ школьныхъ учителей, надлежало бы привлечь къ этому дѣлу, гдѣ можно, церковнослужителей, воспитанниковъ духовныхъ школъ и семинарій.

Собственно вѣроученіе, т.-е. наставленіе въ религіи, должно составить особый предметъ ученія и ограничиваться необходимѣйшимъ знаніемъ важнѣйшихъ молитвъ и катехизическаго ученія въ связи съ священной исторіей, — для христіанъ, главнымъ образомъ, новаго завѣта. Оно можетъ происходить въ школѣ и внѣ школы, смотря по обстоятельствамъ и удобству. Каждый получаетъ религіозное назиданіе и наставленіе въ той вѣрѣ и томъ исповѣданіи, къ которому принадлежитъ. Наблюденіе за ходомъ и духомъ вѣроученія есть дѣло церкви и духовнаго, а не школьнаго вѣдомства.

Въ такомъ видѣ представляется намъ школьное дѣло, какъ оно должно быть устроено по деревнямъ и селамъ. Школы грамотности и профессіональныя не имѣютъ, по существу дѣла, непосредственной связи съ школами, предназначенными для умственнаго и нравственнаго развитія крестьянъ, и потому, смотря по обстоятельствамъ и удобству, могутъ существовать отдѣльно отъ нихъ, или вмѣстѣ. Тамъ, гдѣ грамотность мало распространена и усилій частныхъ лицъ, сельскихъ обществъ и земствъ, недостаточно для учрежденія ихъ, хотя бы по одной, въ каждомъ поселкѣ, правительство должно придти на помощь мѣстному населенію и основать такія школы отъ себя. Школы для умственнаго и нравственнаго развитія народа, которыя, въ отличіе отъ другихъ, мы назовемъ народными училищами, должны находиться, по крайней мѣрѣ, по одной въ каждой волости. Ихъ слѣдуетъ поставить въ связь съ городскими училищами и прогимназіями, такимъ образомъ, чтобъ окончившіе ученіе въ народныхъ училищахъ могли быть принимаемы въ низшіе или приготовительные классы городскихъ училищъ и прогимназій.

Самое пристальное и заботливое вниманіе должно быть обращено на личную обстановку народныхъ училищъ. По причинамъ, на которыхъ мы не можемъ довольно настаивать, они дожны не только учить, но и воспитывать, готовить для жизни людей, развитыхъ умственно и нравственно. Надо, чтобы вся обстановка школы, все, что̀ въ ней дѣлается, дышало нравственнымъ характеромъ. Подъ нравственностью же мы разумѣемъ не безпрекословное, неукоснительное наружное исполненіе предписанныхъ правилъ, не наружную только благопристойность, а добросовѣстное, по внутреннему сознанію, исполненіе каждымъ лежащаго на немъ долга по школѣ, съ участіемъ и справедливостью къ ученикамъ, съ заботливымъ вниманіемъ къ ихъ ученію, успѣхамъ и поступкамъ. Школа должна быть у насъ разсадницею добрыхъ нравовъ, честныхъ и добросовѣстныхъ отношеній между людьми. Ей должны быть одинаково чужды и грубыя наказанія, и равнодушная снисходительность къ нехорошему, недобросовѣстному и нечестному. Нигдѣ, можетъ быть, воспитательное назначеніе школы не чувствуется такъ сильно, какъ у насъ; среда, въ которой ей суждено дѣйствовать, особенно въ этомъ нуждается. По нашимъ

особеннымъ обстоятельствамъ, крестьянская школа должна быть прежде всего разсадникомъ добрыхъ нравовъ. До хорошей, во всѣхъ смыслахъ, народной школы мы еще не доросли, и много пройдетъ времени, пока она у насъ будетъ возможна; поэтому надо, на первый разъ, удовлетвориться тѣмъ, что возможно, и требовать отъ нея только самаго необходимаго, а такимъ настоятельно необходимымъ мы считаемъ прежде всего честные и добрые нравы, вполнѣ добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Изъ опыта, который у насъ передъ глазами, мы знаемъ, что при нравственныхъ условіяхъ не одни дѣти, но и взрослые, вообще довольно равнодушные къ дѣлу образованія, получаютъ уваженіе къ школѣ, привязываются къ ней, и она пускаетъ корни въ мѣстномъ населеніи. Кто не знаетъ, что для дѣтей и юношей ученіе и знаніе становятся милы и дòроги сперва въ образѣ любимаго преподавателя? А нашъ народъ пока тотъ же ребенокъ, вдобавокъ воспитанный въ крайне печальной обстановкѣ и условіяхъ. На крестьянскихъ дѣтей порядочная нравственная обстановка школы дѣйствуетъ глубоко на всю жизнь. Видя правду на дѣлѣ, они мало-по-малу начинаютъ вѣрить, что люди другого съ ними общественнаго положенія и образованія, на которыхъ они отъ колыбели привыкли смотрѣть съ глубокимъ недовѣріемъ, могутъ искренно желать имъ добра, и — что гораздо важнѣе — сохраняютъ память о годахъ, проведенныхъ въ школѣ, какъ о времени, когда имъ было хорошо и легко на душѣ, когда они встрѣчали любовь и ласку. Память объ этихъ годахъ, выдающихся какъ свѣтлая точка въ ихъ нерадостной жизни до и послѣ школы, будетъ служить имъ поддержкой посреди тяжелыхъ испытаній, съ которыми русскій человѣкъ свыкся до равнодушія и апатіи. Воспитанники такой школы не будутъ рецидивистами безграмотности, потому что она, возбудивъ въ нихъ любовь, довѣріе, а съ ними и интересъ къ мысли и знанію, возбудитъ и охоту къ чтенію. Такіе результаты порядочно поставленной въ нравственномъ смыслѣ школы, повторяемъ, мы сами видѣли и можемъ удостовѣрить, что они — не идиллія, какъ многіе готовы думать, а живой, дѣйствительный фактъ.

Чтобы школа получила такое значеніе, не только нужно, чтобъ учитель соединялъ въ себѣ способности и знаніе съ нравственными качествами, но надо, чтобъ онъ былъ поставленъ самостоятельно и могъ устранять всякія посороннія вредныя вліянія на веденіе преподаванія и нравственное воспитаніе дѣтей. Ни того, ни другого у насъ теперь нѣтъ. Мѣриломъ для выбора учителя служитъ только его аттестатъ; о нравственныхъ качествахъ его мало думаютъ. Ни малѣйшей тѣни самостоятельности онъ не имѣетъ. Учитель въ народной школѣ—послѣдняя спица въ колесницѣ: имъ помыкаетъ и инспекторъ, и попечитель школы, и приходскій священникъ, и волостной старшина, и волостной писарь, и помѣщикъ, и приказчикъ. Нѣтъ маленькаго чиновника менѣе самостоятельнаго, болѣе зависящаго отъ доброй воли и каприза множества лицъ. Если онъ мало-мальски понимаетъ призваніе школы—горе ему; его преслѣдуютъ со всѣхъ сторонъ, пока не выживутъ. Онъ только и можетъ держаться, усердствуя всѣмъ и жертвуя направо и налѣво интересами школы и школьнаго дѣла, въ угоду тѣмъ, отъ кого зависитъ. Причина, почему школьный учитель такъ у насъ поставленъ,—та же, почему безотвѣтенъ и беззащитенъ чиновникъ. Выбираютъ людей не по ихъ внутреннимъ достоинствамъ, а по наружнымъ, шаблоннымъ признакамъ. Такъ какъ эти признаки нисколько не обезпечиваютъ правильности выбора, то лица, назначенныя къ должности, не пользуются ни малѣйшимъ довѣріемъ, окружаются со всѣхъ сторонъ надзоромъ, подвергаются на каждомъ шагу мелочному контролю, который, при громадномъ развитіи, какое онъ у насъ имѣетъ, не можетъ быть другой, какъ формальный и бумажный, и отдаются на полное благоусмотрѣніе и произволъ начальства, отъ котораго всегда зависитъ поправить ошибку выбора удаленіемъ отъ мѣста и должности.

Чтобы народная школа достигла своей цѣли, и школьный учитель могъ вести ее какъ надо, необходимо, чтобы выборъ его и удаленіе отъ должности не зависѣли отъ случайностей и единоличнаго усмотрѣнія и произвола. Въ школьномъ учителѣ, кромѣ знанія и педагогическихъ способностей, кромѣ нравственныхъ качествъ и честнаго отношенія къ дѣлу и ученикамъ, необходимы еще способность и умѣнье хорошо поставить себя посреди мѣстнаго населенія, заслужить довѣріе и расположеніе родителей учениковъ, безъ чего немыслимъ успѣшный ходъ школьнаго дѣла. Поэтому надо, чтобы какъ въ выборѣ, такъ и въ удаленіи школьнаго учителя участво-

вала не одна учебная дирекція, но сверхъ того и попечитель школы, и мѣстные жители округа или прихода, для которыхъ школа существуетъ. Пока эта существенная гарантія не будетъ дана народной школѣ и народному учителю, до тѣхъ поръ объ успѣхахъ народнаго образованія нечего и думать; будетъ возможна одна лишь выучка и школьная дрессировка.

Чтобы создать хорошую русскую народную школу, надо создать сословіе или классъ хорошихъ русскихъ народныхъ учителей и учительницъ: ими только она и можетъ держаться. Вотъ почему, рядомъ и наравнѣ съ заботами о размноженіи и устройствѣ школъ, должны идти заботы о размноженіи и хорошей постановкѣ учительскихъ семинарій. Въ нихъ ключъ къ разрѣшенію задачи нашего народнаго образованія. Когда онѣ станутъ подготовлять учителей, какихъ намъ надо, половина дѣла будетъ сдѣлана. Что касается учителей грамотности, то въ нихъ, при доброй волѣ ихъ найти, недостатка не будетъ. Впослѣдствіи ихъ въ изобиліи будутъ поставлять народныя училища. Главная задача—приготовлять учителей для послѣднихъ. Устройство учительскихъ семинарій для народныхъ училищъ, курсовъ этихъ семинарій, методъ преподаванія въ нихъ, способъ комплектованія учениковъ семинарій и т. п.,—все это вопросы спеціальные, которыхъ мы не можемъ здѣсь касаться. Замѣтимъ только, что требованія умственнаго и нравственнаго развитія, поставленныя выше народной школѣ, относятся въ гораздо большей еще степени къ учительскимъ семинаріямъ. Мелочный формализмъ, придирчивое педантство, подчиненіе знанія и ученія постороннимъ цѣлямъ, замѣна внутренней, нравственной дисциплины внѣшнимъ благоприличіемъ, угодничествомъ, ханжествомъ и лицемѣріемъ должны быть рѣшительно и тщательно изгнаны изъ заведеній, призванныхъ разсылать въ народъ воспитателей и учителей.

Наконецъ, замѣтимъ, что школъ и школьныхъ учителей еще недостаточно, для поддержанія и развитія народнаго образованія. Когда оно будетъ правильно поставлено и пуститъ корни въ простомъ народѣ, въ немъ пробудится, начиная съ бывшихъ учениковъ школы, охота къ чтенію. У насъ въ деревняхъ и селахъ этому много способствуетъ отсутствіе всякихъ развлеченій и пропасть свободнаго времени по окончаніи полевыхъ и хозяйственныхъ работъ, особливо поздней осенью и зимой. Чтеніе необходимо и самому учителю, который, не поддерживая и не освѣжая себя имъ, мало-по-малу естественно впадаетъ въ рутину и тупѣетъ. Вотъ почему вездѣ, гдѣ народная школа хорошо поставлена, она должна быть поддержана, подкрѣплена хорошей школьной библіотекой и библіотекой для народнаго чтенія. Потребность въ нихъ уже начинаетъ, здѣсь и тамъ, живо чувствоваться, и ей необходимо удовлетворить устройствомъ библіотекъ разнообразнаго содержанія, приноровленныхъ къ потребностямъ школы, къ степени пониманія и нуждамъ мѣстнаго населенія. Школы и народныя библіотеки будутъ продолжать и развивать дѣло народныхъ училищъ и сослужатъ народному умственному и нравственному образованію неоцѣнимую, по своимъ полезнымъ послѣдствіямъ, службу.

Повторяемъ, давно пора перестать смотрѣть на образованіе и развитіе крестьянъ какъ на мечты утопистовъ, какъ на безполезную, а пожалй, чего добраго, вредную и опасную забаву филантроповъ отъ нечего дѣлать. Пока мы такъ разсуждаемъ, потребность народа въ свѣтѣ ростетъ, ростетъ быстро, и, не находя себѣ удовлетворенія въ томъ, что мы даемъ такъ неохотно, обращается, на нашихъ глазахъ, къ расколамъ, ересямъ и сектамъ. Церковь, по многимъ причинамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто, да и неудобно говорить, тоже бездѣйствуетъ. Вся теперь надежда, все спасеніе въ правильной постановкѣ народной школы. Если для нея ничего не будетъ сдѣлано хорошаго безотлагательно и въ большихъ размѣрахъ, трудно предвидѣть и предсказать, къ чему мы придемъ.

IX.

Наша интеллигенція и народъ; трудъ и капиталъ.

Взглядомъ на задачи народнаго образованія въ Россіи оканчивается все существенное, что мы имѣли сказать о крестьянскомъ вопросѣ.

Въ предъидущемъ изложеніи мы представили, въ общихъ чертахъ, чрезвычайную важность крестьянскаго дѣла въ Россіи, теперешнее его печальное положеніе, и обозназначили то направленіе, въ какомъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы дѣйствовать, чтобы вывести наше крестьянство на путь правильнаго, нормальнаго, здороваго разви-

тія, крайне необходимаго не только для пользы самихъ крестьянъ, но и всего государства, общества и всѣхъ слоевъ и классовъ русскаго народа.

Есть ли надежда, чтобы крестьянское дѣло заняло въ нашихъ думахъ и заботахъ то первенствующее мѣсто, какое ему безспорно у насъ принадлежитъ,—это другой вопросъ, на который мы, по многимъ причинамъ, затруднились бы отвѣчать утвердительно. Правда, въ послѣднее время, въ правительственныхъ сферахъ замѣтенъ поворотъ къ лучшему во взглядахъ на этотъ предметъ. Во главѣ его не стоитъ, какъ стояло еще недавно, торжествующее легкомысліе, съ ребяческою самоувѣренностью впереди, съ отсутствіемъ чувства нравственной отвѣтственности передъ государствомъ и родиной въ арріергадѣ, съ своекорыстіемъ и недобросовѣстностью по бокамъ. Такъ-называемая либеральная русская печать, газетная и журнальная, потерпѣвшая за свое доброжелательное и просвѣщенное отношеніе къ крестьянскому дѣлу самыя тяжелыя испытанія, продолжаетъ, какъ и прежде, несмотря на оттѣнки мнѣній, дружно отстаивать правильный взглядъ на крестьянскій вопросъ. Но огромное большинство посреди образованныхъ слоевъ русскаго общества, безъ дѣятельнаго участія котораго не можетъ быть проведена, какъ слѣдуетъ, ни одна серьезная реформа, а особливо такая важная, какъ предстоящая крестьянская, — какъ оно относится къ крестьянскому дѣлу? Какъ оно ведетъ его теперь въ лицѣ земскихъ дѣятелей и представителей мѣстной администраціи? Вотъ надъ чѣмъ приходится часто задумываться съ стѣсненнымъ сердцемъ. При недостаткѣ строгаго единства въ управленіи, при отсутствіи полной гласности, усиленнаго, сознательнаго и просвѣщеннаго интереса къ дѣламъ общественнымъ, при безмолвіи и безотвѣтности крестьянъ, трудно составить себѣ хотя приблизительное понятіе о дѣйствительномъ положеніи крестьянскаго дѣла на огромномъ пространствѣ обширнаго государства. Случайно прорываются, здѣсь и тамъ, факты самаго противоположнаго свойства и характера; обобщать ихъ, значило бы умышленно впадать въ ошибки и дѣлать пристрастные выводы. Постановленія земскихъ, дворянскихъ и городскихъ собраній, при случайности ихъ личнаго состава, подачи голосовъ, образованія большинства и меньшинства, не могутъ считаться выраженіемъ общественнаго мнѣнія, даже едва-ли могутъ разсматриваться какъ вѣрный отголосокъ мнѣній наличныхъ членовъ собраній. Наша общественная жизнь еще не сбросила съ себя завѣтнаго халата и потому не имѣетъ вѣрныхъ показателей; а сужденія, мысли, взгляды, которые удается слышать въ нашей образованной публикѣ, представляютъ невыразимый хаосъ, въ которомъ нѣтъ возможности разобраться. Сколько головъ, столько и умовъ; что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай. Та же разноголосица, смѣшеніе языковъ, которыя замѣчаются у насъ вездѣ и во всемъ, царятъ и по отношенію къ крестьянскому вопросу. Общественное мнѣніе у насъ задыхается подъ взаимными недоразумѣніями, и они-то вяжутъ насъ по рукамъ и ногамъ. Пока они не разъяснятся, пока мнѣнія и взгляды не разберутся по группамъ и оттѣнкамъ, пока не установится хоть какая-нибудь дисциплина въ воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ, до тѣхъ поръ о разрѣшеніи не только крестьянскаго, но и вообще какого бы то ни было государственнаго или общественнаго вопроса нечего и думать. Какова мысль, таково будетъ и ея примѣненіе. Только у насъ думаютъ, что можно хорошо выполнить дѣло какими бы то ни было руками: очевидно, что это возможно только при помощи людей добросовѣстныхъ, умѣлыхъ и сочувствующихъ; а гдѣ ихъ набрать сколько нужно, когда у насъ не пріищешь и десятка людей одного взгляда и образа мыслей? Всѣ разрознены и враждуютъ между собою, почти всегда только по недоразумѣнію, а недоразумѣнія происходятъ главнымъ образомъ отъ того, что у насъ ко всякому взгляду тотчасъ же пришпиливается готовый ярлыкъ, и по такому ярлыку человѣкъ зачисляется въ тотъ или другой лагерь. Вы говорите съ горячимъ сочувствіемъ о печальномъ положеніи крестьянъ—значитъ, вы демократъ; вы высказываете мнѣніе, что міровоззрѣніе нашихъ крестьянъ глубоко фаталистическое, по принципу азіатское,—значитъ, вы смотрите на нихъ какъ на „быдло“ глазами старыхъ польскихъ пановъ; другими словами, вы аристократъ, народъ для васъ низшая порода; вы признаете необходимымъ дополнить крестьянскіе надѣлы,—васъ записываютъ въ лагерь соціалистовъ; вы вѣрите, что русскій народъ имѣетъ свой народный геній и великую историческую будущность,—въ васъ усматриваютъ славянофила. Всѣ эти этикетки, исключающія другъ друга, наклеи-

ваются на ваши взгляды, не задумываясь надъ тѣмъ, что они составляютъ одно цѣлое, вытекаютъ изъ одной основной мысли. Пока такія трафареточныя заключенія не уступятъ мѣста серьезнымъ усиліямъ мысли понять другъ друга, до тѣхъ поръ нѣтъ никакой надежды, чтобы наше теперешнее положеніе улучшилось. И какъ ему улучшиться! Общественная мысль, повитая безчисленными предразсудками, частью унаслѣдованными, частью благопріобрѣтенными, несвободна, не имѣетъ ни энергіи, ни размаха, ни полета. Робко, невѣрными шагами, ощупью двигается она взадъ и впередъ, принимая за свѣточи блуждающіе огоньки, которые представляютъ не образы вещей, а вздохи и стоны, выходящіе изъ земли. Цѣпляясь за первое, что попадется подъ руку, не имѣя твердой точки опоры въ себѣ самой, отдаваясь безъ оглядки то фантастическимъ, неопредѣленнымъ страхамъ, то розовымъ надеждамъ и мечтамъ, она не смотритъ далеко назадъ и впередъ, не задается задачами, разсчитанными на даль будущаго, крохоборствуетъ въ ближайшей непосредственной обстановкѣ; оттого она мелка и узка. Каждое, сколько-нибудь значительное явленіе русской жизни представляется ей неожиданностью, застигаетъ ее въ расплохъ и опрокидываетъ вверхъ дномъ.

Попытаемся, отбросивъ шаблоны, которые насъ путаютъ, объяснить явленія прошедшей и настоящей нашей жизни изъ соображенія ихъ между собою и съ основными условіями нашего существованія.

Центръ тяжести русскаго государства, какъ мы старались показать, лежитъ въ крестьянствѣ. Вездѣ народныя массы числомъ преобладаютъ надъ всѣми прочими слоями населенія: вездѣ послѣдніе относятся къ первымъ, какъ незамѣтное меньшинство. Въ этомъ смыслѣ, Россія не представляетъ ничего особеннаго и повторяетъ лишь фактъ, общій всѣмъ государствамъ и народамъ въ мірѣ. Наша особенность заключается въ соціальномъ положеніи и характерѣ народныхъ массъ, какъ они выработались въ исторіи и ясно опредѣлились въ минувшее царствованіе. У всѣхъ народовъ, успѣвшихъ подняться до организованнаго государственнаго строя, народная жизнь сосредоточилась въ верхнихъ слояхъ, въ меньшинствѣ, которое получило преобладающее значеніе и вліяніе, взяло власть въ свои руки и своимъ развитіемъ, образованностью и богатствомъ стало надолго единственнымъ выразителемъ народной жизни, заслонивъ собою подчиненныя и подвластныя ей народныя массы и сдѣлавшись для нихъ образцомъ и идеаломъ умственнаго развитія и гражданскаго быта. То же или почти то же долгое время было и у насъ. Малочисленное меньшинство высшаго слоя стремилось изстари занять у насъ такое же положеніе, какъ и въ другихъ государствахъ, и въ XVII, въ особенности въ XVIII и началѣ XIX вѣка, отчасти въ этомъ успѣло. Простой народъ былъ заслоненъ образованнымъ, просвѣщеннымъ и богатымъ меньшинствомъ, которое получило надъ нимъ большую власть. Народная жизнь сосредоточилась въ этомъ меньшинствѣ и была имъ представляема. Къ нему перешло исключительно вліяніе на дѣла государственныя и общественныя, въ немъ заключались національное развитіе и образованность. Но этимъ параллель Россіи съ другими государствами и оканчивается. Образованное, вліятельное, богатое меньшинство верхняго слоя народа утратило свое выдающееся положеніе и не оказало почти никакого вліянія на бытъ и нравы народныхъ массъ. Съ 1861 года, власть, принадлежавшая меньшинству надъ простымъ народомъ, упразднена. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ владѣнія этого меньшинства выдѣлена и часть земель, необходимыхъ для обезпеченія осѣдлости и существованія крестьянъ. Съ того времени оно, какъ особый слой народа, начало быстро клониться къ упадку и сходить со сцены. За весь длинный періодъ времени господства у насъ высшаго слоя надъ народными массами, въ теченіе слишкомъ двухъ съ половиною столѣтій, передъ нимъ постоянно носились идеалы того положенія, какое господствующее меньшинство занимало въ другихъ странахъ. Роль литовскихъ вельможъ и польскихъ пановъ, шведскихъ и французскихъ аристократовъ и англійскихъ лордовъ, попеременно ласкала ихъ воображеніе и представлялась завѣтною цѣлью ихъ политическихъ и соціальныхъ мечтаній. Напрасно дѣятельность двухъ московскихъ Ивановъ, третьяго и четвертаго, Петра Великаго, и Положенія 19 февраля 1861 года, съ одной стороны, а съ другой, употребленіе, сдѣланное изъ „правъ и вольностей“, дарованныхъ дворянству Петромъ III и Екатериною II, совершенно ясно указывали, что въ жизни русскаго государства образованному, вліятельному, богатому меньшинству предстоитъ со-

всѣмъ другая роль, прибережено совсѣмъ другое мѣсто въ народной жизни, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Эту особую роль, особое призваніе надо было уяснить себѣ, отбросивъ готовые образцы и примѣры. Но у насъ этого упорно не понимали. Многіе не вполнѣ понимаютъ и до сихъ поръ.

Другая, не менѣе характерная особенность въ положеніи нашихъ народныхъ массъ, сравнительно съ тѣмъ, что было въ другихъ государствахъ, заключается въ огромномъ преобладаніи земледѣльческихъ, сельско-хозяйственныхъ промысловъ надъ ремесленными, фабричными и торговыми. Въ Европѣ послѣдніе возникли рано. Средневѣковая неурядица и необезпеченность вынудили ремесленниковъ и торговцевъ выдѣлиться въ особые замкнутые, обособленные отъ остальнаго населенія поселки и корпораціи. Развившись и разбогатѣвъ, они сложились мало-по-малу въ особое сословіе съ своими особыми уставами, порядками, образомъ жизни и нравами,—сословіе, занявшее видное мѣсто между другими классами населенія и получившее вліяніе и власть. Съ расширеніемъ круга дѣятельности промышленнаго и торговаго класса за предѣлы государства и, наконецъ, на весь міръ, вліяніе и власть этого класса росли, крѣпли и постепенно поставили его во главѣ народовъ. Строй промышленный, торговый, сложился въ особый типъ, который сталъ идеаломъ и прототипомъ всей народной жизни и быта. Фабричная и заводская промышленность, начавшая работать на всѣ страны свѣта, втянула въ себя массы простого народа и закрѣпила за собою господство надъ значительною частью населенія. Образовался типъ городского, фабричнаго, заводскаго рабочаго, заслонившій собою, въ свою очередь, земледѣльца, сельчанина. Когда въ Европѣ говорятъ о простомъ народѣ, о массахъ народныхъ, передъ мыслью носится преимущественно классъ фабричныхъ и городскихъ работниковъ.

У насъ, какъ и вездѣ, есть и ремесленное производство, и фабрики, и заводы, и торговля. Но изстари развитіе ихъ, исключая немногихъ пунктовъ, было такъ слабо, люди, ими занимающіеся, такъ малочисленны, что они не успѣли выдѣлиться въ особый классъ, сплотиться въ особое сословіе, стать силой, и потому не могли забрать въ свои руки власть надъ народными массами. Хотя впослѣдствіи и у насъ развились ремесла, торговля получила большіе размѣры, появились фабрики и заводы, фабричные и заводскіе рабочіе; но время для образованія особаго городского сословія, въ смыслѣ особой ремесленной, торговой, промышленной корпораціи, уже прошло; выработка особаго городского типа стала невозможной. Начиная съ Петра и далѣе при Екатеринѣ II, отчасти при императорѣ Александрѣ I, правительство всѣми мѣрами старалось, законодательнымъ путемъ, придать нашимъ городамъ значеніе городовъ европейскихъ, городскому населенію—характеръ европейскаго городского средняго класса. Обособленность старинныхъ разрядовъ или „чиновъ" московскаго государства, послужившая основаніемъ для обособленности городского населенія, устроеннаго въ XVIII вѣкѣ по началамъ европейскихъ городовыхъ уставовъ, придала ему внѣшній видъ замкнутаго городского сословія. Но внѣшній видъ не могъ внести содержанія, которое не было дано исторіей и условіями развитія. Съ императора Николая началось, а при императорѣ Александрѣ II окончена отмѣна различныхъ постановленій, искусственно разобщавшихъ городское населеніе отъ остальнаго. Въ новомъ городовомъ положеніи 1870 г. нѣтъ и слѣда прежней изолированности городскихъ классовъ, созданной законодательствомъ XVIII вѣка.

Въ новѣйшей Европѣ промышленная и торговая дѣятельность, вышедшая первоначально изъ городовъ, приняла небывалое развитіе, охватила всю жизнь и, вмѣстѣ съ несомнѣнными благами, принесла съ собою великое зло—господство капитала надъ трудомъ, порабощеніе человѣка игу новаго рода. Этимъ вызваны были соціальныя движенія, теоріи и ученія, которыя, при всѣхъ увлеченіяхъ и крайностяхъ, неизбѣжныхъ во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, имѣютъ свою несомнѣнно справедливую и вѣрную сторону; они служатъ признаками и показателями ненормальнаго положенія, созданнаго въ Европѣ исключительнымъ господствомъ капитала, и представляютъ попытки доказать ошибочность теоріи, на которой оно основано, и противопоставить ей болѣе справедливое политико-экономическое ученіе, въ которомъ права труда въ производствѣ цѣнностей, а слѣдовательно и право его на извѣстную ихъ долю, были бы признаны и заняли принадлежащее имъ мѣсто.

Тотчасъ послѣ крымской войны, когда наша

крайняя отсталость отъ Европы въ промышленности и торговлѣ сдѣлалась для всѣхъ очевидной, господствующіе тамъ взгляды на промышленное и торговое развитіе нашли у насъ, въ правительственныхъ сферахъ, благосклонный пріемъ, и для Россіи начался періодъ всяческаго покровительства промышленной и торговой предпріимчивости и денежному капиталу. О ихъ значеніи и роли и отношеніяхъ къ сельскому населенію у насъ существуютъ различные взгляды, которые и прямо, и косвенно переносятся въ жизнь, отражаются на законодательствѣ и административныхъ мѣрахъ. Поэтому необходимо установить, относительно этихъ предметовъ, правильную точку зрѣнія.

Мы, конечно, не можемъ навсегда оставаться исключительно при одномъ земледѣліи и сельскихъ промыслахъ. Для ихъ успѣха и процвѣтанія нужно развитіе обработывающей промышленности и торговли, а съ ними и ихъ необходимыхъ спутниковъ—денежныхъ капиталовъ, банковъ и кредита. Противъ этого никто и не споритъ. Весь вопросъ въ томъ, въ какихъ условіяхъ и границахъ ихъ развитіе желательно и полезно, и гдѣ, съ какого момента, оно начинаетъ приносить народу вредъ, истощая его живыя силы.

Промышленность и торговля, капиталъ и кредитъ, какъ всякая дѣятельность, всякая сила, суть несомнѣнное благо вездѣ, гдѣ возникаютъ естественно, вслѣдствіе возростающаго довольства и достатка населенія, не пріобрѣтая никакихъ исключительныхъ правъ или привилегій, дающихъ имъ власть и господство надъ населеніемъ. Но гдѣ они вызываются искусственно, ограждаются монополіей и пріобрѣтаютъ власть, тамъ они становятся источникомъ зла, притѣсненій и эксплуатаціи, создаютъ особый видъ зависимости и рабства, тѣмъ болѣе тяжкаго, что оно не такъ очевидно, какъ юридическое рабство, ибо прикрыто обманчивымъ покровомъ добровольныхъ сдѣлокъ и соглашеній и подъ этимъ благовиднымъ и лицемѣрнымъ предлогомъ высасываетъ, въ пользу своекорыстнаго и жаднаго меньшинства, всѣ достатки, имущество и рабочія, физическія и умственныя силы населенія, мужского и женскаго, взрослаго и малолѣтняго. Капиталъ, какъ всякая сила, естественно стремится сосредоточиться, монополизироваться, освободиться отъ всего, что̀ его стѣсняетъ, и властвовать, не зная никакихъ границъ. Единственная сила, которая можетъ его сдерживать,—это другіе капиталы, вступающіе съ нимъ въ борьбу. Но для того, кто не имѣетъ равносильнаго капитала, борьба съ нимъ немыслима. Акціонерныя общества, ассоціаціи даютъ въ промышленной борьбѣ капиталовъ орудіе въ руки только тѣхъ, которые имѣютъ или могутъ дѣлать сбереженія; а для огромной массы народа, не имѣющей ничего, живущей изо дня въ день своимъ трудомъ, борьба съ капиталомъ невозможна. Оттого масса и вынуждена, волей-неволей, отдаться ему во власть и на милость.

Въ Европѣ капиталъ забралъ власть въ свои руки и получилъ привилегированное положеніе вмѣстѣ съ городскимъ сословіемъ, которое купило себѣ исключительное положеніе сначала у королей, во время борьбы ихъ съ феодалами. Занимая середину между родовой и поземельной аристократіей съ одной стороны, крестьянствомъ—съ другой, средній промышленный и торговый классъ, въ составъ котораго вошли впослѣдствіи магистратура и интеллигенція, сталъ господствовать надъ другими слоями европейскихъ обществъ, высшимъ и низшимъ. Гнетъ капитала, сосредоточеннаго въ его рукахъ, заступилъ мѣсто юридическаго рабства, наложеннаго на низшіе классы крѣпостнымъ правомъ. Но въ Европѣ привилегированное положеніе и выдающаяся роль капитала, созданныя постепенно, вѣками, объясняются и отчасти оправдываются ходомъ европейской исторіи. Къ тому же тамъ многія обстоятельства долгое время заслоняли истинный смыслъ его господства, задерживали, отдаляли и смягчали неизбѣжныя послѣдствія такого господства, почему они и выяснились поздно, на нашихъ глазахъ. Въ Европѣ сила капитала, посреди довольства и благосостоянія городской жизни, росла съ успѣхами просвѣщенія и культуры, и содѣйствовала имъ, удовлетворяя нуждамъ и потребностямъ, которыя они вызывали. Тамъ богатство капиталовъ, порождая между ними соперничество и борьбу, долгое время удерживало ихъ въ равновѣсіи и ограничивало злоупотребленія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, если не въ пользу рабочихъ, то, по крайней мѣрѣ, потребителей; наконецъ, захватамъ и злоупотребленіямъ капитала въ Европѣ подверглись не пассивныя и невѣжественныя массы, а народы, стоявшіе уже на высокой ступени образованія и культуры, дѣятельные, трудо-

любивые, сравнительно достаточные; а когда завоевательный характеръ и насилія капитала создали тяжелый гнетъ, противъ него началась упорная борьба, которая идетъ, все усиливаясь, при дѣятельномъ участіи всѣхъ лучшихъ живыхъ силъ народа, обществъ и ассоціацій, науки, литературы и самихъ правительствъ.

Совершенно при иныхъ условіяхъ появилось господство капитала у насъ. Цивилизація, успѣхи гражданственности и просвѣщенія, создавая богатство, сами, въ свою очередь, требуютъ большихъ денежныхъ затратъ и издержекъ. Они уже предполагаютъ развитую промышленность и торговлю, которыя всюду несутъ съ собою достатокъ и довольство и всѣ блага устроенной общественной жизни. Прельщаясь ими, образованные слои русскаго общества призываютъ своими горячими желаніями то, что они видятъ во очію въ сосѣднихъ странахъ высокой культуры, и справедливо убѣждены, что будь у насъ промышленность и торговля на той же ступени процвѣтанія, какъ въ Европѣ, и намъ бы жилось такъ же хорошо какъ тамъ. Отсюда не менѣе естественное стремленіе по возможности развить и у насъ тѣ условія, какія въ Европѣ произвели всѣ блага, хотя бы даже съ временными пожертвованіями. Фабрика, торговля, капиталъ, банкъ, кредитъ, правда, любятъ все захватить въ свои руки и поживиться на счетъ народнаго труда и мелкихъ промысловъ; но зато они создаютъ чудеса цивилизаціи, культуры и комфорта, и потому на ихъ захваты можно смотрѣть немного сквозь пальцы, тѣмъ болѣе, что впослѣдствіи, когда они принесутъ свои благіе плоды и разовьютъ богатство, явятся и средства смягчить и устранить временный вредъ, который они могутъ нанести. Такія надежды кажутся тѣмъ основательнѣе, что въ Европѣ временное разореніе мелкихъ промысловъ фабриками увеличило потомъ запросъ на народный трудъ и заработки въ несчетное число разъ, что развитіе заграничной и всемірной торговли, убивая мѣстное производство, доставляетъ потребителямъ дешево и лучшаго качества то, что производилось хуже и за что они платили дорого; вдобавокъ, торговля открываетъ сбытъ для такихъ предметовъ, на которые никакого запроса не было. Краснорѣчіе всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ соображеній особенно убѣдительно въ глазахъ непосредственно пользующихся благами цивилизаціи и культуры, тѣмъ болѣе, что они видятъ только пользу, приносимую господствомъ капитала, а вредъ, который оно приноситъ — перестановка средствъ и достатка изъ многихъ рукъ въ немногія, отъ мелкихъ производителей къ крупнымъ, совершаются исподоволь, незамѣтно, въ низменныхъ, темныхъ слояхъ народа, которые скрыты отъ глазъ. И вотъ, мы возложили всѣ надежды и упованія на развитіе, во что бы ни стало, обработывающей промышленности, торговли, банковъ, кредита, дали имъ щедрую поддержку и помощь изъ государственныхъ средствъ, стали поощрять акціонерныя компаніи и товарищества. Возбужденіе частной промышленной и торговой инціативы и развитіе кредита, столь полезныхъ для общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для частныхъ интересовъ, составляютъ завѣтную цѣль нашихъ помысловъ и стремленій. Намъ кажется, что, благодаря этимъ усиліямъ, въ которыхъ правительство и частныя лица подаютъ другъ другу руки и идутъ вмѣстѣ, наша дѣятельность и благосостояніе должны начать быстро рости и развиваться, обѣщая самые благодатные результаты въ будущемъ. Но въ то время, когда мы предавались самымъ сладостнымъ грезамъ и въ мечтахъ считали богатства, которыя должны были разлиться широкой рѣкой въ обществѣ и государствѣ, капиталъ, созданный на казенныя деньги, дѣлалъ свое дѣло: сосредоточился въ немногихъ рукахъ, опустошилъ частныя средства, сталъ усиливаться на счетъ народнаго труда и обогатилъ нѣсколькихъ на счетъ всѣхъ. Разочарованіе было полное. Мы искусственно вызвали къ жизни и дѣятельности силу, которая обратилась противъ насъ самихъ. Какъ и отчего это произошло? Очень просто. Какъ мы сказали выше, развитіе промышленности и торговли, капиталъ и кредитъ въ высокой степени полезны и благотворны, когда выросли на почвѣ общаго довольства и народнаго благосостоянія, представляютъ ихъ продолженіе и дальнѣйшее развитіе; когда народныя массы, экономически обезпеченныя и огражденныя противъ захватовъ и насилій капитала, могутъ равными силами вести съ ними экономическую борьбу и не дать себя въ обиду. Когда же этихъ двухъ необходимыхъ условій нѣтъ, когда капиталъ не есть естественный результатъ зажиточности и довольства, а созданъ искусственными мѣрами, когда невѣжественныя и убогія народныя

массы предоставлены его эксплуатаціи безъ достаточнаго огражденія противъ его злоупотребленій, онъ только разлагаетъ народное благосостояніе въ пользу немногихъ и можетъ только на время создать обманчивый призракъ довольства, — призракъ, который вслѣдъ за тѣмъ быстро исчезаетъ, оставляя послѣ себя дѣйствительное разореніе. Всячески поощряя капиталъ, мы не подумали объ экономическомъ обезпеченіи и развитіи народныхъ массъ и горько поплатились за эту ошибку. Капиталъ, не встрѣчая у насъ никакихъ преградъ, напротивъ поддерживаемый со всѣхъ сторонъ, могъ дѣйствовать на просторѣ, какъ хотѣлъ,—и дѣйствовалъ.

Такимъ образомъ, самъ опытъ, сама жизнь, силою и логикой вещей, привели насъ къ заключенію, что по недостатку условій и классовъ общества, которые въ Европѣ создали обработывающую промышленность и торговлю, какъ особую экономическую силу, развитіе экономической стороны не можетъ у насъ, даже при искусственной поддержкѣ и поощреніи, совершаться на тѣхъ основаніяхъ и принести съ собою тѣ же блага, какъ въ Европѣ. У насъ нѣтъ для этого данныхъ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что такъ какъ въ составѣ нашего политическаго тѣла нѣтъ тѣхъ двухъ могущественныхъ высшихъ слоевъ, которые въ европейскихъ государствахъ сложились въ началѣ ихъ исторіи, опредѣлили ходъ ихъ развитія и формы ихъ гражданскаго, политическаго и хозяйственнаго быта, то намъ нечего и разсчитывать на эти слои, ожидать отъ нихъ того, что они дали Европѣ. Затѣмъ, у насъ изъ всѣхъ составныхъ слоевъ общества остается одинъ низшій, въ видѣ крестьянъ, по преимуществу земледѣльцевъ.

Съ этимъ выводомъ, вытекающимъ изъ всей нашей исторіи, доказаннымъ до ослѣпительной ясности событіями послѣднихъ двадцати лѣтъ, многіе никакъ не могутъ примириться. Что въ крестьянствѣ — ключъ нашего національнаго существованія, что въ немъ разгадка всѣхъ особенностей нашего политическаго, гражданскаго и экономическаго быта, что отъ матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго состоянія нашего крестьянства зависѣли и будутъ зависѣть успѣхи и развитіе всѣхъ сторонъ русской жизни и что потому на устройство и развитіе его должны быть направлены, прежде всего, всѣ усилія правительства и частныхъ лицъ,—эти мысли многимъ кажутся и, конечно, долго еще будутъ казаться дикими, эксцентричными, чуть-чуть не революціонными. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ однимъ изъ центральныхъ пунктовъ тѣхъ безчисленныхъ недоразумѣній, въ которыхъ путается русская мысль.

Какъ, скажутъ намъ, вы считаете возможнымъ, чтобы нація, имѣющая притязаніе на историческую роль, жила безъ высшихъ слоевъ, представляющихъ національное сознаніе, мысль, идеалы, культуру, направляющихъ ея внутренней и внѣшней жизнью, стремленіями и судьбами? Да гдѣ же видано что-нибудь подобное въ цѣлой исторіи? Гдѣ же, когда существовалъ подобный народъ?

Ничего подобнаго мы и не говоримъ. Мы вполнѣ понимаемъ и признаемъ, что народныя массы, а тѣмъ болѣе наши малоразвитые крестьяне, по преимуществу занимающіеся земледѣліемъ, не могутъ дать странѣ того, что̀ даютъ одни высшіе слои: правительственную среду, интеллигенцію, культуру, безъ которыхъ ни одинъ историческій народъ существовать не можетъ. Наша мысль совсѣмъ другая. Заключается она вотъ въ чемъ: до сихъ поръ, вездѣ высшіе слои народа противополагали себя народной массѣ, смотрѣли на себя какъ на какую-то особую отъ нея силу или элементъ національной жизни, имѣющій особливыя, независимыя отъ нея условія существованія. Вездѣ образованію такого взгляда существенно способствовали историческія обстоятельства, которыя его создали и поддерживали. Наша жизнь, вслѣдствіе нашихъ особыхъ историческихъ обстоятельствъ, напротивъ, сложилась такъ, что высшіе слои, которые у насъ такъ же существуютъ и такъ же необходимы, какъ и вездѣ, не имѣютъ ни условій, ни основаній противополагать себя народной массѣ, считать себя за какой-то особый, чуждый, посторонній ей элементъ, призванный подчинить ее своей власти и воспользоваться ею для какихъ бы то ни было своихъ особыхъ цѣлей. Каждый разъ, когда появлялись такія поползновенія, когда зачатки обособленныхъ высшихъ слоевъ пытались окрѣпнуть въ самостоятельныя, властныя организаціи въ народномъ составѣ, судьба имъ не благопріятствовала, ходъ исторіи постоянно и безпощадно уничтожалъ всѣ такіе зародыши. Сильное, могучее, вліятельное, промышленное и торговое сословіе оказалось у насъ столько же невозможнымъ, какъ и сильная, властная, родовая и поземельная ари-

стократія. Этотъ характеристическій фактъ русской исторіи и русской дѣйствительности, волей-неволей, приводитъ къ заключенію, что у насъ высшее общественное положеніе само по себѣ ничего не значитъ, что смыслъ его и значеніе состоятъ въ выраженіи національнаго генія, въ формулированіи и удовлетвореніи матеріальныхъ и духовныхъ нуждъ и потребностей націи. Эта роль, указанная волею судебъ и исторіи высшимъ слоямъ общества въ Россіи, заключается тоже въ своего рода „годности къ службѣ“, о которой говорилъ Петръ Великій, а совсѣмъ не въ годности къ господству и власти. Можно ли назвать такой взглядъ крайнимъ демократическимъ радикализмомъ, какъ назовутъ его, можетъ быть, иные, подыскивая ему соотвѣтствующій терминъ въ европейскомъ политическомъ лексиконѣ? Но въ жизни Европы вопросъ объ отношеніяхъ различныхъ слоевъ народа никогда не былъ поставленъ такъ, какъ онъ поставился у насъ, и потому напрасно было бы отыскивать у европейцевъ названія явленію, на которое мы указываемъ. Демократія и демократизмъ, радикальный и умѣренный, существуютъ тамъ, гдѣ народная масса, въ противоположность высшимъ слоямъ, представляетъ особый самостоятельный политическій принципъ и имѣетъ свой особенный интересъ. Къ этому народныя массы, рано или поздно, и приходятъ тамъ, гдѣ высшіе слои общества выдѣляются въ особую, самостоятельную силу, обособляются въ особый замкнутый въ себѣ интересъ, который противополагается всѣмъ прочимъ національнымъ интересамъ. Но у насъ, какъ мы старались показать, нѣтъ высшихъ слоевъ народа съ такимъ исключительнымъ положеніемъ. Откуда же у насъ взяться демократіи и какому бы то ни было демократизму? Для него у насъ нѣтъ почвы ни въ настоящемъ, ни въ историческихъ воспоминаніяхъ. Демократизмъ на русской почвѣ такъ же немыслимъ, какъ и аристократизмъ. Наши демократическія поползновенія и воззрѣнія суть только антиподъ нашимъ аристократическимъ фантазіямъ. Тѣ и другія доказываютъ только очень слабое развитіе русскаго національнаго самосознанія. Какъ только мы себя выразумѣемъ въ прошедшемъ и настоящемъ, демократизмъ и аристократизмъ исчезнутъ изъ нашего языка, какъ ихъ нѣтъ въ условіяхъ нашей дѣйствительности. Въ томъ-то и дѣло, что у насъ всѣ интересы, всѣ направленія, всѣ общественные слои, всѣ теоріи и воззрѣнія, всѣ общественныя положенія, словомъ, всѣ разнообразныя явленія русской жизни имѣютъ свой центръ тяжести въ крестьянствѣ, изъ него исходятъ и къ нему сходятся, но въ то же время демократическій принципъ совершенно чуждъ нашему соціальному строю.

Съ этою мыслью, при нашихъ ходячихъ воззрѣніяхъ и понятіяхъ, конечно, крайне трудно освоиться,—такъ мы привыкли подыскивать объясненія русскихъ фактовъ во всѣхъ когда-либо бывшихъ и теперь существующихъ политическихъ и соціальныхъ комбинаціяхъ, и признавать за первыми право гражданства только тогда, когда онѣ совершенно тожественны съ послѣдними. Но сравненіе и справка есть лишь приготовленіе къ самостоятельной работѣ мысли. Ссылка на авторитетъ того, что̀ было, какъ безапелляціонное рѣшеніе, есть пріемъ несовершеннолѣтняго сознанія. Надо критически провѣрить господствующія политическія и соціальныя теоріи, вездѣ и всегда выводимыя изъ исторіи и опыта. Чтобъ объяснить непонятныя явленія русской жизни, мало прикинуть къ нимъ готовую мѣрку и окрестить ихъ любымъ извѣстнымъ именемъ, какъ это безпрестанно у насъ практикуется; надо вдуматься въ факты въ ихъ общей живой связи и отыскать законъ, опредѣляющій смыслъ каждаго изъ нихъ отдѣльно, и формулу ихъ взаимныхъ отношеній, воздѣйствія ихъ другъ на друга. Сто̀итъ только съ нѣкоторымъ вниманіемъ обратиться къ фактамъ русской исторіи и русской современной жизни, чтобы тотчасъ же подмѣтить тѣсную ихъ зависимость отъ жизни и движеній не дѣйствующаго на первомъ планѣ, скрытаго отъ поверхностнаго взгляда, русскаго крестьянства. Однимъ фактомъ своего существованія, оно незримо и безъ нашего вѣдома служило и служитъ камертономъ и регуляторомъ нашей политической и соціальной жизни. Еще очень недавно никто не подозрѣвалъ существованія Нептуна; а онъ производитъ и всегда производилъ пертурбаціи въ ходѣ небесныхъ тѣлъ солнечной системы; никто не видитъ процессовъ пищеваренія и кровообращенія, а отъ нихъ зависятъ всѣ жизненныя отправленія тѣла и нормальная дѣятельность психическихъ способностей. Такова и роль народныхъ массъ въ политическихъ организмахъ. Онѣ живутъ трудомъ, по своему положенію вращаются почти исключительно въ тѣсномъ кругу своихъ ближайшихъ частныхъ

интересовъ и не имѣютъ ни охоты, ни досуга, ни необходимыхъ знаній, навыка и смысла, чтобы заниматься дѣлами, выходящими изъ ближайшей обычной сферы ихъ ежедневныхъ заботъ. Общія дѣла, высшіе интересы, широкая дѣятельность естественно и неизбѣжно находятся въ рукахъ высшихъ, т.-е. достаточныхъ и образованныхъ слоевъ народа. Ихъ выдающееся положеніе, выдающаяся роль остаются за ними безспорно и ненарушимо, пока они не обособятся въ особый интересъ, въ особое замкнутое тѣло, живущее своею особою жизнью. Какъ только появляются такія стремленія, какъ только начинаются попытки ихъ осуществить, въ народной жизни появляются признаки общественныхъ недуговъ, безпокойство, броженіе. Если причина, которая ихъ производитъ, не будетъ устранена во-время, болѣзнь начинаетъ рости; зарождается сперва глухая, а потомъ и открытая борьба народныхъ массъ противъ высшихъ классовъ. Какъ первыя себя обособляютъ отъ послѣднихъ, такъ и онѣ обособляютъ себя отъ первыхъ. Названіе „самодержавный народъ“ есть политическая фикція, созданная борьбою народныхъ массъ противъ высшихъ классовъ, которые обособились, политически или экономически, въ самостоятельное политическое тѣло и пользуются своимъ выдающимся положеніемъ и властью въ своемъ исключительномъ, сословномъ интересѣ, а не на пользу всего народа.

Вотъ чему учитъ исторія. Европа вывела эти уроки изъ собственнаго тяжкаго, кроваваго опыта. Въ ней поземельная аристократія, независимая отъ государства церковь и первые зародыши особаго средняго сословія сложились и кристаллизировались, когда политическихъ и соціальныхъ наукъ еще не существовало, и самые свѣтлые умы не могли предсказать, къ чему приведетъ изолированность различныхъ составныхъ элементовъ и факторовъ народной жизни. Когда въ Европѣ началась выработка правильной общественной и государственной жизни, не было и не могло быть понятія о томъ, что каждый изъ различныхъ слоевъ общества представляетъ лишь извѣстную функцію народной жизни,— такъ они были разобщены и жили каждый про себя, преслѣдуя свои частные, сословные интересы. Аристократія, церковь, какъ впослѣдствіи среднее сословіе, были наивно убѣждены, что онѣ — весь народъ, и всѣ остальные классы существуютъ для нихъ и ихъ блага. Для насъ, по особеннымъ нашимъ обстоятельствамъ, по ходу всей нашей исторіи, подобныя иллюзіи немыслимы; и слава Богу, что вступая въ гражданское совершеннолѣтіе, мы не имѣемъ надобности съ ними бороться и раздѣлываться! — Не демократическій принципъ, которому у насъ нѣтъ мѣста, какъ и аристократическому, а русскій національный интересъ, польза родины и государства, помимо всякихъ предвзятыхъ теорій, заставляютъ обратить всѣ помыслы, всѣ средства и усилія прежде всего на устройство, обезпеченіе и поднятіе у насъ крестьянства, такъ какъ отъ его матеріальнаго довольства, умственнаго развитія и нравственнаго состоянія больше всего зависитъ настоящее положеніе и будущія судьбы русскаго государства и русскаго народа. Хорошій или плохой бытъ нашихъ крестьянъ отзывается на всѣхъ насъ. Бѣдны они—и намъ никакъ не побогатѣть; живутъ они въ довольствѣ—оно распространяется и на насъ. Степенью умственнаго и нравственнаго состоянія и развитія крестьянъ опредѣлится и состояніе культуры во всѣхъ слояхъ русскаго общества, весь нашъ политическій и общественный бытъ и строй русскаго государства. Итакъ, чтобъ улучшить наше общее положеніе, теперь крайне незавидное, надо работать внизу надъ положеніемъ народныхъ массъ. Безъ его улучшенія, все, что̀ мы ни сдѣлаемъ, будетъ построено на пескѣ; первый вѣтеръ снесетъ какъ карточные домики все, надъ чѣмъ мы трудились, сколько бы живыхъ силъ, умѣнья, таланта и самоотверженія мы ни положили въ нашъ трудъ. Во всемъ, на каждомъ шагу, мы казнимся бѣдностью, невозможно низкою ступенью умственнаго образованія и нравственнаго развитія нашихъ крестьянъ, почти полнымъ отсутствіемъ въ нихъ азбучныхъ понятій о правильной гражданственности, поразительнымъ ихъ равнодушіемъ и пассивностью къ общественнымъ интересамъ, даже въ ближайшей ихъ обстановкѣ, и къ улучшенію собственнаго ихъ быта. Конечно, есть изъятія, но они только подтверждаютъ общее правило. Конечно, есть множество причинъ, которыя сдѣлали такимъ нашего крестьянина и теперь удерживаютъ его въ томъ же положеніи; но отъ этого ни ему, ни намъ, не легче. Надо всячески устранять эти причины. Безъ поднятія экономическаго быта крестьянъ, безъ ихъ умственнаго и нравственнаго развитія при ихъ те-

перешнихъ основахъ міросозерцанія и глубокомъ фатализмѣ, всѣ попытки къ лучшему не приведутъ ни къ чему.

Сужденіе о русскомъ народѣ, которое мы высказали, тоже найдетъ мало сочувствія. Оно покажется многимъ не-патріотичнымъ; найдутся читатели, которые упрекнутъ насъ, что мы смотримъ на русскій народъ свысока, глазами няньки или наставника, съ указкой въ одной рукѣ и розгой въ другой. Такія обвиненія, каковъ бы ни былъ ихъ источникъ, будутъ однимъ изъ безчисленныхъ недоразумѣній, которыми мы такъ богаты. Наши лучшіе люди такъ прислушались къ презрительному, высокомѣрному, безсердечному и недобросовѣстному отношенію къ крестьянину, что потеряли способность различать голосъ правды, и справедливо негодуя на клеветы и напраслины, которымъ такъ долго и такъ незаслуженно подвергался русскій народъ, ударились въ идиллическое превознесеніе его воображаемыхъ добродѣтелей и несуществующихъ качествъ. Но правда всего дороже, и ей должно принадлежать послѣднее слово въ разрѣшеніи вопросовъ дѣйствительной жизни. Самъ крестьянинъ считаетъ себя темнымъ человѣкомъ, называетъ себя „теменью непроглядною". Таковъ онъ и есть на самомъ дѣлѣ, такимъ надо его понимать, съ какимъ бы участіемъ и любовью мы на него ни смотрѣли. Мы приписываемъ ему разныя высокія христіанскія добродѣтели только вслѣдствіе смѣшенія фатализма съ смиреніемъ, равнодушія — съ покорностью велѣніямъ судьбы и промысла, природнаго добродушія простого человѣка — съ любовью, вытекающею изъ проникновенія христіанскимъ ученіемъ. Но между тѣмъ и другимъ нѣтъ ничего общаго, хотя бы первое и прикрывалось словами и терминами, заимствованными у послѣдняго. Восточное созерцаніе и отреченіе отъ міра можно только по недоразумѣнію признавать за власть и господство надъ страстями, или за стремленіе къ совершенству, которому учитъ евангеліе. Страдательное, равнодушное и безучастное отношеніе къ окружающему не имѣетъ и отдаленнаго сходства съ побѣдой надъ самомнѣніемъ, кичливостью и гордостью. Русскому крестьянину еще предстоитъ впереди проникнуться ученіемъ дѣятельной христіанской любви и дѣятельнаго нравственнаго совершенствованія.

Мы по возможности коснулись главнѣйшихъ возраженій противъ взгляда на крестьянскій вопросъ, какъ мы его понимаемъ. Читатели разсудятъ, правы мы или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, ни этотъ и никакіе другіе коренные, основные вопросы русской жизни не могутъ быть рѣшены правильно при помощи тѣхъ трафареточныхъ взглядовъ, которыми мы запасаемся въ архивахъ нашего и чужого прошедшаго. Они видимо уже обветшали и безъ сильной, основательной критической провѣрки не могутъ болѣе примѣняться къ нашимъ обстоятельствамъ и условіямъ. У насъ, какъ и въ Европѣ, жизнь прокладываетъ новые, неизвѣстные еще пути, открываетъ невиданныя доселѣ перспективы. Примѣняя къ новымъ явленіямъ и задачамъ старые, рутинные пріемы, мы, въ ущербъ себѣ, задерживаемъ понапрасну ходъ дѣйствительной жизни, или тратимъ безполезно силы на борьбу съ нимъ. Правильная оцѣнка и постановка крестьянскаго вопроса требуетъ, какъ мы старались показать, коренного переворота въ нашихъ ходячихъ воззрѣніяхъ, представляющихъ пеструю смѣсь унаслѣдованныхъ и заимствованныхъ предразсудковъ, политическихъ и соціальныхъ суевѣрій, бокъ-о-бокъ съ какими-то неопредѣленными стремленіями и неясными мечтами. Со всѣмъ этимъ нужно разстаться, и чѣмъ скорѣе мы это сдѣлаемъ, тѣмъ лучше.

X.

Способы къ успѣшному проведенію крестьянской реформы.

Пока мы между собою споримъ и не можемъ столковаться въ основныхъ вопросахъ, жизнь идетъ своимъ путемъ, выводя, поочередно, безъ спроса съ нами, явленія въ извѣстной исторической послѣдовательности. Такую центральную русскую задачу, каково поднятіе матеріальнаго быта, умственнаго и нравственнаго состоянія крестьянъ, нельзя ни отдалить, ни заговорить никакими софизмами и парадоксами. Разные факты, крупные и мелкіе, съ виду незначительные, показываютъ, что эта задача назрѣваетъ и въ скоромъ времени выдвинется на первый планъ, назойливо требуя безотлагательнаго рѣшенія. Готовы ли мы къ тому или нѣтъ, способны ли взять дѣло въ свои руки и вести его или неспособны, — передъ этимъ жизнь, дѣйствительность, развитіе останавливаться не станутъ.

Правительству первому придется вѣдаться съ этой задачей практически и такъ или

иначе отвѣтить на великую государственную и національную нужду. Нельзя не предвидѣть, что это дѣло, обнимая почти всѣ стороны народной жизни, по своей обширности и многосторонности, будетъ несравненно труднѣе великаго правительственнаго и народнаго акта, который двадцать лѣтъ тому назадъ ему предшествовалъ. На совершеніе этого новаго дѣла потребуются всѣ матеріальныя, умственныя и нравственныя силы страны, такъ какъ рѣчь будетъ идти о коренномъ перерожденіи всего русскаго народа и окончательной выработкѣ основъ его дальнѣйшаго экономическаго, гражданскаго и духовнаго существованія и развитія.

Когда разъ мысль о крестьянской реформѣ созрѣетъ и при участіи всѣхъ живыхъ умственныхъ силъ страны получитъ опредѣленную выработанную форму, настанетъ время осуществить ее въ дѣйствительности, во всѣхъ подробностяхъ.

Какъ этого достигнуть съ устраненіемъ тѣхъ прискорбныхъ, вольныхъ и невольныхъ ошибокъ и нарушеній, которыя омрачили, при практическомъ примѣненіи, великую реформу крестьянскаго быта въ шестидесятыхъ годахъ?

Разрѣшеніе этого вопроса чрезвычайно трудно,—гораздо труднѣе, чѣмъ опредѣлить главныя основанія и самыя подробности преобразованія; а между тѣмъ все его значеніе и его благотворныя послѣдствія будутъ существенно зависѣть отъ правильнаго и строго-добросовѣстнаго примѣненія въ дѣйствительности.

Трудности осуществленія коренной крестьянской реформы зависятъ у насъ, главнымъ образомъ, отъ свойства и характера установившихся на практикѣ пріемовъ нашей администраціи, отъ умственнаго и нравственнаго состоянія всѣхъ классовъ русскаго общества и отъ крайне низкой степени развитія крестьянъ.

Провести коренную крестьянскую реформу посредствомъ однихъ административныхъ органовъ немыслимо; да объ этомъ едва-ли кто теперь и думаетъ. Устраняя здѣсь совершенно вопросъ о разныхъ недостаткахъ нашего административнаго механизма, замѣтимъ, что характерная черта всякой администраціи, хотя бы и наилучшей, заключается въ болѣе или менѣе безпощадномъ примѣненіи формы. Эта черта вытекаетъ изъ самаго существа администраціи и смягчается другими отправленіями государственной и общественной жизни, высшими общими правительственными соображеніями, судомъ, правами и культурой. Сама по себѣ администрація формальна и безпощадна, какъ всякій механизмъ, исполняющій свое дѣло. Но именно это его свойство дѣлаетъ невозможнымъ провести, посредствомъ одной лишь администраціи, какое бы то ни было живое дѣло, требующее осторожнаго обращенія съ живыми лицами и фактами, примѣняясь къ ихъ особенностямъ и индивидуальнымъ свойствамъ. Въ Россіи характерная односторонность административныхъ пріемовъ еще осложняется и увеличивается присущими ей у насъ недостатками—неудовлетворительностью личнаго административнаго состава, несовершенствами административной организаціи и уставовъ, опредѣляющихъ дѣятельность административнаго механизма.

Не лучше и наша общественная организація. У насъ очень распространено мнѣніе, что обращеніе правительства къ общественнымъ силамъ могло бы дать странѣ то, чего не даетъ администрація и бюрократія. Въ примѣненіи къ выработкѣ правительственной программы, органическихъ законоположеній и важнѣйшихъ административныхъ мѣръ, мнѣніе это совершенно вѣрно. Но приведеніе въ исполненіе коренной реформы, въ особенности крестьянской, исключительно, или хотя бы только преимущественно при помощи общества и органовъ общественнаго управленія, точно такъ же немыслимо, какъ и посредствомъ одной администраціи, хотя по другимъ причинамъ. Первая изъ нихъ — та же самая, которая тормозитъ и выясненіе важнѣйшихъ русскихъ задачъ и вопросовъ, а именно, крайнее разнообразіе мнѣній и взглядовъ, не успѣвшихъ еще сложиться въ ясныя, болѣе или менѣе опредѣленныя направленія общественной мысли, безчисленныя недоразумѣнія, дробящія русскую мысль на мелкіе кружки и котеріи, которые не имѣютъ между собою ничего общаго и живутъ въ постоянной враждѣ. Эта крайняя разрозненность волей-неволей переносится и въ веденіе общественныхъ дѣлъ и имѣетъ весьма неблагопріятное вліяніе на ихъ ходъ; въ примѣненіи же къ коренной государственной реформѣ, которая при своемъ осуществленіи прежде и больше всего требуетъ единства направленія въ общемъ и подробностяхъ, она могла бы имѣть самыя печальныя послѣдствія.

Но этого мало. Наша общественная организація, земская и сословная, благодаря кореннымъ ея недостаткамъ, не представляетъ собою даже мнѣній и интересовъ большинства. Частные, личные и случайные интересы безпрестанно въ нее врываются и въ ней господствуютъ, свободно распоряжаясь всѣми дѣлами и общественной кассой. Общественныя дѣла, въ большинствѣ случаевъ, ведутся у насъ крайне дурно. Какъ же ожидать, чтобы государственное дѣло, идущее въ разрѣзъ съ нѣкоторыми интересами, было приведено въ исполненіе какъ слѣдуетъ тѣми органами, которые оказываются на дѣлѣ негодными даже для представленія интересовъ земскаго или сословнаго большинства и правильнаго веденія общественныхъ дѣлъ?

Что касается до самихъ крестьянъ, то отъ нихъ, по низкой степени ихъ культуры, по совершенной ихъ неопытности въ дѣлахъ общественныхъ внѣ предѣловъ села или деревни, нельзя ожидать никакого полезнаго участія въ проведеніи на мѣстахъ крестьянской реформы. Мало того, въ рѣдкихъ только случаяхъ, въ видѣ отраднаго изъятія, они позаботятся сами вникнуть въ смыслъ реформы и сознательно пойдутъ ей на встрѣчу; огромное большинство отнесется къ ней пассивно и равнодушно, подчинится новымъ порядкамъ такъ же безучастно, какъ подчиняется заведеннымъ теперь, и снесетъ, безъ жалобъ и протестовъ, обиды, несправедливости и злоупотребленія непосредственныхъ исполнителей преобразованія, когда они здѣсь и тамъ будутъ встрѣчаться, въ полной увѣренности, воспитанной и вскормленной вѣками гнета и притѣсненій, что правды не добьешься нигдѣ, и мужику на роду написано ее не видать какъ своихъ ушей. У насъ мало выполнить реформу, а надо еще и наблюсти, чтобы тотъ, въ пользу кого она сдѣлана, не былъ ею, или по ея поводу, обиженъ, потому что самъ онъ, въ большинствѣ случаевъ, не подастъ объ этомъ голоса, въ увѣренности, что такъ тому и быть должно, и изъ боязни, что пожалуешься, выйдетъ пожалуй еще хуже.

При неудовлетворительности органовъ, чрезъ которые должна быть проведена крестьянская реформа, при слабости и невыработанности естественной внушительной повѣрки правильности ихъ дѣйствій—голоса самихъ заинтересованныхъ въ точномъ и справедливомъ его примѣненіи, — необходимо придумать коррективъ, достаточно сильный и дѣйствительный, чтобъ обезпечить и государству, и народнымъ массамъ, дѣйствительное выполненіе закона по его буквѣ и духу.

Такимъ коррективомъ могло бы служить участіе въ крестьянской реформѣ всѣхъ людей въ государствѣ, сочувствующихъ дѣлу, въ составѣ правильно организованнаго общества, примыкающаго въ своей дѣятельности къ высшимъ правительственнымъ сферамъ. Всѣ искренно преданные крестьянскому дѣлу люди, разсѣянные по лицу имперіи, не входящіе въ составъ административныхъ и общественныхъ органовъ и дѣятелей реформы, могли бы принять дѣятельное, хотя и косвенное участіе въ ея осуществленіи, въ качествѣ членовъ такого общества. Единственной задачей его должно быть ни больше, ни меньше, какъ содѣйствіе правильному, точному и справедливому приведенію въ исполненіе крестьянской реформы въ тѣхъ предѣлахъ и въ томъ направленіи, какъ она задумана правительствомъ и выражена въ изданныхъ имъ съ этою цѣлью законахъ и постановленіяхъ. Содѣйствіе общества реформѣ главнымъ образомъ должно заключаться въ наблюденіи за примѣненіемъ ея на мѣстахъ. Не имѣя права прямо вмѣшиваться въ дѣйствія правительственныхъ и общественныхъ органовъ, которымъ поручено ея введеніе, оно должно быть уполномочено знать, что̀ дѣлается, доставлять свои свѣдѣнія и выражать свой взглядъ на то и другое дѣло и возбуждать, въ законномъ порядкѣ, преслѣдованіе за нарушеніе законовъ и постановленій, относящихся къ реформѣ. Но чтобы дѣйствительно принести пользу своею дѣятельностью, общество само должно съ особенною разборчивостью выбирать своихъ членовъ, агентовъ и корреспондентовъ, и тщательно исключать изъ своей среды, какъ тѣхъ, которые только принимаютъ на себя личину сочувствія, на самомъ же дѣлѣ суть тайные враги реформы, такъ и тѣхъ, которые, изъ какихъ бы то ни было побужденій, не желаютъ строго сообразоваться съ цѣлью общества и вздумали бы выдти изъ предѣловъ реформы, указанныхъ правительствомъ. Одной изъ главнѣйшихъ обязанностей членовъ общества должно быть публичное наблюденіе другъ за другомъ, чтобы въ этомъ отношеніи оно не подвергалось никакимъ нареканіямъ, и чтобы личный его составъ вполнѣ

и во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовалъ своему назначенію.

Кромѣ того, общество должно быть уполномочено, для достиженія цѣлей реформы, требующей значительныхъ денежныхъ средствъ, собирать и принимать пожертвованія и употреблять ихъ на прикупку для крестьянъ земли, гдѣ это необходимо, на устройство школъ, фермъ, библіотекъ, учительскихъ семинарій и т. п. Какъ личный составъ, такъ и всѣ дѣйствія и распоряженія общества должны быть извѣстны высшему правительству. Архивы его и переписка должны быть для него всегда открыты.

Подобная организація частныхъ живыхъ силъ, не призванныхъ къ осуществленію реформы, но сочувствующихъ ей и дѣйствующихъ рука объ руку съ высшимъ правительствомъ, въ духѣ его программы, послужила бы могущественнымъ орудіемъ крестьянской реформы и не дала бы ей застрять въ бумажной перепискѣ, отъ неумѣнья или недобросовѣстности исполнителей и незаконнаго вторженія въ общественное и государственное дѣло частныхъ, своекорыстныхъ интересовъ. Изъ состава общества, люди способные, знающіе, практическіе и добросовѣстные, но дотолѣ вовсе неизвѣстные правительству, могли бы впослѣдствіи быть приняты имъ въ коронную службу и пополнить составъ служащихъ достойными лицами. Этимъ же путемъ высшее правительство могло бы ближе и подробнѣе ознакомиться съ дѣятельностью и характеромъ своихъ ѐргановъ, помимо оффиціальной переписки и бумагъ, которыя нерѣдко болѣе затемняютъ, чѣмъ выясняютъ то, что̀ есть на самомъ дѣлѣ. Такъ произошло бы то, во всѣхъ отношеніяхъ желанное, сближеніе и взаимодѣйствіе оффиціальной дѣятельности и неоффиціальныхъ стремленій и направленій русской жизни, которыхъ разъединеніе, а нерѣдко и полный разладъ, составляютъ основную тему всѣхъ неудовольствій и жалобъ и по всей справедливости могутъ быть названы слабой стороной русской публичной жизни.

Многіе найдутъ мысль о такомъ обществѣ неосуществимой, забывая или не зная, что послѣдняя цѣль и задача всевозможныхъ учрежденій, государственныхъ и общественныхъ, сколько ихъ ни есть и ни было, всегда заключались въ такомъ сочетаніи всѣхъ силъ, стремленій, сторонъ и отправленій общества или государства, которое приводило бы ихъ къ возможному единству и гармоніи. Къ этому должны идти и мы, если наши виды и надежды на историческую роль и значеніе —не пустыя слова или вздорная мечта. Вся разница между народами и государствами, призванными жить и имѣющими будущность, состоитъ только въ томъ, что они различными путями и способами достигаютъ гармоническаго сочетанія своихъ составныхъ элементовъ и функцій. Если различныя историческія, національныя и бытовыя особенности русскаго государства и народа лишаютъ его возможности достигнуть этой послѣдней главной цѣли тѣми путями, которыми шли къ ней другіе народы, то надо искать другихъ путей, возможныхъ и примѣнимыхъ у насъ. Такимъ ближайшимъ, сподручнымъ и легко осуществимымъ представляется намъ организація, рядомъ съ оффиціальными ѐрганами, частныхъ силъ, подъ верховнымъ водительствомъ государства, призывъ ихъ къ публичной дѣятельности въ условіяхъ, благопріятныхъ для правильнаго разрѣшенія государственныхъ и общественныхъ вопросовъ, стоящихъ на очереди. Такое привлеченіе частныхъ силъ на службу государству не было бы у насъ чѣмъ-либо новымъ. Забота частныхъ лицъ о бѣдныхъ послужила основаніемъ для созданія Человѣколюбиваго общества. Заботы частныхъ же лицъ о распространеніи духовнаго просвѣщенія въ народѣ, о призрѣніи дѣтей, о содержаніи арестантовъ, о созданіи черноморскаго и добровольнаго флотовъ, рельсовыхъ путей и множества другихъ подобныхъ общеполезныхъ предпріятій представляютъ, по крайней мѣрѣ представляли при началѣ своемъ, обращеніе частныхъ средствъ и добровольныхъ усилій на пользу государства и общества. Но эта давняя мысль до сихъ поръ не получила соотвѣтствующей ей формы. Организаціи частныхъ добровольныхъ силъ и средствъ на общую и государственную пользу то вырождались въ правительственныя учрежденія и замирали, то искусственно вызывались самимъ правительствомъ и были на самомъ дѣлѣ правительственными учрежденіями, подъ фирмою частныхъ и добровольныхъ. Съ успѣхами образованія, съ расширеніемъ круга интересовъ, съ развитіемъ общественнаго духа и направленія, потребность въ организаціи частныхъ силъ для достиженія разнообразнѣйшихъ общеполезныхъ цѣлей выразилась въ учрежденіи безчисленнаго множества частныхъ обществъ, дѣй-

ствующихъ самостоятельно въ предѣлахъ своихъ уставовъ и приносящихъ громадную пользу. Такимъ образомъ, и почва, и самыя формы для общества, о которомъ мы говоримъ, уже подготовлены и выработаны; съ самою мыслью о привлеченіи частныхъ силъ и средствъ на службу общественному дѣлу русское общество успѣло вполнѣ освоиться. То, что мы предлагаемъ, было бы лишь возобновленіемъ въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ и посреди сравнительно гораздо болѣе зрѣлаго и развитаго общества, опытовъ, начатыхъ безъ ясной, обдуманной мысли еще въ царствованіе Александра 1-го. Мы убѣждены, что крестьянская реформа въ минувшее царствованіе была бы осуществлена успѣшнѣе и привела бы къ болѣе плодотворнымъ результатамъ, еслибъ наличныя тогда частныя живыя силы, которыхъ было не мало, были организованы въ общество и могли дѣйствовать на пользу крестьянскаго дѣла, опираясь на высшее правительство. Такъ или иначе, но мы не можемъ представить себѣ въ будущемъ ни одной глубокой коренной реформы въ Россіи безъ дѣятельнаго участія въ ея начертаніи и проведеніи всѣхъ живыхъ силъ народа,—и чѣмъ далѣе, тѣмъ это участіе будетъ необходимѣе для пользы государства и самого правительства.

Все вышеизложенное нами, при первомъ своемъ появленіи въ свѣтъ, въ видѣ ряда статей въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ, вызвало замѣчанія, а отчасти и возраженія въ періодической печати. Особеннымъ вниманіемъ почтила насъ редакція извѣстной рижской газеты: „Zeitung für Stadt und Land“; мы отвѣчали ей въ свое время, и теперь, пользуясь случаемъ отдѣльнаго изданія нашихъ статей, приведемъ въ заключеніе тотъ отвѣтъ, которымъ мы старались объяснить недоразумѣнія, вызванныя нашими взглядами и разсужденіями. Очень возможно, что такія недоразумѣнія могли найти себѣ мѣсто не въ однихъ нашихъ читателяхъ на окраинахъ Россіи, но также и въ центрѣ ея.

Вотъ текстъ нашего письма въ упомянутую редакцію:

М. Г.—Примите мою искреннѣйшую благодарность за присылку №№ 298 и 299 вашей уважаемой газеты. Просвѣщенное вниманіе и полное безпристрастіе, съ которымъ Вы слѣдили за мыслями о крестьянскомъ вопросѣ, изложенными въ длинномъ рядѣ моихъ статей, и передавали ихъ Вашимъ читателямъ, налагаютъ на меня обязанность войти въ нѣкоторыя разъясненія по предметамъ, возбудившимъ въ Васъ недоумѣнія. Эта обязанность представляется мнѣ въ особенности настоятельной въ виду того, что Вы принадлежите къ остзейскому краю и издаете Вашу газету на нѣмецкомъ языкѣ, доступномъ всему образованному европейскому міру. Для меня лично и безъ сомнѣнія для всѣхъ моихъ просвѣщенныхъ земляковъ чрезвычайно важно, чтобы наши сограждане другой вѣры и національности вполнѣ ясно знали и понимали, что мы думаемъ и чего желаемъ, безъ малѣйшихъ недоразумѣній, которыя весьма прискорбны, а тѣмъ болѣе между членами одного политическаго тѣла. Съ другой стороны, съ чисто отвлеченной и теоретической точки зрѣнія весьма нежелательно, чтобы стремленія извѣстной части русской публики сдѣлались извѣстны европейскимъ читателямъ съ оттѣнкомъ, котораго они на самомъ дѣлѣ не имѣютъ.

Прежде всего, позвольте устранить важнѣйшее изъ всѣхъ недоразумѣній, вызванныхъ въ Васъ моими статьями. Судя по нѣкоторымъ мѣстамъ Вашего разбора, Вы, кажется, полагаете, что я всѣ свои взгляды свожу, въ концѣ концовъ, къ національному вопросу. Но я весьма далекъ отъ этого. По моимъ понятіямъ, крестьянство есть общественный типъ, вездѣ, въ цѣломъ мірѣ имѣющій свою особую физіономію, свою характеристику, свои общія, родственныя черты, несмотря на различіе національностей, вѣроисповѣданій, соціальнаго быта, рода занятій и степени культуры. Какъ горожане, аристократы, духовенство, военные, бюрократы, судьи, ученые, художники, медики и т. д., имѣютъ, во всѣхъ европейскихъ странахъ, общія каждому изъ этихъ общественныхъ положеній характерныя черты и отличія отъ другихъ, такъ и крестьяне. Меня это всегда поражало во время моихъ поѣздокъ за границу. Въ 1863 году, въ Базелѣ, одинъ изъ профессоровъ, которому я разсказывалъ о нашихъ крестьянахъ, замѣтилъ: „да это совершенно то же, что и наши мужики“. Въ мѣстѣ, занимаемомъ крестьянствомъ въ соціальномъ бытѣ и строѣ, и заключается, по моему глубокому убѣжденію, ключъ къ объясненію рѣзкихъ различій между западной Европой и нами. Какъ истинный европеецъ, Вы смотрите на мужика не какъ на соціальнаго фактора, соціальный элементъ, а какъ на невѣжду, некультурнаго человѣка, и приписываете всѣ наши непорядки тому, что мы отстали отъ западной Европы въ образованіи на двѣсти лѣтъ; что культурный элементъ, благодаря громадному перевѣсу некультурной массы, подавленъ; что, благодаря тому же обстоятельству наши политическія формы находятся въ зачаточной формѣ. Вы тысячу разъ правы, констатируя факты, и конечно не я стану объ этомъ съ Вами спорить. Но изъ-за общей совершенно вѣрной оцѣнки нашего политическаго и соціальнаго положенія, Вы, мнѣ кажется, просмотрѣли его главную причину, а причина и заключается въ иной совсѣмъ постановкѣ у насъ соціальныхъ элементовъ, чѣмъ въ остальной Европѣ. Какъ человѣкъ просвѣщенный, Вы знаете, что и въ дикой странѣ можетъ не быть самодержавія, можетъ существовать сильная ари-

стократія поземельная или родовая, могучія свободныя общины, съ патриціатомъ во главѣ, сильныя жреческія касты, имѣющія перевѣсъ надъ свѣтской властью. Римскіе цесари и французскіе императоры, ищущіе опоры въ народныхъ массахъ, чтобы господствовать надъ высшими классами и интеллигенціей, выросли, какъ извѣстно, на почвѣ долговременной и ожесточенной борьбы сословій. Было ли когда-нибудь что-либо подобное у насъ,— я хочу сказать: въ московскомъ государствѣ, въ Великороссіи, изъ которой выросла Россійская имперія? Зачатки аристократіи, общинъ, церкви, въ смыслѣ общественныхъ и политическихъ факторовъ, конечно, были, но они атрофировались; а крестьянство, которое въ Европѣ (кромѣ скандинавскихъ странъ) было затерто и до сихъ поръ не играетъ, какъ общественный факторъ, никакой роли, у насъ сохранилось, представляетъ въ нашемъ понятіи народъ, и съ каждымъ годомъ, все болѣе и болѣе выступаетъ на первый планъ и въ заботахъ правительства, и во взглядахъ мыслящаго меньшинства. Крестьянство у насъ пока—громадный вліятельнѣйшій общественный и политическій фактъ; но недалеко время, когда этотъ фактъ будетъ осмысленъ и станетъ у насъ политическимъ и общественнымъ принципомъ.

Вотъ эту нашу особенность мнѣ и хотѣлось освѣтить. Можетъ быть, попытка оказалась неудачной, какъ по моему неумѣнью справиться съ задачей, такъ въ особенности по новости самой темы. Но что въ этомъ пунктѣ заключается весь интересъ русской исторіи и наше право на историческое значеніе—въ этомъ я убѣжденъ глубоко. У насъ народъ не есть горожанинъ, а крестьянинъ. Вотъ явленіе совершенно новое, не бывалое во всемірной исторіи. Передовые политическіе и соціальные мыслители Германіи указываютъ на четвертое сословіе, выступающее на сцену всемірной исторіи съ требованіемъ признанія и правъ; но подъ четвертымъ сословіемъ они разумѣютъ рабочихъ. А что такое рабочіе какъ не продолженіе, низшая ступень горожанъ и городского типа? Я же думаю, что дѣйствительно новое четвертое сословіе представляетъ соціальный типъ, еще никогда не игравшій никакой роли въ исторіи,—типъ сельскаго жителя, земледѣльца, крестьянина. Эту мысль я развивалъ еще въ 1863 году, въ Боннѣ, въ кружкѣ профессоровъ.

И чѣмъ больше я думалъ и наблюдалъ, тѣмъ больше въ ней утверждался. Въ такомъ взглядѣ нѣтъ ничего исключительно узко-національнаго. Крестьянинъ для меня соціальный типъ и принципъ, какой бы онъ ни былъ національности. Капскій боеръ, нѣмецкій Михель, французскій Жакъ, пошехонецъ и пензякъ представляются мнѣ видоизмѣненіями, разновидностями одного и того же генерическаго понятія. Я русскій патріотъ лишь настолько, насколько въ моихъ надеждахъ и предвидѣніяхъ крестьянскій типъ и его развитіе связаны съ историческими судьбами русскаго государства и русскаго народа, насколько мое отечество, какъ безсознательный пока носитель этого принципа, способно развить его—и тѣмъ получить право на значеніе и роль во всемірной исторіи. Безъ такого значенія, Россія не имѣетъ, въ моихъ глазахъ, никакого смысла; ибо всѣ другіе соціальные типы несравненно лучше, полнѣе, блистательнѣе развились въ античномъ мірѣ и въ новыхъ европейскихъ государствахъ.

Кромѣ того, вы ставите мнѣ въ вину, что я будто бы знать не хочу тѣхъ основныхъ политическихъ формъ, которыя, необходимо возникая изъ развитія человѣчества въ теченіе тысячелѣтій, постоянно возвращаются и получили значеніе опредѣляющихъ нормъ. Въ Вашихъ глазахъ, онѣ имѣютъ общечеловѣческое значеніе, обязательное для всѣхъ временъ и народовъ. Разныя ихъ примѣненія, по Вашему мнѣнію, не болѣе какъ ихъ видоизмѣненія, и въ моихъ взглядахъ Вы усматриваете химерическую попытку, изъ-за нашихъ мѣстныхъ особенностей, выбросить за бортъ то, что лежитъ въ основаніи всѣхъ человѣческихъ обществъ, какъ необходимое общее условіе ихъ политическаго существованія.

И эти обвиненія вытекаютъ изъ важнаго недоразумѣнія. Вы, мнѣ кажется, недовольно обобщаете основныя формы общественнаго и политическаго общежитія и вносите въ нихъ значительную долю содержанія, выработаннаго особенностями жизни древнихъ и новыхъ европейскихъ народовъ, придавая ему,—по моему, несправедливо—общечеловѣческое, всемірное значеніе. Нельзя себѣ представить политическаго общества безъ власти, суда, управленія, законовъ письменныхъ или освященныхъ обычаемъ, общественныхъ классовъ и группъ, учрежденій, финансовъ, военныхъ силъ, и т. п. Вотъ такія только обобщенія и могутъ быть признаны за всемірныя, общечеловѣческія нормы. Какъ только Вы попробуете опредѣлить ихъ точнѣе, положительнѣе, тотчасъ то или другое государство не подойдетъ подъ опредѣленіе, и оно, слѣдовательно не можетъ же быть названо нормой. Объясняю свою мысль примѣромъ. Всѣ люди имѣютъ по двѣ ноги и руки, по одной головѣ, носу, рту, по парѣ глазъ и ушей и т. д. Попробуйте опредѣлить эти общіе признаки точнѣе, скажите, напримѣръ, что волосы на головѣ русые или свѣтлые, глаза голубые или черные, ротъ маленькій или широкій и т. д.,—и Вы тотчасъ же опредѣлите признаки не человѣка вообще, а арійца, монгола, или француза, испанца, нѣмца, русскаго и т. д. То же самое представляютъ и условія политическаго и общественнаго существованія государствъ. Въ каждомъ, непремѣнно, всѣ такія условія непремѣнно будутъ на лицо, но при различныхъ ихъ комбинаціяхъ они являются въ формахъ до того различныхъ, что иногда трудно, почти невозможно ихъ узнать и подмѣтить ихъ однородныя черты и свойства. Припомните только древнія греческія государства въ разныя эпохи ихъ развитія, Римъ въ періодъ царей, республики и имперіи, новыя варварскія государства, возникшія на ея развалинахъ, имперію Карла Великаго, феодальныя государства, монархіи абсолютныя и конституціонныя, наполеоновскій цезаризмъ и республики европейскія и американскія, кастовое, военное, жреческое устройство восточныхъ царствъ. Что, спрашивается, общаго между этими различными видами организованнаго человѣческаго общежитія? Какія опредѣленныя общія нормы, кромѣ однихъ лишь условій политическаго существованія, можно въ нихъ подмѣтить? Во всѣхъ перечисленныхъ видахъ государствъ мы находимъ,

между прочимъ, высшіе и низшіе классы; но какая громадная разница въ ихъ характерѣ, роли, въ ихъ взаимныхъ комбинаціяхъ въ разныхъ государствахъ, даже въ одномъ и томъ же государствѣ, въ періоды его развитія. Крестьянство, отличающееся рѣзкими характеристическими чертами отъ всѣхъ другихъ, никогда и нигдѣ не входило въ политическія комбинаціи, кромѣ Скандинавіи. Представьте же себѣ государство, въ которомъ этотъ общественный элементъ есть почти единственный, во всякомъ случаѣ главный, первенствующій, чего до сихъ поръ нигдѣ и никогда не бывало, какъ нѣкогда, при господствѣ аристократовъ и патриціевъ, никому и на мысль не приходило, что наступитъ время, когда глубоко презираемые средніе и низшіе слои ихъ переростутъ и займутъ ихъ мѣсто: очевидно, что при такой соціальной и политической комбинаціи другіе общественные элементы и условія политической и общественной жизни не исчезнутъ, но явятся въ совершенно другихъ сочетаніяхъ, получатъ совсѣмъ другой характеръ, займутъ въ политической и общественной жизни совсѣмъ не то мѣсто, какое имѣли въ прежнихъ и имѣютъ въ теперешнихъ политическихъ и общественныхъ формаціяхъ, въ которыхъ крестьянство не играло рѣшительно никакой роли и только служило матеріаломъ, подножіемъ, каріатидой.

Возможность такой небывалой и невиданной еще комбинаціи Васъ пугаетъ? Въ Вашихъ опасеніяхъ она представляется господствомъ грубой невѣжественной массы, съ дикой, полуазіятской деспотіей во главѣ. Судя по тѣмъ комбинаціямъ, которыя Вы знаете и которыя Вамъ представляются нормальными условіями, опредѣляющими всякую правильно-устроенную общественность, не можетъ быть ни порядка, ни свободы, безъ высшаго или средняго образованнаго сословія, смягчающаго и взнуздывающаго произволъ власти.

У насъ такого высшаго или средняго сословія нѣтъ; но я, говоря по правдѣ, объ этомъ не горюю. Не то, чтобъ я не желалъ, подобно Вамъ, законнаго порядка, свободы, обезпеченія правъ, обузданія произвола; но исторія учитъ меня, что вездѣ, гдѣ исторически сложившіяся высшія и среднія сословія становились участниками государственной власти, они, правда, ограничивали произволъ, но въ свою, а не всенародную пользу, вносили въ веденіе общественныхъ и государственныхъ дѣлъ свои ближайшіе сословные интересы, и тѣмъ, въ значительной степени, ослабляли въ дѣйствительности несомнѣнную правильность теоріи. Я не виню ихъ за это, но только констатирую фактъ. Когда исторически власть была ограничена, сословія, положившія на нее узду и подчинившія народныя массы своему господству, не имѣли тѣхъ взглядовъ на народъ и государство, какіе мы теперь имѣемъ, и отождествляя себя и свои интересы съ государствомъ и народомъ, поступали вполнѣ добросовѣстно, по крайнему своему разумѣнію. Въ наше время и послѣ столькихъ опытовъ, подобныя иллюзіи не мыслимы. Теорія государственнаго устройства и власти, которую лучшіе умы носятъ въ своемъ убѣжденіи, неосуществима при помощи исторически образовавшихся типовъ высшаго и средняго сословія. Мы же, вдобавокъ, ихъ не имѣемъ, а потому, еслибъ и хотѣли, не можемъ на нихъ разсчитывать. Мнѣ рисуется въ будущемъ, для моей родины, тотъ же идеалъ законнаго порядка, свободы и гарантій, какъ и Вамъ, но въ другихъ формахъ и съ другими путями для его достиженія. Я вижу впереди мою родину необозримымъ моремъ осѣдлаго, свободнаго, трудящагося, благоустроеннаго крестьянства, съ сильною центральною властью, обставленною высшей интеллигенціей, постоянно вырабатываемой страною, но не составляющей ни юридически, ни экономически привилегіи какого бы то ни было класса, сословія или общественной группы. Преобладаніе осѣдлаго, свободнаго крестьянства, представляемаго безсословной интеллигенціей, исключаетъ возможность господства черни и ея послѣдствій—цесарской власти, политическаго авантюрьерства, ограбленія богатыхъ въ пользу бѣдныхъ, нетерпимости религіозной или національной, ибо такія явленія, вытекающія изъ преобладанія бездомной черни, суть результатъ глубокаго разстройства соціальнаго быта народныхъ массъ. Вы, пожалуй, назовете мои надежды и упованія—несбыточной мечтой, особенно въ виду настоящей нашей печальной дѣйствительности, которая гораздо больше напоминаетъ Францію передъ великой революціей, или временъ послѣдней имперіи, но на самомъ дѣлѣ никакого такого сходства нѣтъ. Оно намъ представляется только потому, что и Вы, и мы сами смотримъ на Россію сквозь европейскіе очки, и мы до того давно, долго и усердно занимались переодѣваньемъ въ европейскіе костюмы, что наконецъ ввели въ заблужденіе себя и другихъ. Россія, какъ еще недавно замѣтилъ А. Леруа-Болье,—страна противорѣчій. Наши природные задатки влекутъ насъ на одинъ путь, а примѣръ и образецъ народовъ, у которыхъ мы учились и учимся,—на другой. Отсюда—наша безтолочь и безсмыслица, на каждомъ шагу, темныя чаянія какой-то особенной задачи, за рѣшеніе которой не умѣемъ взяться, безплодная трата силъ по пустому, потуги, производящія мышей; за все это Вы, европейцы, считаете насъ азіятами, варварами, некультурнымъ народомъ, который случайно выросъ въ громадную державу на погибель европейской культуры. Ваши предубѣжденія разсѣятся, если Вы глубже вглядитесь въ составные элементы русскаго общества, представляющаго совсѣмъ новую соціальную формацію. Крайне низкая степень нашей культуры скрываетъ отъ Вашихъ глазъ чрезвычайную трудность задачи нашего развитія. Мы не можемъ идти проложенными путями и вынуждены пробивать новые, соотвѣтствующіе особенностямъ нашего мужицкаго царства, совсѣмъ не похожаго на другія политическія формаціи. Очень многое, что Вы, съ европейской точки зрѣнія, приписываете нашей неразвитости и отсталости, обусловливается этими особенностями строя, въ которомъ крестьянству предстоитъ выдающаяся соціальная роль.

Вотъ главные пункты нашихъ недоразумѣній. Всѣ другія вытекаютъ изъ нихъ и имѣютъ лишь второстепенное значеніе.

Вы находите, что, поставляя высшимъ классамъ русскаго общества задачею заботиться о крестьянахъ и не имѣть своихъ особливыхъ сословныхъ интересовъ, я требую невозможнаго. Но мысль моя вотъ какая: такъ какъ центръ тяжести наше-

го соціальнаго и политическаго существованія лежитъ на крестьянствѣ, то другіе соціальные элементы не могутъ, и въ собственныхъ хорошо понятыхъ сословныхъ интересахъ не должны стремиться къ *политическому* господству и преобладанію. Вся русская исторія доказываетъ безуспѣшность такихъ стремленій. Этимъ я не отрицаю существованія особыхъ *соціальныхъ* интересовъ разныхъ слоевъ соціальныхъ и группъ въ Россіи. Они не могутъ не существовать, какъ и въ цѣломъ мірѣ; только роль и значеніе ихъ—другія. Наше дворянство, твердя зады, продолжаетъ противополагать себя крестьянству. Я стараюсь объяснить ему всю безплодность, непатріотичность и опасность для него самого такого направленія.

Вы находите неправильной мысль, что къ Россіи непримѣнимо понятіе о демократіи, и ссылаетесь на бытъ окраинъ русскаго государства. Но я говорю только о ядрѣ русской имперіи,—о Великороссіи, прототипѣ крестьянскаго уклада. Вы правы, что въ сравненіи съ аристократическими государствами, напримѣръ, съ Великобританіей, Россія можетъ показаться демократической страной. Но Франція и Сѣверо-американскіе штаты—тоже демократіи; и Вы, однако, не причислите къ нимъ Россіи. А главное, отрицая аристократію и демократію въ Россіи, я хотѣлъ лишь указать на отсутствіе въ ней соціальной разнородности элементовъ, которая характеризуетъ всѣ европейскія древнія и новыя государства и объясняетъ глубокое различіе политическаго и общественнаго русскаго и западно-европейскаго строя.

Наконецъ, Вы совсѣмъ не поняли значенія того общества, которое я предлагаю для проведенія крестьянской реформы. Станьте на минуту на мою точку зрѣнія, и Вамъ сразу станетъ все яснымъ. Коренная крестьянская реформа представляется мнѣ настоятельнѣйшей, неотложной потребностью въ Россіи, удовлетвореніемъ которой нельзя медлить. На скорую коренную реформу нашей мало пригодной администраціи, правительственной, сословной и общественной, я не разсчитываю и не надѣюсь, а пока она существуетъ, крестьянская реформа такъ же будетъ искалѣчена, какъ въ минувшее царствованіе. Остается правительству одно: привлечь къ участію въ этомъ дѣлѣ, не въ видѣ, конечно, постояннаго учрежденія, а въ видѣ временной мѣры, только для проведенія крестьянской реформы, всѣ живыя силы страны, не вошедшія въ составъ оффиціальной административной организаціи. Вамъ показался дикимъ взаимный контроль членовъ общества другъ за другомъ. Очень можетъ быть, что я дурно выразилъ совѣтъ—не терпѣть въ составѣ общества ни враговъ крестьянскаго дѣла, прикидывающихся его ревнителями, волковъ въ овечьей шкурѣ, ни людей, которые бы хотѣли идти дальше цѣли, для которой общество устроено, и тѣмъ могли бы существенно повредить его дѣятельности. Другой мысли въ моемъ, можетъ быть, неловкомъ выраженіи не было и не могло быть. Вся русская исторія до послѣдняго времени была дѣломъ усилій и самоотверженныхъ трудовъ малочисленнаго просвѣщеннаго меньшинства, когда ему удавалось стать во главѣ движенія и обстоятельства благопріятствовали его дѣятельности. При нашей степени культуры и нашей комбинаціи общественныхъ элементовъ, данной всею исторіей, иначе и быть не могло.

Извините меня за это длинное письмо. Вѣрьте, что моимъ перомъ руководило не личное самолюбіе и не раздутое національное тщеславіе, а одно глубокое убѣжденіе въ правотѣ дѣла, которое защищаю. Въ нестройномъ хаосѣ безчисленныхъ взглядовъ, умныхъ и глупыхъ, безобразныхъ и фантастическихъ, которые до васъ отсюда долетаютъ, Вамъ трудно разобраться, особливо при тѣхъ предпосылкахъ, выработанныхъ европейскою жизнью, съ которыми Вы естественно смотрите на то, что у насъ думается и дѣлается. Надо, чтобы вы, наши сограждане, сложившіеся и воспитанные другимъ историческимъ путемъ, имѣли ключъ для уразумѣнія усиленной умственной работы, которая совершается теперь у насъ, пока невидимо, за семью печатями. Одно изъ двухъ: или русское государство есть призракъ, фантомъ, случайно возникшій, который долженъ исчезнуть, не оставя послѣ себя другого слѣда, кромѣ громаднаго матеріальнаго факта, подобнаго другимъ колоссальнымъ созданіямъ Азіи,—или намъ суждено представить и осуществить новую соціальную и политическую комбинацію, и чрезъ нее завоевать себѣ право на историческое бытіе между другими культурными народами. Никакой середины въ этой дилеммѣ нѣтъ—и быть не можетъ.

Я Вамъ пишу по-русски только потому, что это мнѣ легче. По-нѣмецки я бы прописалъ двѣ-три недѣли, а времени у меня очень мало. Пожалуйста, не ищите никакой другой причины. Я не принадлежу къ кваснымъ патріотамъ и очень этимъ горжусь.

С.-Петербургъ, 8 января 1882 г.

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ
и
Г. ФОНЪ САМСОНЪ-ГИММЕЛЬСТІЕРНА.

I.

По мѣрѣ того, какъ прибалтійскій край сживается съ своимъ политическимъ отечествомъ, Россійской имперіей, между ними естественно усиливается обмѣнъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ. Что такой обмѣнъ не всегда былъ гладокъ, не всегда шелъ какъ по маслу, легко объясняется совершенно различнымъ историческимъ прошедшимъ присоединенныхъ провинцій и русскаго государства. Первыя — уголокъ Европы, Россія — страна, злою судьбою долго оторванная отъ общей европейской жизни и потратившая въ тяжкой борьбѣ съ самыми неблагопріятными условіями много силъ и много времени. Но, несмотря на нѣкоторыя шероховатости, неизбѣжныя при такой предпосылкѣ, обмѣнъ съ самаго начала былъ живой и дѣятельный и, спѣшимъ прибавить, для насъ, русскихъ, въ высшей степени полезный и благопріятный. Прибалтійскіе подданные были у насъ насадителями европейской культуры, дали намъ полезнѣйшихъ дѣятелей по всѣмъ отраслямъ знанія и гражданской жизни. Въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, Петръ Великій отлично понималъ, что̀ дѣлалъ, посвятивъ все свое царствованіе борьбѣ со шведами изъ-за клочка земли на балтійскомъ побережьи: новые подданные сослужили намъ великую службу, которая никогда не забудется и займетъ блестящую страницу въ будущей безпристрастной русской исторіи XVIII и XIX вѣка. Выгода обмѣна съ прибалтійскимъ краемъ была главнымъ образомъ на нашей сторонѣ, и мы жили съ нимъ въ ладахъ примѣрно до половины текущаго столѣтія. Съ этого времени, между высшими интеллигентными слоями, прибалтійскими и русскими, начинаетъ проглядывать нѣкоторое неудовольствіе и взаимное раздраженіе, которыя постепенно все усиливались и росли. Откуда они взялись и чѣмъ поддерживались? Устранивъ всѣ личные счеты, недостойныя сплетни и обвиненія, которыя всегда кишмя-кишатъ во всякой ссорѣ между сосѣдями и домашними, и стараясь докопаться до самой сути дѣла, мы найдемъ, что главная причина лежитъ въ значительной перемѣнѣ, происшедшей въ насъ, русскихъ,—перемѣнѣ, смысла которой ни мы сами, ни другіе еще хорошенько не поняли и который объяснитъ вполнѣ лишь дальнѣйшій ходъ событій и исторія. Съ Петра Великаго, въ теченіе полутораста лѣтъ, мы кой-чему выучились и подросли. Орленокъ оперился, началъ чувствовать себя и свои силы. Суровая школа, въ которой мы воспитались, и умственная опека, въ которой до тѣхъ поръ росли, стала насъ тяготить. Орленокъ началъ понемногу расправлять свои крылья и пробовать летать. Какъ и слѣдовало ожидать, первые опыты были совсѣмъ неудачные, совсѣмъ ребяческіе. Большая самонадѣянность, большой задоръ, рѣшеніе самыхъ трудныхъ и щекотливыхъ вопросовъ съ плеча, безъ необходимаго положительнаго знанія и подготовки, — всѣ эти обычные недостатки первыхъ проявленій пробуждающагося самочувствія и попытокъ стать на свои ноги не могли не казаться смѣшными зрѣлымъ народамъ и людямъ; задѣвая ихъ, они естественно досаждали и раздражали, потому что мѣшали спокойному и правильному теченію ихъ жизни, установившейся долгимъ опытомъ и привычкой. Изъ-за этихъ несносныхъ докукъ, взрослые рѣдко замѣчаютъ, что заявляя съ шумомъ и трескомъ о своемъ существованіи, юность, подъ часъ нестерпимая своими выходками, несетъ съ собою нѣчто новое—невыясненное, неопредѣленное, съ виду весьма несуразное, но заключающее въ себѣ зародыши новаго и оригинальнаго, другой, можетъ быть и болѣе правильной постановки тѣхъ крайне трудныхъ и крайне сложныхъ вопросовъ знанія и жизни, надъ которыми неустанно работаетъ родъ человѣческій съ

самаго своего появленія на землѣ. Въ нескладномъ русскомъ орленкѣ, народившемся къ духовной жизни, многія стороны, игравшія рѣшающую роль въ судьбахъ европейскихъ народовъ, оказались болѣе или менѣе атрофированными, другія, азіятскаго характера и свойства, на лицо, живыми, но въ своеобразномъ сочетаніи, дѣлающемъ ихъ мало похожими на ихъ восточные прототипы. И то и другое указываетъ на появленіе новаго дѣятеля въ исторіи, съ своеобразными чертами, которыя самоувѣренный патріотическій азартъ представляетъ въ самыхъ причудливыхъ образахъ, граничащихъ съ бредомъ, и изукрашаетъ самыми фантастическими красками.

Вотъ въ чемъ, какъ мнѣ кажется, скрывается настоящая, коренная причина того неудовольствія и раздраженія, которое замѣчается въ послѣдніе полвѣка между прибалтійскими высшими классами и нашей интеллигенціей, т.-е. значительною частью образованнаго и патріотическаго русскаго общества. Все, что у насъ теперь дѣлается, не болѣе какъ пробы, пока неудачныя, сознать, выяснить и сформировать идеалы, соотвѣтствующіе нашимъ народнымъ инстинктамъ, и проложить пути, какими намъ слѣдуетъ идти. Работа эта только начинается и едва-ли скоро наладится; а между тѣмъ національное самочувствіе видимо на нашихъ глазахъ ростетъ и усиливается, далеко опережая медленные успѣхи мысли и знанія. Въ естественномъ и понятномъ нетерпѣніи, подъ сильнымъ напоромъ быстро поднимающагося національнаго чувства, мы мечемся въ разныя стороны, принимаемъ неясные намеки мысли за дѣйствительныя видѣнія и дѣлаемъ на каждомъ шагу ошибки и промахи. Они не могутъ не тревожить глубоко высшихъ классовъ и интеллигенціи прибалтійскаго края, которые, ничего не понимая въ этомъ нашемъ движеніи, глубоко вжились въ европейскія формы, имѣютъ свою вѣковую культуру, зорко и ревниво оберегая ее отъ всякихъ стороннихъ посягательствъ, и не безъ основанія трепещутъ, какъ бы подымающіяся волны невѣдомаго моря не затопили плодовъ ихъ трудовъ и усилій устроить свой бытъ соотвѣтственно съ ихъ понятіями и взглядами. Къ этому примѣшивается съ обѣихъ сторонъ невольное горькое чувство. Давно ли,—думаютъ остзейцы,—мы были учителями этихъ самыхъ русскихъ, начиная съ азовъ европейской культуры? Не успѣли немногіе изъ нихъ научиться, и то съ грѣхомъ пополамъ, складамъ—и уже воображаютъ, что исчерпали всю премудрость, судятъ и рядятъ обо всемъ вкривь и вкось, какъ сущія ребята; думаютъ, что переросли Европу и насъ головою и могутъ перевернуть вверхъ дномъ весь шаръ земной, на основаніи какихъ-то незрѣлыхъ и нескладныхъ мыслей, которыя въ безумномъ, мальчишечьемъ бреду считаютъ и выдаютъ за великія идеи, долженствующія осчастливить насъ и всю Европу. Не менѣе горькія чувства, хотя совсѣмъ другого рода, шевелятся и въ насъ къ прибалтійскимъ господствующимъ и интеллигентнымъ слоямъ. Въ самой умѣренной формѣ ихъ можно выразить такъ: за что вы такъ злобствуете на насъ, что мы кой-чему выучились и пытаемся жить своимъ умомъ? Всему свое время! Лучшіе и дальновиднѣйшіе изъ представителей европейской культуры умѣютъ въ нашихъ незрѣлыхъ начинаніяхъ разглядѣть зародыши оригинальной мысли, физіономіи, характера, и относятся къ нимъ съ интересомъ, нерѣдко съ сочувствіемъ; а вы, наши сограждане, связанные съ нами исторіей въ теченіе почти двухъ столѣтій, смотрите на насъ съ высокомѣріемъ и недоброжелательствомъ. Богъ бы съ вами, еслибъ вы цѣпко держались за свои порядки у себя и не давали до нихъ дотронуться; это бы мы поняли; а то вы, гдѣ только можете, стараетесь навязать намъ свои порядки и мѣшаете всячески нашимъ попыткамъ и усиліямъ развить свои національныя силы, стараетесь парализовать проявленія нашего народнаго генія, котораго вы не знаете, знать не хотите и презираете. Предки ваши, наши учители, не такъ поступали.—Взаимное неудовольствіе и раздраженіе на эту тему, принимавшее подчасъ весьма острый характеръ, естественно вытекаетъ изъ столкновенія установившейся и возникающей культуръ, несущихъ съ собою различные идеалы. Съ успѣхами знанія, мысли и жизни, когда наши пока невыясненныя стремленія вызрѣютъ, получатъ опредѣленный видъ и формы, естественно начнется компромиссъ между враждующими воззрѣніями, и рѣзкая теперь противоположность ихъ понемногу сгладится. Въ предвидѣніи этого неизбѣжнаго исхода, давно бы слѣдовало выдающимся умамъ той и другой стороны подготовлять къ тому пути исподволь. Но этого пока не видно. Постепенное сближеніе прибалтійскаго края съ русской

имперіей видимо и несомнѣнно совершается на самомъ дѣлѣ; но мысль, сознаніе не идутъ въ уровень съ жизнью, съ дѣйствительностью, сильно отстаютъ отъ нихъ. Въ литературѣ, въ ежедневной печати продолжаетъ, здѣсь и тамъ, за рѣдкими исключеніями, царить взаимное отчужденіе и холодность, плохо скрывающія отсутствіе всякаго взаимнаго пониманія, даже всякаго желанія поближе узнать другъ друга. Выше нелѣпѣйшихъ взаимныхъ обвиненій, мелочныхъ дрязгъ и раздуваній мухъ въ слона, обѣ стороны не умѣли еще подняться. Кто въ этомъ виноватъ, мы или остзейцы,—разбирать едва ли настало время, и не къ чему. А давно бы пора, бросивъ взаимныя предубѣжденія, серьезнѣе и пристальнѣе вглядѣться другъ въ друга и постараться пріискать средніе термины для возможно мирнаго и безобиднаго для обѣихъ сторонъ сожительства.

II.

При нашихъ цензурныхъ условіяхъ, большая доля взаимныхъ неудовольствій между нами и остзейцами не можетъ стать предметомъ публичнаго обсужденія и таится подъ спудомъ, становясь отъ того еще острѣе и горче. Почти единственная арена, на которой они могутъ высказываться довольно откровенно и безпрепятственно, это крестьянскій бытъ и вопросы сельскаго хозяйства. Въ кругѣ относящихся къ нимъ вопросовъ и вращаются, главнымъ образомъ, взаимныя наши пререканія. Но въ этой, съ перваго взгляда ограниченной сферѣ, различіе исходныхъ точекъ зрѣнія и взглядовъ выказывается съ большою характерностью и рельефностью. Оно и естественно. Крестьянскій вопросъ и интересы сельскаго хозяйства, тѣсно связанные съ значеніемъ и будущностью владѣльческихъ классовъ, выдвигаются у насъ все болѣе на первый планъ, и различныя на нихъ воззрѣнія съ особенною яркостью оттѣняютъ исторически установившіяся, вполнѣ выработанныя и вновь нарождающіяся не только у насъ, но и въ самой западной Европѣ, общественныя потребности и ближайшія соціальныя задачи.

Коренное различіе старыхъ и новыхъ воззрѣній на эти предметы, на которомъ и вертится вся полемика, существенно сводится къ слѣдующему.

Въ прибалтійскомъ краѣ, вслѣдствіе многовѣковой исторіи, вся общественная и политическая жизнь, за исключеніемъ городовъ, сосредоточивалась до начала нынѣшняго столѣтія единственно и исключительно въ владѣльческомъ сословіи, къ которому примыкало и духовенство. Сельское населеніе не имѣло правъ на землю, было подвластно ея владѣльцамъ, не имѣло ни политическаго, ни общественнаго значенія, и только служило владѣльческому классу средствомъ и орудіемъ для достиженія его цѣлей. Ни тѣни самостоятельной жизни сельскіе жители низшихъ классовъ не имѣли. Съ развитіемъ просвѣщенія и культуры, экономической жизни вообще и сельскаго хозяйства въ особенности, прежняя простота, непосредственность и суровость такой общественной и политической организаціи земскаго быта значительно измѣнились и смягчились; но историческій ихъ типъ и принципіальныя предпосылки удержались до нашего времени. Въ началѣ XIX вѣка, низшіе сельскіе классы получили личную свободу и гражданскія права; но земля удержана за владѣльческимъ классомъ; сельчане остались подъ его управленіемъ и опекой; въ интересахъ сельскаго хозяйства и въ обезпеченіе его потребностей въ рабочей силѣ, организовано особое сословіе сельскихъ работниковъ, которое кормилось не отъ земли, какъ держатели владѣльческой земли, собственно мужики, крестьяне-хозяева, а работою за вознагражденіе со стороны владѣльцевъ и крестьянъ. Время и, прибавимъ, просвѣщенное трудолюбіе прибалтійскихъ владѣльцевъ, постепенно внесли существенныя улучшенія въ преобразованный такимъ образомъ строй сельской жизни. Владѣльцы съумѣли, несмотря на переворотъ, произведенный эманципацией, поставить свои хозяйства на отличную ногу. Сословіе крестьянъ-хозяевъ, поселенныхъ на ихъ земляхъ, разбогатѣло; мы не имѣемъ никакого основанія не вѣрить, что и бытъ сельскихъ работниковъ много улучшился противъ прежняго, подъ вліяніемъ школъ, возростающей культуры и хорошо понятаго интереса и правильнаго хозяйственнаго разсчета владѣльцевъ.

На этомъ, однако, развитіе земскихъ и сельскихъ порядковъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ не остановилось и пошло далѣе. Допущенъ выкупъ крестьянами-хозяевами арендуемой ими владѣльческой земли, по добровольнымъ соглашеніямъ съ владѣльцами, при помощи поземельнаго кредита, созданнаго по

почину и при содѣйствіи владѣльческаго сословія; отмѣнены различныя ограниченія, стѣснявшія передвиженіе сельскихъ работниковъ изъ однѣхъ мѣстностей въ другія; крестьянскому сословію дана общественная организація, съ нѣкоторыми зачатками самостоятельности и съ ослабленіемъ правительственной опеки владѣльцевъ.

Въ этомъ бѣгломъ очеркѣ того, что̀ сдѣлано въ прибалтійскомъ краѣ въ пользу низшаго сельскаго населенія въ теченіе какого-нибудь полустолѣтія съ небольшимъ, никто, мы надѣемся, не откроетъ ни явнаго, ни тайнаго желанія представить въ злостномъ видѣ дѣятельность тамошняго владѣльческаго класса или умалить его достоинство или заслуги. Но сдѣлавъ эту оговорку, мы можемъ, безъ всякаго опасенія быть непонятыми или перетолкованными, сказать, что посреди всѣхъ просвѣщенныхъ, умно, осторожно и практически проведенныхъ реформъ сельскаго быта, основной исторически-сложившійся типъ отношеній владѣльческихъ классовъ къ остальному сельскому населенію удержался прежній, измѣнивъ только свои формы. Сельскаго класса, въ смыслѣ самостоятельной общественной группы или элемента, въ прибалтійскомъ краѣ нѣтъ и теперь, какъ его не было и до освобожденія его отъ крѣпостной зависимости. Исключительно господствующей общественной и политической силою осталось, какъ и прежде, одно владѣльческое сословіе. Вслѣдствіе того, и организація сельскихъ классовъ создалась и поддерживается въ виду нуждъ и потребностей сельскаго хозяйства, сперва однихъ владѣльцевъ, позднѣе и крестьянъ-хозяевъ. Мы не хвалимъ и не порицаемъ такихъ порядковъ, а констатируемъ лишь фактъ, стараясь только объяснить его происхожденіе, его основной историческій первообразъ, совершенно независимый отъ доброй и злой воли людей, которая вышиваетъ узоры на канвѣ, заранѣе данной обстоятельствами и исторіей, и измѣняется лишь вѣками, черезъ многія и многія поколѣнія.

Совершенно иначе сложились обстоятельства у насъ. Съ тѣхъ поръ, что мы себя помнимъ, сельскій народъ былъ, рядомъ съ владѣльческимъ классомъ, однимъ изъ элементовъ общественной жизни. Послѣдній, частью пришлый, частью выработавшійся изъ различныхъ туземныхъ, мѣстныхъ стихій, слагался чрезвычайно медленно, долго переносился по русской землѣ изъ одного края въ другой и лишь медленно получилъ осѣдлость на мѣстахъ, примѣрно въ XIII или XIV вѣкѣ, когда изъ этихъ первыхъ зачатковъ поземельной аристократіи стало слагаться владѣльческое сословіе, какъ обособленный общественный и политическій элементъ; противовѣсомъ ему явилось, съ XV вѣка, московское самодержавіе, помѣшавшее ему развиться въ самостоятельную, исключительную и полновластно господствующую силу, какъ было въ Польшѣ и остзейскомъ краѣ. Вслѣдствіе ли этого, или по другимъ причинамъ, но никогда, въ теченіе всей нашей исторіи, не терялось сознаніе, что владѣльческій классъ не есть единственный соціальный элементъ въ русскомъ государствѣ; всегда, безпрерывно, жила мысль, что рядомъ съ нимъ есть еще и другой элементъ—сельскій людъ, крестьянство. Вслѣдъ за короткими промежутками, когда это сознаніе какъ будто потухало, наступали или потрясающія внутреннія событія, которыя напоминали, что сельскій народъ не можетъ и не долженъ быть забытъ въ политическихъ и государственныхъ соображеніяхъ, или возникало умственное и культурное движеніе, которое громко протестовало противъ принесенія интересовъ крестьянства въ жертву интересамъ владѣльцевъ. Протестъ этотъ шелъ и изъ среды администраціи, и изъ рядовъ духовенства, и изъ литературы и, что̀ всего знаменательнѣе,—громко раздавался изъ среды просвѣщеннаго меньшинства самихъ владѣльцевъ. Благодаря тому обстоятельству, что экономическое наше состояніе находилось на самой низкой ступени и что нужды сельскаго хозяйства, такъ сильно заявляющія себя теперь, чувствовались крайне слабо при естественномъ плодородіи еще дѣвственной почвы, крѣпостное право, до послѣдняго времени передъ его отмѣной, имѣло характеръ и значеніе гражданскаго и административнаго господства и власти владѣльцевъ надъ своими людьми и крестьянами, — господства, въ которое экономическія и сельско-хозяйственныя соображенія почти не входили вовсе. Власть помѣщика, смотря по его привычкамъ, характеру, воспитанію, взглядамъ, могла быть груба, жестока, произвольна, нестерпима, но она крайне рѣдко проявлялась въ систематической утилизаціи крѣпостного, въ видѣ орудія производства, и крѣпостное право стало принимать экономическій характеръ лишь незадолго до его упраздненія. При такихъ условіяхъ и исто-

рическихъ предпосылкахъ, взглядъ на дѣло освобожденія отъ крѣпостной зависимости не могъ быть у насъ тотъ же, какъ въ прибалтійскомъ краѣ. И правительству, и цвѣту владѣльческаго сословія, и крестьянамъ, оно не могло представляться въ видѣ облегченія, урегулированія, точнаго юридическаго опредѣленія существующихъ отношеній. Идеаломъ могло быть только полное и совершенное разлученіе и размежеваніе двухъ соціальныхъ элементовъ, которые, три съ половиною вѣка тому назадъ, силою историческихъ обстоятельствъ были связаны вмѣстѣ, съ подчиненіемъ одного власти другого. Одно лишь круглое незнаніе нашего народнаго быта могло придать общинному землевладѣнію значеніе коммунистическихъ наклонностей русскаго крестьянина; точно также, одно лишь полное незнаніе и непониманіе русской исторіи могло вселить ужасъ и нагнать страхъ соціальной революціи при разсказахъ о томъ, что крестьяне считаютъ себя барскими, а помѣщичьи земли—своими, или что, по понятіямъ крестьянъ, съ освобожденіемъ ихъ вся барская земля будетъ ихнею, а господъ царь возьметъ въ города на жалованье. Въ этихъ представленіяхъ выражались не вновь народившіяся требованія, а лишь смутныя воспоминанія о порядкахъ, существовавшихъ у насъ когда-то, во времена кормленій, и взглядъ народа на крѣпостное право, какъ на власть и господство политическаго и административнаго характера. Эманципація никому и никогда не представлялась у насъ въ смыслѣ юридическаго урегулированія отношеній между владѣльцами и ихъ крѣпостными; объ ней искони думали какъ о совершенномъ прекращеніи владѣльческихъ правъ. Въ самыя тяжелыя эпохи крѣпостного ига, крестьянство не помышляло объ облегченіи своей участи ограниченіемъ власти владѣльцевъ, а бросало все и бѣжало въ степи, или записывалось въ казаки. Императоръ Александръ I-й и его либеральные сподвижники первой эпохи царствованія создали сословіе свободныхъ хлѣбопашцевъ: передъ ихъ мыслью носился идеалъ крестьянина-собственника, совершенно свободнаго отъ власти помѣщика. Тотъ же идеалъ преслѣдовался и въ царствованіе Николая I-го въ устройствѣ государственныхъ крестьянъ, въ дозволеніи крестьянамъ имѣній, заложенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ, пріобрѣтать эти имѣнія съ публичныхъ торговъ — дозволеніи, взятомъ потомъ втихомолку назадъ изданіемъ новыхъ правилъ о продажѣ частныхъ недвижимыхъ имуществъ въ удовлетвореніе взысканій. Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, которымъ закончились эмансипаціонныя попытки въ царствованіе Николая I-го, составленный съ мыслью регулировать отношенія владѣльцевъ и ихъ крѣпостныхъ, не встрѣтилъ ни малѣйшаго сочувствія и оказался мертворожденнымъ, — такъ мало онъ отвѣчалъ воззрѣніямъ самихъ владѣльцевъ. Они, подобно правительству и крестьянамъ, тоже понимали освобожденіе отъ крѣпостной зависимости въ смыслѣ полнаго и совершеннаго ея прекращенія и потому отстаивали помѣщичью власть во всей ея полнотѣ, не желая сдѣлать изъ нея ни малѣйшей уступки, или потерпѣть малѣйшаго ея ограниченія.

Вотъ историческая почва, на которой выросли безсмертныя Положенія 19-го февраля 1861 года. Основныя ихъ начала существенно разнятся отъ принятыхъ при освобожденіи крестьянъ въ остзейскихъ губерніяхъ. Цѣль Положеній 19 февраля была — создать тотчасъ же изъ освобожденныхъ крестьянъ свободное состояніе, вполнѣ независимое отъ владѣльцевъ, осѣдлое, надѣленное опредѣленнаго размѣра землею, которая можетъ, по обоюдному соглашенію, обратиться въ крестьянскую собственность, при содѣйствіи правительства, за опредѣленную плату. Теперь выкупъ надѣльныхъ земель всѣхъ бывшихъ крѣпостныхъ сдѣлался обязательнымъ. Объ особомъ сословіи сельскихъ работниковъ не было и нѣтъ помину.

Теперь, спустя двадцать слишкомъ лѣтъ, послѣ упраздненія крѣпостного права, мы замѣчаемъ въ Положеніяхъ 19 февраля многіе и значительные недостатки; но они касаются не основныхъ началъ, которыя предопредѣлены всѣмъ нашимъ историческимъ прошлымъ и прочно установились, вслѣдствіе хода всего нашего историческаго развитія, въ понятіяхъ правительства, крестьянства и просвѣщеннѣйшей части владѣющаго класса. Хорошо или дурно, что отмѣна крѣпостного права совершилась въ смыслѣ полнаго, совершеннаго разлученія двухъ сословій, съ предоставленіемъ каждому изъ нихъ независимаго другъ отъ друга гражданскаго существованія—объ этомъ мы скажемъ ниже. Здѣсь намъ хотѣлось только выяснить предпосылки, опредѣлившія основныя начала отмѣны крѣпостного права въ Россіи, какъ мы это сдѣлали прежде,

относительно эмансипаціи, совершившейся полстолѣтіемъ раньше въ прибалтійскомъ краѣ. И здѣсь, и тамъ общій планъ опредѣленъ, какъ мы видѣли, ходомъ исторіи, въ теченіе вѣковъ, и было бы крайне ошибочно приписывать достоинства, недостатки и преимущества одного передъ другимъ, доброй или злой волѣ людей и дѣятелей реформы. Чтобы обсудить правильно и безпристрастно, которому изъ двухъ способовъ должно быть отдано преимущество, надо подняться выше и призвать въ судьи будущее, которое пока скрыто отъ насъ непроницаемой завѣсой.

III.

Минувшею осенью намъ доставлена брошюра одного прибалтійскаго владѣльца, писанная на русскомъ языкѣ и посвященная сравнительному разсмотрѣнію послѣдствій освобожденія крестьянъ въ Россіи и въ прибалтійскомъ краѣ. Не будучи увѣрены, что брошюра поступила въ продажу, мы не рѣшаемся назвать имени почтеннаго автора. Онъ взялся за перо видимо раздосадованный вызывающими выходками нѣкоторой части русской печати противъ аграрныхъ порядковъ прибалтійскихъ губерній, разсматриваетъ предметъ полемически, живо, бойко и не безъ мѣткой ироніи. Въ спорѣ съ противниками позиція выбрана имъ самая выгодная, и онъ ею пользуется весьма искусно. Аргументація его сводится къ слѣдующему: вы, русскіе, считаете насъ крѣпостниками, называете узкими, ограниченными и бездушными эгоистами, величаетесь передъ нами широтою и гуманностью своихъ воззрѣній, хвалитесь любовью къ народу, которой мы, остзейцы, будто бы не имѣемъ. Вы бы хотѣли разрушить заведенные у насъ порядки и наградить насъ своими. Все это отлично на словахъ, въ книгахъ, журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ; а обратимся къ дѣлу, къ дѣйствительности, къ практикѣ, — что мы увидимъ? Мы, остзейцы, говорите вы, узко освободили крѣпостныхъ; но у насъ сельское хозяйство процвѣтаетъ, мы сохранили, устроили и улучшили свои имѣнія; наши крестьяне, правда, не получили земельнаго надѣла, однако живутъ въ достаткѣ, ведутъ улучшенное хозяйство; многіе повыкупили по дорогой цѣнѣ арендуемыя ими земли; нашихъ безземельныхъ работниковъ вы называете илотами, смотрите на нихъ чуть-чуть не какъ на рабовъ; а посмотрите на этихъ рабовъ и илотовъ: они грамотны, живутъ, правда, не богато, но въ человѣческихъ помѣщеніяхъ, иные имѣютъ свое хозяйство. Мы покрыли свои губерніи школами, ссудными банками, кассами сбереженій, куда крестьяне и рабочіе несутъ свои копѣйки про черный день: у насъ вездѣ хорошія дороги, вездѣ есть для народа медицинская помощь, есть страхованіе отъ эпидемій, градобитія, пожаровъ. А вы, широкія натуры, вырвали крѣпостное право сразу, съ корнемъ, надѣлили всѣхъ крестьянъ землей, облегчили и удешевили имъ ея выкупъ. Какія же у васъ послѣдствія такой коренной, великодушной эмансипаціи? Помѣщики въ большинствѣ разорились, крестьяне, въ большинствѣ же, обѣднѣли и многіе изъ нихъ вздыхаютъ по крѣпостномъ правѣ, при которомъ имъ жилось и легче, и лучше. Сельское хозяйство и у крестьянъ, и у помѣщиковъ, за рѣдкими исключеніями, въ упадкѣ; самыя неотложныя потребности сколько-нибудь благоустроенной сельской жизни удовлетворены лишь здѣсь и тамъ, въ видѣ изъятія, и то весьма плохо и недостаточно; бытъ народа, семейный, домашній, экономическій, нравственный—не улучшается, а мѣстами положительно ухудшился. Такъ чѣмъ же вы передъ нами хвалитесь? И чѣмъ же, на повѣрку, наши порядки, которые вы называете крѣпостническими, хуже вашихъ, на бумагѣ либеральныхъ, а на дѣлѣ не принесшихъ никому никакой пользы, пожалуй, скорѣе вредъ и разореніе?

Досадна такая аргументація,—краснѣешь, ее читая; а приходится прикусить языкъ и молчать, — такъ она неотразима! Факты на лицо, ихъ не вычеркнешь. Значитъ ли это, что и намъ слѣдовало, при отмѣнѣ крѣпостного права, послѣдовать примѣру остзейцевъ и ограничиться лишь постепеннымъ улучшеніемъ крѣпостныхъ порядковъ? Этого я по совѣсти не думаю; напротивъ, я убѣжденъ, что еслибъ намъ пришлось начинать дѣло съизнова, то слѣдовало бы въ основаніе положить тѣ же самые принципы, какіе были приняты въ 1861 году, но, конечно, съ болѣе точнымъ и правильнымъ примѣненіемъ ихъ въ подробностяхъ. Вся наша исторія, весь нашъ бытъ, все наше міросозерцаніе, какъ простое, непосредственное, такъ и сознательное, противятся идеалу, положенному въ основаніе при освобожденіи крѣпостныхъ въ прибалтійскомъ краѣ.

Но, скажутъ намъ, при такомъ взглядѣ я

впадаю въ неразрѣшимое противорѣчіе. Нашъ способъ освобожденія имѣлъ не тѣ послѣдствія, какія ожидались; а другой невозможенъ. Какъ же быть?

Наши неудачи при отмѣнѣ крѣпостного права произошли, какъ я думаю, не отъ ошибочности основныхъ началъ, а отъ постороннихъ обстоятельствъ, которыми сопровождалось упраздненіе крѣпостного права; мы только до сихъ поръ не обращаемъ на нихъ должнаго вниманія.

Во-первыхъ, великимъ несчастіемъ и капитальной государственной ошибкой была передача крестьянскаго дѣла, вслѣдъ за утвержденіемъ Положеній 19 февраля, въ руки непримиримыхъ враговъ началъ, положенныхъ въ ихъ основаніе. Надѣленіе бывшихъ крѣпостныхъ землей, отмѣна всякихъ правъ на нихъ владѣльцевъ, новыя крестьянскія учрежденія, цѣль которыхъ была — создать самостоятельное крестьянское сословіе въ Россіи, —все это имѣло могучихъ противниковъ и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, и въ большинствѣ мѣстнаго дворянства. Надобно же было случиться такъ, что именно на этихъ противниковъ основныхъ началъ реформы и возложено ея осуществленіе, примѣненіе, истолкованіе и дальнѣйшая судьба! Сломить ее совсѣмъ, передѣлать по своему имъ, правда, не удалось; но все возможное было сдѣлано, чтобъ ее исказить, парализовать, перетолковать ея духъ и смыслъ, устранить отъ нея ея главныхъ дѣятелей и замѣнить ихъ лицами изъ враждебнаго имъ лагеря. Сочувствіе и содѣйствіе крестьянской реформѣ, какъ она проведена въ законѣ (гдѣ она уже подверглась весьма прискорбнымъ урѣзкамъ и искаженіямъ противъ первоначальнаго проекта) навлекали на себя подозрѣнія въ политической неблагонадежности, преслѣдовались чуть-чуть не какъ государственное преступленіе. Такіе внезапные повороты во внутренней политикѣ, и притомъ въ дѣлѣ такой громадной важности, ни въ какой странѣ даромъ не проходятъ. Мы поплатились очень дорого, и только молодости и крѣпости нашего государственнаго и народнаго организма надо приписать, что онъ вынесъ подобный экспериментъ.

Совсѣмъ иначе прошла отмѣна крѣпостного права въ прибалтійскомъ краѣ. Тамъ она примѣнена тѣми же руками, которыя ее выработали, безъ скачковъ и потрясеній, развивалась и видоизмѣнялась въ томъ же духѣ и направленіи, какъ была задумана, и потому могла принести всѣ тѣ плоды, которыхъ отъ нея ожидали и которые она способна была дать. Въ томъ же духѣ и направленіи, въ какомъ она была задумана и проведена, воспитались два поколѣнія, которыя постепенно и послѣдовательно расширяли и раздвигали первоначальный планъ реформы.

Во-вторыхъ, — и на это нельзя указывать довольно часто, — исходъ крестьянской реформы, удачный въ прибалтійскомъ краѣ и печальный у насъ, существенно зависѣлъ отъ степени культуры, на которой, тамъ и здѣсь, настигла страну крестьянская реформа. Подъ культурою я разумѣю не одни взгляды, понятія и стремленія, не одну образованность и знанія, а привычки правильной, благоустроенной гражданской жизни въ ежедневномъ, будничномъ быту, у себя дома, въ семьѣ и обществѣ. Въ этомъ отношеніи сельскіе жители прибалтійскаго края не имѣли, полвѣка тому назадъ, никакого преимущества передъ нашимъ сельскимъ людомъ; напротивъ, не будучи кваснымъ патріотомъ, можно смѣло утверждать, что мы, русскіе, ни въ чемъ не уступали тогдашнимъ латышамъ и эстамъ. Совсѣмъ другое представляли и отчасти до сихъ поръ представляютъ владѣльческіе классы прибалтійскаго края и имперіи. Природа насъ, русскихъ, не обидѣла, но культура, въ объясненномъ смыслѣ, до сихъ поръ коснулась нашихъ высшихъ классовъ лишь очень поверхностно, захватила сравнительно весьма небольшой кругъ. Она у насъ и до сихъ поръ — оранжерейное растеніе, достояніе едва замѣтнаго меньшинства; въ остзейскихъ же губерніяхъ, напротивъ, культура пустила давно, въ теченіе вѣковъ, глубокіе корни въ владѣльческихъ классахъ, прососалась въ ихъ плоть и кровь. Это различіе, которое мы почти всегда опускаемъ изъ виду, имѣло рѣшительное вліяніе на исходъ крестьянской реформы въ прибалтійскомъ краѣ и у насъ. Тамъ по крайней мѣрѣ одинъ изъ соціальныхъ элементовъ сельскаго быта, именно владѣльческое сословіе, былъ подготовленъ къ новымъ сельско-хозяйственнымъ, экономическимъ и общественнымъ порядкамъ, которые должны были наступить съ освобожденіемъ крестьянъ; тамъ владѣльцы могли ясно взвѣсить и оцѣнить хотя бы однѣ ближайшія, непосредственныя выгоды, потери, вообще послѣд-

ствія предстоявшей реформы, впередъ приготовиться къ ея встрѣчѣ, и съ должнымъ мужествомъ, постоянствомъ, выдержкой и осторожностью спустить корабль на воду; а когда реформа совершилась, то же владѣльческое сословіе могло служить для низшихъ сельскихъ классовъ образцомъ и примѣромъ знанія, бережливости и правильнаго домоводства. Ничего подобнаго не было у насъ наканунѣ отмѣны крѣпостного права. За самыми рѣдкими исключеніями, исчезавшими въ громадномъ большинствѣ, владѣльцы только внѣшней обстановкой жизни отличались отъ массы сельскаго населенія. Хозяйство ихъ велось тѣмъ же прадѣдовскимъ порядкомъ, какъ и у крестьянъ; политическія, общественныя, нравственныя понятія и привычки мало чѣмъ отличались отъ крестьянскихъ. Взять въ свои руки и вести дѣло освобожденія они были неспособны, о будущемъ не заботились, упорно не вѣрили возможности отмѣны крѣпостного права и повѣрили ей только тогда, когда она стряслась надъ ихъ головами. Затѣмъ, когда отмѣна совершилась, часть владѣльцевъ подчинилась ей пассивно, какъ удару злой судьбы; а тѣ, которые были побойчѣе, посмышленѣе и предпріимчивѣе, поспѣшили, правдой и неправдой, урвать, что могли, изъ данной крестьянамъ свободы и земли, въ чемъ отчасти и успѣли, благодаря поддержкѣ, какую находили въ измѣнившейся, особливо съ 1863 года, низшей, средней и высшей администраціи по крестьянскимъ дѣламъ, не благопріятствовавшей, какъ сказано, точному и справедливому примѣненію Положеній 19 февраля. Недостатокъ, чтобъ не сказать отсутствіе, культуры въ громадномъ большинствѣ владѣльцевъ, не говоря о крестьянахъ, былъ, при колебаніяхъ внутренней политики, одною изъ главнѣйшихъ причинъ неудачнаго у насъ исхода крестьянской реформы. На нее нельзя, да и не слѣдуетъ, смотрѣть съ сельско-хозяйственной или экономической точки зрѣнія. Освобожденіе крестьянъ было у насъ громаднымъ переворотомъ, черезъ который намъ рано и поздно надо было пройти, чтобы возстановить правильное отношеніе общественныхъ элементовъ, нарушенное съ конца XVI вѣка. Реформу 19 февраля можно сравнить съ мучительной и опасной операціей, которая оказывается необходимой, когда вывихнутые члены срослись неправильно и приходится, чтобъ ихъ вправить какъ слѣдуетъ, сперва выломать ихъ изъ ненормальнаго сращенія, образовавшагося въ теченіе продолжительнаго времени. Теперь эта тяжкая операція у насъ за спиной. Слава Богу, что она совершилась, когда хрящи были еще молоды и кости крѣпки; позднѣе она была бы несравненно мучительнѣе и исходъ ея несравненно худшій. Оправляться отъ этого перелома мы будемъ, конечно, медленно и долго, но зато у насъ впереди надежда на полное выздоровленіе. Порукой въ томъ — небывалый и невиданный у насъ дотолѣ интересъ къ сельско-хозяйственнымъ и экономическимъ вопросамъ. Въ двадцать лѣтъ, прошедшихъ со времени освобожденія крестьянъ, мы койчему научились, кое-что успѣли обдумать и сообразить. Владѣльческое сословіе видимо подвинулось впередъ и начинаетъ уже оріентироваться посреди новыхъ условій, созданныхъ крестьянской реформой. Убѣдившись горькимъ опытомъ въ тщетѣ надеждъ поворотить ходъ исторіи, оно понемногу свыкается съ совершившимся фактомъ и убѣждается, что только улучшеніемъ хозяйства оно можетъ, хотя отчасти, наверстать потерянное. Движеніе это, когда окрѣпнетъ, не замедлитъ сообщиться и крестьянамъ. Слабые зачатки этого замѣчаются уже, здѣсь и тамъ, и теперь.

Вотъ мысли и соображенія, которыя невольно представляются при чтеніи почтенной брошюры, о которой мы упомянули. Спустя двадцать слишкомъ лѣтъ послѣ упраздненія крѣпостного права, мы только начинаемъ приходить въ положеніе, во многихъ отношеніяхъ сходное съ тѣмъ, въ какомъ находился прибалтійскій край въ началѣ текущаго столѣтія, тотчасъ послѣ прекращенія крѣпостной зависимости. Надѣюсь, что никто не упрекнетъ меня ни въ шовинизмѣ, ни въ чрезмѣрномъ національномъ самомнѣніи, если я прибавлю, что условія, въ которыя мы теперь поставлены, благодаря принятымъ у насъ основаніямъ эманципаціи, лучше, благопріятнѣе для дальнѣйшаго развитія, чѣмъ-то положеніе, какое создалось въ прибалтійскомъ краѣ принятымъ тамъ способомъ отмѣны крѣпостного права. Тяжело, мучительно, съ громадными пожертвованіями, съ глубокимъ потрясеніемъ экономическаго быта совершилась эта реформа у насъ, но зато мы вырвали у себя крѣпостное право съ корнемъ и покончили съ нимъ разъ навсегда. Наше положеніе было бы теперь еще благопріят-

нѣе и выгоднѣе, переворотъ отозвался бы менѣе чувствительно на нашемъ экономическомъ и нравственномъ бытѣ, еслибы проектъ редакцiонныхъ коммиссiй былъ принятъ безъ урѣзокъ и искаженiй и примѣненъ въ дѣйствительности въ томъ же духѣ и направленiи, въ какомъ составленъ; намъ бы не пришлось потомъ исправлять дополнительными мѣрами умышленно или неумышленно допущенныхъ отступленiй отъ первоначальнаго, глубоко обдуманнаго и вполнѣ разумнаго плана. Прибалтiйское владѣльческое сословiе остановилось на полумѣрахъ: онѣ казались тогда полезными, облегчая переходъ къ новымъ аграрнымъ порядкамъ, но зато болѣзнь, порожденная крѣпостною зависимостью, измѣнивъ свою непосредственную форму, обратилась въ хроническую; ненормальное отношенiе владѣльческихъ и низшихъ сельскихъ классовъ перешло въ экономическую зависимость и соцiальную борьбу, которая Дамокловымъ мечомъ виситъ надъ имущими классами. То же мы видимъ не въ одномъ прибалтiйскомъ краѣ, но и вездѣ, гдѣ крѣпостная зависимость не была истреблена съ корнемъ и перешла въ экономическую. Съ той минуты, когда у насъ крупные и среднiе владѣльцы поймутъ свои настоящiе интересы,—а есть признаки, что они начинаютъ ихъ понимать,—солидарность между владѣющими классами и массами сельскаго населенiя, столь желанная во всѣхъ отношенiяхъ, установится легко и свободно и ляжетъ краеугольнымъ камнемъ въ зданiе нашей общественной и политической жизни, благодаря именно тому, что порвана всякая юридическая и экономиская зависимость крестьянъ и сельскихъ работниковъ отъ помѣщиковъ. Въ прибалтiйскомъ краѣ владѣльческiе классы принесли въ жертву будущее настоящему и навязали себѣ на ноги гирю, которая будетъ затруднять ихъ развитiе и подвергать серьезнымъ опасностямъ плоды ихъ долгихъ и просвѣщенныхъ усилiй.

Авторъ разбираемой брошюры не входитъ въ разсмотрѣнiе этихъ вопросовъ. Стрѣлы его иронiи, очевидно, направлены противъ той части русской публики и печати, которая полагаетъ, что любовь къ родинѣ состоитъ въ ненависти и презрѣнiи ко всему нерусскому, и что нацiональное самосознанiе можетъ обойтись безъ строгой и безпощадной критики своего и чужого. Если мы правильно поняли намѣренiе почтеннаго автора, то вполнѣ и глубоко ему сочувствуемъ. Удары, имъ наносимые нашимъ квснымъ патрiотамъ, мѣтко попадаютъ въ цѣль и заставятъ хотя кого задуматься.

IV.

Ту же самую тему—сравненiе сельско-хозяйственныхъ и общественныхъ порядковъ Россiи и прибалтiйкаго края—трактуетъ и г. фонъ-Самсонъ-Гиммельстiерна въ трехъ статьяхъ, напечатанныхъ въ XXX томѣ журнала „Baltische Monatsschrift“ и вышедшихъ особой брошюрой [1]). Но положенiе, принятое имъ въ этомъ вопросѣ, совсѣмъ не то, какое выбралъ авторъ разсмотрѣнной выше книжки. Не довольствуясь указанiемъ на преимущество практическихъ результатовъ освобожденiя крестьянъ въ прибалтiйскомъ краѣ, г. Самсонъ предпринимаетъ крестовый походъ противъ ненавистныхъ ему русскихъ воззрѣнiй, обзываетъ нигилистами всѣхъ, кто дерзаетъ смотрѣть на дѣло освобожденiя иначе, чѣмъ онъ, судитъ и рядитъ о нашихъ русскихъ дѣлахъ, какъ власть имѣющiй, не давая себѣ труда поближе съ ними ознакомиться, и беззастѣнчиво разсказываетъ небылицы, когда это ему кажется нужнымъ для его цѣлей. Читая выходки г. фонъ-Самсона, невольно вспоминаешь достопочтеннаго „рыцаря печальнаго образа“, и еслибы въ его статьяхъ было меньше инсинуацiй и больше добросовѣстности, то сходство между ними было бы поразительное. Какъ убѣжденный и ревностный приверженецъ сельскихъ и земельныхъ порядковъ прибалтiйскаго края, созданныхъ въ виду интересовъ владѣльческаго класса и сельскаго хозяйства, г. фонъ-Самсонъ не можетъ примириться съ Положенiями 19-го февраля 1861 года, имѣвшими прежде всего цѣлью вырвать съ корнемъ крѣпостное право и обезпечить бытъ сельскаго населенiя имперiи. Чувства его совершенно естественны, и претендовать за нихъ на г. фонъ-Самсона было бы несправедливо. Укажи онъ на слабыя стороны Положенiй, а ихъ не мало, на ошибочность ихъ практическаго примѣненiя и дальнѣйшаго развитiя, хотя бы только съ точки зрѣнiя интересовъ помѣщиковъ и сельскаго хозяйства, его критическiй этюдъ могъ бы быть полезенъ и поучителенъ. Полемика

1) „Vom Lande“. Vergleichende agrar-politische Studie über Mittelrussland und Livland. 1883.

плодотворна только тогда, когда она, становясь на точку зрѣнія противника, изъ нея критикуетъ выставленные имъ тезисы и бьетъ его его же собственнымъ оружіемъ. Освобожденіе крестьянъ въ имперіи задалось, главнымъ образомъ, созданіемъ прочнаго быта и благосостоянія крестьянъ. Эта цѣль не достигнута; напротивъ, во многихъ мѣстностяхъ и во многихъ отношеніяхъ, положеніе сельскаго населенія ухудшилось. Какія тому причины, вотъ что̀ слѣдовало бы г. фонъ-Самсону разсмотрѣть спокойно и безпристрастно. Будь онъ добросовѣстный критикъ, онъ бы нашелъ, что такихъ причинъ очень много, что онѣ очень разнообразны и сложны; въ числѣ ихъ находятся, безспорно, и ошибки, допущенныя въ Положеніяхъ 19-го февраля; но онѣ далеко не существенны и давнымъ давно могли бы быть исправлены, еслибы въ веденіи крестьянскаго дѣла не произошло, послѣ 1861 года, прискорбныхъ колебаній. Но г. фонъ-Самсонъ взялся за дѣло совсѣмъ не съ этою цѣлью. Ему хочется, во что бы то ни стало, опрокинуть ненавистную ему основную мысль и задачу Положеній 19-го февраля, и чтобы достигнуть этого, онъ не останавливается ни передъ какими средствами, клевещетъ, инсинуируетъ, извращаетъ факты, которыхъ часто не знаетъ или не понимаетъ.

Чтобы сказанное не показалось голословнымъ, разсмотримъ нѣсколько подробнѣе брошюру г. фонъ-Самсона.

Канвою для размышленій и выводовъ автора служатъ отзывы и заявленія русской печати, съ которой онъ обращается очень нецеремонно. Изъ книги г. Энгельгардта, изъ его откровенной исповѣди, онъ черпаетъ обѣими пригоршнями все, что̀ прямо или косвенно служитъ къ подтвержденію его соображеній; но какъ только г. Энгельгардтъ сообщаетъ факты, противорѣчащіе его возрѣніямъ, въ особенности отзывы крестьянъ, не соотвѣтствующіе тому, что̀ бы г. Самсонъ желалъ вложить имъ въ уста, онъ приписываетъ ихъ самому г. Энгельгардту и его внушеніямъ (стр. 40, 71, 88, 89, 91). Извлекая какъ пчела полезные для его цѣлей отзывы А. И. Кошелева, котораго величаетъ „высоко уважаемымъ“, г. Самсонъ не упускаетъ назвать его „отрезвившимся“, „обманувшимся въ своихъ надеждахъ славянофиломъ“ (стр. 98, 99), но не упоминаетъ ни однимъ словечкомъ, что г. Кошелевъ принадлежалъ и принадлежитъ къ ревностнымъ и убѣжденнымъ защитникамъ общиннаго крестьянскаго землевладѣнія. Не лучше обращается г. фонъ-Самсонъ и съ покойнымъ княземъ А. И. Васильчиковымъ. Причислить его къ революціонерамъ и нигилистамъ было не легко и потому къ нему примѣняется другой пріемъ: онъ, видите ли, тоже „приносилъ жертвы идолу русскаго генія“ (стр. 51) [1]); но въ его послѣднемъ сочиненіи „нельзя открыть ни малѣйшаго слѣда такого шовинизма (стр. 52). Предлагаемыя кн. Васильчиковымъ осторожныя и благоразумныя мѣры къ развитію у насъ крестьянскаго вопроса и сельскаго хозяйства называются г. фонъ-Самсономъ „паллiативными“, и при этомъ высказывается увѣренность, что „еслибы ему было дано дожить до успокоительнаго ихъ дѣйствія, то онъ, конечно, на нихъ бы не остановился. Отъ него безъ сомнѣнія не укрылось бы, что эти мѣры только палліативныя, и онъ воспользовался бы выиграннымъ временемъ, чтобы напасть на зло въ самомъ его корнѣ“ (стр. 53). Далѣе о князѣ Васильчиковѣ уже прямо говорится, что онъ особенно многознаменателенъ „тою перемѣною, которая въ немъ совершилась въ послѣдніе годы“. „Покойный,—продолжаетъ г. фонъ-Самсонъ, — должно быть дожилъ до своего „дня въ Дамаскѣ“ (намекъ на обращеніе апостола Павла), ибо онъ перестаетъ приносить жертвы безплодному идолу русскаго генія“ (стр. 117). „Что внутренно пережилъ Васильчиковъ въ годы отъ 1876 до 1881 г.? Что̀ заставило его отворотиться отъ „русскаго генія“ и обратиться къ Западу? Было бы и въ психологическомъ отношеніи и несомнѣнно въ государственномъ смыслѣ въ высокой степени интересно узнать процессъ его обращенія. А между тѣмъ, можно только желать, чтобы большинство русскихъ патріотовъ испытали на себѣ такое же обращеніе“ (стр. 121). На бѣду, кн. Васильчиковъ и въ послѣднемъ своемъ сочиненіи предлагаетъ только ограничить закономъ передѣлъ общинныхъ полей и, о ужасъ!—открыть кредитъ и облегчить переселеніе крестьянамъ, терпящимъ недостатокъ въ землѣ. За это онъ, разумѣется, получаетъ отъ г. фонъ-Самсона

---

1) Чтобы не унизиться до клеветы, къ которой то-и-дѣло прибѣгаетъ г. Самсонъ, считаю обязанностью пояснить, что подъ ироническимъ выраженіемъ „руській геній“ г. Самсонъ разумѣетъ не руській національный духъ *по существу*, а то понятіе о немъ, которое высказываетъ ненавистная г. Самсону руськая либеральная интеллигенція.

строгое внушеніе, къ которому наивно прибавляется: „позволительно предположить, что Васильчиковъ, проживи онъ долѣе, еще болѣе приблизился бы къ точкѣ зрѣнія Головина и „сельскаго жителя“ (авторовъ статей, напечатанныхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“).— Не знаю, останутся ли многочисленные почитатели покойнаго князя А. И. Васильчикова довольны такими отзывами объ одномъ изъ достойнѣйшихъ русскихъ людей. О мертвомъ можно писать что угодно! Можно, пожалуй, при помощи разныхъ изворотовъ, лжетолкованій и передергиваній, вывести, что покойный, подъ конецъ жизни, горевалъ объ отмѣнѣ крѣпостного права и, еслибы Богъ продлилъ его живота и вѣка, онъ съ годами обратился бы по своимъ убѣжденіямъ въ полнаго крѣпостника. Умершій самъ защищаться не можетъ: смерть сомкнула его уста на вѣки. Мы думаемъ, что покойный, какъ и всѣ мыслящіе и любящіе свою родину русскіе, глубоко скорбѣлъ, видя, что реформа 1861 года принесла не тѣ плоды, какіе отъ нея ожидались. Какъ человѣкъ въ высшей степени добросовѣстный и правдивый, онъ не скрывалъ отъ себя и отъ другихъ, тяжкаго раздумья, вызваннаго въ немъ печальными явленіями повсемѣстнаго обѣднѣнія помѣщиковъ и крестьянъ и упадка сельскаго хозяйства въ Россіи. Но чтобъ онъ, вслѣдствіе того, отказался отъ основныхъ убѣжденій, которыя проводилъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ и всей своей практической дѣятельности, — это я отрицаю самымъ положительнымъ образомъ, тѣмъ съ большею увѣренностью, что на это нѣтъ нигдѣ ни малѣйшихъ указаній. Ниже я еще возвращусь къ этому предмету, а здѣсь спрошу г. фонъ-Самсона: на чемъ основана его увѣренность, что всѣ русскіе, безпощадно критикующіе положеніе, созданное у насъ реформою 1861 года, стоятъ на его, Самсона, точкѣ зрѣнія и желали бы водворить и у насъ прибалтійскіе поземельные и крестьянскіе порядки? Что такіе есть и у насъ, что ихъ, можетъ быть, не мало, не подлежитъ сомнѣнію; но также несомнѣнно и то, что между горячими противниками теперешняго законодательства о крестьянахъ, мѣстномъ ими управленіи и поземельныхъ правахъ, многое множество ни за что не согласилось бы стать подъ знамя г. фонъ-Самсона; а онъ безцеремонно считаетъ всѣхъ ихъ въ числѣ своихъ единомышленниковъ! Мнѣ не случилось читать статей г. Головина и „сельскаго жителя“; но судя по выпискамъ, помѣщеннымъ въ брошюрѣ г. фонъ-Самсона, я позволяю себѣ сильно сомнѣваться въ томъ, чтобы они желали для Россіи обращенія пятишестыхъ сельскаго населенія въ безземельныхъ батраковъ, сосредоточенія юстиціи и полиціи въ рукахъ владѣльческаго сословія, безусловной отмѣны общиннаго владѣнія и безусловной замѣны его личною крестьянскою поземельною собственностью, отмѣны теперешняго устройства крестьянскаго двора и замѣны его правомъ поземельной собственности одного домохозяина. Повторяю, я сильно сомнѣваюсь, чтобы большинство ярыхъ противниковъ Положеній 19-го февраля, и именно изъ владѣльческаго сословія, явно или тайно стремились къ водворенію у насъ прибалтійскихъ порядковъ. Особенно тѣ изъ владѣльцевъ, которые сами ведутъ свое хозяйство, а число ихъ къ счастью постепенно увеличивается, видятъ и сознаютъ полную, совершенную невозможность для Россіи такой программы. Ихъ жалобы на „либерализмъ“ и „интеллигенцію“ имѣютъ совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой приписываетъ имъ г. фонъ-Самсонъ. Онъ не знаетъ и вовсе не понимаетъ того, что происходитъ теперь въ Россіи, въ мыслящихъ слояхъ общества; а можетъ быть, судя по тону его брошюры, умышленно прикидывается незнающимъ и непонимающимъ. Оттого, то, что онъ пишетъ, не имѣетъ достоинства *критическаго* этюда. Апологія прибалтійскихъ крестьянскихъ и поземельныхъ порядковъ и недобросовѣстное искаженіе русскихъ воззрѣній на эти предметы, какъ противниковъ, такъ и друзей реформы 1861 года, мало принесетъ намъ пользы, и не только намъ, но, я полагаю, и остзейскому краю.

V.

Если г. фонъ-Самсонъ, какъ мы видѣли, не церемонится съ мнимыми своими союзниками, то легко себѣ представить, какому трактаменту подвергаются тѣ, которые прямо и открыто высказываютъ взгляды, противоположные его воззрѣніямъ. На нихъ онъ призываетъ громы небесные и въ особенности земные.

Первый по порядку врагъ, котораго онъ нещадно бичуетъ,—это г. Энгельгардтъ и его талантливая исповѣдь своихъ наблюденій, выводовъ и мнѣній. По началу можно по-

думать, что г. фонъ-Самсонъ имъ очарованъ и увлеченъ: онъ не находитъ словъ какъ превознести его дарованія, его сельско-хозяйственные успѣхи, его тонкую и глубокую наблюдательность; онъ умиляется имъ, вздыхаетъ и плачетъ надъ выводимыми имъ образами и мастерски схваченными и переданными картинками русской сельской жизни и дѣйствительности. Но будьте осторожны, читатель, всѣ эти восторги и слезы не кормъ, а обманъ. Въ высшей степени правдивый и безпощадный бытописатель теперешней русской деревни и ея обитателей не скрываетъ ничего и передаетъ то, что видитъ. Это полемисту съ задними мыслями, подобно г. фонъ-Самсону, какъ нельзя болѣе кстати; онъ тщательно выбираетъ изъ прямодушнаго, неподкрашеннаго разсказа то, что ему нужно для изображенія возможно мрачными красками нашей неприглядной дѣйствительности, заботливо приписывая факты, не отвѣчающіе его воззрѣніямъ, воображенію самого Энгельгардта или его внушеніямъ; когда же онъ высказываетъ свои выводы изъ фактовъ и наблюденій, то г. фонъ-Самсонъ совлекаетъ съ себя хламиду умиленія и восторга и превращается въ яростнаго ненавистника того же самаго автора, котораго передъ тѣмъ превозносилъ, передъ которымъ умилялся.

Г. Энгельгардтъ думаетъ, что въ Россіи общинное крестьянское владѣніе вытѣснитъ индивидуальную поземельную собственность, что противъ артельнаго крестьянскаго хозяйства на общинной землѣ не устоитъ система хозяйства посредствомъ наемныхъ работниковъ. Какъ извѣстно, та же мысль высказывается многими у насъ и въ Европѣ, относительно и фабричнаго и ремесленнаго производства. Можно соглашаться или не соглашаться съ этими взглядами, но преступнаго въ нихъ ничего нѣтъ; преступны только попытки насильственно, путемъ бунта или революціи, навязать осуществленіе такого взгляда странѣ, государству или народу. Умудренные опытомъ, народы и правительства понимаютъ, что съ измѣнившимися обстоятельствами измѣняются и формы соціальной жизни до неузнаваемости. Мысли и взгляды, каковы бы они ни были, суть не что иное, какъ болѣе или менѣе удачныя или неудачныя попытки предугадать направленіе предстоящихъ перемѣнъ и, проведя ихъ черезъ сознаніе, предупредить тяжелыя внезапности, облегчить и смягчить водвореніе въ дѣйствительности новыхъ соціальныхъ порядковъ и отношеній. По мѣрѣ того, какъ это значеніе и роль мыслей и взглядовъ выяснялись, выяснилось и различіе между ними и дѣйствіями, клонящимися къ насильственному измѣненію соціальнаго и политическаго строя: первыя пользуются все большею и большею свободою, послѣднія преслѣдуются, по прежнему, закономъ и судомъ. Начало вмѣняемости, принятое во всѣхъ уголовныхъ кодексахъ относительно всякаго рода преступленій, примѣнено и къ области умственныхъ явленій; въ нихъ тоже разграничены теоретическая сторона отъ практической, и тѣмъ положено прочное начало соглашенію двухъ, повидимому исключающихъ другъ друга потребностей: развиваться, измѣняться, прилаживаясь къ обстоятельствамъ, и въ то же время охранять въ неприкосновенной цѣлости основы, на которыхъ построено общество, государство и народный бытъ.

По незнанію, или преднамѣренно, г. фонъ-Самсонъ не признаетъ этихъ различій. Описавъ, что нигилистическая школа знать не знаетъ собственности, капитала, кредита, идетъ къ цѣли простѣйшими способами, стремится съ грубымъ насиліемъ разрушить все, и что средствами для достиженія этой цѣли служатъ ей рѣшительность, безшабашность, безсовѣстность и озлобленіе, нерѣдко выдающее себя за самоотверженіе, достойное лучшихъ цѣлей, фонъ-Самсонъ прибавляетъ: „воззрѣнія Энгельгардта отдѣляются отъ этой школы шаткими, неясными границами“ (стр. 49). По поводу замѣчанія г. Энгельгардта, что слухи и волненія въ народѣ не были дѣломъ пропаганды, а созданіемъ самого народа, такъ какъ въ томъ краю, гдѣ онъ живетъ, о пропагандистахъ и агентахъ нигилистической школы не было ничего слышно, г. фонъ-Самсонъ иронически инсинуируетъ: „читателю, который отъ самого автора узналъ, какъ ему подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ было до того не по себѣ, что онъ оттого временно былъ приведенъ къ перепою (delirium tremens), видѣлъ чортиковъ, агентовъ полиціи и т. д., и которому не безъизвѣстно прошедшее автора, — читателю, при такихъ увѣреніяхъ, приходитъ на мысль: на ворѣ шапка горитъ—qui s'excuse s'accuse“ (стр. 62 и 63). Предложеніе г. Энгельгардта устроить вывыкупные банки въ пользу крестьянъ, г. Самсонъ называетъ „идеей, великолѣпно выдающейся (abhebende) на Скопинскомъ заднемъ

планѣ“ (стр. 69). Идеалъ будущаго, какъ его представляетъ себѣ г. Энгельгардтъ, по увѣренію его критика, „не результатъ спокойнаго и свободнаго отъ предразсудковъ обсужденія,—онъ возникъ изъ пучины страшно мрачнаго настроенія; ему должна быть присуща и дѣйствительность такого настроенія“ (стр. 71). Г. фонъ-Самсонъ открываетъ,—къ удивленію читателей и, конечно, самого г. Энгельгардта, — что „его яростная страсть къ разрушенію только сначала направлена противъ помѣщичьихъ хозяйствъ, а въ концѣ-концовъ (im Grunde) дѣйствительный предметъ его нападеній лежитъ дальше и выше“. Это открытіе, по увѣренію г. Самсона, подтверждается приводимыми Энгельгардтомъ взглядами крестьянъ, которые, какъ инсинуируетъ г. фонъ-Самсонъ, принадлежатъ самому г. Энгельгардту и внушены имъ же, несмотря на то, что каждый, живавшій въ деревнѣ и обращавшійся съ русскими крестьянами, слыхалъ ихъ не разъ въ безчисленныхъ варіяціяхъ, поговоркахъ и присловіяхъ. Опираясь на такое свое удивительное открытіе, г. Самсонъ продолжаетъ: „такимъ-то образомъ авторъ направляетъ взоры крестьянъ черезъ плечи помѣщиковъ, къ дальнѣйшимъ цѣлямъ всеобщаго разрушенія. Помѣщики должны только первые пасть подъ натискомъ современныхъ гунновъ. Въ этомъ есть метода“ (стр. 72 и 73). Ниже, возвращаясь къ артельной эксплуатаціи земли крестьянами, въ которой, какъ мы видѣли, г. Энгельгардтъ видитъ будущность русскаго сельскаго хозяйства, г. фонъ-Самсонъ, въ заключеніе длинной выходки противъ артельнаго начала вообще, прибавляетъ: „И это начало должно быть насильственно навязано Европѣ,—прежде всего, конечно остзейскимъ провинціямъ,—само собою разумѣется, рука объ руку съ интернаціональнымъ и женевскимъ нигилизмомъ!!“ (стр. 91). Въ другомъ мѣстѣ критикъ упрекаетъ г. Энгельгардта въ томъ, что онъ „ускоряетъ въ лучшемъ случаѣ безплодный, но вѣроятно неисчислимо разорительный переворотъ, возбуждая зависть, подзадоривая самодовольную спѣсь (Grossmannsucht) и разжигая ненависть“ (стр. 92). Всѣ эти инсинуаціи г. фонъ-Самсонъ заключаетъ слѣдующимъ, достойнымъ ихъ выводомъ: „и безъ блестящаго изложенія автора, книга Энгельгардта была бы въ высшей степени опасною, но только для нѣкоторыхъ кружковъ, —именно тѣхъ, которые, по ихъ очевидно нигилистическому предрасположенію, еще не имѣютъ надежды—пока по крайней мѣрѣ еще не могутъ надѣяться—непосредственно участвовать въ опредѣленіи судебъ имперіи“ (стр. 103).

VI.

Я съ своей стороны нахожу взглядъ г. Энгельгардта одностороннимъ и думаю, что онъ не вполнѣ разрѣшаетъ задачу, предстоящую Россіи. Артельное начало, въ примѣненіи къ сельскому хозяйству, было, повидимому, сильно и широко развито у насъ, въ особенности на сѣверѣ; но оно пало, и остатки его, что бы ни говорили славянофилы и народники, съ каждымъ годомъ стираются болѣе и болѣе. Какая тому причина? Гнетъ ли крѣпостной и административный, тяготѣвшій такъ долго на нашемъ крестьянствѣ, вліяніе ли Европы—разрушили артельное начало въ нашемъ сельскомъ населеніи? Мнѣ кажется, ни тѣмъ, ни другимъ этого явленія объяснить нельзя. Гнетъ крѣпостного права далеко не вездѣ проникалъ въ домашній и хозяйственный бытъ крестьянъ и касался ихъ лишь случайно и поверхностно; точно также и административный произволъ и безправіе: они были тяжелы, разорительны, но не измѣняли народнаго быта и нравовъ. Что касается европейскихъ вліяній, то они лишь косвенно, чрезъ вторыя и третьи руки, проникали въ нашъ простой народъ, который, какъ вездѣ сельское населеніе, крайне туго и медленно поддается новымъ обычаямъ и мѣняетъ свои стародавніе. Упадокъ артельнаго начала въ сельскихъ массахъ, въ примѣненіи къ эксплуатаціи земли, правильнѣе, мнѣ кажется, объяснить съ одной стороны развитіемъ индивидуализма, представляющимъ лишь частное примѣненіе къ соціальному быту всеобщаго закона дифференціаціи, а съ другой—совершенно измѣнившимися условіями земледѣлія. Законъ дифференціаціи, господствующій надъ всею природой, человѣкомъ и человѣческими обществами, неудержимо ведетъ къ возможному выдѣленію и обособленію лица, индивидуума изъ той среды, съ которой онъ жилъ общею, нераздѣльною жизнью (и въ которой былъ стушеванъ). И чѣмъ дольше мы будемъ жить, тѣмъ болѣе будетъ ослабѣвать то стадное чувство, которое одни считаютъ великой добродѣтелью русскаго народа, другіе, напротивъ,—главною помѣхою въ развитіи у насъ правильной и благоустроенной гражданской

жизни. Другая причина разложенія старинной земледѣльческой артели, это—измѣнившіяся условія земледѣльческой культуры. Пока земля была дѣвственна и при нехитрыхъ способахъ обработки, доступныхъ огромному большинству сельскаго люда, давала хорошіе урожаи, земледѣльческія артели между жителями той или другой мѣстности могли держаться и процвѣтать. Но какъ только естественное плодородіе земель ослабѣло и для возвращенія имъ ихъ производительности стали необходимы удобреніе и улучшенная обработка, словомъ, когда для земледѣлія понадобился капиталъ и оно стало требовать бо̀льшаго знанія, умѣнья и искусства, постепенно произошла большая перемѣна: то, что̀ было сперва всѣмъ доступно, начало становиться удѣломъ все меньшаго и меньшаго числа, какъ всякое, болѣе осложняющееся дѣло. Эту перемѣну можетъ каждый наблюдать теперь въ нашихъ деревняхъ, и она-то есть одна изъ главныхъ причинъ усиливающагося неравенства въ хозяйственномъ положеніи крестьянъ и возрастающаго между ними желанія владѣть отрубными участками земли, каждый про себя. Я вовсе не отрицаю, что и при такихъ условіяхъ артельное крестьянское хозяйство возможно. Тамъ, гдѣ обстоятельства благопріятствуютъ, я легко могу себѣ представить возникновеніе такихъ артельныхъ хозяйствъ съ усовершенствованной, даже высокой культурой. Но не будемъ себя обманывать: такія артели будутъ не тѣ, какія были прежде, когда онѣ могли опредѣляться однимъ сожительствомъ въ общихъ поселеніяхъ. Артели новой формаціи будутъ результатомъ добровольнаго соглашенія лицъ, соединившихся для общаго предпріятія и имѣющихъ извѣстныя условія достатка и сельско-хозяйственнаго знанія. Около нихъ, какъ и около владѣльческихъ хозяйствъ, будутъ лѣпиться всякаго рода служащіе и рабочіе; но очевидно, такія артели не будутъ имѣть ничего общаго съ теперешними крестьянскими общинами. Во всякомъ случаѣ, земледѣльческія крестьянскія артели новой формаціи, какъ бы онѣ ни были многочисленны и сильны, все-таки будутъ, какъ добровольныя, составлять исключеніе; огромное большинство сельскаго населенія, если не навсегда, то на очень долгое время, останется внѣ артельныхъ союзовъ или будетъ на нихъ работать, что̀ нисколько не измѣнитъ его теперешняго положенія.

Какая же предстоитъ будущность этому огромному большинству? По степени культуры сельскихъ массъ нельзя и мечтать о томъ, чтобъ онѣ были въ состояніи сами собою, безъ посторонней помощи, ввести у себя усовершенствованное сельское хозяйство, а безъ этого, въ недалекомъ будущемъ, занимаемыя ими земли будутъ изведены въ конецъ и не станутъ ничего давать. Къ тому же, на небольшомъ пространствѣ земли, находящейся въ владѣніи или пользованіи каждаго крестьянина, трудно перейти къ улучшенному хозяйству, требующему затраты капитала и временнаго сокращенія производительности почвы. Масса крестьянская бѣдна, несетъ тяжелыя по ея средствамъ и достатку подати и повинности, сокращенія которыхъ нельзя не предвидѣть, не ожидать; а потребности все ростутъ и ростутъ. Чтобы свести кое-какъ концы съ концами, крестьяне вынуждены искать заработка на сторонѣ.

При такихъ условіяхъ, слишкомъ хорошо извѣстныхъ всѣмъ, кто хоть мало-мальски соприкасался съ нашимъ сельскимъ населеніемъ, правильно устроенныя среднія и большія хозяйства составляютъ народную потребность. Въ нихъ сосѣдніе крестьяне найдутъ и готовые образцы, и примѣры улучшенной культуры, и близкіе заработки, дающіе имъ желанную возможность удовлетворить нуждамъ, не покидая своей семьи и своего хозяйства. Хорошо устроенныя среднія и крупныя имѣнія, сами по себѣ, суть культурные центры для окрестнаго сельскаго населенія. Мало того: такъ какъ у насъ улучшенное земледѣліе безъ той или другой отрасли перерабатывающей промышленности немыслимо и ведетъ только къ убыткамъ, то такія имѣнія естественно станутъ центрами не только заработковъ, но и сбыта произведеній.

Таково у насъ значеніе благоустроенныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ посреди сельскаго населенія. Посмотримъ теперь, каково положеніе этихъ хозяйствъ, разсѣянныхъ одинокими оазисами въ многочисленныхъ массахъ сельскаго люда. Безъ постоянныхъ и временныхъ служащихъ и работниковъ они немыслимы. Тѣ и другіе должны соединять въ себѣ извѣстныя, требуемыя въ хозяйствѣ условія знанія и умѣнія, добросовѣстности, честности, трезвости и проч.; а привлечь лучшія рабочія силы можно только справедливымъ вознагражденіемъ труда, хорошимъ содержаніемъ и обращеніемъ, добросовѣстнымъ платежомъ за трудъ. Эта азбука всякаго про-

мышленнаго предпріятія вообще, безъ которой самыя тонкія соображенія прибылей и убытковъ поведутъ только къ печальнымъ неожиданностямъ и недочетамъ. Азбуку эту необходимо ежеминутно помнить, и въ городскихъ промыслахъ, а тѣмъ болѣе въ сельскихъ хозяйствахъ, которыхъ успѣшное развитіе гораздо болѣе городскихъ зависитъ отъ молвы, какая объ нихъ сложилась въ окрестности. Добросовѣстность и честность, о которой мы говоримъ здѣсь, какъ о первѣйшемъ условіи успѣшнаго хозяйничанья, не предполагаютъ даже высокой нравственности: они могутъ быть результатомъ правильнаго разсчета и хорошо понятыхъ собственныхъ интересовъ.

Такимъ образомъ, обстоятельства и условія, въ какія поставлены у насъ крупные и средніе владѣльцы и крестьяне, сами собою влекутъ ихъ къ взаимному сближенію и солидарности. Между ними естественно долженъ завязаться и уже начинаетъ, здѣсь и тамъ, завязываться крѣпкій узелъ,— своего рода ассоціація, формы которой могутъ быть, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ и условіямъ, чрезвычайно разнообразны, но существенный смыслъ которыхъ будетъ одинъ: взаимное все большее и большее тяготѣніе двухъ съ виду противоположныхъ интересовъ —владѣльческаго, бывшаго помѣщичьяго, и крестьянскаго. Не всѣ еще у насъ ясно разглядываютъ этотъ неизбѣжный исходъ изъ-за обломковъ разрушеннаго крѣпостного права. Старые предразсудки и привычки, воспитанные вѣками, еще застилаютъ глаза большинству владѣльцевъ и крестьянъ. Но по мѣрѣ того, какъ бывшія крѣпостныя отношенія будутъ забываться и отходить въ вѣчность, по мѣрѣ того, какъ насущныя практическія потребности, созданныя настоящимъ положеніемъ, станутъ заявлять себя громче и настойчивѣе, убѣжденіе въ совершенной необходимости взаимной солидарности двухъ слоевъ русскаго народа, разрозненныхъ крѣпостною зависимостью одного отъ другого, будетъ рости и укрѣпляться въ общемъ сознаніи и ляжетъ въ основаніе новой русской гражданственности.

Въ эту благодатную колею, которой ни избѣжать, ни отвратить нельзя, мы поставлены, благодаря Положеніямъ 19 февраля 1861 года. Именно тѣмъ, что они радикально разрубили гордіевъ узелъ одинъ разъ навсегда, стало возможно органическое, полное срощеніе разрозненныхъ членовъ русскаго народа. То, что теперь у насъ дѣлается: мѣры къ облегченію тягостей, лежащихъ на народныхъ массахъ, обезпеченіе безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ земельными надѣлами при помощи крестьянскаго банка и переселеній, обязательный выкупъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, остававшихся еще временно-обязанными,—все это суть лишь поправки ошибокъ, допущенныхъ въ Положеніяхъ 19 февраля и при ихъ введеніи въ дѣйствіе колебаніями администраціи. Многое предстоитъ еще сдѣлать въ томъ же направленіи и прежде всего—принять дѣйствительныя мѣры къ прекращенію и предупрежденію дальнѣйшаго обезземеленія крестьянскаго населенія. Всѣ такія и съ тою же цѣлью принимаемыя мѣры не только не противорѣчатъ интересамъ владѣльцевъ, а напротивъ того, упрочиваютъ и укрѣпляютъ почву для органическаго слиянія ихъ интересовъ съ крестьянскими, уничтожая всякій поводъ къ глухому недовольству сельскихъ массъ и отнимая у владѣльцевъ возможность уклониться на заманчивый, но опасный и въ концѣ-концовъ для нихъ самихъ гибельный путь эксплуатированія крестьянства, пользуясь его безпомощностью, бѣдностью и безвыходнымъ положеніемъ. Не нужно никакихъ искусственныхъ мѣръ, въ родѣ вотчинной полиціи, удержанія крестьянскихъ сервитутовъ и черезполосицы съ владѣльческими землями, ни драконовскихъ законовъ, отдающихъ рабочихъ въ руки хозяевъ,—чтобы произвести во всѣхъ отношеніяхъ желанное соглашеніе и сліяніе интересовъ сельскаго населенія и владѣльцевъ; напротивъ, можно съ полною увѣренностью сказать, что чѣмъ самостоятельнѣе, независимѣе другъ отъ друга будутъ поставлены обѣ стороны, чѣмъ добровольнѣе, непринужденнѣе они будутъ сближаться между собою подъ вліяніемъ взаимно тяготѣющихъ ихъ интересовъ, тѣмъ ихъ органическое соединеніе и сростаніе произойдетъ скорѣе и правильнѣе. Необходимо, для поднятія у насъ сельскаго хозяйства, создать сколько-нибудь сносный кредитъ, который бы оно выдерживало; улучшить условія торговли, перевозки товаровъ и способы сообщеній; облегчить, елико возможно, средства пріобрѣтенія сельско-хозяйственныхъ знаній и практической подготовки къ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ, для всѣхъ, начиная съ владѣльцевъ и оканчивая полевыми рабочими. Но всѣ эти и имъ

подобныя мѣры не имѣютъ ничего общаго съ тѣми ограниченіями и стѣсненіями крестьянъ и работниковъ въ интересахъ владѣльцевъ и сельскаго хозяйства, которыя предлагаются многими, подъ давленіемъ настоящихъ тягостныхъ экономическихъ условій. Допустивъ даже, что такое искусственное подчиненіе одного класса населенія другому и принесетъ временную пользу нашему сельскому хозяйству, — въ чемъ позволительно сильно сомнѣваться,—оно отравитъ на долго наше существованіе во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, подогрѣетъ ослабѣвающую рознь сословій и на долго отдалитъ сближеніе владѣльцевъ съ сельскимъ населеніемъ, — сближеніе, которое должно быть главною цѣлью всей нашей внутренней политики и будетъ драгоцѣннѣйшимъ залогомъ нашей государственной мощи и внутренняго процвѣтанія.

VII.

Таковы взгляды, которыхъ я держусь давно и которые высказалъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, въ брошюрѣ, напечатанной за границей подъ заглавіемъ: „Дворянство и освобожденіе крестьянъ". Ихъ я развилъ снова еще недавно, подробнѣе, въ рядѣ статей о крестьянскомъ вопросѣ, напечатанныхъ въ этомъ журналѣ и изданныхъ потомъ особой книжкой. Никто, ни тогда, ни теперь, не заподозрилъ въ этихъ мысляхъ ничего опаснаго или преступнаго, хотя многіе ихъ не раздѣляли и не раздѣляютъ.

Г. фонъ-Самсонъ судилъ объ этомъ иначе. Брошюра его дышетъ ненавистью ко мнѣ и моимъ воззрѣніямъ, которыя, подъ перомъ яростнаго критика, переиначиваются, искажаются самымъ безцеремоннымъ и безсовѣстнымъ образомъ.

„При тогдашнемъ введеніи въ обманъ (Irreleitung), въ концѣ пятидесятыхъ годовъ,— говоритъ мой критикъ,—г. Кавелинъ развивалъ чрезвычайно вредную дѣятельность, не только въ литературѣ, что̀ можно прослѣдить въ тщательно составленномъ сборникѣ Кёйслера, но еще болѣе въ передних (Vorzimmern) и салонахъ (стр. 101)". Въ какихъ „переднихъ" я обнаруживалъ крайне вредную дѣятельность, г. фонъ-Самсонъ не поясняетъ. На основаніи его брошюры, я съ гораздо большимъ основаніевъ могъ бы предположить, что онъ страстно домогается проникнуть въ переднюю департамента государственной полиціи съ своими посильными услугами, но что его туда не пускаютъ, за совершенною негодностью его сообщеній. „Въ извѣстномъ смыслѣ,—продолжаетъ авторъ,— вредность его (т.-е. моя), гораздо больше и опаснѣе, чѣмъ политиковъ изъ школы Энгельгардтовъ съ товарищами. Правда, ученія Энгельгардта заманчивы и соблазнительны по художественности ихъ изложенія; но они выступаютъ не подъ личиной,—они не носятъ на показъ гуманнаго міровоззрѣнія, ни поэтическаго воодушевленія, ни печати науки. Энгельгардтъ ставитъ свои нигилистическія требованія безъ притязаній на философское и научное обоснованіе, съ суровой, мужественной прямотою, даже съ рѣзкостью: c'est à prendre ou à laisser! А г. Кавелинъ... но тутъ самъ читатель, по приведеннымъ ниже образчикамъ, самъ пріищетъ подходящую характеристику" (стр. 101).

Эти образчики, съ совершеннымъ искаженіемъ моихъ мыслей, излагаются вслѣдъ за тѣмъ. Между прочимъ разсказывается (стр. 104), съ какимъ искусствомъ и ловкостью я веду свою аргументацію такъ, что вызываю аплодисменты съ правой и лѣвой стороны. Вотъ бы устами г. фонъ-Самсона да медъ пить! Какъ было бы хорошо, еслибъ дѣйствительно такъ было! Тогда бы я самъ, ничтоже сумняся, воздѣлъ на свою голову лавровый вѣнокъ. — Но критикъ мой только ехидничаетъ. На стр. 103 онъ говоритъ: „изложеніе г. Кавелина опасно для гораздо болѣе обширныхъ круговъ — для тѣхъ, которые не сознаютъ въ себѣ наклонности поощрять нигилизмъ, но которые, подъ напоромъ опьянѣнія либеральными чувствами, обольщенные звучными фразами, сами того не замѣчая, становятся пособниками нигилизма. И какъ, къ сожалѣнію, еще распространены такіе круги!.. Энгельгардтъ и Кавелинъ стремятся совершенно къ однимъ и тѣмъ же цѣлямъ, съ тѣмъ единственнымъ различіемъ, что Энгельгардтъ дѣлаетъ это сознательно и открыто, а г. Кавелинъ"... (стр. 103). Затѣмъ я сравниваюсь съ извѣстнымъ щедринскимъ Тебеньковымъ. „Подобно Тебенькову, г. Кавелинъ— либералъ старинный, архи-либералъ, либералъ стараго закала. Тебеньковъ былъ либералъ въ третьемъ поколѣніи, съ отцовской и материнской стороны. Таковымъ архи-либераломъ, въ глазахъ котораго нѣтъ ничему пощады, который хочетъ не только все измѣнить, все измѣнить радикально, но все „переродить",—

это его подлинныя слова,—г. Кавелинъ оказывается передъ своими читателями съ первой же строки своей статьи, разрѣшающей крестьянскій вопросъ и разрѣшающей его со всѣхъ сторонъ“ (стр. 103 и 104)... „Изложеніе фактическаго положенія вещей у г. Кавелина носитъ вездѣ безъ исключенія [1]) характеръ голословныхъ утвержденій и разглагольствованій, безъ малѣйшаго указанія на собственныя или чужія наблюденія или свидѣтельства. При этомъ изложеніе такъ безусловно осуждаетъ все существующее безъ изъятія, такъ все позоритъ, закидываетъ весь русскій міръ грязью (mit Koth), что съ удивленіемъ спрашиваешь себя: позволительно ли даже архи-либералу *стараго закала* (de la vieille roche) высказывать такіе нестерпимо строгіе приговоры, безъ малѣйшей тѣни основанія? Но г. Кавелинъ-Тебеньковъ зналъ своихъ слушателей: онъ заранѣе былъ увѣренъ не только въ безнаказанности, но даже въ восторженномъ одобреніи (des Zujauchzens) со стороны всей „либеральной“, т.-е. разрушительной „интеллигенціи“. Впрочемъ въ извѣстномъ смыслѣ способъ дѣйствія и появленіе г. Кавелина носятъ сами въ себѣ свое оправданіе. Въ самомъ дѣлѣ, плохо должно быть положеніе въ томъ обществѣ, которое такого рода изложеніе не только терпитъ, но даже награждаетъ отличіями. Можно будетъ привѣтствовать какъ радостный признакъ поворота къ лучшему, когда Кавелины и Тебеньковы не будутъ болѣе находить добровольной аудиторіи“ (стр. 104 и 105). Для поясненія смысла уподобленія меня Тебенькову надо знать, что по понятіямъ самого г. фонъ-Самсона, Тебеньковъ—„праотецъ нигилизма“. Всего больше онъ ненавидѣлъ ясно опредѣленное положеніе дѣлъ. Въ оффиціальныхъ заявленіяхъ онъ расточается въ банальныхъ фразахъ уваженія и любви къ людямъ, а въ интимныхъ разговорахъ хвастается жесточайшимъ презрѣніемъ къ людямъ и высказываетъ какъ аксіому, что принятіе служебной должности не можетъ имѣть другой цѣли, кромѣ самой безшабашной эксплуатаціи грубой и глупой (blöden) толпы (стр. 97). Нашъ геніальный сатирикъ, къ счастію, еще живъ и между нами. Любопытно было бы послушать его, признаетъ ли онъ сходство между Тебеньковымъ и мною? Въ заключеніе г. фонъ-Самсонъ разражается противъ меня слѣдующими словами: „Мы предоставили читателю охарактеризовать по достоинству политику г. Кавелина; но оказывается, что мы поставили слишкомъ трудную задачу: для того, чего еще никогда не бывало, нѣтъ ни понятій, ни словъ. Конечно, никогда еще не бывало, чтобы кто-либо на публичныхъ постахъ, какіе занималъ и занимаетъ г. Кавелинъ, проповѣдывалъ политическія ученія, которыя, если съ нихъ снять прикрасу пышныхъ фразъ, оказываются, при ближайшемъ разсмотрѣніи, похожими какъ двѣ капли воды на чистѣйшій нигилизмъ. Одно несомнѣнно: Энгельгардтъ съ ясно водруженнымъ знаменемъ не такъ опасенъ, какъ слащаво-напыщенный либерализмъ Кавелиныхъ-Тебеньковыхъ... Нельзя довольно настойчиво предостерегать противъ этого направленія, которое уже такъ много надѣлало зла имперіи *вообще* и разочаровало въ надеждахъ, возлагавшихся на великія реформы, искаженіемъ, съ самаго начала, ихъ здоровыхъ основныхъ началъ и отравленіемъ ихъ осуществленія и которое, болѣе чѣмъ всякое другое направленіе, нанесло такой тяжкій вредъ *въ особенности* балтійскимъ провинціямъ, затрудняя и замедляя ихъ здорово возрастающее развитіе. *Доколѣ же наконецъ?!...* [1]). Долго ли еще будетъ русскій народъ продолжать причислять къ своимъ знаменитостямъ и отличать опасныхъ соблазнителей, каковы Кавелины-Тебеньковы?“ (стр. 114 и 115).

На какихъ же данныхъ основаны такія тяжкія обвиненія, посягательства на мое доброе имя и ругательства? Вотъ на выдержку нѣсколько образчиковъ.

Я говорю въ своихъ статьяхъ о крестьянскомъ вопросѣ, что русская печать съ замѣчательнымъ единодушіемъ высказалась о мѣрахъ, необходимыхъ для поднятія благосостоянія крестьянъ, и что мнѣ остается только свести ихъ и резюмировать. Г. фонъ-Самсонъ утверждаетъ, что я недоволенъ разнообразіемъ мнѣній по этому предмету и горько на это жалуюсь (стр. 94).

Я говорю, что людямъ, недовольнымъ ходомъ крестьянскаго дѣла, были зажаты рты. По г-ну фонъ-Самсону, я будто бы говорю, что печать не смѣла ничего выражать, кромѣ

[1]) О томъ, что я указываю на 80% сельскаго населенія въ Россіи, упоминается особо.

[1]) Quousque tandem. Для читателей, не знающихъ или забывшихъ латынь, необходимо пояснить, что такъ начинается извѣстная обвинительная рѣчь Цицерона противъ заговорщика Катилины.

радостнаго и блистательнаго, и что въ поводахъ къ этому недостатка не было (стр. 95).

Я говорю, что крестьянскія школы грамотности должны быть освобождены отъ контроля, но настаиваю на контролѣ и руководительствѣ прочихъ сельскихъ школъ и семинарій сельскихъ учителей. По словамъ г. фонъ-Самсона, я ратую за полную безконтрольность сельской школы (стр. 35, вторая выноска; стр. 110).

Я говорю, что не для чего опасаться молодежи, а слѣдуетъ, напротивъ, готовить изъ нея полезныхъ гражданъ и чиновниковъ въ низшихъ должностяхъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ сельскому люду, который будетъ для нихъ лучшей школой. Г. фонъ-Самсонъ инсинуируетъ, что я имѣю въ виду одну революціонную, а не занимающуюся молодежь, которая будто бы не принадлежитъ къ такъ называемой интеллигенціи (стр. 112).

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ г. фонъ-Самсонъ утверждаетъ, что въ моихъ глазахъ народъ—дрянь (corpus vile), что я изображаю русскую націю, какъ никуда негодную, что я отзываюсь о крестьянахъ съ пренебреженіемъ и крайнимъ презрѣніемъ (стр. 112, 115, 171).

Подъ перомъ г. фонъ-Самсона я превращаюсь въ человѣка съ наклонностями гунновъ и раздѣляю въ этомъ отношеніи судьбу г. Энгельгардта, къ которому тоже относится этотъ приговоръ (стр. 117).

По этимъ немногимъ выдержкамъ читатель можетъ составить себѣ понятіе, съ какимъ противникомъ мнѣ приходится имѣть дѣло.

Г. фонъ-Самсонъ позволяетъ себѣ заглядывать въ мою душу и открывать въ ней разныя злоухищренія противъ русскаго государства, правительства и даже, à la Тебеньковъ, противъ кармана грубаго и глупаго россійскаго всенародства. Да позволено будетъ и мнѣ заглянуть за недобросовѣстныя его выходки и клеветы на русскую интеллигенцію и проникнуть въ сокровенную тайну его мыслей. Почему онъ снисходительнѣе смотритъ на г. Энгельгардта и такъ глубоко ненавидитъ мои взгляды? Не потому ли, что осуществленіе программы г. Энгельгардта менѣе вѣроятно и возможно въ Россіи, чѣмъ моей? Ни мало не исключая возможности крестьянскихъ сельско-хозяйственныхъ артелей и веденія ими усовершенствованной культуры земли, я думаю и убѣжденъ, что будущность принадлежитъ въ Россіи тѣснѣйшему сближенію сельскихъ народныхъ массъ и мелкихъ личныхъ собственниковъ съ средними и крупными землевладѣльцами въ силу одного естественнаго и неудержимаго взаимнаго тяготѣнія интересовъ тѣхъ и другихъ, безъ малѣйшаго участія владѣльческихъ правъ и привилегій надъ сельскимъ людомъ, которыя только способны поддерживать недоразумѣнія и взаимное отчужденіе важнѣйшихъ органическихъ элементовъ страны. Сравнительно недавнее происхожденіе у насъ крѣпостного права, окончательно сложившагося лишь въ XVIII вѣкѣ, служилый характеръ нашего дворянства, которое лишь въ томъ же XVIII в. образовалось въ сословіе, никогда не прерывавшееся у насъ сознаніе о сельскомъ населеніи какъ о составной части русскаго народа, наконецъ, наше гражданское и политическое малолѣтство и низкая степень культуры,—всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, благопріятствуютъ такой, дѣйствительно новой, нигдѣ еще не бывалой постановкѣ общественныхъ элементовъ. Это нашъ вкладъ во всемірную исторію, съ которымъ мы можемъ свѣтло смотрѣть впередъ. Мечта это или нѣтъ, рѣшитъ ближайшее будущее. Повторяю: число владѣльцевъ среднихъ и крупныхъ, смотрящихъ со мною одинаково на взаимныя отношенія владѣльческаго класса и крестьянскаго населенія, растетъ изъ года въ годъ, и г. фонъ-Самсонъ передергиваетъ факты, зачисляя всѣхъ недовольныхъ нашимъ теперешнимъ крестьянскимъ и аграрнымъ законодательствомъ въ свои союзники: огромное ихъ большинство и не помышляетъ о возстановленіи владѣльческихъ привилегій; объ этомъ воздыхаютъ очень немногіе, и число ихъ видимо таетъ.

Совсѣмъ иначе поставленъ вопросъ крестьянскій и аграрный въ прибалтійскомъ краѣ, имѣвшемъ свою исторію. Я вполнѣ понимаю, что тамошніе владѣльцы крѣпко стоятъ за создавшійся у нихъ вѣками строй, охраняютъ елико возможно свои интересы, какъ они ихъ понимаютъ, и объявляютъ заведенные у нихъ порядки наилучшими въ мірѣ. Вражда ихъ противъ того, какъ мы у себя смотримъ на дѣло, вполнѣ понятна. Доказывайте съ Богомъ, что то, что у васъ есть, лучше того, къ чему мы, русскіе, стремимся. Но будемъ же честными противниками, выѣдемъ въ поле съ открытыми забралами и посчитаемся доводами и аргументами, которые и вамъ и намъ выяснятъ, къ обоюдной нашей пользѣ,

сильныя и слабыя стороны того, что̀ есть, и того, къ чему мы, русскіе, идемъ! Клеветы, посягательства на личность и доброе имя противника, передергиванія и недобросовѣстныя искаженія фактовъ и чужихъ мнѣній, къ которымъ такъ широко прибѣгаетъ г. фонъ-Самсонъ, только затемняютъ дѣло, вызывая раздраженіе, котораго всячески желательно было бы избѣжать въ интересахъ дѣла и истины.

VIII.

Въ доказательство, какъ мало г. фонъ-Самсонъ понимаетъ наши дѣла и положеніе, о которыхъ судитъ и рядитъ такъ развязно, приведемъ еще нѣсколько выдержекъ изъ его брошюры.

Русскихъ „кулаковъ“ онъ беретъ подъ свою защиту, стараясь всѣми правдами и неправдами доказать, что кулакъ и разбогатѣвшій мужикъ—одно и то же (стр. 13). Очень можетъ быть, что при крайне низкой степени нашей народной культуры разбогатѣвшіе мужики, въ большинствѣ случаевъ, обращаются въ кулаковъ: гораздо вѣроятнѣе, что кулаки изъ крестьянъ чаще всего становятся разбогатѣвшими мужиками. Но смѣю увѣрить г. фонъ-Самсона, что въ понятіяхъ народа разбогатѣвшій мужикъ и кулакъ совсѣмъ не синонимы. Я лично знаю зажиточныхъ и богатыхъ крестьянъ, которыхъ никто не считаетъ кулаками, и могъ бы назвать по именамъ помѣщиковъ, которые живутъ въ народѣ подъ названіемъ кулаковъ. „Кулакъ“—это притѣснитель, разжившійся бездушною, безсердечной эксплуатаціей бѣдныхъ и безпомощныхъ, „жмачъ“, какъ у насъ выражаются, піявка, которая напивается чужими бѣдами и горемъ. Г. фонъ-Самсонъ ссылается, въ похвалахъ кулаку, какъ будущему нашему спасителю, на слова г. Головина. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ его статьи подъ руками, а г. фонъ-Самсонъ слишкомъ часто передергиваетъ чужія выраженія и мысли, чтобъ ему можно было повѣрить на слово. Что въ кулакѣ выражается, въ грубой и отвратительной формѣ, возникающее у насъ начало индивидуализма—это не подлежитъ сомнѣнію; но также несомнѣнно, что это же начало выражается и въ другихъ, болѣе человѣчныхъ, нравственныхъ и привлекательныхъ формахъ. Наше ближайшее развитіе безспорно будетъ совершаться на почвѣ индивидуализма, а не стаднаго чувства; но это вовсе еще не значитъ, что наша будущность принадлежитъ кулаку, что кулакъ будетъ нашимъ спасителемъ. Съ успѣхами гражданственности и культуры, у кулака будутъ, напротивъ, отрѣзаны крылья, онъ станетъ скромнѣе, вынужденъ будетъ вобрать когти. Вообще, прославленіе русскаго кулака въ устахъ остзейскаго барона, столь щепетильнаго, какъ мы увидимъ, въ вопросахъ нравственности и долга, звучитъ очень странно и дико.

Точно также отзывается полнымъ незнаніемъ нашего быта и народныхъ понятій то, что̀ г. фонъ-Самсонъ говоритъ о батракѣ. Но тутъ онъ, повидимому, менѣе наивенъ, чѣмъ въ сужденіяхъ о кулакѣ, и подтасовываетъ сознательно и умышленно факты и понятія, чтобъ увѣрить насъ, будто намъ не обойтись никакъ безъ сословія сельскихъ безземельныхъ и бездомныхъ работниковъ, на манеръ остзейскаго края. Батракомъ называется у насъ безразлично всякій, нанимающійся у владѣльцевъ и крестьянъ въ работу, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, будетъ ли онъ безземельный и бездомный, или домохозяинъ, на своей или чужой землѣ, или наконецъ, членъ крестьянскаго семейства, имѣющаго свою землю и избу. Это совсѣмъ не то, что особый родъ или сословіе людей, живущихъ наймомъ и работой. Когда у насъ въ народѣ говорятъ съ пренебреженіемъ о батракѣ, то разумѣютъ не вообще всякаго нанимающагося на срокъ работника, а только безземельныхъ и бездомовыхъ людей, которымъ дѣлать больше нечего и питаться нечѣмъ, какъ нанявшись въ работу. Зачастую зажиточные крестьяне отдаютъ въ батраки членовъ своихъ семействъ, которые не нужны для ихъ хозяйства; зачастую также сами хозяева, когда у нихъ есть въ домѣ кому обработывать землю и убирать поле, нанимаются въ батраки, чтобъ заработать лишнюю, необходимую копѣйку; миновала нужда, — они выходятъ изъ найма и возвращаются къ себѣ домой. Къ такимъ батракамъ никто не относится съ пренебреженіемъ: у него есть своя земля, свой домъ; онъ есть только временный случайный батракъ, а не вѣчный, по нуждѣ и ремеслу. По народнымъ понятіямъ, великое несчастіе — не имѣть „ни кола, ни двора, ни милаго живота“. Такого всѣ жалѣютъ и всѣ смотрятъ на него свысока.

Нужно ли намъ сословіе такихъ бездомныхъ работниковъ? Огромное большинство

русскихъ сельскихъ хозяевъ отвѣтитъ, вмѣстѣ со мною, что оно намъ вовсе не нужно теперь и никогда не будетъ нужно для обыкновенныхъ, заурядныхъ сельскихъ работъ. Съ постепеннымъ поднятіемъ уровня культуры въ сельскихъ массахъ, съ успѣхами въ Россіи земледѣлія и сельскаго хозяйства, достоинство рабочаго труда будетъ постепенно улучшаться, а въ предложеніи его никогда недостатка не будетъ, если только владѣльцы не станутъ сами отпугивать отъ себя наемныхъ работниковъ дурнымъ содержаніемъ, дурнымъ обращеніемъ, недобросовѣстной расплатой, несправедливою придирчивостью и требовательностью.

Точно также подтасовываетъ г. фонъ-Самсонъ факты, говоря съ развязностью о полной негодности общиннаго землевладѣнія. Еслибъ онъ хотѣлъ въ самомъ дѣлѣ уяснить себѣ вопросъ, онъ бы нашелъ гдѣ прочитать, что у насъ въ Россіи недостатки общиннаго владѣнія, въ его настоящемъ видѣ, давно сознаны и признаны. Рѣчь идетъ теперь только о томъ, какъ ихъ устранить, не открывъ настежъ дверей къ обезземеленію сельскаго населенія. Объ этомъ вопросѣ теперь много у насъ думается и пишется. Но у г. фонъ-Самсона совсѣмъ не то на умѣ: ему бы до смерти хотѣлось разрушить общинное владѣніе, чтобы создать какъ можно больше безземельныхъ и бездомныхъ людей къ услугамъ сельскихъ хозяевъ; онъ содрогается и приходитъ въ ужасъ при мысли, что устроенъ поземельный кредитъ для облегченія безземельнымъ и малоземельнымъ крестьянамъ покупки земли; онъ съ озлобленіемъ говоритъ о переселеніи крестьянъ на окраины и пустынныя пространства имперіи; онъ не помнитъ себя отъ ярости, помышляя, что эти дьявольскія измышленія, исчадія самого ада, могутъ, чего добраго, коснуться прибалтійскаго края. Еслибъ онъ больше зналъ Россію, то можетъ быть понялъ бы, что всѣ эти мѣры и взгляды такъ же послѣдовательно вытекаютъ изъ всей нашей исторіи и прошедшаго, какъ его воззрѣнія—изъ прошедшаго остзейскаго края, и что нигилизмъ, ненависть къ дворянству, динамитчики, интернаціоналка и женевскіе разрушители во всемъ этомъ рѣшительно ни при чемъ.

Г. фонъ-Самсонъ, вмѣстѣ съ приверженцами партіи покойной „Вѣсти“, увѣряетъ, что у русскаго крестьянина „нѣтъ смысла къ личной (privaten) поземельной собственности“ (стр. 68). Подразумѣвается, конечно, что русскій крестьянинъ—коммунистъ, благодаря общинному землевладѣнію. Надо имѣть много храбрости, чтобъ утверждать подобную нелѣпость и ложь. Я на своемъ вѣку имѣлъ довольно дѣла съ русскими крестьянами и могу засвидѣтельствовать, что *всѣ, безъ изъятія*, отлично понимаютъ разницу между общинной, мірской и своей собственной землей, и что *всѣ, безъ изъятія*, очень дорожатъ послѣдней и всячески стараются ее пріобрѣсти, какъ только имѣютъ къ тому малѣйшую возможность. Значитъ ли это, что общинную землю надо превратить въ личную крестьянскую собственность? Нѣтъ, это только указываетъ, что приспѣло время видоизмѣнить способъ пользованія общинной землей, приспособить это пользованіе къ нарождающимся въ русскомъ народѣ потребностямъ индивидуальной эксплуатаціи земли и улучшенной земледѣльческой культуры. И это очень возможно, не уничтожая общиннаго землевладѣнія. Я говорю объ этомъ подробно въ своихъ статьяхъ о крестьянскомъ вопросѣ. Конечно, найдутся и другіе способы, по мѣрѣ того, какъ этотъ предметъ будетъ разрабатываться.

Восхитительны у г. фонъ-Самсона разсужденія объ эгоистичности и безнравственности артельнаго начала! Читатель, пожалуй, мнѣ не повѣритъ и подумаетъ, что я заразился примѣромъ моего критика и позволяю себѣ передержку въ передачѣ его мнѣнія. Вотъ его подлинныя слова, въ точнѣйшемъ переводѣ:

„Изъ собственныхъ словъ Энгельгардта можно доказать, что въ основаніи артели лежитъ насквозь безнравственная (durch und durch unsittliche) предпосылка. А именно, молча принимается и признается, какъ неизмѣнный и неопровержимый фактъ, что каждый по возможности старается нанести ущербъ (benachtheiligen) соучастникамъ и экономитъ своими силами, своею работою относительно общей цѣли. Потому-то въ артель не сходятся родственники, друзья, единомышленники, а чужіе другъ другу, по возможности одаренные одинаковою физическою силою. Если возможна поштучная (урочная?) работа, —ѣдятъ вплотную, но каждый остерегается сработать ежедневно больше, чѣмъ сколько назначено слабѣйшему изъ артели, а старательскія работы оплачиваются особо. Когда нельзя работать иначе какъ сообща, доволь-

ствуются простою картофельною пищею,—*не стоитъ лучше ѣсть*, потому что сильный былъ бы дуракъ, еслибъ сталъ работать больше слабаго. Итакъ, это не есть ассоціація въ собственномъ смыслѣ, для успѣховъ которой каждый дѣлаетъ все возможное; это даже не величавое національное учрежденіе Китая, который въ цѣломъ своемъ составѣ можетъ быть принятъ за громадную артельную мастерскую. Артель возникла изъ сдѣлки другъ другу недовѣряющихъ эгоистовъ. Цѣлью артельнаго труда поставленъ крайній минимумъ работы, такъ какъ мѣра ея опредѣляется наислабѣйшимъ изъ участниковъ артели. Веденіе хозяйства наемными работниками потому и несимпатично Энгельгардту, что при этомъ цѣлью полагается высшая мѣра выполненной работы. Артель выработалась подъ могучимъ давленіемъ неразрушимаго, сильно толкающаго индивидуализма, которому не дано простора для достойнаго, нравственнаго развитія. Артель дѣйствуетъ въ промыслѣ принижающимъ, подравнивающимъ всѣхъ въ посредственности (nivellirend) образомъ, какъ общинное владѣніе подравниваетъ и держитъ въ черномъ тѣлѣ (niederhält) сельское хозяйство. И въ этомъ Энгельгардтъ нашелъ спасительное, обѣщающее въ будущемъ начало!!" (стр. 90 и 91).

Неспособность г. фонъ-Самсона понимать живыя явленія поразительна! Артель, которую онъ описываетъ со словъ г. Энгельгардта, некрасива, но вовсе не эгоизмомъ, не безнравственностью, всего менѣе желаніемъ выровнять работу каждаго, принявъ за единицу трудъ слабѣйшаго изъ членовъ (какая же артель, какое добровольное общество людей можетъ вести дѣло безъ такого выравненія!); она некрасива близорукостью, непониманіемъ своихъ прямыхъ интересовъ, неумѣньемъ дѣлать разсчетъ дальше того, что у нея лежитъ подъ-носомъ; а это происходитъ единственно отъ недостатка культуры, развитія, образованія. Точно то же должно сказать и о пользованіи общинной землей. Существующій способъ не отвѣчаетъ развивающемуся индивидуализму и требованіямъ улучшеннаго хозяйства и продолжаетъ держаться, въ ущербъ прямымъ интересамъ крестьянъ, благодаря той же ихъ необразованности, неразвитости, недостатку культуры. Я спрошу г. фонъ-Самсона: изъ нравственныхъ или иныхъ побужденій онъ желаетъ, во что бы то ни стало, создать у насъ сословіе безземельныхъ батраковъ, боится какъ огня переселеній и облегченія крестьянамъ покупки земли? Изъ нравственныхъ или иныхъ побужденій отъ наемнаго работника требуется максимумъ труда?

На эти вопросы онъ едва ли въ состояніи отвѣтить. Его понятія о чувствѣ долга и нравственности — маниловскія. Повидимому, онъ и не подозрѣваетъ, что иное—нравственность какъ принципъ, иное—какъ разсчетъ и хорошо понятый интересъ. Человѣка, который ведетъ себя безукоризненно по отношенію къ другимъ людямъ, мы называемъ нравственнымъ; но онъ можетъ, въ глубинѣ души, быть самымъ безнравственнымъ и только изъ тонко понимаемаго разсчета поступать всегда хорошо. Дѣйствительно нравственнымъ будетъ только тотъ, кто въ глубинѣ своей совѣсти и сознанія ставитъ добро, истину, благо, выше всего на свѣтѣ и всегда неуклонно сообразуетъ съ этимъ сознаніемъ свои поступки, хотя бы они принесли ему не пользу, а вредъ. Такихъ нравственныхъ людей немного на свѣтѣ: огромное большинство нравственно въ своихъ дѣйствіяхъ изъ разсчета, изъ хорошо понятыхъ интересовъ. Все это г. фонъ-Самсонъ смѣшиваетъ и поетъ фальцетомъ о чувствѣ долга и нравственности,— конечно, наемныхъ работниковъ, — тѣмъ съ большимъ умиленіемъ, что максимальный трудъ ихъ и доброе поведеніе не безвыгодны для хозяевъ. При такихъ предпосылкахъ, я понимаю точку зрѣнія Подхалюзина, который откровенно заявляетъ, что честность и безчестность зависятъ отъ того, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Огромное большинство не въ состояніи подняться выше, до чистой, идеальной, принципіальной нравственности, и было бы крайне несправедливо отъ него этого требовать. Потому-то я и убѣжденъ, что чѣмъ независимѣе, самостоятельнѣе, юридически и экономически, будетъ крестьянинъ и работникъ поставленъ отъ владѣльца и хозяина, чѣмъ болѣе ихъ будутъ связывать собственныя выгоды и интересы, тѣмъ тѣснѣе и нравственнѣе, въ обыденномъ смыслѣ, будутъ ихъ взаимныя отношенія.

Безподобно также пониманіе г. фонъ-Самсона характера русскаго народа. Авторъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ отзывается о его природныхъ наклонностяхъ и способностяхъ, въ особенности горячо говоритъ о его всегдашней готовности помочь ближнему въ нуждѣ, и между прочимъ замѣчаетъ, что эта

прекрасная черта „легко перерождается въ безразсудную сантиментальность“ (стр. 91)! Русскій народъ сантименталенъ! Кто это когда-нибудь слыхалъ? Болѣе трезваго реалиста, каковъ русскій крестьянинъ, трудно найти на цѣломъ земномъ шарѣ. Но въ немъ, природой или обстоятельствами — это выяснитъ дальнѣйшая исторія — глубоко развиты инстинкты общественности, и онъ очень смышленъ. Замѣчательное добросердечіе въ немъ удивительнымъ образомъ переплетается съ неменѣе замѣчательною практическою складкою ума. Ни тѣни мечтательности, идеальничанья, отвлеченной чувствительности нѣтъ въ простомъ русскомъ человѣкѣ. Практическая смѣтка никогда его не покидаетъ, онъ съ нею никогда не разстается. Это драгоцѣнное соединеніе качествъ, повидимому, исключающихъ другъ друга, и есть тотъ залогъ, на которомъ многіе изъ мыслящихъ людей строятъ великую и свѣтлую будущность русскаго народа. Еслибъ стоило что-либо рекомендовать г. фонъ-Самсону, то я бы посовѣтовалъ ему пожить съ этимъ народомъ: онъ бы скоро убѣдился, что сантиментальности въ немъ нѣтъ ни капли, что только дѣла, дѣла и дѣла способны его глубоко затронуть.

Какъ мало г. фонъ-Самсонъ знаетъ и понимаетъ русскій народъ, такъ же мало, до смѣшного мало, знакомъ онъ съ различными теченіями русской мысли, и оттого безпрестанно попадаетъ въ забавный просакъ въ своихъ сужденіяхъ и выводахъ. Казалось бы, произнося смертный приговоръ русской интеллигенціи, надо бы, по крайней мѣрѣ, знать, о чемъ говоришь. Для образчика, какъ онъ знаетъ, вотъ курьезный qui pro quo. Въ его брошюрѣ (стр. 96—98) разсказывается, какъ съ половины 60-хъ годовъ „съ жаромъ предпринятая земская дѣятельность была съ особенной энергіей осажена, искажена и остановлена“; какъ „разогорченные (дѣятели) побросали оружіе и повышли изъ дѣлъ, согласно съ желаніемъ бюрократическаго либерализма“; затѣмъ, фонъ-Самсонъ продолжаетъ: „въ этотъ же періодъ удалось также „либеральнымъ“ вліяніямъ устранить мировыхъ посредниковъ, имъ (т.-е. либеральнымъ вліяніямъ) ненавистныхъ за „сословное“ происхожденіе (т.-е. изъ дворянства), но которыхъ крестьяне всѣмъ сердцемъ желали имѣть снова. Это одно изъ самыхъ темныхъ пятенъ, которыя исторія оставитъ на русскомъ такъ-называемомъ „либерализмѣ“... „Тебеньковымъ“ должно было быть бѣльмомъ на глазу, что усердная, благодатная дѣятельность „сословныхъ“ мировыхъ посредниковъ на дѣлѣ старалась сдѣлать безвредными и всѣ тѣ пагубные зачатки, которые „либерализмъ“, несмотря на многія, настоятельныя предостереженія, съумѣлъ внести въ законъ объ эманципаціи. Дворянство встрѣтило эманципацію съ теплымъ сочувствіемъ, несмотря на ея ошибочную организацію, но позднѣе, когда преувеличенныя надежды довели крестьянъ до безразсудства (zu Störrigkeit), настроеніе дворянства охладѣло, и все дѣло эманципаціи подверглось величайшей опасности, — тогда ея осуществленіе, мирное и благополучное, совершилось благодаря единственно и исключительно неутомимому терпѣнію и неустанной дѣятельности „сословныхъ“ мировыхъ посредниковъ—труду, за который потомство не можетъ быть имъ довольно признательно. Тѣ же мировые посредники могли бы съ успѣхомъ руководить крестьянскими общинами и имѣть надъ ними надзоръ, послѣ того какъ вліяніе на нихъ владѣльцевъ (Gutsherrschaften) должно было прекратиться. Это не могло быть на руку Тебеньковымъ,—вѣдь то были „сословно“ выборные (?) органы, а не демократически - либеральные чиновники! Мѣсто ихъ должны были заступить незнакомыя съ мѣстностью, недоступныя и равнодушныя или даже своекорыстныя должностныя лица; либеральный доктринализмъ облекъ общины подобающею имъ самодержавною властью, и, какъ безапелляціонныя инстанціи, онѣ должны были быть предоставлены самимъ себѣ, безъ контроля. Естественныя послѣдствія такой системы не замедлили оказаться, и они должны въ высшей степени удовлетворять ея творцовъ!“

Вотъ ужъ подлинно: мѣтилъ въ коршуна, а попалъ въ ворону! Кромѣ совершенно справедливыхъ и вполнѣ заслуженныхъ похвалъ мировымъ посредникамъ, во всемъ, что говоритъ г. фонъ-Самсонъ, нѣтъ ни слова правды. Неправда, что мировые посредники были выборные; неправда, что они были замѣнены коронными чиновниками; неправда, что „самодержавіе“ общинъ создано въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ Тебеньковыми. Но самый забавный промахъ г. фонъ-Самсона заключается въ томъ, что мировые посредники, которыхъ онъ такъ справедливо превозноситъ, были созданы, съ самостоятельною

властью, съ зависимостью отъ одного сената, именно ненавистными ему, его, самсоновскими Тебеньковыми, либералами и врагами дворянства—Самариными, Милютиными, Черкасскими, къ которымъ онъ дѣлаетъ мнѣ величайшую честь причислить и меня, „хотя и ставитъ отъ нихъ въ почтительномъ отдаленіи“ (стр. 157), а сломили и разрушили это благотворное учрежденіе, устранили дѣятельныхъ и полезныхъ мировыхъ посредниковъ разными каверзами, подвохами и клеветами, выдавая ихъ за „ржондъ народовый“, — настоящіе щедринскіе Тебеньковы, смѣнившіе Самариныхъ, Милютиныхъ и Черкасскихъ. Принимаясь писать о нашихъ русскихъ дѣлахъ, слѣдовало хоть спросить въ Петербургѣ людей, знакомыхъ съ дѣйствительнымъ ходомъ освобожденія крестьянъ. Между проживающими въ немъ остзейцами есть много добросовѣстныхъ людей, которые могутъ разсказать, какъ что происходило. Но видно о добросовѣстномъ разсказѣ г. фонъ-Самсонъ всего менѣе заботился.

IX.

Пора кончить. Всѣхъ клеветъ, инсинуацій, доносовъ, искаженій фактовъ, извращеній здраваго человѣческаго смысла въ брошюрѣ г. фонъ-Самсона, заключающей въ себѣ всего 176 страницъ, не оберешься; да и не для чего. Книжонка его, сама по себѣ, не стоитъ того, чтобъ обмакнуть изъ-за нея перо въ чернильницу. Я бы и прошелъ ее совершеннымъ молчаніемъ, еслибъ серьезные высшіе интересы не вызывали меня на отвѣтъ и возраженіе. У насъ и въ прибалтійскомъ краѣ очень немногіе знаютъ, въ чемъ собственно заключается здѣсь и тамъ различіе аграрнаго и крестьянскаго вопросовъ, каковы сильныя и слабыя стороны двухъ принципіально различныхъ системъ освобожденія крестьянъ, у насъ и въ остзейскихъ провинціяхъ. Къ сожалѣнію, русскій и нѣмецкій шовинизмъ, вмѣсто того, чтобы разъяснить вопросъ и вести къ спокойному и безпристрастному его обсужденію, только его запутываютъ и производятъ во всѣхъ отношеніяхъ безплодное взаимное раздраженіе; а теперь больше чѣмъ когда-нибудь желательно и необходимо отыскать, установить и утвердить ту общую почву, на которой бы могли быть приведены къ взаимному пониманію и возможному взаимному соглашенію интересы ядра русскаго государства съ присоединенными къ нему провинціями и національностями. Это, въ настоящее время, одна изъ важнѣйшихъ задачъ всей интеллигенціи и печати, всѣхъ лучшихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ имперіи, безъ различія классовъ, религій и народностей. Писанія, подобныя самсоновскимъ, ведутъ къ противоположной цѣли и потому не могутъ быть обойдены молчаніемъ. Нельзя кстати не пожалѣть, что почтенный рижскій журналъ, Baltische Monatsschrift, принялъ, безъ критики и оговорки, безобразныя измышленія г. фонъ-Самсона. Его медвѣжьи услуги дѣлу, которое защищаетъ, не могутъ быть полезны ни намъ, ни прибалтійскому краю.

Статья эта была уже окончена, когда мнѣ доставленъ контръ-протестъ г. фонъ-Самсона на протестъ д-ра И. А. Кейслера въ защиту моей личной чести и нравственнаго достоинства противъ наглыхъ выходокъ автора разобранной нами брошюры (см. Rigasche Zeitung за нынѣшній годъ, прибавленіе къ №№ 115 и 126 и слѣд.). Въ этомъ любопытномъ документѣ повторяются тѣ же обвиненія и тѣ же недостойные извороты и передержки, что и въ книжонкѣ. Г. фонъ-Самсонъ оговаривается, что подъ „передней“ онъ разумѣетъ „политическую переднюю“. О такой я никогда не слыхалъ: должно быть ему одному она и извѣстна. Передняя есть передняя, и если онъ ихъ различаетъ, то почему же такъ и не объяснилъ сначала? Очевидно, онъ предпочелъ предоставить читателю толковать это слово и такъ и этакъ.

Авторъ брошюры оговаривается также, что своекорыстіе, ненависть къ народу и цинизмъ Тебенькова — черты случайныя, не составляющія необходимой принадлежности этого типа, и могутъ ко мнѣ и не относиться. Но въ такомъ случаѣ — зачѣмъ же онъ ихъ выписываетъ изъ Щедрина? Не съ тѣмъ ли же ехиднымъ умысломъ, что читатель, пожалуй, припишетъ эти случайныя черты и мнѣ?

Что касается до моей тайной, скрытой ненависти къ дворянскому сословію, то на этомъ обвиненіи онъ стоитъ крѣпко и повторяетъ его на разные лады. На это замѣчу, что не питаю ни малѣйшей тѣни ненависти ни къ одному общественному классу, положенію, сословію, честному промыслу и занятію, начиная отъ высшихъ и оканчивая самыми низменными; искренно и всѣми силами души ненавижу только обманъ, ложь, фарисейское лицемѣріе, гнетъ, насиліе и несправедливость,

откуда бы они ни исходили и въ какія бы благовидныя формы ни облекались. Пишу это не для г. фонъ-Самсона, а для читателей. Что касается до моего критика, то я вижу въ немъ не болѣе, какъ жалкаго фальсификатора фактовъ и чужихъ мнѣній, незаслуженно носящаго громкое имя. У него нѣтъ и тѣни мощи его тёзки, знаменитаго израильскаго богатыря, и совсѣмъ не кстати „небесная звѣзда" красуется въ его титулѣ: до правды, безпристрастія и здраваго пониманія вещей ему какъ до звѣзды небесной далеко!

(Вѣстникъ Европы, 1883, кн. IX).

19-ое ФЕВРАЛЯ

1861—1881.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, совершилось одно изъ величайшихъ событій русской и всемірной исторіи: двадцать милліоновъ людей, бывшихъ до тѣхъ поръ почти полными рабами, стали полноправными гражданами; въ то же время началось, а теперь почти совершилось обращеніе всей массы нашихъ крестьянъ, представляющихъ болѣе 80 проц. населенія имперіи, въ мелкихъ поземельныхъ собственниковъ. Ничего подобнаго еще никогда не совершалось въ такихъ громадныхъ размѣрахъ.

Первая половина великаго дѣла, котораго мы были свидѣтелями, а многіе изъ насъ и посильными участниками, именно отмѣна крѣпостного права, несмотря на всю ея важность, имѣетъ собственно мѣстный характеръ и значеніе. Западная Европа давно уже не знаетъ крѣпостного права. У насъ упраздненіе его представляетъ ту замѣчательную особенность, что имъ закончился у насъ рядъ раскрѣпощеній, продолжавшихся цѣлое столѣтіе. Когда московское государство окончательно сложилось въ XVII вѣкѣ, оно было, сверху до низу, построено по началамъ крѣпостного права. Типъ крѣпостной зависимости былъ въ немъ проведенъ съ поразительной послѣдовательностью, какъ въ общихъ условіяхъ, такъ и въ мелкихъ подробностяхъ государственнаго, общественнаго и частнаго быта. Вступивъ, при Петрѣ Великомъ, въ семью европейскихъ державъ, московское государство выросло въ россійскую имперію и стало постепенно совлекать съ себя полуазіатскія патріархальныя формы, замѣняя ихъ исподоволь правовыми, юридическими. Изъ крѣпостной зависимости вышли прежде всего, еще въ XVIII вѣкѣ, служилые классы, получивъ безвозмездно, въ личную собственность, помѣстья, принадлежавшія государству. Затѣмъ, раскрѣпощеніе коснулось купцовъ и горожанъ. Позднѣе, уже въ XIX вѣкѣ, признано было правомѣрное существованіе крестьянъ, не состоявшихъ подъ крѣпостнымъ правомъ частныхъ владѣльцевъ. Положенія 19 февраля отмѣнили и этотъ послѣдній видъ крѣпостной зависимости. Въ настоящее время крѣпостное право упразднено у насъ окончательно и повсемѣстно. Запоздалые его остатки, уцѣлѣвшіе случайно, отмѣнены вскорѣ послѣ 1861 года. Отъ патріархальнаго строя удержались еще кой-какія привычки, но и онѣ мало-по-малу замираютъ, не находя уже для себя благопріятной почвы въ новыхъ правовыхъ учрежденіяхъ русскаго государства.

Вторая сторона великаго дѣла 19 февраля 1861 г. есть, какъ сказано, созданіе въ Россіи въ колоссальныхъ размѣрахъ мелкой крестьянской поземельной собственности. Оно имѣетъ не только мѣстное, русское, но и всемірное значеніе. Въ этомъ событіи осуществились мирно, законодательнымъ путемъ, завѣтные идеалы передовыхъ людей и реформаторовъ древняго и новаго міра, заложены основанія новой гражданственности, о которыхъ дерзали мечтать только самые смѣлые умы. Непоколебимая устойчивость и прочность этихъ основъ разсчитана на громадные размѣры государствъ новой формаціи, съ которыми старыя не идутъ въ сравненіе. Невольно съ изумленіемъ останавливаешься передъ этимъ совсѣмъ новымъ, необычайнымъ фактомъ, который является какъ бы заключительнымъ практическимъ выводомъ изъ просвѣтительныхъ стремленій двухъ послѣднихъ вѣковъ и какимъ-то прологомъ къ новому періоду всемірной исторіи, еще скрытому отъ пытливаго глаза современныхъ людей. Мы можемъ отнынѣ, не впадая въ квасной патріотизмъ и китайское самомнѣніе, съ гордостью сказать, что мы первые отперли дверь въ грядущее и уже занесли туда ногу. Въ

этомъ грядущемъ наши историческія судьбы уже опредѣлились безповоротно и окончательно тѣмъ, что явленіе такого всемірнаго значенія впервые совершилось у насъ, и именно въ тотъ моментъ, когда Россія только-что вышла изъ патріархальныхъ пеленъ, чтобы вступить въ условія гражданскаго существованія. Теперь она уже стала на рубежѣ новаго міра съ задатками на роль и значеніе, какихъ ей не сулилъ, въ своихъ самыхъ пламенныхъ патріотическихъ мечтахъ, величайшій изъ русскихъ людей—самъ Петръ, умѣвшій провидѣть впередъ за цѣлые вѣка.

При этихъ мысляхъ сильнѣе бьется русское сердце, растутъ силы, родится вѣра, удвоивается готовность бодро служить родинѣ всѣмъ своимъ существомъ, какъ служилъ ей тотъ же Петръ, родоначальникъ теперешней Россіи.

Свѣтлая картина, которую мы передъ собой видимъ, не выдумана; она списана съ несомнѣннаго, живого, дѣйствительнаго факта. Но для насъ, современниковъ, она омрачается не однимъ пятномъ, и изъ-за этихъ пятенъ мы съ трудомъ ее разглядываемъ. Наше національное сознаніе далеко еще не стало въ уровень съ тѣмъ, что̀ совершается передъ нашими глазами. Отъ патріархальнаго прошлаго мы наслѣдовали большую долю распущенности, которая мѣшаетъ намъ сосредоточить мысль на главномъ, не раскидываясь по сторонамъ, не теряясь въ мелочахъ и подробностяхъ. Отсюда у насъ неустойчивость въ цѣляхъ, неумѣнье ихъ преслѣдовать; частыя прискорбныя колебанія и отклоненія отъ историческаго пути, на который, часто противъ воли, ведетъ насъ весь строй и ходъ нашей жизни, всѣ наши естественныя влеченія. Отсюда же у насъ неизлечимое легкомысліе и вѣтренность, способность увлекаться ближайшимъ и вполнѣ отдаваться его вліяніямъ, съ совершеннымъ забвеніемъ того, къ чему мы хотѣли и должны идти. Отсюда же и наша апатичность, безсмысліе, способность преслѣдовать безъ оглядки ближайшія, своекорыстныя или мелочныя цѣли, не думая объ общихъ задачахъ, которыя волей-неволей, а надо разрѣшать. Заложенное и начатое сегодня, въ величавыхъ размѣрахъ, мы завтра бросаемъ, и оно поростаетъ быліемъ, а невѣжество и своекорыстіе этимъ пользуются во вредъ государства и народа. Въ прошедшія двадцать лѣтъ недостатки Положеній 19-го февраля могли бы уже быть исправлены, намѣченныя ими задачи—разрѣшены, новыя стороны дѣлъ, указанныя практикой и опытомъ, — развиты и прочно поставлены. Вмѣсто того, не разъ приходилось съ горестью видѣть, какъ съуживался и искажался, въ частяхъ и въ цѣломъ, глубоко, зрѣло обдуманный планъ обновленія нашего быта, какъ онъ перетолковывался, вопреки его ясному несомнѣнному смыслу, ради себялюбивыхъ частныхъ и сословныхъ интересовъ, какъ его развитіе задерживалось на дѣлѣ и принимало въ дѣйствительности вовсе несоотвѣтствующее ему направленіе.

Какъ ни прискорбны эти пятна, но они не должны смущать насъ, или повергать въ уныніе или отчаяніе. Обратимся назадъ. Развѣ нерѣшительность поступи есть у насъ что-нибудь новое, никогда невиданное? Развѣ теперь впервые мы дѣлаемъ шагъ впередъ и десять — вправо и влѣво, вкривь и вкось? Благодаря нашему историческому возрасту, котораго мы не видимъ изъ-за подмалевки подъ культуру зрѣлыхъ народовъ, мы до сихъ поръ еще не умѣемъ подняться надъ фактами, подчинять ихъ нашей мысли и волѣ, дорожить временемъ, экономничать силами. Эти наши недостатки надо брать въ разсчетъ, обсуждая то, что̀ у насъ дѣлается. Чтобы вѣрно цѣнить историческія явленія, особливо имѣющія всемірное значеніе, надо смотрѣть на нихъ въ извѣстной перспективѣ, не поднимаясь на высоту орлинаго полета, но и не подходя на такое близкое разстояніе, съ котораго нельзя уловить стиля и пропорцій цѣлаго. Многое могло быть сдѣлано лучше при установленіи плана новаго зданія нашего быта; много силъ и времени могло быть сбережено при его исполненіи. Дѣло нашего гражданскаго перерожденія совершалось далеко не такъ успѣшно и послѣдовательно, какъ желалось, думалось и мечталось. Все это, къ сожалѣнію, правда. Но не забудемъ, что перерожденіе все же началось и совершается, что оно несомнѣнно и неизбѣжно; что какъ бы ни были люди близоруки, колебанія вредны и прискорбны, на немъ, на нашемъ перерожденіи, уже успѣли отпечатлѣться новые пути исторіи и геній русскаго народа.

Простимся же безъ зла съ минувшимъ двадцатилѣтіемъ и встрѣтимъ бодро и мужественно наступающее, послѣднее — XIX столѣтія.

(Порядокъ, 1881, № 49).

ДВѢ РѢЧИ О КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМѢ.

I.

19-го февраля 1881 г. [1]).

Сегодня мы собрались вспомнить двадцатую годовщину отмѣны въ Россіи крѣпостного права. Хотѣлось бы сказать „праздновать“, но это слово какъ-то нейдетъ съ губъ и едва ли бы отвѣчало чувствамъ, съ которыми мы сюда пришли:

И сколькихъ нѣтъ теперь въ живыхъ,
Тогда веселыхъ, молодыхъ,—

молодыхъ силами, розовыми надеждами, вѣрою въ грядущее,—

И крѣпокъ ихъ могильный сонъ!

Мало уже осталось изъ числа тѣхъ, которые, двадцать лѣтъ тому назадъ, вынесли на своихъ плечахъ дѣло упраздненія крѣпостного права.

А то, что̀ мы пережили въ эти двадцать лѣтъ, тоже мало располагаетъ къ радостнымъ чувствамъ и праздничному настроенію. Кто изъ насъ не вѣрилъ горячо, что отмѣна крѣпостного ига дастъ нашему крестьянству матеріальное довольство, вызоветъ экономическое процвѣтаніе, подъемъ народныхъ силъ, сознаніе личности и правъ, разовьетъ просвѣщеніе и нравственность, словомъ — принесетъ съ собою всѣ блага гражданской свободы? Сближеніе и тѣсное единеніе двухъ слоевъ русскаго народа, разрозненныхъ рабствомъ, развѣ не должно было быть необходимымъ, строго-логическимъ послѣдствіемъ его прекращенія? А что̀ вышло на самомъ дѣлѣ? Едва успѣли Положенія 19-го февраля 1861 года стать закономъ, какъ духъ ихъ отлетѣлъ, и осталась одна буква; но и самая буква ихъ, гдѣ только было возможно, объяснялась въ ущербъ, а не въ пользу милліоновъ новыхъ русскихъ гражданъ; административная практика не стѣснялась и буквой, чтобы помѣшать имъ воспользоваться ихъ законнѣйшими правами. Учрежденія, созданныя въ 1861 году, подъ давленіемъ самыхъ неблагопріятныхъ условій, зачахли и замерли; существенный ихъ смыслъ искаженъ. Постановленія и мѣропріятія, которыя хоть сколько-нибудь ограждали и обезпечивали матеріальный бытъ крестьянъ, исчезли и не были замѣнены ничѣмъ соотвѣтствующимъ. Къ прежнему невѣжеству и грубости народныхъ массъ прибавилось еще разореніе, доводящее ихъ до отчаянія и ожесточенія. Юридическая ихъ зависимость и административная надъ ними опека замѣнились столько же безсердечнымъ, но еще гораздо худшимъ экономическимъ гнетомъ. О сближеніи интересовъ владѣльцевъ и крестьянъ, за очень рѣдкими исключеніями, нѣтъ и помину; они разъединились больше, чѣмъ когда-либо, и взаимныя ихъ отношенія замѣтно обостряются.

Поколѣнія, которыя придутъ къ намъ на смѣну, не помянутъ насъ за все это добромъ. Мы должны были взять на себя часть труда и заботы; а мы, вмѣсто того, взваливаемъ на ихъ плечи удвоенную ношу, оставляемъ имъ наслѣдство запутанное и разстроенное не стеченіемъ непредвидимыхъ и несчастныхъ обстоятельствъ, а нашимъ невѣжествомъ, недобросовѣстностью или легкомысліемъ.

Минувшій годъ обнаружилъ и доказалъ, со всею печальною очевидностью, куда ведетъ отступленіе отъ идей и духа, создавшихъ Положеніе 19-го февраля. Будемъ надѣяться, что этотъ несчастный годъ будетъ для насъ геркулесовыми столбами на томъ пути, по которому мы шли въ крестьянскомъ дѣлѣ такъ беззаботно и такъ самоувѣренно, думая, что слѣдуемъ примѣру Европы. Въ Европѣ общественный строй слагается изъ многихъ элементовъ, изъ которыхъ каждый живетъ своею жизнью и вноситъ въ него свои интересы и свою долю участія. Тамъ, сверхъ крестьянства, есть многочисленный классъ горожанъ и рабочихъ, составляющій половину, а иногда и болѣе, всего населенія; интересы этого класса, по ходу исторіи, заслоняютъ интересы сельчанъ и пока все еще преобладаютъ во всемъ. У насъ же, напротивъ, крестьянское населеніе составляетъ болѣе 80 проц. общаго числа жителей, а городской элементъ еще въ зародышѣ. Оттого у насъ крестьянскій вопросъ есть важнѣй-

[1]) На обычномъ ежегодномъ обѣдѣ участниковъ крестьянской реформы, въ ресторанѣ Донона.

шій, выдается между всѣми другими; отъ его правильной постановки и рѣшенія, прямо или косвенно, зависитъ благосостояніе всего государства и всѣ крупные частные интересы, —сельско-хозяйственные, промышленные, торговые. Что̀ можетъ у насъ процвѣтать и развиваться, когда четыре-пятыхъ населенія находятся въ нищетѣ и невѣжествѣ? Если печальный результатъ протекшихъ 20-ти лѣтъ успѣлъ насъ въ этомъ убѣдить, то они, конечно, не прошли у насъ совсѣмъ даромъ; но все-таки мы поплатились за урокъ слишкомъ дорого: хорошо, безъ заднихъ мыслей, понятый и усвоенный опытъ Европы привелъ бы насъ къ тому же и скорѣй, и безъ тяжкихъ жертвъ.

Теперь до насъ отовсюду доходятъ слухи о крайне печальномъ положеніи крестьянъ на всемъ пространствѣ обширнаго русскаго государства, кромѣ развѣ Сибири и западнаго края. Что̀ же начать и какъ приняться, чтобъ улучшить и поднять сильно-разстроенное крестьянское хозяйство? Судя по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя сообщаются въ печати о дѣятельности дворянскихъ и земскихъ собраній, мы съ этой стороны мало ждемъ существенно-полезнаго. Остается всего ждать, какъ и прежде всегда у насъ бывало, отъ просвѣщеннаго, проникнутаго любовью къ родинѣ меньшинства, поддержаннаго авторитетомъ государственной власти. Мы всѣ знаемъ и помнимъ, что основныя начала закона, даровавшаго свободу крѣпостнымъ, были впервые намѣчены тѣми лицами, чьи мнѣнія остались въ меньшинствѣ въ губернскихъ комитетахъ. Эти же лица были потомъ призваны верховною властью для участія въ работахъ редакціонныхъ коммиссій и участіе ихъ было въ высшей степени полезное.

Просвѣщенное и патріотическое меньшинство высказывало тогда свои мысли и соображенія и въ печати, несмотря на крайне неблагопріятныя въ то время цензурныя условія. Теперь эти условія, правда, пока только въ практикѣ, значительно улучшились, и вся русская пресса, за очень немногими изъятіями, съ замѣчательнымъ единодушіемъ указываетъ на причины, мѣшающія крестьянскому дѣлу развиваться, и на мѣры, которыя могли бы устранить эти помѣхи. И что же мы видимъ? Теперь, какъ и тогда, громче и громче раздаются голоса, взводящіе на нашу печать разныя небылицы. Она, видите ли, разжигаетъ вражду сословій, она поддерживаетъ въ крестьянахъ химерическія надежды на дополнительные надѣлы. Нигдѣ ничего подобнаго наша печать не выражала и не выражаетъ: меньшинство, прибѣгающее къ печатному слову, также мало думаетъ объ этомъ теперь, какъ и въ то время, когда рѣчь шла объ отмѣнѣ крѣпостного права. Но люди, принимающіе къ сердцу крестьянскій вопросъ, не могутъ не желать, чтобы былъ положенъ конецъ вымогательствамъ и притѣсненіямъ, которымъ, здѣсь и тамъ, подвергаются крестьяне со стороны владѣльцевъ по недостаточности надѣловъ; не могутъ они не желать, чтобы, помощью переселеній или долгосрочнаго мелкаго кредита, или отводомъ государственныхъ земель, крестьянамъ была дана возможность имѣть довольно земли, чтобы держать скотъ и улучшить полеводство. Этого дѣйствительно желаетъ просвѣщенное меньшинство, и когда такія скромныя и справедливыя желанія выдаются за возбужденіе вражды между сословіями и за поощреніе несбыточныхъ фантазій, то яснымъ становится, откуда идутъ такія обвиненія: ихъ распространяютъ тѣ же, кто тайно и явно противодѣйствовалъ освобожденію крѣпостныхъ, надѣленію ихъ землею, кто выдумалъ злосчастные сиротскіе надѣлы и всевозможныя отступленія отъ Положеній 19-го февраля при ихъ примѣненіи. Съ какою цѣлью распространяются обвиненія на печать — понять тоже не трудно: она своими указаніями и разоблаченіями разстраиваетъ планъ кампаніи, котораго послѣднее слово — имѣть въ разоренныхъ крестьянахъ дешевыхъ работниковъ; и такъ, надо опять осудить на молчаніе всѣхъ сочувствующихъ правильному веденію крестьянскаго дѣла, выдавая ихъ за опасныхъ соціалистовъ, враговъ порядка и власти, и затѣмъ, возбудивъ къ нимъ недовѣріе и устранивъ ихъ голосъ, идти подъ шумокъ прямо къ желанной цѣли, какъ это и дѣлалось до сихъ поръ. Позволительно надѣяться, что по крайней мѣрѣ теперь, когда горестные результаты веденія дѣлъ по мысли и плану недоброжелателей крестьянской реформы достаточно выказались, обвиненія русской печати будутъ оцѣнены по достоинству и не повлекутъ за собою такихъ же послѣдствій, какъ въ былое время.

Мм. гг.! Сегодня окончилось первое двадцатилѣтіе крестьянскаго дѣла въ Россіи и начинается второе. Пожелаемъ, чтобы въ это второе двадцатилѣтіе установилось, упрочи-

лось и развилось экономическое благосостояніе крестьянъ во всей имперіи; чтобъ ихъ юридическій и общественный бытъ былъ правильно опредѣленъ и обезпеченъ.

(Порядокъ, 1881, № 51).

II.

19-го февраля 1885 [1]).

Крестьянскій вопросъ въ Россіи, съ самаго начала его разрѣшенія освобожденіемъ 10-ти милліоновъ крѣпостныхъ и снятіемъ затѣмъ правительственной опеки, походившей на крѣпостную зависимость, съ остальныхъ 10-ти милліоновъ сельскаго населенія, развивался туго и неправильно. Много этому способствовали враждебность или, по крайней мѣрѣ, несочувствіе къ этому вопросу, невѣжество и своекорыстіе, наконецъ разнообразныя направленія мысли и теченія политической жизни, мѣшавшія единству дѣйствій. Эти неблагопріятныя условія, мало-по-малу, устранены или устраняются. Многія сдѣланныя ошибки уже исправлены, другія исправляются. Горизонтъ теперь расчищается надъ крестьянскимъ дѣломъ, и ему, повидимому, не грозитъ никакой опасности. Несмотря на то, устройство крестьянскаго быта идетъ и теперь чрезвычайно медленно. Очевидно, тому должна быть какая-нибудь другая, болѣе глубокая причина, чѣмъ тѣ временныя и преходящія затрудненія, на которыя указано выше. Причина эта скрывается въ новости самой задачи. Еще въ сороковыхъ годахъ покойный А. С. Хомяковъ охарактеризовалъ западную, латино-германскую Европу, какъ „міръ городовъ“, а славянскіе народы—какъ „міръ селъ и деревень“. Можетъ быть, эпиграфъ къ Евгенію Онѣгину: „О Русь, о rus!“ былъ геніальнымъ предчувствіемъ той-же мысли. Какъ-бы то ни было, но съ каждымъ новымъ изслѣдованіемъ, съ каждымъ новымъ успѣхомъ историческихъ знаній и политическихъ наукъ, выясняется все болѣе и болѣе, что и древній греко-римскій, и новый латино-германскій міръ развивали и выработали до совершенства типъ городского жителя. Этотъ типъ легъ въ основаніе всего ихъ политическаго и гражданскаго устройства, быта и нравовъ. Какъ только стала выступать на первый планъ жизнь народныхъ массъ, она тотчасъ же сложилась въ Европѣ по типу горожанина, и этотъ типъ заслонилъ или пересоздалъ на свой ладъ другой типъ,—типъ мелкаго сельскаго хозяина, крестьянина.

Въ настоящее время городской типъ, повидимому, исчерпалъ себя, давъ все, что онъ могъ дать на пользу и благо людей. Въ самой латино-германской Европѣ замѣчается теперь, какъ будто, остановка, раздумье передъ дальнѣйшимъ развитіемъ въ томъ же направленіи, которое, какъ все на свѣтѣ, имѣло и свою мрачную, гибельную для людей и обществъ сторону. Въ Европѣ замѣчается болѣе и болѣе обращеніе къ забытому, затертому, ослабленному и искаженному сельскому, деревенскому типу, какъ болѣе прочной, устойчивой, консервативной формѣ народнаго быта. Стремленіе отыскать его, по возможности возстановить, сохранить и оживить его уцѣлѣвшіе обломки, усиливается съ каждымъ годомъ и составляетъ поразительное знаменіе времени. Въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ, въ административной и законодательной дѣятельности одинаково просвѣчиваетъ это новое направленіе европейской мысли. Подъ ея вліяніемъ преобразуются политическія партіи, появляется новая ихъ группировка,—небывалая и еще недавно немыслимая и невозможная; подъ знаменемъ этого новаго направленія идутъ два величайшихъ политическихъ дѣятеля современной Европы—князь *Бисмаркъ* и *Гладстонъ*.

Различіе двухъ типовъ—городского и сельскаго—можетъ многимъ показаться натянутымъ, измышленнымъ, теоретическимъ и далеко не настолько важнымъ, чтобы служить характеристикой эпохъ и народовъ. Но стоитъ только припомнить, какое громадное вліяніе имѣетъ, въ ежедневномъ быту, на образъ жизни, нравы, привычки и міросозерцаніе людей, различіе профессій — чиновника, военнаго, врача, землевладѣльца, духовнаго, ученаго, купца и т. д.,—чтобы убѣдиться, какъ много значатъ въ жизни людей условія и обстановка, посреди которыхъ она совершается. Если сравнительно малые оттѣнки различаютъ между собою людей, принадлежащихъ къ одной и той же культурной средѣ, то тѣмъ сильнѣе должно быть различіе, устанавливаемое чрезъ многія поколѣнія совершенно непохожимъ другъ на друга бытомъ городскимъ и деревенскимъ.

Около двухсотъ лѣтъ тому назадъ Рос-

[1]) На обѣдѣ у Донона, подъ предсѣдательствомъ К. К. Грота.

сія вступила въ кругъ европейскихъ государствъ и стала жить съ ними одною жизнью. Отъ латино-германскихъ народовъ мы позаимствовали все, начиная отъ покроя одежды и оканчивая высшими выводами науки и знанія. Но когда и у насъ настала пора гражданской жизни народныхъ массъ, оказалось, что составные элементы нашего быта сложились совершенно иначе, можно сказать противоположно тому, какъ въ латино-германской Европѣ. Тѣ изъ этихъ элементовъ, которые такъ сильно и такъ блистательно развились въ ней, у насъ являются какъ бы атрофированными; а сельскій, деревенскій элементъ, который въ Европѣ былъ заслоненъ, подавленъ, децимированъ или выработался въ городской типъ, сохранился у насъ почти неприкосновеннымъ, и количественно чрезвычайно преобладаетъ надъ всѣми другими. Стоитъ только припомнить, что сельскіе жители, мелкіе землевладѣльцы и хозяева составляютъ въ Англіи 17 проц., въ Германіи, въ среднемъ выводѣ, 40 проц., во Франціи 54 проц. всего народонаселенія, тогда какъ въ Россіи, въ наименѣе деревенскихъ ея частяхъ, именно въ прибалтійскомъ краѣ и Царствѣ Польскомъ, онъ доходитъ до 73 проц., а во всей Имперіи превышаетъ 80 проц., не считая войска и низшихъ городскихъ сословій, въ значительнѣйшей долѣ принадлежащихъ къ тому же крестьянству.

Когда у народа вырабатывается какой-нибудь преобладающій типъ, всѣ стороны его жизни и быта постепенно преобразуются и опредѣляются по этому типу. Это всеобщій законъ, который не трудно подмѣтить въ жизни всѣхъ народовъ. Латино-германскій міръ перестраивался послѣдовательно по разнымъ типамъ, кромѣ типа крестьянина, и развилъ ихъ до совершенства. Оттого мы, русскіе, могли широко и съ великою для себя пользою заимствовать у Европы все, что она довела у себя до высокой степени развитія, и плоды ея вѣковыхъ трудовъ и усилій усваивались нами сравнительно легко и успѣшно, до тѣхъ поръ, пока у насъ не дошла, наконецъ, очередь до устройства быта деревенскихъ народныхъ массъ. Для насъ это жизненный вопросъ; но мы вынуждены разработать и разрѣшить его сами, такъ какъ у латино-германскихъ народовъ онъ не былъ поставленъ и никакихъ готовыхъ образцовъ намъ не откуда заимствовать. Чтобы рѣшить его, мы должны сами придумать, какъ приладить къ потребностямъ сельскаго быта все то, что такъ превосходно выработано въ Европѣ въ примѣнени къ городамъ и горожанамъ. Но выработать вновь и взять готовое—огромная разница. Первое несравненно труднѣе. Мы и встрѣчаемся съ этими трудностями на каждомъ шагу; онѣ-то и тормозятъ развитіе у насъ крестьянскаго дѣла. Кредитъ, податная система, управленіе, судъ, школа—все это должно быть у насъ приспособлено къ быту и нравамъ сельчанъ, съ которымъ мы сравнительно недавно стали ближе знакомиться. Этою задачею, новою въ исторіи, опредѣляется и наше въ ней призваніе и роль. Въ поясненіе своей мысли укажу на формы землевладѣнія, которыя теперь всюду, въ Европѣ и у насъ, стали предметомъ усиленнаго, пристальнаго изученія и изслѣдованія. Основныхъ формъ владѣнія и пользованія землею у нашихъ крестьянъ двѣ: *участковая*, въ смыслѣ личной собственности, и *общинная*. Первая изъ нихъ, какъ показалъ опытъ всѣхъ народовъ и то, что мы видимъ уже у себя предъ глазами, ведетъ, рано или поздно, роковымъ образомъ, къ обезземеленію сельскихъ массъ и пролетаріату; вторая, общинная, съ передѣлами и круговой порукой, не имѣетъ этого недостатка, но зато страдаетъ другимъ: она, при стремленіи крестьянскихъ семей выдѣлиться и получить независимое существованіе, замѣтно усиливающемся между крестьянами-общинниками, не совмѣстима съ успѣхами земледѣлія и улучшеннаго сельскаго хозяйства. Очевидно. необходимо придумать новую форму крестьянскаго землевладѣнія, которая, соединяя въ себѣ хорошія стороны обѣихъ, устраняла бы дурныя. Это одинъ изъ живыхъ и насущныхъ современныхъ вопросовъ, которымъ многіе заняты; но окончательнаго и вполнѣ удовлетворительнаго его рѣшенія пока еще не придумано.

(Новости, 1885, № 71).

ПИСЬМО КЪ И. И. ИВАНЮКОВУ *).

Съ чувствомъ искреннѣйшаго удовольствія и глубокаго удовлетворенія прочиталъ я доставленную мнѣ вами въ рукописи статью вашу объ общинномъ землевладѣніи. Ваши мысли о его значеніи въ настоящемъ и вѣроятномъ развитіи въ будущемъ вполнѣ совпадаютъ съ моими давнишними, задушевными убѣжденіями. Съ 1859 года я стою на томъ, что общинное землевладѣніе есть одна изъ древнѣйшихъ, первобытныхъ формъ отношенія къ землѣ, сохранившаяся у насъ до послѣдняго времени, благодаря крѣпостному праву и финансовому управленію; что въ теперешнемъ своемъ видѣ оно также мало отвѣчаетъ идиллическимъ воззрѣніямъ на русскаго крестьянина, какъ и мечтаніямъ крайнихъ представителей современнаго соціальнаго движенія; но, въ то же время, я твердо, непоколебимо увѣренъ въ томъ, что этотъ обломокъ старины, обветшавшій въ своихъ формахъ, можетъ, если за него умѣло взяться, сослужить великую службу и стать могучимъ, благодатнымъ, ничѣмъ незамѣнимымъ средствомъ для правильнаго устройства и обезпеченія быта сельскаго населенія. Общинное землевладѣніе, въ рукахъ государей и русскихъ государственныхъ людей, можетъ обратиться въ талисманъ, который избавитъ насъ въ будущемъ и отъ тяжкихъ испытаній, пережитыхъ остальной Европой, и отъ соціальныхъ фантазій, представляющихъ въ наше время серьезную опасность для европейской цивилизаціи и культуры. Вашъ трудъ, въ связи съ нѣкоторыми другими данными, есть отрадный признакъ, что вопросъ объ общинномъ землевладѣніи перестаетъ уже быть предметомъ нескончаемыхъ недоразумѣній—пугаломъ для однихъ, поводомъ для соціальныхъ, философскихъ и патріотическихъ грезъ для другихъ—и дѣлается темою серьезныхъ научныхъ изслѣдованій, которыя только и въ состояніи раскрыть его настоящее значеніе и роль въ будущемъ.

Вы требуете отъ меня вполнѣ откровеннаго отзыва о вашемъ трудѣ. Охотно пользуюсь вашимъ любезнымъ вызовомъ и спѣшу сообщить вамъ нѣкоторыя мысли, вызванныя чтеніемъ вашей рукописи. Онѣ касаются только частностей, а не существа дѣла, ибо по существу я вполнѣ и всецѣло раздѣляю ваши взгляды.

Если я хорошо васъ понялъ, вы приписываете происхожденіе личной поземельной собственности однимъ условіямъ производства и промысловъ. Мнѣ кажется, что вы въ этомъ случаѣ преувеличиваете роль экономическихъ факторовъ. Личная поземельная собственность имѣетъ, какъ я думаю, источникомъ болѣе общій законъ, съ неизбѣжною правильностью выражающійся во всѣхъ явленіяхъ организованной жизни,—именно, законъ дифференціаціи. Его можно одинаково прослѣдить въ развитіи и былинки, и человѣка, и человѣ-

---

*) Въ предисловіи къ статьѣ объ общинномъ землевладѣніи, помѣщенной въ „Русской Мысли“ за 1885 г. и перепечатанной затѣмъ въ курсѣ политической экономіи проф. И. И. Иванюкова, сказано слѣдующее:

„Прочитавъ все имѣющееся въ русской и иностранной литературѣ по общинному землевладѣнію въ Россіи, я пришелъ къ выводу, что лучшая формулировка современнаго экономическаго и соціальнаго значенія господствующей нынѣ въ нашемъ отечествѣ формы общиннаго землевладѣнія находится въ трудахъ К. Д. Кавелина и что глава объ общинномъ землевладѣніи можетъ быть написана лучше и всестороннѣе г. Кавелинымъ, нежели мною. Въ виду этого я обратился къ К. Д. съ просьбой написать главу объ общинномъ землевладѣніи для приготовляемаго мною къ печати сочиненія. Вплотную наполненное занятіями время не позволило К. Д. принять моего предложенія. Но онъ оказалъ большую помощь моему труду, предоставивъ мнѣ право пользоваться не только мыслью, но и текстомъ всѣхъ его трудовъ, и я обильно воспользовался этимъ правомъ. Окончивъ статью объ общинномъ землевладѣніи, я передалъ ее К. Д. Кавелину съ просьбой, чтобы онъ высказалъ свое мнѣніе о моей работѣ. К. Д. далъ отзывъ, что по существу дѣла раздѣляетъ взгляды, изложенные въ моей статьѣ. Съ величайшимъ удовольствіемъ и признательностью пользуюсь предоставленнымъ мнѣ К. Д. правомъ напечатать его мнѣніе“.

ческаго общества. Все живое, организованное, стремится скрытые въ немъ въ слитномъ, безразличномъ видѣ возможности и зачатки развить и раскрыть во всей ихъ полнотѣ и въ возможной обособленности. Вначалѣ, пока они существуютъ въ скрытомъ видѣ, они какъ бы поглощаются единствомъ организма, въ которомъ заключены, какъ его составныя части; но впослѣдствіи, развившись и обособившись, они выступаютъ на первый планъ до того, что заслоняютъ самый организмъ, придающій имъ единство и связующій ихъ въ одно цѣлое. Сравните бытъ древнѣйшихъ семей и современной семьи, европейской или сѣверо-американской, и васъ поразитъ прежде всего: въ первыхъ — безличность членовъ передъ главою семейства, во второй — личная и имущественная самостоятельность каждаго изъ членовъ. Приписать такое всеобщее явленіе, какъ дифференціація, однимъ экономическимъ условіямъ —значитъ, мнѣ кажется, умалить и съузить его значеніе. Появленіе личной собственности было результатомъ не одной экономической жизни, но и развитія индивидуализма, которое отразилось и въ правѣ, и въ экономическихъ отношеніяхъ.

Я остановился на этомъ собственно потому, что въ наше время замѣчается вообще наклонность преувеличивать значеніе экономическихъ факторовъ. Увлеченіе такого рода очень понятно, если припомнить, какъ, сравнительно еще недавно, на экономическую сторону общественныхъ явленій не обращалось никакого вниманія. Но все же едва-ли правильно, указывая на одну сторону, преувеличивать ея значеніе и упускать изъ вида другія, а этимъ мы грѣшимъ не рѣдко. Такъ, въ замѣчательныхъ и крайне интересныхъ изслѣдованіяхъ г-жи Ефименко, на которыя вы ссылаетесь, раскрыта и освѣщена важная роль труда, работы, въ правилахъ о семейныхъ раздѣлахъ и наслѣдованіи по обычному праву крестьянъ. Но трудъ не служитъ въ такихъ случаяхъ единственнымъ основаніемъ при опредѣленіи правъ и долей; крестьянами принимаются въ соображеніе и другія условія, на которыя необходимо указать, чтобы правильно понять крестьянскіе обычаи. Я, напримѣръ, изъ личныхъ наблюденій въ самарскомъ Заволжьѣ знаю, что крестьяне при семейныхъ раздѣлахъ берутъ въ разсчетъ налоги, лежащіе на крестьянствѣ, и требуютъ, чтобы отецъ, отпуская отъ себя сына, надѣлилъ его всѣмъ, что необходимо для исправнаго отбыванія податей и повинностей. Чтобы вполнѣ понять и оцѣнить такое сложное явленіе, какъ общинное владѣніе, связанное безчисленными и тончайшими нитями со всѣми сторонами народной жизни, необходимо взвѣсить всѣ его составные элементы и всѣ условія, которыя его создали и поддерживаютъ. Экономическія условія, безспорно, играютъ при этомъ большую роль, но не они одни исключительно; есть и другія, между прочимъ, юридическія. Вы, какъ политико-экономъ, естественно обратили вниманіе на хозяйственную сторону вопроса; для меня, какъ юриста, на первый планъ выдвигается юридическая сторона общиннаго землевладѣнія. Въ книгѣ, посвященной изслѣдованію экономическихъ условій общественнаго быта, главная задача, конечно, правильно освѣтить эту сторону вопроса, что̀ вы и сдѣлали. Но общинное землевладѣніе до сихъ поръ занимаетъ исключительное положеніе. Оно принадлежитъ къ числу предметовъ, далеко еще не выясненныхъ. Шаблонная наука смотритъ на него съ крайнимъ недовѣріемъ; сельскіе хозяева относятся къ нему прямо враждебно, по причинамъ вполнѣ уважительнымъ. Очень немногіе понимаютъ, что то. что̀ разумѣется теперь подъ общиннымъ владѣніемъ, есть лишь обветшалая его форма, которая должна замѣниться другою, отвѣчающею нарождающемуся индивидуализму и потребностямъ болѣе высокой культуры, въ сторону которой и мы понемногу движемся. Прибавьте къ этому туманъ, напущенный на общинное землевладѣніе предразсудками національными, политическими, крайними экономическими теоріями и разными другими фантазіями. Все это вмѣстѣ дѣлаетъ изъ общиннаго владѣнія какое-то безобразное чудище, отвратительное, страшное и нелѣпое. Пройдетъ еще не мало времени, пока, наконецъ, удастся водворить въ умахъ и сознаніи правильную точку зрѣнія на этотъ предметъ, съ которымъ, однако, неразрывно связаны величайшіе государственные интересы и, можно сказать безъ преувеличенія, вся наша будущность и наша роль во всемірной исторіи. Вотъ потому-то я и думаю, что едва-ли наступило уже время специализировать изученіе той или другой стороны общиннаго землевладѣнія, оставляя въ сторонѣ и въ тѣни другія. Необходимо, какъ мнѣ кажется, сосредоточить всѣ силы науки и знанія на выясненіи тѣхъ преобра-

зованій, какимъ должно подвергнуться общинное землевладѣніе, чтобы изъ обломка старины стать живительнымъ и благодатнымъ условіемъ дальнѣйшаго нашего развитія, а такое преобразованіе можетъ совершиться только законодательнымъ путемъ, именно, устраненіемъ нѣкоторыхъ ошибочныхъ предпосылокъ, положенныхъ въ основаніе крестьянской реформы въ шестидесятыхъ годахъ, и правильной юридической постановкой общиннаго землевладѣнія. Слѣдуетъ этимъ спѣшить. Съ окончаніемъ выкупной операціи зло, ростущее теперь не по днямъ, а по часамъ, будетъ уже непоправимо. На ошибки такого же рода, допущенныя въ Германіи, горько жаловался въ свое время знаменитый Нибуръ, но напрасно, и теперь Германія ими казнится. Авось либо мы, русскіе, будемъ счастливѣе, и нашъ голосъ будетъ услышанъ.

Вотъ мысли, вызванныя во мнѣ вашимъ почтеннымъ трудомъ, которому, повторяю, я глубоко сочувствую и желаю отъ всего сердца возможно широкаго распространенія и успѣха, особливо въ средѣ вліятельныхъ читателей. Мои мимоходныя замѣчанія вызваны лишь извинительнымъ нетерпѣніемъ скорѣе увидать разъясненіе предмета, за который давно ломаю копье, какъ за священное знамя и палладіумъ Россіи въ настоящемъ и будущемъ.

(Русская Мысль, 1885, кн. I; Политич. экономія, И. И. Иванюкова, Спб., 1885, стр. XI—XV).

ПИСЬМА ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

I.

Вы просили меня написать вамъ что-нибудь изъ „захолустья, куда я добровольно обрекъ себя на семинедѣльное заточеніе“. Такъ выражаетесь вы, столичные жители, свысока о насъ, временно и вѣчно цеховыхъ провинціалахъ, и о провинціи, забывая, что еслибъ вы сами намъ подражали, то провинція стала бы столицей, а столица провинціей. Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, а у насъ эта мысль невольно приходитъ въ голову. Нашъ край запустѣлый; никто изъ такъ-называемыхъ порядочныхъ людей здѣсь не живетъ, словечка не съ кѣмъ перемолвить, и невольный постъ на языкъ скоро прискучаетъ до нельзя.

Повѣрьте, никого я такъ не виню въ скукѣ, какъ самого себя. Мы создали себѣ добровольно какую-то особенную атмосферу, внѣ которой ни жить, ни дышать не можемъ; а кругомъ бьется жизнь полнымъ, здоровымъ пульсомъ. Развѣ она виновата, что мы не хотимъ или не умѣемъ въ нее вглядѣться, войти въ нее, полюбить ее и привыкнуть къ ней? Еслибъ мы были поживѣй, смотрѣли на вещи попроще, мы нашли бы много очень любопытнаго, достойнаго изученія въ самомъ глухомъ захолустьѣ, и были бы полезнѣе ему, чѣмъ теперь.

Посмотрите, хоть здѣсь, вокругъ себя; мы скучаемъ, а мужику скучать некогда; именно теперь, когда я вамъ пишу, время самой напряженной, лихорадочной дѣятельности. Жнитво почти окончилось и начинается молотьба. Теперь сводятся итоги годовыхъ трудовъ, которые подготовляли минуту жатвы. Дремать и скучать тутъ некогда человѣку, который живетъ землей. Старайтесь вжиться въ эти интересы, и вы тоже скучать не будете.

Чтобы приготовить васъ къ тому, о чемъ хочу вести рѣчь, я долженъ сперва замѣтить, что нашъ Новоузенскій и Николаевскій край —настоящая степь, которая высылаетъ по Волгѣ огромное количество пшеницы бѣлотурки и русской пшеницы, такъ-называемаго русака. Бѣлотурка, по огромнымъ цѣнамъ, которыя за нее платятся въ настоящее время (лучшая до 10-ти цѣлковыхъ за мѣшокъ, т.-е. за 8 пудовъ), есть особенный предметъ зависти и желаній. Хлѣбъ этотъ до невѣроятности капризный. Однимъ дождемъ больше или меньше—и жатва плоха или совсѣмъ пропадаетъ; перестоитъ на корню—колосъ ломается; сжатый попадетъ подъ дождь—опять бѣда: желтый цвѣтъ зерна блѣднѣетъ и убытку много; цѣна цѣлковымъ на мѣшокъ дешевле. Земля подъ бѣлотуркою должна быть отличная; сильныхъ вѣтровъ и жаровъ во время налива она тоже не терпитъ. Такой это своеобычный хлѣбъ, что рѣдко на него угодишь! Оттого благоразумные люди мало его сѣютъ; сосѣди наши, нѣмецкіе колонисты, совсѣмъ отъ него отказались и сѣютъ одну русскую пшеницу, потому что она рѣдко выдаетъ, но русскіе не могутъ разстаться съ надеждой большихъ барышей, которая въ десять лѣтъ развѣ разъ не обманетъ, а девять лѣтъ принесетъ убытки или ничтожный доходъ.

Изъ этого вы видите, что посѣвъ бѣлотурки —азартная игра, и еще какая! На ней наживаются огромныя состоянія, на ней же зажиточные мужики разоряются въ конецъ. Разореніе происходитъ вотъ отъ чего: хозяйство наше — экстензивное; земля воздѣлывается кое-какъ и не навозится (навозъ идетъ на топливо); весь секретъ въ томъ, чтобы подъ хорошій годъ имѣть какъ можно больше земли подъ посѣвомъ. А какъ его угадаешь

—хорошій годъ! Каждый крестьянинъ принимаетъ землю подъ одинъ посѣвъ, а это стòитъ, и стòитъ дорого; или вы дадите за десятину мѣшокъ (8 пудовъ), иногда и 10 пудовъ въ годъ, или заплатите деньгами 6 руб. сереб., а если залогъ (т.-е. новь), поднятый бычьими плугами, то и 10 и 11 цѣлковыхъ. Прежде обыкновенно земля нанималась изъ мѣшка; теперь чаще и чаще отдается за деньги. Послѣднее ввели нѣмцы-колонисты, покупавшіе участки, большею частью жалованные, за безцѣнокъ, потому что владѣльцы не умѣли ими распорядиться и не понимали, какимъ владѣютъ сокровищемъ. Наемъ за деньги для мужиковъ гораздо невыгоднѣе. Во-первыхъ, наемная плата вносится впередъ, а пшеница собирается у нанимателей послѣ урожая; не родится ничего—наниматель бросаетъ землю, и хозяинъ можетъ дѣлать съ нею, чтò хочетъ,—разумѣется, не получая ни фунта пшеницы отъ нанимателя; если урожай плохъ, наниматель входитъ съ хозяиномъ въ сдѣлку, платитъ ему вмѣсто мѣшка, 4, 5, 6 или 7 пудовъ, смотря по пшеницѣ. Иные хозяева на это не поддаются, другіе „добродѣтельны“. Итакъ, вотъ первая и большая издержка. Другая—это жнитво. Нанявши много земли (а нанимаютъ, въ моей деревнѣ, рѣшительно всѣ; иные по 50-ти и по 100 десятинъ; самый бѣдный крестьянинъ не менѣе 12-ти сороковыхъ десятинъ), съ одной своей семьей крестьянинъ не управится, тѣмъ болѣе, что придетъ пора жнитву —нельзя терять ни минуты; русская пшеница осыпается, у бѣлотурки отламывается колосъ. Нужны и рабочіе, и жницы, и на это опять приходится раскошеливаться. Населеніе въ нашемъ краю, по пространству земли, чрезвычайно рѣдкое; оттого, въ рабочую пору, рабочія руки чрезвычайно дороги. Въ это время не хозяева строятъ цѣны, а рабочіе, и если вы хотите видѣть край, гдѣ хозяинъ связанъ по рукамъ и по ногамъ, а рабочій диктуетъ ему свои условія, которыя тотъ со смиреніемъ принимаетъ, — пріѣзжайте сюда во время жатвы.

Наемъ рабочихъ, особливо жнецовъ,—любопытнѣйшая вещь въ нашемъ краю. Приспѣла жатва—и всюду начинается усиленная дѣятельность и необыкновенное столпленіе народа. Хозяева спѣшатъ на базары—пункты, гдѣ нанимаются жнецы; для насъ такимъ базаромъ служитъ преимущественно Вольскъ, уѣздный городъ Саратовской губерніи, въ 70-ти верстахъ отсюда. Въ то же время рабочіе тысячами идутъ въ глубь степи искать работы. Въ послѣдніе годы наемныя цѣны на жнецовъ страшно возвысились: съ 3-хъ руб. сер. за сороковую десятину, какъ бывало прежде, онѣ поднялись до 6, 6½ и 7 рублей. Въ третьемъ году жали по 8-ми, а въ отдаленныхъ мѣстахъ по 10, 12 и даже по 15 цѣлковыхъ за десятину. Во все время работы вы должны кормить жнецовъ, и кормить хорошо — пирогами (какъ называются здѣсь пшеничные хлѣбы), съ приваркомъ, изъ пшена или гороха (иные не станутъ ѣсть гороха), съ саломъ, въ постные дни—съ масломъ, иногда и съ бараниной. Если же вы наняли ихъ не у себя, а на базарѣ, то издержки еще больше: вы должны доставить ихъ къ себѣ на своихъ лошадяхъ и угостить водкой, по здѣшнему дать магарычу, не говоря уже о пирогахъ во время ряды и въ продолженіе пути. А найма на базарѣ рѣдко избѣжишь: рабочіе могутъ и не придти когда нужно. Что тогда дѣлать?

Вы видите, что издержки огромны, и при платѣ за землю деньгами онѣ должны быть затрачены впередъ. Хорошо, если жатва обильна или порядочна; а если плоха, расходъ легко можетъ выйти равенъ приходу и превзойти его. Иногда пшеница стоитъ лѣсъ лѣсомъ, а зерна — ничего; или много намолотишь, да зерно легковѣсно; жара его сморщила; молотишь, молотишь, пока набьешь мѣшокъ, а изъ двухъ мѣшковъ съ десятины и хлопотать нечего, особливо если русакъ: мѣшокъ отдашь хозяину, мѣшокъ на сѣмена, а жнецамъ платить не изъ чего.

Я еще не все сказалъ о жнецахъ и работникахъ. То, что они всѣмъ нужны въ самую горячую пору, дѣлаетъ ихъ требовательными, нахальными и своевольными въ высшей степени; о римскомъ правѣ они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, вѣроятно потому, что не были въ университетѣ. Святость контракта, вѣрность данному слову не существуетъ даже по имени. Когда поспѣваетъ пшеница—все думаетъ только о томъ, какъ бы зашибить копѣйку жнитвомъ. Вы нанимаете во время жатвы няньку; она вамъ преспокойно говоритъ: заплатите мнѣ, сколько платятъ жнецамъ, а не то я пойду жать. Вы наняли работника еще съ осени на годъ, и на условіяхъ для него выгодныхъ; но имѣли неосторожность не заплатить ему денегъ впередъ, такъ чтобы во время жатвы у него

оставались незаработанныя деньги: берегитесь, онъ у васъ не останется, и вы въ самое нужное время лишитесь его: онъ пойдетъ жать. Да если и впередъ дадите, то и это васъ не спасетъ: онъ все-таки уйдетъ жать. Пойдите, судитесь съ нимъ, когда каждая минута рубля стоитъ. Одно только средство и есть закрѣпить за собою годового работника—позволить ему посѣять на себя пшенички. Все здѣсь нанимаетъ землю и сѣетъ: и дворовый, и вдова, и пастухъ, и кучеръ, и кухарка, хоть десятину, да сѣетъ. Кормите вы плохо — жнецы, не говоря ни слова, бѣгутъ съ вашего поля—и дѣлу конецъ; низокъ вашъ хлѣбъ и жать его трудно—тоже; идите опять искать жнецовъ за тридесять земель, тратьтесь, угощайте снова магарычемъ, покупайте снова пироги. И это еще не все: наняли вы жнецовъ очень дешево, а вдругъ цѣны поднялись на нихъ—и они васъ бросятъ. Тутъ ни предусмотрительность, ни ловкость, ни ласка, ни угрозы—ничто не поможетъ. За то хитростямъ съ обѣихъ сторонъ нѣтъ конца. У васъ нѣтъ жнецовъ, а вамъ они очень нужны; вамъ не хочется ѣхать за 70, 100 верстъ и тратиться; вотъ вы и подсылаете кого-нибудь къ сосѣду переманить его жнецовъ и предлагаете имъ цѣну немного повыше; если они мало нажали, тысячу вѣроятій противъ одного, что они его бросятъ и перейдутъ къ вамъ. Но бываетъ и такъ, что сосѣдъ замѣтитъ эту штуку и, пожалуй, наколотитъ вамъ шею въ то самое время, какъ вы собираетесь сманить его рабочихъ; можетъ случиться съ вами и хуже этого: васъ въ самое хлопотное время остановятъ и продержатъ подъ приватнымъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока обольщенія ваши будутъ безвредны, потому что жнецы между тѣмъ много нажали хлѣба и переходить имъ невыгодно.

Рѣдко-рѣдко когда нанимаются жнецы на все время жатвы по одной цѣнѣ. Сначала обыкновенно ряда бываетъ до воскресенья, а потомъ на слѣдующую недѣлю—новая; или рядятся на низшую, среднюю или высшую цѣну, какая объявится въ Вольскѣ, или въ Міусѣ (казенномъ селеніи), или въ Перекопномъ (Новотроицкомъ, удѣльномъ селеніи) и т. п. Еще чаще рядятся на первую, вторую и третью цѣну, потому что рядятся на базарахъ утромъ, въ обѣдъ и вечеромъ. Тутъ умѣніе торговаться играетъ важную роль; нужна большая сметка, догадливость, ловкость, сообразительность, чтобы не передать лишняго и удержать за собою рабочихъ. Мужики на это удивительные мастера. Вы разсчитываете на низкую цѣну, и скупитесь, а онъ даетъ бо̀льшую, и оказывается правъ; онъ получилъ жнецовъ, а вы сидите безъ нихъ и должны дать потомъ больше, чѣмъ онъ. Умный мужикъ не даетъ жнецу одуматься по утру въ день новой ряды: будитъ его спозаранку, пока ему не съ кѣмъ еще слова молвить и посмотрѣть, какъ рядятся другіе, обходитъ его словами, если нужно—поднесетъ стаканъ вина и сладитъ такую дешевую ряду, что вы не надивитесь; а жнецъ ужъ заработалъ у него деньги, но не получилъ еще ихъ, и податься ему некуда: долженъ работать.

Но не всегда коту масляница, придетъ и великій постъ. Такъ и съ жнецами. На первыхъ порахъ жатвы ихъ сторона беретъ, и они—господа; потомъ настаетъ чередъ и хозяевъ. Когда поля пообжались и рабочихъ прибываетъ, хозяева пріосанятся, и сами диктуютъ условія рабочимъ. Простой народъ не любитъ лицемѣрныхъ выраженій и называетъ это по просту „попритѣснить жнецовъ“. Оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Съ ними говорятъ уже не такъ ласково, какъ сначала, а сухо; объявляютъ, что рабочихъ де будетъ довольно и кланяться имъ нѣтъ нужды; уйдутъ они—придутъ другіе, и рабочіе сдаются: нечего дѣлать, потому что оно въ самомъ дѣлѣ такъ. Всего забавнѣе, что эти маневры, этотъ переходъ изъ ласковаго тона въ сухой повторяются регулярно каждый годъ, почти въ одну и ту же пору. Грамоту эту отъ начала до конца наизусть знаютъ и хозяева и жнецы. Кого же кто надуваетъ? А между тѣмъ и завтра и послѣ-завтра дѣло пойдетъ тѣмъ же порядкомъ. Я помиралъ со смѣху, когда мнѣ разсказывалъ одинъ изъ моихъ крестьянъ о своихъ отношеніяхъ къ работнику въ критическую пору жатвы. Никакими словами не передать этого разсказа, въ которомъ мимика и интонація голоса играли важнѣйшую роль. Дѣло въ томъ, что работникъ нанялся у него до жатвы, а въ жатву не найдешь работника. Какъ быть! Надо какъ-нибудь умаслить его, чтобы онъ остался, и на прежнихъ условіяхъ; для этого надобно его разлакомить, чтобы онъ взялъ впередъ деньги,—тогда и дѣло въ шляпѣ. И вотъ хозяинъ увивается за работникомъ, говоритъ съ нимъ ласково: „не нужно ли тебѣ, Андрей, денегъ, говоритъ онъ ему вкрадчиво, послать женѣ“. „Ты куришь, Андрей? я тебѣ

папушку табаку куплю на свои деньги". А работникъ на него и не смотритъ, лѣнится, встаетъ по утру поздно; чуть не по немъ— ругается непечатною бранью. Хозяинъ все это видитъ и сноситъ. На предложеніе денегъ работникъ ничего не отвѣчаетъ: значитъ, думаетъ взять или не взять. Такъ проходитъ нѣсколько времени. Наконецъ, приходитъ онъ къ хозяину и проситъ денегъ; тотъ, разумѣется, тотчасъ же ихъ даетъ, и съ этой минуты роли перемѣняются: хозяинъ входитъ въ свои права, и Андрей долженъ работать, рано вставать, слушаться и не смѣетъ браниться непечатными словами.

Разсчетъ съ жнецами — дѣло очень сложное и запутанное. У всѣхъ порядочныхъ хозяевъ пахатная земля разбита на осмаки, т.-е. равносторонніе четырехугольники, заключающіе въ себѣ каждый по 8 сороковыхъ десятинъ. Казалось бы, ничего не стоитъ вымѣрить, сколько осмаковъ и десятинъ нажато, заплатить по разсчету, и все тутъ. На дѣлѣ оно не такъ. Во-первыхъ, какъ сказано, ряда не одна на цѣлое жнитво; ихъ можетъ быть нѣсколько. Вы, напримѣръ, наняли жнецовъ въ четвергъ до воскресенья, потомъ рядитесь съ ними же опять по новой цѣнѣ на слѣдующую недѣлю. Такія срочныя ряды бываютъ отъ того, что и вы и жнецы равно разсчитываете—онъ на повышеніе, а вы на пониженіе цѣны. По каждой рядѣ разсчетъ особый, по количеству нажатаго пространства. Потомъ, не всегда удается нанять жнецовъ сразу сколько нужно; они принанимаются въ разные сроки и по разнымъ цѣнамъ. У меня работали по 16 р. асс., и въ то же время по 5 и по $6^1/_2$ р. сер. за десятину. Потомъ цѣны были 6 и $6^1/_2$ р.; наконецъ, онѣ опять упали на 5 цѣлковыхъ и 16 р. ассигнаціями. Вдобавокъ партія жнецовъ состоитъ изъ множества артелей; каждая изъ нихъ работаетъ особо и требуетъ особаго разсчета. Иная артель состоитъ изъ 2 человѣкъ, иная изъ 5 и 10. Итакъ, вамъ приходится сдѣлать разсчетъ не валовою десятиною, а по количеству рядъ и потомъ поартельно. При этомъ естественно возникаетъ тысяча вопросовъ, сомнѣній, которые вы обязаны разрѣшить миролюбиво и непремѣнно къ удовольствію жнецовъ, иначе про васъ пробѣжитъ слава, что вы прижимаете рабочихъ при разсчетѣ, и никто къ вамъ не пойдетъ жать. Особенно несносны, привязчивы и безтолковы при разсчетахъ женщины. Впрочемъ, онѣ несносны и при рядѣ. Я замѣтилъ также, что при вычисленіи сжатой площади рабочіе ведутъ разсчетъ не квадратными саженями, а саженями вдоль десятины. Сажень на ихъ языкѣ значитъ не одна квадратная сажень, а восемьдесятъ; въ десятинѣ они считаютъ поэтому 40 саженъ; 40 кв. саженъ на ихъ языкѣ составляютъ полсажени; слишкомъ мелкія дроби отбрасываются. Вычислять нажатую площадь рабочіе великіе мастера. Это природные землемѣры. На васъ они никогда не полагаются, и если на объявляемый вами разсчетъ рабочій говоритъ: „такъ будетъ", знайте, что онъ это сказалъ не по довѣрію, а потому, что у него давно разсчетъ сдѣланъ и вашъ разсчетъ сходится съ его, выведеннымъ Богъ вѣдаетъ по какимъ правиламъ. Каждая артель, разсчитавшись съ вами, отходитъ, и тутъ же рабочіе разсчитываются между собою. Иногда происходитъ по этому случаю крикъ и шумъ, и вы же дѣлаетесь посредникомъ, потому что къ вамъ обращаются съ просьбою разрѣшить недоумѣніе. Вообще при семидесяти или восьмидесяти жнецахъ—разсчетъ дѣло нелегкое и, главное, очень копотное. Вымѣривъ на мѣстѣ, полезно тотчасъ же дома опредѣлить каждую нажатую площадь поартельно и посрочно, чтобы облегчить себѣ работу и особенно сократить время при расплатѣ.

Изъ сказаннаго вы видите, что здѣшнія экономическія отношенія—самыя простыя и самыя первобытныя. Каждый старается по возможности „попритѣснить" ближняго и безпрестанно на чеку, чтобы онъ его не „попритѣснилъ" какъ нибудь въ свою очередь. Подумаешь, здѣшніе мужички жаркіе поклонники Гоббесова bellum omnium contra omnes. Только шабра (сосѣда) стараются „ублаготворить" по возможности; у шабра смежное поле; забѣжитъ къ нему скотина, онъ потребуетъ большого выкупа, а какъ за животиной присмотрѣть въ степи? Вотъ и „ублаготворяешь" шабра всячески, чтобы и онъ при случаѣ тоже оказалъ удовольствіе. А съ постороннимъ не для чего церемониться: кто кого смога, тотъ того и въ рога.

Этотъ порядокъ дѣлъ непонятенъ и ненавистенъ пріѣзжимъ, особенно иностранцамъ и управителямъ изъ нѣмецкихъ провинцій, приносящимъ съ собою готовыя понятія о святости и ненарушимости контрактовъ. Имъ онъ кажется чѣмъ-то чудовищнымъ; а нечего

дѣлать, надо ему покориться, потому что нѣтъ управы на рабочаго, который вдругъ отъ васъ уйдетъ, несмотря ни на какой договоръ, ни на какіе задатки, уйдетъ именно тогда, когда онъ вамъ нуженъ, или предложитъ такія новыя условія, отъ которыхъ у васъ волосы станутъ дыбомъ. Selfgovernement особеннаго свойства, совершеннѣйшій! Американское help yourself въ нравахъ, въ привычкахъ, въ понятіяхъ. Никто никогда и не думаетъ жаловаться, если его обойдутъ: запомнитъ, на чемъ надули, и будетъ впередъ избѣгать обмана, а того, что̀ потерялъ, и не помыслитъ искать. Да и у кого, и какъ искать? Только себѣ убытокъ и смѣхъ людямъ, тонко знающимъ разсчетъ и здѣшніе порядки. Вы меня, пожалуй, назовете варваромъ и дикимъ, а я вамъ все-таки признаюсь, что предпочитаю этотъ складъ и строй жизни всякому другому. Прежде чѣмъ осудить—выслушайте. Васъ поражаетъ въ мужикѣ грубость и чисто матеріальный взглядъ на вещи; я тоже не нахожу этого преимуществомъ, но не въ нихъ сила. Это грубая оболочка, которая рано или поздно сама собой отпадетъ. Вглядитесь глубже, и вы увидите, что подъ этой кажущейся безалаберщиной и неурядицей скрываются сѣмена совершенно правильныхъ соціальныхъ отношеній. Несмотря на то, что договоры ничѣмъ не ограждены, вы рѣдко услышите разсказы о нагломъ ихъ нарушеніи. Попробуйте обмануть рабочихъ въ разсчетѣ, и на будущій годъ вы останетесь безъ жнецовъ; слава о васъ обѣжитъ цѣлый край и никто не захочетъ имѣть съ вами дѣла; попробуйте не заплатить въ срокъ долга — и вы ни копѣйки ни у кого не достанете; прижмете вы шабра—и онъ васъ прижметъ, на что всегда выищется случай. Вѣрность сдѣлокъ обезпечивается, слѣдовательно, правильнымъ разсчетомъ на будущее, а это основаніе потверже всякой расправы и судебнаго разбирательства. Заведите здѣсь близкій, быстрый и даже справедливый судъ, но съ книжными понятіями о ненарушимости обязательствъ, и вмѣсто теперешней бойкой размашистой жизни водворится вялость сдѣлокъ и вялость людей; непремѣнно кто-нибудь будетъ притѣснять другого, но не попеременно, какъ теперь, а постоянно подъ благовиднымъ предлогомъ святости договора. Коррективомъ теперешняго порядка является смѣтливость, опытность, которая такъ сильно развиваетъ умъ, бодрость и живость въ людяхъ; а тогда юридическая схема сдавитъ свободу отношеній, и за нею можно будетъ спать спокойно, не думая ни о чемъ. Теперь вы поймали рабочаго на невыгодныхъ для него условіяхъ; смотрите, онъ отъ васъ уйдетъ, и вы ничего не выиграли, а напротивъ, проиграли,—стало быть, вамъ надобно сочинить съ нимъ такую ряду, чтобы и вамъ было сносно и ему не накладно; тогда же, если вы его разъ поймали на удочку—кончено дѣло, ему придется служить вамъ волей-неволей; вы очевидно въ барышѣ, но изъ такихъ отдѣльныхъ фактовъ слагается вражда сословій.

Свойства теперешнихъ отношеній, которыхъ передѣлать нѣтъ никакой человѣческой возможности, потому что они, съ разными варіаціями, общи всему великорусскому племени, указываютъ на другого рода коррективы, которые, мнѣ кажется, болѣе подъ стать нашему народу. Русскій человѣкъ—великій матеріалистъ по природѣ: что ему выгодно, того онъ и слушается, за тѣмъ и идетъ; изъ разсчета онъ можетъ сдѣлаться и твердъ въ словѣ, и честенъ до утонченности, и снисходителенъ къ сосѣду, и услужливъ, и даже щедръ. Воспользуйтесь этимъ взглядомъ его на вещи и старайтесь расширить предѣлы его разсчета; такимъ путемъ можно далеко увести его ко всему доброму. Теперь онъ предоставленъ своему природному уму и опытности: докажите ему опытомъ же, отчасти разсужденіями о предметахъ ему близкихъ, что разсчетъ его близорукъ; что надобно смотрѣть и дальше, и зорче; это онъ всегда пойметъ и рано или поздно послѣдуетъ вашему совѣту и указанію. Можетъ быть, я и ошибаюсь, но мнѣ даже кажется, что способъ здѣшнихъ сдѣлокъ въ основаніи своемъ справедливѣе, чѣмъ строго юридическія отношенія, какъ они намъ извѣстны изъ римскаго права. Вы наняли у меня землю изъ мѣшка; что это значитъ? Значитъ, что мы сложились съ вами: вы дали трудъ и издержки производства, я—капиталъ. Нѣтъ урожая—вашъ трудъ и издержки пропали, и мой капиталъ ничего мнѣ не принесъ. Или, вы наняли рабочаго, а онъ отъ васъ ушелъ, не выполнивъ условія. И это не такъ преступно съ его стороны, какъ кажется; и его трудъ пропалъ, потому что вы ему ничего не заплатили, и для васъ потеря: вы лишились рабочаго, когда онъ вамъ нуженъ; получивъ задатокъ, рабочій не долженъ уйти: это противно обычаямъ. Но если онъ

уходитъ, отработавъ задатокъ, потому что ему невыгодно работать,— почему бы, спрашиваю, это было несправедливо? Это значитъ только, что онъ не въ кабалѣ у васъ, больше ничего. Дайте сносныя условія, и онъ останется; въ этомъ его выгода не потерять работы даромъ, не искать другого дѣла и другого хозяина. Какъ, скажете вы съ негодованіемъ: кто смѣетъ говорить, что ни суда, ни расправы не нужно, что отъ нихъ будетъ не лучше, а хуже? Позвольте. О пользѣ суда и расправы смѣшно было бы спорить. Условимтесь только въ одномъ—въ границахъ судебности. Есть дѣла, которыя требуютъ суда, и на нихъ онъ долженъ быть; есть другія дѣла, въ которыя суду не слѣдуетъ входить,—иначе онъ сдѣлается орудіемъ притѣсненій, и жизнь пойдетъ помимо его. Таковы всякаго рода сдѣлки, наймы и т. п.: они держатся, если обоюдно выгодны, и нарушаются, если равновѣсіе между договаривающимися нарушено. Присвоивать святость писаной бумагѣ потому только, что она написана, хотя обстоятельства совершенно измѣнились,—вотъ это было бы верхомъ несправедливости и притѣсненія. Это значитъ ловить людей на удочку и разрушать дѣйствительную справедливость отношеній. Одно при нарушеніи договора не можетъ быть терпимо: это, когда нарушеніе сдѣлано тѣмъ, кто выгодами контракта воспользовался; напр., какъ я уже сказалъ, не можетъ уйти безнаказанно рабочій, взявшій задатокъ, не возвративъ его или не отработавъ. Обычаи строго осуждаютъ это; но если онъ ничего не получилъ, ваше дѣло заботиться о томъ, чтобы для него не было выгодно нарушать ряду. Слѣдовательно, по здѣшнимъ понятіямъ судъ и расправа полезны и необходимы противъ насилій всякаго рода и противъ присвоенія чужой собственности; въ договоры же и условія судъ не долженъ вмѣшиваться; они сохраняются или нарушаются, и никому до этого нѣтъ дѣла, если только одна изъ сторонъ не воспользовалась при этомъ чужою собственностью. По моему, повторяю, это очень правильно и разумно: юридическая формула должна только обозначать общественныя явленія и отношенія, а не давить и стѣснять ихъ. Въ этомъ, разумѣется, крестьянинъ не даетъ себѣ яснаго отчета; но онъ чувствуетъ такъ инстинктомъ, непосредственнымъ чутьемъ, и, мнѣ кажется, оно очень вѣрно. И вотъ въ какомъ отношеніи вліяніе образованныхъ классовъ на народъ могло бы быть въ высшей степени благотворно: образованные люди легче необразованныхъ съумѣютъ формулировать общественныя и юридическія явленія, понять ихъ и возвести въ принципъ или юридическое начало; они могутъ понять разсчетъ шире, не такъ близко и непосредственно, какъ крестьянинъ. Если бы они съумѣли, вырвавшись изъ искусственной атмосферы, въ которой проводятъ свое существованіе, вглядѣться въ жизнь народныхъ массъ безпристрастно и, отбросивъ всякія готовыя теоріи, заставивъ замолчать въ себѣ своекорыстные разсчеты, съ однимъ искреннимъ желаніемъ истины, добра и общей пользы, принялись за умственное и нравственное воспитаніе народа, служа ему живымъ примѣромъ всего хорошаго и объясняя ему все доброе съ точки зрѣнія выгоды или пользы, которую одну простой народъ твердо понимаетъ, то нѣтъ сомнѣнія, что въ короткое время мы бы не узнали мужика: грубая и отчасти дикая кора, въ которую онъ такъ плотно завернутъ, свалилась бы, и пребываніе въ такъ называемой глуши и захолустьѣ стало бы для насъ источникомъ всякаго рода нравственныхъ наслажденій.

Къ несчастію, я долженъ признаться, что все это мнѣ самому кажется утопіями, особенно когда оглянусь вокругъ себя: мы всѣ почти подражаемъ мужикамъ, укоряя ихъ въ то же время въ грубости и невѣжествѣ; мы такъ же близоруки, такъ же своекорыстны, какъ они, только гораздо хуже ихъ знаемъ свое дѣло; даже въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, въ которыхъ ищемъ своихъ выгодъ, мы ведемъ разсчетъ гораздо хуже крестьянина. Единственная цѣль наша—получить какъ можно больше дохода и барышей, а не общая польза, удовлетвореніе разнымъ искусственнымъ потребностямъ, а не нравственное благо: что-жъ мудренаго, что мы смертельно скучаемъ въ деревнѣ? Мы недовольно сочувствуемъ интересамъ массъ; привычки и понятія наши совершенно различны, что вовсе не значитъ, чтобы наши были нравственно лучше. Не умѣя подняться до той простой истины, что все доброе и честное въ послѣднемъ результатѣ есть и самое выгодное, потому что честное и доброе не въ воздухѣ витаетъ, а живетъ посреди же насъ и съ нами, мы не лучше массы, на которую смотримъ свысока; мы такъ же мелочны, такъ же нравственно неразвиты, такъ же не выходимъ никогда изъ

круга ежедневныхъ ближайшихъ и своекорыстныхъ заботъ. Мы скучаемъ, потому что одиноки, и насъ мало; а никто еще безнаказанно не уединялся въ себя и не разобщался съ великимъ Божіимъ міромъ во имя себялюбивыхъ интересовъ. Мы такъ погрязли въ предразсудкахъ и въ готовыхъ понятіяхъ, заученныхъ наизусть и никогда ничѣмъ непровѣренныхъ, что безъ сомнѣнія эти строки будутъ встрѣчены очень многими съ презрительнымъ смѣхомъ и самодовольнымъ скептицизмомъ. Пусть! Rira bien, qui rira le dernier! Время покажетъ, кто правъ и кто неправъ; судъ его безпристрастнѣе нашего...

Для насъ, владѣльцевъ населенныхъ имѣній въ здѣшнемъ краю, не имѣющихъ возможности жить круглый годъ въ деревнѣ, представляется теперь жизненный вопросъ, что̀ дѣлать съ имѣніями, когда преобразованіе крѣпостного права совершится. Обязательный трудъ будетъ здѣсь, въ большей части имѣній, сопряженъ съ неудобствами; онъ станетъ меньшимъ подспорьемъ къ нанятымъ работникамъ и жницамъ, чѣмъ теперь; вся сила будетъ лежать въ послѣднихъ. При такомъ положеніи дѣлъ, при дороговизнѣ рукъ, при невѣрности урожаевъ бѣлотурки, при относительной дешевизнѣ русской пшеницы, хозяйственное воздѣлываніе пшеницы въ общемъ итогѣ принесетъ не доходъ, а убытки. Это показываетъ самый простой разсчетъ. Вспахать десятину стоитъ 2 р. 50 коп. и 3 р. сер., обжать ее—5 и 6 цѣлковыхъ; вымолотить и вывѣять—35 и 40 коп. съ мѣшка; отвезти на продажу—отъ 30 до 50 коп. съ мѣшка же. А обыкновенный урожай бѣлотурки надобно полагать отъ 3 до 4 мѣшковъ съ десятины. Цѣна 6 или 7 рублей. Стало быть, десятина даетъ отъ 18 до 28 рублей, а издержки обойдутся отъ 8 до 10 рублей. Но мы не́ положили въ счетъ запасныя сѣмена на годъ (5 и 6 пудовъ), посѣвъ, отвозъ пшеницы съ гумна въ амбаръ, издержки на содержаніе и ремонтъ рабочихъ лошадей и быковъ, наемъ и содержаніе рабочихъ, содержаніе жнецовъ, молотильщиковъ и вѣяльщиковъ, подсѣваніе пшеницы, ремонтъ разныхъ вещей по хозяйству и въ особенности жалованье и содержаніе управляющаго, которому надобно платить дорого, котораго надобно содержать порядочно, если не хотите имѣть плута и вора, способнаго надѣлать вамъ больше бѣды, чѣмъ самая высокая плата порядочному человѣку. Сочтите все это, и вы увидите, что даже при ежегодномъ обыкновенномъ урожаѣ, который очень часто не удается, и при благопріятныхъ условіяхъ, которыя рѣдко соединяются, расходъ почти равняется доходу. Какое же количество десятинъ нужно сѣять, чтобы имѣть порядочный доходъ? А оно тоже опредѣляется количествомъ земли, удобной для пашни. У насъ земля пашется три года сряду и потомъ должна отдыхать не менѣе шести лѣтъ; еще лучше снимать одну жатву и оставлять землю впустѣ два года; такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ больше трети всей удобной для пашни земли ежегодно засѣвать нельзя; иначе при хорошихъ урожаяхъ вы конечно получите три, четыре года отличный доходъ, но потомъ останетесь ни при чемъ на нѣсколько лѣтъ. Но и засѣвать много — страшный рискъ; вы положите въ землю огромныя деньги (предполагаю, что ихъ имѣете) и, можетъ быть, ничего не получите назадъ, просѣете, какъ выражается народъ;—двѣ, три такихъ аферы, и вы разорены въ конецъ.

Что жъ мы начнемъ? Самое благоразумное и вѣрное, кажется, ежегодно отдавать треть пахотной земли въ наемъ. При выгодной наемной платѣ, это вѣрный доходъ, но надобно имѣть и вѣрнаго человѣка, который бы не отдавалъ больше третьей части земли и не отваживалъ нанимателей взятками въ свою пользу, сверхъ положенной цѣны, что̀ тоже случается. Колонисты, владѣющіе участками, ведутъ такимъ образомъ свои дѣла отлично, и земли ихъ давнымъ давно окупились. Конечно, малую часть все-таки придется воздѣлывать отъ себя, на домашній обиходъ; въ случаѣ обильнаго урожая, часть пшеницы можно и выгодно продать. Кромѣ того, на залежи можно пускать гурты овецъ и скота, за хорошую плату. Такое хозяйство потребуетъ немного народа и немного ртовъ. Къ нему я намѣренъ перейти, какъ только измѣнятся теперешнія отношенія къ крестьянамъ. Кто живетъ самъ въ деревнѣ, тотъ, конечно, можетъ устроить такой порядокъ гораздо выгоднѣе для себя, потому что ему не нужно управляющаго.

Многое хотѣлось бы разсказать вамъ еще любопытнаго изъ того, что я здѣсь видѣлъ и слышалъ; но всего сразу не перескажешь.

С. Константиновское на Міюсѣ.
7-го августа 1860 года.

II.

Хочу поговорить теперь съ вами о другого рода договорѣ или обязательствѣ, которое тоже представляетъ свои замѣчательныя особенности. Каждый, кто бывалъ лѣтомъ въ деревнѣ, видалъ стадо въ полѣ; въ степи онъ увидитъ, кромѣ того, табунъ лошадей, именно когда онѣ не нужны въ дѣло. Весною на нихъ пашутъ, правильнѣе сказать, запахиваютъ и заборанивають посѣянное зерно; послѣ жатвы у насъ молотятъ лошадьми. За исключенiемъ этихъ двухъ работъ, требующихъ большого количества лошадей, онѣ лѣтомъ не нужны и пасутся въ степи днемъ и ночью.

Стадо крупнаго и мелкаго скота пасется пастухомъ съ подпаскомъ, табунъ лошадей—табунщикомъ. Привольныя пастбища даютъ возможность держать много овецъ и скотины, а характеръ земледѣлiя, единственнаго здѣшняго промысла, требуетъ много лошадей. Здѣсь пашутъ „мягкую" землю (т.-е. если она не старая залежь и не залогъ) конными плугами, въ которые впрягается по три лошади, да одна лошадь идетъ за плугомъ съ бороною, и того: каждое тягло должно имѣть по меньшей мѣрѣ четыре лошади. Понятно, что количествомъ плуговъ измѣряется достатокъ хозяина. „Тотъ не мужикъ, у кого на два тягла нѣтъ девяти лошадей", говорятъ здѣшнiе крестьяне. У зажиточныхъ на одно тягло два, три и даже четыре плуга. Легко представить себѣ, поэтому, каковы здѣшнiе табуны.

Пастухъ и табунщикъ нанимаются на все то время, пока скотъ и лошади могутъ пастись въ степи. Ряда происходитъ къ новому году, съ пастухомъ и табунщикомъ особливо, потому что скотъ и лошади пасутся особо. Нанимаются они крестьянскимъ обществомъ, которое платитъ имъ деньги и обязано ихъ кормить. Раскладка платежа между крестьянами производится: пастуху — по чередамъ, табунщику—по головамъ. Это вотъ что значитъ: платой облагается каждая скотина и каждая лошадь, исключая только тѣхъ, которыя „ходятъ подъ матерью", т.-е. сосутъ мать, только между лошадьми нѣтъ разницы; „коняшонокъ", т.-е. сосунъ, лишь только становится стригуномъ, зачисляется по платежу вровень съ взрослыми и старыми лошадьми; а для рогатаго скота и овецъ разсчетъ дѣлается иначе: корова и быкъ принимаются за единицу, которая и называется „чередомъ"; шесть овецъ полагаются противъ коровы, т.-е. составляютъ вмѣстѣ чередъ; телушка или бычекъ двухгодовалые идутъ каждый за двѣ овцы, слѣдовательно, за треть череда; трехгодовалые бычки и телушки, каждый противъ трехъ овецъ, т.-е. за полчередъ; годовалая телушка не идетъ въ счетъ. Такимъ образомъ, годовая плата табунщику раскладывается по количеству лошадей, за исключенiемъ сосуновъ, а пастуху—по количеству чередовъ, въ разсчетъ которыхъ тоже не входятъ скотъ и овцы, кормящiяся молокомъ матери. (О количествѣ скотины въ нашемъ краю можно судить по тому, что въ моемъ маленькомъ имѣнiи, состоящемъ только изъ 35 тяголъ, считается 130 чередовъ рогатаго скота и овецъ). Затѣмъ каждый домохозяинъ платитъ съ того количества чередовъ и головъ, какое имѣется въ его дворѣ.

Пастухъ и табунщикъ кормятся, какъ сказано выше, крестьянскимъ обществомъ. Это значитъ, что они обѣдаютъ или ужинаютъ съ крестьянами и получаютъ отъ нихъ пироги (пшеничные хлѣбы) на остальное время дня, про запасъ. Табунщикъ прiѣзжаетъ обѣдать въ деревню, потому что днемъ и ночью лошади остаются въ полѣ, пастухъ же пригоняетъ скотину къ закату солнца домой, на ночь, и ужинаетъ съ крестьянами. Замѣтить должно, что каждый крестьянинъ, обыкновенно, ѣстъ четыре раза въ день: завтракаетъ, полуднюетъ, обѣдаетъ и ужинаетъ. На то время, когда пастухъ и табунщикъ не ѣдятъ съ крестьянами, они и должны поэтому получать про запасъ „пироги", которые и ѣдятъ въ полѣ. Какъ же кормятъ крестьяне пастуха и табунщика?

Каждое крестьянское семейство, правильнѣе каждый дворъ, готовитъ кушанье про себя. Прокормленiе пастуха и табунщика раскладывается между крестьянскими дворами, по количеству скота и лошадей, которымъ каждый дворъ владѣетъ. Сколько въ каждомъ дворѣ чередовъ скота, столько дней и обязанъ онъ прокормить пастуха. Табунщика кормятъ съ каждыхъ шести головъ одинъ разъ. Въ этомъ отношенiи заведена между дворами очередь, которая не измѣняется и идетъ все та же, не прерываясь изъ года въ годъ. Настала поздняя осень, скотъ и лошади перестаютъ пастись въ степи, и прокормленiе пастуха и табунщика

прерывается; но съ наступленіемъ весны, когда скотъ и лошади опять выгоняются въ поле, опять начинается довольствованіе пищею пастуха и табунщика, и первый дворъ, на которомъ лежитъ эта обязанность, есть тотъ самый, на которомъ остановилась заведенная очередь; за нимъ слѣдующій, и т. д. Если дворъ имѣетъ неполное число чередовъ, а съ дробями, или такое число лошадей, которое не дѣлится на шесть безъ остатка, то дроби сосчитываются вмѣстѣ и когда составятъ полный чередъ или шесть лошадей, тогда за нихъ полагается день прокормленія пастуха или табунщика. Напр., положимъ, что во дворѣ пять чередовъ скота съ половиною: ему придется прокормить пастуха въ первую очередь, или кругъ, пять дней, а во вторую шесть дней; если у него четыре череда съ третью, то онъ будетъ кормить въ первый кругъ четыре дня, во второй четыре же дня, а въ третій кругъ пять дней и т. д.

Если съ новаго года, когда производится наемъ пастуха и табунщика, произойдетъ какая-нибудь перемѣна въ числѣ скота или лошадей къ тому времени, когда они выгоняются въ степь на паству, то раскладка сообразно съ тѣмъ измѣняется: у кого уменьшилось скота или лошадей, тому излишне полученныя съ него деньги возвращаются, у кого увеличилось, съ того, по разсчету, довзимается.

Сборъ наемной платы табунщику и пастуху поручается крестьянскимъ обществомъ одному изъ стариковъ, который и ходитъ по дворамъ, когда слѣдуетъ, и ведетъ съ крестьянами, пастухомъ и табунщикомъ разсчеты.

Подъ табунщикомъ всегда ходитъ лошадь. Не можетъ онъ ѣздить все на одной лошади; это было бы и тяжело для нея, и неуравнительно для крестьянъ. И вотъ верховая ѣзда табунщика тоже раскладывается между дворами по числу владѣемыхъ ими лошадей, какъ прокормленіе табунщика. Прежде было здѣсь такъ: четыре лошади давали одну лошадь подъ табунщика на день; теперь даютъ одну шесть лошадей; крестьяне говорятъ, что это сдѣлано для облегченія лошадей; оно такъ, но возможность облегчить произошла отъ того, что число крестьянскихъ лошадей въ послѣднее время значительно увеличилось. Излишки или недостачи къ шести сосчитываются особо и отслуживаютъ свои конные дни табунщику точно такъ же, какъ чередовыя дроби скота сосчитываются при раскладкѣ кормежныхъ дней. Вотъ что я успѣлъ узнать о порядкѣ найма крестьянами пастуха и табунщика. Эти свѣдѣнія, сознаюсь, очень неполны; бывалые хозяева могутъ разсказать объ этомъ и больше и лучше меня. Я пишу, что̀ узналъ случайно, урывками, потому что систематическаго изложенія отъ крестьянъ трудно добиться. Никогда между ними не возникаетъ, по поводу такихъ договоровъ, никакихъ недоразумѣній ни между собою, ни съ пастухами; стало быть, есть какія-нибудь точныя правила, по которымъ разбираются казусные случаи; но эти правила нигдѣ не записаны, не возведены въ юридическія начала; представится сомнительный случай, станутъ толковать о немъ крестьяне, и тутъ вы услышите положенія или начала, дѣйствующія относительно такихъ договоровъ, которыхъ вы и не подозрѣвали,— начала, объясняющія вамъ дѣло совсѣмъ съ другой стороны, вамъ вовсе неизвѣстной. Такова вся наша народная жизнь; хороша ли она или дурна—мы не знаемъ, и пока не станемъ въ нее вглядываться, никогда не узнаемъ. Разговорившись съ разными крестьянами о наймѣ пастуховъ и табунщиковъ, я узналъ, что вездѣ принятъ тотъ же порядокъ, только съ частными видоизмѣненіями. Такъ напр., въ Тульской губерніи Бѣлевскаго уѣзда въ чередъ полагается не шесть, а десять овецъ. Крестьяне Саратовской губерніи сказывали мнѣ, что пастухъ не отвѣчаетъ, если волкъ, по здѣшнему „бирюкъ“, зарѣжетъ скотину, но отвѣчаетъ за потерю ея и за потраву.

Сельцо Константиновское.
17-го августа 1860 г.

III.

Трудно представить себѣ что-нибудь недовѣрчивѣе нашего крестьянина ко всякому помѣщику вообще и къ своему въ особенности, и на это есть много причинъ. Мы сами въ этомъ очень виноваты... Есть, впрочемъ, и разныя другія обстоятельства, которыя этому способствуютъ, даже безъ нашей прямой вины. Мы совершенно не знаемъ быта крестьянина и, не давъ себѣ ни разу труда вникнуть въ него безпристрастно, хоть бы только для того, чтобъ имѣть о немъ понятіе, мы заранѣе пренебрегаемъ имъ и смотримъ на него свысока. Не стану разбирать здѣсь очень сложный вопросъ: хорошъ ли

этотъ бытъ или дуренъ, но въ этомъ согласится со мной, конечно, всякій, что надобно по крайней мѣрѣ знать то, что презираешь, а мы и не знаемъ даже, а пренебрегаемъ.

Какъ народные нравы намъ чужды и неизвѣстны, такъ точно и наши нравы и обычаи—крестьянину. Кто жъ изъ насъ дастъ себѣ трудъ объяснить мужику, что вотъ это-де мы дѣлаемъ потому такъ, а это потому? И всегда ли это можно объяснить? У насъ столько пустого и условнаго!..

Выходитъ, что вступая съ мужиками въ дѣйствительныя практическія отношенія съ наилучшими намѣреніями и при полномъ расположеніи къ намъ крестьянъ, мы съ первыхъ же шаговъ рѣшительно не понимаемъ другъ друга. Мы хотимъ имъ добра, но принимаемся за дѣло не такъ, и выходитъ зло, по крайней мѣрѣ недоразумѣніе. Крестьяне остаются холодны къ этому добру. Мы, не понимая причины, сердимся на нихъ, негодуемъ, называемъ ихъ неблагодарными, безчувственными, закоснѣлыми невѣждами, и желаніе добра имъ въ насъ охладѣваетъ; махнемъ рукой и возвращаемся къ заведенному порядку, каясь, что его нарушали и предавались несбыточной мечтѣ. Крестьянинъ, обманутый тѣмъ, что баринъ хорошій, и онъ ждалъ отъ него хорошихъ порядковъ, а вышла сумятица и все опять пошло по старому, тоже махнетъ рукой и крѣпче утвердится въ своей недовѣрчивости.

Баринъ правъ. Онъ не по пустому кается, что нарушилъ заведенный порядокъ, что предавался несбыточнымъ мечтамъ. Онъ поразстроился отъ того, что погнался за осуществленіемъ утопіи. Но въ какомъ же это смѣшномъ и нелестномъ для него смыслѣ! Безъ ума и добро не въ добро. Кто же виноватъ, какъ не онъ самъ, что изъ его благихъ намѣреній ничего не вышло! А что крестьянинъ еще глубже уйдетъ въ свою недовѣрчивость, такъ онъ тысячу разъ правъ, и въ самомъ нешуточномъ смыслѣ. Его беретъ раздумье, чтò бы это могло значить: и хотятъ мнѣ добра, а добра не выходитъ никакого. Напротивъ, выходитъ только тревога и безтолочь, а въ концѣ концовъ зло; а баринъ добрый. Вотъ почему въ нашемъ положеніи нельзя быть довольно осторожнымъ и осмотрительнымъ при обращеніи съ простымъ народомъ. Попасть въ разъ чрезвычайно трудно. Мы вдобавокъ и говорить не умѣемъ съ крестьяниномъ; нашего балагурства и шутокъ онъ не любитъ и не понимаетъ, иногда видитъ въ нихъ такіе намеки, о которыхъ мы и не помышляли.

Со мной былъ одинъ очень забавный случай, который приведу какъ доказательство, къ какимъ недоразумѣніямъ подаетъ поводъ различіе нашихъ и крестьянскихъ обычаевъ.

Разъ какъ-то въ воскресенье утромъ, выпивши чашку кофе, я отправился прогуляться по деревнѣ. У насъ крестьяне считаютъ за грѣхъ работать что-либо по воскресеньямъ и праздникамъ, и потому, отъ нечего дѣлать, собираются по нѣскольку калякать около своихъ воротъ, сидя на заваленкахъ. Потолковавши съ ними о томъ и о семъ, я пошелъ далѣе; но одинъ изъ крестьянъ остановилъ меня и просилъ зайти къ нему послѣ обѣда „побаить“, т.-е. побесѣдовать. Мы съ нимъ были всегда въ наилучшихъ отношеніяхъ, оказывали взаимно другъ другу разныя услуги, никогда не ссорились, и потому я принялъ это приглашеніе съ большимъ удовольствіемъ. Въ назначенное время прихожу. Хозяинъ встрѣчаетъ меня привѣтливо, а хозяйка едва поклонилась и не смотритъ. Мужикъ что-то ласково подтрунилъ надъ ней, она отвѣчала ему грубо, отрывисто, видимо съ сердцемъ. Я рѣшительно не понималъ, чтò все это значитъ; не имѣлъ никакого повода думать, что она мнѣ не рада, зналъ ее съ наилучшей стороны и то, что они живутъ съ мужемъ очень ладно. Что это твоя хозяйка такъ сердится?—сказалъ я ему, когда она вышла. Не знаю,—отвѣчалъ хозяинъ:—что-то серчаетъ. Потомъ, черезъ минуту вышелъ, вѣроятно, поговорить съ нею, и, возвратившись, объяснилъ мнѣ загадку. Хозяйка сердилась на него, зачѣмъ онъ не предупредилъ ее, что пригласилъ меня къ себѣ, и я засталъ ее неприготовленною; у нея нечего было поставить на столъ. Это не предвѣщало ничего добраго для моего желудка. Послѣ обѣда я не былъ въ состояніи ѣсть, и даже для городничаго не было больше мѣста, а разныя крестьянскія кушанья и угощенія нашлись вскорѣ въ домѣ зажиточнаго моего хозяина. Послѣ тысячи упрашиваній и тысячи отказовъ, я успѣлъ наконецъ объяснить ему, что если я не ѣмъ, то рѣшительно потому, что боюсь заболѣть и желудокъ не принимаетъ; что по нашимъ обычаямъ можно быть въ гостяхъ безъ всякаго угощенія; но старуху хозяйку убѣдить въ этомъ не было никакой возможности. Ей все

казалось, что я не ѣмъ у нихъ не спроста, а съ умысла, и пришлось отыскать мѣсто въ желудкѣ хоть для небольшого городничаго и положить въ карманъ, про запасъ, кой-какія съѣдобности. Знай я не изъ книгъ, что невозможно придти въ гости къ крестьянину, не поѣвши у него чего-нибудь, я бы конечно не зашелъ къ нему послѣ обѣда и избѣгъ бы непріятной необходимости: или ѣсть когда былъ сытъ по горло, или разобидѣть хозяйку. Но это еще не важно, и я вспомнилъ объ этомъ случаѣ мимоходомъ.

Такія недоразумѣнія можно, по крайней мѣрѣ, скоро поправить. Недѣлю спустя, эта же самая хозяйка совершенно свыклась съ мыслью, что я прихожу посидѣть къ нимъ и ничего не ѣмъ. Бываютъ недоразумѣнія гораздо поважнѣе, которыя останавливаютъ на долгое время дѣйствіе самыхъ полезныхъ мѣръ. Вотъ когда искушеніе велико—счесть крестьянъ за дураковъ или негодяевъ, махнуть рукой на полезныя улучшенія въ ихъ быту, какъ на праздныя мечты, простительныя въ ребячествѣ, а не въ зрѣломъ возрастѣ; и вотъ когда именно необходимо отбросить всякое ложное самолюбіе, забыть тайное самодовольство по поводу придуманной хорошей мѣры, и употребить всѣ свои усилія на то, чтобъ отыскать причину, почему же эта хорошая мѣра не принимается или принимается вяло. Если мы добросовѣстно и искренно примемся за дѣло, мы рано или поздно отыщемъ какую-нибудь основательную причину, и обыкновенно такую, вина которой падаетъ на насъ же. И выйдетъ, что глупость или недобросовѣстность мужиковъ,—одно лишь печальное недоразумѣніе съ нашей стороны. Кто же, въ самомъ дѣлѣ, не хочетъ хорошаго?

Со мной самимъ случилось одно изъ такихъ недоразумѣній, и я разскажу его, хотя, признаться, роль моя въ этомъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, не представляетъ ничего особенно лестнаго для моего самолюбія. Положеніе человѣка, не понимающаго сразу самыхъ обыденныхъ вещей, очень смѣшно. Но нечего дѣлать, разскажу все какъ было, чтобы люди еще менѣе меня опытные могли воспользоваться моими ошибками и избѣгнуть ихъ въ своей дѣятельности на пользу крестьянъ.

Въ 1853 году, какъ только досталось мнѣ имѣніе, о которомъ пишу, я началъ придумывать разныя мѣры для улучшенія быта крестьянъ и для постепеннаго подготовленія новыхъ отношеній между ними и мною, которыя и тогда казались мнѣ рано или поздно неизбѣжными. Въ числѣ такихъ мѣръ на первомъ планѣ стояло между прочимъ составленіе мірского или крестьянскаго капитала. Написалъ я объ этомъ тогдашнему моему управляющему, и поручилъ поговорить съ крестьянами; но онъ принялъ дѣло вяло, они, какъ всегда, подозрительно, и все, чего я могъ добиться, состояло въ томъ, что какой-то сосѣдъ потравилъ степь, съ него былъ взысканъ штрафъ и этотъ штрафъ положенъ въ мірской капиталъ.

Намѣренія мои были самыя лучшія. Рѣдкое письмо къ управляющему проходило безъ того, чтобы я не напоминалъ ему объ этомъ дѣлѣ. Часто писалъ о томъ же и къ самимъ крестьянамъ, подробно объяснялъ имъ пользу этого дѣла для нихъ же; велѣлъ хранить бѣдные зачатки его особливо, вести имъ особый счетъ, на мірскихъ сходкахъ представлять капиталъ и счетъ ему для повѣрки крестьянамъ. Дѣло все-таки шло вяло. Опасенія мужиковъ, что я могу въ одинъ прекрасный день объявить этотъ капиталъ своимъ, представлялись мнѣ очень живо, и ихъ-то я и старался всячески устранить. Съ этою цѣлью рѣшился я самъ сдѣлаться ежегоднымъ вкладчикомъ крестьянскаго капитала, на довольно значительную по доходамъ и имѣнію сумму; всѣ штрафы за потраву моихъ полей, по всей справедливости слѣдовавшіе мнѣ, сталъ отдавать въ тотъ же капиталъ. Такими средствами онъ сталъ по немногу рости; но довѣріе къ нему не росло.

Въ 1854 году поступилъ въ имѣніе новый управляющій, пробывшій у меня, къ сожалѣнію, только два года, и оставившій по себѣ отличную память между крестьянами. Онъ понялъ мои мысли и заботился особенно о приращеніи мірского капитала. Я думалъ-было завести общественную запашку для приращенія, но крестьяне нашли для себя такую запашку стѣснительной и просили обложить ихъ лучше сборомъ хлѣба. Я согласился на это, но сборъ не поступалъ. Равнодушіе ихъ къ такому полезному для нихъ, а не для меня, дѣлу приводило меня просто въ отчаяніе. Въ 1856 году пріѣхалъ я самъ въ первый разъ къ себѣ въ деревню. Собираю крестьянъ, толкую съ ними и между прочимъ особенно налегаю на необходимость мірского капитала; высчитываю имъ по пальцамъ всѣ

его выгоды для нихъ, увѣряю ихъ, что дѣлаю это для нихъ, а не для себя. Молчатъ крестьяне. Спрашиваю ихъ, знаютъ ли они о томъ, что капиталъ заведенъ? Знаютъ. Даетъ ли имъ управляющій отчетъ въ немъ? Даетъ. Все въ порядкѣ. Равнодушіе мужиковъ начинало выводить меня изъ терпѣнія. Чего я хотѣлъ? Только ихъ пользы: изъ этого я бился, хлопоталъ, дѣлалъ пожертвованія—и ничего изъ этого не выходило. Положимъ, прежде они меня не знали; но наконецъ они меня видѣли и слышали. Почти всѣми моими распоряженіями они остались очень довольны, о чемъ я, впрочемъ, слышалъ не отъ нихъ, а изъ постороннихъ, однако вѣрныхъ источниковъ. Нѣкоторые крестьяне полюбили меня и доказывали мнѣ это по-своему. Почему же они такъ холодны къ распоряженію, которое я для нихъ же сдѣлалъ?

Случайно оказалось у меня въ деревнѣ много взрослыхъ дѣвушекъ, для которыхъ не было жениховъ въ имѣніи. Я позволилъ имъ идти замужъ за постороннихъ, вольныхъ крестьянъ, безъ всякой другой платы, кромѣ 5-ти цѣлковыхъ въ мірской капиталъ. Эта мѣра была принята съ необыкновенною радостью и видимо расположила ко мнѣ крестьянъ. А къ капиталу они по прежнему оставались холодны.

Послѣ того у меня перемѣнилось два управляющихъ. Капиталъ понемногу все росъ. Крестьяне стали изъ него брать и ссуды, и платили большіе проценты. Первый управляющій приставилъ къ капиталу двухъ стариковъ и отдалъ имъ ключи. По прежнему продолжали давать крестьянамъ отчетъ о состояніи капитала, и по прежнему они не хотѣли дать на усиленіе его ни копѣйки. Ссуды дѣлались съ одобренія и поручительства двухъ хозяевъ. Одинъ изъ управляющихъ, какъ я узналъ впрочемъ только теперь, почему-то разгнѣвался на стариковъ, приставленныхъ къ кассѣ, и отнялъ у нихъ ключи. Впрочемъ, капиталъ по прежнему служилъ для нуждъ крестьянъ, но наполнялся только тѣмъ, что въ него вносилось по моему положительному приказанію.

Теперь, черезъ четыре года, я снова пріѣхалъ въ деревню, снова собралъ мужиковъ и снова, въ сотый разъ, объяснялъ имъ пользу мірского капитала и сѣтовалъ, что они для него ничего не дѣлаютъ. О нѣкоторыхъ моихъ предположеніяхъ, касавшихся крестьянскихъ дѣлъ, они говорили, и видно было, что принимаютъ ихъ къ сердцу и серьезно о нихъ думаютъ: такъ, они почувствовали необходимость школы для обученія грамотѣ; но о мірскомъ капиталѣ опять промолчали.

Что за странность? Теперь они изъ капитала и ссуды берутъ, а какъ будто не понимаютъ его пользы. Это было для меня рѣшительно непостижимо. Какую можно было прочесть по этому поводу филиппику противъ мужика, его глупости, неблагодарности, даже подлости! Зло меня брало. Рѣшительно не могъ я придумать, чѣмъ бы, наконецъ, придать имъ вкусъ къ мірскому капиталу. А его между тѣмъ накопилась довольно значительная по имѣнію сумма—233 рубля на 35 тяголъ.

Сталъ я разговаривать съ крестьянами по одиночкѣ объ этомъ дѣлѣ и допытываться отъ нихъ, какъ они объ немъ думаютъ и что за причина, что оно подвигается такъ тихо. Наконецъ, нѣкоторые, должно быть сжалившись надо мною, рѣшились высказать задушевную мысль всего общества. „Капиталъ дѣло хорошее", сказали они, „да не въ нашихъ оно рукахъ. Идти просить ссуды у управляющаго, иной и опасается; подумаетъ, подумаетъ, и броситъ. Хотѣли мы было взять деньги изъ капитала въ уплату податей, пришли просить, а управляющій не далъ; должно быть, онѣ затрачены были на господскія или свои его нужды, и на лицо его не было; а послѣ опять пополнился, и опять сталъ управляющій давать изъ него ссуды. Будь ключи отъ капитала въ нашихъ рукахъ — все бы вѣрнѣе". Зная крайнюю добросовѣстность управляющаго, я никакъ не могъ понять, какъ онъ это не далъ мужикамъ денегъ, изъ ихъ же капитала, на уплату податей. Такой отличный былъ случай доказать крестьянамъ самымъ осязательнымъ образомъ пользу мѣры, надъ исполненіемъ которой я трудился столько лѣтъ. На повѣрку вышло вотъ что: когда крестьяне пришли просить денегъ изъ мірской кассы на подати, управляющій хотѣлъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдать имъ и сумму, слѣдующую въ уплату земскихъ повинностей, которую я плачу изъ своихъ средствъ; но, не имѣя на это наличныхъ денегъ, онъ просилъ обождать дня четыре, въ которые надѣялся получить сколько нужно было. А замѣтьте, что уѣздный городъ отъ насъ въ 120-ти верстахъ, и мы не имѣемъ съ нимъ никакихъ сношеній, кромѣ по дѣламъ казеннымъ и оффиціальнымъ, слѣдовательно, въ весьма

рѣдкихъ случаяхъ. Очень естественно, что управляющій не хотѣлъ пропустить удобнаго случая внести земскія повинности, не посылая для того нарочнаго.

Тудъ мнѣ все стало яснымъ! Несмотря ни на какія увѣренія, несмотря на мои распоряженія, которыми крестьяне вообще были довольны, несмотря на личное знакомство со мною, несмотря наконецъ на то, что въ теченіе семи лѣтъ ни одинъ изъ управляющихъ не бралъ съ нихъ взятокъ, не притѣснялъ ихъ, не покровительствовалъ однимъ на счетъ другихъ, несмотря на все это, они все-таки не довѣряли ни мнѣ, ни управляющимъ, и самыя ничтожныя обстоятельства возбуждали ихъ подозрительность.

Чтобы покончить дѣло разомъ, я собралъ крестьянъ и объявилъ имъ, что держалъ мірской капиталъ у себя только потому, что боялся его растраты; но если это полезное дѣло не двигается потому, что они опасаются, что капиталъ можетъ идти на мои или управляющаго нужды, то принимать на себя пустыхъ нареканій ни я, ни управляющій не хотимъ; лучше пусть они безъ грѣха возьмутъ его себѣ и поручатъ кому хотятъ. Я завелъ это дѣло для ихъ же пользы, а не для своей, и буду радъ, если капиталъ станетъ такъ скорѣе рости и умножаться. Послѣ того, я прочелъ крестьянамъ, кому изъ нихъ и сколько роздано денегъ въ ссуду, и съ котораго времени, сколько всего капитала, и сколько затѣмъ на лицо. Наличныя деньги велѣлъ я при себѣ пересчитать и отдалъ при всѣхъ одному изъ стариковъ.

Тогда картина перемѣнилась. Всѣ заговорили, что капиталъ—дѣло доброе и полезное; неисправнымъ плательщикамъ назначены сроки, когда они непремѣнно должны возвратить и капиталъ и проценты; свадьбы обложены небольшимъ сборомъ; скотъ и лошади—тоже. Кромѣ того небольшой сборъ положенъ съ тягла. Храненіе наличныхъ денегъ ввѣрено зажиточному и крѣпкому мужику. Словомъ, крестьяне принялись за это дѣло серьезно и стали весело разсказывать, какія выгоды получены ими отъ выданныхъ ссудъ. Мірской капиталъ обратился въ общественное дѣло, которымъ всѣ заинтересовались, на ряду съ другими важными крестьянскими дѣлами.

Кто же виноватъ, что до тѣхъ поръ это дѣло не шло? Признаюсь, никто какъ я самъ. Я думалъ, что крестьяне не доросли до понятія о пользѣ такого учрежденія, и боялся, что они прогуляютъ собранныя деньги. А на дѣлѣ вышло, что я самъ мѣшалъ дѣлу, успѣха которому такъ ревностно желалъ. Зная чистоту своихъ намѣреній, я воображалъ, что и другіе не могутъ не считать ихъ чистыми. Очевидно, многаго я не принялъ при этомъ въ соображеніе... Что было бы, еслибы во мнѣ было побольше самоувѣренности? По всѣмъ вѣроятіямъ, я тоже, по примѣру многихъ, осуждалъ бы мужика и убѣдился бы, что я—очень хорошъ, а онъ—очень дуренъ.

С. Константиновское
18-го августа 1860 г.

(Московскія Вѣдомости, 1860, № 192 и 194).

УСТАВНАЯ ГРАМОТА *).

Мнѣ удалось нынѣшнимъ лѣтомъ войти въ полюбовное соглашеніе съ бывшими моими крестьянами и представить уставную грамоту за общимъ ихъ и моимъ подписаніемъ. При совершеніи этого, столько важнаго лично для меня дѣла, я встрѣтилъ много затрудненій, которыя казались непобѣдимыми; но мнѣ посчастливилось устранить ихъ и достигнуть результата, котораго такъ искренно и пламенно желалъ. Не я одинъ имѣлъ эту удачу. Судя по слухамъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія, болѣе пятидесяти грамотъ уже представлены и большая ихъ часть написана тоже по взаимному соглашенію владѣльцевъ съ крестьянами. Это доказываетъ, что оно возможно, что оно во всѣхъ отношеніяхъ желательно, объ этомъ и говорить нечего. Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ слышатся горькія жалобы, что съ крестьянами нѣтъ сладу, что они ни о какихъ полюбовныхъ соглашеніяхъ и слышать не хотятъ, что претензіи ихъ чрезмѣрны, что они ничего не понимаютъ и знать не хотятъ, кромѣ какихъ-то нелѣпыхъ и ни на чемъ не основанныхъ ожиданій новыхъ льготъ и милостей въ болѣе или менѣе близкомъ или отдаленномъ будущемъ.

Не зависитъ ли неудача переговоровъ съ крестьянами отъ какихъ-нибудь недоразумѣній, непонятыхъ и потому дѣйствующихъ незамѣтно? Мнѣ это казалось весьма вѣроятнымъ до переговоровъ съ крестьянами, а теперь, окончивъ съ ними полюбовно, я убѣжденъ изъ опыта, что это дѣйствительно такъ. Вступая въ переговоры съ крестьянами, мы не довольно вникаемъ въ ихъ образъ мыслей, предубѣжденій, складъ ума, интересы, въ ихъ, если можно такъ выразиться, особую логику, образовавшуюся вслѣдствіе тысячи причинъ, о которыхъ здѣсь распространяться не мѣсто. Наткнувшись при переговорахъ на что нибудь, что̀ намъ кажется нелѣпымъ или наглымъ, мы обыкновенно тотчасъ же приходимъ въ гнѣвъ, въ досаду, и выражаемъ ее крестьянамъ рѣзко, или въ самомъ началѣ

---

*) Другое начало статьи:

„Не знаю, какими словами выразить вамъ то удовольствіе, которое ощущаю теперь, несмотря на то, что живу одинъ, въ глухой степи, относительно въ довольно близкомъ сосѣдствѣ съ татарами, киргизами и калмыками, только въ 300 верстахъ отъ Уральска. Мнѣ удалось войти съ своими крестьянами въ соглашеніе насчетъ будущихъ нашихъ отношеній, и мы представляемъ мировому посреднику уставную грамоту, подписанную добровольно обѣими сторонами. Согласитесь, есть чему порадоваться! А если прибавлю, что я остался при этой сдѣлкѣ въ выгодѣ и что крестьяне, съ своей стороны, ею тоже совершенно довольны, то вы поймете, почему я считаю эту минуту одной изъ лучшихъ въ моей жизни. Провозившись въ разсчетахъ, переговорахъ, соображеніяхъ, двѣ съ половиною недѣли, я теперь отдыхаю беззаботно, съ давно небывалымъ отраднымъ чувствомъ, что имѣешь право на отдыхъ, да и нѣтъ никакой причины не отдохнуть. Какъ нарочно погода стоитъ великолѣпная. Теплый степной вечеръ послѣ дождя передъ закатомъ солнца, въ самомъ началѣ лѣта, какъ-то невольно настраиваетъ на бесѣду. Поболтаемъ же, хоть заочно за тысячу верстъ. Разскажу вамъ мою удачу и мою радость во всей подробности, какъ что̀ было. Живя въ деревнѣ, поневолѣ ударишься въ микроскопическія мелочи, которыя ускользаютъ отъ глазъ въ городѣ. Міръ, въ которомъ происходило то, что̀ я намѣренъ вамъ описывать, — собственно муравейникъ какихъ-нибудь ревизскихъ мужеска пола 78, да женска 89 душъ, — маленькая степная деревенька и при ней 4200 слишкомъ десятинъ земли; о такой малости не стоило бы и говорить, но, во-первыхъ люди—вездѣ люди, людскіе разсчеты—вездѣ людскіе разсчеты, въ какихъ бы размѣрахъ они ни являлись, и потому психологическій ихъ интересъ равно занимателенъ; во-вторыхъ, теперь, во всей Россіи, происходятъ такіе же толки и переговоры между помѣщиками и крестьянами, какіе у меня были; всякая подмѣченная въ этихъ случаяхъ черта, всякій опытъ, въ какихъ бы размѣрахъ онъ ни былъ произведенъ, имѣютъ свою занимательность, могутъ пригодиться для соображенія и при другихъ обстоятельствахъ. Поэтому разсказъ мой можетъ быть и не безполезенъ. Многія подробности покажутся вамъ скучными, пожалуй даже нескромными, потому что, входя ближе въ предметъ, мнѣ придется коснуться моего имѣнія, хозяйства, управленія, которыя, строго говоря, могутъ интересовать одного меня и ни до кого, кромѣ меня, не касаются. Но эти частныя и личныя соображенія должны теперь отступить на второй планъ передъ великимъ общественнымъ интересомъ, который лежитъ въ правильномъ разрѣшеніи на практикѣ вопроса объ освобожденіи крестьянъ, въ миролюбивомъ соглашеніи интересовъ крестьянъ и помѣщиковъ. Пока новый порядокъ взаимныхъ ихъ отношеній окончательно не уладится, у насъ нѣтъ и не можетъ быть дѣла важнѣе этого, и каждый обязанъ забыть все остальное, только чтобы послужить ему по мѣрѣ силъ“.

теряемъ терпѣніе и отчаяваемся въ успѣхъ. Такое отсутствіе выдержки, терпѣнія, запугиваетъ крестьянъ сразу и до чрезвычайности затрудняетъ добровольное соглашеніе, достигнуть котораго и безъ того крайне трудно. Крестьянинъ очень подозрителенъ и недовѣрчивъ. Онъ неохотно идетъ на переговоры и сдѣлки съ владѣльцемъ объ устройствѣ будущей своей судьбы. И это неудивительно: крестьянинъ безграмотенъ, а законъ сложенъ; ошибиться, заключая сдѣлку, не трудно, а разъ она заключена, ее нельзя передѣлать. Положимъ, что помѣщикъ добръ и благодѣтеленъ, думаетъ крестьянинъ, однако онъ заинтересованъ въ дѣлѣ и пожалуй, при окончательной сдѣлкѣ, обманетъ; а обмануть ему не трудно: онъ и грамотенъ и знаетъ законъ и всему ученъ. Стало быть, вѣрнѣе всего не идти ни на какую сдѣлку. Правительство знало что̀ писало; и писало, кажется, въ крестьянскую пользу, такъ пусть же оно и примѣнитъ законъ; ему виднѣе, что̀ въ пользу крестьянъ; мужикъ человѣкъ темный, многаго и не доглядитъ, что̀ ему выгодно, а правительство все видитъ. Къ этому присоединяется и такое опасеніе: подписать грамоту или договоръ, значитъ получить только то, что̀ въ нихъ написано, и отказаться добровольно и навсегда отъ всего того, что̀ въ нихъ пропущено ненарочно или съ умысломъ; а этого крестьяне страшно боятся. Что жъ мудренаго, что они недовѣрчиво встрѣчаютъ всякія предложенія владѣльцевъ устроиться полюбовно, выслушиваютъ такія предложенія нехотя, равнодушно, отдѣлываются отъ нихъ нелѣпостями или прибавляютъ самыя неумѣренныя требованія, выгода которыхъ для нихъ и невыгода для владѣльцевъ очевидна и осязательна? Въ то время, какъ мы выходимъ изъ себя, слушая этотъ вздоръ, крестьяне дѣлаютъ надъ нами психологическія наблюденія; почти не зная и во всякомъ случаѣ не вполнѣ понимая новый законъ, который даетъ имъ права, они изъ этихъ психологическихъ наблюденій надъ нами выводятъ свои заключенія о томъ, можно ли на насъ положиться или нѣтъ, добросовѣстно ли мы предлагаемъ имъ то или другое, въ самомъ ли дѣлѣ желаемъ исполнить законъ и ищемъ обоюдной пользы, или стараемся только ихъ запутать и уловить въ разставленныя сѣти. Кто не выдержитъ этого испытанія, разгорячится и вмѣсто опроверженій и доводовъ станетъ браниться, тотъ этимъ отдалитъ, а не приблизитъ вожделѣнную минуту полюбобовнаго соглашенія.

Еслибы каждый, кому удалось полюбовно сдѣлаться съ крестьянами, подробно записалъ и напечаталъ весь ходъ своихъ переговоровъ, со всѣми эпизодами и превратностями, со всѣми наблюденіями, какія ему удалось при этомъ сдѣлать, — какой бы это былъ богатый матеріалъ для узнанія нашего крестьянина, котораго мы такъ еще мало знаемъ, и какъ бы это было полезно для тѣхъ, которые собираются вести такіе же переговоры съ бывшими своими крестьянами! Полюбовная сдѣлка обезпечиваетъ намъ впереди дружелюбныя отношенія съ ними. Какой же благоразумный и предусмотрительный человѣкъ ее не пожелаетъ!

Я рѣшаюсь сдѣлать первый опытъ въ этомъ родѣ. Разскажу, какъ происходили мои переговоры съ крестьянами отъ начала до конца во всей подробности, не скрывая своихъ ошибокъ, не умалчивая о томъ, что̀ я долженъ былъ вынести оскорбительнаго для моего самолюбія, о критическихъ минутахъ, когда я находился въ самомъ затруднительномъ и непріятномъ положеніи. Надѣюсь, что мои замѣтки не будутъ безполезны, хотя онѣ составляютъ каплю въ морѣ изъ того, что̀ слѣдуетъ сдѣлать для полнаго уясненія взгляда, характера, свойствъ и особенностей великорусскаго крестьянина.

Имѣніе мое находится въ Новоузенскомъ уѣздѣ Самарской губерніи, въ 60-ти верстахъ отъ с. Балаково, извѣстной хлѣбной пристани на Волгѣ. Имѣніе это — муравейникъ, всего 78 ревизскихъ крестьянскихъ душъ, поселенныхъ на участкѣ въ 4200 десятинъ.

Я отправился въ свое имѣніе по Волгѣ изъ Твери съ твердымъ намѣреніемъ непремѣнно перейти къ новому порядку отношеній, водворенному Положеніями 19-го февраля, и потомъ окончательно рѣшить на мѣстѣ, какъ устроить свое хозяйство на будущее время. На пути я старался, при разныхъ встрѣчахъ, разузнавать какъ идетъ на мѣстахъ крестьянское дѣло, но почти ничего не узналъ; только въ Самарѣ, гдѣ я провелъ нѣсколько дней, удалось услышать кое-что, но это кое-что предвѣщало мнѣ мало добраго. Самые достойные и почтенные люди, въ добросовѣстности которыхъ нѣтъ и не можетъ быть никакого сомнѣнія, разсказывали почти единогласно, что крестьяне рѣшительно

не идутъ ни на какія сдѣлки. Неужели и меня ожидаетъ то же самое? Мысль эта меня тревожила. Я ѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ написать уставную грамоту не иначе какъ по соглашенію съ крестьянами, готовъ былъ провести для этого хоть все лѣто въ деревнѣ, и хотѣлъ воспользоваться правомъ дать уставную грамоту отъ себя только въ самой крайности, наканунѣ годового срока, послѣ котораго издержки ея составленія должны были пасть на меня. Мучимый неизвѣстностью, я ждалъ не дождался минуты, когда пароходъ повезъ меня въ Балаково. Часы казались мнѣ днями, каждая задержка — вѣчностью. На пути новые разговоры и разсказы, изъ разныхъ губерній, точь въ точь подтвердили то, что̀ я уже слышалъ въ Самарѣ. Наконецъ я добрался до деревни поздно вечеромъ и на другой же день собралъ крестьянъ, поздравилъ ихъ съ волей и сказалъ, что пріѣхалъ написать съ ними уставную грамоту. Не знаю, впечатлѣніе ли разговоровъ, слышанныхъ недавно, или въ самомъ дѣлѣ было такъ, только мнѣ показалось, что крестьяне глядятъ что-то невесело, не такъ, какъ при прежнихъ встрѣчахъ, не далѣе какъ въ прошломъ году; а въ этотъ промежутокъ времени, кажется, ничего дурного между нами не произошло. Всю зиму и послѣ объявленія манифеста, крестьяне были совершенно спокойны; весною они стали-было возражать противъ нѣкоторыхъ подробностей барщины, однако послѣ того сами, безъ всякихъ побужденій, выѣхали на весенній посѣвъ, и въ работахъ никакой остановки не было. Если что-нибудь, то скорѣе были причины встрѣтиться намъ радушнѣе чѣмъ прежде. Работники и работницы здѣсь чрезвычайно дороги, и потому крестьяне, занимаясь значительными посѣвами пшеницы, больше чѣмъ гдѣ-нибудь тяготятся барщиной. Вслѣдствіе этого я предложилъ имъ перейти на 6-ти рублевый оброкъ. Эта сдѣлка была принята очень охотно, и я послѣ самъ слышалъ отъ крестьянъ, что они ею весьма довольны. Отчего же крестьяне смотрѣли пасмурно? Я терялся въ догадкахъ.

На слѣдующій затѣмъ день, когда они собрались, я объявилъ, что, такъ или иначе, но покончить съ теперешними отношеніями и написать уставную грамоту необходимо, потому что этого требуетъ законъ. Что я, живя съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ вотъ уже семь лѣтъ, положилъ бы себѣ за честь и за славу, еслибы мы вмѣстѣ подписали грамоту; что если они на это согласны, я готовъ на всѣ роды сдѣлокъ, какія только допускаетъ новый законъ: иду на оброкъ, на выкупъ, на уступку имъ въ собственность четвертой части надѣла; еще въ 1856 году крестьянская земля отдѣлена отъ господской: я предложилъ имъ выбрать въ надѣлъ любую землю и обѣщалъ, въ случаѣ полюбовной сдѣлки и если они подпишутъ уставную грамоту, подарить имъ въ придачу усадебную осѣдлость и выпускъ, по закону (320 кв. саж. на ревизскую душу), не въ счетъ надѣла; словомъ, я изъявилъ готовность идти на уступки, если они войдутъ со мною въ соглашеніе; если же нѣтъ, то я уставную грамоту напишу отъ себя: не дожидаться же мнѣ, чтобы ее написалъ мировой посредникъ на мой счетъ; но въ такомъ случаѣ пусть они на меня не пеняютъ; я буду исполнять въ точности Положеніе, отведу имъ земли сколько велитъ законъ, буду по возможности сообразоваться съ ихъ выгодами, но не дамъ ни сажени лишней и стану держаться того, что̀ мнѣ выгодно.

На это крестьяне не говорили ни да, ни нѣтъ. Трудно было разгадать, что̀ у нихъ на душѣ, а безъ этого какъ было начать переговоры? Недовѣрчивость и подозрительность ихъ, при безграмотности, при плохомъ еще разумѣніи новаго закона, при возбужденныхъ надеждахъ на полную волю, т.-е. съ землей безъ выкупа и повинностей, достигли крайнихъ предѣловъ, и потому, добиваясь миролюбиваго соглашенія, надобно было поступать крайне осмотрительно и осторожно, говорить одни рѣчи, не сбиваться, не спѣшить, не навязываться ни съ какимъ предложеніемъ, а дать дѣлу идти своимъ чередомъ, выжидать и наблюдать. Мнѣ казалось, что всего полезнѣе будетъ для крестьянъ выкупъ, и потому я объяснялъ имъ въ особенности выгоду этой сдѣлки. Кажется, этимъ я сначала повредилъ переговорамъ. Крестьяне тотчасъ заподозрили, что я имѣю при этомъ какіе-то свои виды въ ущербъ имъ. Послѣ оказалось, что̀ они думали. Я впрочемъ долѣе не настаивалъ и предложилъ имъ обдумать дѣло самимъ.

Прежде всего крестьяне просили почитать имъ Положеніе 19 февраля. Не понимали они законъ, или имъ хотѣлось послушать, какъ я стану его толковать,—не знаю. Очень можетъ быть, что толкованіе Положеній было,

въ ихъ глазахъ, пробнымъ камнемъ меня самого и моихъ видовъ и предположеній по этому дѣлу. Зная подозрительность крестьянъ и догадываясь, что они не спроста хотятъ, чтобы я толковалъ имъ Положенія, я рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы внушить имъ большее къ себѣ довѣріе и расположить ихъ къ добровольному соглашенію. Для этого было одно простое и вѣрное средство: говорить съ ними совершенно откровенно о выгодахъ новыхъ Положеній и для меня, и для нихъ, не скрывая ничего. Съ крестьяниномъ, при теперешнихъ обстоятельствахъ, лучшая политика — дѣйствовать прямо и откровенно. Перехитрить его трудно; у него есть въ запасѣ, на счетъ будущихъ его отношеній къ помѣщику, такія сомнѣнія, какія никому не придутъ въ голову. Поэтому съ нимъ надобно играть въ чистую, иначе непремѣнно проиграешь.

Общее положеніе и гражданскія права они знали, и не тутъ была ихъ забота; они просили прочесть и объяснить имъ статьи о надѣлахъ, о повинностяхъ, о выкупѣ. Надобно было читать заподрядъ, идущее и не идущее къ нашей мѣстности, чтобы не возбудить подозрѣніе, что я умышленно опускаю невыгодныя для себя, а для нихъ выгодныя статьи. Такъ продолжалось два вечера. Въ концѣ перваго, крестьяне, выслушавъ статьи объ оброкѣ, спросили: а что̀ будетъ послѣ девяти лѣтъ? Станетъ земля наша безъ выкупа или нѣтъ? — Разумѣется, нѣтъ, отвѣчалъ я. Не прогнѣвайтесь, возразили они кругомъ, вездѣ въ нашемъ краю думаютъ, что черезъ девять лѣтъ надѣленная отъ помѣщика земля, за крестьянскіе труды, будетъ крѣпкою за крестьянами безъ выкупа, и мы по нихъ тоже думаемъ.

Такого возраженія я не предвидѣлъ и никакъ не ожидалъ. Кажется, Положенія такъ ясно и опредѣлительно говорятъ противное тому, что̀ думали крестьяне, а они нашли же возможнымъ вклеить въ него свои надежды.

Откровенность крестьянъ меня обрадовала. Наконецъ-то я узналъ, отъ нихъ самихъ, отчего такъ туго подаются они на переговоры. Самая откровенность ихъ была знакомъ довѣрія, которое мнѣ было очень пріятно и подавало надежды впереди.

Но какъ убѣдить крестьянъ, что они ошибаются, что моя земля и черезъ девять лѣтъ останется моей землей? На слово они не могли мнѣ повѣрить въ дѣлѣ такой важности; я все-таки баринъ, стало быть, въ ихъ глазахъ, разумѣется буду гнать свою статью, искать своихъ выгодъ, а не крестьянскихъ. Доводъ, что Положенія говорятъ на каждой страницѣ о постоянномъ пользованіи надѣломъ и тщательно различаютъ его отъ пріобрѣтенія надѣла въ собственность, хорошъ для грамотныхъ и образованныхъ людей, но неубѣдителенъ для нихъ. Статьи о переоцѣнкѣ повинностей и переоброчкѣ черезъ 20 лѣтъ нагляднѣе говорили въ мою пользу, но и этого было еще мало. Нужно было доказательство, болѣе наглядное, очевидное, личное, противъ котораго нечего было бы возразить.

На другой день, когда они собрались, я имъ прочелъ статьи о переоброчкѣ. „Мало вамъ еще и этого, и вы все не вѣрите“, прибавилъ я, „то я готовъ дать вамъ формальное обязательство, засвидѣтельствованное мировымъ посредникомъ, такого рода: если черезъ девять лѣтъ правительству угодно будетъ обратить поземельный надѣлъ въ собственность крестьянъ безвозмездно, то я подчинюсь этому распоряженію наравнѣ со всѣми прочими, какое бы условіе мы между собою теперь ни заключили“. Такое предложеніе произвело на крестьянъ сильное впечатлѣніе. Они не могли не убѣдиться, что я правъ и ихъ не обманываю, что земля черезъ девять лѣтъ никакъ не достанется имъ даромъ,— иначе какъ бы я рѣшился дать имъ такое обязательство? Но разставаться съ мечтою и надеждой было имъ очень тяжко. На лица всѣхъ точно надвинулись тучи. „Что̀ крестьяне такъ пасмурны?“, — спросилъ я послѣ сходки, наединѣ, одного изъ крестьянъ, съ которымъ былъ ближе прочихъ. „Никакой досады противъ васъ они не имѣютъ“, отвѣчалъ онъ мнѣ: только слова, что земля не будетъ наша даромъ, пришлись имъ не по сердцу.

Какъ ни тяжко было у крестьянъ на сердцѣ, что надежда ихъ обманула, однако переговоры съ этой минуты начались и пошли довольно гладко. Обезпечивши себѣ будущность, на всякій случай, моимъ обязательствомъ, они стали подаваться на сдѣлку. На третій день пошли разныя предположенія какъ устроиться. Я шелъ, какъ сказано, на все и только боялся, чтобы крестьяне не вздумали остаться на барщинѣ, зная изъ опыта и понимая, что впередъ она будетъ для меня еще убыточнѣй, для управляющаго—еще неснос-

нѣе прежняго. На всякій случай приготовленъ былъ подробный сравнительный разсчетъ на деньги тому, что̀ крестьяне получаютъ отъ меня въ видѣ пашни, сѣнокосовъ, пастбища, и что̀ платятъ за это работами. Для большей убѣдительности я высчиталъ все, что̀ имъ даю, по самымъ выгоднымъ цѣнамъ, а то, что̀ отъ нихъ получаю, по цѣнамъ обыкновеннымъ, и то высчиталъ не все; разсчетъ выходилъ все-таки выгодный для меня и невыгодный для нихъ. Однако эта предосторожность была напрасна. Крестьяне сами не думали оставаться на барщинѣ; стало быть, этотъ пунктъ не возбудилъ никакихъ разнорѣчій и остался въ сторонѣ.

Самымъ главнымъ, существеннымъ былъ вопросъ о землѣ, и къ нему крестьяне подходили очень осторожно. На выкупъ надѣла они не шли, по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, у нихъ не достало бы на это собственныхъ средствъ, а на выкупъ съ помощью правительства они идти опасались; срочные платежи, съ строгимъ взысканіемъ недоимки и притомъ въ теченіе 49 лѣтъ, ихъ пугали; они опасались, что станутъ, пожалуй, при неурожайныхъ годахъ, неплательщиками и могутъ въ конецъ разориться; во-вторыхъ, въ будущемъ имъ все-таки улыбалась надежда получить весь надѣлъ даромъ. Зачѣмъ же его выкупать теперь? И если эта надежда сильно поколебалась, то все-таки лучше было оставить ее про запасъ, на всякій случай.

Отклонивъ выкупъ, крестьяне стали разсуждать о надѣлѣ съ платежемъ оброка. Чтобы дальнѣйшій разсказъ былъ вполнѣ понятенъ, необходимо объяснить сперва расположеніе земель въ имѣніи и коснуться нѣкоторыхъ хозяйственныхъ подробностей.

Участокъ, о которомъ идетъ рѣчь, прилегаетъ однимъ концомъ къ маленькой степной рѣчкѣ Міюсу, на которой расположены крестьянскія и моя усадьбы, и тянется отъ нея длинной полосой на четырнадцать верстъ слишкомъ. Въ 1856 году я выдѣлилъ изъ него, во всю его длину, полосу земли шириною около версты въ постоянное пользованіе крестьянъ. Въ этой полосѣ, начиная отъ рѣчки идутъ версты на четыре солончаки, прорытые вдоль участка неглубокими логами или балками. Земли эти превосходны для пастбища, по логамъ даютъ хорошее сѣно, но подъ посѣвъ не годятся; далѣе полоса пересѣкается Сыртомъ, незначительной возвышенностью, внутри которой въ недальнемъ разстояніи отъ крестьянской земли направо въ моей пашнѣ расположенъ, въ довольно крутомъ оврагѣ, степной прудъ, устроенный посредствомъ искусственной плотины и наполняющійся весенней водой, которая не пересыхаетъ все лѣто. Кто знаетъ хоть немного нашу степь, тотъ понимаетъ, какую цѣну имѣетъ въ обширныхъ безводныхъ пространствахъ резервуаръ воды, хотя бы весенней. За Сыртомъ идетъ отличная пахотная земля, а затѣмъ по балкамъ и углубленіямъ, называемымъ у насъ лиманами, превосходные сѣнные покосы. Усадьбы, крестьянскія и моя, расположены по рѣчкѣ, за исключеніемъ логовинъ, впадающихъ въ Міюсъ, и огромнаго лимана, принадлежащаго къ моей усадьбѣ, дающаго превосходное сѣно, гдѣ теперь понемногу разводится садъ, садятся ветлы и плодовыя деревья. Противъ этого лимана не въ далекомъ разстояніи отъ крестьянскихъ усадьбъ, расположенъ другой лиманъ, въ которомъ съ весны и до половины лѣта, а при частыхъ дождяхъ и долѣе сохраняется вода. Она тоже служитъ водопоемъ для скота, преимущественно же для выдѣлки кизяка, единственнаго здѣшняго топлива при совершенномъ отсутствіи лѣсовъ.

До 1856 года, у крестьянъ не было своего особаго поля. Дѣвственная степь, покрытая ковылемъ, поднималась бычьими плугами, запряженными восемью быками для господской экономіи, нынче въ такомъ количествѣ, завтра въ другомъ. Земли было въ изобиліи, и которое мѣсто приглянулось, тамъ и пахали. Черезъ три года эта пашня отдавалась еще на два года подъ посѣвъ крестьянамъ и затѣмъ оставлялась въ залежь. Разсчетъ былъ съ перваго взгляда очень выгодный для экономіи, но въ сущности онъ никуда не годился, потому что страшно истощалъ почву. Мы еще не знаемъ въ Новоузенскомъ краю удобренія полей и сѣемъ почти одну пшеницу. По наблюденіямъ, на годъ пашни земля должна отдыхать два года, послѣ трехъ лѣтъ пашни—шесть лѣтъ, послѣ чего на седьмой опять родитъ лучшіе сорты пшеницы. Больше трехъ лѣтъ хорошіе хозяева сряду не сѣютъ на одной землѣ. Легко представить, что̀ съ нею дѣлалось послѣ пяти посѣвовъ! Мало-помалу степь изведена была такъ, что покрытой ковылемъ земли почти не осталось; ее надобно было выбирать клочками, здѣсь одинъ, тамъ другой. Чтобы положить конецъ этой неурядицѣ и хоть сколько-нибудь осмыслить

хозяйство, составленъ подробный хозяйственный планъ всему участку; онъ былъ разбитъ на правильные четырехугольники въ 8 сороковыхъ десятинъ каждый. Мѣра эта здѣсь въ общемъ употребленіи и называется осмакомъ или картою. Прежнія распашки нанесены на планъ, съ отмѣтками сколько времени пахались и съ котораго времени оставлены въ залежи; крестьянамъ отведено особое поле, на правой сторонѣ, идущее тонкой полосой чрезъ всю длину участка; иначе нельзя было сдѣлать, не лишивъ ихъ или пашни, или сѣнокосовъ. Послѣдними крестьяне пользовались исключительно на себя; изъ пашни давалось имъ по 6-ти сороковыхъ десятинъ на тягло, въ томъ числѣ 2 десятины пластовъ или старыхъ залежей, 2 десятины оборота и 2 десятины подъ третій хлѣбъ; такимъ образомъ и для крестьянъ принятъ тотъ же правильный степной сѣвоооборотъ; впрочемъ, вслѣдствіе неправильнаго пользованія степью въ прежніе годы, учредить сразу особый распорядокъ въ пашнѣ, отведенной крестьянамъ, было невозможно; предполагалось перевести ихъ въ отведенный имъ участокъ постепенно, и это было исполнено лишь нынѣшнею весною. Наконецъ, солончаки, представляющіе отличное пастбище для скота, хотя и находились въ полосѣ земли, отведенной крестьянамъ, однако они не пользовались ими исключительно на себя, потому что крестьянское стадо, крестьянскій и господскій конскіе табуны паслись вмѣстѣ по всей степи, безъ различія земель крестьянскихъ и экономіи.

Вотъ каковы хозяйственныя условія имѣнія и вотъ при какомъ положеніи дѣлъ начались у меня переговоры съ крестьянами объ окончательномъ устройствѣ нашихъ поземельныхъ отношеній на будущія времена.

Всѣ разсужденія крестьянъ вертѣлись только около той полосы земли, которая въ 1856 г. была имъ отведена. И хотя они не пользовались ею исключительно, однако они въ теченіе пяти лѣтъ привыкли смотрѣть на нее какъ на свою и потому другихъ моихъ земель не касались. Полоса эта начиналась прямо отъ ихъ усадьбъ; естественно, что ее они и желали больше другихъ земель имѣнія.

Прежде всего крестьяне стали просить себѣ въ надѣлъ солончаковъ, полагая, согласно съ Положеніями, по три десятины ихъ за одну удобную. Меня это сначала удивило. Мнѣ думалось, что они прежде и больше всего станутъ напирать на удобныя пашни и покосы, и я готовъ былъ дать имъ въ надѣлъ лучшіе изъ нихъ; а они прежде и больше всего домогались солончаковъ и съ большимъ недовѣріемъ выслушивали мои доводы въ пользу добрыхъ земель. Желая устроить ихъ какъ можно лучше, я предлагалъ имъ взять полный душевой надѣлъ въ пашнѣ и покосахъ, а о пастбищѣ въ солонцахъ заключить со мною условіе на девять или больше лѣтъ, съ ежегодной платой положенной цѣны за каждую штуку крупнаго и мелкаго скота и лошадей. По своему обычаю, крестьяне не говорили на это ни да, ни нѣтъ, но все тянулись за солонцами. Послѣ я понялъ, что разсчетъ ихъ былъ весьма вѣренъ. Имѣя много скота и лошадей [1]), они прежде и больше всего старались обезпечить себя на счетъ пастбища, которое, вдобавокъ, прилегало къ ихъ полямъ. Не возьми они солонцовъ въ надѣлъ, они были бы заперты въ своихъ усадьбахъ; положимъ, долгосрочный договоръ о пользованіи моимъ пастбищемъ могъ успокоить ихъ въ этомъ отношеніи на нѣсколько лѣтъ; но когда же нибудь этотъ договоръ кончился бы, и тогда что̀ бы они стали дѣлать? Пришлось бы принять, волей неволей, самыя тяжкія условія относительно пастбища, или жить безъ скота и лошадей, что̀ по нашему хозяйству для мужика значитъ совершенно разориться. Здѣсь пашутъ 3-хъ-коннымъ плугомъ, да нужна лошадь въ борону, и того необходимо на тягло, по меньшей мѣрѣ, четыре лошади. Понятно, что пастбище играетъ здѣсь для крестьянина самую главную и первую роль. Пашня и покосъ — другое дѣло: ихъ можно найти если не у одного хозяина, такъ у другого; земель и покосовъ здѣсь сдается много; каждый владѣлецъ участка заботится о томъ, чтобы пріискать наемщиковъ, и потому ихъ достать можно вездѣ. Оттого-то въ хозяйственныхъ соображеніяхъ здѣшняго крестьянина они вовсе не такъ много значатъ, какъ бы можно было ожидать по первому взгляду.

Для меня, владѣльца участка, аппетитъ крестьянъ къ солонцамъ былъ особенно пріятенъ. Отведя имъ душевой надѣлъ въ пастбищѣ, неудобномъ для посѣвовъ, я удерживалъ за собою лучшія пашни и покосы, нужные для меня во всякомъ случаѣ, хотѣлъ ли

[1]) Въ подлинникѣ около этого мѣста рукою К. Д. написано сбоку: „Выписать здѣсь цифры лошадей и скота“. Этихъ цифръ однако при статьѣ не приложено.

бы я самъ дѣлать большіе посѣвы, или задумалъ сдавать ихъ въ наемъ желающимъ. Сколько бы крестьяне ни взяли у меня солончаковъ, у меня все бы осталось ихъ еще съ избыткомъ для своихъ надобностей; слѣдовательно въ этомъ отношеніи я могъ быть щедрымъ, не нанося никакихъ убытковъ. Противъ этого, конечно, можно возразить, что при большихъ пастбищахъ можно держать много скота и овецъ, которыя доставляютъ большой доходъ; но скотоводство и овцеводство въ большихъ размѣрахъ предполагаютъ, между прочимъ, большіе сѣнокосы, которые бы постоянно обезпечивали скотъ кормомъ на зимнее время; а такихъ большихъ сѣнокосовъ въ имѣніи нѣтъ; для небольшого же скотоводства, пастбища и за щедрымъ надѣленіемъ крестьянъ оставалось бы еще въ изобиліи. Итакъ, главное основаніе, отъ котораго повели крестьяне со мною переговоры, не встрѣтило съ моей стороны никакихъ затрудненій,—напротивъ, я подался на него очень охотно.

Но въ крестьянской полосѣ солончаковъ было хотя и довольно, но далеко не на цѣлый надѣлъ для всего общества. На 78 душъ слѣдовало отвести, считая по 8-ми десятинъ на каждую, всего 624 дес., а солончаковъ было всего до 500 дес., слѣдовательно, удобныхъ не болѣе 165-ти дес.; оставалось прирѣзать для полнаго надѣла около 460-ти дес. Эту часть крестьяне просили отвести имъ, въ ихъ же полосѣ, но въ противоположномъ концѣ ея; середину оставляли они мнѣ. Я соглашался на это, но скрѣпя сердце; отводить крестьянамъ землю въ двухъ мѣстахъ мнѣ очень не хотѣлось; пришлось бы дать имъ прогонъ чрезъ свои земли, на разстояніи довольно значительномъ, а прогонъ, кромѣ потери значительнаго пространства земли, подастъ, какъ извѣстно, поводъ къ безконечнымъ ссорамъ и дрязгамъ, пойдутъ потравы, отъ которыхъ ничѣмъ не убережешься; поймаешь прогоняемый скотъ или лошадей въ своихъ покосахъ или на своей пашнѣ—опять бѣда: начнутся ссоры, безконечныя притязанія: ты, дескать, живешь не по доброму сосѣдству, идешь на зло, и въ отплату за это пойдутъ разныя каверзы на каждомъ шагу, что хоть бросить участокъ и вонъ бѣжать.

Отчего это крестьянамъ непремѣнно захотѣлось земли въ двухъ мѣстахъ, раздѣленныхъ между собою большимъ разстояніемъ, я и до сихъ поръ плохо понимаю. Они говорили, что ближайшія къ солончакамъ земли плохія, что ихъ брать нельзя и не стоитъ. Но это совершенная неправда; если она неотлична для пашни, то только потому, что недовольно вылежалась и сильно прорастаетъ острецомъ или пыреемъ; зато она превосходна для покоса и даетъ отличное сѣно; притомъ такой земли очень немного, а за нею идутъ превосходнѣйшія пашни. Наконецъ, эту же самую землю крестьяне приняли потомъ очень охотно за добрую. Очевидно, крестьяне пытали меня, стану ли я упираться или нѣтъ. Еслибы я уперся, они вѣроятно убѣдились бы окончательно, что я имѣю какія-то вредныя для нихъ заднія мысли, и переговоры наши вѣроятно на томъ бы и кончились. Но мнѣ очень хотѣлось разойтись полюбовно съ крестьянами, а потому и на это ихъ предложеніе я согласился.

Стали мы дѣлать разсчетъ. Отмѣрилъ я по плану сколько слѣдовало крестьянамъ въ прирѣзку до полнаго надѣла. Опять вышло для нихъ неудобно. Имъ хотѣлось вмѣстѣ съ пахотною землею получить и покосовъ, гдѣ находятся колодцы и пойло, необходимѣйшая статья во время знойныхъ лѣтнихъ дней; а до покосовъ не дохватывало, или приходилось придать имъ земли сверхъ надѣла, чего я не хотѣлъ. Тогда крестьяне стали просить, чтобы я далъ имъ дополнительный надѣлъ не съ самыхъ задовъ имѣнія, а отступя насколько нужно, такъ, чтобы этотъ дополнительный надѣлъ захватывалъ покосы и такимъ образомъ приблизился къ колодцамъ.

Удовлетворить этому желанію было еще труднѣе и невыгоднѣе, чѣмъ первому. Дѣлая прирѣзку въ самыхъ задахъ имѣнія, я имѣлъ хоть ту выгоду, что въ одномъ только мѣстѣ, и притомъ на пространствѣ довольно значительномъ, моя земля врѣзывалась въ крестьянскія поля. По новому ихъ требованію приходилось иззубрить мою дачу: въ самыхъ задахъ моего имѣнія мнѣ оставался, въ прежней крестьянской полосѣ, небольшой клочокъ земли; потомъ шелъ бы крестьянскій надѣлъ, потомъ опять моя земля опять на небольшомъ пространствѣ; наконецъ опять крестьянскіе солончаки. Распредѣленіе самое неудобное! Что бы я сталъ дѣлать съ этими клочками, врѣзывающимися въ крестьянскія земли, изъ которыхъ черезъ одинъ приходилось непремѣнно дать прогонъ? И какъ уберечь эти клочки отъ вольныхъ и невольныхъ потравъ? Пришлось бы вѣчно ссориться изъ-за

нихъ съ крестьянами, или оставить ихъ безъ всякаго употребленія, или наконецъ продать и притомъ, по неудобному ихъ мѣстоположенію, за дешевую цѣну. Ни то, ни другое, ни третье мнѣ не улыбалось нимало. Однако и тутъ я не хотѣлъ отказать имъ наотрѣзъ; я понималъ очень хорошо, что безъ сѣнокосовъ и въ особенности безъ степныхъ колодцевъ, или по крайней мѣрѣ безъ такихъ мѣстъ, гдѣ можно докопаться до хорошей воды, имъ тоже пришлось бы плохо; и потому, объяснивъ имъ, какъ предложенія ихъ для меня невыгодны, я обѣщалъ подумать какъ бы уладить это дѣло. Собственно говоря, объяснять тутъ было нечего; крайнее неудобство ихъ предложеній для господской экономіи бросалось въ глаза, и они понимали это конечно лучше меня. Но мнѣ необходимо было заявить, что я уступаю ихъ желаніямъ, понимая свои выгоды и невыгоды, и слѣдовательно приношу жертву не по невѣдѣнію, а сознательно, изъ одного желанія устроить ихъ на будущее время какъ можно лучше. Послѣ оказалось, что разсчетъ мой былъ вѣренъ; уступчивость моя, готовность вникнуть въ потребности крестьянъ и удовлетворить имъ, хотя бы съ ущербомъ для себя, успокоили мужиковъ на счетъ моихъ намѣреній въ этомъ дѣлѣ. Имъ стало ясно, что я не хочу ихъ обманывать и поступаю съ ними добросовѣстно. Тѣ изъ крестьянъ, которые мнѣ довѣряли по прежнимъ сношеніямъ, ссылаясь на мою сговорчивость, стали тверже настаивать на необходимости придти со мною къ какому-нибудь соглашенію и не доводить до разбирательства съ ними по начальству; колеблющіеся стали тоже склоняться въ пользу этого мнѣнія. Оставалось меньшинство, твердое въ своихъ предубѣжденіяхъ, но оно не имѣло сильнаго голоса. Мнѣніе крестьянскаго общества ярче и ярче произносилось въ пользу добровольной сдѣлки, а этимъ выигранъ огромный шагъ.

Не стану хвалиться, что я съ самаго начала ясно понималъ, что̀ собственно значили первые переговоры съ крестьянами и первыя ихъ предложенія. Что они меня пробовали, я это понялъ ясно только впослѣдствіи, когда сдѣлка была заключена, и когда у самихъ крестьянъ языки развязались. Желая отъ чистаго сердца устроить ихъ какъ можно удобнѣе и выгоднѣе, я подробно входилъ въ каждое изъ ихъ предложеній, принималъ ихъ за чистыя деньги, старался объяснить себѣ, почему мужики ихъ дѣлаютъ, какая имъ отъ того будетъ польза, и затѣмъ изыскивалъ всѣ способы согласить ихъ съ моими дѣйствительными интересами. Будучи проникнутъ однимъ желаніемъ разойтись съ ними дружелюбно, я не сердился на нихъ за докуки, былъ крайне терпѣливъ, не гнался за словами. Все это крестьяне оцѣнили, недовѣрчивость ихъ была обезоружена, и это послужило мнѣ въ большую пользу для достиженія своихъ цѣлей. Видя, что я подаюсь на все, довѣрившись моей добросовѣстности, и соглашаясь въ принципѣ на сдѣлку, крестьяне сами, въ свою очередь, стали въ тупикъ, на что̀ рѣшиться, чего просить. Нѣсколько крестьянъ позажиточнѣе, посильнѣе, были готовы на всякую сдѣлку: выкупъ, оброкъ, лишь бы не работа, — имъ было все равно. Имѣя много лошадей, значительные посѣвы и небольшія деньги въ запасѣ, они во всякомъ случаѣ не боялись завтрашняго дня, были увѣрены въ себѣ и шли на всякій договоръ. Но большинство было совсѣмъ въ другомъ положеніи. Оно боялось всякой сдѣлки, которая обязала бы ихъ къ болѣе или менѣе значительнымъ ежегоднымъ денежнымъ платежамъ; они имѣли передъ собою недальніе примѣры, какъ одинъ-другой неурожайный годъ разорилъ иного исправнаго мужика. Ну, а что если такихъ годовъ обыщется три и четыре сряду, что̀ въ нашей степи очень возможно? Стало быть, для нихъ ни выкупъ, ни оброкъ не годились какъ основаніе добровольной сдѣлки. Къ этому примѣшивалась у нихъ вотъ какая мысль: если начальство насъ разведетъ съ бариномъ, думали они, то и оброкъ будетъ все-таки платить легче: придутъ плохіе года, намъ разсрочатъ оброчныя недоимки, а можетъ быть, и совсѣмъ простятъ, потому что оброкъ поставленъ не нами, а правительствомъ; если же мы пойдемъ на соглашеніе съ бариномъ, то не будетъ намъ никакой милости: сами мы пожелали, чтобы было такъ, самимъ и придется отплачиваться какъ знаемъ. Стало быть, для большинства нужна была такая сдѣлка, которая бы ихъ не обязывала къ періодическимъ непремѣннымъ платежамъ, хотя бы она, въ сущности, и была менѣе выгодна всякой другой. Рисковать, разсчитывать на счастливыя случайности опасно. Рисковать можетъ только тотъ, у кого есть въ запасѣ средства, на которыя онъ можетъ опереться въ случаѣ внезапной напасти, а

тотъ, у кого ихъ нѣтъ, и не долженъ пускаться въ большія дѣла; ему лишь бы свести концы съ концами, сегодня, завтра и послѣ-завтра, хотя бы и пришлось заплатить за это подороже. Такъ разсуждаетъ крестьянинъ средняго достатка, и онъ конечно правъ. Ему бы тоже, какъ и всякому другому, хотѣлось обезпечить себѣ впереди безбѣдное состояніе, да силы у него на это не хватаетъ, и онъ боится, въ надеждѣ на завтра, въ конецъ разориться сегодня.

Какъ же сладиться получше сегодня—вотъ что надобно было рѣшить, а рѣшить было очень трудно. Между крестьянами оказалась сильная разноголосица; ни въ чемъ не могли они столковаться между собою на одно; это придавало, разумѣется, большую силу тѣмъ, которые противились добровольной сдѣлкѣ со мною и находили, что вѣрнѣе и безопаснѣе подождать распоряженія со стороны правительства. На совѣщаніяхъ между собою крестьяне доходили до ссоръ и ругательствъ; дошло до того, что они перестали собираться вмѣстѣ, а выходили по-двое, по-трое сосѣдей совѣщаться на задахъ своихъ усадебъ. Я, разумѣется, узналъ обо всѣхъ этихъ подробностяхъ лишь впослѣдствіи, отъ самихъ крестьянъ, когда ужъ все было кончено и уставная грамота подписана. Ходили лишь темные слухи, что общество между собою несогласно, и на одномъ изъ многихъ моихъ совѣщаній съ „стариками", т.-е. домохозяевами, которыя оканчивались ничѣмъ, кто-то изъ крестьянъ, подобродушнѣе и попрямѣе другихъ, откровенно выразился такъ: „мы съ тобой, батюшка, споримъ, а промежду себя споримъ еще хуже того". Случалось также на этихъ совѣщаніяхъ, что когда я въ сотый разъ то же самое предлагалъ крестьянамъ, или въ сотый же разъ объяснялъ имъ, что если они не пойдутъ со мною на добровольное соглашеніе, то имъ будетъ хуже и я воспользуюсь всѣми выгодами, которыя мнѣ предоставляетъ законъ,—нѣкоторые крестьяне говорили прочимъ: „слушайте же, старики, что̀ вамъ говорятъ, чтобы не толковать потомъ, что этого мы не слыхали и не знаемъ". Бывало также, пошлю я звать къ себѣ крестьянъ и жду ихъ очень долго; до прихода ко мнѣ они каждый разъ, собравшись, толковали между собою на деревнѣ; такъ не дѣлаютъ крестьяне, когда между ними одна мысль и одинъ уговоръ. Изъ всего этого я ясно видѣлъ, что крестьяне несогласны между собою, и это меня обнадеживало; значитъ, была возможность, продолжая дѣйствовать по прежнему, устраняя подозрительность и недовѣріе, придти къ чему-нибудь. Не сходятся только тѣ, между кѣмъ есть недоразумѣніе и нѣтъ искренняго желанія на чемъ-нибудь согласиться.

Посреди всѣхъ этихъ недоумѣній и колебаній, кто-то изъ крестьянъ вспомнилъ на ихъ домашнихъ и келейныхъ совѣщаніяхъ, что я предложилъ имъ, между прочимъ, подарить четвертую часть надѣла и разойтись на этомъ. Подобная сдѣлка, очевидно, ближе всѣхъ другихъ, могла согласить самые разнообразные интересы. Съ моей стороны отказа нельзя было ожидать, потому что я соглашался заранѣе и на это; достаточнымъ крестьянамъ, какъ сказано, всякая сдѣлка была хороша; для среднихъ и бѣдныхъ она была очень удобна потому, что освобождала ихъ отъ срочныхъ платежей и работъ и въ то же время доставляла землю въ собственность даромъ. Совершенно случайное обстоятельство заставило крестьянъ окончательно остановиться на этомъ основаніи сдѣлки.

До меня имѣлъ дѣло конторщикъ одной сосѣдней помѣщичьей экономіи. Пріѣзжаетъ онъ въ деревню вечеромъ и останавливается у одного изъ зажиточныхъ моихъ крестьянъ, гдѣ происходило въ то время домашнее совѣщаніе. Конторщикъ этотъ—человѣкъ грамотный, самъ былъ крѣпостнымъ и знакомъ довольно подробно съ Положеніями 19 февраля. Крестьяне обратились къ нему за совѣтомъ. Его мнѣніе было—взять четвертую часть надѣла въ собственность и совершенно со мною разстаться. „Щей горшокъ, да самъ большой", сказалъ онъ имъ, „чего вамъ лучше". Нѣкоторые крестьяне еще сомнѣвались, боялись обмана съ моей стороны. Тогда онъ перечиталъ съ ними всѣ статьи Положеній, относившіяся къ разнымъ сдѣлкамъ, допускаемымъ новымъ закономъ, растолковалъ ихъ и въ заключеніе сказалъ: „если вы мнѣ не вѣрите, такъ вотъ вамъ святой крестъ въ доказательство, что я говорю сущую правду". Этому доказательству сторонняго человѣка, случайно пріѣхавшаго въ деревню и котораго крестьяне почти не знали, они повѣрили, а мнѣ, котораго видѣли и знали хорошо, они не вѣрили! Вотъ при какихъ обстоятельствахъ происходятъ и будутъ происходить соглашенія крестьянъ и помѣщиковъ.

Удивляться и досадовать нечего. На это есть много, очень много причинъ.

Поутру, конторщикъ пріѣхалъ ко мнѣ, разсказалъ свой разговоръ съ крестьянами и предупредилъ, что они будутъ просить о четвертой части надѣла въ солонцахъ, прилегающихъ къ деревнѣ. Я былъ какъ нельзя болѣе этому радъ; и въ самомъ дѣлѣ, трудно было выдумать сдѣлку, болѣе для меня выгодную. Кромѣ того, отъ него же я узналъ, что крестьяне желаютъ прирѣзать часть изъ моей усадьбы къ своей усадебной осѣдлости. Пунктъ этотъ былъ весьма деликатный. Еще въ прошломъ году, въ бытность свою въ деревнѣ, предвидя скорое окончаніе крѣпостного права, я рѣшилъ отмежевать свою усадьбу отъ крестьянской усадебной осѣдлости. Съ этою цѣлью и чтобы крестьянскій скотъ и лошади не заходили безпрестанно въ мою усадьбу, я обвелъ послѣднюю довольно глубокой канавой. Но линія канавы крестьянамъ не нравилась; она переносила дорогу, идущую черезъ деревню, слишкомъ близко къ дворамъ и стѣсняла пространство, прилегавшее къ моей усадьбѣ; то и другое было для крестьянъ весьма невыгодно, потому что деревня расположена на большой дорогѣ и зимою огромные обозы наполняютъ деревню, доставляя крестьянамъ значительный доходъ. Стѣснивъ пространство около дворовъ, я затруднилъ въѣздъ въ деревню со стороны своей усадьбы съ лѣсомъ и тѣмъ уменьшалъ число постояльцевъ. Крестьяне, какъ всегда, выражали свою досаду не прямо и открыто, а косвеннымъ образомъ: ворота, поставленныя на канавѣ, неизвѣстно почему, безпрестанно ломались, желѣзные крючки и запоры исчезали, и проѣздъ черезъ мою усадьбу въ деревню оставался свободнымъ. Сто разъ производились починки, но все это не помогало, и вслѣдъ за починкой ворота опять оказывались сломанными, крючки и петли исчезали по старому. Крестьяне думали, что меня можно заставить закономъ перейти линію моей усадьбы; но конторщикъ объяснилъ имъ, что силой они ничего не возьмутъ и что имъ надо и это дѣло покончить со мною полюбовно и дружелюбно. Правду сказать, я не предвидѣлъ всѣхъ неудобствъ для крестьянъ моей усадебной линіи, когда ее проводилъ, и былъ очень готовъ сдѣлать имъ въ этомъ отношеніи значительныя уступки.

Въ тотъ же самый день, ввечеру, крестьяне, безъ зова, сами пришли ко мнѣ и предложили уступить имъ въ собственность 4-ю часть надѣла въ солонцахъ, считая по закону три десятины ихъ за одну удобную; просили измѣнить нѣсколько линію моей усадьбы со стороны деревни; принявъ это, я, согласно съ прежнимъ обѣщаніемъ, далъ имъ въ придачу, не въ счетъ надѣла, всю ихъ усадебную осѣдлость и выпускъ, по 320 кв. саж. на душу.

Многіе найдутъ это, можетъ быть, излишнею, необдуманною щедростью съ моей стороны. Съ юридической точки зрѣнія, конечно, я не былъ обязанъ прирѣзывать крестьянамъ ни одного вершка лишняго; но едва ли бы я поступилъ разсчетливо и благоразумно, еслибъ не сдѣлалъ этого пожертвованія. Первымъ и самымъ главнымъ дѣломъ было—разстаться полюбовно добрыми пріятелями, чтобы жить впередъ хорошими сосѣдями. Живя бокъ о бокъ съ крестьянами, имѣя съ ними бокъ о бокъ поля и усадьбы, въ нихъ нуждаешься безпрестанно, ежеминутно. Что начнешь дѣлать въ нашей степи, если сосѣдъ, и именно цѣлое крестьянское общество, будетъ глядѣть непріязненно, или, еще хуже, враждебно? Сколько поводовъ къ столкновеніямъ и ссорамъ: курица перелетитъ черезъ заборъ, лошадь или корова перебѣжитъ черезъ межу, случится потрава травы, потолока хлѣба: все это при добромъ сосѣдствѣ кончается ничѣмъ, или, на худой случай, перебранкой, а при дурныхъ отношеніяхъ — не оберешься хлопотъ и досады. Конечно, рано или поздно можно справиться и съ лихимъ сосѣдомъ; но пока справишься, сколько дрязгъ, хлопотъ и убытковъ! Потому-то самый простой разсчетъ, если не другое что, настоятельно велитъ покончить крѣпостныя отношенія по добровольному соглашенію, дружелюбно, миролюбиво. А возможно ли развестись съ крестьяниномъ дружелюбно безъ уступки, безъ нѣкотораго пожертвованія? Приглядитесь къ сдѣлкамъ въ простомъ народѣ: ни одна не обходится безъ магарычей, безъ „почтенія", безъ „уваженія", безъ „пожертвованія". Хотите выгодно купить или продать, вы непремѣнно должны долго толковать, умасливать, обласкать, уступить хоть самую малость, но непремѣнно уступить. Таковы уже нравы. Назначьте самую справедливую и умѣренную таксу, попробуйте продавать по назначенной крайней цѣнѣ, безъ торгу, безъ уступки, и вы ничего не продадите, а рядомъ съ вами другой, умѣющій дѣлать дѣла, продастъ ту же самую вещь дороже. А полюбовная сдѣлка

съ бариномъ и подавно требуетъ съ его стороны уступки; предполагается, что ему есть изъ чего пожертвовать, что если у него доброе сердце, ему непремѣнно слѣдуетъ пожертвовать мужику, особливо своему мужику, который на него „рабствовалъ". Только при такомъ условіи отношенія и послѣ освобожденія будутъ добрыя, пріятельскія, шаберскія. Сдѣлка, предложенная мнѣ крестьянами, была для меня отлично выгодна; по народной логикѣ, мнѣ необходимо было что-нибудь пожертвовать крестьянамъ. Самая пріятная для нихъ, самая видная и въ то же время самая безобидная для меня была усадебная осѣдлость съ выпускомъ. Крестьянскія усадьбы лежатъ на берегу рѣчки Міюса, на солонцахъ, и составляютъ вмѣстѣ съ выпускомъ не болѣе 27-ми десятинъ. Особую цѣнность могли бы онѣ имѣть для меня, еслибъ я обстроилъ крестьянъ изъ своего кармана, или еслибъ вѣроятно было, что крестьяне найдутъ свои выгоды выкупать ихъ отдѣльно отъ остальной земли; но крестьяне обстроились сами, на свой счетъ, а о выкупѣ усадебной осѣдлости отдѣльно отъ прочей земли въ нашей степной земледѣльческой странѣ нечего и думать; въ общемъ же счету съ остальнымъ надѣломъ усадьбы представляютъ по расцѣнкѣ, установленной положеніями, не болѣе 500 руб. сер. Такъ для меня. Для крестьянъ же усадебная осѣдлость имѣетъ огромную важность по мѣстоположенію своему на большой дорогѣ; съ владѣніемъ ими связанъ значительный доходъ отъ зимнихъ постойщиковъ, такъ что здѣшніе крестьяне зовутъ себя въ шутку дворниками, т.-е. содержателями постоялыхъ дворовъ; для нихъ особенно важно, чтобъ они не могли быть потревожены съ своихъ мѣстъ; для нихъ дорого стоитъ увѣренность, что каждое ихъ домашнее строеніе можетъ остаться на вѣки тамъ, гдѣ стоитъ теперь. Конечно, оцѣняя всѣ эти важныя, несомнѣнныя выгоды крестьянъ, я могъ бы вывести отсюда, что вознагражденіе за нихъ принадлежитъ мнѣ по праву; но такое заключеніе всегда казалось мнѣ и теперь кажется весьма ошибочнымъ и пристрастнымъ. По справедливости намъ слѣдуетъ вознагражденіе за то, что мы теряемъ, а не за то, что пріобрѣтаетъ другой. Съ этой точки зрѣнія уступка крестьянамъ усадебной осѣдлости даромъ была очень выгодна, цѣнна и пріятна для крестьянъ, но для меня не составляла большого счета.

Сверхъ того, я уступилъ крестьянамъ безвозмездно около 67 десят. солончаковъ, оказавшихся излишними въ предѣлахъ земли, которую просили у меня крестьяне. Излишекъ этотъ оказался отчасти вслѣдствіе моей ошибки: весь мой участокъ разбитъ на осьмаки, отдѣленные другъ отъ друга полуторасаженной межей. При вычисленіи пространства, которое должно быть уступлено крестьянамъ, я совсѣмъ забылъ про эти межи, и принялъ въ разсчетъ одни осьмаки; кромѣ того, мнѣ не хотѣлось отступать отъ существующаго въ натурѣ дѣленія на осьмаки и переламывать ихъ новыми межами, вслѣдствіе чего составились значительные лишки. Наконецъ при отводѣ границъ уступаемой земли въ натурѣ, приходилось не разъ отступать отъ проектированной на бумагѣ нарѣзки, чтобъ удовлетворить справедливымъ желаніямъ крестьянъ, а эти отступленія расширили уступаемую площадь. Такъ набѣжали незамѣтно эти 67 десятинъ, которыя оказались тогда, ужъ когда нарѣзка въ натурѣ была окончена и уступаемое крестьянамъ пространство земли окончательно измѣрено геометрически самымъ точнымъ образомъ. Конечно, я могъ предъявить на этотъ излишекъ свои права, требовать новой нарѣзки или измѣненія проведенныхъ межъ, по крайней мѣрѣ требовать вознагражденія за этотъ излишекъ; но я счелъ лучше не поднимать этого щекотливаго вопроса. Изъ 70-ти дес. солонцовъ не стоило хлопотать; оставляя ихъ крестьянамъ даромъ, я давалъ имъ новое доказательство хорошаго къ нимъ расположенія, которое еще болѣе сближало меня съ ними; дѣйствуя иначе, я естественно возбуждалъ въ нихъ недовѣріе къ правильности моихъ разсчетовъ и соображеній, отступалъ отъ обѣщанія уступить имъ землю по такое-то мѣсто, и казался имъ сквалыгой, который трясется надъ каждымъ вершкомъ ненужной ему земли. Кто знаетъ, какъ туго крестьянинъ рѣшается на какую нибудь сдѣлку, тотъ пойметъ невозможность сказать ему, согласившись въ чемъ нибудь: я ошибся, это не такъ, а надо вотъ какъ. Такія ошибки и поправки, при великой подозрительности и недовѣрчивости крестьянина, могутъ вести къ тому, что онъ съежится и не пойдетъ ни на какую сдѣлку, а разъ закусилъ онъ удила—съ нимъ ничего не сдѣлаешь.

Несмотря на эти уступки, дѣло подвигалось туго и медленно; каждую минуту пере-

говоры могли прерваться изъ-за пустяковъ, и потому надо было дѣйствовать чрезвычайно осторожно. Самое ничтожное обстоятельство останавливало ходъ соглашеній и вдругъ дѣлало успѣхъ ихъ болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Разскажу здѣсь кстати одинъ изъ такихъ случаевъ. Когда между нами было улажено, гдѣ именно земля остается въ надѣлѣ, оставалось точнымъ образомъ опредѣлить количество десятинъ, сколько отвести слѣдуетъ, а оно зависѣло отъ качества земли, потому что хорошая земля шла десятина за десятину, а солонцовъ три десятины за одну удобную. О большей части надѣла спора не было, но о нѣкоторой части, именно прилегавшей къ Сырту, мы были разныхъ мнѣній: судя по описанію имѣнія, я думалъ, что эта часть состояла изъ удобной ковыловой земли, крестьяне же считали ее за солончаки. Я предложилъ, чтобъ рѣшить споръ, ѣхать на мѣсто, осмотрѣть подробно спорную землю и по тому что̀ найдемъ опредѣлить: положить ли эту землю десятину за десятину, или полторы, двѣ, три десятины за десятину. Ничто̀жное обстоятельство, что я считалъ возможнымъ положить полторы или двѣ, а не три десятины за одну встревожила крестьянъ; они увидали въ этомъ какую-то заднюю мысль, какое-то желаніе ихъ провести, и стали крѣпко держаться закона, полагающаго 3 дес. солончаковъ за одну десятину удобной земли; всѣ сомнѣнія поднялись по этому поводу снова, и одинъ крестьянинъ мнѣ сказалъ напрямикъ, что поѣдемъ мы повѣрять качество земли или нѣтъ,—это все равно, потому что во всякомъ случаѣ насъ разведетъ законъ и мировой посредникъ. Легко себѣ представить, какое тяжелое впечатлѣніе производили на меня такія слова, особливо когда столько трудностей, казалось, были ужъ невозвратно за спиной и переговоры далеко подвинулись впередъ; нечего дѣлать! Надо было отмалчиваться или въ сотый разъ напоминать о томъ, что добровольное соглашеніе будетъ выгоднѣе для нихъ, чѣмъ для меня, и что наоборотъ, законъ и посредникъ предоставятъ мнѣ больше, чѣмъ то, на что я соглащаюсь. Это затрудненіе распуталось впрочемъ само собою; сомнительныя земли оказались въ дѣйствительности чистыми, обыкновенными солончаками и пошли по закону три десятины за одну, вслѣдствіе чего крестьяне снова успокоились; подозрительности ихъ не надъ чѣмъ было разыграться. Земля, уступленная мною крестьянамъ, даже со всѣми прибавками сверхъ четвертой части душевого надѣла, все-таки не доходила до пруда, расположеннаго въ Сырту. Крестьяне стали просить, чтобы я пустилъ ихъ къ водѣ, и я поспѣшилъ съ полною готовностью на это согласиться. Желаніе крестьянъ было вполнѣ законное и справедливое: оконечности участка, переходившаго въ ихъ полную собственность, отстояли отъ рѣчки Міюса и крестьянской усадьбы верстъ на шесть; прогонять скотъ шесть верстъ на водопой въ страшныя лѣтнія жары не было никакой возможности, а другихъ близкихъ водопоевъ, кромѣ пруда, нѣтъ. Ясно, что просьба крестьянъ не была прихотью, а вытекала изъ самаго существа дѣла. Весь вопросъ состоялъ въ томъ, какъ удовлетворить ее. Для этого предстояло два способа. Во-первыхъ, можно было оставить прогонъ отъ крестьянской земли къ пруду черезъ мои поля. Этотъ способъ былъ самый неудобный для меня. Земли, чрезъ которыя прогоняется скотъ, непремѣнно подвергаются потравѣ, даже при всей доброй волѣ пастуха предупредить ее; отвести особый прогонъ, значитъ—надо окопать или огородить его; первое на большомъ пространствѣ очень дорого, второе и дорого и безполезно, потому что скотъ и лошади ломаютъ и портятъ самую крѣпкую изгороду. Итакъ, прогонъ подавалъ во всякомъ случаѣ поводъ къ безпрестаннымъ спорамъ и столкновеніямъ съ крестьянами, а между тѣмъ земля, черезъ которую гоняли скотъ, во всякомъ случаѣ пропадала для меня даромъ, безъ всякой пользы. Оставалось, чтобы удовлетворить крестьянъ и въ то же время избавить себя отъ убытка, дрязгъ и ссоръ съ ними, прибѣгнуть ко второму способу,—именно отдать въ продолжительную аренду, или, еще лучше, продать крестьянамъ участокъ земли, черезъ который лежалъ прогонъ, а чтобы достигнуть этого, надобно было предложить крестьянамъ сходныя для нихъ условія. Многіе, конечно, найдутъ этотъ выводъ страннымъ; вѣдь крестьянамъ нужна вода, а не мнѣ; слѣдовательно, они и должны за это отплачиваться; если мнѣ невыгодно дать прогонъ, то они и должны заплатить за участокъ всю цѣну сполна, и не только безъ всякой уступки, но съ прибавкой, потому что имъ нужно его купить, а не мнѣ продать. Такова обыкновенная логика. Близорукость ея очевидна. Совершенно справедливо, глядя въ упоръ,

что не я, а крестьяне нуждались въ водѣ; но что̀ бы вышло, еслибъ я, пользуясь этимъ, вздумалъ уступить имъ пользованіе водой за тяжкія или стѣснительныя условія? Переговоры могли вовсе прекратиться, и я не достигнулъ бы главной цѣли, къ которой стремился; или крестьяне приняли бы тяжелыя условія съ досадой, нехотя, уступая одной крайности. Въ обоихъ случаяхъ я возбуждалъ къ себѣ въ крестьянахъ, будущихъ моихъ свободныхъ сосѣдяхъ, холодность, досаду, желаніе рано или поздно, при удобномъ случаѣ, прижать и меня, какъ я прижалъ ихъ. Такимъ образомъ за невѣрную или сомнительную и во всякомъ случаѣ не очень значительную выгоду я лишался очень важныхъ выгодъ, т.-е. или разстраивалъ всю сдѣлку, или наживалъ враждебныхъ сосѣдей, которые могли быть мнѣ впослѣдствіи во многихъ случаяхъ нужны и полезны. Вотъ почему я и тутъ сдѣлалъ разныя уступки крестьянамъ: въ прилегающей къ пруду землѣ, черезъ которую лежалъ прогонъ, положилъ тоже три десятины солончаковъ за одну удобную; оцѣнилъ десятину очень умѣренно, а именно въ настоящее время, при значительно поднявшихся цѣнахъ на землю, за десятину предлагаютъ въ нашемъ краю до 20-ти руб. и болѣе; Положенія 19 февраля оцѣниваютъ ее въ 18 р. 75 к; я оцѣнилъ въ 15 р., т.-е. 20-ю процентами меньше и удовольствовался тою суммою, какую бы получилъ отъ казны при выкупѣ крестьянами земли съ содѣйствіемъ правительства; арендную плату положилъ въ 5 коп. съ рубля, и предоставилъ крестьянамъ право выкупить эту землю въ теченіе девяти лѣтъ, по опредѣленной выше цѣнѣ, сразу или постепеннымъ взносомъ выкупной суммы частями, съ сотвѣтственнымъ уменьшеніемъ ежегодной арендной платы. Всѣ эти предложенія крестьяне приняли почти безъ спора.

Уладивъ со мною эту статью, крестьяне потребовали доступа и къ Дровяному озеру, оставшемуся въ моемъ участкѣ. Отказать имъ въ этомъ не было также никакого основанія. Озеро расположено близъ крестьянскихъ усадьбъ, всегда служило мужикамъ до сихъ поръ для выдѣлки кизяка и притомъ находится посреди солончаковъ, слѣдовательно, въ такомъ мѣстѣ, куда прогонъ не могъ представлять для меня никакихъ неудобствъ и невыгодъ. Я согласился съ оговоркой, что если бы мнѣ когда-нибудь вздумалось огородить озеро или обсадить его деревьями, то я обязанъ оставить для крестьянъ въ одномъ мѣстѣ прогонъ опредѣленной ширины.

Казалось, все было устроено, и больше говорить было не о чемъ. Въ увѣренности, что все обговорено и улажено, я написалъ черновой проектъ уставной грамоты и условій и передалъ его крестьянамъ. Предосторожность эта, при безграмотствѣ крестьянъ, кажется съ перваго взгляда излишней и безполезной. Намъ кажется смѣшнымъ и отчасти даже унизительнымъ предположеніе, что безграмотный мужикъ въ состояніи провѣрить нашу редакцію, а тѣмъ менѣе поправить ее или измѣнить. Однако опытъ много разъ убѣждалъ меня, что высокомѣрный нашъ взглядъ на мужика очень ошибоченъ; въ кругѣ своихъ интересовъ и ежедневныхъ занятій крестьянинъ весьма тонкій юристъ; онъ представляетъ вамъ противъ вашей редакціи такія дѣльныя возраженія, что вы должны поневолѣ забыть спѣсь и сознаться, что это дѣло крестьянинъ знаетъ и понимаетъ въ совершенствѣ. Кромѣ того, не должно забывать ни на минуту, что при переговорахъ о предметѣ такой существенной важности, какъ прекращеніе крѣпостныхъ отношеній, крестьянинъ, вообще и всегда недовѣрчивый, подозрительный и осторожный, становится такимъ еще въ гораздо большей степени. Если при такомъ его настроеніи вы хотите отъ него чего-нибудь добиться—не торопите его и дайте ему всѣ способы провѣрить всѣ ваши дѣйствія и предложенія шагъ за шагомъ внимательно. Этимъ вы внушите къ себѣ довѣріе, и дѣло пойдетъ. Зная эту черту крестьянъ, я передавалъ имъ для просмотра всѣ черновые разсчеты земли, арендной платы, выкупной суммы и т. п. и предложилъ имъ посовѣтоваться съ сторонними грамотными людьми. Этотъ пріемъ подѣйствовалъ отлично. „Видно, онъ говоритъ правду, когда не боится чужого совѣта и чужого глаза“,—вотъ что вывели изъ этого крестьяне, а такое расположеніе ихъ было очень благопріятно для успѣха переговоровъ.

Итакъ, я передалъ крестьянамъ черновой проектъ уставной грамоты и дополнительныхъ къ ней условій, и онъ имъ понравился. Все шло какъ по маслу. Выѣхали мы вмѣстѣ въ поле и обвели плугами межи сперва участка, отдаваемаго въ аренду и на выкупъ; на слѣдующій день утромъ должны мы были выѣхать опять въ поле, чтобы провести въ на-

турѣ межи, отдѣляющія мой участокъ отъ земли, уступаемой крестьянамъ въ собственность. Я поднялся рано, жду крестьянъ,—нѣтъ ихъ; въ поле никто изъ нихъ не выѣзжалъ. Ну, думаю, они поджидаютъ моего выѣзда, чтобы отправиться вмѣстѣ; съ этою мыслью выѣзжаю въ деревню и нахожу весь міръ въ сборѣ и вовсе неготовый ѣхать въ поле. Приступаютъ ко мнѣ крестьяне съ новой просьбой; межа проектирована слишкомъ далеко отъ Дровянаго озера. „Да вѣдь я вамъ написалъ какъ ей быть, и вы согласились“.— Такъ точно, согласились, да не въ примѣту было, а какъ вѣха стала, такъ и выказалось, что вовсе намъ неспособно съ такой межой.— Что прикажете дѣлать! И досадно, а надобно было ѣхать на эту неспособную межу и сдѣлать ее способною. Крестьянамъ не хотѣлось имѣть прогонъ къ Дровяному озеру; они боялись по поводу прогона столкновеній и дрязгъ со мною или съ моими преемниками въ имѣніи; они желали провести межу такъ, чтобы она проходила посреди озера и часть его отрѣзывала въ крестьянское поле, а другую въ мои владѣнія. Эта перемѣна интересовала однихъ крестьянъ; для меня было совершенно все равно, пройдетъ межа такъ или иначе, и я поспѣшилъ согласиться на эту просьбу моихъ докучливыхъ сосѣдей, чтобы только успокоить ихъ.

Но самое тяжкое испытаніе предстояло еще впереди, ввечеру того же дня. Все было уже улажено, межи проведены въ натурѣ, всѣ затрудненія устранены; оставалось снять на планъ землю, уступленную въ собственность и отданную въ аренду, исчислить сколько въ ней десятинъ и квадратныхъ саженъ и затѣмъ по этимъ даннымъ приготовить для подписанія уставную грамоту съ приложеніями. До подписанія грамоты все еще могло перемѣниться; да и самая подпись не обезпечивала еще прочность сдѣлки; нужно было утвержденіе ея правительствомъ, которое могло и не утвердить ее. Итакъ, очевидно, что до утвержденія уставной грамоты и уже во всякомъ случаѣ до подписанія ея, все оставалось по старому, безъ перемѣны. На этомъ основаніи я потребовалъ, чтобы крестьяне начали косить сѣно на моей степи, по примѣру прежнихъ лѣтъ; но крестьяне думали объ этомъ совсѣмъ иначе. По ихъ мнѣнію, наше полюбовное соглашеніе уже водворяло новый порядокъ дѣлъ, а подпись, разсмотрѣніе и утвержденіе были формальности вовсе не существенныя. Приходятъ они ко мнѣ ввечеру всѣмъ міромъ, безъ зова, и говорятъ, что имъ работать больше не слѣдуетъ, такъ какъ мы во всемъ согласились и землю отмежевали. Какъ я ни старался имъ растолковать, что безъ подписи сдѣлка ничего не значитъ, они крѣпко стояли на своемъ. Слухъ о томъ, что мы вышли на чистую волю, — говорили они, — разошелся на сто верстъ кругомъ насъ, а мы будемъ работать? Каждый будетъ надъ нами смѣяться; и то уже работники наши, глядя на наши сборы, дразнятъ насъ: гдѣ же ваша чистая воля? Намъ стыдно имъ въ глаза глядѣть. — Ужъ если такой позоръ намъ сносить,—говорили болѣе смѣлые и рѣзкіе, — такъ пусть лучше насъ мировой посредникъ разведетъ и пойдетъ дѣло по закону, какъ ему быть.

Никогда во все время сношеній моихъ съ крестьянами въ теченіе семи лѣтъ не бывалъ я въ такомъ критическомъ и глупомъ положеніи. Въ качествѣ помѣщика я чувствовалъ себя глубоко уязвленнымъ. Крестьяне, вчера мои крѣпостные, для которыхъ я кое-что сдѣлалъ добраго и хорошаго, сегодня диктуютъ мнѣ условія и ставятъ на карту договоръ объ окончательномъ ихъ освобожденіи, безсмысленно, противно законамъ и здравому смыслу. Что могло быть для меня унизительнѣе? Но досада и униженіе были еще не такъ важны въ сравненіи съ другими болѣе серьезными и очень возможными послѣдствіями этой выходки крестьянъ. Отмѣненную однажды барщину возстановить невозможно; а между тѣмъ кто могъ поручиться, что крестьяне, мучимые недовѣрчивостью и подозрѣніями разнаго рода, подпишутъ завтра то, на что они согласились сегодня? Не подпиши они условія, въ имѣніи водворялась неурядица и то нравственное состояніе, тѣ отношенія къ владѣльцу, которыя оканчиваются волненіями, безпорядками и дѣлаютъ необходимымъ вмѣшательство полиціи и военной силы. Я былъ въ ужасномъ положеніи; досада и негодованіе подсказывали мнѣ не уступать крестьянамъ ни шагу и поставить на своемъ, во что бы то ни стало; но въ то же время мнѣ живо представлялись неизбѣжныя послѣдствія такого образа дѣйствій; рѣшившись не уступать, я покрывалъ себя стыдомъ, что не умѣлъ миролюбиво сдѣлаться съ крестьянами, и несъ нравственную отвѣтственность за бѣдствія, которыя вслѣдствіе своего неумѣнья обрушалъ на бѣдныхъ, без-

грамотныхъ и невѣжественныхъ людей. Такъ или иначе, но на что-нибудь надо было рѣшиться; откладывать было некогда: крестьяне прямо отъ меня должны были отправиться на свои или на мои работы. Любя ихъ и жалѣя, я рѣшился уступить, какъ это ни было чувствительно для моего самолюбія; но чтобъ уступчивость моя не показалась крестьянамъ слабостью, я нашелъ необходимымъ объяснить съ полною откровенностью, что̀ именно заставляетъ меня удерживать барщину въ свою пользу по крайней мѣрѣ до подписанія уставной грамоты. Я сказалъ имъ, что нѣсколько рабочихъ дней болѣе или менѣе не могутъ ни обогатить, ни разорить меня, и если я за нихъ стою, то единственно потому, что ихъ недовѣріе, подозрительность и шаткость заставляютъ меня опасаться, что они не подпишутъ грамоты; а если барщина будетъ уже отмѣнена, то возстановить прежній порядокъ хозяйства въ такомъ случаѣ будетъ трудно. Что же мнѣ тогда дѣлать? Полицію призывать и просить ее принудить ихъ къ работѣ? По нашимъ прежнимъ хорошимъ отношеніямъ, не дай Богъ дожить до такого срама и позора. Если они очень желаютъ прекратить теперь всю барщину, я согласенъ, но пусть же и они поберегутъ меня отъ стыда; сами они знаютъ и видѣли, что я отъ всего сердца желалъ и желаю крестьянской свободы; каково же мнѣ будетъ, когда именно у меня въ имѣніи выйдетъ неурядица и надо мной будутъ смѣяться; ты-де желалъ крестьянской воли, вотъ тебя крестьяне и отблагодарили за то; а у другихъ, смотри, все тихо и спокойно, все идетъ какъ слѣдуетъ: одно — говорить, другое—дѣлать; прытокъ ты на словахъ, а за дѣло ты не умѣешь взяться.

Мои слова произвели на крестьянъ впечатлѣніе и задѣли ихъ за живое. „Да вы о чемъ сомнѣваетесь",—спросили они. — „Сомнѣваюсь, что выйдетъ бѣда, если отъ барщины я васъ отставлю, а уставной грамоты вы не подпишете".—Да вѣдь уставная будетъ такая же, какую вы намъ давали въ чернѣ, безъ перемѣны"?—Да точно такая же.—„Такъ объ чемъ же тутъ толковать? Проведите по землѣ черту палкой. Кто согласенъ подписать грамоту, пусть становится по правую руку, а кто несогласенъ, пусть станетъ по лѣвую. Да смотрите, старики! Спорить и браниться теперь! А кто теперь смолчитъ, а послѣ станетъ спорить, того мы накажемъ розгами. Говори теперь: кто съ чѣмъ несогласенъ". Всѣ до единаго перешли на правую сторону.—Давайте же руки для большей прочности вашего слова,—сказалъ я. Всѣ до единаго подали руки.

1861 г.

ЗАМѢТКИ О НОВОУЗЕНСКОМЪ КРАѢ *).

Черезъ два года послѣ полюбовной сдѣлки съ крестьянами, я опять посѣтилъ свой новоузенскій участокъ. Мнѣ очень хотѣлось, между прочимъ, повѣрить на мѣстѣ, правда ли, будто бывшіе мои крестьяне считаютъ теперь себя обманутыми, получивъ въ надѣлъ одинъ солончакъ, будто бы они раскаяваются, что согласились на такой надѣлъ. То, что̀ я видѣлъ и слышалъ, скоро меня совершенно успокоило на этотъ счетъ. Встрѣча наша была такая же радушная, какъ всегда. Крестьяне совсѣмъ не такъ легко рѣшаются на что нибудь, какъ многіе готовы думать; за то они очень не легко измѣняются въ мысляхъ. При заключеніи полюбовной уставной грамоты имъ предстояло одно изъ двухъ: или взять полный надѣлъ и обязаться ежегодными платежами, или взять четверть надѣла даромъ. То и другое было предоставлено совершенно на ихъ волю, и они, послѣ долгихъ колебаній и споровъ между собою, рѣшились на послѣднее и удержали за собою слѣдующую имъ часть, изъ прилегаюшихъ къ селенію солончаковъ. Меня это въ то время очень удивило; но разсчетъ крестьянъ, какъ оказалось, былъ очень вѣренъ. Наши солончаки служатъ отличнымъ пастбищемъ для скота и лошадей. А по нашему степному хозяйству обезпечить себя пастбищемъ — первая, существеннѣйшая и важнѣйшая забота крестьянъ. Пахотныхъ земель у насъ много и добыть ихъ всегда можно. Что онѣ не подъ бокомъ,—бѣда не велика. У насъ пашутъ и сѣютъ за 20, за 30 и за 50 верстъ отъ жилья. Посѣявъ съ весны, крестьянинъ и не видитъ поля до уборки, развѣ побываетъ на немъ изъ любопытства, когда оно не слишкомъ далеко, чтобы посмотрѣть всходы и наливъ зерна. Но при нашемъ экстенсивномъ степномъ хозяйствѣ вся сила въ рабочемъ скотѣ—лошадяхъ и быкахъ. Чтобы во̀-время вспахать трехконнымъ плугомъ 50, 80, 100 десятинъ, нужно много лошадей, и потому понятно, что обезпечить имъ пастбище близъ жилья—дѣло первѣйшей важности. Лошадь, какъ и всю остальную скотину, нужно имѣть подъ руками, поближе. Не имѣй крестьяне своего „выгона"—имъ пришлось бы платить за него чего бы владѣлецъ ни запросилъ. Вотъ простое объясненіе, почему у насъ въ степи крестьяне охотно шли на четверть надѣла. Если онъ доставался въ солончакахъ,—тѣмъ лучше для крестьянъ. Они получали въ такомъ случаѣ даромъ, безъ всякихъ срочныхъ платежей, тройную пропорцію земли, потому что по Положенію три десятины солончаковъ идутъ за одну десятину удобной. Ко всему этому надобно еще прибавить опасеніе степного мужика обязываться срочными платежами,—опасеніе очень основательное по условіямъ здѣшняго края. Урожаи у насъ въ степи удивительно какіе непостоянные, капризные. Переходы отъ совершеннаго неурожая къ самой богатой жатвѣ—дѣло очень обыкновенное; средняя цифра, выведенная, напримѣръ, за 10 лѣтъ, колеблется въ дѣйствительности очень сильно, и рѣдкій годъ урожай подходитъ къ ней близко. Отсюда, срочный платежъ для крестьянина — дѣло очень тяжкое. Не разъ приходится ему при такихъ платежахъ платить изъ своего кармана, или продавать хлѣбъ не во̀-время, низкими цѣнами. Случается, что и урожай хорошъ, да цѣны плохи, какъ было, напримѣръ, въ нынѣшнемъ году. Для крестьянина, который, какъ говорится, вошелъ въ силу, эти колебанія и рѣзкіе переходы, разумѣется, ничего не значатъ, и плохой годъ наверстывается хорошимъ; но такихъ крестьянъ, „настоящихъ жителей", вездѣ не много; остальнымъ тяжело и очень тяжело. Отъ этого крестьянину легче внести въ теченіе десяти или пятнадцати лѣтъ, бо̀льшую сумму, чѣмъ ежегодно вносить равными частями сравнительно мѐньшую, потому что онъ въ первомъ случаѣ можетъ, смотря по урожаю и цѣнамъ, въ нынѣшнемъ году не платить ничего, а въ будущемъ, не обременяя себя, внести за два, за три года разомъ. При сдѣлкахъ съ нашими степными крестьянами это обстоятельство очень немаловажное. На него, какъ мнѣ кажется, не обращено еще должнаго вниманія.

Нѣтъ рѣчи объ томъ, что принятіе даровой четвертой доли надѣла имѣетъ тоже для

*) Самарской губерніи.

крестьянъ свои и большія неудобства. Я хочу только сказать, что въ условіяхъ освобожденія, постановленныхъ закономъ для нашей степи, мужику оно выгоднѣе, чѣмъ принятіе полнаго надѣла съ обязательствомъ производить ежегодные срочные платежи. Оттого-то въ нашемъ краю почти всѣ крестьяне вышли на четвертую долю, а тѣ немногіе, которые получили полный надѣлъ, теперь, какъ я слышалъ, сокрушаются объ этомъ.

Съ отмѣной крѣпостного права, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ произошла въ нашемъ краѣ существенная перемѣна, которую, впрочемъ, легко было предвидѣть, и я, въ свое время, предсказывалъ. Съ прекращеніемъ барщины, господскіе посѣвы прекратились и замѣнились отдачей пашни подъ посѣвъ желающимъ. Эти желающіе почти исключительно крестьяне, бывшіе крѣпостные и сторонніе. Лѣтъ десять тому назадъ, еще можно было снимать земли изъ спекуляціи, изъ барыша. Теперь быстрое возростаніе наемныхъ цѣнъ и платы за работу сдѣлали этотъ родъ спекуляціи очень невѣрнымъ и крайне рискованнымъ. Бываютъ и теперь счастливцы, которые удачно снимутъ пашню именно подъ такой годъ, когда урожай великолѣпный и цѣны высокія; они получаютъ огромные барыши. Но это такая же удача, какъ въ игрѣ въ банкъ, которая иного обогатитъ, а многихъ разоритъ до тла. О такихъ удачахъ разсказываютъ, какъ о необыкновенныхъ случаяхъ; тѣ, которымъ посчастливилось посѣвомъ, если они осторожные и обстоятельные люди, тотчасъ же бастуютъ и не сѣютъ больше нѣсколько лѣтъ сряду; а кто, разсчитывая на новыя удачи, затянется въ посѣвы, тотъ непремѣнно „просѣется“. Словомъ, съемъ земель подъ посѣвы изъ барыша, какъ постоянный промыселъ, теперь никуда не годится въ нашей степи. Нанимаютъ пашню почти исключительно одни крестьяне, для себя, потому что работаютъ сами, съ семействами, принимая работниковъ и жнецовъ. Да и крестьяне уже начинаютъ кряхтѣть, потому что работа ихъ не оплачивается, и они рады-рады, если сведутъ концы съ концами, то есть заплатятъ всѣ подати и повинности, разсчитаются съ работниками и жнецами и прокормятъ себя и скотину. Мнѣ не разъ удавалось слышать отъ своихъ и стороннихъ крестьянъ такія рѣчи: „отъ посѣвовъ нѣтъ теперь никакой выгоды; занимаемся этимъ дѣломъ, потому что мужику дѣлать-то больше нечего, какъ около земли возиться“. Самый простой разсчетъ доказываетъ, что это дѣйствительно такъ, по крайней мѣрѣ, у насъ, въ Новоузенскомъ краю, въ 60-ти верстахъ отъ Балаковской пристани,—самаго близкаго пункта сбыта для хлѣба. Два воза, т.-е. 6 мѣшковъ бѣлотурки съ сороковой десятины — это по нашему урожай очень порядочный. Бываетъ, какъ въ нынѣшнемъ году, и больше — три воза; но чаще бываетъ меньше. Если продать изъ нихъ пять, оставя одинъ на сѣмена и на обиходъ, по среднимъ цѣнамъ, по 7 руб. сер. за мѣшокъ (въ нынѣшнемъ году выше 6 руб. 15 коп. не было), то выйдетъ, что десятина дастъ 35 руб. А расходы, крупные и видимые, вотъ какіе: наемная плата за десятину 5 руб.; поднять быками залежь — 4 руб.; выжать — можно положить кругомъ, считая харчи и магарычи жнецамъ, 8 руб., потому что у насъ жали сначала по 10 руб., а потомъ по 8, по 7 и по 6 руб. на чистыя деньги, т.-е. не считая харча, магарычей и другихъ проторей по найму жнецовъ; вымолотить и обвѣять мѣшокъ стоитъ 60 коп., свезти на продажу съ мѣшка 75 коп. Всего поэтому десятина обойдется въ 24 р. 35 к. Но мы не положили въ счетъ—чего стоитъ вспахать, засѣять и забороновать, свезти снопы съ поля на гумно и зерно въ амбаръ, чего стоитъ печь жнецамъ „пироги“, т.-е. пшеничные хлѣбы, чѣмъ занимаются, не разгибая спины, бабы-хозяйки въ продолженіе всего жнитва, и нѣкоторые другіе мелкіе расходы. Что же очистится крестьянину на его домашній обиходъ, подати, работниковъ и содержаніе домашняго скота?

Эта обстановка земледѣлія въ нашей степи становится годъ отъ году неблагопріятнѣе. Цѣны на хлѣбъ достигли, кажется, своего апогея въ послѣдніе годы. Лучшая бѣлотурка продавалась по 9-ти и даже по 10-ти руб. за мѣшокъ; въ прошломъ еще году, въ октябрѣ, доходила до 8 руб. Нынѣшняго значительнаго упадка цѣнъ конечно нельзя принимать въ разсчетъ, потому что онъ вызванъ чрезвычайными обстоятельствами. Со всѣмъ тѣмъ усиленіе посѣвовъ дѣлаетъ весьма невѣроятнымъ, чтобы когда нибудь среднія цѣны поднялись выше 10 руб. за мѣшокъ. Между тѣмъ заработная плата и въ особенности наемная и продажная цѣны земель ростутъ чрезвычайно быстро. Я еще живо помню, что въ 1857 году выжать десятину пшеницы стоило 3 руб. 50 коп. Теперь въ самомъ

концѣ жнитва, когда жнецы ни почемъ, нанять жнецовъ за 4 руб. 50 коп. — большая рѣдкость; въ началѣ же меньше 10-ти руб. не бываетъ. Какъ поднялись продажныя и наемныя цѣны на пахотныя земли, — нельзя повѣрить! Тридцать лѣтъ тому назадъ десятина продавалась за 1 руб. сер. Гораздо позднѣе, даже въ пятидесятыхъ годахъ, можно было покупать земли за 7 и даже за 5 руб. Въ 1860 году мнѣ съ перваго слова предлагали уже 15 р. Теперь за 20 руб. не отобьешься отъ покупателей, да отдать не выгодно, потому что другіе просятъ 24 и 25 р. за тридцатную десятину. Наемъ земель подъ посѣвъ за деньги ввелся у насъ недавно; прежде земли нанимались все на пшеницу; при хорошемъ и среднемъ урожаѣ платилось не менѣе мѣшка (8 пудъ) пшеницы за 40-ю десятину. Наемная цѣна пашенъ возростаетъ точно также быстро и съ 3-хъ рублей поднялась теперь до 5-ти за первые два года найма и до 4-хъ за третій. Это обыкновенная средняя цѣна. Но есть и выше. Изъ сосѣднихъ владѣльцевъ, одинъ беретъ за залежь 6 руб. и въ добавокъ половину соломы („корму“); другой за лучшія земли по 7 р. Въ Николаевскомъ уѣздѣ десятина ходитъ, говорятъ, за 8 руб. въ годъ, хотя я и не могу сказать, въ какой именно мѣстности этого уѣзда.

Быстрое вздорожанье рабочихъ рукъ, въ особенности жнецовъ, сильно затрудняетъ крестьянъ. Рѣдкій изъ нихъ имѣетъ довольно денегъ въ запасѣ, чтобы расчитаться съ ними, не входя въ долги. Большинство вынуждено изворачиваться займами, а такіе займы—сущая бѣда. Жнецы не ждутъ платы. Ихъ нужно разсчитать тотчасъ же, по окончаніи работы, потому что они приходятъ издалека, съ нагорной стороны; кромѣ того, если разсчетъ замедлится, жнецы перестанутъ наниматься и станутъ обходить деревню, или неисправнаго плательщика. И такъ, нужно, во что бы то ни стало, занять денегъ. Хорошо если есть добрый пріятель и у кого деньги водятся. А если нѣтъ, крестьянинъ въ самое нужное время, въ рабочую пору, ѣдетъ промышлять денегъ за 50, за 100 верстъ, кланяется, молитъ и того и другого, и счастливъ если раздобудется деньгами, подъ жидовскіе проценты, доходящіе даже до 20-ти копѣекъ съ рубля въ мѣсяцъ, и на короткій срокъ. Этотъ долгъ долженъ быть уплаченъ и обыкновенно уплачивается весьма исправно, иначе кредитъ на будущее время потеряешь. Чтобы уплатить его, надо волей-неволей продать пшеницу въ самое невыгодное время, по низкимъ цѣнамъ. Не найдетъ крестьянинъ денегъ взаймы — такая же бѣда: нужно тотчасъ же обмолотить хлѣбъ и везти его на продажу въ самую нужную пору, отрываясь съ рабочими лошадьми отъ дѣла, чтобы продать хлѣбъ за такія же низкія цѣны. Выходитъ, что заемъ на короткій срокъ только отсрочиваетъ бѣду, увеличивая ее въ то же время всею тяжестью жидовскихъ процентовъ. Но на то или на другое крестьянину надобно рѣшиться, потому что дѣлать-то нечего.

Спекулянты и ростовщики начинаютъ уже, здѣсь и тамъ, пользоваться этимъ стѣсненнымъ положеніемъ крестьянъ; являются съ деньгами, раздаютъ ихъ подъ страшные проценты и получаютъ въ нѣсколько мѣсяцевъ огромные барыши. Правду сказать, лучшаго и болѣе вѣрнаго помѣщенія капитала, отложивъ всякую совѣсть, трудно и пріискать.

Крайняя измѣнчивость и непостоянство урожаевъ, неправильное чрезвычайное колебаніе хлѣбныхъ цѣнъ, быстрое возростаніе цѣнъ на земли и на рабочія руки, дороговизна кредита,—все это вмѣстѣ падаетъ тяжелымъ бременемъ на здѣшнее народонаселеніе, особенно на крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и неблагопріятно дѣйствуетъ на нашъ край, составляющій, какъ извѣстно, одну изъ богатѣйшихъ пшеничныхъ житницъ имперіи. Вопросъ, какъ устранить эти обстоятельства—по крайней мѣрѣ смягчить ихъ дѣйствіе, и тѣмъ дать возможность развиться и расшириться воздѣлыванію пшеницы, понизивъ значительно ея цѣну, такъ, чтобъ она могла соперничать съ пшеницами другихъ странъ на иностранныхъ рынкахъ, куда бо̀льшею частью отправляется,—это вопросъ, мнѣ кажется, первостепенной, едва-ли не государственной важности, о которомъ потому стоитъ серьезно подумать.

Быстрой, чрезвычайной измѣнчивости цѣнъ на хлѣбъ можетъ положить если не конецъ, то предѣлы, желѣзная дорога изъ Саратова въ Москву.

Мы, степняки Заволжья, горюемъ, что это дѣло, такое для насъ важное, затянулось и какъ будто отложено въ долгій ящикъ. Будь дорога—подвозы пшеницы къ сѣвернымъ портамъ изъ нашего края дѣлались бы по первому требованію, и между запросомъ и до-

ставкой не проходило бы мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ никакъ не сообразишь, какія будутъ цѣны, когда хлѣбъ придетъ къ порту. Будемъ надѣяться, что наши капиталисты поймутъ, наконецъ, огромное значеніе и выгодность московско-саратовской желѣзной дороги, и примутся за нее серьезно. Теперь вѣдь остается довести ее отъ Саратова до Рязани.

Другая потребность нашей степи, такая же настоятельная и жгучая,—это введеніе и распространеніе земледѣльческихъ орудій, въ особенности жатвенныхъ машинъ, молотилокъ и вѣялокъ. Этимъ значительно сбавилась бы цѣна на рабочія руки, съ которыми земледѣльческія орудія и машины могли бы конкуррировать съ большимъ успѣхомъ.

Введеніе такихъ орудій и машинъ встрѣчаетъ у насъ множество препятствій, почти непреодолимыхъ, если за это дѣло не возьмутся просвѣщенные и капитальные люди, проникнутые убѣжденіемъ въ совершенной необходимости и огромной пользѣ разрѣшить этотъ вопросъ для степи.

Потребность въ земледѣльческихъ машинахъ у насъ такъ велика, что кое-гдѣ онѣ уже появляются. Въ ближайшемъ моемъ сосѣдствѣ, колонистъ Ѳедоръ Петровичъ Финкъ, послѣ нѣсколькихъ, не вполнѣ удачныхъ, попытокъ, завелъ, говорятъ, у себя молотилку, отлично отбивающую бѣлотурку. Самъ я, къ сожалѣнію, не видалъ этой машины, и говорю по слухамъ. Важное условіе для молотилокъ въ нашей степи то, чтобъ онѣ легко могли быть передвигаемы съ мѣста на мѣсто, потому что по огромнымъ разстояніямъ сжатый хлѣбъ у насъ не свозится на постоянныя гумна, а молотится на временныхъ полевыхъ гумнахъ, расчищаемыхъ на самой пашнѣ, или по близости отъ нея. Необходимость вѣялокъ,—прибавимъ и паровыхъ мукомольныхъ мельницъ,—опредѣляется частымъ безвѣтріемъ, которое до чрезвычайности стѣсняетъ крестьянъ. Бываетъ, что вороха пшеницы стоятъ недѣли, и съ ними ничего не подѣлаешь, потому что нѣтъ вѣтра, и вѣять хлѣбъ нельзя. Въ нынѣшнемъ году, крестьяне страшно бѣдствовали отъ безвѣтрія и по другой причинѣ: въ нашей безводной степи мельницы все вѣтряныя. Въ самое жнитво, когда бываетъ усиленный помолъ для продовольствія жнецовъ, всѣ мельницы вдругъ стали. Мука пошла чуть не на вѣсъ золота. На крупчаткѣ гг. Сапожниковыхъ, устроенной на Иргизѣ, открытъ былъ, кажется, одинъ поставъ на двѣ недѣли для „мірской" пшеницы, но потомъ прекратился. И это было важнымъ подспорьемъ, хотя и короткимъ, о которомъ многіе узнали случайно и слишкомъ поздно. Было бы благодѣяніемъ для края, еслибъ гг. Сапожниковы отвели хоть одинъ поставъ постоянно для мѣстныхъ жителей. Доходъ былъ бы вѣрный, потому что мельница привлекла бы къ себѣ постоянныхъ помолщиковъ со всѣхъ окрестностей, и не было бы такой страшной нужды въ мукѣ въ безвѣтренное время, какое мы испытали нынѣшнимъ годомъ въ августѣ мѣсяцѣ.

Но прежде и больше всего намъ нужны жатвенныя машины. Безъ нихъ мы просто пропадаемъ! Пароходныя общества на Волгѣ поняли свои выгоды и стали развозить жнецовъ по пристанямъ. Притокъ ихъ, огромными массами, къ главнымъ пунктамъ, гдѣ они нанимаются, конечно, сбиваетъ нѣсколько наемныя цѣны; но все же это капля въ морѣ! Хлѣбъ не ждетъ въ полѣ. Зная это, жнецъ ломитъ какую хочетъ цѣну, и нечего дѣлать, надо ее дать, чтобы избѣжать большихъ убытковъ. Одно вѣрное средство сбить цѣны,—это завести жатвенныя машины. Но въ томъ-то и бѣда, что завести ихъ—дѣло очень мудреное. У насъ дѣлается все какъ попало, и оттого изъ самой полезной вещи выходитъ мало толку. Когда-то много писали въ нашихъ газетахъ о жатвенной машинѣ Викторова. Нѣкоторые владѣльцы соблазнились и купили ее. Оказалось, что она неудобна, нехороша, вдобавокъ ломалась, а починить было некому. Ее и стащили въ сарай, гдѣ она валяется и по сію пору, а у владѣльца и въ околоткѣ составилось понятіе, что жатвенныя машины никуда не годятся, что толки объ нихъ—пустыя бредни и надувательство. Побѣдить этотъ предразсудокъ теперь чрезвычайно трудно; а все оттого, что за это дѣло, какъ мнѣ кажется, не такъ принялись. Каждый изобрѣтатель, разумѣется, хвалитъ выдуманную имъ машину, и это очень естественно. Можно быть весьма добросовѣстнымъ и хвалить плохую машину, просто увлекшись своею мыслью. Мало того: отлично полезное изобрѣтеніе для одного края, можетъ никуда не годиться для другого. Свойство хлѣба, свойство пашни и ея обработки, свойство рабочихъ и лошадей такъ различны, что безъ ближайшихъ приспособленій къ мѣстнымъ особенностямъ нельзя и думать о перенесеніи

земледѣльческихъ орудій изъ одного края въ другой. Мнѣ сказывали, напримѣръ, что около Ростова-на-Дону вмѣсто лошадей стали запрягать въ жнейку быковъ, и что будто бы одна эта перемѣна, обусловленная малосильностью тамошнихъ лошадей сравнительно съ англійскими, сдѣлала жатвенныя машины вполнѣ пригодными для края. Поэтому, чтобы жнейки пошли у насъ въ ходъ, нужно бы, мнѣ кажется, сдѣлать сперва нѣсколько, даже много опытовъ, которые бы выказали, какія необходимы въ существующихъ жатвенныхъ машинахъ приспособленія къ нашей мѣстности, а такіе опыты, въ теченіе можетъ быть нѣсколькихъ лѣтъ, потребовали бы издержекъ, которыхъ принять на себя не могутъ ни крестьяне, ни владѣльцы небольшихъ участковъ, а лишь богатые землевладѣльцы и капиталисты. Такъ, я думаю, было бы необходимо привезти въ Москву или въ Петербургъ нѣсколькихъ экспертовъ изъ нашихъ крестьянъ, отлично знающихъ степное хозяйство, пересмотрѣть съ ними всѣ виды жатвенныхъ машинъ, и потомъ опробовать эти машины на поляхъ, обработанныхъ сходно съ нашими,— но не парадныиъ образомъ, какъ теперь обыкновенно дѣлается, въ теченіе двухъ-трехъ часовъ, а основательно, заставляя машины работать три, четыре дня кряду. Съ тѣми изъ машинъ, которыя послѣ такой серьезной пробы оказались бы годными для нашей степи, слѣдовало бы предпринять такіе же точно опыты у насъ на мѣстѣ, въ присутствіи еще бо̀льшаго количества экспертовъ изъ крестьянъ, на пластахъ, переломѣ и мягкой землѣ и на разныхъ хлѣбахъ. Такіе опыты безошибочно бы показали, какія передѣлки и приспособленія необходимы въ машинахъ, чтобы онѣ могли быть пригодны для нашего края. Затѣмъ слѣдовало бы завести сперва одну или двѣ такія машины, выписавъ вмѣстѣ и мастера, который бы могъ тотчасъ же починить ихъ въ случаѣ поврежденія. А чтобы къ нимъ привыкли въ краѣ и получили къ нимъ довѣріе, слѣдовало бы пускать ихъ въ наемъ сосѣднимъ владѣльцамъ и крестьянамъ за плату не слишкомъ высокую, которая оплачивала бы ремонтъ, издержки, содержаніе машины, процентъ съ затраченнаго на нее капитала и извѣстный небольшой процентъ погашенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что поведенное обдуманно и осторожно дѣло водворенія у насъ жатвенныхъ машинъ привело бы въ нѣсколько лѣтъ къ блистательнымъ результатамъ, возстановило бы къ нимъ довѣріе въ нашей степи и было бы для нея великимъ благодѣяніемъ во всѣхъ отношеніяхъ. Жатвенныя машины могутъ удвоить и утроить посѣвы пшеницы, значительно уменьшить издержки производства, а чрезъ это удешевить этотъ хлѣбъ и оживить его конкурренцію съ пшеницами другихъ странъ на иностранныхъ рынкахъ.

Другое важнѣйшее дѣло—это основаніе капитала для ссудъ крестьянамъ на расплату съ жнецами, подъ залогъ пшеницы. Кто видѣлъ своими глазами, какъ крестьяне бьются во время жнитва, чтобы раздобыться иногда какими-нибудь 25-ю рублями, сколько они по этому поводу теряютъ времени въ разъѣздахъ въ самую горячую рабочую пору и какіе платятъ сумасшедшіе проценты, чтобъ только изворотиться и въ концѣ концовъ все-таки продать хлѣбъ за безцѣнокъ, лишь бы расквитаться во̀-время съ кредиторами, тотъ знаетъ, правъ я или нѣтъ, называя такой ссудный капиталъ одною изъ первѣйшихъ, настоятельнѣйшихъ потребностей нашего края. И не надо себѣ воображать, чтобы нужны были милліоны на такое дѣло. Какихъ нибудь двухъ трехъ сотъ тысячъ было бы совершенно достаточно, лишь бы эта сумма была употребляема исключительно на одинъ предметъ — на ссуды для расплаты съ жнецами. Пусть берется шесть, семь копѣекъ съ рубля за семь мѣсяцевъ, именно начиная съ исхода іюля, когда примѣрно начинается жатва, до исхода февраля, когда тоже примѣрно прекращается бойкая продажа пшеницы. За ссуды даже за такіе большіе проценты крестьянинъ былъ бы безконечно благодаренъ, потому что теперь онъ платитъ за два за три мѣсяца несравненно больше. И какое было бы это благодѣяніе для цѣлаго края, какъ бы отъ этого поднялось производство пшеницы, какъ бы ускромились ростовщики, нагрѣвающіе теперь руки! Ссуды могли бы быть выдаваемы за ручательствомъ зажиточныхъ хозяевъ, подъ залогъ, какъ сказано, пшеницы. Такой ссудный капиталъ существенно бы облегчилъ крестьянъ и далъ бы имъ возможность разсчитываться съ жнецами, не продавая своей пшеницы за безцѣнокъ въ самую плохую пору. Можно бы постановить правиломъ, что неисправный плательщикъ не получаетъ больше ссудъ. Даже было бы необходимо постановить такое правило. Для простоты и краткости разсчетовъ можно бы

также принять одинъ общій процентъ, 6 или 7 копѣекъ съ рубля, хотя бы деньги брались менѣе чѣмъ на 7 мѣсяцевъ. Лиха бѣда завести капиталъ; дѣло пошло бы отлично и очень выгодно, если только будетъ находиться въ добросовѣстныхъ и дѣльныхъ рукахъ.

Я сказалъ выше, что при нынѣшнихъ условіяхъ посѣвъ пшеницы, какъ торговая спекуляція, дѣло крайне рискованное и въ концѣ концовъ убыточное, и что потому имъ занимаются почти исключительно крестьяне, которые считаютъ свой трудъ и лошадиныя силы и свой харчъ ни во что и занимаются посѣвами потому только, что заниматься имъ больше нечѣмъ. При такихъ обстоятельствахъ необходимо, даже въ общихъ видахъ, облегчить имъ пріобрѣтеніе небольшихъ земляныхъ участковъ въ собственность: иначе бывшіе крѣпостные, не имѣя своей пахотной земли, поставленные возрастающими наемными цѣнами пашенъ въ самое затруднительное положеніе, потянутся изъ степи вонъ на казенныя земли. Такіе примѣры уже кое-гдѣ есть, и ихъ будетъ современемъ еще больше. „Мы стали батраками участниковъ" (т.-е. владѣльцевъ участковъ)—такъ говорятъ крестьяне. Какъ необходимо было бы привязать коренныхъ производителей пшеницы къ степи—нечего и говорить; а для этого одно средство: облегчить имъ покупку пашенъ и выгоновъ, къ чему они сами имѣютъ большую охоту.

Пріобрѣтенію здѣшними крестьянами земель мѣшаютъ обстоятельства самаго разнообразнаго свойства. Дѣйствительное и существенное препятствіе заключается въ томъ, что купить цѣлый участокъ на чистыя деньги крестьянамъ не подъ силу, а продавать имъ землю по малости и въ кредитъ невыгодно для владѣльцевъ. О достаткахъ крестьянъ существуютъ у насъ вообще какія-то очень смутныя и странныя представленія. Многіе воображаютъ, что у крестьянъ, сплошь и рядомъ, водятся большія деньги, но что они прижимаются и ихъ скрываютъ. Что между ними есть капиталисты и очень сильные,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но масса крестьянъ, если даже взять самыхъ зажиточныхъ и относительно богатыхъ, не имѣетъ денегъ въ остачѣ отъ обиходу. Кто думаетъ противное тому, тотъ не знаетъ крестьянскаго быта и не знаетъ, что такое крестьянскіе достатки. Крестьянинъ богатъ, если живетъ изобильно, имѣетъ домъ и скотъ въ исправности и сводитъ концы съ концами безъ долгу. А порасспросите, водятся ли у такого крестьянина деньги, и вамъ всѣ скажутъ, что нѣтъ, даже у насъ въ степи, гдѣ крестьяне вообще живутъ хорошо, если нѣтъ какихъ-нибудь особенныхъ обстоятельствъ, которыя ихъ гнетутъ. Слѣдовательно, на чистыя деньги рѣдкій крестьянинъ можетъ купить землю. И то ужъ хорошо, если онъ въ состояніи внести небольшой задатокъ. Ему необходима разсрочка и разсрочка довольно продолжительная, чтобъ онъ могъ платить понемногу въ средніе годы, помногу въ отличные и ничего не платить, когда его постигнетъ неурожай. Иначе, при всей доброй волѣ и добросовѣстности, онъ окажется въ иной годъ несостоятельнымъ плательщикомъ.

Все это, разумѣется, отбиваетъ у владѣлца охоту продавать землю крестьянамъ. Изъ чего ему хлопотать, разсрочивать, рисковать, когда онъ можетъ продать свои земли выгодно, за чистыя деньги, богатому колонисту или другому охотнику, какихъ всегда довольно и которые ждутъ продажи участка, какъ воронъ крови? Правда, они дадутъ нѣсколько дешевле за весь участокъ, чѣмъ готовы дать крестьяне, покупая въ розницу; но вѣдь лучше и выгоднѣе продать вдругъ разомъ всю землю съ нѣкоторой уступкой, чѣмъ дороже, да съ разсрочкой и рискомъ. Полученный вдругъ значительный капиталъ [можно пристроить; а разсроченныя деньги нужно еще ждать, когда онѣ получатся, хлопотать, возиться. Кромѣ того, какая выгода продавать землю клочками, вести разсчеты съ каждымъ крестьяниномъ особо, и испестрить свою землю въ шахматную доску, въ которой каждый невыкупленный участокъ теряетъ цѣну и долженъ быть проданъ за ничто, или остаться за хозяиномъ безъ всякой пользы? А цѣлымъ обществомъ крестьяне обязываются неохотно, боясь отвѣта за неисправныхъ плательщиковъ. Скорѣй они пойдутъ на покупку артелью, выборомъ, по уговору состоятельныхъ крестьянъ разныхъ обществъ и колонистовъ между собою и со взаимной порукой другъ за друга. Это, конечно, болѣе обезпечиваетъ владѣльца въ исправномъ платежѣ; но разсрочка взносовъ все-таки дѣло слишкомъ невыгодное, чтобы владѣлецъ могъ охотно на нее рѣшиться, и потому такихъ продавцовъ не много найти въ степи, развѣ къ этому побудятъ какія-нибудь не коммерческія соображенія, которыя рѣдки и не могутъ идти въ разсчетъ.

Облегчить крестьянамъ покупку земель могъ бы только довольно сильный поземельный банкъ, который бы выдавалъ ссуды подъ покупаемыя земли, — банкъ, дѣйствующій на основаніяхъ, принятыхъ въ Положеніяхъ 19-го февраля 1861 года для выкупа надѣловъ. О такомъ банкѣ, конечно, можно только мечтать, отложивъ всякую надежду видѣть когда-либо его осуществленіе въ дѣйствительности, хотя и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что по особенной важности нашей пшеничной степи въ общей народной экономіи такой банкъ выходилъ бы изъ разряда учрежденій, имѣющихъ одно лишь чисто мѣстное значеніе.

Къ затрудненіямъ дѣйствительнымъ и существеннымъ, которыя встрѣчаетъ большинство крестьянъ въ покупкѣ пашенъ, присоединяются и воображаемыя. Воспоминанія старины въ этомъ консервативнѣйшемъ слоѣ народа удерживаются несравненно дольше, чѣмъ въ прочихъ. Помѣстная система, давно исчезнувшая изъ нашей памяти, въ народныхъ представленіяхъ сохраняется еще весьма живо, со всею свѣжестью недавняго учрежденія. Воспоминаніями о помѣстномъ правѣ объясняются извѣстныя нелѣпыя представленія крестьянъ, распространенныя всюду передъ манифестомъ 19-го февраля 1861 года, и теперь почти забытыя, будто бы освобожденіе отъ крѣпостной зависимости будетъ состоять въ томъ, что вся земля отдастся крестьянамъ, а владѣльцы возьмутся царемъ въ города на жалованье. Такія же нелѣпыя представленія мѣшаютъ теперь, по крайней мѣрѣ у насъ въ степи, крестьянамъ покупать земли. Здѣсь очень распространенъ слухъ, будто бы поземельныя владѣнія будутъ отписываться въ казну. Въ 1861 году меня объ этомъ серьезно спрашивали даже колонисты,—такъ сильно ходилъ этотъ слухъ. Теперь, рядомъ съ этимъ, ходитъ другой слухъ, будто рекрутская повинность будетъ разложена не по душамъ, а по количеству владѣемой земли, именно по одному рекруту съ 1000 десятинъ; крестьяне очень серьезно разсчитываютъ, сколько рекрутъ придется ставить мнѣ и другимъ сосѣднимъ владѣльцамъ. Какъ ни убѣждены бывшіе мои крестьяне, что я ихъ не обманываю, но увѣреніямъ моимъ, что всѣ эти слухи—чистый вздоръ и нелѣпость, они плохо вѣрятъ, и разубѣдить ихъ очень трудно. Риль приводитъ множество любопытныхъ примѣровъ, какъ долго помнятъ старину нѣмецкіе крестьяне. Точно также помнятъ и наши. Названія, подробности у нихъ сглаживаются въ памяти, но сущность удерживается столѣтія, и такія воспоминанія существенно вліяютъ на понятія простого народа о современномъ движеніи общественной жизни.

Наконецъ объ измѣненіи въ нашей степи рѣзкихъ переходовъ отъ почти совершеннаго неурожая къ обильнѣйшимъ жатвамъ нельзя и думать, по крайней мѣрѣ еще сотни лѣтъ. Случайность урожаевъ находится въ тѣсной связи съ безводностью и безлѣсностью края. Урожай зависитъ отъ того, выпалъ или не выпалъ во-время дождь, которыхъ лѣтомъ очень немного, а осенью нерѣдко бываетъ больше, чѣмъ сколько нужно. Къ этому присоединяются туманы, — „мга“, какъ ихъ называютъ крестьяне, и жгучій степной вѣтеръ, которые разомъ, въ одинъ или два дня, уничтожаютъ жатву. Противъ этого ничего не подѣлаешь. Разведеніе лѣсовъ въ огромныхъ размѣрахъ, предпринятое и исполненное систематически, и искусственное орошеніе полей, немыслимое безъ артезіанскихъ колодцевъ,—единственныя средства, которыя могли бы измѣнить условія, неблагопріятныя для степныхъ урожаевъ. Но до этого еще очень, очень далеко. Мы знаемъ, что былъ предложенъ проектъ пробуравить въ нашей степи артезіанскій колодезь. Это было бы здѣсь великимъ событіемъ; но пока изъ этого ничего не вышло. Владѣльцы и крестьяне начинаютъ понемногу сажать мѣстами ветлу (ракиты); кое-гдѣ разводятъ небольшія рощи. Но что значатъ всѣ эти попытки, предпринимаемыя случайно, отрывочно, на ничтожныя средства! Онѣ только свидѣтельствуютъ о потребности, ни мало ей не удовлетворяя. Намъ нужно систематическое разведеніе лѣсовъ, систематическое орошеніе степи, на что потребовались бы большіе капиталы, которыхъ у насъ нѣтъ; да еслибъ они и были, никто и не подумаетъ затрачивать ихъ на такое, на первый разъ и на долгое еще время, непроизводительное употребленіе.

Совѣтуютъ замѣнить въ нашей степи теперешнее, экстенсивное хозяйство интенсивнымъ, то-есть вмѣсто того, чтобы засѣвать много земли, обработывая ее кое-какъ, забирать подъ посѣвъ гораздо меньше пашни, но за то хорошо ее обработывать. Что сказать о такихъ совѣтахъ? Они только возбуждаютъ улыбку! Интенсивное хозяйство требуетъ затраты большихъ капиталовъ; а откуда ихъ

взять, когда и теперь, при почти первобытной обработкѣ, посѣвы пшеницы—такое рискованное дѣло и плохо оплачиваются! Наша необыкновенно жесткая глинистая почва не можетъ быть удобряема навозомъ. По крайней мѣрѣ неоднократные опыты крестьянъ унаваживать землю дали плохіе результаты: сѣмя совсѣмъ перегорало и на унавоженной пашнѣ не родилось ничего. Чтобы разрыхлить нашу почву, нужно бы песку, да взять его по близости неоткуда; а возить издалека накладно: доходъ не окупаетъ издержекъ. Мы и осуждены оставаться при допотопномъ хозяйствѣ, и это продолжится еще очень долго. Любители, пожалуй, могутъ при помощи большихъ затратъ производить и у насъ чудеса земледѣлія. Но такіе tours de force не принесутъ ни малѣйшей пользы для хозяйства края и не найдутъ подражателей, потому что даютъ не доходъ, а убытки.

Много, много чего предстоитъ дѣлать, чтобы поднять нашъ благословенный и плодородный край, поднять пшеничный промыселъ и сдѣлать его не только источникомъ мѣстнаго богатства, но дать этой важнѣйшей статьѣ вывоза за границу возможность смѣло соперничать съ пшеницею другихъ странъ на иностранныхъ рынкахъ. Будь мы какіе-нибудь нѣмцы или англичане, мы бы давно занялись этими вопросами очень серьезно, стали бы грошами собирать нужные капиталы, составили бы общества, компаніи, и дѣло, начатое съ малаго, доросло бы уже теперь до большого. Но нашей „широкой натурѣ“ такія бездѣлицы не съ руки. Занимаясь все важными міровыми вопросами, мы ничего не хотимъ видѣть у себя подъ ногами, и ежедневная жизнь, если ее что-нибудь не толкнетъ со стороны, идетъ себѣ старой, ржавой колеей. Вмѣсто того, чтобы практически приняться за ближайшее дѣло, мы живемъ въ фантазіяхъ и все надѣемся, что галушки сами полѣзутъ къ намъ въ ротъ, хоть мы и палецъ объ палецъ не ударимъ, чтобъ ихъ приготовить. А время все идетъ, да идетъ. Наши сырые продукты постепенно вытѣсняются на заграничныхъ рынкахъ произведеніями другихъ странъ, болѣе насъ дѣятельныхъ и предпріимчивыхъ. Тамъ не мечтаютъ, какъ мы, разбогатѣть сразу, и знаютъ, что всякое дѣло начинается съ начала, а не съ конца. Дай Богъ, чтобъ и мы это когда-нибудь поняли, да не слишкомъ поздно.

(Спб. Вѣдомости, 1863, № 216, и Самарскія Губ. Вѣд., 1863, №№ 44 и 45).

ПО ПОВОДУ

ГУБЕРНСКИХЪ И УѢЗДНЫХЪ ЗЕМСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

Для тѣхъ, кто привыкъ судить о наступающемъ годѣ по примѣтамъ, нынѣшній (1864) долженъ казаться однимъ изъ самыхъ счастливыхъ, самыхъ лучезарныхъ для Россіи. Не успѣлъ онъ народиться, какъ уже создаются у насъ одни изъ тѣхъ знаменательныхъ учрежденій, которыя вездѣ составляютъ эпоху въ развитіи общественной жизни, а у насъ и подавно, по особымъ условіямъ нашего быта и нашей исторіи.

Губернскія и уѣздныя земскія учрежденія, которыя принесъ намъ новый годъ, — цѣлое огромное событіе, существенное и многозначительное явленіе въ ряду нашихъ внутреннихъ преобразованій, идущихъ почти непрерывно съ манифеста 26-го августа 1856 года. Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ нашимъ прошедшимъ и вѣритъ въ наше будущее (а кто же не вѣритъ!), кто слѣдилъ внимательно за движеніемъ нашей внутренней жизни въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ и прислушивался къ нескладному еще лепету нашего новорожденнаго общественнаго мнѣнія, тотъ, безъ сомнѣнія, скажетъ вмѣстѣ съ нами, что указъ 1-го января 1864 года—одна изъ самыхъ свѣтлыхъ точекъ въ современномъ русскомъ законодательствѣ, что это—сѣмя, изъ котораго, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ, со временемъ, развиться многовѣтвистое дерево.

Говоря это, мы, очевидно, не хотимъ сказать, что считаемъ новыя учрежденія послѣднимъ словомъ законодательной мудрости. Мы очень хорошо знаемъ и понимаемъ направленіе, которымъ внушено Положеніе о мѣстныхъ хозяйственныхъ учрежденіяхъ; мы охотно допускаемъ, что въ Положеніи могутъ обнаружиться, уже при введеніи, и особливо впослѣдствіи, неясности, которыя потребуютъ толкованій и исправленій, какъ всякое дѣло человѣческихъ рукъ. Но мы не станемъ смотрѣть на вышедшее теперь Положеніе съ точки зрѣнія возможнаго лучшаго или частныхъ недостатковъ; еслибы мы и хотѣли взглянуть на него съ этой стороны, то не можемъ, — не можемъ потому, что считаемъ такой взглядъ, и именно у насъ, совершенно ошибочнымъ, неосновательнымъ и вдобавокъ очень вреднымъ. Благодаря тому, что мы на все смотримъ съ точки зрѣнія какого-то небывалаго безусловнаго совершенства, мы не живемъ въ настоящемъ смыслѣ, а прозябаемъ, мечемся изъ стороны въ сторону, и наша исторія совершается какъ-то помимо насъ, даже вопреки насъ. Не ждать же ей, въ самомъ дѣлѣ, пока мы поумнѣемъ! Она и идетъ своимъ чередомъ, предоставляя намъ жить заднимъ числомъ и спустя десятки лѣтъ открывать глаза на то, что слѣдовало бы намъ понять тотчасъ же, ту же минуту. Вопреки всему, что могутъ сказать противъ новыхъ учрежденій и запоздалые и ушедшіе слишкомъ далеко впередъ, мы глубоко убѣждены, что именно такія учрежденія, въ преемствѣ нашихъ общественныхъ преобразованій, составляли и составляютъ одну изъ самыхъ первыхъ, настоятельнѣйшихъ потребностей послѣ упраздненія крѣпостного права во всѣхъ его многочисленныхъ формахъ и видахъ; что достоинство этихъ учрежденій опредѣляется совсѣмъ не обширностью самоуправленія, которое онѣ предоставляютъ, а правильностью ихъ организаціи и полнотою той доли самостоятельнаго завѣдыванія мѣстными дѣлами, которая дается уѣздамъ и губерніямъ. Признаемся, мы даже желали, для существенной пользы и упроченія будущности новыхъ учрежденій, чтобы они скорѣе обнимали меньше, чѣмъ больше предметовъ. Вся сила въ томъ, чтобы они пустили корень, не оставаясь на одной бумагѣ; а для этого, какъ намъ казалось и кажется, ограниченный кругъ дѣятельности, но зато вполнѣ самостоятельной и правильно организованной, для насъ теперь несравненно полезнѣе, чѣмъ много разнообразныхъ занятій, при которыхъ глаза разбѣгаются, силы не могутъ сосредоточиться, особливо на первыхъ порахъ, и особливо при

нашей непривычкѣ заниматься общественными дѣлами.

Смотря на дѣло съ этой стороны, мы находимъ новыя земскія учрежденія въ своемъ родѣ образцовыми,—именно такими, какимъ имъ слѣдовало быть у насъ на первыхъ порахъ. Законодательство выполнило свою задачу какъ нельзя лучше; теперь предстоитъ также хорошо исполнить свое дѣло администраціи, мѣстной и центральной, а въ особенности и прежде всего—намъ самимъ; безъ того или другого законъ, какъ бы онъ ни былъ превосходенъ, останется мертвой буквой и присоединится къ тѣмъ великодушнымъ, но не сбывшимся мечтамъ, которыхъ много записано въ нашихъ законахъ, отмѣненныхъ и дѣйствующихъ, и еще гораздо больше хранится въ нашихъ архивахъ.

Постараемся глубже вникнуть въ существенное значеніе новаго Положенія, опредѣлить его направленіе, мѣсто, занимаемое имъ въ ряду современныхъ преобразованій, его отношеніе къ прошедшему, его вѣроятныя практическія дѣйствія въ настоящемъ и ближайшемъ будущемъ.

Мысль о мѣстномъ самоуправленіи—не новая на русской почвѣ; ее можно услѣдить далеко въ нашей исторіи, даже и не восходя къ тому времени, когда отсутствіе государственнаго единства давало большой просторъ самодѣятельности общинъ. Если ограничиться одной исторіей московскаго государства съ половины XV вѣка и Россійской имперіи, то и въ этотъ четырехсотлѣтній періодъ времени, обильный разными внѣшними и внутренними событіями, мысль о мѣстномъ самоуправленіи нѣсколько разъ всплывала, по разнымъ случаямъ. Она проглядываетъ въ несудимыхъ, жалованныхъ и уставныхъ грамотахъ, которыя давались монастырямъ, общинамъ и отдѣльнымъ лицамъ, и ставили ихъ въ болѣе или менѣе независимое положеніе отъ царскихъ намѣстниковъ, управителей и кормленщиковъ. Иванъ IV задумывалъ даже совсѣмъ отмѣнить мѣстныхъ правителей и предоставить все тогдашнее мѣстное управленіе общинамъ. Была ли эта мысль внушена состраданіемъ къ мѣстнымъ жителямъ, жестоко страдавшимъ отъ произвола, корыстолюбія и притѣсненій мѣстныхъ властей, или нерасположеніемъ къ знатнымъ людямъ московскаго государства, желаніемъ ихъ ослабить, или надеждою увеличить царскую казну тѣми поборами, которыми пользовались намѣстники и которые съ отмѣною ихъ должны были поступать въ пользу государства,—трудно сказать; всего вѣроятнѣе, что всѣ эти побужденія вмѣстѣ родили въ головѣ Ивана IV мысль, которая впрочемъ никогда не была осуществлена вполнѣ, въ видѣ общей мѣры. Въ началѣ XVII вѣка самодѣятельность нашихъ общинъ выразилась вдругъ съ особенной энергіей и силой, для спасенія погибавшаго отечества, а затѣмъ исчезла и таилась подъ спудомъ до Петра Великаго. Петръ, въ самомъ концѣ XVII вѣка, снова поднялъ вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи, впрочемъ кажется изъ однихъ финансовыхъ побужденій и въ очень оригинальной формѣ; онъ предложилъ общинамъ, городскимъ и торговымъ, откупиться отъ воеводъ, обязавшись уплачивать въ казну двойное количество податей противъ положеннаго. Но изъ этой попытки ничего не вышло. Наконецъ, тотъ же вопросъ подняла снова императрица Екатерина II, уже во второй четверти XVIII столѣтія. Мысль о мѣстномъ самоуправленіи проглядываетъ въ учрежденіи о губерніяхъ, и еще яснѣе въ жалованныхъ грамотахъ дворянству и городамъ и въ проектѣ такой же грамоты сельскому сословію, который, впрочемъ, и остался проектомъ. Начинанія Екатерины тоже не принесли плода. Мысль о мѣстномъ самоуправленіи выразилась въ формѣ иностранной, чуждой нашему прошедшему,—въ формѣ сословной, для которой не было у насъ выработанной, твердой почвы, и которая, вдобавокъ, раздробляла единство мѣстныхъ интересовъ, тогда какъ одно только единство ихъ и можетъ служить плодотворнымъ основаніемъ мѣстнаго самоуправленія; отношеніе сословій къ мѣстному и центральному управленію, одинъ изъ капитальнѣйшихъ пунктовъ въ вопросѣ о самоуправленіи,—оставлено неопредѣленнымъ; но самое главное и самое важное — не всѣ сословія были свободны и свободные люди нерѣдко обращались въ крѣпость. Не удивительно, что екатерининскія учрежденія, въ которыхъ мысль о самоуправленіи городовъ и сословій выражается яснѣе, сознательнѣе, чѣмъ когда-либо прежде, остались на бумагѣ и не имѣли жизненныхъ, практическихъ результатовъ. Они были похожи на программы, въ которыхъ пробовали формулировать общую, теоретическую мысль, не созрѣвшую до обдуманной законодательной мѣры; въ блестящей постановкѣ этой мысли, рядомъ съ искреннимъ желаніемъ блага, просвѣчиваетъ наша

болѣзнь тогдашняго времени — желаніе произвести впечатлѣніе на передовыхъ европейскихъ мыслителей, вызвать ихъ на слово одобренія, которое потомъ разносилось по всему образованному міру.

Законодательныя и административныя мечтанія, хотя бы внушенныя самымъ просвѣщеннымъ взглядомъ на вещи, самыми возвышенными чувствами, великодушныя и прекрасныя сами по себѣ, не ведутъ ни къ чему, скорѣе даже приносятъ, вмѣсто пользы, положительный вредъ, когда не идутъ разъ въ разъ съ дѣйствительными практическими потребностями, и либо забѣгаютъ впередъ, либо отвѣчаютъ имъ не такъ, какъ онѣ опредѣляются самой жизнью и бытомъ. Факты имѣютъ свою логику; опережать ихъ и отставать отъ нихъ равно опасно. Эта, до пошлости избитая мысль, остается на вѣки вѣковъ неопровержимой истиной. И вотъ, факты, помимо всякихъ разсужденій, стали и у насъ, съ начала XIX вѣка, исподоволь, на дѣлѣ подготовлять мѣстное самоуправленіе, подводить подъ него такой фундаментъ, на которомъ оно только и можетъ стоять прочно, твердо, незыблемо.

Съ XIX вѣка, рядомъ съ блестящей ролью въ европейскихъ дѣлахъ, для Россіи началось время усиленнаго внутренняго общественнаго развитія; зашевелился вопросъ о крѣпостномъ правѣ и потянулся рядъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ, служившихъ прологомъ къ великому событію 19-го февраля 1861 года; затронутъ вопросъ о гражданскихъ правахъ крестьянства, которое только по имени было свободно. Самымъ замѣтнымъ явленіемъ въ числѣ законодательныхъ мѣръ по этому послѣднему вопросу были учрежденія, изданныя въ 1838 году для государственныхъ крестьянъ; они подготовили реформы въ гражданскомъ быту сельскаго сословія, частью уже совершившіяся и составляющія, съ отмѣною крѣпостного права и улучшеніемъ быта солдатъ, предметъ нашей гордости и нашей славы. Учрежденія государственныхъ крестьянъ теперь конечно устарѣли, но когда они появились, они имѣли значеніе, не ускользнувшее отъ вниманія современниковъ; возникнувъ по поводу и вслѣдствіе финансовыхъ соображеній, они узаконили гражданскія права свободныхъ крестьянъ, и тѣмъ возстановили въ нашемъ законодательствѣ давно забытое начало, которое теперь распространено на все безъ изъятія сельское населеніе имперіи. Въ этомъ заслуга преобразованій 1838 года, несмотря на то, что крестьяне поставлены были новыми учрежденіями подъ мелочную и во многихъ отношеніяхъ тяжкую и небезубыточную административную опеку. Надобно впрочемъ припомнить и то, что въ XIX вѣкѣ у насъ не одно преобразованіе юридическаго и гражданскаго быта крестьянъ носило на себѣ бюрократическій характеръ и выполнено администраціей и чиновниками: всѣ наши общественныя учрежденія, за самыми лишь рѣдкими исключеніями, по самое послѣдне время носили тотъ же характеръ. Правительство вызывало ихъ къ жизни, предписывало; они даже и выполнялись большею частью руками чиновниковъ, хотя и на средства земства. Такъ заводились и устроивались города; такъ заводились школы и дороги, полиція и благотворительныя заведенія, медицинская, почтовая, пожарная, продовольственная часть и тысячи другихъ необходимыхъ принадлежностей гражданскаго и общественнаго быта, въ которомъ есть или хоть предполагаются потребности образаванной жизни,—быта, вышедшаго хоть сколько-нибудь изъ крайне-простой, неприхотливой первоначальной формы, когда почти каждый самъ удовлетворяетъ всѣмъ своимъ незатѣйливымъ нуждамъ, и общественныхъ потребностей, въ теперешнемъ смыслѣ, почти вовсе нѣтъ. Положимъ, что многія изъ этихъ общественныхъ и гражданскихъ нуждъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ самомъ дѣлѣ еще не существовали, а только воображались; что наружность, внѣшняя красивость и щеголеватость обращали на себя, при удовлетвореніи дѣйствительныхъ потребностей, бо̀льшее вниманіе, чѣмъ бы слѣдовало; что экономическія средства мѣстности не всегда при этомъ учитывались какъ слѣдуетъ и не употреблялись съ должною бережливостью; что для глаза иногда больше дѣлалось, чѣмъ для дѣла;—все это такъ, безспорно; но взвѣсивъ и сообразивъ все, нельзя же однако не признать, что полиція и мостовыя, перевозы и тюрьмы, мосты и больницы, фонари, дороги, каналы, продовольственные запасы,—что все это необходимо нужно, что обойтись безъ всего этого никакъ нельзя; кому же нибудь все это надо дѣлать; вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ, о которыхъ здѣсь говорить не мѣсто, всѣмъ занялась администрація; а это, разумѣется, произвело и всѣ извѣстныя, по законамъ об-

щественной физіологіи неизбѣжныя послѣдствія казеннаго управленія.

Тамъ, гдѣ общественныя потребности и нужды удовлетворяются по мѣрѣ того, какъ ихъ начинаетъ ощущать само общество, такое удовлетвореніе ихъ есть всегда дѣло общественной или частной иниціативы, причемъ самый способъ удовлетворенія опредѣляется потребностью, не превышаетъ ее, не забѣгаетъ передъ нею впередъ; напротивъ, гдѣ, какъ у насъ, общественныя нужды предусматривались просвѣщеннымъ меньшинствомъ, стоявшимъ во главѣ управленія, гдѣ вдобавокъ эти потребности дѣйствительно ощущались, особенно высшими слоями, а не всею массою мѣстнаго населенія, тамъ мѣстное хозяйство и его развитіе не могло совершиться иначе какъ совершалось у насъ и должно было имѣть всѣ замѣченныя выше особенности. Съ дальнѣйшими успѣхами гражданской жизни это первоначальное различіе путей къ одной и той же цѣли, разумѣется, понемногу сглаживается; оба приводятъ, въ концѣ концовъ, къ одному и тому же результату; но въ началѣ различіе путей необходимо производитъ различныя явленія: это надобно понять, чтобы правильно судить то, что происходило въ нашемъ мѣстномъ хозяйствѣ въ теченіе первой половины XIX вѣка. Какими бы путями ни развивалось общество, каждый неизбѣжно имѣетъ, рядомъ съ хорошими, и свои специфическія дурныя стороны. У насъ мѣстное развитіе совершалось тѣмъ способомъ, который только по общимъ условіямъ нашей исторіи и былъ возможенъ; съ тѣмъ вмѣстѣ обнаружились и всѣ ему свойственные специфическіе недостатки. Смотря на дѣло съ этой точки зрѣнія, мы справедливѣе оцѣнимъ уходящее прошедшее, не будемъ останавливаться только на дурныхъ его сторонахъ, которыя потому особенно бросаются намъ теперь въ глаза, что мы одной ногой уже стоимъ въ новомъ времени и понимаемъ возможность лучшаго.

Какъ бы то ни было, для удовлетворенія всѣхъ разнообразныхъ мѣстныхъ общественныхъ потребностей нужно было издерживать значительныя суммы, которыя росли вмѣстѣ съ потребностями. О покрытіи ихъ средствами казны нельзя было и думать, тѣмъ болѣе, что усиливавшіяся потребности центральнаго управленія заставляли въ свою очередь постепенно возвышать денежные налоги; послѣдніе, вмѣстѣ съ вещественными и личными повинностями, относились, по мѣрѣ надобности, на счетъ земства, которое несло также и издержки на удовлетвореніе тѣхъ мѣстныхъ потребностей и нуждъ, о которыхъ мы говорили выше.

Около этихъ-то денежныхъ налоговъ и натуральныхъ повинностей, не входящихъ въ составъ общихъ государственныхъ податей и сборовъ, сталъ понемногу, и давно уже, завязываться узелъ, послужившій первымъ зародышемъ для земскихъ учрежденій. По мѣрѣ того, какъ тягости земства росли, — а онѣ возрастали быстро, — все важнѣе и важнѣе дѣлался вопросъ объ управленіи ими, о распредѣленіи ихъ; тягость ихъ заставила подумать о болѣе бережливомъ ихъ расходованіи; возникъ вопросъ, сначала мало обращавшій на себя вниманіе: какіе расходы, по самому существу дѣла, должны падать на казну, какіе на земство? Возникъ другой, не менѣе важный вопросъ: какъ бы, по возможности, точнѣе опредѣлить отправленіе натуральныхъ повинностей, въ облегченіе земства, и не лучше ли, въ тѣхъ же видахъ, переложить ихъ, по мѣрѣ возможности, на денежныя?

Вотъ какимъ образомъ земскія повинности—мы разумѣемъ въ томъ числѣ и городскія, въ отличіе отъ государственныхъ — стали мало-по-малу выдѣляться въ особливую хозяйственную группу, и сложились въ особое управленіе на основаніи своихъ особыхъ правилъ. Что съ этими мѣстными, земскими хозяйственными группами связаны важнѣйшіе мѣстные общественные интересы,—это знаетъ и видитъ всякій. Въ деньгахъ и матеріальныхъ средствахъ—громадная движущая сила. Сумма общественнаго добра, которую можно произвести въ нашей провинціальной жизни, существенно зависитъ отъ количества денегъ, которое можно на нее употребить, а количество денегъ также существенно зависитъ отъ искусства вести мѣстное земское хозяйство, по возможности устраняя не нужные расходы и по возможности открывая новые источники дохода, безъ обремененія плательщиковъ новыми налогами.

И такъ, въ мѣстномъ общественномъ земскомъ хозяйствѣ, которое выросло изъ дѣйствительныхъ практическихъ потребностей и силою вещей, постепенно образовалось въ особыя мѣстныя единицы, подготовилась та реальная, независящая ни отъ какихъ фантазій почва, на которой суждено было у насъ появиться первымъ зачаткамъ мѣстнаго са-

моуправленія; именно потому, что эта почва была не выдуманная, а дана самимъ фактомъ, на ней и стали появляться зачатки мѣстнаго самоуправленія, несмотря даже на неблагопріятствующія обстоятельства, на чрезвычайное развитіе административной дѣятельности и опеки, обусловленной всей нашей исторіей, отчасти можетъ быть физическими и даже нравственными условіями нашего быта. Въ 1846 году преобразовано, на новыхъ началахъ, хозяйственное управленіе С.-Петербурга. Главнымъ поводомъ послужило неудовлетворительное положеніе хозяйства столицы, несоразмѣрность ея расходовъ съ доходами и безуспѣшность всѣхъ усилій правительства ввести порядокъ въ финансы города. По этому случаю впервые получили практическое примѣненіе давно забытыя начала городовой грамоты, данной Екатериной II; о нихъ вспомнили, потому что къ нимъ привела потребность, а пока они были великодушной мечтой, они и оставались въ полномъ Собраніи законовъ, какъ памятникъ старины, какъ предметъ любопытства и историческаго изслѣдованія. Въ 1850 году дѣло мѣстнаго самоуправленія, подъ вліяніемъ тѣхъ же неотложныхъ практическихъ потребностей, болѣе краснорѣчивыхъ и убѣдительныхъ, чѣмъ разсужденія, опять подвинулось нѣсколько впередъ: изданъ новый уставъ о земскихъ повинностяхъ, и по этому поводу устроено что-то, намекавшее на земскія учрежденія. Это былъ, конечно, очень слабый, едва замѣтный намекъ, но намекъ былъ сдѣланъ и въ этомъ заключается очень важное значеніе устава 1850 года; имъ доказывалось съ совершенною очевидностью, что дѣло мѣстнаго самоуправленія у насъ дѣйствительно вызрѣваетъ, что въ немъ уже начинаетъ обнаруживаться достаточно жизненной силы, чтобы развиться потомъ во что-нибудь прочное, крѣпкое, здоровое, долговѣчное.

Но ни мѣстное самоуправленіе и никакой другой изъ нашихъ внутреннихъ вопросовъ, самыхъ важныхъ, самыхъ неотложныхъ, не могли развиваться, пока существовало крѣпостное право и соотвѣтствующая ей административная опека надъ свободными крестьянами. Объ эти подводные камни разбивались у насъ лучшія намѣренія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно было мечтать объ улучшеніи общественнаго быта страны, пока въ ней половина крестьянъ не имѣла никакихъ гражданскихъ правъ, а другая была свободна на бумагѣ, на дѣлѣ же находилась подъ опекою чиновниковъ? Крестьяне составляютъ у насъ слишкомъ пять-шестыхъ всего народонаселенія; одна эта цифра показываетъ, что у насъ не была еще приготовлена почва для настоящей общественной жизни. Пока гражданская правоспособность слишкомъ пяти-шестыхъ жителей имперіи не была возстановлена, очищена отъ частнаго права и административнаго произвола, до тѣхъ поръ всякія общественныя улучшенія были бы фантазіями и оставались бы по прежнему на бумагѣ. Теперь крѣпостное право больше не существуетъ; гражданскій бытъ разныхъ приписныхъ крестьянъ, бывшихъ свободными по имени, тоже преобразованъ; удѣльные крестьяне совершенно освобождены изъ-подъ административной опеки; тоже вѣроятно скоро будетъ сдѣлано и для государственныхъ крестьянъ; теперь, стало быть, сдѣлались возможными разныя общественныя преобразованія, о которыхъ нельзя было пока и думать.

Мѣстныя земскія учрежденія, которыми открывается наступившій годъ, какъ мы видѣли, подготовлены исподволь и стали возможными лишь послѣ великихъ преобразованій, которыхъ мы были недавними еще свидѣтелями.

Чтобы понять, какой большой шагъ впередъ сдѣланъ нашимъ законодательствомъ съ изданіемъ Положенія 1-го января, какую дальнюю и широкую перспективу открываютъ передъ нами новыя мѣстныя земскія учрежденія, надобно вникнуть хорошенько въ главныя начала Положенія и сравнить устанавляемый имъ порядокъ дѣлъ съ тѣмъ, который отмѣняется. До сихъ поръ вся организація мѣстнаго земскаго хозяйства сводилась къ слѣдующимъ началамъ: что́ нужно и что̀ не нужно для мѣстнаго земства, о томъ судило начальство; то, что по усмотрѣнію начальства было нужно, то оно же само и дѣлало, т.-е. заказывало, покупало, подряжало, строило; оно же само и судило, хорошо ли все сдѣлано; мѣстное земство только давало деньги на то, что начальство признавало нужнымъ. И такъ, на земствѣ лежала обязанность пріискать источники на всѣ мѣстныя надобности, да равномѣрно разложить предстоящіе сборы между плательщиками; впрочемъ, даже и на это нужно было утвержденіе начальства. Кто же представлялъ земство? Крестьянъ — чиновники и помѣщики; остальные классы — ихъ должностные пред-

ставители, да по нѣскольку депутатовъ, утвержденныхъ въ этомъ званіи начальствомъ. Изъ этого видно, что мѣстныя земскія учрежденія до сихъ поръ были пропитаны чиновническимъ бюрократическимъ элементомъ; они только по имени, по названію, были земскія, а на самомъ дѣлѣ всей своей организаціей мало чѣмъ отличались отъ хозяйственныхъ губернскихъ палатъ или и удѣльныхъ конторъ; нѣсколько представителей мѣстныхъ сословій, за исключеніемъ, впрочемъ, крестьянскаго, самаго многочисленнаго и наиболѣе платящаго, пользовались почтеннымъ, но скромнымъ правомъ заявить свое мнѣніе относительно уравнительности раскладки земскихъ повинностей; выполнивъ этотъ долгъ гражданина, они обязаны были предоставить все остальное ближайшему благоусмотрѣнію и распоряженію мѣстнаго и центральнаго начальства. Такова была ихъ роль и участіе въ мѣстныхъ земскихъ дѣлахъ.

Пусть читатели живо представятъ себѣ этотъ порядокъ дѣлъ, со всѣми его необходимыми нашими доморощенными, специфическими послѣдствіями, всѣмъ и каждому хорошо извѣстными, — и они вполнѣ оцѣнятъ Положеніе 1-го января 1864 года! Положеніе призываетъ „къ ближайшему участію въ завѣдываніи дѣлами, относящимися до хозяйственныхъ пользъ и нуждъ каждой губерніи и каждаго уѣзда, мѣстное ихъ населеніе посредствомъ избираемыхъ отъ онаго лицъ". Изъ этого мѣстнаго населенія ни одно сословіе не исключено,—всѣ имѣютъ своихъ представителей въ земскихъ учрежденіяхъ; сельскія общества участвуютъ въ нихъ наравнѣ съ городскими, и съ личными землевладѣльцами, дворянами и не-дворянами; сельскія общества могутъ избирать своихъ представителей не только изъ своей среды и изъ личныхъ землевладѣльцевъ, но также и изъ священниковъ и вообще священнослужителей. Въ этомъ двоякомъ расширеніи избирательнаго права крестьянъ нельзя не видѣть желанія, чтобы крестьянское представительство, по новости дѣла для сельчанъ, по ихъ безграмотству, по непривычкѣ ихъ заниматься общественными дѣлами, кромѣ сельскихъ, не обратилось въ пустую формальность. Эту предосторожность мы вполнѣ цѣнимъ и вполнѣ ей сочувствуемъ. Будемъ надѣяться, что впослѣдствіи крестьянамъ будетъ также предоставлено право избирать въ свои представители и горожанъ, потому что купцы и торговцы, вообще говоря, ближе къ крестьянамъ, чѣмъ высшее сословіе; у нихъ бываютъ между собою частыя сношенія по дѣламъ и промысламъ; есть мѣстности, гдѣ торговцы живутъ постоянно въ деревняхъ, между крестьянами, и имѣютъ здѣсь свои заведенія; наконецъ, между горожанами уѣздныхъ городовъ не рѣдкость встрѣтить крестьянъ, переписавшихся изъ тѣхъ же уѣздовъ. Вслѣдствіе этихъ разнообразныхъ связей и отношеній между городскимъ и сельскимъ населеніемъ было бы, можетъ быть, полезно расширить и въ эту сторону избирательное право крестьянъ. Вообще, такъ какъ для нихъ участіе въ земскихъ уѣздныхъ и губернскихъ дѣлахъ на первыхъ порахъ будетъ слишкомъ ново и непривычно, то и слѣдовало бы, можетъ быть, доставить имъ всѣ средства посылать въ земскія учрежденія лица всѣхъ другихъ сословій, кому они вѣрятъ. Въ этихъ же видахъ, т.-е. чтобы ознакомить ближе крестьянъ съ новымъ правомъ, которое имъ теперь впервые предоставляется, очень полезно и даже необходимо было бы, какъ мы думаемъ, снабдить каждое сельское общество печатнымъ экземпляромъ Положенія 1-го января, какъ это сдѣлано съ Положеніями 19-го февраля 1861 года. Дѣло много выиграетъ, если крестьянскіе уполномоченные съ перваго же раза придутъ въ земскія собранія, имѣя уже нѣкоторое понятіе о томъ, для чего ихъ созываютъ и что̀ они будутъ въ нихъ дѣлать. По крайней мѣрѣ слѣдовало какъ можно болѣе облегчить крестьянамъ способъ пріобрѣсти новый законъ, напримѣръ, чрезъ мировыхъ посредниковъ, приходскихъ священниковъ, становыхъ приставовъ и т. п. Конечно, рано или поздно они все-таки узнаютъ въ чемъ дѣло; но лучше чтобъ это сдѣлалось раньше, чѣмъ позже, и изъ прямого источника, а не изъ разсказовъ и слуховъ, нерѣдко ошибочныхъ, ложныхъ или даже злонамѣренныхъ.

Земскимъ учрежденіямъ предоставлено вѣдать земскія имущества и сборы, земскія зданія и содержимыя на счетъ земства пути сообщенія; дѣла народнаго продовольствія, земскія благотворительныя заведенія и дѣла призрѣнія, дѣла о прекращеніи нищенства, дѣла взаимнаго земскаго страхованія; назначеніе, раскладку, взиманіе и расходованіе мѣстныхъ сборовъ, для удовлетворенія мѣстныхъ земскихъ потребностей; кромѣ того, имъ предоставлено попеченіе о построеніи

церквей, о развитіи мѣстной торговли и промышленности; участіе, въ хозяйственномъ отношеніи и въ предѣлахъ закона, въ попеченіи о народномъ образованіи, народномъ здравіи и тюрьмахъ; содѣйствіе къ предупрежденію падежей скота и къ охраненію хлѣбныхъ и другихъ посѣвовъ отъ истребленія насѣкомыми и животными; участіе въ дѣлахъ о почтовой повинности; наконецъ, они обязаны исполнять возложенныя на земство потребности воинскаго и гражданскаго управленія и раскладывать тѣ государственные денежные сборы, разверстаніе которыхъ по земству лежитъ по закону на земскихъ учрежденіяхъ. И такъ, кромѣ дѣлъ чисто казенныхъ, административно-полицейскихъ и судебныхъ, земскія учрежденія прямо или косвенно входятъ во всѣ мѣстные интересы; до нихъ, такъ или иначе, почти каждый изъ нихъ касается. Но законъ предвидитъ возможность еще бо̀льшаго расширенія круга занятій и вѣдомства земскихъ учрежденій и потому прибавляетъ къ нимъ еще „дѣла, которыя будутъ ввѣрены земскимъ учрежденіямъ на основаніи особыхъ уставовъ, положеній или постановленій“.

Управляя и завѣдывая, или только участвуя и содѣйствуя въ управленіи съ одной изъ важнѣйшихъ сторонъ, именно матеріальной, хозяйственной, денежной, земскія учрежденія пользуются и правомъ „ходатайствовать“, чрезъ губернское начальство, „по предметамъ, касающимся мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ губерніи или уѣзда“. Это право было когда-то предоставлено мѣстнымъ сословіямъ дворянскому и городскому, въ выраженіяхъ гораздо болѣе общихъ и слѣдовательно, повидимому, въ объемѣ болѣе обширномъ, но на дѣлѣ забыто и вышло изъ употребленія. Теперь оно возстановляется, но ужъ не какъ сословная привилегія, а какъ право мѣстнаго земства.

Какъ велика степень власти земскихъ учрежденій? Объ этомъ мы находимъ въ Положеніи 1-го января такія правила: земскія учрежденія обсуждаютъ, опредѣляютъ и *приводятъ въ исполненіе* всѣ законныя мѣры, необходимыя для хода порученныхъ имъ дѣлъ (ст. 4). Это подтверждается и объясняется въ нѣсколькихъ мѣстахъ Положенія; такъ, читаемъ, что земскимъ собраніямъ предоставляется назначать и способъ исполненія той или другой хозяйственной операціи; если же собраніе этого не сдѣлаетъ, то это предоставляется земской управѣ (ст. 103). Вообще способы исполненія суть: наймы, подряды и поставки съ публичныхъ торговъ, или отдача избраннымъ лицамъ на коммиссію, или, наконецъ, непосредственныя хозяйственныя распоряженія земскихъ управъ (ст. 102). Согласно съ этимъ, земскимъ собраніямъ предоставлено назначать по выбору изъ своей среды уполномоченныхъ, для завѣдыванія принадлежащими земству недвижимыми имуществами, заведеніями и учрежденіями, и вообще для исполненія порученій (ст. 59); земскія же управы могутъ съ разрѣшенія земскихъ собраній приглашать, какъ для постоянныхъ занятій по ихъ дѣламъ, такъ и для исполненія временныхъ порученій, постороннихъ лицъ, съ назначеніемъ имъ вознагражденія, по взаимному съ ними соглашенію, на счетъ назначенныхъ для этого по смѣтѣ суммъ (ст. 60).

Именно въ приведеніи въ исполненіе и скрывался до сихъ поръ частый поводъ къ очень не-бережливому, не-экономическому расходованію мѣстныхъ земскихъ средствъ, почти всегда и безъ того скудныхъ. По существовавшему доселѣ порядку, способы исполненія и въ особенности исполнители были заранѣе указаны закономъ; теперь и тѣ и другіе переданы въ руки земства,—важный, очень важный шагъ впередъ, который оцѣнится всѣми, дорожащими земской копѣйкой. Далѣе, Положеніе ставитъ правиломъ, что земскія учрежденія, въ кругу ввѣренныхъ имъ дѣлъ, дѣйствуютъ самостоятельно, и опредѣляетъ случаи, когда, и порядокъ, какимъ образомъ—дѣйствія и распоряженія этихъ учрежденій должны быть утверждаемы и состоятъ подъ наблюденіемъ общихъ правительственныхъ властей (ст. 6). Изъ соображенія разныхъ статей Положенія 1-го января, отношенія новыхъ земскихъ учрежденій къ мѣстнымъ и центральнымъ правительственнымъ властямъ вообще представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Избранный земскимъ (уѣзднымъ) собраніемъ предсѣдатель уѣздной управы утверждается въ этой должности начальникомъ губерніи. Въ случаѣ отсутствія предсѣдателя, мѣсто его заступаетъ одинъ изъ членовъ управы, также съ утвержденія начальника губерніи (ст. 48). Въ губернскомъ земскомъ собраніи Государемъ Императоромъ можетъ быть назначено, для предсѣдательствованія, особое лицо (ст. 53); предсѣдатель же гу-

бернской управы избирается губернскимъ земскимъ собраніемъ и утверждается въ должности министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ случаѣ отсутствія предсѣдателя, мѣсто его заступаетъ одинъ изъ членовъ управы, также съ утвержденія министра (ст. 56). Продолженіе засѣданій земскихъ собраній сверхъ назначеннаго для нихъ срока зависитъ отъ разрѣшенія: для уѣздныхъ собраній—начальника губерніи, а для губернскихъ—министра внутреннихъ дѣлъ (ст. 77 и 78). Послѣдній можетъ, въ случаѣ надобности, назначать и разрѣшать и чрезвычайныя засѣданія собраній (ст. 79). Равнымъ образомъ, для созыва и открытія *обыкновенныхъ* земскихъ собраній нужно разрѣшеніе начальника губерніи (ст. 80), который открываетъ и закрываетъ лично губернскія земскія собранія (ст. 81).

Вліяніе мѣстной и центральной административной власти на постановленія и вообще дѣятельность земскихъ учрежденій опредѣляется слѣдующими правилами: утвержденію начальника губерніи подлежатъ постановленія земскихъ собраній о приведеніи въ дѣйствіе земскихъ смѣтъ и раскладокъ; о раздѣленіи земскихъ путей сообщенія на губернскіе и уѣздные; объ отнесеніи уѣздныхъ земскихъ дорогъ въ разрядъ проселочныхъ; объ измѣненіи направленія земскихъ дорогъ; объ учрежденіи выставокъ мѣстныхъ произведеній; о временномъ устраненіи отъ должностей членовъ земскихъ управъ (ст. 90). При утвержденіи постановленій о приведеніи въ исполненіе земскихъ смѣтъ и раскладокъ, начальникъ губерніи удостовѣряется: 1) не внесены ли въ смѣты расходы, несогласные съ установленными въ законахъ правилами; 2) внесены ли въ смѣты всѣ потребности, по закону обязательныя для земства; 3) не допущено ли обложеніе сборами или натуральною повинностью источниковъ, изъятыхъ отъ того по закону; 4) не допущена ли неуравнительность въ обложеніи казенныхъ земель сравнительно съ прочими; 5) покрываются ли доходами и сборами обязательные для земства расходы (ст. 91). Словомъ, по смыслу Положенія, начальникъ губерніи является въ этомъ случаѣ прокуроромъ—блюстителемъ закона и интересовъ казны; остальное до него не касается. Это чрезвычайно важно въ томъ отношеніи, что обезпечиваетъ предоставленную земскимъ учрежденіямъ самостоятельность. Правда, всѣ постановленія земскихъ собраній должны быть безъ замедленія сообщаемы начальнику губерніи (ст. 93), который имѣетъ право остановить исполненіе всякаго постановленія земскихъ учрежденій, противнаго законамъ или общимъ государственнымъ пользамъ (ст. 9). Но, во-первыхъ, на сообщеніе отзыва о согласіи или несогласіи назначены сроки, послѣ которыхъ, если отзыва не послѣдовало, постановленія считаются получившими согласіе начальника губерніи (ст. 94); во-вторыхъ, въ случаѣ возраженій начальника губерніи противъ постановленій земскаго собранія, дѣло этимъ не оканчивается: земское собраніе разсматриваетъ подробно обстоятельства, подавшія поводъ къ возраженіямъ, и постановляетъ свое окончательное заключеніе, копія съ котораго сообщается начальнику губерніи (ст. 95). Это вторичное постановленіе собранія входитъ въ силу и приводится въ исполненіе. Затѣмъ начальникъ губерніи имѣетъ право, уже подъ личною своею отвѣтственностью, остановить исполненіе тѣхъ постановленій, которыя признаетъ незаконными, но въ то же время обязанъ, увѣдомивъ объ этомъ въ назначенный Положеніемъ срокъ собраніе или управу, представить все дѣло на разрѣшеніе правительствующаго сената, и донести о томъ министру внутреннихъ дѣлъ (ст. 96).

Очень сходны съ изложенными отношенія земскихъ учрежденій къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Министръ утверждаетъ постановленія о займахъ, превышающихъ двухгодовую сумму земскаго сбора; объ отнесеніи губернскихъ земскихъ дорогъ въ разрядъ проселочныхъ; о сборахъ за проѣздъ по земскимъ путямъ сообщенія; объ открытіи ярмарокъ, срокомъ болѣе 14-ти дней, и о перенесеніи или измѣненіи сроковъ существующихъ ярмарокъ; о перенесеніи существующихъ пристаней; о раздѣленіи имуществъ и заведеній общественнаго призрѣнія на губернскія и уѣздныя (ст. 92). И такъ, утвержденію подлежатъ почти исключительно дѣла, касающіяся не одной мѣстности. Министръ можетъ, подобно начальнику губерніи, остановить постановленіе, противное законамъ или государственнымъ пользамъ, но обязанъ тоже сообщить о томъ собранію въ опредѣленные же сроки (ст. 9). Также назначены сроки для отзыва министра о согласіи или несогласіи его на постановленіе земскихъ собраній, подлежащія его утвержденію. Въ случаѣ несогласія, дѣло разсматривается губернскимъ земскимъ собраніемъ, и копія съ окончательнаго за-

ключенія, прежде исполненія, сообщается министру, который, при несогласіи съ этимъ заключеніемъ, вноситъ дѣло на разрѣшеніе правительствующаго сената (ст. 97).

Вотъ въ чемъ состоятъ, въ обыкновенномъ порядкѣ, отношенія земскихъ учрежденій къ мѣстной и центральной администраціи. Въ этихъ постановленіяхъ нельзя не видѣть особенной заботливости оградить и обезпечить дѣятельность земскихъ учрежденій отъ произвольныхъ вмѣшательствъ бюрократіи, насколько самостоятельность земства совмѣстима съ общими государственными интересами. Но еслибы земскія учрежденія не сдѣлали распоряженія для исполненія тѣхъ повинностей, отправленіе которыхъ, по закону, обязательно для земства, въ такомъ, но только въ такомъ случаѣ, административная власть вступаетъ въ права земскихъ учрежденій; начальникъ губерніи напоминаетъ имъ объ исполненіи ихъ обязанностей; если же напоминаніе не подѣйствуетъ, то онъ приступаетъ, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, самъ къ непосредственнымъ исполнительнымъ распоряженіямъ на счетъ земства (ст. 10). Другого въ такихъ случаяхъ и придумать нельзя; повинности, обязательныя по закону, не могутъ, ни подъ какимъ видомъ, остаться невыполненными; если этимъ не займутся земскія учрежденія, которымъ это предоставлено, то долженъ же заняться кто-нибудь другой, всего ближе начальникъ губерніи.

Прибавимъ къ сказанному, для полноты изложенія, что правила о производствѣ дѣлъ въ земскихъ собраніяхъ установляются первоначально министромъ внутреннихъ дѣлъ, но губернское собраніе имѣетъ право представлять министру объ ихъ измѣненіи или дополненіи (ст. 100); что, точно также, для руководства земскихъ управъ при веденіи отчетности по денежнымъ суммамъ земства, установляются образцы, къ которымъ земскія собранія должны примѣняться при составленіи инструкцій по этому предмету; въ случаѣ отступленій, они вносятъ предположенныя измѣненія на утвержденіе министра (ст. 109).

Въ высшей инстанціи, земскія учрежденія, какъ мы видѣли, подчинены наблюденію и суду правительствующаго сената. Выше было замѣчено, что постановленія и распоряженія земскихъ учрежденій могутъ быть остановлены въ исполненіи властью начальника губерніи и министра внутреннихъ дѣлъ, однако не безусловно: земскія учрежденія обсуждаютъ вновь предметы, по которымъ административная власть сдѣлала свои возраженія; если затѣмъ между нею и земскими учрежденіями не послѣдуетъ соглашенія, то спорный предметъ переносится на разсмотрѣніе и рѣшеніе правительствующаго сената; отъ рѣшенія же сената зависитъ окончательное удаленіе отъ должности членовъ земскихъ управъ (ст. 117); ему же приносятъ жалобы правительственныя и общественныя учрежденія на постановленія земскихъ собраній по предметамъ, которые не подлежатъ ихъ вѣдомству и превышаютъ ихъ власть, или когда эти постановленія заключаютъ въ себѣ нарушеніе общихъ законовъ, подлежащее уголовному суду (ст. 118). Но и земскія учрежденія имѣютъ, въ свою очередь, право жаловаться сенату на относящіяся до нихъ распоряженія начальника губерніи и высшихъ административныхъ властей. Такъ какъ всѣ эти дѣла суть не судебныя, а административныя, то они и сосредоточены не въ судебныхъ, а въ административномъ (первомъ) департаментѣ сената (ст. 11).

Этотъ бѣглый обзоръ главнѣйшихъ основаній Положенія 1-го января достаточно показываетъ, въ какомъ духѣ оно написано. Имъ созданы мѣстныя земскія учрежденія, составленныя изъ выборныхъ представителей мѣстнаго земства отъ всѣхъ разрядовъ и классовъ жителей; этимъ учрежденіямъ ввѣрено завѣдываніе очень многими мѣстными земскими хозяйственными дѣлами, и почти по всѣмъ такимъ дѣламъ предоставлено прямое или косвенное участіе въ завѣдываніи. Дѣятельность земскихъ учрежденій ограждена большою долею самостоятельности; вмѣшательство административной власти въ ихъ дѣла ограничено почти исключительно лишь однимъ общимъ надзоромъ и контролемъ, да тѣми дѣлами, которыя представляютъ не одинъ мѣстный, а болѣе общій, государственный и казенный интересъ; но и такое вмѣшательство не есть безусловное; противъ него можно возражать, на него можно жаловаться; не бюрократія, мѣстная и центральная, произноситъ окончательно чему и какъ быть, а коллегіальное административное учрежденіе, независимое отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, чуждое мѣстнымъ дрязгамъ и потому болѣе безпристрастное. Сенатъ, даже при условіяхъ гораздо менѣе благопріятныхъ, чѣмъ теперешнія, всегда, когда могъ, подавалъ голосъ въ смыслѣ закона, и потому под-

чиненіе ему, въ высшей инстанціи, мѣстныхъ земскихъ учрежденій, есть очень существенная, надежная гарантія ихъ законной неприкосновенности и законной самостоятельности. Въ заключеніе надобно прибавить, что мѣстному земству, въ лицѣ его выборныхъ представителей, дано право заявлять передъ высшимъ правительствомъ о матеріальныхъ нуждахъ и пользахъ края и ходатайствовать объ нихъ. При той роли, которую играютъ матеріальные интересы въ наше время, при томъ значеніи, которое они должны получить у насъ въ ближайшемъ будущемъ, вслѣдствіе нашей теперешней экономической неразвитости, право заявленія и ходатайства, данное мѣстнымъ земскимъ учрежденіямъ, чрезвычайно важно, гораздо важнѣе, чѣмъ можетъ показаться при первомъ поверхностномъ взглядѣ.

Такимъ образомъ, Положеніе 1-го января создаетъ у насъ давно желанное мѣстное земское самоуправленіе, въ дѣйствительномъ, практическомъ его значеніи, и открываетъ ему широкія двери, не забѣгая впередъ, а предоставляя его дальнѣйшее развитіе обстоятельствамъ и времени. Эту послѣднюю черту мы цѣнимъ весьма высоко. Дѣло самоуправленія, по существу своему, должно развиваться совсѣмъ иначе, чѣмъ разные другіе наши внутренніе вопросы. Когда шла рѣчь объ отмѣнѣ крѣпостного права, мы желали, чтобы оно совершилось на возможно широкихъ основаніяхъ, и были очень счастливы, когда это такъ и сдѣлалось. Съ крѣпостнымъ правомъ надо было покончить одинъ разъ навсегда, хотя бы и пришлось потерпѣть отъ этого разныя временныя неудобства, принести временныя пожертвованія. Свихнутую и неправильно сросшуюся руку нужно выломить и опять вправить, какъ слѣдуетъ; это мучительно, а дѣлать нечего; такого же свойства былъ и гордіевъ узелъ крѣпостного права; его надо было сразу распутать или разрубить, чтобы больше къ нему не возвращаться никогда. Разрѣшать его помаленьку, значило бы поддерживать страну десятки лѣтъ въ напряженномъ, ненормальномъ, болѣзненномъ состояніи и въ опасной неизвѣстности на счетъ завтрашняго дня. Совсѣмъ другого свойства вопросъ самоуправленія. Оно требуетъ привычки, опытности, знанія, и потому можетъ образоваться и выросли лишь исподволь, постепенно; оно только тогда и будетъ прочно, если начнется съ малаго и понемногу выростетъ до большого. Самое главное и первое въ томъ, чтобы основанія самоуправленія были заложены правильно, чтобы на первыхъ порахъ новое учрежденіе не получило ложнаго направленія и роста, не имѣло нездороваго наклона въ ту или другую сторону, который пришлось бы впослѣдствіи исправлять, что̀ не всегда удобно, возможно и безопасно, особливо когда учреждеденіе окрѣпло и пустило корни. Все остальное должно быть предоставлено развитію самой жизни и указаніямъ опыта; выжидательная роль законодательства въ этомъ случаѣ гораздо правильнѣе, вѣрнѣе, во всѣхъ отношеніяхъ лучше, чѣмъ предупреждающая нужды, потребности и практическій ходъ дѣла. Поэтому мы, съ своей стороны, видимъ въ выжидающемъ характерѣ Положенія 1-го января новое доказательство глубокой его зрѣлости и обдуманности, устраняющихъ возможность всякой неожиданности и колебаній въ будущемъ; напротивъ, мы бы очень задумались надъ дальнѣйшей судьбой нашихъ земскихъ учрежденій, еслибы законодательство, подъ вліяніемъ ошибочно понятыхъ интересовъ высшаго сословія, или бюрократической рутины, или, наконецъ, неосновательныхъ административныхъ опасеній, исказило, при самомъ началѣ, существенный смыслъ новыхъ мѣстныхъ земскихъ учрежденій: напримѣръ, еслибы оно устранило изъ нихъ другія сословія, или лишило которое-нибудь изъ нихъ возможности быть серьезно представленнымъ въ учрежденіяхъ, отнявъ право избирать людей съ образованіемъ, или обязавъ непремѣнно посылать въ собранія только административныхъ своихъ начальниковъ; еслибы оно, далѣе, установило различные цензы для дворянства и прочихъ землевладѣльцевъ, или безусловно подчинило постановленія земскихъ учрежденій благоусмотрѣнію мѣстной или центральной бюрократической власти. Всѣ такія и подобныя имъ искаженія мѣстнаго земскаго самоуправленія были бы важными законодательными ошибками, вслѣдствіе которыхъ возникли бы, рано или поздно, неправильныя отношенія сословій и столкновенія администраціи съ мѣстнымъ земствомъ,—словомъ, создался бы источникъ раздраженій и вражды, всегда горестныхъ, а особливо въ такомъ капитальномъ, жизненномъ дѣлѣ. Къ счастью, такихъ ошибокъ и искаженій мы не находимъ въ Положеніи 1-го января; новыя земскія учрежденія обра-

зованы въ духѣ полнаго безпристрастія, достойнаго правительства великаго народа, съ видимымъ намѣреніемъ положить прочное, серьезное основаніе мѣстному самоуправленію, а не отдѣлаться отъ него общими мѣстами. Оттого мы радуемся выходу Положенія отъ глубины души, считаемъ его самымъ отраднымъ явленіемъ въ ряду нашихъ общественныхъ преобразованій и ставимъ его, по его внутреннему достоинству, наравнѣ съ плеядой законодательныхъ мѣръ, которыя возвратили нашимъ низшимъ сословіямъ ихъ гражданскія права и человѣческое достоинство. Намъ скажутъ, можетъ быть, что мѣстное самоуправленіе можно представить себѣ шире, бюрократическій контроль и вмѣшательство въ мѣстныя земскія дѣла еще болѣе ограниченнымъ, чѣмъ въ Положеніи 1-го января. Это безспорно. Но вопросъ совсѣмъ не въ томъ, какъ вообще далеко можетъ быть развита самостоятельность мѣстнаго самоуправленія и расширенъ кругъ его дѣятельности; вопросъ въ томъ: слѣдовало ли сдѣлать больше или меньше теперь, при основаніи у насъ мѣстнаго самоуправленія? Мы убѣждены, что сдѣлано все, что̀ нужно, и что больше дѣлать не слѣдовало. Тѣхъ, которые были бы не согласны съ этимъ мнѣніемъ, мы попросимъ обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство, которое, какъ намъ кажется, рѣшаетъ вопросъ: до сихъ поръ, дѣла мѣстнаго хозяйства, такъ или иначе, но шли; положимъ, что они шли не Богъ знаетъ какъ хорошо, и могли бы, должны бы идти гораздо лучше; но, какъ бы то ни было, за прежнимъ порядкомъ есть положительный фактъ, привычка, если хотите—рутина, во всякомъ случаѣ, однако, нѣчто установившееся, извѣстное, опредѣленное, удовлетворявшее, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, мѣстнымъ земскимъ и государственнымъ нуждамъ. Теперь, въ этомъ отношеніи, наступаетъ совершенно иной порядокъ, коренной переворотъ. Мѣстныя дѣла, вѣдавшіяся мѣстной и центральной бюрократіей, передаются мѣстнымъ земскимъ учрежденіямъ, составленнымъ изъ выборныхъ отъ мѣстнаго населенія; тѣ государственныя и земскія потребности, которыя до сихъ поръ удовлетворялись чиновниками, при самомъ слабомъ, почти что номинальномъ участіи земства, отнынѣ будутъ удовлетворяться представителями самого земства. Мы думаемъ, что не только благоразуміе, а простой здравый смыслъ заставляетъ правительство принять заранѣе необходимыя мѣры на тотъ случай, еслибы начатый имъ громадный переворотъ, основывающій у насъ совсѣмъ новый порядокъ дѣлъ, оказался на первыхъ порахъ не совсѣмъ удачнымъ; оно должно удержать за собой возможность отвратить существенный практическій вредъ, который могъ бы въ такомъ случаѣ произойти для государства и для мѣстностей. Еслибы такихъ мѣръ предосторожности не было въ Положеніи 1-го января, оно показалось бы намъ не серьезнымъ законодательнымъ актомъ, а скорѣе программой на французскій манеръ, которая Богъ знаетъ что сулитъ, а на дѣлѣ даетъ мало, очень мало, почти ничего. Не такъ давно прокричали во всѣхъ газетахъ, что промыселъ хлѣбниковъ сдѣланъ въ Парижѣ свободнымъ; на дѣлѣ же вышло, что онъ вовсе не сталъ свободнымъ. Мало ли мы видѣли и видимъ такихъ программъ во Франціи! Вотъ этого-то декораціоннаго характера и не имѣетъ Положеніе 1-го января; оно производитъ преобразованіе осторожно, предвидитъ доброе и худое, и именно въ этомъ несомнѣнный залогъ, что мы вступаемъ на новый путь безъ колебаній и сюрпризовъ. Текущія практическія, матеріальныя потребности не терпятъ отсрочки, не могутъ быть отлагаемы въ долгій ящикъ; ихъ надо удовлетворить во что бы то ни стало и непремѣнно теперь, сегодня; это и объясняетъ, почему Положеніе 1-го января сохранило за мѣстнымъ и центральнымъ управленіемъ необходимый надзоръ и контроль за земскими учрежденіями, насколько нужно, чтобы земскія дѣла могли войти безъ перерывовъ и потрясеній въ новую колею мѣстнаго самоуправленія.

И такъ, мы считаемъ Положеніе 1-го января однимъ изъ самыхъ обдуманныхъ, выношенныхъ, зрѣлыхъ и сознательныхъ плодовъ того направленія, въ которомъ теперь двигается наша жизнь и наше законодательство. Оно, вмѣстѣ съ Положеніями 19-го февраля и другими законами, принадлежащими къ той же категоріи, стоитъ на рубежѣ двухъ періодовъ русской исторіи, уходящаго въ прошедшее и зарождающагося подъ очень счастливыми предзнаменованіями. Повторяемъ, законодательство сдѣлало свое дѣло. Но передъ нами пока только законъ. Что̀ будетъ съ нимъ на практикѣ, какъ онъ отзовется въ жизни, въ дѣйствительности? Это другой вопросъ и вопросъ очень трудный. За неимѣніемъ данныхъ, объ этомъ можно только догадываться

на основаніи нашихъ наличныхъ административныхъ и общественныхъ нравовъ. Какъ сказано, мы нимало не озабочены на счетъ того, что всѣ текущія, обыденныя государственныя и мѣстныя потребности и при новомъ порядкѣ будутъ выполняться по крайней мѣрѣ не хуже, чѣмъ до сихъ поръ; для этого приняты Положеніемъ всѣ нужныя мѣры; стало быть, въ рутинномъ смыслѣ можно быть совершенно покойнымъ; новый порядокъ дѣлъ не произведетъ никакого перерыва и замѣшательства. Но духъ, вѣющій въ Положеніи 1-го января, —осуществится ли онъ съ самаго начала въ земскихъ учрежденіяхъ? Вотъ въ чемъ весь вопросъ, вся сила. Дай Богъ, чтобъ осуществился! Этого, безъ сомнѣнія, желаютъ всѣ, безъ изъятія, честные люди въ Россіи, къ какому бы мнѣнію они ни принадлежали, какъ бы ни были несогласны между собою въ другихъ вопросахъ.

Важной помѣхой успѣху новаго дѣла могутъ быть, на первыхъ порахъ, наши административные нравы. Привычка сводить дѣло на бумагу, ставить на первый планъ не законъ, а себя, свою фигуру, суетиться, важничать, начальствовать, ломаться, даже не имѣя на это ни малѣйшаго права, и почти всегда безъ малѣйшей надобности; привычка не знать закона и вмѣнять себѣ въ какую-то заслугу не соблюдать его, считать даже за какое-то униженіе подчиниться закону,—всѣ эти дурныя привычки въ насъ еще сильны и безсознательно, помимо нашего желанія и воли, еще держатся. Мы и до сихъ поръ недовольно различаемъ личныя отношенія отъ общественныхъ и служебныхъ; административная власть сбивается иногда на произволъ, рождаетъ слишкомъ часто желаніе завладѣть подчиненными совсѣмъ и во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ томъ, что до службы вовсе не касается; наоборотъ, подчиненность по обязанности, по закону, по службѣ, часто незамѣтнымъ образомъ переходитъ въ подслуживаніе, искательство и раболѣпство. Если же нѣтъ этихъ крайностей, то есть другія, и такія же дурныя: изъ боязни быть крутыми, самовластными съ подчиненными, мы бываемъ совершенно слабы, сводимъ служебныя отношенія на салонныя, причемъ служба и дѣло играютъ послѣднюю роль и идутъ себѣ, какъ знаютъ; независимость, личное достоинство подчиненнаго принимаютъ у насъ нерѣдко форму невыносимой наглости и своеволія, какого-то бретерства и нахальства, нетерпимыхъ ни въ какихъ общественныхъ и служебныхъ отношеніяхъ. Наше гражданское малолѣтство и неопытность узнаются по совершенному неумѣнію держаться середины, не смѣшивая частнаго съ общественнымъ и публичнымъ, не внося въ дѣло личныхъ отношеній. Можно безошибочно сказать, что добрыхъ три четверти нашихъ административныхъ неустройствъ проистекаютъ изъ этой непривычки къ публичной жизни, изъ этого патріархальнаго преобладанія личныхъ интересовъ, личныхъ вопросовъ, личныхъ отношеній надъ общественнымъ дѣломъ, общественной пользой. Эти странные нравы, конечно, начинаютъ перерождаться, но на первый разъ еще больше маскируются, чѣмъ измѣняются. Перерожденіе тогда только станетъ серьезнымъ, дѣйствительнымъ, когда мы не будемъ больше думать, что государственная и общественная казна существуютъ не для государства и общества, а для насъ, когда служба, служебное и общественное дѣло перестанутъ считаться только средствомъ для обдѣлыванія нашихъ собственныхъ, частныхъ, личныхъ дѣлишекъ.

Впрочемъ, и то сказать: на наши административные нравы жалобы и упреки сыплются и безъ того со всѣхъ сторонъ. Но откуда они, эти нравы? Кто ихъ создалъ? Кто поддерживаетъ? Вѣдь это—мы, мы же сами. Мы служимъ, мы наполняемъ служебныя мѣста и административныя должности. И наши общественные нравы—развѣ хоть на каплю лучше административныхъ? Развѣ наша общественная администрація лучше казенной? Нѣтъ, она не лучше, а пожалуй хуже! Какой казенный инспекторъ пансіоновъ позволитъ себѣ теперь, что называется, распекать пансіонскія начальства, говорить дикости класснымъ дамамъ, чуть-чуть не за уши драть воспитанницъ? Не мы ли сами, въ званіи иныхъ мировыхъ посредниковъ, собачимся не хуже старинныхъ капитановъ-исправниковъ, и строимъ обязаннымъ крестьянамъ волостныя избы, какъ будто они сами не съумѣли бы этого сдѣлать? Мы, мы сами просадили сто-ли, двѣсти-ли милліоновъ,—кто ихъ сочтетъ, — на акціонерныя компаніи, на предпріятія, необдуманныя, неосновательныя, и вдобавокъ ввѣряя ихъ частенько въ самыя ненадежныя руки, которыя, какъ и слѣдуетъ быть, опорожняли наши карманы? Развѣ въ нашихъ общественныхъ дѣлахъ и выборахъ личности не играютъ самой главной роли? Да что го-

ворить объ общественныхъ дѣлахъ, которыя затрогиваютъ интересы! Возьмемъ литературу, въ которой участвуютъ одни образованные люди, которая занимается одними общими интересами; въ ней, казалось, личности должны бы, если не исчезнуть, то хоть держаться въ границахъ благопристойности; а что мы видимъ на дѣлѣ? Въ литературѣ, какъ и во всемъ остальномъ, личнымъ дрязгамъ и личнымъ разсчетамъ нѣтъ конца, дѣло и истина безпрестанно уходятъ на второй планъ, а на первый выступаютъ тѣ же наши недостатки, которые, къ сожалѣнію, вездѣ и во всемъ красуются впереди.

Съ такими-то задатками застаетъ насъ начало мѣстнаго самоуправленія, которое предполагаетъ совсѣмъ иные нравы. Можно ли предаваться золотымъ надеждамъ, что оно, съ легкой руки Положенія 1-го января, пойдетъ у насъ тотчасъ же развиваться какъ по маслу? Чтобы дѣло пошло въ ходъ, нужно, чтобы всѣ люди доброй воли и труда, дѣльные, честные, серьезные, спокойные, сколько ихъ ни есть на мѣстахъ, сосчитались, подали другъ другу руку и принялись за работу, зная напередъ, что она очень, очень нелегка. Мѣстное управленіе, какъ всякая свобода, радуетъ въ результатахъ, особливо когда на нихъ смотришь со стороны; для тѣхъ, кто прикладываетъ къ нему руки, оно, напротивъ, очень прозаическое, тяжкое и убыточное дѣло. Мѣстное самоуправленіе, если это не фраза, не фейерверкъ, который слѣпитъ, а не свѣтитъ, есть общественный трудъ, трудъ и трудъ,—трудъ безвозмездный, мелочный, копотливый, который весь основанъ на деталяхъ, требующихъ зоркій глазъ, да на копѣйкахъ, собираемыхъ по крохамъ, которыя надо сосчитать; на благодарность за этотъ скромный трудъ, за эти невидныя заботы и самопожертвованіе всего меньше можно разсчитывать; она придетъ развѣ послѣ, а еще вѣроятнѣй не придетъ никогда; пока же дѣло дѣлается, нареканія, сплетни, интриги, задѣтыя самолюбія, задѣтая ограниченность и глупость, задѣтые личные интересы, будутъ жужжать около ушей, не давая отдыха. О самоуправленіи во сто кратъ легче говорить, даже писать, и не только газетныя статьи, а цѣлыя книги, чѣмъ заниматься имъ практически; а мы привыкли судить о свободѣ по описаніямъ, по ея праздничному наряду, и совершенно забываемъ, какая она бываетъ въ будни; увидавъ ее на дѣлѣ, мы и жалуемся, что она совсѣмъ не такая, какою себѣ воображали! Такія разочарованія съ нами часто случаются, именно потому, что мы на все смотримъ сквозь очки, а не простыми глазами. Когда учредилась должность мировыхъ посредниковъ—все, что было между нами образованнѣйшаго, благороднѣйшаго, лучшаго, бросилось толпами опредѣляться въ эту должность, въ самомъ дѣлѣ превосходную и превосходно поставленную. А сколько дотянули лямку до конца?

Удивительное дѣло! Посмотришь на нашу исторію, — что за выдержанное, спокойное, величавое развитіе! Какой ни взять изъ внутреннихъ и внѣшнихъ нашихъ вопросовъ, съ какимъ непобѣдимымъ постоянствомъ, медленно, но неудержимо и безвозвратно они зачинались, раскрывались, созрѣвали и разрѣшались! Такая выдержанность, такое спокойствіе, невольно напоминаютъ римскія черты. А обратимся на себя—какая подвижность и легкость, какое непостоянство, какое верхоглядство и пустота, какое отсутствіе послѣдовательности, выдержки, обдуманности, какое вѣчное исканіе чего-то, чего никакъ нельзя найти, потому что его нигдѣ не существуетъ на свѣтѣ! Невольно спрашиваешь себя: неужто взаправду изъ такого матеріала можетъ слагаться такая исторія? Если такъ, то римляне должны были быть пустѣйшимъ, легкомысленнѣйшимъ народомъ; однако это было совсѣмъ не такъ. Возьмите исторію любого народа,—ни одна не представляетъ ничего подобнаго нашей; каждая вполнѣ выражаетъ духъ и характеръ народный; только у насъ существуетъ такое вопіющее противорѣчіе между характеромъ исторіи и нами, образованными слоями русскаго общества. На что достаточно минутнаго порыва, минутнаго увлеченія, мгновеннаго самоотверженія и самопожертвованія — насъ хватаетъ; тутъ оказывается, что мы и добры, и великодушны, и широки, въ самомъ дѣлѣ велики; но для ежедневной, практической, прозаической жизни мы пока еще мало способны; отъ того-то она у насъ и не красива. У насъ совсѣмъ нѣтъ той выдержки, которая, соразмѣряя силы съ большимъ задуманнымъ практическимъ дѣломъ, идетъ къ нему не торопясь, исподоволь, сегодня какъ завтра и послѣ завтра, ровно, съ одинаковымъ вниманіемъ, съ тою же заботливостью, съ тѣмъ же убѣжденіемъ; если нельзя сразу одолѣть дѣла, мы теряемъ къ нему охоту; сегодня за него горячо принялись сотни; черезъ три дня не досчитаться

и десятка; а самоуправленіе, мѣстное земское дѣло, именно таково, что его можно взять только выдержкой, и большой выдержкой; сразу оно не дастся въ руки, особенно у насъ и особенно теперь. Какъ ни проста еще наша будничная жизнь, сравнительно съ западно-европейской, но и она начинаетъ становиться сложнѣе; мѣстные земскіе вопросы у насъ еще мало затрогивались, большая ихъ часть спали до сихъ поръ непробуднымъ, нездоровымъ сномъ. Но теперь они поднимутся всѣ вдругъ, разомъ, такъ что голова закружится. За который изъ нихъ взяться, который пустить впередъ, который отложить, и какъ ихъ вести? Чтобъ обдумать это какъ слѣдуетъ, нужны здоровыя, спокойныя, трезвыя головы, нужны умѣнье и воля, твердая, выдержанная воля, довѣряющая только разсудку и здравому смыслу, а не фантазіямъ и порывамъ, какъ бы они сами по себѣ хороши ни были.

Къ трудностямъ, происходящимъ отъ нашихъ административныхъ и общественныхъ нравовъ, отъ дурныхъ привычекъ нашего ума и нашей воли, присоединятся еще и многія другія, на которыя мы еще укажемъ.

Въ земскихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ впервые сойдутся опять, послѣ незапамятныхъ временъ, лицомъ къ лицу, разныя сословія и разряды земства, которые до сихъ поръ жили, каждый, особнякомъ. Какъ слаба и искусственна ни была сословная связь, она все-таки была; но объ общей связи всѣхъ мѣстныхъ жителей въ общихъ земскихъ мѣстныхъ дѣлахъ и интересахъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго понятія. Это начало Богъ знаетъ съ какого времени—совершенно новое на русской почвѣ. Какова будетъ первая встрѣча этихъ разнородныхъ классовъ, сословій и разрозненныхъ общественныхъ разрядовъ въ земскихъ учрежденіяхъ? Съ виду, конечно, вездѣ самая радушная; а на самомъ дѣлѣ? Сколько мы знаемъ, надобно ожидать, если и не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ большей части мѣстностей, встрѣчи недовѣрчивой, особливо къ высшимъ слоямъ. Прочіе классы русскаго общества довольно близко знаются, потому что, не завися юридически другъ отъ друга, не переставали находиться между собою, по дѣламъ, въ безпрерывныхъ сношеніяхъ; одно дворянство стояло до сихъ поръ какъ-то изолированно; отношенія его къ другимъ сословіямъ были или начальственныя, или только наружныя и рѣдкія. Купечество насъ не очень долюбливаетъ за наше прежнее высокомѣріе, крестьянство мало намъ довѣряетъ. Отношенія крестьянъ къ мировымъ посредникамъ, въ большинствѣ отличныя, не доказываютъ противнаго; въ мировыхъ посредникахъ крестьяне видѣли органы царской власти, которой они довѣряютъ безусловно; остальное довершили личныя достоинства наибольшаго числа посредниковъ; выборы въ городскіе головы въ Москвѣ и Одессѣ тоже не опровергаютъ нашего мнѣнія; тутъ имѣли вліяніе, какъ мы слышали, мѣстныя обстоятельства,—несогласія между купечествомъ и низшими городскими классами, желаніе имѣть во главѣ города сильное, вліятельное лицо, и т. п.

Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь и тамъ, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, а особенно вслѣдствіе личнаго характера избранныхъ, будутъ встрѣчаться изъятія изъ общаго правила; но общее правило, какъ мы думаемъ, будетъ состоять въ томъ, что и городскіе, и сельскіе классы, на первый разъ не безъ предубѣжденій, не безъ недовѣрчивости, сойдутся съ представителями высшаго сословія въ одномъ собраніи. Надѣемся, никто изъ читателей не заподозритъ насъ въ желаніи выразить этимъ, что было бы лучше, еслибы ни городского, ни сельскаго сословія не было въ земскихъ учрежденіяхъ. Нѣтъ, эти учрежденія надобно было устроить именно такъ, какъ они устроены; надо было когда-нибудь сломать стѣны и перегородки, державшія у насъ сословія и классы въ какомъ-то искусственномъ, ненормальномъ разъединеніи, и чѣмъ раньше это дѣлается, тѣмъ во всѣхъ отношеніяхъ лучше; здѣсь мы только указываемъ на общественныя условія, при которыхъ начинается у насъ мѣстное самоуправленіе, и на то, что изъ этого, вѣроятно, произойдетъ на первыхъ порахъ, какія затрудненія они представятъ развитію мѣстнаго земскаго дѣла. Преобразованіе 1-го января такъ серьезно и важно, будущность созданныхъ имъ мѣстныхъ земскихъ учрежденій всѣмъ намъ такъ дорога, что необходимо осторожно предвидѣть всѣ вѣроятныя возможности новаго дѣла. Мы думаемъ, что лучше, полезнѣе озабочиваться предстоящими трудностями и препятствіями и тѣмъ избѣгнуть непріятныхъ неожиданностей, чѣмъ дѣтски убаюкивать себя надеждами на будущія блага; если они и придутъ неожиданно, мы очевидно въ выигрышѣ, потому что готовиться

надо къ трудамъ, къ препятствіямъ, къ заботамъ, а удачи можно встрѣтить и безъ приготовленій. И такъ, мы думаемъ, что въ началѣ, въ большинствѣ случаевъ, городскіе и сельскіе классы не будутъ особенно полезны для мѣстнаго земскаго дѣла, станутъ держать себя пассивно, будутъ выжидать, высматривать; еще горожане скорѣй принесутъ съ собой кой-какія общія соображенія, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, вдругъ ихъ не выскажутъ, и прибере гутъ про себя, ожидая, какъ поведетъ себя дворянство; что касается до крестьянъ, то они, на первый разъ, мало что разберутъ въ значеніи и пользѣ земскихъ учрежденій; на приглашеніе къ выборамъ, они, имѣя въ виду примѣры прежнихъ лѣтъ, посмотрятъ, въ большинствѣ случаевъ, какъ на приказаніе дать руки на какой-нибудь сборъ или какую-нибудь повинность; въ участіи въ выборахъ, въ поѣздкахъ къ собраніямъ, уѣзднымъ и губернскимъ, они увидятъ сперва только помѣху въ домашнихъ дѣлахъ, работахъ, и новую мірскую издержку на проѣздъ и харчи выборнымъ; больше они врядъ ли что поймутъ въ этомъ дѣлѣ съ первыхъ разовъ; въ земскихъ собраніяхъ они будутъ держать себя еще пассивнѣе, чѣмъ городскіе классы, но за то, если можно, еще зорче, еще внимательнѣе будутъ наблюдать за дѣйствіями дворянства. Крестьянскіе представители, возвратившіеся съ первыхъ земскихъ собраній, будутъ въ деревняхъ завалены разспросами о томъ, что̀ и какъ было, и разсказамъ не будетъ конца. На основаніи этихъ-то разсказовъ и составится въ крестьянствѣ мнѣніе о томъ, что̀ такое земскія учрежденія и чего отъ нихъ ждать, хорошаго или плохого; это мнѣніе засядетъ въ крестьянскія головы на долгіе, долгіе годы; отъ того, каково будетъ это мнѣніе, земскія учрежденія или сразу же пустятъ корни, и у насъ начнется мѣстная общественная жизнь въ настоящемъ смыслѣ слова, или учрежденія только будутъ прозябать, только увеличатъ собою число административныхъ колесъ.

Центръ тяжести первыхъ земскихъ собраній и первыхъ дѣйствій мѣстнаго самоуправленія будетъ лежать очевидно въ дворянствѣ, не въ качествѣ сословія, а въ качествѣ представителя личной поземельной собственности. Въ немъ сосредоточено теперь, преимущественно передъ всѣми другими классами, образованіе,—ему поэтому доступнѣе общіе мѣстные земскіе интересы; за нимъ и служебная практика и необходимая опытность для веденія земскихъ дѣлъ; наконецъ, за нимъ, въ большей части мѣстностей, огромный перевѣсъ личнаго землевладѣнія. Все это вмѣстѣ дастъ ему по праву первое мѣсто и первую роль въ земскихъ учрежденіяхъ и мѣстномъ самоуправленіи. Законъ предвидѣлъ это. По Положенію 1-го января, число представителей отъ землевладѣльцевъ, т.-е. почти вездѣ главнымъ образомъ отъ дворянства, во всѣхъ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, за нѣкоторыми изъятіями, будетъ составлять половину общаго числа представителей отъ всѣхъ сословій; въ губернскихъ же собраніяхъ дворянство будетъ, вѣроятно, представлено еще сильнѣе, потому что, по Положенію, уѣздныя собранія посылаютъ изъ своей среды представителей въ губернскія въ опредѣленномъ числѣ, но безъ различія сословій, и болѣе чѣмъ вѣроятно, что ни горожане, ни въ особенности крестьяне не будутъ соревновать съ дворянами въ убыточной чести отправляться въ губернскій городъ и жить тамъ три недѣли на свой счетъ, оставляя свои дѣла.

Мы, съ своей стороны, находимъ очень разумнымъ, что законодательство, при опредѣленіи состава мѣстныхъ земскихъ собраній, не увлеклось никакими теоретическими соображеніями, а взяло факты, какъ они есть. Въ какомъ видѣ выработаются наши мѣстныя земскія учрежденія впослѣдствіи,—этого пока никто не можетъ сказать; создавая ихъ теперь, надобно было и взять тѣ элементы, какіе теперь подъ руками, а теперь большинство ихъ сосредоточено въ образованныхъ слояхъ дворянства. Но и тутъ законодательство поступило чрезвычайно осмотрительно и осторожно: придавъ нужную силу и вліяніе тому, который всего больше подготовленъ вести мѣстныя земскія дѣла, Положеніе 1-го января избѣгло очень соблазнительной въ этомъ случаѣ и очень важной ошибки; оно не сообщило землевладѣльческому элементу сословной окраски, которая исказила бы земскія учрежденія въ самомъ основаніи, въ самомъ корнѣ, и могла бы вызвать современемъ худшее изъ всѣхъ золъ—зависть и взаимную вражду сословій. Положеніе предоставило необходимое вліяніе и первую роль въ дѣлахъ земства личнымъ землевладѣльцамъ, а не дворянству, и этимъ открыло возможность самому факту рѣшить, гдѣ это преобладаніе и значеніе останется за высшимъ сословіемъ и

гдѣ нѣтъ; фактъ безошибочно и покажетъ, чему какъ быть и гдѣ, и не только теперь, но и впослѣдствіи; гдѣ на фактѣ дворянство въ большинствѣ, тамъ за нимъ и останется главная роль; гдѣ же его мало, напримѣръ, въ Вятской губерніи или въ степныхъ уѣздахъ Самарской, тамъ мѣсто его заступятъ землевладѣльцы другихъ сословій; такимъ образомъ дворянское сословное право нигдѣ не будетъ казаться обидной и несправедливой привилегіей. То же самое будетъ и впослѣдствіи: гдѣ дворянство сохранитъ за собою земли и пріобрѣтетъ вліяніе, тамъ оно и въ будущемъ останется во главѣ мѣстнаго самоуправленія; гдѣ же дворянскія имѣнія перейдутъ въ руки другихъ сословій, тамъ послѣднія заступятъ мѣсто дворянства и въ завѣдываніи мѣстныхъ земскихъ дѣлъ; стало быть, Положеніемъ, въ самомъ началѣ, устраненъ поводъ къ будущимъ горестнымъ столкновеніямъ сословій, устранена заранѣе необходимость снова передѣлывать коренныя основанія земскихъ учрежденій. Вотъ послѣдствіе того, что Положеніе не насилуетъ фактовъ въ настоящемъ, не принимаетъ на себя неблагодарной и невозможной задачи предписывать законы будущему, но оставляетъ самой жизни, самой потребности, высказаться.

И такъ, очень вѣроятно, что почти вездѣ мѣстное самоуправленіе, на первыхъ порахъ, на дѣлѣ, будетъ въ рукахъ дворянства. Какая будетъ его роль? Какъ пойметъ оно свою задачу, свое новое положеніе, какъ примется за дѣло, чего отъ него можно и должно ожидать? Вотъ чрезвычайно важные вопросы, съ которыми связана будущность мѣстныхъ земскихъ учрежденій и самого дворянства. Говоря о будущности земскихъ учрежденій, мы, конечно, совсѣмъ не думаемъ, чтобы она зависѣла отъ какого-либо сословія или класса. Въ жизни и развитіи учрежденій наши прихоти, желанія, мечты и ошибки участвуютъ гораздо меньше, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ. Учрежденія имѣютъ свое начало, свое продолженіе и свой конецъ помимо нашей воли, очень часто даже помимо нашего сознанія. Какъ часто мы видимъ, что учрежденія, которыя современники считаютъ вывѣтрившимися, близкими къ разрушенію, не только держатся, но даже оказываются полными жизненности; наоборотъ, сколько мы видимъ учрежденій, которымъ, повидимому, предстояла блистательная будущность, а на дѣлѣ они скоро оказались мертворожденными. Сколько учрежденій выросло въ тиши, незамѣтно; никто объ нихъ не думалъ, никто не подозрѣвалъ ихъ существованія; они какъ-то сами собою пустили корень, росли, росли и наконецъ замѣчены, когда ужъ такъ окрѣпли, что ихъ нельзя было больше не замѣчать; другія возникли и укоренились, противъ воли правительствъ и народовъ, несмотря на самыя энергическія мѣры, принятыя для ихъ подавленія; иныя, напротивъ, ослабѣли и распались, несмотря на такія же энергическія усилія, на самыя глубоко обдуманныя мѣры, чтобы поддержать ихъ. На все это есть множество примѣровъ въ исторіи, которая доказываетъ, что общественная жизнь совершается сообразно съ составными ея элементами, на основаніи неизмѣнныхъ законовъ, которыхъ люди не могутъ передѣлать, противъ которыхъ не могутъ дѣйствовать безъ вреда самимъ же себѣ, къ которымъ имъ остается, слѣдовательно, только зорко присматриваться, и сообразовать съ ними свои желанія и свою дѣятельность. Мѣстное самоуправленіе—начало слишкомъ всеобщее, слишкомъ по себѣ твердое и прочное, чтобы его можно было считать, въ какой бы то ни было странѣ, несбыточной фантазіей и утопіей. Оно и у насъ непремѣнно разовьется, рано или поздно, въ той или другой формѣ,—это несомнѣнно; вопросъ только въ томъ, примется ли оно теперь же, сейчасъ, или черезъ десятки лѣтъ, при другихъ поколѣніяхъ, которыя смѣнятъ наше, при участіи другихъ элементовъ, которые тогда могутъ образоваться? Собственно этотъ только вопросъ и можетъ интересовать насъ теперь ближайшимъ образомъ. Положеніе 1-го января и на эту сторону дѣла смотритъ очень разумно. У насъ въ послѣднее время со всѣхъ сторонъ слышались голоса въ пользу мѣстнаго самоуправленія; къ нему давно склонилось общественное мнѣніе, на него давно указываютъ, какъ на единственное радикальное лекарство противъ многаго множества нашихъ общественныхъ золъ и неустройствъ. И вотъ законъ даетъ мѣстныя земскія учрежденія, но въ то же время принимаетъ всѣ мѣры, чтобы ежедневныя, текущія дѣла, въ главномъ, неотложномъ, необходимѣйшемъ, отъ этого не могли пострадать ни въ какомъ случаѣ, а продолжали бы идти хоть такъ, какъ шли доселѣ, еслибы оказалось, что мѣстное самоуправленіе у насъ еще пока не дѣйствительная, глубоко сознанная потребность большинства образованныхъ

людей, а только аппетиты, пожеланія, позывы на самоуправленіе, много, много—убѣжденіе отдѣльныхъ лицъ. Вотъ въ этомъ то смыслѣ мы и спрашиваемъ: будутъ ли земскія учрежденія, на первыхъ порахъ, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, формой безъ содержанія, выставкой самоуправленія безъ дѣйствительнаго самоуправленія, — или они примутся сразу и пустятъ живые ростки въ нашей общественной почвѣ? То или другое, повторяемъ, будетъ въ началѣ зависѣть почти исключительно отъ того, какъ пойметъ свою задачу дворянство, какъ оно примется за дѣло, какую роль будетъ играть въ земскихъ собраніяхъ.

Мы отъ всей души желаемъ, чтобы наше высшее сословіе удержало за собой, и при новомъ положеніи, ту первенствующую роль, которую оно играло до сихъ поръ, при совершенно другихъ обстоятельствахъ и условіяхъ. Говоря о русскомъ дворянствѣ, мы не можемъ не вспомнить о томъ дѣятельномъ и блистательномъ участіи, которое оно принимало во внѣшнемъ, политическомъ развитіи государства, въ войнѣ и мирѣ, въ счастливыя и тяжелыя времена; мы не можемъ забыть, что изъ этого сословія раздались, и уже давно, самые сильные голоса въ пользу отмѣны крѣпостного права; что большинство мировыхъ посредниковъ, взятыхъ изъ его же среды, подвергалось нареканіямъ не за излишнее пристрастіе къ интересамъ своего сословія, а напротивъ, за излишнее увлеченіе въ пользу интересовъ освобождаемыхъ крѣпостныхъ; какъ ни дурно всякое пристрастіе, но ужъ если безъ него нельзя обойтись, то лучше же пристрастіе противъ своихъ сословныхъ выгодъ, чѣмъ близорукое, узкосердечное, себялюбивое, черствое пристрастіе въ ихъ пользу; пусть люди, живущіе со дня на день, думаютъ объ этой роли дворянъ и дворянства въ дѣлѣ освобожденія, какъ хотятъ; мы считаемъ ее положительной заслугой этого сословія, которая не забудется. Еще недавно, въ минуту самаго тяжкаго экономическаго перелома, вслѣдствіе прекращенія крѣпостныхъ отношеній,—перелома, который всего сильнѣе отозвался на матеріальномъ положеніи дворянства,—оно не задумалось предложить отечеству себя и все что имѣетъ, когда внѣшніе враги, пользуясь нашими горестными раздорами съ Польшею и поляками, вздумали-было вмѣшаться въ наши внутреннія дѣла, чтобы насъ унизить и ослабить. Такое прошедшее и настоящее даетъ дворянству историческое и нравственное право на свѣтлую будущность, вѣрнѣе всякихъ хартій, право на почтенное и достойное участіе въ дальнѣйшихъ судьбахъ всѣмъ намъ дорогой, великой Россіи. Именно поэтому мы больше всего желаемъ, какъ для успѣха самаго дѣла, такъ и для пользы дворянства въ настоящемъ и будущемъ, чтобъ оно внесло въ земскія учрежденія тотъ же духъ сословнаго безпристрастія, то же отсутствіе узкихъ сословныхъ предразсудковъ, которыя принесло съ собою наибольшее число мировыхъ посредниковъ въ дѣло освобожденія крѣпостныхъ. Чѣмъ рѣшительнѣе, прямѣе, искреннѣе будетъ общій мѣстный земскій интересъ поставленъ выше сословнаго, дворянскаго, тѣмъ вѣрнѣе и скорѣе примется мѣстное самоуправленіе въ Россіи и тѣмъ будетъ выгоднѣе, полезнѣе въ смыслѣ интересовъ дворянства. Его первенство должно быть отнынѣ основано не на сословныхъ заслугахъ передъ земствомъ,—заслугахъ, которыя оцѣнятся всѣми и каждымъ. У насъ, къ счастью, нѣтъ застарѣлыхъ сословныхъ ненавистей; есть только разрозненность общественныхъ элементовъ, взаимное ихъ отчужденіе и недовѣрчивость,—плодъ искусственной раздробленности сословій и крѣпостного права. Если дворянство пойметъ свое призваніе, пойметъ, что̀ ему предстоитъ дѣлать, все это исчезнетъ. Кто хочетъ быть первымъ, тотъ пусть будетъ всѣмъ слуга, — это правило на всегда останется правдой; кто его честно выполняетъ, тому первенство, прочное, твердое, незыблемое, достается само собою. Говоря о службѣ всѣмъ, мы разумѣемъ не великодушное самопожертвованіе, а только добросовѣстное, умное служеніе дѣлу самоуправленія. Въ общественныхъ вопросахъ, въ общественной дѣятельности, нельзя не требовать благоразумія, яснаго, дальновиднаго пониманія своихъ интересовъ и выгодъ; въ настоящемъ же случаѣ благоразуміе указываетъ на одинъ только путь къ первенству дворянства, признанному добровольно, сознательно всѣмъ мѣстнымъ населеніемъ; этотъ путь—служеніе мѣстному земскому дѣлу, на пользу всѣхъ. Личному землевладѣнію, которое теперь главнымъ образомъ представляется дворянствомъ, видимо предстоитъ играть у насъ большую роль въ общественномъ развитіи. Въ эту новую общественную форму дворянству надобно вжиться какъ можно скорѣе, и

сознательно, не дожидаясь пока ходъ исторіи, начинающій теперь обозначаться въ довольно ясныхъ чертахъ, опередитъ насъ, и, найдя неготовыми или недостойными, изберетъ другихъ дѣятелей. Для того, чтобы играть первую роль, не опираясь на сословныя привилегіи, надобно опираться на большія нравственныя и умственныя достоинства и на заслуги; это, конечно, гораздо труднѣе, требуетъ гораздо бо̀льшихъ усилій, бо̀льшихъ напряженій, чѣмъ имѣя подъ ногами юридическія преимущества, но за то, гораздо надежнѣе, гораздо прочнѣе, не зависитъ отъ измѣняющихся обстоятельствъ и случайностей.

Вотъ наше главное желаніе; кромѣ того, мы желаемъ и ожидаемъ еще многаго другого отъ дворянства, по поводу предстоящей ему дѣятельности въ земскихъ учрежденіяхъ.

Во-первыхъ, вѣрнѣйшимъ обезпеченіемъ успѣха земскихъ учрежденій и ихъ дѣятельности будетъ, если они ни въ началѣ, ни впослѣдствіи, ни на волосъ, ни на іоту не выйдутъ за черту программы занятій, опредѣленной закономъ. Программа эта достаточно широка, чтобы занять земскія учрежденія самымъ полезнымъ и плодотворнымъ образомъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Мы теперь въ первый разъ получаемъ въ наше законное завѣдываніе мѣстныя земскія дѣла; завѣдываніе это обставлено правами и обезпеченіями противъ произвольнаго вмѣшательства бюрократіи; теперь, слѣдовательно, намъ дана возможность показать на дѣлѣ, что наши безконечные толки о самоуправленіи не были пустыми возгласами, что мы дѣйствительно знаемъ и понимаемъ, чего такъ хотѣли, о чемъ такъ хлопотали. Намъ надобно съ первыхъ же разъ хорошенько освоиться съ формами и пріемами новыхъ занятій, твердо стать на законную почву, представляемую Положеніемъ 1-го января, и воспользоваться, въ интересахъ края, всѣми возможностями и способами, которые оно даетъ въ наше распоряженіе. Выходить изъ предѣловъ, очерченныхъ Положеніемъ, не только нельзя, но и не должно. Въ строго законномъ дѣйствіи будетъ заключаться та необъятная, непобѣдимая сила, передъ которой не устоятъ никакія предубѣжденія, никакой произволъ, никакая неправда. Вся польза, которой Россія въ правѣ ожидать отъ дѣятельности земскихъ учрежденій, будетъ принесена, если мы станемъ на почву законности, не уклоняясь съ нея ни на право, ни на лѣво, какъ бы это ни казалось иногда возможнымъ, выгоднымъ или хоть извинительнымъ. Всѣ эти приманки въ результатѣ всегда оказываются обманчивыми и призрачными. Одно и есть спасеніе въ дѣлахъ общественныхъ, какъ и въ частныхъ, — это строжайшая законность, проведенная послѣдовательно отъ начала до конца.

Во-вторыхъ, мы ожидаемъ, что земскія учрежденія, и въ особенности земскія собранія, будутъ блистать краснорѣчіемъ фактовъ и цифръ, цифръ и фактовъ, ораторствомъ дѣла, которое всегда такъ краснорѣчиво. Безвозвратно прошли тѣ времена, когда можно было производить впечатлѣніе порывами чувствъ и страстей и красотою слова; статистическія данныя и выводы, цифры, акты и документы отбили хлѣбъ у ораторскаго искусства въ нашъ положительный, скептическій вѣкъ; правительства, народы и наука предчувствуютъ, что общественная жизнь и общественный бытъ, въ большихъ и малыхъ размѣрахъ,—своего рода организмъ, существующій и развивающійся по своимъ законамъ, надъ которыми люди не властны; что и благородныя, и неблагородныя побужденія, чувства, стремленія, безсильны въ общественномъ дѣлѣ, когда они не сопровождаются глубокимъ изученіемъ, глубокимъ знаніемъ, глубокимъ соображеніемъ условій, при которыхъ существуетъ общество, законовъ, которыми оно управляется, того, что ему нужно и чего не нужно; вотъ почему дѣльность, съ виду сухая, прозаичная, а на самомъ дѣлѣ сильная, полная содержанія и жизни, вытѣснила понемногу въ наше время всѣ другіе способы убѣжденія. Часто случается видѣть, что иной защищаетъ и правое дѣло, и хорошую мысль, и съ талантомъ, а впечатлѣнія не производитъ; почему? Да потому, что доказываетъ свою мысль не фактами,—доводами убѣдительными для всѣхъ, а чувствами, или умозрительными соображеніями, которыхъ иной не признаетъ, другой не понимаетъ. И такъ, мы думаемъ, что разсужденіямъ и заключеніямъ земскихъ собраній дастъ неотразимую силу только ихъ фактическая дѣльность и ничего больше.

Въ-третьихъ. Дворянство, при первой же встрѣчѣ съ другими сословіями въ земскихъ собраніяхъ, естественно будетъ желать получить на нихъ вліяніе; это очень желательно и для успѣшнаго хода мѣстныхъ земскихъ дѣлъ и новыхъ учрежденій. Какъ достигнуть

этого? Авторитетомъ? Нравственный авторитетъ пріобрѣтается лишь временемъ, дѣлами, заслугами, а другого дворянство не будетъ имѣть; но еслибы оно и располагало имъ, онъ оказался бы вскорѣ для него очень вреднымъ. Иные могутъ, пожалуй, соблазниться мыслью, что недостатокъ юридическаго авторитета надо замѣнить заискиваніемъ, популярничаньемъ. Но это средство самое ненадежное, даже хуже авторитета, который даетъ привилегія. На заискиваніе и популярничанье ни горожане, ни сельчане не поддадутся; напротивъ, они станутъ еще осторожнѣй, еще недовѣрчивѣй. Нашъ народъ—большой реалистъ и тонкій наблюдатель; онъ схватываетъ и понимаетъ многое, когда мы убѣждены, что онъ ничего не смыслитъ; это замѣчаніе подтвердитъ всякій, кто обращался съ народомъ и знаетъ его, насколько можно у насъ его знать. Мы думаемъ, что только и есть одинъ вѣрный, безошибочный способъ получить вліяніе на представителей отъ городовъ и деревень, — это говорить и поступать по правдѣ и дѣльно, хотя бы даже въ рѣзкой и непріятной формѣ, если другой, лучшей не пріищется. Наши массы тотчасъ замѣчаютъ дѣльнаго человѣка; если онъ вдобавокъ любитъ правду, живетъ правдой, то авторитетъ и вліяніе его огромны. Такихъ людей дай Богъ побольше въ наши земскія учрежденія! Посылая ихъ своими представителями для управленія мѣстными земскими дѣлами, дворянство можетъ быть заранѣе увѣрено, что вліяніе его будетъ огромное, продолжительное и прочное, потому что дѣльное, правдивое, честное, всегда прочно, всего прочнѣе. У насъ о честности встрѣчается слышать очень странныя понятія. Въ одну изъ поѣздокъ по Волгѣ, намъ случилось на пароходѣ сообщить одному изъ спутниковъ рукопись статьи, которая потомъ напечатана нами отдѣльной брошюрой за границей. Возвращая ее, по прочтеніи, онъ замѣтилъ, видимо обиженнымъ тономъ: „помилуйте, да тутъ говорится только о томъ, что мы должны быть честны и ничего больше!“ Доброму человѣку и въ голову не приходило, что быть честнымъ значитъ жить по правдѣ, а правда и есть именно то, около чего вертится вся исторія и вся общественность, изъ чего родъ людской бьется и трудится отъ сотворенія міра; ему казалось, что нѣтъ ничего легче и проще на свѣтѣ, какъ быть честнымъ; въ невѣдѣніи своемъ, онъ и не подозрѣвалъ, что это самая трудная вещь въ жизни.

И такъ, вотъ главное, чего мы ожидаемъ, надѣемся видѣть въ дѣятельности земскихъ учрежденій, чего мы желаемъ для нихъ, а вмѣстѣ для Россіи и всѣхъ насъ, современниковъ великой реформы. Наша задача теперь—вдвинуться какъ можно скорѣе и какъ можно лучше въ условія новой общественности, которая наступаетъ; не мы, а потомки наши пожнутъ плоды того, что̀ мы посѣемъ. Пусть же они не укорятъ насъ, что мы не сдѣлали своего дѣла, не выполнили долга, который выпалъ на нашу долю въ преемствѣ вѣковъ и поколѣній.

Да, всѣмъ образованнымъ и мыслящимъ людямъ надо очень серьезно приготовиться къ открытію дѣйствій земскихъ учрежденій, приступить къ выборамъ очень обдуманно, вести дѣло вполнѣ сознательно, какъ самое великое и знаменательное у насъ дѣло послѣ отмѣны крѣпостного права. Въ скромныхъ, съ виду, рамкахъ Положенія 1-го января передъ нами открывается огромное поле общественной дѣятельности на пользу Россіи. Если мы ее дѣйствительно горячо любимъ, многаго для нея желаемъ, отъ нея ожидаемъ, за нее надѣемся, если мы въ самомъ дѣлѣ, а не на словахъ только, сильно рвемся къ лучшему будущему,—то мы должны помнить, что это лучшее станетъ возможно лишь съ той минуты, когда наша мѣстная, губернская и уѣздная жизнь значительно поднимется и осмыслится, бросивъ свою теперешнюю ржавую колею. Домъ надо строить съ фундамента, а его-то пока и въ проминѣ нѣтъ; только бутовой камень, да мусоръ; кирпича —и того мало! Все что мы говоримъ о нашей общественной жизни, ея нуждахъ и потребностяхъ, мы говоримъ пока зря, наобумъ, по догадкамъ и соображеніямъ, а не по твердымъ, яснымъ, положительнымъ даннымъ. При обсужденіи какого бы то ни было общественнаго вопроса, мы и до сихъ поръ— страшно вымолвить — все еще сплетники и каламбуристы; анекдоты служатъ главнымъ матеріаломъ для всѣхъ нашихъ сужденій; потому-то мы и судимъ обо всемъ вкривь и вкось. Что̀ мы знаемъ о хозяйственномъ и общественномъ состояніи Россіи, о ея средствахъ, нуждахъ и желаніяхъ мѣстныхъ народонаселеній? Ничего, или почти ничего; оттого мы и говоримъ обо всемъ этомъ съ

плеча, наугадъ, преувеличивая и изукрашая, какъ восточные люди, какъ древніе греки въ описаніяхъ гиперборейскихъ странъ. Похвальные отзывы незабвеннаго коллежскаго совѣтника и кавалера Павла Ивановича Чичикова объ обширности и богатствѣ Россіи повторяются и до сихъ поръ стереотипно, безъ смысла и толку; ими же начинаются обыкновенно и тѣ милліоны проектовъ объ улучшеніи благосостоянія любезнаго нашего отечества, отъ которыхъ ломятся архивы министерствъ, — проекты, сулящіе золотыя горы, чуть-чуть не милліарды казнѣ и, разумѣется, выговаривающіе малую толику счастливымъ открывателямъ источниковъ тѣхъ баснословныхъ богатствъ, которыми будто бы полнится русская земля. Еслибъ мы знали что-нибудь положительное, вѣрное, ясное о Россіи и ея матеріальныхъ средствахъ, развѣ были бы возможны такія безобразныя выдержки изъ разсказовъ „Тысячи и одной ночи?“ Эта крапива и этотъ репейникъ произрастаютъ въ ужасающемъ изобиліи только тамъ, гдѣ все покрыто мракомъ совершеннѣйшей неизвѣстности; дикому невѣжеству открывается тутъ широкій просторъ. Невѣроятнѣйшій сумбуръ производитъ у насъ впечатлѣніе, находитъ слушателей и даже добрыя души, которыя вѣрятъ,—вѣрятъ потому, что сами ничего не знаютъ. Всѣ эти фантасмагоріи и воздушные замки, всѣ эти миѳическіе разсказы о кладахъ, весь этотъ мракъ, вольная и невольная ложь и обманъ, мало-по-малу исчезнутъ, и все приведется къ настоящимъ, дѣйствительнымъ размѣрамъ, если земскія учрежденія серьезно и дѣльно примутся за работу; должны же они будутъ постепенно привести въ извѣстность экономическое положеніе и средства мѣстностей, которыми будутъ управлять. Тогда-то свѣтъ взойдетъ, гдѣ былъ до сихъ поръ мракъ и туманъ. Ученыя, административныя и государственныя соображенія получатъ твердое основаніе, взамѣнъ тѣхъ фантастическихъ призраковъ, сквозь которые теперь не въ силахъ пробиться до истины никакой самый свѣтлый государственный умъ, никакой самый глубокій ученый.

Впрочемъ, эту во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно важную услугу земскія учрежденія окажутъ Россіи невольно и какъ бы мимоходомъ, работая надъ своимъ настоящимъ дѣломъ; а настоящее ихъ дѣло — непосредственно и немедленно заняться приведеніемъ въ точную извѣстность не возможныхъ и вѣроятныхъ, а дѣйствительныхъ, наличныхъ источниковъ земскихъ доходовъ, и хорошенько прослѣдить, на что̀ они употребляются и такъ ли употребляются, какъ слѣдуетъ. О томъ, сколько дѣйствительно издерживаетъ страна на свои общественныя и государственныя потребности земскими повинностями, существуютъ у насъ тоже фантастическія представленія, какъ обо всемъ прочемъ; этого тоже мы путемъ не знаемъ. Что же касается до употребленія того, что̀ платится, то чтобы раскрыть это земскимъ учрежденіямъ, на первыхъ порахъ, по всѣмъ вѣроятіямъ представятся большія трудности и, безъ сомнѣнія, еще бо̀льшіе сюрпризы. Не разъ, конечно, придется имъ открыть денежныя струйки, которыя видимо текутъ изъ кармановъ плательщиковъ, образуютъ ручейки, рѣчки и даже рѣки и потомъ вдругъ, какимъ-то чудомъ, исчезаютъ неизвѣстно куда.

О такихъ чудесахъ у насъ ходитъ много разсказовъ. Судебная наша практика давно знаетъ дѣло о „домѣ, пропавшемъ неизвѣстно куда“. Когда въ Петербургѣ устроилось городское управленіе въ теперешнемъ видѣ, оказалось, что одна статья городского расхода вдругъ обратилась въ статью городского дохода; за что прежде городъ платилъ ежегодно извѣстную сумму, за то же самое онъ сталъ получать, чуть ли не въ пять или въ шесть разъ больше, чѣмъ платилъ. Этого, разумѣется, не объяснишь никакой математикой. Теперь, въ Москвѣ, при введеніи новыхъ городскихъ учрежденій, открыта,—если это не миѳъ,—никому не принадлежащая типографія. Чудеса да и только! Въ другомъ городѣ, соборъ, выведенный уже совсѣмъ и съ куполомъ, вдругъ обрушился, на этотъ разъ не неизвѣстно куда, а на землю; при этомъ оказалось, что нужно, какъ можно скорѣй, разломать его совсѣмъ, чтобы предупредить несчастія; а строился онъ, безъ сомнѣнія, долго, и съ большими ежегодными пожертвованіями. Куда же и какими именно чарами улетучилась прочность, крѣпость этого зданія? Этой задачи не разрѣшить ни по какому курсу строительнаго искусства. Остроумные люди разсказываютъ, что врядъ ли есть губернія, гдѣ бы не было своего мѣстнаго минотавра или лаэрнской гидры въ видѣ какого-нибудь канала, общественнаго или казеннаго зданія, собора и т. п., требующихъ ежегодныхъ жертвоприношеній изъ земскихъ

сборовъ; жертвоприношенія эти, разумѣется, тоже исчезаютъ неизвѣстно куда.

Разъяснить всѣ эти чудеса, изслѣдовать этихъ коровъ,—не воображаемыхъ, баснословныхъ, о которыхъ въ свое время писалъ А. Н. Афанасьевъ, а дѣйствительныхъ, тучно упитываемыхъ земствомъ, но неизвѣстно кѣмъ доимыхъ,—будетъ, конечно, одной изъ первыхъ и важнѣйшихъ заботъ земскихъ учрежденій; и въ этомъ отношеніи имъ предстоитъ тщательнымъ, подробнымъ изслѣдованіемъ внести тоже свѣтъ въ мракъ, разоблачить миѳологическія чудовища; а это дѣло очень не легкое, требующее большой осторожности, большой обдуманности и большого безпристрастія, потому что на наши разсказы и анекдоты никакъ нельзя полагаться. Даемъ ли мы себѣ трудъ подумать о чемъ-нибудь серьезно? Насъ не хватаетъ даже на то, чтобы внимательно прочесть новый законъ и распоряженіе, которое непосредственно насъ касается. Есть случай или поводъ поостроумничать, поглумиться, разсказать забавный анекдотъ, хотя бы завѣдомо небывалый,—мы довольны и счастливы, больше намъ ничего и не нужно; живи себѣ міръ какъ знаетъ, иди дѣла какъ себѣ хотятъ, — какое намъ до этого дѣло? Анекдотъ разсказанъ, ему смѣялись, его повторяютъ, онъ разносится всюду также на вѣру—и отлично.

Дай только Богъ, чтобы, принимая въ свое управленіе доходы и расходы земства, новыя учрежденія дѣйствительно ввели дѣло въ новую, лучшую колею, завели земское хозяйство на новую, болѣе экономическую, дѣйствительно хозяйственную ногу, не повторяя подъ другими названіями того, на что̀ мы всѣ такъ жаловались, противъ чего такъ вопили. При земскомъ управленіи все должно быть дѣйствительно лучше и обходиться дешевле, чѣмъ при казенномъ, чиновничьемъ. Этимъ, и только этимъ, докажется, что наши крики противъ бюрократіи не были упражненіемъ языковъ, выражали потребности, а не были блажью дѣтей, не знающихъ хорошенько, чего хотятъ, чего имъ надо.

До сихъ поръ наши опыты самоуправленія, именно въ нашихъ собственныхъ дѣлахъ, не были особенно удачны. Наши безчисленныя акціонерныя компаніи и другія общественныя предпріятія, выросшія вдругъ изъ-подъ земли какъ грибы, за самыми рѣдкими, почтенными исключеніями, повторили всѣ тѣ черты казеннаго, бюрократическаго, чиновничьяго управленія, надъ которыми мы такъ горько смѣялись и остроумничали. Было надъ чѣмъ остроумничать и смѣяться бюрократамъ и чиновникамъ въ свою очередь! Управленіе земскими дѣлами посредствомъ земскихъ учрежденій покажетъ, подвинулись ли мы въ этомъ отношеніи впередъ и насколько; это будетъ пробнымъ камнемъ для нашей общественной жизни, для нашего развитія, для опредѣленія степени нашей серьезности, дѣльности, способности къ общественному дѣлу и самоуправленію. Пока мы лишь говорили, а когда дѣйствовали, то почти всегда неудачно. Что̀ мудренаго, что намъ не вѣрили и не вѣрятъ, когда мы распинаемся за самоуправленіе и свободу, когда мы клянемся, что единственное лекарство противъ всѣхъ нашихъ общественныхъ неурядицъ есть свобода и самоуправленіе. Теперь правда увидится вскорѣ на дѣлѣ. Дальнѣйшее законодательное развитіе земскихъ учрежденій опредѣлится тѣмъ, что покажетъ ихъ дѣятельность, и ничѣмъ больше; стало быть, наша ближайшая судьба будетъ отнынѣ, въ значительной степени, зависѣть отъ того, что̀ мы и на что̀ мы теперь способны.

Будемъ надѣяться, что всѣ, или хоть огромнѣйшее большинство представителей и дѣятелей земскихъ учрежденій, вполнѣ оцѣнятъ, какіе важные интересы въ настоящемъ и будущемъ переходятъ теперь въ ихъ руки. По нимъ будутъ судить о насъ; по ихъ дѣятельности мы будемъ заключать о томъ, что̀ мы такое сами. Въ ихъ управленіи будутъ находиться не одни наши матеріальныя средства, наше хозяйство; нѣтъ, они дадутъ мѣрку нашего гражданскаго и общественнаго совершеннолѣтія, степени нашей образованности, нашей способности къ дѣлу въ настоящее время. Въ этомъ отношеніи, земскія учрежденія своею дѣятельностью и способомъ дѣйствій призваны тоже разсѣять мракъ и призраки; они безошибочно покажутъ, таковы ли мы, какъ о себѣ думаемъ, или хуже, или лучше?

Если наше мѣстное самоуправленіе пойдетъ хорошо, и не сначала только—сначала у насъ все идетъ отлично, — а въ теченіе нѣсколькихъ трехлѣтій, такъ что успѣетъ прочно и твердо установиться, то наше перерожденіе будетъ уже не фразой, а дѣломъ. Послѣдствія не замедлятъ обнаружиться самымъ плодотворнымъ образомъ на пользу всѣхъ и каждаго. Теперь способы удовлетво-

ренія будничныхъ, насущныхъ и притомъ самыхъ неприхотливыхъ потребностей образованной жизни въ нашихъ губерніяхъ едва въ зародышѣ; чтобы ихъ добыть, нужны большія средства, вслѣдствіе чего они и доступны только для меньшинства, и нашъ провинціальный бытъ представляетъ или утонченную роскошь, или скудость и нищету. Съ мѣстнымъ самоуправленіемъ это должно измѣниться; мѣстные интересы привлекутъ и сгруппируютъ людей, создадутъ образованную жизнь въ уѣздныхъ и губернскихъ центрахъ, а потребности родятъ и способы ихъ удовлетворенія; самая дѣятельность земскихъ учрежденій будетъ этому существенно способствовать, потому что поднятіе мѣстной жизни прямо входитъ въ программу ихъ занятій; но что гораздо важнѣе — вызовутся общіе мѣстные интересы, при которыхъ голова и сердце станутъ работать больше, чѣмъ теперь.

Эти вѣроятныя, во всякомъ случаѣ возможныя послѣдствія преобразованія, сами по себѣ, были уже очень важны; надобно же, чтобы когда-нибудь жизнь въ провинціи сдѣлалась возможной не по одной необходимости и обстоятельствамъ. Пока этого не будетъ, пока Петербургъ и Москва будутъ стягивать къ себѣ лучшія силы, до тѣхъ поръ о настоящемъ общественномъ развитіи не можетъ быть у насъ и рѣчи. Сильнѣйшимъ рычагомъ для преобразованія провинціальнаго быта будутъ служить, безъ сомнѣнія, земскія учрежденія. Но это послѣдствіе ихъ появленія и дѣятельности будетъ, относительно, наименѣе важное. Они призваны сблизить, сплотить, слить въ одно разные наши общественные классы и разряды, теперь разрозненные, чуждые другъ другу, искоса посматривающіе другъ на друга, въ провинціи еще болѣе, чѣмъ въ столицахъ. Общее дѣло, мало-по-малу, свяжетъ ихъ въ одно мѣстное земство; каждое сословіе позаимствуется отъ другихъ, что въ нихъ есть лучшаго и самому недостаетъ; это сильнѣе, чѣмъ что-нибудь другое, подыметъ и очиститъ наши нравы, смоетъ съ нихъ грязь, которой на нихъ еще такъ много! Съ другой стороны, мѣстныя власти, переставъ изображать собою всю мѣстную администрацію, обратившись въ одно изъ колесъ и пружинъ губернскаго и уѣзднаго правительственнаго механизма, не будутъ больше безусловными господами и повелителями, „хозяевами" губерніи, какъ ихъ называлъ по сю пору Сводъ законовъ; кругъ ихъ дѣятельности значительно сократится, къ очевидной пользѣ дѣла, потому что это дастъ имъ возможность серьезнѣе, внимательнѣе заняться тѣми частями мѣстнаго управленія, которыя за ними останутся; это ихъ новое положеніе не мало также будетъ способствовать и къ улучшенію нашихъ административныхъ нравовъ. Наконецъ, мѣстное самоуправленіе образуетъ и выдвинетъ впередъ многознающихъ, практическихъ, опытныхъ людей по всѣмъ частямъ, а у насъ ихъ теперь очень мало; этими людьми правительство можетъ со временемъ воспользоваться для службы, для всякаго рода административныхъ работъ и порученій; но и безъ того, какъ простыя частныя лица, они поднимутъ уровень гражданскаго образованія во всѣхъ слояхъ общества, внесутъ въ него другіе интересы, болѣе здравыя понятія, болѣе вѣрныя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи дѣлъ, которое будутъ знать практически, изъ опыта, а не по слухамъ.

Такимъ образомъ, съ какой стороны ни взять мѣстныя земскія учрежденія, они должны стать у насъ разсадниками и двигателями истинной образованности, дѣловой, практической, положительной, коренящейся въ народной почвѣ. Наша теперешняя наружная, нахватанная, мишурная, тепличная и головная полуобразованность, которою мы все еще любимъ красоваться, которая служитъ не на дѣло, а только насъ тѣшитъ, щекочетъ наше тщеславіе, — видимо увядаетъ; при новыхъ условіяхъ быта она должна будетъ вскорѣ совсѣмъ исчезнуть, уступивъ мѣсто настоящему образованію, серьезному и дѣльному.

Да, большое благо принесъ намъ новый годъ. Теперь намъ самимъ остается позаботиться, чтобъ оно принесло намъ и великую пользу.

Боннъ, 11-го февр. (30-го янв.) 1864 г.

(С.-Петербургскія Вѣдомости, 1864, №№ 49, 51 и 53).

ИЗЪ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

Jurez que vous direz la vérité et rien que la vérité.
—Je jure.

I.

...Я опять въ деревнѣ и на этотъ разъ на цѣлое лѣто. Цѣль моя — подышать свѣжимъ воздухомъ, полечиться и заняться хозяйствомъ, которое, какъ ни верти, даетъ, даже при хорошемъ урожаѣ, не доходы, а убытки. Надо же какъ-нибудь разгадать мудреную загадку, отчего это мы, бывшіе помѣщики, идемъ постепенно, но неудержимо, къ совершенному разоренію, и рѣшить вопросъ: надо ли продолжать хозяйничать или лучше закрыть лавочку, ликвидировать свои дѣла и помѣстить капиталъ куда-нибудь въ банкъ, на проценты.

Вотъ сколько дѣла. Знакомыхъ между сосѣдями, слава Богу, почти нѣтъ. Можно оставаться почти безвыѣздно въ своемъ уголку и отдаться вполнѣ, безъ помѣхи, леченью и занятіямъ. Такъ я и сдѣлалъ. Деревенскія и уѣздныя, а тѣмъ болѣе губернскія сплетни мало меня занимали, да и почти не доходили до меня. Взаимныя обвиненія, скандалы и жалобы на обстановку, на то и се, мнѣ опротивѣли до тошноты. Около меня жужжатъ, будто мировой посредникъ NN обратилъ свой участокъ въ помѣстье, будто онъ даромъ гоняетъ сотни крестьянскихъ подводъ своего участка, черезъ волостныхъ старшинъ, на вывозку изъ рощи строевого лѣса въ свое имѣніе и на мостъ, который взялся строить на деньги земства; будто бы тотъ же мировой посредникъ, подъ предлогомъ авансовъ крестьянамъ своего участка денегъ на уплату податей и повинностей, покупаетъ у нихъ черезъ волостныхъ же старшинъ пеньку и на этой аферѣ лупитъ съ нихъ по 85% на рубль; будто онъ же, въ качествѣ члена земской управы, взялъ на себя постройку становой квартиры и сдѣлалъ земской управѣ фальшивое донесеніе, показывая то, чего вовсе не сдѣлано, и требуя еще дополнительнаго кредита отъ земства; будто онъ же... но я затыкаю себѣ уши, чтобы не слушать этихъ сплетень. Богъ съ нимъ, съ мировымъ посредникомъ и всѣми ему подобными! Если эти слухи и справедливы — развѣ девять-десятыхъ изъ насъ, можетъ быть, не поступили бы точно такъ же на его мѣстѣ? Да и какое мнѣ до всего этого дѣло?

II.

Положеніе мое и сосѣдей-помѣщиковъ по истинѣ печальное. Въ нашемъ околоткѣ урожай порядочный: рожь дала въ среднемъ выводѣ копенъ 11, съ выходомъ въ $4^1/_4$ и до $5^1/_2$ мѣръ съ копны сыромолотомъ; овесъ тоже далъ копенъ десять съ десятины, и копна даетъ сыромолотомъ четверть. Ячмени —преизрядные. По нашему, это хорошо и даже очень хорошо, а въ итогѣ, какъ посчитаешь — расходъ равенъ приходу. Что тутъ дѣлать? Невольно призадумаешься. И это, не забудьте, въ порядочный годъ, какихъ бываетъ мало: все больше средніе и плохіе, когда расходъ перевѣшиваетъ доходъ на болѣе или менѣе круглую сумму.

У меня хозяйничаетъ крестьянинъ усердный, толковый и, кажется, честный. Считали мы съ нимъ, считали, раздѣливъ доходъ и расходъ по статьямъ, на чемъ можно прибавить доходу и на чемъ можно уменьшить расходу. Цифры выходили такія микроскопическія, что тщета подобнаго перебора ихъ стала для насъ совершенно ясной. Для меня сдѣлалось очевиднымъ, что во всей постановкѣ деревенскаго хозяйства должна быть какая-нибудь коренная фальшь, которую надо устранить, чтобы дѣло пошло, какъ слѣдуетъ. Мой покойный отецъ съ этого самого небольшого имѣнія жилъ очень прилично съ цѣлымъ семействомъ, насъ воспиталъ и на ноги поставилъ. Да и какъ представить себѣ, что въ русской землѣ деревенское хозяйство ничего не приноситъ, когда мы только и торгуемъ, что хлѣбомъ? Должна же быть какая-нибудь причина, почему дѣла наши идутъ такъ плохо. Какая же это причина? Чтобы открыть ее, я сталъ пристально приглядываться ко всему, что̀ меня окружаетъ, и къ

нашему образу дѣйствій въ этой средѣ. Результаты своихъ наблюденій я намѣренъ передать, какъ съумѣю. Другіе ихъ поправятъ и дополнятъ, и тяжелый, настоятельный вопросъ выяснится; а тамъ найдутся и средства, какъ его разрѣшить.

Прежде чѣмъ я стану разсказывать то, что̀ видѣлъ и до чего додумался, я считаю необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя оговорки, чтобы между мной и читателемъ не произошло и не могло произойти никакихъ недоразумѣній.

О деревнѣ у насъ много говорятъ и пишутъ, а знаютъ и понимаютъ деревню очень, очень немногіе. Въ послѣднее время особенно у насъ развелось множество людей, толкующихъ о сельскомъ населеніи, о сельскомъ хозяйствѣ, о ихъ нуждахъ и потребностяхъ. Но я замѣтилъ, что при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ понимаютъ дѣло очень немногіе. Говорится и пишется и умное, и хорошее, но большая часть совѣтовъ непригодны къ дѣлу въ данное время, при данныхъ условіяхъ. Всего хуже, что многое говорится въ виду борьбы партій, съ консервативными или прогрессивными, реакціонными или либеральными задними мыслями. Тутъ уже теряется всякая тѣнь пониманія дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ деревнѣ, и тѣ, которые хотѣли бы что-нибудь узнать, да и сами говорящіе и пишущіе, совершенно сбиваются съ толку. Нашъ деревенскій бытъ, наша сельская школа—арена для борьбы взглядовъ и партій? Да это просто безсмыслица! Наша деревня и до сихъ поръ эмбріонъ, почти безразличная стихійная почва. Относиться къ ней съ предвзятыми общественными или политическими взглядами такъ же нелѣпо, какъ учить грудного ребенка политической экономіи. Въ примѣненіи къ нашему селу и сельской жизни нѣтъ пока мѣста ни для какихъ политическихъ соображеній.

Потомъ: всякій знаетъ, что ни универсальныхъ причинъ зла или добра, ни универсальныхъ лекарствъ нѣтъ и быть не можетъ. Это вообще справедливо, а въ примѣненіи къ сельскому быту и подавно. Нигдѣ, ни въ чемъ нѣтъ такой тѣсной, прямой, близкой зависимости всѣхъ условій и ихъ дѣйствій, какъ въ деревенскомъ быту, гдѣ они связаны другъ съ другомъ непосредственно. Оттого смѣшно и жалко видѣть, когда способъ обсужденія разныхъ вопросовъ болѣе сложной общественной и государственной жизни цѣликомъ переносится въ обсужденіе мѣръ къ усовершенствованію и поднятію сельскаго быта. Тамъ все расчленилось, обособилось, и потому можно сказать: выдайте такой-то законъ, примите такую-то мѣру; введите то-то, отмѣните то-то, и дѣло пойдетъ хорошо. Село, деревню, условія сельскаго быта и хозяйства никакой такой мѣрой, распоряженіемъ и даже многими хорошими мѣрами и законами поднять и преобразовать нельзя. Универсальныхъ, быстро дѣйствующихъ лекарствъ и ядовъ для деревни нѣтъ; рецепты тутъ никуда не годятся и не они нужны. Тутъ необходимо дружное, къ одной цѣли направленное, выдержанное дѣйствіе множества лицъ, условій и мѣръ. Результатъ не вдругъ скажется, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, зато не вдругъ его и уничтожишь противоположными усиліями и мѣрами. Нѣтъ ничего въ мірѣ упорнѣе, неподвижнѣе русской сельской жизни, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ. Это страшная пассивная сила, которую нѣтъ средствъ направить такъ или иначе быстрыми мѣрами; скорѣй самъ изнеможешь, чѣмъ ее сдвинешь съ мѣста на куриный шагъ. Предупреждаю читателя, что въ вопросахъ о сельскомъ бытѣ и его условіяхъ я въ политическомъ смыслѣ совершенный индифферентъ. Силу и дѣйствительность административныхъ рецептовъ и тонкихъ комбинацій разныхъ политическихъ взглядовъ, въ примѣненіи къ сельскому быту и его условіямъ, я рѣшительно отрицаю. Совсѣмъ не въ этихъ рецептахъ и комбинаціяхъ дѣло. Наконецъ, то, что̀ я имѣю сказать, относится не къ сельско-хозяйственной или какой-нибудь другой спеціальности, а понемножку ко всѣмъ возможнымъ сторонамъ существованія русскаго люда въ деревнѣ, насколько мнѣ удалось ихъ подмѣтить и понять ихъ дѣйствіе и значеніе.

III.

Маленькое имѣніе, гдѣ я теперь живу, находится въ одной изъ внутреннихъ губерній, въ нечерноземной полосѣ. Пріѣхавъ сюда впервые нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я нашелъ его въ совершенномъ запустѣніи. Скотнаго двора не существовало. Вмѣсто него торчали какія-то гнилушки, негодныя и на дрова. На скотную избу стыдно было и смотрѣть: она больше походила на дрянной свиной хлѣвъ, чѣмъ на жилище людей, лѣтомъ

и зимой. Людская грозила разрушенiемъ и была такъ холодна, что осенью и зимой люди уходили грѣться въ ригу. Въ такомъ же положенiи находились конюшня и всѣ другiя надворныя строенiя, даже срубы въ колодцахъ. Надо было начать съ постройки всѣхъ службъ зàново.

Кто строился когда-нибудь въ своемъ имѣнiи, тотъ знаетъ чего это стòитъ. Теперешнiя деревянныя постройки, по общему замѣчанiю знающихъ, не выслуживаютъ и половины того срока, какой служили прежде; а лѣсъ дорожаетъ изъ года въ годъ. Надо строить кирпичныя службы. Онѣ гораздо дороже, но зато и выдерживаютъ долго.

Сколько досады, горя, хлопотъ, проторей, потери времени и убытковъ наживаетъ себѣ всякiй, кто строится въ деревнѣ—объ этомъ я скажу послѣ. Теперь остановлюсь вотъ на чемъ: такъ или иначе, но чуть ли не каждый, кто хочетъ заняться своимъ хозяйствомъ въ деревнѣ, долженъ имѣть въ своемъ распоряженiи болѣе или менѣе (скорѣй болѣе, чѣмъ менѣе) значительный капиталъ. Изъ ста помѣщиковъ навѣрное двѣ трети находились въ моемъ положенiи, приступая къ дѣлу. Но денежными средствами всѣ мы небогаты. Какъ же быть? Откуда достать денегъ? Для насъ, помѣщиковъ, существуетъ только два источника—оба довольно печальные: пустить крестьянъ на выкупъ, лишившись оброка, и размѣнять, съ большею или меньшею потерей, выкупныя свидѣтельства и взять ссуду изъ поземельныхъ кредитныхъ обществъ, подъ залогъ имѣнiя. Я долженъ былъ прибѣгнуть къ тому и другому способу. Устроилъ выкупъ, при промѣнѣ выкупныхъ свидѣтельствъ потерялъ 7 копѣекъ на рубль, да взялъ ссуду изъ общества взаимнаго поземельнаго кредита. Обмѣнъ выкупныхъ свидѣтельствъ на кредитные билеты совершился съ быстротою молнiи въ банкирской конторѣ. Но, Боже праведный, чего только я не натерпѣлся, чтобы получить ссуду изъ общества взаимнаго поземельнаго кредита! Блаженной памяти гражданскiя палаты, обязанныя безъ всякой просьбы снимать запрещенiя съ имѣнiй по представленнымъ къ уничтоженiю свидѣтельствамъ и получившiя заранѣе слѣдующiя по закону деньги за публикацiю о снятiи запрещенiя, разумѣется, и не подумали этого сдѣлать въ свое время. Оказались запрещенiя прежнихъ лѣтъ по долгамъ, давно уплаченнымъ, по свидѣтельствамъ, давно возвращеннымъ въ палаты. Надо подымать архивныя дѣла, писать прошенiя въ опекунскiе совѣты, въ окружные суды, старшимъ нотарiусамъ. На бѣду окружные суды понимаютъ дѣло каждый по своему. Пишешь, напримѣръ, старшему нотарiусу—отказываетъ: проси, говоритъ, окружной судъ. Просишь окружной судъ — тотъ тоже отказываетъ: проси, говоритъ, старшаго нотарiуса. За справку въ нотарiальномъ архивѣ одинъ судъ взыскиваетъ полтину, другой шесть гривенъ, третiй семьдесятъ пять копѣекъ. Публика объ этомъ ничего не знаетъ; а окружнымъ судамъ и старшимъ нотарiусамъ до удобствъ публики какое дѣло? И вотъ пиши, переписывайся, проси за тысячу верстъ мѣсяцы и годы, покато, наконецъ, разными правдами и неправдами, добьешься снятiя запрещенiя, которое десятки лѣтъ тому назадъ потеряло всякую силу. Такiя же мученiя и мытарства ожидаютъ злосчастнаго заемщика и въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита. Мѣсяцы проходятъ, пока оно выдастъ ссуду, пропустивъ васъ напередъ черезъ тысячу формальностей, нотарiальныхъ удостовѣренiй и проч. Вамъ скажутъ, что вы платите обществу всего семь процентовъ. Это справедливо. Только вы должны знать, что въ этотъ счетъ не идутъ разные накладные сборы, разсчитанные на широкую ногу, какъ-то: издержки на переписку, на оцѣнку имѣнiя. Прибавьте къ этому разницу курса между золотомъ и кредитными билетами; наконецъ, общество удерживаетъ у васъ $^1/_{10}$ долю ссуды въ качествѣ членскаго взноса и на эту сумму выдаетъ вамъ дивидендъ черезъ два года, а вы, не получивъ этихъ денегъ, платите на нихъ тѣ же семь процентовъ, какъ и на сумму, которую вамъ выдали нà руки, и платите до выкупа или до погашенiя ссуды. Если взять въ разсчетъ всѣ эти вычеты и платежи, особенно для васъ чувствительные въ то время, когда вы дѣлаете заемъ, и когда вамъ дорогà каждая лишняя копѣйка, то условiя займа въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита нельзя назвать выгодными. Но слава Богу и то, что хоть какой-нибудь долгосрочный кредитъ да есть! Кромѣ того, надо сказать обществу взаимнаго поземельнаго кредита искреннее спасибо за то, что оно цѣнитъ имѣнiя очень низко и выдаетъ ссуды скупо,—всего только двѣ пятыхъ оцѣночной суммы. Этимъ оно удерживаетъ помѣщиковъ волей-не-волей отъ совершеннаго разоренiя. Всѣ

мы живемъ, даже до сихъ поръ, смѣшными иллюзіями и воздушными замками. Впереди намъ рисуются большіе доходы отъ имѣній, на основаніи самыхъ фантастическихъ разсчетовъ. Принимая фантасмагоріи за дѣйствительность, и увѣренные, что вотъ-вотъ она наступитъ черезъ какихъ-нибудь годъ или два, мы занимаемъ широко и не стѣсняемся размѣромъ процентовъ. Общество взаимнаго поземельнаго кредита не даетъ разыгрываться фантазіи. Оно, должно быть, отлично понимаетъ, что семь процентовъ не выдержитъ теперь никакое имѣніе. Не знаю, что̀ дѣлаютъ новые поземельные банки. Если справедливо, какъ говорятъ, что они цѣнятъ высоко и даютъ много, то большинство ихъ заемщиковъ непремѣнно пойдетъ ко дну.

Какъ бы то ни было, но вотъ, наконецъ-то, деньги въ вашихъ рукахъ, и вы спѣшите усадить ихъ въ имѣніе, въ надеждѣ будущихъ благъ. Вы думаете: теперь-то дѣла пойдутъ на ладъ! Погодите радоваться. То были цвѣточки, ягодки впереди.

Вы должны приняться за дѣло. Какъ же вы поступите? Всѣ мы мало приготовлены къ управленію имѣніями, и рѣдкій изъ насъ что-нибудь понимаетъ въ строительномъ искусствѣ. Къ тому же всѣ мы чиновники, или такъ себѣ люди, проживающіе въ столицахъ или за границей. Въ имѣніяхъ, гдѣ нѣтъ никакихъ рессурсовъ для образованнаго человѣка, намъ скучно. Приходится поручить имѣніе и постройки кому-нибудь. Но кому?—вотъ вопросъ, почти такой же неразрѣшимый, какъ квадратура круга. Юношѣ, получившему спеціальное образованіе и только что сошедшему съ учебной скамейки, ввѣриться опасно: онъ по своимъ лѣтамъ и неопытности фантазеръ и разоритъ васъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Затѣмъ у васъ остается выборъ между слѣдующими группами людей: рутинистами-приказчиками, бо̀льшею частью бывшими вольноотпущенными и дворовыми людьми, потомъ—разнаго рода артистами сельскаго хозяйства — отставными чиновниками, офицерами, гувернерами и людьми вольныхъ профессій—парикмахерами, цирульниками, отставными унтеръ-офицерами, солдатами, эксъ-музыкантами, кондитерами, и т. п., практически изучавшими агрономію въ качествѣ приказчиковъ, и наконецъ, мужиками. Въ послѣднее время, съ успѣхами просвѣщенія въ любезномъ отечествѣ, къ этимъ разрядамъ прибавилась еще особая группа людей, бывшихъ когда-то воспитанниками сельско-хозяйственныхъ училищъ съ разными громкими аттестатами, но уже искусившихся въ дѣлѣ управленія имѣніями. Судя по экземплярамъ, съ которыми я имѣлъ дѣло, этотъ разрядъ чуть ли не худшій изъ всѣхъ. Другихъ видишь по крайней мѣрѣ сразу, что̀ это за люди,—эти же обольщаютъ васъ технической сельско-хозяйственной фразеологіей, вычитанной изъ заглавій книгъ, а на дѣлѣ они такіе же невѣжды, какъ и прочіе, но самоувѣренные, нахальные, высокомѣрные съ народомъ, убѣжденные, что звѣзды хватаютъ съ неба. Побившись съ такимъ господиномъ и потерпѣвъ большіе убытки, я прямо взялся за мужика, который служилъ у меня старшимъ рабочимъ, и съ тѣхъ поръ дѣло пошло лучше. Сколько-нибудь умный и толковый мужикъ все-таки изъ худшаго лучшее: претензіи его не велики; бытъ народа онъ знаетъ отлично; рутина мѣстнаго хозяйства ему знакома на пяти пальцахъ; цѣну денегъ онъ хорошо знаетъ и не швыряетъ ихъ налѣво и направо, какъ управляющій съ городской закваской и городскими замашками.

IV.

И вотъ у васъ деньги и даже приказчикъ довольно благонадежный. Кажется, чего же лучше? Нѣтъ, не предавайтесь мечтамъ, не ожидайте дохода—обманетесь. Всѣ разсчеты, даже самые скромные и потому, повидимому, вѣрные, разсыпаются въ прахъ посреди печальнѣйшей дѣйствительности, которою обставленъ сельскій хозяинъ въ нашей мѣстности.

Чтобы строиться, нуженъ, конечно, строительный матеріалъ — кирпичъ, лѣсъ, нужны подрядчики каменной и плотничной работы. Вы разсчитываете, что будетъ выгоднѣе купить лѣсъ на корню, завести у себя выдѣлку кирпича. Но попробуйте привести въ исполненіе каждый изъ этихъ плановъ и разсчетовъ, и вы измучитесь, придете по каждому къ горькому разочарованію, чуть-чуть не въ отчаяніе: каждый вашъ шагъ, вмѣсто выгоды, принесетъ вамъ убытки, не говоря о хлопотахъ и досадахъ на каждомъ шагу. Съ кирпичниками, пильщиками нельзя у насъ имѣть дѣла. Они заберутъ у васъ деньги впередъ (безъ этого вы ни одного не наймете) и въ одинъ прекрасный день уйдутъ съ деньгами, не кончивъ работы. Подите розыскивайте ихъ по бѣлу свѣту, тягайтесь съ ними у па-

шихъ мировыхъ судей за тридевять земель. Перемѣнивши двухъ-трехъ кирпичниковъ, вы убѣждаетесь, что этотъ народъ невозможный; они то же самое говорятъ о своихъ рабочихъ,

Рабочіе и рядчики—это больное мѣсто нашей сельской и городской жизни. Я лично не имѣлъ ни малѣйшей причины жаловаться на рядчиковъ по каменной и плотничной работамъ. Случай или милость судьбы, но мнѣ попались добросовѣстные, знающіе мужики, которые исполнили свое дѣло превосходно. Но съ рабочими по раздѣлкѣ лѣсного матеріала, съ рядчиками по выдѣлкѣ кирпичу я просто выбился изъ силъ. Безсовѣстность, неспособность, незнаніе дѣла или безобразнѣйшее пьянство,—на то, другое, третье или четвертое вы натолкнетесь непремѣнно, неизбѣжно. Ни высота платы, ни честный разсчетъ,—ничто не поможетъ. Хорошихъ рядчиковъ, и мастеровыхъ сколько-нибудь совѣстливыхъ, сколько-нибудь трезвыхъ, у насъ нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ; они толпами уходятъ въ столицы, въ большіе города, на югъ, къ нѣмецкимъ колонистамъ. Дома имъ нечего дѣлать,—нѣтъ работы. Бѣдность и застой нашей провинціальной жизни обрушается бѣдою на тѣхъ немногихъ, которые пытаются строиться приличнымъ образомъ въ уѣздной глуши.

Наконецъ, и это препятствіе вы, послѣ неимовѣрныхъ хлопотъ, усилій, потери денегъ и времени, кое-какъ преодолѣли. Съ грѣхомъ пополамъ вы обстроились и начали хозяйничать. Но и тутъ, какъ и съ постройками, вамъ тоже нужно во всемъ начинать съизнова. Пашня изведена до невозможности. Привилегированныя десятины, которыя на глазахъ у владѣльца, еще кое-какъ удобрялись; а тѣ, которыя за глазами, не видали навоза, Богъ знаетъ, съ какого времени, такъ что и старики не запомнятъ. Эти заброшенныя десятины однако пашутся и приносятъ 4 и 5, много 6 копенъ, примѣрно, около 2 и $2^1/_2$ зеренъ. Посчитаешь—ихъ и обработывать не стоитъ; онѣ себѣ въ убытокъ. Почему же мы ихъ пашемъ? А такъ, по старой памяти, потому что мы не считаемъ, потому что отцы и дѣды пахали. Но отцы и дѣды имѣли крѣпостныхъ, которымъ ничего за это не платилось, и всякое даяніе почвы, даже 2 зерна, было благо, ибо ничего не стоило. Теперь же мы оплачиваемъ каждый шагъ рабочаго и оплачиваемъ по нашимъ доходамъ дорого. Что-жъ мудренаго, что наши издержки превышаютъ наши доходы?

Въ такомъ же разореніи, какъ пашня, находится и скотъ. Начиная съ корма и оканчивая уходомъ и молочнымъ хозяйствомъ—все въ нашемъ краю, за самыми рѣдкими исключеніями, допотопное и неосмысленное. Сколько держать скота и для чего держать —для удобренія, для убоя, или для молочнаго хозяйства — объ этомъ мы не задаемъ себѣ вопроса. Случай рѣшаетъ судьбу этой, у насъ въ особенности, по совершенному истощенію почвы, существенной отрасли деревенскаго хозяйства. Разсказываютъ, что во время оно къ извѣстному агроному Францу Майеру пріѣхалъ какой-то помѣщикъ посовѣтоваться о своемъ хозяйствѣ. „Сколько у васъ пашни?“ спросилъ его Ф. Майеръ.—Сто десятинъ въ клину. — „А сколько скота?“— Десять коровъ, семь рабочихъ лошадей и двѣнадцать выѣздныхъ съ верховыми.—„Пока у васъ не будетъ по четыре коровы на каждую изъ ста паровыхъ десятинъ“, сказалъ Ф. Майеръ, „мнѣ съ вами и разговаривать нечего“. Францъ Майеръ давно умеръ, а дѣло почти не подвинулось впередъ. Я нашелъ въ своемъ имѣніи 34 коровы, изъ которыхъ 16 были 12-ти и болѣе лѣтъ. Нѣкоторыя коровы вѣсили по 4 пуда. Молочные продукты ограничивались 4 или 5 пудами въ годъ мерзѣйшаго масла, которое продавалось по очень низкой цѣнѣ, потому что никуда не годилось. Ни молока, ни сливокъ, ни масла, ни творога нельзя было въ ротъ взять — такъ они отвратительно пахли. Телята гибли по десятку отъ небрежнаго ухода. О помѣщеніи скота я уже сказалъ выше. Какимъ чудомъ онъ не вымерзъ, при всей привычкѣ нашего русскаго скота проводить круглый годъ подъ открытымъ небомъ,—это я постичь не могу. Что онъ былъ худъ и тощъ, кости да кожа —объ этомъ едва ли нужно прибавлять. Средства прокормленія не были ни въ какомъ осмысленномъ соотвѣтствіи съ количествомъ скота. Сколько собиралось корма, столько его и было. Недостающее дополнялось соломой, на счетъ подстилки и удобренія. Почему этихъ несчастныхъ, голодныхъ и холодныхъ тварей держалось 34, а не больше или меньше,—объ этомъ не было и вопроса.

Въ нашемъ краю серьезнымъ подспорьемъ, серьезнымъ источникомъ дохода могутъ служить сады. Ихъ здѣсь довольно много. Я нашелъ у себя въ имѣніи два сада, занимаю-

щихъ пространство въ семь десятинъ. При нѣкоторой заботливости, такой садъ черезъ шесть, семь лѣтъ можетъ приносить до тысячи рублей доходу. Но и садъ, какъ и все хозяйство, находился въ совершеннѣйшемъ запущеніи. Въ дѣйствіи было едва пятьсотъ деревъ, бо̀льшею частью плохихъ сортовъ. Остальное было или сушь, или лѣсовки, или пустыя мѣста. А въ саду могло быть легко разведено до полуторы тысячи фруктовыхъ деревъ. Ухода и за дѣйствующими деревьями не было никакого. Школы или питомника не было и помину.

При сколько-нибудь благопріятныхъ условіяхъ все это разоренное хозяйство могло бы въ теченіе пяти, шести лѣтъ довольно оправиться, даже безъ значительныхъ денежныхъ затратъ, разумѣется, не считая постройки. Вѣдь рѣчь у насъ, большинства небольшихъ и небогатыхъ помѣщиковъ, можетъ идти, конечно, не объ идеальномъ хозяйствѣ на манеръ заграничныхъ, а о приведеніи въ нѣкоторый порядокъ и устройство того, что̀ уже есть у каждаго изъ насъ, даже у любого заботливаго крестьянина. При уходѣ, фруктовый садъ въ шесть лѣтъ можетъ быть совершенно обновленъ, изъ стараго стать молодымъ; стадо въ шесть лѣтъ успѣетъ обновиться два раза однимъ естественнымъ приплодомъ. Значитъ, разъ хозяйственныя постройки окончены, думаешь себѣ: ну главное теперь сдѣлано; нужны только заботливость, трудъ, терпѣніе и время, чтобы поставить упавшее хозяйство на̀ ноги. Но и этотъ разсчетъ при повѣркѣ оказывается ошибочнымъ. Наше деревенское хозяйство—Данаидина бочка, безъ дна, въ которую деньги текутъ рѣкой и пропадаютъ безъ слѣда. Цѣлыми годами оно не подвигается съ мѣста, или подвигается такъ медленно, что пять, шесть лѣтъ растягиваются на десятки годовъ. Отчего же это?—спроситъ читатель. Главная и чуть ли не единственная причина заключается въ условіяхъ труда и рабочей силы. Это камень преткновенія для самыхъ скромныхъ нашихъ начинаній по сельскому хозяйству.

V.

Изъ всѣхъ неблагопріятныхъ условій деревенскаго хозяйства, которыхъ не мало, самое печальное и, къ сожалѣнію, самое безнадежное къ скорому поправленію — это рабочая сила, которою мы располагаемъ. Рабочіе у насъ, какъ вѣроятно и вездѣ въ Россіи, очень дороги и изъ рукъ вонъ плохи, какъ въ нравственномъ, такъ и въ техническомъ отношеніи.

Рабочихъ по той или другой спеціальности деревенскаго хозяйства, какъ-то: садовниковъ, огородниковъ, кузнецовъ, слесарей, столяровъ, скотниковъ, скотницъ, птичницъ, ключницъ почти достать нельзя; тѣ, которые есть —дрянь, не умѣютъ ничего порядочно сдѣлать; а талантливые и дѣйствительные мастера своего дѣла—горькіе пьяницы, которыхъ невозможно держать. Вотъ на чемъ обрушаются всѣ наши сельско-хозяйственныя начинанія.

О лѣни, недобросовѣстности, пьянствѣ и негодности нашихъ деревенскихъ рабочихъ было говорено такъ много и такъ вѣрно, что трудно прибавить къ этому что-нибудь новое, кромѣ пикантныхъ подробностей, наглядно показывающихъ, сколько мы отъ нихъ терпимъ. Сельскія работы и работы по хозяйству выполняются крайне небрежно, кое-какъ; зазѣваешься—работникъ ничего не дѣлаетъ; плохо положили—стащитъ; послали куда-нибудь—напьется, лошадь испортитъ, загоняетъ, или у него ее украдутъ. Все это извѣстно и переизвѣстно. Самое безотрадное то, что онъ точно такой же и на своей работѣ, также обходится съ своимъ добромъ. Мы, по старой памяти, все еще воображаемъ себѣ, будто негоднымъ своимъ лицомъ работникъ обращенъ только къ барину, что онъ совсѣмъ другой у себя дома и въ сношеніяхъ съ другими крестьянами. Но это совершенное заблужденіе! Рабочій, какимъ мы его знаемъ, вездѣ и всюду таковъ. Въ самую горячую рабочую пору онъ пропивается и гноитъ свое сѣно. Въ то время, когда не достанешь рабочихъ рукъ ни за какія деньги, попросите работниковъ на вино, крестьяне бросятъ свое нужное дѣло и будутъ у васъ работать, лишь бы вы ихъ напоили до̀-пьяна. Вдумайтесь во все безобразіе этой дикой непосредственности, и вамъ невольно сдѣлается и больно, и гадко. За 60 к. въ день онъ не идетъ къ вамъ косить, а идетъ, имѣя перспективой напиться. Еслибы онъ получилъ эти 60 коп., онъ могъ бы вдоволь напиться на 30 коп., а 30 коп. у него остались бы въ карманѣ; такъ—нѣтъ—онъ не разсуждаетъ. Его прельщаетъ вино, поднесенное непосредственно во время или тотчасъ послѣ работы, а до остального ему нѣтъ дѣла. На-

шетъ, коситъ, жнетъ, молотитъ онъ отвратительно. Замѣтьте ему это, онъ вамъ простодушно скажетъ: да мы, молъ, всячески старались, работали не плоше, какъ у себя. И это не ложь, не иронія, а истинная правда. Также отвратительно работаетъ онъ и на своемъ полѣ, покосѣ, гумнѣ.

Мелкое воровство—дѣло самое обыкновенное и совершается на каждомъ шагу, такъ что его и преслѣдовать нельзя: силъ не хватитъ. Воровство съѣстнаго есть что-то физіологическое, такое же неотразимое и невольное, какъ страсть къ вину. Горохъ или рѣпа въ полѣ, яблоки и ягоды въ саду, орѣхи въ лѣсу—всегдашній и постоянный предметъ воровства, что̀ бы вы ни дѣлали, какія бы вы ни принимали мѣры. Хлѣбъ въ полѣ, сѣно на лугу останутся цѣлы, сколько бы ни простояли; покража ихъ строго преслѣдуется самими крестьянами; но рѣпу или горохъ въ полѣ нѣтъ средствъ оградить отъ расхищенія, вѣроятно потому, что ихъ можно тотчасъ же положить въ ротъ и съѣсть. Одна дѣвушка, бывшая у меня въ услуженіи, откровенно мнѣ признавалась, что запахъ яблоковъ, которые лежали у меня на столѣ, до того ее соблазнялъ, что она насилу удержалась отъ искушенія ихъ поѣсть. Избавилась она отъ соблазна только тѣмъ, что побѣжала на рынокъ и купила себѣ нѣсколько яблоковъ. Это было въ городѣ. Въ деревнѣ одинъ честный и хорошій парень, служившій у меня сторожемъ, не могъ противостоять при видѣ красивыхъ и большихъ яблокъ, и думая, что его никто не видитъ, преусердно началъ напихивать ихъ въ свои карманы. Съ яблоками, впрочемъ, еще церемонятся, а горохъ и рѣпу расхищаютъ въ полѣ среди бѣлаго дня, открыто, нисколько не боясь преслѣдованій,—до такой степени это въ обычаѣ.

А помимо воровства,—сколько пропадаетъ хозяйскаго добра отъ одной неосторожности русскаго человѣка вообще и рабочаго въ особенности! Рабочій инструментъ, матеріалъ, всякая вещь, которая попадаетъ въ руки работника, бросается имъ, по окончаніи работы, гдѣ попало, и пропадаетъ, или сгниваетъ подъ дождемъ. Надломленный или слегка испорченный инструментъ онъ и не вздумаетъ починить или отдать въ починку; отъ того ничтожныя поломки, которыя легко могли бы быть исправлены въ началѣ, оставаясь безъ починки, скоро дѣлаютъ инструментъ вовсе негоднымъ. То, что̀, при нѣкоторой внимательности, стоило бы нѣсколькихъ копѣекъ, оплачивается потомъ рублями и десятками рублей. Пріучить рабочаго положить по окончаніи работы вещь или инструментъ въ сохранное мѣсто нѣтъ человѣческой возможности. Онъ съ своими инструментами и вещами обращается точно также. Поразительная небрежность нашихъ деревенскихъ рабочихъ не есть умышленная или злонамѣренная; она — продуктъ народнаго быта и нравовъ. Любопытно было бы высчитать процентъ убытковъ, наносимыхъ въ хозяйствѣ одною этою постоянною и неизмѣнною чертой нашего сельскаго люда. Я убѣжденъ, что онъ оказался бы громаднымъ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ невозможно обзаводиться машинами, замѣняющими ручную работу, особливо когда онѣ требуютъ при обращеніи съ ними нѣкоторой внимательности. Этотъ важный источникъ сбереженій и уменьшеній расходовъ закрытъ для насъ. Купишь машину, заплатишь за нее дорого и, не успѣвъ ею воспользоваться, сваливаешь въ сарай. Деньги выброшены за окно, безъ всякаго толку.

Если таковы обыкновенные, рядовые работники, неумѣлые мужики и парни, то что сказать о спеціалистахъ, безъ которыхъ въ деревнѣ жить нельзя? Съ ними и смѣхъ, и горе! Эти спеціалисты и спеціалистки — наслѣдіе крѣпостного права, бывшіе дворовые крѣпостные люди, обученные бывшими ихъ господами той или другой отрасли деревенскаго хозяйства. Новыхъ людей нѣтъ и нѣтъ, хоть шаро̀мъ покати! Дворовые садовники, кузнецы, ключницы, скотники и скотницы приносятъ съ собою все плутовство и всю испорченность старинной дворни. Перемѣнишь ихъ по нѣскольку въ годъ—и руки опустятся! Все тоже и тоже! Садовниковъ у меня перебывало довольно, и все-таки въ три года я не могъ завести школы фруктовыхъ деревьевъ. А сколько тысячъ сѣянцевъ я могъ бы уже имѣть, еслибы можно было нанять порядочнаго садовника! На одного яipналегъ: посѣй хоть одну грядку яблочныхъ сѣмянъ. Чтожъ бы вы думали онъ сдѣлалъ? Зарылъ въ землю, вмѣсто сѣмянъ, цѣлые яблоки! Другой засѣялъ въ огородѣ, на обиходъ моего семейства, состоящаго изъ трехъ человѣкъ, пятнадцать длинныхъ грядъ савойской капусты, которою можно было бы продовольствовать цѣлую зиму полкъ солдатъ. Скотница не доила коровъ; стадо въ 30 коровъ

давало въ день по одному кувшину. Масло и парное молоко она тайно продавала. Телятъ поила кислымъ молокомъ, отчего они передохли. Люди не могли ѣсть молока, которое она имъ отпускала. Кузнецъ заковалъ дорогую лошадь такъ, что она болѣла больше году. Вы хотите перемѣнить, но кого вы возьмете? Никого нѣтъ! Колодезь у васъ завалился,—не къ кому обратиться. На весь околотокъ всего одинъ колодезникъ, да и того не добьетесь: онъ или въ работѣ, или пьянствуетъ безъ просыпу.

Эту печальную лѣтопись плутовства, невѣжества рабочихъ и горестнаго положенія сельскихъ хозяевъ можно было бы продолжать до безконечности. Она столько же безотрадна, сколько поучительна, живописуя яркими красками наши народные нравы и объясняя одну изъ причинъ, почему деревенское хозяйство идетъ у насъ черепашьимъ шагомъ. Съ большими, крупными препятствіями, какъ и съ большими крупными несчастіями, еще можно было бы бороться: они вызываютъ и развиваютъ силы; но съ микроскопическими, ежеминутными помѣхами бороться невозможно; они васъ, наконецъ, измучаютъ до того, что вы рукой махнете на все.

Читая эти строки, множество помѣщиковъ, изъ разныхъ, чуть ли не изъ всѣхъ концовъ Россіи, возрадуются и подтвердятъ ихъ тысячью примѣровъ, еще болѣе краснорѣчивыхъ, чѣмъ тѣ, которые я привелъ. Любители и защитники нашего простого народа и крестьянства, напротивъ, примутъ мои слова съ недовѣріемъ и неудовольствіемъ, заподозрятъ меня въ преувеличеніяхъ и предубѣжденіи. Но правда—голая, сущая правда, безъ всякой прикрасы, всего дороже. Только она можетъ привести къ полному сознанію того зла, отъ котораго мы страдаемъ. Чтобы могло настать лучшее, надо прежде всего не отворачиваться отъ дурного, а посмотрѣть ему прямо въ глаза. Оно не выдерживаетъ свѣта, боится свѣта.

VI.

Но представляя, во имя правды, одну печальную сторону нашихъ печальныхъ сельскохозяйственныхъ порядковъ, я не могу, во имя той же правды, не коснуться другой. Я описалъ, не скрывая ничего, условія, въ которыя поставленъ въ нашей мѣстности сельскій хозяинъ. Постараюсь, также ничего не скрывая, описать, какъ относятся владѣльцы къ средѣ и условіямъ, въ которыхъ живутъ и дѣйствуютъ. Къ сожалѣнію, то что я видѣлъ, въ большинствѣ случаевъ, не могло смягчить во мнѣ тяжелаго впечатлѣнія всего того, о чемъ я говорилъ выше.

Почти всѣ владѣльцы нашего околотка остались, какъ и крестьяне, при прежнихъ сельскохозяйственныхъ порядкахъ, которые были еще пригодны, пока пашни давали хорошіе урожаи безъ удобренія и существовалъ крѣпостной трудъ, но которые съ истощеніемъ почвы и при вольнонаемномъ трудѣ ведутъ къ неизбѣжному разоренію. Мѣсто прежняго разсчета и, если хотите, своего рода теоріи, заступила рутина, въ которой никто не отдаетъ себѣ отчета, которой слѣдуютъ только по привычкѣ. Результаты такого отношенія къ дѣлу даютъ себя чувствовать съ каждымъ годомъ сильнѣе и сильнѣе. Недочеты давно уже заступили мѣсто прежнихъ доходовъ, и ростутъ съ каждымъ годомъ. Бѣднѣя болѣе и болѣе, владѣльцы не ищутъ выхода въ коренномъ переустройствѣ самыхъ основаній своего хозяйства, а жалуются на дурныя времена, плохіе урожаи, избытокъ дождей и засуху, особенно же громко и горько жалуются на рабочихъ и рабочія цѣны, которыя все возвышаются и возвышаются, не вознаграждая прибавки ни качествомъ, ни количествомъ исполняемой наемной работы. Такъ какъ съ дурными временами, неурожаями и погодой не заспоришь, то все неудовольствіе и вся экономія обращаются въ сторону рабочихъ. Съ ними и съ крестьянами идетъ непрестанная ожесточенная война, отчасти яркая, выражающаяся крупной бранью, ругательствами, порой даже кулаками и драньемъ бородъ,—большею же частью война ведется на экономической почвѣ, выражаясь всевозможнымъ урѣзываніемъ платы и содержанія. Такими экономіями каждый надѣется наверстать недочеты въ доходахъ и ввести сильно поколебленное равновѣсіе въ хозяйственномъ бюд-

жетѣ. Впрочемъ, сказать по правдѣ, трудно распознать, что̀ въ этой мелкой войнѣ приходится на долю экономическаго разсчета и что̀ внушается желаніемъ отплатить рабочимъ за ихъ негодность и причиняемые ими убытки.

До какихъ прискорбныхъ крайностей доходятъ люди на этомъ ошибочномъ пути—трудно себѣ представить. Повѣритъ ли читатель, что одинъ хозяинъ про̀стеръ свою изобрѣтательность окорачивать рабочую плату до слѣдующаго остроумнаго пріема: онъ нанималъ вмѣстѣ и работниковъ, и красивыхъ молодыхъ женщинъ и дѣвокъ, и выжидалъ, когда между тѣми и другими установятся нѣжныя отношенія. Улучивъ эту минуту, онъ отсылалъ работниковъ, и потомъ вступалъ съ ними въ новую сдѣлку, при которой они охотно соглашались работать у него за полцѣны. Этого, конечно, никто бы не зналъ, еслибы самъ хозяинъ не хвастался такой выдумкой.

Такіе случаи, точно также какъ кулаки и щипанье бородъ, конечно, исключеніе. Но и то, что̀ не есть исключеніе, а общее правило, достаточно характеризуетъ отношенія.

Во всемъ нашемъ околоткѣ общеизвѣстенъ и общеупотребителенъ такой способъ запасаться рабочими на лѣто. Въ исходѣ зимы или ранней весной, большинство крестьянъ нуждаются въ хлѣбѣ и ищутъ занять его подъ лѣтнія работы. Хозяева пользуются этимъ случаемъ: даютъ ржи, четверть или двѣ, по продажной цѣнѣ, иногда приписывая къ ней по рублю и по два за четверть. Эту сумму заемщикъ обязуется возвратить сполна къ 1-му октября или 1-му ноября, иногда возвратить хлѣбъ тотчасъ же послѣ уборки, передъ посѣвомъ, въ натурѣ, сѣмянами,—да въ видѣ процента за каждую четверть убрать десятину ржи, т.-е. сжать ее съ десятины и нажатый хлѣбъ привезти въ хлѣбникъ; или убрать двѣ десятины яроваго, т.-е. такимъ же порядкомъ скосить, связать и привести съ поля. Замѣчу кстати, что мѣстныя цѣны ржи отъ $5^1/_2$ до 6 руб., овса отъ $1^1/_2$ до 2 руб. Уборка десятины ржи обходится, по умѣренному разсчету, въ 3 руб., яроваго въ $1^1/_2$ руб.; а во время полевыхъ работъ не наймешь и за 4 руб., безъ привозки съ поля. Изъ этихъ цифръ оказывается, что крестьянинъ, занимающій у насъ хлѣбъ, платитъ въ теченіе семи или восьми мѣсяцевъ за $5^1/_2$ или 6 р. по меньшей мѣрѣ 3 руб., что̀ составитъ, примѣрно, 75% въ годъ. Цифра очень краснорѣчивая!

Приведу другой примѣръ нашей разсчетливости. У васъ заболѣлъ работникъ или работница: вы прежде всего стараетесь сплавить ихъ поскорѣе къ ихъ роднымъ, которые и отвозятъ ихъ къ себѣ на своихъ лошадяхъ; если же такого больного оставляете у себя, то тотчасъ же прекращаете ему жалованье или плату, да вычитаете еще по 20 коп. харчевыхъ въ день. Такъ поступаютъ не только съ дурными рабочими,—что̀ было бы еще до нѣкоторой степени понятно—но даже съ хорошими, которыми каждый хозяинъ дорожитъ, по крайней ихъ рѣдкости. Это ужъ и разсчетъ плохой. Сбереженное на жалованьи и на харчахъ больного съ лихвою теряется на дрянномъ рабочемъ, котораго всегда рискуешь нанять на мѣсто хорошаго.

Содержаніе и помѣщеніе нанятыхъ рабочихъ, у очень многихъ хозяевъ, весьма плохое, такъ что не удовлетворяетъ даже неприхотливымъ требованіямъ русскаго деревенскаго простолюдина.

Желаніе сколько-нибудь поправить свои дѣла экономіями по найму и содержанію рабочихъ, вмѣсто кореннаго переустройства хозяйства, вноситъ въ экономическія, и безъ того далеко не образцовыя отношенія между крестьянами и владѣльцами, извѣстную долю горечи и раздраженія, которыя всею тяжестью падаютъ на ходъ деревенскаго хозяйства и существенно способствуютъ его упадку. И безъ того нашъ сельскій рабочій изъ рукъ вонъ плохъ. Что же можетъ выйти путнаго, когда онъ вдобавокъ еще питаетъ неудовольствіе и систематически дѣйствуетъ во вредъ владѣльцу, или работаетъ только для вида, совсѣмъ не старательно и равнодушно? Самое худшее то, что о хозяйствѣ и хозяинѣ слагается въ околоткѣ молва, вслѣдствіе которой для порядочныхъ рабочихъ заростаетъ дорога въ имѣніе, а остается проторенной только для швали, для совершенной дряни, ровно никуда не годной.

Говоря объ отношеніяхъ къ рабочимъ, нельзя не сказать объ отношеніяхъ къ крестьянамъ, ближайшимъ сосѣдямъ, живущимъ съ нами бокъ-о-бокъ, въ большинствѣ случаевъ бывшимъ нашимъ крѣпостнымъ. Казалось бы, поставить себя съ ними какъ слѣдуетъ должно быть важнѣйшей задачей каждаго сельскаго хозяина — задачей даже гораздо болѣе важной, чѣмъ установленіе пра-

вильныхъ отношенiй съ служащими въ имѣнiи и рабочими. Послѣднiе, большею частью, перелетныя птицы. Очень жаль, что это такъ, но это такъ! Сегодня онъ здѣсь, завтра въ другомъ мѣстѣ. Недовольны вы имъ или онъ вами—вы можете разойтись тотчасъ же. Совсѣмъ не то — временно-обязанный крестьянинъ или крестьянинъ-собственникъ. Онъ вашъ ближайшiй сосѣдъ, онъ вѣчно передъ вами, хотите вы этого или нѣтъ, нравится ли онъ вамъ или не нравится, и отдѣлаться отъ него вы никакъ не можете. Отношенiя у васъ съ нимъ, личныя и по имуществу,—чуть не ежеминутныя. Поля ваши сходятся съ его полями, иногда лежатъ въ перемежку; луга тоже. Его свинья, телушка, курица, овца, лошадь забѣгаютъ въ ваши владѣнiя, ваши — въ его. Въ рабочую пору онъ вамъ нужный, подчасъ необходимый человѣкъ; когда же ему нуженъ хлѣбъ, кормъ для скота, топливо, лѣсъ или орѣшникъ для постройки—онъ нуждается въ васъ. Словомъ, владѣлецъ и крестьянинъ другъ безъ друга жить не могутъ, такъ ихъ интересы переплетены и связаны. Къ сожалѣнiю, отношенiя ихъ, вообще говоря, далеко нельзя назвать хорошими. Между сосѣдями, въ большинствѣ случаевъ, ведется тайная или явная экономическая война, существуетъ взаимное раздраженiе или совершенная холодность и взаимное безучастiе, одинаково вредныя для обѣихъ сторонъ. Во взаимныхъ столкновенiяхъ, неизбѣжныхъ при близкомъ сосѣдствѣ и при безпрестанныхъ вольныхъ и невольныхъ соприкосновенiяхъ, проявляется какая-то горечь, рождающая неуступчивость, иногда вражду, которая приводитъ къ самымъ горестнымъ послѣдствiямъ. Поводомъ почти всегда служатъ мелочи, вздоръ, о которомъ и толковать бы не стоило. Какой-нибудь прогонъ, водопой, потрава, даже неснятiе шапки, скопляются, при большей долѣ неблагоразумiя со стороны хозяевъ, въ какое-то озлобленiе, которое нерѣдко ведетъ къ совершенному разоренiю, вынуждаетъ владѣльцевъ продавать свои имѣнiя за безцѣнокъ, только чтобы развязаться съ невозможнымъ сосѣдствомъ. „Красный пѣтухъ“ намъ, къ сожалѣнiю, извѣстенъ. То сгоритъ амбаръ съ хлѣбомъ, то гумно съ скирдами, то домъ и цѣлая усадьба. Виновныхъ подозрѣваютъ, но они не отыскиваются.

Надо, впрочемъ, и то сказать, что большинство хозяевъ находится въ совершенно безвыходномъ положенiи. Даже тѣ, которые понимаютъ, что узелъ вопроса—въ коренномъ преобразованiи хозяйства, ничего не могутъ сдѣлать, не имѣя денегъ, безъ которыхъ никакое преобразованiе немыслимо. Деньги нужны не только на то, чтобы поставить хозяйство на новую ногу, но и чтобы выждать, пока переходъ совершится, а на это тоже нужно нѣсколько лѣтъ. Краткосрочныя ссуды за семь процентовъ можетъ выдержать хозяйство уже устроенное, а не наши, которыя должны быть обновлены кореннымъ образомъ. Да и долгосрочный кредитъ изъ семи процентовъ слишкомъ высокъ для нашихъ запущенныхъ, выпаханныхъ, истощенныхъ имѣнiй. Чтожъ остается дѣлать владѣльцу, у котораго нѣтъ средствъ даже и на то, чтобы надѣть себѣ петлю на шею—сдѣлать заемъ изъ семи процентовъ? Единственнымъ для него средствомъ остается—экономничать и экономничать, урѣзывать елико возможно себя и рабочихъ, до тѣхъ поръ, пока, катясь все внизъ по опасному и скользкому склону, онъ не очутится лицомъ къ лицу съ продажей своего имѣнiя съ публичнаго торга, или самъ не продастъ его за ничто. Безъ запасовъ, безъ оборотнаго капитала никакое хозяйство немыслимо, а тѣмъ менѣе сельское, которое такъ медленно возвращаетъ сдѣланныя на него затраты. У большинства же владѣльцевъ нашей мѣстности концы не сходятся съ концами. При такомъ критическомъ положенiи, они, въ свою очередь, становятся лѣтомъ такою же жертвой прижимки со стороны рабочихъ, какою бываютъ крестьяне весною, когда у нихъ недостаетъ хлѣба для пропитанiя. Кто не запасся рабочими зимой или ранней весной, тотъ платитъ имъ въ рабочее время втридорога. У насъ, напримѣръ, въ нынѣшнемъ году нанимались убирать десятину ржи за $6^{1}/_{2}$ руб., безъ перевозки; а владѣльцы, находящiеся въ очень натянутыхъ отношенiяхъ съ сосѣдними крестьянами, не могли достать рабочихъ ни за какую цѣну: часть ихъ хлѣба такъ и осталась въ полѣ неубранной.

Можно ли удивляться, что при такихъ условiяхъ владѣльческiя усадьбы пустѣютъ, бросаются, помѣщики продаютъ свои имѣнiя, и кладутъ свои деньги въ банки, приносящiе имъ четыре, пять процентовъ вѣрнаго дохода, безъ хлопотъ и неурожаевъ? Напротивъ, удивительно, что еще не всѣ владѣльцы слѣдуютъ ихъ примѣру.

VII.

Читатель, пожалуй, заключитъ изъ всего сказаннаго мною прежде, что въ нашей мѣстности дѣло сельскаго хозяйства совсѣмъ безнадежно. Но это не такъ. По условіямъ почвы и климата, оно можетъ идти, и идти со временемъ порядочно; только для этого надобно, чтобы вся его обстановка, и въ особенности мы сами существенно измѣнились къ лучшему. Пока этого не будетъ, деревенское хозяйство въ нашемъ краѣ дѣйствительно осуждено роковымъ образомъ падать все ниже и ниже, до совершеннаго разоренія и владѣльцевъ, и крестьянъ.

Въ нашей не-черноземной полосѣ моментъ перехода хозяйства изъ экстенсивнаго въ интенсивное уже наступилъ. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Мы непремѣнно должны, во что бы то ни стало, разстаться съ привычкой захватывать подъ пашню и посѣвъ какъ можно больше земли: отъ совершеннаго истощенія она уже отказывается родить. Волей-неволей мы вынуждены значительно ограничить свои запашки, не оплачивающія работы, и взамѣнъ того хорошенько обработывать уменьшенное поле, отдавая ему назадъ, въ видѣ обильнаго удобренія, то, что получаемъ отъ него зерновымъ хлѣбомъ и другими продуктами. Для черноземной полосы раціональное хозяйство, со всѣми его послѣдствіями — усиленіемъ скотоводства, введеніемъ искусственныхъ удобреній, машинъ и т. д.—есть пока теорія, надъ которой можно подсмѣиватъся, въ виду обильныхъ урожаевъ, несмотря на хищническое пользованіе землею; въ нашемъ же краю это уже не теорія, а насущная потребность, безъ которой мы пропали.

Но легко сказать—перемѣнить кореннымъ образомъ систему хозяйства! Спрашивается: какъ же это сдѣлать? Безъ болѣе или менѣе значительныхъ денежныхъ средствъ невозможно усилить скотоводство, перестроить наши жалкіе скотные дворы, ввести травосѣяніе, исправить луга, пріобрѣсти необходимыя машины, и вдобавокъ совершенно отказаться отъ доходовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока хозяйство ставится на новую ногу, пока въ немъ вводятся новые порядки. Послѣднее, конечно, есть жертва, болѣе кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная: мы и теперь ничего не получаемъ отъ имѣній.

Долгосрочный кредитъ, и притомъ дешевый, не семи и десяти, а трехъ или четырехъ-процентный—вотъ что составляетъ теперь для насъ насущную потребность, воздухъ, безъ котораго мы дышать не можемъ. А откуда его взять? Мы привыкли во всѣхъ нашихъ нуждахъ обращать взоры къ государственному казначейству; но въ этомъ случаѣ оно никакъ не можетъ намъ помочь, да еслибъ и могло, врядъ ли бы согласилось, въ виду бывшихъ примѣровъ. Въ Пруссіи, въ остзейскихъ провинціяхъ, въ царствѣ Польскомъ поземельный кредитъ помогъ владѣльцамъ устроить свои хозяйства и поправить дѣло; мы же ухитрились, при помощи поземельнаго кредита, разстроиться и разориться. Будь мы сами другіе, занимайся мы серьезно своимъ дѣломъ, каждый въ своемъ имѣніи, не проживайся мы въ Москвѣ, Петербургѣ или за границей самымъ безтолковымъ образомъ, быть можетъ мы и нашли бы способы устроить маленькія, дешевыя ссудныя учрежденія для небольшой округи, спеціально назначенныя для сельско-хозяйственнаго кредита. Мнѣ думается, что уѣздныя земства могли бы принять иниціативу въ этомъ дѣлѣ и взять его въ свои руки. Имъ, по ихъ положенію и занятіямъ, экономическая сторона дѣла должна быть хорошо извѣстна, и всѣ данныя у нихъ подъ руками. Ипотечная система, введеніе которой ожидается съ такимъ нетерпѣніемъ, существенно пособила бы разрѣшенію труднаго вопроса о дешевомъ мѣстномъ сельско-хозяйственномъ кредитѣ, въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Что касается большихъ поземельныхъ банковъ, особенно акціонерныхъ, то они, я въ томъ убѣжденъ, не въ состояніи пособить нашему горю. Въ лучшемъ случаѣ они выведутъ изъ затрудненія большихъ землевладѣльцевъ, и то если значительно уменьшатъ оцѣнки и сократятъ размѣры ссудъ. Но большому кораблю большое и плаваніе! Для небольшихъ владѣльцевъ совершенно необходимъ дешевый, долгосрочный кредитъ, спеціальныя, мѣстныя кредитныя учрежденія, основанныя не съ спекулятивною цѣлью.

Другая насущная потребность деревенскихъ небольшихъ и среднихъ хозяйствъ — это рабочіе съ спеціальными, хотя бы только рутинными, познаніями по разнымъ отраслямъ сельской экономіи,—прикащики, конторщики, садовники, огородники, конюхи, скотники и скотницы, птичницы, экономки; изъ ремеслен-

никовъ къ нимъ можно причислить кузнецовъ, слесарей, столяровъ. Въ этого рода прислугѣ всѣ мы чувствуемъ крайній недостатокъ и несказанно бѣдствуемъ. Бывшіе дворовые люди, которыми мы пока еще пробавляемся, какъ они ни плохи, мало-по-малу вымираютъ, а на мѣсто ихъ рѣшительно никого нѣтъ. Чтò тутъ дѣлать? Техническія и ремесленныя училища ростутъ у насъ, какъ грибы, но ихъ благотворнаго дѣйствія мы не ощущаемъ, до насъ оно не доходитъ, да и не можетъ дойти. Запросъ на техниковъ и ремесленниковъ въ Россіи теперь громадный; число воспитанниковъ, выпускаемыхъ техническими училищами и ремесленными школами, далеко не удовлетворяетъ требованіямъ. Эти воспитанники разбираются на расхватъ и по дорогой цѣнѣ фабрикантами, заводами и большими хозяйствами. Къ намъ они не заглядываютъ, да у насъ имъ и дѣлать нечего,—не такіе люди намъ нужны. Мы нуждаемся не въ ученыхъ садовникахъ, не въ знатокахъ двойной бухгалтеріи, не въ заводскихъ мастерахъ, не въ уходѣ за голландскимъ, англійскимъ или швейцарскимъ скотомъ, и т. д.; мы ищемъ рабочихъ попроще, недорогихъ, которые умѣли бы разводить и держать въ порядкѣ наши незатѣйливые фруктовые сады и огороды, вести наши несложные счеты, ходить за нашимъ мѣстнымъ, русскимъ скотомъ и лошадьми, подковать лошадь, выковать какъ слѣдуетъ нехитрую желѣзную штуку, въ лучшемъ случаѣ сдѣлать желѣзный топоръ или починить желѣзныя части сельско-хозяйственной машины. Дальше такихъ скромныхъ требованій мы не идемъ и не можемъ идти, да и не для чего. Но когда и имъ удовлетворить нельзя, когда и такихъ простыхъ рабочихъ и ремесленниковъ нѣтъ, положеніе дѣйствительно становится критическимъ.

Мнѣ кажется, что и въ этомъ случаѣ уѣздныя земства могли бы оказать намъ существенную помощь. Въ каждой почти мѣстности, а въ ближайшемъ сосѣдствѣ—навѣрное, всегда найдутся, по городамъ и уѣздамъ, устроенныя большія и малыя хозяйства, скотные дворы, конюшни, фруктовые сады, огороды, заводы, кузнечныя, слесарныя, столярныя и другія порядочныя мастерскія. Еслибы уѣздныя земства захотѣли войти въ наше горестное положеніе и стать посредниками, съ одной стороны, между нами и нуждающимся мѣстнымъ населеніемъ, городскимъ и сельскимъ, а съ другой — между этими, по нашему и для нашихъ нуждъ, образцовыми хозяйствами, садами, заводами, мастерскими и т. п., то нѣтъ сомнѣнія, что при самыхъ незначительныхъ затратахъ результаты были бы для цѣлаго околотка самые благотворные. Какъ сильно мы заинтересованы въ этомъ дѣлѣ—и говорить нечего. Съ другой стороны, бѣдный деревенскій и городской людъ и хотѣлъ бы обучать дѣтей какому-нибудь мастерству или ремеслу, которое дало бы имъ вѣрный кусокъ хлѣба, но не знаетъ, какъ за это взяться, къ кому обратиться, и не имѣетъ нужныхъ средствъ на путевыя издержки, на первое обзаведеніе. Съ другой стороны, для хозяйствъ, заводовъ, мастерскихъ, было бы находкой получить на опредѣленное время даровыхъ работниковъ, работницъ и служащихъ, не говоря уже о томъ, что отдача имъ на выучку придала бы имъ въ околоткѣ нѣкоторый почетъ и извѣстность, небезвыгодные и для ихъ денежныхъ оборотовъ. Нужно бы только обдумать и организовать это дѣло — оно пойдетъ, и пойдетъ хорошо. Что часть обучившихся разбредется въ разныя стороны, особенно на первыхъ порахъ — это не бѣда. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ извѣстный процентъ ихъ все-таки останется въ своемъ околоткѣ и будетъ приносить большую пользу. Разсчитывать по этому предмету на помощь правительства невозможно. У него есть заботы другого рода, болѣе общія и не менѣе настоятельныя. Дѣло правительства — устроить и вести впередъ высшее техническое образованіе; приготовленіе же спеціалистовъ низшаго разбора, необходимыхъ въ хозяйствахъ рабочихъ, знакомыхъ съ дѣломъ рутинно — наше, земское дѣло, и въ этомъ никто, кромѣ насъ самихъ, не можетъ намъ пособить. Такими полезными рутинистами-рабочими невысокаго полета мы будемъ обходиться очень долго, пока значительные успѣхи сельскаго хозяйства не потребуютъ болѣе серьезнаго знанія, болѣе серьезной подготовки насъ самихъ и нашихъ помощниковъ и сотрудниковъ. Но до этого еще очень далеко!.. Мы пока нуждаемся въ черствомъ хлѣбѣ и будемъ и имъ очень довольны.

Другое обстоятельство, которое насъ губитъ и мѣшаетъ нашимъ сельско-хозяйственнымъ успѣхамъ,—это наша странная изолированность и абсентеизмъ. Самый ничтожный процентъ владѣльцевъ живетъ въ деревняхъ. Число пріѣзжающихъ въ свое имѣніе хоть на

лѣто нѣсколько больше, но все-таки очень невелико. Между немногими, занимающимися хозяйствомъ, разрозненность совершенная. Каждый живетъ у себя, ведетъ, дурно или хорошо, свое имѣніе, безъ всякаго обмѣна мыслей, знаній и плановъ по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ. Видаются и встрѣчаются, пожалуй, и часто, но какъ добрые знакомые, безъ всякаго общенія по тому предмету, который всѣхъ ихъ касается такъ близко. Странные мы люди! Намъ или подай все, или ничего не надо. Къ ученымъ сельско-хозяйственнымъ конгрессамъ, конечно, очень немногіе изъ насъ подготовлены. Но не они намъ нужны. Намъ необходимы самые простые, нехитрые, но постоянные съѣзды по предметамъ мѣстнаго деревенскаго хозяйства — съѣзды, на которыхъ всякій, ученый и неученый, имѣлъ бы свой голосъ, гдѣ не нужно ни предсѣдателя, ни колокольчика, ни рѣчей, ни спичей, ни порядка засѣданій, ни обсужденія общихъ научныхъ вопросовъ по агрономіи, а происходилъ бы живой обмѣнъ мыслей, свѣдѣній, наблюденій, попытокъ, удачъ и неудачъ—обмѣнъ, вслѣдствіе котораго понемногу всѣ бы стали свѣдущѣе и толковѣе въ способѣ дѣйствія въ своемъ хозяйствѣ, въ данной мѣстности и при данныхъ условіяхъ. Такой обмѣнъ естественно повелъ бы небольшихъ владѣльцевъ къ соединенію своихъ скудныхъ денежныхъ средствъ на сельско-хозяйственныя предпріятія, которыя ни одному изъ нихъ въ отдѣльности не подъ силу, а необходимы для всѣхъ. Одинъ владѣлецъ изъ чужихъ краевъ не могъ надивиться, почему мы, небольшіе владѣльцы, не покупаемъ складчиной сельско-хозяйственныхъ машинъ, книгъ, не дѣлаемъ складчиной опытовъ. Его это поразило, потому что у нихъ каждый вноситъ въ общеполезное дѣло свой грошъ; изъ этихъ грошей составляются рубли и сотни рублей. На эти деньги покупается машина, которой совершенно достаточно на много маленькихъ хозяйствъ, и всѣ ею пользуются по условленной очереди. Такимъ образомъ, каждому, за небольшую сумму, дѣлаются доступны усовершенствованныя орудія хозяйства, которыхъ онъ одинъ купить не въ состояніи. Еслибы машина сломалась, починить ее общими силами—тоже недорого; еслибы даже она оказалась вовсе негодной, то и въ такомъ случаѣ потеря, разложенная на многихъ, тоже не была бы слишкомъ чувствительна. Кромѣ того жатвенныя, косильныя машины, усовершенствованныя сѣялки и т. д., которыя намъ крайне нужны, нельзя держать, не имѣя подъ руками порядочнаго кузнеца или слесаря. Нанимать особаго для каждаго хозяйства мы не въ состояніи, а складчиной онъ бы обошелся каждому изъ насъ недорого. Тоже и съ садовникомъ: заграницей на многіе небольшіе сады существуетъ одинъ садовникъ. Почему бы не могло быть того же самаго и у насъ? Въ множествѣ такихъ и подобныхъ случаевъ соединеніе средствъ и силъ, общеніе интересовъ имѣло бы самыя благотворныя послѣдствія для каждаго изъ насъ, и каждому небольшому хозяйству стало бы сподручно то, чѣмъ теперь могутъ пользоваться одни большія хозяйства и очень достаточные владѣльцы.

Въ заключеніе, не могу не коснуться нравственной стороны вопроса, которая, по моему глубокому убѣжденію, есть главная, имѣетъ рѣшительное вліяніе на наши сельско-хозяйственныя удачи и неудачи. Что̀ бы мы ни дѣлали, за что̀ бы ни принимались, вездѣ нравственная сторона является невидимымъ, но сильнѣйшимъ двигателемъ, безъ котораго шагу нельзя ступить, даже въ самомъ маломъ начинаніи. Недавно кто-то доказывалъ, и совершенно справедливо, что безъ „нравственной брезгливости“, распространенной въ публикѣ, нельзя никакими административными мѣрами, никакими законами. искоренить злоупотребленій по постройкѣ и эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ. Другой развивалъ мысль, что до какого бы совершенства ни была доведена техника военнаго дѣла, невозможно создать хорошаго войска безъ нравственнаго воспитанія солдата. Третій замѣтилъ недавно, что гдѣ нѣтъ нравственной подкладки, тамъ самыя обдуманныя, превосходныя общественныя учрежденія останутся прекрасной теоріей и не перейдутъ въ жизнь. Всѣ эти мысли, конечно, не новы; но онѣ интересны какъ указаніе на то, чѣмъ мы всего болѣе страдаемъ, гдѣ наше больное мѣсто. Безъ внесенія нравственныхъ элементовъ въ сельско-хозяйственныя отношенія, нечего и думать о поднятіи деревенскаго быта и хозяйства, даже при соединеніи самыхъ благопріятныхъ условій. Мечтать о строго-юридическомъ, механически правильномъ и пунктуальномъ ходѣ хозяйства, въ которомъ бы лицо стушевалось, индивидуальность ничего не значила и каждый дѣятель былъ бы лишь колесомъ, легко и просто замѣняемымъ другимъ,

можно было лѣтъ двадцать тому назадъ, и то только въ Европѣ. У насъ это немыслимо, даже въ большихъ центрахъ, гдѣ знающихъ и хорошихъ рабочихъ сравнительно больше; о деревняхъ же и захолустьяхъ и говорить нечего. Здѣсь все зависитъ почти исключительно отъ личныхъ свойствъ владѣльцевъ, рабочихъ и прислуги. Хозяйство, бывшее въ отличномъ положеніи вчера, приходитъ въ упадокъ завтра только потому, что перемѣнились лица. У насъ, говоря о свойствахъ или качествахъ, необходимыхъ для успѣшнаго хозяйничанія въ деревнѣ, выставляютъ на первый планъ знаніе, опытность, неутомимость, энергію, выдержку, умѣнье пользоваться обстоятельствами, сельско-хозяйственное чутье, тактъ, талантъ и т. п. Разумѣется, всѣ эти качества необходимы и безъ нихъ ничего не подѣлаешь; но я утверждаю, что и съ ними далеко не уѣдешь, если, стоя во главѣ хозяйства, не несешь съ собою культурныхъ и нравственныхъ элементовъ. Въ большихъ центрахъ можно отгородиться отъ сосѣда каменной стѣной и не знать его; здѣсь дѣловыя отношенія съ людьми, при чрезвычайно быстрой ихъ смѣнѣ, бòльшею частью частичны, односторонни, непродолжительны, и потому легко укладываются въ извѣстныя механическія и юридическія формулы; при такихъ условіяхъ, нравственная и культурная сторона людей отходитъ на второй планъ и легко забывается; дѣйствіе ея не есть ежеминутное и не бросается такъ въ глаза. Совсѣмъ другое въ деревнѣ. Тутъ дѣйствуютъ и находятся между собою въ отношеніяхъ почти одни и тѣ же люди. Отношенія между ними безпрестанныя и самыя разнообразныя, охватывающія весь бытъ, привычки, наклонности. Одни и тѣ же люди цѣпляются здѣсь другъ за друга не одною, а всѣми своими сторонами, и притомъ постоянно, въ теченіе долгаго времени. Изолироваться отъ ближайшихъ сосѣдей нѣтъ никакой человѣческой возможности. Рабочіе тоже живутъ у васъ во дворѣ и волей-неволей становятся своими, домашними. Никакой въ мірѣ кодексъ не въ состояніи предусмотрѣть, точнымъ образомъ опредѣлить и разрѣшить всѣ возникающія отсюда отношенія, съ ихъ неуловимыми оттѣнками, какъ этого не можетъ сдѣлать никакое законодательство для взаимныхъ отношеній между собою членовъ одной семьи. Но допустимъ даже, что и нашлось бы такое умное законодательство. Спрашивается: какъ имъ воспользоваться въ нашей деревнѣ? Какъ настоять, чтобы его золотыя правила не нарушались на каждомъ шагу безнаказанно? Изъ тысячи случаевъ несоблюденія заключенныхъ договоровъ, нарушенія правъ, нанесенія убытковъ, хорошо если одинъ дойдетъ до суда и властей и разрѣшится какъ слѣдуетъ: остальные вы вынуждены предупреждать, улаживать какъ знаете, собственными средствами. Вотъ тутъ-то и обнаруживается, до какой степени культурные и нравственные элементы составляютъ даже въ практическомъ смыслѣ насущную потребность и неизбѣжное условіе правильной постановки сельско-хозяйственнаго дѣла. Чѣмъ, кромѣ выдержанной, непоколебимой, безусловной честности и справедливости, участія къ ближнему, его нуждамъ и горю, готовности прійти къ нему на помощь, можете вы расположить къ себѣ ближайшихъ сосѣдей, притянуть на службу сколько-нибудь надежныхъ и порядочныхъ людей, пріохотить ихъ къ дѣлу, заставить ихъ заботиться о вашей пользѣ, служить вамъ совѣстливо и усердно? Какими принудительными мѣрами или чарами побудите вы крестьянъ выручить васъ, когда, въ самую трудную рабочую пору, у васъ, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, вдругъ недостанетъ рабочихъ рукъ, которыя вамъ нужны до зарѣзу? Въ темной, полудикой деревенской средѣ, безъ юридическихъ понятій и даже привычекъ, въ средѣ расплывчатой, неустановившейся, грубо непосредственной, вдобавокъ прошедшей черезъ весьма дурную житейскую школу, нравственные и культурные элементы играютъ огромную роль и окончательно рѣшаютъ тотъ или другой исходъ благихъ сельско-хозяйственныхъ начинаній. Если въ околоткѣ, гдѣ вы работаете, сложилось въ простомъ народѣ убѣжденіе, что вы человѣкъ добрый и честный, никого не обманете и не обидите, что вы обходительны съ рабочими и служащими, хорошо ихъ содержите, честно съ ними разсчитываетесь, не придираетесь къ мелочамъ— у васъ дѣла, рано или поздно, пойдутъ гладко, и порядочные рабочіе подберутся понемногу; у васъ заведутся два-три постоянныхъ человѣка, на которыхъ вы можете положиться и безъ которыхъ немыслимо никакое благоустроенное хозяйство. Умѣете вы жить въ ладу съ сосѣдними крестьянами, справедливы съ ними, не тѣсните ихъ, оказываете имъ помощь въ тѣхъ мелкихъ нуждахъ, которыя и вамъ могутъ завтра встрѣтиться,—ваша жизнь

потечетъ относительно мирно и спокойно, и въ рабочихъ, во всякое время, на сносныхъ условіяхъ, у васъ недостатка не будетъ. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что нравственная сторона дѣла у насъ въ деревнѣ слишкомъ отодвинута на второй планъ, находится въ слишкомъ большомъ пренебреженіи. Этимъ я вовсе не хочу сказать, чтобы мы, вообще говоря, были дурные или злые люди. Совсѣмъ нѣтъ. Но мнѣ кажется, что мы не отдаемъ еще себѣ яснаго отчета въ томъ, до какой степени нравственная сторона важна въ сельско-хозяйственномъ дѣлѣ, до какой степени отсутствіе ея или пренебреженіе ею играетъ рѣшительную роль въ нашихъ сельско-хозяйственныхъ неудачахъ. Всѣ наши соображенія постоянно вертятся на сѣвооборотахъ, машинахъ, рабочей силѣ, капиталѣ и т. д. Но именно потому, что мы не вводимъ въ наши разсчеты нравственной стороны дѣла, надѣемся замѣнить ее извѣстной ловкостью, умѣньемъ, эти разсчеты оказываются совершенно ошибочными. Прискорбно то, что такія ошибки насъ не вразумляютъ, не открываютъ намъ глазъ на истинную, коренную причину нашихъ неудачъ. Всю вину мы обыкновенно сваливаемъ на обстоятельства, на погоду, на то и се, и остаемся въ прежнемъ невѣдѣніи и слѣпотѣ. Съ нами повторяется въ лицахъ извѣстная басня о львѣ и комарѣ, тогда какъ отъ насъ всегда зависитъ примѣнить къ себѣ басню о львѣ и мыши. Въ этомъ отношеніи величайшее, иногда неисправимое зло дѣлаютъ намъ наши управляющіе и приказчики. Ѣздя по желѣзнымъ дорогамъ, я не разъ вступалъ въ разговоры съ этими господами и не могу передать отвращенія, какое мнѣ внушалъ ихъ взглядъ на дѣло. Вся тайна сельско-хозяйственной мудрости сводилась ими на умѣнье ловко поднадуть мужиковъ, отвести имъ надѣлъ такъ, чтобы они были вынуждены за выгонъ, за покосъ, за водопой, работать за безцѣнокъ на барина. И съ какимъ самодовольствомъ, съ какимъ иногда безстыжимъ хвастовствомъ выдавались эти темныя дѣла за подвиги! Глаголъ „объегорить“ спрягается у насъ въ деревняхъ на всѣ лады, по всѣмъ наклоненіямъ и временамъ.

Владѣльцы „объегориваютъ“ крестьянъ и рабочихъ, крестьяне и рабочіе—владѣльцевъ; мы „объегориваемъ“ другъ друга, крестьяне точно также „объегориваютъ“ другъ друга. Кругъ „объегориваній“ обходитъ всѣхъ, проникаетъ всѣ отношенія и дѣлаетъ жизнь невыносимо тяжелой, ведя всѣхъ, владѣльцевъ и крестьянъ, къ обѣднѣнію, тормозя всякое благое начинаніе по сельскому хозяйству, дѣлая его невозможнымъ и лишая всѣхъ охоты положить въ него трудъ и деньги. Система „объегориванья“ никого не обогатила, а напротивъ, всѣхъ ведетъ къ разоренію. Что бы попробовать, хотя бы только изъ разсчета, не лучше ли будетъ поискать выхода изъ этого печальнаго заколдованнаго круга? Сдѣланные на этомъ пути опыты оказались весьма удачными. Вмѣсто того, чтобы вести мелкую, безплодную войну съ рабочими и крестьянами, не гораздо ли лучше будетъ строго провѣрить наши отъ нихъ требованія и совершенно перемѣнить тактику? Это, конечно, нелегко. Намъ придется сильно поработать надъ собой, отбросить многія вздорныя, капризныя и взбалмошныя требованія, соразмѣрить то, чего мы спрашиваемъ отъ рабочихъ, съ возможностью выполненія, съ степенью ихъ культуры и умѣнья; намъ придется пріучить себя сдерживать внезапные порывы гнѣва, отвыкнуть отъ презрительнаго, высокомѣрнаго обращенія, отъ привычки зря бросать въ лицо самыя обидныя, часто незаслуженныя подозрѣнія и обвиненія — словомъ, надо будетъ выучиться жить съ людьми по-человѣчески. Но пора, очень пора приняться за такое самовоспитаніе!

По виду наши сельскіе рабочіе и крестьяне—тѣ же, что были прежде, такъ же низко кланяются, такъ же стоятъ передъ нами безъ шапокъ, такъ же молча принимаютъ наши выходки. На самомъ же дѣлѣ они теперь стали совсѣмъ другіе. Они знаютъ, что имѣютъ передъ нами какія-то права, хотя и не всегда ясно ихъ сознаютъ. Крестьяне и рабочіе взвѣшиваютъ каждое наше слово, зорко присматриваются къ нашимъ поступкамъ. Выводъ—благопріятный или неблагопріятный—слагается въ репутацію, отъ которой зависитъ очень много въ успѣхѣ или неуспѣхѣ нашихъ сельскихъ дѣлъ. Сколько я могъ примѣтить, типъ барина мало-по-малу вытѣсняется въ народномъ уваженіи типомъ хозяина, который еще не успѣлъ вполнѣ выясниться и сложиться, отчасти, можетъ быть, потому, что мы упорно и безсознательно живемъ и поступаемъ по старому. Насколько народъ становится равнодушенъ къ типу барина, настолько типъ хозяина, напротивъ, пользуется сочувствіемъ. Баринъ—это, по по-

нятіямъ простого народа, человѣкъ ничего не дѣлающій, мало понимающій въ деревенскомъ хозяйствѣ и вовсе имъ не интересующійся. У барина денегъ много, и онъ не знаетъ имъ счету, бросаетъ ихъ зря, на пустяки. Баринъ можетъ быть милостивъ и щедръ по капризу, зато и оборветъ, и обидитъ ни за что, ни про что. Понятія, привычки, образъ жизни у него совсѣмъ особенные, совсѣмъ не похожіе на то, какъ у другихъ людей, точно онъ человѣкъ съ луны. Съ бариномъ надо и говорить, и обращаться умѣючи, не такъ какъ съ другими, потому что онъ человѣкъ совсѣмъ особенный. Не то хозяинъ. Хозяинъ — дѣловой человѣкъ, знаетъ всѣ порядки. Каждая копѣйка у него на счету. Свое добро онъ бережетъ какъ глазъ, заботливъ, взыскателенъ, строгъ, иной разъ и суровъ, только не по пустякамъ, не изъ-за вздора, потому что онъ разуменъ и толковъ, и хозяйственное дѣло понимаетъ, какъ слѣдуетъ; а въ прочемъ — онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ люди, только съ достаткомъ. Каждаго купца крестьянинъ считаетъ хозяиномъ, идетъ къ нему охотнѣе на службу и въ работу, даже за меньшую цѣну, живетъ у него годами и десятками лѣтъ; а у барина рѣдко онъ уживается долго. Прослыть барину хозяиномъ въ глазахъ народа чрезвычайно трудно, а пожелать этого всякому можно. Кто разъ въ мнѣніи народа попалъ въ разрядъ хозяевъ, тому жить и управляться съ людьми сполагоря, и главная трудность въ веденіи сельскаго хозяйства устранена. Съ хозяиномъ рабочій не лебезитъ, не забѣгаетъ передъ нимъ лишній разъ, чтобы снять шапку, не показываетъ вида, что работаетъ, не дѣлая ничего и будучи лѣнтяемъ: хозяина этими штуками не проведешь и никакими поклонами и льстивыми словами не умаслишь, какъ барина: онъ знаетъ и видитъ рабочаго насквозь. Зато ужъ онъ его за даромъ не разсчитаетъ, а за дѣло; пока хорошъ, будетъ его держать и приваживать ко двору. Типъ хозяина родился въ нашей промышленной, купеческой средѣ и только начинаетъ исподволь переноситься въ сельско-хозяйственную, деревенскую. Владѣльцы имѣній, желающіе съ успѣхомъ заниматься у себя сельскимъ хозяйствомъ, вынуждены будутъ, рано или поздно, войти въ него, усвоить его себѣ, для пользы дѣла, изъ чисто коммерческихъ разсчетовъ. Типъ этотъ далеко не есть нравственный. Въ немъ чувствуется совершенный недостатокъ культурныхъ элементовъ, безъ которыхъ, повторяю, въ деревнѣ ничего не подѣлаешь. Несомнѣнно правильная и хорошая его сторона та, что онъ исключаетъ всякія фантазіи, всякіе капризы и прихоти въ веденіи практическаго дѣла и въ сношеніяхъ съ людьми. Типъ хозяина сложился по понятію о практической пользѣ, пропитанъ имъ насквозь и въ этомъ смыслѣ ставитъ дѣло и владѣльца на дѣйствительную, реальную почву. Но типъ хозяина, какъ онъ сложился въ народѣ, слишкомъ односторонenъ, тѣсенъ и узокъ. Его надо развить, расширить, поднять и одухотворить внесеніемъ въ него культурныхъ и нравственныхъ элементовъ. Это наше дѣло, обязанность и забота, въ видахъ нашей же пользы. Деревенское хозяйство не подвинется, что бы мы ни дѣлали, пока народъ будетъ стоять на той степени культуры, на какой стоитъ теперь. Это начинаютъ понимать всѣ, и общія почтенныя усилія создавать народныя школы, приготовлять сельскихъ учителей, доказываютъ, насколько сознаніе истинныхъ, коренныхъ нуждъ сельскаго хозяйства и быта у насъ уже подвинулось и созрѣло. Но и сельскія школы грамотности, какъ онѣ ни важны сами по себѣ, еще не разрѣшатъ вопроса, если среди простого народа, въ уѣздной глуши и захолустьяхъ, рядомъ съ ними не появятся и не размножатся другого рода школы — хорошо устроенныя, на правильныхъ экономическихъ и нравственныхъ началахъ основанныя сельскія хозяйства, которыя послужатъ живымъ, нагляднымъ, практическимъ разсадникомъ другихъ сельско-хозяйственныхъ пріемовъ и лучшихъ нравственныхъ и юридическихъ понятій и привычекъ, чѣмъ какія теперь въ ходу у простого народа. При всѣхъ превосходныхъ задаткахъ, народъ нашъ все еще не вышелъ изъ ребяческаго возраста. Словамъ онъ давно не вѣритъ, а самъ ни до чего лучшаго не можетъ додуматься, по крайнему своему невѣжеству. Только осязательные факты и польза могутъ, при складѣ его ума, вывести его изъ теперешней печальной рутины на другой, лучшій путь. Собственныя выгоды владѣльцевъ заставятъ ихъ, рано или поздно, подъ страхомъ окончательнаго разоренія, создать такіе сельско-хозяйственные центры въ своихъ имѣніяхъ. Тогда, но только тогда, и намъ будетъ жить въ деревняхъ легче, чѣмъ теперь живется.

(Спб. Вѣдомости, 1873, №№ 259, 260 и 264).

ПИСЬМА ИЗЪ МЕДВѢЖЬЯГО УГЛА.

I.

....Ты меня спрашиваешь, какъ мнѣ живется въ глуши? Да такъ себѣ, живется не то, чтобы очень хорошо, да и грѣхъ сказать, чтобы черезчуръ худо. Нынѣшнимъ лѣтомъ у насъ, слава тебѣ Господи, никакихъ особенныхъ несчастій, какъ въ другихъ краяхъ, не было. Ни жукъ, ни муха, ни кобылка, ни саранча не опустошали нашихъ полей; майскій жукъ, нѣсколько лѣтъ сряду обгладывавшій до-чиста наши осины и дубы, на этотъ годъ пропалъ. Появилась какая-то гусеница, которой полюбилась ракита, и ее она очистила до-гола; но ракита — дрянь-дерево и по ней мы не тужили. Бури и грады много бѣдъ около насъ понадѣлали, а насъ какимъ-то чудомъ обошли, и мы остались отъ нихъ цѣлы и невредимы. Съ весны холода, а потомъ жара, овсы попортили и ростъ травъ по верхамъ остановили; какая-то ядовитая роса гречиху обожгла, особливо позднюю. Зимой вѣтры пашню мѣстами оголили, отчего у меня озимая пшеница отъ мороза погибла, а что осталось, то воробьи повыклевали. Ну, да все это еще ничего въ сравненіи съ бѣдами, которыя разразились въ другихъ мѣстахъ, и мы не очень горюемъ.

Обычный ходъ дѣлъ и заботъ въ нашемъ медвѣжьемъ углу иногда нарушается разными, болѣе или менѣе непріятными, неожиданностями: то вдругъ кузнецъ сопьется съ кругу, начнетъ тайкомъ ребятишекъ изъ двора въ сосѣдній кабакъ за виномъ посылать; то кухарка людская такъ станетъ безъ совѣсти крупу красть, что рабочіе придутъ жаловаться; то каналья-мальчишка яблоки покрадетъ въ саду, и арендаторъ сада приведетъ его съ поличнымъ; то еще бо̀льшая каналья, работникъ, въ самый развалъ сѣнокоса, такъ расшумится и другихъ работниковъ подбивать начнетъ не работать, что не знаешь, что̀ и начать: все кажется дѣлаешь, чтобы всѣ были довольны, а ему вотъ никакъ не угодишь!

Впрочемъ, и съ этими докуками еще коекакъ справляешься: кузнеца, кухарку и рабочаго прогонишь, мальчишкѣ пригрозишь и лишишь его наградного рубля и онъ это запомнитъ. Покуда бѣду поправить въ нашей власти—еще не бѣда; а вотъ бѣда, когда не въ нашей власти ее исправить! А такія тоже бываютъ. Тутъ ужъ и ума не приложишь, что̀ дѣлать! Падаютъ онѣ на голову, какъ Божій гнѣвъ, недуманно, негаданно, и, какъ слѣпой рокъ, попадаютъ и въ праваго, и въ виноватаго, не разбирая ни сословій, ни званій, ни пола, ни возраста. Что̀ дѣлать? Переносишь и ихъ, какъ умѣешь и можешь, слѣдуя разумной пословицѣ, что „плетью обуха не перешибешь“.

Пріѣзжаетъ ко мнѣ становой, честный и хорошій старикъ, съ которымъ мы живемъ въ добромъ согласіи.

— А мостокъ-то вашъ,—говоритъ онъ мнѣ,—плохъ-съ. На немъ можно шею сломать-съ. Надо бы починить-съ.

— И не подумаю чинить,—отвѣчаю я ему.—Вѣдь вы знаете, что черезъ мое имѣніе ходитъ теперь почта изъ Б—ва въ Л—нъ.

— Знаю-съ.

— Такъ съ какой же благодати буду я мостъ чинить! Пусть его возьметъ въ свое завѣдываніе земская управа, вмѣстѣ съ гатью, которая у меня же въ имѣніи около Ивника: это ея дѣло... Я объ этомъ сдѣлалъ заявленіе земскому собранію еще съ осени.

— Мы въ уѣздную управу напишемъ-съ, а вы, покамѣстъ, все-таки мостъ поддержите-съ, чтобы какой бѣды не вышло. Вѣдь знаете-съ, тогда и намъ, и вамъ-съ большія будутъ непріятности.

Поддержать я обѣщалъ.

Прошла недѣля, другая, становой опять ко мнѣ заѣзжаетъ, на этотъ разъ съ бумажкой.

— Вотъ прочтите-съ. Что вы на это скажете?

Бумажка, дѣйствительно, была курьезная. Полицейское управленіе исполнило свое обѣщаніе, написало земской управѣ, что мостъ

въ моемъ имѣніи слѣдуетъ чинить земству, а не мнѣ. Что бы вы думали на это отвѣтила управа? Что ей о существованіи почтоваго тракта чрезъ мое имѣніе „ничего неизвѣстно". Меня это взорвало.

— Какъ неизвѣстно?—говорю я становому. —Да вѣдь это извѣстно всему уѣзду, и вамъ, и почтовой конторѣ, которая отправляетъ два раза въ недѣлю почту изъ Б—ва на Б—скую станцію и оттуда получаетъ корреспонденцію.

Становой только пожалъ плечами.

— Мнѣ,—говоритъ,—сдѣлано полицейскимъ управленіемъ подтвержденіе, чтобы мостъ былъ въ порядкѣ. Напишите-съ объясненіе.

Я объяснилъ все и помянулъ о своемъ осеннемъ заявленіи земскому собранію. Досада меня взяла, какъ это управѣ можетъ быть „неизвѣстно" то, что извѣстно всему уѣзду и всѣмъ уѣзднымъ властямъ и вѣдомствамъ. Что бы, кажется, стоило этой самой земской управѣ спросить полицію, спросить почтмейстера, спросить перваго встрѣчнаго; всѣ хоромъ удостовѣрили бы ее, что въ Б—къ дѣйствительно есть почтовый пунктъ и почтовый ящикъ для писемъ.

Но дѣло оказалось совсѣмъ не такъ просто, какъ я думалъ.

Случилось у меня дѣло до земской управы, и я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы объясниться о мостѣ.

— Бога вы не боитесь!—говорю я секретарю земской управы, человѣку большого природнаго ума, практику и дѣльцу, пользующемуся репутаціей весьма честнаго человѣка.— Что это вы понаписали въ отвѣтъ полицейскому управленію о мостѣ въ моемъ имѣніи?

— Хорошо вамъ говорить!—отвѣчалъ мнѣ секретарь. — Вы, разумѣется, совершенно правы, отказываясь чинить мостъ, по которому происходитъ почтовая гоньба; но войдите же и въ положеніе земства: нельзя же ему содержать къ одному и тому же пункту двѣ почтовыя дороги.

— Какъ двѣ?

— Да такъ, двѣ. Для земства обязательно содержать почтовый трактъ по ту сторону Оки изъ Б—ва въ Л—нъ; оно его и содержитъ. Постройка моста на этомъ трактѣ еще недавно обошлась земству въ 400 руб. Теперь вы говорите, что почту гоняютъ черезъ ваше имѣніе, стало-быть и эту дорогу тоже земству содержать? Ихъ, выходитъ, двѣ.

— Да вы бросьте ту дорогу, за Окой, по которой почта не проходитъ, и начните чинить эту, черезъ мое имѣніе. Вѣдь вы же знаете, что она перенесена.

— Знать-то мы, конечно, знаемъ, да какъ же это сдѣлать? Намъ нужно заявленіе отъ губернскаго начальства, что одинъ трактъ закрытъ, а другой открытъ.

— Зачѣмъ же дѣло стало? Напишите и получите. Вѣдь не своей же волей уѣздный почтмейстеръ отправляетъ почту на Б—ки, а, уповательно, тоже по распоряженію начальства.

— И писали, да отвѣта не имѣемъ.

Я понялъ, что всѣ мои сѣтованія на земскую управу были совершенно неосновательны. Вѣроятно и губернское начальство точно также въ этомъ дѣлѣ непричемъ. Вѣроятнѣе всего, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ разные департаменты дѣлаютъ распоряженія, не сносясь между собою, отчего и происходитъ вся путаница, которая всею своею тяжестью обрушивается на насъ, провинціаловъ. Для министерства все это не больше какъ бумага за нумеромъ, для насъ— денежный расходъ, или прошибенная голова, переломленная рука или нога. Что̀ дѣлать полиціи? Она, скрѣпя сердце, должна составить актъ о моемъ неповиновеніи ея распоряженіямъ, зная, что я совершенно правъ, не повинуясь: ей придется отвѣчать въ случаѣ какого-нибудь несчастія на мосту. За актомъ должны послѣдовать мѣры болѣе дѣйствительныя, чтобы принудить меня сдѣлать то, чего я по справедливости дѣлать не обязанъ. Между тѣмъ, бумаги за нумерами летятъ изъ уѣзда въ губернскій городъ, изъ губернскаго города въ Петербургъ и обратно, по инстанціямъ; разростается огромное дѣло; перья чиновниковъ скрипятъ, почта отвозитъ и привозитъ продукты чиновничьей дѣятельности. Пока разъяснится всеобщее недоумѣніе, единственный источникъ котораго — не посланная во̀-время бумага за нумеромъ, проѣзжающіе успѣютъ поломать себѣ руки, ноги и головы. Тогда возникнетъ новое и еще болѣе сложное дѣло объ отвѣтственности виновныхъ. Виновными окажутся не чиновникъ въ министерствѣ, забывшій написать бумагу, а полиція за неисполненіе служебныхъ обязанностей. Нѣкоторыхъ изъ наиболѣе невинныхъ уволятъ по третьему пункту отъ должности, мостъ велятъ отнынѣ чинить земству, такъ какъ тогда вполнѣ разъяснится, что трактъ черезъ мое имѣніе есть дѣйствительно

почтовый, а поломанныя головы и руки такъ и останутся поломанными.

Да и министерскій чиновникъ—чѣмъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, виноватъ? Онъ имѣетъ дѣло съ отвлеченностями, бумагами за нумерами; а извѣстно, что въ дѣйствіяхъ надъ отвлеченностями чрезвычайно легко ошибиться,—во всякомъ случаѣ несравненно легче, чѣмъ въ операціяхъ надъ непосредственными живыми фактами.

— Да это еще что!—говоритъ мнѣ содержательница разныхъ почтовыхъ станцій въ К—ской губерніи, въ томъ числѣ и Б—ской.—Вы подопрете вашъ мостокъ сваечкой, да положите бревнушко, да землицей или кострикой протрусите, такъ онъ, Богъ милостивъ, и продышетъ, пока тамъ разрѣшеніе по бумагамъ выйдетъ. А моя бѣда, вотъ такъ истинная бѣда и горе! На рѣчкѣ, гдѣ Б—ская станція стоитъ, никакого моста нѣтъ. Съ одной стороны мельница запружена, съ другой подпираетъ вода отъ мельницы, которая ниже по теченію построена. Вотъ и извольте переправлять почту! Еще когда большой водой нижнюю мельницу снесетъ, можно хоть въ бродъ переѣзжать; а когда вода поднята—истинное божеское наказаніе! Того и гляди почту потопишь! Въ какомъ я тогда буду отвѣтѣ? А чѣмъ я виновата? Сколько я просила или чтобъ мостъ тутъ построили, или чтобъ станцію на другое мѣсто свели—нѣтъ отвѣта да и только! Нашъ почтовый управляющій, честная, правдивая душа, губернатору объ этомъ писалъ—ни отвѣта, ни привѣта! Намедни губернаторскій чиновникъ особыхъ порученій этимъ самымъ трактомъ проѣзжалъ и все своими глазами видѣлъ: лошадей его, по-одиночкѣ, гуськомъ, кой-какъ черезъ мельничную плотину перетащили. Чего кажется лучше? И онъ же ничего! Такъ сердце и трепещется: а ну какъ какая бѣда приключится!

— Въ самомъ дѣлѣ, подумалъ я, а ну какъ почтовая корреспонденція потонетъ? Замучаютъ несчастную женщину судами да слѣдствіями, все изъ-за проклятой бумаги за номеромъ, которая не была послана во время.

„Какъ онъ мнѣ надоѣлъ съ своими мостами и почтовыми станціями“, думаешь ты, читая мое письмо. „У насъ здѣсь идутъ важные вопросы и обсуждаются коренныя административныя реформы, а онъ тутъ съ своими мостами и уѣздными почтовыми трактами. Вотъ ужъ, что говорится, обжился въ своемъ медвѣжьемъ углу и только свѣту и видитъ, что въ своемъ крохотномъ оконцѣ“.

Что дѣлать! Большому кораблю большое плаваніе! До насъ, маленькихъ людей, высшія государственныя соображенія доходятъ въ видѣ бумагъ за номерами, которыя рѣшаютъ безповоротно наше мизерное существованіе день за днемъ. Ты бы лучше не спрашивалъ, какъ мнѣ живется въ провинціи; а спросилъ, такъ имѣй терпѣніе выслушать. Я разсчитываю на то, что мои разсказы будутъ и тебѣ, и въ особенности намъ, обитателямъ захолустьевъ, очень полезны. Они немножко окоротятъ полетъ твоихъ высшихъ государственныхъ думъ черствой правдой дѣйствительной жизни; ты хоть вспомнишь, что бумаги, которыя ты разсылаешь, у насъ переводятся въ живые факты, управляющіе нашей судьбой; а вы, великіе и сильные міра сего, слишкомъ часто забываете это. Для васъ наши города, села и деревни, наши рѣчки, гати и болотца, наши чиновники, помѣщики, мужики, попы, купцы и мѣщане—только отвлеченныя, безличныя цифры, какъ двѣ капли, похожія одна на другую. Ты, напримѣръ, понимаешь ли разницу между почтовымъ трактомъ за Окой и по сю сторону Оки? Признайся, что то ли, другое ли, для тебя, какъ говоритъ одинъ мой знакомый изъ простолюдиновъ, все единственно! А для насъ это часто вопросъ чуть-чуть не жизни и смерти. Что̀ значатъ эти, по твоему, пустяки и мелочи, вотъ тебѣ примѣръ, и опять мостъ. Ѣзжу я изъ одного своего имѣнія въ другое черезъ деревню Ю—ку, за которой протекаетъ рѣчка; черезъ эту рѣчку и споконъ вѣка бывалъ мостъ, содержимый вмѣстѣ владѣльцами обоихъ береговъ, въ томъ числѣ владѣльцемъ церковной земли, в—кимъ священникомъ. Собираюсь я въ этомъ году ѣхать тѣмъ же путемъ, говорятъ—нельзя. Отчего нельзя? Моста нѣтъ. Что за оказія! Всегда бывалъ мостъ, а теперь вдругъ нѣтъ. Батюшка священникъ, объясняютъ мнѣ, заартачился: не хочу, говоритъ, строить моста: не изъ чего. А у в—ской церкви слишкомъ сто десятинъ земли, и тутъ же за рѣчкой много сосновыхъ деревъ. Какъ бы не быть изъ чего моста содержать? Я къ моему пріятелю, становому: помогите, говорю, приневольте попа мостъ поставить. „Не могу-съ, говоритъ: не въ нашемъ уѣздѣ“.—Да вы бы хоть сношеніе съ сосѣднимъ становымъ сдѣлали, чтобы тотъ поприневолилъ попа.—„Пи-

салъ-съ", говоритъ. „Мнѣ и самому изъ-за этого проклятаго моста приходится дѣлать каждый разъ крюку версты на двѣ, на три. А что̀ будутъ дѣлать мужики-съ, когда имъ придется съ возами сѣна и хлѣба изъ-за этого самаго моста въ бродъ у Б—ской мельницы переправляться: они лошадей и возы потопятъ-съ, да пожалуй и сами потонутъ-съ".

— Ну, что жъ становой?

— Да ничего-съ. Произвелъ дознаніе. Оказалось, что у попа есть чѣмъ строить мостъ; волостной старшина указалъ матеріалъ-съ.

— Чего-жъ лучше. Значитъ, мостъ будетъ?

— Такъ-съ становой и уѣхалъ, не урезонивъ попа. Характерный-съ, скажу вамъ, попъ. Его и въ полицейское управленіе приглашали—не поѣхалъ-съ. Что мнѣ, говоритъ, тамъ дѣлать.

— Такъ мы, значитъ, моста и не получимъ?

— Должно быть-съ.

И дѣйствительно. Прошло лѣто, такъ мы моста и не видали. „Экой окаянный попъ!" жаловались крестьяне, переправляя въ бродъ тяжелые возы на своихъ кляченкахъ. Я проклиналъ полицію. Какъ бы, кажется, не приневолить попа? Составилъ актъ, назначилъ срокъ; а не выстроилъ въ срокъ моста—построилъ его на счетъ попа, да и дѣлу конецъ. Что тутъ долго церемониться съ закоснѣлымъ упрямцемъ?

Такъ мнѣ думалось сначала; но потомъ взяло раздумье. Должно быть есть какія-нибудь соображенія, по которымъ полиція уклонилась отъ рѣшительныхъ мѣръ съ попомъ. Оставить цѣлое населеніе, въ самую нужную пору, безъ моста—дѣло слишкомъ вопіющее и рискованное. Ну, случится какое несчастіе! Отчего же полиція дѣйствовала въ этомъ случаѣ такъ уклончиво и нерѣшительно? Вѣроятно, потому же, почему и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Священникъ-батюшка—лицо духовное; пожалуй, осерчаетъ на полицію, напишетъ кляузную жалобу архіерею, что духовенству и причетникамъ отъ притѣсненій полиціи житья нѣтъ. Архіерей за своихъ вступится и пожалуется губернатору. Губернаторъ назначитъ чиновника разобрать дѣло,—ну, непріятности, подозрѣнія: не умѣешь, дескать, жить сь людьми. И останется у губернатора на примѣтѣ: должно быть сварливъ, рѣзокъ, безпокойнаго характера. А не то, возьметъ да и переведетъ въ другой уѣздъ, или въ другой станъ! Опять убытки, хлопоты, тащиться съ женой и дѣтьми въ другое мѣсто, да тамъ снова обзаводиться. Полиція и деликатится съ попомъ. Мнѣ объѣхать двѣ-три версты не важность и исторіи изъ-за этого подымать не стану: просто, лѣнь жаловаться. А мужики? Да если они всѣ въ рѣкѣ потонутъ, объ этомъ и узнаютъ-то только попъ да сама полиція; сѣтованія ихъ семействъ и мужицкой толпы никогда не дойдутъ до высшаго губернскаго начальства. Стало быть, нечего объ этомъ и думать. Логика эта тебѣ можетъ быть не понравится, но она выработалась и глубоко вкоренилась подъ вліяніемъ порядка вещей, который опредѣляетъ всю нашу жизнь, отъ колыбели до могилы. Если бы я былъ на мѣстѣ л—скаго исправника и становаго, я разсуждалъ бы точно такъ-же.—Жена, дѣти, переводъ въ другой уѣздъ по усмотрѣнію начальства или, чего добраго, увольненіе отъ должности по третьему пункту — вотъ не хитрыя условія, производящія или чрезмѣрную энергію или полное бездѣйствіе нашего низшаго чиновничества. Вамъ они по старой памяти представляются все Держимордами и Кувшинными рылами; но они ужъ перевелись въ провинціи, какъ перевелись и сытые предсѣдатели и совѣтники казенныхъ палатъ, какихъ можно было встрѣтить не мало еще какихъ-нибудь двадцать-пять лѣтъ тому назадъ. Теперь не рѣдкость встрѣтить между уѣздными чиновниками людей вполнѣ порядочныхъ; но судьба ихъ горемычная: дѣла много, жалованье грошовое и совершенная зависимость отъ каприза начальства. Не понравился—вонъ, безъ суда и расправы, иногда за то только, что для другого нужно мѣсто очистить, иногда за то, что по закону поступилъ. И иди съ семьей голодать и холодать куда знаешь! Всюду крѣпостное право изгнано, а надъ мелкими чиновниками оно удержалось, да еще какъ! Не даромъ гражданскіе чиновники завидуютъ военнымъ; у послѣднихъ, при всей строгости военной дисциплины, есть кой-какія гарантіи и обезпеченіе противъ произвола начальства; у гражданскихъ чиновниковъ, особенно маленькихъ, — ровно никакихъ. Они и вынуждены лавировать, угождать, гнуться въ три погибели.

II.

Ты называешь меня пессимистомъ за мое письмо. Тебѣ кажется, что я слишкомъ мелочно и односторонне смотрю на вещи и

озлобляюсь въ сущности такими пустяками, о которыхъ и говорить не стоитъ. Утѣшаешь ты меня тѣмъ, что у насъ дики нравы, невѣжество, съ которыми разомъ не справишься. Возьми терпѣніе, пишешь ты: понемногу все перемелется, мука будетъ. Хорошо тебѣ говорить — пустяки, а изъ этихъ пустяковъ слагается вся наша провинціальная жизнь! Для тебя пустяки, что у меня на желѣзно-дорожной станціи проросло и попрѣло пятьдесятъ четвертей овса, что мой сыръ пріѣхалъ въ Петербургъ пропитанный запахомъ дегтя, а для меня изъ ряда такихъ пустяковъ слагается полное разореніе. Да и ты самъ, не во гнѣвъ тебѣ будь сказано, только вѣтренничаешь, бросая мнѣ такія утѣшенія. Признайся, тебѣ объ насъ некогда подумать, да нѣтъ и охоты подумать! Да и въ самомъ дѣлѣ, что тебѣ Б—въ или Л—нъ? За меня, своего добраго пріятеля, ты, пожалуй, готовъ замолвить словечко тому, другому, даже, пожалуй, письмо или бумажку за номеромъ написать; но Б—въ, Л—нъ, или З—къ, или Ч—ма, для тебя сами по себѣ вовсе не интересны; я даже подозрѣваю, что ты путемъ и не знаешь, гдѣ они. Тамъ гдѣ-то! Досконально, во всей подробности, ты знаешь Невскій проспектъ, Морскую, Литейную, оперу, Бореля, концерты, Павловскъ и т. п. Кромѣ того, ты, разумѣется, изучилъ въ подробности всѣ ходы и выходы къ созданію себѣ въ службѣ приличнаго положенія, къ возможно быстрому повышенію въ должности и соотвѣтствующихъ окладахъ, къ полученію наградъ, столь усладительныхъ для жизни чиновника. Это твои цѣли, а все прочее — средства и при томъ болѣе или менѣе скучныя и надоѣдливыя. Всѣ наши нужды, надежды и скромныя пожеланія представляютъ для тебя нѣчто только въ виду твоего личнаго благополучія, а внѣ этого—какое тебѣ до нихъ дѣло? Поручили тебѣ, напримѣръ, составить росписаніе часовъ пріема телеграммъ на телеграфныхъ станціяхъ такого-то округа и велѣли приготовить къ докладу завтра; а у тебя, какъ нарочно, сегодня приглашеніе на обѣдъ, а оттуда надо плыть да быть въ Александринкѣ; всего на дѣло можно удѣлить часъ-другой — не больше. Понятно, съ какой досадой ты пробѣгаешь глазами списокъ пятидесяти или шестидесяти телеграфныхъ пунктовъ, надъ которыми ты долженъ поработать. Тебѣ и названія-то большей части этихъ пунктовъ встрѣчаются въ первый разъ. Гдѣ они, что они, чѣмъ отличаются другъ отъ друга, кому и зачѣмъ могутъ понадобиться, — а чортъ ихъ знаетъ! А составить росписаніе поскорѣй надо. Попадается тебѣ на глаза К—скъ, К—ой губерніи. К—скъ! Гмъ! Когда же тамъ можетъ понадобиться отправить телеграмму? Дрянь должно быть и городишко-то весь! Ты соображаешь, и первое, что представляется твоему уму при отсутствіи всякихъ другихъ данныхъ — это то, что телеграфный чиновникъ долженъ же когда-нибудь отдохнуть и пообѣдать: это тебѣ извѣстно по собственному опыту. Эти хамы, провинціальные чиновники, разсуждаешь ты, обѣдаютъ, когда мы завтракаемъ, а по воскресеньямъ и праздникамъ визиты другъ другу дѣлаютъ, — таковъ у нихъ дурацкій обычай. Вотъ и пишешь ты: К—скъ: пріемъ телеграммъ въ обыкновенные дни отъ 9 утра до 9 вечера, исключая обѣденнаго времени отъ 12 до 2-хъ. По воскресеньямъ и праздникамъ пріемъ телеграммъ только отъ 9 до 11 часовъ утра. По такимъ же глубокомысленнымъ основаніямъ составляешь ты росписаніе и для другихъ градовъ и весей округа. Работа кипитъ, къ сроку она готова, одобрена начальствомъ и предписана провинціальнымъ хамамъ къ исполненію. Ты свое дѣло сдѣлалъ, попалъ во время и къ обѣду, и въ Александринку, а для меня, провинціала, вышелъ изъ этого вотъ какой казусъ: пріѣзжаю я въ К—скъ въ торговый день, какъ разъ послѣ полудня, съ весьма нужной депешей. Нѣтъ пріема. У меня, провинціала, логика совсѣмъ не та, что у тебя. Я разсуждаю такъ: телеграфъ устроенъ и существуетъ для нашихъ надобностей. Совершенно справедливо, что телеграфный чиновникъ есть человѣкъ и, какъ таковой, имѣетъ нужду и во снѣ, и въ обѣдѣ. Поэтому ему надо предоставить въ распоряженіе всю ночь, хоть отъ 9 вечера до 9 утра. Кажется довольно. Кромѣ того, ему нужно и пообѣдать среди дня. Но среди дня и мнѣ можетъ случиться крайняя надобность отправить депешу. Какъ же согласить одно съ другимъ? А очень просто! Въ К—скѣ два телеграфныхъ чиновника: пусть среди дня одинъ дежуритъ за другого, пока этотъ обѣдаетъ. Что ты обо мнѣ не подумалъ, когда составлялъ росписаніе, мнѣ это и въ голову не могло придти. И вотъ, получивъ отказъ, я бѣшусь, ругаю въ душѣ чиновника на чемъ свѣтъ стоитъ, съ сосредоточенной злобой вы-

ражаю ему мою досаду, что на телеграфѣ нѣтъ никого посреди бѣла дня, когда торговля на базарѣ въ полномъ разгарѣ, и чувствую себя совершенно одураченнымъ, когда чиновникъ на всѣ мои злобныя выходки отвѣчаетъ... указаніемъ на росписаніе! Онъ совершенно правъ. Но согласись, что и я не совсѣмъ неправъ, скромно желая, чтобы телеграфная служба была хоть сколько-нибудь соображена съ нашими провинціальными потребностями и нуждами. А благодаря тебѣ, на дѣлѣ выходитъ, что телеграфъ у насъ самъ по себѣ, а мы тоже сами по себѣ.

III.

Напрасно ты на меня гнѣваешься за мое послѣднее письмо, думая, что имъ я хотѣлъ спеціально уколоть тебя. То, что я говорю о несообразностяхъ по телеграфной службѣ, на которыя случайно натолкнулся, совсѣмъ не исключеніе. Куда не обратись — вездѣ одно и то же: полное незнаніе нуждъ и потребностей массы народа и насъ, провинціаловъ, полное и совершенное къ нимъ невниманіе. Судъ и судебное вѣдомство, — ужъ кому бы, какъ не имъ, слѣдовало бы быть чуткими къ народнымъ нуждамъ и потребностямъ, а посмотри, какъ судебное вѣдомство къ намъ относится: ничуть не лучше телеграфнаго, пожалуй, даже хуже! Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, — у насъ судьи и судебные чиновники — люди порядочные и честные; а попадешь имъ въ руки—отъ чего Боже сохрани — разорятъ, не хуже старинныхъ крючковъ и взяточниковъ.

Приходитъ ко мнѣ баба и кланяется въ ноги.

— Помоги, батюшка, разорили совсѣмъ! Купила я четыре десятины земли, три пашенныхъ, одну луговую, съ публичныхъ торговъ, а меня вотъ ужъ три года не допускаетъ прежній хозяинъ, ни пахать, ни косить.

— Купчая есть?

— Какъ же, батюшка, и купчая, и вводный листъ,—все какъ надо.

— Смотрю: дѣйствительно, купчая, утвержденная старшимъ нотаріусомъ, и формальный вводный листъ.

И вотъ съ такими-то, пушкой не прошибаемыми правами, баба не можетъ добиться, чтобъ ей дали безъ помѣхи пахать свою землю и косить свою траву. Баба безграмотная и куда ей обратиться съ жалобой — не знаетъ. Проситъ уѣздное присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ — то, разумѣется, говоритъ: не мое дѣло. Проситъ волостного старшину — тотъ отговаривается тѣмъ, что де у бывшаго хозяина душевой надѣлъ не отмежеванъ отъ земли, лично ему принадлежащей на правахъ собственности, и потому разобрать нельзя, какая именно земля продана. Между тѣмъ, срокъ для принесенія жалобы мировому судьѣ пропущенъ. Надо жаловаться окружному суду, т.-е. ѣхать за 120 верстъ, въ Т—у, нанять адвоката, подавать просьбы, платить пошлины,—словомъ, дѣлать затраты, чего сама земля не стоитъ.

Приходитъ ко мнѣ мужикъ посовѣтоваться, что ему дѣлать въ такой бѣдѣ: барыня продала ему мельницу съ землей и деньги 900 рублей сполна получила, на образъ молилась, что совершитъ купчую, а росписку въ полученіи не дала: ты, Сергѣй, меня хорошо знаешь, и я между вами столько лѣтъ живу; какъ же мнѣ тебя обмануть? Вотъ тебѣ Христосъ и его святые угодники въ свидѣтели, что совершу купчую, и мы напишемъ, что деньги сполна получила; или заходи на дняхъ, если не вѣришь,—росписку дамъ. Проходятъ дни за днями, а барыня ни росписки не даетъ, ни купчую не совершаетъ. Мужикъ начинаетъ подозрѣвать, что что-то неладно. А барыня ужъ ведетъ такія рѣчи: что это ты, Сергѣй, съ моей земли не по праву избу продалъ на свозъ? Я тебѣ землю въ аренду сдала, а изъ аренды, извѣстно, ничего нельзя продавать. — Какъ, говоритъ мужикъ, сударыня, въ аренду взялъ! Я землю и мельницу въ вѣчную купилъ. — Барыня не посовѣстилась подать мировому судьѣ прошеніе, что де мужикъ землю и мельницу держитъ за свою, а она у него въ арендѣ, и онъ принадлежащую ей избу продалъ, такъ чтобъ заставили мужика землю и мельницу возвратить и ей за убытки заплатить. На счастье, при покупкѣ и уплатѣ денегъ священникъ былъ. Спрошенный по ссылкѣ мужика, на судѣ онъ разсказалъ, какъ было дѣло. Нечего дѣлать, пошла барыня на мировую и обязалась купчую совершить. Написали купчую. Глядь, а старшій нотаріусъ ее не утверждаетъ, потому что земля и мельница барынѣ, по завѣщанію, отказаны въ пожизненное владѣніе, а не въ собственность. Взвылъ мужикъ. Что тутъ дѣлать? По справедливости разсуждая, надо бы барыню за обманныя дѣйствія къ уголовному суду притянуть и тюрьмой на-

казать: не обманывай, не плутуй. Но кому же какое дѣло, что барыня мужика разорила? Мужику ее преслѣдовать — мошны не хватитъ; а убытки на ней искать — опять трата по пустому: у нея ничего за душой нѣтъ. Подвернулись стракулисты и говорятъ мужику: „Ты вотъ что сдѣлай: дай на себя женѣ долговое обязательство. Она пусть представитъ ко взысканію, а ты укажи на землю и мельницу. Ихъ продадутъ съ публичнаго торга, и ты свое воротишь". А что публичные торги не дѣйствительны, когда чужое имѣніе продано, объ этомъ стракулисты или не знали, или умолчали. Имъ бы только съ кого деньги сорвать, а что изъ этого выйдетъ—до этого имъ нѣтъ дѣла.

Что эти уѣздные аблакаты и брехунцы съ безграмотными мужиками дѣлаютъ, какъ они ихъ обманываютъ и обираютъ, — объ этомъ ты, въ Петербургѣ, и понятія не имѣешь! Не хуже кулаковъ, они ловятъ сермяжный людъ чуть не на улицѣ, и онъ охотно идетъ къ нимъ въ сѣти, потому что не имѣютъ мужики никого, кто бы ихъ защитилъ и помогъ имъ добрымъ совѣтомъ, а аблакаты имъ обѣщаютъ всякое дѣло обдѣлать, лишь бы получить деньги; мужики и обжигаются на нихъ, какъ мотыльки на свѣчкѣ.

Приходитъ Федоръ къ Тимофею Климычу, содержателю постоялаго двора, выпивши малую толику, сосчитаться въ томъ, что у него забиралъ и что ему продавалъ чуть ли не за годъ. По счету Климыча выходитъ, что Федоръ ему долженъ десять рублей съ копѣйками, а по счету Федора—Климычъ ему долженъ около того. Повздорили, поругались. Климычъ и вытолкалъ Федора изъ лавки. Аблакатъ тутъ какъ тутъ: ты, говоритъ, Федоръ, подай жалобу на Климыча, что онъ тебя изъ лавки недобрымъ порядкомъ прогналъ: его можно и въ тюрьму за это засадить. Приходитъ Федоръ ко мнѣ посовѣтоваться: я, говоритъ, Климычу въ октябрѣ восемь мѣръ конопли продалъ, а она у него такого-сякого, не записана. Поѣхалъ я къ Климычу, тотъ показалъ мнѣ въ книгѣ разсчетный листъ съ Федоромъ. Оказывается, что конопля записана. Насилу мнѣ удалось вырвать Федора изъ челюсти брехунцовъ.

А то вотъ, мужики сосѣдней деревни купили у помѣщицы землю, оставшуюся у нея за надѣломъ, а деньги заняли у трактирщика. Захотѣлось имъ отъ этого долга отдѣлаться: условія были, что ли, тягостны—ужъ не знаю. Тотчасъ подвернулся аблакатъ: я, говоритъ, вамъ это дѣльцо обдѣлаю. Мужики его за это обязались цѣлую зиму снабжать, сверхъ денегъ, хлѣбомъ, съѣстными припасами, дровами, соломой. Жилъ брехунецъ на мужицкій карманъ цѣлую зиму припѣваючи, а дѣльца, разумѣется, не обдѣлалъ, только трактирщика озлобилъ противъ мужиковъ.

Вы тамъ, въ Петербургѣ, толкуете много о святости права собственности. А посмотрѣли бы вы, какъ эти священныя права у насъ ни во что ставятся. Мировые судьи, кажется, и сами не разберутъ, какія дѣла они могутъ принимать къ своему разсмотрѣнію, какія нѣтъ Можетъ быть, законы на этотъ случай и очень хороши, только не про насъ они писаны, мы и путаемся. А ужъ въ нотаріальныхъ порядкахъ, которые вы намъ создали, умъ помутится, ничего не поймешь! Есть укрѣпленіе правъ чрезъ волостное правленіе, есть просто нотаріатъ, есть старшій нотаріусъ самъ по себѣ, есть укрѣпленіе правъ чрезъ крестьянскія учрежденія. Поди тутъ, разбери, къ кому, какъ и въ какомъ случаѣ обращаться! Совершили мужики между собою раздѣлъ въ волостномъ правленіи должнымъ порядкомъ и не можетъ одна сторона добиться, чтобы заставить другую исполнить условія раздѣла. Приходитъ мужикъ къ мировому судьѣ, тотъ его въ зашей гонитъ.—Да къ кому же мнѣ обратиться? спрашиваетъ мужикъ. — А къ кому хочешь, только не ко мнѣ. — Проситъ мужикъ старшаго нотаріуса утвердить купчую крѣпость на землю, совершенную на основаніи раздѣльнаго акта, засвидѣтельствованнаго въ волостномъ правленіи. Отказываетъ: я, говоритъ, принялъ за правило то-то и то-то, совершенно криво толкуя законъ. Ужъ сказалъ бы просто: „мы, Божіею милостію, старшій нотаріусъ такой-то, признали за благо постановить" то и то. Ты скажешь: да вѣдь есть же на старшаго нотаріуса какая-нибудь управа? Есть, какъ же ей не быть. Только мужикамъ-то она не по карману. Рѣчь идетъ о десятинѣ, другой, подчасъ о полдесятинѣ и меньше. А сколько нужно денегъ—съѣздить въ губернскій городъ за 120 верстъ, ждать тамъ, пока старшему нотаріусу благоугодно будетъ вразумиться и исполнить нотаріальный минуэтъ по всѣмъ правиламъ искусства. И все это изъ-за какой нибудь десятины! И махнетъ рукой мужикъ, скрѣпя сердце. За этими отказами и проволочками, глядишь, и

отъ сдѣлки, на которую обѣ стороны согласились, одна ужъ отказывается. Не утвердили ее, значитъ, она и незаконная. Со мной именно такой случай былъ. Крестьяне двухъ нашихъ бывшихъ деревень владѣютъ пашнями порознь, а покосами сообща. Изъ-за этихъ покосовъ у нихъ происходили безпрестанныя ссоры, кончившіяся враждой. Задумали мужики, чтобы не дойти до грѣха, разверстаться покосами, но не знали, какъ за это взяться, и обратились съ просьбами ко мнѣ. Послѣ долгихъ споровъ и безконечнаго галдѣнья, мнѣ удалось настоять на томъ, чтобы они на чемъ нибудь сошлись и помирились. И дѣло-то все грошевое было: одни уступали десятины двѣ заливного лугу и получали въ обмѣнъ около того же въ пахотной землѣ. Ударили по рукамъ, помолились Богу, подписали полюбовную сказку и представили ее въ уѣздное присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ. Мы всѣ были увѣрены, что дѣло покончено; анъ, не тутъ-то было! Изъ уѣзднаго присутствія сдѣлка крестьянъ поступила на утвержденіе въ губернское, а оно взяло да отказало; почему — это только Богъ вѣдаетъ! Недовольные сдѣлкой,—а недовольныхъ вездѣ и всегда по всякимъ дѣламъ довольно бываетъ,—обрадовались этому: значитъ, сдѣлка незаконная, когда правительство ее не утвердило. Что̀ дѣлать? Надо было подавать прошеніе министру внутреннихъ дѣлъ, а недовольные отказываются ее подписать: насилу, насилу уломали. Министерство велѣло сдѣлку утвердить. Но сколько хлопотъ, писанія бумагъ, сколько времени потрачено, пока все это было продѣлано! Вотъ тебѣ и священныя права! Нотаріальныя учрежденія точно для того созданы, чтобы не укрѣплять, а разорять права. Они, подобно телеграфнымъ порядкамъ, сдѣланы не для насъ, а для продѣлыванія какихъ-то бумажныхъ обрядовъ, которые съ дѣйствительными правами далеко расходятся. Если такъ долго продолжится, появятся свои домашніе порядки укрѣпленія правъ помимо старшихъ нотаріусовъ, а они будутъ сами по себѣ выполнять свои бумажныя укрѣпленія. Да что и говорить! Благодаря нотаріату, ты не можешь совершить сдѣлку, какъ ты хочешь, а совершай ее такъ, какъ соблагоизволитъ старшій нотаріусъ, а онъ соблагоизволитъ иногда такъ, что ты и не узнаешь тѣхъ условій, какія заключилъ; а не согласишься, какъ онъ хочетъ, ну и оставайся такъ, безъ сдѣлки! Сводъ гражданскихъ законовъ говоритъ, что если ты провладѣлъ десять лѣтъ добросовѣстно, непрерывно и безспорно землею на правахъ собственности, такъ она твоя. Старшій нотаріусъ,—провладѣй ты такъ сто лѣтъ,—не утвердитъ купчей на такую землю: онъ знаетъ одно: бумагу. Нѣтъ бумаги, даже и крѣпость есть да нѣтъ вводнаго листа,—и нельзя продать и купить земли. Вотъ и вспомнишь старые уѣздные суды и гражданскія палаты! Бывало надо купить или продать землю, которая обратилась въ собственность по давности, и прикажетъ судъ допросить мѣстныхъ жителей, сосѣдей той земли: кто ею владѣетъ и сколько времени. Скажутъ на обыскѣ, что подлинно такой-то владѣетъ больше десяти лѣтъ, и выдастъ судъ хозяину по давности данную, а затѣмъ совершитъ купчую. Каковы ни были старые суды, а отъ здраваго смысла въ этомъ случаѣ не отступали и не отнимали правъ, которыя даетъ законъ. Вы же насажали намъ юсовъ-тирановъ и написали нотаріальныя правила, которыя нашихъ правъ знать не хотятъ, сдѣлали утвержденіе мелкой поземельной собственности невозможной и похерили обращеніе недвижимаго владѣнія чрезъ давность въ собственность. Мы бились, бились, жаловались въ журналахъ—ничего не вышло; сенатъ съ десятокъ разъясненій написалъ—ихъ никто знать не хочетъ. Думали, думали и придумали вотъ какую хитрую штуку. Хочешь ты мнѣ продать землю или другую недвижимость, на которую у тебя нѣтъ документовъ, ты мнѣ выдаешь долговое обязательство въ такую сумму, которая много выше того, чего это имущество стоитъ. Затѣмъ, начинается такая комедія: я предъявляю это долговое обязательство ко взысканію; ты, хоть и богатый человѣкъ, говоришь, что заплатить нечѣмъ; тогда я указываю на самую эту недвижимость, которую хочу у тебя купить. Ее продаютъ съ публичнаго торга и она остается за мною, потому что конкуррентовъ нѣтъ: никто за нее больше меня дать не можетъ. Затѣмъ я получаю на ту недвижимость данную и дѣлу конецъ. Этотъ длинный, хлопотный и дорого стоющій обходъ выдуманъ потому, что поперекъ прямого пути старшими нотаріусами и нотаріальнымъ положеніемъ камень заваленъ, проходъ и проѣздъ воспрещены. Я самъ былъ разъ поставленъ въ такое положеніе. Купилъ я у пріятеля заливного лугу десятинъ пять слиш-

комъ и не рѣшился идти въ обходъ. Посуди самъ: и стыдно какъ-то воровскимъ маперомъ покупать, что по закону могъ бы купить просто; и совѣстно комедію ломать съ пріятелемъ, заставлять его несостоятельнымъ себя объявлять, когда онъ, слава Богу, хорошій достатокъ имѣетъ. Да и то меня мучило: возьму я съ него долговое обязательство въ полтора раза противъ того, за что лугъ купленъ; а ну я на другой день умру? Мои наслѣдники, не зная, что долгъ—дутый, начнутъ съ моего пріятеля, который хотѣлъ мнѣ же одолженіе сдѣлать, взысканіе и взыщутъ чего онъ долженъ никогда не былъ. Такъ я и махнулъ рукой и теперь спокойно владѣю лугомъ, выплачивая за него пріятелю подати и повинности; покупную же сумму я ему давно уплатилъ и жду, пока десять лѣтъ минетъ; авось-либо, къ тому времени старшіе нотаріусы перестанутъ быть самовластными распорядителями нашихъ правъ и нотаріальныя правила, лишающія насъ того, что намъ даетъ законъ, замѣнятся такими, которыя не разрушаютъ, а дѣйствительно утверждаютъ права собственности. Только казна въ накладѣ остается: я ей заплачу пошлины десять лѣтъ позднѣе.

IV.

Причина всѣхъ нашихъ бѣдъ, пишешь ты,—наше невѣжество; выучились бы мужики грамотѣ и знали бы мы лучше законы, то ни аблакаты и брехунцы насъ бы не обирали, и старшіе нотаріусы не ѣздили бы такъ спокойно на насъ верхомъ. Мужикъ, говоришь ты, неучъ, а мы сидимъ у себя по угламъ и не слѣдимъ за тѣмъ, что на бѣломъ свѣтѣ дѣлается. Нами и помыкаютъ, камъ дурнями. И по дѣломъ!

Видно вы, петербургскіе умники, чиновники и интеллигенція, и взаправду ничего не понимаете въ нашихъ дѣлахъ! Очень вы ужъ свысока на насъ смотрите; не худо бы вамъ иногда вспомнить, что вы живете на нашъ счетъ и потому должны бы что-нибудь для насъ дѣлать; а вы, вмѣсто того, живете только въ свое удовольствіе и облегчаете себя отъ исполненія своихъ обязанностей тѣмъ, что насъ же презираете и надъ нами же издѣваетесь.

Учиться, знать законы! Легко сказать; а гдѣ учиться? Узнать законы можно всякому грамотному, когда ихъ можно въ боковомъ карманѣ носить; а нашихъ законовъ на возѣ не увезешь, да многое ихъ множество въ циркулярахъ содержится, которые только вамъ однимъ и извѣстны, а къ намъ они только примѣняются.

Знаешь ли ты, петербургскій умникъ, наши школы? Подумалъ ли ты объ нихъ когда-нибудь серьезно? Еслибы ты ихъ зналъ, да объ нихъ подумалъ, ты бы перестал смѣяться и презирать. Наши деревенскія школы—грошевыя. Мужику ихъ строить и содержать не изъ-чего, и существуютъ онѣ подаяніемъ. У насъ ихъ около шестидесяти въ уѣздѣ, а земство отпускаетъ на школы всего-на-все двѣ тысячи рублей. Учитель или учительницы должны на 60 рублей въ годъ себя содержать, а квартира, и то пока идетъ ученіе, обыкновенно помѣщается рядомъ съ волостной избой, куда народъ ходитъ, гдѣ запахъ тютюна не переводится, гдѣ—либо такая стужа, что надо въ шубѣ сидѣть, либо угаръ такой, что голова разлетѣться въ дребезги хочетъ. Вотъ тебѣ наша школа! А прошло время ученія,—ступай учитель или учительница куда хочешь, живи хоть Христовымъ именемъ. Гдѣ учитель сытъ, живетъ въ сухомъ и тепломъ жильѣ, да получаетъ рублей сто, полтораста, такъ это рай, предметъ зависти. У насъ съ учительницы, которая 60 рублей получала, еще деньги за учебники для школы вычли. Вотъ что! Да и этихъ жалкихъ 60 рублей не допросишься мѣсяцевъ по восьми. Ходитъ учитель за 15 или 20 верстъ, кланяется, молитъ, съ голоду умираетъ: приходи, говорятъ, недѣльки черезъ три; а тамъ опять черезъ двѣ. И такъ цѣлые мѣсяцы проходятъ. А вы хотите, чтобы у насъ учители по деревнямъ были, да еще требуете, чтобы онъ удовлетворялъ извѣстнымъ условіямъ образованія! Какъ же не сказать, что вы ничего въ нашихъ дѣлахъ не смыслите! Въ другихъ мѣстахъ бываетъ и иначе, только врядъ ли лучше. Сдѣлаютъ раскладку на школы на весь уѣздъ и устроютъ школъ десять, двѣнадцать. Платятъ всѣ, а учиться могутъ только тѣ, кто близко живетъ къ школѣ; а кто дальше, верстъ за десять или за пятнадцать, и не изъ чего содержать ребенка тамъ, гдѣ устроена школа, тотъ такъ и не учитъ своихъ дѣтей, хоть и платитъ. А ты говоришь: пусть мужикъ грамотѣ учится! И радъ бы учился, да негдѣ, не у кого. Вѣдь по нашей осенней слякоти, зимнимъ вьюгамъ и сугробамъ не пошлешь

ребенка проперетъ каждый день верстъ десять, пятнадцать, двадцать, и такъ мѣсяцевъ шесть; и лошади это не подъ силу будетъ! Вы же, ничего этого не зная, толкуете еще объ обязательномъ обученіи! Пріѣзжайте пожить съ нами годъ-другой, тогда сами надъ собой расхохочетесь, или съ нами заплачете; и лучше будетъ, если заплачете. Но о деревенской школѣ что и говорить! Сердце надрывается, на нее глядя, и досада беретъ, когда вы объ ней толкуете. Посмотри вотъ хоть, что̀ въ городахъ дѣлается. Назначили у насъ въ прогимназію, послѣ злющаго инспектора, разогнавшаго всѣхъ учениковъ и учителей, добраго старика, который сразу прогимназію поставилъ на ноги. Вмѣсто 18 учениковъ, набралось 45. Всѣ вздохнули, обрадовались и успокоились, что нажили наконецъ своимъ дѣтямъ хорошаго человѣка въ наставники. Вдругъ, ни съ того, ни съ сего, начальство взяло, да и смѣнило старика. Назначили на его мѣсто другого; говорятъ—и этотъ тоже добрый и хорошій человѣкъ; но перваго-то зачѣмъ смѣнили? Всѣмъ пришелся по сердцу добрый старикъ, и ученикамъ, и родителямъ, и самъ онъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ. Ему бы доживать свой вѣкъ въ нашемъ медвѣжьемъ углу! Заботился онъ о своей прогимназіи очень; такъ нѣтъ же, вымели его вонъ, не спросясь никого, даже не подумавъ освѣдомиться, что̀ онъ и какъ на своемъ мѣстѣ! Такая ужъ у васъ привычка ни въ грошъ насъ не ставить! А подати вы съ насъ куда какъ усердно собираете! Грошу въ карманѣ не дадите залежаться.

Вашимъ примѣромъ и духовное вѣдомство заразилось; и оно зорко наблюдаетъ за поступленіемъ свѣчного сбора, а съ нами, прихожанами, поступаетъ, по своему благосоизволенію, очень безцеремонно, не думая справляться, нравится ли это намъ, или нѣтъ. Не такъ давно вотъ какой случай въ одномъ изъ нашихъ приходовъ былъ. Попалъ церковный староста подъ слѣдствіе и судъ, съ предварительнымъ арестомъ. Какъ быть безъ церковнаго старосты? Прихожане и выбрали другого. А консисторія и пишетъ: утвердить вамъ новаго церковнаго старосту на время можно, а на всегда ни-ни. Если прежній оправится передъ судомъ, то новаго прочь, а прежняго опять возьмите. Прихожане—народъ русскій, смирный—и тѣ вышли изъ себя. Какъ же это такъ, разсуждали они: церковный староста подъ судъ попалъ, сталъ намъ не любъ и довѣріе наше потерялъ: мы должны его опять взять, если его судъ оправдаетъ, а новаго, которому мы вѣримъ и который намъ любъ, отставить? На что же это похоже! Развѣ намъ судъ—указъ; въ судѣ зачастую по бумагамъ судятъ, а не по дѣламъ; а церковный староста—лицо довѣренное. Какъ же это консисторія можетъ намъ предписать: вѣрь тому, а не этому?! Кончится это дѣло навѣрное, какъ всѣ дѣла кончаются: пошумятъ, погалдятъ прихожане, да и махнутъ рукой. Что жъ съ консисторіей подѣлаешь! Не первое такое дѣло и не послѣднее. Пожалуешься—и опять же консисторія права будетъ. Она вѣдь вѣдомство, а вѣдомство передъ нами, обитателями медвѣжьихъ угловъ, всегда будетъ чисто и право. Не при насъ такъ началось, не при насъ и кончится.

V.

Слышимъ мы, что у васъ, въ Петербургѣ, опять идетъ какая-то перемѣна. Судя по людямъ, надо ждать хорошаго. Дай Богъ! Ужъ очень тошно стало жить въ эти послѣдніе годы,—такъ тошно, что и сказать нельзя! Одинъ, два, нѣсколько шальныхъ натворятъ бѣды, а мы, ни въ чемъ неповинные, за нихъ отдувайся! И ума не приложимъ, за что̀ на насъ такая напасть стряслась! Дай Богъ, чтобы полегче и поспокойнѣе стало. Оставьте насъ мирно, безъ тревоги, прозябать по нашимъ угламъ. И своихъ досадъ и тягостей столько, что не оберешься, а тутъ еще новыя, ни вѣсть откуда и за что.

Порадовался я съ горяча очень добрымъ вѣстямъ, а потомъ и призадумался. Что у такихъ людей, какъ ты, доброе и хорошее на умѣ—этому я отъ души вѣрю. Только сумѣете ли вы дѣло сдѣлать—вотъ надъ чѣмъ мы крѣпко задумываемся. Мало вы насъ знаете—вотъ ваша и наша бѣда. Судите вы обо всемъ вообще, и вдобавокъ съ предубѣжденіемъ, что мы дурачье, невѣжды, лѣнтяи, ничего какъ есть не понимаемъ. Недавно всѣхъ насъ заурядъ, чуть-чуть не поголовно, злоумышленниками считали и такъ подтягивали крѣпко, что нельзя было и дохнуть. Изъ этого ничего, разумѣется, путнаго не могло выйти и не вышло. Теперь слышно, вы говорите: надо земствамъ побольше простору дать, и все пойдетъ хорошо. Сильно я боюсь, что изъ этого опять мало толку будетъ. Знаете

ли вы наши земства? Я сильно подозрѣваю, что вы и ихъ не знаете. Подвернулся вамъ въ разговорѣ хорошій и знающій человѣкъ изъ земцевъ и говоритъ дѣло, подлестился къ вамъ проходимецъ изъ земцевъ же, ожидающій отъ васъ великихъ и богатыхъ милостей, и напѣваетъ вамъ съ три короба въ вашу дудку—вы порядкомъ не разберете, кто говоритъ правду и кто безсовѣстно вретъ. Еслибы вы наши дѣла поближе знали, вы бы разобрали и на теперешнее земство большихъ надеждъ не возлагали бы. Есть всякія земства, и очень хорошія, и такъ себѣ, и вовсе никуда негодныя. Дайте всѣмъ безъ разбору возжи, и вы во многихъ мѣстахъ столько бѣды надѣлаете, что потомъ годами ее не исправите. Вамъ вспоминается, какія были земства, пока ихъ не *окоротили*; а вы возьмите ихъ, каковы они *теперь!* Крестьяне изъ нихъ почти исключены; ихъ тщательно и долго оттирали и, наконецъ, оттерли. Люди хорошіе, знающіе и опытные, къ земскому дѣлу, послѣ всего того, что съ нимъ дѣлалось, расхолодѣли и отъ него отшатнулись; а засѣли въ нихъ, густой массой, почти исключительно дворяне, въ большинствѣ или совершенное ничтожество, или бывшіе крѣпостники, которые продолжаютъ и по сей день вздыхать о блаженномъ старомъ времени, когда имъ жилось легко и привольно, и стараются не мытьемъ, такъ катаньемъ, по возможности, подобрать и сохранить крохи, уцѣлѣвшія отъ роскошнаго стола, унесеннаго у нихъ изъ-подъ носу 19 февраля 1861 года. Вы въ Петербургѣ воображаете, что крѣпостное право умерло, похоронено и память о немъ исчезла? Очень ошибаетесь! Оно живетъ еще во взглядахъ, понятіяхъ, привычкахъ и помѣщиковъ, и крестьянъ, и если будетъ, какъ было до сихъ поръ, поддерживаться администраціей губернской и петербургской, то проживетъ еще долго. Исчезло только мелкое дворянство; среднее, уцѣлѣвшее отъ погрома эманципаціи, и крупное пропитались понятіями промышленниковъ и коммерсантовъ, для которыхъ нажива, во что бы ни стало, есть высшій и единственный идеалъ. Кто посмышленнѣй, бывалъ за границей, читалъ кое-что, тотъ умѣетъ прикрывать хищническіе аппетиты громкими фразами, позаимствованными изъ политической экономіи и жаргона европейскихъ буржуа, но подкладка все та же, крѣпостническая. Этотъ слой господствуетъ теперь въ большинствѣ земствъ и давитъ не только крестьянство, но и порядочное меньшинство изъ дворянъ всею тяжестью своего вліянія и своего имущественнаго превосходства. Если этими земствами вы будете вдохновляться, то вы нашего положенія не улучшите, напротивъ, еще ухудшите его.

Разговорились мы какъ-то между собою о нашихъ мѣстныхъ дѣлахъ.

— Что за странность! — говоритъ одинъ. Въ нашемъ уѣздѣ назначаются съѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ для выбора гласныхъ, какъ нарочно, въ такое время, когда духовенству никакъ нельзя быть: или въ большіе праздники, или когда священники по горло заняты отчетностью.

— Въ нашемъ уѣздѣ,—замѣчаетъ другой,— совершенно то же самое.

— А у насъ,—вставляетъ свое слово третій,—выборы пригоняются въ самую горячую рабочую пору, когда крестьянамъ невозможно оторваться отъ поля.

— Чему же вы удивляетесь? — говоритъ одинъ изъ собесѣдниковъ, опытный въ дѣлахъ земскаго самоуправленія.—Это и дѣлается нарочно, съ тою цѣлью, чтобы ни попы, ни мужики въ гласные не попадали. Для васъ это въ диковинку, а намъ эта практика очень хорошо извѣстна.

Такъ сводятъ крѣпостники свои старые счеты съ сельскимъ духовенствомъ и устраиваютъ свои дѣла посреди новыхъ обстоятельствъ. Попы—народъ грамотный, изстари державшій сторону мужиковъ противъ господъ и за то имъ ненавистный. Попы стоятъ за крестьянскую школу, которую крѣпостники переварить не могутъ; попы, въ большинствѣ, народъ крайне бѣдный и считать умѣютъ, и потому голосъ ихъ въ дѣлахъ земскаго обложенія и расходовъ можетъ быть крайне непріятенъ. А объ мужикахъ и говорить нечего: забери они силу въ земскихъ дѣлахъ, земское обложеніе будетъ совсѣмъ другое, и жалованье земцамъ другое, и расходы пойдутъ совсѣмъ другіе: членамъ земскихъ управъ нельзя ужъ будетъ, какъ теперь, земскія деньги на починку мостовъ и другія постройки между собою разбирать и класть себѣ въ карманъ, какъ это иногда практикуется. Посмотри, что дѣлается въ губерніяхъ, гдѣ дворянъ мало или почти совсѣмъ нѣтъ: тамъ совсѣмъ другіе земскіе порядки, много лучше нашихъ.

Въ томъ-то наша и бѣда, что правитель-

ственная администрація у насъ далеко не образцовая, да и земская, городская, общественная не лучше, а пожалуй еще хуже. Не умѣемъ мы сообща никакихъ дѣлъ дѣлать! Посмотри, что̀ у васъ подъ носомъ, въ Петербургѣ, въ вашемъ городскомъ управленіи дѣлается! Ты читаешь газеты и самъ знаешь исторію концессіи желѣзно-конныхъ дорогъ: знаешь и то, почему теперь за проѣздъ въ вагонахъ второго общества не пять, а шесть копѣекъ платится, вмѣсто того, чтобы ликвидировать это общество, несостоятельное въ выполненіи принятыхъ на себя обязательствъ, какъ это по закону должно быть со всякимъ неисправнымъ контрагентомъ. Петербургское городское управленіе отказало врачамъ въ расходѣ на химическій анализъ петербургской воды. Объ этомъ въ газетахъ печаталось. А сколько такихъ дѣлъ, о которыхъ нигдѣ не печатается! Горько жалуются крестьяне, пріѣзжающіе извозничать въ Петербургъ, что имъ по семи дней не выдаютъ установленныхъ бляхъ на извозный промыселъ, теребятъ по разнымъ мѣстамъ, берутъ негласные поборы, превышающіе ихъ средства; что, благодаря этому, они проживаются въ Петербургѣ до нитки безъ заработковъ; что полиція и городское управленіе на-перерывъ ихъ разоряютъ, и нѣтъ имъ ни отъ кого защиты. Кому бы этимъ заняться, какъ не общественному управленію столицы? А ему, какъ и казенной администраціи, нѣтъ до этого никакого дѣла!

Да что̀ говорить объ общественномъ управленіи! Тамъ, гдѣ дѣло касается нашего кармана, — и тамъ мы не думаемъ контролировать нашихъ выборныхъ. Посмотри, какъ идутъ желѣзно-дорожныя дѣла: гадко и тошно подумать! Недавно приходитъ ко мнѣ мужикъ изъ нашей деревни попрощаться. „Куда это Богъ несетъ?“ — „А яблоки изъ вашего сада въ Москву везу“. „Какъ въ Москву? Почему же съемщикъ сада по желѣзной дорогѣ не отправляетъ?“ — Мужикъ махнулъ рукой. „По желѣзной дорогѣ бунты съ яблоками крючьями подымаютъ и въ вагоны грузятъ, такъ много яблоковъ портится, а кромѣ того, ихъ по дорогѣ половину разворуютъ. Съемщики и нанимаютъ насъ“.—Понимаешь ты это: гужевая отправка заводится рядомъ съ желѣзно-дорожной отправкой. Вотъ наши порядки! Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, четверть овса была у насъ полтора рубля и рубль съ четвертью, а въ Петербургѣ около пяти рублей. Прямой разсчетъ везти въ Петербургъ. Говорю я объ этомъ съ однимъ человѣкомъ, близко знакомымъ съ отправками по желѣзнымъ дорогамъ.—Не совѣтую вамъ,—говоритъ,—просчитаетесь и убытокъ понесете. —Какъ такъ? — Да такъ же: крючники, при погрузкѣ, такихъ вамъ дыръ въ куляхъ понадѣлаютъ, что половина овса въ вагонахъ останется. — Ну, а если я погружу въ вагоны, которые прямо идутъ въ Петербургъ безъ перегрузки въ Москвѣ? — И это вамъ ничего не поможетъ,—говоритъ мнѣ собесѣдникъ:—вѣдь дыры, которыя продѣлываютъ въ куляхъ крючники, только предлогъ: половина потрусится человѣческими руками.—Вотъ до чего мы дошли! Финляндская желѣзная дорога молоко возитъ и оно невредимо пріѣзжаетъ; а на нашихъ, русскихъ, и овса везти нельзя. Какъ же тутъ гужевой перевозкѣ не возобновиться! Того и гляди, товары только гужомъ и станутъ возить, а желѣзныя дороги останутся для пассажировъ и мелочи. Кто отъ этого въ накладѣ? Мы же, акціонеры! Но намъ и нашего кармана не жалко,—такъ уже мы привыкли на все махать рукой и апатично принимать всякія невзгоды, отъ совершенной увѣренности, что правды не добьешься, а если и добьешься, то съ такими усиліями, мытарствами и жертвами, что другой разъ и не подумаешь ея добиваться.

VI.

Письма мои, я вижу, тебѣ очень надоѣли. Ты меня называешь несносной старой брюзгой, закопавшейся по уши въ провинціальныя дрязги и не умѣющей, за мелочами, разглядѣть большого и хорошаго, что въ наше время дѣлается.

Всѣ вы, петербуржцы, на одну мѣрку скроены. Начнешь вамъ говорить, что̀ и какъ есть, на самомъ дѣлѣ,—вы скучаете. Оно̀ и понятно: столько всякихъ жалобъ вы отъ насъ слышите, что голова у васъ притупилась и уши вянутъ! Еслибы вы на нашемъ мѣстѣ были, вы бы запѣли другую пѣсню. Мелочи! Да вѣдь на мелочахъ-то жизнь вертится, особенно наша; изъ нихъ она слагается; общіе взгляды и принципы, съ высоты которыхъ вы на насъ смотрите, изъ нихъ же выводятся и хороши только тогда, когда обнимаютъ и выражаютъ мелочи, а безъ этого они пустыя слова. Да и что толку въ общихъ взглядахъ и въ принципахъ, когда они не переводятся

въ жизнь, въ дѣло! Разсуждая въ пустотѣ, тяготясь мелочами, вы ищете на что̀ опереться и хватаетесь за призраки. То у васъ истинное основаніе всякаго нашего благополучія—дворянство, то крупное землевладѣніе, то черноземная сила—крестьянство, то промышленный и торговый классъ, то земство. Теперь вы всѣ надежды на земство возлагаете. Какъ флюгеръ вертится направо и налѣво, такъ у васъ направленія смѣняются. Сегодня для васъ идеалъ—сильная полицейская власть, завтра—классицизмъ, послѣ завтра—реализмъ, а тамъ—судъ, а тамъ опять что-нибудь другое. Сколько разныхъ идеаловъ у васъ заѣзжено въ послѣдніе годы—и не перечтешь! И жизнь становится все безцвѣтнѣй, тоскливѣй и безотраднѣй. Торжественныя процессіи съ разными знаменами, на которыхъ крупными буквами были прописаны разные принципы и общіе взгляды, быстро чередовались передъ нашими глазами; но онѣ только запутывали ежедневную жизнь, увеличивали въ ней хаосъ. У насъ нельзя опереться ни на одно сословіе, ни на одинъ классъ, ни на одну общественную организацію, ни на какой идеалъ; на нихъ нельзя что-нибудь построить, потому что они созданы изъ головы, а не выросли изъ самой жизни, не сложились изъ ея нуждъ. Сколько людей, самыхъ различныхъ направленій, при разнообразнѣйшихъ условіяхъ и общественныхъ положеніяхъ, пробовали стать твердой ногой на нашей зыбкой, колеблющейся подъ ногами почвѣ — и проваливались! Во всѣхъ классахъ, сословіяхъ, родахъ службы, общественныхъ положеніяхъ, разсѣяны единицами превосходныя личности, замѣчательные умы и таланты, которые сдѣлали бы честь любой странѣ, но они томятся въ бездѣйствіи и не приносятъ отечеству никакой пользы, потому что искусственная среда и организація, сословная или служебная, въ которую они вставлены, ихъ парализуетъ. Побьются они сначала и, не видя ни съ какой стороны поддержки своимъ усиліямъ, махнутъ на все рукой; лучшее, что̀ въ нихъ есть, они затаиваютъ про себя, а на свою дѣятельность смотрятъ, какъ на неизбѣжное зло, и валятъ черезъ пень-колоду, предоставляя дѣйствительную жизнь ея собственному теченію. Много ли ты видалъ у насъ людей, которые всей душой, всѣми силами принадлежатъ той общественной средѣ, въ которую жизнь или судьба ихъ поставили? Они считаются даже не десятками, а единицами. Каждый у насъ, пока силенъ и бодръ, клянетъ свою обстановку, хотѣлъ бы изъ нея выбраться; а потомъ, когда жизнь его помнетъ и убьетъ въ немъ всякую энергію, всякую вѣру во что̀ бы то ни было, онъ начинаетъ плыть по теченію, забывъ о какихъ бы то ни было идеалахъ, и думаетъ только о самомъ себѣ. Оттого, какъ рѣдко кому удается у насъ дѣло сдѣлать и какъ недолговѣчны наши дѣла! Перемѣнится случайно обстановка, перемѣнится случайно человѣкъ, глядишь, созданное великими усиліями развалилось, и всѣ про него забыли, кромѣ тѣхъ, кому оно непосредственно приносило пользу: тѣ, конечно, о полезномъ дѣятелѣ помнятъ и о томъ, что его нѣтъ, крѣпко горюютъ; а потомъ, когда перемрутъ и они, дѣла какъ не бывало!

Пессимистъ, усталый, огорченный и отсталый я человѣкъ, скажешь ты. Нѣтъ, я просто русскій человѣкъ, кое-что видавшій на своемъ вѣку и никогда не умѣвшій довольствоваться словами, шаблонами и провозглашеніемъ принциповъ, а жаждавшій всю жизнь видѣть ихъ проведенными въ дѣйствительности, въ томъ, что̀ ты свысока называешь мелочами. Я, на свою долю, помирился бы на самой малости, лишь бы эта малость была сущая, дѣйствительная правда, а не слова. Пріѣлись они мнѣ до тошноты! Всѣ мы только говоримъ, провозглашаемъ широкіе принципы, а самаго малаго дѣла, которое само напрашивается, не дѣлаемъ. Жалобамъ, негодованію нѣтъ конца, а постараться, чтобы хоть въ нашей непосредственной обстановкѣ стало получше, посвѣтлѣй, объ этомъ мы и думать не хотимъ! Хоть бы въ этомъ плутамъ подражали! Тѣ очень дѣятельны и отлично достигаютъ своихъ цѣлей.

Гдѣ же, спросишь ты, выходъ изъ такого заколдованнаго круга? — Да онъ совсѣмъ не такой заколдованный, какъ кажется. Глазамъ страшно, рукамъ не страшно. Хотите знать, что̀ надо дѣлать,—прислушивайтесь, на что̀ жалуются, чѣмъ особенно тяготятся, и не въ одномъ какомъ-нибудь слоѣ или классѣ, а во всѣхъ. Хотите знать, чьими руками и какъ дѣло сдѣлать,—обращайтесь не къ сословіямъ, классамъ и организаціямъ, занесеннымъ въ сводъ законовъ, а къ кружкамъ, куда ушла и гдѣ пріютилась живая русская мысль, гдѣ сгруппировались люди самыхъ различныхъ общественныхъ положеній, по наклонностямъ, симпатіямъ, нравственнымъ и ум-

ственнымъ качествамъ, гдѣ ихъ отлично понимаютъ, знаютъ и ими дорожатъ. Людей, годныхъ на дѣло, у насъ много, гораздо больше, чѣмъ вы думаете; только вы ихъ искать не умѣете! Они попрятались по кружкамъ, а вы ихъ ищете по оффиціальнымъ трафаретамъ и, разумѣется, не находите. У насъ люди испоконъ вѣка разбивались по кружкамъ и были тѣмъ, что они въ самомъ дѣлѣ, только въ кружкахъ. Изъ кружковъ у насъ и всѣ великія дѣла выходили. „Компанія" Петра Великаго развѣ не былъ такой же кружокъ единомысленныхъ людей? Развѣ не въ кружкахъ созрѣла отмѣна крѣпостного права, и кто, какъ не кружки поставили людей, которые провели ее въ жизнь по губерніямъ и уѣздамъ? Мы мало знаемъ интимную русскую исторію, а мнѣ сдается, что изъ кружковъ вышла мысль о соединеніи раздробленныхъ частей Россіи въ московское государство, объ освобожденіи отъ ига татаръ, о возсозданіи московскаго государства послѣ разгрома смутнаго времени. Подъ давленіемъ тяжелыхъ условій кружки у насъ притаились и помертвѣли. Дайте намъ хоть немного вздохнуть, люди опять разберутся по кружкамъ, и послѣдніе опять станутъ родниками живой русской мысли, разсадниками талантливыхъ и полезныхъ дѣятелей по всѣмъ направленіямъ.

С.-Петербургъ, 15 сентября 1880.
(Русская Мысль, 1880, кн. 11).

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА.

I.

Наконецъ, любезный другъ, я опять въ деревнѣ! Вырвался сюда изъ душнаго Петербурга, какъ только докторъ благословилъ въ путь.

Хочу писать тебѣ много, и есть о чемъ, но перо плохо слушается. За нѣсколько мѣсяцевъ болѣзни совсѣмъ отвыкъ отъ писательства, какъ отвыкаетъ рука владѣть кистью, пальцы—бѣгать по клавишамъ рояля. Къ тому же умъ мой и сердце находятся подъ давленіемъ особенныхъ личныхъ обстоятельствъ, созданныхъ болѣзнью. Ты знаешь и помнишь, съ какимъ глубокимъ участіемъ не одни друзья и близкіе, но и печать слѣдили за ходомъ моего недуга и выздоровленія. Сколько эти выраженія сочувствія доставили мнѣ блаженныхъ минутъ посреди тяжкихъ страданій,—ты это видѣлъ и понимаешь; изъ-за этихъ минутъ и болѣзнь казалась легкой. Но теперь, когда она миновала, я поставленъ въ самое затруднительное и деликатное положеніе. Друзьямъ можно выразить чувства словами, взглядомъ, пожатіемъ руки; а какъ ихъ выразить незнакомымъ и прессѣ? Благодарить печатно? Ты поймешь всю невозможность и неловкость такого поступка! Вѣдь это значило бы создать самому себѣ вовсе незаслуженный пьедесталъ, да и вскарабкаться на него на посмѣшище всего читающаго міра, изображая собою комическаго непризнаннаго божка, самодовольно вдыхающаго ѳиміамъ общественнаго вниманія. Молчать—тоже нельзя: кто же въ силахъ молчать, когда ему выражено столько теплыхъ чувствъ и оказано столько почета? По крайней мѣрѣ я не могу, не смѣю, не въ силахъ отъ нихъ отмолчаться. А при томъ, подумай, сколько справедливыхъ нареканій я скопилъ бы на свою голову, еслибы сталъ отмалчиваться! Не значило ли бы это принять общественное участіе въ критическую минуту жизни какъ нѣчто должное, заслуженное, подобающее по праву? Это было бы чуть ли не хуже, чѣмъ благодарить! И вотъ, я поставленъ между Сциллой и Харибдой: и такъ нехорошо, и этакъ дурно. Не знаю, и не придумаю, какъ поступить. Помоги мнѣ умнымъ совѣтомъ снять тяжелое бремя съ души. Тогда легко станетъ на сердцѣ, я вздохну свободно и бодро передамъ тебѣ, какъ умѣю, мои путевыя и деревенскія впечатлѣнія.

II.

Вся минувшая зима, весна и лѣто были какія-то необыкновенныя, подъ пару нашему настоящему необыкновенному положенію. Зима была безснѣжная; пыль заслѣпляла

глаза проѣзжимъ въ ноябрѣ. Зимою было тепло, и Ока выступила изъ береговъ. Весна и весеннія работы начались, какъ не бывало никогда, въ началѣ апрѣля. Весенняго половодья почти не было. Бездождіе и жара предвѣщали полный неурожай. Зато съ конца весны и лѣтомъ были сильные паводки, ливни, грозы и грады, причинившіе много пагубы, затопившіе луга, унесшіе много сѣна, разорявшіе сельскихъ хозяевъ и крестьянъ. Въ Окѣ вода подымалась семь разъ за лѣто. Два раза, въ короткій промежутокъ времени, всѣ до единой мельницы были снесены, такъ что негдѣ было хлѣбъ молоть. Между страхомъ и надеждой прошло все лѣто. Письма управляющаго приводили въ недоумѣніе. То онъ предавался отчаянію и пророчилъ прескверный урожай, то, напротивъ, предсказывалъ обиліе плодовъ земныхъ. Плохой урожай травъ и клевера заставлялъ крестьянъ и хозяевъ повѣсить носы и головы; а кто былъ подогадливѣе и не убиралъ сѣна въ обычное время, тотъ въ августѣ накосилъ его больше, чѣмъ въ хорошіе годы, — такъ исправились и заросли луга къ исходу лѣта. Никогда не бывало прежде въ нашемъ краю, чтобы озимое, яровое и сѣно убирались въ одно время; а нынче это случилось. Вторая трава и клеверъ на скошенныхъ лугахъ и поляхъ, въ августѣ, стояли превосходные. Корма для скота и лошадей было въ поляхъ, лѣсахъ и на лугахъ великое изобиліе; а между тѣмъ, въ маѣ коровы давали гораздо больше молока, чѣмъ въ іюнѣ и іюлѣ; кто надаивалъ съ своего стада въ маѣ 26 пудовъ, получалъ въ іюнѣ и іюлѣ по 18-ти; у кого въ маѣ было 20 ведеръ молока, тому коровы въ іюнѣ и іюлѣ приносили по 11-ти ведеръ. Этого прежде тоже никогда не бывало. За августъ я не имѣю свѣдѣній; а болѣе чѣмъ вѣроятно, что количество молока за этотъ мѣсяцъ опять поднялось.

Всѣ эти чуда чудныя, дива дивныя отразились и на урожаѣ хлѣбовъ. Рожь, уцѣлѣвшая отъ градовъ, вышла посредственная, скорѣй даже плохая, ужи́номъ—и отличная зерномъ и умолотомъ. Пшеница — тоже. Овесъ уродился плохо и оказался легковѣснымъ. Гречиха поздняя ростетъ великолѣпно и, если ее не убьетъ морозъ, дастъ много зерна. Раннюю и среднюю схватило жарой, побило ливнями и градомъ и заростило обильной травой.

Будь я Титъ Ливій или лѣтописецъ Несторъ—писавшіе впрочемъ après coup—я бы увидѣлъ въ этихъ отступленіяхъ отъ обыкновеннаго хода вещей предзнаменованіе чрезвычайныхъ событій въ ближайшемъ будущемъ. Но я не Титъ Ливій и не Несторъ, да и въ предзнаменованія современные люди извѣрились.

III.

Мое деревенское хозяйство идетъ, слава Богу, недурно. Рожь дала по 12 копенъ на кругъ, пшеница... Но я отсюда вижу какъ ты начинаешь зѣвать, читая, сколько я убралъ и вымолотилъ хлѣба, сколько надоилъ ведеръ молока, наварилъ сыру и надѣюсь собрать кормовой кукурузы. Тебя все это мало интересуетъ, да и смыслишь ты въ этомъ не много. Ну, пожалѣю я тебя и поговорю о другомъ, болѣе тебѣ понятномъ и доступномъ.

Каждый разъ, что я оставляю Петербургъ и переношусь въ наши медвѣжьи углы, меня поражаетъ непереступаемая пропасть между взглядами, стремленіями и оцѣнкою вещей и событій здѣсь и тамъ. Въ Петербургѣ, какъ и быть слѣдуетъ, мѣстныя подробности стушевываются, размѣры ихъ уменьшаются, значеніе умаляется. Въ провинціи — я разумѣю огромную массу провинціаловъ — только и свѣта что въ ихъ окошкѣ. Они погружены въ свой муравейникъ и интересуются общими дѣлами только когда они касаются ихъ личности или кармана. Все это въ порядкѣ вещей, и изъ различныхъ точекъ зрѣнія Петербурга и провинціи, обусловленныхъ нахожденіемъ въ центрѣ или периферіи, не происходило бы никакого замѣшательства, недоразумѣнія и антагонизма, еслибы не примѣшивались побочныя обстоятельства, поселяющія раздоръ и даже вражду. Кто стоитъ въ центрѣ, тотъ естественно болѣе склоненъ къ обобщеніямъ и отвлеченнымъ взглядамъ; мѣстный обыватель также естественно преувеличиваетъ размѣры того, что̀ ему ближе и непосредственно его касается. Но при нашей политической и общественной неразвитости мы не умѣемъ и не можемъ оцѣнить, какъ должно, вѣсъ и значеніе мѣстнаго и центральнаго элементовъ, ихъ тѣсную связь, взаимодѣйствіе и отношенія. Еще въ древнемъ республиканскомъ мірѣ старикъ Агриппа ясно понималъ, что всѣ части и слои государства составляютъ одно органическое цѣлое, и должны работать другъ другу въ руку;

а мы, въ 1882 году по Рождествѣ Христовѣ, этого еще не понимаемъ! Покойный Н. Ф. Павловъ говаривалъ въ шутку, еще въ сороковыхъ годахъ, что Петербургъ есть огромная компанія на акціяхъ для разработки Россіи. Съ тѣхъ поръ мы, правда, подвинулись впередъ, но очень мало. Общій интересъ, существующій для блага всѣхъ, продолжаетъ у насъ разсматриваться какъ особенный личный и частный интересъ тѣхъ, кому ввѣрено веденіе общихъ дѣлъ. Кто въ центрѣ, т.-е. въ Петербургѣ, тотъ смотритъ на провинцію свысока, не думаетъ о ея нуждахъ и пользахъ и во имя общаго блага устроиваетъ какъ нельзя лучше свои личныя дѣла. Это, разумѣется, раздражаетъ провинцію, которая съ явною досадой и тайной завистью смотритъ на благодатную жизнь блюстителей общихъ интересовъ; послѣдніе оказываются не тяжкимъ бременемъ для ихъ носителей, а какимъ-то чудомъ превращаются для нихъ въ источникъ манны небесной. Провинціаламъ тоже до смерти хотѣлось бы вкусить отъ земныхъ благъ, которыми такъ щедро вознаграждается участіе въ общихъ дѣлахъ, и сами, когда могутъ, не упускаютъ случая попользоваться благостыней, соединенной съ завѣдываніемъ общими интересами провинціи, конечно, не такой обильной какъ въ столицѣ. Прибавь къ этому незнаніе положенія, безпечность, лѣнь, наши русскія „авось“ и „ничего“, и ты легко поймешь, отчего у насъ все не клеится, все идетъ въ разбродъ, въ разсыпную, общіе интересы представлены такъ плохо, формы, которыми они обставлены, такъ притѣснительны и не соотвѣтствуютъ ни обстоятельствамъ, ни нравамъ и привычкамъ людей.

Собираюсь я въ деревню. Надо мнѣ ѣхать на Москву и оттуда на Мценскъ. Памятуя, что Кукуевская насыпь не существуетъ, стараюсь, еще въ Петербургѣ, узнать какъ теперь ходятъ поѣзды по московско-курской желѣзной дорогѣ—и не могу. Ѣду справиться на петербургскую станцію николаевской желѣзной дороги,—тамъ тоже ничего не знаютъ. Прежнее росписаніе, говорятъ, отъ насъ отобрали, а новаго не прислали. По слухамъ поѣздъ № 3 (ночной) совсѣмъ не ходитъ. Только это я и успѣлъ узнать въ Петербургѣ. Пріѣзжаю въ Москву: тамъ мнѣ показываютъ новое росписаніе. Оказывается, что отправленіе всѣхъ поѣздовъ изъ Москвы и Курска измѣнено. Чего бы стоило правленію курской желѣзной дороги разослать новое росписаніе на другія желѣзныя дороги и пропечатать по нѣскольку разъ во всѣхъ газетахъ? Такъ нѣтъ же! Теряешь время понапрасну, пріѣзжаешь не тогда, когда надо, пропускаешь поѣздъ,—словомъ, не только часы, а цѣлые дни пропадаютъ даромъ. А почему? Потому только, что желѣзно-дорожному управленію нѣтъ никакого дѣла до нуждъ и пользъ пассажировъ. Узнаютъ они случайно о перемѣнѣ поѣздовъ —хорошо; а не узнаютъ—тѣмъ хуже для нихъ.

Это невниманіе къ нуждамъ людей, о которыхъ надо бы позаботиться и по обязанности, и въ интересѣ собственнаго дѣла, приводитъ подъ часъ въ отчаяніе. Газеты наполнены извѣстіями, что мировой судья, мировой съѣздъ вызвали тяжущихся или подсудимыхъ къ суду, а сами не явились. Непремѣнные члены уѣздныхъ присутствій, слѣдователи, вызываютъ такимъ же образомъ цѣлыя деревни въ рабочую пору и томятъ людей многіе дни понапрасну, заставляя ихъ ждать себя. Что это какъ не признакъ совершеннаго невниманія къ своимъ обязанностямъ и къ нуждамъ ближняго? Изволь-ка съ такими людьми поговорить объ общихъ интересахъ! Они знаютъ твердо только тѣ дни, когда имъ выдается жалованье.

На той же московско-курской желѣзной дорогѣ меня поразила и другая странность. Обыкновенно вездѣ, у насъ и за границей, при каждой остановкѣ поѣзда у станціи или полустанка, кондукторъ проходитъ вдоль всѣхъ вагоновъ и громко провозглашаетъ названіе станціи и на сколько времени поѣздъ остановился. На московско-курской дорогѣ этого объявленія, необходимаго для пассажировъ, особливо безграмотныхъ или ѣдущихъ въ первый разъ этимъ путемъ, не дѣлается. Халатное отношеніе къ публикѣ простирается по этой дорогѣ на все. Да кажется и къ своимъ собственнымъ интересамъ дирекція дороги относится также халатно. Можно проѣхать по этой дорогѣ много станцій безъ того, чтобы кто-нибудь озаботился узнать, есть ли у пассажира билетъ. Значитъ, можно ѣхать и проѣхать по этой дорогѣ на довольно значительное разстояніе безъ билета, чѣмъ, вѣроятно, иные и пользуются. Если дирекція московско-курской дороги такъ невнимательна къ своимъ собственнымъ интересамъ, то ужъ объ удобствахъ, нуждахъ и пользахъ пассажировъ и говорить нечего. Пренебрегать ими и Богъ велитъ.

IV.

Пріѣхалъ я къ себѣ въ имѣніе, и точка зрѣнія вдругъ перемѣнилась. Въ Петербургѣ я смотрѣлъ на все сверху внизъ; въ медвѣжьихъ углахъ естественно смотришь снизу вверхъ. Но отъ этой перемѣны на душѣ не стало легче.

— Слышали вы,—говоритъ мнѣ знакомый сосѣдъ,—скоро у насъ будетъ война.

— Богъ съ вами,—говорю я ему. — Съ кѣмъ, за что и главное—зачѣмъ намъ воевать? Я прямо изъ Петербурга. Тамъ о войнѣ и слухомъ не слыхать.

— Какъ же, навѣрное война у насъ на носу и очень скоро. Назначена перепись лошадей. По уѣзду она должна быть окончена въ какихъ-нибудь десять дней къ Успеньеву дню, 15 августа. Становые и волостные старшины горячку порятъ. Должно быть скоро будетъ мобилизація войскъ, если перепись лошадей назначена въ самую горячую рабочую пору, когда уборка озимаго, ярового, сѣна, пахота подъ озимое, молотьба на сѣмена и сѣвъ подошли разомъ и каждый часъ дорогъ.

„Ну, подумалъ я про себя, этотъ господинъ совсѣмъ сущій младенецъ! Видно, онъ не знаетъ или забылъ, какъ передъ восточной войной „по ошибкѣ" вызывали подъ ружье отставныхъ; какъ въ рабочую пору брали въ ополченіе единственныхъ работниковъ въ семьѣ; какъ останавливали цѣлые товарные поѣзда на дорогахъ, по которымъ даже не предполагалась мобилизація войскъ, и выбрасывались, гдѣ захватило распоряженіе, стада тонкорунныхъ овецъ и партіи сахара, которыя погибали отъ ненастья. Кто жъ у насъ думаетъ и заботится о такихъ пустякахъ! Пахота, молотьба, сѣвъ, уборка, будутъ какой-нибудь недѣлей позже—экая важность!"

Въ прошломъ году, помнится, пріѣзжаетъ ко мнѣ въ имѣніе становой. — Чего вамъ нужно,—спрашиваю я.—А вотъ-съ, надо переписать всѣхъ, кто у васъ живетъ въ усадьбѣ. Велите-ка мнѣ принести паспорты вашихъ служащихъ и работниковъ.—Зачѣмъ же вамъ нужно ихъ переписать?—продолжаю я спрашивать.—Приказано-съ.—Объ этомъ приказаніи я узналъ еще въ Москвѣ.—А зачѣмъ же въ обязательномъ постановленіи, въ которомъ это вамъ приказано, изъяты изъ переписи возчики при обозахъ? Не для того ли, чтобы поощрить коммерцію и промышленность?—Не знаю-съ. Наше дѣло не разсуждать, а исполнять.—И поѣхалъ отъ меня становой кататься по 130 селамъ и деревнямъ своего стана, чтобы исполнить обязательное предписаніе въ короткій срокъ.

Что̀ значило такое распоряженіе? Была ли это мѣра противъ политическихъ злоумышленниковъ? Но что же въ такомъ случаѣ могла значить оговорка о возчикахъ? Вѣдь злоумышленникамъ было легко и просто поступить въ ихъ число и тѣмъ избѣгнуть досмотра ихъ документовъ и личности. А къ тому же, злоумышленный человѣкъ могъ быть, вслѣдъ за отъѣздомъ становового, принятъ въ усадьбу и проживать въ ней преспокойно, впредь до новаго посѣщенія этого чиновника. Да отъ станового можно и скрыть злоумышленника въ своей усадьбѣ и вовсе не показывать ни его самого, ни его документовъ. Ужъ если лихихъ людей розыскивать, то слѣдовало обязать къ тому мѣстную полицію, подъ ея отвѣтственностью, предоставя ей принять необходимыя для того мѣры. Маломальски путный исправникъ и становой очень хорошо знаютъ, гдѣ у нихъ въ уѣздѣ или станѣ могутъ притулиться подозрительныя личности. За такими мѣстами полиція присмотрѣла бы, а если нужно, то сдѣлала бы внезапный досмотръ. Цѣль была бы достигнута, безъ всякаго безпокойства для мирныхъ жителей и безъ непроизводительной затраты полиціей труда и времени. Вѣдь пока становой катался по своему стану, въ исполненіе безполезной бумаги, къ назначенному короткому сроку, множество весьма важныхъ полицейскихъ дѣлъ, дознаній и т. п., требующихъ безотлагательныхъ распоряженій и мѣръ, оставались безъ движенія, по просту говоря—откладывались, ко вреду жителей и правосудія. Такъ нѣтъ! Объѣзди становой всѣ 130 селъ и деревень,—даже и тѣ, въ которыхъ, какъ ему извѣстно навѣрное, нѣтъ и тѣни злоумышленниковъ; занеси въ особый списокъ паспорты и виды сотенъ лицъ, которыхъ благонамѣренность и безвредность ему хорошо знакомы, словомъ—выполни предписаніе, представь кипу исписанной бумаги, которой никто не станетъ читать, потому что некогда и не стоитъ. Одинъ изъ нашихъ экс-государственныхъ людей, любившихъ блеснуть своими познаніями, называлъ это „профилактическимъ" направленіемъ нашего законодательства и администраціи. Мы по-

стоянно и несносно стѣсняемъ разными безполезными мѣрами и бумагами огромное большинство людей, чтобы уловить единицы и предупредить частные случаи. Но и это намъ не удается. А между тѣмъ, по массѣ безполезныхъ формальностей, которыми опутанъ каждый нашъ шагъ, эти формальности, волей неволей, вырождаются въ бумажную отписку и, исполняясь спѣшно, кое-какъ, не имѣютъ ни малѣйшей цѣны ни въ глазахъ исполнителей, ни во мнѣніи тѣхъ, кого онѣ опутываютъ и обременяютъ. Есть ли хоть одна такая формальность, которую бы не обходили легко и просто умные люди, кому это нужно? Одни невинные и добродушные изнемогаютъ подъ ихъ бременемъ.

V.

Странное дѣло—эта наша слѣпая, безотчетная вѣра въ формальности и притомъ, большею частью, весьма плохо скомпанованныя, представляющія возможность для тысячи увертокъ съ одной стороны, прижимательствъ и стѣсненій съ другой. Откуда этотъ фетишизмъ своего рода, невѣжественный, безобразный и вредный? Формальность только способна удостовѣрить какой-нибудь фактъ, какъ законъ служитъ нормою для дѣйствій и поступковъ; безъ того и другого немыслимо никакое правильно устроенное человѣческое общество. Но при этомъ и формальность, и законъ предполагаютъ, что люди, для которыхъ они установлены, желаютъ и намѣрены поступать добросовѣстно; безъ этой предпосылки ни законъ, ни формальность ничего не обезпечиваютъ, ибо всегда и вездѣ существуютъ лазейки, чтобы обойти законъ и обратить формальность въ пустое слово или пустую бумагу. Но у насъ на форму и законъ смотрятъ иначе. Мы видимъ въ нихъ, а не въ доброй совѣсти людей, якорь спасенія, панацею противъ общественнаго зла и правонарушеній. Мы думаемъ, что, предписавъ какую-нибудь формальность, постановивъ какой-нибудь законъ, мы однимъ этимъ предупредили преступленіе, водворили справедливость, правду и безопасность. Точно люди и общества—машины, въ которыхъ все зависитъ отъ устройства большихъ и малыхъ составныхъ частей. Но вѣдь и при устройствѣ машинъ принимаются въ разсчетъ свойства матеріала, треніе и т. п., а у насъ индивидуальность, личныя свойства и нравственность людей ставятся ровно ни во что. Казалось бы, нелѣпо думать, будто общественная жизнь и порядки создаются предписаніями и формальностями, а мы въ это слѣпо вѣруемъ. Да и какъ намъ не вѣрить, когда, послушать насъ, всѣ наши мужики—воры и пьяницы, всѣ наши чиновники—плуты и казнокрады, всѣ купцы,—хищники и кровопійцы, всѣ попы—грабители простого народа и т. д. и т. д. По нашей логикѣ, если одинъ, два офицера нарушили правила дисциплины, то значитъ вся наша армія распущенная, не знающая строгихъ военныхъ порядковъ; если нѣсколько курсистокъ, технологовъ, университетскихъ студентовъ оказались политически неблагонадежными, то вся молодежь, учащаяся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, поголовно подозрительна въ политическомъ отношеніи; нѣкоторая часть молодежи безспорно шалберничаетъ, бьетъ баклуши, самонадѣянно судитъ вкривь и вкось о томъ, чего не знаетъ и не понимаетъ; но мы говоримъ о молодежи такъ, какъ будто вся она такая. Съ такой логикой только и спасеніе, что въ крутыхъ порядкахъ, которые повязали бы всѣхъ по рукамъ и ногамъ и заставляли каждаго силою двигаться только въ предустановленной колеѣ. Но кто же, однако, долженъ исполнять такіе порядки и наблюдать за приведеніемъ ихъ въ дѣйствіе? Тѣ же самые люди, которыхъ мы поголовно считаемъ никуда негодными, требующими за собою непрестаннаго надзора, безъ котораго они признаются вредными для общества. Не значитъ ли это вертѣться въ ложномъ кругѣ, изъ котораго нѣтъ выхода? Въ него мы и попадаемъ, вслѣдствіе того только, что не умѣемъ правильно обобщать явленія и факты. Общество держится не строгими законами и формальностями, а людьми, ихъ привычками, ихъ нравственнымъ чувствомъ, степенью развитія ихъ воли, ихъ взглядами и понятіями о благѣ, добрѣ и правдѣ. Если мы дѣйствительно поголовно такъ растлѣнны и негодны, какъ многіе думаютъ, то формальностями и законами такому несчастному состоянію помочь нельзя. Нужно перевоспитать людей, водворить въ ихъ сердцахъ нравственное чувство, воспитать ихъ волю въ привычкѣ хотѣть добра и правды и сообразно съ тѣмъ поступать.

VI.

Вотъ и выходитъ по моему, говоришь ты. Высшая интеллигенція, обширныя познанія, законодательныя и административныя реформы, поднятіе матеріальнаго благосостоянія и экономическаго довольства — къ чему все это! Общество, при развитомъ нравственномъ чувствѣ и развитой нравственной волѣ людей, можетъ процвѣтать и быть счастливымъ и безъ высшей интеллигенціи, широкаго знанія, реформъ и матеріальнаго благосостоянія; а гдѣ люди развращены и негодны въ нравственномъ смыслѣ, тамъ и при высшей интеллигенціи, при отличныхъ законодательныхъ и административныхъ порядкахъ и богатствѣ живется плохо. Стало быть— продолжаешь ты разсуждать — вся сила въ нравственной сторонѣ, а совсѣмъ не въ умственной, экономической, политической или художественной.

Разсуждаешь такъ не одинъ ты, а съ тобою многое множество людей; но отъ этого твой взглядъ не становится здравѣе и правѣе. Если бы ты сказалъ, что обѣ стороны человѣческаго существованія, изъ которыхъ одну называютъ внутреннею, а другую, въ противоположность ей, внѣшнею, должны идти и развиваться параллельно и рука объ руку, я бы и не подумалъ съ тобою спорить. Но вѣдь ты не это говоришь: тебѣ бы хотѣлось интеллигенцію, реформу общественную, экономическіе вопросы выкинуть за бортъ и остаться при одкихъ нравственныхъ чувствахъ и нравственной волѣ. Тебѣ думается, что нравственность можно водворить строгой дисциплиной, суровыми карами, расширеніемъ курса богословія. Подобно тѣмъ, противъ кого ты споришь, ты надѣешься внѣдрить добро и правду въ душу людей разными внѣшними мѣрами и выработкой ума и знаній въ желаемомъ тобою направленіи. Выходитъ, что ты хочешь собственно того же, что и твои противники, и только воображаешь, что идешь другими съ ними путями, потому только, что направленіе ихъ тебѣ не нравится. Такъ лучше, чтобы быть послѣдовательнымъ, выбери одно изъ двухъ: или стань на одну почву съ своими противниками и докажи, что твои мѣры лучше, ближе, вѣрнѣе ведутъ къ исправленію и нравственному воспитанію людей; но этого ты боишься, потому что тебѣ пришлось бы въ такомъ случаѣ считаться съ наукой, знаніемъ, опытомъ, которые будутъ говорить противъ тебя, и съ ними тебѣ не сладить. Или же откажись отъ всякихъ попытокъ поднять нравственность внѣшними пріемами и манипуляціями и старайся придумать какіе-нибудь другіе способы морализировать людей. Но ты непослѣдователенъ, и оттого предметъ твоихъ исканій ускользаетъ изъ твоихъ рукъ и ты силишься, совершенно напрасно, возвратить людей вспять, въ колею и обстановку, изъ которыхъ они выросли и къ которой никогда уже больше не возвратятся. Ты желалъ бы видѣть въ людяхъ больше нравственнаго чувства и нравственно выработанной воли? И я очень желалъ бы этого! Ты говоришь, что сильно развитой умъ, обширныя познанія, благопріятная обстановка, соціальная и экономическая, еще не служатъ ручательствомъ нравственнаго совершенства. И въ этомъ ты вполнѣ правъ; нравственная сторона требуетъ такого же своего развитія и совершенствованія, какъ умственная, художественная, техническая, соціальная. Всѣ твердо знаютъ и увѣрены, что упражненія развиваютъ умъ, вырабатываютъ до виртуозности художественныя, техническія и всякія вообще способности и расположенія. Кто не понимаетъ, что знать что-нибудь и умѣть осуществлять свои знанія совсѣмъ не одно и то же; что можно отлично знать ту или другую отрасль искусства и не быть художникомъ, превосходно изучить анатомію, терапію, химію, и не умѣть сдѣлать самой простой операціи, распознать и лечить самую простую болѣзнь, произвести самый простой анализъ. Мало знать грамматику, надо умѣть писать; мало знать технологію, надо быть техникомъ. По какому-то странному недомыслію эти безспорныя и всѣмъ извѣстныя истины не примѣняются къ нравственной сторонѣ — чувствамъ и волѣ. Вымуштруютъ ребенка въ школѣ, обучатъ его разнымъ наукамъ и искусствамъ, прочтутъ ему весьма пространный курсъ богословія и воображаютъ, что дѣло сдѣлано, что человѣкъ отъ этого будетъ нравственно развитымъ и крѣпкимъ. Спроси хирурга, артиста, техника: они тебѣ скажутъ, что только безпрестаннымъ упражненіемъ они сохраняютъ свои способности и таланты; перерви они на болѣе или менѣе продолжительное время свои занятія— и наступаетъ отвычка; голосъ, руки, ноги, пальцы повинуются хуже, теряютъ виртуоз-

ность, которую имѣли. А нравственная сторона почему-то считается изъятой изъ этого общаго правила. Мы считаемъ возможнымъ быть нравственными, не упражняя безпрестанно своихъ чувствъ и воли въ добрѣ и правдѣ. Выучилъ мальчикъ или юноша курсъ богословія со всѣми текстами, ходилъ прилежно и аккуратно на уроки, былъ тихъ и послушенъ, — и довольно. Нравственное его воспитаніе считается оконченнымъ, и объ этой скучной матеріи нѣтъ больше и помину во всю жизнь, впредь до того времени, пока, въ одинъ прекрасный, или, правильнѣе, злосчастный день, не окажется нужнымъ осадить проявленія его безнравственныхъ чувствъ и воли судомъ и карами. Но у насъ признается за лучшее, въ предупрежденіе того и другого, опутать человѣка предписаніями закона и запрещеніями, такъ чтобы онъ шагу не могъ ступить безъ разрѣшенія начальства.

Какъ же быть и чтожъ дѣлать?—спросишь ты. Прежде всего надо понять и убѣдиться, что путь, которымъ ты до сихъ поръ такъ самоувѣренно шелъ для водворенія нравственности, есть путь ошибочный и ложный; что нравственность заключается не въ книжкѣ и текстахъ, а въ практикѣ добрыхъ чувствъ и нравственной воли, а для этого нужна ребенку съ колыбели и до выхода изъ школы нравственная обстановка, которою бы онъ могъ пропитаться къ тому времени, когда станетъ на свои ноги и будетъ въ силахъ самъ упражнять свои чувства и волю. Надо также совсѣмъ отказаться отъ презрѣнія къ интеллигенціи, отъ глумленія надъ высшимъ знаніемъ, отъ ненависти къ правовому порядку. Интеллигенція можетъ быть плоха, знанія, признаваемыя высшими, быть не высшими и превратными; желаемыя формы правового порядка могутъ не соотвѣтствовать положенію дѣлъ, потребностямъ минуты, политическому возрасту и т. д. Все это можетъ быть, и обо всемъ этомъ можно спорить. Но какъ же можно, не отступая отъ здраваго смысла, объявлять войну интеллигенціи вообще, высшему знанію вообще, правовому порядку вообще? Вѣдь это совершеннѣйшая нелѣпость! Нравственное чувство, нравственная воля не въ воздухѣ же витаютъ, а упражняются и вырабатываются въ примѣненіи къ единичнымъ фактамъ и частнымъ явленіямъ, опираясь на общія начала или принципы. Только въ согласіи съ требованіями знанія и ума и возможно развитіе и укрѣпленіе нравственности. Какъ же ты достигнешь такого развитія безъ интеллигенціи, безъ высшаго знанія? Какъ же ты разовьешь и укрѣпишь нравственную волю безъ правового порядка, который только и можетъ вкоренить въ людяхъ убѣжденіе, что нравственность не пустая фраза, не слово безъ смысла, а составляетъ одинъ изъ краеугольныхъ камней всякой благоустроенной общественности? Когда вокругъ тебя безнаказанно совершаются гнусныя дѣла, когда неправда торжествуетъ и приноситъ довольство и почетъ вмѣсто тюрьмы и каторги,— самое развитое нравственное чувство ослабѣваетъ, самая непреклонная нравственная воля теряетъ энергію и увѣренность въ своей правотѣ. А держать въ уздѣ наглую неправду можетъ только правовой порядокъ,—тотъ или другой, смотря по времени и обстоятельствамъ; но онъ долженъ быть, и безъ него ни правильное общежитіе, ни нравственность немыслимы. Вѣдь ты, конечно, не мечтаешь, что когда-нибудь всѣ люди, безъ изъятія, будутъ нравственны: этого никогда не бывало и никогда не будетъ. Нравственныхъ людей по глубокому убѣжденію, несмотря ни на что, вообще бываетъ немного на свѣтѣ, какъ мало людей безусловно, по убѣжденію, безнравственныхъ. Огромное большинство колеблется, болѣе или менѣе легко поддается соблазну, не выдерживаетъ до конца напора влеченій и страстей. Еще болѣе людей легкомысленныхъ, шатающихся мыслями и чувствами въ разныя стороны. Вотъ откуда и вытекаетъ необходимость прочнаго, твердаго, незыблемаго правового порядка. Однихъ онъ держитъ силою въ должныхъ границахъ, другихъ направляетъ и поддерживаетъ въ добрыхъ путяхъ, дополняя ихъ слабость и распущенность строгостью и категоричностью своихъ требованій, заостренныхъ угрозою неминуемыхъ наказаній. Эту-то поддержку и даетъ правовой порядокъ. А ты надъ нимъ забавляешься и зубоскалишь! Пора, любезный другъ, кончить эту опасную игру и серьезнѣе отнестись къ дѣлу. Время наступаетъ—да ужъ и наступило—такое, что бросать слова на вѣтеръ и пробавляться остроумничаньемъ вовсе не приходится. Посмотри вокругъ себя. Разноголосица, смѣшеніе языковъ, упадокъ высшихъ стремленій и нравственныхъ требованій—поразительные. Все, что казалось твердымъ и прочнымъ, вывѣтривается и разлагается на нашихъ глазахъ, съ

быстротою, которой никто не могъ и предвидѣть. И не въ однихъ только высшихъ и интеллигентныхъ слояхъ идетъ этотъ процессъ; онъ, какъ кротъ, роется глубоко, проникая во всѣ слои народа, во всѣ закоулки и тайники, куда долго не заглядывалъ свѣтъ Божій. Что изъ этого разложенія выйдетъ перерожденіе къ лучшему, это можно предсказать навѣрное, не будучи пророкомъ. Но нельзя не скорбѣть глубоко о томъ, что мы такъ мало понимаемъ ту работу, которая въ насъ совершается, и оттого не пособляемъ ей, а только тормазимъ, воображая, что можемъ ее остановить. Тщетныя усилія! Отъ помѣхъ она не остановится, а только обострится и пойдетъ неправильнымъ путемъ, болѣзненными скачками и напорами.

VII.

Разговорился я съ деревенскимъ знакомымъ о крестьянскомъ банкѣ.—Скажите, пожалуйста, — спрашиваетъ онъ, — что это за банкъ? Намѣреніе будто бы и доброе помочь крестьянамъ; а какъ поразмыслишь, такъ выходитъ, что этотъ банкъ только для кабатчиковъ, ростовщиковъ и кулаковъ изъ крестьянъ устроенъ. Чтобы помочь всѣмъ крестьянамъ, которые пожелаютъ землю купить, надо не пять, а сто-пятьдесятъ-пять милліоновъ ежегодно ассигновать; и того мало. Да по правдѣ сказать и резона нѣтъ переводить землю къ крестьянамъ изъ другихъ рукъ. Какая нужда государству или правительству, чтобъ землю скупали мужики, а не купцы, не дворяне, не чиновники и разночинцы? Читалъ я въ газетахъ, что предполагалось отпускать ежегодно крестьянамъ безземельнымъ и малоземельнымъ въ кредитъ, на покупку или прикупку земли, до трехъ милліоновъ. Вотъ это я понимаю и было бы отлично, еслибъ это сдѣлали! Въ какихъ-нибудь десять, пятнадцать лѣтъ, всѣ такіе крестьяне были бы съ землей и кускомъ хлѣба. Отчего же, — продолжалъ мой назойливый собесѣдникъ, — не сдѣлали такъ, а переиначили, и мѣра, сама по себѣ хорошая, должна послужить въ пользу богатыхъ, а не нуждающихся крестьянъ,—худшей части сельскаго населенія, а не той, которая всего больше имѣетъ права на поддержку и помощь?

Собесѣдникъ былъ правъ, и я затруднялся, что̀ ему отвѣчать. Положимъ, отъ министра финансовъ будетъ зависѣть приказать выдавать ссуды только крестьянамъ, нуждающимся въ землѣ; но вѣдь онъ можетъ это сдѣлать не въ силу закона, а произвольно его примѣняя. И притомъ, одинъ министръ, положимъ, найдетъ нужнымъ помогать бѣднымъ крестьянамъ, а другой увидитъ государственную пользу въ оказаніи помощи богатымъ мужикамъ. Произволъ, фаворитизмъ, колебаніе основного принципа крестьянскаго кредита непремѣнно выйдутъ изъ теперешней редакціи закона. Зачѣмъ же было измѣнять предложенную министерствомъ,—ясную, простую и цѣлесообразную? Вѣдь имѣлось въ виду не помогать вообще крестьянамъ скупать землю, что̀ не имѣло бы смысла, а облегчить малоземельнымъ и безземельнымъ обзавестись землей и хозяйствомъ. Зачѣмъ же такъ и не сказано въ законѣ?

Зачѣмъ? Мало ли такихъ „зачѣмъ“ просится на умъ.

Зачѣмъ, напримѣръ, не объявляются крестьянскія земли неотъемлемой принадлежностью сельскихъ обществъ, на что̀ указывается давно со всѣхъ сторонъ, какъ на единственное средство противъ обезземеленія, которое всюду производится теперь въ большихъ размѣрахъ? Богатые мужики скупаютъ земли у бѣдняковъ; создается пролетаріатъ, гибнутъ цѣлыя семьи отъ нищеты, не имѣя ни кола, ни двора. Плоды новой постановки крестьянскаго вопроса съ 1861 года пропадаютъ даромъ. Наша беззаботность или незнаніе дѣла открываютъ широко двери для созданія пролетаріата пока только тамъ, гдѣ земли пріобрѣтены крестьянами безъ пособія правительства, какъ, напримѣръ, у государственныхъ крестьянъ, или гдѣ до сихъ поръ существовало участковое пользованіе землею; но пройдетъ еще двадцать-пять лѣтъ, окончится выкупная операція, и то же зло станетъ разъѣдать бытъ бывшихъ крѣпостныхъ, владѣвшихъ на началахъ общиннаго землевладѣнія. Неужели же надѣленіе крестьянъ землею совершилось въ пользу кулаковъ, мелкихъ ростовщиковъ и кабатчиковъ? А къ тому все идетъ, и никому нѣтъ до этого дѣла.

Зачѣмъ закрываются высшіе женскіе врачебные курсы, и права женщинъ, окончившихъ полный медицинскій курсъ, не уравнены, какъ предполагалось, съ правами патентованныхъ врачей? Провинція гибнетъ отъ недостатка медицинской помощи, а молодые медики неохотно ѣдутъ туда и толпятся въ большихъ центрахъ, терпятъ нужду, въ на-

деждѣ, впослѣдствіи, составить себѣ видное и выгодное положеніе; женскій же трудъ цѣнится у насъ гораздо дешевле мужского и былъ бы по плечу нашимъ бѣднымъ медвѣжьимъ угламъ. Не потому ли женщинамъ затрудняется медицинская карьера, что онѣ вступили бы въ профессію, несвойственную прекрасному полу, и оторвались бы отъ своихъ семей? Но вѣдь женщины, по своей природѣ, гораздо мягче, человѣчнѣе, внимательнѣе относятся къ больнымъ, чѣмъ мужчины; а что онѣ, получивъ высшее образованіе, а съ нимъ и возможность заработывать себѣ порядочный кусокъ хлѣба, оторвутся отъ семей, то это, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, чистая напраслина. Сколько ихъ имѣютъ на своихъ рукахъ бѣдныхъ и старыхъ родителей, больныхъ и малолѣтнихъ, которыхъ кормятъ своими трудами, благо могутъ имѣть сносный заработокъ. И эти добрые плоды высшаго женскаго образованія приносятся въ жертву — чему же? Предразсудку, будто высшее образованіе несвойственно такъ-называемому прекрасному полу!

Зачѣмъ та же опасность, которой уже подверглись медицинскіе женскіе курсы, грозитъ и высшимъ женскимъ курсамъ? Сколько дѣвушекъ, окончивъ ихъ, ѣдутъ въ наши медвѣжьи углы учительницами и пополняютъ пробѣлъ въ воспитаніи и ученіи, оставляемый въ провинціи крайнимъ недостаткомъ среднихъ учебныхъ заведеній, которыя не въ состояніи принять всѣхъ желающихъ учиться. Мы знаемъ примѣры, что жены бѣдныхъ чиновниковъ и офицеровъ, служащихъ на скудномъ жалованьѣ по разнымъ трущобамъ, гдѣ и грамотнаго-то отыщешь съ трудомъ, поступали въ Петербургъ на высшіе курсы, терпя голодъ и холодъ, только съ тою цѣлью, чтобы, возвратившись, имѣть возможность дать маломальски порядочное воспитаніе своимъ дѣтямъ. Неужели этимъ добрымъ зачаткамъ тоже суждено згинуть подъ давленіемъ предразсудковъ и нашей обычной повадки неумѣло обобщать ненормальныя и уродливыя явленія, которыя безспорно встрѣчаются посреди массы учащихся женщинъ, и усматривать въ такихъ явленіяхъ доказательство ненужности и вредности высшаго женскаго образованія? Въ среднихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ встрѣчается тоже не мало негодныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которые остаются такими и достигнувъ зрѣлаго возраста; чтожъ, —слѣдуя той же логикѣ, надо и среднія учебныя заведенія закрыть? Разсуждая послѣдовательно, можно такимъ образомъ добраться и до школъ грамотности.

Тяжело и горестно видѣть, что черныя тучи скопляются надъ нашимъ высшимъ образованіемъ, безъ котораго не можетъ существовать ни одна страна, особливо бокъ-о-бокъ съ странами, гдѣ оно крѣпко поставлено и сильно развито. Слабые зачатки знанія, науки, насажденные съ такимъ трудомъ, усиліями и пожертвованіями, меркнутъ. Уровень образованія видимо понижается подъ давленіемъ самыхъ неблагопріятныхъ условій. Такія эпохи бывали въ исторіи. Выращенное и взлелѣянное въ высшихъ и среднихъ слояхъ распускалось и утопало въ волнахъ всенароднаго невѣжества и крайне ограниченнаго запроса огромной массы на образованіе и высшее знаніе. Наступалъ совершенный мракъ, изъ котораго потомъ медленно, столѣтіями, выростала и складывалась новая культура, новая наука. Можетъ быть и мы, подобно другимъ народамъ, вступаемъ въ такой періодъ. Можетъ быть и у насъ перегораетъ, въ болѣзненномъ процессѣ, насажденная „великими и несносными трудами сыновъ россійскихъ“ цивилизація, чтобы когда-нибудь, со временемъ, возникнуть въ другой формѣ, въ другихъ сочетаніяхъ, стать нашимъ присным, кровнымъ, народнымъ достояніемъ. Можетъ быть, необходимо нашему высшему образованію и высшимъ знаніямъ очиститься отъ наносныхъ элементовъ и того налета, который имъ приданъ у насъ ихъ носителями, привилегированными классами. Все это можетъ быть и даже вѣроятно. Вѣроятно и то, что наши болѣе или менѣе отдаленные потомки увидятъ въ умственномъ и нравственномъ разложеніи, посреди котораго мы живемъ, шагъ впередъ, преддверіе національнаго, умственнаго и нравственнаго обновленія. Хочется вѣрить, что все это будетъ такъ непремѣнно! Но намъ, современникамъ, особливо тѣмъ, которые, какъ я, доживаютъ свой вѣкъ, несказанно тяжело видѣть разрушеніе и паденіе того, съ чѣмъ и на чемъ мы прожили лучшіе годы жизни. Перемѣнить весь свой духовный строй, разстаться съ задушевными думами и упованіями мы уже не въ силахъ и должны, склоня голову, быть зрителями того, чего измѣнить не можемъ, и что глубоко противорѣчитъ всѣмъ нашимъ воззрѣніямъ и вѣрованіямъ.

VIII.

— Правда ли это, — спрашиваю я въ деревнѣ одного изъ моихъ сосѣдей, занимающаго видный постъ въ уѣздной администраціи, — правда ли, что вы оставляете свое мѣсто? Вѣдь это было бы крайне прискорбно.

Съ этимъ сосѣдомъ мы расходимся, и весьма существенно, во многихъ взглядахъ. Но онъ безукоризненно-честный человѣкъ, вполнѣ серьезно относящійся къ своимъ обязанностямъ, свято исполняющій свой долгъ и по душѣ добрый и сострадательный человѣкъ. За эти, рѣдкія у насъ качества, я цѣню его весьма высоко и питаю къ нему самое искреннее уваженіе и самыя сердечныя чувства.

— Да, это правда. Мнѣ ужъ подъ шестьдесятъ; я усталъ, да вдобавокъ нѣтъ помощниковъ; а одинъ, вы знаете, въ полѣ не воинъ. Выбрали мы вашего сосѣда въ мировые судьи. Вы его близко знаете, вполнѣ добропорядочный, добросовѣстный и работящій человѣкъ. Помните, какимъ онъ былъ мировымъ посредникомъ. Его не утвердили! А выбирать больше некого: нѣтъ и нѣтъ людей!

— Слышалъ я объ этомъ, и очень жалѣлъ. Такихъ, какъ этотъ, у насъ въ уѣздѣ точно немного. Со свѣчей поискать — не найдешь. Но скажите, почему его не утвердили?

— Не имѣетъ, видите ли, образовательнаго ценза. Три года былъ прекраснымъ мировымъ посредникомъ: такъ этого мало!

Бумага, форма, заѣли у насъ все. Люди изъ провинціи разбѣжались, толпятся въ большихъ центрахъ, слоняются за границей, благо есть деньги. Абсентеизмъ — избитая тема жалобъ и въ газетахъ и въ правительственныхъ соображеніяхъ. Бывшій культурный классъ, дворянство, неудержимо стушевывается, исчезаетъ въ провинціи и замѣняется владѣльцами изъ крестьянъ, купцовъ и кулаковъ. Кого же выбирать въ должности? До этого, какъ и до всего остального, нѣтъ никому никакого дѣла. Есть законъ или распоряженіе, требующіе для выборовъ въ мировые судьи извѣстнаго образовательнаго ценза, — и довольно! Законъ или распоряженіе примѣнены, буква удовлетворена, — чего же больше? А что насущная потребность не удовлетворена, что не будетъ мирового судьи, или выберутъ по необходимости плохого и негоднаго, — это тамъ пусть себѣ дѣлаютъ, какъ знаютъ.

IX.

Въ то время какъ идеалы, интеллигенція, цвѣтъ высшей культуры, высшая образованность, меркнутъ и замираютъ, въ массахъ замѣчаются, пока, правда, еще едва замѣтные признаки пробуждающейся умственной и нравственной жизни. Здѣсь и тамъ между самими крестьянами появляется противодѣйствіе безобразному пьянству и пьяному разгулу. Женщины, наиболѣе страдающія отъ пьянства мужчинъ, всего сильнѣе возстаютъ противъ кабаковъ. Мнѣ разсказывали, что въ рязанской губерніи одно обширное село, получавшее ежегодно семь тысячъ рублей за дозволеніе держать у себя кабакъ, отказалось отъ этой значительной суммы, только чтобъ отъ него отдѣлаться. Крестьяне поняли, что теряютъ на винѣ гораздо больше семи тысячъ рублей и платятся за нихъ разореніемъ. Кабатчикъ нашелъ, однако, себѣ пріютъ на самой границѣ села, у помѣщика, и теперь пока неизвѣстно: онъ ли перетянетъ крестьянъ въ свое новое питейное заведеніе, пользуясь ихъ слабостью и падкостью къ вину, или они своею стойкостью и выдержкой заставятъ его закрыть кабакъ. Секты, толки и ереси ростутъ какъ грибы, свидѣтельствуя о неудовлетворенной религіозной потребности. Разрѣшеніе ставить священниками людей, не получившихъ средняго или высшаго образованія, подольетъ еще масла въ огонь. Необразованный священникъ будетъ ближе стоять къ народу по своимъ понятіямъ, чѣмъ образованный; но именно поэтому борьба съ сектантами станетъ еще труднѣе, а это, рано или поздно, поведетъ къ церковной реформѣ, которую многіе предвидятъ и предсказываютъ. Теперешнія стремленія возвратиться къ прежнимъ порядкамъ въ церковномъ управленіи, какіе были до минувшаго царствованія, ускорятъ и приблизятъ эту неминуемую развязку. Возстановленіемъ преданій и прошедшаго не воскресить духа старинныхъ учрежденій, который измѣнился не подъ вліяніемъ реформъ, какъ многіе ошибочно думаютъ, а вслѣдствіе существеннаго измѣненія всѣхъ условій стариннаго, до-реформеннаго быта. Теперь мы идеализируемъ и поэтизируемъ этотъ бытъ и хотѣли бы къ нему возвратиться, но не знаемъ или забываемъ, что его несостоятельность и непригдядность, доказанныя практикой, вынудили реформы насильственно, почти противъ

воли реформаторовъ. Теперь прошедшее кажется прекраснымъ, отмѣненнымъ Богъ-знаетъ зачѣмъ и почему; но простая справка въ архивахъ или у старыхъ людей, очевидцевъ того, что̀ было, показали бы тотчасъ, каково это прошедшее было на самомъ дѣлѣ. Мы повторяемъ, сами того не замѣчая, ошибки Тиковъ, Шлегелей и романтическихъ мыслителей, превозносившихъ средніе вѣка, къ которымъ, однако, не было и не могло быть возврата.

Рядомъ съ этими признаками умственнаго и нравственнаго пробужденія народныхъ массъ идетъ замѣтно возрастающее стремленіе учиться. Гдѣ сельская школа идетъ маломальски порядочно, тамъ она переполняется учениками и даже, мѣстами, ученицами. Какъ всегда и во всемъ, крестьяне и на школу смотрятъ съ чисто практической точки зрѣнія, цѣнятъ прежде и больше всего практическую пользу, которую она приноситъ. „Изъ вашей школы многіе вышли, которые теперь хорошій хлѣбъ ѣдятъ", говорилъ мнѣ одинъ волостной старшина, изъ молодыхъ, пріѣхавшій, отъ имени сельскихъ обществъ той волости, посовѣтоваться какъ устроить вновь задуманную ими сельскую школу. „Насъ много душъ, говорилъ онъ, и денегъ мы можемъ собрать много, была бы только школа хороша и сподручна нашимъ дѣтямъ". Разныя соображенія чисто практическаго свойства заставили крестьянъ раскошелиться на учрежденіе сельскаго училища и разжать руку, крѣпко и скупо берегущую копѣйку. Крестьяне разсуждаютъ такъ: поступитъ грамотный въ солдаты, — его произведутъ скоро въ ефрейторы, потомъ въ унтеръ-офицеры; а безграмотный оставайся рядовымъ; не поступитъ грамотный въ солдаты—ему цѣна въ работникахъ другая. Есть въ деревнѣ грамотные— есть и кому приказъ изъ волостного правленія или начальственное требованіе и распоряженіе прочитать, или письмо, условіе или росписку; есть кому и письмо написать. Дѣвочка, учившаяся въ школѣ, молитвы знаетъ, не то, что баба, которая и лба-то порядочно перекрестить не умѣетъ. Невѣстѣ грамотной тоже цѣна совсѣмъ другая, чѣмъ неграмотной. Надо видѣть, какъ крестьяне дорожатъ школой, когда она, не мудрствуя лукаво, добросовѣстно дѣлаетъ свое дѣло, съ участіемъ и любовью относится къ дѣтямъ, пріучаетъ ихъ къ добрымъ порядкамъ. Кто воображаетъ, что школа въ деревнѣ удовлетворитъ своему назначенію и запросу крестьянъ, если ограничится обученіемъ дѣтей грамотѣ, молитвамъ и счету, тотъ очень ошибается. Простой народъ соединяетъ съ школой понятіе о воспитаніи, о внушеніи привычки къ добрымъ порядкамъ, къ добрымъ нравамъ. Гдѣ этого нѣтъ, гдѣ ребятъ только учатъ, а не воспитываютъ, тамъ крестьяне пользуются тѣмъ, что̀ даетъ школа, но остаются къ ней равнодушны. Такая школа дѣтьми не переполнится.

X.

Школы въ нашихъ медвѣжьихъ углахъ понемногу ростутъ. Здѣсь и тамъ помѣщики, особенно помѣщицы и ихъ дочери, съ любовью и успѣхомъ занимаются обученіемъ дѣтей и содержатъ сельскія школы на свой счетъ. Заводятъ ихъ и нѣкоторые приходскіе священники; иные ведутъ дѣло съ большою любовью и большимъ успѣхомъ.

Мнѣ случилось, въ г. Черни, натолкнуться на цѣлую группу людей, дружно ведущихъ школьное дѣло въ цѣломъ уѣздѣ. По какому-то рѣдкому и исключительному счастью весь училищный совѣтъ, съ предводителемъ дворянства во главѣ, съ любовью и смысломъ занимается школьнымъ дѣломъ и всячески старается поставить его какъ можно лучше. Подъ шерсть и масть училищному совѣту случился и инспекторъ училищъ [1]). Я имѣлъ подъ руками свѣдѣнія о состояніи школьнаго дѣла и дѣятельности училищнаго совѣта въ чернскомъ уѣздѣ за три года (1880—1882). Въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ, число школъ съ 23 возрасло до 28 и продолжало рости въ теченіе послѣдняго года. Число учениковъ и ученицъ съ 1,105 поднялось до 1,245, въ томъ числѣ 115 дѣвочекъ. Окончили ученіе: мальчиковъ 106, дѣвочекъ 17. Училищъ, содержимыхъ частными лицами на свои средства, было въ томъ году 5; частными лицами, но съ пособіемъ отъ земства и мѣстныхъ обществъ — 7; церковно-приходскихъ, устроенныхъ духовенствомъ и содержимыхъ съ пособіемъ отъ земства, мѣстныхъ обществъ и родителей — 4; остальныя 12, т.-е. менѣе половины, были сельскія училища, содержимыя крестьянскими

[1]) Думаю, что не сдѣлаю нескромности, назвавъ всѣ эти почетныя лица по именамъ. Предводитель дворянства И. А. Долинино-Иванскій, предсѣдатель земской управы Н. Н. Волковъ, протоіерей М. Я. Пятницкій, М. М. Бодиско, Гр. И. Доможировъ, Н. Н. Левицкій, инспекторъ училищъ М, М. Щегловъ.

обществами съ пособіемъ отъ земства и частныхъ лицъ. На школы давали денежныя средства: сельскія общества 837 р., частныя лица 1,285 р., земство 2,845 руб., не считая суммъ, отпускаемыхъ имъ на вознагражденіе законоучителямъ и на награды учащимъ за школьниковъ, выдержавшихъ экзаменъ на льготное свидѣтельство. Всего тратилось на школы 4,968 руб. Къ чести чернскаго земства надо сказать, что оно поддерживало труды и усилія своего училищнаго совѣта и давало ему нужныя средства для развитія его дѣятельности. До 1880 года земствомъ выдавалось нашкольное дѣло 2500 руб.; въ 1880 году отпущено 4,000 руб., а въ 1881 къ этому прибавлено еще 1 т. р., да на книги и учебныя пособія 500 руб., всего въ годъ 5,500 р. По предложенію училищнаго совѣта земствомъ приняты по школьной части разныя, весьма разумныя поощрительныя мѣры. За каждаго ученика, выдержавшаго экзаменъ на льготное свидѣтельство, преподавателямъ выдается награда: учителю 5 руб., законоучителю 3 руб. Постановлено также, что земство приходитъ на помощь обществамъ, желающимъ учредить у себя школы, суммою, вдвое большею той, какая назначена отъ себя самими обществами въ состоявшихся о томъ приговорахъ. Такимъ образомъ, если общество даетъ 50 руб. въ годъ на школу, то земство отпускаетъ 100 р.; если оно обязуется давать 100 руб., то земство отпускаетъ 200 р. Но если обѣ эти суммы, взятыя вмѣстѣ, недостаточны на содержаніе школы, то она не открывается.

Какъ ни малы эти цифры, какъ ни миніатюренъ кругъ, въ которомъ вращается дѣятельность чернскаго училищнаго совѣта, но въ моихъ глазахъ приведенныя данныя чрезвычайно поучительны и краснорѣчивы. Сошлось случайно въ одномъ изъ нашихъ безчисленныхъ медвѣжьихъ угловъ нѣсколько порядочныхъ людей, понимающихъ важность школы для народа, особливо у насъ, при нашей дичи и нашемъ безобразіи, и поставили себѣ скромную задачу сдѣлать, что можно, на гроши, которые случились въ ихъ распоряженіи. Земство и правительственный чиновникъ ихъ поддержали — и дѣло пошло рости. Мнѣ скажутъ: да вѣдь это капля въ морѣ! Конечно, капля; но вѣдь море состоитъ изъ капель: безъ капель и моря нѣтъ. Взгляните на Парижъ или Лондонъ, на безчисленное множество громадныхъ зданій, которыя громоздятся въ этихъ столицахъ міра. Что бы вы подумали, еслибъ кто-нибудь, видя какъ одинъ изъ тѣхъ сотенъ милліоновъ каменщиковъ, которые трудились надъ сооруженіемъ Лондона или Парижа, прилаживаетъ кирпичъ къ кирпичу, камень къ камню, сказалъ: работа его — капля въ морѣ, — и съ пренебреженіемъ отвернулся отъ труженика? Развѣ бы вы не назвали такого господина вертопрахомъ, хлыщомъ или пустомелей? Не то же ли самое, спрошу я, сооруженіе вѣкового зданія общественныхъ порядковъ? Оно все, отъ начала до конца, слагается изъ детальной работы, изъ едва замѣтныхъ микроскопическихъ подробностей, которыя, будучи сложены и соединены вмѣстѣ, образуютъ одно громадное, величавое цѣлое. Благо и миръ тѣмъ, которые посвятили себя этому невидному, неказистому труду! Имена ихъ позабудутся потомъ, но дѣло ихъ останется и принесетъ свой плодъ, вѣрнѣе и несомнѣннѣе, чѣмъ всякія разглагольствованія о мелочности и ничтожности такихъ трудовъ и усилій. Мнѣ случайно достались свѣдѣнія о дѣятельности на пользу народной школы въ Черни и чернскомъ уѣздѣ. А сколько такихъ полезныхъ безвѣстныхъ тружениковъ по разнымъ отраслямъ общественной дѣятельности разсѣяно по обширному русскому государству? Имъ нѣтъ числа! Нѣтъ такого уголка, гдѣ бы ихъ не было. Только мы ихъ мало знаемъ или вовсе не знаемъ, въ суетѣ и толкотнѣ большихъ центровъ. Эти-то муравьи и закладываютъ незримо основанія будущей общественности, болѣе свѣтлой и человѣчной, чѣмъ теперешняя. Когда она преобразится, исторія запишетъ годы, мѣсяцы и дни совершившихся событій. Но пусть она прибавитъ, что они подготовлены, выношены, взлелѣяны трудами и усиліями безчисленнаго множества единичныхъ людей, не попавшихъ въ ея синодики. Въ Черни нашелся инспекторъ, который работаетъ въ руку усиліямъ земцевъ поставить на порядочную ногу дѣло народнаго образованія. Что, думалось мнѣ, еслибъ вся наша губернская и центральная администрація по всѣмъ отраслямъ точно также работала въ руку мѣстнымъ усиліямъ и поддерживала ихъ? Мы бы и не замѣтили перехода къ лучшему, — такъ бы онъ совершился быстро.

XI.

Въ концѣ августа я возвратился въ Петербургъ. Выхожу изъ вагона съ дорожнымъ мѣшкомъ въ одной рукѣ, зонтикомъ и пледомъ въ другой, и направляюсь къ выходу съ платформы въ залу. Прохожу лабиринтъ перегородокъ. Стой! „Пожалуйте билетъ". Прежде билеты отбирались въ вагонѣ, передъ прибытіемъ въ Петербургъ. Нынче этого не было и билетъ оставался у меня въ карманѣ. Пришлось остановиться, положить свои дорожные доспѣхи на полъ, обшарить свои карманы. Все это потребовало времени, къ крайнему неудовольствію пассажировъ, которые спѣшили, подобно мнѣ, и которымъ я запрудилъ дорогу.

— Скажите на милость,—спросилъ я одного изъ желѣзнодорожныхъ чиновъ,—къ чему это новое стѣсненіе пассажировъ? Довольно, кажется, и того, что вы не пускаете пассажировъ, Богъ-вѣсть почему, на платформу до звонка, чего не дѣлается на другихъ дорогахъ. А теперь—новыя строгости!—Ужъ не думаете ли вы этимъ способомъ изловить злоумышленниковъ, пріѣзжающихъ въ Петербургъ? Или вы не довѣряете своимъ кондукторамъ и контролерамъ? Такъ вы бы завели надежныхъ, а насъ, публику, оставили въ покоѣ.

„Это распоряженіе не наше, а полиціи, — отвѣчалъ мнѣ желѣзнодорожный чинъ, — Мы и понять не можемъ, почему это ей такъ вздумалось. Вы, положимъ, здоровы и одни, а то недавно пріѣхала женщина съ груднымъ ребенкомъ, совсѣмъ больная. Мужъ хотѣлъ ее встрѣтить, — его къ ней не пускаютъ, а она не можетъ одна справиться, такъ слаба; вдобавокъ еще ребенокъ на рукахъ. Хорошо еще, что я тутъ случился; они мнѣ знакомые: ну и пропустилъ мужа къ женѣ, и ей помогъ.

Только-что выѣхалъ изъ деревенской трущобы и пришелъ въ соприкосновеніе съ административнымъ міромъ, и въ мгновеніе ока передо мной выросла стѣна ненужныхъ формальностей, надоѣдливыхъ мелочныхъ стѣсненій, тянущихъ душу до раздраженія и нервныхъ припадковъ. Страстью къ такимъ путамъ пропитана вся наша житейская атмосфера! Не только казенная, но и частная администрація дышетъ тою же страстью какъ-нибудь да стѣснить, безъ малѣйшей надобности. Въ Москвѣ, напримѣръ, желѣзнымъ путемъ соединены всѣ линіи желѣзныхъ дорогъ между собою, для перевозки товаровъ и пассажировъ изъ одного дебаркадера на другой. Казалось бы, чего удобнѣе; не хотите вы оставаться въ Москвѣ, спѣшите съ дороги на дорогу — къ вашимъ услугамъ объѣздной путь, безъ всякой возни съ носильщиками и извощиками. Такъ нѣтъ же! Объѣздной поѣздъ, изволите ли видѣть, приложенъ къ какому-то одному поѣзду въ день, а не ко всѣмъ. Пріѣхали вы съ нимъ,—ваше счастіе; а нѣтъ — такъ тому и быть. Надо же вамъ помнить, что не дорога существуетъ для васъ, а вы для удовольствія и пользы дороги. Чтобъ вы это памятовали и не забылись какъ-нибудь ошибкой, и устроены объѣздные поѣзда съ такимъ разсчетомъ, чтобъ публика могла ими пользоваться въ видѣ снисхожденія и пріятнаго сюрприза. Девизъ: „все для народа и ничего посредствомъ народа"—я еще понимаю. Но девизъ нашей казенной и неказенной администраціи: „ничего для удобства публики, и все для ея возможнаго стѣсненія"—я рѣшительно отказываюсь понять.

(Вѣстникъ Европы, 1882, кн. 10).

ЧѢМЪ НАМЪ БЫТЬ?

ОТВѢТЪ РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ „РУССКІЙ МІРЪ“.

ВЪ ДВУХЪ ПИСЬМАХЪ.

Въ газетѣ „Русскій міръ“ напечатанъ, въ теченіе 1874 года (начиная съ марта и оканчивая августомъ), рядъ передовыхъ статей, подъ заглавіемъ „Чѣмъ намъ быть“. Въ этихъ статьяхъ излагается цѣлый, систематически обдуманный и выработанный проектъ кореннoго переустройства нашихъ сословій и мѣстнаго управленія, на началахъ, противоположныхъ преобразованіямъ нынѣшняго царствованія. Хотя авторъ, судя по его словамъ, и ожидаетъ возраженій, но это не болѣе, какъ насмѣшка съ его стороны надъ злосчастной русской печатью. При теперешней (1875 года) нашей цензурѣ отвѣчать ему въ Россіи нѣтъ никакой возможности. Оттого, безъ сомнѣнія, статьи „Русскаго міра“, затрогивающія важнѣйшіе наши внутренніе вопросы, и встрѣчены почти молча, почти безъ отзыва.

Опасаясь, чтобы невольное молчаніе русской печати не было принято за знакъ согласія съ авторомъ или приписано непобѣдимой убѣдительности его выводовъ, я считаю долгомъ передъ родиной и тѣми изъ моихъ соотечественниковъ, которые не раздѣляютъ мыслей редактора „Русскаго міра“, отвѣчать ему. Къ великому моему огорченію, я вынужденъ печатать свой отвѣтъ за границей, а не у себя дома. Будучи совершенно убѣжденъ, что мой образъ мыслей по крайней мѣрѣ столько же благонамѣренъ и охранителенъ, какъ автора статей „Русскаго міра“, я тѣмъ не менѣе ни въ какомъ случаѣ не могу расчитывать на такую же снисходительность ко мнѣ цензуры, какую она оказала „Русскому міру“.

Та же причина заставляетъ меня скрыть свое имя. Политическая благонадежность составляетъ у насъ, съ нѣкотораго времени, монополію взглядовъ, которыхъ я не раздѣляю, которые считаю вредными и даже опасными для Россіи и верховной власти; а при отсутствіи судебныхъ гарантій для политическихъ преступниковъ и нарушителей цензурныхъ правилъ, судьями моими стали бы тѣ, противъ кого я спорю.

Письмо первое.

Съ напряженнымъ вниманіемъ и возростающимъ интересомъ прочиталъ я въ „Русскомъ мірѣ“ рядъ статей, въ которыхъ опредѣляется наше теперешнее тяжелое положеніе и указываются средства, какъ изъ него выдти. Эти статьи, по своей обдуманности и послѣдовательности мыслей, рѣзко выдаются посреди невольной пустоты теперешней русской періодической печати. Онѣ представляютъ не только программу преобразованій, но вмѣстѣ и крайне интересный комментарій правительственныхъ распоряженій за послѣднія десять лѣтъ. Для очень многихъ и для меня въ томъ числѣ, эти статьи были цѣлымъ откровеніемъ. Многое непонятное и загадочное въ нашихъ обстоятельствахъ, въ административныхъ и законодательныхъ мѣрахъ послѣдняго времени, разомъ разъяснилось для меня по прочтеніи этихъ статей. Я понялъ, что программа предполагаемой новой ломки нашихъ внутреннихъ порядковъ родилась не внезапно въ головѣ какого-нибудь сотрудника газеты, а давно рѣшена въ

высшихъ правительственныхъ сферахъ, давно и послѣдовательно проводится въ нашей администраціи и законодательствѣ, и, какъ дѣлалось во Франціи, при второй имперіи, теперь только возвѣщается публикѣ оффиціозно, чтобы подготовить ее къ предстоящимъ государственнымъ мѣропріятіямъ. Все въ этихъ статьяхъ наводитъ на такую мысль. Административный произволъ и гнетъ цензурнаго вѣдомства почти отъучилъ насъ отъ правдиваго и смѣлаго печатнаго слова. Разсуждать о политическихъ предметахъ мы съ нѣкотораго времени не смѣемъ: тѣмъ изумительнѣе было встрѣтить на страницахъ русской газеты откровенное и свободное обсужденіе одного изъ самыхъ щекотливыхъ внутреннихъ русскихъ вопросовъ, недвусмысленное порицаніе нашей внутренней политики и обвиненіе распоряженій по военному вѣдомству, до того сильное и рѣзкое, что съ нимъ могутъ сравниться по тону развѣ выходки „Московскихъ Вѣдомостей", которыя въ послѣднее время что-то тоже прикусили языкъ. Авторъ статей „Русскаго міра" говоритъ какъ власть имущій. Для него цензурное вѣдомство дѣлаетъ исключеніе изъ правила, которому неуклонно слѣдуетъ,—подавлять въ печати всякую живую мысль, всякое искреннее выраженіе мнѣній и взглядовъ, какъ бы они ни были умѣренны и скромны. Чѣмъ же иначе, какъ не солидарностью со взглядами правительства, могъ авторъ пріобрѣсти неоцѣнимое право говорить, что̀ думаетъ, — право всѣмъ намъ данное въ нынѣшнее царствованіе, но потомъ опять отнятое?

Въ томъ, что „Русскій міръ" является въ настоящемъ случаѣ оффиціознымъ органомъ правительства, особенно утверждаетъ меня поразительное согласіе мыслей, развиваемыхъ въ статьяхъ, съ стремленіями, которыя начали обнаруживаться въ нашей администраціи и законодательствѣ еще года за три до 4 апрѣля 1866 года, и которыя съ этого несчастнаго дня стали выступать все яснѣе и яснѣе. Общій ихъ смыслъ, какъ и программы, обнародованной въ „Русскомъ мірѣ", есть отрицаніе преобразованій шестидесятыхъ годовъ. Въ упомянутыхъ статьяхъ этой газеты недвусмысленно, съ едва сдерживаемой досадой и горечью, говорится о порядкѣ дѣлъ, созданномъ у насъ со времени освобожденія крестьянъ, о крестьянскомъ и земскомъ самоуправленіи, о мировой юстиціи, о мѣстной администраціи и бюрократіи. Авторъ статей увѣренъ, что сдѣланныя у насъ преобразованія „были въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ слишкомъ теоретичны, а потому не вполнѣ совпадали съ естественнымъ теченіемъ русской исторіи"; что „выработанный исторіей русскій культурный слой былъ во многихъ отношеніяхъ пожертвованъ отвлеченнымъ идеямъ безсословности, т.-е. низшимъ сословнымъ группамъ, представляемымъ на западный образецъ, никогда не существовавшимъ на русской почвѣ" (№ 108); что „въ началѣ реформъ имѣлось, кажется, въ виду заквасить развитыми умственными силами русскую всесословность на американскій образецъ" (№ 111). Наша коренная болѣзнь, говоритъ авторъ, это — обезличеніе и разбродъ, происходящіе отъ того, что дворянство, единственное связное и культурное у насъ сословіе, утоплено и разведено преобразованіями нынѣшняго царствованія въ массѣ черни, тогда какъ прочность правительства находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ связности культурныхъ слоевъ, разрываемой революціей,—чернью, которая живетъ внѣ культурнаго слоя (№ 89). Безсословности и происходящей отъ того разъединенности приписывается, что земское дѣло у насъ не принялось, что дарованныя намъ льготы оказались „мертворожденными" (№ 95). Народъ нашъ, по убѣжденію автора, не признаетъ демократическаго равенства и всесословности; ихъ проповѣдуютъ лишь семинаристы, выходящіе толпами въ чиновники (№ 99), и къ которымъ, главнымъ образомъ, авторъ примѣняетъ презрительное названіе *фризоваго пролетаріата*. Нашему народу, говоритъ онъ, невѣдомо полицейское самоуправленіе на швейцарскій ладъ (№ 79). На разные лады и во многихъ мѣстахъ развивается тема, что у насъ между крестьянствомъ и господами нѣтъ розни; что крестьяне въ своего брата не вѣрятъ, полагаются больше на правду господъ, а господиномъ считаютъ не какого-нибудь забредшаго на ихъ сторону студента, а своего мѣстнаго, коренного помѣщика (№№ 81, 108, 157). По мнѣнію автора, всесословная волость необходима, главнымъ образомъ, для того „чтобъ высвободить русскій народъ изъ подъ мужичьяго управленія, становящагося для него нестерпимымъ" (№ 81).—Трогательное довѣріе и единодушіе между дворянствомъ и народомъ разрушено реформами шестидесятыхъ годовъ, произведенными ненавистной автору лѣвой стороной

русскихъ мнѣній и бюрократіей, составленной снизу, какъ сказано, изъ семинаристовъ, вопящихъ о демократическомъ равенствѣ и всесословности. Чѣмъ ближе личный взглядъ человѣка подходитъ къ лѣвой сторонѣ русскихъ направленій, тѣмъ меньше самостоятельности въ его мысли. Бывшіе славянофилы признаются правой стороной; но серьезный смыслъ ихъ трудовъ, какъ увѣряетъ авторъ, не за ихъ теоріями и практическими заключеніями, а за ихъ анализомъ русскихъ понятій конца воспитательнаго періода, какимъ признается періодъ русской исторіи отъ Петра Великаго до нашего времени (№ 79); въ упрекъ же ставится славянофиламъ то, что они пришли на дѣлѣ почти къ тѣмъ же заключеніямъ, къ какимъ и позднѣйшіе либералы „съ чужихъ словъ", а именно, что они „искали спасенія въ сокровищахъ стихійной мудрости русскаго простонародья" (№ 81). Что касается до бюрократіи, то она представляетъ „извѣстное обезпеченіе благонадежности и способности только въ высшихъ слояхъ, тѣхъ именно, которые ведутъ управленіе можно сказать теоретически, не соприкасаясь съ жизнью прямо" (№ 120). Прямые слуги верховной власти, надежные и сознательно вѣрные болѣе всякаго чиновничества,— это дворяне (№ 157); но у насъ параграфы закона вырабатываются начальниками отдѣленій. Въ видѣ образца теперешней мировой юстиціи приводится приговоръ мировыхъ судей по дѣлу Энкенъ, а въ видѣ образца нашихъ присяжныхъ — „крадущіе и просящіе милостыни присяжные изъ крестьянъ" (№ 81).

Выводъ изъ такого обзора элементовъ русской жизни и управленія, изъ этой критики преобразованій шестидесятыхъ годовъ, вытекаетъ самъ собою. Дворянство есть единственное наше учрежденіе культурное, связное и наслѣдственное, и въ этомъ смыслѣ оно должно быть привилегированнымъ слоемъ, должно занимать подобающее мѣсто въ государственномъ устройствѣ, служить ядромъ русской политической и общественной жизни, не захватывая ее впрочемъ въ свою исключительную собственность (№ 108). Все земское самоуправленіе, властныя гражданскія должности, судъ и военная служба должны находиться въ дворянскихъ рукахъ „если и не исключительно, то болѣе, чѣмъ преимущественно" (№ 134). Такого привилегированнаго положенія наше дворянство достойно вполнѣ. „Къ нему власть могла всегда, по всякому поводу, отнестись со всякимъ разумнымъ требованіемъ, въ полной увѣренности, что это требованіе будетъ исполнено немедленно и съ сочувствіемъ, хотя бы вынуждало къ большимъ жертвамъ" (№ 157). Но это сословіе должно быть преобразовано. Надобно „чтобъ доступъ въ него снизу былъ не слишкомъ затрудненъ и открывался не только лицамъ, повышающимся въ государственной службѣ, но и другимъ культурнымъ званіямъ; чтобы ряды его раздвигались для извѣстныхъ размѣровъ и видовъ богатства и для умственныхъ заслугъ, чтобы достойные люди изъ культурной среды могли *лично* группироваться около потомственной привилегіи" (№ 108). Дворянству въ новомъ составѣ и обязательно служилому, представляющему извѣстный цензъ (для потомственныхъ дворянъ не менѣе 1,000 рублей годового дохода, для прочихъ членовъ сословія гораздо выше) съ присоединеніемъ качествъ (значительнаго чина, высокой ученой степени), должна быть исключительно передана въ уѣздахъ вся власть, все мѣстное земское самоуправленіе (№№ 108, 111): сельская полиція, тюрьма, надзоръ за неблагонадежными людьми, сборъ податей. Ему же должно принадлежать управленіе волостями. Должности волостного начальника и мирового судьи соединяются въ одномъ лицѣ. Въ эту должность избираются мѣстные помѣщики, живущіе въ волости или близъ нея, а головы изъ крестьянъ суть ихъ помощники. Полицейская власть переходитъ къ начальникамъ волостей (№ 115). Теперешнее земское самоуправленіе въ уѣздахъ и губерніяхъ упраздняется и замѣняется дворянскимъ, съ устраненіемъ въ уѣздахъ коронной администраціи отъ всякаго вмѣшательства въ земскія дѣла. Роль администраціи ограничивается, въ уѣздахъ, утвержденіемъ или назначеніемъ должностныхъ лицъ изъ мѣстныхъ жителей (эти лица могутъ быть увольняемы отъ должности только по Высочайшему повелѣнію), преслѣдованіемъ виновныхъ передъ судомъ и пріостановленіемъ мѣръ, несогласныхъ съ видами правительства, впредь до рѣшенія свыше (№ 115).

Соотвѣтственно съ этими аттрибутами, дворянство организуется весьма сильно. Оно имѣетъ право избирать въ должности по своему усмотрѣнію, „безъ всякой навязанной ему мѣрки". Оно можетъ всякаго принимать въ свою среду и всякаго исключать, при чемъ выражается желаніе, чтобъ исключеніе изъ

числа избирателей „отзывалось и на другихъ его правахъ". Лицо, хотя бы и удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ закона, принимается избирателями въ свою среду не иначе, какъ голосованіемъ. Отмѣнено такое голосованіе можетъ быть только верховною властью. (Здѣсь конечно говорится объ отдѣльныхъ случаяхъ, а не объ общей мѣрѣ). Съ тѣмъ вмѣстѣ избирательный цензъ по образованію совершенно прекращается (№ 115). Всѣ властныя должности занимаются дворянами, съ исключеніемъ приказныхъ; точно также дворяне никогда не опускаются до приказныхъ должностей (№ 134). Губернскій предводитель дворянства пользуется совѣщательнымъ голосомъ въ „высшей правительственной средѣ". Губернскіе съѣзды дворянства имѣютъ право ходатайствовать предъ верховною властью о желательныхъ измѣненіяхъ въ законахъ и пользуются „потребной свободой" взаимныхъ сношеній (№ 120). Высшія гражданскія должности въ службѣ замѣщаются земскими дѣятелями, сначала хотя бы въ областяхъ (№ 134). Этими мѣрами исполнится требованіе автора, чтобы „направленіе дѣлъ было изъято изъ рукъ канцелярскихъ учрежденій". „Уравновѣсить двѣ силы, бюрократическую и земскую, происходящія изъ различныхъ источниковъ, выражающія совсѣмъ иныя отношенія правительства къ народу, даже другой возрастъ государства, вносящія въ общее дѣло духъ прямо противоположный,—совершенно невозможно". Изъ этого авторъ послѣдовательно выводитъ, что центръ тяжести долженъ быть перенесенъ изъ чиновничества въ общество (№ 237). Согласно съ тѣмъ рекомендуется сокращать по возможности бюрократическія учрежденія, а сбереженія обратить на пользу земства, назначеніемъ безплатнымъ земскимъ должностямъ пособія отъ государства „въ полезныхъ размѣрахъ" (№ 134). При такомъ значеніи, роли и власти дворянства, оно разумѣется должно отличаться отъ массы народной и отъ „переростающихъ чернорабочій слой" степенью своего образованія. Наука въ полномъ ея значеніи должна стать привилегіей высшаго сословія; черни же, простому народу, остается въ удѣлъ одна грамотность; а переростающимъ чернорабочій слой—одно техническое и ремесленное обученіе. Съ этою цѣлью правительственныя стипендіи, раздаваемыя нынѣ кому попало, должны быть обращены исключительно на образованіе дворянства, а прочимъ сословіямъ должно быть предоставлено не болѣе одной стипендіи на классическую гимназію (№ 126).

Всякому, кто хоть сколько-нибудь слѣдилъ за тѣмъ, что у насъ дѣлается со времени освобожденія крестьянъ, эта програма коротко знакома; новаго въ ней только то, что она теперь впервые распубликована во всеобщее извѣстіе, по всѣмъ видимостямъ съ одобренія правительства *).

Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, родоначальникъ теперешняго направленія нашей внутренней политики, и на словахъ и въ своихъ распоряженіяхъ неуклонно проводилъ ту же программу. Съ 1863 года, когда мирное разрѣшеніе крѣпостного вопроса стало несомнѣннымъ, онъ громко началъ выражать глубокое презрѣніе къ губерніямъ, въ которыхъ, къ ихъ несчастію, дворянства или почти или вовсе нѣтъ; онъ систематически сталъ разрушать и убилъ институтъ мировыхъ посредниковъ, который на своихъ плечахъ вынесъ мирный исходъ освобожденія крестьянъ. Гдѣ только могъ, статсъ-секретарь Валуевъ, правдами и неправдами, урѣзывалъ права бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ на земли, безспорно и изстари имъ принадлежащія, нерѣдко уступленныя или проданныя имъ ихъ бывшими владѣльцами. Всѣ статьи Положенія 19 февраля, которыя можно было толковать въ пользу и противъ крестьянъ, онъ постоянно толковалъ во вредъ имъ, въ пользу помѣщиковъ. Выборомъ губернаторовъ и членовъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, насколько отъ него зависѣло, онъ далъ другой оборотъ ходу крестьянскаго дѣла на мѣстахъ, ослабилъ и исказилъ духъ Положеній 19 февраля. Достаточно было выразить дворянскій образъ мыслей, въ смыслѣ программы „Русскаго міра", заявить ненависть и презрѣніе къ крестьянамъ, чтобы попасть въ члены губернскихъ присутствій и въ губернаторы; сочувствіе же къ крестьянамъ преслѣдовалось бывшимъ министромъ внутрен-

*) Разсказываютъ, будто редакція „Русскаго Міра", состоящая подъ покровительствомъ графа Воронцова-Дашкова, лица, приближеннаго къ Наслѣднику, получила недавно, въ видѣ субсидіи на изданіе этой газеты, 25,000 рублей. Неужели это правда? Что мысли, выраженныя въ статьяхъ: „Чѣмъ намъ быть", составляютъ программу придворной партіи, правящей теперь (1875 г.) Россіей, объ этомъ мы знали давно. Но что имъ сочувствуютъ и высшія сферы,—это было для насъ неожиданною и прискорбною новостью, которой не хочется вѣрить.

нихъ дѣлъ какъ признакъ политической неблагонадежности и анти-монархическаго образа мыслей. Гдѣ только статсъ-секретарь Валуевъ могъ выразить свое недоброжелательство къ крестьянамъ, онъ его выражалъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ. Съ какимъ-то непонятнымъ злорадствомъ онъ относился даже къ голодающимъ мужикамъ. Всѣмъ памятны его дѣйствія во время голода въ Архангельской губерніи. Единомышленники его пошли далѣе: они систематически выморили голодомъ половину Холмскаго уѣзда Псковской губерніи. Такой образъ дѣйствій съ голодающими крестьянами повидимому возведенъ въ административный принципъ, судя по недавнимъ распоряженіямъ самарскаго губернатора Климова.

Тотъ же взглядъ и та же система проводились бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и въ цензурномъ управленіи. Онъ не брезгалъ никакими средствами, чтобъ подавить въ нашей печати выраженіе направленія, благопріятнаго крестьянамъ, и искусственно создавалъ органы, поддерживавшіе программу, обнародованную теперь въ „Русскомъ мірѣ". Одна петербургская газета, за свое дворянское направленіе сильно читавшаяся въ западныхъ губерніяхъ, получила субсидіи; редакціи другой газеты, лишенной за сочувствіе къ преобразованіямъ шестидесятыхъ годовъ права безцензурной выписки иностранныхъ газетъ и журналовъ, дано знать, что она преслѣдуется за сочувствіе къ мужикамъ; ей предлагалось написать хоть одну статью въ пользу дворянства, чтобы получить назадъ всѣ отнятыя у нея права. Бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ создана „Вѣсть", всѣмъ памятный органъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Передовыя статьи этой газеты, поразительно сходныя съ программой „Русскаго міра", какъ извѣстно, внушались министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, нерѣдко составлялись въ самомъ министерствѣ и даже выносились прямо изъ кабинета министра. Редакторъ „Вѣсти", В. Д. Скарятинъ былъ дѣятельнымъ членомъ Холмскаго земства, получившаго въ Россіи печальную извѣстность зaморенiемъ голодною смертью половины мужиковъ Холмскаго уѣзда. Всякое сочувствіе къ крестьянамъ, всякое хотя бы самое умѣренное и справедливое порицаніе дворянства въ газетѣ, навлекало на себя предостереженіе, пріостановку или прекращеніе изданія. Славянофильскіе органы подвергались одной судьбѣ съ прочими, и программа „Русскаго міра" объясняетъ, почему они ставились на одну доску съ своими врагами. Вина ихъ заключается только въ томъ, что они выражали большое сочувствіе къ мужикамъ.

Всесословныя земскія учрежденія, народившіяся при статсъ-секретарѣ Валуевѣ и по странной игрѣ случая ввѣренныя его опекѣ и покровительству,—не избѣгли участи мировыхъ учрежденій и печати. Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ не скрывалъ глубокаго къ нимъ нерасположенія, и не будучи въ силахъ переустроить ихъ по своему, убилъ ихъ административными и законодательными мѣрами. Новый порядокъ обложенія купечества сборами въ пользу земства, новый порядокъ дѣлопроизводства въ его собраніяхъ, огромныя права, предоставленныя ихъ предсѣдателямъ и, къ довершенію всего, подчиненіе земствъ цензурѣ губернаторовъ, рядомъ съ крайне недоброжелательнымъ отношеніемъ послѣднихъ и министерства къ земскимъ учрежденіямъ и ихъ ходатайствамъ, что̀ выражалось на каждомъ шагу въ единичныхъ дѣйствіяхъ и въ общихъ распоряженіяхъ,—все это задушило всесословную земскую жизнь и дѣятельность почти въ самую минуту ихъ зарожденія.

Что касается до мысли о различныхъ степеняхъ обученія для различныхъ слоевъ общества и объ открытіи одному привилегированному сословію доступа къ высшему образованію, то она дѣятельно и явно проводится теперешнимъ министромъ народнаго просвѣщенія. Подъ благовиднымъ предлогомъ усиленія классическаго образованія поступленіе въ университеты и медицинскую академію до того затруднено, что они пустѣютъ, по недостатку учащихся, а изъ гимназій воспитанники тысячами выбрасываются на улицу, и за неимѣніемъ занятій, не зная куда дѣваться и что̀ начать, идутъ пополнить ряды разносителей прокламацій и возмутительныхъ брошюръ. Ученье до того горько, что юноши и дѣти, не дожидаясь его сладкихъ плодовъ, вѣшаются, застрѣливаются, топятся. Но графъ Толстой гораздо послѣдовательнѣе своихъ товарищей по министерству, и не спѣшитъ сдѣлать мужиковъ грамотными. Деньги, отпускаемыя государствомъ, идутъ не на открытіе новыхъ школъ и поддержаніе существующихъ, а на размноженіе инспекторовъ. Многіе изъ нихъ, вмѣсто того, чтобы способствовать увеличенію числа училищъ, по возможности мѣшаютъ ихъ открытію и пользуются всякими

предлогами, чтобы закрывать тѣ, какія есть *).

Обстоятельства благопріятствовали придворной партіи въ проведеніи программы, обнародованной въ „Русскомъ мірѣ". Прошлое царствованіе, изъ страха революціи, задавило, съ 1849 года, университеты, гимназіи, литературу и всякое выраженіе самостоятельной мысли, въ чемъ бы то ни было. Слабые зачатки серьезнаго и солиднаго знанія, насажденные съ такимъ трудомъ графомъ Уваровымъ, были, вслѣдствіе того, истреблены. Изученіе науки замѣнилось чтеніемъ запрещенныхъ брошюръ; мѣсто просвѣщенной мысли, невозможной безъ нѣкоторой свободы, заступила самая поверхностная болтовня обо всемъ на свѣтѣ. Съ такимъ отсутствіемъ солиднаго знанія и большимъ запасомъ либеральныхъ фразъ натолкнулись мы на восточную войну и перешли въ нынѣшнее царствованіе. Унизительный миръ и внутренніе непорядки, завѣщанные новому времени, не могли не накопить много горечи въ сердцахъ людей. Съ перемѣной царствованія ожили надежды на лучшее будущее; мысли дано нѣсколько простора; въ публикѣ и правительственныхъ сферахъ стали громко говорить о необходимости коренныхъ реформъ и поднятъ былъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. При такомъ положеніи дѣлъ, послѣ долгаго, искусственнаго застоя, броженіе умовъ не могло не быть сильнымъ, и какъ вездѣ и всегда, не обошлось безъ прискорбныхъ увлеченій и крайностей, которыя были тѣмъ естественнѣе, что мы встрѣтили новое время съ большимъ запасомъ горечи и съ крайне слабымъ запасомъ знанія, мысли и практической опытности. Важные интересы общественные, матеріальные и нравственные, затронутые освобожденіемъ крестьянъ, еще усилили броженіе; а вдобавокъ, одновременно съ тѣмъ, подготовлялось польское возстаніе, разразившееся въ началѣ 1863 года.

Извѣстная клика, состоявшая изъ горсти людей, ловко воспользовалась этими обстоятельствами. Броженіе истолковано ею въ глазахъ власти какъ роволюціонное движеніе. При помощи искусной подтасовки, люди, сочувствовавшіе преобразованіямъ, смѣшаны въ одинъ разрядъ съ увлекавшимися юношами. Мало-по-малу, вопросъ былъ чудовищно извращенъ: кто сочувствовалъ новымъ порядкамъ, вводимымъ правительствомъ, тотъ сталъ слыть за революціонера, противника верховной власти; а тѣ, которые противились преобразованіямъ, выданы за друзей порядка и правительства.

Сначала партія, группировавшаяся около бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, дѣйствовала осторожно, изъ-подтишка. Необходимость преобразованій была слишкомъ очевидна, чтобы можно было вдругъ увѣрить власть въ ихъ зловредности. Передергивать надо было исподволь, пользуясь увлеченіями прессы и юношества, а между тѣмъ, подъ рукой, подбирать единомышленниковъ. Крупные землевладѣльцы, захваченные врасплохъ освобожденіемъ крестьянъ, возможности котораго не вѣрили до конца, представляли для видовъ клики самую удобную среду и самый обильный матеріалъ. Статсъ-секретарь Валуевъ ласкалъ ихъ, вмѣстѣ съ ними порицалъ реформы, поддерживалъ въ этомъ слоѣ надежды на лучшее будущее видами на послѣдующую отмѣну ненавистныхъ преобразованій и на введеніе конституціи въ дворянскомъ смыслѣ. Подзадоренные и поддержанные имъ, крупные землевладѣльцы ораторствовали въ земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ, а министръ внутреннихъ дѣлъ пользовался ихъ краснорѣчіемъ, чтобы дискредитировать въ глазахъ власти пользу реформъ вообще и земскихъ учрежденій въ особенности.

Но одинъ въ полѣ не воинъ, говоритъ пословица. Чтобъ придворная партія могла организоваться и забрать власть въ свои руки, ей нужно было захватить всѣ министерскіе портфели. Мысль эта проводилась въ высшихъ сферахъ подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что правительство, при министерствѣ, состоящемъ изъ лицъ съ различными взглядами и направленіями, не имѣетъ необходимаго единства и силы, что нужно министерство однородное, нѣчто въ родѣ европейскаго министерскаго совѣта, съ премьеромъ во главѣ. Злосчастное 4 апрѣля 1866 года подошло какъ нельзя больше кстати для этихъ цѣлей.

---

*) Ссылаюсь на слѣдующіе факты: въ одной губерніи инспекторъ такъ грубо отнесся къ помѣщику, устроившему сельскую школу на свой счетъ, за какую-то перегородку, что помѣщикъ прогналъ его и закрылъ школу. Въ другой губерніи инспекторъ рекомендовалъ смотрителю училищъ закрывать плохія школы, подъ предлогомъ неимѣнія въ виду способныхъ учителей. Еслибъ печать не была у насъ такъ стѣснена, то эти темныя дѣла всплыли бы наружу. Теперь они скрываются подъ спудомъ, какъ въ худшія времена нашей вынужденной нѣмоты.

Благодаря ему, почти однородное министерство образовалось въ смыслѣ придворной партіи. Два чрезвычайно важныхъ поста — шефа жандармовъ и министра народнаго просвѣщенія замѣщены ея членами. Мало-помалу, въ ея же руки перешли министерства юстиціи, путей сообщенія и государственныхъ имуществъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ еще прежде замѣщено было, послѣ выхода статсъ-секретаря Валуева, членомъ той же клики. Такимъ образомъ, мечта о компактномъ министерствѣ почти осуществилась.

Пополнивъ свои ряды и скомпрометировавъ окончательно въ глазахъ власти и преобразованія шестидесятыхъ годовъ и людей, которые ихъ провели и поддерживали, наполнивъ администрацію исключительно своими приверженцами, задавивъ всякое выраженіе мнѣній въ печати, партія могла считать свое положеніе обезпеченнымъ и дѣйствовать открытѣе и рѣшительнѣе. Планъ ея, проступавшій сначала только въ отдѣльныхъ чертахъ, созрѣлъ вполнѣ для осуществленія, и было уже приступлено къ его исполненію. Знаменитая коммиссія для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства въ Россіи должна была подготовить введеніе дворянской конституціи сверху, а программа „Русскаго міра", новосозданнаго органа клики послѣ паденія „Вѣсти", очевидно, была предназначена къ тому, чтобъ подготовить публику къ выработанному графомъ Шуваловымъ, можетъ быть при содѣйствіи редакціи „Московскихъ Вѣдомостей", проекту преобразованія мѣстнаго управленія въ имперіи, въ томъ же дворянскомъ смыслѣ. Выходъ его и графа Бобринскаго изъ министерства, кажется, пріостановилъ осуществленіе этихъ плановъ. Надолго или навсегда—это покажетъ время.

Ниже я разберу основанія программы „Русскаго міра" и данныя, на которыя она опирается. Но какова бы она ни была, несомнѣнно, что она служитъ только предлогомъ для чисто личныхъ видовъ клики. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только сравнить слова съ дѣлами. Придворная партія ненавидитъ бюрократію будто бы за то, что съ нею несовмѣстима гражданская и политическая свобода. Судя по программѣ, водвореніе во власти крупнаго землевладѣнія должно начать въ Россіи эру законности, возможной свободы, личныхъ гарантій, просвѣщенія. Но вотъ ужъ десять лѣтъ, что власть находится почти нераздѣльно въ рукахъ партіи, которая проводитъ эту либеральную программу, и что же мы видимъ? Никогда, со временъ Бирона, такой нестерпимый гнетъ не тяготѣлъ надъ Россіей, никогда личность не была менѣе обезпечена, произволъ администраціи не царилъ такъ безнаказанно, литература и мысль не были въ такихъ тискахъ, школа и воспитаніе въ такомъ жалкомъ положеніи! Мы дошли до того, что сожалѣемъ о прошломъ царствованіи! Литература и наука сочли бы за благодѣяніе возстановленіе предварительной цензуры. Оказывается на повѣрку, что ненавистная бюрократія, какова она ни есть, все-таки менѣе притѣснительна, произвольна и безпощадна, чѣмъ придворная клика, у которой либеральныя фразы и конституція не сходятъ съ языка.

Ничто не развращаетъ такъ народа въ корень, какъ двуличность правительства. Живой этому примѣръ мы видимъ на Франціи. Съ укрѣпленіемъ въ Россіи придворной партіи, съ легкой руки статсъ-секретаря Валуева, ложь и обманъ всосались какъ ядъ въ нашу администрацію, по образцу второй французской имперіи. Съ 1863 года наше правительство исподволь, но неудержимо раздѣлываетъ то, что сдѣлано въ первую половину нынѣшняго царствованія. Еслибы правительство прямо, открыто, честно заявило новую программу, то всякій по крайней мѣрѣ зналъ бы, чего она хочетъ, и могъ сообразно съ тѣмъ дѣйствовать. Но придворная клика, забравъ власть въ свои руки, не смѣла этого сдѣлать. Она дѣйствовала втихомолку, какъ тать ночью, какъ министры второй имперіи, служащіе образцомъ нашимъ. Всѣ законы удержаны,—они, по буквѣ, дѣйствуютъ; всѣ учрежденія съ виду оставлены безъ перемѣны; а на дѣлѣ, въ силу циркуляровъ, тайныхъ приказовъ и личныхъ инструкцій, нигдѣ не записанныхъ, смыслъ и духъ законовъ и учрежденій сталъ совсѣмъ другой, противоположный первоначальному назначенію и буквѣ. Тѣ, которые живутъ въ Петербургѣ и имѣютъ возможность знать лично или по слухамъ то, что происходитъ въ правительственныхъ сферахъ, давно уже видятъ эту перемѣну и отлично понимаютъ, что у насъ теперь, больше чѣмъ когда-нибудь, законъ — мертвая буква, которую само правительство ни въ грошъ не ставитъ. Но по истинѣ ужасно положеніе частныхъ лицъ и чиновниковъ, живущихъ въ провинціи, въ глуши, и до которыхъ не долетаютъ слухи о томъ, что во вто-

рую половину нынѣшняго царствованія вмѣняется въ преступленіе и преслѣдуется то, что̀ предписывается законами, изданными въ первую половину, какъ долгъ вѣрноподданнаго. Особенно безпомощно въ этомъ отношеніи положеніе темной массы мужиковъ и полуграмотныхъ или безграмотныхъ маленькихъ людей. На эти слои общества, лицемѣріе и двуличность правительства дѣйствуютъ самымъ губительнымъ, растлѣвающимъ образомъ. Человѣкъ увѣренъ, что исполняетъ свой долгъ, слѣдуя закону; не посвященный въ программу клики, онъ воображаетъ, что этимъ обезпечиваетъ за собою мѣсто и кусокъ хлѣба для себя и семьи; а его, именно за точное выполненіе закона и выгоняютъ изъ службы! У насъ и безъ того мало уваженія къ закону, и въ этомъ наше несчастіе, а теперешняя правительственная система искореняетъ въ массахъ и тотъ небольшой страхъ передъ закономъ, какой уцѣлѣлъ какимъ-то чудомъ при нашихъ порядкахъ. Преслѣдованіе за исполненіе закона, ненавистнаго придворной кликѣ, конечно, дѣлается не прямо; противное было бы и рискованно, да и слишкомъ наивно; а къ тому же цѣль какъ нельзя лучше достигается косвенными путями. Виноватаго въ исполненіи закона обходятъ наградами, къ нему придираются, ошибки его раздуваются въ преступленія по должности, начальство ему не благоволитъ, его оскорбляютъ. Если все это не дѣйствуетъ и перевести или выгнать его изъ службы, съ нѣкоторою благовидностью, никакъ нельзя, то есть еще весьма удобный случай отъ него отдѣлаться: упраздняется мѣсто, которое онъ занимаетъ. Такъ уволены многіе непріятные бывшему министру внутреннихъ дѣлъ мировые посредники, пока нельзя было, какъ впослѣдствіи, устранять ихъ отъ должности безъ церемоній и помимо сената. Напротивъ, лица, пріятныя министерству, удерживаются на службѣ, не смотря на вопіющія дѣла. Придворная партія, искусная въ интригахъ, умѣетъ только клеветать на бюрократію, подкапываться подъ то, что̀ другіе дѣлаютъ, разрушать обдуманныя учрежденія. Создать она ничего не умѣетъ. Получивъ въ свои руки власть, она оказывается неспособною завести хотя бы только правильный ходъ административной машины. Ее это и мало интересуетъ, она этимъ не занимается, предоставляя дѣламъ идти, какъ они себѣ хотятъ. Никто теперь и не управляетъ дѣлами. Мы живемъ въ полной анархіи. Дѣятельно ведутся только интриги.

Послѣдствія такого образа дѣйствій придворной клики и лицемѣрнаго нарушенія ею закона, служащаго людямъ и руководствомъ въ поступкахъ, и огражденіемъ ихъ личнаго и матеріальнаго положенія, не замедлили обнаружиться. Безправіе, небывалый хаосъ въ администраціи, необезпеченность никого и ни въ чемъ, безнаказанность самыхъ наглыхъ нарушеній правъ, медленность въ удовлетвореніи несомнѣнныхъ и законнѣйшихъ требованій,— все это производитъ всеобщее неудовольствіе и ропотъ, которые раздаются все громче. Правительство потеряло всякое уваженіе и всякое довѣріе. Въ его справедливость и мудрость никто больше не вѣритъ. Самое горестное то, что интриги клики, о которыхъ огромное большинство не имѣетъ понятія, вызываютъ охлажденіе и недовѣріе не къ ней, а къ верховной власти, которую она представляетъ, именемъ которой дѣйствуетъ. Пишущій эти строки не разъ имѣлъ, къ глубокому прискорбію, случай лично удостовѣриться, что простой народъ, до сихъ поръ свято чтившій имя царя, считавшій его земнымъ богомъ, теперь видимо къ нему охладѣваетъ и ему приписываетъ тяжесть своего положенія. Положеніе его, дѣйствительно, стало въ послѣднее время нестерпимо тяжело. Никто о темной массѣ не заботится, не къ кому ей обратиться за добрымъ словомъ и помощью; всякій только пользуется ея невѣжествомъ и спѣшитъ поживиться на ея счетъ. Губернаторы, исправники, мировые посредники взыскиваютъ съ народа подати съ безпощадностью татарскихъ баскаковъ, не обращая вниманія на средства и удобства плательщиковъ, не соблюдая правилъ, установленныхъ закономъ въ обезпеченіе за недоимщикомъ по крайней мѣрѣ возможно выгодной продажи его имущества на уплату недоимки. Розги при взысканіи податей въ такомъ же ходу, какъ при блаженной памяти окружныхъ государственныхъ имуществъ. Губернаторы не только не смотрятъ за тѣмъ, чтобъ исправники и посредники не выходили изъ границъ закона, но ни о чемъ больше и не говорятъ имъ, какъ о безпощадномъ взысканіи податей, во что бы то ни стало. Какъ же не роптать темнымъ массамъ, съ которыхъ правительство тянетъ послѣднее, не заботясь больше ни о чемъ.

Точно хищная орда напустилась эта

клика на Россію, легкомысленно раздражая всѣхъ и все и разсчитывая на испытанное долготерпѣніе русскаго народа. Но и оно, какъ все на свѣтѣ, вѣроятно тоже имѣетъ свои предѣлы. Если у насъ нельзя ожидать революціи, то возможны, какъ показываетъ исторія, смутныя времена, вызываемыя интригами и безправіемъ олигарховъ. Такія времена бывали безобразнѣе всякихъ революцій.

Всего прискорбнѣе то, что кары, насланныя на Россію съ воцареніемъ придворныхъ интригановъ, дѣлаются во имя историческихъ и политическихъ софизмовъ, которые и опровергать-то совѣстно,—такъ они отзываются мудростью гвардейскаго офицерства, нашедшаго продажнаго или ужъ черезъ чуръ наивнаго книжника и писаку, чтобъ придать нелѣпостямъ грамотную форму и уснастить ихъ блестками мнимой учености, столь дешевой въ наше время. Политическія мечтанія придворной клики не имѣютъ курса въ Россіи, кромѣ тѣснаго петербургскаго кружка и немногочисленныхъ его приверженцевъ въ Москвѣ и кое-гдѣ въ провинціи. Восхищаться ими и строить на нихъ свои надежды и планы могутъ только остзейскіе бароны и польскіе паны, живущіе старо-европейскими, а не русскими преданіями.

Въ статьяхъ „Русскаго міра" не разъ провозглашается, что воспитательный періодъ нашей исторіи кончился. Къ несчастію, это не такъ. Стоитъ вникнуть въ програму и высказанные ею мотивы, чтобы въ этомъ убѣдиться. Соображенія, на которыхъ программа построена, взяты не изъ живой русской дѣйствительности и не изъ ея прошедшаго, а изъ иностранныхъ, преимущественно англійскихъ книгъ. Авторъ програмы горько упрекаетъ нашу, такъ называемую, лѣвую сторону мнѣній въ томъ, что она продолжаетъ пережевывать заграничные взгляды. Но программа грѣшитъ тѣмъ же и столько же, если не больше. Положительно или отрицательно, мы продолжаемъ и по сей день пробавляться европейскими образцами и системами, точно такъ же, какъ и встарь. Программа „Русскаго міра" есть такое же книжное измышленіе, съ помощью иностранныхъ представленій, какъ наши теоріи на манеръ Фурье и европейскихъ союзовъ рабочихъ, и не имѣетъ съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи ничего общаго. Случайное сходство отрывочныхъ фактовъ, которое можно отыскать, обращаясь куда угодно,—въ Азію и С.-американскіе Штаты, къ дикимъ племенамъ и просвѣщеннымъ народамъ, одинаково сбиваетъ съ толку автора статей „Русскаго міра" съ нашимм несчастными юношами, спасающимися отъ латыни въ бакунинскія объятія.

Отрицательная сторона статей „Чѣмъ намъ быть?" во многомъ очень справедлива, хотя она могла бы быть полнѣе и коснуться многаго, что обойдено авторомъ благоразумнымъ молчаніемъ, отчасти страха ради іудейска, а еще больше въ виду спеціальной цѣли газеты. Мы дѣйствительно обезличены, мы въ самомъ дѣлѣ въ разбродѣ, особенно наши мнѣнія. Теперь не назовешь двухъ людей, которые были бы согласны между собою, хотя бы въ существенныхъ пунктахъ. Вся Россія, какъ справедливо выражается авторъ, представляетъ какой-то студень,—нѣчто въ родѣ моллюска или даже протоплазмы. Ничто у насъ не сложилось, не скристаллизировалось; есть только намеки на элементы и органы общественной жизни, но ничего выработаннаго, опредѣлившагося нѣтъ. По такимъ намекамъ можно догадываться скорѣе о томъ, чего у насъ не будетъ, чѣмъ о томъ, во что сложится и опредѣлится наше общественное и политическое тѣло, очевидно новой формаціи, не подходящее ни подъ одинъ изъ извѣстныхъ типовъ. Все это такъ. Отсюда слѣдовало бы кажется вывести, что надо, не мудрствуя лукаво, приглядываться къ жизни этого политическаго и общественнаго эмбріона, чутко и зорко слѣдить за его собственными наклонностями и расположеніями и осторожно имъ удовлетворять, не предрѣшая ничего. Такъ диктуетъ здравый смыслъ и въ воспитаніи дѣтей, о которыхъ мы тоже не знаемъ, что изъ нихъ выйдетъ впослѣдствіи. Всякія деспотическія, крутыя мѣры, заранѣе составленныя програмы воспитанія народовъ и людей, именно по этой причинѣ, уже изгнаны изъ политики и педагогіи. До сихъ поръ насъ гнули и крутили то на византійскій, то на польскій, то на голландскій, шведскій, остзейскій, нѣмецкій, французскій и англійскій лады. Съ провозглашеннымъ окончаніемъ воспитательнаго періода все это должно бы кончиться. Въ первыя десять лѣтъ нынѣшняго царствованія похоже было на то, что, измученные и изломанные на разные заграничные лады, мы наконецъ начнемъ жить сами по себѣ, на свой собственный ладъ. Но эта надежда не исполнилась. Авторъ програмы подогрѣваетъ старый соусъ и при-

глашаетъ, по книжнымъ соображеніямъ, сочинить привилегированный классъ въ уѣздахъ, на манеръ англійскаго, и предоставить исключительно ему всю нашу будущую судьбу и развитіе, съ устраненіемъ всесословности и коронной администраціи. Исторически данное ядро такого класса онъ находитъ въ нашемъ дворянствѣ. Вотъ тема, вотъ исходная мысль. Безъ возсозданія наслѣдственнаго и привилегированнаго дворянства въ новомъ составѣ, съ политическими правами, нѣтъ намъ, по мнѣнію автора, никакого спасенія, а отъ возсозданія его онъ ожидаетъ для насъ всякаго благополучія. Вся ошибка нашихъ реформъ, въ шестидесятыхъ годахъ, заключается, какъ онъ увѣряетъ, въ томъ, что дворянство было ими распугано, разогнано и уничтожено какъ сословіе.

Но когда же, спрашивается, въ продолженіе всей русской исторіи, наше дворянство обнаруживало хотя бы тѣнь связной, совокупной общественной жизни? Въ Новгородѣ и Псковѣ, въ прибалтійскомъ и западномъ краѣ, въ малороссійскомъ казачествѣ и Польшѣ мы видѣли и отчасти видимъ и теперь высшіе классы, дѣйствующіе сообща, связно, преслѣдующіе извѣстныя политическія и общественныя цѣли. Но собственно въ Россіи, въ бывшемъ московскомъ государствѣ, въ теперешнихъ внутреннихъ губерніяхъ, никогда не было ничего похожаго. Существованіе у насъ аристократическихъ элементовъ авторъ отрицаетъ, но зародыши дворянскаго сословія ему кажутся несомнѣнными. Но гдѣ эти зародыши? Авторъ жалуется, что видитъ *дворянъ,* но не видитъ *дворянства.* Таковъ, однако, сверху до низу, весь русскій бытъ. У насъ были бояре и не было никогда боярства; были, есть и будутъ духовные, купцы, мѣщане, ремесленники, крестьяне, но никогда не было и повидимому не будетъ духовенства, купечества, мѣщанства, крестьянства въ смыслѣ дѣйствительныхъ сословій. Всѣ наши разряды, не исключая дворянства, означали родъ занятій, общую повинность, тягло или службу, но никогда не имѣли они значенія общественнаго организма, общественной формаціи, съ задатками политической или общественной связной жизни. Это было совершенно невозможно по самому способу образованія русскаго государства и по свойству нашей верховной власти. Автора сбиваютъ съ толку сословныя формы, заимствованныя изъ Европы, въ которыя насъ одѣли въ XVIII вѣкѣ, вмѣстѣ съ камзоломъ, треугольной шляпой и шпагой. Одно время намъ дѣйствительно казалось, что новая одежда пристала намъ какъ разъ къ лицу; но это было недоразумѣніе, которое произошло только отъ того, что мы переряживались какъ малолѣтнія дѣти, не понимая хорошенько, что̀ дѣлаемъ, и которое разъяснилось очень скоро. Оказалось, что мы соединяли съ новымъ костюмомъ совсѣмъ не то понятіе, какое онъ собою выражалъ, и вносили въ него свое, доморощенное. Какъ только мы стали сколько нибудь понимать себя, тотчасъ же сдѣлалось яснымъ глубокое противорѣчіе между навязаннымъ или навѣяннымъ и естественнымъ, тѣмъ, что̀ мы есть на самомъ дѣлѣ. Нѣтъ ни одного мыслящаго, просвѣщеннаго русскаго человѣка, который, будучи знакомъ съ политическими и общественными вопросами, чувствовалъ бы себя легко и свободно въ своемъ сословномъ, такъ называемомъ общественномъ разрядѣ. Никому эти разряды не по сердцу, никто въ нихъ не укладывается, всѣхъ они тяготятъ и тѣснятъ. Отъ богатаго дворянина до крестьянина, всѣ вкусившіе отъ плода образованности, относятся отрицательно, иронически, чуть не враждебно къ сословной средѣ, въ которой родились и изъ которой спѣшатъ выбраться. Нѣтъ, мы по природѣ не тотъ народъ, который умѣетъ жить по-сословно или поразрядно. Стоитъ взглянуть на нашу литературу всѣхъ временъ: про какой общественный разрядъ, про какое сословное общество она отзывалась иначе, какъ съ злой ироніей? Это потому, что ни одно изъ нашихъ сословій или званій, созданныхъ закономъ или родомъ занятій, никуда не годится, въ смыслѣ общественной единицы, организованнаго общества, хотя въ каждомъ изъ нихъ можно встрѣтить весьма достойныхъ, вполнѣ развитыхъ, образованныхъ, порядочныхъ и честныхъ людей.

Наше дворянство не составляетъ исключенія изъ этого общаго правила. И до Петра Великаго, когда оно было замкнутымъ, служилымъ разрядомъ, раздѣленнымъ на множество наслѣдственныхъ „чиновъ", и послѣ Петра, когда оно преобразовано по европейскому образцу въ высшее сословіе, наслѣдственное же, но пополнявшееся выслугой и пожалованіемъ, наше дворянство выставляло много почетныхъ, достойныхъ и талантливыхъ людей на всѣхъ поприщахъ. Наполняя и послѣ отмѣны обязательной службы,

по привычкѣ и преданію, высшія и среднія государственныя, гражданскія и военныя должности, большинство дворянства, волей-неволей приняло европейскіе обычаи и нравы, и стало причастно европейской образованности. Въ качествѣ служилаго класса и будучи сравнительно наиболѣе просвѣщенной средой, оно было главнымъ представителемъ и дѣятелемъ преобразованія. Но никогда, ни разу, отъ начала до нашихъ дней, дворянство не играло этой видной и почетной роли какъ сословіе, какъ общественная единица, даже не какъ собраніе губернскихъ или уѣздныхъ общественныхъ группъ, а всегда, постоянно какъ среда, изъ которой выходило образованное, дѣятельное меньшинство, честно и преданно служившее своему отечеству и дѣлу образованія; но служило оно не въ духѣ той среды, изъ которой вышло, а напротивъ, наперекоръ, вопреки ей. Это меньшинство, въ дѣятельности своей, никогда не выражало духъ, желанія, стремленія дворянскаго сословія, а напротивъ, духъ, требованія и стремленія государства, котораго они были слугами, которое ихъ возвышало, обогащало и поддерживало.

Со временъ Петра III и Екатерины II, до послѣднихъ преобразованій, дворянство, можно сказать, держало въ своихъ рукахъ Россію. Половина имперіи была ему закрѣпощена, мѣстная полиція и мѣстный судъ принадлежали ему; коронная администрація, сверху до низу, состояла почти исключительно изъ дворянъ. Всѣ высшія и среднія должности и мѣста въ войскѣ занимались тоже почти исключительно дворянами. Будь въ дворянской средѣ хоть тѣнь связности, хоть малѣйшая наклонность сложиться въ общественную или политическую единицу, это бы сказалось въ чемъ нибудь. Оно и сказалось въ упорномъ, цѣпкомъ отстаиваніи крѣпостного права; но на попытки организоваться въ общественное тѣло, съ политическимъ оттѣнкомъ, занять болѣе или менѣе самостоятельное мѣсто посреди другихъ элементовъ, укрѣпить за собою и по возможности развить свои корпоративныя права какъ общественной единицы, — на все это, чрезъ долгую исторію нашего дворянства, нѣтъ и намека. Остзейцы, поляки и ополяченные дворяне западныхъ губерній воспользовались своими правами и положеніемъ совсѣмъ иначе. Я и не думаю ставить нашему дворянству въ укоръ, что оно не походило на остзейское или польское; слава Богу, что оно такимъ не было. Я только доказываю, что оно играло у насъ роль какъ среда, а не какъ политическій и даже не какъ общественный элементъ,—какъ слой, а не какъ организмъ, даже не какъ зародышъ организма. Эти безспорные факты опровергаютъ теорію „Русскаго міра“ въ самомъ корнѣ. То, изъ чего не могло развиться политическаго или общественнаго тѣла при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, не можетъ сложиться въ такое тѣло, когда дуетъ совсѣмъ другой вѣтеръ. Поляки тоже все еще надѣются возстановить свое государство. Но если они не съумѣли или не смогли сохранить его, когда оно существовало, то какъ мечтать имъ объ этомъ теперь, когда оно пало? То же самое, и по тѣмъ же причинамъ, можно сказать и „Русскому міру“, мечтающему у насъ о дворянствѣ въ смыслѣ политическаго или общественнаго сословія. Мысль эта — книжная, выдуманная съ перомъ въ рукѣ, а не живая, вызванная дѣйствительными фактами и потребностями. Во имя ея можно надѣлать у насъ много бѣдъ, замедлить наше общественное развитіе, затемнить на время наше сознаніе, сбить съ толку власть и правительство, отвлечь ихъ отъ ихъ прямой задачи и дѣла, но создать изъ этой мысли что нибудь на пользу Россіи никакъ нельзя. Чего природа, жизнь, исторія не дали, того никакія человѣческія усилія не дадутъ. Мы можемъ только развивать, воспитывать, совершенствовать существующее; создавать не бывалое изъ ничего не въ нашей власти.

Мы, русскіе, —большіе самохвалы и краснобаи, но нельзя сказать, чтобъ мы были особенно изобрѣтательны. Наладимъ пѣсню и тянемъ ее вѣки, все одну и ту же. Кто нибудь одинъ выдумаетъ красное словцо, зная, что оно только въ половину правда, или даже вовсе неправда, и другіе сто лѣтъ будутъ его повторять. Кто то сочинилъ, очевидно на французскій манеръ, что „дворянство есть опора престола и отечества“, что „государь—первый дворянинъ“, что „дворянство за царя и отечество кровь свою проливало“, и вотъ всѣ мы повторяемъ эти фразы въ сласть, и что̀ всего забавнѣе, повторяемъ въ увѣренности, что въ нихъ заключается нѣчто, исключительно принадлежащее дворянству, составляющее предметъ только его гордости, чести и славы. Но опору отечества и престола, сколько извѣстно, составляютъ и купцы, и мужики, и чиновники,

и духовные, по крайней мѣрѣ столько же, сколько и дворянство; кровь свою проливаютъ за царя и отечество ужъ конечно не одни дворяне; а феодальное представленіе о царѣ-дворянинѣ вовсе намъ чуждо. Въ народной сказкѣ сказывается, что Иванъ Грозный былъ крестьянскій парень Ванюха, выбранный на царство въ Москвѣ, но о царѣ-дворянинѣ нѣтъ ни малѣйшаго понятія въ народѣ. Царь у насъ для всѣхъ сословій и званій царь, а не для однихъ дворянъ. Дворянству, какъ служилому классу, было естественно и удобно оттирать другія званія и выставлять на видъ свои заслуги, преимущественно передъ всѣми прочими. Но вѣдь въ сущности ни власть, ни сами дворяне не принимаютъ этихъ фразъ за чистыя деньги. Обѣ стороны отлично понимаютъ, что въ устахъ дворянства такія увѣренія не больше какъ самохвальство и не безъ расчета на царскія милости, а со стороны власти — простой комплиментъ, изъ котораго ничего не слѣдуетъ. Смѣшно и странно, когда люди мыслящіе и ученые вдругъ принимаютъ эти фразы за нѣчто серьезное, вѣрятъ имъ, какъ выраженіямъ будто бы дѣйствительныхъ фактовъ. Выставляютъ, напримѣръ, заслуги дворянства, какъ сословія, въ спасеніи отечества въ 1812 году. Но вѣдь не одно же дворянство спасло Россію! Спасали его всѣ, отъ мала до велика, отъ царя до послѣдняго мужика. Какая же тутъ особенная заслуга дворянства? Теперь вошло въ моду говорить и повторять, что дворянство совершило безпримѣрный въ исторіи подвигъ самоотверженія, уничтоживъ собственными руками крѣпостное право въ лицѣ мировыхъ посредниковъ и принеся на алтарь отечества свое матеріальное благосостояніе. Подождали бы по крайней мѣрѣ, пока вымретъ поколѣніе, видѣвшее своими глазами, какъ происходило освобожденіе крестьянъ, и тогда бы пустили въ ходъ эту самохвальную фразу! Освобожденіе крѣпостныхъ, какъ и всѣ великія преобразованія въ Россіи, совершено незамѣтнымъ меньшиствомъ, въ ту минуту, когда власть была расположена это сдѣлать. Дворянство, какъ сословіе, было тутъ рѣшительно не при чемъ. Что касается огромнаго большинства дворянъ, то они всегда относились къ этому преобразованію крайне враждебно, мѣшали ему сколько было возможно, и при Александрѣ I, и при Николаѣ, и въ нынѣшнее царствованіе. Оно, это большинство, сколько могло, тормозило освобожденіе, урѣзывало землю у крестьянъ на мѣстахъ, урѣзывало цифры ихъ надѣла въ государственномъ совѣтѣ, уступило царской волѣ крайне неохотно и до сихъ поръ продолжаетъ вздыхать по крѣпостномъ правѣ, гдѣ и когда можетъ срывая душу на мужикѣ. Дворяне, освоившіеся съ свободою крестьянъ, примирившіеся съ новымъ положеніемъ дѣлъ, и теперь еще далеко не составляютъ большинства. Ссылаются на то, что главные дѣятели реформы были, въ огромномъ большинствѣ, дворяне; это безспорно; но при этомъ забываютъ, что дѣятели эти составили въ дворянствѣ незамѣтное меньшинство, что они были для дворянства предметомъ ненависти, что это меньшинство призвано было къ отмѣнѣ крѣпостного права не по выбору или назначенію самаго дворянства, а по выбору и назначенію власти и правительства, которое заботилось о томъ, чтобы въ члены губернскихъ присутствій и мировые посредники попали люди, расположенные къ дѣлу; но и это, при всемъ стараніи, удалось не вполнѣ, — такъ незначительно было меньшинство, сочувствующее освобожденію. Послѣдствія блистательно доказываютъ справедливость того, что̀ я говорю. Когда бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, враждебно относящійся къ отмѣнѣ крѣпостного права не на остзейскій манеръ и по направленію своему вполнѣ выражающій стремленія и надежды большинства дворянства, не только пересталъ поддерживать меньшинство, но началъ его тѣснить и преслѣдовать, оно исчезло, затерялось въ массѣ. Всѣ знаютъ каковы были новые мировые посредники въ сравненіи съ первыми, и до какой степени въ ихъ рукахъ дѣло освобожденія исказилось въ самомъ своемъ основаніи. Нѣтъ, не дворянское сословіе самоотверженно и великодушно отказалось отъ крѣпостного права! Дѣятели освобожденія призваны были правительствомъ изъ меньшиства дворянской среды, заявившаго себя противъ крѣпостного права и вслѣдствіе того ставшаго предметомъ преслѣдованій со стороны огромнаго большинства дворянскаго сословія. Между тѣмъ и другимъ, я надѣюсь, большая разница.

Въ „Русскомъ мірѣ“ говорится и повторяется, что преобразованія шестидесятыхъ годовъ уничтожили дворянство, распустили его въ восьмидесяти-милліонной массѣ мужиковъ; что дворянство, распуганное и разогнанное изъ своихъ помѣстьевъ, разбѣжалось въ города и за границу, забросивъ свои владѣнія

и хозяйства. Все это будто бы сдѣлалось къ прискорбію крестьянъ, которые и теперь больше вѣрятъ своимъ мѣстнымъ помѣщикамъ, чѣмъ чиновникамъ и своимъ выборнымъ. Изъ этихъ увѣреній выходитъ, что реформы мѣстнаго быта, совершенныя въ нынѣшнее царствованіе, были совсѣмъ не нужны, не вызывались никакими потребностями. Сельское хозяйство процвѣтало, дворяне жили въ своихъ помѣстьяхъ, мужики были исполнены къ нимъ довѣрія, ходили къ нимъ судиться. Словомъ, все обстояло благополучно, — и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, начались реформы (подразумѣвается, конечно, по наущенію злоумышленниковъ, враговъ дворянства и власти), которыя все это благополучіе поставили вверхъ дномъ, вопреки народнымъ желаніямъ, ко вреду мужиковъ и хозяйства и къ разоренію помѣщиковъ. Отсюда начало всѣхъ золъ, абсентеизмъ просвѣщеннаго сословія, упадокъ сельскаго хозяйства, о которомъ такъ много и такъ краснорѣчиво умѣетъ разсказывать статсъ-секретарь Валуевъ, и господство невѣжественной черни въ провинціяхъ, невозможное и нестерпимое для культурныхъ слоевъ.

Я понимаю, что извѣстная клика находитъ разсчетъ нашептывать все это власти и по возможности вставлять ей очки дворянскаго большинства. Власть не знаетъ Россіи и судитъ по бумагамъ, которыя клика ей докладываетъ. Но зато она, эта клика, до сихъ поръ благоразумно не публиковала своихъ докладовъ и всячески старается довести печать до нѣмоты, боясь, чтобы нескромныя ея разоблаченія не порвали хитро сплетенныхъ нитей ея лжи и интриги. Но видно съ нею случилось по пословицѣ: кого Богъ хочетъ наказать, у того разумъ отыметъ. Въ увѣренности, что положеніе и власть ея совершенно упрочились, она зарвалась и проболталась. Самонадѣянность клики до того выросла и развилась, что она рѣшилась выступить съ своими лживыми увѣреніями и обманами печатно. Теперь механика этой лжи, благодаря „Русскому міру", у всѣхъ подъ глазами, и всякій могъ бы уличить въ ней придворныхъ интригановъ у насъ дома, не прибѣгая къ заграничнымъ печатнымъ станкамъ, еслибъ наша печать не была обречена на молчаніе. Всякій ребенокъ знаетъ, что теперь, какъ до реформъ шестидесятыхъ годовъ, дворянство остается во главѣ мѣстнаго управленія; что судъ и завѣдываніе мужиками, сосредоточенные въ рукахъ мировыхъ судей-дворянъ и мировыхъ посредниковъ, тоже дворянъ, по прежнему удержаны за дворянствомъ; что дворянская организація осталась нетронутой; что уѣздныя земскія управы почти всѣ, а губернскія всѣ безъ исключенія, гдѣ только есть дворянство, составлены изъ дворянъ; что предсѣдатели земскихъ собраній, съ огромными полномочіями, какими они облечены по инціативѣ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, суть предводители дворянства; что гдѣ только есть дворяне, тамъ крестьянство не занимаетъ должностей и не играетъ ни малѣйшей роли, а если выборные его и попробуютъ заявить свое мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ дворянскаго большинства, то придворная клика тотчасъ же ссылаетъ ихъ административнымъ порядкомъ, какъ было еще недавно съ Молинымъ въ Самарѣ. Къ крайнему сожалѣнію, крестьянство и до сихъ поръ не играетъ въ нашемъ мѣстномъ самоуправленіи никакой роли; вся власть еще безраздѣльно сосредоточена въ рукахъ дворянства, которое распоряжается ею какъ хочетъ, раздаетъ мѣста, дѣлаетъ раскладку повинностей, судитъ и рядитъ. Еслибъ крестьянство не было совершенно пассивно, то, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и люди выбирались бы лучше, и земскія деньги на постройку зданій и починку дорогъ расходовались бы разумнѣе и бережливѣе, и на сельскія школы отпускалось бы ихъ больше, и раскладки повинностей производились бы уравнительнѣе и справедливѣе. Есть, безъ сомнѣнія, и такія мѣстности, гдѣ, не смотря на то, что всѣми дѣлами орудуетъ одно дворянство, дѣла идутъ по возможности хорошо, разумно и справедливо. Но здѣсь и тамъ, все зависитъ отъ того, каково дворянство, которое, повторяю, и по закону, и на фактѣ, соединяетъ въ своихъ рукахъ всю власть. Гдѣ же, спрашивается, раствореніе культурнаго слоя въ мужицкой массѣ? Гдѣ господство, или хоть преобладаніе черни въ мѣстномъ управленіи? Утверждать это могутъ одни недобросовѣстные люди или круглые невѣжды, не имѣющіе понятія о томъ, что̀ дѣлается въ Россіи. Будь въ дворянствѣ хоть тѣнь связности, о которой мечтаетъ „Русскій міръ" и во имя которой придворная клика опрокидываетъ реформы шестидесятыхъ годовъ, оно, при теперешней дѣятельной и сильной поддержкѣ со стороны правительства, давно бы сложилось въ сильнѣйшую сословную корпорацію,

вредную и опасную, по своему духу, и для народа, и для власти, какъ въ Польшѣ. Къ счастью нашему, въ нашемъ дворянствѣ нѣтъ и не было даже и тѣни связности; дворянство, какъ сословіе, продолжаетъ падать, и въ смыслѣ привилегированнаго класса, конечно, никогда болѣе не возстановится, что бы ни дѣлала котерія нашихъ выродившихся олигарховъ.

Абсентеизмъ дворянства на мѣстахъ и упадокъ помѣщичьихъ хозяйствъ—фактъ несомнѣнный, но смыслъ ихъ совсѣмъ не тотъ, какой придаетъ имъ „Русскій міръ“.

Въ концѣ минувшаго царствованія и началѣ нынѣшняго, абсентеизмъ за границу былъ невозможенъ, потому что выѣздъ за предѣлы имперіи былъ чрезвычайно затрудненъ, сперва мѣрами правительства, потомъ войной, а послѣ войны тѣмъ, что драконовскія правила о поѣздкахъ за границу смягчались мало-по-малу. Но главное,—мы ожили надеждами, намъ представилось, что дѣла будетъ довольно у себя, а чтобъ его дѣлать, надо было оставаться и жить дома. Первая половина нынѣшняго царствованія вполнѣ оправдывала этотъ взглядъ, и абсентеизма не было. Но когда произошелъ поворотъ въ правительствѣ, когда оно начало, мало-по-малу, раздѣлывать реформы, стѣснять дарованныя права, земство и печать, тогда все, что было горячо принялось за дѣло, за работу, охладѣло, махнуло рукой и разбрелось куда попало. Не для чего было оставаться на мѣстахъ. Кромѣ того, провинціи опустѣли и потому, что большинство дворянства оказалось вполнѣ неспособнымъ заняться хозяйствомъ дѣльно и серьезно, что въ немъ укоренилась привычка, воспитанная крѣпостнымъ правомъ, жить на даровщинку и жуировать, не обременяя себя мыслью и трудомъ, что оно необыкновенно легкомысленно и беззаботно, какъ всѣ праздные люди, отнеслось къ новому положенію вещей, созданному отмѣной крѣпостного права. Мы подсмѣивались надъ вѣтренностью поляковъ, не замѣчая, что сами не уступаемъ имъ въ этомъ ни на волосъ. Вся разница въ томъ, что польское дворянство, располагавшее судьбами Польши, погубило ее; наше же дворянство, не имѣя, къ счастью, политическихъ правъ, погубило только само себя. Неумѣнье дворянъ дѣлать что-либо, совершенная ихъ несостоятельность и безпомощность вошли у простого народа въ пословицу. Роскошь не по средствамъ, самыя безпутныя затѣи и мотовство дворянскаго класса всѣмъ извѣстны и памятны. Вездѣ банки и поземельный кредитъ обогатили людей, дали имъ средства уплатить долги, улучшить свое хозяйство, удвоить и утроить свое состояніе; только у насъ они разорили дворянство, ввели его въ неоплатные долги. Понятно, что при такихъ условіяхъ отнятіе дарового труда разорило большинство дворянъ. Выкупныя свидѣтельства, вмѣсто того, чтобъ идти на улучшеніе хозяйства, на постановку его на новую ногу, сообразно съ измѣнившимися условіями, были прожиты въ городахъ и за границей, съѣдены и пропиты, проиграны въ карты, употреблены на балы, женщинъ, наряды. Вотъ что распугало и разогнало большинство дворянъ изъ провинцій, а вовсе не введеніе нашей смирной и безгласной черни въ мѣстныя земства.

Я говорилъ до сихъ поръ о безобидномъ, добродушномъ, хотя и легкомысленномъ, не приготовленномъ къ труду большинствѣ дворянъ. Затѣмъ не мало было и такихъ, которыхъ реформы шестидесятыхъ годовъ дѣйствительно выжили изъ ихъ имѣній. Не умѣя свыкнуться съ отмѣной крѣпостного права, съ тѣмъ, что ужъ нельзя тиранствовать надъ дворовыми и мужиками, нѣкоторая часть дворянства срывала сердце на рабочихъ, всячески тѣснила, обсчитывала народъ, не скрывала своего къ нему презрѣнія и ненависти и вызвала отместку: къ такимъ дворянамъ не шли на работу и въ службу, имъ дѣлали все во вредъ, наконецъ, съ отчаянья и злобы, поджигали ихъ дома, житницы и усадьбы. Эта часть дворянства жалуется и теперь на новые порядки, разоряется и кричитъ, что въ провинціи нельзя отъ нихъ жить.

Но кромѣ этихъ видовъ абсентеизма существуетъ у насъ еще одинъ, политическій, о которомъ „Русскій міръ“ мудро молчитъ. Иные дворяне и живутъ по деревнямъ, хозяйничаютъ, ладятъ съ народомъ, приспособились къ новымъ порядкамъ, не жалуются на нихъ,—но систематически воздерживаются отъ всякаго участія въ мѣстныхъ общественныхъ дѣлахъ и управленіи, съ тѣхъ поръ, какъ придворная клика начала царствовать въ Россіи, преслѣдовать людей независимыхъ и поддерживать большинство, враждебное совершившимся реформамъ. Эта, теперь подавленная и устранившаяся отъ дѣлъ часть дворянства, составляющая незамѣтное меньшинство, талантливая, честная, независимая, мыс-

лящая, всплыветъ опять, какъ только царство олигарховъ кончится, и явится спросъ на живыя силы, которыя теперь всячески оттираются на задній планъ. Эта часть дворянства ясно понимаетъ, что создать высшее привилегированное наслѣдственное сословіе, по рецепту „Русскаго міра", и дать ему общественныя и политическія права—значитъ окончательно сдать массы народа въ руки худшей части населенія—разбогатѣвшихъ кулаковъ, желѣзно-дорожныхъ тузовъ, бывшихъ откупщиковъ, взяточниковъ, награбившихъ себѣ состояніе, словомъ, всякаго рода проходимцевъ, нагрѣвшихъ себѣ руки около казны, народа, или по акціонернымъ дѣламъ, на биржѣ и въ спекуляціяхъ. Таково было бы большинство проектируемаго программою „Русскаго міра" дворянства, о которомъ эта газета увѣряетъ, что народъ больше вѣритъ ему, чѣмъ коронньмъ чиновникамъ. Народъ, раздавленный поборами, которые противъ прежняго увеличились въ пять и въ восемь разъ и взыскиваются съ небывалой жестокостью, не вѣритъ больше никому и ничему, даже самой власти, въ которую онъ еще недавно слѣпо вѣрилъ. Онъ видитъ, что освобожденіе не облегчило его участи, а напротивъ, скорѣй ее ухудшило. Прежніе посредники, защищавшіе его права и интересы, замѣнились людьми или совершенно безучастными къ его долѣ, или обратившими свою власть въ помѣщичью, худшаго сорта; онъ видитъ, какъ при взысканіи съ него податей и недоимокъ продается его имущество за безцѣнокъ, благодаря совершенному безсердечію полиціи; какъ съ легкой руки бывшаго тульскаго губернатора Шидловскаго, взысканіе недоимокъ, вопреки закону и справедливости, обращается на бабьи сарафаны и бабью собственность; онъ видитъ, какъ помѣщики и ихъ приказчики совершенно безнаказанно обижаютъ и тѣснятъ его, и ему не къ кому обращаться за помощью. Въ крестьянинѣ мало-по-малу складывается убѣжденіе, что вся администрація, казенная и общественная, дворянская и земская, только для того и существуетъ, чтобъ обирать его, а для защиты его, бѣднаго и темнаго человѣка, нѣтъ никого.

Вотъ плоды той внутренней политики, какая у насъ водворилась съ воцареніемъ придворной клики. Во имя химеры классическаго образованія наши университеты падаютъ, и молодежь, толпами выгоняемая изъ нихъ и изъ гимназій, обращается въ безумныхъ пропагандистовъ безсмысленныхъ брошюръ и прокламацій. Во имя химеры привилегированнаго дворянства искажаются великія реформы нынѣшняго царствованія, и нашему развитію насильственно дается искусственное направленіе, противное тысячелѣтнему ходу русской исторіи, ослабляется власть и довѣріе къ ней народа, устраняется изъ администраціи просвѣщенное меньшинство, которое во всѣ наши лучшія эпохи шло впереди и стояло на первомъ планѣ, подавляется русская мысль, налагается печать молчанія на наши уста. Неужели это можетъ долго продолжаться, и неужели можно защищать такой порядокъ дѣлъ, какъ пытается „Русскій міръ"? Этому не хотѣлось бы вѣрить! Наука, мысль, теорія идутъ на службу олигархіи только въ эпохи разложенія государствъ и народовъ. Мы, надо надѣяться, еще не дошли до этой степени упадка. Пока мы, повидимому, только испорченныя, очень дурно воспитанныя дѣти, а не развращенный, извѣрившійся въ себя народъ.

Письмо второе.

Только люди, не имѣющіе понятія о теперешней Россіи, или придворные интриганы могутъ утверждать, что созданіе привилегированнаго сословія изъ остатковъ разорившихся дворянъ, разбогатѣвшихъ невѣжественныхъ торгашей-кулаковъ и всякаго рода аферистовъ можетъ возродить нашу мѣстную жизнь и благосостояніе, замѣнить теперешій разбродъ правильной организаціей, вдохнуть въ обезличенныхъ людей нравственный характеръ и умственную состоятельность. Высшее мѣстное сословіе, культурное и обладающее на фактѣ привилегіей, сложится само собою, при теперешнемъ земскомъ устройствѣ, созданномъ реформами шестидесятыхъ годовъ, если только не будутъ тѣснить земства, искажать и расшатывать его сверху. Еслибъ правительство и его мѣстные органы смотрѣли за строгимъ соблюденіемъ закона, то мѣстная жизнь не замедлила бы выдвинуть изъ себя высшій культурный слой, составленный изъ элементовъ всѣхъ бывшихъ и существующихъ теперь искусственныхъ сословій, разрядовъ и званій. Сюда вошли бы и обломки стараго служилаго дворянства и крупное землевладѣніе, и капиталы, и способности, — словомъ все то, изъ чего и теперь

слагается и чѣмъ обновляется господствующій культурный классъ въ Англіи и сѣвероамериканскихъ Штатахъ. Но интриганамъ совсѣмъ не этого хочется. Они боятся созданія и упроченія у насъ такой среды, которая была бы довольно вліятельна, чтобъ противодѣйствовать ея проискамъ и олигархическимъ замашкамъ. Ей нужно названіе, а не самое дѣло. Она только прикрываетъ свои виды программой, которую, съ возможной благовидностью, излагаетъ „Русскій міръ". Ея настоящая цѣль, напротивъ, не дать сложиться ничему прочному, вліятельному на мѣстахъ, чтобъ было удобно ловить въ мутной водѣ рыбу и безпрепятственно проводить олигархическую конституцію въ Россіи,—конституцію, немыслимую при существованіи въ провинціяхъ солиднаго, истинно-консервативнаго, просвѣщеннаго высшаго класса. Вся дезорганизація, весь произволъ, весь мракъ, все беззаконіе идутъ у насъ не изъ провинціи, не изъ уѣздовъ, а изъ столицъ, изъ среды придворныхъ интригановъ, которые зставляютъ очки власти, мечтаютъ держать все въ своихъ рукахъ, и править именемъ власти въ своихъ собственныхъ интересахъ. Царствующая теперь въ Россіи котерія, разобравшая большую часть министерскихъ портфелей, пронырливая, лукавая, безнравственная и невѣжественная,—вотъ гдѣ наше зло и источникъ нашихъ неурядицъ.

Какъ на исходъ изъ хаоса и беззаконія, въ которыхъ мы находимся, указываютъ обыкновенно или на революцію, или на политическія гарантіи. Авторъ статей „Чѣмъ намъ быть"? отвергаетъ, и весьма справедливо, оба способа въ примѣненіи къ Россіи. Эта часть статей и мѣста, гдѣ говорится о существѣ и значеніи верховной власти у насъ, безспорно лучшее изъ всего, что сказалъ „Русскій міръ". Особливо вопросъ о верховной власти, какъ она выработалась въ Россіи исторически, поставленъ совершенно вѣрно и правильно. Политическая революція у насъ, къ счастью, невозможна, потому что въ основѣ русскаго государства нѣтъ взаимно враждующихъ элементовъ. Соціальная революція—худшій изъ всѣхъ видовъ революцій — къ великому нашему благополучію, тоже невозможна, благодаря Положеніямъ 19 февраля 1861 года, какъ ни искажены они въ практическомъ примѣненіи, благодаря стараніямъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ. Невозможность революцій у насъ есть потому наше счастіе и благополучіе, что даже тамъ, гдѣ онѣ возможны и представляются единственнымъ выходомъ изъ запутаннаго положенія, онѣ, по своимъ послѣдствіямъ, составляютъ зло, чуть ли не худшее того, которое ими устраняется. Примѣры у всѣхъ подъ глазами. Намъ грозятъ, во всякомъ случаѣ, не революціи, а смуты, которыя искусственно вызываются безсмысленнымъ управленіемъ, безпомощностью невѣжественныхъ, полудикихъ массъ, задавленныхъ поборами и безправіемъ, и въ то же время систематическимъ раздраженіемъ имущихъ и образованныхъ слоевъ, которое сближаетъ ихъ въ недовольствѣ съ массами. Интриганы, правящіе теперь въ Россіи, относятся самымъ легкомысленнымъ образомъ къ явленіямъ современной русской жизни, давятъ мысль, давятъ молодежь, толпами ссылаютъ недовольныхъ, не подозрѣвая, что раздуваютъ пламя, которое хотятъ тушить.

Конституціонныя поползновенія, идущія и изъ образованныхъ слоевъ общества и изъ придворной клики, у насъ совершенно безплодны и только показываютъ нашу политическую незрѣлость и незнаніе Россіи. Конституція только тогда имѣетъ какой-нибудь смыслъ, когда носителями и хранителями ея являются сильно организованные, пользующіеся авторитетомъ, богатые классы. Гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ конституція является ничтожнымъ клочкомъ бумаги, ложью, предлогомъ къ самому безсовѣстному, безчестному обману. Конституція, какъ она выработалась въ Европѣ, есть договоръ между народомъ (собственно между высшими сословіями) и правителемъ. Гдѣ оба равносильны, тамъ дѣло идетъ хорошо. Но гдѣ одна изъ сторонъ слаба, тамъ властвуетъ на дѣлѣ та изъ нихъ, которая сильнѣе, и она предписываетъ законы. Мы видѣли какъ во Франціи шайка разбойниковъ и бандитовъ овладѣла государствомъ и двадцать лѣтъ безнаказанно держала власть въ своихъ рукахъ, дѣлая ужасы и прикрываясь конституціей, въ которой все было безстыдною ложью. Сама по себѣ, помимо условій, лежащихъ въ строѣ народа и во взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ его слоевъ, конституція ничего не даетъ и ничего не обезпечиваетъ; она, безъ этихъ условій,—ничто, но ничто вредное, потому что обманываетъ внѣшнимъ видомъ политическихъ гарантій, вводитъ въ заблужденіе наивныхъ людей.

У насъ многіе мечтаютъ о конституціи,

всего болѣе тѣ, которые надѣются, съ ея помощью, забрать власть надъ государствомъ, на французскій наполеоновскій манеръ, въ руки нѣсколькихъ семействъ, съ устраненіемъ всего народа. О верхней камерѣ я слыхалъ много разговоровъ; о нижней придворная клика благоразумно смолчитъ.

При всесословномъ демократическомъ характерѣ верховной власти въ Россіи, на который весьма вѣрно указываетъ „Русскій міръ", при отсутствіи у насъ испоконъ вѣка кастъ и замкнутыхъ сословій, не имѣющихъ ничего сходнаго съ общественными группами по занятіямъ, ни съ тягловыми служебными разрядами, созданными закономъ, какъ было у насъ до Петра Великаго, ни революціи, ни конституція у насъ немыслимы. Насущный нашъ вопросъ совсѣмъ не политическій, а административный. Намъ нужны не новыя преобразованія взаимныхъ отношеній между сословіями, не политическія обезпеченія противъ исторически данной верховной власти. Все, что намъ нужно и чего хватитъ на долгое время,—это сколько-нибудь сносное управленіе, уваженіе къ закону и даннымъ правамъ со стороны правительства, хоть тѣнь общественной свободы. Огромный успѣхъ совершится въ Россіи съ той минуты, когда самодержавная власть ускромнитъ придворную клику, заставитъ ее войти въ должныя границы, принудитъ, волей-неволей, подчиниться закону. Гнейстъ, глубокій знатокъ англійской политической жизни, давно уже указывалъ на зло, происходящее для страны отъ господства въ ней праздныхъ, невѣжественныхъ, развращенныхъ, своекорыстныхъ кружковъ изъ высшихъ классовъ, толкущихся около двора и живущихъ царскими подачками и милостями. Онъ совѣтовалъ совершенно устранить эти опасные элементы отъ государственнаго управленія, предсказывая, въ противномъ случаѣ, великія несчастія и странѣ, и власти. Мы испытываемъ теперь на себѣ всю справедливость этихъ предостереженій. Эти кружки, забравши силу, исподоволь взяли назадъ почти все, что сдѣлано у насъ добраго въ первыя десять лѣтъ нынѣшняго царствованія, и довели до того, что власть и народъ перестали понимать другъ друга. Пока теперешній порядокъ дѣлъ продлится, пока Россія, преобразованная снизу, останется прежнею сверху, до тѣхъ поръ нельзя ожидать ничего добраго. Крѣпостное право отмѣнено въ гражданскомъ быту, а въ нашей системѣ управленія оно, какъ было дано исторіей, такъ и осталось до сихъ поръ нетронутымъ. Но чтобы власть могла преобразоваться, съ отмѣною крѣпостного права, въ правильную, хотя и неограниченную европейскую монархію, совлечь съ себя свои обветшалыя, полуазіатскія, полукрѣпостныя формы, для этого нужны прочныя, самостоятельныя государственныя учрежденія, составленныя изъ лучшихъ людей страны. Безъ этого, центральная власть, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, роковымъ образомъ будетъ подпадать подъ вліяніе и господство придворныхъ интригановъ, которые заинтересованы въ томъ, чтобы нашептывать ей только то, что имъ выгодно, и скрывать то, что имъ вредно. У насъ теперь единство власти есть фикція, мечта: его въ дѣйствительности вовсе не существуетъ. Правители, какъ всѣ люди въ мірѣ, непремѣнно кого-нибудь да слушаютъ, непремѣнно дѣйствуютъ подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ. Весь вопросъ въ томъ, кто оказываетъ это вліяніе и какъ оказываетъ? При теперешней нашей системѣ управленія, вліяніе могутъ имѣть одни лица, принадлежащія къ извѣстному придворному кругу. Изъ этой среды поневолѣ берутся министры. Соединенные въ комитетѣ министровъ они представляютъ тѣ же самые придворные элементы. Государственный совѣтъ наполнялся неспособностями или людьми выжившими изъ лѣтъ, и потому это по первоначальному назначенію почтенное, но впослѣдствіи искаженное государственное учрежденіе не можетъ имѣть никакого вліянія и существуетъ въ видѣ декораціи. Правильнаго государственнаго учрежденія, довольно самостоятельнаго и вліятельнаго, которое, не имѣя конституціоннаго характера, но и не боясь министровъ, могло бы служить передъ неограниченнымъ русскимъ монархомъ представителемъ интересовъ страны и народныхъ нуждъ, стремленій и желаній — нѣтъ въ Россіи. Естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ, одна придворная обстановка и придворные кружки держатъ въ рукахъ судьбы нашей внутренней политики, законодательства и администраціи. На всякое правильное, самостоятельное государственное учрежденіе, хотя бы оно и не имѣло никакихъ политическихъ аттрибутовъ, смотрятъ у насъ какъ на органъ, опасный для самодержавной власти. Придворнойursо кликѣ выгодно поддерживать такой взглядъ, потому что она

потеряла бы, при существованіи самостоятельнаго государственнаго учрежденія, свое теперешнее вліяніе на дѣла, не могла бы вести свои интриги подъ покровомъ тайны и не могла бы такъ безнаказанно вставлять власти очки и дѣлать такъ безстыдно ложные и обманные доклады. Всѣ эти пріемы камердинеровъ и дворовыхъ людей добраго стараго времени потеряли бы свое магическое дѣйствіе и свое теперешнее государственное значеніе.

Я глубоко убѣжденъ, что только правильно и сильно организованное государственное учрежденіе административнаго, а не политическаго характера, могло бы вывести насъ изъ теперешняго хаоса и безправія и предупредить серьезныя опасности для Россіи и власти, на которыя насъ насильственно и неудержимо толкаетъ всесильное господство придворной клики. Съ такимъ учрежденіемъ, до свѣдѣнія верховной власти были бы доводимы правильнымъ образомъ факты и событія въ томъ видѣ, въ какомъ они дѣйствительно совершаются и какъ они понимаются всѣми, а не съ тѣми урѣзками, искаженіями и произвольными толкованіями, съ какими котерія представляетъ ихъ въ собственныхъ интересахъ. Тогда верховная власть знала бы по крайней мѣрѣ все не односторонне, изъ однихъ личныхъ докладовъ, какъ теперь, а въ различныхъ редакціяхъ, подъ различнымъ освѣщеніемъ, и могла бы, съ полнымъ разумѣніемъ, склониться въ пользу того или другого взгляда, выбрать то или другое направленіе дѣлъ и внутренней политики. Такое учрежденіе создалъ Петръ Великій въ сенатѣ, взамѣнъ боярской думы. Исторія этого учрежденія, усиленіе, паденіе и возстановленіе его власти, неразрывно связаны съ колебаніями нашей внутренней политики и отношеніями верховной власти къ олигархіи. Учрежденіе сената при Петрѣ было сильнымъ ударомъ, нанесеннымъ боярству. Но послѣ Петра, при его слабыхъ преемникахъ, придворная олигархія снова подняла голову. По мѣрѣ того, какъ она усиливалась или ослабѣвала, значеніе сената падало или возвышалось. Въ царствованіе Екатерины II сенатъ упалъ окончательно и никогда больше не возстановлялся въ прежнемъ значеніи. Паденіе сената въ такое даровитое, умное, блестящее и плодотворное царствованіе, шедшее по стопамъ Петра Великаго и довершавшее его дѣло, было непослѣдовательностью, которая объясняется обстоятельствами вступленія Екатерины II на престолъ, шаткостью верховной власти послѣ Петра и временнымъ, вслѣдствіе того и другого, усиленіемъ придворной олигархіи, которая легко могла бы обратить сенатъ въ свой органъ, въ орудіе своихъ плановъ, какъ видно изъ замысловъ Панина. Но уже при Александрѣ I потребность въ правильномъ центральномъ государственномъ учрежденіи выразилась съ особенною силою въ учрежденіи государственнаго совѣта, который, въ началѣ, замѣнилъ собою сенатъ Петра Великаго. Государственный совѣтъ, какъ извѣстно, составлялъ лишь звено въ проектѣ коренныхъ преобразованій всѣхъ нашихъ государственныхъ учрежденій, задуманномъ при Александрѣ Первомъ. Съ измѣненіемъ взглядовъ правительства, особенно при Николаѣ I, государственный совѣтъ тоже утратилъ значеніе. Личное управленіе одержало верхъ, министерскіе доклады оттѣснили и подавили правильный законный ходъ государственныхъ дѣлъ, и высочайшія повелѣнія по докладамъ министровъ, циркулярныя министерскія распоряженія замѣнили правильное законодательство. Опять придворные кружки, ихъ тайныя нашептыванія и интриги, на долго, до нашего времени, остановили правильное развитіе внутренней жизни Россіи. Въ началѣ нынѣшняго царствованія, послѣ несчастной восточной войны, казалось, будто такому печальному ходу дѣлъ будетъ, однажды навсегда, положенъ конецъ. Рядъ благотворныхъ общихъ и частныхъ мѣръ и преобразованій далъ странѣ вздохнуть и высказаться. Но именно вслѣдствіе того, что снизу все было преобразовано, а сверху все оставлено нетронутымъ, благія начинанія имѣли мало успѣха и оборвались въ самомъ началѣ. Ржавый, никуда негодный механизмъ нашихъ устарѣлыхъ государственныхъ учрежденій не могъ сдержать напора придворныхъ интригъ. Послѣднее десятилѣтіе выказало до очевидности, что безъ коренного переустройства, на новыхъ началахъ, нашихъ высшихъ государственныхъ учрежденій, и изъ нихъ прежде всего учрежденій административныхъ, у насъ все будетъ ходить ходенемъ, хаосъ, безправіе, необезпеченность закона никогда не прекратятся, и мы вѣчно будемъ, какъ теперь, обезличены и въ разбродѣ.

Въ этихъ видахъ, на первомъ планѣ стоитъ у насъ созданіе административнаго или

правительствующаго сената, но совсѣмъ иначе организованнаго, чѣмъ теперешній 1-й департаментъ сената.

Главное значеніе административнаго сената, равнаго государственному совѣту и совершенно независимаго отъ министра юстиціи, должно быть правительственное. Онъ долженъ быть прочно и сильно организованъ и имѣть всю необходимую самостоятельность. Цѣль его учрежденія — дать единство управленію государства, положить конецъ бюрократическому произволу, служить передъ верховною властью выраженіемъ потребностей и нуждъ государства и страны, въ противовѣсъ темнымъ закулиснымъ интригамъ придворной клики и ея своекорыстнымъ наущеніямъ. Этой важной и трудной задачѣ должно соотвѣтствовать устройство этого учрежденія и его аттрибуты.

Для выполненія своей задачи, предполагаемый административный сенатъ долженъ быть учрежденіемъ коллегіальнымъ, съ числомъ членовъ не менѣе того, изъ какого составленъ государственный совѣтъ.

Въ административномъ сенатѣ должны быть представлены всѣ элементы государства, ибо соединеніе ихъ и необходимо для выраженія передъ верховною властью нуждъ и потребностей государства и страны. Съ этою цѣлью, треть членовъ административнаго сената должна состоять изъ лицъ, назначаемыхъ непосредственно верховною властью, треть—назначаться по выбору губернскихъ земствъ, треть —избираться самимъ сенатомъ. Избранные становятся сенаторами безъ утвержденія. При такомъ составѣ, въ сенатѣ будутъ представлены и администрація и провинціи и наконецъ такіе элементы и интересы Россіи, которые не входятъ въ два первые разряда. Сверхъ этихъ членовъ никто не можетъ быть сенаторомъ и пользоваться правами этой должности.

Еслибъ оказалось невозможнымъ ввести въ составъ сената одновременно по одному выборному отъ каждой губерніи, то слѣдовало бы установить между губерніями, однажды навсегда, извѣстную очередь для замѣщенія выбывающихъ сенаторовъ новыми выборными изъ провинцій.

Необходимо, чтобы въ члены сената призывались не выбранные уже предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ, а лица, особо избираемыя для засѣданія въ сенатѣ, такъ какъ для той и другой должности требуются совсѣмъ различныя условія и способности.

Что касается до лицъ, избираемыхъ самимъ сенатомъ, то необходимо, чтобы права и власть его, въ этомъ отношеніи, ничѣмъ не были стѣснены или ограничены.

Административный сенатъ обновляется въ своемъ составѣ не вдругъ, а ежегодно одною третью, чтобы въ немъ большинство всегда состояло изъ членовъ опытныхъ, знакомыхъ съ дѣлами и порядкомъ ихъ веденія. Такимъ образомъ каждый членъ сената назначается или избирается, напримѣръ, на три года; но по истеченіи этого срока, онъ можетъ быть назначенъ или избранъ вновь на такой же срокъ.

Въ продолженіе всего времени пребыванія своего въ должности, сенаторъ не можетъ занимать никакой другой, ни въ государственной, ни въ общественной, ни въ частной службѣ. Онъ не можетъ быть также удаленъ изъ сената иначе, какъ по судебному приговору за уголовное преступленіе. За выраженіе своихъ мнѣній въ засѣданіяхъ сената онъ не подлежитъ преслѣдованію и отвѣтственности.

Члены сената, выбывшіе до истеченія трехгодичнаго срока, замѣщаются на остальной срокъ новыми, по назначенію или по выбору.

Члены сената, за все время пребыванія своего въ должности, получаютъ опредѣленное содержаніе, безъ различія назначаемыхъ верховною властью отъ выборныхъ.

Такими мѣрами будутъ вполнѣ обезпечены за членами административнаго сената всѣ условія, необходимыя для образованія прочнаго, самостоятельнаго государственнаго учрежденія.

Внутренняя организація сената должна быть предоставлена ему самому. Онъ же можетъ и измѣнять ее, смотря по надобности, удобству и указаніямъ опыта. Отъ него самого зависѣть будетъ раздѣлиться на департаменты или составлять по всѣмъ дѣламъ одно общее собраніе, распредѣлять занятія между своими членами, образовывать спеціальныя коммиссіи для предварительной подготовки дѣлъ, опредѣлять порядокъ засѣданій и дѣлопроизводства и проч. Всѣ дѣла докладываются сенаторами. Избраніе, опредѣленіе и увольненіе секретарей и чиновниковъ канцеляріи принадлежатъ самому сенату.

Гласность разсужденій и преній административнаго сената я не считаю необходимой. При полной свободѣ членовъ выражать свои мнѣнія, не подвергаясь никакой отвѣт-

ственности, и при другихъ личныхъ гарантіяхъ членовъ сената, гласность его разсужденій, при нашей падкости къ популярничанью и эффектамъ, могла бы скорѣй вредить, чѣмъ приносить пользу дѣятельности этого государственнаго учрежденія. Чѣмъ меньше будетъ для членовъ повода разсчитывать на ораторскій успѣхъ за стѣнами сената, тѣмъ дѣльнѣй и основательнѣй будутъ ихъ разсужденія.

Предсѣдатель сената есть Государь Императоръ. Первоприсутствующій, предсѣдательствующій въ сенатѣ въ отсутствіе Императора, утверждается имъ изъ числа двухъ или трехъ кандидатовъ, избираемыхъ сенатомъ.

При такой организаціи, административный сенатъ будетъ учрежденіемъ прочнымъ, значительнымъ и достаточно высоко поставленнымъ, чтобы не подчиняться ничьимъ вліяніямъ, кромѣ непосредственныхъ велѣній государя.

Аттрибуты власти административнаго сената должны соотвѣтствовать его назначенію въ составѣ нашихъ государственныхъ учрежденій.

Комитетъ министровъ есть учрежденіе устарѣлое, безполезное и при теперешнемъ своемъ составѣ вовсе не достигающее цѣли. Оно подлежитъ упраздненію, тѣмъ болѣе, что серьезныя дѣла этого учрежденія уже отошли въ совѣтъ министровъ.

Первый департаментъ сената слишкомъ безсиленъ, чтобы держать администрацію въ должныхъ границахъ и сообщать ей необходимое единство. Онъ тоже подлежитъ упраздненію.

Затѣмъ государственный совѣтъ, съ отдѣленіемъ отъ него судебной власти, есть учрежденіе по преимуществу законодательное. Административныя дѣла, нынѣ ему предоставленныя, вовсе ему не свойственны.

Административный сенатъ, какъ высшее административное государственное учрежденіе, долженъ соединить въ себѣ всѣ дѣла и власть, раздѣленныя теперь между государственнымъ совѣтомъ, комитетомъ министровъ и первымъ департаментомъ правительствующаго сената. Маловажныя изъ этихъ дѣлъ, которыя лишь случайно вѣдаются теперь высшими государственными учрежденіями, должны быть предоставлены рѣшенію министерствъ и управляющихъ отдѣльными частями по принадлежности. Это легко выяснится при проектированіи органическаго закона объ административномъ сенатѣ.

Необходимо, чтобъ отчеты министровъ и главныхъ управленій передавались на разсмотрѣніе этого учрежденія и чтобъ ему предоставлено было право требовать отъ всѣхъ министерствъ и управленій отдѣльными частями доставленія свѣдѣній и разъясненій, какія онъ признаетъ нужнымъ отъ нихъ потребовать. Онъ имѣетъ также право приглашать къ участію въ своихъ занятіяхъ, съ совѣщательнымъ голосомъ, всѣ тѣ лица, которыя, по его соображеніямъ, могутъ быть для него, почему либо, полезными.

Наконецъ, административному сенату должно быть предоставлено право, по собственному почину и собственною властью, производить, посредствомъ своихъ членовъ, ревизію министерствъ и управленій отдѣльными частями, а также мѣстъ и учрежденій имъ подчиненныхъ.

Однимъ изъ главныхъ аттрибутовъ административнаго сената должно быть право представлять верховной власти, на ея усмотрѣніе, соображенія свои о ходѣ различныхъ отраслей государственнаго управленія и о необходимыхъ общихъ законодательныхъ и административныхъ мѣрахъ, касающихся исключительно внутренняго состоянія государства. Отъ верховной власти будетъ уже зависѣть дать этимъ соображеніямъ дальнѣйшій ходъ, или оставить ихъ безъ послѣдствій.

Административный сенатъ, какъ государственное учрежденіе въ странѣ, управляемой неограниченною монархическою властью, имѣетъ только совѣщательную, а не рѣшительную власть. Заключенія его, въ видѣ ли общихъ соображеній, или проектовъ общихъ мѣръ и предположеній, или опредѣленій по текущимъ дѣламъ, приводятся въ исполненіе не иначе, какъ съ высочайшаго утвержденія. Только изложенные выше аттрибуты административнаго сената, не будучи ни общими мѣрами, ни рѣшеніями, а лишь способами и средствами для исполненія лежащихъ на немъ обязанностей, предоставляются его власти и не требуютъ утвержденія.

Самъ административный сенатъ не исполняетъ своихъ рѣшеній, утвержденныхъ верховною властью. Но ему должно быть предоставлено право наблюдать и настаивать на точномъ ихъ исполненіи, употребляя для того тѣ изъ законныхъ способовъ, которые онъ признаетъ наиболѣе цѣлесообразными и удобными. Какъ эти способы, такъ и право вхо-

дить по исполненію его рѣшеній въ сношенія съ кѣмъ слѣдуетъ, должны быть предоставлены его непосредственной власти.

Таково должно быть, въ главныхъ и общихъ чертахъ, учрежденіе, котораго у насъ недостаетъ и которое, по моему убѣжденію, могло бы, мало-по-малу, дать намъ связность и излечить насъ отъ обезличенія. Хаосъ и путаница въ управленіи государствомъ и въ нашихъ головахъ происходитъ единственно отъ того, что нѣтъ цѣльности и связности въ нашемъ высшемъ государственномъ управленіи. Самодержавный государь, будь онъ геній, не въ состояніи теперь одинъ вести и направлять всѣ дѣла въ малѣйшихъ ихъ подробностяхъ и по всѣмъ отраслямъ управленія, въ такой обширной имперіи, какъ Россія; онъ не можетъ подмѣтить и во-время остановить явныя козни и тайныя интриги своекорыстныхъ людей, проводящихъ въ государственныхъ дѣлахъ свои частные и личные виды. Такая задача по плечу только многочисленному, сильно организованному, самостоятельному и вліятельному государственному учрежденію, снабженному необходимою административною властью, которое, по своему высокому положенію, могло бы непосредственно представлять государю, на его усмотрѣніе, свои виды и соображенія по внутреннему управленію государствомъ. Еслибъ такое учрежденіе у насъ существовало, верховная власть имѣла бы, для обсужденія положенія и хода дѣлъ въ имперіи, рядомъ съ отзывами и докладами лицъ заинтересованныхъ представлять все только въ извѣстномъ, для нихъ благопріятномъ свѣтѣ, мнѣніе и отзывъ учрежденія, непричастнаго, по личному своему составу и положенію, ни администраціи, ни проискамъ и интригамъ, и потому способнаго безпристрастно, въ интересахъ страны и власти, обсудить дѣло или вопросъ не съ одной какой либо, а со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Сравнивая между собою различные отзывы по одному и тому же предмету, государь могъ бы составить себѣ о немъ полное и ясное понятіе и направлять дѣла имперіи такъ или иначе, по своимъ соображеніямъ. Теперь же, при отсутствіи центральнаго государственнаго административнаго органа, независимаго отъ министерствъ, нѣтъ и не можетъ быть въ управленіи единства и цѣлости; каждый министръ и каждое главное управленіе тянетъ государственную колесницу въ свою сторону, толкуетъ законъ какъ ему нравится, болѣе или менѣе искусно или безцеремонно его обходитъ и нарушаетъ, по своимъ видамъ, не рѣдко прямо противоположнымъ видамъ верховной власти и почти всегда благу страны. Отсюда—полный хаосъ и безотвѣтственность передъ закономъ; никто не знаетъ, какъ и что считать за законъ и какъ его понимать, по пословицѣ: „не довернешься—бьютъ, перевернешься—бьютъ". Какъ же, при такой безурядицѣ, быть связности въ головахъ и послѣдовательности въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ лицъ? Мы видимъ на каждомъ шагу, что награждаются люди именно за то, что нагло, безстыдно нарушаютъ законъ, а преслѣдуются тѣ, которые стоятъ за него и строго его исполняютъ. Общественный и политическій развратъ, который у насъ поразителенъ, есть неизбѣжное слѣдствіе такого порядка дѣлъ. Мы не проходили чрезъ революцію, какъ Франція, а политически и граждански развращены столько же, если не больше, и по той же самой причинѣ, происходящей тамъ отъ безпрестанныхъ революцій, здѣсь отъ совершенной дезорганизаціи государственнаго механизма, отжившаго свой вѣкъ. Никто у насъ не вѣритъ въ силу закона и ни во что его не ставитъ; меньше всего уважаютъ его тѣ, кто облеченъ властью.

Мнѣ возразятъ, что сенатъ, съ предполагаемыми административными аттрибутами, безъ политическихъ правъ, не въ силахъ будетъ побороть зло, потому что рѣшенія его не будутъ обязательны для верховной власти, которая точно также можетъ осудить его на бездѣйствіе, преобразовать на манеръ существующихъ теперь высшихъ государственныхъ учрежденій, какъ она, давъ крестьянскія, земскія и судебныя учрежденія, давъ въ извѣстной мѣрѣ свободу печати, вскорѣ сама же исказила ихъ и взяла назадъ дарованныя права.

Такой взглядъ выражаетъ гораздо больше глубокое недовѣріе къ власти, ростущее у насъ, къ несчастью, не по днямъ, а по часамъ, чѣмъ правильную оцѣнку нашего положенія. Политическія гарантіи не создаются учрежденіями; онѣ въ нихъ только выражаются. Ни одна конституція въ мірѣ не создала политической свободы; она только закрѣпила существующую въ законную форму. У насъ нѣтъ элементовъ, которые могли бы создать законъ или учрежденіе, обязательные для верховной власти. Хорошо ли это, или дурно

—это другой вопросъ, но такъ оно на самомъ дѣлѣ; слѣдовательно и толковать о конституціи, навязанной верховной власти, нечего. Путаница въ нашихъ понятіяхъ происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что мы, зная отсутствіе у насъ условій политической свободы въ европейскомъ смыслѣ, несмотря на то, ее ищемъ, придумываемъ разные способы создать ее, и никакія неудачи не раскрываютъ намъ глазъ. Однако простой здравый смыслъ долженъ бы, кажется, подсказать, что гдѣ нѣтъ элементовъ для политической жизни, тамъ никакія человѣческія усилія не въ состояніи ихъ создать. Нельзя и предвидѣть, какъ и когда такое наше положеніе измѣнится. У насъ всѣ власти соединены въ рукахъ самодержца, и потому немыслимы политическія учрежденія, которыя бы его ограничивали или стѣсняли. При такихъ условіяхъ, ходъ нашихъ внутреннихъ дѣлъ не можетъ измѣниться къ лучшему до тѣхъ поръ, пока сами русскіе правители не поймутъ, что ихъ внутренняя политика ошибочна, что органы управленія государствомъ устарѣли, не соотвѣтствуютъ своему назначенію, а должны быть замѣнены новыми; что для самой верховной власти выгоднѣе господство закона, чѣмъ придворныхъ интригановъ; что люди просвѣщенные, честные и независимые, можетъ быть, не такъ пріятны, но за то надежнѣе, чѣмъ пронырливая лакействующая дворня, плутующая и обманывающая съ своекорыстными цѣлями; что для верховной власти въ Россіи опасны не тѣ, которые прямо высказываютъ свои мнѣнія, хотя бы и несогласныя съ желаніями и взглядами государя, а тѣ, которые съ видомъ рабской покорности, втихомолку и во мракѣ, подкапываютъ законы и власть. Пока всего этого высшее правительство не пойметъ, до тѣхъ поръ никакія учрежденія не помогутъ. Напишите завтра конституцію, даже вырвите ее у верховной власти, и послѣ завтра такая конституція на дѣлѣ обратится въ пустое слово, или будетъ взята назадъ, и огромное большинство этого не замѣтитъ, пожалуй еще порадуется.

Административный сенатъ предлагается въ этомъ рядѣ идей. Какъ уже сказано, онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не долженъ быть политическимъ учрежденіемъ. Его организація и аттрибуты расчитаны единственно на то, чтобы высшее внутреннее управленіе государствомъ получило единство и правильность, чтобъ высшее административное учрежденіе въ государствѣ имѣло и право и возможность, не стѣсняясь никакими личными соображеніями и не боясь придворныхъ интригановъ, работающихъ во тьмѣ, подъ покровомъ тайны, блюсти за исполненіемъ закона и представлять государю вещи, какъ онѣ есть въ дѣйствительности. Выборъ въ административный сенатъ лучшихъ людей, внѣ административныхъ и придворныхъ сферъ, ввелъ бы въ высшее управленіе полезные для него элементы и силы, которые теперь оттерты и скрываются подъ спудомъ. Этимъ и ограничивается назначеніе предполагаемаго административнаго сената. Все другое было бы пустой фантазіей.

Но кто поручится, скажутъ мнѣ, что правительство будетъ внимать голосу этого учрежденія, а не придворныхъ проныръ; что завтра оно въ самостоятельномъ учрежденіи не заподозритъ зародыша ограниченія его власти; что прямой, честный голосъ этого учрежденія не будетъ признанъ за оппозицію и противодѣйствіе верховной самодержавной власти? А если все это возможно, то стоитъ ли предлагать преобразованія, которыя сегодня будутъ введены, а завтра взяты назадъ, какъ было на нашихъ глазахъ съ столькими и столькими полезными мѣрами?

Можетъ быть все это такъ и будетъ. Всего вѣрнѣе, что установленіе административнаго сената, съ тѣмъ устройствомъ и значеніемъ, какъ онъ здѣсь предполагается, будетъ отвергнуто, какъ мѣра радикальная и революціонная, или же введется правительствующій сенатъ по образцу теперешнихъ нашихъ чиновничьихъ, бездыханныхъ высшихъ государственныхъ учрежденій. Все это будетъ означать, что ракъ, который пожираетъ русское государство и русское общество, не сознается центральною властью, которая теперь одна только и въ силахъ его вылѣчить. Пройдетъ еще нѣсколько времени и болѣзнь усилится до того, что зло, которое теперь видятъ немногіе, но уже всѣ чувствуютъ, сдѣлается очевиднымъ для всѣхъ и каждаго. Тогда верховная власть, ходомъ вещей, вынуждена будетъ сдѣлать то, что теперь пока было бы дѣломъ государственной предусмотрительности. Можетъ быть также—и это вѣроятно,—что внѣшнія событія раньше естественнаго хода вещей вскроютъ наши язвы, и мы снова за нихъ поплатимся, какъ поплатились въ восточную войну, на этотъ разъ конечно еще ужаснѣе, еще унизительнѣе, чѣмъ тогда.

Во всякомъ случаѣ я другихъ путей, кромѣ собственнаго убѣжденія верховной власти въ необходимости коренного преобразованія нашихъ государственныхъ административныхъ учрежденій, не вижу и не могу себѣ представить. Предлагая мѣру, которая мнѣ, по крайнему разумѣнію, кажется возможною и наиболѣе соотвѣтствующею цѣли, я исполняю только долгъ человѣка, горячо любящаго свое отечество. А осуществятся ли мои желанія ему блага, или нѣтъ,—это ужъ не мое дѣло и не въ моей власти.

Спб., 1875.

МЫСЛИ О ВЫБОРНОМЪ НАЧАЛѢ.

Вопросъ о представительствѣ у насъ одинъ изъ самыхъ старинныхъ. Многимъ это покажется невѣроятнымъ, но факты говорятъ въ пользу такого мнѣнія. Есть указаніе, что о представительствѣ думали Петръ Великій и императоръ Александръ I; а обстоятельства, сопровождавшія вступленіе на престолъ императрицы Анны Ивановны, и рядъ внутреннихъ событій въ русскомъ государствѣ, начиная съ царствованія императрицы Екатерины II до нашего времени, доказываетъ, что оно давно уже занимаетъ и русское общество. Интересъ къ этому вопросу постепенно усиливался. Теперь (1876) онъ у всѣхъ въ умѣ и на устахъ, какъ послѣ крымской войны и отмѣны крѣпостного права. Большинство образованнаго русскаго общества, въ столицахъ и провинціи, убѣждено, что только въ представительствѣ заключается вѣрное средство противъ разныхъ нашихъ общественныхъ недуговъ. Единомысліе по этому предмету, какъ и по многимъ другимъ, есть, впрочемъ, только кажущееся. Оно тотчасъ же разлетится въ прахъ, какъ только мы попробуемъ точнѣе опредѣлить, какое именно представительство и съ какимъ характеромъ оно, по мнѣнію большинства публики, желательно. Оказывается, что русскіе государи и разные слои русскаго общества понимали его совсѣмъ иначе; что въ разныя эпохи взгляды на представительство существенно измѣнялись; что и теперь въ разныхъ кружкахъ русскаго общества его понимаютъ далеко не одинаково, несмотря на то, что интересъ къ вопросу значительно усилился и занимаетъ гораздо больше умы, чѣмъ когда-либо прежде.

Взгляды на представительство у насъ въ настоящее время до того различны, противорѣчивы и сбивчивы, что оно больше служитъ поводомъ къ разногласію, чѣмъ къ сближенію и соединенію мнѣній. Причины, почему это такъ, должно искать въ томъ, что вопросъ этотъ не обсуждался гласно, въ печати, и слѣдовательно не могъ быть разсмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ. Каждый рѣшаетъ его такъ или иначе, про себя, какъ умѣетъ; а знаніями и практическою опытностью въ общественныхъ дѣлахъ мы, вообще говоря, не особенно богаты: отъ того у насъ и не могло образоваться яснаго, опредѣленнаго взгляда на этотъ предметъ. При такихъ условіяхъ, обязанность каждаго съ полною правдивостью высказать свои мысли объ этомъ вопросѣ. Только тогда онъ созрѣетъ въ нашемъ сознаніи, и устранятся ошибочныя воззрѣнія, которыя его затемняютъ и запутываютъ.

I.

Что такое представительство по своему существу, помимо ближайшихъ примѣненій и осложненій, съ какими оно является въ дѣйствительной жизни? — вотъ что необходимо установить прежде всего.

Слово „представительство" имѣетъ нѣсколько различныхъ значеній, которыя обозначаютъ различные оттѣнки одного и того же понятія. Въ ежедневномъ разговорѣ оно выражаетъ образцовое совершенство въ томъ или другомъ родѣ. Называя кого-нибудь представителемъ эпохи, школы, направленія и т. п. мы этимъ выражаемъ, что онъ соединяетъ въ себѣ или въ своихъ произведеніяхъ всѣ характеристическія отличительныя черты эпохи,

школы и т. п.; что онъ или его произведенія —лучшій образецъ, совершеннѣйшій экземпляръ въ своемъ родѣ. Въ этомъ понятіи уже заключается, что такое-то лицо, авторъ, мастеръ и т. п., какъ совершеннѣйшій образецъ, замѣняетъ своими произведеніями всѣ прочія того же рода, *представляетъ* ихъ собой.

То, что въ ежедневной жизни есть взглядъ, оцѣнка, сужденіе, то въ области юридическихъ отношеній становится правами и обязанностями. Представитель, въ юридическомъ смыслѣ, есть тотъ, кто имѣетъ право отъ имени другого что-либо требовать или обязанъ за другого исполнить предъявленныя законныя требованія. Такъ, уполномоченный, повѣренный, въ качествѣ представителя истца или отвѣтчика, имѣетъ право предъявлять его искъ или отвѣчать за него въ судѣ; такъ, управляющій домомъ или приказчикъ имѣнія, получившій довѣренность отъ домохозяина или землевладѣльца, вступаетъ вмѣсто него въ договоры и сдѣлки; къ нему вмѣсто хозяина предъявляются требованія по имѣнію или дому, онъ получаетъ за хозяина платежи и т. п. Болѣе подробное разсмотрѣніе послѣдствій такого рода отношеній покажетъ, что значитъ представительство въ дѣлахъ частныхъ, касающихся имущественныхъ интересовъ.

Уполномоченный заступаетъ, передъ посторонними лицами, мѣсто извѣстнаго лица, разумѣется, только въ той мѣрѣ, какъ онъ къ тому уполномоченъ. Изъ такого заступленія возникаютъ сложныя юридическія отношенія, т.-е. права и обязанности. Во-первыхъ, дѣйствія представителя, когда они не выходятъ изъ границъ полномочія, почитаются за дѣйствія того лица, мѣсто котораго онъ заступаетъ. Если этими дѣйствіями создаются или пріобрѣтаются права, то они принадлежатъ не представителю, а представляемому лицу; точно также, если дѣйствіями уполномоченнаго создаются или принимаются обязанности, то онѣ падаютъ на представляемое лицо, а не на его представителя; ихъ несетъ первый, а не послѣдній; во-вторыхъ, если представитель переступилъ въ своихъ дѣйствіяхъ границы полномочія, то за такія дѣйствія онъ отвѣчаетъ самъ, т.-е. юридическія послѣдствія, возникающія изъ такихъ дѣйствій, падаютъ не на то лицо, чье мѣсто онъ заступаетъ, а на него самого; наконецъ, въ третьихъ, если представитель, не переступая границъ своего полномочія, дѣйствовалъ въ ущербъ и вредъ лица, мѣсто котораго заступалъ, т.-е. или упустилъ его выгоды и пользы, или создалъ для него обязанности, которыхъ не долженъ былъ создавать или могъ не принимать, то отвѣчаетъ предъ лицомъ, которое представлялъ, за весь ущербъ или вредъ, ему тѣмъ нанесенный.

Такимъ образомъ, представительство, перенесенное на юридическую почву, разлагается на рядъ сложныхъ юридическихъ отношеній, т.-е. правъ и обязанностей, въ которыхъ удерживается, хотя въ измѣненномъ видѣ, то же понятіе о представительствѣ, на которое указано выше, а именно: одно лицо заступаетъ мѣсто другого, причемъ предполагается, что оно будетъ дѣйствовать въ его интересахъ наилучшимъ образомъ.

Тотъ же характеръ и значеніе имѣетъ представительство и въ завѣдываніи дѣлами сословія, корпораціи и обществъ, юридическихъ лицъ съ личнымъ характеромъ и реальныхъ, частныхъ и публичныхъ учрежденій, благотворительныхъ, учебныхъ, ученыхъ и т. п. Общества, сословія, корпораціи и учрежденія имѣютъ надобность для веденія своихъ дѣлъ въ представительствѣ. Собраніе людей не можетъ дѣйствовать само, непосредственно, во всѣхъ дѣлахъ; учрежденія—больницы, богадѣльни, ученыя и учебныя заведенія, — какъ лица воображаемыя, должны по необходимости быть представляемы живыми людьми. Представители, въ томъ и другомъ случаѣ, имѣютъ двоякое назначеніе: они, вопервыхъ, заправляютъ дѣлами обществъ и учрежденій въ предѣлахъ полномочія, которымъ облечены и, во-вторыхъ, представляютъ эти общества и учрежденія передъ всѣми прочими лицами, дѣйствительными или фиктивными.

По мѣрѣ того, какъ мы подымаемся изъ частной жизни къ жизни общественной и государственной, представительство, въ изложенномъ смыслѣ, появляется все чаще и чаще; наконецъ, непосредственно за себя дѣйствующія живыя лица совершенно исчезаютъ; остаются только представители отвлеченныхъ началъ и воображаемыхъ, фиктивныхъ лицъ. Рядомъ съ тѣмъ представительство получаетъ обязательный характеръ и становится независимымъ отъ частнаго усмотрѣнія и произвола. Это и естественно. Въ общественной и государственной сферѣ дѣйствуютъ уже не непосредственныя лица, а принципы, начала, представляемые живыми людьми. Въ

государственномъ управленіи, областномъ и центральномъ, все совершается чрезъ представителей. Каждое должностное лицо не только представляетъ должность, санъ, въ которые облеченъ, но и ту власть, которой подчиненъ въ порядкѣ правительственной и служебной іерархіи. Каждый чиновникъ дѣйствуетъ въ дѣлахъ управленія не своимъ лицомъ, а во имя должности, которую занимаетъ; каждый есть, въ то же время, органъ власти и въ этомъ смыслѣ ея представитель.

II.

Сказанное извѣстно всѣмъ и каждому и составляетъ азбуку въ ученіи о представительствѣ вообще. Мы только потому сочли необходимымъ освѣжить въ памяти читателей эти элементарныя понятія, что въ нашихъ разговорахъ подъ представительствомъ почти всегда подразумѣвается только одинъ изъ многихъ его видовъ, именно представительство гоударственное и притомъ только выборное. Разсуждая о немъ, мы рѣдко обращаемъ должное вниманіе на тѣ видоизмѣненія, которымъ представительство подвергается, становясь государственнымъ учрежденіемъ, и, сами того не замѣчая, подводимъ послѣднее подъ начало перваго. Постараемся въ немногихъ словахъ пояснить къ какимъ ошибкамъ это ведетъ.

Въ частной жизни, въ устройствѣ обществъ, корпорацій и общественныхъ союзовъ, образовавшихся по свободному почину частныхъ людей, формы юридическихъ отношеній и порядокъ общежитія опредѣляются доброй волей и взаимнымъ соглашеніемъ заинтересованныхъ лицъ. Цѣлыя государства основаны и устроены на такихъ началахъ, напримѣръ Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты, зерномъ и прототипомъ которыхъ были свободные союзы сектантовъ, выселившихся въ Новый Свѣтъ. Вообще, добровольные выселенцы въ новыя страны, вдалекѣ отъ отечества, всего чаще устроивались по типу свободныхъ ассоціацій, въ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ личная иниціатива и добровольное соглашеніе.

Рядомъ съ этими элементами общественнаго и государственнаго быта существуютъ другіе, опредѣляющіе формы общежитія и государственное устройство помимо усмотрѣнія частныхъ лицъ. Вездѣ и всюду, даже въ государствахъ, возникшихъ изъ свободныхъ ассоціацій, религія, національность, территорія, отношенія къ сосѣднимъ народамъ и державамъ, наконецъ разныя обстоятельства и случайности и установившіеся подъ вліяніемъ этихъ данныхъ, вслѣдствіе продолжительной осѣдлости на однихъ мѣстахъ, преданія и нравы, образуютъ тотъ независящій отъ воли отдѣльныхъ лицъ элементъ, котораго они не могутъ не признавать, съ которымъ волей-неволей должны считаться. Смотрѣть на этотъ элементъ только какъ на историческій, преходящій, невозможно; онъ входитъ въ жизнь государствъ, какъ постоянное физіологическое условіе, хотя и измѣняется въ своихъ формахъ. Такія его измѣненія—всегда результатъ продолжительнаго и притомъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ элементовъ народной и государственной жизни, а не одного желанія и усилія лицъ, входящихъ въ составъ государства. Этотъ независящій отъ личнаго произвола элементъ лежитъ, какъ мы сказали, въ самыхъ условіяхъ устроеннаго общежитія и играетъ огромную роковую роль въ опредѣленіи формы и устройства не только государственнаго, но и частнаго быта. Подъ его вліяніемъ какъ въ публичное, такъ и въ частное представительство вносятся новыя условія, существенно измѣняющія его значеніе.

Мы видѣли, что въ частномъ быту, въ устройствѣ добровольныхъ обществъ, союзовъ и корпорацій, представительство зависитъ отъ усмотрѣнія и произвола частныхъ людей; но въ извѣстныхъ случаяхъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, оно установляется и тутъ помимо воли лицъ, силою закона и распоряженіемъ правительства, съ подчиненіемъ дѣйствій представителя правительственному контролю. Такъ, надъ малолѣтними, слабоумными и умалишенными, въ особенности когда они сироты, установляется опека, и опекуны суть обязательные представители лицъ, состоящихъ подъ ихъ опекунствомъ. Такъ, многія учрежденія, имѣющія характеръ юридическихъ лицъ, находятся въ завѣдываніи органовъ правительства, которые ихъ представляютъ.

Особенно обширное примѣненіе имѣетъ недобровольное, обязательное представительство въ жизни государства и въ правительственной организаціи. Какъ сказано выше, всякій санъ, всякая должность, всякая власть, отъ главы государства до низшаго чина, представляются живыми лицами, изъ которыхъ

наибольшая часть суть представители не по волѣ и усмотрѣнію частныхъ людей, а по закону или назначенію высшей власти. Вмѣстѣ взятые, они образуютъ правительственную организацію, которая представляетъ государство въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Представительство этого рода существенно отличается отъ частнаго. Государственное устройство, политическія формы — произведеніе не одной воли и дѣятельности лицъ, но вмѣстѣ, какъ мы видѣли, и множества другихъ условій, не зависящихъ отъ личнаго произвола. Уже по одному этому, начала частнаго представительства непримѣнимы вполнѣ къ государственному быту. Но есть этому, кромѣ того, и другая болѣе глубокая причина. Какъ только мы изъ сферы частной жизни и частныхъ интересовъ подымемся въ сферу организованной общественности, а тѣмъ болѣе въ высшую ея форму, въ жизнь государства, мы имѣемъ уже дѣло не съ отдѣльными лицами, а съ отвлеченными началами. Здѣсь лицо въ непосредственномъ своемъ значеніи уже не существуетъ и является лишь какъ выраженіе того или другого начала, той или другой государственной функціи. Этимъ объясняется, почему всѣ попытки перенести въ государственную жизнь начала частнаго представительства оказывались неудачными; почему нигдѣ и никогда онѣ не могли быть выдержаны вполнѣ въ государственномъ устройствѣ. Такъ, выборъ представителей рѣшается большинствомъ, приговору котораго меньшинство должно подчиниться. Это начало пришлось принять даже въ уставы акціонерныхъ компаній, несмотря на то, что оно противорѣчитъ коренному условію правъ частныхъ лицъ. Теперь стараются придумать такую комбинацію, которая бы обезпечивала меньшинству свое представительство въ государственномъ устройствѣ. Такія комбинаціи, еслибъ онѣ и удались, приблизили бы нѣсколько публичное представительство къ частному, но далеко не сдѣлали бы ихъ тожественными. Далѣе: въ старину инструкціи (cahiers) избирателей своимъ уполномоченнымъ были для послѣднихъ обязательны и этимъ сближали частное представительство съ публичнымъ; но въ самомъ началѣ первой французской революціи обязательный характеръ инструкцій объявленъ несовмѣстнымъ съ государственнымъ представительствомъ. Эти факты доказываютъ, что представительство частное, перенесенное въ государственную жизнь, не можетъ удержать своего характера. Мы видимъ это даже на республикахъ, гдѣ представительство положено въ основаніе государственнаго устройства; что же сказать о государствахъ, въ которыхъ частный починъ не имѣетъ никакого участія въ установленіи государственныхъ формъ и гдѣ весь правительственный механизмъ существуетъ въ силу закона и государственной власти? Относитель о такихъ государствъ естественно возникаютъ вопросы: можетъ ли у нихъ, рядомъ съ даннымъ государственнымъ представительствомъ, существовать основанное на выборѣ? Есть ли въ послѣднемъ видѣ представительства существенная надобность? Наконецъ, если такое представительство возможно и нужно, то въ какихъ отношеніяхъ должно оно находиться къ данной правительственной организаціи? Эти вопросы необходимо разсмотрѣть.

III.

Многіе убѣждены, что выборное государственное представительство, рядомъ съ даннымъ правительственнымъ механизмомъ, который тоже представляетъ государство, или положительно вредно, или по крайней мѣрѣ совершенно излишне. Разъ что правительство есть, оно, по силѣ вещей, непремѣнно старается выработаться, приспособиться къ нуждамъ страны и по возможности удовлетворять имъ,—словомъ, стать въ уровень съ своимъ положеніемъ и задачами. Частныя изъятія изъ этого общаго правила были, есть и безъ сомнѣнія всегда будутъ; но они неизбѣжны и не ослабляютъ общаго правила. Всюду замѣчается постепенное совершенствованіе правительственнаго механизма, а это несомнѣнно доказываетъ, что съ развитіемъ культуры и распространеніемъ просвѣщенія представительство по закону и по назначенію государственной власти можетъ вполнѣ удовлетворять всѣмъ потребностямъ государства. Живой тому примѣръ администрація Пруссіи до революціи 1848 года. Къ чему же можетъ послужить выборное представительство? Ничего не улучшая, не отвѣчая практической потребности, оно только осложнитъ и безъ того сложный правительственный составъ и, вдобавокъ, искусственно возбудитъ трудный вопросъ объ отношеніяхъ этой ненужной приставки къ существующей

правительственной организаціи. Опытъ почти всѣхъ государствъ показываетъ, что введеніе выборнаго представительства сопровождалось важными затрудненіями, нерѣдко народными волненіями, и много времени проходило, пока наконецъ этотъ безполезный придатокъ прилаживался къ правильному отправленію правительственныхъ дѣлъ и становился по возможности безвреднымъ.

Такъ разсуждаютъ многіе знающіе и просвѣщенные люди, и было бы несправедливо приписывать ихъ взглядъ одной лишь отсталости или предубѣжденіямъ, внушеннымъ тѣми или другими задними мыслями. Разсмотримъ же, въ какой мѣрѣ они правы.

Противники выборнаго административнаго представительства особенно налегаютъ на неудобства, трудности и опасности, неминуемыя, по ихъ мнѣнію, при его установленіи. Не умаляя важности этихъ опасеній, мы позволимъ себѣ однако спросить: развѣ они не относятся въ одинаковой мѣрѣ ко всякимъ вообще существеннымъ государственнымъ преобразованіямъ, бывшимъ и будущимъ? Большія неудобства, трудности и своего рода опасности представляли и отмѣна винной откупной системы, и установленіе земскаго самоуправленія, и судебная реформа, и введеніе всеобщей воинской повинности. Всего болѣе неудобствъ, трудностей и серьезныхъ опасностей представляла отмѣна крѣпостного права. Однако отъ того преобразованія не остановились и совершены, конечно, съ необходимою во всякомъ важномъ дѣлѣ осмотрительностью и осторожностью. Намъ скажутъ, что иное и въ нихъ не было предусмотрѣно и разсчитано напередъ; что вмѣстѣ съ дурнымъ отмѣнено и кое-что хорошее, о чемъ стоитъ пожалѣть. Все это очень можетъ быть, но вопросъ въ томъ, были ли преобразованія необходимы и своевременны, или безъ нихъ можно было обойтись?

Если, какъ думаетъ вмѣстѣ съ нами огромное большинство, они были необходимы и своевременны, удовлетворили настоятельнымъ потребностямъ государства и народа, то нѣкоторыя ихъ неудобства не могутъ идти въ разсчетъ, хотя бы и было доказано, что они отчасти не устранимы и обусловливаются самымъ свойствомъ новыхъ учрежденій. Какой бы совершенный образцовый порядокъ вещей ни существовалъ въ странѣ, онъ непремѣнно будетъ имѣть свои слабыя стороны; законодательство вынуждено силою вещей выбирать относительно лучшее, и если оно это дѣлаетъ, то исполняетъ свое назначеніе.

И такъ, вся сила въ томъ, нужно и полезно ли выборное государственное представительство, когда существуетъ правильная государственная организація по закону и назначенію власти?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы не станемъ ссылаться на общественное мнѣніе, ибо одни думаютъ объ этомъ предметѣ такъ, другіе иначе. Поэтому обратимся лучше къ исторіи,—этому совершенно достовѣрному свидѣтелю въ практическихъ вопросахъ и безпристрастному посреднику въ спорахъ между разными взглядами. Что же она говоритъ? Она самымъ опредѣленнымъ образомъ доказываетъ, что у всѣхъ древнихъ и новыхъ народовъ, въ жизни которыхъ замѣчается какое-нибудь движеніе и стремленіе къ улучшенію общественныхъ и политическихъ формъ, рано или поздно, непремѣнно вводится, въ томъ или другомъ видѣ, выборное государственное представительство, замѣняя и исключая у однихъ народовъ существующую государственную организацію, у другихъ только дополняя ее новымъ элементомъ. Это показываетъ, что введеніе выборнаго государственнаго представительства не есть прихоть отдѣльныхъ личностей, а вызывается потребностями государственной жизни. Не будь ихъ, и оно не было бы такимъ распространеннымъ, всеобщимъ явленіемъ. Стало быть, нельзя считать его излишнимъ и безполезнымъ, а того менѣе вреднымъ и опаснымъ. Когда вопросъ о немъ становится на очередь въ мнѣніи образованныхъ слоевъ общества, когда онъ дѣлается предметомъ обсужденія и большинство мыслящихъ людей указываетъ на него, какъ на дѣйствительнѣйшее средство положить конецъ разнымъ неустройствамъ въ ходѣ государственныхъ и общественныхъ дѣлъ, то это служитъ несомнѣннымъ признакомъ, что въ жизни государства потребность въ немъ уже народилась. Остается объяснить, что ее вызываетъ и въ чемъ именно она заключается.

Потребность въ выборномъ представительствѣ вытекаетъ изъ общихъ условій развитія органической жизни. Во всякомъ организмѣ, пока онъ живетъ и развивается, происходитъ постепенное расчлененіе его органовъ и отправленій и постепенная выработка, возможное усовершенствованіе тѣхъ и другихъ. Законъ расчлененія или дифференціаціи есть

одинъ изъ основныхъ, коренныхъ законовъ органической жизни, и то, что мы называемъ прогрессомъ, есть лишь неточное его названіе. Въ естественныхъ наукахъ онъ подмѣченъ и изслѣдованъ не только въ жизни отдѣльныхъ организмовъ, но и въ развитіи всей организованной жизни, отъ первыхъ ея зачатковъ до высшихъ проявленій, и навелъ изслѣдователей на неожиданныя и блестящія наблюденія и открытія. Въ каждомъ организмѣ слитое, безразличное, безформенное сначала, потомъ мало-по-малу выдѣляется, получаетъ свое опредѣленное существованіе, свою особливую характеристическую форму и дѣятельность. Стоитъ сравнить зерно съ развившимся изъ него растеніемъ, развитое животное высшей породы съ его зародышемъ, организацію низшихъ животныхъ съ организаціей человѣка, чтобы удостовѣриться, какую важную роль законъ расчлененія играетъ въ жизни организованной природы.

Тотъ же законъ и съ такимъ же значеніемъ не трудно подмѣтить и прослѣдить и въ развитіи организованнаго человѣческаго общежитія. Каждое устроенное общество и государство есть тоже организмъ, составленный изъ живыхъ людей. По мѣрѣ того какъ онъ живетъ, онъ получаетъ все болѣе и болѣе сложныя и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе и болѣе опредѣленныя и выработанныя формы. Чѣмъ общественный или государственный организмъ развитѣй, тѣмъ явственнѣе выступаютъ всѣ его органы, тѣмъ дѣятельность каждаго изъ нихъ замѣтнѣе обособляется отъ дѣятельности другихъ. Какъ въ живомъ, развитомъ тѣлѣ каждый органъ, каждая точка живутъ, кромѣ общей, еще и своей особой жизнью, такъ и въ развитомъ государственномъ организмѣ.

Въ законѣ расчлененія—источникъ полноты жизни, тонкости и выработанности органовъ и совершенства ихъ дѣятельности, но въ немъ же и причина разныхъ ненормальныхъ, болѣзненныхъ явленій и ослабленія организма. Расчлененіе выражаетъ стремленіе каждаго органа, каждой составной части организма къ обособленію и самостоятельной жизни и дѣятельности. Но, вырабатываясь и обособляясь болѣе и болѣе, они грозятъ наконецъ потерять между собою связь и начать жить только своею независимою другъ отъ друга жизнью. Съ наступленіемъ полной ихъ разрозненности, организмъ разрушается, и выдѣленныя изъ него части, утративъ значеніе и характеръ, какой имѣли въ совокупности, въ общей связи, становятся тѣмъ, чѣмъ по своей особенной природѣ могутъ быть внѣ организма. Вотъ почему для цѣлости и сохранности послѣдняго необходимо, чтобы расчлененіе его органовъ и составныхъ частей не переходило извѣстныхъ границъ, чтобы связь ихъ между собою и взаимодѣйствіе не прекращались, чтобы ни одна составная часть и ни одинъ органъ, живя своею особенною жизнью, не переставали, въ то же время, жить и общей жизнью всего организма.

Послѣдствія чрезмѣрнаго расчлененія можно наблюдать и въ жизни обществъ и государствъ. Эгоизмъ, равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ, крестьянскіе раздѣлы, распаденіе общиннаго землевладѣнія и всѣ подобныя имъ характерныя явленія суть факты расчлененія и индивидуализаціи. Противопоставленіе правительства народу и народа правительству, сословныя привилегіи, обособленіе суда, казны, администраціи, различныхъ вѣдомствъ, до забвенія ихъ единства и солидарности между собою и съ тою средою, въ которой призваны дѣйствовать; борьба сословій, церкви съ государствомъ и т. п.—суть послѣдствія дифференціаціи органовъ и составныхъ элементовъ государства, доведенной до прискорбныхъ крайностей. Въ небольшихъ и несложныхъ обществахъ, гдѣ общность интересовъ и выгоды единенія близки и понятны каждому, обособленіе рѣдко, только въ исключительныхъ случаяхъ, принимаетъ размѣры, вредные для единства и цѣлости политическаго тѣла. Въ большихъ государствахъ, напротивъ, все ему благопріятствуетъ. Непосредственное единеніе людей затрудняется обширностью территоріи, разноплеменностью, разновѣріемъ населенія и различіемъ историческихъ судебъ провинцій; правительственный механизмъ по необходимости сложенъ и имѣетъ многочисленный личный составъ; вѣдомства, соотвѣтственно потребностямъ обширнаго государства и его управленія, принимаютъ большіе размѣры, что̀ и способствуетъ ихъ выдѣленію, обособленію и стремленію жить самостоятельной жизнью, превратиться въ особые организмы, разобщенные отъ жизни страны и государства. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, наклонность къ дифференціаціи обнаруживается съ большею или меньшею силою не только въ составныхъ частяхъ государства, но и въ

правительственной сферѣ между учрежденіями и вѣдомствами, служащими органами государственной власти, слѣдовательно, именно въ тѣхъ сторонахъ государственной жизни, которыя всего необходимѣе предохранить отъ излишествъ расчлененія, такъ какъ здѣсь то оно и приноситъ наиболѣе вреда правильному развитію государственнаго организма. Чтобъ умѣрить этотъ процессъ, сначала вездѣ прибѣгаютъ къ различнымъ административнымъ мѣрамъ: учреждаютъ многія инстанціи, производятъ болѣе или менѣе частыя ревизіи, установляютъ подробный контроль высшихъ установленій надъ низшими, облекаютъ первыя огромною властью надъ послѣдними и надъ должностными лицами, вводятъ сильную централизацію дѣлъ и т. п. Но всѣ эти мѣры оказываются безсильными и только замедляютъ и запутываютъ ходъ правительственныхъ дѣлъ, усложняя его лишними установленіями и должностями: остановить чрезмѣрное расчлененіе правительственнаго механизма они не въ состояніи. Для этого есть только одно вѣрное и дѣйствительное средство—установить живую, непосредственную связь между нимъ и общей жизнью государства. Такимъ средствомъ является выборное государственное представительство. Оно, какъ кровь въ тѣлѣ, объединяетъ всѣ составныя части государственнаго организма, установляетъ между ними непрерывное взаимодѣйствіе, періодически обновляетъ государственный механизмъ притокомъ свѣжихъ силъ и тѣмъ разлагаетъ всѣ вредные застои.

Такимъ образомъ, потребность въ выборномъ государственномъ продставительствѣ зарождается, если можно такъ выразиться, въ физіологическихъ условіяхъ государственной жизни. Ростъ и развитіе каждаго государства, въ особенности обширнаго, необходимо вызываютъ на очередь вопросъ о представительствѣ. Онъ не есть признакъ ослабленія или упадка, а служитъ признакомъ мощи и здоровья государственнаго тѣла, ибо появляется при правильномъ ходѣ государственной жизни, когда правительственный механизмъ вполнѣ сложился и окончательно выработался.

IV.

Выборное государственное представительство, какъ мы видѣли, предназначено въ жизни государства ослаблять и умѣрять выдѣленіе и обособленіе его органовъ, составныхъ частей и ихъ отправленій. Мы говоримъ: правительство и народъ, не всегда отдавая себѣ ясный отчетъ въ томъ, что этими названіями мы обозначаемъ лишь двѣ стороны одного и того же государственнаго организма, двѣ расчлененныя его функціи. Выборное представительство, измѣняющееся періодически въ своемъ составѣ, установляя между ними прямой обмѣнъ, отнимаетъ всякій поводъ къ ложному и опасному мнѣнію, будто между этими, тѣснѣйшимъ образомъ связанными сторонами, немыслимыми одна безъ другой, можетъ существовать противоположность. Представительство вноситъ въ правительственный механизмъ живое, непосредственное знаніе тѣхъ потребностей, общихъ и мѣстныхъ, которыя назрѣли въ государствѣ въ данное время, и вмѣстѣ знакомитъ частныя лица, попавшія въ число выборныхъ представителей, съ ходомъ государственныхъ дѣлъ, съ потребностями и условіями государственнаго механизма, далеко не похожими на требованія и условія мѣстной, корпоративной, сословной и частной жизни. Этимъ оно даетъ правительству желанную возможность воспользоваться для разрѣшенія своихъ задачъ и достиженія своихъ цѣлей лучшими силами и способностями страны, выказавшими на практикѣ свою пригодность для веденія государственныхъ дѣлъ. Эти драгоцѣнныя свойства дѣлаютъ выборное государственное представительство желаннымъ для правительства и для всѣхъ, кому близки къ сердцу польза и благо страны.

На наше горе, установленіе выборнаго государственнаго представительства, въ его теперешнихъ формахъ, начиная съ конца XVIII столѣтія, почти во всѣхъ государствахъ континентальной Европы сопровождалось политическими волненіями, переворотами и ослабленіемъ королевской власти. Отсюда заключаютъ, что стѣсненіе и ограниченіе данной, исторически сложившейся государственной власти и введеніе выборнаго государственнаго представительства находятся между собою въ тѣсной органической связи, что одно явленіе неизбѣжно идетъ рука объ руку съ другимъ, обусловливая одно другое. Это существенно осложняетъ вопросъ и затрудняетъ его практическое разрѣшеніе. Многіе изъ тѣхъ, которые признаютъ благотворные результаты выборнаго представительства, отворачиваются отъ него только изъ боязни по-

литическихъ смутъ и ослабленія государственной власти.

Спрашивается: основано ли такое заключеніе на дѣйствительной причинной связи означенныхъ двухъ явленій въ жизни государствъ, или оно выведено изъ случайнаго совпаденія въ исторіи фактовъ, не имѣющихъ между собою никакого отношенія и ничего общаго? О важности этого вопроса распространяться нечего: она очевидна съ перваго же взгляда.

Прежде чѣмъ попробуемъ рѣшать этотъ вопросъ, замѣтимъ одно: еще недавно точно такія же сужденія произносились очень умными и просвѣщенными людьми о разныхъ учрежденіяхъ, каковы вѣротерпимость, гражданская свобода низшихъ классовъ, мѣстное самоуправленіе, судъ присяжныхъ. О нихъ тоже говорилось, что̀ теперь думается о выборномъ государственномъ представительствѣ, и по той же самой причинѣ: они тоже родились въ эпохи народныхъ волненій и государственныхъ переворотовъ; слѣдовательно, стоитъ ихъ ввести, чтобы вызвать тѣ же послѣдствія. Ошибочность такого заключенія доказана на дѣлѣ реформами нынѣшняго царствованія. Она заставляетъ съ недовѣріемъ, критически отнестись къ подобнымъ же заключеніямъ и относительно выборнаго государственнаго представительства.

Въ этомъ недовѣріи укрѣпляетъ насъ и справка съ исторіей. Она удостовѣряетъ, что разные виды выборнаго государственнаго представительства, какъ-то: генеральные штаты во Франціи, государственные чины въ Германіи, вѣча и земскіе соборы у насъ, существовали издавна, задолго до эры смутъ и переворотовъ, начавшейся съ конца XVIII в., рядомъ съ неограниченною властью главы государства. Значитъ, оба эти органа государственнаго устройства могутъ существовать одновременно вмѣстѣ, не сталкиваясь между собою, не исключая другъ друга. Изъ этого слѣдуетъ, что мнѣніе, будто выборное государственное представительство неминуемо должно стѣснить и ограничить исторически образовавшуюся государственную власть, сложилось не по научной теоріи, а исключительно подъ вліяніемъ европейскихъ событій за послѣднее столѣтіе. Здравая логика должна бы, казалось, привести къ другому выводу. Если одно и то же учрежденіе въ одномъ случаѣ даетъ одни результаты, въ другомъ другіе, то это прямо показываетъ, что разные въ томъ и другомъ случаѣ результаты происходятъ не отъ учрежденія, а отъ другихъ причинъ и условій, которыя надо открыть и изслѣдовать. Къ сожалѣнію, мы въ большинствѣ случаевъ разсуждаемъ и дѣлаемъ заключенія не по логикѣ, а по непосредственнымъ впечатлѣніямъ, не давая себѣ труда ихъ провѣрить. Давно ли г. Фадѣевъ, много лѣтъ спустя послѣ отмѣны крѣпостного права, выдавалъ намъ русскій простой народъ за буйную чернь, готовую каждую минуту взорвать на воздухъ русское государство, и строилъ на этомъ свою печальной памяти теорію преобразованій?

Вопреки очень распространенному мнѣнію, мы рѣшаемся утверждать, что совпаденіе установленія выборнаго государственнаго представительства въ теперешнихъ формахъ съ политическими переворотами и умаленіемъ правъ короны—есть явленіе случайное, а не результатъ органической связи между тѣмъ и другимъ. Теорія государственнаго устройства, господствующая теперь въ Европѣ, основанная на противоположеніи правительства народу, на ограниченіи правъ короны народными представителями и на уравновѣшеніи властей, не есть выраженіе нормальныхъ условій политическаго быта, а возведеніе въ принципъ и систему возстанія народа противъ исторически сложившейся государственной власти и междоусобной войны. Такія драмы и трагедіи, къ несчастью народовъ, иногда разыгрываются. Онѣ конечно имѣютъ свои причины; но ихъ нельзя возводить въ теорію, какъ нельзя считать нормальными чрезвычайные суды, военное положеніе и другія экстренныя мѣры, вызываемыя чрезвычайными обстоятельствами и исчезающія вмѣстѣ съ ними. Самодержавіе народа, въ противоположность правительственной власти, раздѣленіе власти между народомъ и правительствомъ, ограниченіе его народными представителями — всѣ эти начала конституціонныхъ монархій непонятны безъ историческаго камментарія. Выборное государственное представительство, напротивъ,—учрежденіе, какъ мы видѣли, старинное, вытекающее изъ существа государственной жизни, объясняемое ея общими законами и совершенно понятное безъ помощи историческихъ воспоминаній о недавнемъ прошедшемъ европейскихъ народовъ.

V.

Европейскія теоріи государственнаго быта, построенныя на соглашеніи и уравновѣшеніи борющихся между собою элементовъ, служатъ нагляднымъ доказательствомъ, къ чему ведетъ расчлененіе органовъ и составныхъ частей государственнаго организма, когда оно переступаетъ извѣстныя границы. Введеніе выборнаго государственнаго представительства посреди политическихъ переворотовъ указываетъ не на причинную связь послѣднихъ съ первымъ, а совсѣмъ напротивъ, только подтверждаетъ, что представительство есть самое лучшее, самое вѣрное средство противъ чрезмѣрнаго выдѣленія и обособленія органовъ и элементовъ государственнаго организма. Осложненіе выборнаго представительства политическими правами, стѣсняющими государственную власть, произошло только отъ того, что въ тотъ моментъ, когда наконецъ, къ несчастью слишкомъ поздно, европейскіе народы прибѣгли къ представительству или, говоря точнѣе, возстановили его, политическій кризисъ и междоусобная война были въ полномъ разгарѣ.

Чтобы пояснить нашу мысль, напомнимъ факты, извѣстные всѣмъ.

Западно-европейскія континентальныя государства, отъ самаго ихъ основанія и до конца минувшаго столѣтія, представляли внутри себя не организованныя политически тѣла или единицы, а нагроможденіе сословій, корпорацій, общинъ, учрежденій, изъ которыхъ каждая жила самостоятельной жизнью и стремилась господствовать надъ другими. Феодальныя аристократіи, рыцарскіе ордена, церковь, духовныя власти и города—медленно и слабо объединялись королевскою властью, которая долго не была въ состояніи сдерживать вкупѣ, хотя бы только внѣшнимъ образомъ, ползущіе врозь составные элементы государства. При такомъ положеніи вещей объ органическомъ государственномъ единствѣ не было и не могло быть рѣчи. Оно возникло впослѣдствіи и было плодомъ долговременныхъ усилій передовыхъ умовъ и хода событій, который неудержимо велъ къ постепенному объединенію разрозненныхъ и отчужденныхъ другъ отъ друга элементовъ. Неспѣтость ихъ и господство однихъ надъ другими и произвели коренные перевороты, измѣнившіе видъ Европы. Съ ними впервые государства стали тамъ органическими тѣлами; сословія, корпораціи, сплотились въ это время въ цѣлое и изъ самостоятельныхъ единицъ обратились въ члены и органы высшихъ политическихъ организацій. Тогда-то и родилось всеобщее выборное государственное представительство, замѣнившее собою сословное и корпоративное. Выходитъ, что созданіе новыхъ формъ выборнаго представительства совпало и въ Европѣ съ укрѣпленіемъ и усиленіемъ государства и государственной власти, шло съ нимъ рука объ руку. Такое совпаденіе не было случайнымъ и только подтверждаетъ мысль, что выборное представительство есть могучее средство объединенія, сплоченія и усиленія государства и государственной власти; только скользя по поверхности явленій и выводя историческіе взгляды изъ хронологическихъ сближеній, можно утверждать, что представительство было во Франціи, въ концѣ прошлаго столѣтія, причиною народныхъ волненій, кроваваго переворота, паденія Бурбоновъ и королевской власти. Взрывъ произошелъ отъ того, что передъ началомъ революціи разрозненность и обособленность общественныхъ и государственныхъ элементовъ и господство однихъ сословій и классовъ надъ другими достигли крайнихъ своихъ предѣловъ; стоитъ прочесть Тэна, чтобы въ этомъ убѣдиться. Это, а не выборное представительство ослабило королевскую власть и создало господствующія теперь въ Европѣ начала государственнаго устройства. Уроки исторіи — великое дѣло. Они—источникъ политической мудрости, собраніе опытовъ, которыми нельзя безнаказанно пренебрегать; но надо умѣть дѣлать историческія справки и выучиться понимать ихъ; мы же, по примѣру плохихъ чиновниковъ, не даемъ себѣ труда пересмотрѣть весь архивъ, а беремъ на справку послѣднюю бумагу и изъ нея дѣлаемъ посылки и заключенія, которыя оттого намъ ничего не объясняютъ, а только спутываютъ наши понятія. Одно и то же явленіе, при различной обстановкѣ и различныхъ условіяхъ, имѣетъ различное значеніе и разныя послѣдствія; одна и та же мѣра, принятая во-время, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, устраняетъ опасность; но та же мѣра, введенная слишкомъ поздно, въ половину, безъ яснаго пониманія ея назначенія и дѣйствія, можетъ совпасть съ событіями, не имѣющими съ нею ничего общаго. Поверхностные умы, пустоголовые обозрѣватели по-

литическихъ событій, зачастую выводятъ изъ нихъ заключенія, прямо противоположныя тому, что дѣйствительно было. Такими выводами переполнены до сихъ поръ политическія науки, еще не успѣвшія стать на почву положительныхъ фактовъ и точныхъ изслѣдованій; а мы, не давая себѣ труда критической провѣрки, пробавляемся по преданію непосредственными, наивными впечатлѣніями нашихъ предковъ и по нимъ судимъ о нуждахъ и потребностяхъ отечества. Гдѣ, какъ у насъ, нѣтъ исторически, вѣками сложившихся застоевъ, гдѣ государственное единство не заслоняется и не затрудняется чрезмѣрнымъ, уродливымъ расчлененіемъ и обособленіемъ элементовъ, гдѣ нѣтъ политическаго господства однихъ сословій и классовъ надъ другими и, слѣдовательно, нѣтъ накопленія горючихъ матеріаловъ, готовыхъ ежеминутно вспыхнуть, тамъ выборное государственное представительство можетъ только послужить къ бо̀льшему сосредоточенію государственной жизни и дѣятельности и къ усиленію государственной власти.

VI.

Таковъ, какъ мы думаемъ, правильный взглядъ на государственную мѣру, на которую у насъ смотрятъ съ весьма различныхъ точекъ зрѣнія. Въ какомъ видѣ, въ какихъ формахъ, съ какими аттрибутами и кругомъ дѣятельности возможно и желательно у насъ выборное государственное представительство —это другой вопросъ, котораго мы здѣсь обсуждать не станемъ. Мы хотѣли только устранить наиболѣе у насъ распространенныя ошибочныя воззрѣнія на этотъ предметъ, воззрѣнія, глубоко искажающія его дѣйствительный смыслъ и назначеніе въ государственной жизни, и по возможности способствовать правильному обсужденію этого вопроса въ правительственныхъ сферахъ и въ публикѣ. Если мы и ошибаемся, то наша ошибка уже тѣмъ принесетъ пользу, что заставитъ глубже, основательнѣе, многостороннѣе его обдумать. Такъ или иначе, мы должны, ставя этотъ вопросъ, тщательно, критически провѣрить ходячіе о немъ мнѣнія и доводы за и противъ, не мудрствуя лукаво и остерегаясь всякихъ непосредственныхъ наведеній и аналогій изъ жизни и опыта другихъ странъ, такъ какъ въ примѣненіи къ нашему отечеству они, въ большинствѣ случаевъ, крайне обманчивы. Наша жизнь развилась иначе, наша внутренняя исторія была иная, при другихъ условіяхъ создалось у насъ государство и государственная власть, чѣмъ въ Европѣ. Не принимая этого въ разсчетъ, мы осуждены часто и грубо ошибаться въ заключеніяхъ. Такія заключенія и выводы, сдѣланные на лету, насъ всего больше путаютъ, мѣшаютъ идти впередъ и правильно развиваться. Какъ сказано, выборное государственное представительство весьма желательно для нашего отечества, и мы убѣждены, что оно принесетъ у насъ самые благіе плоды, придавъ большую правильность правительственному механизму. Но эта мѣра принесетъ всю ожидаемую отъ нея пользу только въ такомъ случаѣ, если представительство будетъ установлено государственною властью не въ видѣ особаго органа, а въ видѣ элемента, пополняющаго составъ государственныхъ установленій; если будетъ служить выраженіемъ не для тѣхъ или другихъ частныхъ, сословныхъ или корпоративныхъ интересовъ, а для общихъ и мѣстныхъ потребностей и нуждъ государства; наконецъ, если знанію, уму, таланту и практической опытности въ служеніи государству будетъ въ немъ отведено самое широкое мѣсто. Только при такихъ условіяхъ оно внесетъ въ нашу общественную и государственную жизнь новое, живительное и плодотворное начало и подыметъ нашу правительственную дѣятельность, пріемы и нравы на высоту, достойную великаго историческаго народа.

Спб., 1876.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ПРИЗРАКИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Силу революціонныхъ движеній составляютъ не крайнія идеи ихъ вожаковъ, а небольшая доля умѣренныхъ и законныхъ требованій, не осуществленныхъ въ свое время“.

Бисмаркъ.

Эта брошюра была написана болѣе года тому назадъ, но мы не рѣшались тогда же ее напечатать. Приближалась восточная война; въ эту сторону было устремлено все вниманіе, направлены всѣ силы русскаго общества. Говорить въ такую минуту о нашихъ внутреннихъ язвахъ было бы и безсердечно, и безтактно, и безполезно: брошюра прошла бы незамѣченной.

Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось и заставляетъ издать эту книжку теперь, до возстановленія мира.

Война и наши неудачи раскрыли всѣмъ глаза и съ поразительной очевидностью обнаружили коренные недостатки нашей правительственной системы. Несостоятельность ея, которую понимали пока все еще немногіе, теперь рѣзко представилась даже недавнимъ ея поборникамъ. Въ самый разгаръ военныхъ дѣйствій вдругъ всплылъ въ общественномъ сознаніи и началъ горячо обсуждаться вопросъ о необходимости преобразованія нашего государственнаго строя, и большинство мыслящихъ людей, ища, какъ всегда, разрѣшенія русскихъ вопросовъ въ европейскихъ образцахъ, видитъ въ политическихъ гарантіяхъ европейскихъ государствъ единственный выходъ изъ нашего теперешняго, крайне ненормальнаго внутренняго положенія.

При такихъ обстоятельствахъ мы не только можемъ, но обязаны высказать, съ полною откровенностью, свои мысли и взгляды на важнѣйшій изъ современныхъ русскихъ вопросовъ, не дожидаясь окончанія войны. Каждая мысль, каждое соображеніе будутъ теперь кстати и принесутъ свою долю пользы. Наша цѣль — разъяснить причины зла, которое насъ гложетъ, доискаться до ихъ источника и указать противъ него средства, возможныя по нашимъ особеннымъ условіямъ...

Брошюра эта посвящается государственнымъ дѣятелямъ предстоящаго царствованія. Дай Богъ, чтобы хоть они остались свободны отъ консервативной и либеральной рутины на европейскій ладъ, отъ которой мы бѣдствуемъ, и не судили обо всемъ по готовымъ формамъ, употребляя ихъ какъ предлогъ для достиженія цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ справедливостью и пользами русскаго государства.

Ноябрь, 1877.

Съ иными чувствами встрѣчала Россія, двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ, новое царствованіе, чѣмъ смотритъ на него теперь, когда оно, совершивъ много великихъ дѣлъ, окончательно опредѣлилось и обозначилось. Тогда всѣ надѣялись, а многіе глубоко вѣрили, что съ нимъ для Россіи наступитъ новая эра, что наши вѣковыя язвы будутъ залечены, что традиціонный гнётъ и произволъ, подъ которыми мы задыхались, замѣнятся прочнымъ законнымъ порядкомъ, и подданнымъ имперіи будетъ удѣленъ хотя скромный уголокъ, гдѣ они могутъ дышать свободно. Теперь этому никто больше не вѣритъ и никто не питаетъ никакихъ надеждъ. Всѣ, одни съ горестью, другіе съ негодованіемъ, видятъ, что вѣра и надежда ихъ обманули. Что у правительства не было недостатка въ доброй волѣ существенно улучшить наше положеніе — свидѣтельствуютъ дѣла, совершенныя имъ въ первыя десять лѣтъ царствованія, — отмѣна крѣпостнаго права во всѣхъ его видахъ, введеніе мѣстнаго самоуправленія, установленіе правильнаго и гласнаго суда, расширеніе права печатнаго заявленія мнѣній, отмѣна дикихъ, варварскихъ уголовныхъ наказаній, смягченіе, хотя бы только на практикѣ, суровыхъ законовъ, дышащихъ

вѣроисповѣдною нетерпимостью. Эти важныя мѣры, не говоря о многихъ другихъ, должны бы, казалось, сдѣлать настоящее царствованіе однимъ изъ самыхъ счастливыхъ; а мы видимъ и чувствуемъ, что произволъ, беззаконіе, необезпеченность правъ, гнётъ гражданскій, умственный и нравственный давятъ насъ по прежнему нестерпимо. По дѣламъ царствованія надо бы возродиться полному довѣрію къ правительству, надо бы встрепенуться и быстро развиться умственной и промышленной дѣятельности, подняться уровню общественной нравственности, распространиться общему довольству; а на дѣлѣ, недовѣріе, даже, къ сожалѣнію, неуваженіе къ правительству теперь сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь; ропотъ—всеобщій, во всѣхъ слояхъ и классахъ; промышленность и производительность въ застоѣ; процвѣтаютъ только биржевая игра и мошенническія спекуляціи желѣзнодорожныя, банковыя, акціонерныя, передъ которыми блѣднѣютъ прежнія злоупотребленія по виннымъ откупамъ; всѣ классы народа бѣднѣютъ; богатѣютъ только отдѣльныя единицы обманомъ и взятками; растлѣніе и безнравственность во всѣхъ возможныхъ видахъ разъѣдаютъ съ возрастающей силой общество, сверху до низу; несмотря на кажущуюся обезпеченность гражданскихъ правъ, свободу совѣсти, мнѣній и слова,— ложь, лицемѣріе и обманъ обратились почти въ нормальныя условія нашего существованія. У насъ какъ будто есть общественное мнѣніе, выражающееся довольно свободно; на самомъ же дѣлѣ, каждый чувствуетъ себя связаннымъ по рукамъ и ногамъ въ выраженіи мыслей, говоритъ и пишетъ совсѣмъ не то, что думаетъ, или молчитъ, за совершенною невозможностью высказать то, что у него на душѣ. Вся наша общественная жизнь есть вопіющая ложь; богатая и казистая ея обстановка, съ роскошными и блестящими европейскими формами, только прикрываетъ дѣйствительную умственную, нравственную и матеріальную несостоятельность и нищету. Вмѣсто гражданской обезпеченности и разумной, законной свободы, — вездѣ и всюду придавленность и приниженность всякаго рода.

Какія же причины такого поразительнаго противорѣчія между дѣлами царствованія и ихъ результатами, между намѣреніями и ихъ осуществленіемъ? Добро не могло родить зло, хорошее произвести дурное, правда — неправду. Всѣ преобразованія первой половины нынѣшняго царствованія искренно задуманы, зрѣло обсуждены и выработаны; они не могли принести другихъ плодовъ, кромѣ благотворныхъ; но они частью искажены при исполненіи, частью перетолкованы въ смыслѣ имъ вовсе несвойственномъ, частью взяты назадъ послѣдующими мѣрами и распоряженіями правительства. Къ этому роковымъ образомъ привели организація, личный составъ, духъ и привилегіи нашей администраціи. Въ теперешнемъ своемъ положеніи и видѣ она не можетъ ужиться съ правильнымъ, законнымъ порядкомъ; вмѣсто того, чтобы охранять и поддерживать его, она всегда будетъ разлагать его и попирать ногами. Наша администрація вноситъ въ нашу жизнь ложь, обманъ, беззаконіе, анархію и хаосъ, и пока она не будетъ поставлена иначе, всѣ лучшія намѣренія государей не приведутъ ни къ чему.

I.

Съ Ивана III до Екатерины II, въ теченіе трехъ вѣковъ, верховная власть постепенно высвобождалась у насъ изъ-подъ зависимости отъ вельможества и церкви, и при Екатеринѣ II сложилась окончательно въ самостоятельную силу, а свѣтское и духовное вельможество безповоротно поступило въ ряды подданныхъ.

Въ продолженіе этого длиннаго періода времени, исподволь развилась и сложилась наша администрація, съ ея теперешнимъ гражданскимъ и политическимъ значеніемъ. Безграмотныхъ служилыхъ людей должны были смѣнить, въ дѣлахъ управленія, грамотныя поповскія и церковно-служительскія дѣти,—дьяки и подьячіе, — клерки западной Европы. Какъ люди грамотные и опытные въ дѣлахъ, они скоро понадобились и для высшаго государственнаго управленія и стали играть въ немъ видную роль. Московскіе великіе князья и цари воспользовались этими людьми, не принадлежавшими къ родовитымъ, для образованія въ государствѣ администраціи, независимой отъ вельможества и сосредоточенной въ рукахъ верховной власти. Во всемъ, что у насъ дѣлалось въ эти четыреста лѣтъ, видно стремленіе подавить политическія притязанія свѣтской и духовной знати, и выработать независимую отъ нея администрацію, мѣстную и центральную,

въ которой должности раздавались не по знатности рода, а по годности къ службѣ и по царской милости. Въ такомъ коренномъ переворотѣ, дьяческій элементъ, тогдашнее чиновничество, игралъ важную роль и недаромъ былъ предметомъ ненависти родовитыхъ людей.

Послѣ Екатерины II, внутреннее политическое положеніе существенно измѣняется. Самодержавіе царской власти становится безспорнымъ. Политическія притязанія церкви и высшаго дворянства исчезаютъ совсѣмъ. Высшее управленіе, придворная среда и бывшее вельможество, свѣтское и духовное, сливаются и вмѣстѣ образуютъ высшій правительственный слой имперіи, непосредственно окружающій государя. Естественная разнохарактерность этой среды, сложившейся изъ различныхъ стихій, поддерживается и мало-помалу увеличивается притокомъ въ нее новыхъ элементовъ изъ вновь пріобрѣтенныхъ областей, сѣверныхъ, западныхъ, южныхъ и восточныхъ, изъ заграницы и снизу — чрезъ выслугу. Такая пестрая среда не имѣла никакого внутренняго единства, никакой организаціи. Ее сплочаетъ, внѣшнимъ образомъ, лишь царская власть, около которой осѣлъ высшій правительственный слой. Одна близость къ царской власти даетъ ему все его значеніе, вліяніе и силу въ государствѣ.

Вскорѣ, именно уже при Александрѣ I, правительственныя учрежденія, носившія на себѣ печать прежнихъ, теперь существенно измѣнившихся обстоятельствъ и условій, обветшавшія и потерявшія значеніе, требовали коренной передѣлки, по новому плану. Такой планъ созданъ Сперанскимъ, по образцу учрежденій первой французской имперіи. Какъ извѣстно, изъ задуманныхъ имъ учрежденій введены только государственный совѣтъ, правительствующій сенатъ (1-й департаментъ) и министерства. Къ нимъ присоединился возникшій въ одно съ ними время комитетъ министровъ, а въ нынѣшнее царствованіе судебный (кассаціонный) сенатъ. Въ организаціи государственнаго совѣта, высшаго правительственнаго учрежденія имперіи, довольно ясно проглядываетъ мысль сосредоточить въ одномъ мѣстѣ законодательную дѣятельность и придать ей возможную правильность; дѣла судебныя отдѣлены, въ высшей инстанціи, въ судебномъ сенатѣ; высшая административная власть, подъ контролемъ, въ текущихъ дѣлахъ, сената, сосредоточена въ министерствахъ, а общія дѣла министерскаго управленія—въ комитетѣ министровъ.

Несмотря на то, что всѣ эти учрежденія очень далеки отъ такъ называемыхъ конституціонныхъ, въ ихъ общемъ планѣ чувствуется отголосокъ конституціонныхъ идей и воззрѣній. Разграниченіе и распредѣленіе между различными государственными учрежденіями власти законодательной, судебной и административной, изъ которыхъ послѣдняя непосредственно завѣдывается самимъ государемъ, прямо выхвачены и перенесены въ Россію изъ западно-европейскихъ конституцій. Министерства и равныя имъ высшія административныя учрежденія имперіи, по самой своей организаціи, суть непосредственныя орудія верховной власти, отъ нея получаютъ указанія и инструкціи и дѣйствуютъ подъ ея непосредственнымъ контролемъ. Комитетъ министровъ, строго говоря, не есть особое учрежденіе, а только соединеніе министровъ въ одно присутствіе, для разсмотрѣнія дѣлъ, общихъ нѣсколькимъ или всѣмъ министерствамъ; что же касается правительствующаго сената, то онъ, по мысли нашего законодательства, только регулируетъ обыкновенный ходъ текущихъ административныхъ дѣлъ, чтобы онъ сообразовался съ законами и не выходилъ изъ ихъ рамки.

Такая постановка администраціи, объясняемая только историческими условіями европейскаго развитія, не имѣетъ у насъ корней и теоретически ничѣмъ не оправдывается; а между тѣмъ, она-то именно и есть источникъ всѣхъ нашихъ золъ и бѣдствій.

II.

Движущій нервъ конституціонной жизни, основная идея, на которой построено зданіе конституціонныхъ гарантій, еще недавно считавшихся прочнымъ залогомъ политическихъ свободъ и общественнаго благополучія, заключается въ огражденіи народа отъ произвола государей. Конституціонные порядки предполагаютъ, что государь и народъ имѣютъ разные интересы, а не одинъ, и вслѣдствіе того могутъ быть другъ другу противоположны и враждебны. Чтобы оградить подданныхъ отъ произвола и насилій государя, у послѣдняго отнимается судебная власть, которая ставится, по возможности, въ независимое положеніе отъ вліянія и государя, и народа; отнимается, кромѣ того, власть зако-

подательная и право установлять подати и налоги, и передается въ руки народа. Затѣмъ, у государя остается одно лишь управленіе страной, да и то подъ контролемъ народныхъ представителей.

Такова основная тема, основной мотивъ конституціонныхъ порядковъ. Ихъ фактическая подкладка состоитъ въ томъ, что народъ и правитель, соединяющій въ своихъ рукахъ всѣ власти, не ладятъ между собою, составляютъ два противоположныхъ и враждебныхъ между собою полюса. А такъ какъ безъ верховной власти, въ той или другой формѣ, все-таки обойтись никакъ нельзя, иначе народная жизнь не будетъ имѣть необходимой цѣльности и единства, то придумывается комбинація, при которой верховная власть, прежде нераздѣльно принадлежавшая государю, распредѣляется между имъ и народомъ, а единство и цѣльность государственнаго организма должны вытекать изъ уравновѣшенія между собою различныхъ аттрибутовъ верховной власти, распредѣленныхъ между различными правительственными органами.

Не будемъ останавливаться на томъ, что противоположность интересовъ государя и народа есть, во всякомъ случаѣ, великое несчастіе и представляетъ явленіе крайне ненормальное; что связать вмѣстѣ и запречь въ одну колесницу то, что враждуетъ между собою—нельзя; что мысль создать единство и гармонію изъ комбинаціи элементовъ, исключающихъ другъ друга,—такая же мечта, какъ политическое равновѣсіе Европы и прелести вооруженнаго мира. Оставляя въ сторонѣ эти и подобныя имъ общія соображенія, постараемся вникнуть въ факты, изъ которыхъ возникли конституціонные порядки, возведенные гораздо позднѣе въ теорію. Развитіе конституціонныхъ учрежденій показываетъ, что они вездѣ созданы и поддерживались далеко не народами, въ полномъ составѣ всѣхъ ихъ элементовъ, а только сильными, богатыми и просвѣщенными высшими классами, отвоевавшими себѣ у государей верховную власть именемъ народа, и что въ концѣ-концовъ конституціонные порядки послужили на пользу не всѣмъ классамъ и слоямъ народа, а только высшимъ его сословіямъ. Далѣе мы видимъ, что всюду, гдѣ существуютъ и процвѣтаютъ конституціонныя учрежденія, верховная власть только по имени раздѣлена между государемъ и народомъ, на самомъ же дѣлѣ она сосредоточена въ рукахъ или правительствующихъ политическихъ сословій, или государей. Наконецъ, мы вездѣ замѣчаемъ, что съ разложеніемъ и упадкомъ высшихъ сословій, держащихъ власть въ своихъ рукахъ, конституціонные порядки смѣняются или худшимъ видомъ монархіи—цезаризмомъ, или республикой. Такимъ образомъ, конституціонная теорія, выставляющая на первый планъ равновѣсіе властей, распредѣленныхъ между государемъ и народомъ, въ дѣйствительности только возводитъ въ принципъ моментъ борьбы, или начало перехода власти отъ государя къ высшимъ сословіямъ. Прочность конституціонныхъ учрежденій покоится, на самомъ дѣлѣ, на единствѣ власти, сосредоточенной или въ рукахъ правительствующаго слоя общества, или въ рукахъ дѣйствительно правительствующаго государя.

Политическая исторія Европы подтверждаетъ эти выводы. Въ Англіи, до послѣдняго времени, верховная власть принадлежала поземельной аристократіи и только въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія начала передвигаться въ руки буржуазіи; во Франціи, въ цвѣтущее время конституціоннаго правленія, именно при Людовикѣ-Филиппѣ, царила буржуазія; съ ея паденіемъ пали и конституціонные порядки; въ Германіи, несмотря на конституціонныя формы, верховная власть все еще находится въ рукахъ монарха. Во всей западной Европѣ, классической странѣ конституціонныхъ порядковъ, раздѣленіе властей между государемъ и народомъ всегда дѣлалось въ пользу родовой, поземельной, или денежной аристократіи. Конституціонныя учрежденія возникли тамъ съ той поры, когда аристократія, усилившись, начала забирать верховную власть въ свои руки; что это дѣлалось не въ пользу всего народа, доказывается въ Англіи раннимъ обезземеленіемъ сельскаго населенія, а на европейскомъ материкѣ—порабощеніемъ труда капиталу, породившимъ соціалистическія и коммуническія движенія. Въ наше время денежныя и поземельныя аристократіи, подъ напоромъ обдѣленныхъ ими народныхъ массъ, начинаютъ склоняться къ упадку, а съ тѣмъ вмѣстѣ меркнутъ и конституціонныя учрежденія, уступая мѣсто или цезаризму или республикѣ. Цезаремъ былъ, въ наше время, Людовикъ-Наполеонъ, котораго административные пріемы, непонятно почему, находятъ усердныхъ подражателей въ нашихъ высшихъ административныхъ сферахъ.

Изъ всего сказаннаго выходитъ, что сосредоточеніе въ рукахъ государей администраціи, какъ главнаго аттрибута монархической власти, не имѣетъ теоретическаго основанія, а объясняется только исторіей образованія конституціонныхъ учрежденій въ Европѣ. Когда аристократическіе элементы начали прибирать къ себѣ верховную власть, они, мало-по-малу, отняли у государей судъ, законодательную власть и право налагать подати, и изъ всѣхъ аттрибутовъ верховной власти оставили за ними только управленіе государствомъ, да и то подъ надзоромъ и контролемъ конституціонныхъ учрежденій, представлявшихъ по названію народъ, а въ дѣйствительности господствующій его слой. Привилегія править государствомъ была, на самомъ дѣлѣ, только обрывкомъ, клочкомъ правъ короны, оставленнымъ за нею, потому что нельзя же было сразу отобрать у государей все. Надо было, для благовидности въ глазахъ народныхъ массъ, оставить за ней что-нибудь; оставить именно управленіе казалось торжествующимъ аристократіямъ наиболѣе безопаснымъ и безвреднымъ для ихъ власти.

III.

Для тѣхъ, кто не знакомъ съ русской исторіей, кто не вникалъ глубоко въ смыслъ политическихъ учрежденій Европы, остается неразрѣшимой загадкой, какимъ образомъ, несмотря на внутреннія смуты и неурядицы, на неспособность многихъ изъ правителей, на смѣну династій и продолжительные періоды полнѣйшей анархіи, верховная власть могла удержаться, во всей полнотѣ, въ рукахъ государей, вплоть до нашего времени. Не умѣя объяснить этого факта, европейцы считаютъ насъ неспособными къ культурѣ, причисляютъ къ восточнымъ народамъ, у которыхъ политическія учрежденія, несмотря на сильнѣйшіе внутренніе перевороты, упорно коснѣли въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ.

Дѣло, какъ мы думаемъ, объясняется очень просто. Вездѣ и всегда верховная власть, даже при конституціонныхъ порядкахъ, остается, въ дѣйствительности, единой и не раздѣльной. То же самое видимъ мы и у насъ. Но въ Европѣ существовали сильные аристократическіе элементы, присвоившіе эту власть себѣ, а у насъ были только зачатки аристократіи, которые, вслѣдствіе разныхъ причинъ, не успѣли развиться и окрѣпнуть. Потому-то некому было и оспоривать верховной власти у русскихъ государей, и всѣ слабыя попытки въ этомъ родѣ должны были кончиться ничѣмъ. По той же самой причинѣ, у насъ не могло быть и цезаризма, въ римскомъ или французскомъ смыслѣ. Цезаризмъ зарождается только тамъ, гдѣ народныя массы, раздавленныя аристократіей, возстаютъ противъ нея и одерживаютъ надъ ней верхъ. Римскій цезарь, какъ и французскій императоръ, — плодъ и выраженіе глубокаго разлада между составными элементами народа; гдѣ нѣтъ сильной аристократіи, давящей народныя массы, тамъ и цезаризмъ невозможенъ.

Мы, русскіе, народъ дѣйствительно полудикій, съ крайне слабыми зачатками культуры. Но видѣть нашу неспособность къ культурѣ въ томъ, что у насъ сохранилась неприкосновенная исторически сложившаяся форма верховной власти, значитъ ничего не понимать въ русской исторіи. Въ Европѣ было иначе только потому, что сначала аристократіи, а потомъ закабаленныя и выведенныя изъ терпѣнія народныя массы переносили верховную власть изъ рукъ въ руки. Европейцы, какъ и всѣ народы въ мірѣ, цѣпко, упорно держатся за стародавнія преданія, даже когда они потеряли уже всякій смыслъ; поэтому, если формы власти у нихъ измѣнились, то это показываетъ только, какъ могучи, непреодолимы были причины, ихъ къ тому вынудившія: папство, римское право, сословныя различія, аристократическія внѣшнія отличія, давно не имѣютъ смысла въ Европѣ, а сохраняются же до сихъ поръ. Безъ крайней нужды, безъ неизбѣжной необходимости, ни одинъ народъ не разстается съ своими учрежденіями, обычаями и привычками. Такъ какъ безъ верховной власти въ той или другой формѣ нѣтъ ни одного человѣческаго общества въ мірѣ, то тамъ, гдѣ, подобно Россіи, нѣтъ элементовъ, оспоривающихъ исторически данную верховную власть, она и остается неприкосновенной. У насъ, какъ показываетъ исторія, возможны бунты, смѣны династій, безгосударное время, броженія, длящіяся цѣлое столѣтіе; но политическія гарантіи, въ европейскомъ смыслѣ, у насъ невозможны, по недостатку данныхъ, изъ которыхъ онѣ слагаются. Объ этомъ, смотря по точкѣ зрѣнія,

можно жалѣть, этому можно, пожалуй, и радоваться, но такъ оно есть, и съ этимъ, волей-неволей, надо помириться. Съ одной стороны, у насъ не можетъ выдѣлиться изъ народа въ особую, сплоченную, сильную группу одинъ какой-нибудь привилегированный классъ; всѣ подобныя общественныя формаціи уже во второмъ, много въ третьемъ поколѣніи, расплываются въ Россіи въ народной массѣ и замѣняются другими элементами, выступающими на поверхность изъ всенародства. Съ другой стороны, по той же причинѣ, русскій царь есть всесословный и всенародный государь; его значеніе и сила покоятся на цѣломъ народѣ, въ полномъ его составѣ, а не балансируютъ между разными враждебными и борющимися общественными элементами, опираясь то на тотъ, то на другой, и заимствуя свою силу изъ внутренвей разладицы.

Общественная и политическая формація, подобная нашей, имѣетъ, какъ и все на свѣтѣ, свои выгоды и невыгоды. Односложность дѣлаетъ развитіе нашей государственной и общественной жизни медленнымъ, вялымъ и безцвѣтнымъ; индивидуальной выработки, строгой очерченности формъ, точныхъ юридическихъ опредѣленій и отвѣтственности нѣтъ ни въ чемъ; но, взамѣнъ того, у насъ нѣтъ и рѣзкихъ общественныхъ контрастовъ, нѣтъ непримиримой вражды сословій и кастъ, нѣтъ почвы для противопоставленія народа государю и государя народу; сознаніе народнаго единства у насъ гораздо живѣе и непосредственнѣе, потому что мысль не дробится между рѣзко различенными общественными элементами и, слѣдовательно, легче, сильнѣе можетъ сосредоточиться на общности народной и государственной жизни. По мѣрѣ того какъ Россія развивается, хотя бы и очень медленно, ея политическія и общественныя отправленія естественно становятся разнообразнѣй и сложнѣй, а съ тѣмъ вмѣстѣ необходимо рождается и потребность въ болѣе правильныхъ, точныхъ и тонкихъ юридическихт и административныхъ различеніяхъ, формахъ и опредѣленіяхъ; но они, возникая не изъ политической борьбы, а изъ потребностей усложняющейся жизни, не могутъ имѣть политическаго характера, значенія публичнаго соглашенія борющихся между собою силъ и элементовъ, а должны являться плодомъ мирнаго обсужденія общественныхъ потребностей и представлять собою лучшіе въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ способы удовлетворенія общественнымъ и государственнымъ нуждамъ. У насъ, какъ и вездѣ, существуетъ необходимость правильнаго раздѣленія аттрибутовъ власти, правильной организаціи властей, правильнаго отправленія суда, администраціи и законодательной функціи; мы, какъ и всѣ, чувствуемъ необходимость уравновѣсить и соединить ихъ въ одно стройное цѣлое, направленное къ одной цѣли; и у насъ крайне необходимы гарантіи личной и имущественной неприкосновенности, свободы вѣрованій, мнѣній и публичнаго заявленія, непреложности закона, непоколебимости общественныхъ уставовъ, ограничивающихъ произволъ административныхъ, судебныхъ и законодательныхъ органовъ. Все это необходимо, и мы съ каждымъ днемъ яснѣе и яснѣе сознаемъ, что всего этого намъ недостаетъ. Но, сообразно съ нашимъ прошедшимъ и съ характеромъ нашего общественнаго строя, все это не можетъ быть взято съ боя, а будетъ вынуждено роковымъ ходомъ вещей, логикой событій, которая неотразимымъ рядомъ фактовъ заставитъ сдѣлать то, чего люди не хотятъ дѣлать по предразсудку и ослѣпленію. Въ такомъ отсутствіи у насъ элементовъ внутренней борьбы заключается, какъ мы убѣждены, наше великое преимущество. Благодаря этому, въ развитіе нашихъ учрежденій не могутъ врываться сословныя и соціальныя ненависти и страсти. Оно, правда, совершается отъ того медленнѣе, но зато оно прочнѣе, безопаснѣе и не осложняется ѣдкими примѣсями, которыя незамѣтно передаются изъ рода въ родъ и отравляютъ народный и государственный организмъ на цѣлые вѣка. Съ тѣхъ поръ, что слабые зачатки аристократій у насъ исчезли, а съ ними, мало-по-малу, и сословныя привилегіи, различіе сословій обратилось у насъ, какъ и слѣдуетъ, въ различіе образа жизни и занятій. Народъ и правительство въ Россіи — только двѣ стороны одного и того же народнаго организма, борьба между которыми есть и несчастіе, и безсмыслица. Вѣдь если, какъ многіе думаютъ, народъ у насъ беззащитенъ противъ ничѣмъ неограниченной власти государей, то и государь, въ свою очередь, ничѣмъ не огражденъ у насъ отъ народа, въ которомъ нѣтъ враждующихъ между собою слоевъ и сословій. И такъ, становясь на точку зрѣнія политическихъ гарантій, мы, говоря о Россіи, попадаемъ въ

ложный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода. Не противопоставленіе власти народу, сословія сословію, а ихъ совокупное дѣйствіе, направленное къ одной цѣли,—вотъ на что указываетъ все наше прошедшее, нашъ общественный и государственный строй, какъ они сложились вѣками. Кооперація силъ, а не борьба ихъ, различеніе функцій народнаго организма, а не противоположеніе ихъ другъ другу,—вотъ задача, поставленная всѣмъ народамъ въ будущемъ; а если мы, по обстоятельствамъ, которыя выяснить предстоитъ русскимъ историкамъ, безъ особенныхъ усилій и заслугъ владѣемъ нужными для того задатками и условіями, то тѣмъ лучше для насъ; надо поспѣшить ими воспользоваться, не мудрствуя лукаво.

IV.

Исторія, обстоятельства, въ самомъ дѣлѣ, создали для русскихъ государей безпримѣрное положеніе. Династическіе интересы ихъ, съ начала нынѣшняго столѣтія, обезпечены и непоколебимы. Вся совокупность верховныхъ правъ надъ Россіей принадлежитъ имъ нераздѣльно. Слабые зачатки сословныхъ различій и политическихъ сословныхъ привилегій не существуютъ болѣе, и народное единство бережно охраняется здравымъ чутьемъ массъ и вызрѣвшимъ сознаніемъ образованнаго слоя русскаго общества. Русскій царь есть верховный руководитель важнѣйшихъ государственныхъ и народныхъ дѣлъ, кормчій великаго русскаго корабля въ океанѣ всемірной исторіи. Такая власть, сложившаяся вѣками, выработанная всею совокупностью условій русской жизни, бережно и настойчиво пронесенная чрезъ всѣ волненія, бури и смуты до нашихъ дней, должна бы, казалось, имѣть и соотвѣтствующія ей формы выраженія: какъ она непохожа ни на какую другую верховную власть въ мірѣ, такъ ей не пристала ни одна изъ формъ власти, выработанныхъ исторіей. А между тѣмъ, русское правительство съ начала XIX вѣка облеклось въ формы французскаго цезаризма. Ясный, опредѣленный образъ царской власти, подъ этой чуждой ей формой, затемнился. Ложь, обманъ и насиліе, присущіе наполеоновскому императорству, перенесены къ намъ и породили въ правительствѣ и образованныхъ слояхъ множество иллюзій, перепутавшихъ всѣ наши понятія. Внѣшній видъ законнаго порядка, при дѣйствительномъ отсутствіи всякихъ правъ и обезпеченій; подозрительный взглядъ на каждое проявленіе народной жизни или мысли, въ предположеніи, что народъ есть тайный врагъ правительства, каждую минуту готовый сбросить съ себя ненавистное иго; вѣчная, неустанная, придирчивая опека, простирающаяся на всѣхъ и всё; огромное развитіе административной власти на счетъ всѣхъ другихъ сторонъ и отправленій государственной и народной жизни; небывалый административный произволъ, не знающій границъ,—вотъ что мы получили вмѣстѣ съ учрежденіями императорской Франціи. Подъ вліяніемъ этихъ учрежденій, русскіе государи обратились въ высшую административную власть, непосредственно управляющую государствомъ чрезъ своихъ органовъ, которые отъ нея получаютъ свои полномочія и дѣйствуютъ ея именемъ. Лѣстница этихъ органовъ, составляющихъ, по своей многочисленности, цѣлую армію, опускается низшими своими ступенями во всѣ отдаленнѣйшіе закоулки русской имперіи и вездѣ является живымъ представителемъ державнаго русскаго государя. На каждомъ чиновникѣ, отъ перваго до послѣдняго, отражается сіяніе верховной власти. Только передъ высшимъ чиновникомъ подчиненный — ничто; въ дѣйствіяхъ же своихъ на народъ онъ облеченъ огромными полномочіями.

Идея, что вся администрація, на всѣхъ ея ступеняхъ, представляетъ собою верховную власть, проведена у насъ съ желѣзною послѣдовательностью. Административная власть въ Россіи громадна. Масса дѣлъ, касающихся личности и имущества частныхъ лицъ, предоставлена административному рѣшенію чиновниковъ, безъ всякаго участія суда, и даже безъ соблюденія формъ, ограждающихъ частное лицо при судебномъ производствѣ. Полновластіе чиновника, при отправленіи имъ служебныхъ обязанностей, безгранично, и привлечь его къ отвѣтственности, даже за самое наглое нарушеніе имъ обязанностей, въ ущербъ достоинству и интересамъ частныхъ лицъ и польвъ самой короны, почти невозможно, такъ какъ это существенно зависитъ отъ самой администраціи, заинтересованной отстаивать своихъ во что бы то ни стало. Рязанскій губернаторъ Болдыревъ, даже не при отправленіи служебныхъ обязанностей, а на охотѣ, избилъ стараго мужика и загноилъ его до смерти въ душной тюрьмѣ и за это не былъ

даже отданъ подъ судъ; бывшій орловскій губернаторъ Лонгиновъ высѣкъ какого-то писаря и получилъ только келейное замѣчаніе, нигдѣ не опубликованное; бывшій самарскій губернаторъ Климовъ уморилъ множество крестьянъ съ голоду и за это не только не подвергся суду и взысканію, но даже повышенъ въ директоры департамента министерства государственныхъ имуществъ; петербургскій губернаторъ Лутковскій далъ начальникамъ уѣздной полиціи приказаніе сѣчь мужиковъ по одному требованію уѣздныхъ представителей дворянства, подъ страхомъ немедленнаго удаленія отъ службы, въ случаѣ неисполненія этого приказанія.

Тщательно огражденный со всѣхъ сторонъ отъ законной отвѣтственности за свои дѣйствія и вооруженный противъ частныхъ лицъ и народа почти царскою властью, каждый чиновникъ, въ свою очередь, совершенно отданъ на произволъ высшаго чиновника, который его опредѣлилъ. Кто опредѣляетъ чиновника на должность, тотъ можетъ его и уволить, даже безъ объясненія причины увольненія: ни суда, ни разбирательства требовать нельзя. На дѣлѣ, такою же безграничною властью пользуется и каждый начальникъ надъ своими подчиненными, хотя бы по закону онъ не могъ его уволить: стоитъ только доложить высшему начальнику, отъ котораго зависитъ увольненіе, и дѣлу конецъ. Начальникъ можетъ, подобно губернатору Лутковскому, дать противозаконное приказаніе и лишить мѣста чиновника, не исполнившаго такое приказаніе, и чиновникъ остается беззащитнымъ, будь онъ тысячу разъ правъ, а начальникъ кругомъ виноватъ. Несчастные бухгалтеры и казначеи, лишенные правъ и сосланные въ Сибирь за расхищеніе инвалиднаго капитала Политковскимъ и синодальнаго—Гаевскимъ, находились въ такомъ положеніи;—имъ предстояло одно изъ двухъ: или не исполнить приказанія своихъ начальниковъ, донести о ихъ злоупотребленіяхъ и быть немедленно выгнанными изъ службы, умирать съ голоду, съ семействами, или же, молча, исполнять противозаконныя приказанія и подвергнуться уголовной отвѣтственности. Другого выхода нѣтъ по нашимъ законамъ.

Безусловная зависимость отъ начальства, съ одной стороны, и почти безграничный произволъ въ дѣйствіяхъ, съ другой,—такова, въ немногихъ словахъ, характеристика нашей администраціи снизу до верху. Правда, въ законѣ мы читаемъ многое объ обязанностяхъ и отвѣтственности должностныхъ лицъ, о долгѣ службы, о соблюденіи законовъ, даже вопреки приказаніямъ, объ обязанности подчиненныхъ доносить о злоупотребленіяхъ начальниковъ; но все это пустыя слова, которымъ никто не вѣритъ, потому что дѣйствительное ихъ исполненіе ничѣмъ не обезпечено. Законъ только на бумагѣ даетъ частнымъ лицамъ право защищаться отъ произвола чиновниковъ, а чиновникамъ право ограждать себя отъ произвола начальства.

Административная лѣстница, устроенная на такихъ началахъ, идетъ, подымаясь, до престола, и чѣмъ ея ступени выше, тѣмъ администрація полновластнѣе, а страна беззащитнѣе отъ ея произвола. На самыхъ высшихъ ступеняхъ администрація вооружена не приказаніями начальства, а высочайшими повелѣніями, которыя непосредственно испрашиваются чиновниками у государя и передъ которыми безмолвны и законъ, и судъ, какъ передъ изреченіями верховной власти. По теоріи, всѣ нити управленія сходятся, въ высшей инстанціи, въ рукахъ государя, верховнаго правителя страны. Всѣ попытки обуздать произволъ высшихъ чиновниковъ формами выраженія верховной власти, разумѣется, оказались безуспѣшными. Русскій Царь есть воплощенная верховная власть, и ее нельзя вставить ни въ какія юридическія рамки. Единственно возможная гарантія правильныхъ ея дѣйствій—это искренняя любовь Государя къ Россіи, знаніе и правильное пониманіе имъ дѣла и интересы династіи, съ цѣльностью и сохранностью которой неразрывно связано правильное развитіе государственной и народной жизни.

V.

По теоріи, перенесенной къ намъ изъ Европы Сперанскимъ, управленіе государствомъ сосредоточивается въ рукахъ государя. Но въ европейскихъ странахъ, гдѣ конституціонные порядки существуютъ не по одному названію, а на самомъ дѣлѣ, управленіе подчинено контролю суда и народнаго представительства; въ императорской же Франціи, откуда мы заимствовали свои административные уставы, конституціонныя формы были лишь ложью и обманомъ. Судъ и представительство были безгласны, а вся сила заклю-

чалась въ администраціи, которая, будучи сосредоточена въ рукахъ французскихъ цезарей, обратилась въ всемогущее орудіе угнетенія и произвола. Тамъ такое значеніе администраціи было совершенно понятно, и ложь отчасти вынуждена обстоятельствами. Когда создавались наполеоновскія учрежденія, Франція была глубоко потрясена революціей; политическія страсти еще не улеглись и при каждомъ удобномъ случаѣ готовы были вспыхнуть снова; недавно торжественно провозглашенныя свободы были еще свѣжи въ памяти каждаго. При такихъ условіяхъ, Наполеону было необходимо создать сильную диктатуру, придавъ ей снаружи, въ видѣ успокоенія и утѣшенія легковѣрной массы, довольствующейся фразами и болтовней, конституціонныя формы, какъ нѣкогда, при сходныхъ обстоятельствахъ, Августъ создалъ въ Римѣ императорскую власть съ республиканскими внѣшними аттрибутами. Правдой въ этихъ политическихъ построеніяхъ была полновластная диктатура, а конституціонныя и республиканскія украшенія—ложью и обманомъ.

Это чудовищное переплетеніе произвола, насилія, лжи, обмана и неправды, созданное обстоятельствами у измученнаго страшнымъ переворотомъ народа, мы, по печальному недоразумѣнію, перенесли къ себѣ. Напрасно знаменитые современники, въ томъ числѣ Карамзинъ и, если не ошибаемся, Трощинскій, возражали противъ такого нововведенія: голосъ ихъ не былъ услышанъ. Къ истинному нашему несчастію, страшное орудіе угнетенія, выкованное военной диктатурой посреди хаоса революціи, водворено въ странѣ, гдѣ въ теченіе вѣковъ народъ работалъ надъ созданіемъ ничѣмъ неограниченной верховной власти и гдѣ, по самому составу общественныхъ элементовъ, политическіе и соціальные перевороты невозможны. Въ Россіи нѣтъ политической жизни, и въ европейскомъ смыслѣ ея не можетъ у насъ быть. У насъ, вслѣдствіе совершенной безспорности политическихъ условій существованія, можетъ развиваться только жизнь общественная, соціальная. Французская административная машина, перенесенная къ намъ въ началѣ XIX вѣка, не могла измѣнить этихъ коренныхъ условій нашей общественности и, утративъ на русской почвѣ политическій характеръ, выказала всю свою непригодность въ Россіи тѣмъ неизмѣримымъ зломъ, какое она произвела и производитъ въ нашемъ общественномъ, соціальномъ быту.

И въ небольшой странѣ, при маломъ числѣ жителей, управленіе составляетъ тяжкое бремя для правителя. Но въ многомилліонной имперіи, занимающей почти пятую часть земного шара, сосредоточеніе всей администраціи въ рукахъ государя, при множествѣ другихъ важнѣйшихъ дѣлъ и заботъ правленія, есть дѣло немыслимое, превышающее силы одного человѣка. Администрація, поставленная такимъ образомъ, необходимо будетъ лишена единства въ цѣломъ и правильнаго хода въ подробностяхъ. Какая память въ состояніи удержать безчисленное множество словесныхъ и письменныхъ докладовъ, какой умъ способенъ, не теряясь въ массѣ мелочей, прослѣдить и провести по всѣмъ многосложнымъ частямъ обширнѣйшаго управленія, одну мысль, одно направленіе? На такой трудъ, у одного человѣка, при всей доброй волѣ, недостанетъ времени, еслибъ даже можно было растянуть дни въ недѣли. Что же выходить на дѣлѣ? Государь вынужденъ освящать авторитетомъ верховной власти рѣшенія и мѣры, придуманныя министрами и другими высшими чиновниками, на вѣру, не справляясь, представлены ли всѣ обстоятельства, выведены ли на справку всѣ дѣла и законы, не противорѣчитъ ли предлагаемое рѣшеніе и мѣра другимъ рѣшеніямъ, мѣрамъ и законамъ. Оттого, нерѣдко, высочайшею властью освящаются и получаютъ силу закона ошибки, фантазіи и злоупотребленія высшихъ и низшихъ административныхъ чиновниковъ; государь принимаетъ на себя то, за что, по закону и справедливости, должны бы отвѣчать они. Дѣйствительная отвѣтственность чиновниковъ, при такомъ порядкѣ дѣлъ, немыслима. несмотря на то, что она написана въ законѣ; а такая отвѣтственность есть гарантія не только частныхъ лицъ и общества, но и самой верховной власти, неповинной въ ошибкахъ и злоупотребленіяхъ чиновниковъ. Нельзя не видѣть серьезной опасности въ томъ, что у насъ верховная власть, благодаря организаціи управленія, покрываетъ собою всѣ злоупотребленія и нарушенія закона, которыя дѣлаются ея именемъ; возраженіе противъ такихъ злоупотребленій не возможно, потому что оно было бы сопротивленіемъ верховной власти, оспоривало бы ея рѣшенія.

VI.

Русскій Богъ избавилъ насъ отъ конституціонной лжи ограниченія царской власти народнымъ представительствомъ; за то всѣ послѣдствія конституціоннаго миража, будто администрація находится въ рукахъ царской власти, мы испытали вполнѣ, до единаго, во всей ихъ печальной правдѣ. Во Франціи отъ горькой истины этого принципа неопытные глаза отводились сценическими представленіями будто бы самостоятельнаго суда и палаты народныхъ представителей, какъ прежде отъ гильотины—деревьями свободы и празднествами согласія. У насъ никакія фіоритуры политическаго характера не окрашиваютъ безобразной наготы этого вовсе намъ чуждаго принципа. На русской почвѣ, вслѣдствіе особенныхъ нашихъ обстоятельствъ и условій, принципъ этотъ получилъ своеобразный видъ, принялъ, не встрѣчая ни откуда помѣхи, чудовищные, ужасающіе размѣры. Администрація, во имя царской власти, заслонила и оттѣснила эту самую власть на второй планъ и взяла самодержавіе въ свои руки.

Разсмотримъ, почему и какъ это сдѣлалось. Это весьма поучительная страница русской исторіи XIX вѣка.

При самомъ введеніи у насъ новой административной системы, были придуманы разныя бумажныя ограниченія административнаго произвола; но они скоро оказались совершенно недѣйствительными,—паутиной, которую легко прорывали и малыя мухи. Подчиненіе министерствъ сенату почти походитъ на иронію. Нельзя ограничивать министра, непосредственно докладывающаго государю, непосредственно испрашивающаго отъ него высочайшія повелѣнія, учрежденіемъ, которое само находится въ полной власти у министра юстиціи и безъ него шагу ступить не смѣетъ. Что касается до комитета министровъ, то онъ, будучи собраніемъ министровъ, скорѣй расширяетъ, чѣмъ ограничиваетъ ихъ власть. Голосъ коллегіи всегда внушительнѣе голоса одного должностного лица, и во всѣхъ вопросахъ, касающихся административной власти и ея аттрибутовъ, между представителями ея не можетъ не быть трогательнаго единодушія.

Въ первую половину нынѣшняго царствованія сдѣланы болѣе дѣиствительныя и серьезныя попытки ограничить произволъ администраціи. Созданъ былъ институтъ мировыхъ посредниковъ, несмѣстимыхъ по усмотрѣнію министра; созданы земскія учрежденія, къ которымъ отошли, въ болѣе или менѣе самостоятельное завѣдываніе, многія дѣла мѣстнаго управленія, съ правомъ ходатайства объ общественныхъ пользахъ и нуждахъ; созданы самостоятельныя судебныя учрежденія, съ кассаціоннымъ сенатомъ во главѣ, и въ силу новыхъ судебныхъ уставовъ множество судебныхъ дѣлъ изъято изъ административнаго произвола; устроенъ на новыхъ началахъ государственный контроль, которому предоставлена не только повѣрка счетовъ, но и самыхъ операцій министерскаго управленія, со стороны ихъ правильности и выгодности для казны; наконецъ, расширены предѣлы печатнаго обсужденія мѣръ и дѣйствій правительства и должностныхъ лицъ.

Всѣ эти полезныя начинанія, задуманныя съ благою цѣлью, подавлены въ самомъ зародышѣ и кончились ничѣмъ. Не успѣвали новые учрежденія, мѣры и законы начать дѣйствовать, какъ на нихъ уже обращалось недоброжелательство министерствъ, которыхъ произволъ они должны были сдерживать. Въ благовидныхъ предлогахъ не было недостатка; да и когда же недоставало предлога для отмѣны самыхъ полезныхъ установленій? Въ царствованіе императора Николая закрыта была даже больница, вслѣдствіе обнаруженныхъ злоупотребленій больничнаго начальства. Со стороны административныхъ властей на мировыхъ посредниковъ, земскія учрежденія, суды, контроль, печать, жалобы и клеветы сыпались градомъ; ошибки, недоразумѣнія и частные случаи дѣйствительныхъ злоупотребленій и неправильностей раздувались въ важныя преступленія, въ опасные замыслы противъ самой верховной власти. Къ довершенію всего, новыя учрежденія были отданы въ завѣдываніе и управленіе самихъ министерствъ, которыхъ произволъ они должны были ограничивать; новыя мѣры приводились въ исполненіе тѣми самыми министрами, которые были имъ наиболѣе враждебны. Подъ дружнымъ напоромъ сильныхъ враговъ, на сторонѣ которыхъ были и власть и непосредственный докладъ государю и возможность искажать новыя мѣропріятія при самомъ ихъ исполненіи, благія начинанія зачахли въ зародышѣ, обратились въ ничто, и остались въ нашихъ собраніяхъ законовъ только какъ памятники добрыхъ намѣреній верховной власти.

Многіе приписываютъ неудачу всѣхъ мѣръ нынѣшняго царствованія, направленныхъ къ обузданію административнаго произвола, несостоятельности самаго общества, отсутствію въ немъ выдержки, такта, сознанія правъ. Въ этихъ упрекахъ есть своя доля правды, которой мы не думаемъ отрицать. Но тѣ, кто дѣлаютъ эти упреки, не замѣчаютъ, что они ими выражаютъ самое превратное понятіе о назначеніи и роли администраціи и подписываютъ ей у насъ обвинительный приговоръ. Нельзя же серьезно думать, что администрація представляетъ въ народѣ какую-то чуждую и враждебную ему силу, которая обрушается на него бѣдами, если у него нѣтъ достаточно средствъ и умѣнья противостоять ей. Въ странѣ, разорванной междоусобіями, потрясенной политическими и соціальными переворотами, такая роль можетъ выпасть, да и то временно, на долю партіи тишины, спокойствія и порядка; но гдѣ нѣтъ ни политическихъ партій, ни революцій, гдѣ никто не оспариваетъ правъ верховной власти, тамъ нельзя противопоставлять администрацію народу или обществу; тамъ, напротивъ, она есть одно изъ необходимыхъ отправленій общественной и государственной жизни, служащее, вмѣстѣ съ другими, къ общему благу и постепенному общественному и гражданскому воспитанію народа. Если мы смотримъ на администрацію какъ на врага, отъ котораго нельзя и ждать ничего другого, кромѣ посягательствъ на права и законную свободу, то это только доказываетъ, что мы сдѣлали важную ошибку, перенеся къ себѣ учрежденія императорской Франціи, и что они совсѣмъ не пригодны къ нашимъ обстоятельствамъ и условіямъ.

Низкая степень культуры, отсутствіе добрыхъ нравовъ и привычекъ правильной гражданской жизни, безъ сомнѣнія, не мало способствовали неудачѣ великодушныхъ попытокъ верховной власти и законодательства оградить Россію отъ насилій и произвола администраціи, устроенной по образцу императорской Франціи. Но главной, существенной причиной такой неудачи должно искать въ томъ, что попытки улучшенія начаты были не съ верхнихъ, а съ низшихъ ступеней административной іерархіи. Пока министерства и высшіе чиновники будутъ находиться у насъ въ томъ же исключительномъ положеніи, какъ теперь, пока они будутъ вооружены высочайшими повелѣніями, которыя сами же испрашиваютъ по личному докладу; пока они, и только они одни, будутъ непосредственными органами верховной власти, до тѣхъ поръ наша администрація будетъ представлять страшное орудіе, непобѣдимую силу, которымъ ничто не въ состояніи противостоять; эта сила раздавитъ все, что ей попадется на пути—законы, учрежденія, даже ясно и опредѣлительно выраженную волю верховной власти. И спастись отъ такой силы некуда: она наполняетъ и обнимаетъ собою всѣхъ и всё.

VII.

Многіе у насъ дѣлаютъ большую ошибку, приписывая все зло, которое мы терпимъ, одному или нѣсколькимъ лицамъ. Всякое общественное зло есть, почти всегда, результатъ дурныхъ учрежденій и порядковъ, и за нихъ, а не за людей, надо браться, чтобы измѣнить и улучшить положеніе.

То же слѣдуетъ замѣтить и о нашихъ административныхъ непорядкахъ. Странно и несправедливо было бы приписывать уродливое развитіе административной власти въ Россіи злонамѣренности или особенной порочности людей, изъ которыхъ составленъ нашъ правительственный персоналъ. Рядомъ съ людьми несомнѣнно злонамѣренными, или недобросовѣстными, рядомъ съ огромной массой людей неспособныхъ, лѣнивыхъ и невѣждъ, существуютъ, въ административной средѣ, лица очень даровитыя, знающія, образованныя, высокой честности, вполнѣ благонамѣренныя; но они, какъ и вездѣ, составляя меньшинство, связаны по рукамъ и ногамъ неправильной организаціей административной власти и ничего не могутъ сдѣлать. Мало того: организація фатально заглушаетъ у насъ хорошія свойства людей, поощряетъ и развиваетъ дурныя, вытѣсняетъ способныхъ и честныхъ, выдвигаетъ впередъ неспособныхъ и дурныхъ, открывая ихъ дѣятельности широкое поле. Иначе и быть не можетъ. Облеките какого угодно человѣка безграничною властью надъ тѣми, кто ниже его, отдайте его въ полную волю тѣхъ, кто поставленъ выше, и въ такомъ положеніи обезпечьте за нимъ безотвѣтственность и безнаказанность, — и только одни герои или чудаки устоятъ противъ искушенія проводить свои мысли или обдѣлывать свои личныя дѣла, наперекоръ закону и общественной пользѣ. Каждый человѣкъ, у

котораго нѣтъ хотя бы самой ограниченной сферы свободной и независимой нравственной и общественной дѣятельности, долженъ обратиться въ раба, низкопоклонника и угодника; каждый, кто можетъ безнаказанно своевольничать надъ подчиненными, непремѣнно, рано или поздно, станетъ самодуромъ, или деспотомъ, не стѣсняющимся личностью, достоинствомъ, честью, свободой другихъ. Каждый, въ комъ такимъ образомъ и сверху и снизу вытравливается вѣра въ законный и нравственный порядокъ, въ идеальный міръ, который одинъ даетъ силы бороться съ зломъ и неправдой, долженъ наконецъ утратить всякія правила, всякія убѣжденія и отдаться своимъ личнымъ, индивидуальнымъ страстямъ и желаніямъ, забывая все остальное. Тщеславіе, властолюбіе, или нажива и наслажденіе,—вотъ куда естественно направятся силы души, которымъ всѣ другіе пути загорожены. Противно видѣть, какъ высшіе и низшіе чиновники ненавидятъ гласность и любятъ тайну, отстаиваютъ все, что̀ дѣлается въ кругѣ ихъ власти, даже ихъ подчиненными, хотя бы то, что̀ они дѣлаютъ, заслуживало строгаго наказанія; возмутительно какъ они систематически стараются разрушить все, что̀ прямо или косвенно мѣшаетъ ихъ полновластію. Но эти черты, характеризующія наше чиновничество, необходимо вытекаютъ изъ его положенія, которое, съ одной стороны, отнимаетъ у чиновника не только необходимость, но и возможность развивать и воспитывать въ себѣ высшія нравственныя стремленія, а съ другой—насильственно втягиваетъ его въ тину и болото всякихъ дрянныхъ страстей, наклонностей и привычекъ. Кто же, не исключая и лучшихъ людей, не старается скрывать свои дурные поступки, оправдывать свои дѣйствія? Кто не считаетъ прекраснымъ и умнымъ все, что̀ онъ думаетъ? Кто не раздражается помѣхами и препятствіями? Кто, наконецъ, не имѣя силы побороть препятствіе, не старается обойти его стороной? А если обстоятельства, вмѣсто того, чтобы сдерживать эти естественныя наклонности, напротивъ, имъ способствуютъ, поощряютъ ихъ развитіе, то можно ли удивляться, что обыкновенныя людскія слабости получаютъ колоссальные размѣры? Русскаго чиновника все развращаетъ и ничто не поддерживаетъ на добромъ пути. Какъ же ему быть хорошимъ? Слава Богу, когда онъ настолько уцѣлѣлъ нравственно, что дѣлаетъ зло только по необходимости; такихъ, которые сохранили живую вѣру въ силу и неизбѣжное окончательное торжество правды, нѣтъ ни одного; да такого, при нашихъ условіяхъ, и быть не можетъ.

VIII.

Въ Европѣ, сознаніе гражданскихъ правъ и мѣстныхъ свободъ, вѣками установившіеся нравы, высокая образованность и культура среднихъ слоевъ общества, задолго предшествовали появленію и окончательной выработкѣ сильной административной машины, подобной нашей, и потому дѣйствіе ея, на фактѣ, смягчалось несомнѣнными личными качествами административнаго персонала, пополнявшагося изъ той же образованной среды. Оттого, борьба противъ административнаго произвола и имѣетъ въ Европѣ болѣе политическій, чѣмъ гражданскій и соціальный характеръ. Всемогущая администрація, какова, напримѣръ, прусская, еще не такъ давно не оставляла желать ничего лучшаго со стороны порядка, честности, добрыхъ нравовъ и отличнаго знанія дѣла. Такая высокообразованная администрація, развившаяся изъ просвѣщенной и однородной среды, заключая въ себѣ замѣчательные таланты, имѣя свои преданія, представляла органическое цѣлое, проникнутое, на всѣхъ своихъ ступеняхъ, однимъ духомъ, однимъ направленіемъ, и заставляла, своими несомлѣнными достоинствами, забывать ошибочность самаго принципа административнаго всемогущества.

Совершенно иное представляетъ у насъ личный административный составъ. По званію или состоянію, по воспитанію и степени культуры, по вѣроисповѣданію и убѣжденіямъ, даже по племени и національности, онъ есть соединеніе разнороднѣйшихъ элементовъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго. Наше высшее и низшее чиновничество,—это вавилонское столпотвореніе и смѣшеніе языковъ въ лицахъ, всемірная выставка всевозможныхъ элементовъ, скученныхъ вмѣстѣ безъ всякой системы и порядка, нестройная хаотическая смѣсь всевозможныхъ направленій, взглядовъ и стремленій. Такой личный составъ, при отсутствіи строгой организаціи, отражается въ дѣлахъ управленія и на всѣхъ его ступеняхъ производитъ невообразимый хаосъ и путаницу. Каждый чиновникъ, высшій и низшій, естественно прово-

дитъ, на сколько можетъ, свои взгляды, понятія и интересы въ ту часть администраціи, надъ которою властвуетъ. Министръ изъ остзейскихъ бароновъ перекроиваетъ наши новыя судебныя учрежденія по возможности на остзейскій ладъ, въ виду ихъ введенія въ прибалтійскомъ краѣ; министръ-баринъ подкапывается подъ Положенія 19-го февраля; министръ изъ породы верховниковъ и временщиковъ подготовляетъ въ тихомолку конституцію въ духѣ верховнаго тайнаго совѣта. Славянофилы, москвофилы и космополиты съ европейскими симпатіями, охранители, либералы, радикалы и клерикалы всѣхъ мастей и оттѣнковъ, нѣмцы, жиды, грузины, армяне и татары, исламиты, православные, католики, протестанты и сектанты всѣхъ русскихъ и иностранныхъ толковъ, поборники всевозможныхъ политическихъ, государственныхъ и соціальныхъ формъ человѣческаго общежитія, начиная отъ патріархальнаго строя первобытной эпохи и оканчивая стремленіями парижской коммуны,— всѣ тянутъ неуклюжій рыдванъ русской администраціи каждый въ свою сторону. Каждый изъ этихъ элементовъ и интересовъ имѣетъ безспорное право на существованіе, и еслибы они могли выступить въ свою защиту и съ своими требованіями открыто, въ литературѣ и печати, и предъявлять или доказывать свои права передъ властью—этому можно было бы только радоваться. Многосложность и разнообразіе интересовъ есть одинъ изъ признаковъ богатства элементовъ въ народѣ, залогъ его будущности; изъ взаимнаго соприкосновенія, тренія и постепеннаго слитія ихъ образуется со временемъ канва для широкаго историческаго склада. Къ тому же, нельзя не назвать вполнѣ естественнымъ, что каждый элементъ себя отстаиваетъ, старается выгородить себѣ особое свое мѣсто посреди другихъ; это неотъемлемое право каждаго, тѣмъ болѣе, что нѣтъ интереса, нѣтъ элемента, который бы не вносилъ чего-нибудь полезнаго въ общую экономію государственной и народной жизни. Но къ несчастію, у насъ ни одинъ изъ разнообразныхъ и разнородныхъ элементовъ не можетъ даже высказываться откровенно, вполнѣ; каждый по необходимости скрывается, уходитъ въ себя, и переноситъ свои завѣтныя стремленія въ глубь канцелярій, въ административную дѣятельность, облекаетъ ихъ въ формы самодержавной администраціи, и этими путями по возможности осуществляетъ то, чего не смѣетъ заявить открыто и явно. Но облеченная въ форму административнаго произвола разнородность и разнохарактерность элементовъ, вмѣсто того, чтобы приносить пользу странѣ и ея развитію, становится истиннымъ бѣдствіемъ и дѣйствительною опасностью. Когда каждый изъ противорѣчивыхъ, взаимно другъ друга исключающихъ элементовъ и интересовъ прикрывается въ своей дѣятельности авторитетомъ законной власти, администрація необходимо превращается въ организованную анархію, которая, во имя закона и власти, должна своими безпрестанными противорѣчіями и непослѣдовательностью подавлять всѣ живые ростки государственной и народной жизни.

IX.

Въ доброе старое время, русскіе люди, заполоненные приказными, кормленщиками и воеводами, чтобы вздохнуть свободно, бѣжали на окраины, селились въ степяхъ и лѣсахъ; царь Іоаннъ IV Грозный, „стужаемый“ боярами и духовенствомъ, бѣжалъ „отъ великой печали сердца“ въ александровскую слободу; царь Петръ, задыхаясь отъ московскаго святошества, лицемѣрія и окостенѣлыхъ византійско-татарскихъ порядковъ, бѣжалъ въ новозавоенную землю, на устья Невы. Въ наше время, ни царямъ, ни народу некуда бѣжать отъ нестерпимаго порядка дѣлъ, созданнаго всемогуществомъ россійской администраціи. Она обнимаетъ все, наполняетъ собою все, самодержавно царитъ и надъ государемъ и надъ народомъ. Всякая дѣятельность верховной власти фатально переработывается въ административной средѣ, прежде чѣмъ достигнетъ до народа; точно также каждое заявленіе народной жизни доходитъ до царей преломленное въ призмѣ администраціи. Но административная среда, черезъ которую все процѣживается, есть сама нѣчто нестройное, хаотическое, безобразное; это—воплощенная анархія, выросшая въ несокрушимую силу, которая безсмысленно давитъ и губитъ все, что ей ни попадется. Какъ всякая анархія, она не терпитъ никакихъ убѣжденій, принциповъ, твердыхъ правилъ, но допускаетъ всевозможные интересы, — сословные, національные, мѣстные и въ особенности личные. Въ этой средѣ приживаются и всплываютъ наверхъ только тѣ, кто отказывается отъ всякихъ убѣжденій, вѣрованій, отъ нравствен-

ной брезгливости и сталъ неразборчивъ въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей. За тѣмъ дальнѣйшее возвышеніе зависитъ уже отъ ловкости, ума, таланта, сноровки, иногда отъ счастливой случайности. Не прошедшіе чрезъ строгій искусъ доброкачественности застрѣваютъ на среднихъ и низшихъ ступеняхъ административной іерархіи, а вовсе неспособные ассимилироваться выбрасываются вонъ. Профильтрированные такимъ образомъ сквозь административную среду и достигшіе ступеней трона выбираются государемъ въ высшіе чиновники имперіи. Другихъ путей узнать людей государи у насъ не имѣютъ: всѣ заперты на глухо. Придворная и служебная карьера, сливающіяся наверху, открываютъ высшія государственныя должности только лицамъ, пропущеннымъ чрезъ придворный или административный фильтры. Въ другихъ странахъ, таланты и знанія могутъ проложить себѣ дорогу чрезъ университетъ, литературные и ученые труды, печать, адвокатуру, парламентскую дѣятельность. У насъ и каѳедра, и литература, и наука, и печать, и даже наша бѣдная земская и городская служба отданы въ кабалу администраціи, которая имъ враждебна по принципу, держитъ ихъ въ черномъ тѣлѣ, изъ страха, чтобы онѣ не обратились въ опасную ей силу. Диверсію гражданскому и придворному чиновничеству дѣлаютъ иногда только сферы военная и дипломатическая; но до сихъ поръ онѣ мало приносили пользы дѣлу законнаго порядка. Напротивъ, люди закалившіеся въ военныхъ упражненіяхъ, только усиливаютъ административный произволъ наклонностями и привычками военнаго темперамента, а дипломатическая дѣятельность, по существу своему, есть лишь цвѣтъ административной, высшая ея ступень, и отличается отъ нея только болѣе изящными формами. Такимъ образомъ, выборъ непосредственныхъ органовъ верховной власти роковымъ образомъ падаетъ только на людей, выдержанныхъ и перевоспитанныхъ въ искусственной средѣ, образовавшейся между государями и народомъ. До сихъ поръ она не выставила еще Конрада Валленрода и едва ли когда-нибудь выставитъ. Зорко слѣдитъ она за каждымъ шагомъ тѣхъ, кого выдвинула въ первые ряды, и лишаетъ своей мощной поддержки всѣхъ, кто осмѣлится заговорить языкомъ ей неблагопріятнымъ, или попытается коснуться ея могущества.

X.

Таковы условія, которыми опредѣляется наше внутреннее положеніе. Съ каждымъ днемъ разъѣдающія насъ административное самовластіе и анархія заявляютъ себя сильнѣй. Они пожираютъ наши лучшія силы, убиваютъ насъ матеріально, умственно и нравственно, отравляютъ скрытымъ ядомъ наше существованіе. Подростающія поколѣнія зачумляются въ зараженной атмосферѣ, созданной насиліемъ, произволомъ и анархіей, и гибнутъ тысячами. У людей пропадаетъ вѣра во все, — даже въ будущность страны, гдѣ можетъ долго продолжаться такой неправильный, чудовищный порядокъ дѣлъ. Отъ бѣдъ и несчастій, которыми онъ грозитъ Россіи, можетъ насъ избавить одна лишь верховная власть, и то если остановитъ зло во время. Ей предстоитъ завершить рядъ частныхъ освобожденій разныхъ классовъ, разрядовъ и сословій, и наконецъ народныхъ массъ, — освобожденіемъ всѣхъ подданныхъ имперіи изъ-подъ крѣпостного ига администраціи. Это необходимо и для блага страны, и для самой верховной власти, во имя которой русская имперія порабощена администраціей. Повторяемъ, не люди виноваты въ теперешнемъ порядкѣ дѣлъ, а ошибочная организація, основанная на конституціонныхъ фикціяхъ, не имѣющихъ съ нашимъ положеніемъ ничего общаго, и создающая миражи, въ противоположность несомнѣннымъ и очевиднымъ фактамъ. Давно пора ликвидировать ложь и обманъ, въ которыхъ мы запутались. Чѣмъ дольше мы будемъ медлить, тѣмъ опаснѣе будетъ становиться болѣзнь и тѣмъ труднѣе исцѣленіе.

Мы глубоко заблуждаемся, думая, будто одни только конституціонныя учрежденія, ограничивающія верховную власть, могутъ обезпечить народу права и законную гражданскую свободу, будто всѣ народы, способные къ культурѣ, рано или поздно, должны ввести у себя европейскія конституціонныя формы. Мы видѣли, что онѣ, напротивъ, могутъ существовать только тамъ, гдѣ есть сильная родовая, поземельная или денежная аристократія, естественно стремящаяся завладѣть верховною властью и притомъ для своихъ выгодъ, а совсѣмъ не въ видахъ всенародной пользы и интересовъ массъ. У насъ нѣтъ и не бывало сильной аристократіи, а

теперь ей ужъ никогда не сложиться на русской почвѣ; оттого такъ неудачны были всѣ попытки ограничить царскую власть, — при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, Аннѣ Ивановнѣ, въ началѣ царствованія императора Николая. Въ Россіи возможны были глубокія потрясенія, уносящія престолы и династіи, но немыслимо конституціонное правленіе, основанное на ограниченіи царскихъ правъ, на раздѣленіи и равновѣсіи политическихъ властей. Еслибъ конституція въ этомъ смыслѣ и была когда-нибудь введена у насъ, то она только прибавила бы лишнюю иллюзію, и при первомъ же столкновеніи царской власти съ политическимъ народнымъ представительствомъ, она разсыпалась бы какъ карточный домикъ. Послѣдняя ложь была бы хуже прежнихъ. Простодушные и легковѣрные люди, а они вездѣ и всегда въ огромномъ большинствѣ, убѣдились бы изъ этого надолго, что намъ на роду написано не имѣть добрыхъ гражданскихъ и общественныхъ порядковъ.

Другая коренная ошибка лежитъ въ мысли, будто интересы государей и народа не одни и тѣ же, будто эти двѣ силы одного и того же народнаго организма, по самому существу дѣла, противоположны, исключаютъ другъ друга. У насъ этотъ предразсудокъ тщательно скрывается за взаимными увѣреніями власти и образованной части общества въ самомъ трогательномъ единеніи русскаго правительства и русскаго народа, и въ этомъ полагается достохвальное наше отличіе отъ западной Европы. Но дѣла и факты, къ несчастью, доказываютъ противное. Взаимнаго довѣрія правительства и народа, о которомъ такъ много у насъ говорится, нѣтъ. Правительство крайне подозрительно смотритъ на всякое свободное движеніе, всякое проявленіе чувствъ и мыслей, въ чемъ бы они ни выражались; народъ же такъ привыкъ къ постоянному гнету, что не вѣритъ искренности намѣренія правительства облегчить и улучшить его положеніе, даже когда оно не подлежитъ никакому сомнѣнію: вѣра и надежда обманывали его слишкомъ часто. Такое ненормальное отношеніе возникло вслѣдствіе весьма разнообразныхъ причинъ. Тутъ дѣйствуютъ и воспоминанія изъ недавней эпохи вельможескихъ притязаній и шаткости власти, и европейскіе очки, сквозь которые мы обсуждаемъ наши дѣла и наше положеніе, и наговоры администраціи, которой выгодно поддерживать недовѣріе государя къ народу, и дѣйствительно существующее недовольство крайне дурнымъ управленіемъ, необезпеченностью правъ и произволомъ чиновниковъ—и наконецъ, искусственное уединеніе, обособленіе власти отъ народа, которое само по себѣ не можетъ не порождать чувства одиночества и тѣсно съ нимъ связанной подозрительной чуткости и недовѣрчивости ко всему окружающему. Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, создаютъ миражи, разобщающіе у насъ народъ и правительство, наперекоръ исторіи, здравому смыслу и интересамъ того и другого. Противоположность власти и цѣлаго народа возможна только въ завоеванныхъ странахъ, но и здѣсь далеко не всегда: гдѣ массы народа угнетены и порабощены высшимъ слоемъ, тамъ и онѣ не враждебны завоевателю, который избавилъ ихъ отъ тяжкаго ига; у насъ же нѣтъ враждебныхъ другъ другу сословій и корпорацій, а верховная власть принадлежитъ законной, исторически установившейся династіи. Какая тутъ можетъ быть обособленность интересовъ правительства и народа? Факты, напротивъ, ведутъ къ ихъ солидарности; къ ихъ совокупному дѣйствію, для достиженія однѣхъ и тѣхъ же цѣлей; а если это не такъ въ дѣйствительности, то это не можетъ считаться нормальнымъ, естественнымъ и, какъ мы видѣли, есть дѣло разныхъ побочныхъ обстоятельствъ и случайностей. Такія случайности и политическіе предразсудки, конечно, не въ состояніи подготовить или произвести у насъ конституціонный порядокъ дѣлъ, потому что для него нѣтъ у насъ данныхъ и почвы; мысли же и взгляды, какъ извѣстно, только группируютъ факты, а не создаютъ ихъ. Но когда народъ и правительство, пренебрегая тѣмъ, что̀ у нихъ подъ глазами, отдаются иллюзіямъ и миражамъ, то силы ихъ, нужныя на полезное дѣло, истощаются напрасно въ безплодной дѣятельности, подобно тому, какъ биржевая игра, передавая изъ рукъ въ руки огромные капиталы, отвлекаетъ ихъ отъ производительности. Такое совершенно безплодное треніе и поглощеніе живыхъ силъ происходитъ у насъ теперь въ огромныхъ размѣрахъ. Власть, подъ вліяніемъ иллюзій, предполагаетъ въ странѣ тайное желаніе ее ограничить и вслѣдствіе того болѣе и болѣе обособляется, уединяется отъ народа и опирается на воображаемую силу ею же созданной и на ея же авторитетѣ основанной администраціи; а народъ,

тяготясь безурядицей, произволомъ и беззаконіями и видя, что администрація дѣйствуетъ во имя власти и вооружена всѣмъ ея обаяніемъ, мало-по-малу переноситъ на центральную власть отвѣтственность за все зло и страданія, которыя терпитъ, и кончаетъ тѣмъ, что на ней сосредоточиваетъ всѣ свои сѣтованія. Такимъ-то образомъ, подъ конецъ у народа мало-по-малу искусственно вымучивается нелюбовь къ законной власти, раздраженіе и политическія страсти, которыя неспособны создать прочныхъ государственныхъ формъ, но исподоволь расшатываютъ власть и подготовляютъ перевороты, которыми и политическое значеніе самихъ народовъ ставится на карту, дѣлается игрушкой непредвидимыхъ случайностей.

Наконецъ, третья наша коренная ошибка— это мысль, навѣянная французскими конституціонными идеями, будто администрація, преимущественно передъ всѣми другими отраслями государственнаго управленія, должна быть сосредоточена въ рукахъ государя и есть его непосредственное ближайшее дѣло. Такой взглядъ, помимо конституціонныхъ воззрѣній, изъ которыхъ естественно и послѣдовательно вытекаетъ, есть сама по себѣ безсмыслица. Верховная власть, по своему существу, есть соединеніе всѣхъ властей, въ ихъ высшемъ выраженіи. Почему же бы ей быть болѣе административной, чѣмъ судебной или законодательной? Простому здравому смыслу этого втолковать нельзя. Что нибудь изъ двухъ: или всѣ аттрибуты верховной власти, всѣ виды ея проявленія, требуютъ, въ дальнѣйшихъ своихъ примѣненіяхъ и выраженіяхъ, извѣстной правильной организаціи, или ни для одного изъ нихъ она не нужна. У насъ всякій понимаетъ, что царь есть глава государства и въ этомъ качествѣ распоряжаетъ военными силами, ведетъ сношенія съ другими государствами, представляетъ внутреннее единство страны въ законодательствѣ, судѣ и администраціи. Всѣ эти части или вѣтви, по своей многосложности и по своимъ, каждой изъ нихъ свойственнымъ особенностямъ, требуютъ своего особаго порядка, своего правильно и точно опредѣленнаго устава, отъ котораго сами государи не имѣютъ интереса отступать, чтобъ не произвести вреда, который произошелъ бы для нихъ самихъ и для страны отъ произвольнаго нарушенія установленнаго разъ порядка. Администрація не составляетъ въ этомъ отношеніи изъятія изъ общаго правила и должна ему подчиняться наравнѣ со всѣми другими сторонами государственнаго и общественнаго строя. Если же это такъ, то только общій порядокъ и общее направленіе администраціи, такъ же какъ и суда и законодательства, требуютъ непосредственнаго вмѣшательства верховной власти; а ежедневный, обычный ходъ административной машины, движеніе ея безчисленныхъ колесъ, должны быть однажды навсегда опредѣлены закономъ и совершаться въ цѣломъ и частяхъ по правиламъ, свойственнымъ и присущимъ самому административному механизму. Отступленіе отъ этого основного правила, допущенное подъ вліяніемъ порядковъ, заведенныхъ въ французской имперіи и намъ вовсе чуждыхъ, не имѣющихъ у насъ корней, противорѣчитъ естественному ходу вещей въ Россіи и рождаетъ зло, которое ростетъ изо дня въ день и становится все опаснѣе.

XI.

Иллюзіи и призраки, которые мы разсмотрѣли, служатъ исходной точкой для всѣхъ политическихъ соображеній какъ русскаго правительства, такъ и русской интеллигенціи. Первое, видя, что внутреннія дѣла идутъ хуже и хуже, и что неудовольствіе ростетъ, убѣждено, что водвореніе и у насъ конституціонныхъ порядковъ не болѣе какъ вопросъ времени; а пока это время не приспѣло, оно крѣпче и крѣпче затягиваетъ узду, усиливаетъ кары за всякія покушенія противъ существующаго порядка дѣлъ и всячески расширяетъ предѣлы административной власти, никогда еще не достигшей, въ нынѣшнемъ столѣтіи, такого полномочія и такой безнаказанности. Безгласныя и беззащитныя массы, какъ онѣ ни мало избалованы, глухо ропщутъ; а образованные слои общества, составляющіе едва замѣтное меньшинство, вмѣстѣ съ правительствомъ, видятъ только въ конституціонныхъ политическихъ гарантіяхъ выходъ изъ теперешняго, крайне тяжелаго и натянутаго положенія.

Но образованный слой, еслибы онъ даже былъ сплоченъ у насъ въ компактную среду и составлялъ органическое цѣлое, не въ состояніи вынудить у верховной власти политическихъ правъ; для этого онъ слишкомъ безсиленъ. Не ввелись бы у насъ политиче-

скія права и въ такомъ случаѣ, еслибы какому-нибудь великодушному русскому государю пришла мысль добровольно ограничить свою власть и дать Россіи конституціонныя гарантіи: онѣ просуществовали бы у насъ до той только минуты, пока бы ему вздумалось снова ихъ отмѣнить или нарушить; сдѣлать это онъ можетъ легко и совершенно безнаказанно, потому что для конституціонной жизни у насъ нѣтъ почвы. Покойный государь выразился однажды, что онъ понимаетъ самодержавіе и республиканское правленіе, но не понимаетъ конституціонныхъ ограниченій власти. Карамзинъ чувствовалъ себя, въ одно и то же время, и вѣрноподданнымъ и республиканцемъ. Въ этихъ взглядахъ гораздо больше глубокаго смысла, въ примѣненіи къ Россіи, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Конституціонныя учрежденія, въ европейскомъ смыслѣ, у насъ немыслимы и невозможны. Это мы должны сказать себѣ съ полною правдивостью, совершенно чистосердечно. Положеніе наше слишкомъ серьезно, чтобы можно было продолжать жить иллюзіями. Коренное преобразованіе всего нашего государственнаго и общественнаго строя не только необходимо, оно неизбѣжно въ ближайшемъ будущемъ; но это желанное будущее наступитъ спокойно и мирно, безъ толчковъ и опасныхъ экспериментовъ, если и власть и образованное меньшинство поймутъ, что конституціонные страхи и надежды у насъ напрасны, что въ Россіи вопросъ о народныхъ свободахъ и ихъ обезпеченіи долженъ быть поставленъ иначе, чѣмъ онъ ставился и ставится въ Европѣ. Самодержавный народъ и самодержавный государь— двѣ противоположныя фикціи, два принципа, но не дѣйствительные факты. Ни государи, ни народы не самодержавны и не могутъ ими быть. Оба дѣйствуютъ въ извѣстныхъ условіяхъ, въ извѣстной обстановкѣ, которымъ, волей-не-волей, подчиняются. Ни государи, ни народы не могутъ всего сдѣлать, чт̀о имъ вздумается, а дѣлаютъ только то, чт̀о могутъ, при данныхъ обстоятельствахъ. Представлять себѣ, что власть, именно потому что она власть, только тѣмъ и занята какъ бы побольше ограничить и стѣснить народъ, такъ же нелѣпо, какъ воображать, что она денно и нощно печется о народномъ благѣ, какъ это пишется и печатается въ оффиціальныхъ актахъ и адресахъ. На самомъ дѣлѣ, власть, точно такъ же какъ и народъ, прежде и больше всего, оберегаетъ самое себя, и на это не только имѣетъ полное право, но и обязана это дѣлать, въ интересахъ народнаго организма. Полководецъ не долженъ сражаться впереди своей арміи; глава политической партіи долженъ стоять на своемъ посту до послѣдней возможности и не давать противникамъ выбить себя изъ сѣдла. А затѣмъ, верховная власть, по самому своему положенію и въ собственныхъ интересахъ, не имѣетъ никакихъ причинъ желать зла народу; напротивъ, она всячески заинтересована въ томъ, чтобы народу жилось какъ можно лучше. Стало быть, вопросъ вовсе не въ томъ, какъ бы ее ограничить и уловить въ тенетахъ, изъ которыхъ она не могла бы выпутаться, — ихъ и безъ того больше чѣмъ нужно, даже при такъ называемомъ самодержавномъ правленіи,—а въ томъ, чтобы она ясно понимала, чт̀о ей и народу полезно и выгодно, и чт̀о вредно. Власти крайне невыгодно имѣть противъ себя цѣлый народъ; въ такомъ положеніи ей долго не устоять. Бороться съ успѣхомъ она можетъ только противъ меньшинства, опираясь на большинство, или, наоборотъ, противъ народной массы, опираясь на сильное, богатое, вліятельное и образованное меньшинство. У насъ послѣднее невозможно, по недостатку такого меньшинства.

Вся русская исторія есть неопровержимое доказательство того факта, что у насъ нѣтъ и не можетъ быть обособленныхъ другъ отъ друга общественныхъ слоевъ, классовъ или сословій. Какъ ни старались ихъ создать искусственно, ни одинъ опытъ не удался. Такимъ образомъ, власть имѣетъ у насъ дѣло съ цѣлымъ народомъ, въ полномъ его составѣ, и ихъ обоюдные интересы неизбѣжно сходятся, переплетаясь между собой какъ нервы, артеріи и вены въ человѣческомъ тѣлѣ; отдѣлить ихъ и разрознить нѣтъ возможности, не вредя обоимъ. Поэтому все, что противополагаетъ власть народу, разобщаетъ ихъ, производитъ между ними разладъ, вмѣсто того, чтобы сближать и заставлять ихъ дѣйствовать вмѣстѣ, есть ошибка, вольное и невольное самообольщеніе, которое надо отбросить, какъ вредное для народа и для власти.

XII.

Въ основаніи нашего государственнаго устройства должно лежать не противоположеніе и уравновѣшеніе властей, а наоборотъ, единство всѣхъ отправленій государственнаго и общественнаго организма. Фикція самодержавнаго народа также нелѣпа на русской почвѣ, какъ и другая, изъ нея вытекающая, будто народъ враждебенъ всякой власти и она, чтобъ удержаться, должна быть на чеку, вѣчно на сторожѣ, ограждать свою безопасность и неприкосновенность чрезвычайными мѣрами и для того постоянно держать народъ въ осадномъ положеніи. Такія воззрѣнія, бывшія еще недавно въ большомъ ходу въ Европѣ, особливо во Франціи, не имѣютъ у насъ никакого смысла. У насъ верховная власть, сосредоточенная въ рукахъ государя, есть выраженіе государственнаго и народнаго единства. Въ этомъ значеніи, она также мало противоположна народу, какъ голова туловищу, и составляетъ органическую часть политическаго тѣла—русской имперіи. Ея назначеніе — давать единство различнымъ отправленіямъ этого политическаго тѣла, разрѣшать взаимныя столкновенія различныхъ элементовъ, произносить послѣднее слово тамъ, гдѣ разные интересы не могутъ сами придти къ соглашенію и грозятъ нарушить гармонію цѣлаго. Для выполненія этого призванія нѣтъ никакой надобности, чтобы верховная власть сосредоточивала въ себѣ всю народную жизнь, держала народъ въ опекѣ, осуждала его на нѣмоту и бездѣйствіе, одной себѣ предоставляла починъ во всемъ и въ своихъ рукахъ сосредоточивала все управленіе, судъ и законодательство. Какъ въ физическомъ организмѣ жизнь разлита повсюду, какъ въ немъ каждая точка живетъ своею жизнью и лишь малая доля органическихъ отправленій доходитъ до сознанія и направляется волею, такъ и въ здоровомъ, нормально живущемъ политическомъ тѣлѣ верховная власть есть одна изъ функцій, и не можетъ, безъ существеннаго вреда для него и для себя, замѣнить собою всѣ остальныя; это притомъ и физически невозможно и на самомъ дѣлѣ никогда не бываетъ; на самомъ дѣлѣ фикція сосредоточенія всѣхъ властей въ рукахъ верховной власти переходитъ въ произволъ окружающихъ и наконецъ въ полную анархію. Поэтому задача правильной политической организаціи состоитъ въ томъ, чтобы всѣ отправленія государства, въ томъ числѣ и представляемыя верховною властью, совершались правильно, безъ помѣхи одна другой, и всѣ въ совокупности вели къ сохраненію и возможно полному развитію государственнаго и народнаго организма.

Существующее теперь въ Россіи правительственное устройство находится съ этими требованіями и задачами въ вопіющемъ противорѣчіи. Оно передаетъ всю власть исключительно въ руки тѣхъ, кто обступаетъ государя, и на самомъ дѣлѣ существуетъ только для ихъ пользы. Благодаря такому устройству, тѣсный кружокъ управляетъ Россіей именемъ верховной власти. Государство точно отдано этому кружку въ кабалу, можетъ жить и дышать, думать и говорить только въ той мѣрѣ, какъ позволяетъ кружокъ. Всякая попытка открыть глаза на такое противоестественное положеніе дѣлъ считается у насъ нарушеніемъ правъ самой верховной власти и карается какъ преступленіе.

Для самовластія камарильи въ Россіи конституція на европейскій ладъ была бы сущимъ кладомъ. Она сохранила бы всю административную власть нераздѣльно въ ея рукахъ, удержала и еще усилила бы противоположеніе власти народу и народа власти, на чемъ теперь опирается всемогущество камарильи. Къ теперешнему государственному механизму прибавились бы только двѣ палаты, изъ которыхъ одна была бы исключительно въ рукахъ той же камарильи, а другую всегда можно обойти или разогнать, когда это нужно. Словомъ, конституція только укрѣпила и упрочила бы, прикрывъ либеральными и легальными формами, существующій у насъ теперь порядокъ дѣлъ и подготовила бы въ будущемъ революцію, не только политическую, но и соціальную, какъ неизбѣжное послѣдствіе обмана и притѣсненія, облеченныхъ въ форму законности. Намъ нужна не кукольная комедія публичныхъ свободъ, какую не побоялось разыграть передъ своими подданными, на нашихъ глазахъ, даже турецкое правительство, а дѣйствительное, глубокое, коренное преобразованіе всей нашей правительственной организаціи и системы сверху до низу, въ томъ духѣ и направленіи, въ какомъ они были задуманы и проведены Петромъ Великимъ. Эту организацію и систему надо возстановить въ главныхъ чертахъ и основныхъ началахъ, въ полной силѣ,

съ тѣми лишь видоизмѣненіями и дополненіями, какихъ требуютъ условія нашего времени, успѣхи знанія и политической опытности и большая зрѣлость русскаго народа.

Законодательная и судебная власть должны быть освобождены изъ-подъ теперешней рабской зависимости отъ администраціи и получить вполнѣ самостоятельное значеніе. Теперь каждый министръ, каждый начальникъ отдѣльной части, есть законодатель для своего вѣдомства, а если онъ лицо вліятельное, то и для другихъ вѣдомствъ. Государственный совѣтъ раздѣляетъ законодательныя функціи со множествомъ другихъ учрежденій, но не имѣетъ права самъ возбуждать законодательныхъ вопросовъ, а обсуждаетъ только то, что ему предложено, и по даннымъ, которыя ему представлены. Всѣ эти условія отнимаютъ у него всякое серьезное значеніе. Вдобавокъ, онъ наполняется военными, гражданскими, придворными и дипломатическими чиновниками, которыхъ въ него обыкновенно сажаютъ за преклонностью лѣтъ или негодностью къ службѣ. Огромное ихъ большинство ничего не смыслитъ въ дѣлахъ законодательства.

Столько же печальна доля нашего высшаго судебнаго учрежденія. Кассаціонный сенатъ, образованный въ нынѣшнее царствованіе по злосчастному французскому образцу, поставленъ подъ опеку и указку министра юстиціи, который наполняетъ его не юристами, а чиновниками, циркулярами отмѣняетъ его толкованіе законовъ, къ чему онъ (сенатъ) уполномоченъ своимъ органическимъ уставомъ, и совершенно произвольными распоряженіями искажаетъ и отмѣняетъ существеннѣйшія законодательныя постановленія, обезпечивающія самостоятельность суда въ Россіи. Подъ давленіемъ администраціи, которая періодически урѣзываетъ аттрибуты суда, при вліяніи на него всемогущей прокуратуры, чрезъ которую Наполеонъ подчинилъ административному произволу отправленіе правосудія, наше судебное вѣдомство приравнено къ другимъ многочисленнымъ отраслямъ администраціи и породнилось съ политической полиціей.

Объ администраціи, которая поглотила у насъ и законодательную и судебную функціи, было подробно говорено выше. Благодаря ея уродливому развитію на счетъ всѣхъ другихъ функцій, мы утратили всякое понятіе о справедливости и объ обязательности закона. Вся администрація сосредоточена у насъ въ единоличныхъ органахъ власти, въ рукахъ министровъ и равныхъ имъ чиновниковъ, которые въ дѣйствительности ничѣмъ не ограничены и дѣйствуютъ по своему усмотрѣнію, не стѣсняясь законами, которые отмѣняются по докладу тѣхъ же министровъ высочайшими повелѣніями.

При такомъ положеніи, первою и главною задачею коренной реформы центральнаго управленія имперіи должно быть, съ одной стороны, возвращеніе законодательству и суду ихъ дѣйствительнаго значенія и полной самостоятельности, а съ другой—введеніе административной власти въ должные предѣлы. Обѣ эти цѣли могутъ быть вполнѣ достигнуты, помимо европейскихъ конституціонныхъ уставовъ, учрежденіемъ трехъ независимыхъ другъ отъ друга сенатовъ—законодательнаго, судебнаго и административнаго. Сенаты не ограничиваютъ верховной власти государя и не суть его органы, какъ гласитъ теорія свода законовъ. Одинъ изъ нихъ проектируетъ законы, другой завѣдываетъ судомъ, третій управляетъ внутренними дѣлами государства—всѣ подъ верховной санкціей императора. Законы и важнѣйшія дѣла по судебному и административному управленію представляются на его одобреніе и утвержденіе предсѣдателями сенатовъ. Безъ такого одобренія и утвержденія императоромъ сенатскія постановленія не имѣютъ силы правительственныхъ мѣръ и рѣшеній. Пользы имперіи, убѣжденіе въ необходимости строгаго порядка въ отправленіи государственныхъ дѣлъ, сознаніе мѣста, занимаемаго верховною властью въ общемъ государственномъ строѣ,—вотъ что послужитъ для государя достаточно сильнымъ побужденіемъ, чтобы воздержаться отъ правительственныхъ и законодательныхъ мѣръ и верховныхъ рѣшеній помимо сенатовъ, безъ выслушанія ихъ заключеній. Всякія другія ограниченія верховной власти въ Россіи, кромѣ идущихъ отъ нея самой, были бы невозможны и потому, какъ иллюзіи и самообольщеніе, положительно вредны. Нѣтъ ничего опаснѣе для государства, какъ неисполнимые уставы. Они создаютъ мнимыя права и воображаемыя обязанности, вымышленныя нарушенія и фиктивныя гражданскія доблести. Смущая совѣсть и спутывая понятія, они вносятъ только разладъ въ дѣйствительную жизнь.

Каждый изъ сенатовъ долженъ состоять изъ представителей верховной власти по ея

назначенію и изъ равнаго имъ числа представителей земствъ по ихъ свободному избранію. Тѣмъ и другимъ вмѣстѣ должно быть предоставлено выбрать спеціалистовъ и представителей интеллигенціи, число которыхъ не должно однако превышать числа выборныхъ отъ земствъ, или назначенныхъ отъ короны. Отъ назначаемыхъ и избираемыхъ въ судебный сенатъ необходимо требовать извѣстныхъ условій юридическаго образованія и практической опытности въ дѣлахъ правосудія. По объему своей дѣятельности, судебный сенатъ можетъ быть составленъ изъ вдвое меньшаго числа членовъ, чѣмъ остальные два сената. Обновленіе личнаго состава полезно производить не вдругъ, а частями, такъ чтобъ черезъ четыре или пять лѣтъ каждый сенатъ обновлялся вполнѣ, причемъ должно быть допущено новое назначеніе или избраніе того же лица на слѣдующее пятилѣтіе. Предсѣдатели сенатовъ утверждаются императоромъ изъ числа двухъ или трехъ кандидатовъ, избираемыхъ каждымъ сенатомъ изъ своей среды. Никакихъ затѣмъ прокуроровъ, опекуновъ и надзирателей сенатовъ не нужно. Они непосредственно подчинены верховной власти, которой докладываютъ о своихъ предположеніяхъ и заключеніяхъ чрезъ своихъ предсѣдателей. Внутри себя сенатамъ предоставляется организоваться по своему усмотрѣнію, сообразно съ обстоятельствами и кругомъ занятій. Каждый сенатъ имѣетъ право, въ случаѣ надобности и по своему усмотрѣнію, производить ревизіи и изслѣдованія въ предѣлахъ своего вѣдомства и возбуждать вопросы, относящіяся къ предметамъ его занятій. Члены сенатовъ несмѣстимы до окончанія срока, на какой они назначены или избраны, и подлежатъ отвѣтственности передъ судомъ только за свои дѣйствія, а не за мнѣнія и ихъ выраженіе. Каждый сенатъ представляетъ государю годовой отчетъ о своей дѣятельности и о состояніи ввѣренной его завѣдыванію части. Отъ государя зависитъ соединить сенаты въ общее засѣданіе для разсмотрѣнія дѣлъ, какія признаетъ нужнымъ передать на ихъ обсужденіе, и соединять предсѣдателей сенатовъ, для той же цѣли, въ общее присутствіе.

Административному сенату должны быть подчинены всѣ отрасли внутренней администраціи имперіи. Вмѣсто министровъ, управляющихъ теперь ими, учреждаются, по каждой вѣтви управленія, главные директоры, состоящіе подъ распоряженіемъ, завѣдываніемъ, наблюденіемъ и контролемъ административнаго сената, даютъ ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ и обязаны руководиться во всемъ его указаніями, предписаніями и инструкціями. Изъ теперешнихъ министерствъ должны быть оставлены только четыре: министерство иностранныхъ дѣлъ, военное, морское и императорскаго двора. Министерства иностранныхъ дѣлъ и двора изъемлются совершенно изъ-подъ всякаго подчиненія административному сенату; военная же и морская часть находятся подъ надзоромъ и контролемъ сената, паравнѣ съ прочими, только по дѣламъ хозяйственнаго управленія и выполненію бюджетовъ. Часть контрольная входитъ вполнѣ въ кругъ завѣдыванія административнаго сената. Ему же должны быть непосредственно подчинены политическая полиція, цензура, земства, города и губернаторы. Эти отрасли управленія, учрежденія и должности представляютъ нѣчто самостоятельное, и потому завѣдываніе ими отнюдь не должно сливаться съ тою и другою спеціальною отраслью управленія и подчиняться ея особеннымъ, исключительнымъ цѣлямъ. Теперь же мы видимъ противное. Министерство внутреннихъ дѣлъ, управляя вмѣстѣ съ цензурой, земствами, городами и полиціей безопасности и спокойствія, невольно переноситъ въ исчисленныя отрасли управленія полицейскіе взгляды, подчиняетъ ихъ полицейскимъ цѣлямъ, къ несомнѣнному и очевидному вреду государства.

Законодательный сенатъ долженъ сосредоточивать въ себѣ всѣ законодательные вопросы имперіи и подготовлять ихъ къ рѣшенію. Нынѣшняя разбросанность законодательныхъ функцій есть одна изъ важнѣйшихъ причинъ господствующаго у насъ хаоса и безурядицы въ управленіи. Для законодательства и кодификаціи должно быть одно учрежденіе, которое бы вырабатывало законопроекты въ общей связи со всѣмъ законодательствомъ, а не урывками, въ разсыпную, какъ это дѣлается теперь въ безчисленныхъ законодательныхъ учрежденіяхъ и комитетахъ. При новой правительственной организаціи, всѣ законодательныя предположенія, возникающія по завѣдыванію судомъ и администраціей, переходятъ изъ судебнаго и административнаго сенатовъ въ законодательный, въ которомъ подвергаются дальнѣйшему и окончательному обсужденію. Второе отдѣле-

ніе собственной его величества канцеляріи и соотвѣтствующія ему учрежденія военнаго и морского вѣдомствъ, остзейскій комитетъ и всѣ подобныя учрежденія или непосредственно подчиняются законодательному сенату, или упраздняются.

Судебный сенатъ долженъ быть утвержденъ не въ видѣ судебной или кассаціонной инстанціи, а въ видѣ высшаго государственнаго учрежденія для завѣдыванія и управленія судебною частью въ цѣлой имперіи. Такое учрежденіе, равное съ законодательнымъ и административнымъ сенатомъ, необходимо для того, чтобы дать суду полную самостоятельность посреди другихъ отраслей государственнаго управленія. Судъ есть охранитель закона. Онъ оберегаетъ его неприкосновенность, его дѣйствительное, точное исполненіе не только частными лицами, но и правительственными учрежденіями и должностными лицами. Вотъ почему судебное управленіе государствомъ должно въ судебномъ сенатѣ имѣть свой центръ, равносильный законодательному и административному. Министерство юстиціи, которому, съ самаго начала текущаго столѣтія, было ввѣрено управленіе судебною частью, по своему административному и бюрократическому характеру, унизило и убило самостоятельность сената и правосудія въ Россіи, а теперешній министръ юстиціи доказалъ самымъ несомнѣннымъ и очевиднымъ образомъ, что никакія гарантіи самостоятельности и независимости суда, торжественно утвержденныя и провозглашенныя верховною властью, не могутъ ужиться съ министерскимъ произволомъ и всегда будутъ имъ попираться подъ самыми ничтожными предлогами. Справедливость и строгое исполненіе законовъ немыслимы у насъ, пока министерскій произволъ правитъ судомъ въ Россіи и пока судебное управленіе не будетъ ввѣрено центральному учрежденію, достаточно самостоятельному и сильному, чтобъ отстоять независимость суда отъ всякихъ посягательствъ, съ какой бы стороны они ни возникали.

Таково назначеніе судебнаго сената. Для дѣлъ судебной администраціи при немъ можетъ находиться главный директоръ юстиціи, но онъ долженъ быть поставленъ въ такую же зависимость отъ судебнаго сената, какъ другіе главные директоры отъ административнаго сената, и находиться подъ его наблюденіемъ, руководствомъ и контролемъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Нотаріатъ, межевая часть и ипотекарныя учрежденія должны быть, равнымъ образомъ, подвѣдомственны судебному сенату.

Какъ сказано выше, судебный сенатъ только управляетъ судебною частью въ имперіи, наблюдаетъ за правильнымъ ходомъ правосудія, за точнымъ исполненіемъ законовъ, а не есть ни судебная, ни кассаціонная инстанція для текущихъ судебныхъ дѣлъ. Поэтому въ немъ разсматриваются и обсуждаются уголовные и тяжебные процессы только въ той мѣрѣ, какъ они возбуждаютъ общіе законодательные вопросы или указываютъ на необходимость какихъ-либо общихъ правительственныхъ мѣръ и распоряженій.

Рука объ руку съ преобразованіемъ правительственныхъ учрежденій должно идти коренное измѣненіе условій государственной службы. Ни центральныя учрежденія имперіи, ни сама верховная власть не въ состояніи поставить предѣлъ административному произволу и беззаконію, пока органы власти, — должностныя лица—находятся въ теперешнемъ ненормальномъ положеніи. Законъ, въ одно и то же время, отдаетъ ихъ на совершенный произволъ начальниковъ, а частныя лица и народъ—на такой же произволъ должностныхъ лицъ, ограждая послѣднихъ отъ отвѣтственности за свои служебныя дѣйствія передъ судомъ усмотрѣніемъ начальства, или, въ лучшемъ случаѣ, довѣряя ихъ преданіе суду не судебной власти, а особому присутствію, въ которомъ участвуютъ представители и суда и администраціи. Такимъ образомъ, все направлено къ тому, чтобы выдѣлать изъ чиновниковъ рабскихъ слугъ, безотвѣтныхъ приказчиковъ начальства, исполняющихъ не законъ, а его волю. Не только народъ и публика, но сами министры равно отвыкли видѣть въ чиновникахъ органъ правительства, исполнителя закона, въ условіяхъ и предѣлахъ, какіе имъ поставлены. Одинъ изъ нашихъ теперешнихъ министровъ наивно сравнилъ чиновниковъ съ купеческими приказчиками и сидѣльцами, — до того утратилось у насъ понятіе о должностномъ лицѣ! При возможности, какую даетъ законъ, уволить любого чиновника безъ объясненія причинъ, такой взглядъ совершенно естественъ. Цѣлыя арміи такихъ министерскихъ приказчиковъ и сидѣльцевъ опутываютъ Россію до от-

даленнѣйшихъ ея угловъ. Министерства, какъ бріареи, пропускаютъ свои тысячи рукъ всюду, и съ тѣми громадными полномочіями, какими вооруженъ каждый изъ нихъ, дѣлаютъ что хотятъ. Пока государственная служба и ея представители будутъ находиться въ такомъ, во всѣхъ отношеніяхъ исключительномъ положеніи, какая власть и сила на землѣ въ состояніи сломить худшій изъ видовъ деспотизма — безграничный произволъ чиновничества?

Чтобы новыя центральныя государственныя учрежденія могли дѣйствительно обновить Россію, необходимо, чтобъ чиновникъ былъ огражденъ отъ самовластія его начальника, а народъ и публика защищены отъ произвола чиновника. Для достиженія этой двоякой цѣли необходимо постановить, что должностное лицо не можетъ быть подвергнуто взысканію, перемѣщенію или увольненію отъ службы, безъ его желанія и воли, иначе какъ по суду за преступленіе или по приговору коллегіальнаго административнаго учрежденія, составленнаго изъ экспертовъ и лицъ, независимыхъ по своему положенію отъ начальства обвиняемаго,—за нерадивость, неисполнительность или неспособность къ отправленію служебныхъ обязанностей. Нѣчто похожее на несмѣстимость чиновника иначе, какъ по суду, существовало прежде и у насъ. Увольняя чиновника, начальство было обязано объяснить причины, а чиновникъ, считая что его уволили несправедливо, могъ требовать суда. Но и эти слабыя гарантіи отмѣнены въ минувшее царствованіе. Теперь каждый офицеръ, каждый солдатъ обезпечены болѣе, чѣмъ любой чиновникъ.

Несмѣстимость должностного лица есть первое, главнѣйшее условіе правильнаго государственнаго устройства. Только при этомъ условіи можно требовать, чтобъ чиновникъ не исполнялъ противозаконныхъ приказаній начальства, не боясь быть выброшеннымъ на улицу, съ семействомъ, безъ куска хлѣба. Начало несмѣняемости безъ суда или приговора административной коллегіальной инстанціи не примѣнимо только къ высшимъ должностнымъ лицамъ бюрократическаго управленія — главнымъ директорамъ, губернаторамъ, призваніе и дѣятельность которыхъ выходитъ изъ ряда обыкновенной служебной распорядительности и исполнительности по текущимъ дѣламъ и требуютъ особыхъ административныхъ способностей, талантовъ, образованія, опытности и извѣстнаго взгляда на дѣло. Но и они, подобно другимъ, должны быть ограждены отъ бюрократическаго произвола, и ихъ увольненіе или перемѣщеніе должны быть предоставлены постановленію сенатовъ, каждаго о подчиненныхъ ему лицахъ.

Упрочивъ положеніе должностного лица, оградивъ его отъ произвола, необходимо, въ тоже время, усилить и его отвѣтственность за каждое незаконное дѣйствіе по отправленію служебныхъ обязанностей. Для этого надо, прежде всего, точнымъ и яснымъ образомъ установить предѣлы властей каждой должности, въ чемъ у насъ теперь чувствуется большой недостатокъ, и подчинить чиновника непосредственной отвѣтственности передъ судомъ за каждое незаконное дѣйствіе по службѣ, не только по требованію его начальства, другого должностного лица или учрежденія, или по обвиненію прокурорскаго надзора, но и по жалобѣ всякаго частнаго лица, до котораго незаконное служебное дѣйствіе коснулось, чьи права или интересы имъ нарушены. Надо совершенно отмѣнить всѣ преграды непосредственной отвѣтственности чиновника передъ судомъ, устранить предварительное согласіе начальства на его судебное преслѣдованіе, не принимая въ видѣ оправданія, что чиновникъ нарушилъ законъ, исполняя предписаніе начальства.

Огражденное такимъ образомъ закономъ отъ произвола начальниковъ и отвѣтственное за всѣ свои дѣйствія передъ судомъ, наше чиновничество скоро поднимется нравственно и займетъ въ отправленіи дѣлъ и народномъ мнѣніи то почетное мѣсто, какое ему принадлежитъ по праву, какъ органу и представителю государственнаго управленія.

Соотвѣтственно съ сказаннымъ выше необходимо преобразовать кореннымъ образомъ и наше теперешнее мѣстное управленіе.

Въ губерніяхъ и уѣздахъ происходитъ у насъ теперь въ маломъ видѣ то же самое, что въ правительственномъ центрѣ. Неурядица и хаосъ царятъ вездѣ и во всемъ. Вѣдомствъ, учрежденій, должностныхъ лицъ—многое множество, столько, что народъ не знаетъ, къ кому обратиться съ своими нуждами и просьбами, да и сами правительственныя мѣста и лица часто въ недоумѣніи, которому изъ нихъ подлежитъ то или другое дѣло. Вдобавокъ, многосложная машина нашего мѣстнаго уп-

равленія не имѣетъ связующаго центра, расползается на множество отдѣльныхъ вѣдомствъ, которыя находятся между собою въ постоянныхъ пререканіяхъ и войнѣ, точно они не органы одного и того же правительства, а дипломатическіе агенты различныхъ непріязненныхъ другъ другу державъ. Каждое вѣдомство заботится только о томъ, чтобы угодить своему начальству, выгородить его и себя, а до общаго дѣла, до общей пользы, никому нѣтъ дѣла, да и не такъ поставлены вѣдомства, чтобы имъ кто-нибудь сказалъ доброе слово или спасибо за работу объ общемъ благѣ, хотя бы только той мѣстности, гдѣ они дѣйствуютъ. Каждое преобразованіе—освобожденіе крестьянъ, учрежденіе земствъ, судебная реформа, отмѣна винныхъ откуповъ и акцизное управленіе, введеніе новой системы контроля, устройство военныхъ округовъ,—создавали въ губерніяхъ и уѣздахъ новыя вѣдомства, прибавляли къ существующимъ новыя учрежденія и должности, отчего неурядица и хаосъ мѣстнаго управленія постепенно все росли и росли. На каждое новое учрежденіе и вѣдомство старыя накидывались съ озлобленіемъ, какъ на чужака, пока оно, мало-по-малу, не втягивалось въ общій строй и не покрывалось одною съ ними плѣсенью. Судъ, земство, коронныя управленія, крестьянскія и городскія учрежденія, столь различныя между собою по своему значенію и по мысли законодательства, приняли однообразный, всѣмъ имъ общій характеръ казенныхъ канцелярій, между которыми только опытный глазъ съумѣетъ открыть видовыя отличія. Такому нагроможденію разнокалиберныхъ, неспѣтыхъ между собою присутственныхъ мѣстъ и должностей надо было придать хоть какое-нибудь единство,—и вотъ вздумали, съ этою цѣлью, усилить и поставить выше всѣхъ полицейскую власть губернаторовъ. Но подчинить имъ и контроль, и земство, и судъ было бы до того странно, что даже ярые поборники полицейскаго принципа не рѣшились на этомъ настаивать. Несмотря на то, вѣра въ спасительное начало сильной полицейской власти, можетъ быть, въ концѣ концовъ и взяла бы верхъ, еслибы всегдашнее стремленіе всѣхъ министерствъ и вѣдомствъ выгородиться и занять совершенно независимое отъ другихъ положеніе не превозмогло надъ всѣми другими соображеніями. Губернаторъ—чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ; ни одинъ министръ, ни одно вѣдомство, не могли желать, чтобы ихъ чиновники были подчинены чиновнику другого вѣдомства, другаго министерства. Допустить это значило бы косвенно признать зависимость своего министерства отъ другого, что, разумѣется, немыслимо по нашимъ понятіямъ. Вслѣдствіе того, вопросъ о правильной организаціи и единствѣ мѣстнаго управленія сведенъ на порядокъ обмѣна вѣжливостей между главными представителями мѣстнаго управленія и на право губернаторовъ требовать удаленія изъ службы мелкихъ чиновниковъ, которыми не жалко было пожертвовать. Благодаря этому обстоятельству, судъ, контроль еще сохранили тѣнь независимости отъ губернаторской власти; но земства, подчиненныя тому же министерству, что и губернаторы, и за которыя некому было заступиться, выданы послѣднимъ головою.

Такому печальному положенію нашего провинціальнаго управленія не трудно положить конецъ, принявъ за основаніе тѣ же общія начала преобразованія, на которыя указано выше. Къ коренной реформѣ мѣстнаго управленія необходимо приступить одновременно съ преобразованіемъ государственнаго управленія; по тѣснѣйшей ихъ связи между собою, одно преобразованіе невозможно безъ другого.

Правительственная администрація, судъ и мѣстное хозяйственное самоуправленіе, представляя три различныхъ отправленія мѣстной общественной жизни, должны быть сосредоточены въ трехъ различныхъ, другъ отъ друга независимыхъ органахъ: губернскомъ административномъ совѣтѣ, судебныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ.

Правительственная или коронная администрація въ губерніяхъ должна быть сцентрализована въ губернскомъ административномъ совѣтѣ, составленномъ изъ представителей всѣхъ казенныхъ и административныхъ вѣдомствъ, завѣдывающихъ на мѣстахъ различными отраслями управленія, и равнаго имъ числа выборныхъ отъ мѣстнаго земства, подъ предсѣдательствомъ губернатора, подчиненнаго, какъ сказано, непосредственно, административному сенату. На окончательное разрѣшеніе этого совѣта должно быть передано множество текущихъ дѣлъ, входящихъ теперь въ министерства, государственный совѣтъ, комитетъ министровъ и первый департаментъ правительствующаго сената. Здѣсь должны быть разрѣшаемы пререканія между

различными вѣдомствами по дѣламъ мѣстнаго коронного управленія и сюда же должны поступать, на предварительное разсмотрѣніе и заключеніе, отчеты мѣстныхъ представителей всѣхъ вѣдомствъ о ходѣ управленія и состояніи завѣдываемыхъ ими частей. Эти заключенія, вмѣстѣ съ отчетами, представляются потомъ административному сенату и главнымъ директорамъ по принадлежности. Губернскимъ административнымъ совѣтамъ предоставляется издавать, въ случаѣ надобности, общія правила и принимать общія мѣры по губерніи, не выходя изъ границъ дѣйствующихъ законовъ, ходатайствовать о пользахъ и нуждахъ края и входить въ административный сенатъ съ представленіями, относящимися къ служебной дѣятельности должностныхъ лицъ по губерніи. Наконецъ, административные губернскіе совѣты представляютъ административному сенату срочные отчеты о своей дѣятельности и состояніи края.

При губернскихъ административныхъ совѣтахъ должны состоять, подъ завѣдываніемъ одного изъ ихъ членовъ, статистическіе бюро, гдѣ сосредоточиваются и обработываются статистическія данныя о краѣ, безъ которыхъ въ мѣстномъ, какъ и въ центральномъ управленіи, нельзя шагу ступить.

Предсѣдатель губернскаго административнаго совѣта, какъ сказано, есть губернаторъ. Ему непосредственно подчинена полиція безопасности и спокойствія; въ управленіи же всѣми прочими дѣлами онъ принимаетъ участіе только въ качествѣ и на правахъ предсѣдателя совѣта. Еслибы понадобилось, подобные административные совѣты могли бы быть учреждены и по уѣздамъ, подъ предсѣдательствомъ мѣстныхъ исправниковъ.

Такая организація мѣстнаго коронного управленія устранила бы, мало-по-малу, замѣчаемые въ немъ теперь существенные недостатки. Оно получило бы взаимную связь и единство, которыхъ теперь совсѣмъ лишено. По мѣткому выраженію Петровскихъ законовъ, „разсѣянная сія храмина“ была бы „паки собрана“.

Исполнительная власть, по существу своему единоличная и бюрократическая, была бы, при такой организаціи, удержана въ лицѣ коронныхъ членовъ совѣта, завѣдывающихъ различными отраслями мѣстной коронной администраціи. Но теперь эта единоличная власть подчинена безусловно усмотрѣнію министровъ; тогда она была бы поставлена подъ контроль и наблюденіе другихъ мѣстныхъ представителей центральной власти и мѣстныхъ выборныхъ отъ земствъ. Замѣна далекаго бумажнаго контроля министерствъ живымъ, непосредственнымъ, близкимъ надзоромъ мѣстныхъ учрежденій и мѣстныхъ жителей, которымъ извѣстенъ каждый шагъ чиновника, дѣйствующаго у нихъ подъ глазами, принесла бы дѣлу управленія несомнѣнную пользу.

Безконечныя теперь столкновенія и пререканія между вѣдомствами, сильно вредящія дѣлу управленія, прекратились бы сами собой, вслѣдствіе вмѣшательства центральнаго мѣстнаго учрежденія, облеченнаго властью разрѣшать такія недоразумѣнія и указывать каждому предѣлы его дѣятельности и власти.

Одной изъ важнѣйшихъ услугъ губернскихъ административныхъ совѣтовъ было бы и то, что они, освобождая центральное правительство отъ массы мелочныхъ дѣлъ, которыя теперь обременяютъ его безъ всякой нужды и замедляютъ ходъ управленія, ограничили бы произволъ центральной бюрократіи, умѣрили бы силу ея дѣйствія на мѣстахъ и обратили ея дѣятельность на предметы болѣе серьезные и дѣйствительно полезные для государства.

Наконецъ, учрежденіе мѣстныхъ административныхъ совѣтовъ дало бы возможность существенно упростить и сократить центральное управленіе государствомъ, получившее, особливо въ настоящее царствованіе, чудовищные размѣры.

Возраженія, которыя у насъ дѣлаются противъ такого устройства мѣстнаго управленія, суть или политическаго свойства, или вытекаютъ изъ недовѣрія къ культурнымъ силамъ страны. Одни думаютъ, что такое устройство, значительно усиливъ и расширивъ аттрибуты мѣстной администраціи, дало бы, особливо при несмѣняемости чиновниковъ, слишкомъ большой вѣсъ мѣстнымъ элементамъ надъ центральными, а это, въ нѣкоторыхъ окраинахъ, особливо въ западныхъ, польскихъ и остзейскихъ губерніяхъ, повело бы къ ослабленію ихъ государственной и политической связи съ имперіей. Другіе, признавая пользу и необходимость такой реформы, ссылаются на низкій уровень культуры и образованія въ провинціяхъ и на крайній въ нихъ недостатокъ людей порядочныхъ, серьезныхъ и дѣльныхъ, какъ на непреодолимое препятствіе къ ея осуществленію.

Что касается до перваго возраженія, именно до политической неблагонадежности нашихъ окраинъ, до разсыпчатости русской имперіи, то такой взглядъ есть плодъ совершенно ошибочнаго пониманія нашего настоящаго положенія.

Когда присоединенныя къ Россіи области были только-что завоеваны, а главное, пока въ нихъ господствовали сильные высшіе классы, представлявшіе собою край, и мѣстные жители были лишь слѣпыми орудіями въ рукахъ этихъ высшихъ классовъ, — отторженіе этихъ областей и краевъ отъ Россіи, образованіе изъ нихъ самостоятельныхъ державъ, было еще дѣломъ возможнымъ. Съ богатымъ, вліятельнымъ, могучимъ и политически развитымъ меньшинствомъ, съ его вкусами, привычками, стремленіями и историческими воспоминаніями приходилось считаться. Тяготясь своимъ положеніемъ, это меньшинство могло произвести возстаніе, отложиться, или передать присоединенный край изъ подъ власти Россіи подъ другую державу. Бывшіе подобные примѣры могли возбудить такія опасенія и въ нашемъ правительствѣ. Но теперь миновали времена, когда подъ страной, народомъ, краемъ и государственные люди и завоеватели и публицисты и историки разумѣли одно вліятельное меньшинство, высшіе классы. Недавно присоединенныхъ краевъ на сѣверѣ и западѣ у насъ нѣтъ. Послѣдняя изъ новопріобрѣтенныхъ здѣсь владѣній—Финляндія, какъ мы увидимъ, не идетъ въ счетъ, такъ какъ она не находится въ составѣ имперіи и объ измѣненіи этого положенія Финляндскаго великаго княжества не можетъ быть и рѣчи. Затѣмъ, ни въ остзейскихъ губерніяхъ, ни въ Литвѣ и Польшѣ, нѣтъ больше вліятельнаго высшаго сословія, которое могло бы, по своему желанію, распорядиться судьбами этихъ краевъ и вызвать въ нихъ возстаніе. Центръ тяжести народной жизни мало-по-малу перемѣстился и въ этихъ краяхъ изъ меньшинства въ большинство, а съ тѣмъ вмѣстѣ и прежнія пружины дѣятельности и мотивы, которые могутъ вызвать въ нихъ волненія, глубоко измѣнились. Народныя массы крѣпко держатся своихъ обычаевъ и унаслѣдованныхъ вѣрованій и только грубымъ ихъ нарушеніемъ можно возбудить открытыя возстанія народа; затѣмъ, крайне тяжелое экономическое положеніе также способно раздражить большинство до смутъ и волненій. Но изъ-за историческихъ воспоминаній, изъ-за теоретическихъ принциповъ, изъ-за политическихъ правъ народныя массы не подымаются и не перемѣняютъ однихъ властителей на другихъ. Мы считаемъ задними числами, опасаясь, что Прибалтійскій край, Литва, Польша, Малороссія, Бессарабія, могутъ отвалиться отъ имперіи, какъ только ослабнетъ желѣзная рука, которая ихъ теперь держитъ въ составѣ русскаго государства. Съ освобожденіемъ крестьянъ и упадкомъ политическихъ владѣльческихъ классовъ, съ уничтоженіемъ политическаго значенія церкви и духовенства, меньшинство уже не въ состояніи увлечь большинство за собою. Оставьте за людьми ихъ языкъ и вѣру, откройте имъ средства для улучшенія ихъ матеріальнаго положенія, не давите ихъ чрезмѣрными налогами, введите сносное управленіе, и никакія въ мірѣ приманки не въ состояніи будутъ поколебать политической вѣрности массъ. Введеніе мѣстныхъ элементовъ во внутреннее управленіе присоединенными краями, при такихъ условіяхъ, не можетъ возбуждать ни малѣйшихъ опасеній: никакого политическаго значенія эти элементы не имѣютъ; а ихъ общественное, социальное значеніе слишкомъ важно, чтобы имъ можно было пренебрегать; напротивъ, мы должны ими воспользоваться, чтобы еще болѣе скрѣпить связь присоединенныхъ областей съ имперіей. Пусть великорусскій элементъ составляетъ ея ядро. Онъ слишкомъ многочисленъ, могучъ и состоятеленъ, чтобы могъ когда-нибудь утонуть и расплыться въ морѣ инородныхъ стихій. Напротивъ, съ ихъ притокомъ несомнѣнныя и замѣчательныя качества этого племени дополнятся и обогатятся тѣмъ, чего ему недостаетъ и чѣмъ обладаютъ, въ большей или меньшей степени, наши западные и сѣверные инородцы. Нужно только прежде всего заботиться о томъ, чтобы имъ было хорошо жить вмѣстѣ съ нами, въ одномъ союзѣ, а этого мы достигнемъ всего вѣрнѣе лишь тогда, когда, отбросивъ несчастную и безплодную мысль обратить ихъ въ великоруссовъ, введемъ ихъ, какъ полноправныхъ гражданъ русской имперіи, въ обладаніе всѣми тѣми правами, какими пользуются жители великорусскихъ губерній. Вся наша политическая задача въ краѣ съ смѣшаннымъ, разнороднымъ населеніемъ должна ограничиться однимъ уравновѣшеніемъ различныхъ народностей и зоркимъ наблюденіемъ, чтобы мень-

шинство не поработило себѣ большинства, народной массы, обезземеленіемъ или властью капитала надъ трудомъ. Все остальное, и прежде всего распространеніе въ присоединенныхъ областяхъ нашего языка и нашей вѣры, должно быть предоставлено естественному ходу вещей и никакъ не можетъ быть предметомъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ. Русскій языкъ распространится всюду самъ собою, когда полезно и нужно будетъ его знать; наше вѣроисповѣданіе проникнетъ всюду само собою, если оно, по внутреннему своему содержанію, окажется болѣе согласнымъ съ духомъ христіанства, чѣмъ другія, исповѣдуемыя инородцами, и если русская церковь будетъ имѣть своихъ вдохновенныхъ проповѣдниковъ и миссіонеровъ. Насильственное введеніе русскаго языка, насильственное распространеніе православія, есть медвѣжья услуга нашему естественному вліянію на присоединенныя области и, какъ показалъ недавній опытъ въ западномъ краѣ, можетъ вести къ раздраженію народной массы.

Живымъ примѣромъ и подтвержденіемъ правильности такого взгляда служитъ Финляндія. Она присоединена къ Россіи сравнительно недавно, существуетъ на правахъ особаго государства, имѣетъ свои законы, свои финансы, свою конституцію, свою таможенную линію, свою монету; вдобавокъ финляндцы и не очень насъ долюбливаютъ, какъ народъ. Сколько, казалось бы, поводовъ опасаться, что Финляндія отложится отъ Россіи! И что же? Финляндцы—вѣрные наши союзники, тянутъ къ русскому государству и нимало не желаютъ перемѣнить теперешняго своего положенія на другое. И такъ, если для того, чтобы удержать за нами Финляндію вовсе не оказалось опаснымъ предоставить ей свободныя учрежденія и полу-политическую автономію, подъ глазами Швеціи, отъ которой она отвоевана, то какая же можетъ быть опасность отъ предоставленія мѣстнымъ инородческимъ элементамъ участія въ управленіи ихъ мѣстными дѣлами въ тѣхъ областяхъ и губерніяхъ, которыя входятъ въ составъ имперіи, когда онѣ притомъ даже не совпадаютъ съ предѣлами бывшихъ тамъ прежде самостоятельныхъ государствъ и будутъ управляться совершенно одинаково съ коренными великорусскими губерніями? На правахъ колоній и присоединенныхъ краевъ, подъ особымъ управленіемъ, должны находиться только мѣстности пустынныя, или съ крайне рѣдкимъ населеніемъ кочевниковъ или бродящихъ народцевъ, стоящихъ на ступени первобытной культуры, и которыя, по крайне низкой гражданственности, не представляютъ еще никакихъ условій для правильной въ нихъ организаціи мѣстнаго управленія. Въ такихъ мѣстностяхъ, по самому существу дѣла, не могутъ и не должны быть вводимы учрежденія, о которыхъ мы здѣсь говоримъ. Такіе края и мѣста слѣдуетъ выдѣлить изъ мѣстностей имперіи съ осѣдлымъ населеніемъ, съ болѣе или менѣе развитою гражданственностью, и открыть для свободнаго заселенія и свободной дѣятельности выходцевъ изъ имперіи, до тѣхъ поръ, пока онѣ не населятся и не будутъ готовы къ образованію изъ нихъ новыхъ губерній, съ правильнымъ мѣстнымъ управленіемъ. Вводя теперь въ эти пустынныя и дикія мѣста общія мѣстныя учрежденія, общіе порядки администраціи и суда, мы только понапрасну затрачиваемъ средства государства, чтобы искусственно мѣшать въ тѣхъ краяхъ русской колонизаціи и распространенію русской культуры.

Что касается до незрѣлости, неготовности собственно великорусскихъ и малороссійскихъ губерній, будто бы по низкой степени образованія, къ сколько-нибудь самостоятельной и правильной мѣстной администраціи, то это тоже одно изъ самыхъ печальныхъ недоразумѣній. У насъ все сколько-нибудь порядочное, образованное, достаточное, бѣжитъ изъ губерній въ большіе центры, или за границу. Причинъ такого обезлюденія провинцій очень много и онѣ очень разнообразны. Значительная доля абсентеистовъ, правда, желаетъ жить въ свое удовольствіе, любитъ удобства образованной жизни и, не находя ни того, ни другого въ провинціяхъ, выселяется изъ нихъ въ столицы или въ Европу. Но далеко не всѣ абсентеисты оставляютъ родину и свои имѣнія по одной этой причинѣ. Очень многіе не находятъ въ провинціяхъ не только общественной и служебной дѣятельности, согласной съ ихъ нравственнымъ достоинствомъ, съ ихъ понятіями и воззрѣніями, но даже простой безопасности отъ произвола, капризовъ и насилія мѣстныхъ властей, отъ вопіющихъ нарушеній личныхъ и имущественныхъ правъ — нарушеній, остающихся безнаказанными. Когда началось освобожденіе крестьянъ, когда были введены земскія учрежденія

и мировой судъ, все порядочное и образованное бросилось изъ столицъ и изъ-за границы въ провинціи служить по крестьянскимъ учрежденіямъ, по земству, по мировымъ судамъ, даже вступали въ коронную и полицейскую службу. Но министерство внутреннихъ дѣлъ поспѣшило охладить это усердіе цѣлымъ рядомъ мѣръ, которыя скоро убѣдили, что несмотря на преобразованія, долженствовавшія влить новую жизнь въ нашу одряхлѣвшую правительственную машину, все останется у насъ по старому, пойдетъ плестись по той же ржавой колеѣ чиновничьяго произвола, насилія, безправія, обмана и взяточничества. Въ губерніяхъ, которыя считаются политически неблагонадежными или подозрительными, чиновничій гнетъ и произволъ не знаютъ ни границъ, ни стыда, и жители завидуютъ даже жалкимъ порядкамъ, подъ какими влачатъ свое существованіе великорусскія губерніи. Что-жъ удивительнаго, что порядочные и образованные люди, имѣющіе хоть какой-нибудь достатокъ, толпятся и баклушничаютъ въ столицахъ и большихъ центрахъ, гдѣ спокойнѣе и относительно безопаснѣе, или на многіе годы оставляютъ отечество? Люди, почему-либо осужденные жить въ провинціи, которые могли и хотѣли бы посвятить себя общественной дѣятельности на мѣстахъ, прячутся въ своихъ деревняхъ и не хотятъ имѣть ничего общаго съ порядкомъ дѣлъ, который сулитъ имъ однѣ непріятности и оскорбленія, безъ всякой надежды провести полезную мысль, измѣнить что-либо въ безобразномъ ходѣ общественныхъ и служебныхъ дѣлъ. Вотъ почему въ провинціяхъ почти нѣтъ людей; вотъ почему тѣ немногіе, которые есть, теряются въ массѣ ничтожества и бездарности, посреди грубыхъ невѣждъ, хищниковъ и наглыхъ насильниковъ. Сколько-нибудь сносное мѣстное управленіе, обуздавъ произволъ, беззаконіе и безправіе, открывъ возможность честнымъ, независимымъ и образованнымъ людямъ существовать въ провинціи, приложить свои труды и силы къ дѣламъ своихъ губерній, мало-помалу приманило бы ихъ туда снова и положило бы конецъ сѣтованіямъ на абсентеизмъ, на низкую степень развитія общества въ губерніяхъ. Жаль, что статсъ-секретарь Валуевъ, указывая въ знаменитомъ своемъ докладѣ о плачевномъ положеніи сельскаго хозяйства въ Россіи на абсентеизмъ и приписывая это зло, главнымъ образомъ, освобожденію крестьянъ, ни однимъ словомъ не упомянулъ о причинахъ, на которыя мы указываемъ. Еслибы онѣ были представлены комитету министровъ и доведены до высочайшаго свѣдѣнія, дѣло, конечно, не ограничилось бы предположеніемъ возложить на губернаторовъ и мѣстныя власти принять зависящія мѣры, чтобы не было абсентеизма; вѣроятно были бы придуманы какія-нибудь другія, болѣе дѣйствительныя мѣры для достиженія этой цѣли. Въ настоящее время вся наша правительственная система искусственно производитъ и поддерживаетъ бѣгство просвѣщенныхъ и порядочныхъ людей изъ провинціи. Имъ нечего дѣлать въ губерніяхъ. Отданныя въ руки несостоятельнаго и негоднаго чиновничества, онѣ пустѣютъ и дичаютъ. Чтобы работать съ самоотверженіемъ и успѣхомъ, надо приложить къ дѣлу сердце, душу, убѣжденіе, а люди съ такими качествами требуютъ судебныхъ гарантій, неприкосновенности правъ, возможности, стоя твердо на законной почвѣ, не бояться никого и доставить торжество правому дѣлу. Такимъ требованіямъ наше провинціальное управленіе не удовлетворяетъ и въ самой скромной мѣрѣ.

Что касается мѣстнаго судебнаго управленія, земскихъ и городскихъ учрежденій, то здоровые и разумные зачатки имъ уже положены реформами нынѣшняго царствованія; нужно только освободить и очистить судебные и земскіе уставы отъ тѣхъ покушеній, урѣзокъ и приставокъ, которымъ они подверглись въ интересахъ министерскаго и губернаторскаго произвола, къ существенному вреду государства и общества, законныхъ правъ, правильнаго веденія земскаго управленія и правосудія. Увѣчья, причиненныя земскимъ и судебнымъ уставамъ, мы здѣсь не перечисляемъ: они всѣмъ извѣстны и понятны. Но возстановивъ права суда и земства въ полной силѣ, было бы необходимо подвергнуть тѣ и другіе пересмотру, чтобы придать имъ бо̀льшую самостоятельность и независимость отъ чиновничьяго произвола. Въ особенности необходимо приблизить судъ и нотаріатъ къ населенію, сдѣлать ихъ болѣе доступными и сподручными массамъ народа, которыя въ нихъ нуждаются. Съ этою двоякою цѣлью очень было бы полезно преобразовать теперешніе волостные суды въ мѣстныя всесословныя судебныя (мировыя) учрежденія и значительно расширить аттрибуты теперешпреобразовать

нихъ мировыхъ судей, а мировые съѣзды усилить нѣсколькими судьями по назначенію отъ правительства и превратить въ апелляціонныя инстанціи, устроивъ при нихъ, въ каждомъ уѣздѣ, нотаріатъ и ипотекарныя учрежденія; изъ окружныхъ же судовъ и судебныхъ палатъ большую часть, какъ излишніе при такомъ преобразованіи, закрыть, сохранивъ лишь сколько нужно, для управленія судебною частью на мѣстахъ и въ видѣ кассаціонныхъ учрежденій. Распредѣлить кассаціонное судопроизводство между нѣсколькими мѣстами не представитъ никакихъ затрудненій съ отдѣленіемъ его отъ права толковать и разъяснять законы, которое, какъ сказано выше, должно быть предоставлено исключительно судебному сенату. Независимо отъ этихъ преобразованій судоустройства, необходимо существенно измѣнить самый порядокъ судопроизводства. Введеніе участія присяжныхъ по дѣламъ гражданскимъ, отмѣна всѣхъ административныхъ ограниченій суда по раскрытію и преслѣдованію преступленій, какія бы они ни были и кѣмъ бы ни были совершены, гласность уголовныхъ слѣдствій, отмѣна монополіи прокурорскаго надзора по обвиненію передъ судомъ,—вотъ нѣкоторые изъ важнѣйшихъ вопросовъ, на которые должно быть обращено вниманіе при преобразованіи судебной части.

Въ такомъ направленіи должна быть произведена реформа нашихъ государственныхъ и мѣстныхъ учрежденій. На нее указываютъ условія нашего политическаго существованія въ прошедшемъ, настоящемъ и доступномъ предвидѣнію будущемъ. Такой правительственный строй, а не конституціонные порядки въ европейскомъ смыслѣ, освободитъ насъ отъ произвола администраціи, отъ многаго множества ненужныхъ учрежденій, должностей и инстанцій, отъ многосложной и безконечной переписки, отъ бумажнаго производства дѣлъ и представитъ всѣ необходимыя условія для того, чтобы наконецъ и въ Россіи водворились законные порядки, неприкосновенность правъ, правильный ходъ управленія и судебныя гарантіи.

Но никакая реформа, какъ бы она ни была глубоко обдумана и честно выполнена, не осуществится на дѣлѣ, пока слово и печать не будутъ освобождены отъ тѣхъ стѣсненій и того произвола, которыми мы теперь снова доведены, какъ въ минувшее царствованіе, почти до совершенной, невольной нѣмоты. Послѣдній цензурный уставъ, какъ всѣ реформы нынѣшняго царствованія —крестьянская, судебная, земская, контрольная,—отмѣненъ, и старые цензурные порядки сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ возстановлены въ прежней силѣ, только безъ прежней прямоты и откровенности.

Отмѣна облегченій, данныхъ нашей печати въ первой половинѣ нынѣшняго царствованія, была одной изъ самыхъ крупныхъ и горестныхъ ошибокъ. Правительство хотѣло поразить революціонную мысль, революціонныя стремленія, а на дѣлѣ убило свое лучшее, надежнѣйшее орудіе и союзника въ борьбѣ съ министерскимъ и чиновничьимъ произволомъ, съ нашимъ повальнымъ невѣжествомъ, съ безобразными общественными и домашними нравами. Только потому, что у насъ нельзя обсуждать печатно и гласно нашихъ государственныхъ и церковныхъ вопросовъ, могъ пустить въ Россіи корни безсмысленный радикализмъ, ежедневная пресса опошлѣла и живетъ скандалами, легкая насмѣшка и остороумное глумленіе вытѣснили серьезную мысль, обдуманныя воззрѣнія. Подавленіе свободнаго выраженія мнѣній вырвало у насъ съ корнемъ не одни плевелы, но вмѣстѣ съ ними и пшеницу. Наше юношество никогда не ударилось бы въ горестныя крайности или въ жуирство, наша администрація никогда не осмѣлилась бы такъ рѣзко нарушать законы и попирать права, въ публикѣ не могли бы ходить, безъ опроверженій, нелѣпѣйшіе слухи, укореняться дикія понятія и воззрѣнія, еслибы свободному обсужденію и критикѣ былъ данъ просторъ съ ними бороться. Въ слѣпомъ страхѣ передъ невоздержностью, нескромностью и рѣзкостью печатнаго слова у насъ не поняли, что въ Европѣ не печать создала разрушительныя идеи и подготовляла революціи, а нестерпимые политическіе и общественные порядки, и что, слѣдовательно, бороться должно съ ними, а не съ печатью. Точно также у насъ опустили изъ виду, что печать, какъ и мѣстное управленіе, можетъ служить опаснымъ политическимъ орудіемъ только въ рукахъ могущественнаго и вліятельнаго высшаго сословія, аристократіи родовой, поземельной или денежной, которая держитъ весь народъ или край въ своей власти; тамъ же, гдѣ какъ, напримѣръ, у насъ, такого высшаго сословія нѣтъ, печать не имѣетъ политическаго характера и значенія, а есть лишь голосъ на-

родныхъ нуждъ, критика законовъ, учрежденій, правительственныхъ распоряженій и мѣръ, даровая полиція нравовъ — правительственныхъ, общественныхъ и домашнихъ, и въ этомъ смыслѣ не только политически безвредна, но, напротивъ, есть полезнѣйшій, хоть можетъ быть и не всегда пріятный дѣятель образованія и культуры. Во всякомъ случаѣ, тамъ, гдѣ, какъ у насъ, нѣтъ сословій съ политическимъ значеніемъ, гдѣ интеллигенція теряется въ огромныхъ крестьянскихъ массахъ, вездѣ и всегда тяжелыхъ на подъемъ, печать совершенно безсильна ими ворочать. При такихъ условіяхъ, когда печатное слово имѣетъ какое-нибудь значеніе только въ сравнительно небольшомъ и политически безсильномъ кружкѣ высшихъ сословій, совершенно достаточно подвергнуть печать строгой отвѣтственности за распространеніе ложныхъ слуховъ, опасныхъ для авторитета правительства, за воззванія къ возстанію и нарушенію законовъ, за клевету, противъ кого бы она ни была направлена, за явныя насмѣшки и глумленія надъ религіозными вѣрованіями, догматами и обрядами, за грубое и циническое нарушеніе благопристойности и приличія. Въ этихъ границахъ, указываемыхъ полиціею безопасности и благочинія, печатному слову и рѣчи должна быть предоставлена полная свобода, обезпеченная отвѣственностью не передъ административной властью, а передъ судомъ; административной власти можетъ быть только предоставлено, въ особенно важныхъ случаяхъ, и подъ ея собственною отвѣтственностью, задерживать, съ немедленнымъ преданіемъ суду, произведенія, нарушающія законъ о печати; всѣ же прочія административныя предостереженія, право администраціи разрѣшать и запрещать періодическія изданія, утверждать редакторовъ и т. п. должны быть вовсе отмѣнены. Печать столичная и провинціальная, какъ одинъ изъ лучшихъ органовъ управленія, какъ единственная въ своемъ родѣ, ничѣмъ не замѣнимая и вѣрнѣйшая узда административнаго произвола и общественныхъ безобразій, должна быть оберегаема самимъ правительствомъ съ ревнивою зоркостью и постоянствомъ противъ всякихъ посягательствъ и подкоповъ, откуда бы они ни шли.

Совокупными усиліями государственныхъ и мѣстныхъ учрежденій, правительственныхъ, судебныхъ, городскихъ и земскихъ, и свободной печати, въ короткое время выяснятся и выдвинутся на первый планъ всѣ главнѣйшіе русскіе вопросы, стоящіе теперь на очереди, и подготовится матеріалъ для ихъ правильнаго, разумнаго рѣшенія. Имя имъ—легіонъ. Нѣтъ въ Россіи отрасли управленія, которая не требовала бы коренного преобразованія, не только въ видахъ справедливости и цѣлесообразности, но въ очень многихъ случаяхъ изъ одного уваженія къ простому здравому смыслу, явно нарушаемому настоящими порядками, безъ всякой надобности и пользы. Система податей и налоговъ, система народнаго образованія, торговые и промышленные уставы, все относящееся къ быту народныхъ массъ, законы гражданскіе и уголовные, законы полиціи безопасности и спокойствія—настоятельно требуютъ тщательнаго пересмотра какъ въ основаніяхъ, такъ и въ подробностяхъ. Множество стѣснительныхъ мѣръ должны быть до чиста выметены изъ нашихъ законовъ, и на оборотъ, за многія злоупотребленія и преступленія, остающіяся теперь безнаказанными, должны быть опредѣлены строгія взысканія. Наши спеціалисты, практики и публицисты, хорошо знакомы со всѣми этими вопросами, съ излишествами и пробѣлами нашего законодательства; но ихъ голосъ теперь заглушенъ равнодушіемъ, невѣжествомъ или своекорыстіемъ тѣхъ, кто обязанъ его выслушать, и молчаніемъ, на которое осуждено у насъ всякое живое, правдивое слово. Правильная организація правительства и законная свобода печати и слова дадутъ всплыть наружу нашимъ дѣйствительнымъ потребностямъ и нуждамъ, уничтожатъ искусственныя теченія, вызванныя у насъ ненормальнымъ положеніемъ дѣлъ, и разсѣятъ призраки, пугающіе, посреди всеобщаго мрака, и народъ и правительство. Тогда взволнованное теперь море русской жизни и мысли войдетъ опять въ свои берега, положеніе существенно упростится, бредъ, лихорадка и тревожный сонъ, которые истощаютъ наши силы, уступятъ мѣсто спокойному, здоровому біенію общественнаго пульса, потому что всѣ наши болѣзни — результатъ противоестественныхъ условій, созданныхъ нашимъ правительственнымъ и административнымъ строемъ, а не органическими пороками нашей государственной и общественной жизни.

XIII.

Мы предвидимъ заранѣе, что намѣченной выше программой преобразованія нашихъ государственныхъ учрежденій всѣ останутся недовольны. Поборники самодержавной власти въ Россіи найдутъ, что съ проведеніемъ такой реформы власть государей обратится въ ничто и станетъ лишь номинальной; насъ, вѣроятно, даже заподозрятъ въ тайномъ умыслѣ обольстить самодержавіе словами, усыпить его бдительность, съ тѣмъ, чтобы подъ благовидными предлогами устранить его отъ всякаго участія въ дѣлахъ. Многіе найдутъ, что государственныя учрежденія, сами избирающія своихъ предсѣдателей и всѣ главныя должностныя лица внутренняго, центральнаго и мѣстнаго управленія, которыхъ государь только утверждаетъ, должны, по естественному ходу вещей, присвоить себѣ современемъ всю власть. Съ такимъ же неудовольствіемъ встрѣтятъ нашу программу и тѣ, кто желаетъ для Россіи свободныхъ учрежденій и обезпеченія правъ. Въ глазахъ значительнаго большинства интеллигенціи, совѣщательныя государственныя коллегіи, которыхъ дѣятельность и самое существованіе вполнѣ зависятъ отъ доброй воли государей, не представляютъ ничего прочнаго и постояннаго и не даютъ никакихъ гарантій. По этому взгляду весь вопросъ законной свободы сводится къ ограниченію правъ короны, а именно въ этомъ смыслѣ наша программа не обѣщаетъ ничего.

Какъ ни противоположны обѣ эти точки зрѣнія на высказанныя нами мысли, но онѣ исходятъ изъ одной почвы, покоятся на одной и той же предпосылкѣ. И поборники самодержавной власти и желающіе ее ограничить разсматриваютъ наше положеніе со стороны *политической*, именно идутъ отъ той основной мысли, что верховная власть и народъ—двѣ противоположныя другъ другу силы, которыя по своему существу, по своей природѣ, находятся между собою въ непрерывной, глухой и скрытой, или явной враждѣ. „Кто кого смога, тотъ того и въ рога"—вотъ точка отправленія всѣхъ политическихъ соображеній, и уравновѣшеніе властей — ихъ цѣль и задача.

Охотно сознаемся, что въ политическомъ смыслѣ наши предположенія о реформахъ не выдерживаютъ критики. Но мы напомнимъ и друзьямъ и противникамъ самодержавія, что по нашему глубокому убѣжденію, высказанному не разъ въ этой брошюрѣ, политическая точка зрѣнія непримѣнима къ внутреннимъ дѣламъ Россіи, что противоположеніе власти народу и народа власти, не имѣетъ у насъ никакого смысла, что поэтому политическое преобразованіе русскаго государства невозможно и всякія попытки въ этомъ родѣ будутъ безплодны. У насъ настоятельно необходима коренная *административная* реформа. Откладывая ее, правительство подвергаетъ серьезной опасности и государство и власть и народъ. Но административная реформа, безъ которой невозможны у насъ никакія улучшенія, создастъ въ Россіи не политическія гарантіи, а только естественный, правильный порядокъ внутренняго управленія и слѣдовательно будетъ имѣть не политическій, а общественный, соціальный характеръ. Вотъ точка зрѣнія, съ которой мы просимъ читателей обсудить нашу программу. Въ Россіи власть государя неограниченна вслѣдствіе самаго соціальнаго строя русскаго государства, въ которомъ нѣтъ рѣзко различенныхъ и враждебныхъ другъ другу сословій, кастъ и общественныхъ слоевъ; потому нѣтъ у насъ и условій для ограниченія самодержавія. Зная это, мы и не задавались невозможной задачей; въ смыслѣ ограниченія правъ короны, уравновѣшенія властей, гарантій народныхъ правъ, наша программа не имѣетъ никакой цѣны. Мы приняли въ ней неограниченную власть русскихъ государей, какъ неоспоримый фактъ русской общественности, и старались только уяснить себѣ, въ какихъ комбинаціяхъ этотъ коренной фактъ могъ бы принести наибольшую пользу русской землѣ и русскому государству. Комбинаціи, позаимствованныя изъ Европы съ начала текущаго столѣтія, оказались, при нашихъ условіяхъ, не только негодными, но вредными и опасными и для народа и для власти. По нашимъ условіямъ, намъ нужна организація, которая не разобщала бы народъ и верховную власть, не создавала между ними противоположности и взаимной подозрительности, а напротивъ, сближала бы ихъ и скрѣпляла это сближеніе единствомъ интересовъ, стремленій и цѣлей. Въ Европѣ высшіе слои народа заставили верховную власть подчиниться своей волѣ; у насъ высшіе слои остались политически безсильными, и потому верховной власти не отъ кого себя отстаивать и не съ кѣмъ бо-

роться внутри государства. Стоя лицомъ къ лицу съ цѣлымъ народомъ, она только въ его развитіи и успѣхахъ черпаетъ свою силу, могущество, и упрочиваетъ династію. Если правители этого не понимаютъ и поступаютъ вопреки народнымъ и своимъ интересамъ—это великое несчастье, великое народное бѣдствіе, противъ котораго безсильны всякія мѣры и всякія гарантіи. Обдумывая програму реформъ, мы не могли принять такой случайности въ разсчетъ. Мы предположили—и это кажется гораздо естественнѣе—что государи, подобно народамъ и частнымъ лицамъ, желая добра себѣ и своему потомству, благоразумно вникаютъ въ то, что имъ можетъ быть полезно и вредно, и съ этимъ сообразуютъ свои поступки. Но ставъ на эту точку зрѣнія, по нашему убѣжденію единственно правильную и во всякомъ случаѣ единственно возможную, мы должны были отбросить вопросъ, который у насъ дѣлается прежде всего: въ какой мѣрѣ та или другая организація ослабляетъ или, напротивъ, усиливаетъ политическую власть главы государства. Мы считаемъ этотъ вопросъ совершенно празднымъ, думаемъ, что онъ только сбиваетъ насъ съ толку, спутываетъ наши понятія. У насъ, въ Россіи, ставится совсѣмъ другой вопросъ: правильно ли комбинированы въ государственныхъ учрежденіяхъ дѣятельность верховной власти и народа, въ видахъ государственной и общественной пользы? Въ этомъ отношеніи ясному взгляду на вещи нерѣдко мѣшаютъ у насъ странные предразсудки, возникшіе у другихъ народовъ, по ихъ историческимъ обстоятельствамъ. Еще недавно институтъ присяжныхъ, земскія учрежденія, несмѣняемость судей, свобода слова и печати, хотя бы въ извѣстныхъ предѣлахъ, считались политическими гарантіями, ограниченіями верховной власти; теперь же они признаны даже у насъ мѣрами общественнаго и государственнаго благоустройства, не имѣющими ничего общаго съ политикой. Да и странно было бы думать, что все полезное для государства и общества есть уже непремѣнно ограниченіе верховной власти, точно будто ея неограниченность выражается только въ томъ, что вредно и нестерпимо для народа!

Но, если стать на нашу точку зрѣнія и разсматривать нашу программу лишь въ видахъ государственной пользы, интересовъ верховной власти, народа и ихъ единенія, то наши предположенія представятся въ иномъ, мы позволяемъ себѣ надѣяться, болѣе благопріятномъ свѣтѣ.

Глава громадной имперіи физически не можетъ издавать законы, судить, управлять самъ. Что государственный совѣтъ, сенатъ, министры,—не иное что какъ органы верховной власти, есть ошибочная и крайне вредная фикція, въ которой зарождаются и которой прикрываются нашъ административный произволъ и необезпеченность правъ. Мы думаемъ, что должностныя лица и учрежденія—органы государства, а не спеціально государя или народа. По нашей программѣ, въ образованіи правительственныхъ учрежденій одинаково участвуютъ и верховная власть и народъ, а въ назначеніи и смѣнѣ высшихъ административныхъ центральныхъ и мѣстныхъ чиновниковъ—верховная власть и высшія государственныя учрежденія: государь назначаетъ предсѣдателей сенатовъ, главныхъ директоровъ и губернаторовъ, изъ числа представленныхъ ему сенатами кандидатовъ. Къ такому способу назначенія мы пришли совсѣмъ не по политическимъ, а по слѣдующимъ чисто практическимъ соображеніямъ: во-первыхъ, коллегіальнымъ учрежденіямъ ближе чѣмъ государю извѣстны люди, ихъ способность къ службѣ, ихъ талантливость и нравственныя качества; во-вторыхъ, при громадной силѣ царской власти, чиновники, непосредственно назначенные самимъ государемъ, тотчасъ же выростутъ опять въ теперешнихъ полновластныхъ министровъ, и зависимость ихъ отъ коллегіальныхъ учрежденій, какъ и теперь министровъ отъ сената, станетъ мнимой, лишь на словахъ, отчего единство и правильный ходъ администраціи должны сильно страдать; наконецъ, въ третьихъ, на выборъ чиновниковъ самимъ государемъ естественно всегда будутъ имѣть большое вліяніе придворные, непосредственно окружающіе государя, и камарилья опять будетъ играть ту-же разлагающую, вредную для власти и народа роль въ дѣлахъ правленія, какую играетъ теперь. Что же касается законнаго и естественнаго вліянія государя на избраніе высшихъ чиновниковъ, то оно, по нашему проекту, выражается дважды: одинъ разъ—въ участіи сенаторовъ, непосредственно назначенныхъ самимъ государемъ, въ выборѣ кандидатовъ, а другой разъ—въ избраніи государемъ, по своему усмотрѣнію, одного изъ этихъ кандидатовъ въ должность. Такимъ образомъ, въ политическомъ смыслѣ,

именно какъ ограниченіе верховной власти, предлагаемая нами организація государственныхъ учрежденій, участіе сенатовъ въ опредѣленіи и увольненіи высшихъ чиновниковъ, не имѣютъ никакого значенія; но они имѣютъ величайшую важность въ административномъ и общественномъ отношеніи. Въ наушникахъ и клеветникахъ, въ эгоистахъ, прикидывающихся вѣрнопреданнѣйшими слугами, никогда не было и не будетъ недостатка. Государь, какъ и другіе, можетъ ошибаться, имѣть свои пристрастія и предубѣжденія. Необходимо, чтобы онъ слышалъ и зналъ мнѣнія не однихъ своихъ приближенныхъ, но и взглядъ коллегіальныхъ органовъ управленія, которые, стоя близко къ дѣламъ и къ тому, что происходитъ въ государствѣ, лучше могутъ знать людей и безпристрастнѣе цѣнить ихъ дѣятельность, чѣмъ придворные и царскіе угодники.

Точно также нельзя видѣть ограниченія верховной власти въ сосредоточеніи всего внутренняго государственнаго управленія въ трехъ центральныхъ учрежденіяхъ. По нашей программѣ, они не имѣютъ между собой никакой другой связи, кромѣ власти государя; его рѣшенія составляютъ для нихъ высшій законъ; ихъ личный составъ обновляется, въ короткіе промежутки времени, на половину, по его усмотрѣнію; наконецъ, придворный штатъ, отношенія къ другимъ государствамъ, военныя, сухопутныя и морскія силы остаются внѣ круга дѣйствій трехъ сенатовъ.

Тѣмъ, которые признаютъ нашу программу неспособной ввести существенныя улучшенія въ нашъ государственный и общественный бытъ, потому что въ ней опущены политическія гарантіи, мы замѣтимъ, что не верховная власть враждебна интересамъ и правамъ народа, а олигархія, которая, осѣдая и кристаллизируясь около престола, разобщаетъ верховную власть отъ народа и правитъ государствомъ ея именемъ. Кому дороги не сами по себѣ политическія формы, дающія талантамъ, знаніямъ и гражданской доблести возможность и случай выказаться, а тѣ блага, которыя достигаются этими формами—законный порядокъ, ненарушимость суда и судебныхъ рѣшеній, неприкосновенность правъ, законный просторъ для вѣрованій, мысли, слова, знанія, — тотъ едва-ли рѣшится оспаривать, что подчиненіе произвола министровъ и чиновниковъ коллегіальнымъ учрежденіямъ, въ которыхъ, наравнѣ съ представителями короны, участвуютъ и выборные отъ страны, способно дать Россіи именно то, въ чемъ она всего болѣе нуждается, и если не совсѣмъ устранить, то по крайней мѣрѣ существенно ослабить зло, которое губитъ наши силы, поддерживаетъ у насъ безправіе и анархію. Естественное призваніе верховной власти состоитъ въ охраненіи правъ и законнаго порядка; а у насъ уродливая организація доводитъ невольно до безумной мысли, будто существо самодержавія заключается въ правѣ поступать несправедливо и неразумно, нарушать права и дѣлать зло. Противъ такого взгляда до сихъ поръ возмущались русскій народъ и огромное большинство русской интеллигенціи. Вѣрное чутье подсказываетъ имъ, что зло, которое мы терпимъ, происходитъ отъ ошибочныхъ взглядовъ правителей, отъ ихъ слабостей, отъ дурныхъ совѣтниковъ, отъ обмана и лжи, которыми верховная власть окружена безпрестанно болѣе, чѣмъ кто либо, такъ какъ около нея есть чѣмъ поживиться и нагрѣть руки. Долго ли будетъ, несмотря ни на что, сохраняться въ большинствѣ русскаго народа такой вѣрный, простой и естественный взглядъ на верховную власть — трудно сказать; что система нашего внутренняго управленія всячески ослабляетъ и искореняетъ такой взглядъ — не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Поэтому, первой задачей правительственной реформы въ Россіи будетъ противопоставить, въ глазахъ государя, правду неправдѣ, правильный взглядъ на дѣло — себялюбивымъ внушеніямъ окружающихъ, дать верховной власти возможность въ каждую данную минуту знать дѣйствительное положеніе дѣлъ въ государствѣ и услышать самыя разнообразныя сужденія о всѣхъ вопросахъ, касающихся имперіи. При такихъ условіяхъ, рѣшеніе государя, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, будетъ непремѣнно разумное, справедливое и безпристрастное. Верховной власти всегда полезно и выгодно быть разумной, справедливой, безпристрастной, и прочныя государственныя учрежденія, и твердо основанный порядокъ дадутъ ей точку опоры, въ которой она крайне нуждается, но которой теперь у насъ, къ несчастью, вовсе не имѣетъ.

Заключимъ эти разсужденія однимъ общимъ замѣчаніемъ.

Всякая страна, всякій народъ, имѣютъ свои судьбы, обусловленныя всей обстановкой и ходомъ историческаго развитія, и потому-то

формы государственнаго и общественнаго быта не могутъ быть у всѣхъ народовъ одинаковы, а должны быть согласованы съ обстоятельствами, при которыхъ страна или народъ живутъ.

Въ этомъ отношеніи Россія представляетъ явленіе, невиданное и небывалое въ мірѣ. Основной фактъ русской общественности—это крестьянство, владѣющее землей, въ которомъ всѣ прочіе общественные разряды и классы исчезаютъ, по своей малочисленности, какъ песчинки. Передъ этимъ характернымъ фактомъ, не имѣющимъ себѣ подобнаго, блѣднѣютъ всѣ наши прочія особенности и отличія отъ другихъ народовъ.

Европейцы называютъ такой общественный складъ демократическимъ; однако онъ не имѣетъ съ тѣмъ, что они называютъ демократіей, рѣшительно ничего общаго, и отъ такого смѣшенія подъ однимъ названіемъ явленій совершенно разнородныхъ, происходитъ, главнымъ образомъ, путаница всѣхъ нашихъ понятій. Зерно европейской демократіи, состоя изъ обезземеленныхъ народныхъ массъ и городского пролетаріата, представляетъ элементъ движенія, которое естественно зарождается и поддерживается въ массахъ вслѣдствіе матеріальныхъ лишеній. Охранителями общественнаго строя и порядка отъ напора демократіи являются въ Европѣ немногочисленные владѣющіе и зажиточные классы, противъ которыхъ и борется обиженный и обездоленный простой народъ.

У насъ совершенно наоборотъ. Владѣющій крестьянинъ есть, въ цѣломъ мірѣ, прирожденный охранитель, консерваторъ. Гдѣ крестьяне-землевладѣльцы составляютъ, какъ у насъ, почти весь народъ, тамъ охранительные элементы покоятся въ народныхъ массахъ, а незамѣтное меньшинство, высшіе слои общества и интеллигенціи представляютъ элементы движенія. Въ Россіи эта микроскопически малая часть народа, по своему положенію, не имѣетъ и не можетъ имѣть политическаго вѣса. Въ силу этихъ условій, русская мысль, съ тѣхъ поръ что она поднялась до сознанія, всегда была свободна отъ сословныхъ и всякихъ другихъ предразсудковъ, всегда имѣла широкій размахъ и полетъ и въ то же время всегда была политически безсильна и безвредна. Еслибы мы не смотрѣли на себя сквозь европейскія очки, мы давно бы оцѣнили громадную важность этихъ своеобразныхъ явленій русской жизни и воспользовались бы ими какъ слѣдуетъ. Но мы, твердя зады европейской исторіи, считаемъ развитіе русской мысли опаснымъ въ политическомъ отношеніи и видимъ въ нашихъ землевладѣльческихъ крестьянскихъ массахъ что-то похожее на демократію—пугало европейскихъ консерваторовъ!

Далѣе: вездѣ, гдѣ народныя массы сознательно или безсознательно получаютъ преобладаніе въ народной жизни, непремѣнно образуется сильная центральная власть. Это общій, неизмѣнный законъ человѣческихъ обществъ, древнихъ и новыхъ, европейскихъ и другихъ. Примѣненіе этого же закона мы можемъ наблюдать и въ жизни русскаго народа. Здѣсь не мѣсто объяснять, какое значеніе этого закона, и въ чемъ заключается его связь съ условіями общественной и государственной жизни. Замѣтимъ только, что тамъ, гдѣ народныя массы вышли побѣдительницами изъ борьбы съ насѣвшими на нихъ и угнетавшими ихъ высшими слоями, гдѣ онѣ сознаютъ свои силы и политическое значеніе, тамъ центральная власть дышетъ политическими страстями, вынуждена льстить массамъ, хитрить съ ними, чтобы какъ-нибудь ими управлять. Цезаризмъ вездѣ живетъ обманомъ, ложью и беззаконіемъ. Рожденный борьбою, онъ носитъ на себѣ ея неизгладимую печать. Но гдѣ народныя массы высвободились изъ-подъ гнета и достигли гражданскихъ правъ и владѣнія землей силою обстоятельствъ, вслѣдствіе реформъ, въ то еще время, когда нетерпѣніе стать на свои ноги не успѣло перейти въ озлобленіе, сословную ненависть и открытое возстаніе, тамъ верховная власть является во всемъ всемогуществѣ, не осложненная ненавистями и политическими страстями, вытекающими изъ борьбы и побѣды. Лгать и обманывать ей не для чего, ей не изъ чего льстить и унижаться; спорить съ ней некому, такъ какъ она обязана своимъ положеніемъ не побѣдѣ, а естественному ходу вещей, естественному развитію народной жизни.

Таковы необыкновенно счастливыя условія власти государей въ Россіи. Если, несмотря на то, они смотрятъ подозрительно на успѣхи и развитіе народной жизни, неласковы къ интеллигенціи, считаютъ непоколебимость правъ и законовъ помѣхою своему всемогуществу, то это плодъ крайне печальныхъ недоразумѣній, горестный результатъ несчастной привычки приравнивать явленія русской жизни

къ явленіямъ жизни европейскихъ народовъ и переносить на первыя значеніе послѣднихъ. Этимъ грѣшатъ у насъ и правительство и интеллигенція, и консерваторы и либералы. Противъ этого-то предразсудка должны быть направлены всѣ усилія тѣхъ, кому дороги интересы отечества. Когда мы, наконецъ, поймемъ, что въ Россіи власть и народъ, аристократія и демократія, консерватизмъ и прогрессъ совсѣмъ не то значатъ, что они выражаютъ въ устахъ нашихъ западныхъ сосѣдей, все остальное придетъ естественно, само собой.

XIV.

Таковъ общій смыслъ и направленіе преобразованій, которыми должно начаться дѣйствительное обновленіе Россіи. Мы только указываемъ на нихъ, не входя въ подробности реформы. Нашей главной цѣлью было— открыть глаза на корень зла, разогнать призраки, которые мѣшаютъ намъ ясно видѣть и понимать наше положеніе. Къ несчастью, правительство и образованное меньшинство все еще не могутъ отдѣлаться у насъ отъ обсужденія нашихъ дѣлъ съ европейской точки зрѣнія. Въ доброй волѣ быть русскими недостатка у насъ нѣтъ, но мы не доросли до умѣнья думать по-русски, т.-е. понимать наши обстоятельства, каковы они есть, не подводя ихъ непремѣнно подъ европейскую мѣрку, не придавая значеніе, какое они могли бы имѣть въ Европѣ, но не имѣютъ и не могутъ имѣть у насъ. Отсюда — политическія и соціальныя иллюзіи, радужныя или гнетущія, смотря по взгляду. Онѣ-то вызываютъ на дѣйствія и мѣры безполезныя, ненужныя или положительно вредныя и опасныя. Благодаря имъ, мы живемъ въ какомъ-то непостижимомъ самообольщеніи и тратимъ безполезно здоровыя силы націи и государства. Иногда невольно спрашиваешь себя: да имѣетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, какую-нибудь будущность страна, гдѣ правительство и образованный слой способны до такой степени жить фантазіями и забывать почву, которая у нихъ подъ ногами? Правительство боится революціонныхъ движеній, сепаратизма, прессы, соціализма и коммунизма; старается аристократизировать просвѣщеніе классическими языками, по возможности задержать стремленіе массъ къ образованію и подозрительно слѣдитъ за его успѣхами; юношество ухитряется найти у насъ гнетъ капитала надъ трудомъ, ему мерещится у насъ рабочій классъ и рабочій пролетаріатъ; солидные люди и само правительство серьезно думаютъ, что только конституціонныя гарантіи могутъ вывести насъ изъ теперешняго хаоса и безурядицы. Болѣе полной и всеобщей мистификаціи трудно себѣ представить! Мы сами создаемъ себѣ фантомы и живемъ съ ними, а дѣйствительная жизнь, не направляемая близкимъ знакомствомъ съ страною и яснымъ пониманіемъ ея обстановки и потребностей, идетъ сама по себѣ, какъ попало, — скучно, вяло, полудико, безобразно. Безпрестанно врываясь въ нее съ своими фантазіями, мы только больше ее запутываемъ, дѣлаемъ ее все болѣе и болѣе неустроенной и хаотической. Въ этомъ царствѣ мрака и миражей ни откуда не видно свѣта. Искупителемъ, новымъ Петромъ Великимъ, будетъ у насъ тотъ, кто, обладая чутьемъ русской дѣйствительности, снова выдвинетъ ее на первый планъ, возвратитъ ей, затертой и забытой, ея права и утраченное значеніе, не боясь никакихъ призраковъ и фантасмагорій. Если же у насъ не народится такого человѣка, мы осуждены еще долго терять понапрасну лучшія силы на борьбу съ миражами, или во имя миражей, не подвигаясь впередъ ни умственно, ни нравственно, ни матеріально, пока насъ не отрезвитъ, внутри или извнѣ, какое-нибудь великое народное бѣдствіе и мы не будемъ вынуждены, волей-неволей, опуститься изъ міра грезъ въ міръ нашей печальной дѣйствительности. Дай Богъ, чтобы пробужденіе не было слишкомъ поздно для нашего народнаго могущества, для цѣлости нашего государственнаго зданія и власти! Не позабудемъ, что народы не безнаказанно расточаютъ свои силы даромъ. Помимо нашихъ предразсудковъ и фантазій, вольныхъ и невольныхъ заблужденій, стремленій и успѣховъ дурно понятого себялюбія и узкаго эгоизма, есть неизмѣнный ходъ вещей, неумолимая логика фактовъ, которая не обращаетъ никакого вниманія на наши желанія и надежды, а выводитъ изъ того, что мы дѣлаемъ, то, что изъ него слѣдуетъ по существу дѣла, по самой природѣ вещей. Это и есть тотъ высшій судъ, котораго рѣшеній не отвратитъ ничто. Они безпощадно приводятся въ исполненіе надъ самыми виноватыми, или надъ ихъ потомками, за дѣла ихъ предковъ.

РАЗГОВОРЪ.

(1880 г.)

Молодой N., сынъ моего стариннаго пріятеля, весьма умный и способный малый, сталъ мнѣ съ нѣкоторыхъ поръ очень подозрителенъ. Изъ живого, открытаго, свѣтлаго юноши онъ какъ-то вдругъ сдѣлался не въ мѣру задумчивъ, упорно молчаливъ, дикъ, нелюдимъ и злобно сумраченъ. Въ наше старое время такое настроеніе въ молодыхъ людяхъ считалось и дѣйствительно было признакомъ сердечной зазнобы. Нынче это симптомъ несравненно болѣе зловѣщій. Онъ означаетъ, что юноша дѣлается или сдѣлался заговорщикомъ. Ужасная эпоха!

Что дѣлать съ такимъ субъектомъ? Допросить его?—онъ не сознается. Слѣдить за нимъ?—не услѣдишь, да и проку въ такихъ пріемахъ мало. Когда человѣка схватила революціонная горячка, то на него можно дѣйствовать только убѣжденіемъ, потому что и сама горячка возникла и процвѣла на почвѣ убѣжденія. „Таковы мои убѣжденія, я дѣйствую на основаніи моего убѣжденія“, скажетъ вамъ каждый революціонеръ. Стало быть, намъ надо прежде всего стараться поколебать именно эту основу, если мы хотимъ исцѣлить больного. Я частный человѣкъ, не имѣющій власти измѣнять ненормальныя условія общественнаго строя, порождающія революціонныя эпидеміи; я могу лечить только индивидуумы, случайно мнѣ встрѣчающіеся. Да и тутъ я принужденъ соблюдать величайшую осторожность, дабы полиція никакъ не пронюхала, что я, не имѣя особеннаго патента, занимаюсь такимъ опаснымъ дѣломъ, какъ бесѣда съ революціонеромъ. Вѣдь онъ во сто разъ хуже чумнаго! Не боясь заразы для самого себя, я втихомолку написалъ статью *противъ революціи* и пригласилъ моего больного прослушать ее. Вотъ моя статья и съ нею результатъ чтенія.

Соціализмъ, какъ всякое новое ученіе, проявляется въ мірѣ двумя моментами, положительнымъ и отрицательнымъ. Положительный моментъ — это сама доктрина соціализма и его будущее, имъ созидаемое общество. Отрицательный моментъ сказывается въ томъ отношеніи, въ какое ставятъ себя соціалисты къ старому, существующему порядку вещей. Понятно, что между этими двумя моментами должна быть полная гармонія, что они взаимно другъ друга обусловливаютъ, т.-е., что изъ самой сущности соціалистической доктрины долженствуетъ вытекать характеръ ея отношенія къ современному государственному строю. И наоборотъ, характеръ отрицанія непремѣнно окраситъ собой все ученіе, дастъ ему тонъ и, если не на всегда, то на долго привяжется къ его будущей судьбѣ, ибо въ дѣйствительности оба момента не суть нѣчто различное другъ отъ друга, но одна и та же вещь, только обращенная къ двумъ разнымъ сторонамъ.

Я высказываю мысль не новую, не головоломную и всѣмъ извѣстную; но она постоянно забывается. Нарочно или ненарочно, но ее всѣ обходятъ, а это ведетъ къ весьма прискорбнымъ послѣдствіямъ, перепутываетъ всѣ наши понятія какъ объ людяхъ, называющихъ себя соціалистами, такъ и о самой доктринѣ. Вотъ почему я считаю не лишнимъ дать нѣкоторыя объясненія тому, что, казалось бы, и объяснять не надо.

Когда мы хотимъ занять мѣсто, долженствующее принадлежать намъ по праву исторической очереди, но которое покуда занято другимъ лицомъ, *также сѣвшимъ тутъ по праву исторической очереди*, то можемъ обратиться къ этому лицу весьма различно, и способъ нашего обращенія будетъ конечно вполнѣ зависѣть отъ нашего характера и темперамента. Мы либо подойдемъ учтиво и скажемъ: позвольте, вашъ часъ прошелъ, теперь мой чередъ быть тутъ; либо крикнемъ ему: *ôte-toi de là, que je m'y mette*; либо, наконецъ, не говоря худого слова, пустимъ пулю въ лобъ сѣдока. Все это будетъ зависѣть отъ *нравственной высоты той доктрины*, которую мы въ себѣ носимъ и осуществляемъ нашими поступками. Поклонникъ ислама мечомъ прокладываетъ себѣ историческій путь, но за то, и воцарившись, онъ мечомъ продолжаетъ править вселенною. Кротко и вкрад-

чиво заговариваетъ христіанинъ, называя себя духовнымъ братомъ и въ то же время указывая еще на третьяго, какъ бы случайно пришедшаго съ нимъ брата, уже не духовнаго, но мірского, служащаго по полицейскому вѣдомству, имѣющему по указанію самого промысла наблюдать за историческимъ порядкомъ и сего ради всегда находящагося при шпагѣ. Зато же церковь христіанская во всѣ времена и до сего дня старалась и старается забрать въ свои руки всѣ высшія и благороднѣйшія функціи въ человѣческомъ обществѣ, семейный міръ, воспитаніе, образованіе, оставляя въ вѣдѣніи государства однихъ квартальныхъ надзирателей. Наконецъ, буржуазія, какъ извѣстно, воцарилась въ мірѣ съ помощью палача и гильотины, но по этому самому она не можетъ избавиться отъ революцій, въ свою очередь угрожающихъ ей тою же гильотиной. Какъ же, спрашивается, долженъ нынче соціалистъ подойти къ буржуа и предъявить ему свои права? Конечно, не по-турецки и не по-поповски, но также и не на манеръ беззастѣнчиваго цареубійцы-капиталиста, своимъ золотомъ откупившагося отъ всякихъ нравственныхъ и человѣческихъ принциповъ, всегда и вездѣ отказывающагося даже отъ родного отечества, *всепродавца* по ремеслу своему.

Соціалистамъ необходимо рѣшить для себя этотъ *важнѣйшій* вопросъ, рѣшить его окончательно, опредѣленно, и не теряя драгоцѣнныхъ минутъ, потому что въ немъ, какъ въ началѣ, заключается все будущее, со всѣми его характеристическими чертами. Рѣшить его, значитъ рѣшить самую суть доктрины, хотя не во всѣхъ ея подробностяхъ, но въ основномъ принципѣ. Тутъ первый шагъ: *первый ихъ блинъ не вышелъ бы комомъ!*

Пріемы людей могутъ быть безконечно разнообразны; однако все это разнообразіе сводится къ двумъ главнымъ видамъ: насильственному и мирному. Пожалуй можно составить еще третій видъ—мирнаго пополамъ съ насильственнымъ, но изъ уваженія къ самимъ себѣ мы о немъ говорить не станемъ.

Нынѣшніе соціалисты настолько уже умиротворились, что *въ принципѣ* отказываются отъ насилія. Это можно прочесть, если не во всѣхъ, то во многихъ соціалистическихъ изданіяхъ. Но, къ сожалѣнію, они отказываются отъ насилія только въ принципѣ. Они обѣщаютъ создать царство мира, правды, справедливости, согласія и счастья, но все же это царство должно, по ихъ мнѣнію, начаться —революціей!! Конечно, они оговариваются, что насиліе допускается только *въ крайности*. Охъ, эти крайности! Кто ихъ укажетъ, кто имъ судья, кого онѣ не оправдаютъ?! Соціалисты и къ революціи думаютъ прибѣгать на томъ только основаніи, что сидящій нынче на нужномъ для нихъ мѣстѣ никакъ не уступитъ его добровольно, слѣдовательно надо его, болѣе или менѣе, — по зубамъ. Но за то послѣ, когда уже наступитъ царство блаженства для всѣхъ, они и за этимъ битымъ обѣщаютъ ухаживать и доставятъ ему равное со всѣми счастье!... Неужели это не насмѣшка, не грубое издѣванье?!...

Не значитъ ли это то, что поведеніе соціалистовъ будетъ зависѣть не только и не столько отъ ихъ собственной миролюбивой доктрины и уваженія къ правдѣ и справедливости, сколько отъ упорства ненавистнаго имъ порядка вещей? Но если такъ, то само собой разумѣется, что сидящій нынче непремѣнно и даже *притворно* постарается передъ ними заломаться, закобениться, чтобы заставить ихъ и его перекобенить, т. е. постарается довести ихъ до послѣдняго безобразія, и тогда—онъ будетъ передъ ними уже вполнѣ правъ.

Нынѣшніе французскіе консерваторы ничего такъ не желаютъ, какъ безобразныхъ выходокъ со стороны радикаловъ, и этимъ побѣждаютъ ихъ. Вѣдь это все азбука!

Неужели въ самомъ дѣлѣ люди, проповѣдующіе революцію и прибѣгающіе къ ней вслѣдствіе одной внѣшней, случайной причины и *наперекоръ необходимости внутренней*, не понимаютъ того, что революція немыслима безъ диктатуры? Стало быть, они хотятъ создать диктатуру. Но вѣдь она не новость подъ луной,—о чемъ же хлопотать? Да кромѣ того, изъ всѣхъ диктатуръ самая жестокая, самая убійственная будетъ диктатура соціалистическая, по той простой причинѣ, что она ему не по характеру, не по нраву. Въ противорѣчіи съ самимъ собой онъ будетъ всѣхъ терзать и самъ безконечно терзаться. Насильно освобождать кого бы то ни было, значитъ убивать свободу въ самомъ ея источникѣ, обращать людей въ рабовъ свободы, т.-е. въ нравственныхъ уродовъ. Это должно быть дѣломъ соціализма. Какой позоръ!...

Вотъ отсюда-то, изъ этой путаницы понятій рождаются на свѣтъ книжки, подобныя „Въ память столѣтія Пугачевщины“, гдѣ ря-

домъ съ прославленіемъ великаго дѣла возникновенія и освобожденія американской республики восхваляется, да еще въ гораздо большей мѣрѣ, что же? Дикая, необузданная, тупая и крайне безсердечная месть, очень понятная со стороны невѣжественной, угнетенной массы, но которая сама себя очень мало понимала и потому не вынесла ни одной ясной идеи, не сказала ни одного смышленаго слова. По увѣренію книжки выходитъ, что будто бы вся бѣда и весь неуспѣхъ Пугачевскаго предпріятія произошелъ оттого, что Пугачевъ не былъ организаторомъ. Хорошо объясненіе! Не самъ ли авторъ говоритъ, какъ мало слушались Пугачева его сообщники? Отчего же между ними такъ-таки не нашлось ни одной организаторской головы? Отвѣтъ на это очень простъ: такія головы вѣроятно находились, да организировать имъ было нечего и нечѣмъ, что во всемъ бунтѣ не оказалось никакой творческой мысли, а было одно злобное настроеніе. Извольте организировать—месть! Идея общей человѣческой равноправности, общаго права на землю и счастье не есть изобрѣтеніе пугачевцевъ; она всегда жила во всемъ человѣчествѣ и потому, какъ слишкомъ общая, расплывающаяся и многообъемистая, она и поднявшихся крестьянъ не могла привести ни къ какому положительному результату. Пугачевщина все разрушала, ничего не создавая, и всюду оставляла за собой одно опустошеніе. Побѣжденная, она естественно должна была вызвать себѣ реакцію и усилить надъ крестьянами гнетъ крѣпостного права. Но еслибъ Пугачевщинѣ удалось торжествовать, то Россія давно бы существовать перестала, превращенная въ груду пепла и развалинъ. И потому, какъ бы ни казалось намъ дурно россійское государство XVIII вѣка, но оно спасло насъ отъ постыднаго самоистребленія, оно спасло всю будущность Россіи.

До какого умственнаго помраченія нужно дойти, чтобы признать, хотя и отважнаго, но пьянаго, распутнаго и невѣжественнаго казака великимъ историческимъ дѣятелемъ, да еще реформаторомъ!

Мы живемъ въ мірѣ не абсолютныхъ, но относительныхъ величинъ. Не будетъ у насъ никогда ни полнаго счастья, ни полной справедливости, ни полной свободы; ожидать въ будущемъ мы можемъ только большей противъ прежняго доли счастья, справедливости, свободы. Вотъ эту долю мы и должны искать для каждой данной минуты, а опредѣлиться доля можетъ не иначе, какъ совокупностью всѣхъ существующихъ, наличныхъ условій жизни. Намъ можетъ принадлежать по праву и по всей справедливости только то, что мы добыли себѣ собственнымъ трудомъ. Не это ли основная заповѣдь соціализма?

Когда въ исторіи идетъ рѣчь о счастьѣ и свободѣ, то весь вопросъ заключается въ словѣ: *сколько?* Каждая эпоха можетъ дать, люди эпохи способны принять только извѣстное, отмѣренное количество добра и именно то количество, которое заготовило для нихъ ихъ прошлое. Другими словами: что посѣешь, то и пожнешь.

Соціалисты желаютъ разложенія современнаго государственнаго строя. Я раздѣляю съ ними это желаніе и убѣжденъ, что во всемъ мірѣ не сыщется человѣкъ, который бы захотѣлъ, чтобы человѣческія учрежденія остались навсегда такими, какими мы ихъ нынче видимъ. Въ наше время даже китайцы зашевелились и требуютъ прогресса. Но что такое разложеніе и какимъ процессомъ оно достигается? Не инымъ какъ процессомъ созрѣванія. Зрѣетъ ли нарывъ, яблоко, человѣкъ или государство, они этимъ самымъ разлагаются, т.-е. переходятъ постепенно изъ старыхъ формъ въ новыя, въ которыхъ прежняго вида уже признать нельзя, переходятъ естественно, а не насильственно, ростомъ, а не революціями. Революціи всегда задерживаютъ прогрессъ. Вызывая реакціи, онѣ могутъ сокрушить даже самый организмъ, или надолго сдѣлать его больнымъ и немощнымъ.

Еслибы каждый изъ насъ по мѣрѣ силъ своихъ вносилъ во всѣ темные углы Россіи столько просвѣщенія, справедливости и свободы, сколько это допускается закономъ, еслибы онъ въ то же время старался о постепенномъ расширеніи самаго законодательства, а оно по необходимости должно бы расширяться подъ вліяніемъ тепла, производимаго умножившимся свѣтомъ, то со временемъ всѣ углы нашего милаго, но темнаго отечества были бы свободны и просвѣщены, т.-е. Россія была бы неузнаваема и цѣль соціалистовъ достигнута. Скажутъ ли мнѣ, что такой процессъ слишкомъ медленъ? Не знаю, тутъ все зависитъ отъ степени нашего усердія и любви. Но то знаю, что скорѣйшаго пути нѣтъ. Насиліе, рѣзня, терроръ суть враги, а не помощники просвѣщенія, откуда бы они не шли—сверху или снизу.

Я пишу не для тѣхъ несчастныхъ, которые, подъ вліяніемъ какихъ-либо особенно жестоко сложившихся обстоятельствъ въ ихъ жизни, съ отчаянія и почти безсознательно бросились въ омутъ революціонной дѣятельности. Я имѣю въ виду людей, не потерявшихъ сознаніе, но проповѣдующихъ соціализмъ и рядомъ съ нимъ его антитезъ—революцію. Эти господа должны были бы знать и помнить, что революціей, при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, могутъ быть достигнуты развѣ какіе-нибудь мелкіе, внѣшніе результаты чисто политическаго свойства. Но когда, какъ въ соціализмѣ, рѣчь идетъ о коренномъ измѣненіи всѣхъ правовыхъ, нравственныхъ, религіозныхъ понятій, о созданіи не только новыхъ отношеній между людьми въ семьѣ, обществѣ и государствѣ, но новаго нравственнаго отношенія человѣчества къ самой земной планетѣ, его матери, чуть ли не ко всей вселенной, то всякому должно стать ясно, что такая колоссальнѣйшая задача можетъ быть выполнена не иначе, какъ путемъ медленной и глубоко захватывающей реформаціи. Кто этого не понимаетъ, тотъ не долженъ дерзать назвать себя соціалистомъ, онъ весь принадлежитъ старому порядку вещей и не отдѣлался отъ его грубыхъ пріемомъ—баррикадами защищать идеи, террором распространять свободу! Нѣтъ, господа, какъ ни кровавы, но все же такія средства не болѣе, какъ игрушки. Ими можно было потѣшаться и кое-что достигать въ старомъ кукольномъ мірѣ. Но когда на историческую сцену выступаетъ уже не маріонетка, но *самъ человѣкъ* въ истинномъ его видѣ и величіи, во всей его правдѣ, то мы бы желали видѣть въ васъ болѣе благоговѣнія къ открывающемуся передъ вами новому, еще невиданному міру и считаемъ нашимъ долгомъ напомнить вамъ, что ваше мальчишество крайне неумѣстно и неприлично для той роли обновителей и просвѣтителей человѣчества, которую вы на себя слишкомъ легкомысленно берете.

Все сказанное мною я могу подкрѣпить словами одного изъ самыхъ уважаемыхъ и ученыхъ современныхъ соціалистовъ, Карла Маркса. Вотъ, что онъ говоритъ въ предисловіи къ своему „Капиталу":

„Та точка зрѣнія, на которой я стою, считаетъ *развитіе экономическихъ общественныхъ формацій естественно-историческимъ процессомъ*". Однихъ этихъ словъ было бы достаточно для людей, умѣющихъ читать, но такихъ вездѣ очень мало. Марксъ не просто сказалъ — историческій процессъ, но счелъ нужнымъ добавить — естественно-историческій, т.-е. такой, гдѣ всѣ переходы изъ одной формы въ другую совершаются не насильственно, но сами собой. А что именно это онъ хотѣлъ сказать, явствуетъ изъ того, что въ предисловіи непосредственно за симъ слѣдуетъ:

„Заграничные представители англійской *короны* говорятъ здѣсь (въ самой книгѣ), что въ Германіи, во Франціи, во всѣхъ другихъ культурныхъ государствахъ европейскаго континента преобразованіе существующихъ отношеній капитала и труда одинаково чувствуется и одинаково неизбѣжно, какъ въ Англіи. Въ то же время, по ту сторону Атлантическаго океана, уэдъ, вице-президентъ С.-А. Штатовъ, заявилъ на публичномъ митингѣ: „По уничтоженіи рабства наступила очередь преобразованія отношеній капиталистической и поземельной собственности". Вотъ признаки, которыхъ нельзя прикрыть ни пурпуровою мантіей, ни черною рясой. Они не означаютъ, что завтра произойдетъ чудо. Они показываютъ, что даже въ господствующихъ классахъ зарождается предчувствіе о томъ, что теперешнее общество не есть твердый кристаллъ, но что это есть организмъ, способный превращаться и находящійся постоянно въ процессѣ превращенія".

К. Марксъ такъ глубоко убѣжденъ въ необходимости развитія общественныхъ формацій, что нисколько *не пугается при видѣ умноженія болѣзненныхъ явленій въ современномъ обществѣ*. Онъ смѣло пишетъ (въ томъ же предисловіи): „Мы (нѣмцы), подобно всей остальной континентальной западной Европѣ, страдаемъ не только вслѣдствіе развитія капиталистическаго производства, *но также отъ недостатка этого развитія*". А вотъ и объясненіе неустрашимости Маркса: „Промышленно развитая страна показываетъ менѣе развитымъ картину ихъ собственной будущности". Ибо „дѣло идетъ не о высшей и низшей степени развитія общественныхъ антагонизмовъ, происходящихъ изъ естественныхъ законовъ капиталистическаго производства; дѣло идетъ *о самыхъ этихъ законахъ, объ ихъ тенденціяхъ, дѣйствующихъ съ желѣзною необходимостью*".

А каковы эти тенденціи, куда ведетъ ихъ желѣзная необходимость, т.-е. сама сила ве-

щей? Къ ихъ собственному развитію, къ ихъ полнѣйшему вызрѣванію, слѣдовательно—къ разложенію ихъ нынѣшней формы и переходу въ иную, высшую форму. Тутъ совершается тотъ же самый процессъ, какой мы видимъ во всякомъ живомъ организмѣ. Да это и быть иначе не можетъ: что̀ однажды попало въ колесо жизни, должно творить ея законы. Не забудемъ при этомъ еще одно важнѣйшее обстоятельство, именно, что соціализмъ не ограничивается однимъ экономическимъ вопросомъ. Онъ требуетъ реформы *во всемъ,* начиная отъ семейнаго очага до высшаго нравственнаго идеала включительно. Хотя это страшно усложняетъ задачу, но на столько же увеличиваетъ степень ея необходимости, неизбѣжности. „Die Magenfrage" отступаетъ въ истинномъ соціализмѣ на самый послѣдній планъ. И это большая ошибка начинать съ экономической почвы. Вопросъ долженъ разрѣшиться прежде въ мозгу, въ сердцѣ, въ нравахъ...

— Постойте,—прервалъ меня N.—Знаете ли вы, что К. Марксъ не остался на той теоретической точкѣ зрѣнія, съ высоты которой онъ писалъ свою книгу?

— Знаю.

— Какъ же вы объясняете поведеніе его?

— Я съ нимъ лично не знакомъ и мотивовъ своихъ онъ мнѣ не передавалъ. Изъ поступка его я могу вывесть покуда только одно заключеніе, что и сильные люди отъ увлеченій не застрахованы.

— Помилуйте, да кто же пойдетъ къ вамъ страховаться, когда вы людей такъ дешево оцѣниваете!

— Вамъ статья моя не нравится?

— Ваша статья хороша, въ ней много правды. Какъ вѣрно хоть бы то мѣсто, гдѣ вы говорите, что еслибы каждый изъ насъ по мѣрѣ силъ своихъ вносилъ во всѣ углы Россіи столько просвѣщенія, сколько это допускается существующимъ закономъ, и еслибы при этомъ законодательство расширялось подъ вліяніемъ умножающихся свѣта и тепла, то Россія со временемъ стала бы просвѣщенной и цѣль соціализма была бы въ ней достигнута. Противъ этого спорить нѣтъ возможности.

— Но?

— Но что, еслибы ни одинъ изъ насъ пальцемъ не пошевельнулъ для общаго дѣла?

— Тогда я бы сказалъ, что Россія погибла и по собственной волѣ. Но замѣтьте, что вы дѣлаете предположеніе невозможное.

— Ну, а еслибы законодательство, вмѣсто того, чтобы расширяться подъ вліяніемъ тепла, производимаго патріотическимъ движеніемъ нашихъ пальцевъ, все бы съуживалось и стало бы прихлопывать всѣхъ тѣхъ, у кого пальцы лежатъ не по швамъ?

Опять предположеніе немыслимое. Я не могу допустить, чтобы вы въ своей дѣятельности руководствовались такими легковѣсными соображеніями. Реакціи вездѣ могутъ быть и бываютъ: взгляните въ исторію любого европейскаго государства. Но я не стану вамъ говорить, что прежде осужденія реакціи намъ надо отъискать всѣ поводы къ ней,—я только укажу на несомнѣнный фактъ, который и вы отвергать не станете, именно тотъ фактъ, что, не взирая на всѣ реакціи, прогрессъ вездѣ беретъ верхъ. Стоитъ намъ взять періодъ времени нѣсколько покрупнѣе, напримѣръ, въ 20 — 30 лѣтъ, и непремѣнно увидимъ въ итогѣ прогресса весьма значительный плюсъ.

Мой собесѣдникъ хмурилъ брови и не глядѣлъ на меня.

— Задача теоретиковъ очень легка, началъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, потому легка, что они имѣютъ дѣло съ умомъ человѣческимъ. Когда вамъ кажется, что умъ погрѣшаетъ, вамъ стоитъ только предъявить ему правильно построенный силлогизмъ, — и умъ тотчасъ же безусловно сдается. Не таковъ удѣлъ людей практики. Мы ратуемъ не противъ ума, а противъ глупости, врага безмозглаго, безумнаго, безпутнаго, безчестнаго. Глупость не идетъ ни на какія сдѣлки, а если пойдетъ, то слова не сдержитъ,—ее нельзя ни убѣдить, ни умолить, ни усовѣстить, ни даже устранить. Она все равно, что назойливая зловредная муха: ее можно только поймать и раздавить.

Подумавъ нѣсколько, онъ продолжалъ: ловкость и сила—вотъ, что̀ намъ нужно прежде всего: а вы, господа теоретики, не отказывайтесь освѣщать намъ поле нашего дѣйствія, указывайте намъ врага, предостерегайте насъ отъ пропастей, въ которыя не трудно свалиться, когда приходится сражаться во тьмѣ кромѣшной, обдумывайте законы для будущаго общественнаго строя и т. д., но не требуйте отъ насъ, чтобы мы стали заговаривать муху вашими прекрасными сил-

логизмами. Превратись муха, коли еще можетъ, въ человѣка—и мы тотчасъ же измѣнимъ нашу тактику, но не прежде.

Согласитесь по крайней мѣрѣ съ тѣмъ, возразилъ я, что муху вы ловите и давите, конечно, не въ качествѣ соціалистовъ и что соціализмъ тутъ ужъ рѣшительно ни при чемъ.

— Ошибаетесь,—отвѣчалъ онъ. — Еслибы мы не вѣровали, еслибъ не были убѣждены, что наша революція будетъ въ мірѣ, по крайней мѣрѣ, въ европейскомъ мірѣ послѣднею, то, пожалуй, мы бы въ нее не кинулись. Мы не пойдемъ расчищать путь и отворять двери для какого-нибудь новаго Бонапарта.

А развѣ французская революція имѣла въ виду пришествіе Бонапарта? Она не меньше васъ мечтала о водвореніи царства свободы, равенства, братства.

— Правда; но если это царство тогда не наступило, то виноваты были вовсе не революціонеры, а философы, теоретики, не съумѣвшіе ни предвидѣть возможное появленіе диктатора, ни придумать для человѣчества огражденій противъ диктатуры. Вотъ почему, если результатъ нашей революціи окажется такимъ же плачевнымъ, какъ результатъ революціи французской, мы обвинимъ васъ, вы это знайте. Не ваша ли наука обѣщаетъ обезпечить намъ на извѣстныхъ условіяхъ миръ и свободу? Надѣюсь, что вы не подумаете вмѣнить намъ въ преступленіе наше довѣріе и уваженіе къ вашей наукѣ!

Извините, но именно я не вижу въ васъ уваженія къ наукѣ.

— Почему такъ?

Наука поступаетъ съ вами добросовѣстно и правдиво, она не скрываетъ отъ васъ своихъ чаяній, гаданій, желаній, предположеній и всевозможныхъ гипотезъ. И я знаю, что на эту, такъ сказать, поэтическую сторону науки вы очень падки и даже нерѣдко придаете чаяніямъ науки болѣе значенія, нежели сами ваши профессора. Но у науки есть еще другая сторона, скучная и прозаичная, это правда, зато вполнѣ достовѣрная, предлагающая вамъ истины несомнѣнныя, вполнѣ дознанныя, но ихъ-то вы либо игнорируете, либо всегда стараетесь какъ нибудь обойти.

— Сдѣлайте одолженіе, укажите примѣръ.

Не сами ли вы сейчасъ сказали, что наука гарантируетъ вамъ миръ и свободу *на извѣстныхъ условіяхъ?*

— Сказалъ и готовъ повторить.

Но вѣдь самое первое условіе, которое она ставитъ, гласитъ такъ: не призывайте Бонапартовъ.

— Да мы же ихъ не зовемъ.

Entendons-nous. Вѣрно, что вы не захотѣли бы посадить Наполеона на всероссійскій престолъ; но отвѣчайте мнѣ по совѣсти, положа руку на сердце: вѣдь вы бы очень обрадовались, еслибы между вами проявился человѣкъ съ наполеоновскимъ военнымъ геніемъ или хоть бы Пугачевъ *съ организаторской головой*, по которомъ такъ вздыхаютъ распространяемыя въ кругу вашемъ книжки? Такому молодцу вы бы не замедлили сейчасъ же передать главное начальство надъ всей вашей революціонной арміей. *Но вспомните, что тутъ уже всѣ гарантіи науки для васъ прекращаются, да и сами вы отъ нея отступаетесь.*

N. молчалъ. Онъ задумался и, мнѣ казалось, не находилъ отвѣта.

Вы, какъ юноша, пылки и нетерпѣливы, продолжалъ я. Вы всегда требуете отъ жизни немедленнаго исполненія всѣхъ вашихъ желаній и мечтаній; а такъ какъ они не носятъ на себѣ личнаго характера, такъ какъ вы стремитесь какъ можно скорѣй доставить счастье не самимъ себѣ, но всѣмъ ближнимъ вашимъ, всему народу, вашему обожаемому отечеству, то ваше юношеское нетерпѣніе подгоняется въ груди вашей великодушіемъ вашихъ стремленій и оно доходитъ до страсти. Все это какъ нельзя болѣе понятно. Но не забывайте, что въ роли революціонера вы выступаете уже какъ *общественный дѣятель*, и поймите, что обществу нѣтъ никакого дѣла до вашей юности и до вашего личнаго темперамента. Ему вы можете служить только правдой, одною трезвой правдой. А гдѣ же трезвость въ вашихъ отношеніяхъ къ Пугачеву, который самъ-пьянъ пьянешенекъ?! Вы говорите, что готовы принесть себя въ жертву общему дѣлу, но, говоря искренно, я и тутъ не вижу правды.

— Какъ, и это по вашему неправда? Неужели мы и этого не доказали сотни разъ?

Нѣтъ, не доказали. Мы видѣли, что вы отдавали ему ваше имущество, даже вашу жизнь, это вѣрно.

— Что же можемъ мы отдать еще?

Что еще? — Вашу нетерпѣливость и, извините за выраженіе, нервозность вашего настроенія, а именно такая жертва ему

всего дороже отъ общественнаго дѣятеля. На что намъ ваша смерть или ваша кровь, какая польза для насъ въ вашемъ одиночномъ заключенiи или въ вашихъ работахъ на каторгѣ? Убѣдитесь въ томъ, что Россiи нужна не смерть ваша, *а жизнь.* Русскiе люди уже слишкомъ много разъ, да, слишкомъ много разъ доказывали, что умѣютъ умирать. *Но жить* они, положительно, не умѣютъ, еще не научились и отсюда вся ихъ бѣда. Да и кто же можетъ знать, какъ велика, или какъ ничтожна ваша жертва, когда вы отдаете вашу жизнь? Очень можетъ быть, что и сами-то вы цѣните ее въ копѣйку. Жизнь—копѣйка,—поговорка наша, русская, и такихъ копѣекъ, вы это знаете, было не мало отдано нами по разнымъ поводамъ, вотъ хоть бы по поводу сербской войны. И вотъ на эту копѣйку покупался великiй титулъ героя: развѣ это не афера своего рода? Пожалуйста, не подумайте, будто я вамъ проповѣдую терпѣнiе ради терпѣнiя или ради нравственной дисциплины. Я съ вами разсуждаю не какъ отвлеченный моралистъ и рекомендую терпѣнiе единственно потому, что считаю нетерпѣнiе вреднымъ или, по крайней мѣрѣ, безполезнымъ. Вы хотите, ни мало, ни много, передѣлать весь существующiй общественный строй, дать человѣчеству цѣлое новое мiровоззрѣнiе и думаете этого достигнуть чѣмъ же?—революцiей!! Позвольте спросить васъ, сколько десятковъ лѣтъ должна она длиться?—Поймите же, что вы сами себя становите въ положенiе абсурдное.

— Что же, по вашему мнѣнiю, надо намъ теперь дѣлать?

Мой искреннiй совѣтъ былъ бы слѣдующiй: прежде всего вамъ надо публично и торжественно, *непремѣнно торжественно* всѣмъ юношествомъ и передъ лицомъ всей Россiи заявить, что вы отказываетесь напередъ отъ всякой революцiонной дѣятельности, отъ всякой, и чтобы это стало для всѣхъ несомнѣнно; а потомъ—начать прилежно учиться. Когда вы совершите такой торжественный отказъ отъ революцiи, тогда, повѣрьте, двери всѣхъ учебныхъ заведенiй настежъ откроются передъ вами, и само высшее правительство станетъ за вами ухаживать, какъ за будущей силой Россiи. А затѣмъ вы и все общество примирите съ такимъ соцiализмомъ, который всю свою задачу основываетъ на воспитанiи людей въ самыхъ мирныхъ и миролюбивыхъ началахъ. Да не забывайте никогда еще и того, что вы—юноши русскiе и имѣете дѣло съ народомъ, убереженнымъ судьбою отъ принциповъ римскихъ, уже и теперь не знающимъ сословныхъ раздѣленiй, съ народомъ какъ нельзя болѣе вѣротерпимымъ и стремящимся къ осуществленiю своего историческаго идеала не въ грубой конституцiонной борьбѣ большинства съ меньшинствомъ, но въ общинномъ единогласiи подъ эгидой самодержавной власти.

— Самодержавной власти?

Непремѣнно. Вы, если я не ошибаюсь, сторонникъ общиннаго начала?

— Безъ сомнѣнiя.

Но вѣдь это начало чисто крестьянское, а семидесятимилліонный крестьянскiй мiръ не пойдетъ ни за дворянствомъ, ни за буржуазiей. Или вы этого не знаете? Царь есть единственный и самый вѣрный оплотъ крестьянства противъ аристократическихъ или мѣщанскихъ конституцiй; онъ и въ будущемъ лучшая гарантiя противъ возникновенiя всякихъ привилегированныхъ правящихъ классовъ. И нѣтъ сомнѣнiя, что всею массой своей дружно и увѣренно Россiя можетъ идти только за самодержавнымъ, т.-е. свободнымъ царемъ, независящимъ ни отъ бояръ, ни отъ плутократовъ. Сама исторiя заставляетъ насъ создать новый, небывалый своеобразный политическiй строй, для котораго не подъищешь другого названiя, какъ —*самодержавной республики.* Европа, конечно, не скоро насъ пойметъ, да вѣдь не въ этомъ и дѣло. Согласны вы со мной?

— Не знаю. Дайте хорошенько обдумать. Во всякомъ случаѣ вы высказываете мысль очень оригинальную, и я вамъ за нее благодаренъ.

А я вамъ еще разъ повторю, что посредствомъ революцiи возможно отъ любого правительства добиться какой-нибудь конституцiи, это мы знаемъ изъ исторiи; но въ виду цѣлей соцiалистическихъ революцiя—чистая нелѣпость. Не смущайтесь, если увидите, что западно-европейскiе соцiалисты не прекратятъ свою революцiонную дѣятельность по примѣру вашему. Въ Европѣ, къ ея несчастiю, совершенно иныя условiя, чѣмъ у насъ: тамъ монархи ограниченные, связанные, находящiеся во власти правящихъ классовъ. Эти монархи могутъ подойти къ народу и народъ къ нимъ не иначе, какъ *устраняя аристократiю и буржуазiю,* что невозможно безъ насильственныхъ средствъ, болѣе или менѣе

крутыхъ, революціонныхъ. Вотъ вамъ и объясненіе революціонной дѣятельности людей, подобныхъ Карлу Марксу. Вѣдь онъ не врагъ ни германскаго императора Вильгельма, ни королевы Викторіи; онъ врагъ юнкеровъ, князей, пэровъ, лордовъ, маркизовъ, банкировъ, фабрикантовъ и т. д., не такъ ли?

— Это правда.

Такъ неужели вы бы и въ Россіи захотѣли создать стѣнку между верховною властью и народомъ?

— Избави Богъ!

Такъ знайте же, что *революція, да еще такая, которая поднимается вами во имя народа и какъ бы съ его соизволенія* (котораго въ дѣйствительности нѣтъ), можетъ заставить верховную власть подумывать о сооруженіи буржуазной стѣнки въ интересахъ своего собственнаго огражденія; а матеріалъ для нашей стѣнки откуда же взять, какъ не изъ кулаковъ, міроѣдовъ, жидовъ, кровопивцевъ и всякихъ проходимцевъ, у которыхъ, кромѣ грѣха, ничего нѣтъ за душой? Другого матеріала наша исторія не выработала. Я, признаюсь, сильно подозрѣваю, что денежки, коими располагаетъ наша революціонная молодежь, сама по себѣ очень не богатая, идутъ не отъ Биконсфильдовъ или Бисмарковъ, какъ то думаютъ нѣкоторые, но отъ нашихъ доморощенныхъ любителей конституцій. Эти господа очень хорошо знаютъ, что вы работаете прямо имъ въ руки.

— Почему вы такъ думаете?

Нынче они эксплуатируютъ народъ частенько *вопреки* закону и потому могутъ подвергаться взысканіямъ. Существующій законъ, хотя и насильно, но все же ограждаетъ крестьянство и его общинное землевладѣніе. Царь никогда не выдастъ мужика съ руками и ногами. Кому же не ясно, что какъ только царь свяжетъ мужика, такъ въ ту же минуту конституція свяжетъ царя? И тогда-то эксплуататоры станутъ обирать народъ уже по всей строгости ими же самими созданнаго закона, и крестьянство русское будетъ въ самое непродолжительное время точно такъ же въ концѣ обезземелено, какъ въ Англіи.

— Вы говорите о кулакахъ, жидахъ, проходимцахъ, отчего забываете вы русскую интеллигенцію?

Вы, кажется, меня искушаете? Нѣтъ, я ее не забываю. Помилуйте, наши генералы, адмиралы, предводители экспедицій, интендантское и коммисиріатское начальство, наши министры, дипломаты, тайные и дѣйствительные тайные совѣтники, князья, графы и бароны, заправители банковъ, желѣзнодорожные господа, концессіонеры, наши облакаты и т. д. и т. д., да они во вѣки не забыты! А гласные нашихъ земствъ развѣ лучше? Еще на этихъ дняхъ гласные Москвы имѣли безстыдство высказать въ публичныхъ рѣчахъ, что образованіе вредно для народа! И даже наше ученое сословіе полно такихъ личностей, которые готовы будутъ писать вамъ трактатцы по соціологіи, но въ то же время вести съ крестьянами процессы нетолько безсовѣстные, но и противозаконные. Да, существующій законъ, нашъ государственный законъ не въ примѣръ нравственнѣе нашей интеллигенціи, и еслибы онъ всегда и всѣми соблюдался, то въ Россіи жить было бы очень еще не худо. Но кто же нарушаетъ его вездѣ и ежеминутно, какъ не интеллигенція? Нѣтъ сомнѣнія, что въ ея средѣ найдутся люди почтенные, сохранившіеся, честные, но они не могутъ идти въ разсчетъ тамъ, гдѣ вся масса на сквозь прогнила, развратилась, изолгалась, изворовалась, умъ и сердце истаскала въ лакействѣ и затеряла всякій инстинктъ чести, даже простой стыдъ.

— Да вы говорите совершенно какъ одинъ изъ насъ!

Вотъ это самое и даетъ мнѣ право и силу воздерживать васъ отъ непотребныхъ революціонныхъ замашекъ, которыя могутъ нанести русскому народу самый смертельный ударъ. Взгляните на западъ Европы: вездѣ тамъ уже давно заведены конституціонные порядки (и интеллигенціи тамъ много болѣе, чѣмъ у насъ), но и вездѣ вулканы революціи, если не въ дѣйствіи, то въ видѣ постоянной ужасной угрозы. Откуда революціонныя движенія и что они означаютъ? Они нынче не что иное, какъ порывы, стремленія простого народа къ союзу съ верховною властью, съ которой онъ разлученъ. Тутъ, очевидно, мирное развитіе не мыслимо. Неужели такое зрѣлище можетъ вамъ казаться привлекательнымъ и достойнымъ подражанія въ землѣ нашей, гдѣ численный перевѣсъ простонародья надъ всѣми остальными классами такъ страшно громаденъ?... Да, милостивый государь, если вы въ истину патріотъ, то вамъ еще *не разъ придется поблагодарить Александра Николаевича за то, что онъ не торопится дать Россіи конституцію!!* Не чаю я добра для народа отъ той, которую онъ называетъ

Константиновой женой. Конституція это — плѣнъ Царя и разореніе народа въ пользу ничтожнѣйшаго и притомъ развратнѣйшаго меньшинства.

— Вы правы.

Вся будущность Россіи, ея внутреннее спокойствіе, ея богатство, просвѣщеніе, свобода, прогрессъ и вмѣстѣ внѣшнее ея величіе,—все это лежитъ *въ правильномъ и справедливомъ рѣшеніи аграрнаго вопроса*, который у насъ нынче на первой очереди. Вотъ гдѣ вся суть,—я думаю, что противъ этого вы спорить не станете. Но кто же тормозитъ дѣло? —Интеллигенція, *одна она*, а не верховная власть, для которой, въ дѣйствительности, никакой нѣтъ выгоды въ забитости, нищетѣ и невѣжествѣ семидесяти милліоновъ подданныхъ самыхъ консервативнѣйшихъ. Если верховная власть и дѣйствуетъ иногда какъ бы въ согласіи съ интеллигенціей, такъ это съ ея стороны только временная ошибка, со стороны интеллигенціи—это злой разсчетъ. Не ясно ли все это какъ Божій день? Позвольте мнѣ теперь напомнить вамъ одно очень умное слово Ю. Ѳ. Самарина. Онъ гдѣ-то сказалъ: „Въ идеалѣ русскомъ представляется самодержавная власть, вдохновляемая и направляемая народнымъ мнѣніемъ“. Мнѣ кажется, что это вполнѣ вѣрно. Тутъ выражено органическое единство власти и народа, а такъ какъ народъ, безъ сомнѣнія, по самому существу своему самодержавенъ, то и единая съ нимъ власть, *eo ipso*, должна быть самодержавной. Когда наша интеллигенція вся сполна перейдетъ, втянется въ народъ и перестанетъ отдѣляться отъ него не только правами и положеніемъ, но и тенденціями своими, когда она перестанетъ жить обособленной корпораціей, какъ нѣкая опричнина въ землѣ, т.-е. когда она вполнѣ сброситъ съ себя безнравственную и развращающую ее рознь съ народомъ, тогда Россія станетъ тѣмъ, чѣмъ ей быть должно и по демократическому ея складу и по смыслу всей ея прошлой исторіи, выдвигавшей на первый планъ только Царя и народъ. Погнавшись за европейскими образцами, мы сбились съ нашего историческаго пути. Отсюда всѣ наши ошибки, всѣ невзгоды. Намъ не удалось, да и не могло удаться сдѣлаться нѣмцами, французами или англичанами, но мы уже стали и не-русскими въ полномъ смыслѣ этого слова. Мы говорить разучили, писать забыли, творчество наше изсякло, мы жили и пробавлялись постоянно чужимъ, мы думали не своими мозгами. Я не стану отвергать того, что такой тяжелый искусъ нуженъ былъ намъ, по волѣ судебъ отставшимъ отъ цивилизаціи другихъ народовъ, но все же не могу смотрѣть на него иначе, какъ на временное испытаніе, а не всегдашнее наше назначеніе —вѣчно оставаться въ хвостѣ другихъ и не имѣть ничего своего. И нынче наступилъ роковой часъ, когда мы должны сдѣлаться опять самими собою: когда европейская цивилизація уперлась лбомъ въ стѣну ею самой созданнаго пролетаріата, и сама не знаетъ, какъ ей быть и что дѣлать, то какою же она можетъ быть намъ указчицей?! „*Da stehen die Ochsen am Berge*“, скажемъ мы ей и еще посмотримъ, — не намъ ли придется выручить ее и, на этотъ разъ, выручить изъ бѣды гораздо болѣе опасной, чѣмъ иго Наполеоновское!

— Я теперь вполнѣ понялъ вашу мысль и только попросилъ бы васъ представить мнѣ болѣе ясный образъ той политической формы, которую вы считаете самой естественной для Россіи,—сказалъ N.

Я начинаю съ крестьянской общины, вполнѣ автономной во всѣхъ дѣлахъ, до ея одной касающихся; затѣмъ союзы общинъ уѣздные и губернскіе или областные со своими выборными представительствами: а цѣлое завершится общимъ земскимъ соборомъ подъ предсѣдательствомъ самодержавнаго, наслѣдственнаго Царя. Для того наслѣдственнаго, чтобы не было борьбы партій и смуты при его избраніи, для того самодержавнаго, чтобы онъ могъ быть всегда Царемъ *всѣхъ*, а не того случайнаго большинства, благодаря которому онъ бы царствовалъ.

— А вы не боитесь злоупотребленій власти?

Какъ не бояться ихъ! Но употребить во зло можно все на свѣтѣ и при всякихъ порядкахъ.

— Однако, чѣмъ больше огражденій....

Тѣмъ, конечно, лучше. Но я желаю огражденій не внѣшнихъ, а внутреннихъ. Ахъ, господа, пуще всего остерегайтесь средствъ искуственныхъ: берегитесь, чтобы у васъ на мѣсто живого Царя не воцарилось мертвое огражденіе, съ которымъ вы потомъ сами не справитесь! Но, замѣтьте, какой странный оборотъ принялъ нашъ разговоръ. Мнѣ приходится предостерегать васъ, соціалиста, противъ конституціонныхъ тенденцій! Не явное ли это доказательство лживости того

революціоннаго начала, которое вы совершенно незаконно и нелогично вносите въ соціализмъ и производите въ немъ раздвоеніе, васъ самихъ путающее? Да, вамъ необходимо выбрать одно изъ двухъ: мирный прогрессъ соціализма, или революціонныя конвульсіи конституціи.

— Неужели однако,—перебилъ меня N.,— вамъ и англійская конституція не представляется такою, при которой мирный прогрессъ возможенъ и даже вѣроятенъ?

Нѣтъ, отвѣчалъ я, англійская конституція, безспорно, самая совершенная. Но это машина, которая, захватывая человѣчество въ свои колеса, переработываетъ его въ себѣ и выпускаетъ уже не въ видѣ людей, но, въ одну сторону — въ видѣ одичалыхъ, вымученныхъ, въ другую — въ видѣ образцово выхоленныхъ—звѣрей. Такой прогрессъ уже и самъ по себѣ не представляется мнѣ очень-то мирнымъ, но, кромѣ того, онъ азартный и вѣчно виситъ на волоскѣ. Несомнѣнно, что какъ только освободится Индія, а минута эта уже не далека, и Англію постигнетъ такая катастрофа, какой свѣтъ еще не видѣлъ. Да и въ самой себѣ она не мирна, взгляните на Ирландію... Безсердечіе, вотъ главный продуктъ, который производитъ Англія, какъ у себя дома, такъ и всюду, куда она является: имъ она обогащается, имъ она нынче сильна, имъ же она завтра погибнетъ. Отнимите у нея безсердечіе—и конституція ея развалится. Родина дарвинизма давно внесла зоологическіе законы въ общество человѣческое и ими постепенно оскотиниваетъ людей... Нынче Россія вступаетъ съ Англіей въ борьбу по всей своей южной и юго-восточной границѣ. Побѣдить своего врага она ничѣмъ не можетъ такъ успѣшно, какъ своею человѣчностью. А что̀ это значитъ, я думаю, объяснять не надо. Но прошу васъ замѣтить, что верховная власть, при всемъ ея желаніи, и не можетъ быть вполнѣ гуманною покуда не гуманны тѣ классы, которые стоятъ между народомъ и ею. Вспомните поучительный фактъ, что въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ высшее правительство стало съ самаго начала на гораздо болѣе либеральную, вѣрную и патріотическую точку зрѣнія, чѣмъ вся масса дворянства, и что эта, такъ называемая, интеллигенція, постаралась испортить эмансипацію насколько въ эту минуту могла, не возбуждая противъ себя слишкомъ великаго негодованія народа. Вѣдь Государь былъ совершенно правъ, когда сказалъ московскому дворянству, а въ его лицѣ и всему русскому: *„Я опередилъ васъ на пятьдесятъ лѣтъ“*. И вотъ этому-то *отсталому* дворянству вы бы нынче захотѣли вручить конституціонную власть? Или, можетъ быть, вы думаете, что съ тѣхъ поръ наша интеллигенція выросла, исправилась? Такъ посмотрите, что̀ вокругъ насъ творится: какъ только наши передовые люди (очень ихъ у насъ немного) заводятъ въ печати или въ земствахъ толки о раззореніи всего крестьянства, о необходимости прійти ему на помощь, о безбожно малыхъ надѣлахъ, о крайнемъ истощеніи податной силы, о допущеніи переселеній, о школахъ, о дешевомъ кредитѣ и т. д. и т. д., такъ тотчасъ вся масса интеллигенціи подыметъ гвалтъ, толки заглушаются, передовыхъ людей ссылаютъ административнымъ порядкомъ. Не забудьте, что все это совершается при самодержавномъ Царѣ, что же будетъ тогда, когда *эта* интеллигенція станетъ сама *правящимъ классомъ?!*

— Позвольте же,—быстро остановилъ меня N.,—у насъ, слава Богу, конституціи формальной, *de jure* еще нѣтъ. Однако она существуетъ *de facto*. Вы сами сейчасъ сказали, что верховная власть не можетъ быть вполнѣ гуманною, покуда не гуманны промежуточные классы, отдѣляющіе ее отъ народа. Значитъ и мы имѣемъ стѣну, которую необходимо пробитъ во что бы то ни стало.

О, не горячитесь, наша стѣнка не каменная, не настоящая, не такая, какія существуютъ въ Европѣ! Это на скорую руку сколоченный изъ сборнаго теса, на которомъ только намалевана крѣпость въ подражаніе французамъ или англичанамъ. Она одного дня не проживетъ и разлетится въ щепки, какъ только вы найдете вѣрную формулу для истинныхъ народныхъ требованій. Но вы сами ее еще не нашли, вы даже не согласились хорошенько между собой насчетъ общей программы дѣйствія, въ вашей собственной средѣ ежеминутно образуются расколы. Это, пожалуй, еще небольшая бѣда и нельзя винить васъ за то, что вы не умѣли или не успѣли поймать истину. Я васъ виню главнымъ образомъ за то, что вы затѣваете революцію, которая вамъ нисколько не поможетъ, потому что народъ вы не поднимете, а безъ него вы безсильны. Да и покуда вы мечетесь во всѣ стороны, грозите, строите заговоры, неистовствуете, тесовый заборъ

нашъ все крѣпнетъ, да крѣпнетъ, старыя, гнилыя доски замѣняются въ немъ новыми, да потолще, уже припасается кирпичъ и увѣсистый булыжникъ,—на всякій случай и защитники со всѣхъ сторонъ приманиваются такіе, которые съумѣютъ дать отпоръ кому угодно и противъ чего угодно.......Если вы мечтаете о томъ, чтобы для счастья и утѣшенія вашего отечества создать въ землѣ русской плохую копію западной Европы, ну, тогда вы на самомъ истинномъ пути: продолжайте вашу революцію еще и еще. Но если вкусъ у васъ потоньше и помыселъ повыше, то воздержитесь отъ всякихъ безобразій, отъ всего темнаго и насильственнаго, всегда помня, что соціальный вопросъ есть по преимуществу вопросъ нравственный.......Не знаю, какъ вы, а я до такой степени ненавижу копіи, что въ ту же минуту, когда у насъ появится таковая, навсегда убѣгу туда, гдѣ можно видѣть оригиналы, и оттуда буду смотрѣть на русскій народъ какъ на такой, для котораго—все хорошо! Тогда гоненіе на славянство со стороны всякихъ Бисмарковъ будетъ въ моихъ глазахъ вполнѣ оправдано не только съ ихъ нѣмецкой точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія всемірной цивилизаціи, въ которую Россія ничего своего вносить не можетъ и за эту импотенцію должна быть отодвинута на самый послѣдній планъ. Но и помимо этого, Россія, съ самаго момента появленія въ ней копіи, намалеванной нашими министерскими малярами, вступитъ въ період несканчаемыхъ, безъисходныхъ внутреннихъ потрясеній, которыя истощатъ всѣ ея силы и сдѣлаютъ ее неспособной ни къ какому развитію. Прошу васъ обратить вниманіе на слѣдующее: чѣмъ бѣднѣе капиталами, чѣмъ умственно неразвитѣе и, ко всему этому, чѣмъ малочисленнѣе правящіе классы относительно всей массы населенія, тѣмъ они будутъ чувствительнѣе ко всякому давленію какъ сверху, отъ царя, такъ снизу, отъ народа; слѣдовательно, имъ необходимо будетъ обставить себя самыми страшными, чудовищными привиллегіями, которыя всею своей тяжестью лягутъ на народъ и постараются придавить его елико возможно. Такимъ образомъ наша конституція принесетъ крестьянству уже не крѣпостную неволю, но полнѣйшую кабалу.......Мой взглядъ на вещи можетъ быть ошибочнымъ, но если онъ имѣетъ за себя хоть какія-нибудь данныя, то это уже обязываетъ насъ къ крайней осторожности, должно воздерживать насъ отъ поспѣшныхъ рѣшеній и особливо отъ грубыхъ революціонныхъ пріемовъ, которые вынуждаютъ къ торопливости мѣропріятій въ ту или другую сторону.

Разговоръ нашъ кончался, но мнѣ не хотѣлось отпустить отъ себя N., не взявъ съ него обѣщанія воздерживаться напередъ отъ всякихъ революціонныхъ попытокъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стараться дѣйствовать на своихъ товарищей въ смыслѣ высказанныхъ мною мнѣній, съ которыми онъ повидимому соглашался. Но N., какъ бы спохватившись, вскочилъ со стула и началъ быстрыми шагами ходить по комнатѣ. Это продолжалось минуты двѣ. Наконецъ, онъ остановился и проговорилъ очень рѣшительно: нѣтъ, этого я не могу обѣщать ни за моихъ товарищей, ни за себя!

— Почему же?—спросилъ я въ изумленіи.

— Вотъ видите ли,—отвѣчалъ онъ,—мнѣ не трудно было бы соглашаться съ вами потому, что самъ я не разъ приходилъ къ выводамъ весьма аналогичнымъ. Новостью для меня была одна ваша „самодержавная республика". Но если она меня не ошеломила и я не расхохотался вамъ въ лицо, такъ это благодаря тому, что у меня тутъ же промелькнула мысль: почему Россіи, въ самомъ дѣлѣ, не осуществить самодержавную республику, когда она ухитрилась создать нѣчто гораздо труднѣйшее?

— А именно?

— *Самодержавную анархію!* Развѣ мы не живемъ, и довольно-таки давно, въ самодержавной анархіи?

— Да, вы правы,—невольно вырвалось у меня,—это—самодержавная анархія! *Вездѣ—власть, всѣ—власть, и нѣтъ ея только въ центрѣ!* Царскій указъ имѣетъ силу на Кавказѣ, въ Ташкентѣ, на границѣ Индіи, въ Камчаткѣ, но самъ царь въ своей собственной столицѣ не можетъ показаться на улицѣ одинъ, безъ цѣлаго конвоя тѣлохранителей!!! Кто же его загналъ въ Зимній дворецъ? Не крестьяне же русскіе, сидящіе по деревнямъ, не духовенство смиренное, не купечество толстобрюхое. Такъ неужели же сотня безшабашныхъ удальцовъ? Помилосердуйте! И не признавайтесь въ этомъ, не срамите себя. Мы смиряли не разъ возстанія цѣлыхъ народовъ и не можемъ нынче справиться съ горстью гимназистовъ! Кто же этому повѣритъ? А еслибъ это дѣйствительно такъ было,

такъ, воля ваша, намъ пришлось бы только преклониться передъ гимназистами, заставляющими трепетать цѣлое громаднѣйшее царство и самого его царя! Нѣтъ, тутъ обманъ очевиденъ! Но если не крестьяне, не духовенство, не купечество и не гимназисты, такъ кто же?—*Вѣдь остается одна интеллигенція, жаждущая конституціи!*

— Ну, вотъ и доискались! — воскликнулъ N. и продолжалъ:—одинъ весьма почтенный нѣмецъ изъ остзейцевъ, разсуждая въ моемъ присутствіи о поступкѣ Вѣры Засуличъ, сказалъ, что ей слѣдовало бы чулки вязать, а не стрѣлять въ градоначальниковъ, что она дѣлаетъ не свое дѣло. Конечно, нѣмецъ говорилъ сущую правду, противъ которой спорить нѣтъ возможности: да только онъ упустилъ изъ вида одно весьма важное обстоятельство, то, что въ Россіи не одна Вѣра Засуличъ, но всѣ безъ исключенія *дѣлаютъ не свое дѣло.* Неужели взаправду дѣло министра финансовъ грабить Россію, неужели дѣло министра просвѣщенія преграждать молодежи всѣ пути къ ученію, неужели дѣло полководца отравлять своихъ солдатъ протухлыми сухарями, неужели дѣло чиновниковъ, этихъ царскихъ слугъ, всюду творить беззаконія, чинить неправды, обиды, утѣсненія и становиться притчею во языцѣхъ, неужели дѣло педагоговъ забивать мозги юношества, неужели дѣло малолѣтнихъ дѣтей помышлять о самоубійствѣ и т. д., и т. д.? Анархія не ограничилась у насъ одними культурными классами; она гуляетъ и въ мужицкой средѣ: русскій мужикъ пересталъ дѣлать свое дѣло.

— Это какъ же?

— Въ Библіи Богъ сказалъ человѣку: „въ потѣ лица своего снѣсти хлѣбъ твой“. Посмотрите же: лицо мужика все въ поту, даже въ крови; *но хлѣба своего онъ не ѣстъ!!...* Ну, а когда главное, такъ сказать, приводное колесо въ машинѣ не дѣйствуетъ или дѣйствуетъ плохо, тогда во всей машинѣ неминуемъ хаосъ. Или это не такъ?.. Вотъ и мы, юноши, не дѣлаемъ своего дѣла, не учимся, а занимаемся революціей. Мы, стало быть, находимся въ полнѣйшей гармоніи со всѣмъ остальнымъ. За что же вы насъ преслѣдуете? Вы только тогда получили бы право называть насъ нарушителями общаго порядка, когда бы мы прилежно взялись за наши учебники. Но возможно ли требовать отъ юношества, чтобъ оно подавало всѣмъ примѣръ, и неужели это не показалось бы обиднымъ для васъ, стариковъ? Мы революціонеры—изъ уваженія къ вамъ!... Поймите же, что юношество сбито съ толку общею неурядицей и безсильно ей противиться. Это обстоятельство очень важное, на которое прошу обратить особенное вниманіе. Кидаясь въ революцію, русская молодежь *не имѣетъ ровно никакихъ идеаловъ,* не имѣетъ понятія ни о существѣ конституцій, противъ которыхъ вы хотѣли бы ее предостеречь, ни о существѣ будущаго соціалистическаго государства, и строитъ революцію, рѣшительно не вѣдая, куда и къ чему она можетъ ихъ привести. Она занимается беззаконіемъ въ великомъ царствѣ беззаконія....... „Все распущено“,—это слово вы нынче услышите во всѣхъ углахъ Россіи и во всѣхъ слояхъ общества, отъ низшихъ до самыхъ высокихъ.

— Вы, однако, не желали бы крутыхъ мѣръ и не сказали бы извѣстное: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“?

— Избави Богъ! Это было бы только лишней прибавкой къ существующему хаосу. Прежде всего я бы желалъ *строжайшаго и неуклоннаго исполненія закона во всѣхъ сферахъ, сверху до низу; а за тѣмъ — полнаго обезпеченія крестьянскаго хозяйства, или, какъ вы говорите, справедливаго рѣшенія аграрнаго вопроса царскою самодержавною властью и, наконецъ, податной реформы.* Когда мы перевалимъ черезъ этотъ главный и труднѣйшій порогъ, тогда русская жизнь снова потечетъ самымъ мирнымъ образомъ, и всѣ бурные революціонные порывы прекратятся сами собой за отсутствіемъ повода... Вы хотите, чтобы я началъ останавливать *теперь* моихъ товарищей, но это рѣшительно невозможно: они меня не поймутъ, или, просто, слушать не станутъ. Вопль, неумолкающій, страшный вопль, всюду поднимающійся съ самаго дна земли нашей, терзаетъ ихъ юныя сердца, мучитъ воображеніе, озлобляетъ душу. Встревоженныя, испуганныя, нерѣдко обезумѣвшія дѣти мечутся во всѣ стороны. Инымъ изъ нихъ удается юркнуть подъ крылышко школы. Но что же они и тутъ находятъ? Мертвое, отупляющее и развращающее школярство, невѣжественное и подозрительное къ нимъ отношеніе начальствующаго персонала, и вотъ бѣдняжки изгоняются или сами бѣгутъ изъ школы въ безшабашный, это правда, но все-таки просторъ революціи, заманчивый своими мечтательными цѣлями. А я, что могу

я одинъ противъ всей русской дѣйствительности, увлекающей ихъ съ силой урагана?! Да и не хочу я отстать отъ тѣхъ, съ кѣмъ дѣлилъ всю мою жизнь, и какъ бы ни былъ погибеленъ ихъ путь, погибну съ ними. Знайте, что, какъ ихъ, такъ и меня могъ бы спасти —одинъ Царь! У насъ теперь всюду раздаются вздохи: „Эхъ, кабы Петровская дубинка!“ А я скажу: Эхъ, кабы твердое царское слово!... Народъ давно и громко воетъ, къ Царю воетъ, надо, чтобы и Царь ему откликнулся: „*Слышу, сынку!*“ И пусть трепещутъ окружающіе его Мордохеи, уже давно съ избыткомъ получившіе мзду за свою усердную службу.

— Ну, а если такое слово не раздастся?— спросилъ я.

— Тогда,—отвѣчалъ N.,—будетъ продолжаться и усиливаться анархія, а съ нею и революція, которая, какъ я уже вамъ объяснялъ, есть неизбѣжный продуктъ самой анархіи точно такъ же, какъ бредъ бываетъ невольнымъ и неизбѣжнымъ спутникомъ горячки. Я съ вами откровененъ вполнѣ и, какъ вы сами можете видѣть, я не обманываю себя насчетъ той роли, которую мы, юноши, играемъ въ нынѣшнихъ судьбахъ Россіи. Мои товарищи будутъ, пожалуй, передъ вами хвастать и выставлять себя запѣвалами, идущими впереди всѣхъ, увлекающими за собой націю. Но я знаю, что въ дѣйствительности это вовсе не такъ, и снова повторяю вамъ, что ихъ неудержимо несетъ общій потокъ, ихъ гонитъ и толкаетъ вся совокупность абнормальныхъ условій нашей современности. Но тѣмъ хуже: *вѣдь они потому только и сильны и страшны, что дѣйствуютъ не отъ себя, не отъ своего ничтожества. Все ихъ ужасное значеніе именно въ томъ, что они—невольное и слѣпое орудіе силы вещей.* Еслибъ революція была ихъ собственнымъ изобрѣтеніемъ, вымысломъ, мозговымъ продуктомъ незрѣлыхъ головъ, не имѣющимъ никакой связи со всею окружающею дѣйствительностью, то она могла бы возбуждать въ насъ только жалость или презрѣніе. Но нѣтъ, тутъ разыгрывается не комедія, а ужасная трагедія, изъ-за которой грозно поднимаетъ свою голову и глядитъ сама судьба. *Мы, мальчики, страшны вамъ!!* Вѣдь не тѣмъ же мы страшнѣе, что мы мальчики, а тѣмъ, что въ нашихъ мальчишескихъ затѣяхъ отражается ваша старческая гнилость, и вы испугались вашего собственнаго безобразія!...

Мы оба замолкли. Надъ чѣмъ задумался N., я не знаю: но, признаюсь, я не думалъ ни о чемъ, или, пожалуй, обо всемъ, что въ сущности одно и то же. Я чувствовалъ себя подавленнымъ результатами, къ которымъ мы пришли. Чего ждать въ будущемъ, гдѣ искать исхода?... Мое мрачное раздумье прервалъ наконецъ N.

— Не малодушествуйте,—проговорилъ онъ,—ободритесь: спасеніе намъ еще возможно. *Пусть только прогремитъ на всю Русь твердое царское слово—и мы всѣ воскреснемъ!...*

N. ушелъ, и тутъ только я вспомнилъ, что онъ — революціонеръ, а между тѣмъ — какъ разсуждаетъ! Да, совсѣмъ, совсѣмъ не такъ, какъ тѣ, что называютъ себя консерваторами. Эти устроили въ Россіи облаву на царя и льстивыми словами заманиваютъ его въ свои сѣти... О, государь, не поддавайтесь! Такъ говоритъ вамъ человѣкъ, который никогда у власти ничего не просилъ, никогда въ ней не искалъ, ни въ какомъ вѣдомствѣ не служилъ и нынче не выставляетъ на показъ своего имени.

1880.

ПИСЬМО Ѳ. М. ДОСТОЕВСКОМУ.

М. Г. Ваша восторженная рѣчь въ Москвѣ, по случаю открытія памятника Пушкину, произвела потрясающее впечатлѣніе въ слушателяхъ самыхъ разнообразныхъ лагерей, на которые теперь дробится русская мысль. Полемика, возникшая по этому поводу между вами и профессоромъ Градовскимъ, сильно заинтересовала публику, и нумеръ „Дневника Писателя", посвященный этому спору, вышелъ уже вторымъ изданіемъ. Все это доказываетъ, что вопросы, которыхъ вы коснулись съ вашимъ необычнымъ талантомъ, всегдашнею искренностью и глубокимъ убѣжденіемъ, назрѣли въ умахъ и сердцахъ мыслящихъ людей въ Россіи и живо ихъ затрогиваютъ. Этому можно только радоваться, какъ признаку оживленія, послѣ многихъ годовъ нездороваго, летаргическаго равнодушія къ высшимъ человѣческимъ интересамъ. Что̀ мы такое? Куда идемъ? Куда должны идти?—эти русскіе національные вопросы, сами по себѣ близкіе всѣмъ намъ, возвышаются на степень общечеловѣческихъ въ томъ видѣ, какъ они поставлены въ вашемъ спорѣ съ профессоромъ Градовскимъ и ставятся у насъ чуть ли не всѣми мыслящими людьми. Что̀ важнѣе и существеннѣе, что̀ должно быть поставлено на первый планъ: личное ли нравственное совершенствованіе или выработка и совершенствованіе тѣхъ условій, посреди которыхъ человѣкъ живетъ въ обществѣ? Одни говорятъ: стремитесь къ внутренней, душевной, нравственной правдѣ, полюбите ее всѣми силами души, и сама собою сложится образцовая общественная жизнь; другіе возражаютъ: выработайте общественную жизнь, общественныя условія до возможнаго совершенства; и отдѣльныя лица станутъ сами собой естественно направляться на путь добра, нравственнаго развитія и совершенствованія.

Къ этому основному вопросу сводятся, въ концѣ концовъ, ученія славянофиловъ и западниковъ и то, что̀ думается, говорится и пишется теперь. Славянофилы выставили своимъ знаменемъ первое изъ двухъ приведенныхъ рѣшеній вопроса, отождествивъ его съ существеннымъ смысломъ греко-восточнаго христіанства и славянскаго народнаго генія; а такъ-называемые западники также рельефно и сильно выдвинули и поставили второе рѣшеніе, связавъ его неразрывно съ существеннымъ значеніемъ Петровской реформы и западно-европейской культуры. Какъ ни развѣтвлялись славянофильское и западное воззрѣнія, какъ ни видоизмѣнялись и не сближались они нѣкоторыми своими вѣтвями, все-таки основной тонъ ихъ различія, обозначенный выше, удержался и до сихъ поръ. Лучшіе люди того и другого лагеря признавали и признаютъ, что противники, до извѣстной степени, правы; но никогда ни тѣ, ни другіе не соглашались признать ихъ правыми въ принципѣ, составляющемъ, для тѣхъ и другихъ, исходную точку міросозерцанія. Взаимныя уступки дѣлались и дѣлаются крайне осторожно, съ важными оговорками, и тотчасъ же берутся назадъ, когда изъ нихъ можетъ возникнуть хотя бы малѣйшее сомнѣніе относительно существеннаго разномыслія въ основномъ и главномъ.

Вотъ въ чемъ, какъ мнѣ кажется, заключается чрезвычайная важность спора, поднятаго между вами и проф. Градовскимъ, и вотъ почему особенно желательно, чтобъ онъ когда-нибудь былъ доведенъ до конца. Рѣчь идетъ о принципахъ, глубоко коренящихся въ жизни и сознаніи. Борьба этихъ принциповъ не при насъ началась и едва ли при насъ окончится. Въ ней принимали живое участіе, въ продолженіе тысячелѣтій, самые глубокіе и свѣтлые умы.

Меня этотъ вопросъ живо занималъ въ послѣдніе годы; я часто и много о немъ думалъ, и все меня невольно къ нему возвращало. Поэтому, надѣюсь, вы найдете естественнымъ, что я впадаю въ вашъ споръ, такъ-сказать, съ боку-припеку, незванный-непрошенный. Ужъ, конечно, не рѣшать его я считаю себя призваннымъ, а только помочь его выяснить и поставить правильно. Это вездѣ и всегда главное, особливо у насъ,

при невообразимой путаницѣ нашихъ понятій, мѣшающей даже двумъ человѣкамъ столковаться между собою.

Вы произнесли слово: примиреніе партій. Да, кончить личные счеты, прекратить литературные турниры, вертящіеся на остроуміи, оставить дрянныя, плоскія и пошлыя взаимныя обвиненія—пора, давно пора! Пора спокойно, отбросивъ личности и взаимное раздраженіе, откровенно и прямо объясниться по всѣмъ пунктамъ. Но примиреніе въ смыслѣ соглашенія — это другое дѣло! Вы, человѣкъ вполнѣ искренній, конечно, не можете, говоря о примиреніи, разумѣть подъ нимъ дипломатическую сдѣлку, вооруженный миръ. Дурной миръ хорошъ, лучше доброй брани въ дѣлахъ практическихъ, ибо дѣйствительная жизнь есть безпрерывный рядъ сдѣлокъ, полу-искреннихъ, полу-лукавыхъ, съ задними мыслями; но въ вопросахъ науки, вѣры, убѣжденія добрая брань до настоящаго, честнаго мира—куда лучше! А такой миръ еще очень далеко впереди. Богъ вѣсть, когда онъ наступитъ! Наши русскіе споры отравлены, при самомъ ихъ началѣ, тѣмъ, что мы рѣдко споримъ противъ того, что̀ человѣкъ говоритъ, а почти всегда противъ того, что̀ онъ при этомъ думаетъ, противъ его предполагаемыхъ намѣреній и заднихъ мыслей. Такъ мы и встрѣчаемся другъ съ другомъ, такъ и въ дѣла между собою вступаемъ: вѣчно мы на-сторожѣ, вѣчно у насъ камень за пазухой. Оттого наши споры почти всегда переходятъ въ личности, наши дѣловыя отношенія такъ неопредѣленны и неточны, безпрестанно подаютъ поводъ къ тяжбамъ и процессамъ. Объективный смыслъ словъ и вещей въ нашихъ глазахъ имѣетъ мало значенія; мы всегда залѣзаемъ человѣку въ душу. И вы не остались чужды этой нашей общей слабости, вложивъ въ уста западниковъ размышленія, которыя серьезному человѣку не могутъ придти въ голову, а развѣ какому-нибудь шалопаю.

Освободимъ хоть мы съ вами наши разногласія отъ этого негоднаго придатка. Мы сами отъ этого много выиграемъ, и наши читатели, конечно, будутъ намъ за это очень благодарны.

I.

Начну съ разсмотрѣнія вашего взгляда на взаимныя отношенія у насъ простого народа и образованныхъ слоевъ общества, такъ какъ въ немъ рѣзко и наглядно выражается характерная черта славянофильскихъ ученій. Подобно славянофиламъ сороковыхъ годовъ, вы видите живое воплощеніе возвышеннѣйшихъ нравственныхъ идей въ духовныхъ качествахъ и совершенствахъ русскаго народа, именно крестьянства, которое осталось непричастнымъ отступничеству отъ народнаго духа, запятнавшему, будто бы, высшіе, интеллигентные слои русскаго общества.

Полемика, которая когда-то велась объ этихъ тезисахъ между славянофилами и западниками съ горячностью, подъ-часъ съ ожесточеніемъ, мнѣ кажется, уже принадлежитъ прошедшему. Чтобы понять теперь ея живой, дѣйствительный смыслъ, надо обратиться къ исторіи нашей культуры и поднимать архивы. Скажите теперь человѣку, не посвященному въ борьбу нашихъ партій, что русскій народъ—образецъ нравственнаго совершенства: онъ съ изумленіемъ вытаращитъ на васъ глаза и начнетъ по пальцамъ пересчитывать вамъ такія явленія изъ жизни русскаго народа, отъ которыхъ морозъ подираетъ по кожѣ. Скажите образованному человѣку, который слыхалъ только о славянофилахъ, но не знаетъ ихъ доктринъ, что онъ измѣнникъ русскимъ народнымъ началамъ, отщепенецъ отъ родной земли: онъ или обидится, или подумаетъ про себя, что у васъ голова не въ порядкѣ. Что русское крестьянство далеко не есть образецъ совершенства, что̀ люди, принадлежащіе къ образованнымъ классамъ нашего общества, такіе же преданные сыны своей родины, какъ и народныя массы, это знаютъ всѣ и каждый, и объ этомъ нѣтъ и не можетъ быть теперь никакого спора. Если объ этомъ когда-то иначе думалось, говорилось и писалось, на то были свои причины, теперь забытыя, о которыхъ надо вспомнить, чтобы понять суть вашихъ взглядовъ.

Всѣ люди и всѣ народы въ мірѣ учились и учатся у другихъ людей и у другихъ народовъ, и не только въ дѣтствѣ и юности, но и въ зрѣлые годы. Разница въ томъ, что, въ дѣтствѣ и юности, и люди и народы больше перенимаютъ у другихъ; а достигнувъ совершеннолѣтія, они пользуются чужимъ опытомъ, чужимъ знаніемъ, съ разсужденіемъ, разборомъ, критикой; въ дѣтствѣ и юности люди и народы, перенимая, подражаютъ, стараются сдѣлаться точно такими, какъ тѣ, кто имъ служитъ образцомъ; а перейдя въ

совершеннолѣтіе, они уже чувствуютъ себя, и стараясь совершенствоваться, усвоиваютъ себѣ чужое, не думая подражать и стать тѣми, отъ кого пользуются опытомъ и знаніями.

То же самое было и съ нами. Учились мы у всего міра, съ кѣмъ только ни были въ сношеніяхъ, чуть ли не у всѣхъ восточныхъ народовъ, у византійскихъ грековъ, у западныхъ и сѣверныхъ сосѣдей; но объ этомъ мы какъ-то забыли и вспомнили позднѣе, недавно. Особенно сильно и на-спѣхъ стали мы учиться у западно-европейскихъ народовъ. Нужда насъ къ тому принудила; а страстный характеръ Петра придалъ нашему ученію чрезвычайную стремительность. Геніальный государь хотѣлъ сдѣлать въ четверть столѣтія то, что̀ дѣлается вѣками! Время этого ученія мы хорошо помнимъ, потому что уже начали тогда себя чувствовать. Утверждали, что Петръ и его сподвижники, не разбирая, передѣлывали насъ въ европейцевъ; но это совершенная неправда: и онъ, и они были русскіе люди съ головы до пятокъ, горячо любили родину и въ позаимствованіяхъ изъ Европы видѣли и искали только пользы для своей страны, не думая подчинять ее матеріально или нравственно европейскимъ народамъ.

Но съ Петромъ и его дѣломъ случилось то же, что̀ всегда почти, естественно, случается со всѣми великими ученіями и великими дѣлами: основная мысль расплывается въ примѣненіяхъ и подробностяхъ и мало-по-малу забывается, а они выдвигаются на первый планъ, становятся главнымъ, существеннымъ дѣломъ. Когда, такимъ образомъ, способы исполненія заступаютъ мѣсто основной идеи, мертвая схема, шаблонъ, рутина замѣняютъ живое и осмысленное отношеніе къ предмету. Рѣдко когда новый шагъ или поворотъ въ личной и народной жизни не проходитъ чрезъ такія превратности. Дѣло Петра, въ неумѣлыхъ и неталантливыхъ рукахъ преемниковъ его власти, а не его генія, быстро перешло въ рутину и шаблонъ. Позаимствованія изъ Европы, которыя, по основной мысли, предназначены были ассимилироваться на русской почвѣ, окаменѣли; европеизмъ, долженствовавшій по плану Петра служить для русской жизни подспорьемъ, выросъ въ самостоятельнаго фактора и сталъ жить на русской почвѣ своею, хотя и искусственною жизнью. Классы, издавна господствовавшіе у насъ надъ народною массою, по своему общественному положенію первые пропитались европейскими элементами и нашли въ ихъ образовательной роли какъ бы оправданіе и освященіе своей политической и общественной роли и господства надъ необразованными людьми. Такимъ-то образомъ европеизмъ, орудіе образованія, по мысли Петра и государственныхъ дѣятелей его школы, превратился въ орудіе угнетенія и отворилъ настежъ двери въ Россію всевозможнымъ европейскимъ авантюристамъ и проходимцамъ, которые, подъ мантіей европейскаго просвѣщенія, обдѣлывали свои дѣла, или служили интересамъ, чуждымъ или враждебнымъ интересамъ страны.

По мѣрѣ того, какъ Россія росла и складывалась, противоестественная и антинаціональная въ ней роль европеизма, въ томъ видѣ, какъ онъ опредѣлился у насъ послѣ Петра, стала чувствоваться мало-по-малу все сильнѣе и сильнѣе. Лучшіе умы, вдумываясь въ положеніе и стараясь объяснить себѣ причины застоя и гнета, подъ которыми томилась русская жизнь, пришли къ двумъ заключеніямъ: по мнѣнію однихъ, ненормальное ея состояніе произошло отъ того, что образовательное движеніе, начатое Петромъ при помощи европейскихъ вліяній, остановилось и выродилось въ гнетущую, заскорузлую формалистику, сохранившую только обманчивый внѣшній видъ европеизма; что живительный европейскій духъ, великія общечеловѣческія европейскія идеи испарились, отлетѣли изъ этихъ мертвыхъ формъ. Поэтому, думали они, надо открыть этимъ идеямъ свободный притокъ въ Россію и тѣмъ поднять русскую жизнь, изнемогающую подъ тяжкимъ бременемъ мертвящихъ, окостенѣлыхъ формъ, давно отжившихъ свой вѣкъ и уже отброшенныхъ въ самой Европѣ. По мнѣнію другихъ, застой и мертвенность русской жизни происходили отъ того, что русскій умъ былъ озадаченъ, сбитъ съ толку насильственной реформой Петра, отчего все европейское, дурное и хорошее, стало для насъ предметомъ подобострастнаго, почти суевѣрнаго и рабскаго благоговѣнія. Надо, думали эти люди, возвратить русскому уму бодрость, самостоятельность и самодѣятельность: тогда онъ станетъ тѣмъ, что̀ онъ есть по своей природѣ, выкажетъ всѣ сокровища русскаго національнаго генія, которыя теперь таятся подъ спудомъ, изъ ложнаго самоуничиженія передъ Европой.

Таковы были два теченія русской мысли, изъ которыхъ потомъ образовались двѣ такъ-называемыя партіи,—въ сущности вовсе не партіи—западниковъ и славянофиловъ. Давно уже, и совершенно справедливо, замѣчено, что оба эти направленія, болѣе ярко обрисовавшіяся въ сороковыхъ годахъ, выросли на одной почвѣ. Оттого они сначала мирно жили одно подлѣ другого. Оба свидѣтельствовали о недовольствѣ тѣми условіями, посреди которыхъ безцвѣтно влачилась печальная русская жизнь, окруженная снаружи невиданнымъ дотолѣ ореоломъ политическаго и международнаго величія, блеска и могущества. Упрекъ, будто бы западники были отщепенцами отъ своей страны, совершенно несправедливъ; напротивъ, они были глубоко преданные своей родинѣ русскіе люди, горячо ее любившіе, мечтавшіе о ея свѣтломъ, великомъ будущемъ—не меньше славянофиловъ. Призывали они своими желаніями не Европу, а европейскія идеи, на которыя смотрѣли, какъ на общечеловѣческія. Подобно вамъ, они высоко цѣнили чрезвычайную отзывчивость русскаго народа и въ этомъ видѣли залогъ его великихъ историческихъ судебъ; ихъ плѣняла именно та его всечеловѣчность, которая плѣняетъ и васъ. Сначала у западниковъ не было ни малѣйшей вражды къ славянофиламъ, да и не было къ тому никакого повода: оба направленія одинаково отрицательно относились къ нашему псевдоевропеизму и въ сущности сходились въ своихъ требованіяхъ, только формулируя ихъ различно. Западники желали видѣть общечеловѣческіе идеалы осуществленными въ Россіи; славянофилы желали, чтобъ общечеловѣческіе идеалы не были Россіи навязаны, а были осуществлены свободнымъ починомъ, свободною дѣятельностью русскаго народа. Оба взгляда пополняли другъ друга. Но прежде чѣмъ они это поняли, прежде чѣмъ состоялось между ними то сближеніе, которое, лѣтъ двадцать тому назадъ, стало совершившимся фактомъ, вражда ихъ раздѣлила на два противоположные лагеря.

Исторія этого раскола русской мысли весьма интересна, представляя степень развитія, на которой мы стояли въ то время, когда онъ начался, и ходъ развитія русской мысли и русскаго самосознанія.

Если застой и мертвенность русской жизни происходили отъ того, что насъ давилъ псевдо-европеизмъ и отжившія, окостенѣлыя европейскія формы, то это доказывало, что предъидущая наша жизнь не имѣла достаточно упругости и твердости, чтобы противостоять ихъ водворенію или, принявъ ихъ, переработать сообразно съ своимъ народнымъ геніемъ, другими словами, что мы еще не вступали въ періодъ совершеннолѣтія; а то, что мы начинали тяготиться псевдо-европеизмомъ и нашею бездѣятельностью, нашимъ застоемъ, служило несомнѣннымъ признакомъ пробужденія русскаго народнаго генія и самодѣятельности. Слѣдовательно, вопросъ ставился самою русскою жизнью слѣдующимъ образомъ: періодъ школьнаго ученія и перениманія кончился; пора было начать жить своимъ умомъ, критически отнестить къ себѣ и другимъ, думать и дѣйствовать не иначе, какъ послѣ строгой провѣрки своихъ и чужихъ мыслей и дѣлъ. Такой взглядъ показывалъ, что мы не имѣемъ у себя въ прошедшемъ такихъ выработанныхъ, опредѣленныхъ формъ мысли и жизни, которыя могли бы намъ служить основаніемъ и опорой для дальнѣйшей работы; но онъ же исключалъ возможность осуществить у насъ общечеловѣческіе идеалы иначе, какъ въ формахъ національныхъ, намъ свойственныхъ и нами изъ себя выработанныхъ; иначе сказать, что общечеловѣческіе идеалы могутъ быть только продуктомъ самодѣятельности народнаго генія, результатомъ народной жизни, что ихъ нельзя переносить и пересаживать изъ одной страны въ другую.

Когда русская жизнь и мысль начали пробуждаться, мы все это понимали крайне смутно и сбивчиво, вслѣдствіе чего развитіе пошло у насъ съ разными обходами и колебаніями.

Долго мы смѣшивали и теперь еще часто смѣшиваемъ общечеловѣческое съ европейскимъ, послѣднее принимаемъ за первое. Это была, безъ сомнѣнія, слабая сторона западниковъ. Славянофилы впали въ другую ошибку. Поставя требованіе самостоятельнаго національнаго развитія, въ чемъ и заключалась ихъ главная заслуга, они стали пытаться опредѣлить, въ чемъ же состоятъ основныя черты русскаго національнаго характера, долженствующія служить исходной точкой для дальнѣйшей дѣятельности русскаго народа, нравственной и общественной. Но отыскать эти черты было то же, что найти квадратуру круга. Псевдо-европеизмъ именно потому у насъ и водворился и получилъ права

гражданства, что нашъ національный характеръ еще не сложился и не обозначился въ ясно опредѣленныхъ чертахъ; только жизнь и самодѣятельность вырабатываютъ характеръ и особенности и лица и народности; но мы, до послѣдняго времени, были въ ученьи то у однихъ, то у другихъ народовъ, своимъ умомъ не жили и потому не могли выработаться въ самостоятельную національную личность. Почемъ же было узнать основныя, характерныя черты русскаго народнаго генія? Прошедшее, исторія представляли лишь факты ученической, школьной жизни; она могла передать одни ясные слѣды вліяній наставниковъ и учителей, и едва намѣченныя, не установившіяся и потому неуловимыя черты національнаго характера и генія. За невозможностью узнать, пришлось сочинять. Это была такая же ошибка со стороны славянофиловъ, какъ со стороны западниковъ смѣшеніе общечеловѣческаго съ европейскимъ.

Логика фактовъ, играющая роль древней судьбы въ исторіи новыхъ народовъ, опровергла оба эти направленія. Ни чистыхъ славянофиловъ, ни чистыхъ западниковъ больше нѣтъ: и тѣ и другіе сошли со сцены. Продолжая противополагать ихъ взгляды, вы, мнѣ кажется, поднимаете старый споръ, уже рѣшенный ходомъ русской жизни и развитіемъ русской мысли. Развѣ вы настоящій славянофилъ? И развѣ тѣ, противъ кого вы полемизируете, настоящіе западники? Вы сами выгораживаете лучшихъ изъ нихъ; кто же затѣмъ остается? Примиреніе двухъ направленій, о которомъ вы мечтаете, уже совершилось, молча, двадцать лѣтъ тому назадъ, когда славянофилы и западники подали другъ другу руки при освобожденіи крѣпостныхъ.

Съ тѣхъ поръ мы вступили въ новый періодъ развитія. Теперь вопросы ставятся совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде; названіе славянофиловъ и западниковъ вовсе не идетъ къ новымъ направленіямъ русской мысли. Предоставьте твердить зады посредственности и фразерамъ! Вѣдь ихъ вы не урезоните, и не для нихъ же вы и пишете.

Между мыслящими и серьезными русскими людьми вы теперь не найдете ни одного, который бы изъ теоретическихъ предразсудковъ смотрѣлъ свысока на наши народныя массы, или думалъ, что Россія есть листъ бѣлой бумаги, на которомъ можно написать все что угодно. Всякій очень хорошо понимаетъ, что какъ отдѣльныя лица, такъ и націи имѣютъ свой характеръ, свои особенности, свою физіономію, физическую и духовную, которыхъ нельзя передѣлать и съ которыми необходимо сообразоваться, разсуждая о дальнѣйшей судьбѣ людей и народовъ, и о томъ, что для нихъ желательно и полезно въ настоящемъ. Съ другой стороны, точно также нѣтъ ни одного мыслящаго и серьезнаго русскаго человѣка, который бы не понималъ, что новыхъ условій, созданныхъ въ Россіи съ начала XVII вѣка, нельзя вычеркнуть изъ нашей исторіи; что какъ бы мы любовно ни смотрѣли на народныя массы, нельзя признать ихъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ теперь существуютъ, идеаломъ совершенства. Прислушиваясь къ тому, что теперь думается и говорится, не трудно подмѣтить два различныхъ направленія русской теоретической мысли, на которыя было мною указано въ самомъ началѣ. Одно, основываясь на воспитательномъ характерѣ общественныхъ учрежденій, ждетъ всего хорошаго только отъ ихъ перестройки, въ полномъ убѣжденіи, что хорошія учрежденія перевоспитаютъ людей и разовьютъ въ нихъ тѣ качества и свойства, которыя необходимы для благоустроеннаго общежитія и которыхъ намъ, къ сожалѣнію, пока недостаетъ въ значительной степени. Другое направленіе, исходя изъ той же нашей неустроенности, не признаетъ всемогущества учрежденій, и, усматривая источникъ всего зла въ нашемъ нравственномъ состояніи, дѣйствительно крайне незавидномъ, указываетъ, помимо учрежденій, на разныя средства для поднятія у насъ нравственности. Многіе видятъ въ этихъ двухъ направленіяхъ продолженіе двухъ прежнихъ. Повидимому вы тоже раздѣляете это мнѣніе. На самомъ дѣлѣ едва-ли это такъ. Новая постановка вопроса есть несомнѣнно шагъ впередъ русской мысли. Онъ могъ быть сдѣланъ, очевидно, только послѣ разъясненія многихъ недоразумѣній между западниками и славянофилами, возбуждавшихъ между ними когда-то ожесточенные споры на словахъ и отчасти въ печати. Но нельзя также отрицать сродства и, до нѣкоторой степени, преемства между прежними и новыми взглядами на русскую жизнь и ея задачи. Вѣра во всемогущество учрежденій невольно напоминаетъ точку зрѣнія Петра и поборниковъ его дѣла на русской почвѣ, какими, безъ сомнѣнія, были западники; а указанія

на нравственное возрожденіе, какъ на единственное средство обновленія, сближаетъ поборниковъ этого взгляда съ славянофилами. Это сродство выступитъ еще ярче, если припомнимъ, что подкладкой общественныхъ идеаловъ все еще служатъ у насъ обыкновенно европейскіе образцы, а нравственные идеалы переносятся, почти цѣликомъ, изъ программы славянофиловъ. Несмотря на такія сближенія, не слѣдуетъ забывать и существенной разницы между прежними и новыми направленіями русской мысли. Взгляды славянофиловъ и западниковъ были первыми, еще незрѣлыми попытками самостоятельной критики; новыя направленія переносятъ русскіе вопросы на чисто теоретическую почву и тѣмъ придаютъ имъ общечеловѣческое значеніе.

Казалось бы, двѣ струи русской мысли, обозначающіяся въ настоящее время, тоже не должны исключать одна другую, а взаимно дополнять. Оба направленія ея, собственно говоря, предлагаютъ не два различныхъ рѣшенія одной задачи, а два средства для устраненія двухъ различныхъ сторонъ одного и того же зла. Но, судя по нѣкоторымъ признакамъ, дѣло не обойдется безъ новаго раскола и новой борьбы, подобной той, какую вели между собой западники и славянофилы. Поводы къ этому съ той и другой стороны есть, и весьма основательные.

Съ давнихъ поръ для меня стало выясняться, что коренное зло европейскихъ обществъ, не исключая и нашего, заключается въ недостаточномъ развитіи и выработкѣ внутренней, нравственной и душевной стороны людей. Это зло дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, что оно какъ-то мало замѣчается, что на его устраненіе почти не обращено никакого вниманія. Въ практической жизни твердо водворилось убѣжденіе, что недостатокъ личной нравственной выработки можетъ быть вполнѣ замѣненъ хорошимъ законодательствомъ, судомъ, администраціей; въ наукѣ вопросъ о нравственности заброшенъ; она въ наше время не имѣетъ правильнаго научнаго основанія и остается при старыхъ, заржавѣлыхъ, рутинныхъ теоріяхъ, которымъ никто больше не вѣритъ, которыя въ глазахъ современныхъ людей не пользуются ни малѣйшимъ авторитетомъ; въ воспитаніи нравственная выработка играетъ самую печальную роль и замѣняется дрессировкой людей для общества, въ чемъ и полагается вся суть нравственности.

Сознаюсь, что для меня одной изъ самыхъ симпатичныхъ сторонъ славянофильскихъ ученій всегда представлялось именно то, что они выдвинули на первый планъ вопросъ о внутренней, душевной, нравственной правдѣ, о нравственной красотѣ, забытой и пренебреженной. Можетъ быть, я увлекаюсь золотой мечтой, но мнѣ думается, что новое слово, котораго многіе ожидаютъ, будетъ заключаться въ новой правильной постановкѣ вопроса о нравственности въ наукѣ, воспитаніи и практической жизни, и что это живительное слово скажемъ именно — мы. Смутныя чаянія молодыхъ русскихъ умовъ и сердецъ бродятъ около этого вопроса, жадно прислушиваясь ко всему, въ чемъ надѣются найти на него отвѣтъ. Съ этимъ же вопросомъ соединяются, въ самыхъ неопредѣленныхъ сочетаніяхъ, и неясныя представленія о будущемъ значеніи русскаго и славянскаго племени въ судьбахъ міра. Громадный успѣхъ вашей рѣчи о Пушкинѣ объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что вы въ ней касаетесь этой сильно звучащей струны, что въ вашей рѣчи нравственная красота и правда отождествлены съ русскою народною психіей.

Почему именно этотъ вопросъ стоитъ на очереди и стучится во всѣ двери разомъ, откуда чаяніе и надежда, что именно намъ, а не другому народу, можетъ быть, выпадетъ на долю, если не разрѣшить, то хоть по крайней мѣрѣ разрѣшать его, — надъ этимъ я здѣсь останавливаться не стану, потому что пришлось бы говорить много и долго, а мнѣ не хочется отвлекаться отъ того, что я имѣю вамъ сказать.

Теперь пока для насъ, добровольцевъ русской мысли, самое важное и главное — поставить вопросъ о нравственной правдѣ прочно, твердо, сильно, такъ, чтобъ она и ея необходимость стали для всякаго очевидными и несомнѣнными, чтобъ нельзя было отъ нихъ ни отмолчаться, ни отыграться общими мѣстами и высокопарными фразами. Проповѣдь будетъ полезна, необходима потомъ; пока время ея еще не наступило. Теперь надо сперва выработать вопросъ въ лабораторіи строгой и точной науки, надо силою доводовъ, аргументами современнаго знанія, поставить людей лицомъ къ лицу съ нравственной правдой и показать, что всѣ пути неизбѣжно ведутъ къ ней, что отъ нея имъ некуда уйти, что ея миновать или обойти нѣтъ никакой возможности.

Съ жадностью набросился я на вашу полемику съ проф. Градовскимъ, въ надеждѣ найти въ ней хоть намекъ на это необходимое предисловіе къ новому слову; но ничего подобнаго не нашелъ. Все та же старая аргументація славянофиловъ, которая едва-ли кого удовлетворитъ теперь. Живи корифеи славянофильства въ наше время, послѣ всего того, что̀ мы пережили, они, я убѣжденъ, выставили бы новые доводы въ защиту темы, на которую указали. Теперь формула, которую они ей дали, оказывается неправильной, слабо обставленной, а вы къ ней ничего не прибавили, даже не пытаетесь ее исправить.

Подобно славянофиламъ сороковыхъ годовъ, вы ссылаетесь на высокія, несравненныя нравственныя качества русскаго народа. Когда славянофилы впервые заговорили объ этомъ, это было дѣйствительно и ново, и живительно. Русская интеллигенція раболѣпно относилась къ Европѣ и всему европейскому; національное самосознаніе находилось въ состояніи полудремоты; мы только чувствовали свою физическую силу и ею гордились, едва подозрѣвая, какъ мало она значитъ, когда не опирается на силы умственныя и нравственныя. Съ тѣхъ поръ въ русскомъ обществѣ и въ русской интеллигенціи произошла огромная перемѣна. Куда дѣвался такъ называемый „квасной“ патріотизмъ и вѣра въ медвѣжью силу? Рабское поклоненіе передъ Европой не смѣнилось ли въ наше время небывалымъ подъемомъ національнаго чувства, которое даже перепадаетъ въ чрезмѣрную щекотливость, самоувѣренность и задоръ? Не нужно быть западникомъ, чтобы подчасъ краснѣть отъ выходокъ, въ которыхъ они высказываются. Чистые идеалисты, какими были московскіе славянофилы, конечно, строго бы ихъ осудили. Передъ этими людьми носились совсѣмъ другіе идеалы національнаго чувства.

Въ увлеченіи духовными сокровищами русскаго народнаго генія, вы говорите (стр. 4): „наша нищая неурядная земля, кромѣ высшаго слоя своего, вся сплошь какъ одинъ человѣкъ. Всѣ восемьдесятъ милліоновъ ея населенія представляютъ собою такое духовное единеніе, какого, конечно, въ Европѣ нѣтъ нигдѣ и не можетъ быть“.

Предоставляю этнографамъ и статистикамъ сбавить эту цифру на двадцать или на двадцать пять милліоновъ; между остальными пятидесятью пятью или шестидесятью дѣйствительно поразительное единеніе, но какое? Племенное, церковное, государственное, языка,—да; что касается духовнаго, въ смыслѣ нравственнаго, сознательнаго, — объ этомъ можно спорить! Передъ нами пока только громаднаго значенія фактъ, котораго внутренній, духовный смыслъ мы опредѣлить не въ состояніи: онъ весь въ будущемъ; напрасно стали бы мы искать его въ прошедшемъ или настоящемъ.

II.

Такія же серьезныя недоразумѣнія вызываетъ и вашъ взглядъ на нравственныя качества русскаго простого народа, ихъ значеніе и причины.

Подобно славянофиламъ сороковыхъ годовъ, вы считаете наши народныя качества дознаннымъ, несомнѣннымъ фактомъ, и приписываете ихъ тому, что нашъ народъ проникся православною вѣрою и глубоко носитъ ее въ своемъ сердцѣ.

Прежде всего замѣчу, что приписывать цѣлому народу нравственныя качества, особливо принадлежа къ нему по рожденію, воспитанію, всею жизнью и всѣми симпатіями,— едва-ли можно. Какой же народъ не считаетъ себя самымъ лучшимъ, самымъ нравственнымъ въ мірѣ? Съ другой стороны, ставъ разъ на такую точку зрѣнія, можно, вопреки истинѣ и здравому смыслу, признать цѣлые народы безнравственными, даже преимущественно наклонными къ безнравственнымъ поступкамъ извѣстнаго рода, какъ это высказывалось и высказывается.

Вы будете превозносить простоту, кротость, смиреніе, незлобивость, сердечную доброту русскаго народа; а другой, не съ меньшимъ основаніемъ, укажетъ на его наклонность къ воровству, обманамъ, плутовству, пьянству, на дикое и безобразное отношеніе къ женщинѣ; вамъ приведутъ множество примѣровъ свирѣпой жестокости и безчеловѣчія. Кто же правъ: тѣ ли, которые превозносятъ нравственныя качества русскаго народа до небесъ, или тѣ, которые смѣшиваютъ его съ грязью? Каждому не разъ случалось останавливаться въ раздумьѣ передъ этимъ вопросомъ. Да онъ и неразрѣшимъ! Разсуждая о нравственности и безнравственности, мы обращаемъ вниманіе не на то, *какъ* народъ относится къ предмету своихъ вѣрова-

ній и убѣжденій, а на то, *что* составляетъ ихъ предметъ; а это *что* есть всецѣло результатъ школы, которую прошелъ народъ, вліяній извнѣ, словомъ—его исторіи, развитія и культуры. Поэтому, чтобы правильно оцѣнить народъ, слѣдуетъ говорить не о его нравственныхъ достоинствахъ или недостаткахъ, которые могутъ измѣняться, а о характеристическихъ свойствахъ и особенностяхъ его духовной природы, которыя придаютъ ему отличную отъ всѣхъ другихъ физіономію и, несмотря на всѣ превратности судьбы, удерживаются чрезъ всю его исторію.

Есть ли такія характерныя черты у русскаго народа? Несомнѣнно есть, какъ у всякаго, даже самаго ничтожнаго племени, осужденнаго исторіей на поглощеніе другою національностью. Но если вы меня спросите, въ чемъ онѣ, по моему мнѣнію, заключаются, то я, къ стыду моему и къ великому соблазну для многихъ, не съумѣю дать вамъ яснаго, точнаго, категорическаго отвѣта. Я не въ состояніи уловить въ духовной физіономіи русскаго народа ни одной черты, которую могъ бы съ совершенной увѣренностью признать за основную, типичную принадлежность его характера, а не извѣстнаго его историческаго возраста, или обстоятельствъ и обстановки, въ которыхъ онъ жилъ и живетъ.

Что русскій народъ богато одаренъ отъ природы—это едва-ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію и признается даже нашими недоброжелателями и врагами. Но въ чемъ именно состоитъ эта природная даровитость, — вотъ что̀, мнѣ кажется, ускользаетъ отъ опредѣленія. Мнѣ скажутъ: большая живость, подвижность, юркость и бойкость ума, способность трезво относиться ко всему, ширина размаха? Но это признаки всякаго даровитаго народа въ юности. Развѣ древніе греки не были точно такими же въ свое время? Мы, говорятъ, страшные реалисты. На эту черту многіе указываютъ, какъ на основную въ русскомъ національномъ характерѣ; но пусть мнѣ укажутъ народъ, болѣе русскихъ способный увлекаться отвлеченными идеями, воздушными за̀мками, иллюзіями и утопіями всякаго рода? Какіе же мы реалисты! Мы пока просто живые юноши. Указываютъ также на нашу удивительную находчивость въ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, умѣнье къ нимъ приладиться, умѣнье примѣниться къ разнымъ людямъ и народамъ. Но можно ли назвать эти свойства основными чертами національнаго ха̀рактера? Стоитъ вспомнить о территоріи, на которой мы сидимъ, о народахъ и племенахъ, которые насъ окружаютъ, о многострадальныхъ судьбахъ русскаго народа, чтобы тотчасъ же понять, откуда у него взялись эти черты. Еслибы онъ ихъ въ себѣ не выработалъ вѣками, то мы бы теперь съ вами и не разсуждали о русскомъ народѣ: его бы вовсе не существовало. Притомъ, въ юности все выносится и вытерпливается легче, бодрѣй, веселѣй, чѣмъ въ сердовые года и въ старости. Вы указываете, и совершенно справедливо, на необыкновенную отзывчивость русскаго народа, необыкновенную его способность „перевоплощенія въ геніи чужихъ націй, перевоплощенія почти совершеннаго". И эта несомнѣнная и драгоцѣннѣйшая способность русскаго народа—увы!—не болѣе, какъ свойство чрезвычайно даровитаго и умнаго, даже не юношескаго, а младенческаго народа: молодой человѣкъ, даже юноша, какъ только сколько-нибудь сложился и имѣетъ что-нибудь сказать свое и отъ себя, теряетъ мало-по-малу эту способность. Словомъ, какую выдающуюся черту русскаго народа ни взять, всѣ доказываютъ замѣчательную его даровитость и въ то же время большую его юность,—возрастъ, когда еще нельзя угадать, какая у талантливаго ю́ноши выработается духовная физіономія, когда онъ сложится и возмужаетъ.

Эта-то неопредѣленность, невыясненность характера нашей духовной природы и заставляетъ меня съ недовѣріемъ отнестись къ вашей основной мысли, будто бы мы пропитаны христіанскимъ духомъ. Что многіе изъ нашихъ высокихъ нравственныхъ качествъ плодъ христіанства—не подлежитъ сомнѣнію. Черезъ всю нашу исторію тянутся густой вереницей, разсѣянные по всему лицу русской земли, христіанскіе подвижники, святые, отрекшіеся отъ міра, удалившіеся въ пустыню и посвятившіе себя посту, молитвѣ и религіозному созерцанію; между мірянами еще недавно можно было встрѣтить въ семьяхъ, городахъ и крестьянскихъ избахъ не мало типовъ поразительной нравственной красоты, своимъ искреннимъ благочестіемъ, чистотою, простотою и кротостью переносившихъ мысль во времена апостольскія. Всѣмъ, кто ихъ зналъ, они памятны и никогда не забудутся. Но замѣтьте, что всѣ они—и иноки, и міряне — чуждались міра, сторонились

отъ него и уходили отъ волнующагося житейскаго моря въ молитву и созерцаніе. Ежедневная, будничная, практическая жизнь шла своимъ порядкомъ и едва-ли согласовалась съ ученіемъ Христа, когда благочестивые люди отъ нея удалялись и не хотѣли принимать въ ней участія. Что-нибудь изъ двухъ: или исповѣданіе Христова ученія несовмѣстимо съ жизнью и дѣятельностью въ міру; въ такомъ случаѣ, какъ же русскій народъ могъ быть пропитанъ христіанскими началами? Или, напротивъ, народамъ нѣтъ спасенія, если они не проникнутся въ своей публичной жизни и частномъ быту истинами христіанства; но въ такомъ случаѣ, значитъ, наша ежедневная, будничная жизнь не была ими проникнута, если святые люди отъ нея удалялись въ дебри, лѣса, пустыни, и находили спасеніе лишь въ отчужденіи отъ міра.

Недоумѣнія мои наводятъ на различное съ вами объясненіе многихъ явленій въ русской жизни и русской исторіи. Самые благочестивые люди, самые горячіе патріоты жалуются, что у насъ обрядовая сторона слишкомъ преобладаетъ въ сознаніи и въ жизни простыхъ людей надъ дѣлами вѣры, точно будто вѣра сама по себѣ, а жизнь сама по себѣ. Не разъ указывалось на необходимость внутренняго миссіонерства, чтобы просвѣщать народъ, еще пропитанный грубыми языческими предразсудками и суевѣріями. На совершенное незнакомство женщинъ изъ простого народа съ самыми обыкновенными молитвами жалуются даже безграмотные крестьяне. Все это показываетъ, что просвѣщеніе народныхъ массъ въ духѣ христіанства еще ожидаетъ своихъ дѣятелей. Не совершилось оно до сихъ поръ потому, что самые ревностные христіане, жаждавшіе духовнаго совершенства, удалялись отъ міра, служа только образцами святой жизни и предметами благоговѣнія для мірянъ, которые носили въ своемъ сердцѣ жажду духовнаго просвѣщенія и совершенства; для огромнаго же большинства, погруженнаго въ заботы и суету ежедневной жизни, Христово ученіе представлялось въ видѣ богослуженія и обрядовъ; частое посѣщеніе церкви и строгое соблюденіе священныхъ обрядовъ—вотъ въ чемъ представлялась этому большинству вся суть христіанства. Такое по преимуществу формальное отношеніе къ нему нашихъ предковъ поражало иностранцевъ до того, что Флетчеръ, напримѣръ, прямо называетъ насъ язычниками. Что мудренаго, что ежедневная, будничная жизнь, предоставленная самой себѣ, шла нескладно и искала себѣ образцовъ и выхода къ лучшимъ порядкамъ внѣ отечества, въ чужихъ краяхъ и въ чужихъ людяхъ? Если условіемъ нравственнаго совершенствованія въ духѣ Христовомъ было отреченіе отъ міра, то улучшеніе мірскихъ порядковъ и не могло совершаться иначе, какъ помимо церкви и ея вліяній: одно было естественнымъ и необходимымъ послѣдствіемъ другого. Не подготовляемое постепеннымъ улучшеніемъ нравовъ, оно совершалось скачками, посредствомъ законодательныхъ мѣръ по иностраннымъ образцамъ. Крутой и внезапный характеръ преобразованій Петра, рѣзкое противопоставленіе свѣтскаго духовному, нравственныхъ идеаловъ славянофиловъ общественнымъ идеаламъ западниковъ,—все это лишь послѣдствія того убѣжденія, всосавшагося въ нашу плоть и кровь, что совершенство въ христіанскомъ смыслѣ возможно только внѣ міра и его соблазновъ.

Такое воззрѣніе на христіанство имѣетъ свое основаніе въ міросозерцаніи древняго Востока. Отрѣшеніе отъ міра, умерщвленіе плоти, духовное созерцаніе, какъ высшее благо и высшее совершенство,—представлялись издавна, для жителей Востока, единственнымъ исходомъ изъ бѣдъ, напастей и треволненій земной жизни. Борьба съ ними, устраненіе ихъ, подчиненіе внѣшнихъ явленій человѣку помощью науки и искусства,—все это не входило въ кругъ восточныхъ воззрѣній какъ принципъ; а такъ какъ всякій человѣкъ и всякій народъ принимаетъ истину насколько можетъ ее вмѣстить, то и жители Востока усвоили себѣ ту сторону христіанства, которая была имъ болѣе другихъ доступна. Ученые и философы, преимущественно греки, обратились на изученіе и разъясненіе вѣроученія и догматовъ; люди, искавшіе нравственнаго совершенства, удалялись въ пустыни, очищая себя постомъ, молитвами, и предавались духовному созерцанію.

Но христіанство имѣетъ безчисленное множество сторонъ, и потому на него можно смотрѣть съ безчисленныхъ точекъ зрѣнія. Народы западной Европы приступили къ его принятію съ другими задатками и предпосылками и потому усвоили себѣ преимущественно другую его сторону. Окружающая

ихъ природа несетъ щедрые дары только тому, кто умѣетъ заставить ее служить себѣ. Уже это одно обстоятельство рано вызвало европейца на упорный трудъ и борьбу съ окружающимъ, воспитало въ немъ убѣжденіе, что знаніемъ, трудомъ и выдержкой можно устранить вредное, воспользоваться благопріятными условіями и создать около себя среду, отвѣчающую нуждамъ, потребностямъ и вкусамъ. Къ такому же взгляду приводило и богатое наслѣдство, оставшееся послѣ греко-римскаго міра, принятое западными народами въ началѣ непосредственно, самымъ пребываніемъ на классической почвѣ, а потомъ сознательно усвоенное долгимъ изученіемъ. Знакомство съ этимъ міромъ должно было укрѣпить и развить въ западномъ европейцѣ убѣжденіе, что не только природа, но и условія общежитія могутъ быть приспособлены къ нуждамъ людей, точно также какъ люди могутъ и должны приспособиться и быть пріучены къ условіямъ правильно организованнаго общественнаго быта. Оттого, западный европеецъ не думаетъ покоряться даннымъ неблагопріятнымъ условіямъ, или удаляться отъ окружающей среды, когда она не удовлетворяетъ его требованіямъ; напротивъ, онъ старается овладѣть ими, покорить ихъ себѣ, пересоздать по своимъ нуждамъ и вкусамъ. Человѣкъ съ такими взглядами и привычками, принявъ христіанство, естественно воспользовался имъ, какъ могучимъ орудіемъ для расширенія своихъ знаній, для улучшенія своего публичнаго и частнаго быта, для воспитанія людей. Христіанство открыло западному европейцу новые, дотолѣ невѣдомые ему горизонты и пути для развитія и совершенствованія дѣйствительной жизни и всей обстановки человѣка. Вы скажете, что отъ такихъ примѣненій христіанства къ условіямъ ежедневной жизни и житейскимъ нуждамъ помутился и померкъ въ сознаніи западныхъ европейцевъ божественный образъ Спасителя, который училъ, что царство Его не отъ сего міра? Съ этимъ можно согласиться, но только съ важными оговорками. Ученіе о духѣ не укладывается ни въ какія формы и рамки, и потому всякая попытка уловить христіанство въ какія бы то ни было правила не можетъ не исказить его; я готовъ идти далѣе и прибавлю, что, обративъ все вниманіе исключительно на примѣненіе христіанства къ наукѣ, знанію и общественному быту, западные европейцы забыли внутренній, нравственный, душевный міръ человѣка, къ которому именно и обращена евангельская проповѣдь. Послѣднее и есть, какъ мнѣ кажется, ахиллесова пятка европейской цивилизаціи; здѣсь корни болѣзни, которая ее точитъ, и подкапываетъ ея силы. Западный европеецъ весь отдался выработкѣ объективныхъ условій существованія, въ убѣжденіи, что въ нихъ однихъ скрывается тайна человѣческаго благополучія и совершенствованія; субъективная сторона въ полномъ пренебреженіи. Но только до сихъ поръ я иду съ вами, а далѣе мы совершенно расходимся. Славянофилы сороковыхъ годовъ, а за ними и вы, осуждая западныхъ христіанъ, опустили изъ виду, что они, хотя и недостаточно, неправильно, представляютъ однако собою дѣятельную, преобразовательную сторону христіанства въ мірѣ. По мысли западныхъ европейцевъ, христіанство призвано исправить, улучшить, обновить не только отдѣльнаго человѣка, но и цѣлый бытъ людей, воспитать не только отшельниковъ, но и людей, живущихъ въ мірѣ, посреди ежедневныхъ дрязгъ и соблазновъ. По европейскому идеалу, христіанинъ не долженъ удаляться отъ міра, чтобы соблюсти свою чистоту и святость, а призванъ жить въ мірѣ, бороться со зломъ и побѣдить его. Въ католичествѣ, созданномъ геніемъ романскихъ народовъ, вы видите только уродливое устройство церкви по образцу свѣтскаго государства, съ духовнымъ императоромъ во главѣ, а въ протестантизмѣ, концепціи христіанства по духу германскихъ народовъ,—только одностороннюю безграничную свободу индивидуальной мысли, приводящей въ концѣ концовъ къ атеизму; но, вѣдь, кромѣ папы и атеизма, западная Европа произвела и многое другое, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ христіанства. Вы сами себѣ противорѣчите, преклоняясь передъ европейской наукой, искусствомъ, литературой, въ которыхъ вѣетъ тотъ же духъ, который породилъ и католичество, и протестантизмъ. Идя послѣдовательно, вы должны, отвергнувъ одно, отвергнуть и другое: середины нѣтъ — и быть не можетъ.

III.

Перехожу наконецъ къ теоретическимъ основаніямъ всей вашей аргументаціи — къ вашему взгляду на нравственность, ея значеніе и роль въ человѣческомъ обществѣ.

Возражая профессору Градовскому, вы отвергаете различеніе идеаловъ общественныхъ отъ личныхъ и нравственныхъ. „Чѣмъ соедините вы людей для достиженія вашихъ гражданскихъ цѣлей“, спрашиваете вы, — „если нѣтъ у васъ основы въ первоначальной великой идеѣ нравственной?“ И продолжаете: „А нравственныя идеи только однѣ: всѣ основаны на идеѣ личнаго абсолютнаго самосовершенствованія впереди въ идеалѣ, ибо оно несетъ въ себѣ все, всѣ стремленія, всѣ жажды, а стало быть, изъ него же исходятъ и всѣ ваши гражданскіе идеалы“. Эта мысль, которая составляетъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ спора, кажется мнѣ невѣрной.

Во-первыхъ, нравственныхъ *идей* нѣтъ, какъ нѣтъ *общественной* нравственности, вопреки мнѣнію проф. Градовскаго. Нравственное есть прежде всего — личное, извѣстный душевный строй, складъ чувствъ, дающіе тонъ и направленіе нашимъ помысламъ, намѣреніямъ и поступкамъ. Оттого и нельзя схватить и уложить нравственность въ какую-то бы ни было мысль или формулу. Нравственность есть по преимуществу то, что̀ мы называемъ духомъ. Всякій въ глубинѣ души знаетъ, доброе онъ замышляетъ и дѣлаетъ, или дурное. Чувство добра и зла онъ носитъ въ себѣ. Но спросите, что̀ такое добро, что̀ зло,—никто вамъ не отвѣтитъ на этотъ вопросъ. Сдѣлайте тотъ же вопросъ въ примѣненіи къ тому или другому данному помыслу, дѣлу, предпріятію, и самый темный, необразованный человѣкъ не затруднится отвѣтомъ. Вы, можетъ быть, найдете его отвѣтъ ошибочнымъ, признаете, что онъ называетъ худымъ хорошее, и наоборотъ; но по своему чувству, по своему сознанію, онъ будетъ нравственный человѣкъ, если воздержится отъ намѣреній и поступковъ, которые сознаетъ худыми. Какъ слагается въ человѣкѣ такое неуловимое, такъ сказать безформенное чувство добра и зла, которое освѣщаетъ для каждаго особеннымъ образомъ всякій его замыселъ, поступокъ,—это другой вопросъ. Дѣло въ томъ, что у каждаго есть такой, свой особенный, личный камертонъ. Кто ему вѣренъ въ мысляхъ и поступкахъ, тотъ человѣкъ нравственный, а кто невѣренъ, непослушенъ ему,—безнравственный.

Совсѣмъ другое—наши понятія или идеи о томъ, что̀ хорошо и что̀ дурно. Каждая идея есть формулированная, опредѣленная мысль о предметѣ, слѣдовательно о томъ, что намъ представляется какъ нѣчто внѣ насъ существующее, объективное. *Понятіе* о томъ, что̀ добро и что̀ дурно (я здѣсь говорю только о нашихъ понятіяхъ общественныхъ) есть сужденіе, основанное на аргументахъ, почерпнутыхъ не изъ неопредѣленнаго и безформеннаго чувства, а изъ условій и фактовъ устроеннаго общежитія съ другими людьми.

Вы скажете, что и внутреннее сознаніе добра и зла, иначе говоря, голосъ совѣсти, въ концѣ концовъ, слагается подъ вліяніемъ той же общественной среды? Безъ сомнѣнія, и именно потому совѣсть древнихъ грековъ-язычниковъ иное говорила, чѣмъ совѣсть христіанъ. Содержаніе внутренняго сознанія добра и зла и понятія о добрѣ и злѣ одинаковы; но они существенно различаются между собою тѣмъ, что первое, совѣсть, выражаетъ чисто непосредственное личное отношеніе человѣка къ своимъ мыслямъ и поступкамъ, есть чувство, не укладывающееся ни въ какую формулу, тогда какъ понятіе не есть уже личное, а нѣчто объективное, предметное, доступное всѣмъ и каждому, подлежащее обсужденію и повѣркѣ. Далѣе, понятіе о томъ, что̀ хорошо и что̀ дурно, еще болѣе отступаетъ отъ человѣка, становится еще болѣе для него предметнымъ и внѣшнимъ, когда оно обращается въ обязательный законъ, которому единичныя лица, волей-неволей, должны подчиниться, хотя-нехотя должны сообразовать съ нимъ свои внѣшнія дѣйствія и поступки.

Вотъ почему я не могу съ вами согласиться, когда вы говорите о нравственныхъ *идеяхъ*, ни съ проф. Градовскимъ, когда онъ говоритъ объ *общественной* нравственности. Нравственность, какъ фактъ чисто личный, единичнаго человѣка, исключаетъ идею, формулированное понятіе людей. По той же причинѣ не можетъ быть и общественной нравственности; ибо если разумѣть подъ этимъ словомъ, что въ данномъ обществѣ наибольшая часть людей нравственны, то оно будетъ неточно, перенося на сумму людей то, что̀ составляетъ характеристическую принадлежность отдѣльнаго человѣка; если же съ этимъ выраженіемъ связать понятіе о той или другой идеѣ, которую они одинаково признаютъ, то оно совершенно ошибочно, потому что идеи не могутъ быть ни нравственны, ни безнравственны; онѣ или правильны, или неправильны. Нравственный человѣкъ тотъ, кто

въ своихъ помыслахъ и поступкахъ остается всегда вѣренъ голосу своей совѣсти, подсказывающей ему, хороши ли они или дурны; только въ отношенiи человѣка къ самому себѣ и заключается нравственность, только въ согласованiи мыслей и поступковъ съ совѣстью и состоитъ нравственная правда. *Что* именно совѣсть подсказываетъ, *почему* она одни помыслы и поступки одобряетъ, другiе осуждаетъ,—это уже выступаетъ изъ области нравственности, и опредѣляется понятiями или идеями, которыя слагаются подъ влiянiемъ общественности, и потому, въ разное время, при разныхъ обстоятельствахъ, бываютъ весьма различны.

Понятiя или идеи никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ *идеалами*. Послѣднiе суть совершеннѣйшiе умственные образцы, фактъ или идея, возведенные въ сознанiи, чрезъ обобщенiе, на высшую степень. Въ этомъ смыслѣ можно говорить и о нравственномъ идеалѣ (а не идеѣ) и объ общественныхъ идеалахъ. Нравственнымъ идеаломъ будетъ всегдашнее, ежеминутное, полнѣйшее подчиненiе каждаго помысла и каждаго поступка голосу внутренняго сознанiя или совѣсти, безъ малѣйшихъ колебанiй; въ высшей степени развитая чуткость къ этому голосу; выработанная упражненiемъ до чрезвычайной тонкости чуткость самой совѣсти и т. п. Общественныхъ идеаловъ можетъ быть множество,—столько же, сколько общественныхъ идей или формулъ, и каждый изъ идеаловъ будетъ выражать полнѣйшее, совершеннѣйшее осуществленiе этихъ формулъ въ дѣйствительной жизни.

Пока мы не разберемся въ этихъ понятiяхъ, до тѣхъ поръ споры наши будутъ продолжаться безъ конца и не приведутъ ни къ чему. Мы смѣшиваемъ понятiя, идеи, идеалы съ нравственностью. Изъ этого происходитъ невообразимая путаница.

Во-вторыхъ, идеи, которыя вы называете нравственными, опредѣляютъ взаимныя отношенiя между собою людей въ организованномъ общежитiи, схватываютъ ихъ въ формулы. Эти формулы суть общiя и отвлеченныя, потому что имѣютъ въ виду не того или другого человѣка въ особенности, а всѣхъ людей, человѣка вообще, или, если хотите, средняго человѣка, по однимъ его общимъ, а не индивидуальнымъ признакамъ; а какъ только вы опредѣлите отношенiе средняго человѣка къ другимъ, такимъ же среднимъ людямъ въ организованномъ общежитiи, вы создаете, для дѣйствительно существующихъ индивидуальныхъ людей, общественныя идеи.

Вы говорите, что общественные или гражданскiе идеалы (т.-е. идеи) вытекаютъ изъ идеи личнаго абсолютнаго самосовершенствованiя впереди въ идеалѣ. Оставляя въ сторонѣ указанную выше неточность выраженiй, я утверждаю, что нравственность и общественныя идеи, идеалы личные и идеалы общественные, не имѣютъ между собою ничего общаго, и что изъ ихъ смѣшенiя можетъ произойти только путаница и хаосъ.

Орсини, Шарлотта Кордэ были патрiоты, высоко-нравственные люди, а Дюмоларъ, изнасиловавшiй, убившiй и ограбившiй множество женщинъ и нагнавшiй ужасъ на цѣлый околотокъ, — злодѣй, полузвѣрь; но всѣ они были преступники противъ общественнаго закона и сложили свои головы на эшафотѣ.

Общественная идея, формулируя условiя правильнаго сожительства людей, вовсе не беретъ въ разсчетъ внутренняго человѣка и его отношенiй къ самому себѣ, а имѣетъ дѣло только съ внѣшними, наружными поступками людей и ихъ отношенiями къ другимъ людямъ и общественному союзу. Внутренняя жизнь, сокровенные помыслы принимаются въ разсчетъ при формулированiи общественныхъ идей только въ той мѣрѣ, какъ они обнаруживаются во внѣ.

Имѣя дѣло съ внѣшней, а не внутренней жизнью человѣка, общественная формула ставитъ правило или законъ, обязательный для этой внѣшней стороны, и внѣшними же мѣрами и способами принуждаетъ исполнять его, сообразоваться съ нимъ. Изъ какихъ внутреннихъ побужденiй люди исполняютъ общественный законъ, — до этого, съ точки зрѣнiя общества, нѣтъ никому никакого дѣла. Въ душу человѣка общественный законъ не заглядываетъ, — и горе тому обществу, гдѣ онъ въ нее заглядываетъ.

Вы думаете, что въ самой нравственности заключаются уже условiя общественныхъ формулъ или закона? Это большая ошибка! То, что вы назовете нравственной идеей—любовь къ ближнему больше самого себя, самоотверженiе на пользу другихъ,—есть идея или формула общественная, потому что ею опредѣляется наше отношенiе къ людямъ въ общественномъ быту: она есть идеалъ этихъ отношенiй. Нравственной стороной названныхъ добродѣтелей будетъ только искренность, полнота, сила убѣжденiя. Иначе вы

должны назвать безнравственнымъ фанатика, который думалъ служить Богу, сожигая еретиковъ на кострѣ,—фанатика, котораго католическая церковь причисляетъ къ лику святыхъ.

Вы спросите, откуда какъ не изъ нравственныхъ идей могъ взяться идеальный характеръ общественныхъ добродѣтелей и доблестей? На это я уже отвѣтилъ выше: общественныя или гражданскія идеи имѣютъ дѣло не съ индивидуальными людьми, а съ среднимъ, отвлеченнымъ человѣкомъ, воспроизводятъ не единичный фактъ, а общую отвлеченную формулу фактовъ, которая именно потому, въ примѣненіи къ дѣйствительно существующимъ людямъ, и обращается въ обязательный для нихъ законъ, въ идеальную норму, къ которой они стремятся или съ которой, волей-неволей, должны сообразоваться, по крайней мѣрѣ въ своихъ внѣшнихъ поступкахъ, подъ страхомъ наказанія.

Вы говорите (стр. 35), что „идеалъ гражданскаго устройства въ обществѣ человѣческомъ“... „есть единственно только продуктъ нравственнаго самосовершенствованія единицъ, съ него и начинается, и что было такъ споконъ вѣка и пребудетъ во вѣки вѣковъ“. Такой взглядъ противорѣчитъ историческимъ фактамъ. Гражданскія идеи зарождаются отнюдь не изъ нравственнаго самосовершенствованія людей, а изъ практической, реальной необходимости устроить ихъ сожительство въ обществѣ такъ, чтобы всѣмъ и каждому изъ нихъ было по возможности безопасно, спокойно, свободно и вообще хорошо жить и заниматься своимъ дѣломъ. Скорѣй я бы сказалъ, что общественныя идеи слагаются и формулируются вслѣдствіе того, что бо̀льшая или меньшая доля людей, принадлежащихъ къ составу общества, нарушаютъ условія правильно устроеннаго общежитія и тѣмъ вынуждаютъ остальныхъ формулировать эти условія, возвести ихъ въ обязательный законъ и обезпечить различными мѣрами, въ томъ числѣ страхомъ наказаній, строгое и точное ихъ соблюденіе всѣми и каждымъ. Не личное самосовершенствованіе, а наоборотъ, разнузданность, своеволіе лицъ, необращеніе ими вниманія на пользы и нужды другихъ, возвели условія правильнаго общежитія въ общественныя идеи и формулы. Утверждая противное, вы забываете, что единичные люди выросли и сложились въ человѣческомъ общежитіи, а не внѣ его; что съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ себя помнитъ въ исторіи, онъ есть членъ общества, хотя бы сначала только членъ семьи; что внѣ общежитія съ подобными себѣ онъ неспособенъ и къ личному самосовершенствованію. То, что̀ вы называете нравственной идеей, есть плодъ сожительства людей, результатъ продолжительнаго его развитія и выработки. Прежде чѣмъ условія правильнаго сожительства людей въ обществѣ отложились, осѣли въ совѣсти и стали тѣмъ, что̀ вы называете нравственнымъ идеаломъ, они уже существовали въ зачаткѣ, въ грубомъ, сыромъ видѣ, въ самомъ фактѣ сожительства и развившихся изъ него обычаяхъ и законахъ. Опустивъ это изъ виду, вы говорите лишь объ обществахъ людей, составившихся по добровольному, свободному почину, подъ вліяніемъ убѣжденій религіозныхъ, которыя ихъ между собою сблизили. Такъ дѣйствительно возникли многія общежитія людей и не по однимъ религіознымъ побужденіямъ; но замѣтьте, что такія общества предполагаютъ людей уже развитыхъ, а развиться они могли только въ обществѣ себѣ подобныхъ, т.-е. въ человѣческомъ же общежитіи. Кромѣ того, наималѣйшая доля человѣческихъ обществъ образовалась по добровольному соглашенію. Огромное ихъ большинство возникло помимо воли людей, вслѣдствіе факта сожительства на однихъ мѣстахъ, рожденія, завоеванія и т. п. Въ нихъ ужъ никоимъ образомъ нравственное самосовершенствованіе не могло быть основаніемъ общественныхъ идей; напротивъ, послѣднія, выработавшись подъ вліяніемъ практическихъ потребностей общежитія и обратившись въ обязательный для всѣхъ законъ, стали могущественнымъ средствомъ воспитанія людей къ правильному общежитію, внѣдрили и укрѣпили въ нихъ то, что̀ вы называете нравственными идеалами. Въ этомъ я вижу новое и сильнѣйшее опроверженіе вашей мысли, будто нравственныя идеи породили идеи гражданскія и общественныя. Напротивъ, условія правильнаго общежитія, составляя насущную практическую потребность людей, живущихъ вмѣстѣ, породили общественныя идеи, а общественныя идеи воспитали уже отдѣльныхъ людей въ нравственныя личности, развили и укрѣпили въ нихъ чувство добра и зла. Я иду еще далѣе, и утверждаю, что человѣческія общества только въ видѣ рѣдкаго исключенія, и то одни только добровольныя, могутъ состоять

изъ однихъ лицъ нравственныхъ, живущихъ только по внушенію совѣсти; огромное большинство человѣческихъ обществъ, напротивъ, состояли, состоятъ и во вѣки вѣковъ будутъ состоять изъ небольшого числа людей, живущихъ по внушеніямъ внутренняго сознанія правды и неправды; масса же людей вездѣ и всегда поступаетъ согласно съ требованіями общества и его законовъ по привычкѣ, или изъ разсчета и личныхъ выгодъ; наконецъ, всегда будетъ болѣе или менѣе и такихъ людей, которыхъ удерживаетъ отъ грубыхъ нарушеній общественнаго закона только страхъ наказаній,—людей, готовыхъ нарушить этотъ законъ, какъ только представится возможность или надежда сдѣлать это безнаказанно. Пропорціи этихъ различныхъ категорій людей могутъ измѣняться, склоняясь то въ ту, то въ другую сторону, и ихъ взаимное численное отношеніе служитъ мѣриломъ хорошаго или дурного состоянія общественной жизни у даннаго общества, въ данное время; но вовсе исчезнуть ни одна изъ нихъ не можетъ, потому что ихъ существованіе опредѣляется человѣческою природою и чрезвычайнымъ разнообразіемъ лицъ, входящихъ въ составъ человѣческихъ обществъ, образовавшихся не добровольно, а въ силу обстоятельствъ и условій, дѣйствующихъ помимо сознанія и воли.

Если такъ, скажете вы, то можетъ ли быть рѣчь о нравственности и къ чему она?—Допустивъ, что общественныя идеи необходимы, что безъ нихъ обойтись нельзя, что онѣ, волей-неволей, навязаны людямъ, и водворяются, если не приняты добровольно, силою вещей и страхомъ наказанія, надо признать, разсуждая послѣдовательно, что нравственность совсѣмъ излишня, ни на что не пригодна. Но и этотъ выводъ былъ бы совершенно ошибоченъ. Общественныя, гражданскія идеи и формулы не на воздухѣ висятъ и не съ неба свалились, а родились изъ сожительства людей и для нихъ служатъ. Помимо людей онѣ не имѣютъ никакого смысла, были бы чистыми отвлеченностями. Живутъ онѣ только въ людяхъ, а не помимо ихъ; а разъ онѣ и не могутъ жить иначе, какъ въ людяхъ, онѣ и являются въ нихъ или какъ формулированное сознательное понятіе, или какъ безформенное чувство, голосъ совѣсти. Этимъ объясняется необходимость нравственности. А что касается ея полезности и пригодности, то она вытекаетъ изъ того, что только нравственные люди суть непосредственные, живые носители общественныхъ идей и формулъ. Какъ только эти формулы и идеи перестаютъ отражаться въ совѣсти—это вѣрный признакъ, что наступаетъ ихъ конецъ, что онѣ отжили свое время и должны смѣниться другими. Нравственные люди суть единственные безкорыстные представители общественныхъ идей и формулъ въ странѣ. Привычка —ненадежный ихъ оплотъ; личный разсчетъ идетъ туда, гдѣ ему выгоднѣе, не думая объ идеяхъ и формулахъ: онѣ служатъ ему только средствомъ для его цѣлей; а безнравственные люди всегда ждутъ минуты, когда можно сбросить съ себя несносную узду общественныхъ идей и формулъ. Роль нравственности въ обществѣ ярко выяснится, если перевернуть вопросъ и спросить: можетъ ли существовать общество, состоящее только изъ такихъ людей, которые не признаютъ общественныхъ идей и формулъ, подчиняются имъ нехотя и готовы, при первомъ удобномъ случаѣ, отступить отъ ихъ требованій? Очевидно, такое общество не можетъ существовать, потому что въ немъ некому выносить на своихъ плечахъ общественный строй, осуществлять въ дѣйствительности общественныя идеи и формулы. Но нравственность, повторяю, не создаетъ ихъ, а только осуществляетъ и охраняетъ въ дѣйствительной жизни. Можно быть человѣкомъ высоко-нравственнымъ и стоять за идеи и формулы, отжившія свой вѣкъ, не удовлетворяющія болѣе потребностямъ общества, мало того,—задерживающія его дальнѣйшее развитіе; ибо онѣ, съ измѣнившимися обстоятельствами и условіями, измѣняются, перерождаются, а нравственный идеалъ—всегда одинъ и тотъ же и состоитъ въ горячей, полной, искренней, самоотверженной преданности лица добру и правдѣ, какъ они отражаются въ его совѣсти.

Какой же выводъ изъ всего сказаннаго? Тотъ, что вы неправы, утверждая (стр. 34), будто „общественныхъ гражданскихъ идеаловъ, какъ такихъ, какъ не связанныхъ органически съ идеалами нравственными, а существующихъ сами по себѣ, въ видѣ отдѣльной половинки, откромсанной отъ цѣлаго“,—„нѣтъ вовсе, не существовало никогда, да и не можетъ существовать“. Говоря это, вы не доводите анализа до конца. Правильный, полный анализъ приводитъ, мнѣ кажется, къ

тому заключенію, что образцовая общественная жизнь слагается изъ хорошихъ общественныхъ учрежденій и изъ нравственно развитыхъ людей. Оба рѣшенія вопроса, о которыхъ я говорилъ въ самомъ началѣ этого письма,—и вѣрны, и невѣрны, если ихъ противопоставить одно другому. Хорошія общественныя условія воспитываютъ людей къ добру и правдѣ; дурныя сбиваютъ ихъ съ толку и развращаютъ. Профессоръ Градовскій настаиваетъ на этомъ, не отвергая роли личной нравственности, и онъ, разумѣется, совершенно правъ. Безъ сомнѣнія, было бы крайне односторонне думать и заботиться исключительно только о хорошихъ учрежденіяхъ: безъ сильнаго развитія нравственной стороны людей, безъ усвоенія хорошихъ нравственныхъ привычекъ, гражданскіе идеалы не могутъ перейти въ жизнь и прочно водвориться. Въ этомъ смыслѣ я не разъ ратовалъ за личную нравственность и ея необходимость. Но также одностороненъ и вашъ взглядъ, будто нравственное самосовершенствованіе можетъ замѣнить собою гражданскіе идеалы.

Духъ Христа, принятый людьми всѣмъ сердцемъ, овладѣвшій всѣми ихъ помыслами и жизнью, ставшій въ нихъ высшей внутренней, нравственной правдой и чрезъ нихъ живительнымъ элементомъ общественныхъ порядковъ и ежедневной будничной жизни, устроенныхъ по даннымъ опыта и выводамъ точнаго, положительнаго знанія,—вотъ къ чему, судя по всему ходу исторіи, должно, рано или поздно, придти человѣчество. До сихъ поръ исповѣдующіе христіанство въ духѣ, а не на словахъ и въ исполненіи однихъ обрядовъ, или бѣжали отъ міра, или истощались въ безплодныхъ усиліяхъ водворить правду между людьми, перенося ее въ законъ, науку и искусство. Ученіе Христа можетъ жить только въ сердцахъ людей. Когда оно овладѣетъ ими до того, что они будутъ поступать по духу Христа, не уходя въ пустыни, а посреди грѣшнаго, падшаго, измученнаго міра,—тогда оно станетъ дѣломъ, жизнью. Въ этомъ только и можетъ состоять новое слово, котораго вы ожидаете.

Теперь вы поймете меня вполнѣ, почему вашъ взглядъ на нашъ простой народъ, какъ на хранителя христіанской правды, на наши образованные классы—какъ на отщепенцевъ отъ этой правды, на Алеко, Бельтовыхъ, Тентетниковыхъ и имъ подобныхъ,—какъ на представителей этого отщепенства и страданій, которыя оно порождаетъ,—что все это въ моихъ глазахъ не выдерживаетъ критики и есть лишь красиво, талантливо, поэтически выраженный парадоксъ. Не могу я признать хранителемъ христіанской правды простой народъ, внушающій мнѣ полное участіе, сочувствіе и состраданіе въ горькой долѣ, которую онъ несетъ,—потому что какъ только человѣку изъ простого народа удается выцарапаться изъ нужды и нажить деньгу, онъ тотчасъ же обращается въ кулака, ничуть не лучше „жида“, котораго вы такъ не любите. Вглядитесь пристальнѣе въ типы простыхъ русскихъ людей, которые насъ такъ подкупаютъ и дѣйствительно прекрасны: вѣдь это нравственная красота младенчествующаго народа! Первою ихъ добродѣтелью считается, совершенно по восточному, устраниться отъ зла и соблазна, по возможности ни во что не мѣшаться, не участвовать ни въ какихъ общественныхъ дѣлахъ. „Человѣкъ смирный“, „простякъ“—это человѣкъ, всѣми уважаемый за чистоту нравовъ, за глубокую честность, правдивость и благочестіе, но который именно потому всегда держитъ себя въ сторонѣ и только занимается своимъ личнымъ дѣломъ: въ общественныхъ дѣлахъ или въ общественную должность онъ никуда не годится, потому что всегда молчитъ и всѣмъ во всемъ уступаетъ. Дѣльцами бываютъ поэтому одни люди бойкіе, смышленые, оборотливые, почти всегда нравственности сомнительной, или прямо нечестные. Такихъ людей, какъ Алеко, вы считаете разорвавшими связь съ народомъ изъ гордости? Помилуйте! Да это тѣ же восточные люди, которые изъ „великой печали сердца“ отъ непорядковъ къ общественной и частной жизни, или изъ любви къ европейскому общественному и домашнему строю, бросали все и удалялись, кто за границу, кто на житье въ деревню. Это тѣ же пустынножители и обитатели скитовъ, тѣ же „смирные люди“ нашихъ селъ, только съ другими идеалами. Будь европеецъ на ихъ мѣстѣ, онъ сталъ бы осуществлять, по мѣрѣ возможности, свои идеалы въ большомъ или маломъ кругѣ дѣйствій, который отвела ему судьба, боролся бы, сколько хватаетъ силъ, съ обстановкой, и скоро ли, долго ли, а въ концѣ концовъ перестроилъ бы ее на свой ладъ; мы же, восточные люди, бѣжимъ отъ жизни и ея напастей, предпочитая остаться вѣрными нравственному идеалу во всей его

полнотѣ и не имѣя потребности или не умѣя водворить его, хотя бы отчасти, въ окружающей дѣйствительности, исподволь, продолжительнымъ, выдержаннымъ, упорнымъ трудомъ.

— Стало быть,—скажете вы мнѣ,—и вы тоже мечтаете о томъ, чтобъ мы стали европейцами?—Я мечтаю, отвѣчу я вамъ, только о томъ, чтобы мы перестали говорить о нравственной, душевной, христіанской правдѣ, и начали поступать, дѣйствовать, жить по этой правдѣ! Чрезъ это мы не обратимся въ европейцевъ, но перестанемъ быть восточными людьми, и будемъ въ самомъ дѣлѣ тѣмъ, что̀ мы есть по природѣ,—русскими.

(Вѣстникъ Европы, 1880, кн. XI).

НАШИ НЕДОРАЗУМѢНІЯ.

Русская мысль, русская дѣйствительность—исполнены недоразумѣній. Мы хотимъ сказать или сдѣлать одно, а выходитъ совсѣмъ другое; оттого мы почти всегда не понимаемъ другъ друга. Очень сомнительно, всегда ли мы понимаемъ самихъ себя.

Между Петербургомъ и Москвой всего 604 версты. Вотъ ужъ слишкомъ двадцать пять лѣтъ, что обѣ столицы соединены желѣзной дорогой, по которой можно съѣздить изъ одного центра въ другой всего въ какихъ-нибудь 15 часовъ. Сношенія между этими центрами безпрестанны—дѣловыя, торговыя и всякія. Москвичи то и дѣло ѣздятъ въ Петербургъ, петербуржцы—въ Москву. Жителей обѣихъ столицъ связываютъ не только дѣла, но дружбы, родственныя связи, умственныя и нравственныя стремленія. Казалось бы, кому же знать и понимать другъ друга, какъ не имъ, между кѣмъ быть общенію мыслей и взглядовъ, какъ не между ними? Такъ нѣтъ! Битый французъ, нѣмецъ, даже англичанинъ—и тѣ скорѣе столкуются съ любымъ изъ насъ, чѣмъ москвичъ съ петербуржцемъ. Проспорятъ они день другой, да такъ и разойдутся, не сойдясь ни въ чемъ.

Положимъ, тому сама судьба велѣла такъ быть. Вслѣдствіе старинныхъ счетовъ, принадлежащихъ теперь къ области археологіи, между обѣими столицами существуетъ нѣкоторая холодность, и это мѣшаетъ имъ понять другъ друга. Большинство петербуржцевъ смотритъ на москвичей немного свысока, какъ юность на старость, а москвичи не могутъ этого простить. Въ этомъ есть, по крайней мѣрѣ, хоть поводъ къ капризнымъ, раздражительнымъ пререканіямъ, всегда вносящимъ путаницу въ споры. Но отчего та же путаница, тѣ же недоразумѣнія, то же непониманіе другъ друга царятъ у насъ въ одномъ и томъ же городѣ, между различными кружками, между органами печати, между разными вѣдомствами. Отчего насъ заѣдаетъ какой-то странный, своеобразный партикуляризмъ, точно мы живемъ въ средніе вѣка! Нигдѣ нѣтъ столько толковъ о единствѣ, даже о единообразіи и, слава Богу,—они, кажется, нигдѣ не проведены такъ глубоко и энергично, какъ у насъ; а въ нашихъ головахъ партикуляризмъ засѣлъ такъ крѣпко, что его ничѣмъ не выкуришь. Никакихъ общихъ, для всѣхъ насъ обязательныхъ принциповъ, мы не признаемъ, и потому, кромѣ внѣшней связи, не имѣемъ между собою ничего общаго, точно мы собрались изъ разныхъ странъ и принадлежимъ къ разнымъ народностямъ.

Не знаю, какъ вамъ, читатель, а мнѣ и моимъ пріятелямъ не разъ случалось, благодаря недоразумѣніямъ, которыя кишмя кишатъ въ русской землѣ, защищать сегодня то, противъ чего я вчера стоялъ горой. Преглупое это положеніе! Имѣешь видъ или свѣтскаго болтуна, которому все равно о чемъ говорить, лишь бы говорить что-нибудь, или—что еще хуже—человѣка съ задними мыслями, поддерживающаго тѣ или другія темы, смотря по тому, что̀ выгоднѣе въ данную минуту и при данныхъ обстоятельствахъ. Подвергаешься упрекамъ честныхъ и серьезныхъ людей, мнѣніемъ которыхъ дорожишь, но понимаешь, что иначе дѣйствовать нельзя, знаешь, что и впередъ будешь поступать точно такъ же. Вся-

кій, я думаю, испыталъ это на себѣ. Припомнишь папскіе силлабусы и аллокуціи и подумаешь невольно о заслугахъ Вольтера; и прочитаешь книгу Штрауса о старой и новой вѣрѣ и также невольно припомнишь всю глубину и непреложность евангельскаго ученія; Вольтеръ при этомъ никакъ не придетъ на умъ. Это въ порядкѣ вещей и отъ этого никогда не отдѣлаешься, пока противорѣчія не сведены къ какому-нибудь одному взгляду и не перестанутъ быть источникомъ безпрестанныхъ недоразумѣній.

I.

Шелъ общій разговоръ и, какъ водится, всѣ были всѣмъ недовольны. Потребовалось, во что бы ни стало, найти виноватаго. Москвичи его тотчасъ нашли; виноватымъ во всемъ оказался, разумѣется, Петербургъ.

— Какъ вы хотите, чтобъ у насъ выходило что-нибудь путное, когда всѣмъ ворочаетъ Петербургъ—нѣмецъ по мыслямъ, по обычаямъ, по складу жизни, по симпатіямъ! Занесла его нелегкая на край государства, въ чухонскія болота, и оттуда онъ заправляетъ всѣмъ, ни бельмеса не понимая въ русской жизни, въ нуждахъ и потребностяхъ русской земли.

Петербуржцы обидѣлись. Ихъ ни-зачто, ни-про что выключили изъ числа русскихъ людей, выбрасывали вонъ изъ русскаго государства, какъ иностранцевъ, ничего не понимающихъ въ дѣлахъ своего отечества и вдобавокъ, будто бы, совершенно къ нему равнодушныхъ. Обида была кровная.

Если мы нѣмцы, — возразилъ одинъ изъ нихъ,—то должно быть полоса такая въ русской жизни наступила, что русскимъ надо было оборотиться въ нѣмцевъ. Петербургъ не завоевалъ Россіи; она завоевала чухонскія болота и въ нихъ поставила свой государственный центръ. Должно быть, ей надоѣла византійско-татарская столица, какою была прежде Москва; надо думать, что Россіи пришелся по вкусу нѣмецъ, когда вотъ ужъ почти двѣсти лѣтъ Петербургъ стоитъ въ головѣ страны и изъ него все идетъ, распространяясь по русской землѣ.

Разговоръ принялъ желчной тонъ. Раздраженіе замѣшалось въ мирную бесѣду.

И за что это вы, москвичи, такъ нападаете на Петербургъ,—замѣтилъ другой петербуржецъ: — развѣ Москва не была такой же самовластной въ XV, XVI и XVII вѣкѣ? Развѣ она не дѣлала тогда того же, что̀ дѣлаетъ теперь Петербургъ? Въ самовластіи имъ нечего попрекать другъ друга. Измѣнились одни формы, пріемы, отчасти идеалы; сущность осталась все та же.

— Это все польскія клеветы на Москву,— возразилъ москвичъ.—Москва искони была и есть русскій, а не иностранный городъ, какъ вашъ Петербургъ.

Ужъ и польскія клеветы! — отвѣчаетъ петербуржецъ.—Вы, москвичи, всегда все сводите на національный вопросъ и этимъ аршиномъ все мѣряете, даже то, чего имъ нельзя мѣрить. Мысль высказана поляками—значитъ, по вашему, она никуда не годится? Нѣмецъ,— такъ, по вашему, нѣтъ ужъ въ немъ ничего хорошаго? Странная это логика! Хоть бы вы дали себѣ трудъ опредѣлить, въ чемъ же именно заключается существо русской народности, да по этому и отличали все не русское. Вѣдь и нѣмецъ, и полякъ могутъ проникнуться русскимъ народнымъ духомъ, стать въ душѣ русскими, какъ русскій можетъ своими симпатіями, образомъ мыслей, привычками, стать иностранцемъ или инородцемъ. Гдѣ же и въ чемъ мѣрка? А безъ нея все, что̀ вы говорите,—одни слова, слова и слова! Къ тому же то, что̀ вы считаете чисто, коренно русскимъ, можетъ быть сложилось тоже подъ вліяніемъ не русскихъ примѣсей—византійскихъ, татарскихъ, литовскихъ. Вы это потому только считаете настоящимъ русскимъ, что къ нему привыкли и не даете себѣ труда анализировать; а ваши предки, жившіе въ то время, когда это, по вашему, коренное русское складывалось, горько жаловались на то, что старый бытъ переставляется и заводятся невиданныя заморскія новости.

Этотъ разговоръ, какъ и всѣ наши русскіе разговоры, кончился ничѣмъ. Каждый остался при своемъ мнѣніи. Петербуржцы, обиженные тѣмъ, что ихъ считаютъ нѣмцами, болѣе чѣмъ когда-либо убѣдились, что москвичи—народъ отсталый, что только и спасенія, что въ европейскихъ формахъ жизни, а москвичи еще болѣе утвердились въ мысли, что петербургскій космополитизмъ есть могила русской народности, и что будь русская метрополія внутри страны, а не на ея сѣверной окраинѣ, у насъ все обстояло бы благополучно. Что жизнь народа, какъ и отдѣльнаго лица, есть школа, чрезъ которую непремѣнно проходитъ каждый, что каждый

сперва учится у другихъ и только этимъ путемъ мало-по малу доходитъ до самостоятельности въ мысляхъ и поступкахъ, — это поборники народности постоянно опускаютъ изъ виду. Москва и Петербургъ — два разныхъ класса одной и той же школы, въ которой воспитался русскій народъ. Какимъ онъ выйдетъ по окончаніи ученія—это еще впереди. Съ византійско-татарскими идеалами и формами мы не ужились, съ европейскими тоже плохо уживаемся. Очевидно, мы должны выработать что-нибудь свое. Какое будетъ это свое—покажетъ будущее. Но вмѣсто того, чтобъ его искать, до него додумываться, мы лѣниво разсѣлись по разнымъ классамъ, черезъ кототорые насъ вела исторія, и ничего не дѣлаемъ, чтобы сойти съ ученической скамейки въ дѣйствительную жизнь. Наши идеалы все еще въ нашихъ школьныхъ тетрадкахъ и изъ-за нихъ мы до слезъ споримъ между собою.

II.

— Меня приводитъ въ отчаяніе, — говоритъ одинъ пріятель другому,—что любовь, уваженіе къ европейской наукѣ и знанію, которыми мы были проникнуты въ молодости, почти исчезли въ наше время. Появилась нелѣпая мысль о какой-то, никому невѣдомой, русской наукѣ и во имя этой безсмыслицы юношество перестало заниматься, пишутся и печатаются вздорныя книги, съ претензіями, обличающими дѣтское незнаніе. Куда мы идемъ и что̀ выйдетъ изъ всего этого! Развѣ наука можетъ быть нѣмецкой, французской, англійской или русской? Развѣ она по своему существу не есть общечеловѣческая?

Сколько мнѣ извѣстно, — замѣтилъ собесѣдникъ,—никто не мечтаетъ о русской математикѣ, зоологіи, физикѣ или астрономіи. О русской антропологіи говорятъ въ томъ же смыслѣ, какъ о русской флорѣ или фаунѣ,—въ смыслѣ включенія въ науку фактовъ Россіи, пока еще не изслѣдованныхъ и не описанныхъ. О самостоятельной русской наукѣ мечтаютъ только въ примѣненіи къ быту, учрежденіямъ, вѣрованіямъ людей. Согласитесь, что въ этомъ отдѣлѣ знаній даже первыя основанія не успѣли еще установиться прочно. Что-жъ удивительнаго, если по этой части у насъ надѣются сдѣлать что-нибудь новое, внести въ науку свой вкладъ.

— Съ вашей оговоркой можно пожалуй согласиться,—отвѣчаетъ поборникъ науки,—но мысль создать какую-то особую русскую науку все же нельзя не назвать дикой. Попытки, сдѣланныя у насъ въ этомъ родѣ, вполнѣ это подтверждаютъ. Русская наука оказывается фантазіей самодовольнаго невѣжества.

— Что наши претензіи не въ уровень съ запасомъ нашихъ знаній и труда,—въ этомъ вы, конечно, правы. Но пусть наши попытки ниже посредственности и въ научномъ смыслѣ ничтожны; это только значитъ, что мы слишкомъ рано за нихъ принялись, что намъ надо еще хорошенько поучиться и пристально поработать. Что сдѣланное въ Европѣ по наукамъ, касающимся человѣка, все очень неудовлетворительно, что отвѣтъ на очень многіе вопросы еще впереди—этого вы, конечно, не станете отрицать. Почему же не допустить, что можетъ быть намъ когда-нибудь выпадетъ на долю правильно поставить многія задачи науки и разрѣшить ихъ, по крайней мѣрѣ заложить прочное основаніе для ихъ послѣдующаго разрѣшенія. Посмотрите какъ туго къ намъ прививаются выводы европейскаго знанія, насколько они касаются человѣка! Мы съ ними никакъ не миримся. Не значитъ ли это, что они намъ не по нутру? А почему? Потому что науки, касающіяся человѣка и человѣческаго общества, до сихъ поръ все еще не болѣе какъ выводы изъ житейскаго опыта однихъ европейскихъ народовъ, древнихъ и новыхъ, а далеко не всего человѣческаго рода, и имѣютъ полный смыслъ только для нихъ, а не для насъ. Въ этихъ выводахъ есть, разумѣется, много такого, что̀ будетъ истиной вездѣ и всюду, слѣдовательно и у насъ; но еще больше въ нихъ такого, что истинно только для европейцевъ, а намъ вовсе чуждо и даже не понятно тѣмъ изъ насъ, кто не знакомъ съ бытовыми фактами и вѣрованіями европейскихъ народовъ. Попробуйте втолковать въ свѣжую русскую голову, не выломанную на нѣмецкихъ философскихъ системахъ, ученіе Гартмана съ его „всенесознающимъ“ или „всенесознаваемымъ“ и съ его пессимизмомъ, и вы поймете о чемъ я говорю; а книга Гартмана выдержала много изданій въ Германіи въ нѣсколько лѣтъ и нѣмцы ею восхищаются. Да что̀ Гартманъ и что̀ философія! Возьмите любой курсъ земледѣлія или скотоводства, служащій въ Европѣ руководствомъ и настольной книгой для каждаго сельскаго хозяина, да попробуйте по ея наставленіямъ хозяйничать у насъ, и вы уви-

дите, что наука—выводъ изъ наблюденій и опыта, никакъ не болѣе. Сами европейцы давно перестали на нее смотрѣть, какъ на нѣчто одинъ разъ навсегда законченное и готовое; и они понимаютъ ее, какъ я говорю, видятъ въ ней сводъ положеній, безпрерывно измѣняющихся, по мѣрѣ накопленія опытовъ и наблюденій. Давно ли политическая экономія считалась системой истинъ, столько же неопровержимыхъ, какъ математическія аксіомы; а вотъ, на нашихъ глазахъ, Рошеръ показалъ, что эти истины не иное что, какъ выводъ изъ явленій хозяйственнаго быта, достигшаго извѣстной степени развитія; что онѣ измѣняются вмѣстѣ съ измѣненіемъ хозяйственнаго быта и что каждая его ступень имѣетъ свою, ему соотвѣтствующую политико-экономическую теорію, которая въ свое время тоже считалась сводомъ непреложныхъ истинъ. Возьмите римское право. Давно ли оно считалось послѣднимъ словомъ человѣческой мудрости по вопросамъ гражданскаго права? Давно ли его прямо называли писаннымъ разумомъ? А теперь, когда выяснены историческія основанія римскихъ ученій, когда жизнь создала множество явленій, о которыхъ древнимъ римлянамъ и не снилось, мы понимаемъ, что римское право далеко не есть писанный разумъ, что римская система гражданскаго права есть тоже не болѣе какъ сводъ опытовъ и наблюденій извѣстнаго народа, жившаго въ извѣстныхъ условіяхъ и при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Какъ же вы хотите, чтобъ мы и теперь, какъ во времена оны, безусловно вѣрили въ европейскую науку и не мечтали о своей, которая была бы такимъ же выводомъ изъ нашихъ фактовъ, какъ европейская—изъ европейскихъ! Вы видите въ упадкѣ безусловнаго довѣрія къ европейскимъ ученіямъ шагъ назадъ, а я, напротивъ, вижу въ этомъ успѣхъ, шагъ впередъ. Что мы принимаемся за дѣло съ нашей обычной вѣтренностью, не подготовившись строгимъ изученіемъ, рубимъ съ плеча, ругаемся больше, чѣмъ думаемъ,—это, къ сожалѣнію, справедливо. Ну и казните насъ за это! Выростемъ, поучимся и поумнѣемъ. Безъ науки нельзя жить, и любовь къ ней, вынужденная реальною потребностью, никогда не погаснетъ. Но что̀ считать за науку—вотъ вопросъ! Европейцы приспособили ее къ своимъ нуждамъ, а вы хотите, чтобъ мы ее любили въ этой обдѣлкѣ? Это просто невозможно! Еслибъ мы были развитѣй и знающѣй, чѣмъ мы есть, мы бы стали пристально работать. Вмѣсто того мы только ребячимся.

Пріятели въ этомъ тоже не сошлись и продолжаютъ до сихъ поръ попрекать другъ друга: одинъ въ національной фанаберіи, другой въ—докринерствѣ.

III.

— Читали ли вы книгу кн. Васильчикова о землевладѣніи и земледѣліи?—спрашиваетъ одинъ знакомый другого.

— Какъ же! и наслаждался ею.

— А на меня,—возразилъ собесѣдникъ,—признаюсь, она произвела самое непріятное впечатлѣніе. Научности въ ней никакой! Видна, правда, большая начитанность, но вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе прикроить факты къ предвзятой мысли, систематически враждебной ко всему европейскому.

— Въ книгѣ, можетъ быть, есть и ошибки, и промахи, болѣе или менѣе крупные; объ этомъ не спорю и не берусь судить. Но отчего же вы предполагаете, что авторъ непремѣнно съ умысломъ ломалъ и перекраивалъ факты, чтобъ оклеветать Европу? Почему не приписать этого невольному увлеченію любимой мыслью? Князь Васильчиковъ — писатель очень извѣстный, съ большими заслугами, съ безупречнымъ именемъ. Мысль, проведенная имъ чрезъ все сочиненіе, не только въ высокой степени симпатична, но въ главныхъ своихъ чертахъ совершенно вѣрна. Книга его — цѣлый гражданскій подвигъ, смѣло брошенная перчатка той, къ счастью, немногочисленной, но вліятельной части русской публики, которая хотѣла бы устроить у насъ землевладѣніе на европейскій манеръ,—въ пользу одного слоя общества и во вредъ народнымъ массамъ. Съ этой стороны сочиненіе кн. Васильчикова болѣе принадлежитъ къ публицистической, чѣмъ къ ученой литературѣ, и чтобы справедливо оцѣнить достоинство этой работы, необходимо имѣть въ виду преимущественно ея значеніе какъ выраженіе извѣстнаго взгляда на предметъ, раздѣляемаго очень и очень многими. Этимъ и объясняется большой успѣхъ книги.

— Но куда же дѣвать ея научную сторону, которая очень слаба? Воля ваша, нельзя же ею пренебрегать! Многочисленныя ошибки и натяжки въ сочиненіи кн. Василь-

чикова существенно уменьшаютъ его достоинства, должны ослабить убѣдительность и вліяніе его выводовъ. Меня его анти-европейскія тенденціи просто коробятъ. Вы считаете эту книгу значительной и полезной, а я—вредной, потому что она вводитъ читателей въ заблужденіе.

— Не знаю, что вамъ сказать на это. Будь мы съ вами европейцы—отвѣчать вамъ было бы легко. Европейская публика сразу оцѣнила бы въ мѣру и заслуги автора и недостатки книги; но изъ-за ошибокъ она не просмотрѣла бы ея достоинствъ. У насъ—другое дѣло. Мы по одной какой-нибудь частности, не задумываясь, произносимъ общій, рѣшительный и строгій приговоръ. Мнѣ одинъ знакомый съ отвращеніемъ отзывался о „Нови" Тургенева. За что это вы такъ?—спросилъ я. —Помилуйте! Развѣ можно было такъ говорить о дьяконѣ? Тургеневъ, говоритъ, терпѣть не можетъ духовенства.—Не знаю, любитъ ли онъ его или нѣтъ, отвѣчалъ я, но вѣдь не объ немъ же одномъ говоритъ Тургеневъ въ „Нови". Собесѣдникъ видимо затруднился, что на это сказать. У него засѣла въ головѣ одна частность; а обо всемъ другомъ онъ и не подумалъ. Случается, впрочемъ, и наоборотъ: за какую-нибудь удачную остроту, за одну вѣрную мысль, которая намъ особенно нравится, мы превозносимъ до небесъ очень посредственныя статьи и книги. Поступая по-европейски, надо бы справедливо, безпристрастно и рельефно выставить сильную публицистическую сторону сочиненія кн. Васильчикова и рядомъ съ тѣмъ указать и на ея недостатки въ историческомъ и научномъ отношеніяхъ. Читатель, зная точку зрѣнія и требованія критика, получилъ бы о книгѣ ясное понятіе. Но мы постоянно бьемъ въ одну какую-нибудь сторону и забываемъ другія. Изъ этого выходитъ совершеннѣйшая путаница и рядъ самыхъ странныхъ недоразумѣній. Вы разбраните книгу за ея научные недостатки, а я, не зная куда вы мѣтите, сопричту васъ къ лагерю сочувствующихъ устройству у насъ землевладѣнія по образцу Европы, о чемъ вамъ и не снилось. Хорошо, если намъ удастся лично объясниться; а если не удастся, мы такъ и умремъ,—вы въ убѣжденіи, что я ставлю науку и Европу ни во что, я—что вы поборникъ обезземеленія народной массы.

IV.

„Скверно намъ живется, и что ни годъ, то хуже. Общество стало вяло, апатично, закопалось по уши въ мелкія дрязги и матеріальные разсчеты. Общихъ интересовъ нѣтъ никакихъ. Недавнее еще одушевленіе смѣнилось полнѣйшимъ равнодушіемъ. Впереди даже нѣтъ ничего обѣщающаго. Прежде насъ шевелили и за живое затрогивали идеи политической свободы, политическихъ гарантій; теперь и эти идеалы погасли, вмѣстѣ съ стараніемъ усвоить себѣ и всѣ другіе благодатные плоды европейской культуры. Выдумали мы себѣ какія-то русскія задачи и во имя иллюзій отрицательно относимся ко всему европейскому, весьма дѣйствительному, реальному; а оно-то только и красило, возвышало, облагороживало нашу жизнь. Это цѣлое паденіе, поворотъ назадъ къ до-петровскимъ временамъ, чего добраго, прямымъ трактомъ въ Азію, изъ которой мы съ большими усиліями и жертвами, казалось, выдрались, благодаря Петровской реформѣ и Петровскому періоду нашей исторіи".

Вотъ одна изъ современныхъ темъ въ русскихъ мыслящихъ кружкахъ, исповѣдующихъ европеизмъ. Варіаціямъ на эту тему нѣтъ конца. Эта часть нашей интеллигенціи значительно пріуныла въ послѣднее время. Почва уходитъ у нея изъ-подъ ногъ, и ей становится жутко. Съ ужасомъ смотритъ она на такъ-называемыя русскія задачи, и видитъ въ нихъ движеніе вспять къ азіатскимъ идеаламъ. А что, думаютъ многіе, если и впрямь такъ? Что если Петръ и его реформа были только временнымъ и случайнымъ отклоненіемъ отъ нашей природной, азіатской колеи, и плоды подвига великаго преобразователя безслѣдно исчезнутъ, какъ исчезли безъ слѣда крутыя реформы Шигоанъ-ти въ Китаѣ, поглощенныя, затянутыя старою плѣсенью?

Для ипохондриковъ этого склада, единственно возможные идеалы—это европейскіе, и внѣ этихъ идеаловъ нѣтъ спасенія; они—мѣрило русской народной жизни, барометръ ея умственной и нравственной атмосферы. Обладаніе такимъ барометромъ очень удобно: съ нимъ все ясно и понятно. Онъ избавляетъ отъ труда ломать себѣ голову, додумываясь до смысла своеобразныхъ, подчасъ причудливыхъ явленій русской жизни. Но надеженъ ли онъ, вѣрно ли показываетъ—вотъ въ чемъ вопросъ!

Что̀ такое европейскіе порядки и идеалы? Это выводъ европейцевъ изъ того, что̀ они пережили, и того, къ чему стремятся, плодъ опытовъ и наблюденій надъ тѣмъ, что̀ съ ними случалось и чего они надѣются достигнуть. Они много трудились, работали въ теченіе вѣковъ; поэтому у нихъ и сложились идеалы, разумѣется, про свой обиходъ. Другіе народы, работая также упорно и настойчиво, тоже для себя, могутъ придти къ другимъ результатамъ, потому что обстоятельства, времена—другія, да и работающіе—другіе люди. Въ самой Европѣ идеалы много разъ мѣнялись, по мѣрѣ того, какъ обстановка жизни становилась другая. У отдѣльныхъ лицъ тоже идеалы разные и тоже мѣняются. Почему же мы, русскіе, фатально осуждены непремѣнно имѣть европейскіе идеалы и порядки, а не свои, приспособленные къ нашимъ привычкамъ, вкусамъ и предрасположеніямъ? Почему, когда намъ не нравится то, что̀ есть у европейцевъ и имъ нравится, это значитъ, что мы никуда не годимся? Будемъ додумываться, искать, какъ они искали, — можетъ быть и мы найдемъ что-нибудь. Свѣту не только, что въ европейскомъ окошкѣ. Одинъ настоящій, необманчивый свѣтъ и есть, — это знаніе, добытое трудомъ, опытомъ, творчествомъ. Идя рука объ руку, они создаютъ исторію, науку, общественныя и политическія формы. Для насъ европейскіе идеалы только матеріалъ, справка, чтобы при помощи ихъ создать свое и для себя, а не обязательный канонъ жизни, которая имѣетъ безчисленное множество путей и выходовъ; нужно только отыскать и разработать тотъ изъ нихъ, который намъ ближе по натурѣ, по вкусамъ, по нашей обстановкѣ. Если мы охладѣли къ европейскимъ идеаламъ, къ европейскимъ общественнымъ и политическимъ формамъ, то это еще не значитъ, что мы идемъ назадъ; напротивъ, это значитъ, что мы теперь себя больше чувствуемъ чѣмъ прежде, что мы подросли, что есть въ насъ потребность жить своей головой, что мы начинаемъ понимать отличіе нашихъ условій и обстоятельствъ отъ тѣхъ, которыми обставлена жизнь Европы. Отъ этого унывать еще нечего! Вглядитесь пристальнѣе въ то, что̀ дѣлалось и дѣлается въ Европѣ. Развѣ тамъ формы обезпечиваютъ гражданскія и политическія свободы? Формы ихъ только выражаютъ, а обезпечиваютъ ихъ нравы, привычки, укоренившіяся вѣками, да существованіе въ Европѣ правительствующихъ сословій, которыя и создали эти формы для себя, въ свою пользу. Формы никогда ничего не создаютъ; онѣ только опредѣляютъ то, что̀ уже существуетъ какъ готовый матеріалъ, ожидающій обдѣлки. Если бы дѣло стояло у насъ только за формами, онѣ создались бы тотчасъ же. Бѣда наша въ томъ, что мы мало думаемъ и привыкли, живя больше чувствами и впечатлѣніями, сводить все зло къ какой-нибудь одной причинѣ, видѣть спасеніе въ одномъ какомъ-нибудь средствѣ. Такое отношеніе къ дѣйствительности—просто ребячество! Наше время и его задачи далеко не такъ легки, какъ намъ кажется. Не одними нами, но цѣлымъ міромъ овладѣло какое-то небывалое безпокойство и тревога. Вѣковѣчные обычаи и учрежденія перегораютъ въ невидимомъ огнѣ, расплавляются и уносятся потокомъ исторіи. Логика событій торжествуетъ надъ самыми тонкими разсчетами и соображеніями; всѣ усилія исправить ихъ оказываются тщетными. Все колеблется, все стало непрочно въ цѣлой Европѣ. Люди не знаютъ, откуда идетъ потокъ, куда онъ направляется, потеряли руководящую нить въ этомъ новомъ лабиринтѣ и бредутъ ощупью, спотыкаясь на каждомъ шагу. А вы хотите свести совершающійся надъ всѣмъ человѣческимъ родомъ громадный процессъ какого-то коренного перерожденія къ размѣрамъ мѣстнаго и частнаго вопроса и ждать отъ его разрѣшенія исцѣленія отъ всѣхъ недуговъ? Это смѣшно!

Для другой, значительной части русской интеллигенціи, европейскіе политическіе, общественные, философскіе и научные идеалы—миражи, и слава Богу, что мы отъ нихъ понемногу избавляемся. Эта часть русскаго общества радуется возвращенію заблудшей русской мысли на лоно народности, привѣтствуетъ возростающія національныя стремленія, пробужденіе національныхъ русскихъ и славянскихъ симпатій. Отсюда, думаетъ она, должно начаться наше умственное, общественное и всякое возрожденіе.

Чувства, стремленія, надежды—прекрасныя! Но въ какихъ формахъ, образахъ, принципахъ, реальностяхъ долженъ осуществиться и выразиться этотъ поворотъ русской мысли? Вотъ вопросъ, съ котораго сразу подымаются непобѣдимыя трудности. Сначала разрѣшеніе его казалось очень простымъ. Наша великорусская старина, упраздненная Петров-

ской реформой,—вотъ гдѣ поборники русской народности надѣялись найти наши прирожденныя народныя формы, вотъ что̀ они считали хранилищемъ нашихъ народныхъ принциповъ. Но эта надежда оказалась напрасной. Многіе изъ этихъ принциповъ и формъ стали уже неудобны для нашего времени; многіе невозвратно разрушены петровскими реформами и совсѣмъ исчезли; многіе стали даже нежелательны. Къ тому же мы и до Петра жили и не разъ мѣняли однѣ формы на другія. Какія же изъ нихъ считать настоящими коренными великорусскими? Дѣло, казавшееся сперва очень простымъ, вышло на повѣрку очень сложнымъ. Нельзя было не признать, что умершаго оживить невозможно, да и не для чего, а приходится создавать вновь. Безъ подробной исторической справки объ этомъ нельзя, разумѣется, и думать; справка необходима, не только какъ подспорье, какъ матеріалъ, который надо всегда имѣть подъ руками; планомъ или фасадомъ будущаго строенія она никакъ не можетъ служить. И вотъ поборники русской народности вынуждены, подобно поборникамъ европеизма, въ раздумьѣ стоять передъ сфинксомъ русской жизни, съ тѣмъ же вопросомъ: что̀ дѣлать? за что̀ приняться? какъ и съ чего начать?

Пока немногіе понимаютъ, что экскурсіи въ область русской и славянской исторіи еще не даютъ ключа къ разрѣшенію этого вопроса. Большинство поборниковъ народности застряло въ идеальномъ поклоненіи прошедшему и имъ мѣряетъ настоящее и будущее.

Между этими двумя направленіями распредѣлялось, лѣтъ тридцать тому назадъ, все мыслящее въ Россіи. Всѣ, кто думалъ о настоящемъ и заглядывалъ въ темную область будущаго, становились или подъ знамя европейскихъ идеаловъ, или подъ стягъ и хоругвь русской до-петровской старины. Оба лагеря враждовали между собою. Исходная точка, продолженіе и цѣль ихъ борьбы были ясно и точно обозначены. Съ тѣхъ поръ и особенно въ послѣднее время, эти знамена, стяги и хоругви сильно полиняли и поистрепались, надписи на нихъ, явственныя прежде, позатерлись, борцы смѣшались и съ трудомъ различаютъ враговъ отъ друзей. Борьбу смѣнили недоразумѣнія, въ которыхъ мы и погрязли. Поборники европеизма думаютъ, что отступись мы отъ европейскихъ идеаловъ и формъ, съ ними исчезнетъ и самый смыслъ къ тому, что̀ они выражаютъ въ Европѣ. Странное самоуничиженіе, точно мы школьники, умѣющіе разсказывать урокъ, пока намъ его подсказываютъ! Сочувствіе къ тѣмъ или другимъ общественнымъ и политическимъ формамъ выражаетъ потребности общества, которое надѣется, что этими формами можно имъ удовлетворить. Стало быть, впереди идетъ потребность, а не идеалъ, не форма; потребность же, если она серьезна, дѣйствительна, а не выдумана, не можетъ умереть, непремѣнно скажется и найдетъ себѣ удовлетвореніе въ той или другой формѣ, смотря по обстоятельствамъ. Если мы прежде вѣрили въ европейскія общественныя и политическія формы, а теперь къ нимъ охладѣли, значитъ—мы прежде вѣрили въ ихъ способность удовлетворить нашимъ потребностямъ, а теперь перестали вѣрить. Почему — это другой вопросъ, котораго мы теперь разбирать не станемъ; но во всякомъ случаѣ приходить отъ того въ отчаяніе нечего. Жизнь широка и путей нѣтъ въ ней числа.

„Это славянофильскій взглядъ“, возразятъ намъ поборники европеизма.

Опять недоразумѣніе! Славянофиловъ больше нѣтъ, они испарились, улетучились, исчезли. Славянофилы и противники ихъ, западники, имѣли твердую почву подъ ногами, одни—въ до-петровскихъ преданіяхъ, другіе—въ европейскихъ порядкахъ и принципахъ; но эта почва давно уплыла. И тѣ, и другіе висятъ на воздухѣ, ищутъ почвы—и не находятъ! Ни у славянофиловъ, ни у западниковъ нѣтъ программы, какъ нѣтъ ея у насъ ни у кого. Дѣйствительная жизнь переросла и тѣхъ и другихъ, не влѣзаетъ въ рамку, въ которую мы ее хотѣли бы втиснуть. Большинство вѣритъ въ будущность Россіи и славянскаго міра: въ этомъ его сила; но оно ходитъ въ туманѣ, не умѣя найтись и разобраться посреди обломковъ прежнихъ воззрѣній. Вотъ источникъ безчисленныхъ недоразумѣній между русскими мыслящими людьми. Новыя задачи и стремленія носятъ старыя клички, являются подъ старыми фирмами. Между мнимыми славянофилами и мнимыми западниками идетъ, по старой привычкѣ и рутинѣ, какая-то безтолковая перебранка, не имѣющая серьезнаго смысла, и мы видѣли, какъ лѣтъ двадцать тому назадъ, самое живое русское дѣло второй половины нынѣшняго столѣтія—освобожденіе крѣпостныхъ съ

землею—разомъ покончило всѣ недоразумѣнія. Такъ будетъ всегда, при всякомъ живомъ русскомъ вопросѣ. Европейскія и русскія предпосылки только освѣщаютъ съ двухъ сторонъ задачи русской жизни, которая идетъ впередъ, развивается своимъ чередомъ. Ни до-петровская, ни послѣ-петровская старина не могутъ служить мѣркой для настоящаго и грядущаго; и та и другая войдутъ въ нихъ только какъ составной элементъ, какъ историческое данное.

V.

Было время, и оно не далеко, когда, по чьему-то остроумному замѣчанію, всякій иностранецъ считался у насъ за великаго человѣка и каждый великій—за иностранца. Но наши мысли и вкусы перемѣнчивы, какъ нашъ континентальный климатъ. Теперь этому преданію добраго стараго времени остались вѣрны однѣ лишь московскія и провинціальныя барыни, восторгающіяся плѣнными турками. Большинство смотритъ совсѣмъ иначе. Чтобы заслужить наше благорасположеніе, надо непремѣнно быть или русскимъ, или братомъ-славяниномъ. Иностранцемъ быть нехорошо, а не-русскимъ человѣкомъ русскаго государства изъ европейцевъ — совсѣмъ нехорошо; въ особенности же дурно и предосудительно быть нѣмцемъ, полякомъ или евреемъ.

Повальное отлученіе людей по ихъ вѣроисповѣданію или національности есть худшее изъ всѣхъ нашихъ недоразумѣній. Оно сбиваетъ всѣ понятія, перемѣшиваетъ друзей съ врагами, ведетъ къ совершенной безсмыслицѣ, потому что вытекаетъ не изъ принципа, а изъ случайности рожденія и принадлежности къ той или другой вѣрѣ, въ которой насъ воспитываютъ отъ колыбели.

Повальное отверженіе инородцевъ и иновѣрцевъ можно понять только какъ реакцію противъ другой такой же безсмыслицы—противъ пренебреженія собственной національностью. Мы сами себя ставили ни въ грошъ, и насъ всѣ презирали. И вотъ въ одинъ прекрасный день, мы этимъ возмутились и стали всѣхъ презирать, а себя цѣнить сверхъ мѣры, и на этомъ уперлись, замерзли, обличая ребячество, вовсе не отвѣчающее ни нашимъ притязаніямъ, ни нашему самомнѣнію.

Можемъ ли мы формулировать, во имя чего мы считаемъ себя въ правѣ предавать огульному отлученію тѣ или другія національности? Еслибъ мы могли, то мы, значитъ, отлучали бы ихъ во имя принциповъ, несовмѣстимыхъ съ нашими. Это имѣло бы смыслъ, было бы въ порядкѣ вещей. Но такой формулы у насъ еще нѣтъ, мы до нея еще не дожили или не додумались. Мы просто напросто брезгаемъ и капризничаемъ какъ дѣти, во имя непосредственнаго національнаго чувства, не освѣщеннаго національнымъ сознаніемъ. Какъ только сознаніе вмѣшается въ дѣло, оно тотчасъ же упразднитъ національный вопросъ въ его теперешней, дѣтской формѣ. Мы станемъ разбирать людей не по вѣрѣ и происхожденію, а по принципамъ, какихъ они держатся, и тогда всѣ шашки переставятся совсѣмъ по иному: евреи, нѣмцы, поляки окажутся тогда вмѣстѣ съ нами, въ различныхъ лагеряхъ, подъ различными знаменами.

Еслибъ мы больше жили головой, чѣмъ чувствами, мы тотчасъ бы спохватились, что странно, неудобно и просто неприлично смотрѣть на нашихъ инородцевъ и иновѣрцевъ съ нашей національной точки зрѣнія, какъ бы она ни была, положимъ, выше всякой другой. Они—наши подданные и не пришли къ намъ, а мы ихъ взяли; они вмѣстѣ и наравнѣ съ нами несутъ всѣ тягости и жертвы, обусловленныя нашею общественною и государственной жизнью. Слова: нѣмецъ, полякъ, еврей—выраженія коллективныя, обнимающія множество самыхъ разнородныхъ людей; между ними есть и такіе, которые намъ сочувствуютъ, раздѣляютъ наши стремленія, даже наши привычки и вкусы, зачастую не умѣютъ говорить ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ русскаго. Соединяя съ коллективными названіями разныя непохвальныя свойства, какъ присущія той или другой вѣрѣ или національности, мы грѣшимъ противъ истины и самыхъ очевидныхъ простыхъ правилъ справедливости. Захоти наши инородцы и иновѣрцы платить намъ тѣмъ же, они, пожалуй, сопричтутъ каждаго изъ насъ къ такой компаніи нашихъ сородичей, въ какой очень нелестно находиться.

Намъ возразятъ, что непохвальныя свойства, которыя мы приписываемъ разнымъ нашимъ инородцамъ и иновѣрцамъ, дѣйствительно принадлежатъ огромному ихъ большинству, и что свободные отъ этихъ свойствъ составляютъ лишь рѣдкое исключеніе.

Но если ближе разсмотрѣть эти непохвальныя черты, то окажется, что онѣ дурны не сами по себѣ, а только по отношенію къ намъ,

и, какъ всегда бываетъ, существуютъ рядомъ съ несомнѣнными достоинствами и прекрасными качествами ума и характера. Значитъ, все дѣло въ томъ, чтобы нелюбимые нами инородцы и иновѣрцы стали хороши для насъ. Но они, очевидно, не станутъ такими, до тѣхъ поръ, пока мы предаемъ всѣхъ ихъ безъ разбора поголовному отлученію. Можно ли требовать, чтобъ люди къ намъ тяготѣли, когда мы ихъ отъ себя отталкиваемъ? И гдѣ же это видано, чтобы возмужалые политическіе народы брезгали національностями, которыя живутъ съ ними въ одномъ государственномъ союзѣ? Французы терпѣть не могутъ нѣмцевъ, но не бранятъ нѣмцами эльзасцевъ; нѣмцы очень не любятъ поляковъ, но не дразнятъ поляками познанцевъ. Судьба, исторія, связала насъ съ разными инородцами и иновѣрцами, и мы должны, во что бы ни стало, для нашей и ихъ пользы, найти, такъ или иначе, способъ жить съ ними въ ладу. Надо, чтобъ имъ и намъ было хорошо вмѣстѣ; а пришлись они намъ по душѣ или нѣтъ, это другой вопросъ и вопросъ совсѣмъ не такой важный, чтобъ изъ-за него жертвовать существеннѣйшими нашими интересами народными и государственными. Къ тому же и между нами найдутся такіе, которымъ по вкусу въ нашихъ инородцахъ именно то, что русскому большинству въ нихъ не нравится. Нельзя же возводить привычки и вкусы въ національные принципы!

Стыдно бываетъ подчасъ за нашу интеллигенцію, за нашъ такъ-называемый образованный слой, когда посравнишь его младенчески капризныя отношенія къ иновѣрцамъ и инородцамъ съ отношеніями къ нимъ нашего безграмотнаго крестьянскаго люда. Русскій простолюдинъ считаетъ свой народъ чуть ли не первымъ народомъ въ мірѣ, гораздо лучше и умнѣе всѣхъ другихъ, а посмотрите на него посреди сосѣдей иной вѣры и языка, съ которыми ему приходится жить и дѣла дѣлать; сколько житейскаго такта, сколько ума и общительности, какое инстинктивное уваженіе къ чужой вѣрѣ, къ чужому обычаю! Такъ и видишь великій политическій народъ, создавшій громадное государство, поглотившій разнороднѣйшія національности. Съ неподражаемымъ добродушіемъ онъ иной разъ и подшутитъ надъ инородцемъ, такъ что тому и самому смѣшно,—но и только! Еврей, полякъ, татаринъ, нѣмецъ,—ему все равно; онъ со всѣми умѣетъ ужиться. Только мы, цивилизованные, интеллигенція Россіи, утратили эту драгоцѣнную черту русскаго народнаго характера, во имя чего-то, чего мы не умѣемъ ни назвать, ни выразить. Развѣ это не одно изъ нашихъ безчисленныхъ и печальныхъ недоразумѣній?

1878 г.

БЮРОКРАТІЯ И ОБЩЕСТВО.

I.

Во всѣ времена, величайшая ошибка и несчастіе правителей заключались въ томъ, что они уединялись, давали себя окружить непроницаемой стѣной приближенныхъ и, мало-по-малу, по необходимости, начинали глазами этихъ приближенныхъ смотрѣть на вещи и на людей. Какъ бы ближайшіе совѣтники ни были умны, талантливы, знающи, честны и преданы, они все-таки люди, имѣющіе свои недостатки и слабости, и во всякомъ случаѣ знать все и всѣхъ не могутъ, вслѣдствіе чего сами, волей-неволей, впадаютъ въ ошибки при оцѣнкѣ вещей и людей. Смотря ихъ глазами, государи тоже дѣлаются односторонними, заражаются духомъ партій, тогда какъ именно они, по своему положенію и призванію, и должны стоять выше всѣхъ партій, не давать перевѣса ни одной изъ нихъ и извлекать изъ всѣхъ ту долю пользы для государства, какую онѣ принести могутъ; а полезны могутъ быть всѣ мнѣнія, взгляды и партіи, ибо каждая представляетъ извѣстную сторону справедливой мысли, или указываетъ на недостатки существующаго порядка дѣлъ. Разобщенные отъ государства окружающей средой, государи, рано или поздно, начинаютъ замѣчать, что и ихъ приближенные тоже не всегда бываютъ безпристрастны: тогда въ душѣ ихъ зарождается

недовѣріе ко всѣмъ людямъ; они становятся подозрительны и кончаютъ тѣмъ, что разочаровываются въ человѣчествѣ, перестаютъ надѣяться когда-либо водворить добро и правду въ своемъ государствѣ и подъ давленіемъ такого тяжелаго чувства предоставляютъ дѣламъ правленія идти по волѣ судебъ.

Такова участь лучшихъ, добродѣтельнѣйшихъ государей, когда они даютъ уединить себя. Чтобъ избѣжать этого обыкновеннаго подводнаго камня для монархій, есть только одно вѣрное средство: широко открыть къ себѣ доступъ всѣмъ взглядамъ, мнѣніямъ, жалобамъ и желаніямъ, какія только есть въ странѣ, прислушиваться къ нимъ и повѣрять ими внушенія приближенныхъ и доклады министровъ. Безъ этого опасности, однѣ другихъ ужаснѣе, будутъ роковымъ образомъ окружать престолъ, а съ нимъ и государство.

Вѣрное средство знать все, что дѣлается и думается въ странѣ и во всѣхъ ея самыхъ глухихъ закоулкахъ, даютъ: разумный, справедливый законъ о печати и хорошо устроенныя государственныя учрежденія. Этими двумя путями государю будетъ открыта вся правда, какъ на ладони.

Разумный, справедливый законъ о печати даетъ возможность всякому высказать мысли, взгляды, желанія и жалобы. А черезъ нихъ раскроется все и найдется много такого, что пригодится на пользу государю и государству.

Хорошія государственныя учрежденія дадутъ возможность повѣрить мнѣнія приближенныхъ и министровъ. Выслушивая, кромѣ ихъ докладовъ, и другія, сравнивая разныя мнѣнія и предположенія, государь можетъ безпристрастно ихъ взвѣсить и выбрать изъ нихъ, для обращенія въ законъ, то, которое, по его убѣжденію, окажется наиболѣе полезнымъ для государства.

Серьезная опасность нашего теперешняго положенія заключается именно въ томъ, что у насъ нѣтъ ни разумнаго, справедливаго закона о печати, ни хорошихъ государственныхъ учрежденій. Все устроено у насъ такъ, что одни приближенные и министры имѣютъ голосъ, и всѣ остальные осуждены на безмолвіе. Такой порядокъ дѣлъ полезенъ для немногихъ, но вреденъ для государей и для страны. Для его поддержанія внушается, что престолъ окруженъ опасностями, что свобода печати произведетъ революцію, что подъ хорошими учрежденіями разумѣется конституція и ограниченіе самодержавной власти. Въ такихъ застращиваніяхъ невѣжественно или злонамѣренно подтасовываются понятія и названія. Престолъ дѣйствительно окруженъ опасностями, но именно вслѣдствіе того, что произволъ высшей администраціи не знаетъ границъ и нѣтъ на нее никакой управы. Теперешнее беззаконіе и безурядица искусственно вызываютъ у насъ раздраженіе, ожесточеніе и наконецъ отчаяніе, которыя и создаютъ опасности престолу и государству. Съ водвореніемъ закона и законнаго порядка, опасности исчезнутъ, а не возродятся. Что у насъ желаютъ свободы печати и конституціи—есть клевета и напраслина на Россію. Отдѣльныя лица, и то весьма немногочисленныя, дѣйствительно ихъ желаютъ, но огромное большинство не только простого народа, но и образованныхъ и полуобразованныхъ слоевъ, ни о свободѣ печати, ни объ ограниченіи самодержавія и не помышляютъ, и если говорятъ о нихъ, то только не умѣя, по незнанію и малому политическому развитію, называть вещи ихъ настоящими именами. Въ дѣйствительности всѣ, отъ мала до велика, отъ крестьянина до самаго просвѣщеннаго человѣка, желаютъ, чтобы мѣсто прихоти и произвола начальниковъ заступилъ законный порядокъ, одинаковый для всѣхъ. Исполненіе такихъ желаній, водвореніе законнаго порядка и справедливаго суда, обезпечивающихъ всѣхъ и каждаго, не вредны, а напротивъ, полезны для самодержавія, не ослабятъ, а напротивъ, укрѣпятъ его, раздѣливъ рѣзкой чертой интересы престола и государства отъ интересовъ совѣтниковъ и чиновниковъ и снявъ съ государей, передъ лицомъ всей страны, отвѣтственность за злоупотребленія и беззаконія, прикрытыя теперь ихъ именемъ. Россія, благодаря исторіи и обстоятельствамъ, есть единственная страна въ мірѣ, гдѣ возможенъ твердый законный порядокъ и широкія гражданскія свободы при полнотѣ самодержавной власти. У насъ некому съ нею тягаться и соперничать, какъ было въ Европѣ, а потому ни печать, ни учрежденія не могутъ послужить никому орудіемъ для борьбы съ нею. Такимъ безпримѣрнымъ положеніемъ надо воспользоваться въ интересахъ самодержавія, престола и государства, которымъ существенно вредятъ произволъ, беззаконіе и безправіе, подкапывая ихъ подъ корень. Тѣ, которые пугаютъ государя призраками

конституціи и свободы печати, благоразумно умалчиваютъ, что нынѣ самодержавная власть въ Россіи стѣснена и ограничена сановниками и чиновниками, которые дѣлаютъ, что̀ хотятъ.

Нашъ законъ о печати дуренъ тѣмъ, что̀ она подчинена министру внутреннихъ дѣлъ, который распоряжается ею самовластно, по своему усмотрѣнію. Но и всякій другой министръ, которому печать была бы ввѣрена въ управленіе, сталъ бы, конечно, направлять ее въ своихъ личныхъ видахъ, не пропуская на свѣтъ Божій ничего ему непріятнаго или невыгоднаго и, напротивъ, всячески поощряя то, что̀ ему и его видамъ полезно. Въ видахъ общей пользы, печать должна быть отдана въ завѣдываніе такого учрежденія, которое не зависитъ отъ министровъ, выше ихъ и не заинтересовано покрывать ихъ дѣйствія или помогать имъ въ преслѣдованіи какихъ-либо личныхъ видовъ и цѣлей. Еслибы управленіе печатью было возложено на комитетъ министровъ или на сенатъ (по 1-му департаменту) или на государственный совѣтъ, то отъ этихъ коллегіальныхъ учрежденій можно было бы ожидать больше справедливости, безпристрастія и законности въ завѣдываніи печатнымъ словомъ, чѣмъ отъ единоличнаго произвола какого-нибудь министра.

Устройство нашихъ высшихъ государственныхъ учрежденій неправильно и ошибочно въ трояномъ отношеніи.

Во-первыхъ, одни министры докладываютъ дѣла государю, а такъ какъ, при самодержавномъ правленіи, только тотъ и имѣетъ силу и вліяніе, кто докладываетъ государю, то только министры и имѣютъ вліяніе и власть въ управленіи, прочія же высшія учрежденія, сенатъ, государственный совѣтъ и комитетъ министровъ—никакой. Такое преобладаніе въ высшемъ государственномъ управленіи единоличной власти надъ коллегіальными учрежденіями есть главная, если не единственная, причина недостатка единства въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, произвола и беззаконія, на которыя всѣ жалуются. Еслибы вліяніемъ и властью пользовались коллегіальныя учрежденія, а не министры, то было бы больше единства въ управленіи, меньше произвола, больше законности.

Во-вторыхъ, всѣ наши высшія государственныя учрежденія составляются изъ одннхъ военныхъ и гражданскихъ высшихъ чиновниковъ. Эти лица приносятъ съ собою знаніе правительственныхъ порядковъ и службы и опытность въ дѣлахъ управленія; но какъ оно дѣйствуетъ на страну, приноситъ ли ей пользу или вредъ,—этого они не знаютъ и не могутъ знать, потому что всю свою жизнь провели въ положеніи правящихъ, а не управляемыхъ, смотрѣли на дѣло сверху внизъ, а не снизу вверхъ. Отсюда неизбѣжная односторонность въ сужденіяхъ и взглядахъ этихъ лицъ, исключительно наполняющихъ наши высшія государственныя учрежденія. Послѣднія только тогда могутъ вполнѣ соотвѣтствовать своему назначенію, когда въ составѣ ихъ будутъ находиться не одни лучшіе люди служебной опытности и знанія, но и такія, которыя всего лучше, полнѣе и безпристрастнѣе могутъ цѣнить дѣйствіе и вліяніе правительственныхъ мѣропріятій и служебныхъ порядковъ на бытъ и благосостояніе страны.

Въ-третьихъ, коллегіальныя государственныя учрежденія—правительствующій сенатъ (первый департаментъ), государственный совѣтъ, комитетъ министровъ—совершенно лишены возможности и права представлять государю о пользахъ и нуждахъ страны, о необходимыхъ для ихъ удовлетворенія мѣрахъ и законахъ. Это право принадлежитъ исключительно однимъ министрамъ, а коллегіальныя учрежденія только обсуждаютъ то, что̀ передается на ихъ разсмотрѣніе государемъ,—всего чаще вслѣдствіе доклада министровъ. Такой порядокъ нельзя назвать правильнымъ. Министры, стоящіе во главѣ администраціи, погруженные въ текущія дѣла, не имѣютъ нужнаго досуга и времени, чтобы спокойно и основательно обсудить необходимую мѣру или законъ. Заинтересованные каждый успѣшнымъ ходомъ своей части, они не могутъ безпристрастно и со всѣхъ сторонъ разсматривать вопросы, возникающіе изъ примѣненія законовъ и изъ нуждъ общественныхъ. Гораздо благопріятнѣе поставлены, въ этомъ отношеніи, коллегіальныя учрежденія. Они состоятъ изъ нѣсколькихъ лицъ, а не изъ одного, и потому могутъ судить о предметѣ многостороннѣе, чѣмъ одно лицо; они имѣютъ въ своемъ производствѣ дѣла не по одной какой-нибудь отрасли государственнаго управленія, а всѣ дѣла извѣстнаго рода, и потому въ нихъ сосредоточивается и соединяется то, что̀ раздроблено по разнымъ министерствамъ; поэтому коллегіальнымъ учре-

жденіямъ гораздо легче избѣгнуть односторонности, неминуемой въ министерствахъ. Наконецъ, не будучи обременены подробностями исполненія, коллегіальныя учрежденія имѣютъ больше времени и досуга спокойно обсудить каждый вопросъ и глубже вникнуть въ существо дѣла, которое посреди заботъ о ходѣ текущихъ дѣлъ, весьма легко ускользаетъ изъ вида министровъ. Все это дѣлаетъ коллегіальныя учрежденія болѣе способными, чѣмъ министерства, возбуждать вопросы о законодательныхъ и общихъ административныхъ мѣрахъ. У насъ же, какъ разъ наоборотъ, право возбуждать законодательные и общіе административные вопросы принадлежитъ не коллегіальнымъ учрежденіямъ, а министрамъ, не совѣщательнымъ органамъ верховной власти, а исполнительнымъ.

Чтобы положить конецъ разъединенію государя съ страною, откуда и рождается одностороннее или ошибочное понятіе о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ и вещей въ государствѣ, необходимо поставить печать и высшія государственныя учрежденія въ иное положеніе, чѣмъ въ какомъ они теперь находятся, а именно:

1) Управленіе печатью необходимо возложить не на какое-либо министерство, а на одно изъ коллегіальныхъ высшихъ государственныхъ учрежденій, — правительствующій сенатъ, комитетъ министровъ или государственный совѣтъ. Отъ такой перемѣны можно несомнѣнно ожидать болѣе безпристрастія и справедливости въ завѣдываніи дѣлами печати.

2) Доклады министровъ государю надлежитъ подвергать предварительному просмотру и одобренію комитета министровъ, а въ дѣлахъ спѣшныхъ—хотя бы одного его представителя. При такомъ порядкѣ, каждый министръ долженъ будетъ доложить, вмѣстѣ съ своимъ предположеніемъ, и отзывъ о немъ комитета министровъ или его представителя, чрезъ что государю сдѣлается извѣстнымъ и мнѣніе о предлагаемой ему мѣрѣ высшаго коллегіальнаго административнаго учрежденія имперіи.

3) Необходимо ввести въ составъ, хотя бы одного лишь государственнаго совѣта, на правахъ членовъ и въ равномъ съ ними числѣ, выборныхъ отъ губернскихъ земствъ. Чтобы могли быть выбраны лучшіе люди губерній, а не лица, принадлежащія къ тому или другому сословію, званію или слою и кружку, слѣдуетъ предоставить земствамъ выбирать кого они признаютъ достойнымъ, не стѣсняя ихъ никакимъ цензомъ и никакими другими условіями, и вмѣнивъ имъ лишь въ обязанность выставить самыхъ способныхъ и честныхъ людей, хорошо знающихъ свой край, его нужды, и опытныхъ въ дѣлахъ мѣстнаго управленія. По этимъ указаніямъ земства уже сами будутъ знать и понимать, кто можетъ лучше всего представлять губернію, ея пользы и потребности предъ государемъ, въ составѣ высшаго государственнаго коллегіальнаго учрежденія имперіи. Такая мѣра дастъ государю возможность услышать мнѣніе не только тѣхъ, которые управляли или управляютъ, но и тѣхъ, которые состоятъ подъ управленіемъ въ губерніяхъ и испытали его на себѣ. Поэтому-то и надо предоставить земствамъ самимъ свободный выборъ выразителей ихъ нуждъ предъ государемъ. Свѣдущіе люди, выбранные министрами, всегда будутъ представлять мнѣнія послѣднихъ, а не мѣстныхъ жителей.

4) Необходимо предоставить первому департаменту правительствующаго сената, комитету министровъ и государственному совѣту одинаковое съ министрами право представлять на благоусмотрѣніе государя предположенія свои о пользахъ и нуждахъ государства и о мѣрахъ, которыя надлежало бы принять для ихъ удовлетворенія. Если министры пользуются этимъ правомъ, то тѣмъ болѣе оно должно бы принадлежать высшимъ коллегіальнымъ государственнымъ учрежденіямъ, которыя теперь его лишены. Какъ объяснено выше, они могутъ основательнѣе, безпристрастнѣе и полнѣе обсуждать государственныя дѣла, чѣмъ каждый изъ министровъ въ отдѣльности.

Объясненными мѣрами были бы устранены тѣ препоны, которыя теперь мѣшаютъ государю знать дѣйствительное положеніе дѣлъ, правильно судить о различныхъ направленіяхъ мыслей и о достоинствахъ и благонадежности тѣхъ или другихъ лицъ. Минувшее царствованіе представляетъ горестныя доказательства тому, какъ все можетъ быть доложено государю въ превратномъ видѣ, когда единственными его совѣтниками являются министры. Честные и способные люди были оклеветаны и удалены, хищники и недобросовѣстные рекомендованы, какъ преданнѣйшіе отечеству и государю, полезные и на-

дежные слуги, и поставлены на видныя мѣста въ государственномъ управленіи; благотворные законы и преобразованія были искажены въ примѣненіи и вмѣсто пользы принесли вредъ: тѣ, которые ихъ исказили, указывали, что вредъ произошелъ отъ этихъ законовъ и преобразованій, тщательно скрывая, что они были недобросовѣстно приведены въ дѣйствіе. Благодаря тому, что только одни министры имѣли голосъ у престола, государственныя имущества и доходы подверглись безпощадному и безобразному расхищенію, нарушались именемъ государя несомнѣннѣйшія права, явно попирались законы, преслѣдовались, подъ предлогомъ неблагонамѣренности, лица и изданія не только безвредныя, но даже полезныя и вполнѣ честныя, за то только, что обличали произволъ того или другого министерства, не соглашались съ его взглядами, противорѣчившими закону, указывали на злоупотребленія, которыя тѣмъ или другимъ министерствомъ тщательно скрывались.

Пока на первомъ планѣ будутъ стоять министры, а коллегіальныя государственныя учрежденія на второмъ, до тѣхъ поръ объ уврачеваніи нашего теперешняго во всѣхъ отношеніяхъ бѣдственнаго положенія нельзя и думать. Государи при всемъ горячемъ желаніи не въ состояніи узнать, что̀ на самомъ дѣлѣ творится въ имперіи, каково настроеніе и расположеніе умовъ, хорошо или дурно идутъ дѣла, какими мѣрами поднять общее благосостояніе и довольство. И не всегда министры будутъ въ этомъ виноваты. Самые благонамѣренные и преданные изъ нихъ способны, какъ всѣ люди, ошибаться и увлекаться. Для блага государя и государства необходимо, чтобы была возможность поправить эти ошибки и пристрастія, а средствъ для такой поправки у насъ теперь не существуетъ. Послѣдствія такого кореннаго недостатка въ устройствѣ высшаго государственнаго управленія—самыя плачевныя. Авторитетъ самодержавной власти страдаетъ. Вмѣсто закона господствуетъ произволъ, противъ котораго нѣтъ защиты. Люди честные, благонамѣренные и способные, теряютъ надежду на улучшеніе положенія, а съ нею и бодрость духа, безъ которой нельзя сдѣлать ничего полезнаго. Сегодня одни, безъ всякой причины, признаются вредными и опасными; имъ запрещается высказываться, а потому и оправдаться они не могутъ; завтра такая же участь постигаетъ тѣхъ, которые вчера считались благонамѣренными. Цѣлыя области, племена, исповѣданія и званія поочередно подпадаютъ подъ опалу по навѣту министровъ, создающихъ имъ то или другое положеніе по своему усмотрѣнію. Предлагаемыя въ этой запискѣ мѣры поставятъ всѣ мнѣнія и взгляды подъ защиту закона, дадутъ возможность услышать голосъ управляемыхъ, предоставятъ коллегіальнымъ государственнымъ учрежденіямъ равное положеніе передъ государемъ съ министрами. При помощи такихъ мѣръ нынѣшнее неопредѣленное положеніе выяснится, и тогда не трудно уже будетъ изыскать способы, чтобы измѣнить его къ лучшему.

II.

По первымъ шагамъ новаго царствованія станутъ заключать, каково оно будетъ. Оттого такъ необходимо, чтобы они внушили довѣріе и успокоили умы. Особенно это необходимо въ критическую и опасную минуту, какую теперь переживаетъ Россія.

Новый государь ничѣмъ не стѣсненъ. Прошедшее его не обязываетъ, у него нѣтъ за спиной ошибокъ, фатально направляющихъ его путь въ извѣстную сторону; онъ ничѣмъ не связанъ съ людьми, которые могли бы тормозить его начинанія. Такимъ чрезвычайно счастливымъ положеніемъ новому государю надо воспользоваться для блага Россіи, для утвержденія государственной власти и возвращенія царствующей династіи авторитета и довѣрія, поколебленныхъ нерѣшительностью минувшаго правленія, безуміемъ, невѣжествомъ и недобросовѣстностью его совѣтниковъ и настойчивою энергіей тайной организаціи, вызванной и воспитанной невообразимымъ хаосомъ и анархіей внутри страны. Первые же шаги новаго государя должны сразу показать, что онъ твердо рѣшился покончить съ печальнымъ прошедшимъ и намѣренъ идти совсѣмъ другимъ путемъ.

У насъ нѣтъ ничего похожаго на государственныя учрежденія, которыя пользовались бы авторитетомъ и довѣріемъ страны и могли въ минуты, подобныя настоящей, выносить на своихъ плечахъ всю тяжесть положенія и ограждать государство и династію отъ опасности. То, что̀ у насъ есть, напоминаетъ скорѣе помѣщичьихъ бурмистровъ и приказ-

чиковъ и вотчинныя конторы. Благодаря отсутствію государственныхъ учрежденій всѣ теперь потеряли голову, никто не знаетъ что и какъ начать, и могутъ писаться такіе неудачные канцелярскіе манифесты о вступленіи на престолъ, какой мы прочли 2 марта. Надо начать съ созданія государственныхъ учрежденій. Объ этомъ намѣреніи слѣдовало бы намекнуть въ манифестѣ о вступленіи на престолъ. Но такъ какъ эта благопріятная минута пропущена, то надо, не теряя времени, воспользоваться первымъ же удобнымъ случаемъ, чтобы заявить объ этомъ намѣреніи въ одномъ изъ торжественныхъ актовъ (манифестовъ) новаго царствованія.

Но коренную реформу государственныхъ учрежденій нельзя совершить вдругъ, а между тѣмъ теперь крайне необходимо высшее государственное учрежденіе, въ которомъ сосредоточилось бы разсмотрѣніе важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ и мѣропріятій, не терпящихъ отлагательства. Съ этою цѣлью необходимо теперь же немедленно устроить, подъ предсѣдательствомъ государя, временный верховный распорядительный совѣтъ изъ 15 или 20 лучшихъ людей, какіе найдутся въ теперешнемъ составѣ высшаго государственнаго управленія. Въ совѣтъ не должны быть приняты ни Шуваловы, ни Валуевы, ни Толстые, ни Палены, ни имъ подобные, опозорившіе минувшее царствованіе, настоящіе виновники несчастій, которыя мы пережили и переживаемъ. Созданіе хорошаго центральнаго учрежденія тотчасъ придало бы необходимое единство ходу государственныхъ дѣлъ. Если выборъ членовъ совѣта будетъ удаченъ, то онъ внушитъ довѣріе и успокоитъ на первый разъ умы. О такой мѣрѣ необходимо объявить манифестомъ и сдѣлать извѣстнымъ личный составъ совѣта.

Первыми распоряженіями совѣта должны быть: 1) возможно широкая амнистія, 2) отмѣна смертной казни и административныхъ ссылокъ, 3) дарованіе печати законнаго существованія, 4) дарованіе свободы совѣсти и религіознаго культа, 5) отмѣна стѣсненій народнаго языка въ школѣ и ежедневномъ употребленіи. Совѣту же надлежитъ отмѣнить самыя вопіющія и притѣснительныя несообразности и несправедливости въ дѣйствующихъ законахъ и правительственныхъ мѣрахъ, отъ которыхъ, безъ всякой необходимости, стонетъ русская земля и которыми поддерживается общее недовольство, уныніе, недовѣріе и апатія.

Наконецъ, тотъ же совѣтъ долженъ выработать и установить главныя основанія правильной, систематически-стройной организаціи высшаго, средняго и низшаго управленія государствомъ, а также правъ и обязанностей подданныхъ и должностныхъ лицъ,—въ замѣну теперешняго безправія и анархіи. Медлить этой работой никакъ не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что существенныя черты преобразованія уже достаточно обозначились въ мнѣніи общества и самого правительства.

Такія мѣры, если онѣ будутъ приняты и проведены безотлагательно, умиротворятъ страну и плодотворно для нея и для утвержденія расшатаннаго авторитета государственной власти наполнятъ время до образованія и вступленія въ дѣйствіе новыхъ учрежденій, которыя установятъ новый порядокъ дѣлъ въ Россіи и довершатъ реформы минувшаго царствованія, отмѣненныя или искаженныя недостойными людьми, которымъ, по несчастію, ввѣрено было ихъ осуществленіе.

1881 г.

ЗАМѢТКИ.

I.

По поводу разсужденій М. Н. Каткова.

Въ № 51 „Московскихъ Вѣдомостей“ (1880 г.) высказаны нѣкоторыя соображенія по поводу покушенія противъ графа Лорисъ-Меликова. По мнѣнію М. Н. Каткова, это горестное событіе не иное что, какъ демонстрація крамолы, съ цѣлью „смутить власть и заставить ее капитулировать“. Но кромѣ крамолы есть у насъ „сферы, ожидающія богатыхъ милостей“ отъ ея дѣйствій. „Эти сферы надѣются, что правительство для искорененія крамолы пойдетъ путемъ, какой она сама рекомендуетъ“. Такъ какъ цѣль руководителей заговора—„либеральныя учрежденія“, то „оказывается, что заговорщики хотятъ того же, чего желаютъ и заграничные и домашніе доброжелатели Россіи“. Лучшей опорой для рѣшительныхъ и дѣйствительныхъ мѣръ противъ зла—не „петербургская интеллигенція“, а „русскій народъ“, „патріотическій духъ и русское мнѣніе“. Власти нѣтъ надобности обращаться къ обществу и въ немъ искать себѣ опоры. „Развѣ можно въ эту минуту думать о представительствѣ, какъ о полезной силѣ, но въ солидарности съ гнуснѣйшимъ заговоромъ, руководимымъ вражеской рукой?“ И „гдѣ эти элементы въ интеллигентныхъ сферахъ нашего общества, на которые могло бы опереться правительство?.. Не въ салонахъ ли петербургскихъ? Не въ фельетонахъ ли петербургскихъ газетъ? Не въ наукѣ ли нашей? Гдѣ эта наука, гдѣ ея плоды? Правительство въ настоящее время можетъ успѣшно исполнить свою задачу только строгою дисциплиной сверху донизу въ своихъ собственныхъ рядахъ“, „такъ, чтобы всякій въ нихъ страшился уклоняться отъ своего долга и обманывать высшую власть“.

Статья „Московскихъ Вѣдомостей“—страстный обвинительный актъ противъ правительственныхъ рядовъ, противъ какихъ-то сферъ, безъ опредѣленія какихъ именно, и противъ петербургской интеллигенціи, салоновъ, печати. М. Н. Катковъ повсюду видитъ враговъ отечества и полную несостоятельность для борьбы со зломъ. Какъ на единственную опору онъ указываетъ на русскій народъ, на патріотизмъ „въ образованныхъ сферахъ общества“ и на русское мнѣніе, и рекомендуетъ усилить дисциплину въ рядахъ правительства.

Ужасъ, негодованіе, раздраженіе при видѣ того, что̀ у насъ совершается, вполнѣ понятны въ каждомъ, кто только способенъ приходить въ ужасъ, негодовать, раздражаться; но совсѣмъ непонятно, какъ можетъ серьезный человѣкъ и въ наши лѣта отдаваться страсти до потери почвы подъ ногами. Вѣдь это значитъ отнять у себя самого силу слова, у своихъ совѣтовъ — силу убѣжденія! Взводить подозрѣніе и обвиненіе на всѣхъ и каждаго не трудно; но какой можно достигнуть этимъ общеполезной цѣли? Когда всѣ обвиняются поголовно—нѣтъ виноватыхъ.

М. Н. Катковъ взводитъ подозрѣніе на правительственныхъ дѣятелей и рекомендуетъ хорошенько имъ пригрозить за уклоненіе отъ долга и обманъ высшей власти. Какъ понять эти слова? Когда власть приказываетъ, чиновникъ не долженъ уклоняться отъ исполненія, не долженъ сообразоваться съ своими личными мнѣніями и взглядами: это азбучная истина, противъ которой конечно никто и не подумаетъ спорить; въ этомъ отношеніи безусловная дисциплина въ правительственныхъ рядахъ необходима, и безъ нея государство стоять не можетъ. Но если власть спроситъ у своихъ чиновниковъ мнѣнія или совѣта по какому-нибудь дѣлу или вопросу — будетъ ли ихъ мнѣніе, несогласное со взглядами власти, нарушеніемъ дисциплины въ правительственныхъ рядахъ? Будетъ ли существованіе въ рядахъ правительства чиновниковъ, которыхъ взгляды не сходятся съ его воззрѣніями, доказательствомъ, что нѣтъ въ этихъ рядахъ дисциплины? Конечно нѣтъ! Напротивъ, чиновникъ исполняетъ свой долгъ, свою обязанность, когда по требованію власти высказываетъ то,

что̀ думаетъ, не справляясь, понравится ли его мнѣніе, или нѣтъ. При исключительно бюрократическомъ составѣ государственныхъ учрежденій, какъ у насъ, не только желательно, но крайне необходимо, чтобы чиновники, призываемые къ совѣщаніямъ, представляли всѣ тѣ мнѣнія, какія существуютъ въ государствѣ, чтобы правительственный составъ былъ по своимъ воззрѣніямъ микрокосмомъ государства, и чтобы эти воззрѣнія заявлялись власти прямо, откровенно, по совѣсти. О какой же именно дисциплинѣ въ рядахъ правительства говоритъ М. Н. Катковъ? Какъ онъ ее понимаетъ? Иной, пожалуй, истолкуетъ его указаніе въ томъ смыслѣ, что надо выбросить изъ рядовъ правительства всѣхъ, кто не раздѣляетъ тѣхъ или другихъ взглядовъ.

М. Н. Катковъ съ пренебреженіемъ отзывается о петербургской интеллигенціи, вообще объ интеллигентныхъ сферахъ нашего общества и даже о нашей наукѣ, о петербургскихъ салонахъ и печати; онъ не видитъ въ нихъ элементовъ, на которые правительство могло бы опереться. Опять огульный, общій приговоръ! И онъ произносится гдѣ же? Въ Россіи, гдѣ совсѣмъ нѣтъ ничего вообще, а каждое явленіе стоитъ особнякомъ, безъ связи съ другими. Въ нашихъ интеллигентныхъ сферахъ, научныхъ взглядахъ, салонахъ, газетахъ, вездѣ — поражающій разбродъ мнѣній: здравыя мысли, вѣрныя, тонкія и глубокія наблюденія до того перемѣшаны съ явными нелѣпостями и безсмыслицей, что въ этомъ хаосѣ и разобраться нельзя. А власти предлагается не слушать именно петербургской интеллигенціи, салоновъ, газетъ,—точно будто у насъ петербургскія пошлости разграничены съ умными мыслями внѣ Петербурга и всякія мысли, глупыя и умныя, не разсѣяны въ перемежку по всему лицу россійской имперіи. Пора бы забыть и сдать въ архивъ противоположеніе Петербурга Москвѣ и провинціямъ; время, создавшее антагонизмъ Москвы съ Петербургомъ, давно прошло; теперь въ этомъ антагонизмѣ трудно доискаться какого-нибудь дѣйствительнаго смысла. Петербургъ, Москва, провинція — все та же Россія, съ мѣстными оттѣнками, разныя стороны одной и той же русской жизни. Вѣдь русская интеллигенція, русская наука—между прочимъ и самъ М. Н. Катковъ. Рекомендуя правительству не опираться на нашу интеллигенцію и нашу науку, онъ, вѣроятно, себя исключаетъ: а выходитъ, какъ будто онъ говоритъ правительству: не слушайте меня, я не заключаю въ себѣ никакихъ элементовъ для опоры. Вотъ къ чему приводятъ слишкомъ широкія обобщенія!

М. Н. Катковъ рекомендуетъ власти опираться на русскій народъ, на патріотическій духъ, на русское мнѣніе. Но какъ ихъ узнать помимо мнѣній общества, печати, салоновъ? Въ чемъ они выражаются? Мало того: у насъ во всемъ и всюду страшная разноголосица. Какое же мнѣніе считать голосомъ народа, выраженіемъ патріотическаго духа, русскимъ? М. Н. Катковъ даетъ весьма опасный совѣтъ: вѣдь каждый считаетъ свой взглядъ выраженіемъ русской мысли, себя—русскимъ патріотомъ. Что̀ же выйдетъ, если всякое мнѣніе, всякій взглядъ будетъ обзывать всѣ другіе не-патріотическими, не-народными, не-русскими? Не будетъ ли это война всѣхъ противъ всѣхъ? А намъ прежде и больше всего нужно взаимное сближеніе, взаимное уваженіе, взаимное пониманіе.

М. Н. Катковъ считаетъ невозможнымъ и думать теперь у насъ о представительствѣ, какъ о полезной силѣ. Но представительство представительству рознь. О какомъ же именно онъ говоритъ? Отъ опытнаго публициста и человѣка съ большимъ образованіемъ, каковъ редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“, всякій въ правѣ ожидать болѣе точнаго и опредѣленнаго выраженія мыслей, особливо по такому важному вопросу. Пользуясь большимъ авторитетомъ, онъ имѣлъ полную возможность высказать свое мнѣніе, не стѣсняясь цензурными условіями, которыя удерживаютъ другихъ отъ обсужденія подобныхъ вопросовъ. А очень жаль, что существуютъ препятствія для серьезнаго и откровеннаго обсужденія этого предмета! Только благодаря этому мы ходимъ въ потемкахъ, и самыя безобразныя мысли обращаются наравнѣ съ правильными. Стоитъ прислушаться къ разговорамъ въ обществѣ, чтобы убѣдиться, что вопросъ о представительствѣ безпрестанно подаетъ поводъ къ самымъ страннымъ недоразумѣніямъ; зачастую собесѣдники говорятъ одно, а подразумѣваютъ другое. Пока вопросъ о представительствѣ будетъ у насъ изъятъ изъ печатнаго обсужденія, общественная мысль не выяснится и не получитъ опредѣленныхъ формъ.

Не застращивайте ее, не насилуйте, дайте ей спокойно сложиться и вызрѣть,—и она,—

мы въ томъ глубоко убѣждены,—выработаетъ и укажетъ на что-либо болѣе подходящее къ нашимъ обстоятельствамъ и потребностямъ, болѣе согласное съ нашимъ прошедшимъ и съ особенностями нашего развитія, чѣмъ политическое представительство на англійскій ладъ, съ помѣщиками въ роли лордовъ, которое рекомендовалъ намъ М. Н. Катковъ въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ, или чѣмъ Наполеоновскій цезаризмъ, худшій изъ видовъ демагогіи, который онъ намъ рекомендуетъ теперь.

Впрочемъ, о петербургской и вообще о русской интеллигенціи, о нашихъ салонахъ, прессѣ, чиновникахъ и представительствѣ позволительно имѣть разныя мнѣнія; но непозволительно, особливо намъ, старымъ людямъ, сознательно и умышленно говорить неправду, а именно это позволилъ себѣ М. Н. Катковъ. Въ статьѣ, которую мы разбираемъ, онъ смѣшалъ анархистовъ и революціонеровъ съ либералами; укоряетъ послѣднихъ въ соучастіи съ первыми, въ солидарности съ заговоромъ, въ надеждѣ получить отъ него какія-то великія и богатыя милости. Такія тяжкія, огульныя обвиненія мнѣній и взглядовъ должны быть доказаны, или тотъ, кто ихъ взводитъ,—клеветникъ.

Въ доказательство мнимой солидарности либераловъ съ анархистами и революціонерами М. Н. Катковъ приводитъ, что будто руководители заговора требуютъ отъ власти „либеральныхъ“ учрежденій. Но откуда онъ это взялъ? Если изъ подпольной прессы и прокламацій, то это неправда! Руководители заговора вовсе не требуютъ въ нихъ либеральныхъ учрежденій: они хотятъ революціи и разрушенія государства, а между тѣмъ на выдуманномъ фактѣ построено самое тяжкое обвиненіе весьма распространеннаго въ Россіи либеральнаго образа мыслей.

Искренно и глубоко сожалѣю, что М. Н. Катковъ позволилъ себѣ увлечься гнѣвомъ и страстью до забвенія правды, до клеветы, особливо въ такую трудную для Россіи минуту, какова теперешняя. Роль наша, людей сороковыхъ годовъ, сыграна, и мы уже не можемъ принимать участія въ современной жизни въ качествѣ дѣятелей. Если мы еще можемъ быть полезны нашей родинѣ, то только нашей опытностью, нашимъ безпристрастіемъ и словомъ правды; въ нихъ краса старости и право на сочувствіе и уваженіе новыхъ поколѣній. Только подъ этимъ условіемъ они признаютъ нашъ авторитетъ, выслушаютъ насъ, задумаются надъ нашимъ совѣтомъ. Мы, представители другой эпохи, люди прошедшаго и опыта, осужденные лѣтами на роль зрителей, больше чѣмъ кто-либо должны быть выше гнѣва и страстныхъ увлеченій любимыми мыслями: мы должны видѣть и понимать и тѣ стороны явленій и событій, которыхъ борющіяся партіи не замѣчаютъ въ пылу борьбы. Въ опытности, безпристрастіи и правдѣ — вся наша сила. Горе намъ, если изъ зрячихъ мы станемъ слѣпыми! Мы потеряемъ всякое право на уваженіе и авторитетъ и сами лишимъ себя возможности принести русскому обществу и народу ту долю пользы, какой они въ правѣ отъ насъ ожидать. Гдѣ же и когда клевета и неправда оказывались надежными союзниками хотя бы самаго праваго дѣла?

(Молва, 1880, № 59).

II.

Чего только у насъ не бываетъ!

Недавно намъ передавали разговоръ въ одномъ великосвѣтскомъ салонѣ о теперешней русской ежедневной печати.

Какой-то господинъ, скрывающій крѣпостническіе взгляды подъ формами изящнѣйшаго торизма, отзывался объ одной газетѣ такъ:

„О русскихъ дѣлахъ она разсуждаетъ, какъ коммунаръ; объ англійскихъ—какъ Парнелль; на дѣла нѣмцевъ смотритъ глазами Вирхова, а на дѣла Франціи—глазами Флоке и Наке“.

Этотъ отзывъ восхитителенъ. Въ немъ есть все, къ чему мы въ извѣстныхъ салонахъ давно привыкли: и азіатское лукавство, подмѣченное еще Наполеономъ I, и когда-то страшная инсинуація, пропитанная ехидствомъ, и безстыжій разсчетъ на всемогущество фразы въ средѣ, блистающей непониманіемъ европейскихъ дѣлъ вообще и русскихъ въ особенности.

Въ обозваніи защитниковъ крестьянскаго общиннаго землевладѣнія коммунарами безподобно намѣреніе; самъ же по себѣ этотъ отзывъ не что иное, какъ каламбуръ весьма низкой пробы.

Перенесеніе на Парнелля глубокихъ сочувствій русской прессы къ несчастнымъ ирландскимъ мужикамъ, у которыхъ англійскіе лэндлорды обобрали когда-то землю, и ко-

торыхъ теперь высасываютъ какъ піявки, мы назвали бы недостойной передержкой, еслибъ подозрѣвали въ россійскихъ маркизахъ на торійскій маперъ хоть какую-нибудь чувствительность къ упрекамъ нравственнаго характера.

Въ чемъ „пикантъ" уподобленія взглядовъ русской печати съ мнѣніями нѣмецкихъ и французскихъ политическихъ радикаловъ — мы, признаемся, даже не поняли, безъ сомнѣнія потому, что знакомы довольно близко съ мнѣніями журнальнаго и газетнаго міра и не имѣемъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ они отражаются въ головахъ нашихъ милордовъ, кандидатовъ въ члены проектируемаго ими россійскаго верхняго парламента. Что этимъ хотѣлось сказать что-то очень остроумное и, главное, очень ядовитое,—мы нимало не сомнѣваемся.

Возымѣютъ-ли подобные отзывы такое же дѣйствіе теперь, какъ еще недавно, — не знаемъ. Пожалуй, что нѣтъ! Великосвѣтское салонное остроуміе нынѣ, кажется, „не въ авантажѣ обрѣтается". А впрочемъ, увидимъ! Не такъ давно оно было еще всемогуще; остроты самаго жалкаго калибра производили фуроръ, повторялись и переводились тотчасъ же въ мѣропріятія.

Мы припоминаемъ такой случай. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одной газетѣ развивалась мысль, что надо бы отмѣнить у насъ увольненіе чиновниковъ по третьему пункту и установить для нихъ судебныя и административныя гарантіи. Какой-то великосвѣтскій балагуръ замѣтилъ, что Елисѣевъ былъ бы крайне недоволенъ, еслибъ у него было отнято право увольнять своихъ приказчиковъ. Сравненіе должностныхъ лицъ государственной службы съ Елисѣевскими приказчиками было совсѣмъ безсмысленно, но фраза понравилась, облетѣла весь административный міръ, и газета получила предостереженіе.

Припоминается также, что лѣтъ около двадцати тому назадъ, когда крестьянскія учрежденія употребляли всѣ усилія, чтобы провести крестьянскую реформу согласно съ закономъ, какой-то великосвѣтскій говорунъ, ненавидящій „эту проклятую эмансипацію", назвалъ крестьянскія учрежденія — какъ бы вы думали? — „ржондомъ народовымъ"! Фраза попала въ цѣль. Она заставила подозрительно посмотрѣть на дѣятельность крестьянскихъ учрежденій, — и они были ограничены и передѣланы, чтобы выкурить изъ нихъ духъ, усмотрѣнный фразёромъ.

Авось-либо такіе курьёзы больше не повторятся. Опытъ показалъ, что bons mots россійскихъ лордовъ не всегда полезны странѣ и государству.

(Порядокъ, 1881 № 54.)

III.

О нашихъ вѣдомствахъ.

(Отрывокъ).

Вѣдомства у насъ—это новое, исправленное и умноженное изданіе старинной удѣльной системы. Уничтоженная политически еще въ XV вѣкѣ, при московскомъ великомъ князѣ Иванѣ III, она пріютилась въ управленіи, подъ шумокъ пустила опять корни, разрослась, пріосанилась, пріобрѣла права гражданства и процвѣтаетъ даже по сей день. Театральныя представленія и концерты, съ участіемъ состоящихъ на службѣ артистовъ, есть монополія министерства императорскаго двора; печатаніе афишъ — тоже монополія какого-то вѣдомства, которое отдаетъ эту выгодную статью дохода на откупъ; фабрикація и продажа игорныхъ картъ—монополія воспитательныхъ домовъ; недавно еще изданіе календарей было монополіей академіи наукъ; нельзя въ церковь съ своей свѣчей придти: надо ее купить непремѣнно въ церкви, а такая продажа есть монополія духовнаго вѣдомства; оказывается, что и право издавать и продавать „Нотный обиходъ" въ скрипичномъ ключѣ есть тоже монополія!

Царь Алексѣй Михайловичъ, обѣляя города, повелѣлъ, чтобы все было единое его, великаго государя, государство; не предусмотрѣлъ мудрый государь, что приказы подѣлятъ это единое его великаго государя государство между собою, обзаведутся своими доходами, землицами, домами, церквами, крѣпостными людьми и крестьянами (что нынѣ, слава Богу, отмѣнено), а по мѣрѣ успѣховъ просвѣщенія, — своими врачами, школами и типографіями, — словомъ, заживутъ полнымъ хозяйствомъ, какъ добрымъ помѣщикамъ надлежитъ. Вѣдомства у насъ — это державы, состоящія между собою въ дипломатическихъ отношеніяхъ (и какихъ еще тонкихъ!), ведущія другъ съ другомъ переговоры и войны, заключающія оборонительные и наступательные союзы, мирные и иные договоры, причемъ общая польза, нужды государства естественно забываются и отходятъ на второй

планъ. Государство, общіе интересы и потребности—это нѣчто далекое, отвлеченное и проблематическое: близкое, доступное, осязаемое и весьма реальное — это интересы вѣдомства; всякому изъ нихъ усладительно и, такъ сказать, лестно жить своимъ домкомъ, въ свое удовольствіе; потому-то всякое вѣдомство и смотритъ обыкновенно на общую пользу и выгоды государства съ точки зрѣнія своихъ ближайшихъ интересовъ. Эта точка зрѣнія такъ у насъ укоренилась, что поведи какое-нибудь вѣдомство рѣчь объ общей или государственной пользѣ, ему другія ни за что не повѣрятъ: знаемъ мы, молъ, эту государственную и общественную пользу! Свои дѣла обдѣлываешь и на нашъ счетъ округлиться и выѣзжать хочешь,—вотъ что̀! Мы, напримѣръ, слыхали про такой случай: просило одно вѣдомство у другого земли на государственную надобность, а это ему и отвѣчаетъ: хороша государственная надобность! Тогда-то я тебѣ тоже на такую, будто бы, надобность землю отвело; а ты что̀ изъ нея сдѣлало: стало ее въ наймы отдавать, да еще хвалиться, что государству доходу лишняго доставило? А вѣдь этотъ доходъ я бы, не хуже тебя, съумѣло въ своихъ отчетахъ показать! Бываютъ еще и такіе случаи: выпроситъ одно вѣдомство у другого денегъ, много больше того, сколько ему въ самомъ дѣлѣ нужно, и излишекъ покажетъ въ экономіи. Этакимъ манеромъ и расходъ покроетъ и славу отличной хозяйственной распорядительности пріобрѣтетъ. Такимъ же точно образомъ случается, что одно вѣдомство школы и многое другое въ свое управленіе перепрашиваетъ, не для-ради чего иного, а все больше въ видахъ приличнаго округленія владѣній. Кто, при господствѣ такихъ воззрѣній, взаправду повѣритъ, что рѣчь идетъ о государственной или общественной пользѣ, тотъ часто рискуетъ, того и гляди, въ простофили попасть и быть поднятымъ на смѣхъ умными людьми изъ дѣльцовъ: вотъ, молъ, какъ его ловко объѣхали! А потому, когда какое-нибудь вѣдомство обращается къ другому съ требованіемъ, имѣющимъ, въ самомъ дѣлѣ, цѣлью общее благо или пользу государства, оно почти всегда получаетъ одинъ и тотъ же стереотипный отвѣтъ Носа у Гоголя: извините, милостивый государь, мы съ вами служимъ въ разныхъ вѣдомствахъ!...

(Изъ замѣтки о „Нотномъ обиходѣ“, Порядокъ, 1881, № 8).

НАШИ ИНОРОДЦЫ И ИНОВѢРЦЫ.

(1881 г.)

Потрясающія происшествія на югѣ, разорившія множество евреевъ, снова, Богъ знаетъ въ который уже разъ, ставятъ на очередь еврейскій вопросъ въ Россіи. Съ нимъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ общій вопросъ о нашихъ инородцахъ и иновѣрцахъ.

Къ несчастію, самыя прискорбныя недоразумѣнія раздѣляютъ по этимъ вопросамъ русскихъ мыслящихъ людей почти на враждебные лагери. Еще болѣе прискорбно, хотя и вполнѣ естественно, что та же двойственность, тотъ же расколъ, царятъ и въ нашемъ законодательствѣ.

Въ мирное время, когда власть во всеоружіи и ничто не препятствуетъ безусловному господству личной и имущественной безопасности, толпы врываются въ дома мирныхъ гражданъ, истребляютъ и грабятъ ихъ имущество, ихъ самихъ подвергаютъ оскорбленіямъ и насиліямъ,—и это не въ одномъ какомъ-нибудь пунктѣ, и не въ видѣ внезапной вспышки, а на большомъ пространствѣ и въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Слухи задолго предшествовали событіямъ и предсказывали ихъ. Значитъ, они разразились не случайно, а подготовлялись, обдумывались. Если справедливо, что погромъ евреевъ ограничивается, почти исключительно, пунктами, расположенными по желѣзнымъ дорогамъ и въ самомъ недалекомъ отъ нихъ разстояніи, то преднамѣренность становится еще вѣроятнѣе. Это по-истинѣ ужасно! Но всего прискорбнѣе то, что такія событія не вызвали единодушнаго негодованія,—точно будто о нихъ могутъ быть два мнѣнія! Съ горестью приходится сознаться, что въ извѣстной части русскаго

общества умственный и нравственный уровень ниже, чѣмъ даже можно было думать; что есть у насъ слои, которые еще не освоились съ азбукой устроенной гражданственности. Вѣдь одни дикіе не знаютъ, что всякое насиліе, всякая самовольная расправа, откуда бы онѣ ни шли и противъ кого бы ни были направлены, составляютъ нарушеніе основного закона устроеннаго общежитія.

Наши юдофобы стараются выставить противъ безусловнаго порицанія насилій надъ евреями разныя смягчающія обстоятельства не въ оправданіе, конечно,—кто же рѣшится оправдывать очевидное безобразіе?—а въ объясненіе и извиненіе того, что̀ случилось.

Правда, совершившіяся событія очень некрасивы, разсуждаютъ они; но, вѣдь, сами евреи своимъ хищничествомъ, алчностью къ деньгамъ, безстыдной и безсовѣстной эксплуатаціей, обманами и гешефтами, довели народъ въ южной и западной Россіи до озлобленія и отчаянія. Не только у насъ, но вездѣ, въ Румыніи и даже въ благоустроенной Германіи, прорывается непримиримая къ нимъ ненависть. Евреи всюду, какъ саранча, пожираютъ вокругъ себя трудъ и достояніе народныхъ, преимущественно сельскихъ массъ. Тѣсно между собою сомкнутые посреди разобщеннаго населенія, они вездѣ становятся монополистами, ловко и мошеннически увертываются отъ дѣйствія закона и не отступаютъ ни передъ какими средствами, чтобы все забрать въ свои руки. Они не примыкаютъ ни къ какому народу и государству, нигдѣ нравственно и духовно не акклиматизируются, нѣтъ у нихъ отечества; они—космополиты въ худшемъ смыслѣ слова, и потому, образуя въ цѣломъ мірѣ одну сильную организацію, являются страшнымъ орудіемъ экономическаго угнетенія народовъ.

Допустимъ на минуту, что все это совершенно справедливо, что евреи — зло, язва европейскихъ обществъ, которую надо истребить съ корнемъ. Но какъ же этого достигнуть? Нельзя же отдать ихъ на жертву народной ненависти и злобѣ, или выгнать, выселить, уничтожить около пяти милліоновъ людей. Всѣ эти средства испробованы въ средніе вѣка католическою церковью противъ еретиковъ, но безуспѣшно; а любезныхъ приглашеній нашихъ антисемитовъ—добровольно выселиться и оставить насъ въ покоѣ—евреи тоже не слушаютъ и продолжаютъ жить посреди насъ, — иные даже не изъ видовъ на гешефты, а по разнымъ идейнымъ побужденіямъ. Многіе этому не повѣрятъ, а между тѣмъ это совершенная правда.

Въ еврейскомъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, ненависть и злоба — плохіе совѣтники. Противъ факта онѣ безсильны: нужны умныя мѣры и умныя дѣла. Каждому, особенно теперь, почасту приходится слышать не мало проклятій евреямъ. Они, дескать, такіе и сякіе, чтобы имъ всѣмъ сквозь землю провалиться! Вотъ, къ чему, въ концѣ-концовъ, сводится нехитрый арсеналъ безконечныхъ словоизверженій на эту до приторности избитую тему. Но противъ бытовыхъ явленій заклинательныя слова не помогаютъ; фактамъ жизни надо смотрѣть прямо въ глаза, мужественно съ ними бороться, дѣйствовать на нихъ рядомъ глубоко-обдуманныхъ мѣръ, проводимыхъ настойчиво и послѣдовательно до конца. Объ истребленіи элементовъ, входящихъ въ составъ государственнаго организма, надо забыть думать: это мысль ребяческая и вздорная; надо, напротивъ, или воспользоваться ими для государственныхъ и общественныхъ цѣлей, или, если они положительно вредны,—постараться сдѣлать ихъ, по крайней мѣрѣ, по возможности безвредными. Задача истинно политическаго ума и государственной мудрости—съумѣть всѣ наличныя данныя народной жизни обратить ей на пользу и всѣ недостатки и пороки ослабить до возможной безвредности. А проповѣдывать преслѣдованіе, истребленіе, изгнаніе умѣетъ всякій: для этого никакого ума не надо.

Говорятъ: евреи избѣгаютъ дѣйствія законовъ, откупаются отъ ихъ примѣненія. Но не одни же евреи откупаются, и возможность откупиться нельзя же имъ поставить въ вину. Разъ откупиться можно, найдется много и не-евреевъ, которые этимъ преохотно воспользуются.

Евреи, говорятъ, необыкновенно искусны и ловки въ обманѣ. Однако, сколько извѣстно, имъ не принадлежитъ у насъ въ этомъ искусствѣ монополія. Но еслибъ она имъ и принадлежала—поставьте такихъ судей, слѣдователей и полицейскихъ чиновниковъ, которые бы умѣли открывать и наказывать обманные поступки евреевъ. Лучшіе и просвѣщенные евреи навѣрное поблагодарятъ насъ за это отъ чистаго сердца.

Но евреи, возражаютъ намъ, чрезвычайно предпріимчивы, дерзки и нахальны въ преслѣдованіи своихъ корыстныхъ цѣлей. Съ

ними не можетъ бороться нашъ сельскій людъ, мало предпріимчивый и уступчивый. Если это такъ, уравняйте шансы борьбы для сельскаго люда развитіемъ грамотности и образованія и устройствомъ мелкаго кредита, который бы освободилъ крестьянина отъ экономическаго подчиненія вообще всякаго рода кулакамъ, какого бы они ни были происхожденія и общественнаго положенія.

Евреи, говорятъ намъ еще, тѣсно между собою сплочены религіознымъ фанатизмомъ, характерностью семитической расы, крѣпостью обычая, солидарностью интересовъ. Они представляютъ сильную организацію, съ которой невозможна борьба для разрозненнаго населенія. Но что же, спрашивается, у насъ дѣлается для того, чтобы ослабить эту организацію, сложившуюся и выработанную вѣками? Всѣмъ извѣстенъ фактъ, что евреи, прошедшіе черезъ среднюю и въ особенности черезъ высшую школу, теряютъ религіозную нетерпимость. Стало быть, намъ выгодно, чтобы какъ можно больше евреевъ поступало въ среднія и высшія учебныя заведенія; а мы вмѣсто того, чтобы радоваться, съ досадой и недовѣріемъ смотримъ на переполненіе ихъ еврейскими дѣтьми и юношами. Устойчивость расы, крѣпость обычая ослабляются разсѣяніемъ племени, смѣшеніемъ его съ другими; а мы искусственно скучиваемъ евреевъ въ однихъ мѣстахъ, всячески мѣшаемъ ихъ расселенію, запрещаемъ браки ихъ съ христіанами.

Всѣ эти мѣры, отвѣчаютъ намъ, уже испробованы въ Европѣ, но не привели тамъ ни къ чему, а потому нельзя ожидать отъ нихъ никакой пользы и у насъ. Но первая посылка, на которой основанъ выводъ, совершенно ошибочна. Въ теченіе четырнадцати столѣтій евреи были лишены всякихъ правъ, преслѣдовались съ неистовымъ изувѣрствомъ, едва признавались за людей и были предметомъ всеобщаго омерзѣнія. Подъ давленіемъ такихъ условій воспитались сотни поколѣній евреевъ; что мудренаго, что они сплотились въ фанатическую, изолированную, враждебную всему окружающему организацію? И что же? Едва прошло сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ началось въ Европѣ уравненіе правъ евреевъ съ христіанами, и въ это сравнительно короткое время слѣды продолжительныхъ дикихъ преслѣдованій успѣли уже существенно ослабѣть и сгладиться. Запоздалые, иногда всплывающіе наружу остатки прежней вражды и отчужденности евреевъ и христіанъ—не болѣе, какъ отрыжки еще недавней религіозной нетерпимости, ненависти и угнетенія. Антисемитическая лига въ Пруссіи совсѣмъ не доказываетъ, что равноправность, справедливость и свобода безсильны противъ исключительности евреевъ. Если появленіе ея вызвано дѣйствительною потребностью, въ чемъ мы сильно сомнѣваемся, то это, напротивъ, зловѣщій признакъ въ жизни германскаго племени. Просвѣтительный XVIII вѣкъ породилъ между нѣмецкими евреями реформацію Мендельсона; это свидѣтельствовало о томъ, какое глубокое вліяніе имѣла нѣмецкая культура на евреевъ, поселенныхъ въ Германіи; появленіе же антисемитовъ показываетъ, что современные нѣмцы утратили это вліяніе и безсильны бороться съ еврейскимъ элементомъ.

Путаясь въ противорѣчіяхъ между унаслѣдованными предубѣжденіями, неспѣтостью общественныхъ стихій и требованіями правильнаго государственнаго строя, многіе у насъ хватаются за первое впечатлѣніе данной минуты и на немъ строятъ, на спѣхъ, цѣлую теорію, обличая тѣмъ полную умственную несостоятельность. Съ перваго взгляда можно подумать, что ихъ вдохновляетъ, при обсужденіи еврейскаго вопроса глубокое христіанское и народное чувство, а посмотришь поближе, выходитъ, что они и разсуждать-то порядочно не умѣютъ, и что ссылки на христіанство и народность служатъ только ширмами ихъ скудоумію.

Въ самомъ дѣлѣ, что общаго имѣетъ христіанское чувство съ племенными и вѣроисповѣдными ненавистями и отвращеніями? Оно внушаетъ любовь къ людямъ, безъ различія вѣры и племени. Оно учитъ любить ихъ не за то, что они есть для насъ и для себя, а за то, чѣмъ они могутъ и должны быть. Въ этомъ глубокій смыслъ проповѣди любви, снисхожденія, состраданія къ падшимъ и погибающимъ. Считая евреевъ отверженными, наши юдофобы становятся какъ-разъ на одну доску съ еврейскими фарисеями и книжниками, которые не подымались выше закона.

Кто рекомендуетъ извести или изгнать евреевъ изъ Россіи, тотъ признаетъ, что мы безсильны бороться съ еврействомъ и побѣдить его. Гдѣ-же, спрашивается, вѣра въ нравственную силу и крѣпость русскаго народа? Во времена оны, И. С. Аксаковъ, из-

слѣдуя наши украинскія ярмарки, собралъ любопытные и поучительные факты въ подтвержденіе того, что русскіе купцы вовсе не чуждаются евреевъ, охотно торгуютъ рядомъ съ ними, нисколько не боятся ихъ конкуренціи и умѣютъ понимать и цѣнить особенности и преимущества торговыхъ оборотовъ евреевъ сравнительно съ нашими, русскими. Если эти наблюденія справедливы, то нѣтъ никакой надобности изводить евреевъ. Это вполнѣ совпадаетъ съ фактами нашего личнаго опыта. Особенность и сила русскаго народа въ томъ именно и состоитъ, что онъ умѣетъ, оставаясь собой, уживаться со всѣми племенами, народами и вѣрами. Такимъ сдѣлала его исторія, географическое положеніе, культурный возрастъ, и дай Богъ, чтобы въ немъ эта складка осталась навсегда! Космополитъ не по равнодушію, а по своей преобладающей практической и дипломатической натурѣ, русскій народъ не впутываетъ ни исповѣдныхъ, ни племенныхъ предубѣжденій въ оцѣнку людей, расположенъ извлекать пользу изъ ихъ сильныхъ и слабыхъ сторонъ и, не имѣя высокой культуры, по одному вѣрному и тонкому чутью дѣйствительности, гораздо ближе, чѣмъ думаютъ, къ понятію о государствѣ, какъ нейтральной средѣ и союзѣ разноплеменныхъ и разновѣрныхъ народовъ. Все наше настоящее и прошедшее направляютъ насъ къ такимъ воззрѣніямъ и воспитываютъ въ нихъ отъ колыбели и до гроба. Въ этомъ-то и заключается несомнѣнный залогъ великаго историческаго будущаго русскаго народа; національное сознаніе нашихъ антисемитовъ, къ сожалѣнію, все еще далеко не въ уровень съ этими нашими природными стремленіями и наклонностями. Цѣлая школа отыскиваетъ у насъ опредѣленій русскаго народнаго генія въ отжитыхъ формахъ прошедшаго, въ пеленкахъ, окружавшихъ русскій народъ въ колыбели; къ нимъ она сводитъ и пріурочиваетъ психическія особенности нашего народнаго духа и по нимъ создаетъ норму для нашего развитія и мѣрку для нашихъ отношеній къ инородцамъ и иновѣрцамъ. Вотъ, гдѣ источникъ капитальной ошибки—смотрѣть на племенныя и вѣроисповѣдныя условія, какъ на единственный и постоянный источникъ добродѣтелей и пороковъ, свойственныхъ тому или другому народу. Благодаря такому взгляду, дается полный просторъ разнымъ историческимъ и бытовымъ предразсудкамъ и предубѣжденіямъ, признаваемымъ за голосъ народной совѣсти и сознанія, и совершенно забывается, что исторія и культура создаютъ, перерождаютъ и уносятъ бытовыя черты, которыя казались безспорными и вѣчными принадлежностями той или другой народности и страны. Народный геній лежитъ глубже, въ идеалѣ всеобщаго добра и правды, который живетъ въ сердцахъ людей, носится передъ ними, какъ руководящій свѣточъ, въ самыя темныя и погибельныя времена, и потухаетъ тогда лишь, когда умираетъ народная психія. Вотъ этотъ-то идеалъ всеобщаго добра и правды, свободный отъ всякихъ племенныхъ и вѣроисповѣдныхъ различій, возвышающійся надъ всякими исторически данными опредѣленіями, долженъ быть у насъ всегда передъ глазами, направлять всѣ наши мысли и поступки. Съ предразсудками, привычками, обстоятельствами надо считаться, но нельзя, не слѣдуетъ принимать ихъ за руководящее начало. Если теперешнее состояніе невѣжественныхъ еврейскихъ и крестьянскихъ массъ дѣлаетъ немедленное уравненіе въ правахъ тѣхъ и другихъ невозможнымъ, удержимъ тѣ или другія необходимѣйшія ограниченія, но будемъ на нихъ смотрѣть какъ на неизбѣжное зло, которое, при первой же возможности, должно уступить мѣсто полной равноправности.

Въ отношеніяхъ извѣстной части русскаго общества къ многочисленнымъ нашимъ инородцамъ и иновѣрцамъ лежитъ глубокая неправда, оскорбительная для нихъ, постыдная для насъ. Она только потому не колетъ намъ глазъ, что не идеалы добра и правды, а народныя и вѣроисповѣдныя особенности признаются за руководящія начала нашей національной жизни и политики. Поборники такихъ взглядовъ забываютъ, что инородцы и иновѣрцы—наши сограждане, что они, наравнѣ съ нами, несутъ имущественныя и личныя тягости и службы въ пользу русскаго государства. Нельзя, не роняя своего національнаго достоинства, съ удовольствіемъ принимать отъ инородцевъ и иновѣрцевъ пожертвованія на разные общеполезные предметы, въ томъ числѣ на учрежденія, носящія на себѣ печать исповѣданія, которому они чужды, и въ то же время гнушаться жертвователями, смотрѣть на нихъ какъ на отверженцевъ, паріевъ, терпимыхъ лишь изъ милости. Будь наши инородцы и иновѣрцы равноправны съ нами, такія къ нимъ отношенія, за которыя

и они платятъ намъ нерасположеніемъ или презрѣніемъ, были бы личнымъ дѣломъ, запоздалымъ счетомъ во имя прошедшаго; значеніе ихъ смягчалось и нейтрализовалось бы идеей для всѣхъ одинаково справедливаго, равно безпристрастнаго государства, возвышающагося надъ всѣми, безъ различія племени и исповѣданія. Но когда законъ ставитъ различіе между подданными по вѣрѣ и происхожденію и больше покровительствуетъ однимъ, чѣмъ другимъ, рознь племенъ и вѣръ, данныхъ исторіей, возводится въ принципъ, оскорбляющій нравственное чувство и продолжающій искусственно то разобщеніе, которое надо стараться какъ можно скорѣе забыть.

Невольно при встрѣчѣ съ нашими инородцами и иновѣрцами, приходится краснѣть, вспоминая безцеремонное, подъ-часъ возмутительно циничное съ ними обращеніе нашей братьи,—такъ мало въ немъ національнаго самоуваженія! Лично для насъ, съ мыслью о о русскомъ народѣ и русскомъ государствѣ неразрывно связаны самыя свѣтлыя мечты, самыя гордыя надежды. Мы бы страстно хотѣли влить нашу вѣру, нашу любовь, наши надежды и въ тѣхъ, кого историческія судьбы соединили съ нами навсегда въ одно нераздѣльное политическое тѣло; но слово застываетъ на губахъ, сердце сжимается, мысль теряетъ свой размахъ, когда подумаешь, что тотъ, къ кому мы обращаемся съ горячимъ убѣжденіемъ, можетъ принять его за горькую насмѣшку, или за пустозвонное національное шарлатанство. Онъ можетъ сказать или подумать: „Прочь, жалкій фантазеръ! Посмотри, что дѣлается, и приходи съ твоими высокопарными мечтами, когда на государственномъ и народномъ русскомъ знамени будетъ написана полная равноправность вѣръ и народовъ. До тѣхъ поръ всѣ твои слова—пустыя фразы“. И онъ, къ несчастію, будетъ правъ! Пока племенная и вѣроисповѣдная равноправность не станетъ одною изъ безспорныхъ, всѣми одинаково сознаваемыхъ нашихъ задачъ и живо ощущаемыхъ потребностей, до тѣхъ поръ культурное призваніе и значеніе русскаго народа и государства остается сомнительнымъ и спорнымъ, и національный патріотизмъ недалеко уйдетъ отъ квасного.

(Порядокъ, 1881, № 133).

ПИСЬМА КЪ РЕДАКТОРУ «НОВОСТЕЙ»

ПО ПОВОДУ КНИГИ: „ОСНОВЫ РЕФОРМЪ МѢСТНАГО И ЦЕНТРАЛЬНАГО УПРАВЛЕНІЯ“.

I.

М. г. Я имѣлъ честь получить экземпляръ книги: „Основы реформъ мѣстнаго и центральнаго управленія“. Въ полномъ и искреннѣйшемъ моемъ сочувствіи направленію, въ которомъ написана эта книга, вы, конечно, не сомнѣваетесь. Вамъ первому принадлежитъ честь печатнаго почина, въ предѣлахъ Россіи, формулированія общественныхъ и политическихъ идеаловъ, которые, у огромнаго большинства думающихъ людей, не имѣютъ еще даже формы сгущенной сидерической матеріи и носятся въ ихъ головахъ въ видѣ какого-то безформеннаго пара, ограничиваясь одними неопредѣленными вожделѣніями и неосмысленными потугами политическаго свойства.

Но, вполнѣ раздѣляя вашъ взглядъ на задачи, которыя вы ставите, на зло, противъ котораго боретесь, я существенно расхожусь съ вами въ оцѣнкѣ мѣръ, которыми предположенная вами цѣль можетъ быть достигнута. При совершенной одинаковости воззрѣній на задачи, я не могу смотрѣть на вопросъ о средствахъ къ ихъ разрѣшенію какъ на яблоко принципіальнаго раздора. Мнѣ этотъ вопросъ, при такой предпосылкѣ, представляется только какъ предметъ спокойнаго обсужденія, въ которомъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста для страстныхъ вспышекъ и лич-

наго раздраженія. Вопросъ о мѣрахъ и средствахъ есть чисто практическій, рѣшаемый каждымъ сообразно съ его взглядомъ на данное положеніе, которое надо измѣнить. Естественно, что мѣры и способы, предлагаемые разными лицами, будутъ весьма разнообразны и противорѣчивы. Человѣкъ старый, какъ я, много видѣвшій и испытавшій на своемъ вѣку, будетъ съ меньшей вѣрой смотрѣть на возможность обновленія нашихъ порядковъ, а потому и требованія свои поставитъ гораздо умѣреннѣе, у̀же, чѣмъ человѣкъ свѣжій и бодрый, котораго русская жизнь еще не измяла и не исковеркала въ своихъ медвѣжьихъ лапахъ. Вы тысячу разъ правы, говоря, по поводу моей брошюры о крестьянскомъ вопросѣ, что „мы слишкомъ изстрадались, извѣрились въ свои силы, дошли почти до состоянія безнадежности, до отчаянія. Видя единственное спасеніе въ проявленіи общественнаго почина и самодѣятельности и извѣрившись въ возможности чего-нибудь регулярнаго въ этомъ отношеніи, организованнаго на строго-правовомъ началѣ, мы дорожимъ каждымъ пальятивомъ, въ которомъ есть хотя слабый намекъ на проявленіе общественнаго почина и самодѣятельности". Вы же, напротивъ, глубоко убѣждены въ возможности самой скорой реформы нашей администраціи, основываясь на отзывахъ, съ разныхъ концовъ Россіи, народныхъ учителей, бывшихъ мировыхъ посредниковъ, мировыхъ судей и даже крестьянъ. Недавно, въ одной брошюрѣ, изданной за границей, авторъ тоже упрекаетъ меня за мой анти-конституціонный образъ мыслей, говоря, что мои требованія гораздо ниже моихъ предпосылокъ. Быть можетъ, я въ своемъ недовѣріи къ силамъ страны хватаю черезъ край; можетъ быть, вы и авторъ заграничной брошюры довѣряете имъ больше, чѣмъ сколько онѣ дать могутъ; можетъ быть, наконецъ—и это самое вѣроятное—что всѣ мы хватаемъ черезъ край, хотя и въ противоположномъ смыслѣ, и что практическая правда, практическое разрѣшеніе вопроса лежатъ между нами. Это очень возможно и, повторяю, въ нашемъ разногласіи, не касающемся общихъ принциповъ, нѣтъ и не можетъ быть повода къ раздраженію и желчной полемикѣ.

Какъ девять десятыхъ мыслящихъ, просвѣщенныхъ и честно-либеральныхъ петербуржцевъ, вы, мнѣ кажется, упускаете изъ виду, въ своихъ соображеніяхъ, нѣкоторые чрезвычайно важные факторы русской жизни, съ которыми, волей-неволей, нельзя не считаться. Васъ окрыляетъ надежда, что почва для реформъ подготовлена въ Россіи настолько, что на ней уже можно строить съ увѣренностью новое зданіе общественныхъ и государственныхъ порядковъ. Эту увѣренность внушаютъ вамъ сочувственные отзывы изъ провинціи. Допустимъ, что вы ихъ получили массу — сотнями, даже тысячами. Что̀ они значатъ, въ смыслѣ фундамента новаго общественнаго зданія въ сто-милліонномъ государствѣ? Прослѣдите русскую исторію хоть съ Ивана III; либеральные, высоко-просвѣщенные, вполнѣ честные и искренніе люди въ ней никогда не переводились. Поколѣніе за поколѣніемъ выступали эти люди и погибали въ неровной и непосильной борьбѣ. Ихъ жизнь, дѣятельность и судьба есть цѣлый непрерывающійся мартирологъ, въ теченіе многихъ столѣтій. Великую услугу русской исторіи и русскому самосознанію оказалъ бы тотъ, кто бы написалъ этотъ скорбный листъ. Полный списокъ страдальцевъ и мучениковъ русскаго прогресса невозможенъ, по недостатку данныхъ.

Имена огромнаго ихъ числа не только забыты, но и въ свое время были извѣстны немногимъ. Культурное значеніе ихъ жизни и усилій безспорно и велико; но на развитіе общественнаго и политическаго быта и формъ ихъ вліяніе было почти ничтожно, почти равнялось нулю. То, что̀ они какъ будто сдѣлали, затянулось и утонуло въ волнахъ россійскаго хаоса и неурядицы.

Подмѣтили ли вы также нашу хлестаковскую и чичиковскую способность врать безъ оглядки, только чтобъ порисоваться, пококетничать передъ собою и другими мыслями—и чувствами, которыхъ и тѣни нѣтъ въ убѣжденіи?

Извѣстна ли вамъ также другая наша характерная черта—имѣть убѣжденіе и взглядъ весьма опредѣленные, а когда доходитъ до дѣла, — оставаться въ сторонѣ и пальца о палецъ не ударить, чтобы доставить торжество мысли, за которую, на словахъ, мы распинаемся?

Вычтите этихъ людей обѣихъ категорій изъ числа тѣхъ, которые изъявляли вамъ сочувствіе, — и останется едва замѣтная горсточка, малочисленность которой способна сломить самую непреклонную вѣру и надежду на близость лучшихъ общественныхъ порядковъ.

Невольно спрашиваешь себя: да не осуждены ли мы взаправду на вѣки вѣковъ барахтаться безъисходно въ тинѣ и болотѣ, въ которыхъ пребываемъ?

Этого я по совѣсти не думаю. Хоть страшно медленно, но мы, все-таки, двигаемся впередъ и сама логика вещей, рано или поздно, заставитъ насъ завести другіе порядки, перевоспитать себя на другой, болѣе человѣческій ладъ. Только это врядъ ли случится скоро. Я, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ на это не надѣюсь и не разсчитываю. Въ моихъ глазахъ гораздо возможнѣе и вѣроятнѣе, судя по тому, что̀ происходитъ, наступленіе хаоса и смѣшеніе языковъ, въ той или другой формѣ.

Смутныхъ временъ и эпохъ у насъ было нѣсколько: въ XV, XVI и XVIII вѣкахъ. Такихъ эпохъ, я, понятно, не желаю, хотя, по ходу нашихъ дѣлъ, и считаю такую развязку невообразимой нашей путаницы возможной. Она надолго осадила бы насъ назадъ и потребовала бы продолжительныхъ и страшныхъ усилій, чтобы опять собраться съ силами.

Въ чемъ же тайна нашей неспособности устроиться дома сколько-нибудь комфортабельно или хотя бы только сносно?

Она лежитъ въ двухъ обстоятельствахъ, на которыя вы, мнѣ кажется, не обратили должнаго вниманія и потому не ввели ихъ въ свои соображенія.

Первое изъ нихъ есть невозможно низкая степень культуры господствующаго, самаго многочисленнаго племени, создавшаго русское государство, именно—великорусскаго. Я принадлежу къ нему по рожденію и, можетъ быть, переоцѣниваю его способности и достоинства, — такъ я къ нему привязанъ и такъ оно мнѣ дорого. Но это не заслѣпляетъ мнѣ глазъ и не мѣшаетъ безпристрастно взвѣшивать и цѣнить его недостатки и слабыя стороны. Всѣ они, по моему, сводятся и объясняются совершеннымъ отсутствіемъ культуры. По культурѣ и житейскимъ привычкамъ, и хохлы, и поляки, и финскія племена балтійскаго побережья, не говоря уже о нѣмцахъ и заѣзжихъ европейскихъ иностранцахъ, выше великоруссовъ. Даже азіятцы, вошедшіе въ составъ русскаго государства, нѣкоторыми сторонами своего быта чуть ли не выше великоруссовъ. Ниже послѣднихъ въ культурномъ отношеніи трудно себѣ представить между осѣдлыми народами. Я говорю не объ однихъ крестьянахъ, но о всѣхъ безъ исключенія слояхъ и классахъ великоруссовъ. Культура ихъ едва-едва коснулась. Отчего— это другой вопросъ. Но это фактъ, по моему глубокому убѣжденію, не подлежащій ни сомнѣнію, ни спору. Даже характерныя національныя черты этого племени еще не сложились и вырабатываются на нашихъ глазахъ. Какъ же вы хотите, чтобы такой едва сложившійся и то не вполнѣ народъ, господствующій и самый многочисленный, могъ создать у себя сколько-нибудь сносные общественные порядки? Онъ только разстроиваетъ и разоряетъ порядки, существующіе въ завоеванныхъ и присоединенныхъ областяхъ. Посмотрите, что̀ мы сдѣлали на Кавказѣ, въ Крыму, въ Малороссіи, въ западномъ и остзейскомъ краѣ, въ Царствѣ Польскомъ, у казаковъ. И больно, и стыдно объ этомъ говорить! А отойдите назадъ въ исторію: то же самое московскіе великоруссы дѣлали въ княжествахъ Тверскомъ и Рязанскомъ, въ Новгородѣ и Псковѣ.

Одною низкою степенью культуры того, что̀ у насъ дѣлалось и дѣлается, разумѣется, объяснить нельзя. Великорусское племя имѣетъ, сверхъ того, нѣкоторыя особенности,—созданныя ли исторіей, или составляющія физіологическую характерную его черту, пока трудно рѣшить. Дѣло въ томъ, что у насъ не сложилось ни сословій, ни общественныхъ слоевъ, ни кружковъ, которые всюду служили зародышами и прототипами общественной и политической организаціи. Болѣе тѣсные союзы, понятно, легче и удобнѣе установляютъ внутри себя, между своими членами, правовой порядокъ и условія правильнаго, благоустроеннаго общежитія. Воспитавшись въ общественныхъ кружкахъ, сословіяхъ и корпораціяхъ, люди переносятъ потомъ привычки порядочной общественной жизни на болѣе крупныя общественныя единицы, на цѣлыя государства. Ничего подобнаго у насъ не было. Ни одно сословіе, ни одинъ кружокъ или корпорація не могли у насъ крѣпко сложиться, отстоять себя, пустить корни. Слабые ихъ зачатки распустились и исчезли въ безличномъ всенародствѣ. Неизбѣжнымъ, логическимъ послѣдствіемъ этого было громадное усиленіе и преобладаніе государственной единоличной власти надъ всѣми другими политическими факторами страны.

Очень можетъ быть, по моему даже очень вѣроятно, что въ этой характерной чертѣ лежитъ задатокъ совершенно иной, своеобразной формаціи, какихъ доселѣ еще не бывало. Эту мысль я старался указать и развить въ своей брошюрѣ о крестьянахъ. Этой характерной чертой, мнѣ кажется, объясняется такое крупное и безпримѣрное явленіе, какъ Петръ Великій и его реформа.

Какъ бы то ни было, но отсутствіе у насъ кружковыхъ, сословныхъ, корпоративныхъ организацій и тѣсно съ этимъ связанное всемогущество единоличной государственной власти, есть фактъ, съ которымъ надо считаться и котораго обойти никакъ нельзя.

Вотъ на эти-то два факта — отсутствіе культуры и чрезвычайное развитіе личной государственной власти, вы не обратили должнаго вниманія. А объ нихъ-то, мнѣ кажется, должны разбиться въ прахъ всѣ попытки создать въ Россіи, въ скоромъ времени, какую-нибудь прочную общественную и политическую организацію. Захочетъ талантливый царь — она будетъ; не захочетъ онъ или его преемникъ—она разрушится. Нѣтъ такой власти, которая бы могла призвать ее къ жизни помимо власти царской.

Я не вижу даже намековъ на то, чтобы въ народѣ русскомъ могла, въ ближайшемъ будущемъ, выработаться сила, которая обезпечила бы у насъ за тѣмъ или другимъ политическимъ порядкомъ постоянство и прочность независимо отъ царской воли. Я легко могу себѣ представить, что ошибки и безталанность государей погубятъ династію; но въ умъ мой не вмѣщается, чтобы на русской почвѣ, теперь, и долгое время впередъ, мы могли обойтись безъ царской диктатуры; а она, по силѣ вещей, всегда будетъ зависѣть отъ личности государя.

Въ вашемъ проектѣ основаніемъ всего мѣстнаго управленія служитъ безсословное выборное начало. Оно предполагаетъ довольно развитой бытъ, совершившееся слитіе или, по крайней мѣрѣ, большое сближеніе между различными слоями общества, если не сознаніе, то хоть темное чувство общественныхъ интересовъ въ большихъ массахъ. Поѣзжайте въ наши медвѣжьи углы и взгляните сами: вы увидите, что ничего подобнаго нѣтъ и тѣни. Только рѣдкія единицы составляютъ исключеніе.

Вы вводите въ вашъ проектъ полицію, власть административную правительственную отдѣльно отъ мѣстной выборной и думаете, что первую удержите въ должныхъ границахъ? Будьте увѣрены, что глиняный горшокъ тотчасъ же разобьется о чугунный. Нынѣшняя неправильная постановка власти губернаторовъ и полиціи произошла не отъ случайныхъ причинъ и злоупотребленій, а въ силу общихъ условій нашего политическаго быта.

Вы удерживаете министерства, какъ посредниковъ между народомъ и верховною властью. Эти посредники завтра же обратятся въ органы царской власти и будутъ ея именемъ воеводствовать, какъ теперь.

Вы ставите министерства подъ надзоръ и контроль сената. Такъ было при учрежденіи министерствъ, и изъ этого ничего не вышло. При нашей царской власти, докладывающій царю и получающій отъ него непосредственно повелѣнія, всегда будетъ внѣ контроля коллегіи, какъ бы она ни была сильно организована. Одно и есть средство устранить произволъ министровъ, это — отнять у нихъ докладъ царю и подчинить ихъ коллегіи, которая имѣетъ докладъ чрезъ своего предсѣдателя.

Кромѣ того, вы, мнѣ кажется, слишкомъ много передали въ завѣдываніе мѣстнаго управленія и упустили изъ виду тѣ предметы, которые, имѣя общегосударственный характеръ, должны бы, для пользы дѣла, находиться у центральной власти въ однѣхъ рукахъ. Таковы большіе пути сообщенія, проходящіе по всему государству или по значительной его части; таковы высшія учебныя заведенія и т. д. На этихъ подробностяхъ я, впрочемъ, не стану останавливаться. Это не важно, а важны общія основанія реформы, которыхъ, мнѣ кажется, невозможно на дѣлѣ провести въ жизнь.

Я убѣжденъ, что у насъ административная комбинація, основанная на различеніи и уравновѣшеніи коронной администраціи и выборнаго управленія, совершенно немыслима. Единственно возможное улучшеніе нашихъ порядковъ состояло бы во введеніи въ коронную организацію выборныхъ на равныхъ правахъ съ чиновниками, чѣмъ были бы устранены всякое столкновеніе и антагонизмъ между обоими элементами. Этого желательно достигнуть и—я думаю—достигнуть можно. Великая польза такой комбинаціи состояла бы въ томъ, что выборный элементъ слился бы съ короннымъ, голоса рас-

предѣлились бы между тѣми и другими по взглядамъ на дѣло, а не по искусственнымъ соображеніямъ, вызываемымъ антагонизмомъ народа и правительства,—антагонизмомъ, котораго у насъ вовсе нѣтъ. А за тѣмъ, всѣ усилія должны быть направлены на то, чтобы разсѣять глубокій мракъ, уничтожить безобразіе, хаосъ и дичь въ огромныхъ массахъ народа, по крайне низкой культурѣ неспособныхъ пока къ сколько-нибудь правильному и благоустроенному быту. Это путь длинный, скучный, медленный, но единственно вѣрный, вдобавокъ единственно возможный. Будущее покажетъ, какое направленіе приметъ русская жизнь, когда элементы ея будутъ подработаны и разовьются. Теперь рано объ этомъ гадать.

Прошу васъ принять это письмо какъ выраженіе моего глубокаго къ вамъ уваженія и признательности за сочувственное ко мнѣ отношеніе, которое умѣю цѣнить.

(**Новости, 1882, № 249**).

II.

М. г. Съ особеннымъ любопытствомъ и интересомъ прочелъ я ваши замѣчанія по поводу моего письма къ вамъ („Новости", № 249, фельетонъ). Они навели меня на цѣлый рядъ невеселыхъ мыслей, которыя невольно заставляютъ снова взяться за перо.

Живемъ мы съ вами въ одномъ городѣ; интересуемся и занимаемся однимъ и тѣмъ же предметомъ, — вопросами социальными и политическими—и, дурно ли, хорошо ли, а съ ними знакомы; мы оба пишемъ и печатаемся, оба принадлежимъ, хотя не къ одному кружку, но къ одному и тому же слою мыслящихъ людей; вдобавокъ ко всему, ни вы, ни я, не имѣемъ ни малѣйшаго повода подозрѣвать другъ друга въ желаніи учинить пакость,—пріемѣ, къ несчастью, столь обычномъ въ наши дни въ печатной полемикѣ. По всему этому, казалось бы, кому же, какъ не намъ, понимать другъ друга съ двухъ словъ? А на повѣрку выходитъ, что мы совершенно другъ друга не понимаемъ, точно будто говоримъ на разныхъ языкахъ. Печальный признакъ хаотическаго состоянія умовъ въ русскомъ обществѣ! Горестное послѣдствіе вольной и невольной нашей нѣмоты!

Вы вычитываете изъ моего письма мое „глубокое разочарованіе, почти болѣзненный пессимизмъ". Но или я дурно выразился, или вы меня ошибочно поняли. Во мнѣ нѣтъ и тѣни разочарованія или пессимизма; пріятели упрекаютъ меня, напротивъ, въ излишнемъ оптимизмѣ. Они, мнѣ кажется, тоже не правы. При трезвомъ, реальномъ взглядѣ на вещи, ни для слабодушнаго разочарованія и пессимизма, ни для розовыхъ надеждъ и маниловскаго оптимизма нѣтъ и не можетъ быть мѣста. Ясное пониманіе факта или положенія и его неизбѣжныхъ послѣдствій, безъ всякихъ уклоненій въ пользу любимыхъ мыслей, желаній и личныхъ вкусовъ, — вотъ что всегда представлялось мнѣ идеаломъ мыслящаго отношенія къ чему бы то ни было. Логика вещей есть, въ моихъ глазахъ, высшій трибуналъ, рѣшеніямъ котораго мысль должна подчиняться безусловно и безъ возраженій. Поэтому радостныхъ и горестныхъ воззрѣній въ этомъ смыслѣ я не знаю и не признаю.

Вы приписываете мнѣ мысль, что „нашъ народъ, въ отношеніи политическаго творчества,—если можно такъ выразиться,—стоитъ даже ниже азіатскихъ племенъ, населяющихъ Россію"; что „этотъ народъ не только не способенъ что-либо создать, но даже, напротивъ, систематически разрушаетъ все то, что ему досталось историческимъ путемъ или благодаря усиліямъ правительства".

Мысли, которыя вы считаете моими, есть колоссальнѣйшее недоразумѣніе, какое только можно себѣ представить. Съ тѣхъ поръ, что я себя помню, я никогда не говорилъ и не думалъ ничего подобнаго; я говорю о культурѣ великорусскаго племени, вы же относите мои слова къ политическому творчеству. Но между тѣмъ и другимъ—громадная разница! Замѣчательныя способности къ „политическому творчеству" великорусское племя доказало самимъ фактомъ, создавъ единственное крѣпкое и сильное славянское государство, прошедшее цѣло и невредимо черезъ много бурь и тяжкихъ испытаній. Какъ это было неимовѣрно трудно, какія на это потребовались чрезвычайныя усилія и выдающіяся политическія способности, видно изъ того, что ни одно изъ славянскихъ племенъ, кромѣ великорусскаго, не совладало съ этой задачей, и что на разрѣшеніе ея великорусское племя отдало всѣ свои несомнѣнныя силы, способности и таланты. Вглядитесь хорошенько въ великорусса: вѣдь это прежде

и больше всего дипломатъ и политическій человѣкъ. Пробѣгите старинные статейные списки и наказы посламъ, и вы удивитесь, какіе мудрецы и искусники были наши предки по части переговоровъ. Въ XVIII и началѣ XIX вѣка, когда дипломатія еще что-нибудь значила, наши агенты при иностранныхъ дворахъ, наши чиновники министерства иностранныхъ дѣлъ считались лучшими дипломатами въ мірѣ. Припомните безпримѣрную способность нашего простого народа найтись и ужиться со всѣми національностями въ мірѣ,—у себя дома, на окраинахъ сѣверныхъ, западныхъ, южныхъ и восточныхъ, въ Азіи, даже съ краснокожими въ Америкѣ. Я имѣлъ случай наблюдать эту черту крестьянъ въ новоузенскомъ краѣ самарской губерніи и не могъ надивиться тонкости, гибкости, ловкости, умѣнью и такту ихъ въ сношеніяхъ съ инородцами. То же самое поражало меня всякій разъ, когда случалось вести переговоры съ крестьянскимъ сходомъ или міромъ о разныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ — выгонахъ, прогонахъ, пашнѣ, лугахъ, отводѣ земель. Какъ искусно, съ какимъ тактомъ они проводятъ свои планы, пользуясь всѣмъ, въ томъ числѣ слабыми и хорошими сторонами, привычками, взглядомъ на вещи, предубѣжденіями и предразсудками того, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Если не остеречься и не держать ухо востро, крестьяне самымъ добродушнымъ образомъ васъ обойдутъ и добьются своего. Хотите понять процессъ развитія и образованія московскаго государства, типическія лица московскихъ великихъ князей, царей, политиковъ и дипломатовъ, — вглядитесь глубже въ великорусскихъ крестьянъ: они своими пріемами, складомъ ума и характера объяснятъ, лучше всякихъ ученыхъ комментаріевъ, русскую исторію отъ Андрея Боголюбскаго до Петра Великаго. Какимъ же образомъ, зная это, я могъ сказать или подумать, будто великорусскій народъ неспособенъ къ политическому творчеству? Напротивъ, всѣ свои несомнѣнныя способности онъ всецѣло и исключительно посвятилъ именно на политическое творчество, на созданіе русскаго государства, и этому дѣлу принесъ въ жертву все остальное.

Отрицаю я въ великорусскомъ народѣ не способность къ политическому творчеству, а культуру, разумѣя подъ культурой порядочные домашніе и общественные нравы, привычки благоустроенной общественности и образованной жизни въ отношеніяхъ между членами семьи, во всякихъ вообще отношеніяхъ между людьми въ публичномъ и частномъ быту. Ихъ я не вижу ни въ древней, ни въ новой Россіи, ни въ какихъ классахъ и слояхъ великорусскаго народа и общества. Въ послѣднее время какъ будто замѣчается съ этой стороны нѣкоторое улучшеніе, но и то пока въ видѣ попытокъ меньшинства. Лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ наши домашніе и общественные нравы были ужасны и чѣмъ далѣе назадъ — тѣмъ ужаснѣе. Предоставляю любителямъ московской старины изукрашать ее, какъ угодно; я въ актахъ, грамотахъ, лѣтописяхъ, старинныхъ сказаніяхъ, пѣсняхъ, пословицахъ, путешествіяхъ иностранцевъ, вычитываю факты и явленія невозможно низкой культуры и вполнѣ ясно понимаю, почему Петръ Великій долженъ былъ въ генеральномъ и духовномъ регламентахъ, въ указѣ объ ассамблеяхъ, въ разныхъ изданныхъ при немъ печатныхъ наставленіяхъ обучать своихъ подданныхъ азбукѣ приличнаго поведенія и благопристойности. Правда, съ тѣхъ поръ прошло безъ малаго двѣсти лѣтъ и кое-что, какъ сказано, измѣнилось къ лучшему; но добрые нравы, привычки порядочнаго быта до сихъ поръ не вошли въ нашу плоть и кровь и слишкомъ часто составляютъ только внѣшнюю прикрышку, которой мы тяготимся какъ ярмомъ, которую при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ сбрасываемъ съ себя быстро и охотно. Давно ли стала наша прислуга требовать себѣ особаго угла и кровати даже въ Петербургѣ, и мы поняли естественность и правильность такого требованія? Давно ли наши квартиры стали устраиваться для удобства въ ежедневной жизни, а не для показа и выставки? Давно ли наши гостинницы стали возможны для обитанія порядочныхъ и приличныхъ людей? Спросите содержателей отелей внутри Россіи, даже въ Одессѣ: они вамъ поразскажутъ, что̀ у нихъ квартиранты не изъ простого люда продѣлываютъ съ комнатами, которыя занимаютъ; войдите въ нашъ трактиръ, кабакъ, и говорите съ купцомъ, священникомъ, чиновникомъ, землевладѣльцемъ, крестьяниномъ, солдатомъ,—вы услышите отъ нихъ разсказы, которымъ сразу повѣрить нельзя, пока не узнаешь и не увидишь своими глазами, что они говорятъ сущую правду. Всѣ, безъ исключенія, горько жалуются на невозможные нравы той среды, въ которой живутъ. А нашъ семейный бытъ,

наше безсмысленное и безжалостное отношеніе къ рабочему скоту, наше безразсудное хищническое изведеніе полей и лѣсовъ, наше неумѣнье пользоваться естественными богатствами страны? Поднимитесь выше, въ такъ называемые культурные слои,—и здѣсь то же самое. На что, напримѣръ, похожи наши литературные нравы? А вѣдь литература вездѣ — цвѣтъ интеллектуальной жизни. Да что и говорить! Посмотрите, какъ у насъ встрѣчаются люди, незнакомые другъ другу: надо бы предполагать, что незнакомый—человѣкъ недурной, пока не окажется противное; мы, напротивъ, смотримъ на незнакомаго съ предубѣжденіемъ, пока онъ не докажетъ, что онъ человѣкъ порядочный. Какіе невозможные общественные нравы такая предпосылка разоблачаетъ, распространяться нечего. Такимъ состояніемъ культуры объясняется, почему наша лучшая литература ушла въ сатиру и почему мы въ ней особенно сильны. Начиная съ Кантеміра и Фонвизина и оканчивая Салтыковымъ, мы безпощадно и вполнѣ заслуженно бичуемъ свой домашній и общественный бытъ.

Я бы не кончилъ, если бы хотѣлъ исчерпать эту тему, коротко извѣстную всѣмъ и каждому изъ собственнаго опыта и наблюденій. Наши негодные нравы мы естественно переносимъ и въ общественную дѣятельность, въ частную и публичную, коронную и выборную службу и отношенія. Дайте такому обществу идеальное устройство, образцовые порядки и, пока оно не перевоспитается и не переродится, изъ этого ничего не выйдетъ, какъ въ крыловскомъ квартетѣ. Откуда взять намъ порядочность въ общественной и публичной дѣятельности, когда ея нѣтъ въ домашней жизни и въ ежедневныхъ частныхъ и личныхъ сношеніяхъ? Крайняя недобросовѣстность въ исполненіи обязанностей, равнодушіе къ общимъ интересамъ, жалкое пониманіе отношеній къ государству, обществу, людямъ, хищничество, безалаберщина въ распоряженіяхъ, полное невниманіе не только къ правамъ и интересамъ другихъ, но даже и къ своимъ собственнымъ,—всѣ эти и имъ подобныя непривлекательныя черты тянутся у насъ непрерывающейся ниткой отъ деревенской избы до высшихъ сферъ русской публичной и государственной жизни. Три четверти, девять десятыхъ неудовольствія и жалобъ на наши порядки имѣютъ источникомъ не назрѣвшую потребность политическихъ свободъ, а поразительное отсутствіе самыхъ азбучныхъ культурныхъ привычекъ въ огромномъ большинствѣ людей, къ какому бы классу, сословію и общественному слою они ни принадлежали. Отъ того, что мы носимъ фраки, а не зипуны, пьемъ шампанское, а не сивуху, живемъ въ роскошныхъ квартирахъ, а не въ бѣдныхъ лачугахъ—культурности въ насъ не больше; отсутствіе ея только скрыто благовидностью обманчивыхъ формъ.

Васъ покоробило мое замѣчаніе, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ азіатскія племена по культурѣ выше насъ. Да будто это неправда? Вспомните только умѣнье нашихъ монгольскихъ подданныхъ обращать безплодныя степи въ богатыя растительностью мѣста, посредствомъ искусственнаго орошенія, и сравните съ нашими заволжскими поселеніями, гдѣ безпощадно истребляются и тѣ жалкія, тощія ветлы, которыя случайно выростила сама степь. При бѣдности воды и источниковъ, искусственное орошеніе создало цѣлый рядъ сложныхъ и глубоко обдуманныхъ взаимныхъ юридическихъ отношеній касательно пользованія водою. Но мы пренебрегли необходимостью искусственнаго орошенія, а съ нимъ вмѣстѣ и выработаннымъ по этому поводу обычнымъ правомъ. Только въ послѣднее время мы хватились за умъ, понявъ, наконецъ-то, всю ихъ важность.

Значитъ ли сказанное, что каковъ нашъ народъ теперь есть, такимъ онъ и долженъ остаться? Вы такъ истолковываете мою мысль, но очень ошибочно. Если бы я такъ думалъ, то не сталъ бы вовсе писать, даже постарался бы всячески перестать думать. Къ чему? Медленный успѣхъ я вижу и у насъ, особливо если сравнить съ тѣмъ, что было лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ. Къ сожалѣнію, успѣхъ замѣтенъ пока только въ меньшинствѣ, а не въ сплошныхъ слояхъ, классахъ и сословіяхъ, которыя продолжаютъ пребывать въ томъ же внѣкультурномъ или безкультурномъ состояніи. А пока культура, въ объясненномъ смыслѣ, не проникнетъ въ массы, до тѣхъ поръ о коренной перестройкѣ учрежденій нечего и думать; возможны одни лишь частичныя улучшенія законодательства и администраціи. Вы смотрите на дѣло иначе, по соображеніямъ, съ правильностью которыхъ я не могу согласиться. По вашимъ воззрѣніямъ, культурный слой въ народѣ есть источникъ добра, которое изъ него разли-

вается по массѣ. „Съ теченіемъ времени,—говорите вы,—эта группа (т.-е. культурное общество) разростается, принимаетъ все большіе размѣры, а иногда своимъ высокимъ развитіемъ и чрезвычайною воспріимчивостью ко всему, что̀ подсказываютъ намъ наука и разумъ, даже заслоняетъ собою народъ. Однако, народъ, какъ темная, малокультурная масса... всегда и вездѣ остается такимъ же, и если пользуется продуктами цивилизаціи болѣе другихъ народовъ, то это еще не доказываетъ, что онъ болѣе другихъ возвысился до сознанія высшихъ идей культуры и цивилизаціи, или что онъ болѣе другихъ заслужилъ себѣ право на вполнѣ благоустроенную жизнь. Но это сознаніе живетъ и крѣпнетъ въ культурномъ слоѣ его, а этого достаточно для того, чтобы народъ прогрессировалъ и въ своемъ развитіи, и въ своемъ могуществѣ". Къ такому заключенію вы, мнѣ кажется, пришли вслѣдствіе смѣшенія двухъ весьма различныхъ факторовъ общественности: культурнаго слоя и интеллигенціи страны. Все, что̀ вы говорите о первомъ, справедливо только въ примѣненіи къ второй. Интеллигенція есть свѣточъ, который идетъ впереди, освѣщая путь, разливая свѣтъ въ темпыхъ массахъ, поднимая ихъ въ умственномъ, нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Оттого, у всѣхъ культивированныхъ народовъ интеллигенція въ чести и почетѣ, оберегается и возвышается, какъ самый могучій и благотворный дѣятель народной жизни. Культурный слой есть нѣчто иное. Подъ этимъ названіемъ разумѣются не отдѣльныя единицы, которыя могутъ встрѣчаться во всѣхъ классахъ и общественныхъ группахъ, а одни высшіе или средніе слои общества, которымъ, по ихъ положенію и матеріальнымъ средствамъ, блага цивилизаціи, науки, искусства болѣе доступны, чѣмъ массамъ, трудящимся надъ черной работой изъ-за куска хлѣба. Культурный слой, въ этомъ смыслѣ, вездѣ и всегда, кромѣ завоеванныхъ странъ, находится подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ массъ и отражаетъ на себѣ всѣ ихъ достоинства, но и всѣ ихъ недостатки. Гдѣ культуры нѣтъ въ массахъ, тамъ высшіе и средніе слои только по названію суть культурные; на самомъ же дѣлѣ ихъ цивилизація и образованность есть кажущаяся, мнимая, обманчивая: ея нѣтъ въ правахъ. Если такому, относительно, культурному слою удастся какъ-нибудь заслонить народныя массы, то онъ внесетъ въ народную жизнь не одни блага цивилизаціи и прогресса, а вмѣстѣ съ ними, и интересы, создающіе ему его выдающееся положеніе, и постарается обставить ихъ наивыгоднѣйшимъ для себя образомъ, въ ущербъ народному большинству. Исторія всѣхъ культивированныхъ странъ древняго и новаго міра доказываетъ это. Опустивъ изъ виду различіе между интеллигенціей страны и культурными ея слоями, легко можно придти, при политическихъ комбинаціяхъ, къ результатамъ совсѣмъ неожиданнымъ и вовсе нежелательнымъ.

Вотъ мои возраженія и оправданія. Ихъ единственная цѣль — содѣйствовать, сколько въ моихъ силахъ, разсѣянію того мрака, которымъ у насъ покрыты различныя теченія русской мысли. Краткія сентенціи, во вкусѣ отзывовъ Собакевича о губернскихъ чиновникахъ, запутали взаимныя отношенія различныхъ взглядовъ на наше теперешнее положеніе до невозможности. Этому надо же когда-нибудь положить конецъ; чѣмъ скорѣе онъ настанетъ, тѣмъ лучше. Я думаю, что долгъ каждаго, кому дороги интересы родины, способствовать, по мѣрѣ силъ, выясненію спорныхъ пунктовъ различныхъ современныхъ направленій въ русскомъ обществѣ и тѣмъ опредѣлить ихъ границы и общую всѣмъ имъ почву. Нѣтъ силъ дальше жить въ теперешнемъ разбродѣ и хаосѣ мыслей и стремленій.

(Новости, 1882, № 256).

ПОЛЕМИКА

ПО ПОВОДУ КНИГИ Г. НОТОВИЧА.

Письмо въ редакцію „Вѣстникъ Европы".

Мои замѣчанія на книгу г. Нотовича: „Основы реформъ мѣстнаго и центральнаго управленія", помѣщенныя въ „Новостяхъ", удостоились вниманія нѣкоторыхъ газетъ и подверглись въ нихъ болѣе или менѣе подробному разбору. Споръ принялъ неожиданные размѣры и выходитъ изъ тѣсныхъ рамокъ газетнаго фельетона, почему я и переношу его на страницы журнала, въ которомъ работаю столько лѣтъ.

Считаю обязанностью представить объясненія на сдѣланныя мнѣ возраженія. Исполняю этотъ долгъ передъ органами печати и читателями тѣмъ охотнѣе, что полемика, вызванная книгою г. Нотовича, не выходитъ изъ сферы общихъ вопросовъ и не подала до сихъ поръ ни малѣйшаго повода къ личнымъ препирательствамъ, вообще крайне прискорбнымъ въ литературѣ, а особливо когда рѣчь идетъ о вопросахъ, въ высокой степени интересующихъ всѣхъ мыслящихъ людей.

Мой взглядъ на Россію называютъ, прежде всего, „безнадежно-мрачнымъ", находятъ, что „это взглядъ отчаянія, взглядъ человѣка, порвавшаго со всякими надеждами" [1]. Въ подтвержденіе такого заключенія приводятся мои слова, что „гораздо возможнѣе и вѣроятнѣе, судя по тому, что̀ происходитъ, наступленіе хаоса и смѣшенія языковъ въ той или другой формѣ". Наконецъ, мнѣ приписывается безнадежный взглядъ не только на наше настоящее, но и „на будущее".

Почему изъ моихъ замѣтокъ сдѣланъ такой выводъ, я по-истинѣ не могу понять. Кто читалъ книгу г. Нотовича, тотъ знаетъ, что авторъ считаетъ возможнымъ все мѣстное управленіе построить у насъ на выборномъ началѣ, и рядомъ съ нимъ поставить губернатора. Находя эту комбинацію невозможной, что̀ доказано неудачами нашего земскаго самоуправленія, я стараюсь объяснить причину неудачъ и предлагаю другую комбинацію, которая, какъ мнѣ кажется, можетъ лучше разрѣшить задачу. Причины, почему мнѣ кажется невозможнымъ построить мѣстное управленіе *исключительно* на выборномъ началѣ, состоятъ, во-1-хъ, въ крайне низкой степени культуры господствующаго, великорусскаго племени; во-2-хъ, въ совершенномъ отсутствіи привычки къ самоуправленію, которая вездѣ, гдѣ оно есть, пріобрѣтена и воспиталась жизнью въ сословіяхъ, кружкахъ, корпораціяхъ; комбинація же, которая мнѣ кажется наиболѣе къ намъ подходящею въ настоящее время, состояла бы въ организаціи мѣстнаго учрежденія, составленнаго изъ коронныхъ чиновниковъ и выборныхъ, на равныхъ правахъ.

Такъ былъ поставленъ вопросъ. Что же въ такомъ взглядѣ отчаяннаго и безнадежнаго, въ настоящемъ и будущемъ? Г. Нотовичъ разсчитываетъ на готовый матеріалъ для организаціи мѣстнаго самоуправленія; я этого матеріала не вижу. Очень можетъ быть, что я ошибаюсь, но такъ мнѣ кажется. Правъ я или неправъ—другой вопросъ; но что я такъ думаю—не доказываетъ ни отчаянія, ни безнадежности.

Далѣе, говорится, что мое „безнадежное заключеніе", по строгой логикѣ, едва-ли составляетъ выводъ изъ тѣхъ предпосылокъ, которыя я даю для характеристики нашего настоящаго положенія; что въ набросанной мною картинѣ нельзя узнать кануна наступленія хаоса и смѣшенія языковъ. Но я и не думалъ связывать отсутствіе у насъ культуры съ теперешней нашей неурядицей, какъ причину съ ея послѣдствіями. Рядъ моихъ мыслей былъ такой: всѣ признаютъ, что теперешній порядокъ вещей у насъ ненормаленъ; г. Нотовичъ, въ своей книгѣ, находитъ выходъ изъ него, между прочимъ, въ устройствѣ мѣстнаго управленія исключительно на выборномъ началѣ; я же думаю, что реформа

[1] См. „Нов. Время".

въ этомъ направленіи не привела бы къ желаемой цѣли, по крайне низкой степени нашей культуры. Это совсѣмъ не то, что приписывается мнѣ въ упомянутой статьѣ. Хаосъ и безурядица бывали въ нашей исторіи не одинъ, а нѣсколько разъ, и не представляютъ ничего безнадежнаго, какъ они ни тягостны. Смутъ и безтолочи было много и передъ реформою Петра. Это у насъ признакъ перехода изъ одного историческаго возраста въ другой.

Въ той же статьѣ смѣшиваются двѣ мысли, которыя у меня различены, и вслѣдствіе того приписываются мнѣ взгляды, которыхъ я не раздѣляю. Я говорю, что г. Нотовичъ, въ своей программѣ реформы мѣстнаго управленія, опускаетъ изъ виду два весьма важныхъ фактора русской жизни: почти полное отсутствіе культуры *и* то обстоятельство, что у насъ не сложилось ни сословій, ни общественныхъ слоевъ, ни кружковъ, слабые зачатки которыхъ распустились и исчезли въ безличномъ всенародствѣ. Но указывая на эту черту, не имѣющую ничего общаго съ развитіемъ культуры, я оговариваюсь: „очень можетъ быть, по-моему даже очень вѣроятно, что въ этой характерной чертѣ лежитъ задатокъ совершенно иной, своеобразной формаціи, какихъ доселѣ еще не бывало", и ссылаюсь на свою брошюру о крестьянскомъ вопросѣ, гдѣ эта мысль развита подробнѣе. А меня поняли такъ, будто бы, по моему взгляду, признакомъ отсутствія у насъ культуры служитъ отсутствіе сословій и кружковъ, будто я упрекаю Россію во „всенародствѣ". Ничего такого я никогда не думалъ, не говорилъ и никогда Россію во всенародствѣ не упрекалъ. Увлекшись мыслью, будто я во всемъ этомъ грѣшенъ, меня спрашиваютъ, далѣе: „Неужели въ этой-то чертѣ г. Кавелинъ и видитъ самое главное зло нашей жизни? Не слишкомъ ли смѣло утверждать, что если наше прошлое не совпадаетъ съ прошлымъ западной Европы, то и не можетъ быть у насъ культуры?" Отвѣтъ на эти вопросы, еще до полемики съ г. Нотовичемъ, данъ мною въ письмѣ къ редактору рижской газеты „Zeitschrift für Stadt und Land", напечатанномъ въ брошюрѣ о крестьянскомъ вопросѣ.

Въ концѣ упомянутой мною статьи встрѣчается такая мысль: „Добрыхъ нравовъ въ общественномъ и частномъ быту не замѣчается... Къ сожалѣнію, это правда; но гдѣ же они замѣчаются? Въ чемъ такомъ особенно сіяетъ добронравіе культурной Европы?" По поводу этого замѣчанія, мнѣ невольно припоминается одинъ случай изъ моей заграничной жизни. Иду я разъ съ пріятелемъ въ окрестностяхъ Бонна по деревенькѣ, очень плохо вымощенной. „Что за гнусная мостовая", замѣтилъ я. На это замѣчаніе пріятель мой съ большимъ азартомъ возразилъ: „а развѣ въ Петербургѣ мостовая лучше?" Можетъ быть, и Европа не сіяетъ добродѣтелями; да развѣ о Европѣ рѣчь?

Вообще, авторъ статьи ставитъ меня передъ читателями въ самое комическое положеніе. Съ тѣхъ поръ, что мой образъ мыслей установился,—а тому ужъ очень давно—я не переставалъ, устно и печатно, доказывать, что всенародство есть то начало, которое мы, русскіе, несемъ съ собою; что въ немъ наша будущность и наше всемірно-историческое значеніе; что это начало и его развитіе есть задача будущаго, не только у насъ, но и во всемъ мірѣ. Вся моя личная жизнь неразрывно переплетена съ такими убѣжденіями; рано окрѣпъ я въ вѣрѣ въ великое историческое призваніе Россіи, всегда бодро смотрѣлъ и теперь также бодро смотрю впередъ, не смущаясь ничѣмъ, въ горячемъ убѣжденіи, что съ бурями и напастями, какъ бы онѣ велики и сокрушительны ни были, мы въ концѣ концовъ справимся. Въ этомъ пунктѣ я всегда примыкалъ къ славянофиламъ, существенно расходясь съ ними во многомъ другомъ. Изъ всѣхъ, кто меня знаетъ лично или по моимъ писаніямъ, ни одинъ не заподозритъ меня въ мрачномъ взглядѣ на жизнь, никому не придетъ на мысль, что я скорблю о томъ, зачѣмъ мы не развивались тѣмъ же путемъ какъ Европа, по тѣмъ идеаламъ, которые освѣщали путь европейскимъ народамъ. И что же? Меня упрекаютъ именно въ томъ, противъ чего я спорилъ всю жизнь. Не комичное ли это положеніе! Мнѣ остается, какъ въ одномъ водевилѣ, сказать: „Онъ—я, а я—не я: кто жъ я?" Это ли не хаосъ и смѣшеніе языковъ?

Другіе мимоходомъ называютъ меня пессимистомъ и указываютъ, кромѣ отсутствія культуры, и на другія причины нашей неурядицы [1]). За что эти другіе считаютъ меня пессимистомъ—по совѣсти не знаю. Что настоящій сумбуръ въ умахъ и фактахъ про-

---

[1]) См. „Голосъ".

исходитъ не отъ одного недостатка культуры, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; но я этого никогда и не отрицалъ; я только говорилъ, что при отсутствіи, между прочимъ, и культуры нельзя построить у насъ мѣстнаго управленія исключительно на выборномъ началѣ. Въ этомъ я убѣжденъ и теперь, несмотря на возраженія.

Одна изъ провинціальныхъ газетъ [3]), полемизируя противъ меня въ двухъ весьма замѣчательныхъ статьяхъ, высказываетъ нѣкоторыя соображенія о причинахъ нашихъ неустройствъ и о мѣрахъ къ расовому слитію различныхъ племенъ, обитающихъ въ Россіи. Не останавливаясь на взглядахъ почтенной газеты на два послѣдніе предмета — взглядахъ, которые впрочемъ вполнѣ раздѣляю,— обращаюсь прямо къ тому, что̀ относится къ сказанному мною.

Судя по разнымъ мѣстамъ въ тѣхъ двухъ статьяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, авторъ ихъ какъ будто приписываетъ мнѣ мысль, что некультурность великорусскаго племени есть какая-то фатальная, предопредѣленная, что это племя—некультурное „во что бы то ни стало". Но я очень далекъ отъ такой мысли; я убѣжденъ, что культура — дѣло наживное, и не разъ это высказалъ въ двухъ своихъ письмахъ къ г. Нотовичу.

Второе замѣчаніе состоитъ въ томъ, что мой выводъ о некультурности русскаго „общества" не соотвѣтствуетъ некультурности великорусскаго „племени", потому что наше общество рекрутируется не изъ одного этого племени, но и изъ другихъ народовъ и племенъ.—Большая разноплеменность того, что̀ называется русскимъ обществомъ, несомнѣнна —и есть, какъ мнѣ кажется, одинъ изъ многихъ задатковъ большой исторической роли Россіи въ будущемъ. Но трудно согласиться съ мнѣніемъ, будто, по этой причинѣ, некультурность великорусскаго племени къ русскому обществу не относится. Авторъ забываетъ, что въ составѣ государства великорусское племя есть самое многочисленное; своею численностью оно значительно превосходитъ всѣ другія племена, вмѣстѣ взятыя. Но что̀ гораздо важнѣе, оно создало русское государство, а съ тѣмъ вмѣстѣ и тотъ типъ и строй общественности, который отличаетъ русское общество отъ всѣхъ другихъ. У всѣхъ народовъ составъ общества болѣе или менѣе разнокалибернаго происхожденія; но это не мѣшаетъ каждому имѣть свои характерныя черты и особенности, отличающія его отъ другихъ. Изъ всѣхъ расъ, еврейская—самая стойкая, менѣе всѣхъ другихъ поддающаяся вліяніямъ среды, въ которой живетъ; однако и между евреями легко различить русскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, польскихъ и т. д. Государство, какъ всякій организмъ, переработываетъ и претворяетъ въ себѣ попадающіе въ него посторонніе элементы. Вотъ почему, откуда бы ни рекрутировалось русское общество, оно, какъ образовавшееся главнымъ образомъ изъ великоруссовъ, составившееся по типу, данному великорусскимъ типомъ, живущее подъ сильнымъ и безпрестаннымъ его вліяніемъ, и будетъ отражать на себѣ степень его культуры, его достоинства и недостатки. Упреки Петербургу, будто онъ иностранный городъ, петербургскому обществу—будто въ немъ мало или ничего нѣтъ русскаго, покоятся на большомъ недоразумѣніи. По преобладающему составу народонаселенія Петербургъ—русскій городъ, съ примѣсью инородныхъ и иностранныхъ элементовъ, какъ всѣ большіе города въ мірѣ. По низшимъ и отчасти среднимъ слоямъ населенія Петербургъ носитъ на себѣ печать сѣверныхъ русскихъ городовъ и есть, если хотите, во многихъ отношеніяхъ, преемникъ Великаго Новгорода. Что касается высшихъ и интеллигентныхъ слоевъ Петербурга, то они, по своему строю и привычкамъ ежедневной жизни, принадлежатъ къ эпохѣ русской исторіи, которую мы доживаемъ—,эпохѣ, когда сила европейскихъ вліяній на Россію достигла своего апогея. То былъ періодъ ученичества, который необходимо и неизбѣжно переживаетъ, рано или поздно, каждый народъ, призванный играть роль во всемірной исторіи. Имъ обозначается извѣстный историческій возрастъ, который проходитъ и смѣняется пробужденіемъ національнаго самосознанія и самостоятельной дѣятельности. Петербургъ, никогда не перестававшій быть русскимъ городомъ, не исключая и времени сильнѣйшаго процвѣтанія иностранныхъ вліяній, вотъ уже лѣтъ сорокъ или пятьдесятъ какъ видимо русѣетъ и въ смыслѣ національнаго сознанія и развивается въ этомъ направленіи съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе.

[3]) „Заря"—въ Кіевѣ.

Г-нъ Шавердовъ [1]), возражая мнѣ, находитъ въ моихъ замѣткахъ, которыя передаетъ совершенно вѣрно и правильно, „односторонность" и „нѣкоторую натяжку въ обобщеніяхъ отдѣльныхъ фактовъ". Г. Шавердовъ не соглашается съ тѣмъ, чтобы недостатокъ культуры въ великорусскомъ племени могъ служить причиной, препятствующей у насъ созданію „прочной политической организаціи"... „Для созданія крѣпкаго и сильнаго государства русскому народу недостаточно было заботиться только о внѣшнемъ могуществѣ, а прежде всего необходимо было подумать о внутреннемъ устройствѣ земли, создать внутри государства прочный порядокъ и благоустройство"... „Сквозь всю исторію великорусскаго племени бѣлыми нитками проходить это стремленіе нашихъ предковъ къ созданію *прочнаго* внутренняго порядка".

Возраженія г. Шавердова покоятся на недоразумѣніи. Я говорилъ не о прочной политической организаціи *вообще*, безъ которой ни одинъ народъ съ будущностью существовать не можетъ, а *въ частности* о возможности построить у насъ прочную мѣстную организацію исключительно на одномъ выборномъ началѣ. У всякаго великаго народа, играющаго въ исторіи видную роль, есть прочная „политическая" организація, на какой бы степени культуры онъ ни стоялъ; всякій изъ такихъ народовъ заботился не объ одномъ внѣшнемъ могуществѣ, но и о прочномъ внутреннемъ порядкѣ и благоустройствѣ; только, смотря по степени развитія и культуры, каждый народъ, въ различные періоды своего историческаго возраста, достигалъ этой цѣли различными способами. Только объ этихъ „способахъ" и шла рѣчь въ нашей полемикѣ съ г. Нотовичемъ. *Привычки* къ самоуправленію я не вижу у насъ нигдѣ и ни въ чемъ, — даже въ веденіи нашихъ частныхъ дѣлъ, въ которыхъ мы заинтересованы карманомъ и никто намъ не мѣшаетъ. Г. Шавердовъ укажетъ мнѣ, въ видѣ возраженія, на раскольниковъ, которые умѣютъ жить обществомъ, на нѣкоторыя группы благотворительныхъ обществъ, которыя идутъ превосходно; но такого рода явленія ничего не доказываютъ. Когда общество образуется изъ людей, связанныхъ единствомъ цѣли и убѣжденій, оно можетъ идти хорошо, несмотря на степень культуры, потому что въ такомъ обществѣ люди подбираются изъ массы. Это совсѣмъ не то, что общественность, обусловленная принадлежностью къ одному сословію, классу или поселенію: тутъ подборъ людей по случайнымъ внѣшнимъ признакамъ, и притомъ не добровольный. Чтобъ общественность въ этомъ смыслѣ могла быть дѣйствительно благоустроенной, необходима культура во всѣхъ классахъ общества, привычка жить добропорядочно съ другими людьми, возможная не въ однихъ образованныхъ слояхъ; а у насъ этой добропорядочности нѣтъ ни между необразованными, ни между образованными людьми; то-есть она и у насъ есть,—какъ ей не быть,—но въ видѣ изъятія, а не въ видѣ общаго правила.

Г. Шавердовъ отождествляетъ понятіе о культурѣ съ общественной нравственностью. Такъ принято называть добрые нравы, хотя выраженіе „общественная нравственность" на самомъ дѣлѣ не имѣетъ никакого смысла. Нравственность есть извѣстный душевный строй, выработка личной воли, расположеніе и готовность поступать всегда въ извѣстномъ смыслѣ и направленіи. Всѣ эти свойства суть принадлежности единичнаго лица, могутъ быть принадлежностью многихъ лицъ, даже большинства лицъ, составляющихъ общество, но не самого общества. Культура тѣмъ и отличается отъ нравственности, что заключается въ добропорядочности привычекъ людей во взаимныхъ ихъ сношеніяхъ между собою, независимо отъ чувствъ, помысловъ и воли, изъ которыхъ слагается внутренняя нравственная, духовная жизнь человѣка. Культура есть внѣшняя дрессировка людей къ общественной жизни, какъ хорошія манеры есть внѣшняя дрессировка, требуемая отъ всякаго, желающаго принадлежать къ свѣтскому обществу. Культура—въ этомъ смыслѣ, разумѣется, далеко не все, что нужно для правильной общественной жизни; она есть minimum требованій и условій общественности; но когда и этого minimum'а нѣтъ, нельзя и помышлять о высшихъ общественныхъ и политическихъ комбинаціяхъ, какъ нельзя читать, не зная азбуки, ни дѣлать сложныхъ вычисленій, не зная ариѳметики.

Г. Шавердовъ спрашиваетъ: какимъ же образомъ, допуская только частныя улучшенія законодательства и администраціи, я могъ, въ свое время, сочувствовать освобожденію крестьянъ? Вѣдь очень многіе, въ то время,

---

[1]) Подъ заглавіемъ „Голосъ изъ публики" — въ „Новостяхъ".

точно такъ же возражали противъ этой реформы, ссылаясь на нашу неподготовленность къ ней по безнравственности или по недостатку культуры. Но почтенный критикъ согласится, что между прекращеніемъ экономической и юридической зависимости одного класса отъ другого и установленіемъ управленія исключительно на выборномъ началѣ— огромная разница. До прекращенія крѣпостного права существовали многіе разряды свободныхъ крестьянъ и людей. Прекращеніе крѣпостного состоянія было поэтому, строго говоря, лишь переведеніемъ части населенія въ положеніе, въ какомъ уже находилась болѣе многочисленная его часть. Это, конечно, ни мало не уменьшаетъ громаднаго значенія освобожденія крѣпостныхъ, но значеніе это заключалось не въ новости самаго принципа реформы, а въ новомъ положеніи, какое создалось для всего государства и для всѣхъ классовъ и слоевъ Россіи прекращеніемъ крѣпостного состоянія значительной части населенія. Что касается самоуправленія на основаніи выборнаго начала, то освобожденіе крестьянъ и введеніе земскихъ учрежденій не только не опровергаютъ, но, напротивъ, подтверждаютъ мой взглядъ. Вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ возникла мысль и о самоуправленіи. Съ крестьянъ была снята опека; для всѣхъ сословій устроены земскія учрежденія; городовое положеніе значительно расширило права городовъ въ завѣдываніи ихъ дѣлами, въ томъ числѣ и городскими банками. Но всѣ эти реформы не удались. Говорятъ: въ этомъ виновата администрація и бюрократія. Да, безспорно онѣ въ этомъ виноваты въ значительной степени, но взваливать всю вину исключительно на одну администрацію нельзя: весьма значительная доля вины падаетъ не на нашу нравственность, которая если и не лучше, чѣмъ у европейцевъ, то во всякомъ случаѣ не хуже,—а на отсутствіе культуры, на наше неряшество, спустя рукава, на наше халатное отношеніе къ обязанностямъ и долгу,—словомъ, на недостатокъ общественной выработки и дрессировки, въ чемъ и состоитъ культура. Остзейцы и поляки не лучше насъ, и живутъ они въ одинаковыхъ съ нами политическихъ условіяхъ, а самоуправленіе идетъ у нихъ несравненно лучше, и тѣ безобразія, которыя у насъ составляютъ самое обыкновенное явленіе, у нихъ встрѣчаются въ видѣ рѣдкаго исключенія. Наши аппетиты весьма велики, но культурныя наши средства далеко имъ не соотвѣтствуютъ, и потому ничего не выходитъ даже изъ того, что въ нашихъ рукахъ. Древніе говорили, что республика держится добродѣтелью; мы знаемъ изъ чужого и своего опыта, что самоуправленіе держится культурными привычками, безъ которыхъ оно немыслимо.

Въ доказательство, что наши предки стремились къ созданію *прочнаго* внутренняго порядка,—противъ чего я и не думалъ спорить,— г. Шавердовъ приводитъ необыкновенное усиленіе власти московскихъ великихъ князей, которые доставили жителямъ разоренныхъ областей охрану отъ дальнѣйшаго разоренія. „Ради этой охраны, — говоритъ г. Шавердовъ, — народъ принесъ много тяжелыхъ жертвъ“. „Въ этомъ-то страстномъ стремленіи народа къ созданію прочнаго внутренняго порядка и заключается... разгадка дальнѣйшей его исторіи отъ Ивана Грознаго до Петра Великаго включительно“. Петру Великому критикъ ставитъ въ вину, что онъ „дошелъ до крайности въ *своей* приписной системѣ, распредѣливъ почти все населеніе государства по различнымъ вѣдомствамъ и возложивъ на каждую отдѣльную группу обязанность содержать, въ матеріальномъ отношеніи, то или другое государственное учрежденіе. „Народъ, въ цѣломъ своемъ составѣ, —говоритъ далѣе г. Шавердовъ, — никогда не помнитъ зла и глубоко цѣнитъ сдѣланное ему добро. Этимъ-то свойствомъ русскаго народа, а не недостаткомъ культуры... и объясняется... такое крупное и безпримѣрное явленіе въ нашей исторіи, какъ Петръ Великій“.

Что всякій народъ, съумѣвшій отстоять свое политическое существованіе посреди другихъ народовъ, страстно стремится создать у себя прочный внутренній порядокъ — это безспорно. Такое стремленіе есть признакъ и непремѣнное условіе его живучести. Народъ, не съумѣвшій создать у себя прочнаго внутренняго порядка, неминуемо дѣлается добычею другихъ народовъ. Весь вопросъ въ томъ, какой это порядокъ, на какихъ политическихъ началахъ онъ основанъ? Вотъ въ этомъ-то и выражается степень общественной или гражданской культуры. Если участіе выборнаго элемента въ общественномъ управленіи слабо или ничтожно, это несомнѣнно доказываетъ, что культура народа находится на весьма низкой ступени. Объ этомъ, смотря

по точкѣ зрѣнія, можно сожалѣть, этому можно радоваться, но во всякомъ случаѣ это—фактъ, котораго нельзя не признать, не впадая въ самообманъ. Добрыми или дурными чувствами нельзя объяснять хода политической исторіи народа. Вотъ почему я никакъ не могу согласиться съ объясненіями г. Шавердова относительно появленія у насъ Петра В. и его реформы. Великій царь и всѣ дѣла его великаго царствованія были геніальнымъ осуществленіемъ стремленій народа къ созданію прочнаго внутренняго порядка,—но народа, стоящаго еще на самой низкой ступени культуры. Неправъ также г. Шавердовъ, считая Петра В. создателемъ приписной системы. Она создалась, развилась и окрѣпла у насъ въ XVII вѣкѣ; Петръ В., напротивъ, ее поколебалъ, при немъ началось ея постепенное упраздненіе, которое не доведено до конца и до сихъ поръ. Скажу болѣе: все, что ни дѣлалъ Петръ В., было лишь отвѣтомъ на вопросы, поставленные до него; ему лично принадлежитъ геніальное пониманіе положенія, орлиный взглядъ, желѣзная непреклонность воли, страстность въ преслѣдованіи цѣлей. Мысль, будто реформа Петра и петровскій періодъ представляютъ какой-то переломъ въ русской жизни, неожиданный, безпричинный, какъ будто съ неба упавшій,—ни на чемъ не основана. Кто не умѣетъ связать живою связью то, что̀ было до Петра В., при немъ и послѣ него, для того закрыта книга русской исторіи, и онъ въ ней ничего не понимаетъ. Теперь періодъ русской исторіи, котораго самымъ полнымъ и блистательнымъ выразителемъ былъ геніальный царь, приходитъ или уже пришелъ къ концу; зарождаются другія задачи, чѣмъ тѣ, какія тогда приходилось разрѣшать, являются новыя потребности и стремленія, на которыя въ прошедшемъ нѣтъ и не могло быть отвѣта. Не понимая этого, мы переносимъ на Петра В. и его дѣла судъ и приговоръ, которые произносимъ нашему времени, нашей теперешней обстановкѣ. Взглядъ на Петра В. какъ на какого-то чуть-чуть не Робеспьера, также обличаетъ глубокое непониманіе русской исторіи и великаго царствованія, какъ и упреки въ томъ, что онъ былъ антихристъ, заклятый иностранецъ и нестерпимый тиранъ. Петръ В. былъ, съ головы до пятокъ, чистокровный великороссіянинъ, сынъ своего времени, продуктъ тогдашней, крайне низкой великорусской культуры, и то, что̀ намъ въ немъ нравится или не нравится, не есть оцѣнка его или его времени, а отраженіе нашихъ теперешнихъ запросовъ и требованій отъ русской жизни, — свѣточи, по которымъ можно судить, какихъ путей ищетъ себѣ современная русская жизнь, въ какихъ направленіяхъ пролагаются новыя колеи для дальнѣйшаго развитія.

Какъ и всѣ прочіе мои критики, г. Шавердовъ видитъ въ моихъ взглядахъ „глубокое уныніе“, которое, незамѣтно для меня самого, овладѣло моимъ душевнымъ настроеніемъ. „Чѣмъ же какъ не пессимизмомъ,—говоритъ онъ,—могутъ быть объяснены безпощадно мрачныя краски, которыми онъ (т.-е., я) рисуетъ современное русское общество, а главное—его безотрадные выводы о невозможности у насъ коренныхъ преобразованій?“

Есть русская пословица: „когда трое говорятъ пьянъ—ложись спать“. На этомъ основаніи мнѣ давно слѣдовало бы признать себя пессимистомъ, — такъ въ этомъ глубоко убѣждены всѣ мои критики. Но надо бы напередъ условиться въ томъ, что̀ такое пессимистъ? По моему, пессимистъ тотъ, кто не допускаетъ возможности улучшенія, не вѣритъ въ осуществленіе свѣтлыхъ идеаловъ. Въ этомъ смыслѣ я не пессимистъ, ибо непреклонно вѣрю въ великое историческое призваніе Россіи и также непоколебимо убѣжденъ, что и для настоящаго нерадостнаго времени могли бы быть, при доброй волѣ, придуманы комбинаціи, которыя принесли бы собою существенное улучшеніе. Весь вопросъ въ томъ, какія это должны быть комбинаціи? Въ этомъ пунктѣ я расхожусь съ критиками. Но развѣ это можно назвать глубокимъ уныніемъ или пессимизмомъ? Различіе во взглядахъ на этотъ предметъ зависитъ отъ различной оцѣнки настоящаго нашего положенія, что̀, всякій согласится, не имѣетъ ничего общаго съ уныніемъ или пессимизмомъ. Въ одномъ правъ г. Шавердовъ: я дѣйствительно обмолвился и выразился неправильно, сказавъ во второмъ письмѣ г. Нотовичу, что у насъ нечего и думать теперь о коренной переустройкѣ учрежденій, что возможны одни лишь частичныя улучшенія законодательства и администраціи. О коренной переустройкѣ можно и слѣдуетъ думать, только не на основаніи исключительно выборнаго начала, какъ предлагаетъ г. Нотовичъ въ своей книгѣ. Я выразилъ бы свою мысль совершенно точно, еслибъ сказалъ, что признаю возможными и

желательными коренныя преобразованія, но только въ административномъ, а не въ политическомъ направленіи и смыслѣ.

Полемизируя противъ меня, г. Шавердовъ высказалъ рядомъ съ тѣмъ много лично для меня лестнаго и почетнаго въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ. Какъ для меня дороги подобныя заявленія — пойметъ всякій. Мнѣ всегда думалось, что можно, вполнѣ сочувствуя другому лично, не раздѣлять его взглядовъ. При такихъ условіяхъ полемика становится, чѣмъ она и должна быть: обмѣномъ мыслей, выясненіемъ сомнительныхъ или спорныхъ пунктовъ. Именно теперь, больше чѣмъ когда-нибудь, такой характеръ полемики особенно желателенъ, составляетъ насущную потребность.

Послѣднимъ вступилъ въ споръ противъ меня А. А. Головачевъ [1]). Его замѣчанія распадаются на двѣ части: одни направлены противъ моихъ взглядовъ, другія касаются желательной реформы мѣстнаго управленія. Нѣкоторыя изъ возраженій почтеннаго критика были мнѣ сдѣланы и другими, и я уже на нихъ отвѣтилъ выше. Остальныя разсмотрю здѣсь.

А. А. Головачевъ, упрекая меня вмѣстѣ съ другими въ пессимизмѣ, говоритъ: „если русское общество смахиваетъ на крыловскій квартетъ, то для него не можетъ быть и будущности, такъ какъ персоналъ этого квартета перевоспитаться или переродиться не можетъ“. Критикъ увѣренъ, что мое сравненіе проскользнуло у меня какъ-нибудь невзначай, и я на немъ настаивать не буду.

Это замѣчаніе основано на недоразумѣніи. А. А. Головачевъ припомнитъ, что я нѣсколько разъ, съ особеннымъ удареніемъ, говорилъ о постепенномъ, хотя и медленномъ улучшеніи нашихъ нравовъ. То, что я говорю о невозможности помочь нашему горю политическими реформами, относится къ нашему времени, не блистающему культурностью нравовъ. Переименуйте чиновниковъ въ выборныхъ, выборныхъ въ чиновниковъ,—отъ этого лучше не станетъ, пока нравы и культура не измѣнятся. Вотъ въ какомъ смыслѣ я сравнивалъ предлагаемыя г. Нотовичемъ реформы съ крыловскимъ квартетомъ. Неужели это не такъ?

А. А. Головачевъ говоритъ далѣе: „Необходимость реформъ вызывается у насъ нуждами и потребностями государственной жизни. Оставаясь при прежнихъ порядкахъ, мы можемъ терять кредитъ на европейскомъ денежномъ рынкѣ, а съ нимъ вмѣстѣ силу и значеніе въ средѣ европейскаго ареопага“. Золотыя слова, которыя, кромѣ ослѣпленныхъ людей, охотно подпишетъ всякій обѣими руками. Но то, что за этимъ слѣдуетъ, вызываетъ большія недоумѣнія. „Въ виду такихъ обстоятельствъ, — заключаетъ критикъ,—культура общества и его умственное и нравственное развитіе не могутъ имѣть значенія при рѣшеніи вопроса о необходимости и своевремежности реформъ“. *Необходимости* и *своевременности* реформъ—конечно, да; но вѣдь я доказываю невозможность реформъ въ томъ видѣ, на тѣхъ началахъ, какъ предлагаетъ г. Нотовичъ; а въ этомъ отношеніи культура общества, его умственное и нравственное развитіе, играютъ рѣшающую роль.

Въ первомъ моемъ письмѣ къ г. Нотовичу я высказалъ мысль, что самой подходящей и своевременной у насъ реформой управленія было бы введеніе въ коронную организацію выборныхъ. Предположеніе это выражено такъ: „единственно возможное улучшеніе нашихъ порядковъ состояло бы во введеніи въ коронную организацію выборныхъ на равныхъ правахъ съ чиновниками, чѣмъ были бы устранены всякое столкновеніе и антагонизмъ между обоими элементами. Этого желательно достигнуть и—я думаю,—достигнуть можно. Великая польза такой комбинаціи состояла бы въ томъ, что выборный элементъ слился бы съ коронным, голоса распредѣлялись бы между тѣми и другими по взглядамъ на дѣло, а не по искусственнымъ соображеніямъ, вызываемымъ антагонизмомъ народа и правительства, — антагонизмомъ, котораго у насъ вовсе нѣтъ“. На это А. А. Головачевъ замѣчаетъ: „я не вижу не только великой, но никакой пользы отъ подобной комбинаціи, и скажу г. Кавелину его же собственными словами: глиняный горшокъ разобьется о чугунный, такъ какъ сила во всякой коллегіи всегда останется за чиновниками, назначенными правительствомъ“.

Съ этимъ замѣчаніемъ почтеннаго критика я никакъ не могу согласиться. Изъ его словъ выходитъ, будто у насъ существуетъ чиновничество какъ нѣкая магистратура,—особое замкнутое сословіе, всегда и во всемъ, во что бы то ни стало, представляющее особые интересы бюрократіи, а выборные будто бы

[1]) Въ „Новостяхъ“.

представляютъ исключительно интересы народа, рѣзко противоположные интересамъ бюрократіи. Я сошлюсь на всѣхъ, — гдѣ же у насъ есть что-нибудь подобное? Гдѣ это чиновничество—оплотъ бюрократіи, и гдѣ этотъ народъ—ей враждебный? Вѣдь все это фикціи, которыя и поддерживаютъ главнымъ образомъ невообразимую путаницу въ нашихъ головахъ! Развѣ сегодняшній чиновный господинъ, украшенный станиславскимъ или другимъ орденомъ и представитель бюрократіи, переродится завтра отъ того, что выйдетъ въ отставку и будетъ выбранъ городскимъ головою, гласнымъ или предсѣдателемъ земской управы? Сегодняшній полковой или ротный командиръ понесетъ свои понятія и привычки и въ службу по выборамъ, точно такъ же, какъ понесутъ ихъ Разуваевы и Колупаевы—крестьяне, расторговавшіеся до купечества. Гдѣ нѣтъ ни сословій, ни культуры, тамъ они не народятся, по щучьему велѣнію, отъ того, что служилые люди переименуются въ дирижирующій классъ, торговые люди — въ коммерсантовъ, посадскіе и мѣщане — въ буржуа. А. А. Головачевъ говоритъ, что новый рядъ реформъ долженъ установить у насъ не подобіе только, а дѣйствительный правовой порядокъ. Кто же, положа руку на сердце, можетъ съ этимъ не согласиться? Да, онъ тысячу разъ правъ, что нравы общества и народа зависятъ отъ условій того режима, подъ которымъ они живутъ, „что низкій уровень нашихъ нравовъ не измѣнится, пока не измѣнится характеръ господствующаго у насъ режима". Но весь вопросъ въ томъ, въ какомъ направленіи желательны эти реформы; а въ этомъ пунктѣ предпосылки А. А. Головачева и мои существенно расходятся. Г. Головачевъ желаетъ дѣйствительнаго правового порядка, который бы обезпечивалъ „свободу и права гражданъ отъ чиновничьяго произвола, а государственныя средства—отъ расхищенія". Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, „что произволъ и безнаказанное хищничество, господствующіе въ нашемъ чиновничьемъ мірѣ, являются чрезвычайно вліятельными факторами, деморализующими не только общество, но и массу народа". Читая эти строки, подумаешь, что хищники, воры, грабители у насъ на подборъ одни чиновники, а всѣ не-чиновники — образцы добродѣтели и безкорыстія. Но вѣдь это не болѣе какъ полемическій пріемъ. Хищничество и неправда широко распространены у насъ во всѣхъ слояхъ общества и въ народныхъ массахъ; въ этомъ отношеніи чиновники, положимъ, не лучше, но ужъ и никакъ не хуже всѣхъ; процентъ порядочныхъ, безкорыстныхъ, искренно преданныхъ общему благу чиновниковъ, если не больше, то во всякомъ случаѣ никакъ не меньше, чѣмъ между служащими по выборамъ и частными лицами. Зачѣмъ же взваливать на однихъ чиновниковъ вину, которая одинаково лежитъ на всѣхъ слояхъ русскаго общества и народа? Всѣ мы, за небольшими исключеніями, пропитаны тѣми же недостатками и пороками, какъ и чиновники, по той простой причинѣ, что чиновники—мы же сами, и горю нашему не пособить замѣной Макшеевыхъ и Пріоровыхъ — Рыковыми и Юханцовыми. Потому-то мнѣ и припомнилась крыловская басня о квартетѣ.

Дать мѣсто въ нашей административной организаціи выборному началу необходимо, но вовсе не съ цѣлью обузданія чиновничьяго произвола и не въ смыслѣ противовѣса испорченной бюрократіи со стороны непорочныхъ и добродѣтельныхъ выборныхъ отъ народа, а совсѣмъ по другимъ причинамъ. Администрація есть особая функція въ общественной и народной жизни, и какъ все имѣющее свое спеціальное назначеніе и призваніе, склонна къ обособленію и разобщенію съ остальными сторонами народной жизни. Это замѣчается не только въ сферѣ практической дѣятельности, гдѣ естественно примѣшиваются самые разнообразные частные и личные интересы, но даже и въ чисто теоретической и отлеченной сферѣ науки. Спеціальности рвутъ ее на части, дробятъ на куски, до того, что общая ихъ связь порывается, что онѣ даже нерѣдко враждебно относятся одна къ другой. Административная среда, заключившись въ самой себѣ и преслѣдуя свои спеціальныя задачи, легко впадаетъ въ крайности, порождаемыя ея исключительнымъ положеніемъ, а именно, въ нѣкоторую отвлеченность, въ разобщеніе съ другими сторонами и функціями народной жизни, въ преувеличеніе значенія того, что̀ составляетъ ея призваніе и задачу, на счетъ всего остального. Комплектуясь лишь однородными элементами, управленіе рискуетъ заключиться въ замкнутый кругъ и разойтись съ дѣйствительною жизнью, которой нужды она призвана удовлетворять, утратить живую связь съ той средой, потребности которой и вызвали самое ея существованіе. Выборное на-

чало является коррективомъ недостатковъ, присущихъ администраціи. Оно, притокомъ элементовъ, взятыхъ изъ живой дѣйствительности, вноситъ въ администрацію свѣжую струю, не даетъ ей зачахнуть и закостенѣть въ искусственной обособленности, къ которой неудержимо ее влечетъ самое ея назначеніе и роль въ народной жизни. Администрація представляетъ собою правящую среду; выборное начало вводитъ въ ея составъ тѣхъ, которые испытали на дѣлѣ практическіе результаты управленія и потому могутъ, своею опытностью съ этой стороны, устранить и предупредить указанныя выше односторонности, крайности и увлеченія административной дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ выборное начало есть начало объединяющее народную жизнь, связующее управленіе съ управляемыми, точно такъ же, какъ различныя вѣтви управленія объединяются и связываются между собою центральными учрежденіями, которымъ онѣ подчинены. Вотъ съ какой точки зрѣнія мнѣ представляется желательнымъ введеніе выборныхъ въ администрацію на равныхъ правахъ съ чиновниками. Опасеній А. А. Головачева, что сила во всякой коллегіи всегда останется за чиновниками, назначенными правительствомъ, я не раздѣляю, потому что, какъ сказалъ, не вижу и не знаю у насъ чиновничества въ смыслѣ магистратуры,—особаго класса народа, какой былъ и есть въ Европѣ. Тамъ выборное начало было поставлено совершенно иначе, вслѣдствіе того, что вся общественность сложилась изъ самостоятельныхъ классовъ, сословій и общинъ. Тамъ выборные были представителями среды, которая ихъ выставляла защитниками ея интересовъ и правъ. Это значеніе выборныхъ удержалось и послѣ того, какъ самостоятельныя сословія, классы и общины исчезли, и легло въ основаніе современнаго политическаго устройства европейскихъ государствъ. У насъ ничего подобнаго не было. Слабые зачатки классовъ, сословій и общинъ въ европейскомъ смыслѣ атрофировались уже въ самомъ началѣ развитія московскаго государства, и всѣ попытки возстановить ихъ оказались тщетными. Изъ этого слѣдуетъ, что при правильномъ развитіи нашей внутренней жизни выборные люди могутъ играть у насъ роль лучшихъ людей, въ смыслѣ знанія, пониманія, опытности, а не представителей сословныхъ, корпоративныхъ или народныхъ правъ. Вотъ почему, мимоходомъ сказать, такъ желательно преобладаніе у насъ духовнаго, интеллектуальнаго, нравственнаго ценза надъ имущественнымъ.

Мысли А. А. Головачева о реформѣ заключаются въ слѣдующемъ: „старый порядокъ вещей не уступитъ своего мѣста новому безъ серьезнаго сопротивленія и борьбы, и... въ этой борьбѣ онъ имѣетъ на своей сторонѣ гораздо болѣе шансовъ успѣха, такъ какъ владѣетъ почвой, которую новому порядку приходится брать приступомъ. На этомъ основаніи... новымъ началамъ нечего прямо становиться на мѣсто стараго порядка и браться руководить условіями общественной жизни. Такое положеніе было бы вдвойнѣ невыгодно: людямъ, одушевленнымъ новыми идеями, при отсутствіи всякой практической опытности, пришлось бы и созидать и дѣйствовать наступательно противъ непріятеля, твердо стоящаго на почвѣ исторической давности. Вотъ почему... на первое время было бы гораздо лучше, еслибы представители новыхъ началъ постарались укрѣпить то положеніе, которое они успѣли занять въ общественномъ сознаніи, и вооружились тяжелой и дальнобойной артиллеріей критики. Пусть положительная дѣятельность останется въ прежнихъ рукахъ, представители же новыхъ идей могутъ вполнѣ удовлетвориться лишь контролемъ надъ этою дѣятельностью, съ правомъ преслѣдованія передъ судомъ виновныхъ въ нарушеніи закона. Идея самоуправленія можетъ выразиться и въ этомъ видѣ и притомъ безъ особой ломки. Между тѣмъ, старый порядокъ получитъ, такимъ образомъ, законное право самозащиты и не будетъ имѣть надобности подрывать основы новыхъ порядковъ путемъ разныхъ подвоховъ. Когда же онъ истощитъ весь запасъ своихъ выстрѣловъ, тогда, по необходимости, долженъ будетъ уступить свое мѣсто новому порядку вещей, который тогда во всеоружіи практической опытности и съ полнымъ сознаніемъ своихъ силъ совершенно спокойно займетъ его мѣсто. Подобный способъ осуществленія реформъ будетъ имѣть то огромное преимущество, что существующій порядокъ управленія не будетъ выброшенъ за бортъ весь разомъ, и вмѣсто него не будетъ установленъ новый, не испытанный еще на практикѣ: все, что есть въ старомъ порядкѣ устойчиваго, соотвѣтствующаго интересамъ народа и непротивнаго духу времени,—все это можетъ удержаться; и наоборотъ, все, что есть въ новыхъ предположе-

ніяхъ незрѣлаго, малообдуманнаго и непрактическаго,—все это можетъ быть устранено не путемъ вынужденныхъ уступокъ, а вполнѣ сознательно, въ виду указанныхъ опытомъ неудобствъ". Изложивъ затѣмъ различіе этого взгляда съ моимъ и разныя соображенія въ подкрѣпленіе потребности реформъ, А. А. Головачевъ заключаетъ такъ: „въ виду всѣхъ подобныхъ обстоятельствъ и полной необходимости радикальныхъ реформъ, я считаю полезнымъ контроль за дѣйствіями администраціи предоставить мѣстнымъ представителямъ общества, съ правомъ преслѣдованія виновныхъ судомъ въ случаѣ нарушенія закона".

Изъ ошибочной предпосылки выводы не могутъ не быть ошибочны. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Изъ аргументаціи А. А. Головачева выходитъ, что общество наше — Ормуздъ, а администрація — Ариманъ, которые ведутъ между собою непримиримую войну. Но если это такъ, то какимъ образомъ въ старомъ порядкѣ можетъ быть что-нибудь устойчивое, соотвѣтствующее интересамъ народа и непротивное духу времени, а въ новыхъ предположеніяхъ—незрѣлое, малообдуманное и непрактическое? Въ этомъ есть противорѣчіе. И какимъ образомъ старое уступитъ мѣсто новому вполнѣ сознательно, въ виду указанныхъ опытомъ неудобствъ, когда вся аргументація построена на противоположности интересовъ чиновничества и общества? Вѣдь если первое способно сознательно отнестись къ неудобствамъ старыхъ порядковъ, то значитъ и оно, подобно обществу, желаетъ и ищетъ добра и пользы, но только заблуждается насчетъ средствъ, которыми надѣется его достигнуть. А если такъ, то оно ничѣмъ собственно не отличается отъ общества, которое тоже желаетъ добра и пользы, но можетъ предлагать мѣры незрѣлыя, малообдуманныя и непрактическія. Гдѣ же тутъ Ормуздъ и Ариманъ? И здѣсь и тамъ — тѣ же русскіе люди, одинаково желающіе или пожалуй, не желающіе добра, и только ошибающіеся различнымъ образомъ. Кромѣ того, я нахожу комбинацію, предлагаемую г. Головачевымъ, совсѣмъ непрактичной и несбыточной. Если между чиновничествомъ и обществомъ дѣйствительно существуетъ антагонизмъ, какъ предполагаетъ г. Головачевъ, то какими путями добиться обществу контролирующаго положенія по отношенію къ чиновничеству, съ правомъ тащить его къ суду за каждую провинность? Предположить, что администрація добровольно, сама, предложитъ обществу такую роль, — это, воля ваша, черезчуръ наивно; я, по крайней мѣрѣ, на мѣстѣ администраціи, не допустилъ бы этого ни за что! Отогрѣть у себя за пазухой врага, дать ему ножъ въ руки, чтобы онъ, окрѣпши, меня со временемъ упразднилъ? Да ни за что на свѣтѣ! Разумѣется, я говорю это въ предположеніи, что чиновничество есть дѣйствительно Ариманъ, а общество — Ормуздъ. Но если между ними, какъ я убѣжденъ, никакой противоположности и вражды нѣтъ, то вопросъ поставится совершенно иначе, и управленіе посредствомъ ли коронныхъ чиновниковъ или посредствомъ выборныхъ отъ общества обратится, какъ и быть слѣдуетъ, въ вопросъ о наилучшихъ способахъ управленія у даннаго народа, въ данное время, при данныхъ обстоятельствахъ.

А. А. Головачевъ говоритъ про мои воззрѣнія: „Его взглядъ для меня не новость. Онъ всегда утверждалъ, что прежде, чѣмъ думать объ улучшеніи нашихъ учрежденій, намъ нужна выработка нашего характера, нашей нравственности, понятія о гражданскомъ долгѣ; словомъ, нуженъ подъемъ нравственнаго уровня отдѣльныхъ единицъ, такъ какъ только слѣдствіемъ такого подъема можетъ явиться улучшеніе нашихъ общественныхъ учрежденій". А г. Головачевъ „не ставитъ возможность улучшенія общественныхъ порядковъ въ безусловную зависимость отъ высоты уровня общественной нравственности и думаетъ, что всѣ перемѣны въ общественномъ быту вызываются логикою событій, причинною связью предъидущаго съ послѣдующимъ и вовсе не зависятъ отъ нравственнаго положенія общества".

Нѣтъ, Алексѣй Адріановичъ, я совсѣмъ не думаю, чтобы нечего было помышлять объ улучшеніи нашихъ учрежденій, до подъема нашего характера и нравственности; но я думалъ, и теперь продолжаю думать, что улучшеніе должно считаться съ степенью культуры и съ общественнымъ и политическимъ положеніемъ народа, какими создало ихъ прошедшее, исторія. Въ каждомъ успѣхѣ, въ каждомъ шагѣ впередъ, меня не столько интересуетъ теоретическая безукоризненность программы,—я глубоко, убѣжденъ, что такая программа, рано или поздно, неизбѣжно возьметъ свое,—сколько незыблемая прочность и безповоротность того, что дѣлается; а оно

возможна лишь тогда, когда всѣ наличные факторы и интересы будутъ приняты въ соображеніе, тщательно взвѣшены и оцѣнены. Мы слишкомъ долго витали въ облакахъ, носились съ широкими программами. Пора позаботиться о томъ, чтобы хоть сотая доля того хорошаго, что̀ задумываемъ, стала дѣйствительностью, правдой на дѣлѣ; а чтобы этого достигнуть, необходимо считаться съ тѣмъ, что̀ есть. Значитъ ли это разстаться съ идеалами, съ тѣмъ, что̀ теоретически вѣрно и правильно? Нѣтъ, это значитъ отъ мысли перейти къ дѣлу и тѣмъ усотерить силу идеала въ сердцахъ людей.

Что „всѣ перемѣны" въ общественномъ быту вызываются логикою событій, причинною связью предъидущаго съ послѣдующимъ и вовсе не зависятъ отъ нравственнаго положенія общества—это совершенно справедливо. Но какія „перемѣны"?—въ этомъ весь вопросъ. Давно уже подмѣчено и доказано, что ростъ и развитіе общества совершаются по неизмѣннымъ законамъ, какъ ростъ и развитіе любого физическаго организма. Только съ тѣхъ поръ, какъ эта истина обратилась въ несомнѣнное достояніе науки, стало возможно научное изученіе и изслѣдованіе соціальныхъ явленій. Но будемъ послѣдовательны и поведемъ этотъ взглядъ до конца. Не будемъ смѣшивать перемѣнъ съ улучшеніями, а станемъ уже тогда смотрѣть на первыя, т.-е. на перемѣны, съ чисто объективной, реальной точки зрѣнія, оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ, къ лучшему онѣ происходятъ, или къ худшему. Логика событій привела паденіе Греціи, Западной имперіи и Византіи, папства, французской монархіи, въ наше время протестантизма, англійской аристократіи и проч. и проч. Всякое соціальное явленіе есть результатъ дѣятельности всѣхъ наличныхъ факторовъ въ обществѣ въ данное время, при данныхъ обстоятельствахъ, по механическому закону равнодѣйствія силъ. Это такъ же неизбѣжно, какъ судьба, и въ этомъ заключается роковое господство логики событій, верховной вершительницы событій. Обращая все вниманіе на одну эту сторону, мы обыкновенно теряемъ изъ виду другую, — именно тѣ факторы, которые дѣйствуютъ; а въ соціальныхъ явленіяхъ такими факторами, и притомъ главнѣйшими и наиболѣе вліятельными, являются люди, которые сознательно преслѣдуютъ тѣ или другія цѣли и для ихъ достиженія измѣняютъ существующія комбинаціи фактовъ въ природѣ, въ самихъ себѣ и окружающихъ соціальныхъ явленіяхъ. Каково будетъ, въ данномъ обществѣ, большинство людей, каковы будутъ цѣли, какія они преслѣдуютъ, таковы будутъ и перемѣны въ цѣломъ обществѣ. Вотъ почему я тоже убѣжденъ, что перемѣны въ немъ, конечно, нимало не зависятъ отъ его нравственнаго положенія; но думать, будто могутъ происходить „улучшенія" общественныхъ порядковъ независимо отъ высоты уровня нравственности людей, я считаю одной изъ капитальнѣйшихъ ошибокъ и заблужденій. Благодаря этой фатальной ошибкѣ, на нравственную выработку людей не обращается ни малѣйшаго вниманія, нравственность или безнравственность мотивовъ ставится ни во что; нравственная гадливость, отвращеніе, сдержанность, скромность, нерѣшительность, внушаемыя нравственными мотивами, считаются глупостью; успѣхъ и удача, достигнутые какими бы то ни было средствами и путями, возводятся въ добродѣтель, и крикъ „горе побѣжденнымъ" обратился въ золотое правило мудрости. Безъ нравственности немыслимо улучшеніе, потому что оно, само-по-себѣ, есть нравственное понятіе. Отвлекитесь отъ нравственности — и передъ вами будетъ не улучшеніе или ухудшеніе, а только перемѣна, совершающаяся по роковымъ законамъ. Чтобы не подать повода къ недоразумѣніямъ, которыми мы захлебываемся, спѣшу прибавить, что понятія о томъ, что̀ нравственно и что̀ безнравственно, могутъ измѣняться по времени, обстоятельствамъ, степени развитія, съ успѣхами или упадкомъ знанія и культуры; но горе тому обществу, народу или вѣку, въ которомъ люди утратили чувство добра и правды, въ которомъ не оно, а какія бы то ни было другія цѣли, составляютъ задачу жизни и послѣднюю цѣль стремленій и дѣятельности, камертонъ сужденій, высшее мѣрило достоинства, успѣха, дѣла или начинанія! У такого общества, народа или вѣка, логика событій будетъ выносить одинъ за другимъ свои роковые приговоры въ осужденіе растлѣнныхъ людей, въ неотразимое доказательство невозможности правильнаго и благоустроеннаго общежитія безъ нравственной подкладки, которая составляетъ необходимую предпосылку организованной общественности.

(Вѣстникъ Европы, 1882, кн. XII).

КОЕ О ЧЕМЪ *).

I.

Какой хорошій возрастъ, какъ подумаешь,— старость! Все личное—личные запросы, требованія отъ жизни, желанія—подъ вліяніемъ охлажденныхъ лѣтъ и жизненнаго опыта, теряютъ свою принудительность и назойливость. Мысль, освобожденная отъ ихъ путъ, ясна и свободна, — свободнѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде. Нѣтъ въ ней творческаго полета, за то она вполнѣ собой владѣетъ, не поддаваясь никакимъ соблазнамъ, не сбиваясь никакими увлеченіями. Обстановка всячески способствуетъ такому состоянію ума. Требованія отъ старости гораздо снисходительнѣе, чѣмъ отъ зрѣлаго возраста. Старости прощается охотно то, что со стороны зрѣлаго человѣка вызвало бы рѣзкіе, подчасъ злобные нападки. Старикъ—чего-жъ отъ него и требовать! У него свои привычки, свои капризы, свои причудливыя странности: всему этому и быть слѣдуетъ, по его лѣтамъ. Съ старикомъ не считаются, ему не ставятъ каждаго лыка въ строку, снисходительно улыбаются на его подчасъ нелюбезныя выходки, которыя отъ всякаго другого вызвали бы цѣлую бурю. Это ли не благодатная свобода! Вы скажете, она покупается дорогою цѣною нѣкотораго пренебреженія: съ кѣмъ не считаются, на того смотрятъ не какъ на равнаго, свысока; вѣтренная молодость — и та смотритъ на стариковъ, какъ на какую-то особую породу, не удостоивая ихъ ни возраженія, ни даже досады. Но какое старости дѣло до всего этого? Она уже свела счеты съ жизнью, знаетъ, что играетъ роль свидѣтеля и наблюдателя, а не участника въ томъ, что около нея происходитъ. Ей ли принимать горячо къ сердцу почтительную снисходительность однихъ и плохо скрываемую невинную насмѣшливость другихъ! Только очень глупые старики могутъ этимъ обижаться.

И вотъ я, совсѣмъ незамѣтно для себя, написалъ цѣлую похвалу старости. Право, хорошій это возрастъ!

Нѣсколько добрыхъ пріятелей навѣщаютъ меня, порой, вечерами. Мы калякаемъ о томъ, о семъ, перебираемъ событія дня у насъ и за границей, иногда тихо бесѣдуемъ и мирно споримъ о какомъ-нибудь общемъ вопросѣ, подымаясь до самыхъ отвлеченныхъ построеній, на высотѣ которыхъ голова кружится. Проходятъ одни за другими цѣлые вечера,— пріятные, свѣтлые, но которые потому только оставляютъ хорошія воспоминанія, что проведены съ симпатичными людьми и въ хоро-

---

*) Въ декабрѣ (20-го) 1884 г. К. Д. Кавелинъ писалъ изъ Петербурга графу Д. А. Милютину:

„Зимой, за разными хлопотами, плохо работается по строгой наукѣ. Въ свободное время набрасываю рядъ статей, въ видѣ разговоровъ пріятелей, подъ заглавіемъ „Кое о чемъ", о разныхъ современныхъ вопросахъ,—о судѣ, Катковѣ, Аксаковѣ, интеллигенціи, Кохановской коммиссіи, историческомъ призваніи Россіи, классицизмѣ и реализмѣ и т. п. Если удастся выполнить какъ слѣдуетъ и какъ рисуется въ мысли, выйдетъ пикантно и подыметъ пыль столбомъ. Кто будетъ хвалить, кто нещадно обругаетъ,—но проснутся, и толковать будутъ горячо и живо. Ужъ очень всѣ погрузились въ нездоровую спячку, носы повѣсили и поддались кошемару и дурнымъ снамъ. Надо растолкать и разбудить. Хорошо было бы, еслибъ удалось,— хотя бы пришлось и своими боками поплатиться. Невелика была бы бѣда!.. Смѣйтесь, а мнѣ ужасно улыбается роль дѣвы Орлеанской. Когда все казалось погибшимъ, она твердо вѣрила, и Франція была спасена. Передъ 1612 годомъ, въ 1812 году, у насъ, казалось, все погибло; а нѣсколько крѣпкихъ характеровъ и горячихъ сердецъ, любившихъ родину, спасли народъ и государство... Какъ бы то ни было, но во мнѣ сложилось глубокое убѣжденіе, окрѣпшее въ совершеннѣйшую увѣренность, что всѣ наши бѣды происходятъ отъ повальной лѣни, малолѣтства и невѣжества. Приглядитесь, откуда эта привычка фантазировать и убаюкивать себя невѣжественными, скудоумными грезами, привычка обо всемъ и обо всѣхъ судить какъ Собакевичъ, скоро и окончательно, врать ни съ того ни съ сего, à la Ноздревъ?

„Развѣ лѣнь, дѣтство ума и невѣжество не объясняютъ, безъ остатка, всѣхъ прелестей россійской жизни? Вотъ эти наши столбы мнѣ бы и хотѣлось потрясти въ корнѣ, и если удастся, то могу умереть спокойно. Сразу ихъ не своротишь: хоть бы заставить мозгами тряхнуть—и то было бы хорошо!"

шемъ расположенiи духа. За то другiе оставляютъ глубокiй, опредѣленный слѣдъ: узнаешь то, чего прежде не зналъ; или мысль, подъ влiянiемъ спора, получаетъ новый толчокъ и совсѣмъ иное направленiе.

Такiе вечера надолго врѣзываются въ памяти. Нѣкоторые изъ нихъ я записалъ для себя. Послѣ меня эти замѣтки, по ихъ краткости, не будутъ имѣть никакого смысла. А они могли бы быть интересны и для другихъ. Потому-то я и рѣшаюсь ихъ обнародовать.

Собралось у меня какъ-то нѣсколько добрыхъ прiятелей. Въ то время городъ былъ подъ сильнымъ впечатлѣнiемъ только что оконченнаго процесса, который по необычайности преступленiя возбудилъ въ публикѣ живой интересъ. Одинъ изъ собесѣдниковъ участвовалъ въ этомъ процессѣ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, и потому разговоръ естественно перешелъ къ процессу.

— Скажи, пожалуйста,—сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, обращаясь къ бывшему присяжному засѣдателю,—какъ это вы ухитрились оправдать дѣвицу, содержательницу извощичьяго двора, которая, вмѣстѣ со своимъ работникомъ, ночью ограбила и избила извощика?

— Объ этомъ,—замѣтилъ другой собесѣдникъ,—только и разговору вездѣ; всѣ негодуютъ! Въ англiйскомъ клубѣ досталось таки вамъ! Тебя твои же прiятели чуть-чуть не называли мальчишкой, вѣтреникомъ.

— А что, эти мои благопрiятели были на процессѣ?

— Нѣтъ, они читали газеты.

— Такъ мальчишка и вѣтренникъ не я, а они. Если бы они сами были на судѣ, да хотѣли судить по доброй совѣсти, они бы тоже оправдали. Газетные отчеты по этому дѣлу были почему-то крайне неудовлетворительны и не точны. Даже вопросовъ, поставленныхъ присяжнымъ, не умѣли передать какъ слѣдуетъ.

— Да если бы упрекали только въ вѣтрености и юношескомъ увлеченiи. Богъ бы съ ними! А то газетный писака, княжескаго рода, заявилъ печатно, что оправдательный приговоръ заранѣе приготовленъ по стачкѣ между адвокатами и однимъ изъ присяжныхъ засѣдателей на прiятельскихъ обѣдахъ въ одной редакцiи. Этотъ не поцеремонился и, должно быть, судилъ другихъ по себѣ.

— Да, много толковъ по этому дѣлу въ городѣ, и, говоря откровенно, большинство васъ бранитъ; а кстати бранятъ на чемъ свѣтъ стоитъ и новые суды, и судъ присяжныхъ.

— Для меня всего непостижимѣе,—замѣтилъ одинъ изъ прiятелей,—это роль публики во время суда. Ну, положимъ, вы имѣли то или другое основанiе оправдать содержательницу извощичьяго двора,—но что же представляла эта особа такого симпатичнаго, такого внушающаго участiе, чтобы придти въ восторгъ отъ оправдательнаго приговора и такъ неистово ему обрадоваться, что предсѣдатель долженъ былъ удалить публику изъ залы суда? Какъ слышно, экспертиза психiатровъ раскрыла, что подсудимая не совсѣмъ нормальный человѣкъ. Чѣмъ же тутъ восхищаться? — Вообще, судя по тому, что слышишь и читаешь объ этомъ процессѣ, нельзя никакого толку добиться, въ чемъ же именно дѣло? Думаешь, думаешь и никакъ не сообразишься. Разскажи, пожалуйста, въ чемъ вся суть дѣла. Тебѣ, какъ очевидцу и участнику, оно должно быть ясно.

— Очень охотно. Процессъ дѣйствительно интересенъ въ высшей степени, и еще болѣе—страшно запутанъ, потому что слѣдствiе произведено какъ нельзя хуже: самыя существенныя обстоятельства остались не только не выясненными, но и не затронутыми. А между тѣмъ дѣло судилось уже во второй разъ. Много прошло времени, подсудимые томились въ заключенiи, и поправить промахи слѣдствiя было уже поздно. Адвокаты, въ интересахъ защиты, подняли вопросъ о ненормальномъ душевномъ состоянiи подсудимой, разсчитывая, что если не другiя основанiя, то это послужитъ къ ея оправданiю. Это обстоятельство значительно осложнило дѣло, придало ему какой-то фантастическiй характеръ и таинственность, сильно возбудившiе воображенiе и нервы публики. Дѣвушка, учившаяся въ гимназiи, содержитъ извощичiй дворъ, ѣдетъ ночью на грабежъ, вдобавокъ психопатка. Есть изъ чего цѣлый романъ построить! А судебное слѣдствiе показало, что она въ ночномъ грабежѣ не участвовала, лошадь продала барышнику, съ очевиднымъ намѣренiемъ не воспользоваться добычей, прiобрѣтенной грабежомъ, а чтобы какъ нибудь отдѣлаться отъ слѣдовъ чужого преступленiя. Будь при этомъ корыстная цѣль, не стала бы она продавать лошади днемъ знакомому барышнику. Благодаря крайне плохому слѣдствiю, такъ и осталось не выяснен-

нымъ, съ какою цѣлью работникъ угналъ чужія дрожки и лошадь. Что это не былъ грабежъ въ настоящемъ смыслѣ слова—въ этомъ былъ глубоко убѣжденъ не одинъ я, но и всѣ присяжные, въ числѣ которыхъ только самая малая часть принадлежала къ такъназываемой интеллигенціи; огромное ихъ число принадлежало къ трудящемуся населенію столицы, совершенно чуждому всякой тенденціозности. При такихъ-то данныхъ и состоялся оправдательный приговоръ для виновной. Психіатрическая экспертиза, въ высокой степени интересная и поучительная, занявшая большую часть судебнаго слѣдствія, для произнесенія приговора была совершенно безполезна. Она выяснила до очевидности странную психическую ненормальность подсудимой, но не имѣла на приговоръ ни малѣйшаго вліянія. Большинство присяжныхъ пропустило эту часть судебнаго слѣдствія мимо ушей. Приговоръ присяжныхъ былъ почти единогласный, несмотря на весьма смѣшанный ихъ составъ. Поэтому вы можете судить, что приговоръ не былъ дѣломъ тенденціознымъ, результатомъ отвлеченныхъ теоретическихъ соображеній, а голосомъ простого здраваго смысла въ отвѣтъ на то, что̀ выяснилось на судѣ. Вопреки всѣмъ возгласамъ англійскаго клуба, захудалыхъ газетныхъ борзописцевъ и чревовѣщателей, я остаюсь глубоко убѣжденнымъ, что приговоръ присяжныхъ по этому дѣлу былъ дѣйствительно голосомъ совѣсти, убѣжденія и здраваго смысла, —результатомъ, выведеннымъ изъ совокупности тѣхъ данныхъ, которыя обнаружены судебнымъ слѣдствіемъ. Участіе въ этомъ дѣлѣ только утвердило меня въ томъ убѣжденіи, что на здравый смыслъ русскаго народа, безъ различія ученыхъ и не ученыхъ, знатныхъ и не знатныхъ, можно положиться, когда ему предоставлено, ничѣмъ не стѣсняясь, высказать свое мнѣніе по совѣсти. Я вышелъ изъ суда, исполненный уваженія къ моимъ сотоварищамъ. А газетныя и клубныя разглагольствованія ярче, чѣмъ когда нибудь, освѣтили картину той безурядицы, хаоса, тенденціозности и лжи, сознательной и безсознательной, которая составляетъ у насъ обыденное явленіе и къ которой мы такъ пригляделись, что она насъ больше и не удивляетъ.

— Скажи же однако, пожалуйста, отчего то, что̀ ты разсказываешь, совсѣмъ иначе отражается въ публикѣ?

— Отчего? Оттого, что мы глубоко испорчены и вдобавокъ не умѣемъ думать какъ слѣдуетъ. Мы всѣ въ какомъ-то психозѣ. Если бы въ нашихъ сужденіяхъ мы искали истины и логики, развѣ мы могли бы договариваться до сотой доли тѣхъ глупостей и безсмыслицъ, какія мы ежедневно говоримъ и печатаемъ? Событія дня, важные и неважные факты, служатъ намъ не для того, чтобы выяснить истину и правду, а поводомъ и предлогомъ, чтобы проводить свои разныя, хорошія и дурныя, заднія мысли. Просто и прямо мы ни къ чему не относимся, а все съ подходцемъ, съ подковыркой. Правда— послѣднее дѣло, о которомъ мы никогда не думаемъ. Въ этомъ чаду лжи умъ нашъ развратился до мозга костей и привыкъ опираться не на данныя и аргументы, а слушается только своихъ вожделѣній. Одинъ пользуется процессомъ, чтобы охаять новый судъ, другой—чтобы защитить его и доказать, что все въ немъ обстоитъ совершенно благополучно, третій — какъ-то непостижимо умудряется видѣть въ подсудимомъ какія-то, ему симпатичныя, политическія или соціальныя тенденціи. Совершенное вавилонское столпотвореніе и смѣшеніе языковъ!

— Однако изъ твоихъ отзывовъ выходитъ, что ты новымъ судомъ вообще доволенъ?

— Далеко нѣтъ! Какъ во всемъ у насъ, люди лучше порядковъ.

— Въ какомъ это смыслѣ ты говоришь? Неужели взаправду ты думаешь, что люди у насъ чуть-чуть не ангелы, а порядки — никуда не годятся?

— Нѣтъ, людей у насъ я не считаю ангелами и въ заведенныхъ порядкахъ вижу весьма добрыя намѣренія. Но ты знаешь французскую пословицу о добрыхъ намѣреніяхъ! Наши порядки до сихъ поръ напоминаютъ европейскіе кафтаны и камзолы, въ какіе была одѣта московская сермяжная Русь въ концѣ XVII вѣка. Кафтаны и камзолы были хороши, да не по насъ они скроены.

— Вотъ ужъ этого я совсѣмъ не понимаю и отъ тебя, признаться, совсѣмъ не ожидалъ! Ты поклонникъ Петра, а говоришь, точно Аксаковъ.

— Да вѣдь Петръ жилъ полтораста лѣтъ тому назадъ, и въ его время то, что̀ онъ дѣлалъ, было хорошо и разумно; мы же усвоили себѣ его манеру, а не духъ, плетемся по открытой имъ дорогѣ рутинно, забывъ о томъ, что̀ заставило ее проложить,

и при совершенно другихъ обстоятельствахъ.

— Ну, право, что ты говоришь, такъ и пахнетъ аксаковщиной!

— Не знаю, почему это тебѣ такъ кажется. Для Петра и его предшественниковъ не было и не могло быть другихъ идеаловъ, кромѣ европейскихъ: они за нихъ и ухватились, но не слѣпо, а примѣняя къ своимъ домашнимъ потребностямъ. Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Мы кой-чему выучились, многое видали и пережили въ эти полтораста лѣтъ. Пора бы повозмужать и поумнѣть, начать жить, хоть сколько нибудь, своимъ умомъ, а мы вмѣсто того продолжаемъ, какъ при Петрѣ, только безъ всякаго разбора, запасаться новѣйшими европейскими идеалами и идти на буксирѣ Европы. Пора бы оглянуться на себя и подумать, какіе порядки намъ нужны по нашимъ обстоятельствамъ и условіямъ жизни. Для этого надо много и крѣпко подумать,—а на это, какъ ты знаешь, мы не горазды. Думать мы вовсе не умѣемъ.—Всякая мысль насъ страшитъ. Да и трудъ великій думать; а мы страшные лѣнтяи! Гораздо легче успокоиться на томъ, что другіе за насъ, хоть не про насъ, придумали.

— Какъ же все это вяжется съ нашими новыми судебными порядками?

— Да они подстрочный переводъ съ французскихъ порядковъ. Что въ нихъ ни возьми,—учрежденія прокуратуры, полная зависимость отъ нея слѣдственной части, институтъ мирового суда, педантическое формальное разграниченіе гражданской и уголовной процедуры даже въ мировой юстиціи, адвокатура, отношеніе присяжныхъ (жюри) къ суду и слѣдствію,—словомъ, весь существенный механизмъ судебной организаціи и судопроизводства построены на началахъ законодательства Наполеона I.

— Да что-жъ въ этомъ дурного? Если французскіе судебные порядки — самые лучшіе, образцовые, — такъ и хорошо сдѣлали, что ихъ приняли цѣликомъ, не мудрствуя лукаво.

— То-то и есть, что они не лучшіе и не образцовые, а скомпанованные соотвѣтственно съ потребностями Франціи, тотчасъ по выходѣ ея изъ страшной революціи. Французскіе судебные порядки насквозь проникнуты глубокою фальшью. Наполеонъ задался мыслью прибрать весь судъ и весь ходъ процесса къ рукамъ администраціи, сохранивъ за нимъ снаружи весь видъ самостоятельнаго и независимаго суда. Корсиканецъ разрѣшилъ эту задачу геніально. Разнузданный революціей „самодержавный народъ“ прибранъ къ рукамъ,—на него надѣтъ крѣпкій намордникъ, но ему приданъ видъ народныхъ свободъ; этой фальшью драпирована несамостоятельность суда, какъ при Робеспьерѣ гильотина скрашена и скрадена цвѣтами. Ни составители нашихъ судебныхъ уставовъ, ни законодатели, ихъ одобрившіе, конечно и не подозрѣвали этой стороны французскихъ судебныхъ учрежденій. Имъ и въ голову не могли придти лукавыя заднія мысли, подъ наитіемъ которыхъ создана судебная организація Франціи,—не могли придти потому, что и надобности въ нихъ у насъ не было никакой. Новый судъ не былъ насильно вырванъ изъ рукъ у власти или народа. Онъ вызванъ потребностью покончить съ застѣнкомъ и татарской расправой, изъ которыхъ русскій народъ выросъ, какъ ребенокъ выростаетъ изъ дѣтской куртки. Введеніе новаго суда было у насъ удовлетвореніемъ назрѣвшей народной потребности, и отравлять новыя судебныя учрежденія струей маскированнаго маккіавелизма вовсе не входило въ задачи ни народа, ни правительства. Еслибы мы больше думали, больше привыкли ходить на своихъ ногахъ, не побирались за мыслями у другихъ, наши новыя судебныя учрежденія не нуждались бы вовсе въ той лжи и фальши, которая въѣлась въ нихъ во Франціи. Мы хлебнули ихъ съ наивностью младенца и тѣмъ затмили ясный и свѣтлый образъ правды, который каждый изъ насъ носитъ въ своемъ сердцѣ.

— Я не совсѣмъ тебя понимаю. Ты остался доволенъ приговоромъ присяжныхъ, а судебными порядками ты, очевидно, недоволенъ. Однако, присяжные введены новыми судебными порядками, вѣдь прежде у насъ ихъ не было, а они взяты изъ той же Европы, изъ той же Франціи.

— То-то и горе, что они взяты оттуда во французской оправѣ. Наши присяжные имѣютъ всѣ условія для произнесенія правильнаго приговора. Меня поразило, какъ серьезно и добросовѣстно всѣ они безъ различія званія, общественнаго положенія и образованія относятся къ дѣлу и сколько здраваго смысла они высказываютъ при обсужденіи его обстоятельствъ. Но, благодаря французской оправѣ нашего суда присяжныхъ, они

поставлены въ весьма затруднительное положенiе, мѣшающее имъ судить, какъ слѣдуетъ. Прежде всего—они чувствуютъ себя приниженными и придавленными тѣмъ, что въ судѣ они чуть-чуть не такiе же арестанты, какъ подсудимые: идутъ они въ судъ окруженные жандармами съ саблями на-голо, ни дать, ни взять—арестанты. Каждый ихъ шагъ находится подъ строгимъ надзоромъ судебныхъ приставовъ. Отъ всего остального мiра они отдѣлены глухо-на-глухо. Изъ залы засѣданiя ихъ ведутъ обѣдать или спать подъ эскортомъ жандармовъ и судебныхъ приставовъ. Утромъ передъ засѣданiемъ ихъ точно также ведутъ подъ карауломъ прогуляться на судебномъ дворикѣ, причемъ у каждаго выхода стоитъ часовой. И если въ это время, Боже сохрани, какая-нибудь дѣвочка, ребенокъ перебѣжитъ, крадучись, изъ одной квартиры въ другую—бѣда! Полицейскiй чиновникъ, допустившiй такое преступленiе, подвергается со стороны судебныхъ приставовъ самому серьезному внушенiю. Не знаю, какъ другiе, а я чувствовалъ себя придавленнымъ и приниженнымъ въ такой обстановкѣ. Посуди на милость: я призванъ быть судьей, произнести приговоръ о виновности или невиновности, а меня трактуютъ какъ арестанта! Правда, такое унизительное положенiе смягчается въ значительной степени порядочностью, привѣтливостью и сердечнымъ прямодушiемъ судебныхъ приставовъ, о которыхъ я сохранилъ наилучшее воспоминанiе. Но я и не думаю винить людей. Фальшь и неприличiе лежатъ въ учрежденiяхъ, въ которыя они занесены изъ иностраннаго оригинала. Наполеону нужно было взять въ ежовыя рукавицы глубоко презираемый имъ peuple souverain: онъ и далъ ему судить о фактѣ, но зато трактовалъ его, этого судью, какъ каторжника. Что же, спрашиваю тебя, общаго между этимъ peuple souverain и мною и моими товарищами? Ты идешь въ судъ за арестанта, недоумѣвая, за что на тебя стряслась такая напасть.

Но это еще не все. На судѣ, слушая дѣло, присяжному позволяется знать только то, что судьи знать позволятъ. Какъ производилось слѣдствiе, что̀ при этомъ открылось, про это присяжный не знаетъ. Онъ знаетъ только то, что содержится въ запискѣ, читаемой секретаремъ, что̀ благоволитъ открыть членъ прокурорскаго надзора въ обвинительной рѣчи и что̀ скажетъ защитникъ. Но если защитникъ вздумаетъ сослаться на документъ, находящiйся въ слѣдствiи, или указать на фактъ, не попавшiй въ обвинительный актъ, то нужно еще согласiе судей на предъявленiе ихъ при судебномъ слѣдствiи, и нерѣдко случается, что предсѣдатель останавливаетъ защитника, говоря, что о томъ или другомъ онъ касаться въ своей рѣчи не имѣетъ права.

Вещественныя доказательства подбираются подчасъ также неумѣло, какъ обыкновенно производится и слѣдствiе. Я помню, на столѣ лежало бѣлье новое съ иголочки, заказанное въ одномъ модномъ магазинѣ артистомъ, который ловко съумѣлъ заполучить изъ главнаго общества россiйскихъ желѣзныхъ дорогъ многiя тысячи рублей по фальшивому документу. На эти-то деньги онъ и заказалъ себѣ бѣлье, которое красовалось на столѣ вещественныхъ доказательствъ, ни мало, понятно, не разъясняя присяжнымъ обстоятельствъ преступленiя; а дорожный мѣшокъ, въ которомъ, какъ говорилось на судѣ, были разсованы по чулкамъ и другому носильному бѣлью деньги, лежалъ пустой, такъ что никакъ нельзя было узнать, были ли деньги просто положены въ мѣшокъ или тщательно укрыты по разнымъ его мѣстамъ. Тотъ или другой способъ храненiя денегъ указывалъ бы ясно на отношенiе къ нимъ лица, обвинявшагося въ ихъ утайкѣ, а пустой мѣшокъ ничего объ этомъ не говорилъ. Положимъ, въ такомъ безцеремонномъ обращенiи съ вещественными доказательствами проглядываетъ не преднамѣренность, а нашъ россiйскiй халатъ, который торчитъ отовсюду, куда ни взглянешь. Но представь же ты себѣ положенiе присяжнаго, который долженъ по совѣсти сказать, виноватъ ли подсудимый въ преступленiи, или не виноватъ? Войди ты въ его кожу: онъ можетъ знать только то, что ему позволяютъ знать, — ни больше, ни меньше. Съ наказанiемъ, которое будетъ слѣдствiемъ его приговора, онъ не можетъ познакомиться: справиться съ уложенiемъ о наказанiяхъ ему ни за что не позволятъ. Присяжнымъ судъ задаетъ вопросы; защитникъ можетъ просить объ измѣненiи вопросовъ, значитъ, хотя и косвенно, все-таки участвуетъ въ ихъ составленiи. Присяжные и этого права не имѣютъ: они только могутъ просить разъясненiя, а вмѣшиваться въ ихъ составленiе—ни Боже мой! Можетъ ли быть что-нибудь унизительнѣе и нелѣпѣе такой постановки суда присяжныхъ! Жалуются, во-

пятъ противъ участія жюри въ судѣ и не понимаютъ, что при такой постановкѣ института присяжныхъ, случаются очевидно неправильные приговоры. Присяжные связаны по рукамъ и по ногамъ. Они не судятъ о фактѣ, о живомъ событіи, а пережевываютъ жвачку, подносимую имъ плохо произведеннымъ слѣдствіемъ, приправленнымъ благоусмотрѣніемъ суда. Прибавь къ этому устарѣлое уложеніе о наказаніяхъ, которое и смолоду-то куда какъ не было красиво, и ты поймешь, отчего я выходилъ изъ суда совсѣмъ не съ чувствомъ исполненнаго гражданскаго долга передъ людьми и совѣстью, а повѣся голову, какъ будто на этой совѣсти прибавилось новой тяжелой ноши.

А въ заключеніе, вслѣдствіе ли устарѣлаго уложенія о наказаніяхъ, вслѣдствіе ли небрежности обвинительной камеры, незнанія ею дѣйствительной жизни, или бумажнаго, формальнаго, чисто канцелярскаго отношенія къ ея явленіямъ, — но на судъ присяжныхъ попадаютъ дѣла, которыя должны бы кончиться въ мировомъ судѣ или родительскимъ назиданіемъ. Сердце переворачивается, когда во всей торжественной обстановкѣ суда присяжныхъ передъ тобой является мальчишка, который покушался взломать замокъ въ квартиру, да не смогъ и не съумѣлъ; старуха чуть-чуть не нищая, забравшаяся на чердакъ, чтобы покрасть развѣшенное тамъ бѣлье; двое ремесленниковъ, вышедшихъ изъ кабака навеселѣ и подравшихся на улицѣ изъ-за поднесенной однимъ и не поднесенной другимъ сороковки. Присяжные изъ простыхъ людей понять не могли, какъ это изъ-за такихъ пустыхъ дѣлъ ихъ приводили къ присягѣ, безпокоили прокурора, защитниковъ и судей. Шутка сказать—преданы суду съ участіемъ присяжныхъ! Такихъ обвиняемыхъ спѣшили оправдать, хотя всѣ понимали, что хвалить обвиняемыхъ и не было за что. Еслибы такой виноватый присяжному въ мировомъ судѣ попался, онъ бы его по головкѣ не погладилъ.

II.

— Я много думалъ о нашемъ послѣднемъ разговорѣ, — сказалъ одинъ изъ пріятелей, когда они снова собрались вечеркомъ. — Во многомъ ты, пожалуй, правъ, — прибавилъ онъ, обратясь къ бывшему присяжному засѣдателю;—а я все-таки порадовался, что мы были между собою, когда ты говорилъ и никто изъ постороннихъ насъ не слышалъ.

— А что-жъ была бы за бѣда, еслибы при нашемъ разговорѣ случился посторонній?

— И большая! Ты прослылъ бы врагомъ судебной реформы, и на тебя всѣ порядочные люди стали бы коситься. А Каткову пришлись бы твои слова очень по сердцу: вотъ, дескать, и порядочный человѣкъ, а и онъ что говоритъ о новыхъ судебныхъ порядкахъ!

— Чувствуешь ли ты, какая горькая иронія надъ нами и нашей логикой звучитъ въ твоихъ словахъ! Нельзя произнести надъ нашими взглядами и мыслями болѣе строгаго и презрительнаго приговора! Если я правъ, то за что станутъ на меня коситься порядочные люди, и если они могутъ на меня за это коситься, стоятъ ли они названія порядочныхъ людей! Развѣ я говорю то же, что Катковъ о новомъ судѣ? И если я думаю то же, что онъ, развѣ изъ-за одного этого я долженъ молчать?

— Ты, кажется, его не понялъ,—вмѣшался третій собесѣдникъ. — При яростныхъ и безпощадныхъ нападкахъ Каткова на судъ, вторить ему, значитъ становиться на его сторону. Посуди же самъ, какъ должны взглянуть на такое пособничество всѣ порядочные люди.

— А къ тому же,—прибавилъ четвертый,— правду сказать, довольно было бы безтактно порядочному человѣку такъ не кстати замѣчать пятна на новыхъ судахъ въ ту самую минуту, когда ихъ нещадно громитъ съ плеча такой человѣкъ, власть имѣющій, какъ Катковъ. Вѣдь это все равно, что мѣтить въ ворону, а попасть въ корову. У тебя цѣль хорошая и добрая; а изъ твоихъ словъ можетъ выйти зло и пагуба.

— Право, господа,—сказалъ бывшій присяжный засѣдатель,—мы всѣ точно умопомраченные. Разныя постороннія соображенія и политиканство такъ намъ заслѣпили глаза, что мы потеряли всякое чутье правды, забыли, что оно въ концѣ концовъ должно руководить нашими мыслями и дѣлами, что ей принадлежитъ послѣднее слово и почетное мѣсто во всѣхъ нашихъ помыслахъ и поступкахъ и въ устроеніи нашихъ общественныхъ и частныхъ дѣлъ. Змѣиная мудрость, ея первѣйшій спутникъ, помощникъ и оберегатель, превратилась въ нашихъ головахъ и сердцахъ въ рабскую трусость, въ пренебреженіе истины, въ

врага, а не друга правды. Послушать васъ—отъ слова Каткова зависитъ закрыть новые суды и открыть старые. Вмѣсто того, чтобы обсуждать дѣло по существу, вы боязливо оглядываетесь кругомъ, соображая только одно: какое дѣйствіе произведутъ ваши слова, а не думаете о томъ, что это дѣйствіе прежде и больше всего опредѣляется истиной, лежащей въ вашихъ словахъ и въ вашихъ разсужденіяхъ. Какъ малыя дѣти, вы придаете силу, вѣсъ и значеніе не логикѣ вещей, которая всегда и вездѣ на послѣдокъ торжествуетъ, а разнымъ побочнымъ обстоятельствамъ, которыя сегодня одни, а завтра другія, лицамъ, которыя мѣняются, наконецъ, слухамъ и сплетнямъ, часто идущимъ Богъ знаетъ откуда, часто изъ источниковъ мутныхъ и болѣе чѣмъ сомнительныхъ. Если вы, порядочные люди, думаете и ведете себя ни дать, ни взять, какъ когда-то держали себя крѣпостные крестьяне на сходахъ въ присутствіи барина, —то какъ же должны думать и держать себя другіе? Вѣдь вы соль земли русской; васъ слушаютъ, читаютъ, вамъ вѣрятъ, въ надеждѣ, что отъ васъ услышатъ правду, что вы поможете разобраться въ сомнѣніяхъ, уяснить каждому въ чемъ истина. А что же вы скажете путнаго, когда вы думаете не объ истинѣ и правдѣ, а какъ Блондэнъ выплясываете на канатѣ, помышляя только объ эквилибристикѣ.

— Ну, поѣхалъ на своемъ любимомъ конькѣ! —вскричали многіе изъ собесѣдниковъ.—Вѣчно ты витаешь въ заоблачныхъ пространствахъ идеализма, забывъ, что мы живемъ на землѣ, а на ней дѣла ведутся не по принципамъ и не по законамъ логики фактовъ, а помощью именно той презрѣнной эквилибристики, надъ которой ты такъ глумишься. Подъ опредѣленіемъ вѣчности можно говорить и о нравственномъ порядкѣ, и о неумолимой логикѣ фактовъ; но вѣдь они выводятъ свои формулы и произносятъ свои приговоры черезъ столѣтія, а не въ теченіе человѣческой жизни. Мы съ тобой осуждены пробавляться презрѣнной эквилибристикой. Правъ изъ насъ остается тотъ, кто навострился въ ней до виртуозности. Вотъ если бы мы имѣли возможность прожить лѣтъ триста, четыреста, или возвратиться послѣ смерти на землю лѣтъ черезъ полтораста, двѣсти,—тогда было бы другое дѣло! А теперь, какъ дѣло есть, твой взглядъ—чистѣйшая утопія, не отъ міра сего.

— Въ томъ, что вы говорите, нѣтъ и тѣни логики. Послушаешь васъ — надо не то что на жизнь думать впередъ, а только на завтрашній день, на слѣдующій часъ, и того меньше. Вѣдь если разсчетъ на вѣкъ впередъ есть по вашему пустой идеализмъ, то вѣдь и загадывать на свой вѣкъ тоже идеализмъ. Развѣ ты знаешь, сколько проживешь? Да и вообще задумывать впередъ хоть за четверть часа—тоже идеализмъ. Кто можетъ ручаться за то, что случится въ слѣдующій мигъ? Выходитъ по вашему, что задумывать впередъ нельзя ни на полсекунды, а это то же, что перестать быть человѣкомъ.

Но оставимъ это и возвратимся къ тому, о чемъ говорили. Вы, какъ будто, не вѣрите въ непобѣдимую силу правды, заключающейся въ правильной оцѣнкѣ фактовъ и положеній, и боитесь честно ее высказать. На чемъ основано это ваше невѣріе и ваши страхи? На слухахъ и разсказахъ, будто бы выходящихъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, а на самомъ дѣлѣ подслушанныхъ изъ разговоровъ въ пріемныхъ и на докладахъ у высокопоставленныхъ лицъ. Я этимъ источникамъ не придаю никакой цѣны и ровно никакого значенія.

— Ну, тебѣ, неисправимому мечтателю, и подобаетъ такъ думать,—возразили нѣсколько изъ собесѣдниковъ,—а въ дѣйствительности, на самомъ дѣлѣ громадное вліяніе Каткова на административныя сферы не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Ясныя доказательства этому видны чуть ли не каждый день! За каждой почти громовой статьей „Московскихъ Вѣдомостей“ слѣдуютъ непосредственно мѣропріятія, доказывающія, какъ высоко цѣнятся взгляды и мысли Каткова въ правительственной средѣ. Это такая сила, передъ которой или надо отступить, или, сопротивляясь ей, рискуешь быть стертымъ въ порошокъ. Поневолѣ заробѣешь и прибѣгнешь къ эквилибристикѣ.

— Я и не думаю отрицать большого вліянія Каткова въ административныхъ сферахъ, большой авторитетности его сужденій въ средѣ, имѣющей власть. Но для меня это не служитъ еще достаточнымъ основаніемъ, почему бы я, раздѣляя его мысли, не могъ прямо и открыто это высказать, изъ какой-то непонятной боязни замарать себя согласіемъ съ мнѣніемъ Каткова, и почему бы, не будучи съ нимъ согласенъ во взглядахъ, я долженъ былъ молчать, а не высказать прямо

и открыто своего взгляда на предметъ. Вѣдь Катковъ не есть высшая государственная власть въ Россіи; онъ вліятельный человѣкъ и журналистъ, создавшій себѣ такое положеніе своимъ талантомъ и заслугами; но это вовсе не значитъ, что ты, я, всѣ мы—не можемъ, въ свою очередь, получить то же вліяніе на правительственныя сферы и внушить довѣріе къ своимъ мнѣніямъ и взглядамъ.

— Ну, это не такъ легко! Тотъ же самый Катковъ позаботится о томъ, чтобы свернуть тебѣ шею, прежде чѣмъ ты выговоришь слово, если только онъ заподозритъ въ тебѣ желаніе конкурировать съ нимъ въ вліяніи и авторитетности.

— Я и не говорю, чтобы было легко, но увѣренъ, что невозможнаго въ этомъ нѣтъ ничего.

Вліяніе и авторитетъ Каткова не съ неба къ нему свалились, а пріобрѣтены имъ несомнѣнными и большими заслугами передъ родиной. До 1863 года онъ былъ такой же журналистъ, какъ всѣ другіе. Вѣсъ онъ получилъ въ административныхъ сферахъ въ 1863 году, въ годину тяжкихъ испытаній и горестныхъ увлеченій во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ. Въ то время, когда поляки дали себя обмануть несбыточными мечтами, интригами Наполеона III и происками Ватикана, а мы, русскіе, увлеченные великодушными и призрачными фантасмагоріями во всѣ стороны, растерялись и не знали, на что̀ рѣшиться, куда идти,—Катковъ вѣрнымъ чутьемъ понялъ положеніе; въ немъ сильно заговорила любовь къ родинѣ, и онъ, не колеблясь, горячо, съ искреннимъ и глубокимъ убѣжденіемъ, смѣло и рѣшительно сталъ на защиту русскихъ интересовъ и русскаго дѣла. Его голосъ нашелъ откликъ во всей Россіи, отрезвилъ умы, настроилъ расшатанное общественное мнѣніе и тѣмъ далъ твердую опору государству въ самую критическую минуту. Вотъ его великая заслуга, которая никогда не забудется! Съ тѣхъ поръ имя Каткова окружено ореоломъ, который заставилъ забыть всѣ прежнія его ошибки и объясняетъ въ глазахъ правительства разные его недостатки, подчасъ весьма непріятнаго свойства. Каткову многое прощается, потому что онъ нашелъ въ своемъ умѣ и сердцѣ рѣшимость и мужество въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ и опасныхъ минутъ нашего государственнаго и народнаго существованія. На капиталъ, который онъ тогда пріобрѣлъ, онъ и получаетъ до сихъ поръ невещественные и вещественные проценты. Когда опасность миновала, и подвигъ былъ имъ совершенъ, онъ оказался такимъ же журналистомъ, какъ и всѣ другіе. Мнѣнія, которыя онъ высказывалъ по разнымъ внутреннимъ вопросамъ, ни прежде, до 1863 года, ни послѣ не выдавались ничѣмъ особеннымъ. Та же непрактичность, то же незнаніе Россіи и ея исторіи и народнаго быта, то же незнакомство съ политическими и юридическими науками, отличаетъ Каткова, какъ и всю русскую прессу. Всѣ мы ходимъ въ туманѣ, ощупью, наугадъ, и обыкновенно очень легко, неумѣло, сплеча рѣшаемъ самые животрепещущіе глубокіе и сложные вопросы. Но Каткова слушаютъ, а насъ нѣтъ, потому что онъ имѣетъ заслуги, а мы нѣтъ.

— Однако ты къ Каткову очень пристрастенъ. Какъ мы не имѣемъ заслугъ? Развѣ помимо его не поднято и не обсуждалось безчисленное множество русскихъ вопросовъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, съ гораздо бо̀льшимъ знаніемъ дѣла, основательностью и умѣніемъ, чѣмъ Катковъ? Развѣ русская пресса не предсказывала дурныхъ послѣдствій разныхъ мѣръ, внушенныхъ или поддерживаемыхъ Катковымъ,—послѣдствій, которыя оправдались на дѣлѣ? Не ея вина, что къ ея голосу не прислушивались, а давали предпочтеніе тому, что̀ говорилъ Катковъ!

— Да вѣдь я и не говорю, что Катковъ былъ правъ, а остальная пресса не права. Я только хочу объяснить тебѣ, почему его мнѣнія оказались авторитетнѣе. Вы ищете причины въ какихъ-то закулисныхъ интригахъ, въ какихъ-то не понятныхъ къ нему пристрастіяхъ, а дѣло очень простое. Связи, личныя отношенія, авторитетъ—Катковъ пріобрѣлъ оказанной имъ въ свое время дѣйствительной заслугой передъ русскимъ народомъ и государствомъ. Когда всѣ шатались и ползли врознь, онъ стоялъ твердо, какъ скала.

— Когда же остальная пресса шаталась? Вѣдь и Аксаковъ тоже ни минуты не шатался!

— Какъ Аксаковъ, и мы не шатались. Но у него между строками читался земскій соборъ, у насъ—проекты государственныхъ уставовъ и хартій... Посреди самыхъ грозныхъ событій и зловѣщихъ тучъ на политическомъ горизонтѣ, Катковъ говорилъ, что̀ надо дѣлать сейчасъ, сію минуту, чтобы выйти изъ тяжелаго положенія, и говорилъ

сильно, убѣдительно, горячо, а мы и съ нами Аксаковъ уносились въ ширь и даль, поднимая вопросы, надъ которыми можно и должно думать въ спокойное время, па просторѣ, и о которыхъ надо забыть въ ту минуту, когда домъ горитъ.

— Изъ твоихъ словъ выходитъ, что всякая попытка поколебать безусловное довѣріе къ Каткову—напрасный трудъ, и намъ, не раздѣляющимъ его мнѣній, остается только покориться своей злой участи, быть вѣчно въ опалѣ?

— Нѣтъ, этого я вовсе не говорю. Я думаю, что всякое мнѣніе, хотя бы и не согласное съ Катковымъ, будетъ выслушано съ довѣріемъ и не останется безъ вліянія, если только оно будетъ высказано спокойно, съ знаніемъ дѣла, безпристрастно и безъ всякихъ заднихъ мыслей, которыя читаются между строками и невольно внушаютъ предубѣжденіе противъ того, кто ихъ высказываетъ. Мы сами, точно будто нарочно, умаляемъ значеніе того, что̀ говоримъ, заставляя предполагать въ своихъ словахъ ни вѣсть какіе замыслы, враждебные государству и русскому народу. Мы точно разучились писать и говорить прямо и просто, что̀ думаемъ. Чтожъ мудренаго, что насъ считаютъ за тайныхъ злоумышленниковъ, когда мы сами добровольно придаемъ себѣ такой видъ? Разъ, что мы сами выбьемся изъ заколдованнаго круга, въ которомъ безъисходно вертимся, наше положеніе совсѣмъ измѣнится. А Катковъ своими ошибками самъ намъ въ этомъ поможетъ.

— Катковъ поможетъ?! Да какъ же это можетъ быть! Катковъ стоитъ крѣпко, какъ скала, господствуя всесильно въ прессѣ; а въ доброй его волѣ топить остальную печать и держать ее вѣчно въ черномъ тѣлѣ, и ты, конечно, ни минуты не сомнѣваешься!

— Вы такъ оторопѣли и перетрусили, что не замѣчаете самыхъ простыхъ фактовъ, бьющихъ въ глаза. Назовите мнѣ хоть одинъ вопросъ, о которомъ бы Катковъ разсуждалъ спокойно и безпристрастно, какъ слѣдуетъ старому и опытному публицисту. Ни до 1863 года, который его кстати выручилъ, ни послѣ до нашихъ дней, онъ ни въ чемъ не заявилъ себя знающимъ Россію государственнымъ человѣкомъ, понимающимъ наши дѣла, наше положеніе, наше прошедшее. Нигдѣ и ни въ чемъ не видно и слѣдовъ зиждительной творческой мысли, выведенной изъ глубокаго пониманія нашей прошедшей жизни, нашего настоящаго, и прозрѣнія въ наше вѣроятное, ближайшее будущее. Какъ всѣ мы, Катковъ пробавлялся и пробавляется европейскими идеалами, примѣняя ихъ, рѣдко впопадъ, къ мало извѣстной намъ, въ томъ числѣ и ему, русской средѣ. Онъ, какъ и мы, ходитъ въ лѣсу и въ потемкахъ, прикрывая тяжкія недоумѣнія и скудость ясной творческой мысли рѣшительностью и рѣзкостью тона. Онъ не разсуждаетъ, не убѣждаетъ, а вѣщаетъ, запугивая необузданностью пера и нимбомъ авторитета колеблющихся и трусовъ, съ такими же путанными идеями, каковы и его. Въ старину бывало много такихъ генераловъ и директоровъ департаментовъ: чуютъ они, что въ ихъ командѣ что-то неладно, а что̀ неладно и отъ чего, этого они не знаютъ и не понимаютъ. И вотъ, выбравши удобный случай, являются они въ свою часть съ громами и молніями, придираются къ мелочамъ, обрушиваются всею тяжестью своего начальническаго гнѣва на какіе-нибудь пустяки, на неповинныхъ и безвредныхъ людей—мелкую сошку, сотрутъ ихъ въ порошокъ словами, а подвернется кто въ несчастную минуту, и съ свѣта сживутъ. Доки же, настоящіе дѣльцы и заправилы, притаясь и показывая испуганный и озабоченный видъ, въ душѣ ухмыляются, зная и понимая, что Юпитеръ-громовержецъ самъ ничего не смыслитъ, не вѣдаетъ, гдѣ раки зимуютъ, и остаются совершенно спокойными, что до нихъ, настоящей причины зла и безпорядковъ, онъ никогда не доберется. Катковъ очень самонадѣянъ, и что ни годъ, тѣмъ становится наглѣе. Онъ, самъ того не замѣчая, роетъ себѣ яму, въ которую провалятся и его авторитетъ, и его вліяніе, нажитые, повторяю, несомнѣннымъ талантомъ, умомъ и заслугами. Наступаетъ у насъ великое время, которое потребуетъ не крикуновъ, не чревовѣщателей, а людей съ глубокимъ знаніемъ родины, со спокойною и ясною мыслью, скромныхъ, терпѣливыхъ, знающихъ мѣру вещей и умѣющихъ забывать свои личные стремленія и счеты изъ-за пользы дѣла и родины.

— Ну, до этого великаго времени еще очень, очень далеко! Мы и наши дѣти успѣемъ истлѣть въ могилѣ съ косточками, пока оно наступитъ, а до тѣхъ поръ Катковъ по прежнему будетъ властвовать и всѣхъ насъ держать въ осадѣ.

— Если мы останемся такими же, какіе и теперь,—такъ все и будетъ, какъ есть. И подѣломъ! По заслугѣ каждому и честь. Только не говорите мнѣ, что на наши головы бѣда стряслась недуманно-негаданно. Мы сами во всемъ виноваты, и пока мы этого не поймемъ и не сознаемъ, все будетъ идти въ старой колеѣ.

III.

Въ слѣдующій вечеръ, когда пріятели снова собрались, разговоръ опять склонился на ту же тему.

— Однако ты,—замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ тому, который считалъ возможнымъ внушить довѣріе къ противникамъ Каткова,—великій мечтатель! Неужто ты думаешь въ заправду, что отъ торжества Каткова или его противниковъ можетъ произойти ни вѣсть какое благополучіе для хода нашихъ дѣлъ? Пора убѣдиться, что то ли мнѣніе возьметъ верхъ или другое въ административныхъ сферахъ—положеніе дѣлъ отъ того нисколько не перемѣнится. Довольно мы пожили на своемъ вѣку, чтобы увѣриться въ этомъ собственнымъ горькимъ наблюденіемъ. На нашей памяти были времена и жесткія, суровыя, были времена либеральныя, теперь мы, говорятъ, въ реакціи,—а дѣла между тѣмъ идутъ все хуже и хуже, жить становится труднѣе, умы и характеры какъ-то мельчаютъ, думы все напрашиваются нерадостныя, бодрость духа и надежды на лучшее тускнѣютъ и изсякаютъ.

— Невольно думается, — прибавилъ другой,—что мы сдѣлали все, что̀ были способны сдѣлать, и ничего лучшаго создать не можемъ. Ни одному изъ славянскихъ племенъ не удалось состроить большого и могучаго государства; насъ, русскихъ, на это хватило, но только на это. Дальше мы, кажется, и неспособны идти.

— Посмотри кругомъ: кромѣ Турціи, которая разваливается, всѣ другія государства —Швеція, Данія, Германія, Австрія, Сѣвероамериканскіе Штаты, даже Японія — обновляются, идутъ впередъ, устраиваются у себя лучше и лучше. Однимъ намъ, кажется, суждено купаться безъ толку въ родномъ хаосѣ и безурядьи, не подвигаясь ни на шагъ впередъ. Какъ было до Петра при московскихъ царяхъ, какъ было послѣ Петра, то же продолжается и по сей день.

— Да, не на веселыя мысли наводитъ наше положеніе,— сказалъ четвертый.—Того и гляди, придетъ Бисмаркъ съ своими полчищами, да и подѣлаетъ изъ насъ нѣмецкія провинціи. Все у него къ этому прилажено и прилаживается съ каждымъ днемъ все больше и больше. Ну, что̀ ты на все это скажешь?

— Сказать я имѣю много и очень много, да не знаю съ чего начать. За васъ, повидимому, говоритъ практика, дѣйствительность. Но я думаю — я глубоко убѣжденъ, что вы смотрите на вещи очень въ упоръ, рутинно, что вы мало знаете русскую исторію, что вы не умѣете читать между строками въ книгахъ и газетахъ, что вы крайне поверхностно судите о томъ, что̀ у насъ было и есть. Оттого вы не умѣете оцѣнить нашего теперешняго положенія и смотрѣть прямо и бодро впередъ.

— Вотъ софистъ! — вскричали собесѣдники.— Ушелъ въ свои мечты и, какъ ребенокъ, принимаетъ ихъ за жизнь, за дѣйствительность. На крыльяхъ фантазіи можно занестись Богъ вѣсть куда! Но падать съ высоты въ неприглядную правду жизни — куда какъ тяжело и горько! Тебя послушать — можно убаюкивать себя золотыми грезами. Но вѣдь это грезы!

— Положимъ, я фантазеръ, ну и вы, что же вы такое? Вы хотите понять настоящее и на немъ одномъ построить взглядъ на русскую дѣйствительность, не оборачиваясь назадъ и не заглядывая впередъ; вы сравниваете насъ въ настоящее время съ тѣмъ, что̀ теперь есть въ Европѣ и Америкѣ, не справляясь съ тѣмъ, что̀ было въ этой самой Европѣ прежде, и какъ она дошла до теперешняго своего положенія; въ ней вы видите только блестящія стороны и не хотите видѣть темныхъ; развѣ это не такое же фантазерство? Вѣдь, чтобы судить правильно, надобно отступить отъ предмета, видѣть его въ цѣломъ, схватить его пропорціи: тогда только можно и понимать предметъ и дѣлать изъ сравненія правильные выводы.

Еслибы европейцы, разсуждая о своихъ дѣлахъ, смотрѣли на нихъ такъ же, какъ вы смотрите, они, вѣроятно, пришли бы къ выводамъ еще болѣе безотраднымъ, чѣмъ вы. Но они поступаютъ иначе. Мы вотъ русской исторіи почти не знаемъ, или знаемъ ее, какъ школьники и малыя дѣти, а они изучили свою вдоль и поперекъ, во всѣхъ

малѣйшихъ подробностяхъ, и потому даже въ самыя скорбныя минуты судятъ объ ней, какъ зрѣлые люди, а не, подобно намъ, поребячески.

— Благодаримъ за любезность! Европейцы, вѣроятно, не отзываются о себѣ, какъ ты о насъ. Что-жъ! Твое счастье, что наперекоръ всѣмъ ты умѣешь надѣяться и сохранять бодрость духа, когда всѣ кругомъ тебя повѣсили носы и боятся заглянуть въ будущее. Тебѣ можно позавидовать, но это еще не значитъ, чтобы ты былъ правъ въ своихъ надеждахъ и мечтаніяхъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что фантазеры притомъ больные, разслабленные—вы, а не я!

— Такъ ты хочешь насъ увѣрить,—сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ,—что у насъ все обстоитъ совершенно благополучно и что мы, какъ корабль, быстро несемся по волнамъ исторіи?

— Нѣтъ, увѣрять васъ въ этомъ было бы безсмысленно. Но я не понимаю взгляда въ упоръ, не понимаю добровольнаго закрытія глазъ на то, что̀ совершается, вслѣдствіе неправильной точки зрѣнія, коренящейся въ привычкахъ ума, а не выведенной изъ самой жизни и дѣйствительности.

— Что̀ ты говоришь, сильно отзывается общимъ мѣстомъ. Въ твоихъ словахъ какой-то туманъ, которымъ такъ любитъ Аксаковъ сдабривать свою рѣчь.

— Скажи на милость, можешь ли ты указать хоть одну минуту во всемірной исторіи, когда хоть на одной точкѣ земного шара все обстояло совершенно благополучно? Стало быть, объ этомъ и говорить нечего! Стало быть, весь вопросъ въ томъ, какъ люди относятся къ тому, что около нихъ совершается, какъ они принимаютъ событія. Мы въ этомъ отношеніи являемся совершенными дѣтьми, несмысленными,—хуже того—рабами и пресмыкающимися.

— Нельзя сказать, чтобы ты намъ льстилъ! Чѣмъ же мы въ твоихъ глазахъ провинились?

— А тѣмъ, что мы, хватая звѣзды съ неба, считая себя стоящими выше всѣхъ насъ окружающихъ интеллигенціей и знаніемъ, не умѣемъ мыслью господствовать надъ событіями, понимать настоящую мѣру вещей, а склоняемся въ прахъ передъ минутой, теряемъ бодрость и силу духа и потому совершенно безсильны и ничтожны. Посмотрите кругомъ, сколько нужды, страданія, лишенія, неудачъ и горя! Однако огромная масса изо дня въ день борется съ невзгодами, умѣетъ вытерпѣть бѣду, приладиться къ обстоятельствамъ, ищетъ, какъ бы найтись въ трудныхъ обстоятельствахъ, выжидаетъ благопріятной минуты и перебивается въ нуждѣ. А нужда бываетъ крутая, тяжелая! И живутъ люди изъ года въ годъ, имѣя порой и свои радости. Мы же совсѣмъ теряемся въ сѣрые и темные дни, оказываемся вовсе безпомощными и никуда не годными. Ты мнѣ скажешь: иное дѣло житейская нужда, иное — заботы высшаго просвѣщеннаго ума, неудовлетворенныя требованія просвѣщенной мысли? Но вѣдь весь вопросъ заключается въ отношеніяхъ человѣка къ окружающему міру; и эти отношенія могутъ быть совершенно одинаковыя и въ средѣ простыхъ людей, и въ средѣ интеллигенціи. У тѣхъ мелкія нужды, у тебя заботы—высшаго порядка. Я требую, чтобы ты относился къ вопросу, который тебя тревожитъ, такъ же бодро и дѣятельно, какъ простые люди къ своимъ мелкимъ нуждамъ и невзгодамъ; а этого-то и нѣтъ. Ты мнѣ, можетъ быть, возразишь, что простой нуждѣ легче удовлетворить, и потому она не такъ обезкураживаетъ, какъ тѣ черныя тучи, которыя отовсюду заволакиваютъ горизонтъ мыслящихъ людей. Это въ моихъ глазахъ не больше, какъ самомнѣніе. Пропорціи, отношенія здѣсь и тамъ—одни и тѣ же. Но если ты хочешь примѣровъ бодраго дѣятельнаго отношенія къ великимъ невзгодамъ интеллигентныхъ людей, обратись къ исторіи. Сколько разъ въ нашемъ прошедшемъ бывали тяжелыя невыносимыя времена, не идущія съ нашимъ ни въ какое сравненіе,—однако тогдашніе высшіе умы не впадали въ постыдную робость, какъ мы теперь, мужественно переносили самыя тяжкія бѣды и работали мыслью, отыскивая корни зла и способы, какъ отъ него отдѣлаться. Вспомните только періодъ татарскаго ига. Казалось, все пропало, а лучшіе люди того времени не потеряли головы и не сробѣли, когда было отчего потеряться и упасть духомъ: медленно, издалека, осторожно подготовляли они возрожденіе родины, передавая изъ поколѣнія въ поколѣніе завѣтную мысль, и таки добились до возрожденія русскаго государства. Вспомните разгромъ Москвы въ концѣ XVI вѣка. И тогда все казалось потеряннымъ навсегда; однако тогдашняя интеллигенція не преклонилась передъ суровой дѣйствительностью, искала исхода и нашла

его. На нашей памяти первый полководецъ въ мірѣ опрокинулся на насъ соединенными войсками всей Европы: еслибы тогдашніе люди были сколько-нибудь на насъ похожи, имъ оставалось бы только лечь и умирать; но прочтите отзывы современниковъ, припомните разсказы отцовъ, свидѣтелей великой эпохи. Они не сробѣли, не пали духомъ, мужественно встрѣтили удары рока и вынесли на своихъ плечахъ бурю, которая, казалось, должна была уничтожить и обратить въ прахъ. Признаюсь, обращаясь мыслью къ прошедшему, вспоминая разсказы старыхъ людей, я краснѣю за себя да и за васъ.

. . . .*)

Спб., 1884.

*) На этомъ мѣстѣ прерывается рукопись.

ИЗЪ ДНЕВНИКА

(1857 г.)

Во вторникъ, 13 (25) августа 1857 года пріѣхалъ я въ Дармштадтъ, въ часъ 40 минутъ пополудни, а въ 3 часа явился къ князю Долгорукову. Врожденная ли подозрительность или дѣйствительно такъ, но мнѣ показалось, что князь, при видимомъ благорасположеніи, на самомъ дѣлѣ питаетъ ко мнѣ нехорошія чувства. Встрѣчая, онъ назвалъ меня старымъ знакомымъ (по комитету), но вслѣдъ затѣмъ спросилъ, какъ меня зовутъ по имени и по отчеству, и спросилъ довольно неучтиво. По свойственной мнѣ неловкости, я и въ Дармштадтъ пріѣхалъ самымъ неудобнымъ образомъ, т.-е. въ день имянинъ великаго герцога. Князь Долгоруковъ спѣшилъ къ обѣду, обѣщалъ доложить о моемъ пріѣздѣ императрицѣ, прибавивъ, что она меня сегодня (25) едва-ли приметъ, потому что обѣдаетъ и проводитъ часть вечера съ великимъ герцогомъ гдѣ-то за городомъ. Потомъ Долгоруковъ объявилъ, что завтра (26) онъ ѣдетъ въ Майнцъ, провожать ея императорское высочество, великую княгиню Елену Павловну, т.-е. посадить на пароходъ, для отправленія въ Кёльнъ, и потомъ воротится опять. Не вытерпѣла его душа, сталъ онъ разспрашивать, что̀ и какъ рѣшено объ имѣніи великой княгини: полную свободу она полагаетъ дать мужикамъ, или только улучшить ихъ положеніе?—Полную.—И съ землею?—Съ землею. Какъ же они будутъ выплачивать? Банку и работами? Не будетъ ли сложно?—Едва-ли. Впрочемъ, великая княгиня совѣтовалась съ помѣщиками тамошними, гдѣ ея имѣніе, и они одобрили,—и потомъ все еще провѣрится на мѣстѣ, потому что великая княгиня дѣйствуетъ крайне осторожно.—Когда великая княгиня уѣхала изъ Вильдбада?—Въ воскресенье.—Гдѣ же она была до сихъ поръ?—Въ Баденѣ.—Вы конечно останетесь здѣсь, сколько государынѣ будетъ угодно?—Само собою разумѣется.—Такъ мы съ вами еще потолкуемъ о проектѣ великой княгини, такъ какъ это дѣло всѣхъ насъ крайне близко касается.—Такъ разговоръ кончился. Мнѣ показалось, что князь Долгоруковъ заранѣе не расположенъ къ проекту великой княгини и можетъ быть къ ней самой. Большого расположенія къ себѣ я тоже не замѣтилъ. Онъ показался мнѣ человѣкомъ очень хитрымъ; только нѣкоторыя подергиванія усами и движенія рта ему измѣняютъ.

Отъ князя Долгорукова я отправился къ фрейлинѣ государыни, А. Ѳ. Тютчевой, къ которой, по счастью, имѣлъ письмо отъ фрейлины великой княгини Елены Павловны. До сихъ поръ не могу довольно благословить счастливый случай, благодаря которому я могъ благовиднымъ образомъ сдѣлать Тютчевой визитъ и настаивать на свиданіи съ нею. Придя къ ней отъ князя Долгорукова, я не засталъ ее дома и обѣщалъ придти черезъ часъ, т.-е. въ началѣ пятаго. Я надѣялся успѣть въ этотъ промежутокъ пообѣдать, но самымъ неприличнымъ образомъ, особливо для перваго раза, просчитался. Обѣдъ поспѣлъ къ пятому, я проглотилъ чашку чаю въ половинѣ 6-го. Лакей во дворцѣ намекнулъ мнѣ на мою неточность и объявилъ, что А. Ѳ. Тютчева будетъ дома часовъ въ 8 и что позднѣе $8^1/_2$ быть у нея невозможно. Съ горя я отправился въ Людвигсгѣе, насладился всевозможными восхитительными

панорамами и въ самомъ началѣ 9-го явился во дворецъ. Не прошло десяти минутъ, какъ меня встрѣтила маленькая особа, съ голосомъ искусственно тихимъ, съ тою привычкою внѣшней сдержанности, за которою придворная жизнь скрываетъ все—и хорошее и худое. Я извинился. Мнѣ убійственно-спокойно дали извиниться до конца и прибавили, что уже прежде 4-хъ должны были отправиться съ высокими дѣтьми за городъ. Я истолковалъ эту прибавку въ свою пользу, т.-е. въ смыслѣ ненужности моихъ извиненій.

Послѣ первыхъ вопросовъ, довольно равнодушныхъ и незначительныхъ,—напр., когда я уѣхалъ за границу, давно ли оставилъ Москву и проч.,—разговоръ началъ принимать понемногу болѣе и болѣе откровенный характеръ, такъ что наконецъ онъ сдѣлался необыкновенно интереснымъ, и я жалѣлъ, что онъ въ десятомъ прекратился. Слѣдить за всѣми его изгибами въ послѣдовательномъ порядкѣ нѣтъ никакой возможности. Постараюсь только передать бумагѣ существенные его результаты и важнѣйшія подробности. Я могъ замѣтить, при вынужденной воздержанности, дѣйствительную и искреннюю благонамѣренность. Къ ея высочеству великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ есть, кажется, искреннее благорасположеніе за готовность дѣлать пожертвованія для великихъ и благородныхъ цѣлей, не говоря объ уваженіи къ большому уму. Разспрашивали подробности о проектѣ освобожденія. (Любопытно, что между прочими вопросами, мнѣ былъ сдѣланъ такой: вы ѣздили лечиться въ Вильдбадъ? Это напоминаетъ мнѣ вопросъ графа Киселева, сдѣланный въ Вильдбадѣ: что, вы здѣсь пьете воды?) Кажется, опредѣленной мысли объ этомъ предметѣ нѣтъ, но есть честное сочувствіе къ самому дѣлу. Моя искренняя любовь къ Россіи, мое серьезное и добросовѣстное разумѣніе дѣла, которое предстоитъ съ назначеніемъ преподавателемъ къ наслѣднику, кажется понравились очень, ибо послѣ первыхъ словъ объ этомъ мнѣ предложено остаться ужинать и разговоръ продолжился. Откровенность дошла до произнесенія слова camarilla, которая мѣшаетъ всему и оттѣсняетъ отъ трона всѣхъ честныхъ и мыслящихъ людей. Между прочимъ, меня спросили, что̀ я думаю: сдѣлаетъ ли что-нибудь Муравьевъ для мужиковъ? Прежде чѣмъ я могъ сообразиться, губы мои невольно и неожиданно произнесли: ничего не сдѣлаетъ. Потомъ, спохватившись, я тотчасъ же прибавилъ: потому что нужна большая опытность, чтобы разрушить систему; притомъ Муравьевъ, сколько мнѣ извѣстно, хотѣлъ править государственными крестьянами какъ удѣльными, а это опасное предпріятіе, потому что мнѣ извѣстно лично, отъ многихъ государственныхъ крестьянъ, что даже бѣдные изъ нихъ не желаютъ быть богатыми удѣльными, а не желаютъ потому, что удѣльные—крѣпостные.

— Считаете ли вы нашихъ крестьянъ въ теперешнемъ видѣ способными къ свободѣ?

— Считаю и убѣжденъ, что безъ нея и безъ возстановленія во всей силѣ общиннаго начала и безъ уменьшенія вмѣшательства чиновниковъ въ крестьянскія дѣла намъ предстоитъ большая опасность, ибо мы искусственно раздражаемъ народъ, спокойный теперь и смирный. (Изъ ея словъ видно, что въ Россіи недовольство большое, частныя возстанія крестьянъ усиливаются; подавляются они страшно жестокимъ образомъ).

Изъ этихъ немногихъ указаній видно, какъ откровенно шелъ разговоръ. Я изложилъ всю свою политическую доктрину съ жаромъ, съ убѣжденіемъ. Всѣ ли мои мысли были раздѣляемы,—не знаю, но многія безъ сомнѣнія, и это было видно.

Относительно будущихъ моихъ обязанностей разговоръ былъ для меня въ высшей степени пріятенъ и отраденъ. Я ставилъ вопросъ такъ: призваніе мое не только лестно для моего самолюбія, выгодно въ матеріальномъ отношеніи,—но что̀ гораздо всего этого важнѣе—это поприще такое, на которомъ я служу Россіи и призываюсь къ участвованію въ будущихъ ея судьбахъ. Чѣмъ важнѣе постъ—тѣмъ онъ и отвѣтственнѣе. А это меня и пугаетъ страшно, такъ что теперь уже почти раскаиваюсь, что согласился на предложеніе. Чѣмъ съ бо̀льшимъ участіемъ мыслящіе люди радуются моему назначенію, тѣмъ больше мужество меня покидаетъ; ибо что̀ мнѣ предстоитъ? Предубѣжденія, интриги, при которыхъ нельзя сказать ни того, ни другого, ни третьяго. И пойдешь битой дорогой: сначала—маленькая уступка, въ надеждѣ, что за то этимъ купишь право дѣлать великія дѣла; потомъ другая уступка все съ тою же благородною цѣлью. И такъ уступка пойдетъ за уступкой, пока мало-по-малу все отдашь и ничего не сдѣлаешь. Останутся выгоды, честь, почетъ въ глазахъ большинства и горькое разочарованіе и вѣроятно

презрѣніе со стороны людей мыслящихъ и благонамѣренныхъ. Такой измѣны отечеству я дѣлать ни въ какомъ случаѣ не намѣренъ, и если убѣждусь, что ничего сдѣлать не могу —уйду прочь и погружусь въ ту же почетную и почтенную неизвѣстность и ничтожество, изъ котораго случайно вышелъ. На это мнѣ сказано, что къ наушничеству, интригамъ и проискамъ всякаго рода я долженъ быть готовъ заранѣе, что теперь все вокругъ крайне негодуетъ за это назначеніе, какъ прежде негодовали за назначеніе Титова, что Титовъ искренно, неутомимо, долго работалъ надъ тѣмъ, чтобы меня назначили преподавателемъ, и когда это сдѣлалось, былъ счастливъ какъ ребенокъ, что ему это удалось; что государь согласился на мое назначеніе совершенно сознательно и будто бы говорилъ императрицѣ (которая и передала А. Ѳ.): „Я знаю, что объ немъ говорятъ дурно; но знаю, почему такъ объ немъ говорятъ, и вслѣдствіе этого не придаю этимъ разсказамъ никакого значенія". Этимъ, по словамъ государыни, объясняетъ государь то, что онъ, несмотря на слухи, согласился на мое опредѣленіе безъ возраженій, тотчасъ же.

Какъ же,—возразилъ я,—государыня говорила Титову, что предубѣжденія противъ меня есть?

— Она ихъ ожидала.

— Какъ же государь приказывалъ Вяземскому наблюдать за мною при чтеніи лекцій въ университетѣ?

— Это, можетъ быть, было прежде. Впрочемъ, я не знаю что̀ и какъ, но вотъ вамъ слова императрицы, которая мнѣ это передала при разговорѣ объ васъ—и конечно не для того, чтобы я пересказала вамъ.

Я благодарилъ ее очень искренно за моральную поддержку, которую давали мнѣ ея слова. Имѣя на своей сторонѣ Титова и не имѣя противъ себя предубѣжденій государя и государыни, работать можно и можно посильную приносить пользу.

Затѣмъ разговоръ натуральнымъ образомъ склонился на мысль Титова устроить для наслѣдника аудиторію изъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, которые бы, вмѣстѣ съ нимъ, слушали у меня курсъ. А. Ѳ. Тютчева противъ этой мысли. Я старался ей объяснить, что подобная мѣра отчасти дѣйствительно обезоружила бы враговъ, отнявъ у нихъ способъ клеветать; отчасти повредила бы урокамъ, поставивъ меня въ невозможность многое сказать наслѣднику, что̀ я сказать ему *обязанъ*, и нравственно мѣшая мнѣ поставить себя въ отношеніи къ нему въ положеніе наставника, а не будущаго подданнаго; ибо мнѣ нельзя будетъ въ присутствіи другихъ требовать многаго, изъ боязни возбудить въ немъ естественную щекотливость и самолюбіе и тѣмъ навсегда расхолодить его къ себѣ, а слѣдовательно и къ наукѣ, которая въ эти лѣта отъ наставника не различается. Г. Тютчева очень соглашалась со всѣмъ этимъ и просила меня все это откровенно сказать императрицѣ; но я замѣтилъ, что это было бы не честно передъ Титовымъ, который мнѣ объ этомъ говорилъ, и я тогда съ нимъ соглашался и пришелъ къ другому заключенію уже послѣ. Поэтому мы условились, что я буду говорить объ этомъ съ Титовымъ.

А. Ѳ. Тютчева выразилась тоже противъ мысли Титова ввести въ программу воспитанія наслѣдника слушаніе университетскаго курса въ Москвѣ. Но съ этимъ я не могъ согласиться, и старался ее убѣдить, что университетскій курсъ дастъ наслѣднику возможность выйти изъ оранжереи, въ которой ихъ держатъ взаперти, поставитъ его лицомъ къ лицу съ жизнью и живыми людьми и придастъ ему популярность, безъ которой нельзя обойтись.

Вотъ первый день въ Дармштадтѣ! Каково-то будетъ завтра и что̀ оно скажетъ. Такъ серьезно дѣло и такъ громадна отвѣтственность, подъ страхомъ потерять репутацію и честь, что я твердо рѣшился: поставить условіемъ право отказаться отъ преподаванія (подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, хоть бы самымъ для меня не лестнымъ), въ томъ случаѣ, если по причинамъ, во мнѣ заключающимся, или отъ меня не зависящимъ, я убѣждусь, что ничего сдѣлать не могу или нельзя. Не могу также не вспомнить съ особенною радостью и утѣшеніемъ словъ г-жи Тютчевой о томъ, какъ судитъ обо мнѣ государь; ибо—если это она говоритъ справедливо—я могу вполнѣ отдаться своему призванію и дѣйствовать по совѣсти, не имѣя въ головѣ заботы: какъ бы пріобрѣсти въ мнѣніи государя право гражданства. А эта забота одна сама по себѣ можетъ парализовать все нравственное вліяніе преподаванія, разъединяя силы, которыя всѣ должны быть направлены къ достиженію одной цѣли.

14 (26) августа.—Слѣдующія еще подробности вчерашняго разговора заслуживаютъ

вниманія. Послѣ того какъ разговоръ сталъ оживляться и начались откровенности, А. Ѳ. Тютчева меня спросила: „Dites moi, Monsieur, pourquoi est-ce qu'on Vous appelle un rouge?“ Я отвѣчалъ: „Parce que ceux qui m'appellent ainsi sont ce qu'ils sont. Au reste je ne me defends pas. Vis-à-vis de leurs idées je suis un ultra-rouge et désire rester tel pour toujours“. Кромѣ того, при разговорѣ объ эмансипаціи г-жа Тютчева замѣтила, что между владѣльцами богатыми есть люди искренно желающіе добра мужикамъ, и назвала Бобринскихъ. Я сказалъ, что петербургскихъ не знаю, а что тотъ, который имѣлъ исторію съ Шевыревымъ, далеко не искренній любитель мужиковъ, составилъ жидовскій проектъ эмансипаціи и жидовски трактуетъ крестьянъ; что такіе же жидовскіе проекты эмансипаціи составлены князьями Черкасскимъ и Голицынымъ; добросовѣстные и честные проекты—Самарина и Кошелева.

Наконецъ любопытно, что А. Ѳ. Тютчева настаивала, чтобы я совершенно откровенно высказалъ всѣ свои мысли императрицѣ. Поводомъ служилъ впрочемъ разговоръ о воспитаніи наслѣдника. Я благодарилъ и сказалъ, что меня уже объ этомъ предупреждали въ Вильдбадѣ, но что мнѣ очень пріятно слышать и отъ нея подтвержденіе того же совѣта, которому не премину въ точности послѣдовать.

14 (26) августа, вечеромъ.—Настроенный вчерашнимъ разговоромъ, я проснулся въ пять часовъ и не могъ больше заснуть. Въ воображеніи я стоялъ передъ императрицей, и потоки словъ, убѣдительныхъ, рѣзкихъ, откровенныхъ, такъ и лились, такъ и лились... Эту нѣсколько горячечную настроенность весьма прозаически расхолодило время. Цѣлое утро я провелъ у себя въ комнатѣ, въ мучительномъ ожиданіи, но напрасно. Пробилъ часъ, колокольчикъ приглашалъ къ обѣду, и я отчасти раздосадованный ушатомъ холодной воды, вылитой на мою голову, одѣлся и спустился въ общую комнату. Такое рѣшительное ко мнѣ невниманіе, вслѣдствіе котораго я былъ вынужденъ сидѣть въ душной комнатѣ съ 5-ти утра до часа пополудни, было для меня необъяснимо. Вѣроятно, думалъ я, это дѣлается, чтобы я не возгордился, или не хотятъ показать передъ другими вида, что спѣшатъ познакомиться. Послѣ я узналъ, что всѣ эти предположенія были несправедливы. Сегодня ввечеру отправляется курьеръ въ Петербургъ, и потому государыня занималась корреспонденціей.

Послѣ обѣда, когда я наслаждался музыкой у бывшаго моего студента, состоявшаго при здѣшнемъ посольствѣ г. Сидоровича, явился дежурный отъ князя Долгорукова и возвѣстилъ мнѣ, что его сіятельство изволитъ просить меня къ себѣ въ половинѣ шестого. Я исполнилъ желаніе это въ точности, но прождалъ князя ровно часъ. Въ половинѣ 7-го князь вошелъ въ залу, гдѣ я ждалъ, объявилъ, что былъ задержанъ во дворцѣ—что дѣйствительно было такъ, потому что я видѣлъ какъ онъ возвращался—и извинившись, предложилъ мнѣ сдѣлать вмѣстѣ прогулку по окрестностямъ Дармштадта. Я былъ уничтоженъ такою любезностью.

Прогулка началась, какъ и слѣдовало ожидать, разсказами о томъ, какъ князь съѣздилъ въ Майнцъ къ ея императорскому высочеству, великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, какъ ея высочеству этотъ знакъ вниманія былъ пріятенъ, какъ вмѣстѣ и князю было пріятно быть угоднымъ ея высочеству, по тому чувству, которое онъ къ ней питаетъ, и потому, что многимъ ей обязанъ. Затѣмъ разспросы о подробностяхъ проекта эмансипаціи, а наконецъ разнаго рода вопрошенія о томъ, что я думаю о необходимости скораго рѣшенія этого вопроса, объ опасности затянуть его, о возможности разрѣшить объ немъ печатать и не лучше ли будетъ предложить вопросъ на обсужденіе дворянства по губерніямъ, опредѣливъ главныя начала, которымъ правительство желаетъ слѣдовать въ разрѣшеніи вопроса. Шефъ жандармовъ снизошелъ до того, что хвастался передо мною миролюбіемъ и кротостью жандармеріи! Я отъ души ему поддакивалъ въ послѣднемъ пунктѣ и самымъ энергическимъ образомъ старался увѣрить, что онъ поступаетъ весьма разумно, потому-что политическихъ страстей нѣтъ въ Россіи, не исключая и Польши. Мнѣ показалось, что эти торжественныя увѣренія произвели на него впечатлѣніе, потому что онъ послѣ къ нимъ возвращался. Воззрѣнія его на разные вопросы и предметы крѣпостного права я не могъ раздѣлить и спорилъ съ нимъ, хотя безъ заносчивости, почтительно и скромно. Соображая всѣ его разсужденія, я готовъ назвать его благонамѣреннымъ въ этомъ дѣлѣ; но обидно, что голова его, какъ дурной желудокъ, варитъ худо, вяло и даже не перевариваетъ; какая-то упрямая

тупость мѣшаетъ этому человѣку до конца посмотрѣть на дѣло какъ слѣдуетъ. Кошелева и Самарина онъ почему-то особенно не любитъ. Судя по его словамъ, они выказываютъ большую нетерпѣливость тотчасъ же все сдѣлать. Но эта нетерпѣливость—общая, и чѣмъ она отличается отъ моей—я понять не могу. Вообще разговоръ былъ странный и нелѣпый. Человѣкъ, подозрѣваемый въ разныхъ враждебныхъ замыслахъ, можетъ быть и даже весьма вѣроятно, пристально надзираемый тайною полиціей, сидитъ въ коляскѣ съ главнымъ шефомъ жандармеріи и прогуливается. On lui fait les honneurs,—этотъ самый тайный надзиратель, который пускается въ самые задушевные разговоры, касаясь съ большою откровенностью важнѣйшихъ и деликатнѣйшихъ вопросовъ современности, сохраняетъ важный видъ, приличную гордость, почти высокомѣріе. Результатъ разговоровъ —нуль, что-то крайне неясное и поверхностное, такое, о чемъ даже нельзя сказать, что̀ оно. Вотъ совершенное подобіе цѣлаго нашего внутренняго положенія. Напрасно искать будемъ ключа къ этой загадкѣ. Самое вѣроятное, что она его вовсе и не имѣетъ. Между прочимъ, князь Долгоруко̀въ мнѣ объявилъ, что государыня приметъ меня завтра 15 (27) августа, послѣ обѣдни, часу въ 1-мъ. Впрочемъ, окончательно это узнается завтра.

Что же значила эта безтолковая и безтактная прогулка и эти нелѣпые разговоры? Думая и передумывая, я вывожу два слѣдствія. Во-первыхъ, прогулка быть можетъ предложена вслѣдствіе внимательности государыни, желавшей, чтобы я взглянулъ на окрестности Дармштадта; самъ князь конечно бы этого не придумалъ. Въ мысли прокатиться по окрестностямъ есть извѣстная деликатность, къ которой я считаю князя рѣшительно неспособнымъ въ отношеніи ко мнѣ; а разговоры, чуть-чуть не требованіе совѣта по такому важному дѣлу, какъ эмансипація, имѣютъ въ моихъ глазахъ большую важность; или государь произнесся какъ-нибудь выгодно о моемъ проектѣ, или по крайней мѣрѣ объ основаніяхъ проекта; или, можетъ быть, они подозрѣваютъ или знаютъ, что мнѣ, можетъ быть, выпадетъ въ этомъ вопросѣ болѣе или менѣе дѣятельная роль. Какъ ни дерзко это предположеніе, но оно только и объясняетъ сколько-нибудь то странное и неловкое положеніе, въ которое сталъ ко мнѣ добровольно князь Долгоруковъ.

Завтра! Что̀ будетъ завтра!

15 (27) августа. Обдумавъ ночью странную прогулку и разговоры вчерашняго дня, я пришелъ вотъ къ какому окончательному заключенію. Очевидно, государь настоятельно требуетъ эмансипаціи, и окружающіе его видятъ, что дѣлать нечего, почему и стараются какъ-нибудь отклонить рѣшительныя дѣйствія. Усиливающіяся частныя возстанія крестьянъ, о которыхъ говорила мнѣ А. Ѳ. Тютчева и самъ князь Долгорукій, даютъ вѣсъ нашему мнѣнію и дискредитуютъ камарилью. Что-нибудь такое есть, я въ этомъ убѣжденъ. Надобно видѣть, съ какимъ замѣтнымъ неудовольствіемъ князь Долгоруковъ сходитъ передо мною съ высоты главнаго начальника жандармеріи и вообще великаго человѣка. Даромъ этого быть не можетъ.

15 (27) августа.—Въ 11 часовъ утра фельдъегерь объявилъ мнѣ, отъ имени князя Долгорукова, что государыня приказала мнѣ быть у ея величества въ за̀мкѣ въ часъ пополудни. Наконецъ, я представлюсь.

Безъ четверти часъ я уже былъ въ за̀мкѣ. Сердце билось очень сильно. Храбрыя фразы, полувосторженный тонъ, которымъ онѣ должны бы произноситься, даже откровенныя мысли, которыя еще поутру должны были, казалось, невольно вылетѣть изъ груди,—все это исчезло. Я чувствовалъ себя самымъ жалкимъ изъ смертныхъ, робко оглядывалъ свою шляпу, свои перчатки, при малѣйшемъ шорохѣ въ сосѣдней комнатѣ убѣгалъ на ципочкахъ въ амбразуру окна и мучился мыслью, а что, если я какъ-нибудь спотыкнусь, или неловко поклонюсь, или скажу, по привычкѣ, Altesse Imperiale, вмѣсто Majesté.

Въ пять минутъ 2-го вышелъ изъ кабинета императрицы Кочубей (сынъ Аркадія) съ женою, а черезъ пять минутъ я вошелъ въ кабинетъ. Смущенію моему не было мѣры. Къ счастью, императрица была въ другой комнатѣ; черезъ нѣсколько секундъ она вышла и самымъ ласковымъ образомъ пригласила сѣсть. Въ крошечной комнатѣ, гдѣ я былъ принятъ, господствовалъ совершенный мракъ, потому что стора была спущена. Императрица сидѣла спиною къ окну, и потому разглядѣть ее было тѣмъ труднѣе. Притомъ я сидѣлъ отъ ея величества довольно далеко. Несмотря на то, я могъ замѣтить, что императрица, къ удивленію моему, столько же была смущена и сконфужена, сколько и я. Она не находила словъ, сбивалась въ вы-

раженіяхъ; голосъ нѣсколько рѣзкій и сухой, которымъ выражались самыя благосклонныя и откровенныя мысли и фразы, находился съ ними въ нѣкоторомъ противорѣчіи и доканчивалъ общее впечатлѣніе застѣнчивости и робости. Смущеніе доходило до того, что посрединѣ разговора императрица что-то хотѣла сказать, остановилась и потомъ, приложивъ палецъ ко лбу, сказала: „что же я хотѣла сказать“ (по-французски,—весь разговоръ шелъ на французскомъ языкѣ). Бывали и паузы въ нѣсколько минутъ; императрица видимо старалась припомнить что-то — и не могла. Эта способность конфузиться на тронѣ мнѣ внушила хорошія чувства къ императрицѣ и расположила къ откровенности. Я ощущалъ доброжелательство, къ которому примѣшивалось чувство сожалѣнія и какое-то горькое предчувствіе. Намѣренія и чувства, безъ сомнѣнія,—самыя лучшія, но въ мысляхъ видна нетвердость, неясность, нерѣшительность, которыя характеризуютъ жертву событій, а не владычицу ихъ. Во всѣхъ разсужденіяхъ, запечатлѣнныхъ пассивностью, я читалъ страшную судьбу, которая ожидаетъ эту честную и добрую женщину. Въ движеніяхъ ея мало граціозности и та-же застѣнчивость; лобъ выражаетъ посредственность, глаза свидѣтельствуютъ о скрытности; кажется, въ нихъ можно прочитать и способность къ злобѣ. Разбирая подробно свои впечатлѣнія, я нахожу въ нихъ больше состраданія, чѣмъ симпатіи, больше уваженія, чѣмъ любви.

Но болѣе лестнаго для самолюбія не могло со мною ничего произойти. Свиданіе продолжалось часъ съ четвертью. Оно началось тѣмъ, что государыня посадила меня, изволила выразить, что ея императорское высочество, государыня великая княгиня Елена Павловна осталась довольна моею работою. Я замѣтилъ на это, что я былъ только редакторомъ чужихъ мыслей и что великая княгиня, понимая всю важность этого дѣла, обставила его самыми свѣдущими людьми, отчасти мнѣніемъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Съ этого начался разговоръ и продолжался до конца, все о свободѣ крестьянъ. Императрица входила во всѣ подробности, какъ мнѣ казалось, чтобы показать мнѣ, что ей предметъ извѣстенъ. Потерявъ мало-по-малу робость и чувствуя всю важность разговора, всю обязанность, лежавшую на мнѣ,—говорить правду, я позволилъ себѣ возражать, настаивать на нѣкоторыхъ мысляхъ. Рѣзкость и одушевленность рѣчи подавляли съ одной стороны инстинктивное чувство, что это не найдетъ живого сочувствія, а съ другой—та пассивная печаль и безсиліе передъ громаднымъ вопросомъ, которыя проглядывали во всѣхъ разсужденіяхъ государыни. Самою рѣзкою мыслью съ моей стороны было, — такъ по крайней мѣрѣ мнѣ кажется, — замѣчаніе на мысль, выраженную императрицей, что аристократія не желаетъ освобожденія и что съ нею нельзя же разорвать. У меня на языкѣ было: „удалите ихъ и поставьте на ихъ мѣсто другихъ“. Но въ этой простой формѣ я побоялся выразить свою мысль и потому, подумавъ, сказалъ: „En Russie il n'y a d'aristocrate que celui qui parle avec l' empereur et pendant qu' il lui parle“. Въ другомъ случаѣ, когда императрица снова возратилась къ мысли о сильномъ сопротивленіи, я позволилъ себѣ замѣтить: „Не кажется ли сопротивленіе больше, потому что на него правительство смотритъ сверху и не видитъ, что дѣлается снизу, т.-е. смотритъ на все съ голосу ближайшаго къ престолу кружка“. Къ числу рѣзкостей должно отнести то, что я разсказалъ, какъ Закревскій (не называя его) дѣлалъ выговоръ предводителямъ дворянства, повторявшимъ слова императора; что я косвенно упрекалъ правительство за нерѣшительность и противорѣчія на каждомъ шагу. Самое рѣзкое въ разговорѣ императрицы было, что государь давно думаетъ объ эмансипаціи; что это его постоянная, задушевная мысль. Мало того, что государыня это сказала;—въ одну изъ паузъ, она, подумавъ, снова возвратилась къ этому, безъ особеннаго повода, и снова почти тѣми же словами повторила, что эмансипація давнишняя задушевная мысль государя. Такъ категорически это было высказано, что я догадываюсь: не для того ли это сказано, чтобы я повторилъ при случаѣ. Жду новаго свиданія съ Тютчевой, чтобы спросить ее, какъ я долженъ понимать это, очевидно, умышленное повтореніе такой важной мысли.

Впрочемъ, я былъ въ полномъ смыслѣ слова уничтоженъ тою внимательностью, деликатностью и откровенностью, съ которыми веденъ разговоръ. Такъ говорятъ только съ человѣкомъ, котораго любятъ, уважаютъ и въ котораго честь и благородство безусловно вѣрятъ. Императрица не только выслушивала мнѣнія политическія и общія, довольно рѣзкія

по содержанію или по формѣ, но выражала свои мнѣнія. Ни тѣни оскорбительнаго напоминанія не только словомъ, но мимикой или молчаніемъ, что позволяю себѣ слишкомъ много, — я не замѣтилъ. И сердце и самолюбіе мое остались въ высшей степени удовлетворенными, и нравственно — могу сказать безъ лести,—государыня стояла совершенно въ уровень съ предметомъ разговоровъ. Мое маленькое *я* удовлетворено безъ мѣры. И откуда, не понимаю, вдругъ взялось столько ко мнѣ довѣрія, вниманія и милости? Но, что касается до самаго дѣла, т.-е. до эмансипаціи, то изъ разговора я убѣдился, что это дѣло проигранное. На него смотрятъ литературно, т.-е. съ точки зрѣнія общихъ мѣстъ, подъ которыми мирно будутъ уживаться гр. Киселевъ съ Муравьевымъ и кн. Гагаринъ съ Кошелевымъ. Пока сильная рука не подберетъ всего и все не поведетъ къ одной цѣли настойчиво и энергически, дѣло будетъ компрометироваться полумѣрами, колебаніями и можетъ повести къ горестной и страшной развязкѣ. Этого не будетъ только развѣ россійскій Богъ и въ этомъ спасетъ насъ, какъ спасалъ, вопреки насъ самихъ, во многихъ другихъ случаяхъ.

Въ половинѣ третьяго государыня сказала: „Et nous n'avons pas encore parlé du principal sujet. Mais à présent il est trop tard. Я всталъ. Государыня спросила о томъ, что̀ я намѣренъ дѣлать, свободенъ ли я, когда и куда намѣренъ отправляться, когда долженъ быть въ Петербургѣ. Я отвѣчалъ, что обязанъ представить великой княгинѣ работу, которую не успѣлъ кончить, и для этого поѣду въ Остенде, оттуда чрезъ Лейпцигъ, Дрезденъ и Берлинъ въ Россію къ 1-му сентября, и что я въ полномъ распоряженіи ея величества. Выслушавъ это, императрица сказала: „И такъ, вы здѣсь останетесь, и мы еще увидимся“. Я былъ спрошенъ также, видѣлъ ли я университеты и говорю ли по-нѣмецки.

Продолжительное свиданіе съ государыней мигомъ узналось. Ввечеру я получилъ приглашеніе къ Лабенскому и провелъ у него вечеръ. Принятъ я былъ съ самою очаровательною внимательностью. Къ несчастью, по причинѣ этого приглашенія я не могъ быть у Тютчевой, которая, часъ спустя послѣ того, какъ я далъ слово, прислала просить меня къ себѣ пить чай. Это тѣмъ досаднѣе, что сегодня, 16—28 августа, она кажется ѣдетъ въ Jugenheim. Государыня отправляется туда въ 10-ть часовъ утра. Стало быть сегодня еще я вѣроятно пробуду въ Дармштадтѣ.

Само собой разумѣется, что я никому ни слова не говорилъ о томъ, что̀ составляло предметъ бесѣды. Государыня извѣстна какъ образцовая мать, и это представляетъ отличную тему для вымышленнаго разговора на тотъ случай, когда невозможно отдѣлаться абсолютнымъ молчаніемъ. Я думаю сдѣлать одно только исключеніе—въ пользу Тютчевой, тѣмъ болѣе, что безъ ея совѣта мнѣ обойтись невозможно.

Не могу не прибавить слѣдующія еще подробности. Изъ разговора съ государыней я могъ замѣтить, что она питаетъ хорошія чувства къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и съ большимъ участіемъ смотритъ на ея предпріятіе освободить своихъ крестьянъ, совершенно раздѣляя мнѣніе, что дѣйствіе нравственное будетъ огромное.

16 — 28 августа. — Сегодня въ 7 часовъ князь Долгоруковъ потребовалъ меня къ себѣ къ 8-ми часамъ утра. О причинѣ я отчасти догадывался; государыня приказала мнѣ пріѣхать въ Jugenheim, завтра къ 11-ти часамъ утра, безъ ордена и медали, въ черномъ жилетѣ и галстукѣ. Эта аудіенція будетъ послѣдняя, и затѣмъ я отправлюсь изъ Дармштадта. Князь Долгоруковъ имѣлъ неловкость извиниться, что не можетъ дать мнѣ экипажа, и предложилъ нанять коляску, съ тѣмъ, что мнѣ будутъ заплачены издержки. Что̀ это такое: глупость, или желаніе меня унизить? Когда я это выслушивалъ, вошелъ Гартманъ, докторъ императрицы. Долгоруковъ просилъ меня подождать въ залѣ, прибавивъ, что имѣетъ мнѣ еще что-то сказать; но когда Гартманъ вышелъ, князь Долгоруковъ меня отпустилъ, не сказавъ ничего. Я ожидалъ разспросовъ о вчерашнемъ разговорѣ съ государыней и приготовился отвѣчать. Но ничего подобнаго не было. Государыня, какъ я узналъ отъ него и отъ Лабенскаго вчера, была нездорова, когда со мною разговаривала.

Отъ князя Долгорукова я рѣшился, несмотря на ранній часъ, пройти къ А. О. Тютчевой, извиниться за вчерашнюю неудачу и главное провѣдать о томъ, что̀ и какъ мнѣ дѣлать. Но она была уже при дѣтяхъ или у императрицы — не знаю. На мою радость она не ѣдетъ въ Югенгеймъ, слѣдовательно

по всѣмъ вѣроятіямъ я съ ней увижусь еще сегодня вечеромъ.

За обѣдомъ мнѣ разсказывали, что Олсуфьевъ, узнавъ о моемъ назначеніи, которое сдѣлалось помимо и безъ вѣдома его, пришелъ въ ужасъ и написалъ князю Долгорукову письмо, въ которомъ выразилъ, что подобный выборъ sera la perdition du jeune prince. Князь доложилъ это письмо государынѣ, которая на это ничего не сказала. — Рѣшено, что кромѣ нихъ никто не смѣетъ приближаться къ трону; государь, настоящій и будущій и всѣ во вѣки вѣковъ—должны быть исключительно въ ихъ рукахъ, дышать ихъ воздухомъ, жить ихъ мыслями.

Къ А. Ѳ. Тютчевой, на бѣду мою, пріѣхалъ сегодня ея братъ, Петерсъ, Петерсонъ, не знаю именно. Вѣроятно поэтому она меня къ себѣ не пригласила. Я отправился къ ней самъ собою въ 8 часовъ. Оказалось, что уѣхала съ братомъ только что. Такое горе! Говорили мнѣ, что завтра она пріѣдетъ въ Jugenheim. Авось либо успѣю переговорить съ ней тамъ.

Франкфуртъ, 17 (29) августа.—Въ 9 часовъ утра я катилъ по дорогѣ въ Jugenheim; голова была какъ въ туманѣ отъ всего, что со мною происходило. Разговоръ долженъ былъ идти о моихъ занятіяхъ въ качествѣ воспитателя. Я къ этому разговору приготовился и вѣрилъ добродушно, что политическій экзаменъ оконченъ. Оказалось, что онъ только начинался.

Въ половинѣ 11-го я стоялъ уже съ почтительнымъ видомъ передъ княземъ Долгоруковымъ. Онъ прелюбезно со мной раскланялся, спросилъ благополучно ли я доѣхалъ и, отправивъ записку къ императрицѣ о моемъ пріѣздѣ, пустился со мною въ бесѣду. По ея тону я видѣлъ, что мои акціи стоятъ высоко. Князь Долгоруковъ жаловался на министерство народнаго просвѣщенія, что оно выставляетъ на показъ III-е отдѣленіе какъ притѣснителя. Хвалился опять кротостью жандармеріи, чему я искренно поддакивалъ; очень плоско разсуждалъ объ усиліи министерства осмѣять взяточниковъ, увѣряя, что если чиновники не явные грабители, то и то слава Богу; жаловался на высокопоставленныхъ особъ, что онѣ провозятъ тайно Искандеровы изданія въ Россію и распространяютъ, что сочиненія Искандера опасны, потому что въ нихъ много правды. Въ заключеніе предупреждалъ меня, чтобы я съ осторожностью ввозилъ Искандеровы творенія въ Россію, чтобы не попасться, а провезя, чтобы не распространялъ ихъ. Это напомнило мнѣ 1849 г., когда всѣ безъ изъятія высокопоставленныя лица, не исключая самого государя, уговаривали всѣхъ и даже другъ друга быть какъ можно осторожнѣе, какъ будто бы какая-то высшая сила, а не они же сами, карали неосторожныхъ. На жалобы князя Долгорукова, что литература не представляетъ ничего серьезнаго, я не могъ утерпѣть и замѣтилъ, что осужденная на полную безгласность она отучилась говорить; а между тѣмъ есть же и теперь статьи дѣльныя и зрѣлыя,—плодъ разрѣшенія писать, даннаго такъ недавно.

Послѣ подобныхъ разговоровъ князь Долгоруковъ положилъ передо мною книжку „Современника“ за августъ, прочитавъ напередъ ея заглавіе, потомъ отправился къ другому столу, вынулъ послѣдніе журналы русскіе и предложилъ мнѣ пересмотрѣть ихъ, пока онъ будетъ писать. (Любопытна статья въ „Отечественныхъ Запискахъ“ — августовская книжка,—Тернера о крестьянскомъ вопросѣ. Она составлена въ дурномъ направленіи, но нельзя не радоваться ей въ томъ смыслѣ, что она показываетъ, что о крестьянскомъ вопросѣ можно писать и довольно откровенно. Вотъ чего теперь нужно намъ)!

Наконецъ, наступила половина 12-го,—время, назначенное для пріема, и я отправился. Вышелъ въ половинѣ второго. Собственно о воспитаніи говорено было не очень много, главное потому, что я въ самомъ началѣ разговора объявилъ, что, не зная его высочества лично, не могу составить себѣ яснаго понятія о томъ, какъ приняться за дѣло... Я высказалъ, что искусственное, оранжерейное воспитаніе, которое получаютъ дѣти государя, есть ихъ гибель, отчуждая ихъ отъ народа; выразилъ необходимость знакомить ихъ съ дѣйствительной жизнью, съ народными особенностями, учить понимать нужду и страданія, безъ которыхъ ничего хорошаго не бываетъ на свѣтѣ; говорилъ о необходимости ѣздить по Россіи, а не смотрѣть на нее сквозь призму двора и Петербурга; предупреждалъ, что съ полгода я ничего замѣтнаго не ожидаю отъ нашихъ занятій; что мнѣ нужно столковаться о подробностяхъ съ Титовымъ; что первое и главное, чтобъ наслѣдникъ меня полюбилъ, безъ чего ничего не будетъ; а съ другой стороны, чтобы онъ видѣлъ во мнѣ не нанятаго господина, а на-

ставника; затѣмъ категорически высказалъ, что если, по какимъ нибудь причинамъ, дѣло на ладъ не пойдетъ, я считаю обязанностью заранѣе выговорить себѣ право отказаться, потому что во что бы то ни стало надобно, чтобы наслѣдникъ былъ хорошо воспитанъ. Дѣло воспитанія государыня понимаетъ отлично, умно, благородно и достойно женщины. Она понимаетъ лучше, чѣмъ Титовъ. Особенно настаиваетъ на томъ, чтобы внѣдрены были въ наслѣдника принципы, противъ чего вооружается Титовъ; требуетъ, чтобы его высочество былъ ознакомленъ не только съ русскими учрежденіями—недостаточными какъ замѣтила государыня—но и съ иностранными, которыми горизонтъ юнаго слушателя расширится; императрица находитъ, что поѣздки по Россіи наслѣдника ни къ чему не поведутъ, потому что все-таки ему не покажутъ настоящую Россію. (Замѣчательно, что это мысль государя, который называетъ такія путешествія des rêves et des utopies. Видно государь замѣтилъ кое-что, чего ему и не показывали); слѣдовательно лучше пожить гдѣ нибудь внутри Россіи нѣсколько времени, вдали отъ двора. Съ этимъ замѣчаніемъ нельзя было не согласиться. Впрочемъ, государыня одобряла мои мысли. Спросила также: какъ я думаю о томъ, чтобы преподавать его высочеству въ присутствіи другихъ сверстниковъ. Я сказалъ, что не смѣю ничего сказать, прежде чѣмъ переговорю съ Титовымъ, съ которымъ я вполнѣ соглашался, а теперь, обдумавъ, нахожу возраженіе. Видно было, что ея величество была предупреждена объ этомъ фрейлиной Тютчевой, потому что совершенно съ этимъ согласилась, замѣтивъ, что мысль Титова имѣетъ много за и противъ себя, и что она принадлежитъ ему, а не ей. Я спрашивалъ о характерѣ и способностяхъ наслѣдника. Изъ отвѣтовъ осторожныхъ я извлекъ мало надежды: характеръ недовѣрчивый, geringschätzend (собственное выраженіе императрицы), холодный. Къ тому же мало развитія. Стало быть, трудности неимовѣрныя, и если не полюбитъ, то честь и долгъ велятъ отказаться. Государыня на это замѣчаетъ, qu'il ne faut pas se rebuter vite. Безъ сомнѣнія такъ! Ибо равно постыдно и безчестно имѣть видъ дѣлающаго, ничего не дѣлая, и рыцарствовать, когда отечество требуетъ службы и самопожертвованія полнаго, безъ заднихъ мыслей. Любопытно признаніе, что Титовъ не внушилъ наслѣднику любви и довѣрія къ себѣ. Что-то изъ всего этого выйдетъ? Невольно беретъ раздумье и нѣкоторый страхъ. Вотъ кажется, все существенное о воспитаніи. Несправедливо было бы сказать, чтобы эта часть разговора была второстепенною, но она заняла относительно меньше времени, потому что я самъ еще хорошенько не знаю, что̀ буду дѣлать, какъ начну, и не имѣю понятія о его высочествѣ. Какіе же могутъ быть теперь разговоры о воспитаніи? Я предупредилъ, что мѣсяцъ, два, буду только знакомиться, стараться войти въ довѣріе, вести къ тому, чтобы меня полюбили. Императрица совершенно вошла въ эти мысли.

Объ остальныхъ предметахъ разговора я не знаю, что̀ и сказать: я не могу говорить болѣе откровенно, если бы хотѣлъ. Самое начало разговора расположило меня къ полной откровенности. Государыня была на балконѣ и читала „Колоколъ", когда я вошелъ. Почти первыя ея слова были выраженія негодованія противъ Герцена, по поводу этого чтенія. Какой онъ долженъ быть дурной человѣкъ! Вы его знали?—Зналъ.—Читали вы его „Колоколъ"?—Второго номера не читалъ еще. —Это ужасно, что̀ онъ пишетъ! И государь выпросилъ ему прощеніе, благодаря этому доброму Жуковскому!—Я не вытерпѣлъ и замѣтилъ, что Герцена погубило правительство незаслуженными преслѣдованіями. Разговоръ перешелъ къ его біографіи, которую я разсказалъ, выставляя сколько было можно, что онъ могъ бы быть полезенъ для Россіи, если бы его не ожесточили, и прибавилъ, что онъ любитъ Россію и не враждебенъ нынѣшнему правительству. Привелъ его слова: „десять лѣтъ крѣпости и право жить въ Россіи", и другія: „готовъ дать подписку ничего больше никогда не писать, только чтобы жить въ Россіи". Къ сожалѣнію, государыня поняла мои слова, какъ будто бы я хотѣлъ сказать, что правительство могло бы утилизировать *теперь* Герцена; но я поспѣшилъ выразиться точнѣе; предать его я однако не хотѣлъ, и указывая на то, что мнѣнія Герцена не раздѣляются въ Россіи, прибавилъ, что онъ заблуждается, что ненависть есть тоже своего рода любовь, и что онъ только человѣкъ ожесточенный, не сладившій съ своимъ самолюбіемъ, а не злонамѣренный.

Не знаю, желала ли императрица замять этотъ разговоръ, потому что онъ былъ ей непріятенъ, или въ самомъ дѣлѣ этотъ раз-

говоръ былъ случайный и уже пора было перейти къ дѣлу, т.-е. къ плану воспитанія,— только государыня изволила сказать: „Впрочемъ, займемся же главнымъ предметомъ". Такъ начался разговоръ о воспитаніи, приведенный мною выше. Онъ шелъ, переплетаясь тысячами вставокъ, общими разсужденіями. Государыню поразило и кажется не понравилось мое замѣчаніе, что эра революцій прошла и что наступаетъ другая эпоха. „Не отрицаю возможности переворотовъ, сказалъ я, но убѣжденъ, что идеи, потрясавшія міръ въ основаніяхъ его, потеряли свою ѣдкость и односторонность и потому не могутъ имѣть прежней силы". Можетъ быть, ея величество подумала, что я имѣю поползновеніе софизмомъ и ложью снискать ея благорасположеніе и довѣріе. Но если въ чемъ я могу ошибаться и быть въ заблужденіи, то въ этомъ я совершенно правъ, и время покажетъ, что высказанная мною мысль не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Главныя мысли, которыя я проводилъ съ большимъ жаромъ, съ большою откровенностью, были слѣдующія: революціи неизбѣжны, когда правительства ничего для народовъ не дѣлаютъ и слѣпо отдаются ближайшимъ своимъ совѣтникамъ, привилегированнымъ классамъ. Революціи всегда выражаютъ справедливое требованіе, но опираясь на ошибочную теорію, которая есть прямой результатъ непризнанія народныхъ потребностей. Таковы ученія о свободѣ, о равенствѣ, наполнившія исторію послѣдняго времени кровью. Если бы правительства и аристократіи сами добровольно дали права и оказали народу справедливость,— народъ не возненавидѣлъ бы правительствъ и аристократій. Поэтому—не вѣрьте, что сильный говоръ и громкое выраженіе неудовольствія—дурной знакъ. Напротивъ, до наступленія новаго царствованія все молчало, но настроеніе умовъ было опаснѣе; не вѣрьте, что снизу подкапываются подъ престолъ: этимъ пугаломъ только отдаляютъ правительство отъ народа, порождаютъ неудовольствіе и недовѣріе и держатъ государей въ рукахъ на все злое; не вѣрьте, чтобы литература была проникнута враждебностью къ правительству,— совсѣмъ напротивъ; и развѣ не достойно ведетъ она себя, съ тѣхъ поръ, что ей дали вздохнуть? Не вѣрьте, что университеты проникнуты злымъ духомъ. Есть лѣта, когда человѣкъ долженъ пройти чрезъ всѣ крайности. Случайно уцѣлѣвшіе отъ бывшихъ преслѣдованій — развѣ не достойные люди? И развѣ студенты не честно проливали свою кровь за отечество въ послѣднюю войну? Человѣкъ мыслящій, черезъ заблужденія, съ лѣтами, будетъ полезенъ государству; а ничтожество, никогда не заблуждавшееся, какъ оказывается, и ни къ чему не годно. И такъ, пусть правительство не даетъ сбить себя съ благодатнаго пути кротости, смягченія страданій, ризрѣшенія узъ, но пусть дѣйствуетъ, а не остается на одной точкѣ. Эта тема варьировалась до безконечности. Особенно напиралъ я на совершенную политическую безвредность и незначительность нѣкоторыхъ лицъ, о которыхъ государыня меня какъ будто мимоходомъ спрашивала, но въ сущности для того, чтобы вывѣдать, какъ я на нихъ смотрю. О другихъ, какъ, напр., Иванѣ Аксаковѣ, я не могъ не отозваться съ глубокимъ почтеніемъ. Право, нельзя безъ горести и негодованія подумать, какъ безчестно и безсмысленно оклеветаны передъ правительствомъ самые почтенные, самые достойные люди, которые могли бы быть ему полезны, но которые распуганы и удалены, на его же бѣду. Вотъ плоды камарильи и вотъ гдѣ опасность дать себя ей въ руки. Она и себя и тронъ въ грязь втаптываетъ. Всю эту часть разговора государыня слушала съ участіемъ, вниманіемъ и видимо одобряла. Поощряемый этимъ, я входилъ въ тысячи подробностей, жаловался на то, что для поляковъ ничего не дѣлаютъ, что инспекторами студентовъ ставятъ негодяевъ, которые ихъ ожесточаютъ и проч.

Послѣ нѣкотораго молчанія государыня спросила: Вы были въ московскомъ университетѣ профессоромъ?—Да.—Отчего вы вышли?—По неудовольствію (при этомъ императрица слегка улыбнулась) частному.—А! частному!—Я разсказалъ вкратцѣ исторію, не называя лицъ. Потомъ мнѣ дѣлались разспросы: гдѣ я теперь служу, женатъ ли я, имѣю ли дѣтей, гдѣ воспитываю и намѣренъ воспитывать сына, родня ли мнѣ генералъ-адъютантъ Кавелинъ и проч. Послѣ паузы, гораздо болѣе продолжительной, государыня спросила меня, растягивая рѣчь свою и улыбаясь: „Скажите, отчего вы пользуетесь репутаціей самаго отчаяннаго либерала, qui veut le progrès quand même?" [1]) „Я эту репутацію

[1]) Я передаю разговоръ по-русски, но онъ происходилъ исключительно по-французски. Изъ нѣсколькихъ

заслуживаю, ваше величество, отвѣчалъ я, и считаю обязанностью вамъ это высказать, потому что довѣріе, мнѣ оказанное при назначеніи меня преподавателемъ его высочества наслѣдника, и высокое значеніе этого званія налагаютъ на меня святой долгъ не скрывать передъ вашимъ величествомъ ничего.—Да, я былъ большимъ либераломъ, бывши студентомъ, и черезъ мою голову прошли самыя крайнія теоріи; будучи профессоромъ, я тоже былъ большимъ либераломъ, хотя не такимъ именно, какимъ меня почитаютъ. Въ политическій либерализмъ я не вдавался, а былъ искреннимъ, ревностнымъ соціалистомъ. Спѣшу прибавить, что въ ошибочности соціальныхъ теорій я убѣдился теперь, но остаюсь и теперь убѣжденнымъ, что эти теоріи правильно указывали на болѣзни обществъ человѣческихъ, и правительства, приступая къ реформамъ, по необходимости, неизбѣжно, будутъ разрѣшать задачи, поставленныя соціализмомъ. Называющіе меня отчаяннымъ либераломъ правы и потому еще, что всѣ либералы были моими друзьями: Грановскій былъ мой другъ, Бѣлинскій былъ мой наставникъ и другъ, Герценъ былъ тоже очень близокъ... При этомъ императрица меня прервала и замѣтила, улыбаясь: „Прочія дружбы не могутъ вамъ вредить, но что касается до Герцена... je Vous en veux aussi pour cela“. На это я ничего не сказалъ, но, помолчавъ немного, продолжалъ: „А потомъ признаюсь, эта невозможность дѣлать, писать и говорить, меня ожесточила наконецъ. Я былъ выброшенъ изъ министерства народнаго просвѣщенія,—за что? Всѣ пути были мнѣ отрѣзаны—за какую вину? Изъ всѣхъ моихъ друзей, замѣчательныхъ по уму и сердцу, почти никто не остался. Всѣ погибли непризнанные, бѣдствовали и страшно страдали—за что? А вѣдь они могли быть полезны!“ Этотъ аргументъ женское сердце императрицы оцѣнило. Я продолжалъ: „Вотъ мои права на названіе отчаяннаго либерала. Если все это заслуживаетъ отлученія, то я его достоинъ и подчиняюсь своей участи“.

Та настроенность, въ которую привелъ меня этотъ разговоръ, электрически сообщилась государынѣ. Она не могла видѣть въ этомъ наглость или дерзость, а должна была сердцемъ угадать, что слова мои были вызваны сознаніемъ долга, чистосердечіемъ, живостью горькихъ и тяжкихъ воспоминаній прошедшей жизни и нѣкоторою восторженностью характера. Странное дѣло! Говоря такъ прямо, я чувствовалъ, что совсѣмъ не играю va banque, а веду вѣрную, безпроигрышную игру. Дѣйствительно, государыня поспѣшила сказать, что объ отлученіи нѣтъ рѣчи, что мое назначеніе, къ великому ея удивленію, не встрѣтило никакого сопротивленія въ государѣ, который, съ минуту подумавъ, тотчасъ согласился. „А вы легко поймете, прибавила императрица, до какой степени назначеніе ваше на такое мѣсто было бы невозможно, если бы государь имѣлъ малѣйшее въ васъ сомнѣніе“. Я позволилъ себѣ сказать на это государынѣ, что такое обо мнѣ мнѣніе государя императора я считаю величайшимъ для себя счастьемъ, потому что оно развязываетъ мнѣ руки и въ исполненіи обязанностей моихъ по званію преподавателя наслѣдника престола.

Одной изъ самыхъ многозначительныхъ фразъ, сказанныхъ мнѣ императрицей, была слѣдующая. „Очень жалѣю, что вы не будете здѣсь, когда будетъ государь. Здѣсь вы могли бы говорить съ нимъ подробнѣе... и получить отъ него инструкціи, потому что онъ не такъ занятъ здѣсь... Впрочемъ, государь тоже и здѣсь будетъ лишь на нѣсколько дней... Въ Петербургѣ же все время его такъ занято, что минуты нѣтъ свободной. Прощайте, до свиданія. Надѣюсь, что до моего пріѣзда занятія уже начнутся. Это самое удобное время“.

Я отвѣчалъ, какъ и прежде, что съ мѣсяцъ или недѣль шесть надо осмотрѣться, ознакомиться, и что въ этотъ промежутокъ времени ничего серьезнаго нельзя и думать начать.

Государыня это замѣчаніе одобрила, и я вышелъ.

Того волненія, восторженности, которыя возбуждены были во мнѣ этимъ послѣднимъ двухъ-часовымъ разговоромъ, я передать не въ состояніи. До сихъ поръ я точно въ чаду, и если бы кто нибудь вдругъ сильно взялъ меня теперь за руку или ударилъ по плечу, я готовъ былъ бы думать, что проснулся и что все происходившее со мною былъ—сонъ, удивительный, очаровательный, навѣянный огромнымъ самолюбіемъ и такою же огромною любовью къ родинѣ. Но какъ я ни думаю—нѣтъ, это не сонъ, а существенность. Что

словъ, сказанныхъ при мнѣ дѣтямъ, я убѣдился, что государыня дѣйствительно отлично говоритъ по-русски.

же все это значитъ? Какая скрывается за всѣми этими событіями таинственная загадка? И неужели Титовъ такъ всесиленъ, что могъ перевѣсить всю камарилью? Это невѣроятно! Непостижимая загадка, послѣ которой я болѣе и болѣе начинаю вѣрить тому тайному голосу, который еще съ дѣтства предсказывалъ мнѣ политическую будущность. Послѣ всего, что со мною дѣлается, ничего нѣтъ невозможнаго.

Изъ кабинета императрицы я пошелъ къ Долгорукову, который протянулъ мнѣ руку (въ первый разъ), пожелалъ добраго пути, разузналъ при этомъ случаѣ, что я съ годъ знакомъ съ Титовымъ и ѣду въ Остенде, и выразивъ удовольствіе, что со мной познакомился, просилъ не забывать его, когда онъ возвратится въ Петербургъ. Онъ можетъ быть увѣренъ, что ужъ я конечно не забуду!

Тютчева, которую я наконецъ-то увидалъ, объявила мнѣ, что государыня очень осталась довольна мною послѣ первой аудіенціи, и что она пригласила меня къ себѣ въ тотъ же вечеръ пить чай, чтобы объявить мнѣ эту радостную вѣсть. А. Ѳ. Тютчева думаетъ, что я могу разсказывать слова государыни о томъ, что государь давнымъ давно желаетъ эмансипаціи и что это задушевная мысль его съ дѣтства. Но я думаю поостеречься лучше, особливо на первыхъ порахъ. А то болтуномъ прослыть можно, и сдѣлаешься невозможнымъ съ перваго дня. Чувствую инстинктомъ, что много враговъ будетъ теперь слѣдить за мною зоркимъ глазомъ.

Лабенскій невѣроятно ко мнѣ внимателенъ. Сегодня хотѣлъ пригласить обѣдать; прислалъ извиниться, что не могъ принять или что лакей не доложилъ—что-то такое. Просилъ извинить его, что не могъ быть самъ съ визитомъ (у него сильно разболѣлась нога, такъ что онъ за два дня, когда я у него былъ, не могъ ходить), и просилъ, при проѣздѣ чрезъ Гамбургъ быть непремѣнно у нашего повѣреннаго въ дѣлахъ Кудрявскаго, женатаго на его дочери.

Et caetera, et caetera.

Въ половинѣ 7-го я сѣлъ въ вагонъ, а въ половинѣ 8-го пріѣхалъ въ Франкфуртъ.

ТРИ РѢЧИ.

I.

Рѣчь, произнесенная гг. студентамъ Имп. С.-Петербургскаго университета юрид. факультета 11-го сентября 1857 г., передъ открытіемъ курса гражданскаго права.

Мм. гг.! Съ трепетомъ и сердечнымъ смущеніемъ вступаю я на эту каѳедру. Съ этой же самой каѳедры преподавалъ покойный профессоръ Неволинъ, котораго имя вписано неизгладимыми чертами въ лѣтописяхъ русской юридической и исторической литературы; эту каѳедру занималъ профессоръ Мейеръ, слишкомъ рано умершій, и котораго благородная и почтенная ученая и педагогическая дѣятельность почти нераздѣльно принадлежитъ Казанскому университету. При такихъ предшественникахъ преподаваніе гражданскаго права, и безъ того нелегкое по необработанности у насъ этого предмета, становится еще труднѣе.

Но не одно это смущаетъ меня. Вступая на каѳедру, я невольно переношусь мыслями и сердцемъ къ другой лучшей эпохѣ моей жизни. Тринадцать лѣтъ тому назадъ, еще молодымъ человѣкомъ, я точно такъ же вступалъ на каѳедру въ старшемъ изъ русскихъ университетовъ. Это была счастливая пора. Жизнь манила впередъ. Наука, лекціи, дружба наполняли существованіе. Въ памяти моей воскресаютъ образы дорогихъ наставниковъ и товарищей, которые словами участія или строгимъ совѣтомъ дружбы руководили первые робкіе мои шаги на ученомъ поприщѣ. Многихъ изъ нихъ уже нѣтъ болѣе въ живыхъ. Въ теперешнюю, торжественную для меня минуту сердце сжимается скорбью, при мысли, что я никогда не увижу ихъ больше, никогда уже не услышу ихъ голоса.

Мм. гг.! И теперь, возвращаясь на каѳедру черезъ девять лѣтъ, я приношу съ собою то же непоколебимое убѣжденіе въ высокомъ значеніи науки; ту же горячую вѣру въ высокія историческія судьбы отечества; то же довѣріе къ нашимъ молодымъ поколѣніямъ, въ особенности университетскому, которымъ по закону естественнаго преемства принадлежитъ будущее; наконецъ, ту же готовность работать для науки и каѳедры по крайнему разумѣнію, по мѣрѣ силъ. И если когда-нибудь изъ этой аудиторіи выйдетъ великій ученый юристъ или замѣчательный практикъ, который полезною дѣятельностью и славою своего имени наполнитъ отечество,— говорю это отъ полноты сердечнаго убѣжденія, — всѣхъ болѣе будетъ радоваться обойденный, оставленный имъ назади наставникъ.

II.

Рѣчь, произнесенная въ Москвѣ, на обѣдѣ 28-го декабря 1857 года.

Мм. Гг. Не прошло еще полутора года съ тѣхъ поръ, какъ многіе изъ насъ праздновали дѣла гражданской мудрости и милосердія, ознаменовавшія начало новаго царствованія. Мы разстались тогда съ радостью и надеждами въ сердцѣ, предчувствуя много добраго въ будущемъ. Теперь мы знаемъ о великодушномъ призывѣ государя къ дворянству, послѣдовавшемъ 20-го ноября. Этого 20-го ноября чаяли многія поколѣнія уже сошедшія въ могилу; его издавна провидѣли и предсказывали лучшіе умы и благороднѣйшія сердца; оно озабочивало многія царствованія; въ ожиданіи его истомилось много сердецъ, жаждавшихъ правды; къ нему сходились надежды и раздумье всѣхъ.

Мм. Гг. Только будущее, сокрытое отъ насъ, смутно лишь предугадываемое, можетъ выказать всѣ матеріальныя, гражданскія и нравственныя послѣдствія великаго дѣла, начатаго 20-го ноября. Нашъ долгъ и призваніе—приготовиться къ нему достойнымъ образомъ; ибо мы видимъ начало разрѣшенія задачи, сложившейся цѣлыми вѣками русской исторіи; но многіе изъ насъ еще не ступятъ на святую обѣтованную землю. Пусть же другіе, послѣ насъ, не упрекнутъ насъ въ легкомысленномъ къ нимъ равнодушіи, но съ благодарностью вспомнятъ трудъ и любовь, которые и мы принесли на общее дѣло, насколько мы могли и умѣли! 20-е ноября открываетъ для насъ возможность озаботиться о правильномъ устройствѣ нашего экономическаго быта, — я говорю возможность, потому что нашему благоразумію и любви къ отечеству предоставлено пріискать среднія мѣры для соглашенія разрозненныхъ и разнорѣчащихъ интересовъ. Чтобы оцѣнить весь глубокій смыслъ этого довѣрія, вспомнимъ, что общественная жизнь неудержимо развивается, и не въ человѣческихъ силахъ измѣнить ея ходъ, подчиненный неизмѣннымъ законамъ; но отъ людей зависитъ путь, по которому развивается народная жизнь. Люди или предугадываютъ общественныя потребности и мудро направляютъ въ этомъ смыслѣ свои дѣйствія; или они отступаютъ передъ задачей, и, увлекаясь разными побужденіями, отклоняются отъ предстоящаго, ближайшаго дѣла. Въ первомъ случаѣ жизнь совершается стройно, послѣдовательно, трудности устраняются безъ существенныхъ пожертвованій, со всевозможною пощадою интересовъ всѣхъ и каждаго; во второмъ—задача все-таки рѣшается, но только сама собою, какъ придется, съ матеріальнымъ ущербомъ и безъ чьей-либо заслуги,—напротивъ, съ утратою нравственнаго достоинства,—въ подтвержденіе неоспоримой истины, что правда, нравственность и выгода соединены нерасторжимыми узами.

Начало предстоящаго святого дѣла счастливо предзнаменуетъ первый путь. Задача указана и поставлена въ разумныхъ предѣлахъ. Просвѣщеннѣйшему сословію, стоящему выше другихъ, интересы котораго существенно зависятъ отъ того или другого рѣшенія задачи, предоставлена въ немъ самая дѣятельная роль. Въ этомъ, Мм. Гг., скрывается глубокое нравственное начало, составляющее вѣрный залогъ мирнаго успѣха. Кто просвѣщеннѣе другихъ, тотъ, естественно, и разумнѣе; кто высоко стоитъ на общественной лѣстницѣ, тотъ и способнѣе обсудить дѣло со стороны не только частной выгоды, но и всенародной пользы; у кого право и власть, тотъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія передъ Богомъ, отечествомъ и исторіей, а высокое призваніе нравственно подымаетъ каждаго человѣка, тѣмъ болѣе сословіе, принимающее дѣятельное участіе въ судьбахъ народа.

Поднимемте же, господа, бокалы во здравіе державнаго Миротворителя, который и въ

дѣлахъ внѣшнихъ и въ устроеніи внутреннемъ приноситъ дары и благословеніе мира на Русскую землю. Да провозвѣститъ свѣту его царствованіе эпоху, въ которую должно свершиться всеобщее, разумное соглашеніе разрозненнаго! Приступая къ великому дѣлу, да не впадемъ въ уныніе, но будемъ напрягать всѣ силы на разрѣшеніе трудностей, на устраненіе препятствій, Да смягчатся сердца! Да водворится въ нихъ миръ, любовь, упованіе, и на этой несокрушимой твердынѣ да устроится жизнь наша на вѣчныя времена! Да будетъ все во-едино, исполняясь благоговѣніемъ передъ неисповѣдимыми судьбами, ведущими земныя племена къ высокой, таинственной цѣли.

(Русскій Вѣстникъ, 1857).

III.

Рѣчь, произнесенная въ С.-Петербургѣ на обѣдѣ 12-го января 1858 года, въ память основаія Императорскаго Московскаго университета.

Гг.! Мы соединились въ прошломъ году въ этотъ же самый день, почти нечаянно, но съ такимъ радостнымъ, свѣтлымъ настроеніемъ души, которое отразилось и на самомъ нашемъ праздникѣ. Для меня онъ былъ однимъ изъ лучшихъ въ моей жизни.

Отчего же сердце наше такъ сладостно трепещетъ и бьется при мысли объ университетѣ, въ которомъ мы воспитывались? Что̀ же, развѣ всѣ мы были счастливы во все время, проведенное нами въ университетѣ? Конечно, нѣтъ! Для многихъ время университетскаго курса было временемъ тяжкаго испытанія и въ нравственномъ и въ матеріальномъ смыслѣ. Или университетъ далъ намъ патентъ на счастье и успѣхъ по выходѣ, и мы хранимъ къ нему за то благодарное воспоминаніе? Многіе скажутъ на это „да", а многіе скажутъ и „нѣтъ". Такъ что̀ же? Не гордимся ли мы званіемъ бывшихъ воспитанниковъ московскаго университета, потому что онъ двигалъ и двигаетъ впередъ науку, обогатилъ область знанія новыми истинами, насъ снабдилъ необходимымъ для практической жизни запасомъ положительныхъ свѣдѣній? Какъ бы мы ни были ослѣплены любовью къ мѣсту воспитанія, какъ бы ни были проникнуты чувствомъ народной гордости, мы не можемъ, однако, не сознаться, что въ дѣлѣ науки мы до сихъ поръ еще ученики другихъ, болѣе насъ просвѣщенныхъ народовъ, и долго еще будемъ учениками; что самостоятельность наша очень недавно стала обнаруживаться, и притомъ покамѣстъ только въ болѣе или менѣе удачныхъ попыткахъ примѣнить готовые результаты науки къ условіямъ и особенностямъ нашей жизни и быта.

Нѣтъ, тайна любви нашей къ университету скрывается не во всемъ этомъ, а въ высокомъ, нравственномъ и человѣческомъ значеніи вообще нашихъ университетовъ. Въ мірѣ нравственномъ университеты дѣлаютъ у насъ то же, что̀ государство дѣлаетъ въ жизни общественной. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, государство собирало разорванныя и разобщенныя части теперешней Россіи, неутомимо сводило ихъ къ единству, сперва политическому, потомъ административному. Рядомъ съ тѣмъ упразднились постепенно и учрежденія, напоминавшія прежнюю разрозненность. Когда это великое дѣло въ главныхъ чертахъ совершилось въ жизни, появляется московскій университетъ и продолжаетъ его въ головахъ и сердцахъ людей, сводя безконечное разнообразіе мѣстныхъ и сословныхъ привычекъ, различій и предразсудковъ подъ одинъ умственный и нравственный типъ, чуждый тѣхъ особенностей, которыя противорѣчатъ всенародному, общему человѣческому типу. По странной, но многозначительной игрѣ случая, основаніе московскаго университета совершилось чрезъ два года послѣ уничтоженія въ Россіи внутреннихъ таможенъ...

Великое призваніе и значеніе университета отразилось, болѣе или менѣе, на каждомъ изъ насъ. Всѣ мы испытали на себѣ его силу и власть, а потому всѣ носимъ на себѣ его печать. Каждый изъ насъ болѣе или менѣе переродился и перевоспитался, войдя въ ту особенную университетскую атмосферу, которая слагается изъ присущей этому учрежденію великой государственной и человѣческой идеи, изъ великихъ истинъ науки, стремящейся къ общему и единому, наконецъ изъ живого дыханія молодой жизни со всей ея благодатной, поэтической обстановкой—дружбой, вдохновеніемъ, порывами, шутками и добродушнымъ остроуміемъ. Изъ тѣсныхъ рамокъ ежедневности умъ нашъ вышелъ тогда въ широкій міръ мысли и науки; сердце пріучилось биться не отъ однихъ личныхъ во-

просовъ, но и отъ горячаго сочувствія къ добру, истинѣ и прекрасному; нѣсколько дурныхъ привычекъ ума и сердца отброшено нами во время университетскаго курса; нѣсколько благородныхъ чувствъ и мыслей залегли глубоко на днѣ души и стали краеугольнымъ камнемъ всей жизни, стали—если позволено такъ выразиться — тѣмъ внутреннимъ камертономъ, который въ важныя минуты громко раздается въ насъ и отъ котораго каждый невольно встрепенется, какъ бы ни отучали людей прислушиваться къ этимъ внутреннимъ, задушевнымъ звукамъ заботы и тягости жизни, соблазны, паденія или излишніе успѣхи. Вотъ отчего мы на вѣки срослись съ университетомъ, гдѣ воспитывались. Воспоминаніе о немъ неразрывно связано съ воспоминаніемъ о нашемъ умственномъ и нравственномъ обновленіи; ибо университеты творятъ не чиновниковъ, не ученыхъ, не художниковъ, не военныхъ, не купцовъ: они творятъ людей съ человѣческими сердцами, съ умомъ раскрытымъ и чуткимъ къ голосу истины. Университеты закаляютъ молодыя души на тяжкій подвигъ жизни, въ любви къ правдѣ. Куда ни обратитесь—на всевозможныхъ поприщахъ, во всевозможныхъ общественныхъ положеніяхъ, вездѣ работаютъ питомцы университетовъ, и работаютъ съ честью, устремленные на задачу, для разрѣшенія которой университеты существуютъ. Въ вѣрности службы, въ любви къ отечеству, въ способностяхъ, въ знаніи, они никому не уступятъ. Господа! да здравствуютъ всѣ наши университеты! Начавшись послѣ уничтоженія внутреннихъ таможенъ, да процвѣтутъ они съ новымъ блескомъ послѣ уничтоженія внутреннихъ заставъ!

(Спб. Вѣдомости, 1858, № 14).

СЛУГА.

(СОВРЕМЕННЫЙ ФИЗІОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ) *).

Изъ множества самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, одно, издавна, сдѣлалось любимымъ предметомъ писателей всѣхъ временъ и народовъ: это положеніе слуги. Типы слугъ рисовали геніальною кистью и Шекспиръ, и Мольеръ, и Сервантесъ; надъ этими типами работали и наши писатели. Кто не приходилъ въ восторгъ отъ Осипа? Кто не читалъ и не помнитъ восхитительныхъ эскизовъ слугъ всякаго разбора, мастерски набросанныхъ И. С. Тургеневымъ?

А все-таки далеко еще не всѣ типы слугъ схвачены и усвоены литературѣ; многіе изъ нихъ ждутъ новыхъ дѣятелей. Лакей городской и лакей деревенскій, лакей пьяница, хвастунъ, мелкій плутъ, объѣдало и пройдоха, лакей, обманывающій своего добродушнаго барина или помогающій ему въ разныхъ его любовныхъ и другихъ продѣлкахъ,—всѣ эти видоизмѣненія лакейскихъ типовъ подмѣчены и обрисованы болѣе или менѣе удачно и вѣрно. Но, сколько помнится, типъ лакея не былъ ни разу еще поясненъ отношеніями его къ высоко-просвѣщенному, талантливому, развитому и во многихъ отношеніяхъ особенно замѣчательному барину. А стоило бы! Во взглядѣ слуги на такого барина лакейская натура выступаетъ ярче, со многими своими характеристическими чертами, которыя безъ того остаются въ тѣни и оставляютъ типъ не полнымъ.

Отъ низменной и узкой сферы, въ которой вращается слуга, отъ привычки смотрѣть на міръ Божій изъ передней,—все, даже самое почтенное и достойное, пройдя сквозь голову и сердце лакея, опошляется. Этой судьбы не избѣгаетъ, разумѣется, и баринъ.

Положимъ, баринъ знаменитъ какъ писатель, государственный человѣкъ или ученый. Слава его разносится всюду; всѣ наперерывъ стараются увидать, услышать, узнать его, ищутъ съ нимъ сблизиться, считаютъ за особенную честь быть съ нимъ въ дружбѣ.

*) По поводу статьи В. В. Григорьева о Грановскомъ въ „Русской Бесѣдѣ“ (1856, кн. IV).

Даже противники и враги, и тѣ не могутъ отказать ему въ уваженіи. Лакей смотритъ на все это съ своей особенной, лакейской точки зрѣнія. Смысла къ нравственно-высокому и изящному странно было бы отъ него и требовать. Сверхъ того, онъ чувствуетъ, можетъ быть и безсознательно, превосходство надъ собою барина, и это превосходство его давитъ.

Много ли людей не испытываетъ этого, приходя въ соприкосновеніе съ избранными натурами? Но порядочнымъ людямъ это чувство превосходства другого надъ собою внушаетъ уваженіе, любовь, даже благоговѣніе; въ лакеѣ же оно возбуждаетъ только недоброжелательство и зависть. „Удивительное это дѣло, думаетъ лакей про себя: что̀ бы, кажется, въ баринѣ такого особеннаго? По мнѣ такъ ровно ничего! А честятъ. И какъ еще честятъ! ужъ подлинно, кому какое счастіе! За что̀ его такъ ужъ черезчуръ любить? За то, что онъ краснобай, и за все хватается, и книжки перебираетъ? Это всякій съумѣетъ на его мѣстѣ сдѣлать не хуже его. Заставилъ бы я его комнату вымести, да сапоги почистить или на запяткахъ въ трескучій морозъ потрястись, и посмотрѣлъ бы, что̀ изъ него выйдетъ. Плохъ бы оказался, навѣрное. То-то и есть, что на легкомъ хлѣбѣ живетъ и такими же, какъ онъ, дармоѣдами прославляется“.

Съ тѣмъ же злорадствомъ и затаенною завистью говоритъ лакей и о красотѣ своего барина, если Богъ надѣлилъ его красотой. Отрицать ее нельзя — онъ и не отрицаетъ. Но вслушайтесь хорошенько въ его отзывы объ ней, вы непремѣнно встрѣтите здѣсь, тамъ, словечко, которое вставляется, чтобы ослабить похвалу. Нѣтъ, нѣтъ—и ввернетъ, что-де у барина носъ красный; а тамъ, что у него брюхо большое; дальше, что у него зубъ со свистомъ. Если лакей уменъ, эти вставки дѣлаются очень ловко, незамѣтно и кстати, такъ что, посмотришь на слова—хвалитъ; а общее впечатлѣніе выходитъ невыгодное для барина. Этимъ искусствомъ многіе лакеи обладаютъ въ совершенствѣ по привычкѣ лицемѣрить.

Если лакей зналъ барина, когда послѣдній былъ еще очень молодъ, нравственно и даже физически еще не сложился, дѣлалъ ошибки, впадалъ въ заблужденія, отдавался страстямъ, вообще шелъ въ жизни нетвердою стопой,— вотъ когда надо послушать лакея! Въ разсказахъ его о баринѣ въ такихъ случаяхъ обнаруживаются совершенно новыя черты лакейской души, какъ выскакиваютъ новыя стеклышки при поворотѣ калейдоскопа. Къ злорадству и зависти тутъ присоединяется еще Хлестаковская хвастливость, желаніе казаться за панибрата съ знатнымъ своимъ бариномъ. „Для васъ баринъ важная птица, думаетъ лакей, и эта мысль проходитъ чрезъ весь его разсказъ о молодости барина,—а для меня такъ онъ такъ себѣ, дрянь и больше ничего! Вы его узнали, какъ онъ человѣкомъ сталъ, а я видалъ его, когда онъ еще мальчишкой былъ и всякія глупости дѣлалъ и шашни за нимъ разныя водились“. Съ этою заднею мыслью разскажетъ вамъ лакей, что его баринъ не прочь былъ сладко съѣсть и сладко выпить, и что и волокита онъ тоже былъ исправный. Въ доказательство, онъ начнетъ пересчитывать вамъ по пальцамъ, припоминая годы и всѣ мелкія обстоятельства, какъ его баринъ кутилъ и съ Матрешкой, и съ Палашкой, и съ Наташкой, да тутъ же, рядомъ съ ними, назоветъ имена и такихъ лицъ, съ которыми, по всѣмъ вѣроятіямъ, были у барина совсѣмъ другія отношенія, имена, съ которыми, быть можетъ, связаны самыя чистыя, святыя, самыя дорогія его сердцу воспоминанія молодости. Конечно вы, я, всѣ мы знаемъ цѣну этихъ разсказовъ лакея. Похожденія молодости всѣмъ намъ болѣе или менѣе извѣстны по опыту и не могутъ, разумѣется, измѣнить нашихъ понятій о баринѣ, или ослабить обаяніе драгоцѣннѣйшихъ о немъ воспоминаній. Изъ числа именъ, пестро смѣшанныхъ въ разсказѣ лакея, мы съумѣемъ отдѣлить тѣ, которыя человѣкъ, нами чтимый и любимый, быть можетъ произносилъ съ уваженіемъ и въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Но дѣло не объ насъ, а объ лакеѣ и его взглядѣ на вещи. Касаясь до всего своими грязными руками, подводя все подъ одинъ уровень пошлости, не умѣя различать порывовъ чувственности отъ сердечной страсти, подымающей человѣка нравственно, лакей своимъ разсказомъ возбуждаетъ въ насъ только отвращеніе, и, желая исподтишка повредить въ нашемъ мнѣніи своему барину, изобличаетъ только дрянныя побужденія своей низменной натуры.

Что при этомъ лакей прежде и больше всего будетъ налегать на недостатки и слабыя стороны барина, это разумѣется само собою.

Недостатки! При этомъ словѣ сколько мыслей и скорбныхъ и утѣшительныхъ подымается вдругъ со дна души каждаго порядочнаго человѣка. Судъ слишкомъ строгій, разборъ слишкомъ мелочной въ этомъ отношеніи произносится или юношами, или ограниченными и тупоумными людьми, потому что недостатки и слабыя стороны—общій удѣлъ всѣхъ, безъ изъятія, смертныхъ. Кто не имѣетъ своей Ахиллесовой пяты? Притомъ же очень часто, почти всегда, недостатки людей, выдающихся изъ толпы, представляютъ тѣневую сторону тѣхъ самыхъ качествъ и добродѣтелей, которыя снискали имъ уваженіе, любовь, извѣстность и славу, такъ что не будь этихъ недостатковъ, не было бы и этихъ добродѣтелей и достоинствъ. Также нерѣдко недостатки и слабыя стороны суть не болѣе какъ крайнія послѣдствія побужденій и стремленій самыхъ естественныхъ, законныхъ, благородныхъ и почтенныхъ, свойственныхъ однѣмъ избраннымъ натурамъ. Бываютъ недостатки, зависящіе отъ причинъ совершенно случайныхъ или же чисто физическихъ; бываютъ и наслѣдственные недостатки, какъ бываютъ наслѣдственныя болѣзни. Много тоже значитъ, какъ кто самъ смотритъ на свои недостатки: одинъ ихъ вовсе не сознаетъ, другой ими хвастается съ циническимъ нахальствомъ; иной ихъ стыдится и скрываетъ, покоряясь и работая имъ какъ печальной неизбѣжности, которой одолѣть не могъ или не умѣлъ. Стало быть, самый фактъ существованія или присутствія въ человѣкѣ недостатковъ самъ по себѣ ничего еще не значитъ. Наконецъ, намъ кажется, что слабыя стороны замѣчательныхъ людей имѣютъ или по крайней мѣрѣ должны бы имѣть для прочихъ высокое нравственное значеніе. Въ мірѣ нравственномъ это своего рода напоминаніе человѣку, что онъ—земля и въ землю обратится. Уравнивая всѣхъ въ несовершенствѣ, недостатки съ одной стороны умѣряютъ самоуваженіе, какъ бы оно ни было законно, — а съ другой служатъ звеньями, связующими въ одно цѣлое натуры высшаго и низшаго порядка, именно потому, что даютъ реальность, осязаемость высокимъ добродѣтелямъ и талантамъ, которые безъ того принадлежали бы къ области несбыточныхъ сновъ и мечтаній.

Нечего и говорить, что лакей неспособенъ понять всѣхъ этихъ оттѣнковъ и тонкихъ различій. Въ его головѣ отпечатлѣвается только внѣшняя оболочка вещей, подводящая подъ одинъ итогъ самыя разнообразныя явленія нравственной жизни. Продажныя ласки и паденіе вслѣдствіе любви и страсти; человѣкъ, упившійся виномъ отъ радости или избытка горя, вслѣдствіе привычки, по болѣзни или случайно, въ одиночку или въ дружеской бесѣдѣ, — все это въ лакейской головѣ носитъ одно общее названіе, самое пошлое изъ всѣхъ, и которое потому всего болѣе подъ-стать его пошлымъ понятіямъ; а злорадство и зависть заставятъ его постараться вывалять въ грязи даже и то, что̀, по общимъ понятіямъ, не есть даже слабость и только въ глазахъ лакея имѣетъ видъ чего-то предосудительнаго. Цѣль всѣхъ этихъ усилій—снять съ барина ореолъ славы, — разсѣять нимбъ величія, которымъ онъ окруженъ, низвести его до себя. По вашимъ понятіямъ, близость съ замѣчательнымъ человѣкомъ налагаетъ обязанность лучше другихъ понимать его, болѣе другихъ цѣнить и любить; а лакей разумѣетъ это совсѣмъ иначе: въ случайной близости къ барину онъ видитъ только право говорить объ немъ съ пренебреженіемъ, трактовать его ни по чемъ. Оттого и существуетъ давнишнее правило не водить дружбы съ лакеемъ, не фамильярничать съ нимъ, потому что лакей тотчасъ же зазнается и возмечтаетъ, что онъ равенъ съ бариномъ. Для лакея близость и дружба есть патентъ на дерзкое и наглое обращеніе, потому что лакей всюду несетъ съ собою, подобно Петрушкѣ Гоголя, особенный, ему одному свойственный запахъ.

Il n'y a pas de grand homme pour son valet de chambre, говоритъ французская пословица. Талейранъ къ этому прибавлялъ: parce qu'un valet est un valet. Великая истина.

Не подумайте однако, что пошлость, злорадство, зависть и Хлестаковство одни внушаютъ лакею грязные разсказы и размышленія о баринѣ.

Случается, что онъ имѣетъ къ тому и другіе поводы, болѣе близкіе и личные. Иной разъ баринъ, разглядѣвъ попристальнѣе слугу и замѣтивъ за нимъ разныя разности, лишитъ его своего довѣрія, выбранитъ порядкомъ, а смотря по винѣ, въ припадкѣ справедливаго гнѣва, велитъ пожалуй и со двора прогнать. Какъ же лакею не досадовать и не злиться?

Истинное счастье, что большинство лакеевъ или вовсе безграмотны, или не любятъ

писать, и ограничиваются одними разсказами, которые погибаютъ въ Летѣ. Что̀ еслибы они стали писать мемуары? Какъ смерть, они разрушили бы нравственную красоту и на мѣстѣ ея оставили бы гнилой трупъ, который не составляетъ человѣка.

Впрочемъ, утѣшимся! Будь даже много такихъ мемуаровъ, врядъ ли бы имъ удалось выбраться въ печать. Кто жъ рѣшится быть ихъ издателемъ?

„Dixi et animam levavi", какъ выражается В. В. Григорьевъ въ статьѣ: „Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ". („Русская Бесѣда", 1856, IV).

(„Русскій Вѣстникъ", 1857, кн. 5).

ЗАПИСКА О БЕЗПОРЯДКАХЪ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, ОСЕНЬЮ 1861 ГОДА.

Самыя прискорбныя событія произошли въ с.-петербургскомъ университетѣ. Шумныя сходбища студентовъ, съ рѣчами, воззваніями и легкомысленными предложеніями, кончились прекращеніемъ лекцій.

Затѣмъ послѣдовали дѣйствія внѣ университета, запрещенныя закономъ и подвергающія массу молодыхъ людей отвѣтственности, а университетъ—погибели.

Уличныя происшествія извѣстны. Они были лишь неизбѣжнымъ послѣдствіемъ совокупнаго дѣйствія многихъ отдаленныхъ и ближайшихъ причинъ, разъяснить которыя теперь стало болѣе настоятельною потребностью, чѣмъ когда-либо.

Съ тѣхъ поръ какъ началось постепенное обновленіе Россіи, послѣ крымской войны, университетскій уставъ 1835 г. не могъ долѣе дѣйствовать. Онъ держалъ студентовъ на степени гимназистовъ, предоставлялъ огромную власть надъ ними полицейскому чиновнику — инспектору, систематически удалялъ профессоровъ отъ студентовъ и отъ участія въ университетскихъ дѣлахъ. Потребность коренного преобразованія университетовъ чувствовалась всѣми понимающими дѣло. Исключительно полицейскій характеръ университетскихъ учрежденій не могъ болѣе обезпечивать тишины и порядка; напротивъ, онъ служилъ только поводомъ къ безпрестаннымъ столкновеніямъ между студентами и университетскимъ начальствомъ. Необходима стала для молодыхъ людей узда болѣе прочная, нравственная, основанная на разумныхъ началахъ, на довѣріи юношества къ просвѣщенному и разсудительному начальству и къ профессорамъ. Только такая нравственная и разумная связь дѣлала возможной строгость и энергію университетскихъ властей, необходимую въ чрезвычайныхъ случаяхъ для поддержанія порядка между молодыми людьми, склонными по возрасту ко всякаго рода увлеченіямъ.

Несмотря на то, что эта мысль была выражаема много разъ словесно, письменно и печатно, никакихъ существенныхъ преобразованій въ университетскомъ уставѣ 1835 г. сдѣлано не было. Новыя понятія и требованія вторгались постепенно въ старыя формы и разрушали ихъ, а на мѣсто ихъ ничего новаго поставлено не было. Вслѣдствіе этого анархія и хаосъ водворились мало-по-малу между студентами. Безурядицы устранить не было никакой возможности; для этого уставъ 1835 г. не представлялъ никакихъ средствъ.

Бывшій министръ народнаго просвѣщенія, д. т. с. Норовъ, кажется, чувствовалъ это. Ему хотѣлось поднять студентовъ нравственно, дать ихъ молодымъ умамъ и силамъ направленіе, достойное учащагося юношества. Съ этой цѣлью разрѣшены были студентамъ литературныя бесѣды и изданіе сборника, которыя должны были соединять молодыхъ людей для научныхъ занятій. Эти собранія и завѣдываніе студенческой кассой, собираемой для поддержанія бѣдныхъ студентовъ, послужили первымъ основаніемъ студенческихъ сходокъ.

Противъ сходокъ студентовъ многіе возражаютъ и съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Говорятъ, что онѣ — школы праздности и лѣни, отвлекающія молодые умы отъ серьезныхъ занятій; сходки, по замѣчанію другихъ, поощряютъ юношей къ пустословію и театральнымъ эффектамъ, къ чему и безъ того множество людей, къ несчастью, слишкомъ рано пріучаются въ дѣйствительной жизни. Наконецъ, третьи видятъ въ такихъ сходкахъ зародыши политическихъ и революціонныхъ клубовъ, вредные для государства и гибельные для юношества.

Всѣ эти и подобныя имъ разсужденія — плодъ важныхъ недоразумѣній, которыя необходимо разъяснить, чтобы правильно смотрѣть на дѣло. Не только молодые люди, но даже дѣти, — тѣ же люди какъ и взрослые, только кругъ ихъ дѣйствій, сфера занятій очерчены тѣснѣе и иначе. Оттого вездѣ и всегда учебныя заведенія, въ особенности же университеты, устраивались по образцу современныхъ имъ общественныхъ учрежденій. Средневѣковые университеты въ Европѣ были такія же корпораціи и цехи, какъ и тогдашнія городскія общины. У насъ такихъ общинъ нѣтъ и не было; наше національное, общественное устройство есть міръ и мірская сходка. Студенческія собранія поразительно ихъ напоминаютъ, не только на самомъ дѣлѣ, но и по имени, повторяя собою въ маломъ видѣ всѣ достоинства и недостатки этихъ учрежденій. На эту сторону вопроса кажется не было еще обращено должнаго вниманія, а между тѣмъ она чрезвычайно важна. Признавъ ее, нельзя не убѣдиться, что искоренить сходки едва ли есть какая-нибудь возможность, и легко понять, почему студенты такъ упорно ихъ отстаиваютъ. Закрытіе ихъ въ университетѣ повлечетъ за собою открытіе ихъ внѣ университета, по домамъ, а преслѣдованіе всюду обратитъ ихъ изъ явныхъ собраній въ тайныя, что̀ гораздо хуже и опаснѣе.

Сходки дѣйствительно вредны для студентовъ и ихъ занятій, но не сами по себѣ, а потому, что все новое и въ особенности запрещенное имѣетъ въ юномъ возрастѣ большую занимательность. Если бы правительство рѣшилось не только дозволить ихъ, но устроить и дать имъ опредѣленный законный кругъ дѣятельности,—онѣ, безъ сомнѣнія, потеряли бы половину теперешней своей заманчивости: студенты привыкли бы къ нимъ и стали бы на нихъ смотрѣть какъ на одно изъ самыхъ обыкновенныхъ, прозаическихъ занятій. Получивъ этотъ характеръ, студенческія сходки принесли бы и молодымъ людямъ, и правительству, и обществу несомнѣнную, существенную пользу; онѣ пріучили бы и молодыхъ людей, до вступленія ихъ въ дѣйствительную жизнь, къ строгой отчетности и отвѣтственности, къ чему такъ мало пріучены мы теперь даже въ зрѣломъ возрастѣ. Если учрежденіе, столь полезное для молодыхъ людей, вскорѣ послѣ своего возникновенія приняло дурное и вредное направленіе, то причины должно искать въ разныхъ посторонних обстоятельствахъ: во всеобщемъ броженіи умовъ, всеобщей шаткости понятій, естественной спутницѣ коренныхъ общественныхъ реформъ, а больше всего въ томъ, что сходки съ самаго же начала не были правильно устроены самимъ правительствомъ. При господствующей внутри университетовъ анархіи и хаосѣ, студенты были предоставлены самимъ себѣ, не имѣли руководителей, не знали какъ и за что̀ взяться. Послѣдствія этого, какъ и слѣдовало ожидать, были гибельны для университетскаго юношества.

Какъ бы то ни было, но при самомъ первомъ своемъ появленіи сходки были мирны и безвредны. Студенты собирались, читали свои статьи, разсуждали о кассѣ, о средствахъ ее увеличить, присуждали вспомоществованія товарищамъ. Мало-по-малу онѣ становились шумнѣй и нестройнѣй. Здѣсь и тамъ прорывались рѣзкія фразы и сужденія; произносились рѣчи съ каѳедръ — невинныя, но пріучавшія юношей къ ораторству и фразамъ. Сходки считались частнымъ дѣломъ студентовъ и потому онѣ происходили безъ чьего-либо вѣдома и разрѣшенія и безъ всякаго контроля. Положеніе дѣлъ было необыкновенно странное: косвеннымъ образомъ сходки были, какъ сказано, разрѣшены правительствомъ; а между тѣмъ онѣ не были позволены. Когда студенты толпами ходили просить о чемъ-нибудь, имъ говорили: „выбирайте изъ себя депутатовъ и посылайте ихъ“; лица, принадлежавшія къ университету и близко стоявшія къ университетской администраціи, очень ясно понимали невозможность совсѣмъ уничтожить студенческія сходки, а между тѣмъ правительство ни за что не соглашалось прямо признать ихъ и устроить: ихъ терпѣли и какъ будто не замѣчали. При такомъ порядкѣ дѣлъ, никто не смѣлъ взяться за ихъ устройство и водворить въ нихъ

какой-нибудь порядокъ. Всѣ старались только смазывать прорывавшіяся по временамъ крайности и рѣзкости, а безпорядки и хаосъ росли и крѣпчали. Полицейская университетская власть, разумѣется, не въ состояніи была съ ними бороться. Нѣсколько разъ люди, понимающіе дѣло, напоминали о необходимости устроить сходки и тѣмъ отвратить грозившую опасность, но имъ отвѣчали, что этого вопроса и подымать невозможно, потому что правительство и слышать не хочетъ о сходкахъ. Такъ проходило время.

Въ началѣ нынѣшняго года, два обстоятельства показали, что болѣзнь приняла уже большіе размѣры. На университетскомъ актѣ 8 февраля былъ шумъ и безпорядки по тому случаю, что проф. Костомаровъ не читалъ рѣчи, которую студенты ожидали съ нетерпѣніемъ; вскорѣ послѣ того слухъ, распространившійся между студентами, будто бы слѣдственная коммиссія по дѣлу о панихидѣ по убитымъ въ Варшавѣ перенесетъ свои засѣданія въ стѣны университета, возбудилъ такія неурядицы, что надобно было серьезно подумать о мѣрахъ къ ихъ прекращенію на будущее время. Бывшій попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Деляновъ, потребовалъ по этому предмету мнѣнія отъ нѣкоторыхъ изъ профессоровъ. Послѣдніе подвергнули дѣло подробному изслѣдованію, собрали свѣдѣнія отъ студентовъ и представили цѣлый проектъ правилъ, касавшихся устройства студенческихъ сходокъ и полицейскаго управленія въ университетѣ. Исходя изъ той мысли, что внѣшній полицейскій надзоръ надъ студентами безсиленъ возстановить порядокъ въ университетѣ, они находили необходимымъ замѣнить его авторитетомъ и вліяніемъ профессоровъ и потому предлагали дать сходкамъ правильное устройство, ограничивъ ихъ занятія исключительно дѣлами студенческой кассы, библіотеки и редакціи „Сборника“, подъ руководствомъ профессора; устроить изъ профессоровъ университетскій судъ надъ студентами; замѣнить инспектора проректоромъ, выбраннымъ изъ среды профессоровъ же.

Эти предположенія остались безъ послѣдствій, и вскорѣ послѣ того правительство издало новыя правила, измѣнившія весь порядокъ дѣлъ въ университетахъ. Правилами этими (31-го мая), между прочимъ, отмѣнены свидѣтельства о бѣдности, освобождавшія студентовъ и вольнослушателей недостаточнаго состоянія отъ платы 50-ти руб., и запрещены всякія сходки безъ разрѣшенія начальства. Въ одно время съ изданіемъ этихъ правилъ мѣсто бывшаго министра народнаго просвѣщенія, д. т. с. Ковалевскаго, заступилъ ген.-адъют. графъ Путятинъ, который испросилъ соизволеніе Государя императора на мѣры еще болѣе строгія (21 іюля), а именно: сходки запрещены вообще, положительно; студентъ, не выдержавшій экзамена, подлежалъ исключенію изъ университета, тогда какъ до того времени онъ могъ пробыть на одномъ курсѣ два года; для завѣдыванія студенческой кассой, библіотекой и т. п. студенты должны избираться въ извѣстномъ числѣ отъ каждаго факультета и разряда не студентами, какъ до сихъ поръ было, а правленіемъ университета; присужденія денежныхъ выдачъ должны были подлежать утвержденію ректора или инспектора. Предлагая эти правила для исполненія университетскимъ совѣтамъ и требуя ихъ мнѣнія по нѣкоторымъ пунктамъ, министръ прибавилъ, что, „имѣя въ виду матеріальное улучшеніе положенія университетскихъ преподавателей и освобожденіе ихъ отъ труда пріемныхъ испытаній, правительство тѣмъ болѣе вправѣ ожидать отъ нихъ усиленія дѣятельности и направленія оной всецѣло къ истинной пользѣ обучающейся въ университетахъ молодежи“. Графъ Путятинъ, между прочимъ, изъявлялъ увѣренность, что профессоры „направятъ свою дѣятельность къ указанной цѣли и не примутъ на себя тяжкой отвѣтственности уклоненіемъ отъ своего долга“, а ректоры и деканы помогутъ правительству „предотвращать то легкомысленное небреженіе или превратное пониманіе своихъ обязанностей, которыя были уже причиною несчастія многихъ молодыхъ людей“. Съ тѣмъ вмѣстѣ гр. Путятинъ предложилъ университетскимъ совѣтамъ обсудить вопросъ, не полезнѣе ли будетъ возлагать званіе инспектора студентовъ на одного изъ профессоровъ или адъюнктовъ, по выбору ректора.

Извѣстно, какое впечатлѣніе новыя правила произвели въ цѣлой Россіи. Въ нихъ видѣли возвращеніе къ мысли ограничить число студентовъ и снова сдѣлать университеты недоступными для большинства публики, тогда какъ въ послѣднее время они были открыты для всякаго желающаго. Множество молодыхъ людей, которымъ университетскій дипломъ давалъ въ службѣ и обществѣ ку-

сокъ хлѣба, лишены возможности слушать университетскіе курсы. Бѣдные дворяне и чиновники, готовившіе своихъ сыновей въ университетъ, были въ негодованіи; негодовали и всѣ, которымъ дорого просвѣщеніе, такъ мало распространенное въ Россіи и составляющее нашу насущную потребность. На студентовъ и слушателей университетовъ впечатлѣніе этихъ мѣръ было тоже самое тяжелое.

Не встрѣтивъ ни въ комъ сочувствія, эти правила могли быть введены безъ волненій развѣ только весьма искусной рукой, обычной въ обращеніи съ университетами и студентами, и при помощи значительныхъ смягченій, по крайней мѣрѣ на первое время. Въ этомъ отношеніи оставленъ необходимый просторъ; въ Высочайшемъ повелѣніи 31-го мая было сказано, что новыя правила должны вводиться „постепенно и по мѣрѣ возможности“, слѣд., предоставлены средства сгладить въ началѣ ихъ рѣзкость, дать время остынуть первому непріятному впечатлѣнію, и затѣмъ, еслибы правительство признало нужнымъ неуклонно слѣдовать предначертанному пути, мало-по-малу достигнуть точнаго ихъ приложенія. Но уже въ дополнительныхъ правилахъ 21-го іюля новымъ началамъ придана еще большая строгость, и благоразумная постепенность забыта.

За мѣсяцъ до изданія этихъ дополнительныхъ правилъ, въ началѣ іюня, совѣту с.-петербургскаго университета предложено было озаботиться немедленнымъ составленіемъ для студентовъ правилъ относительно точнаго посѣщенія лекцій, также изыскать и начертать мѣры для неуклоннаго исполненія правилъ о взиманіи съ посѣщающихъ университетъ установленнаго денежнаго взноса. Вслѣдствіе этого университетскій совѣтъ, въ засѣданіи 16-го іюня, образовалъ временную коммиссію изъ семи профессоровъ, которой поручено, между прочимъ, составить проектъ правилъ объ обязанностяхъ студентовъ и вольнослушателей во время нахожденія ихъ въ стѣнахъ университета, о дѣятельности ректора и проректора, какъ начальниковъ полицейско-инспекторскаго надзора за студентами и вольнослушателями, и объ организаціи полицейско-инспекторскаго надзора, непосредственно подчиненнаго проректору и ректору.

Задача коммиссіи была крайне трудная. Основныя начала были ей даны, оставалось примѣнить ихъ такъ, чтобы переходъ къ новому порядку дѣлъ не былъ слишкомъ крутъ и могъ совершиться съ необходимою постепенностью. Для этого коммиссія предположила учредить должность проректора, выбраннаго совѣтомъ изъ числа профессоровъ; установить университетскій судъ изъ профессоровъ же, чтобы внушить къ этому суду болѣе довѣрія со стороны студентовъ; коммиссія предоставляла каждому подсудимому студенту, для подтвержденія его показаній, приглашать въ судъ двухъ изъ своихъ товарищей. Сверхъ того коммиссія предположила оставить студенческую кассу, библіотеку и редакцію „Сборника“ въ завѣдываніи студентовъ, выбранныхъ по факультетамъ и курсамъ. Послѣдній пунктъ, конечно, косвенно допускалъ сходки, но во-1-хъ, онѣ не были общія, а частныя, раздробленныя; во-2-хъ, онѣ оставлены только для избранія студентовъ, которымъ ввѣрялась касса, библіотека и редакція „Сборника“; для шумныхъ демонстрацій и разглагольствованій тутъ не было повода; въ 3-хъ, онѣ должны были происходить подъ надзоромъ и руководствомъ профессора, слѣд., согласно съ первоначальнымъ Высочайшимъ повелѣніемъ 31-го мая, съ разрѣшенія начальства. За совершенною невозможностью прекратить сходки, члены коммиссіи должны были по необходимости избрать средній путь, который бы согласилъ строгія требованія правительства съ возможностью ихъ исполненія. Кромѣ того, коммиссія предложила матрикулы, которыя должны были содержать въ себѣ всѣ университетскія правила, относящіяся къ студентамъ, и какъ бы формулярный списокъ каждаго изъ нихъ. Наконецъ, противъ предположенія объ исключеніи студентовъ, не выдержавшихъ экзамена, коммиссія возражала, что такое правило должно непремѣнно повести къ большей снисходительности со стороны экзаменаторовъ и, слѣдовательно, къ ослабленію самаго значенія экзаменовъ, а противъ выбора студентовъ правленіемъ,—что оно не можетъ руководствоваться никакими данными при этомъ избраніи и должно будетъ избирать случайно, по фамиліямъ только. Въ заключеніе коммиссія положила просить попечителя засвидѣтельствовать министру, что „члены совѣта, т.-е. профессоры с.-петерб. университета, никогда и ни въ чемъ не подавали повода думать, что они уклоняются отъ своего долга или не знаютъ той прав-

ственной отвѣтственности, которая лежитъ на каждомъ преподавателѣ, и что членамъ совѣта вовсе неизвѣстны случаи легкомысленнаго небреженія и превратнаго пониманія своихъ обязанностей, бывшихъ причиною песчастія молодыхъ людей“.

Совѣтъ университета одобрилъ работы коммиссіи и представилъ ихъ попечителю. Вопросъ о введеніи билетовъ для посѣщенія лекцій былъ поднятъ, но не пущенъ на голоса, потому что очевидно было, что большинство членовъ совѣта не желало этой мѣры. Несмотря на то, исправляющій должность ректора счелъ нужнымъ сказать въ представленіи попечителю, что многіе профессоры признаютъ необходимымъ и полезнымъ допускать постороннія лица въ университетъ не иначе, какъ по билетамъ, съ платою за каждый по 10 коп. сер.

Всѣ спасительныя смягчающія мѣры, предложенныя коммиссіей, были отвергнуты министерствомъ. Новый попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа, генер.-лейт. Филипсонъ, сначала собралъ университетскій совѣтъ подъ своимъ предсѣдательствомъ и объявилъ ему, что министръ утвердилъ правила, составленныя коммиссіей, съ нѣкоторыми *незначительными* измѣненіями, а въ оффиціальной бумагѣ отъ 2-го сентября увѣдомилъ исправляющаго должность ректора, что министръ разрѣшилъ привести въ дѣйствіе проектъ организаціи полицейско-инспекторскаго надзора за студентами на одинъ годъ въ видѣ опыта: „съ измѣненіями, которыя лично указаны ему, попечителю, г. министромъ“. Къ этому генер.-лейтен. Филипсонъ, между прочимъ, прибавилъ, что входъ въ университетъ долженъ быть дозволенъ только тѣмъ лицамъ, которыя получатъ отъ исправляющаго должность проректора билеты на право посѣщенія лекцій, съ платою, какая будетъ за билетъ назначена.

Незначительныя, по мнѣнію ген.-лейт. Филипсона, измѣненія въ правилахъ, составленныхъ въ университетскомъ совѣтѣ, на самомъ дѣлѣ были чрезвычайно важны. Министерство безусловно отвергло выборы студентовъ и поручило избраніе ихъ деканамъ, отвергло свидѣтелей въ судѣ, подчинило студенческую библіотеку и кассу распоряженію университетскаго начальства и библіотекаря, требовало немедленнаго введенія билетовъ, отвергло возраженія противъ исключенія студентовъ, не выдержавшихъ экзамена и пробывшихъ въ университетѣ не болѣе года. Въ частномъ письмѣ на имя попечителя, предназначенномъ для приватнаго сообщенія профессорамъ, министръ дѣлалъ имъ замѣчанія за рѣзкость тона коммиссіи, о послабленіи на экзаменахъ отозвался, какъ о нарушеніи обязанностей службы, циркулярное же обвиненіе профессоровъ въ распространеніи вредныхъ мыслей между студентами объяснялъ какъ предостереженіе, на которое никто претендовать не въ правѣ. Затѣмъ министръ требовалъ, чтобы совѣтъ указалъ на профессора, который бы могъ, на основаніи новыхъ правилъ, занять должность проректора, временно, на годъ.

Совѣтъ былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе. Распоряженія министерства отняли у новыхъ правилъ все смягчающее, что̀ одно могло обезпечить постепенное, спокойное ихъ введеніе. Отсутствіе спасительнаго клапана представляло серьезныя опасности. На послабленія, смягченія, необходимые обходы крайней строгости правилъ при новомъ министерствѣ, послѣ всего изложеннаго, нельзя было разсчитывать, а съ другой стороны, обратить на себя, какъ на вводителя новыхъ порядковъ, негодованіе студентовъ, лишиться чрезъ это ихъ уваженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ потерять всякій нравственный авторитетъ надъ ними, словомъ, пожертвовать собою безъ всякой надежды принести тѣмъ пользу университету и дѣлу никто изъ профессоровъ не хотѣлъ. Всякій изъ нихъ предчувствовалъ бѣду и боялся тяжелой отвѣтственности передъ правительствомъ, университетомъ и общественнымъ мнѣніемъ, если не управится съ дѣломъ, которое на себя бралъ. А управиться не было никакихъ средствъ; это видѣлъ всякій. Положеніе проректора, само по себѣ крайне трудное и деликатное, еще затруднено министерскими распоряженіями и сдѣлано совершенно невозможнымъ. Никакая прибавка жалованья, никакія заботы министерства объ улучшеніи содержанія не выкупали безвыходнаго положенія профессора, который бы рѣшился принять званіе проректора. Вслѣдствіе этого профессорамъ оставалось одно: откровенно, добросовѣстно представлять начальству, при каждомъ удобномъ случаѣ, крайнюю трудность положенія, неудобство новыхъ правилъ и отказаться отъ опасной чести быть проректоромъ. Съ полною откровенностью они выразили попечителю въ со-

вѣтѣ свои сомнѣнія относительно самыхъ важныхъ пунктовъ новыхъ правилъ, но не были услышаны и въ этотъ разъ. Отъ нихъ требовалось безусловнаго ихъ выполненія и выбора проректора.

Въ бывшемъ, вслѣдствіе того, особомъ совѣщаніи профессоровъ въ залѣ совѣта, продолжавшемся четыре часа, былъ подробно обсуждаемъ вопросъ о проректорѣ. Послѣ продолжительныхъ преній положено было представить попечителю, что „совѣтъ не можетъ указать ни на одного изъ своихъ членовъ для исправленія должности проректора, по тѣмъ трудностямъ, которыя представляетъ эта должность на основаніи утвержденныхъ правилъ".

Совѣту не легко было рѣшиться на такой шагъ. Если онъ на него рѣшился, даже съ указаніемъ побудительныхъ причинъ, то это доказывало, что положеніе въ самомъ дѣлѣ было чрезвычайно трудное. Не исполнить повтореннаго требованія начальства, — дѣло слишкомъ рискованное и мало полезное въ служебномъ отношеніи, чтобы на него можно было пойти легкомысленно, безъ самыхъ важныхъ побудительныхъ причинъ. Но министерство не хотѣло обратить на это вниманія. Вмѣсто того, чтобы увидѣть въ отзывѣ профессоровъ добросовѣстное отправленіе служебныхъ обязанностей и важное предостереженіе, оно приняло ихъ отзывы какъ сопротивленіе распоряженіямъ правительства и отвѣтило назначеніемъ въ должность проректора инспектора студентовъ, человѣка не уважаемаго ни профессорами, ни студентами, не дѣятельнаго и трусливаго.

Съ этой минуты дѣла пошли быстро къ окончательной, прискорбной развязкѣ. Къ распоряженіямъ министерства присоединились еще непонятныя упущенія ближайшаго университетскаго начальства. Никакой мѣры для ознакомленія студентовъ съ новымъ порядкомъ дѣлъ въ университетѣ принято не было. Новыя постановленія правительства студентамъ объявлены не были и стали нѣкоторымъ изъ нихъ извѣстны изъ газетъ, а большинству—изъ самыхъ нелѣпыхъ и противорѣчивыхъ слуховъ. Какъ только открылись лекціи (18-го сентября), начались опять сходки съ рѣчами и разными манифестаціями; никто ихъ не останавливалъ, никто даже тогда не позаботился объявить студентамъ, что онѣ безусловно запрещены. Воззваніе самое легкомысленное было прибито въ университетѣ и не было снято въ теченіе шести часовъ сряду: каждый могъ его читать свободно, сколько хотѣлъ; безпорядки по выдачѣ студентамъ билетовъ на жительство поджигали и распаляли ихъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Еще въ пятницу, 22-го сентября, совѣтъ единогласно просилъ объ отмѣнѣ билетовъ, но напрасно. Послѣдняя шумная сходка была въ университетѣ въ субботу, 23-го сентября, послѣ чего лекціи были прекращены. Своевременно и благоразумно ли было это распоряженіе—трудно сказать. При прежнемъ порядкѣ дѣлъ, студентовъ конечно можно было успокоить, не прибѣгая къ такой крутой мѣрѣ; но при новыхъ правилахъ и вызванномъ ими настроеніи, университетъ рано или поздно пришлось бы закрыть, потому что они именно и поддерживали волненіе.

На другой день, 24-го сентября, министръ народнаго просвѣщенія въ первый разъ по вступленіи своемъ въ министерство принялъ профессоровъ и преподавателей университета. Представленіе было оффиціальное. Графъ Путятинъ повторилъ профессорамъ, что правительство заботится объ увеличеніи ихъ содержанія, просилъ содѣйствовать ему въ успокоеніи студентовъ, объяснялъ необходимость и справедливость взиманія съ нихъ платы за слушаніе лекцій и выразилъ готовность правительства оказать въ этомъ отношеніи снисхожденіе достойнымъ, но бѣднымъ молодымъ людямъ. Тутъ же профессоры впервые узнали о прекращеніи лекцій, но не изъ устъ министра, а отъ исправляющаго должность ректора.

На слѣдующій же день, 25-го сентября поутру, была, по поводу закрытія лекцій, уличная демонстрація студентовъ, а ввечеру происходило засѣданіе университетскаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ попечителя. Министерство стало въ самое затруднительное положеніе. Оно теперь только, кажется, замѣтило, что ошибалось и принимало не тѣ мѣры, какія слѣдовало; но отступить отъ нихъ послѣ того, что произошло, было, разумѣется, невозможно. Для умиротворенія университета министерство придумало новыя полицейскія мѣры. Предположено, по открытіи университета, раздавать матрикулы не тѣмъ порядкомъ, какой предписанъ въ правилахъ, самимъ же министерствомъ утвержденныхъ, т.-е. не проректоромъ и его секретаремъ, а съ особенною торжественностью въ факультетскихъ засѣданіяхъ; присутствіе при этомъ

профессоровъ, уважаемыхъ студентами, говорилъ попечитель, будетъ имѣть моральное вліяніе на молодыхъ людей и придастъ въ ихъ глазахъ матрикуламъ желаемый авторитетъ. Это говорилось въ то время, когда студенты, до послѣдней степени раздраженные распоряженіями министерства и университетскаго начальства, рѣшились на самыя крайнія мѣры. Профессоры, тщетно предостерегавшіе столько разъ и министерство и университетское начальство, должны были теперь своимъ нравственнымъ авторитетомъ и вліяніемъ поддерживать то, чего они по совѣсти не могли одобрить, и тѣмъ лишить себя навсегда возможности имѣть на студентовъ какое-нибудь нравственное вліяніе, имѣть въ ихъ глазахъ какой-нибудь авторитетъ, столь необходимый въ ближайшемъ будущемъ, для возстановленія въ университетѣ тишины и порядка. Спрошенные попечителемъ, какъ они объ этомъ думаютъ, профессоры, большинствомъ 15-ти голосовъ противъ 14-ти, отвергли эту мѣру, какъ неудобную, не ведущую къ цѣли и противную правиламъ. Министерство опять увидѣло въ этомъ не иное что, какъ сопротивленіе высочайшимъ повелѣніямъ, и потребовало отъ профессоровъ письменныхъ отзывовъ по этому предмету, вѣроятно, предполагая, что они не рѣшатся изложить свои мнѣнія на бумагѣ. Оказалось, что въ письменныхъ отзывахъ неудобство раздачи матрикулъ въ факультетахъ было признано даже многими изъ тѣхъ профессоровъ, которые при словесной подачѣ голосовъ были въ пользу предложенія ген.-лейт. Филипсона, или не были въ засѣданіи совѣта, такъ что значительное большинство голосовъ выразилось противъ этой мѣры. Она и была оставлена. Съ своей стороны профессоры, желая всячески содѣйствовать правительству въ успокоеніи студентовъ мѣрами дѣйствительными, предложили: во-1-хъ, произвести, посредствомъ коммиссіи, выбранной университетскимъ совѣтомъ изъ своей среды, подробное изслѣдованіе о бывшихъ въ университетѣ безпокойствахъ и о ихъ причинахъ; во-2-хъ, облегчить способы уплаты денегъ за слушаніе лекцій для молодыхъ людей недостаточнаго состоянія. Оба предложенія приняты совѣтомъ единогласно; но изъ нихъ одобрено попечителемъ только второе, а первое отвергнуто безъ объясненія причинъ.

Изъ предыдущаго изложенія видно, что причины волненій и безпорядковъ между студентами, приведшія къ такимъ прискорбнымъ результатамъ, заключались главнымъ образомъ:

Въ совершенной неудовлетворительности университетскаго устава 1835 года, настоятельно требующаго коренныхъ преобразованій;

въ неосторожныхъ распоряженіяхъ министерства;

въ неустройствѣ и бездѣйствіи университетскаго начальства.

На учащихся молодыхъ людей, по возрасту своему расположенныхъ къ преувеличеніямъ и крайностямъ, большею частью по самымъ благороднымъ побужденіямъ, могутъ съ успѣхомъ дѣйствовать не внѣшнія полицейскія мѣры, а нравственное вліяніе профессоровъ, къ которымъ они привыкли, которыхъ знаютъ, изъ которыхъ многихъ глубоко уважаютъ. Какъ же поставлены профессоры? Содержаніе ихъ самое жалкое, участіе въ управленіи университетомъ самое ничтожное, отъ студентовъ они систематически устранены.

Съ другой стороны, полицейскій характеръ университетскаго устава 1835 г., смягченный въ примѣненіи въ послѣднее время, новыми мѣрами правительства вдругъ оживленъ и возстановленъ еще съ большею силою, чѣмъ когда-либо; безусловно запрещены студенческія собранія, тогда какъ они, при извѣстныхъ условіяхъ и обстановкѣ, могли бы быть не только безвредны, но даже полезны; доступъ въ университетъ бѣднымъ молодымъ людямъ закрытъ вовсе, тогда какъ для большинства учащихся университетскій дипломъ есть патентъ на право кормиться честнымъ трудомъ. Едва ли теперь настало время ограничивать число университетскихъ воспитанниковъ, когда запросъ на нихъ по всѣмъ отраслямъ управленія такъ великъ, а въ ближайшемъ будущемъ, съ предстоящими преобразованіями, долженъ сдѣлаться гораздо больше.

Дѣйствіе этихъ коренныхъ причинъ усилили еще болѣе чрезмѣрно строгія распоряженія министерства, которое, дѣйствуя круто и рѣзко, не допуская никакихъ переходныхъ мѣръ, обезсилило и охладило профессоровъ и довело студентовъ до сосредоточеннаго отчаянія. Безурядица и хаосъ университетской администраціи довершили остальное.

Чтобы поправить зло и утишить волненія въ университетахъ, необходимо:

1) Преобразовать университетскій уставъ 1835 г. на широкихъ началахъ, предоставя профессорамъ гораздо большее значеніе въ университетскомъ управленіи и дѣлахъ, чѣмъ теперь, и обезпечивъ имъ безбѣдное матеріальное существованіе. Вообще университеты должны получить больше самостоятельности, чѣмъ до сихъ поръ имѣли.

2) Ректоры должны быть выборные и облечены большею властью. Поднять ихъ значеніе необходимо.

3) Если правительство не признаетъ возможнымъ уменьшить плату за слушаніе лекцій, то необходимо по крайней мѣрѣ освободить отъ нея дѣйствительно бѣдныхъ молодыхъ людей и значительно облегчить взносъ денегъ для лицъ недостаточнаго состоянія.

4) Надлежитъ отмѣнить вовсе различіе между студентами и вольнослушателями, безъ нужды путающее дѣло и университетскій надзоръ. Слѣдуетъ или уничтожить вовсе званіе студента, или же отмѣнить разрядъ вольныхъ слушателей. Въ пользу и противъ того и другого можно сказать многое, и потому вопросъ этотъ требуетъ внимательнаго обсужденія.

5) Дозволить собранія студентовъ подъ надзоромъ университетскаго начальства и профессоровъ; разрѣшить имъ имѣть въ своемъ распоряженіи, посредствомъ выборныхъ, но также подъ наблюденіемъ университетскаго начальства, студенческую кассу, библіотеку и т. п. Кругъ занятій собраній и наблюденіе за ними должны быть очень зрѣло обдуманы, чтобы съ одной стороны не стѣснить безъ нужды молодыхъ людей, а съ другой—не дать имъ уклониться по этому поводу съ прямого пути.

и 6) Подробно, самымъ тщательнымъ образомъ пересмотрѣть всѣ относящіяся къ студентамъ правила и выключить изъ нихъ все то, что безъ крайней необходимости дразнитъ ихъ и вызываетъ на волненія. Такія правила есть и они много вредятъ дѣлу.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что строгому и добросовѣстному надзору надъ студентами много мѣшаетъ чрезмѣрная жестокость нашихъ уголовныхъ законовъ и заключающаяся въ нихъ наклонность придать государственный и политическій характеръ такимъ проступкамъ молодежи, которые на самомъ дѣлѣ не болѣе какъ бредъ молодости. Еслибы этого не было, еслибы такъ называемыя политическія преступленія учащагося юношества наказывались слабѣе, напримѣръ, по большей мѣрѣ заключеніемъ на полъ-года, то не было бы причины скрывать такіе проступки и уменьшать ихъ важность, какъ дѣлается по необходимости теперь даже людьми добросовѣстными, не одобряющими крайностей, въ которыя вдаются молодые люди. Теперь всякій боится принять на свою душу тяжкую отвѣтственность за погибель юноши; всякій знаетъ, часто по опыту, что, придя въ зрѣлый возрастъ, юноша будетъ думать и поступать иначе, и потому скрываетъ его проступки; а это заставляетъ молодыхъ людей думать, что ихъ проступки одобряются, что имъ сочувствуютъ; рождается мысль о безнаказанности, которая поощряетъ молодыхъ людей на этомъ пути и наконецъ доводитъ ихъ до дѣйствительныхъ политическихъ и государственныхъ преступленій.

1861 г., октябрь.

СЪ ВОЛГИ.

Путевыя впечатлѣнія.

Не хорошо засиживаться въ Петербургѣ, а еще того хуже — жить въ немъ безвыѣздно. Какъ разъ, самъ того не замѣчая, сложишься въ мѣстный петербургскій типъ, котораго отличительная черта не имѣть никакого типа, —и станешь смотрѣть на Россію съ точки зрѣнія мѣстныхъ петербургскихъ кружковъ, преслѣдующихъ, подобно всѣмъ кружкамъ въ мірѣ, свои ближайшія практическія цѣли. Кто хочетъ знать, что дѣлается въ Россіи, тому необходимо почаще освѣжаться поѣздками внутрь страны, почаще вырываться изъ узко очерченной журнальной и не журнальной среды, плавающей поверхъ русской жизни, изъ заколдованнаго круга разныхъ миражей, траурныхъ и радужныхъ, и окунаться въ глубь дѣйствительности, не поддающейся никакимъ односторонностямъ, живущей какъ-то помимо всякихъ взглядовъ, и потому освѣжительной своей правдой.

Мысль и жизнь, взглядъ и дѣйствительность,—вѣчныя противоположности, а у насъ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь! Гдѣ же правда, и въ чемъ же она? Странное дѣло! У насъ теперь можно, до нѣкоторой степени, переносить дѣйствительную жизнь въ печать: заваленный путь къ руднику вскрытъ и нѣсколько расчищенъ; а рудникъ все не бьетъ ключомъ, все струится подъ землей, въ какихъ-то темныхъ переходахъ, невидимо для глазъ. По прежнему, жизнь остается нѣмою и безгласною, по старой ли привычкѣ, или почему-либо другому,—ужъ я, право, не знаю. Но чувствуется, что она какъ-то не оживляетъ и не согрѣваетъ нашей мысли, нашихъ взглядовъ, нашей печати. Рѣдко, рѣдко когда плеснетъ изъ нея живой струей въ измышленный, натянутый строй нашихъ заученныхъ, рутинныхъ взглядовъ и опять затянется обычной плѣсенью.

Оттого съ наслажденіемъ садишься на желѣзную дорогу и катишь вонъ изъ Петербурга! Въ вагонахъ, на пароходахъ, сколько неожиданныхъ знакомствъ, встрѣчъ, разговоровъ! Такъ и обдаетъ живительной правдой, если хоть немного привыкъ ее любить и искать. А для этого нужна нѣкоторая сноровка, какъ для всякаго дѣла. Благосклонный читатель! Если тебѣ столько же, какъ и мнѣ, пріѣлись ходячія мнѣнія, вытертыя какъ четвертакъ стараго чекана; если ты, подобно мнѣ, жаждешь живой правды и хочешь узнать русскую жизнь, какова она есть, послушай моего добраго совѣта: въ путешествіяхъ по Россіи держись на пистолетный выстрѣлъ вдали отъ писателей, журналистовъ, фельетонныхъ и иныхъ мыслителей; бѣги, какъ проказы, всякихъ недовольныхъ,—недовольныхъ земскими учрежденіями, мировыми посредниками, уставомъ о печати,—за то ли, что онъ слишкомъ строгъ, или, что онъ слишкомъ слабъ; чуждайся и аристократовъ и демократовъ, вообще всѣхъ, исповѣдующихъ какой бы то ни было *измъ*; а благонадежно присосѣдься къ какому-нибудь купцу или купеческому прикащику, мужику, торгующему или неторгующему, вообще къ первому попавшемуся тебѣ нехитрому человѣку, который занимается, не мудрствуя лукаво, какимъ-нибудь практическимъ дѣломъ, тянетъ свою лямку и мало знакомъ съ высшими взглядами, —все равно, офицеръ это или помѣщикъ, чиновникъ или дьячокъ, солдатъ или мѣщанинъ. Вотъ твои источники. Спрашивай и слушай. Ты узнаешь то, чего не прочтешь ни въ какой книгѣ и ни въ какой газетѣ. А сдѣлать выводы—это ужъ твое дѣло.

Я съ наслажденіемъ совершаю чуть ли не каждый годъ, лѣтомъ, одну и ту же прогулку изъ Петербурга по Волгѣ и обратно. Какихъ людей не пришлось мнѣ видѣть и чего только я не наслышался! Со всѣхъ концовъ Россіи встрѣчаются люди на этомъ пути, и каждый разсказываетъ про свое. Въ вагонахъ и на пароходахъ люди и разговоры перемѣняются какъ фигуры въ волшебномъ фонарѣ. Еслибы все записывать, что слышалъ интереснаго и новаго, составились бы за нѣсколько лѣтъ

томы преинтересныхъ замѣтокъ, очень оригинальныхъ, какихъ не прочтешь въ книгахъ и газетахъ.

Вотъ хоть бы въ послѣдній разъ. Отправился я въ обычный путь въ самомъ мрачномъ настроеніи. Разныя газеты и господа натвердили мнѣ, что торговля у насъ годъ отъ году падаетъ, фабрики и заводы закрываются, народъ бѣднѣетъ, производство уменьшается. Какъ же тутъ не придти въ мрачное настроеніе! У насъ идутъ, одни за другими, преобразованія, которыя освобождаютъ трудъ, обезпечиваютъ бытъ народныхъ массъ, упрочиваютъ личную и имущественную неприкосновенность; казалось бы, тутъ-то и надо начать развиваться народному труду и промышленности; а вамъ говорятъ, что они, вмѣсто того, падаютъ, вопреки всякому здравому смыслу! Какъ же это такъ? Мнѣ хотѣлось провѣрить на дѣлѣ справедливость того, что я слышалъ и чаталъ объ упадкѣ нашей промышленности. И вотъ, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, я подсѣлъ на нижегородской желѣзной дорогѣ къ одному купцу, съ которымъ зашелъ у насъ случайный разговоръ. Весь его наружный видъ удостовѣрилъ меня, что кромѣ объявленій о торгахъ на подряды и поставки, да, можетъ быть, телеграммъ по торговымъ дѣламъ, онъ ничего не читаетъ. Значитъ, субъектъ совершенно благонадежный.

— Вы какимъ изволите торговать товаромъ?

— Шелковымъ и бумажнымъ.

— На ярмарку въ Нижній ѣдете?

— Нѣтъ, на свою фабрику, у В...ской станціи.

— Хорошо идетъ съ рукъ этотъ товаръ въ настоящее время?

— Хорошо. Нашъ товаръ никогда не залеживается.

— А позвольте васъ спросить, — продолжалъ я, желая разъяснить себѣ тяготившее меня сомнѣніе:—мнѣ случалось много слышать и читать, будто наша фабрикація въ застоѣ и торговля въ упадкѣ: правда ли это, или нѣтъ?

Купецъ посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ; видимо было, что онъ объ этомъ слышитъ въ первый разъ отъ роду.

— Не знаю,—говоритъ,—съ чего это такъ берутъ. Никакого упадка и уменьшенія я не вижу. Мнѣ въ примѣтѣ, что промышленность наша, вся вообще, мало что процентовъ на десять ежегодно увеличивается. Я вотъ лѣтъ 40 фабрику свою имѣю. Тому назадъ лѣтъ 40 слишкомъ, такъ у насъ всего хлопку обдѣлывалось не больше 400,000 пудовъ въ годъ, а теперь 4 милл. пудовъ. Цѣны только, по случаю войны въ Америкѣ, очень сильно перемѣнялись: была и 15 руб., была и 47 руб., такъ и трудно было сообразить и примѣниться. Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—хлопокъ дороже—и продаемъ товаръ дороже, а подешевѣетъ—дешевле и товаръ. Вотъ вся и разница. Покупщики, кому нужно, и дешево, и дорого заплатятъ.

Это спокойствіе и эта увѣренность, что все идетъ къ лучшему въ этомъ наилучшемъ изъ міровъ, какъ-то странно отзывались въ моей душѣ, преисполненной мрачныхъ предчувствій на счетъ скораго совершеннаго паденія нашей фабричной и торговой промышленности.

Чѣмъ дальше я ѣхалъ, тѣмъ спокойнѣе становился, подъ вліяніемъ разговоровъ съ промышленниками и купцами. На Волгѣ пароходныя компаніи работали отлично; не онѣ искали товару, а товаръ напрашивался имъ. Вмѣсто 3 и 5 коп. брали по 15 и 20 коп. съ пуда. Въ началѣ іюля зафрахтовано столько, что можно было прекратить дальнѣйшую законтрактовку грузовъ и остаться съ огромнымъ барышомъ.

Тѣ же разговоры и тѣ же впечатлѣнія на самой Волгѣ. Купцы ждали хорошей ярмарки, и ни слова жалобы на плохіе годы и упадокъ промышленности мнѣ не удалось слышать. Напротивъ, одинъ купецъ изъ Астрахани, торгующій въ Персіи, разсказывалъ мнѣ, что сбытъ московскихъ мануфактурныхъ издѣлій въ эту страну съ каждымъ годомъ увеличивается и что они начинаютъ вытѣснять англійскія; что съ каждымъ годомъ произведенія нашихъ фабрикъ становятся лучше, больше и больше потрафляютъ на вкусъ персіянъ и въ то же время добротнѣе, „матеріялистѣй“ заграничныхъ. Одинъ управляющій пивоваренныъ заводомъ въ В....ской губерніи, бывшій по порученію своихъ довѣрителей въ Мюнхенѣ, чтобы изучить на мѣстѣ пивоваренное дѣло, хвалился мнѣ, что заводъ даетъ полтину на рубль доходу. Отъ другихъ, подобно мнѣ бывшихъ минувшимъ лѣтомъ на Волгѣ, слышалъ я разсказы о томъ, что одинъ купецъ скупалъ на ярмаркѣ холстъ для прусской арміи; другой продалъ на ярмаркѣ бумажныхъ тканей на 800 т. р., причемъ выручилъ чистаго барыша 100 т. р.; что одинъ

изъ значительнѣйшихъ нашихъ бумажныхъ фабрикантовъ получилъ изъ Индіи заказъ нанки на 600 т. р. сер., и пр. и пр. Фабрикующіе крестьянскій товаръ не успѣваютъ его заготовлять,—такъ огромно на него требованіе.

Откуда же это странное противорѣчіе между тѣмъ, что слышишь на мѣстахъ отъ купцовъ и фабрикантовъ, и тѣмъ, что говорится и пишется въ Петербургѣ? Чтобы отвѣчать основательно на этотъ вопросъ, нужно глубоко знать дѣло, а я его совсѣмъ не знаю и записываю только правдиво то, что слышалъ, передаю одни впечатлѣнія. Впрочемъ, весьма вѣроятно, что причинъ противорѣчія много и весьма сложныхъ. Замѣтимъ, что печатное слово все еще сильно отзывается у насъ просьбой, жалобой или доносомъ и не успѣло пока возвыситься до отраженія общественной и народной жизни въ цѣломъ ея составѣ, какъ она есть. Мы заявляли печатно одно дурное, а не все то, что дѣлается и какъ дѣлается. Купецъ, заводчикъ и фабрикантъ, пока дѣла ихъ идутъ хорошо, молчатъ. Часто также приходитъ на мысль, не судимъ ли мы очень односторонне о нашей промышленности и торговлѣ отъ того, что имѣемъ, главнымъ образомъ, въ виду внѣшнюю нашу торговлю и мало обращаемъ вниманія на внутреннюю, по первой заключаемъ о положеніи послѣдней? Не обманываетъ ли насъ въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, то, что мы, можетъ быть, слишкомъ смотримъ на себя сквозь европейскіе очки, перецѣниваемъ наши отношенія къ Европѣ? Наконецъ, свѣжему, непредубѣжденному взгляду очевидно, что освобожденіе труда и рядъ послѣдовавшихъ за нимъ коренныхъ преобразованій въ Россіи, положили начало перестановкѣ капиталовъ и промышленной дѣятельности. Такая перестановка совершается теперь все въ бо̀льшихъ и бо̀льшихъ размѣрахъ и, разумѣется, вызываетъ жалобы въ тѣхъ, кто отъ того терпитъ, тогда какъ тѣ, кому она полезна, по русской привычкѣ, молчатъ и ею пользуются про себя. Одинъ заводчикъ объяснялъ мнѣ это такимъ образомъ: пока существовало крѣпостное право, говорилъ онъ, намъ, купцамъ, нельзя было соперничать въ производствѣ съ помѣщиками. У нихъ были свои даровые рабочіе, и потому заработная плата не вводилась въ разсчетъ издержекъ производства. Цѣны были поэтому разнообразны и случайны, и правильный торгъ былъ невозможенъ; помѣщики сбивали наши цѣны, и идти съ ними въ рядъ нельзя было и думать. Теперь же, когда барщина прекратилась, все перемѣнилось: случайныхъ цѣнъ нѣтъ, онѣ проходятъ насквозь, игра ихъ стала правильная, съ одного конца тотчасъ отдастся на другомъ. А когда мы въ этомъ съ помѣщиками выравнялись, то имъ соперничать съ нами никакъ стало нельзя, потому что мы вездѣ все сами и ближе знаемъ заводское и фабричное дѣло; а у нихъ—управляющіе и прикащики, которые ихъ обманываютъ, потому что они сами дѣла не знаютъ и имъ не занимаются, какъ мы. Оттого-то помѣщичьи фабрики и заводы закрываются или идутъ плохо, тогда какъ наши идутъ порядочно, и мы ихъ вновь открываемъ.

Въ этомъ отзывѣ есть, кажется, большая доля правды. Впрочемъ какъ это въ заводскомъ и фабричномъ дѣлѣ—я не могу судить, не будучи вовсе знакомъ съ этою отраслью. Что же касается дохода отъ земли, то по собственному долголѣтнему опыту я пришелъ къ полному убѣжденію, что отнынѣ никакое деревенское хозяйство немыслимо безъ тѣснѣйшей связи нравственной и на обоюдныхъ интересахъ основанной между помѣщикомъ и крестьянами. Гдѣ эта связь есть, тамъ будетъ и доходъ, возможны и всякія улучшенія хозяйства. Гдѣ же этихъ двухъ закрѣпъ нѣтъ, тамъ, въ концѣ концовъ, помѣщика ждетъ разореніе. Благоразумные люди, съ кѣмъ мнѣ ни удавалось говорить, понимаютъ это очень ясно и сообразно съ тѣмъ дѣйствуютъ и тоже молчатъ, а неблагоразумные —терпятъ и жалуются.

Можетъ быть, все это и не такъ, какъ я думаю. Но что противорѣчіе, между тѣмъ что есть, и тѣмъ, что говорится и пишется, существуетъ, объ этомъ, кажется, никто не станетъ спорить. Пусть же знающіе люди покажутъ и разъяснятъ, отчего оно? Вопросъ очень важенъ и стоитъ того, чтобы объ немъ подумать. Пока онъ не выяснится, мы все будемъ ходить въ потемкахъ.

(Русскій Инвалидъ, 1866, № 254).

УЗАТИСЪ-ЛАТЫШЪ.

Письмо къ редактору „Русскихъ Вѣдомостей“.

М. Г. Питая глубокое сочувствіе и уваженіе къ издаваемой вами газетѣ и принадлежа къ ея усерднымъ читателямъ, я позволяю себѣ обратиться прямо къ вамъ, съ просьбою напечатать въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ настоящую замѣтку, направленную противъ помѣщенной въ нихъ статьи, которая, какъ мнѣ кажется, противорѣчитъ ихъ тону и направленію.

Рѣчь идетъ о статьѣ г. А. Майкова (№ 180), въ которой производится этнографическое разслѣдованіе о томъ, какого происхожденія омерзительный убійца О. Н. Скобелевой, и доказывается, что онъ и его соучастники не могли быть ни русскими, ни славянами, ни нѣмцами; что Узатисъ—землякъ Ландсберга, латышъ, а прочіе—„всякаго рода бездомовые скитальцы, утратившіе свою народность и потерянные для своего народа“.

Признаюсь, я не совсѣмъ понимаю эту статью и не могу себѣ объяснить, для чего она написана. Смыть съ русскихъ и нѣмцевъ пятно гнуснаго преступленія и закрѣпить за латышами печальную привилегію поставлять міру отвратительныхъ убійцъ,—таковъ буквальный смыслъ статьи. Но я, право, и не смѣю на немъ останавливаться, особливо читая подъ статьею имя г. А. Майкова. Онъ, конечно, помнитъ возмутительное убійство матери съ дочерью, совершенное въ началѣ 60-хъ годовъ, въ Саратовѣ, двумя мерзавцами изъ духовнаго званія, при участіи кухарки; онъ знаетъ, что въ Бременѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, погибъ отъ внезапнаго взрыва адской машины другой злодѣй, который, съ корыстною цѣлью, пустилъ не одинъ корабль на дно Атлантическаго океана со всѣми пассажирами; а Маевскій въ Одессѣ, осужденный на каторгу безъ срока за убійство жены? А Кути де ля Помрэ, изобличенный въ отравѣ женщины, безумно его любившей, знаменитою экспертизой Клодъ Бернара? Развѣ эти ужасы, совершенные русскими, полякомъ, нѣмцемъ и французомъ, могутъ быть поставлены на счетъ которой либо изъ этихъ національностей? Каждое племя, въ свою очередь, выставило не малое ихъ число и попрекать имъ другъ друга злодѣями не приходится. Да и самая мысль взглянуть на этнографическій элементъ, какъ на одно изъ опредѣленій преступности,—сама по себѣ не только неудачна и ошибочна: она просто нелѣпа. Добродѣтельность и порочность не есть дѣло національности, а произведеніе политическихъ и бытовыхъ условій. Преобладаніе въ одной странѣ однихъ преступленій, въ другой—другихъ, объясняется исторіей, а не этнографіей. Народовъ порочныхъ или добродѣтельныхъ по происхожденію, по расѣ, не существуетъ; ихъ дѣлаютъ такими нравы, сложившіеся вѣками. Утверждать, что латыши преимущественно передъ другими наклонны совершать преступленія надъ лицами, оказавшими имъ благорасположеніе, — безсмысленно. Такой вздоръ совѣстно и опровергать.

Нѣтъ, г. А. Майковъ—слишкомъ серьезный и почтенный писатель, чтобы могъ преднамѣренно сказать что-нибудь подобное. Это у него просто сорвалось нечаянно съ пера, подъ вліяніемъ горячаго патріотическаго чувства. Ему было нестерпимо тяжело думать, что русскій могъ совершить такое гнусное дѣло, и вотъ онъ неосторожно свалилъ вину на латышей. Но онъ впалъ въ неожиданную ошибку вслѣдствіе неправильной постановки вопроса, и надъ этимъ собственно я и хотѣлъ бы остановиться, противъ этого-то я бы и желалъ сказать нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что къ крайнему сожалѣнію въ эту сторону мы грѣшимъ часто, особливо въ послѣднее время. Мы, природные русскіе, увлекаемся теперь любовью къ своему племени и народу до того, что считаемъ его неспособнымъ къ тому или другому худому дѣлу. Но такой взглядъ, не во гнѣвъ будь сказано, отзывается маниловщиной. Нравственныя свойства и качества людей опредѣляютъ,

какъ сказано, нравы, культура, а не кровь, не раса. Сводя нравственность къ происхожденію, мы должны, разсуждая послѣдовательно, на вѣки вѣковъ наложить печать отверженія на цѣлыя народности, потому что отъ крови отказаться нельзя; значитъ, порочность народовъ есть роковая, фатальная? Какъ же согласить такой взглядъ съ основнымъ ученіемъ христіанства, которое, по воззрѣніямъ цѣлой фракціи нашихъ патріотовъ, признается существеннымъ зерномъ русскаго народнаго духа? Христіанамъ по преимуществу, какими мы себя считаемъ, было бы правильнѣе приписывать порочность племенъ и народовъ нравамъ и быту, которые, хотя медленно, но измѣняются и способны улучшаться.

Мысль, брошенная ненарокомъ въ статьѣ г. А. Майкова, не только теоретически ошибочна: она и политически и граждански вредна для нашихъ народныхъ интересовъ. Чѣмъ намъ, природнымъ русскимъ, дороже русскій народъ, чѣмъ выше мы цѣнимъ его нравственныя и умственныя качества, чѣмъ лучезарнѣе представляется намъ его будущность, тѣмъ шире, любовнѣе должны мы смотрѣть на всѣ другія національности, принадлежащія къ составу русскаго государства. Я,—а со мною вѣроятно и множество мыслящихъ людей, — считаемъ разнородный этнографическій составъ русской имперіи, при преобладающемъ сильномъ и однородномъ русскомъ ядрѣ, однимъ изъ самыхъ благопріятныхъ условій для нашего дальнѣйшаго развитія, несомнѣннымъ залогомъ нашей великой исторической будущности. По волѣ судебъ, мы имѣемъ согражданами представителей всѣхъ племенъ, народностей и національностей земного шара. Съ этимъ фактомъ нашъ простой народъ не только свыкся, но, благодаря своему вѣрному и тонкому бытовому чутью, нашелся въ немъ,—стыдно сказать,—разумнѣе, лучше, чѣмъ образованные слои русскаго общества. Мы, просвѣщенные люди, или просто на просто отреклись отъ своей народности, или, наоборотъ, во имя патріотизма, воспылали племенною ненавистью и подозрительностью ко всему не-русскому. Трезвый взглядъ на этотъ вопросъ составляетъ у насъ, пока, рѣдкое и счастливое изъятіе. Но практическіе люди и масса простого народа, ничего не зная про наши узкія и одностороннія теоріи и руководясь однимъ здравымъ смысломъ, стоятъ на высотѣ положенія, которое создано намъ исторіей. Достойная подражанія вѣротерпимость простого русскаго народа, его безпристрастная оцѣнка людей не по національности, а по нравственнымъ качествамъ, уму, способностямъ, поражаютъ всякаго мыслящаго человѣка. Не разъ мнѣ съ удивленіемъ говорили объ этой драгоцѣнной чертѣ русскаго народа иностранцы, жившіе и живущіе между нами. Каждый изъ насъ имѣлъ не однажды случай наблюдать эту характеристическую особенность, достойную великаго историческаго народа, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ русскіе живутъ рядомъ или въ перемежку съ инородцами. Поговорите тамъ, какъ намъ случалось, съ крестьяниномъ: онъ, умѣющій отлично уживаться со всякимъ инородцемъ и иновѣрцемъ, уважать чужой культъ и чужіе нравы, въ глубинѣ души считаетъ русскій народъ выше всѣхъ народовъ въ мірѣ. Не странно, не обидно ли, что у такого-то народа, космополита по привычкѣ и преданію, въ высшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ слова, часть просвѣщенныхъ людей, руководимая ложно понимаемымъ патріотизмомъ, искусственно создаетъ,—конечно, только въ кабинетѣ и на бумагѣ, — національный антагонизмъ и простираетъ ослѣпленіе до того, что сваливаетъ на народности и расы пороки, присущіе человѣческой природѣ и людямъ всевозможныхъ національностей! Нѣмцы, евреи, поляки поочередно дѣлались козлами очищенія нашихъ патріотическихъ увлеченій; сегодня мы къ нимъ прибавляемъ ни въ чемъ не повинныхъ латышей (Узатисъ оказался, по справкѣ, грекомъ изъ Нижняго-Новгорода); послѣ-завтра такими же козлами грѣхоносцами станутъ, пожалуй, эстонцы, сарты, армяне или каракалпаки. Гдѣ же конецъ этимъ безумствамъ? Пора вспомнить, что наши сограждане другой народности и вѣры вмѣстѣ съ нами образуютъ одно политическое тѣло, наравнѣ съ нами несутъ общественныя [и государственныя повинности и тягости, наравнѣ съ нами участвуютъ въ поддержаніи нашего политическаго значенія и роли посреди другихъ государствъ. Какія чувства можетъ питать къ намъ этотъ нашъ согражданинъ, инородецъ и иновѣрецъ, когда мы будемъ повторять ему на разные лады, что мы—Богомъ избранный народъ, а онъ—какой-то оглашенный, способный на разныя, свойственныя его расѣ гадости? И можемъ ли мы, не краснѣя за себя, держать подобныя рѣчи? Допустимъ, что мы и взаправду

народъ, какому нѣтъ и не было подобнаго въ мірѣ: не въ нашихъ ли прямыхъ національныхъ интересахъ воспользоваться талантами и способностями этихъ нашихъ согражданъ для достиженія цѣлей нашего историческаго существованія? А чтобы воспользоваться ими, надо же, чтобы наши инородцы и иновѣрцы чувствовали и сознавали свою солидарность съ русскимъ государствомъ, были, наравнѣ съ нами, природными русскими, его полноправными гражданами. Какъ мы достигнемъ этой цѣли, бросая имъ въ глаза оскорбительные укоры, что они по природѣ: тотъ—плутъ, тотъ—измѣнникъ, этотъ—спеціалистъ по извѣстнаго рода преступленіямъ? Истинная сила и истинный умъ—знать и понимать свои сильныя и слабыя стороны. Мы можемъ, нисколько не унижая себя въ своемъ и чужомъ мнѣніи, откровенно сознаться, что многіе изъ нашихъ согражданъ инородцевъ и иновѣрцевъ имѣютъ качества, способности и таланты, которыхъ мы не имѣемъ. Спросите любого полкового или ротнаго командира: онъ вамъ перечислитъ по пальцамъ, въ какую службу люди какой расы по преимуществу пригодны, и изъ этого перечисленія вы увидите, что есть отрасли военнаго дѣла, въ которыхъ тѣ или другіе изъ инородцевъ полезнѣе и лучше природныхъ русскихъ. Такъ разсуждаетъ всякій практическій человѣкъ и простой русскій народъ, равно чуждые и нашего теоретическаго отступничества, и нашего теоретическаго шовинизма; они не плачутся, что у насъ есть инородцы, а извлекаютъ изъ нихъ пользу для дѣла, глядя по ихъ способностямъ.

Многіе у насъ мечтаютъ о томъ, что всѣ народы, входящіе въ составъ русскаго государства, переродятся со временемъ въ русскихъ. Будетъ ли это когда-нибудь или нѣтъ—это увидятъ наши отдаленные потомки. Вѣрно то, что если всѣ наши инородцы превратятся въ русскихъ, то мы сами, въ свою очередь, будемъ не тѣ, каковы теперь: принявъ въ себя столько чуждыхъ элементовъ, мы сами, по необходимости, выработаемся въ нѣчто существенно различное отъ того, что мы теперь. Но оставимъ эти праздныя фантазіи объ отдаленномъ будущемъ! Теперь намъ надо, въ нашихъ же собственныхъ интересахъ, чтобы наши иновѣрцы и инородцы находили для себя полезнымъ, пріятнымъ и выгоднымъ быть въ составѣ русскаго государства, чтобы они чувствовали себя между нами какъ у себя дома, смотрѣли на себя какъ на полноправныхъ подданныхъ и гражданъ Россіи, и по убѣжденію или изъ разсчета всячески содѣйствовали ея преуспѣянію; а этого мы достигнемъ не иначе, какъ разставшись съ ложной и нелѣпой мыслью: будто въ этнографическихъ различіяхъ заключается условіе добродѣтелей и пороковъ и будто мы сами—вѣнецъ идеальнаго совершенства. Мы можемъ быть вполнѣ довольны тѣмъ, чѣмъ одѣлили насъ судьба и исторія; и съ этимъ мы не умѣемъ пока справиться, какъ надо.

(Русскія Вѣдомости, 1880).

НЕКРОЛОГИ.

I.

Петръ Васильевичъ Кирѣевскій.

25-го октября, въ пять часовъ утра, скончался въ своей орловской деревнѣ Петръ Васильевичъ Кирѣевскій, переживъ своего брата, Ивана Васильевича Кирѣевскаго, лишь нѣсколькими мѣсяцами. Коротенькое письмо, изъ котораго заимствовано это печальное извѣстіе, содержитъ немногія объ этомъ подробности: Петръ Васильевичъ умеръ съ горя отъ кончины брата, котораго нѣжно любилъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и четырехъ дней онъ страдалъ разлитіемъ желчи, страшно мучился отъ этой болѣзни и находился въ мрачномъ состояніи духа; но до конца, всегдашняя, чрезвычайная кротость ему не измѣнила. Онъ умеръ въ совершенной памяти, съ полнымъ присутствіемъ ума; за минуту до смерти перекрестился и самъ сложилъ на груди руки, въ томъ положеніи, какъ складываютъ ихъ обыкновенно покойникамъ.

Кончина Петра Васильевича Кирѣевскаго прибавляетъ еще одно извѣстное и почтенное имя къ горестному и безъ того слишкомъ длинному списку мыслящихъ, просвѣщенныхъ и нравственно высоко стоявшихъ людей, которыхъ смерть сразила въ послѣднее недавнее время. Имя его одно изъ тѣхъ, которыя извѣстны вездѣ, и у насъ и за границей, несмотря на то, что печатно оно являлось очень рѣдко. Память о Петрѣ Васильевичѣ Кирѣевскомъ неразрывно связана съ воспоминаніемъ о цѣлой вереницѣ молодыхъ и свѣжихъ талантовъ, такъ блистательно начавшихъ свое поприще по разнымъ отраслямъ науки и литературы въ Пушкинскую эпоху. Подобно всей лучшей тогдашней молодежи, Петръ Васильевичъ Кирѣевскій докончилъ свое образованіе за границей, слушалъ лекціи въ германскихъ университетахъ, и плодомъ этого было основательное знакомство съ европейскими языками и литературами. Но одаренный умомъ въ высокой степени яснымъ, пытливымъ и серьёзнымъ, Кирѣевскій не могъ остановиться исключительно на этомъ предметѣ, представлявшемъ для русскаго интересъ слишкомъ общій. Его манилъ къ себѣ міръ русскій и славянскій, смутно начинавшій въ то время оживать въ предчувствіи избраннѣйшихъ людей Россіи и славянскихъ странъ. Это сочувствіе теперь, въ насъ такое обыкновенное и естественное, въ началѣ Пушкинской эпохи было явленіемъ рѣдкимъ, новымъ, въ большомъ любителѣ и знатокѣ европейскихъ литературъ даже отчасти страннымъ, которое предполагало высокую степень убѣжденія, горячности, твердости и глубины мысли, именно потому, что было еще вновѣ и не за обычай. Русская и вообще славянская исторія, особливо наша народная литература, сдѣлались предметомъ особеннаго, а потомъ исключительнаго, внимательнаго и глубокаго изученія Петра Васильевича Кирѣевскаго. Не умѣя ничего дѣлать въ половину, Кирѣевскій отдался этому дѣлу со всѣмъ увлеченіемъ и любовью человѣка, для котораго убѣжденіе — первое и главное въ жизни. Съ палкой въ рукѣ и котомкой на плечахъ онъ отправился странствовать пѣшкомъ по нашимъ селамъ и деревнямъ, вдали отъ большихъ дорогъ, туда, гдѣ слѣды старины сохранились живѣе и ярче, неутомимо собирая народныя пѣсни, пословицы, сказанія, изучая народный бытъ и нравы, стараясь разглядѣть и понять обломки давно прошедшей народной русской и славянской жизни. Такъ положено начало знаменитому собранію памятниковъ народной русской и славянской литературы и поэзіи, въ особенности пѣсенъ, которое обогатилось впослѣдствіи щедрыми вкладами Пушкина, поэта Языкова и безчисленнаго множества другихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ лицъ изъ всѣхъ краевъ Россіи и даже другихъ славянскихъ земель. Кто заглядывалъ въ это сокровище, тотъ знаетъ ему цѣну. Слава этого собранія скоро обѣжала весь міръ. Нѣсколько разъ

покойный Кирѣевскій принимался за его изданіе. Не говоря объ отдѣльныхъ пѣсняхъ, появлявшихся въ печати въ разныхъ сборникахъ и повременныхъ изданіяхъ, даже цѣлый отдѣлъ изъ этого собранія—духовные стихи, которые поются нашими слѣпыми и нищими—былъ напечатанъ. Свадебныя пѣсни также были уже давно изготовлены къ печати, но остановлены собирателемъ, если не ошибаемся, потому, что ему доставлено было въ то время нѣсколько новыхъ пѣсенъ того же разряда, поразительной красоты, и онъ намѣревался включить и ихъ въ свое изданіе.

Но еще лучше собранія былъ самъ собиратель. Большая начитанность его по части русской исторіи и исторіи другихъ славянскихъ племенъ, глубокое убѣжденіе и симпатичность ума, — все это дѣлало его бесѣду драгоцѣнной и поучительной. Пишущій эти строки имѣлъ утѣшеніе наслаждаться этой поучительной и живительной бесѣдой въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, и съ благодарностью и любовью вспоминаетъ объ ней и теперь, много времени спустя. Сколько свѣжихъ чувствъ, благодатныхъ стремленій, любви къ добру и истинѣ вынесено изъ этихъ бесѣдъ въ жизнь и слилось нераздѣльно съ почтенною и дорогою памятью достойнаго Петра Васильевича Кирѣевскаго!

Безупречная, высокая нравственная чистота, незлобивость сердца, безпримѣрное и неизмѣнное прямодушіе и простота дѣлали этого замѣчательнаго человѣка образцомъ, достойнымъ всякаго подражанія, но которому подражать было очень трудно. Даже тѣ, которые не раздѣляли его мнѣній и не сочувствовали его убѣжденіямъ, исполнены были глубочайшаго уваженія къ нравственнымъ достоинствамъ этой чистой, избранной, глубоко-поэтической и глубоко-религіозной натуры.

Изъ родныхъ и многочисленныхъ почитателей Петра Васильевича Кирѣевскаго, безъ сомнѣнія найдутся многіе, которые скоро сообщатъ подробную его біографію и обстоятельныя свѣдѣнія объ оставшихся послѣ него ученыхъ трудахъ и драгоцѣнныхъ собраніяхъ. Мы позволили себѣ сказать нѣсколько словъ объ усопшемъ, уступая потребности сердечной и принося заочно на его свѣжую еще могилу дань почтенія и слезу искренней скорби. Да будетъ память о почившемъ и повѣсть его трудовъ и благородной жизни также назидательна для будущихъ подвижниковъ и тружениковъ истины, мысли и добра, какъ плодотворно было его симпатическое и поучительное живое слово для тѣхъ, которые имѣли счастіе имъ наслаждаться лично!

(Спб. Вѣдомости, 1856, № 242).

II.

Александръ Андреевичъ Ивановъ.

Русское художество понесло новую невознаградимую потерю. 3-го іюля, около двухъ часовъ пополуночи, скончался Александръ Андреевичъ Ивановъ, знаменитый творецъ знаменитой картины: „Явленіе Мессіи народу“.

Смерть неумолимо опрокинулась на свою жертву. Еще 30-го іюня ввечеру Ивановъ весело разговаривалъ съ своими знакомыми; къ 10 часамъ вдругъ ему стало дурно; черезъ минуту обнаружились сильные припадки холеры, а къ 6 часамъ утра врачи потеряли всякую надежду на его выздоровленіе.

Нельзя безъ глубокой горести подумать объ этой утратѣ. Но скорбь становится еще тяжелѣе, когда приводишь себѣ на память всѣ обстоятельства, при которыхъ такъ внезапно перервалась жизнь художника. Двадцать лѣтъ посвятилъ онъ своей картинѣ, работая надъ нею неутомимо, настойчиво, какъ немногіе изъ насъ русскихъ умѣютъ работать. Съ этимъ трудомъ связана была вся его жизнь, весь смыслъ его жизни. Наконецъ, трудъ конченъ. Онъ везетъ это любимое дитя свое на родину, которую горячо любилъ, несмотря на двадцати-восьми-лѣтнее отсутствіе, и въ которой провидѣлъ богатые задатки художественнаго развитія. Въ Петербургѣ картину Иванова одни встрѣтили съ энтузіазмомъ, другіе ставили ее ни во что,—вѣрный признакъ явленія чрезвычайнаго, далеко выходящаго изъ уровня обыкновенности. И вотъ, въ ту мучительную для художника минуту, когда сужденія о его трудѣ высказывались, а мнѣніе еще не сложилось, онъ умеръ, тревожимый разнорѣчивыми отзывами, изрекавшими приговоръ надъ дѣломъ всей его жизни. Завѣса для него поднялась, но конецъ зрѣлища остался закрытъ на вѣки...

Ивановъ скончался пятидесяти двухъ лѣтъ

отъ роду, въ полномъ цвѣтѣ силъ и таланта, имѣя за собою совершонное громадное дѣло, а не однѣ надежды на будущіе труды. Намѣренія такого человѣка не могутъ быть названы мечтами. А онъ намѣревался сдѣлать многое. Мыслями своими онъ безпрестанно обращался къ Москвѣ, хотѣлъ непремѣнно везти туда свою картину и тамъ сосредоточить всю свою дѣятельность. По тому, что̀ отъ него осталось, можно судить сколько русское художество потеряло съ его смертью.

Какъ всѣ истинные художники, Ивановъ былъ нѣженъ и впечатлителенъ, но незлобивъ и дѣтски простодушенъ. Только чистой душѣ, какова была его, и открывается художественная истина. Всѣ знавшіе его коротко, понимающіе дѣло, единогласно отзываются, что онъ имѣлъ большое художественное образованіе, которое у насъ такъ рѣдко бываетъ соединено съ большимъ талантомъ.

3-го іюля, въ 8 часовъ по полудни, прахъ покойнаго перенесенъ изъ дома, гдѣ онъ жилъ, въ домовую церковь академіи художествъ. Съ глубокою печалью шли мы за его гробомъ, размышляя о странныхъ судьбахъ русскаго художества и русскихъ художниковъ.

(Русскій Вѣстникъ, 1858).

III.

Николай Алексѣевичъ Милютинъ.

Кончина Н. А. Милютина послѣдовала въ Москвѣ, 26 января, въ 5 ч. вечера.

Лѣтъ за пять, за шесть тому назадъ, имя покойнаго упоминалось очень часто, одними съ ожесточеніемъ и злобой, другими съ глубокимъ, непритворнымъ сочувствіемъ. Знали это имя всѣ, потому что Н. А. Милютинъ принималъ дѣятельное участіе почти во всѣхъ важнѣйшихъ преобразованіяхъ, совершившихся въ Россіи за послѣдніе пятнадцать лѣтъ. Еще не наступило время опредѣлить мѣру этого участія, выдѣлить то, что̀ собственно ему принадлежитъ, отъ того, что̀ принадлежало другимъ или обстоятельствамъ. Матеріалы для такой оцѣнки хранятся пока въ архивахъ, нетронутые, да въ памяти товарищей Милютина по работѣ. Но, судя по глубокой непріязни, какую къ нему питали одни, — по восторгу, преданности и сочувствію, какіе онъ возбуждалъ въ другихъ, можно вывести теперь уже безъ ошибки, не дожидаясь послѣдующаго суда исторіи, что покойный Милютинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ, которые получаютъ извѣстность не по занимаемому мѣсту или должности, не по происхожденію и связямъ, а завоевываютъ ее сами, своими личными свойствами и трудами. Сдѣланное имъ опредѣляется не количествомъ и формальными достоинствами сочиненныхъ имъ проектовъ, инструкцій, предписаній и другихъ бумагъ, а мыслями и началами, которыя онъ проводилъ въ своей дѣятельности, и тѣмъ, какъ онъ ихъ проводилъ. Составленіе дѣловыхъ бумагъ, какъ бы онѣ ни были написаны толково, искусно и хорошимъ слогомъ, никогда не доставило бы ему и малой доли извѣстности, какою онъ пользовался. Но съ именемъ его соединилось представленіе объ извѣстныхъ направленіяхъ и началахъ нашего законодательства и администраціи, которыя ненавистны однимъ, дороги другимъ. Около нихъ, изъ-за нихъ, идетъ у насъ борьба, начавшаяся Богъ знаетъ съ котораго времени, задолго до Петра Великаго. Эта борьба опредѣляетъ ходъ и смыслъ нашей исторіи, наше развитіе; къ ней сводится весь интересъ нашей общественной и государственной жизни. Кто, какъ покойный Милютинъ, принималъ въ ней горячее участіе, тотъ, въ какомъ бы онъ ни находился положеніи, не можетъ оставаться неизвѣстнымъ публикѣ, не можетъ не быть популярнымъ, хотя бы въ отрицательномъ смыслѣ. Какъ дѣятеля, его можно было любить или ненавидѣть, но не знать его было невозможно.

Большой его извѣстности много содѣйствовали, сверхъ того, и его замѣчательныя личныя свойства. По свидѣтельству всѣхъ, знавшихъ его близко и имѣвшихъ съ нимъ дѣло, онъ не только былъ человѣкъ большихъ способностей, но и въ высокой степени почтеннаго, достойнаго характера. Съ умомъ яснымъ, необыкновенно живымъ, оборотливымъ и въ то же время точнымъ и нѣсколько рѣзкимъ, онъ соединялъ непоколебимую, ничѣмъ не подкупную гражданскую и политическую честность и строгость убѣжденій. Слащавое заискиваніе въ высшихъ и популярничаніе передъ низшими были ему одинаково чужды. Прямо, смѣло проводилъ онъ свои мысли, которыя всѣ знали и за которыми никогда не таилось никакихъ лукавыхъ заднихъ мыслей.

Друзья и враги Милютина хорошо знали, съ кѣмъ и съ чѣмъ имѣютъ дѣло, и только невѣжество или злонамѣренность могли приписывать ему тѣ или другія подразумѣваемые намѣренія и планы. Политическимъ своимъ противникамъ онъ былъ страшенъ не закулисными интригами, которыхъ гнушался, а рѣдкимъ умѣньемъ сразу схватить суть дѣла, понять его живую практическую обстановку въ данную минуту и необыкновеннымъ искусствомъ вести его посреди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ и препятствій. Затрудненія не только не охлаждали его, не отталкивали отъ дѣла, а напротивъ, подымали его силы, которыя росли съ трудностями; онъ точно былъ рожденъ для борьбы. Работавшіе съ Милютинымъ, сослуживцы и подчиненные, не могли надивиться его находчивости посреди препятствій, повидимому неодолимыхъ, его счастливой способности вдругъ открыть нѣсколько выходовъ изъ затрудненій тамъ, гдѣ, казалось, не было никакого выхода, — его поразительной, чисто русской смѣткѣ, благодаря которой онъ въ короткое время умѣлъ оріентироваться въ самыхъ запутанныхъ и притомъ мало извѣстныхъ ему вопросахъ, основательно съ ними ознакомиться и вести ихъ къ разрѣшенію съ такимъ совершеннымъ знаніемъ дѣла, до котораго другіе доходятъ только годами кропотливаго изученія.

Замѣчательные качества и таланты покойнаго Милютина естественно выдвинули его впередъ, открыли дорогу къ государственной дѣятельности, создали ему горячихъ приверженцевъ и политическихъ враговъ. Частныхъ, личныхъ враговъ, сколько мы знаемъ, у него было мало; напротивъ, рѣдко кто у насъ, особливо изъ государственныхъ людей, имѣлъ столькихъ преданныхъ, горячо привязанныхъ почитателей и друзей. Онъ имѣлъ даръ привлекать къ себѣ людей, любилъ окружать себя талантами, охотнѣе работалъ съ ними, не боялся, что они могутъ затмить его, дѣлалъ имъ уступки, когда онѣ были нужны для пользы дѣла, которое всегда у него шло на первомъ планѣ, впереди всего. Оттого ему охотно прощали его нетерпѣливость, порой его раздражительность, обыкновенные недостатки живыхъ, дѣятельныхъ натуръ. Милютинъ бывалъ рѣзокъ, насмѣшливъ, но никогда не былъ высокомѣренъ; чувство презрѣнія было чуждо его благородной и мягкой душѣ.

Послѣ апоплексическаго удара, вдругъ прервавшаго его дѣятельность, трогательная привязанность къ нему друзей, нажитыхъ большею частью на работѣ за однимъ дѣломъ, высказалась особенно ярко. Они дѣлили съ его семействомъ заботы объ уходѣ за больнымъ. Домъ его цѣлый день былъ наполненъ близкими, которые все дѣлали, чтобы облегчить его страданія, чтобы по возможности укоротить мучительные, безотрадные дни его невольнаго досуга. Лица близкія къ покойному знаютъ, въ какой степени онъ обладалъ способностью привязывать къ себѣ людей самыхъ разнородныхъ, большою симпатичностью, искренностью, сердечною добротою. По живости, граціозной веселости его ума и ироніи, соединенныхъ съ теплотою и добродушіемъ, не было собесѣдника болѣе привлекательнаго и чарующаго. Всю свою жизнь Милютинъ былъ окруженъ преданными друзьями; даже во время самыхъ усиленныхъ работъ онъ любилъ отдыхать въ ихъ кругу. Много давалъ онъ имъ, и они знали ему цѣну [1]).

(Вѣстникъ Европы, 1872, мартъ).

IV.

Вел. княгиня Елена Павловна.

Третьяго дня мы напечатали оффиціальный бюллетень о кончинѣ ея императорскаго высочества великой княгини Елены Павловны. Вѣсть эта быстро облетитъ Россію и Европу; вездѣ произведетъ она глубокое впечатлѣніе и возбудитъ искреннюю печаль. Покойная великая княгиня пользовалась всюду громкою извѣстностью и глубокимъ уваженіемъ не только по своему высокому положенію, но и вслѣдствіе несравненныхъ личныхъ качествъ, которыхъ не могъ не оцѣнить всякій, кого она удостоила хотя однажды нѣсколькихъ словъ, а такихъ было несмѣтное множество. Одаренная живымъ, многостороннимъ умомъ, глубоко-просвѣщенная въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, великая княгиня всѣмъ интересовалась, во всемъ принимала по возможности дѣятельное участіе, начиная отъ сложныхъ вопросовъ научнаго знанія и искусства, до обиходныхъ скромныхъ задачъ нашей еже-

---

[1]) По отмѣткѣ К. Д. Кавелина, дальнѣйшія строки некролога въ томъ видѣ, какъ онъ былъ напечатанъ въ журналѣ (за подписью В. П.), принадлежатъ М. М. Стасюлевичу.

дневной общественной жизни. Лица самыхъ разнообразныхъ профессій, самыхъ разнородныхъ спеціальностей, обращали на себя благосклонное ея участіе, удостоивались ея поощренія и поддержки. Покойная великая княгиня очаровывала всѣхъ; она въ совершенствѣ умѣла обращаться къ каждому съ тѣмъ, что̀ его наиболѣе интересовало, что̀ онъ всего лучше зналъ. Обширность ея свѣдѣній по тѣмъ разнообразнѣйшимъ предметамъ, которымъ она дарила свое вниманіе, была поистинѣ изумительна.

Однѣ описанныя черты дѣлали покойную великую княгиню женщиной необыкновенной. Но и немногія наши слова, посвященныя ея памяти, были бы слишкомъ неполны, еслибы мы не коснулись другой ея знаменательной черты, особенно для насъ дорогой и сочувственной. Весь свой удивительный и просвѣщенный умъ, всѣ свои блестящіе, несравненные таланты великая княгиня съ любовью, рѣдкимъ разумѣніемъ дѣла и полнымъ успѣхомъ посвящала Россіи. При большихъ матеріальныхъ средствахъ, которыми располагала, и огромномъ вліяніи, которымъ пользовалась великая княгиня, поприще благотворной ея дѣятельности было самое обширное. Не говоря о многообразной и щедрой ея благотворительности частной, не касаясь участія и значенія ея въ важнѣйшихъ отечественныхъ событіяхъ съ 1824 года, когда великая княгиня вступила въ Россійскій Императорскій домъ, мы укажемъ на ею задуманные и созданные на свои средства живые памятники ея просвѣщенной и дѣятельной заботливости на пользу русскаго образованія и культуры. Назовемъ: маріинскій институтъ, училище св. Елены, консерваторію музыки въ С.-Петербургѣ, крестовоздвиженскую общину сестеръ милосердія, устроенную во время крымской войны и послужившую образцомъ для другихъ подобныхъ учрежденій; елисаветинскую дѣтскую больницу; дешевые столы въ Петербургѣ, разсчитанные на потребности учащихся и недостаточныхъ людей образованныхъ слоевъ. Списокъ этотъ далеко не полонъ; мы и не имѣемъ притязаній на полноту, зная, какъ много великая княгиня дѣлала для русскаго образованія не въ одномъ Петербургѣ. Въ видѣ примѣровъ упомянемъ, что музыкальныя и благотворительныя общества во многихъ городахъ существовали при значительныхъ отъ нея пособіяхъ, что благодаря ея поощренію и пожертвованіямъ могло быть выполнено и выдти въ свѣтъ обширное сочиненіе о приготовительныхъ трудахъ, предшествовавшихъ величайшему законодательному акту нашего времени — безсмертнымъ Положеніямъ 19-го февраля 1861 г., отмѣнившимъ крѣпостное право. А сколько русскихъ людей, дѣйствующихъ теперь съ честью на различныхъ поприщахъ, образовались, стали на свою дорогу и развились, благодаря щедрой заботливости покойной великой княгини! Сколько другихъ, не менѣе достойныхъ и полезныхъ дѣлъ ея, остаются неизвѣстными публикѣ и будутъ ждать своего повѣствователя!

Съ почтительнымъ благоговѣніемъ вносимъ мы кончину великой княгини Елены Павловны въ лѣтопись нашихъ скорбныхъ утратъ. Въ нынѣшнемъ году эта утрата первая — и самая тяжкая.

(Спб. Вѣдомости, 1873, отъ 14-го января).

V.

Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ.

20-го марта пронесся въ Петербургѣ слухъ, что Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ опасно заболѣлъ въ Берлинѣ, что онъ даже, можетъ быть, уже умеръ. На другой день этотъ слухъ, къ несчастью, подтвердился. Самаринъ скончался 19-го марта, въ Берлинѣ, въ больницѣ, послѣ операціи на правой рукѣ. Вслѣдъ за операціей развилась гангренозная рожа, которая и свела его въ могилу.

Эта роковая вѣсть не могла не поразить глубоко каждаго, на всѣхъ концахъ Россіи, безъ различія партій, взглядовъ и мнѣній. Имя Ю. Ѳ. Самарина пользовалось у насъ огромною извѣстностью, которая досталась ему не случайно, а завоевана по праву цѣлою жизнью, богатой трудами, обильной подвигами.

Самаринъ—воспитанникъ московскаго университета, гдѣ въ 1838 году кончилъ курсъ по историко-филологическому факультету кандидатомъ. Въ то время уже начинали обозначаться тѣ два направленія русской мысли, которыя впослѣдствіи, расходясь все болѣе и болѣе, образовали два противоположные лагеря, подъ названіемъ славянофиловъ и западниковъ. Ю. Ѳ. Самаринъ былъ сначала ревностнымъ гегельянцемъ, но рано склонил-

ся къ славянофильскому направленію и оставался ему вѣренъ до конца, ставъ однимъ изъ его замѣчательнѣйшихъ и талантливѣйшихъ представителей. Въ духѣ славянофильскихъ ученій написана Ю. Ѳ. Самаринымъ надѣлавшая въ свое время много шуму въ Москвѣ диссертація на степень магистра, подъ заглавіемъ: „Ѳеофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій“. То, что вышло въ свѣтъ подъ этимъ заглавіемъ, составляетъ лишь небольшую часть обширнаго изслѣдованія, которое не могло быть одобрено къ печати въ цѣломъ составѣ, потому что заключало въ себѣ, между прочимъ, рѣзкую критику нашихъ церковныхъ преобразованій XVIII-го вѣка. Уже въ этой первой работѣ высказались въ полномъ блескѣ тѣ качества Ю. Ѳ. Самарина, которыя потомъ поставили его такъ высоко въ общественномъ мнѣніи: обширныя знанія, сильный критическій умъ, глубокое убѣжденіе, вдобавокъ рѣдкая у насъ способность къ выдержанному умственному труду и мастерское перо.

Послѣ блестящаго диспута покойный переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ сенатъ, а затѣмъ былъ прикомандированъ къ прибалтійскому генералъ-губернатору Головину. Ознакомившись въ это время подробно съ положеніемъ дѣлъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, онъ написалъ свои извѣстныя письма объ остзейскомъ краѣ. Впечатлѣніе, произведенное ими въ томъ тѣсномъ кругу, гдѣ они сдѣлались извѣстны, было громадное; также громадно было и значеніе ихъ въ жизни и внѣшней судьбѣ Ю. Ѳ. Самарина. Въ 1849 году онъ опредѣленъ на службу къ генералъ-губернатору юго-западныхъ губерній, Бибикову, но вскорѣ потомъ вышелъ въ отставку, и съ тѣхъ поръ, до самой кончины, оставался частнымъ человѣкомъ. Какъ глубоко запали въ душу Самарина впечатлѣнія, вынесенныя изъ прибалтійскаго края, видно изъ того, что разъясненіе положенія дѣлъ въ этомъ краѣ и его отношеній къ Россіи занимали покойнаго всю жизнь и вызвали цѣлый рядъ изслѣдованій, напечатанныхъ имъ за границей.

Послѣ выхода въ отставку, Самаринъ поселился въ Москвѣ и до рескриптовъ, открывшихъ, съ конца 1857 года, эру реформъ, дѣятельно работалъ въ тогдашнихъ славянофильскихъ органахъ, издаваемыхъ Кошелевымъ и Аксаковымъ. Въ этотъ довольно длинный промежутокъ времени видное положеніе Ю. Ѳ. Самарина въ мыслящихъ кружкахъ и въ славянофильскомъ лагерѣ окончательно обрисовалось и упрочилось. Въ это же время онъ успѣлъ пристальнымъ изученіемъ приготовиться и окрѣпнуть для той роли, какую ему пришлось играть въ практическомъ разрѣшеніи множества жизненныхъ русскихъ вопросовъ, порожденныхъ новымъ временемъ и новыми потребностями.

Какъ только поднятъ былъ вопросъ объ упраздненіи крѣпостного права, Ю. Ѳ. Самаринъ отдался этому дѣлу съ той энергіей, убѣжденіемъ и съ той непреклонной волей и выдержкой, которыми отмѣчено все, что онъ ни дѣлалъ. Сперва онъ работалъ въ самарскомъ губернскомъ комитетѣ, потомъ вызванъ, въ качествѣ эксперта, для участія въ занятіяхъ центральныхъ редакціонныхъ коммиссій. Всѣмъ памятна почтенная роль, какую онъ игралъ въ дѣлѣ отмѣны крѣпостного права, и на мѣстѣ, въ Самарской губерніи, и въ Петербургѣ, представляя, вмѣстѣ съ княземъ В. А. Черкасскимъ и нѣкоторыми другими, славянофильскіе оттѣнки воззрѣній на народный бытъ и отстаивая начала, выработанныя этой фракціей русскихъ мыслящихъ людей и дѣятелей.

Вскорѣ послѣ разрѣшенія крѣпостного вопроса, возстаніе въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ сдѣлало необходимымъ коренное измѣненіе тамошнихъ общественныхъ и административныхъ условій. И въ этомъ дѣлѣ понадобились познанія Ю. Ѳ. Самарина, его умъ, его преданность Россіи и славянскимъ интересамъ, и онъ былъ приглашенъ участвовать въ начертаніи программъ предположенныхъ реформъ.

Этотъ эпизодъ въ дѣятельности покойнаго продолжался, впрочемъ, не долго. Послѣ отмѣны крѣпостного права, введенія въ Москвѣ новаго городового положенія и установленія земскаго самоуправленія, Ю. Ѳ. Самаринъ отдался весь дѣятельности мѣстной, принимая горячее участіе въ занятіяхъ дворянскихъ собраній, въ дѣлахъ городскихъ и земскихъ, въ качествѣ члена сословія или гласнаго, и только одинъ разъ по назначенію отъ правительства, въ качествѣ предсѣдателя самарскаго губернскаго земскаго собранія. Этими своими трудами онъ оказалъ существенныя услуги не только той средѣ, гдѣ непосредственно дѣйствовалъ, но — мы не боимся упрека въ преувеличеніи—цѣлой Россіи. Какъ городской, земскій, сословный

дѣятель, Ю. Ѳ. Самаринъ внушалъ глубокое уваженіе и такое же глубокое довѣріе. По своему рожденію, состоянію, воспитанію и связямъ, онъ принадлежалъ къ высшимъ слоямъ русскаго общества, но былъ совершенно чуждъ сословныхъ притязаній, и каждый разъ, когда они выступали, давалъ имъ сильный отпоръ. Вездѣ, во всѣхъ собраніяхъ, комитетахъ и коммиссіяхъ онъ твердо стоялъ на почвѣ закона, не уклоняясь съ нея ни направо, ни налѣво. Не было такого мелочного, сухого, кропотливаго, скучнаго дѣла мѣстнаго управленія, которымъ бы Самаринъ не занялся съ любовью, не изучилъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ, не щадя ни труда, ни времени. Свидѣтели этой дѣятельности покойнаго говорятъ объ ней съ почтеніемъ, къ которому примѣшивается доля изумленія, — такъ мало мы привыкли къ сознанію долга и такъ рѣдко оно у насъ встрѣчается. Нужно ли было составить по Москвѣ смѣту пожарнаго обоза, — Самаринъ входилъ во всѣ мелочи, вникалъ въ каждое колесо, каждый винтъ, каждую гайку, и по каждому предмету собиралъ самыя точныя справки изъ прямыхъ источниковъ. Трудясь такимъ образомъ неустанно, по всѣмъ отраслямъ мѣстнаго и городского самоуправленія, въ продолженіе многихъ лѣтъ, и притомъ съ научной подготовкой, какую у насъ рѣдко кто имѣетъ, Ю. Ѳ. Самаринъ не могъ не выдвинуться и на этомъ поприщѣ въ первые ряды той, къ несчастью, небольшой горсти нашихъ земскихъ дѣятелей, которые дѣйствительно заслуживаютъ это названіе. Авторитетъ его въ дѣлахъ такого рода былъ громадный, во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Мы знали больше Самарина-писателя, философа, богослова, славянофила; провинція знала Самарина-земскаго дѣятеля. Это выказалось особенно ярко при обсужденіи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ земскихъ собраніяхъ вопроса о податной реформѣ. Говорятъ, въ послѣднее время Ю. Ѳ. Самаринъ снова пристально работалъ надъ этимъ вопросомъ. Далеко ли былъ подвинутъ его трудъ, мы не знаемъ. Очень желательно, чтобъ онъ не пропалъ для Россіи, какъ у насъ пропадаетъ столько полезнаго.

И несмотря на эту неустанную, упорную и утомительную практическую дѣятельность, Ю. Ѳ. Самаринъ находилъ еще время на изданіе сочиненій А. С. Хомякова, на философскіе споры, на изслѣдованія и изданія по остзейскому вопросу. Нечего удивляться, что физическій организмъ былъ сильно потрясенъ, и болѣзнь тотчасъ приняла злокачественный характеръ.

Но ни огромныя знанія, ни замѣчательный умъ, ни заслуги, ни великій писательскій талантъ не выдвинули бы такъ впередъ замѣчательную личность Самарина, еслибъ къ нимъ не присоединились два другихъ несравненныхъ и у насъ, къ сожалѣнію, очень рѣдкихъ качества: непреклонное убѣжденіе и цѣльный нравственный характеръ, не допускавшій никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью, чего бы это ни стоило и чѣмъ бы это ни грозило. Чтò Самаринъ считалъ за справедливое и истинное, передъ тѣмъ онъ никогда не отступалъ, принося своему убѣжденію всякія жертвы. Зная его взгляды, его образъ мыслей, можно было безъ ошибки сказать впередъ, какъ онъ поступитъ въ томъ или другомъ случаѣ, потому что дѣло у него не расходилось съ мыслью, отъ послѣдней онъ не отвиливалъ по разнымъ постороннимъ соображеніямъ. Такой характеръ не могъ не внушать полнаго довѣрія. Ю. Ѳ. Самаринъ былъ нравственная личность, въ полномъ и лучшемъ смыслѣ слова. Съ нимъ можно было не соглашаться, его взглядамъ можно было не сочувствовать, съ извѣстныхъ точекъ зрѣнія ихъ можно было не любить, но не питать къ нему уваженія не было возможности, и въ этомъ его друзья и враги подавали другъ другу руку.

Смерть Самарина—тяжкая, невознаградимая утрата для всего русскаго общества, для русской мысли, для русскаго дѣла, котораго впереди еще столько. Мѣсто, которое онъ занималъ, долго останется незанятымъ, какъ до сихъ поръ не занято никѣмъ мѣсто Н. А. Милютина, съ которымъ его соединяла самая тѣсная дружба, установившаяся и закрѣпленная многолѣтнимъ, преданнымъ, безупречнымъ служеніемъ одной и той же мысли, одному и тому же задушевному интересу всей жизни. Сопоставленіе этихъ двухъ замѣчательныхъ современниковъ не есть оборотъ рѣчи, разсчитанный на эффектъ. Какъ ни различна была ихъ подготовка къ жизни, ихъ кругъ дѣятельности, строй ихъ воззрѣній, свойства ихъ талантовъ, но и тотъ и другой были цѣльные характеры, цѣльные люди, для которыхъ убѣжденія — не пустыя слова, а самое серьезное дѣло въ жизни. Мы

обыкновенно судимъ людей по ихъ образу мыслей, по той программѣ, которую они несутъ и проводятъ. Но и то, и другое—дѣло времени, обстоятельствъ, разныхъ случайностей. Великое воспитательное, культурное значеніе имѣютъ только тѣ общественные дѣятели, у которыхъ мысль и дѣло, убѣжденіе и программа слиты въ одно; только это создаетъ имъ вѣчную память въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Прочія — историческія и общественныя полезности осуждены на забвеніе, какъ только ихъ роль сыграна. Въ ходѣ исторіи — программы, знамена, партіи мѣняются, смотря по комбинаціямъ общественныхъ элементовъ, которыя, въ свою очередь, зависятъ отъ общихъ законовъ развитія. Но людей воспитываетъ нравствнно не эта механика движенія, а то, какъ къ ней относились ея живые двигатели.

23 марта, 1876.

(Вѣстникъ Европы, 1876, кн. 4).

VI.

Н. Н. Тютчевъ.

15-го декабря (1878 г.), въ 1 ч. по полуночи, скончался членъ департамента удѣловъ Николай Николаевичъ Тютчевъ.

Кто зналъ Н. Н. (а его знали очень многіе), тотъ глубоко пожалѣетъ вмѣстѣ съ нами объ этой преждевременной и неожиданной кончинѣ. Съ ранней молодости Н. Н. принадлежалъ къ числу людей, искренно преданныхъ общимъ интересамъ своей страны. Лучшія стремленія современности всегда находили живой отголосокъ въ его симпатичной душѣ. Онъ былъ другомъ Бѣлинскаго и тогдашняго литературнаго кружка, къ которому принадлежали Тургеневъ, Анненковъ, Боткинъ, Е. Коршъ, Кавелинъ и другіе, и сохранилъ съ ними тѣсныя связи до самой кончины. Н. Н. всегда принималъ къ сердцу интересы русской литературы и печати. Честное гражданское чувство и убѣжденіе никогда не покидали его на тѣхъ разнообразныхъ поприщахъ, на которыя судьба бросала его въ разные періоды его жизни, и нѣтъ сомнѣнія, что при условіяхъ болѣе благопріятныхъ, передъ его административными способностями открылось бы и болѣе широкое поле дѣятельности.

Н. Н. дѣятельно участвовалъ въ улучшеніи быта удѣльныхъ крестьянъ, внося въ это дѣло свою неизмѣнную преданность общему благу. Впослѣдствіи, не имѣя возможности дѣлать много какъ администраторъ, Н. Н. тѣмъ больше дѣлалъ какъ человѣкъ. Мы видѣли его усерднѣйшимъ работникомъ и жертвователемъ въ литературномъ фондѣ и потомъ въ „обществѣ для пособія слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ“. Желаніе сдѣлать добро ближнему было во всю жизнь господствующею чертою его безгранично добраго сердца, сказавшагося и во множествѣ тѣхъ неоцѣненныхъ услугъ, которыя онъ оказывалъ нуждавшимся людямъ, въ особенности дѣтямъ. Онъ не только желалъ дѣлать добро, не только дѣлалъ его, но и умѣлъ его дѣлать, а такое умѣнье дается лишь немногимъ, избраннымъ натурамъ. Десятки людей, которымъ онъ помогалъ и которыхъ поддерживалъ, горько пожалѣютъ о немъ не потому только, что они ему обязаны, но и потому, что могли близко узнать его какъ человѣка. Подобныя потери вознаграждаются не скоро и не легко. Онѣ долго даютъ себя чувствовать въ обществѣ.

(Бирж. Вѣдомости, 1878, № 348).

На обѣдѣ 19-го февраля 1879 г. К. Д. Кавелинъ посвятилъ памяти Н. Н. Тютчева слѣдующія слова:

„Изъ всѣхъ присутствующихъ здѣсь, я раньше всѣхъ познакомился съ покойнымъ Тютчевымъ, дольше всѣхъ былъ его другомъ. Поэтому, прошу позволенія сказать о немъ нѣсколько словъ. Николай Николаевичъ Тютчевъ родился въ 1815 году; ребенкомъ отправленъ отцомъ на воспитаніе въ гернгутерское учебное заведеніе, если не ошибаюсь въ Саксоніи, а оттуда поступилъ въ дерптскій университетъ по агрономическому факультету. Окончивъ курсъ въ 1841 году, онъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ я съ нимъ и познакомился въ 1842 году; мы нѣсколько времени даже жили вмѣстѣ. Тогда и началась наша дружба, которая съ тѣхъ поръ не перерывалась ни на минуту.

„Н. Н. Тютчевъ служилъ по разнымъ вѣдомствамъ. Сначала онъ былъ зачисленъ въ службу по министерству иностранныхъ дѣлъ и состоялъ долго переводчикомъ по департаменту разныхъ податей и сборовъ министер-

ства финансовъ; въ началѣ 1852 года вышелъ въ отставку и уѣхалъ изъ Петербурга; чрезъ два года снова возвратился сюда и опять поступилъ на службу сперва по горному департаменту, а въ мартѣ 1855 года перешелъ въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства. Послѣднимъ мѣстомъ его служенія былъ департаментъ удѣловъ, куда онъ поступилъ въ началѣ 1857 года и гдѣ проходилъ разныя должности: былъ членомъ общаго присутствія департамента, членомъ совѣта. Скончался 15-го декабря минувшаго года.

„Два событія въ служебной дѣятельности покойнаго Н. Н. Тютчева неразрывно связываютъ его имя съ великимъ событіемъ, которое мы сегодня празднуемъ, и ставятъ его въ число достославныхъ его поборниковъ.

„По окончаніи крымской войны, надо было распустить ратниковъ государственнаго ополченія. Положеніе 5-го апрѣля 1856 года, опредѣлившее правила ихъ роспуска, было въ нынѣшнее царствованіе какъ бы первымъ провозвѣстникомъ великой реформы. Этимъ положеніемъ предоставлялось ратникамъ, не исключая и крѣпостныхъ, заявить, желаютъ ли они возвратиться въ прежнее состояніе, или поступить въ военную службу рядовыми, на общемъ основаніи съ прочими сдаточными по наборамъ. Эта мѣра возбудила въ нѣкоторыхъ кружкахъ непонятное теперь раздраженіе; въ ней увидѣли посягательство на крѣпостное право. Начались съ разныхъ сторонъ происки и ходатайства, съ цѣлью отклонить утвержденіе этого правила. Положеніе нѣсколько разъ передокладывалось; но всѣ эти усилія и ходатайства не повели ни къ чему: положеніе было утверждено и получило силу закона. Н. Н. Тютчеву выпала на долю честь быть составителемъ положенія и приложить къ нему свою руку.

„Всѣмъ, горячо принимающимъ къ сердцу дѣло отмѣны крѣпостного права и устройства сельскихъ сословій въ Россіи, извѣстна и памятна дѣятельная роль покойнаго Н. Н. Тютчева въ составленіи положенія о государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ крестьянахъ, съ которымъ они получили въ собственность земельный надѣлъ и полныя гражданскія права. Не безъ борьбы совершилось и это преобразованіе. За горячее въ немъ участіе покойный Тютчевъ разошелся съ лицомъ, въ то время вліятельнымъ, которое, будучи связано съ нимъ родствомъ, до тѣхъ поръ его поддерживало на служебномъ поприщѣ.

„Когда періодъ преобразованій окончился и послѣдніе его отголоски, мало-по-малу, затихли, текущія служебныя дѣла не могли удовлетворять высшимъ стремленіямъ и потребностямъ, которыя находили такую обильную и живую пищу въ преобразовательныхъ работахъ. Каждый искалъ удовлетворенія соотвѣтственно съ своими наклонностями и влеченіями. Покойный Н. Н. Тютчевъ искалъ его въ дѣлахъ частнаго добра на пользу ближнихъ и отдался этой дѣятельности всѣми силами своего глубоко любящаго, безгранично добраго сердца.

„Мы привыкли называть человѣка добрымъ, когда не имѣемъ о немъ сказать ничего особеннаго; это только учтивая форма отрицательной оцѣнки. Къ Н. Н. Тютчеву такая оцѣнка не могла относиться ни съ какой стороны: онъ былъ человѣкъ очень умный, отлично образованный и просвѣщенный, вдобавокъ весьма талантливый и хорошо владѣвшій перомъ. Кто видалъ работы, выполненныя имъ на службѣ, въ многочисленныхъ коммиссіяхъ, гдѣ онъ былъ членомъ, тотъ согласится, что я говорю такъ о покойномъ не подъ вліяніемъ увлеченій дружбы. Тютчевъ былъ добрый человѣкъ въ лучшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ слова. Оказать помощь, поддержать, ободрить, пріютить нуждающагося въ нравственной или матеріальной поддержкѣ или помощи, пристроить дѣтей, оставшихся безъ призора, было для него дѣломъ не только нравственной обязанности, но и нравственнаго наслажденія. Когда ему удавалось сдѣлать добро, онъ этому радовался больше, чѣмъ тотъ, кому его оказалъ. Рѣдко мнѣ случалось встрѣчать такое безконечно симпатичное сердце! Когда, бывало, не знаешь, какъ помочь человѣку въ бѣдѣ или горѣ, обращаешься къ Тютчеву и знаешь заранѣе, что онъ приметъ просьбу, какъ одолженіе. Въ отысканіи средствъ и путей помочь, пособить, онъ былъ неистощимъ. За дѣло помощи ближнему онъ принимался, какъ за свое самое близкое, самое прямое дѣло, и не отставалъ, пока не успѣвалъ чего-нибудь сдѣлать. Эта дорогая характерная черта покойнаго заставила его, многіе годы, нести обязанности казначея въ литературномъ фондѣ. Благодаря ему и М. М. Стасюлевичу, денежныя дѣла этого общества приведены въ блестящее положеніе. Та же характерная

черта заставила его, въ послѣдніе годы жизни, отдаться съ обычнымъ сердечнымъ увлеченіемъ обществу для пособія слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ. Его плодотворная и самоотверженная дѣятельность въ этомъ обществѣ до болѣзни, которая свела его въ могилу, свѣжа въ памяти у всѣхъ, кто былъ ея свидѣтелемъ и кому она приносила пользу.

„Н. Н. Тютчевъ, какъ и многіе, былъ почтенъ стихами сослуживцевъ. Поэтическія произведенія, исходящія изъ канцелярій въ честь сановниковъ, всѣ давно встрѣчаютъ съ понятнымъ предубѣжденіемъ. Стихи, написанные къ портрету покойнаго, поднесенному его вдовѣ отъ сослуживцевъ, составляютъ исключеніе. Они заслуживаютъ вниманія по оцѣнкѣ свойствъ Н. Н. Тютчева, совершенно одинаковой съ тою характеристикою, которую я представилъ. Искренность ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Кому могъ быть полезенъ по службѣ Тютчевъ послѣ своей кончины? Но онъ былъ вѣренъ себѣ вездѣ, и на службѣ, и между нами, и потому на всѣхъ производилъ одинаковое впечатлѣніе своими несравненными качествами. Прошу позволенія прочесть, въ заключеніе, эти стихи“.

Къ портрету Н. Н. Тютчева:

Ты съ честью высоко несъ знамя человѣка,
На все высокое откликнувшись душой,
Скорбѣвшей глубоко надъ эгоизмомъ вѣка,
И ближнему въ душѣ открытой и родной.

***

Ты человѣчеству въ тиши, безъ оглашенья,
Какъ жрецъ невѣдомый, таинственно служилъ,
И въ культѣ томъ всей жизни назначенье,
Весь жизни смыслъ, казалось, заключилъ.

***

Твой свѣтлый умъ, гуманность, дарованье
На пользу вящшую родной твоей земли,
Къ несчастію, себѣ не вызвали признанья
И полнаго въ трудѣ простора не нашли.

***

Но въ томъ, что̀ ты творилъ, въ чемъ съ теплою душою
При жизни ты участье принималъ—
Ты благодарной былъ не разъ почтенъ слезою
И памятникъ себѣ незыблемый создалъ.

(Голосъ, 1879, № 64).

VI.

А. П. Заблоцкій-Десятовскій.

24-го декабря въ третьемъ часу дня, скончался членъ государственнаго совѣта, Андрей Парѳеновичъ Заблоцкій-Десятовскій, на 74-мъ году отъ роду. Съ нимъ сошелъ въ могилу еще одинъ изъ тѣхъ русскихъ дѣятелей, которые исподоволь подготовляли въ правительственныхъ сферахъ отмѣну крѣпостного права и, когда дѣло созрѣло, приложили къ нему свои руки. Вездѣ такое лицо пользовалось бы громкою извѣстностью въ цѣлой странѣ; у насъ А. П. Заблоцкаго всѣ хорошо знали только въ административной средѣ и въ литературныхъ и ученыхъ, преимущественно петербургскихъ, кружкахъ. Жизнь его прошла за письменнымъ столомъ у себя, въ кабинетѣ, или въ канцеляріи, за книгой, да въ командировкахъ по дѣламъ службы по Россіи и за-границу. Оттого, одни посвященные въ тайны нашей бюрократіи и близко-стоящіе къ образованному петербургскому обществу могутъ знать, понимать и цѣнить заслуги этого, въ высокой степени замѣчательнаго, человѣка.

А. П. Заблоцкій-Десятовскій происходилъ изъ небогатой дворянской семьи. Отецъ его владѣлъ хуторомъ Напрасновкой въ новгородъ-сѣверскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи. Здѣсь Андрей Парѳеновичъ и родился. Воспитывался онъ сначала въ новгородъ-сѣверской гимназіи, потомъ въ московскомъ университетѣ по физико-математическому факультету; въ 1827 году, окончилъ курсъ со степью кандидата и золотой медалью, а въ 1832 г., удостоенъ степени магистра физико-математическихъ наукъ. Въ томъ же году, онъ поступилъ на службу въ хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ провелъ бо̀льшую часть своей жизни и службы и Н. А. Милютинъ. Пять лѣтъ спустя, въ 1837 году, покойный переведенъ въ V отдѣленіе Собственной е. и. в. канцеляріи, а въ слѣдующемъ году, — въ министерство государственныхъ имуществъ, въ которомъ и пробылъ слишкомъ двадцать лѣтъ. А. П. Заблоцкій былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ лицъ къ графу Киселеву, повѣреннымъ его задушевныхъ думъ и плановъ, и остался съ нимъ въ тѣсныхъ связяхъ по самую его смерть. Послѣднимъ капитальнымъ трудомъ

А. П. Заблоцкаго, вышедшимъ въ свѣтъ почти наканунѣ его кончины, была біографія графа Киселева, надъ которой онъ неутомимо трудился много лѣтъ. Теперь ни для кого не тайна, что учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ было какъ бы прологомъ къ отмѣнѣ крѣпостного права. Поборники его, которые тогда густыми рядами окружали престолъ и наполняли собою ряды высшей администраціи, знали это, и потому относились крайне недоброжелательно къ графу Киселеву, его министерству и главнѣйшимъ его сотрудникамъ, между которыми особенно выдавался А. П. Заблоцкій своимъ умомъ, обширными познаніями, талантомъ, трудолюбіемъ и искреннею приверженностью идеѣ освобожденія крестьянъ. Крѣпостники не могли простить Заблоцкому, что въ 1841 году онъ былъ посланъ во внутреннія губерніи для изслѣдованія положенія крѣпостныхъ крестьянъ и возвратился изъ этой поѣздки съ запиской, представлявшей цѣлый обвинительный актъ противъ отжившихъ свой вѣкъ крѣпостныхъ отношеній. Въ концѣ сороковыхъ годовъ, въ 1846 или 1847, покойный нанесъ изслѣдованіями своими о колебаніяхъ цѣнъ на хлѣбъ, напечатанными въ „Отечественныхъ Запискахъ", новый, сильнѣйшій ударъ крѣпостному праву съ экономической стороны. Не трудно понять, сколько нерасположенія, съ разныхъ сторонъ, должно было накопиться на голову А. П. Заблоцкаго. Политическіе враги не пренебрегали ничѣмъ, чтобы вредить ему, хотя бы въ мелочахъ. Всѣ помнятъ, какъ покойный свѣтлѣйшій князь Меньшиковъ снизошелъ до агитаціи противъ избранія Заблоцкаго въ члены англійскаго клуба, въ чемъ и успѣлъ. Позднѣе, въ 1859 году, бывшій министръ государственныхъ имуществъ, графъ М. Н. Муравьевъ, далеко не раздѣлявшій взглядовъ графа Киселева, закрылъ цѣлый департаментъ, которымъ управлялъ А. П. Заблоцкій, чтобъ оставить его не у дѣлъ; но тогда изъ этого маневра вышло совсѣмъ не то, чего ожидалъ графъ Муравьевъ. Ставшій ненужнымъ по министерству государственныхъ имуществъ, Заблоцкій оказался весьма нужнымъ въ канцеляріи государственнаго совѣта и былъ назначенъ статсъ-секретаремъ въ департаментѣ экономіи. Здѣсь для дѣятельности покойнаго открылось широкое поле. Онъ принялъ участіе въ законодательныхъ работахъ по освобожденію крестьянъ, которому служилъ всю жизнь. Но самымъ выдающимся дѣломъ и заслугой его, за этотъ періодъ его дѣятельности, была отмѣна питейныхъ откуповъ и замѣна ихъ акцизнымъ сборомъ. А. П. Заблоцкій былъ душою этой законодательной реформы, одной изъ важнѣйшихъ минувшаго царствованія, провелъ ее, несмотря на сильнѣйшее противодѣйствіе съ разныхъ сторонъ, и много содѣйствовалъ тому, чтобы приведеніе ея въ исполненіе попало въ надежныя и вѣрныя руки К. К. Грота. Это еще умножило явныхъ и тайныхъ недоброжелателей покойнаго, пополнивъ ихъ не одними откупщиками.

Упраздненіе питейныхъ откуповъ было послѣднимъ выдающимся, крупнымъ дѣломъ въ служебной дѣятельности А. П. Заблоцкаго. Наступили другія времена, выступили на сцену другіе люди, враждебные совершившимся преобразованіямъ и тѣмъ, кто ихъ проводилъ. Послѣдніе были устранены и лишены возможности дѣйствовать. Въ маѣ мѣсяцѣ 1867 года, Заблоцкій былъ сданъ въ комитетъ финансовъ, гдѣ его замѣчательныя государственныя способности и таланты чахли въ бездѣйствіи въ продолженіе восьми лѣтъ. За шесть лѣтъ передъ тѣмъ, точно такимъ же образомъ, былъ сданъ въ московскій сенатъ Н. А. Милютинъ, котораго извлекли оттуда лишь чрезвычайныя событія въ Польшѣ. Уже на склонѣ дней, шестидесяти-семилѣтній Заблоцкій назначенъ (1875) членомъ государственнаго совѣта. Это званіе было для него лично весьма почетнымъ оффиціальнымъ опроверженіемъ тѣхъ клеветъ, которыя на него взводились за его блестящую административную дѣятельность и участіе въ преобразованіяхъ минувшаго царствованія; но силы, послѣ долгаго бездѣйствія, были уже не тѣ; не было, да и не могло быть, и прежней бодрости духа. Къ тому же, не происходило ничего такого, что̀ бы ее подстрекало и поддерживало.

Мы коснулись только самыхъ выдающихся сторонъ жизни и дѣятельности покойнаго. Разсказать всю его трудовую, многополезную жизнь въ нѣсколькихъ словахъ, посвященныхъ его дорогой памяти, нѣтъ возможности. За время продолжительной его службы, не возникало въ нашей администраціи почти ни одного экономическаго, финансоваго или промышленнаго вопроса или проекта, къ обсужденію и разработкѣ котораго онъ не былъ-бы привлеченъ и не приложилъ своихъ рукъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ, подъ его редакціей

издавались журналы министерствъ: внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ. Вмѣстѣ съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, онъ издавалъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ (1845 — 1847), „Сельское чтеніе", выдержавшее нѣсколько изданій. Въ 1833 году, онъ положилъ первое основаніе статистическимъ изслѣдованіямъ С.-Петербурга, въ книжкѣ, изданной подъ названіемъ: „Статистическое обозрѣніе С.-Петербурга". Подъ его руководствомъ велись многіе годы статистическія работы и изслѣдованія въ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ и въ географическомъ обществѣ. За всѣмъ тѣмъ, онъ еще находилъ время и для другихъ занятій. Покойный былъ, въ 1859 году, однимъ изъ основателей общества литературнаго фонда, составилъ уставъ этого общества, вмѣстѣ съ однимъ его членомъ, и нѣсколько лѣтъ былъ предсѣдателемъ общества. Двадцать лѣтъ сряду, А. П. Заблоцкій принималъ, въ качествѣ гласнаго, самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ здѣшняго городского управленія и въ работахъ разныхъ городскихъ коммиссій. Послѣднимъ обширнымъ и сложнымъ трудомъ, выполненнымъ имъ для С.-Петербурга, была, если не ошибаемся, новая оцѣнка домовъ и недвижимыхъ имуществъ здѣшней столицы, блестяще выполненная подъ непосредственнымъ руководствомъ покойнаго. Разсказываютъ,—не знаемъ, справедливо ли,—будто именно добросовѣстное, просвѣщенное и полезное участіе А. П. Заблоцкаго въ дѣлахъ городского управленія послужило недоброжелателямъ покойнаго предлогомъ и поводомъ къ нелѣпѣйшимъ противъ него обвиненіямъ. Плодомъ командировки его за-границу, въ 1869 году, для изученія системы устройства сбора прямыхъ налоговъ, было превосходное сочиненіе о финансахъ Пруссіи. Въ 1869 году, А. П. Заблоцкій былъ однимъ изъ учредителей общества вспоможенія бѣднымъ въ приходѣ Андреевскаго собора на Васильевскомъ острову, предсѣдательствовалъ въ немъ и велъ его дѣла съ самаго основанія общества до своей кончины. Всѣ мы, товарищи и сотрудники его по этому дѣлу, знаемъ и никогда не забудемъ, съ какою любовью онъ имъ занимался, съ какимъ умѣньемъ организовалъ общество и привлекъ къ нему лучшія силы, съ какимъ тактомъ сглаживалъ шероховатости, неизбѣжныя во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, а особливо въ такомъ новомъ, каково у насъ соединеніе въ одной дѣятельности разнородныхъ и расползающихся элементовъ православныхъ приходовъ. Благодаря, главнымъ образомъ, организаторскому таланту покойнаго, Андреевское общество выросло, сплотилось, окрѣпло и въ какихъ-нибудь двѣнадцать лѣтъ достигло блестящихъ результатовъ.

А. П. Заблоцкій принадлежалъ, по своему рожденію, складу ума и характера, къ малороссійскому племени, внесшему такой богатый вкладъ несравненныхъ талантовъ во всѣ стороны русской жизни. Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ умовъ, какіе намъ удавалось встрѣчать, — тонкій, въ высокой степени объективный, какъ у бо́льшей части нашихъ выдающихся южанъ,—ясный и трезвый до нѣкоторой сухости. Но сердце у него совсѣмъ не было сухое. Его немногіе, близкіе друзья знаютъ это по собственному опыту. Онъ умѣлъ любить глубоко, выдержанно, всю жизнь, и былъ трогателенъ своею привязанностью. Для бѣдныхъ, страдающихъ, несчастныхъ, особливо изъ простого люда, сердце его было всегда широко раскрыто.

Какъ старѣйшій изъ самыхъ заслуженныхъ участниковъ преобразованій минувшаго царствованія, А. П. Заблоцкій былъ безсмѣннымъ предсѣдателемъ обѣдовъ, на которые они ежегодно собираются 19-го февраля, въ память освобожденія крестьянъ, и въ другихъ пріятельскихъ бесѣдахъ современниковъ той незабвенной эпохи. Въ качествѣ предсѣдателя, ему приходилось, на обѣдахъ 19-го февраля, каждый разъ, говорить нѣсколько словъ въ память тѣхъ изъ товарищей и соучастниковъ, которыхъ смерть изъ года въ годъ неумолимо сводила въ могилу одного за другимъ. Эти воспоминанія, которыя покойнымъ составлялись на письмѣ и читались, нерѣдко обличали замѣчательный ораторскій талантъ, котораго не было и слѣда въ изустной рѣчи. Таковы были воспоминанія о Н. А. Милютинѣ, Самаринѣ. Насъ лично это всегда поражало. Думалось невольно: вотъ какъ перероднли прирожденный несомнѣнный талантъ, въ странѣ, гдѣ умѣютъ молчать или болтать, но не могутъ и не умѣютъ говорить! Къ бумагѣ сводится у насъ все, даже ораторская рѣчь!

Когда человѣкъ умираетъ, проживъ семьдесятъ слишкомъ лѣтъ, нѣтъ мѣста сожалѣніямъ о надеждахъ, которыя онъ унесъ съ собою, о трудахъ, которые онъ могъ бы еще совершить. Но передъ гробомъ А. П. Заблоцкаго невольно шевелится въ душѣ другая,

горькая мысль: отчего родина далеко не вполнѣ воспользовалась всѣмъ тѣмъ, что могли ей принести его высокіе таланты, обширныя знанія, опытность и неутомимое трудолюбіе? Или мы, подобно Петру Великому, такъ богаты силами, что не знаемъ — куда ихъ дѣвать? Жатва велика, а жнецовъ что-то не видно.

Сегодня, тѣло А. П. Заблоцкаго будетъ предано землѣ. Для его близкихъ и друзей, мѣсто, которое онъ занималъ между нами, останется пустымъ. Пожелаемъ дорогой родинѣ побольше такихъ дѣятелей, но пожелаемъ также, чтобы для ихъ талантовъ и дѣятельности былъ болѣе широкій просторъ и сложились болѣе благопріятныя условія. Теперь уходятъ уже послѣдніе изъ плеяды государственныхъ дѣятелей, открывшихъ дверь въ лучшую Россію...

По прежнему все пусто... Здравствуй племя,
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій, поздній возрастъ,
Когда переростешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь.

27-го декабря 1881 г.

(Порядокъ, 1881, № 356).

VIII.

Н. А. Лукинъ.

Сейчасъ получена горестная вѣсть о кончинѣ бѣлевскаго земскаго врача Николая Александровича Лукина, послѣдовавшей 11 января отъ тифа, схваченнаго имъ при пользованіи тифозной больной. Имя это здѣсь никому не извѣстно, но въ нашемъ уѣздѣ и далеко кругомъ оно пользовалось рѣдкимъ почетомъ и любовью. И было за что! Лукинъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ и образцовымъ земскимъ дѣятелемъ, и труженикомъ на пользу мѣстныхъ жителей. Весьма искусный врачъ, не перестававшій, сидя въ глуши, слѣдить за наукой, въ высшей степени добросовѣстный и безкорыстный, свободный отъ дурныхъ привычекъ однообразной захолустной жизни—картежа, рюмки и безпутнаго компанства, дѣятельный, точный и чрезвычайно добрый, Лукинъ, съ такими-то качествами, изо-дня въ день работалъ четырнадцать лѣтъ въ Бѣлевѣ, кажется, и самъ не подозрѣвая, какое умилительное и подымающее душу впечатлѣніе онъ производилъ. Онъ былъ живымъ, ходячимъ доказательствомъ того, сколько добра можно принести и въ самой безвѣстной долѣ, въ самомъ капельномъ кругѣ дѣятельности. Бѣлевскую земскую больницу онъ поставилъ такъ, что мужики и бабы шли туда охотно, съ полнымъ довѣріемъ; ко всѣмъ больнымъ, кто бы они ни были, Лукинъ былъ одинаково внимателенъ, обо всѣхъ равно заботился. Зато довѣріе и любовь къ нему темнаго люда были велики. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ былъ при смерти боленъ, за его выздоровленіе служились молебны и ставились свѣчи передъ образами. Лукинъ воспиталъ и подготовилъ для больницы и врачебныхъ пунктовъ въ уѣздѣ молодыхъ фельдшеровъ, по большей части изъ воспитанниковъ духовнаго училища, и старался поставить ихъ какъ можно лучше, насколько позволяли грошевыя средства, отпускаемыя земствомъ. Разъ мнѣ случилось, поджидая Лукина въ больницѣ, разговориться съ его питомцами-фельдшерами. „Много у васъ дѣла?"—спросилъ я.—Не мало, отвѣчали они; особливо порой бываетъ трудно.—„И вы не тяготитесь?" — продолжалъ я распрашивать. —Какъ тяготиться, замѣтилъ одинъ изъ нихъ, когда самъ Николай Александровичъ работаетъ больше всѣхъ.—Эти слова врѣзались въ моей памяти; я ихъ никогда не забуду: вотъ она, тайна вліянія и плодотворнаго дѣла. Лукинъ самъ шелъ въ первой рукѣ, а за нимъ охотно шли и другіе, приставленные къ тому же дѣлу.

Его внимательность къ простому, темному и бѣдному люду была просто трогательна, тѣмъ болѣе, что въ ней не было ничего дѣланнаго, напускного, ни тѣни фальшивой ноты. Онъ превосходно изучилъ манеру крестьянъ объяснять свои болѣзни и страданія —грамоту, какъ извѣстно, очень трудную — и съ двухъ словъ понималъ, въ чемъ дѣло. Этого мало: Лукинъ умѣлъ примѣняться и къ скуднымъ достаткамъ своихъ деревенскихъ кліентовъ. Откуда имъ взять бѣлаго хлѣба, когда и чернаго-то нѣтъ довольно, чтобы наѣсться до сыта? И вотъ онъ придумалъ, вмѣсто бѣлаго хлѣба, рекомендовать имъ прѣсныя лепешки изъ той же ржаной муки: онѣ все же лучше, чѣмъ кислый хлѣбъ при лекарствахъ, особливо нѣкоторыхъ.

Выдержанный, постоянный, ровный трудъ, изо-дня въ день, въ теченіе многихъ годовъ, пріучилъ и крестьянъ хоть нѣсколько вни-

мательно и толково относиться къ наставленіямъ врача, исполнять его предписанія о пріемѣ лекарствъ, о пищѣ, о разныхъ предосторожностяхъ и проч. Успѣхъ былъ крохотный, но онъ былъ, и Лукинъ ему радовался, какъ радуется добрая няня, когда дитя начинаетъ произносить первыя слова.

Свѣтлая, отрадная личность былъ Лукинъ своей неизмѣнной простотой! По праздникамъ, когда людямъ былъ отдыхъ, для него наступали страдные дни: народъ валилъ изъ деревень толпами въ больницу, и ему приходилось порой обѣдать вечеромъ. Жалобъ я отъ него никогда не слыхалъ. Всегда онъ былъ тотъ же, съ тѣми же добрыми глазами и доброй улыбкой. Самъ онъ былъ весь человѣкъ дѣла и требовалъ дѣла отъ другихъ, былъ, говорятъ, горячъ и строгъ,—и за это никто на него не жаловался. Вѣдь, мы всѣ знаемъ по опыту, что безъ этого у насъ и нельзя, если хочешь дѣло дѣлать. Я благоговѣлъ передъ Лукинымъ. Здѣсь, въ большихъ центрахъ, столько внѣшнихъ стимуловъ, поддерживающихъ дѣятельность, не дающихъ погрязнуть въ тинѣ и болотѣ; а мы падаемъ, пачкаемся, торгуемъ совѣстью, лукавимъ, поемъ фальцетомъ, позируемъ, надѣваемъ тысячи хитро-придуманныхъ масокъ. Какъ же это развился и сохранился чистымъ этотъ человѣкъ въ безвѣстной глуши, въ миніатюрномъ кругѣ дѣятельности, дѣлая кругомъ себя массу добра, принося массу пользы ближнимъ, при скудномъ заработкѣ, большой семьѣ, работахъ безъ устали на практическомъ поприщѣ? Такъ распускается ландышъ, не видимо, въ тѣни, разливая вокругъ себя благоуханіе! Это тайна его природы.

Пусть будутъ эти немногія воспоминанія вѣнкомъ на могилѣ одного изъ достойнѣйшихъ людей. Лукинъ — не единственный въ своемъ родѣ. Ихъ много разсѣяно по Руси, на разныхъ поприщахъ, но они затеряны въ необъятномъ пространствѣ и ихъ не видно. Они—соль земли; ими разработывается наша почва и приготовляется наше лучшее будущее. Пошли имъ Богъ силы упорствовать до конца въ добрѣ, вертѣть крохотное колесо, къ которому каждаго изъ нихъ приставила судьба: трудъ ихъ, скромный и съ виду малый, не пропадетъ даромъ и будетъ жить въ ихъ дѣлахъ и людяхъ, переходя по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнію, пока не приспѣетъ время слиться микроскопическимъ результатамъ этихъ незримыхъ трудовъ въ одинъ общій, зрѣлый и пышный плодъ просвѣтленной русской дѣйствительности!

Теперь дѣло живыхъ озаботиться о судьбѣ многочисленной семьи человѣка, который всю жизнь такъ много и съ такой пользой заботился о другихъ. Пусть каждый сдѣлаетъ, что можетъ: благодарныхъ и обязанныхъ ему очень много. Устроивъ семью покойнаго, къ которой онъ былъ такъ привязанъ, мы поддержимъ бодрость духа въ другихъ, ему подобныхъ.

(Новости, 1884 г., № 16).

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ.

I.

Освобожденіе крестьянъ и дворянство.

Стр. 6—88.

„Записка объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи“ есть именно та самая записка, которая имѣла большое значеніе какъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, такъ и въ личной судьбѣ Кавелина. Въ ней весьма доказательно проводится мысль объ освобожденіи крестьянъ съ землею посредствомъ выкупа ея государствомъ у помѣщиковъ. Эта мысль составила основу „Положеній о крестьянахъ 19 февр. 1861 г.“, но въ 1858 году она была признана настолько „несогласною“ съ видами правительства, что Кавелинъ вынужденъ былъ оставить должность преподавателя наслѣдника цесаревича Николая Александровича. Первыя двѣ главы первой части этой записки были первоначально напечатаны въ 1856 году, въ III книгѣ „Голосовъ изъ Россіи“, сборника, издаваемаго въ Лондонѣ А. И. Герценомъ, и затѣмъ перепечатаны во 2-мъ изд. этого сборника 1858 г. Извлеченія изъ „записки“—во 2-й ст. „о новыхъ условіяхъ сельскаго быта“, Современникъ, 1858 г., кн. IV.

Изложеніе „записки“ и разсказъ о неблагопріятныхъ ея послѣдствіяхъ для К. Д. Кавелина помѣщены въ книгѣ: „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія крестьянъ въ царствованіе Александра II“, Берлинъ, 1860 г., ч. 1, стр. 233—241. См. также: *мои* „Матеріалы для біографіи К. Д. Кавелина“ въ Вѣстн. Европы, 1886 г., августъ, стр. 540, 541, 562—565, и біограф. очеркъ въ I-мъ томѣ настоящаго изданія „Сочиненій“, стр. XXIII и XXV. Съ 1856 года „записка“ Кавелина обращалась въ провинціяхъ среди дворянства и образованныхъ людей въ большомъ числѣ списковъ, подготовляя почву къ освобожденію крестьянъ съ землею.

Стр. 88—102.

„Мысли объ уничтоженіи крѣпостного состоянія въ Россіи“ написаны К. Д. Кавелинымъ въ 1857 году, по предложенію великаго князя Константина Николаевича при посредствѣ домашняго секретаря его высочества, А. В. Головнина, занявшаго съ 1862 г. постъ министра народнаго просвѣщенія. Обстоятельства происхожденія этой записки слѣдующія. Въ январѣ 1857 г. былъ образованъ такъ называемый „секретный комитетъ“ по крестьянскому дѣлу, которое подвигалось впередъ не столь быстро какъ желалъ того императоръ Александръ II. Вслѣдствіе этого, въ іюнѣ 1857 года онъ поставилъ во главѣ комитета своего августѣйшаго брата, великаго князя Константина Николаевича, энергичнаго сторонника всѣхъ прогрессивныхъ начинаній того времени. По инціативѣ великаго князя Константина Николаевича въ августѣ уже была выработана программа вопросовъ по освобожденію крестьянъ. Программа эта, касаясь ограниченія помѣщичьихъ правъ по отношенію къ крестьянамъ, желала дозволить помѣщикамъ отпускать на волю ихъ крестьянъ цѣлыми селеніями по договорамъ, заключеннымъ съ ними на основаніи добровольнаго соглашенія,—и была разослана какъ членамъ комитета, такъ и нѣкоторымъ литераторамъ и ученымъ. Въ числѣ послѣднихъ получилъ ее и Кавелинъ съ просьбой доставить по ней свои соображенія. Эти-то соображенія и изложены имъ въ статьѣ: „Мысли объ уничтоженіи крѣпостного состоянія въ Россіи“. Статья эта впервые напечатана мною въ „Русской Старинѣ“ 1887 г., февраль. Подробности см. въ моемъ предисловіи къ этой статьѣ, тамъ же, стр. 440—446.

Стр. 103—106.

„Мнѣніе о лучшемъ способѣ“ и т. д. доказываетъ, что не только инціатива учрежденія „редакціонныхъ коммиссій“ по освобожденію крестьянъ, возникшихъ въ 1859 году, но и самый ихъ планъ и даже указаніе на личный составъ принадлежитъ К. Д. Кавелину, а не Я. И. Ростовцеву, какъ утверждаетъ это сенаторъ Я. А. Соловьевъ въ своихъ „Запискахъ“ (См. Русскую Старину 1880 г., т. XXVIII, стр. 334—335). Эта замѣтка Кавелина, составленная имъ еще въ 1857 году, впервые издана мною вмѣстѣ съ предъидущей его статьей—и въ упомянутомъ выше „предисловіи“ находятся касающіяся ея подробности (см. выше).

Стр. 106—142.

„Дворянство и освобожденіе крестьянъ“ написано въ маѣ 1861 года. Издана статья впервые особой брошюрой въ 1862 году, безъ имени автора; in 12⁰, 68 стр. Вслѣдствіе этой брошюры Кавелинъ разошелся совершенно съ А. И. Герценомъ, съ которымъ находился въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ 1845 года. Подробности см. въ „Письмахъ К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену“, изд. въ 1892 г., стр. 3—84.

Стр. 151—162.

Александръ Львовичъ Корсаковъ (род. 1794, † 7 іюля 1873 г.)—зять К. Д. Кавелина, мужъ его сестры Софіи Дм. Кавелиной. Съ нимъ Кавелинъ былъ очень близокъ, горячо его любилъ и уважалъ, несмотря на различіе ихъ убѣжденій, и состоялъ съ нимъ въ оживленной перепискѣ. Извлеченія изъ писемъ Кавелина къ А. Л. Корсакову напечатаны мною въ „Матеріалахъ для біографіи Кавелина“ въ „Вѣстн. Европы“ 1886 г., кн. 6, 11, 12; 1887 г., 4 и 5. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ А. Л. Корсаковѣ см. въ тѣхъ же „Матеріалахъ“, „В. Евр“. 1886, ноябрь, стр. 165—166. Извлеченіе изъ настоящаго письма напечатано безъ подписи автора, въ видѣ передовой статьи № 118 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 1865 года.

II.

Землевладѣніе и сельская община.

Стр. 162—326.

„Взглядъ на русскую сельскую общину“ (1859) открываетъ рядъ статей Кавелина, посвященныхъ этой своебразной формѣ нашего землевладѣнія. Изъ-за этой монографіи, предназначавшейся первоначально для „Русскаго Вѣстника“, Кавелинъ разошелся съ Катковымъ, желавшимъ нѣкоторыхъ измѣненій въ ней, на что не согласился Кавелинъ. Подробности см. въ моей статьѣ: „Изъ литературной переписки Кавелина. Письма къ нему П. М. Леонтьева и И. К. Бабста (1857—1858)“, „Русская Мысль“ 1892 г., мартъ. Объ этой монографіи Кавелина восторженно отзывался *славянофилъ* Ю. Ѳ. Самаринъ (См. письмо его къ Кавелину отъ 13-го марта 1859 г. въ „Русской Мысли“ 1892 г., октябрь); но во время своего появленія она вызвала только одну спеціальную замѣтку со стороны бывшаго профессора политической экономіи въ кіевскомъ и московскомъ университетахъ, И. В. Вернадскаго, въ его журналѣ „Экономическій указатель“, 1859 г., № 18. Любопытно, какъ самъ Кавелинъ опредѣляетъ свои оригинальныя воззрѣнія на русскую сельскую общину. „Если ты припомнишь мою статью о русской сельской общинѣ, помѣщенную въ „Атенеѣ“ въ 1859 году, то съ этой стороны ты знаешь давно и хорошо мои мысли“, пишетъ онъ Герцену въ 1862 г. „Я противъ индивидуальной личной собственности, какъ *исключительной* [1]) формы землевладѣнія. *Я не противъ ея принципа, но рядомъ съ ней желаю общиннаго землевладѣнія, какъ ея корректива, какъ противовѣса противъ конкурренціи, которую оно производитъ.* Такъ я и теперь думаю. *Отсутствіе частной собственности, отмѣна ея—есть величайшая нелѣпость, вѣрнѣйшій путь къ китаизму съ пожертвованіемъ начала индивидуальности и свободы* [1]). Да этого и сдѣлать невозможно. У насъ массы народа рвутся не къ общинному землевладѣнію, а къ личной собственности. Ту и другую форму нужно сохранить рядомъ, потому что онѣ дополняютъ одна другую. О политическихъ и гражданскихъ привилегіяхъ землевладѣнія я никогда и нигдѣ не говорилъ и ихъ не желаю. У насъ вдобавокъ каждый владѣетъ землею, слѣдовательно всѣ были бы привилегированные, еслибъ принять за базисъ правъ владѣніе землею“. (См. „Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену“, изд. 1892 г., стр. 58—59). Такое воззрѣніе Кавелина на русскую сельскую общину вытекаетъ изъ всего его общественно-юридическаго міросозерцанія, основою котораго является центральное значеніе *личности* въ общей коллективной общественной жизни людей (См. біограф. очеркъ въ I т. его „Сочиненій“, стр. IX). Это воззрѣніе рѣзко отличаетъ Кавелина отъ воззрѣній на русскую общину разныхъ ея сторонниковъ другихъ нашихъ литературныхъ и общественныхъ направленій 40-хъ и послѣдующихъ годовъ; изъ воззрѣній Кавелина на русскую общину ясно, почему онъ не солидаренъ ни съ русскими утопистами—соціалистами *западнаго* направленія, ни съ *славянофилами*, ни съ такъ называемыми *народниками*, ни съ экономистами разныхъ оттѣнковъ 60-хъ годовъ и современныхъ намъ экономическихъ ученій; вмѣстѣ съ тѣмъ также ясно, почему Кавелинъ является противникомъ враговъ русской сельской общины, имѣющихся какъ въ области *научной*, такъ и среди дворянъ-помѣщиковъ и государственныхъ нашихъ дѣятелей.

Приведенное выше воззрѣніе на русскую сельскую общину Кавелинъ развиваетъ и въ послѣдующихъ своихъ статьяхъ о ней, въ особенности же въ статьяхъ 1876—1877 гг.: „Общинное владѣніе“ (ст. 217—286) и „Поземельная община въ древней и новой Россіи“ (ст. 287—326). Онъ придавалъ большое значеніе въ дѣлѣ изученія русской общины г. Кейсслеру, книги котораго и подали поводъ Кавелину написать двѣ только что названныя статьи (См. I-е примѣчаніе къ I тому, стр. 11 въ концѣ).

Ст. „Общинное владѣніе“ переведена на нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ: „Der bürgerliche Gemeindebesitz in Russland“, Leipzig 1887.

Стр. 326—386.

Ст. „Землевладѣніе въ западной Европѣ“, составленная на основаніи извѣстной книги князя *А. И. Васильчикова*: „Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ“, вышедшей въ Петербургѣ въ концѣ 1876 г., въ двухъ томахъ, находится въ непосредственной

[1]) Курсивъ нашъ.

[1]) Курсивъ нашъ.

связи со всѣми монографіями Кавелина о сельской общинѣ и въ особенности съ монографіей „Общинное вдадѣніе“ (См. въ наст. томѣ стр. 217—286). Статья эта излагаетъ свѣдѣнія о различныхъ формахъ землевладѣнія на западѣ для сравненія съ русскимъ общиннымъ землевладѣніемъ. Кавелинъ собирался писать большое изслѣдованіе о земледѣліи въ Россіи и о всѣхъ связанныхъ съ нимъ промыслахъ, на основаніи матеріаловъ, изданныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ, но оставилъ свое намѣреніе въ виду появленія указанной выше книги князя А. И. Васильчикова, ограничившись настоящей статьей, знакомящей публику съ однимъ изъ вопросовъ книги. Подробности см. въ изданной *мною* перепискѣ Кавелина съ кн. Васильчиковымъ, „Русская Мысль“, 1897 г., кн. I.

III.

Крестьянскій вопросъ вообще, въ періодъ времени послѣ обнародованія „Положеній“ 19 февраля 1861 г.

Центральной монографіей въ этомъ отдѣлѣ является большое изслѣдованіе „Крестьянскій вопросъ“ (стр. 393—598), представляющее итогъ размышленій Кавелина по крестьянскому дѣлу послѣ освобожденія крестьянъ, каковымъ, по справедливому его воззрѣнію, должно лишь *начаться* дѣйствительное улучшеніе крестьянскаго быта. Кавелинъ ставитъ крестьянское дѣло въ основу всѣхъ русскихъ внутреннихъ государственныхъ, общественныхъ и экономическихъ потребностей, исходя изъ того простого основанія, что въ Россіи крестьянское населеніе составляетъ подавляющее большинство сравнительно со всѣми остальными классами населенія и притомъ такое большинство, какого нѣтъ ни у одного изъ другихъ европейскихъ народовъ. Въ виду такого серьезнаго значенія массы крестьянскаго населенія въ русскомъ государствѣ Кавелинъ въ своемъ изслѣдованіи представляетъ подробное разсмотрѣніе матеріальныхъ, умственныхъ и нравственныхъ условій крестьянскаго быта, и указываетъ на необходимость дальнѣйшаго пхъ развитія въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) общія мѣры улучшенія матеріальнаго быта, 2) улучшеніе землевладѣнія, 3) улучшенія сельскаго хозяйства и экономическаго положенія, 4) улучшенія крестьянскихъ учрежденій, административныхъ и судебныхъ, и 5) расширеніе и упроченіе сельской школы.

„Крестьянскій вопросъ“, написанный въ теченіе 1880 и 1881 гг., первоначально печатался въ „Вѣстникѣ Европы“ 1881 г. (кн. 3, 8—12), и тогда же извлеченія изъ этой статьи помѣщались въ нѣмецкой рижской газетѣ: „Zeitung für Stadt und Land“, съ нѣкоторыми редакціонными замѣчаніями. Выдержки изъ этой газеты нашли себѣ мѣсто въ извѣстной аугсбургской газетѣ: „Allgemeine Zeitung“ (см. 1882 г., № 39). Письмо Кавелина къ редактору „Zeitung für Stadt und Land“ въ русскомъ переводѣ помѣщено въ концѣ отдѣльнаго изданія „Крестьянскаго вопроса“, а также въ настоящемъ томѣ (см. стр. 591—594).

Отдѣльное изданіе „Крестьянскаго вопроса“ вышло въ С.-Петербургѣ въ 1882 г., in 8°, 216 стр., но не вызвало серьезнаго вниманія въ русской публицистической литературѣ. Мнѣ извѣстна, по крайней мѣрѣ, лишь одна статья, посвященная этому изслѣдованію, а именно статья, за подписью *Д. Д.*, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1883 г., т. CLXIV, апрѣль, стр. 579—615.

Стр. 599—646.

Статья эта вызвана брошюрой лифляндскаго дворянина *фонъ-Самсонъ-Гиммельстіерна*: „Vom Lande“, объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи и въ прибалтійскомъ краѣ, вышедшей въ 1883 г. Въ ней авторъ жестоко нападаетъ на „крестьянскія“ симпатіи Кавелина. Статья Кавелина противъ автора брошюры переведена на нѣмецкій языкъ *Эрвиномъ Бауеромъ* подъ заглавіемъ: „Die Bauern-Emancipation und Herr v. Samson Himmelstjerna“ въ „Revalishe Zeitung“ 1883 г., №№ 202—213. Отдѣльный оттискъ этого перевода вышелъ въ Ревелѣ въ концѣ сентября 1883 г., in 12°, 67 стр. По поводу его напечатано въ „Reval. Zeit.“ 1883 г., № 256, письмо Кавелина, отъ 4 ноября 1883 г., на нѣмецкомъ языкѣ, къ редактору этой газеты, въ отвѣтъ на полученное Кавелинымъ изъ Лифляндіи нѣмецкое же письмо, въ которомъ выражается большое сочувствіе его отрицательнымъ воззрѣніямъ на остзейское баронство въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.

Стр. 649—656.

Начиная съ 1862 г., ежегодно 19 февраля, члены „редакціонныхъ коммиссій“, составившихъ „Положеніе о крестьянахъ“, и лица, вообще потрудившіяся въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, собирались на дружескіе обѣды по подпискѣ, въ одномъ изъ петербургскихъ ресторановъ. На этихъ обѣдахъ происходилъ обмѣнъ мыслей о дальнѣйшемъ движеніи крестьянскаго дѣла и произносились рѣчи, посвященныя какъ этому вопросу, такъ и памяти почившихъ дѣятелей крестьянской реформы. Постоянный участникъ этихъ обѣдовъ, Кавелинъ произнесъ на нихъ помѣщенныя здѣсь рѣчи въ 1881 и 1885 гг. Объ этихъ обѣдахъ до 1884 г. включительно см. статью въ „Русс. Старинѣ“ 1884 г. т. XLI, с. 669—734. Объ обѣдѣ 19 февр. 1885 г. см. *тамъ же*, 1885 г., мартъ. Въ этой послѣдней статьѣ перепечатана и рѣчь Кавелина 19 февраля 1885 г.

IV.

Сельскій бытъ и самоуправленіе.

Подъ этой рубрикой помѣщается рядъ статей Кавелина, печатавшихся въ газетахъ шестидесятыхъ и послѣдующихъ годовъ, и одна статья, совсѣмъ не бывшая въ печати; во всѣхъ этихъ статьяхъ приводятся факты изъ деревенской дѣйствительности, находившейся въ противорѣчіи съ теоретическими воззрѣніями Кавелина, и указыва-

ются имъ способы къ примиренію этихъ противорѣчій.

Три первыя статьи этого отдѣла посвящены спеціально хозяйственно-экономическимъ условіямъ Новоузенскаго края Самарской губерніи, и въ особенности имѣнія Кавелина, находившагося въ этомъ краѣ, непосредственно, да и вскорѣ по освобожденіи крестьянъ.

„Письма изъ деревни“ (стр. 663—688) передаютъ хозяйственныя условія въ имѣніи Кавелина Самарской губерніи Новоузенскаго уѣзда наканунѣ освобожденія крестьянъ, а помѣщаемая вслѣдъ за ними статья „Уставная грамота“ (стр. 689—718), *печатаемая впервые по рукописи, найденной въ бумагахъ Кавелина*, состоитъ въ живомъ разсказѣ о заключеніи имъ съ крестьянами этого же самарскаго имѣнія уставной грамоты, лѣтомъ 1861 г. Третья статья (стр. 719—734) сообщаетъ общія экономическія условія Новоузенскаго края въ 1863 г.

Стр. 735—778.

Привѣтствуя только что обнародованное 1 января 1864 г. „Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ“ и излагая его главнѣйшія основы,—Кавелинъ указываетъ въ этой статьѣ русскому дворянству, какъ и по выходѣ „Положеній о крестьянахъ“, на его положительную и вліятельную роль въ мѣстномъ самоуправленіи. (См. статью Кавелина: „Дворянство и освобожденіе крестьянъ“, въ настоящемъ томѣ, стр. 106—142).

Стр. 779—862.

Статьи, помѣщенныя здѣсь, представляютъ неутѣшительное положеніе дѣлъ въ деревнѣ и затруднительное состояніе деревенскаго хозяйства за десятилѣтіе съ 1873 по 1882 г.; онѣ относятся, главнымъ образомъ, къ Бѣлевскому уѣзду Тульской губерніи, въ которомъ находится второе имѣніе Кавелина, *сельцо Иваново*, бывшее нѣкогда любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ его родителей. Поэтому-то первая изъ этихъ статей, „Изъ деревенской записной книжки“, при первоначальномъ появленіи своемъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, была подписана псевдонимомъ *Ивановскій*.

V.

Общественныя направленія и политическіе вопросы.

Стр. 863—908.

Написано по поводу статей подъ тѣмъ же заглавіемъ, появившихся въ газетѣ „Русскій Міръ“ въ 1874 г. Въ томъ же году статьи эти вышли въ Петербургѣ отдѣльнымъ изданіемъ съ измѣненнымъ заглавіемъ: „Русское общество въ настоящемъ и будущемъ“. Эти статьи принадлежатъ перу извѣстнаго публициста *Ростислава Андр. Ѳадѣева*, (р. 1824, † 29 дек. 1883 г.), принадлежавшаго къ направленію, если можно такъ выразиться, *нео-славянофильскому*. Ѳадѣевъ былъ ученый и боевой генералъ и весьма свѣдущій военный писатель. Его книга „Вооруженныя силы Россіи“, М. 1868 г., надѣлала много шуму и переведена на нѣмецкій языкъ. Въ Германіи и Австріи обращалось вообще большое вниманіе на политическія статьи генерала Ѳадѣева; имъ приписывалось оффиціозное значеніе, и правительствамъ прусскому и австрійскому въ лицѣ Ѳадѣева постоянно мерещился одинъ изъ представителей призраковъ *старо-русской партіи и московскаго панславизма*. О Рост. Андр. Ѳадѣевѣ см. въ ст. *Д. Д. Языкова*: „Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей, умершихъ въ 1883 году“, приложеніе къ „Историческому Вѣстнику“ 1886 г., стр. 92—93. Здѣсь находится полный списокъ сочиненій Ѳадѣева и указаніе на статьи о немъ. Въ 1897 г. въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ помѣщена автобіографія Ѳадѣева.

Стр. 1021—1051.

Въ маѣ 1880 г. въ Москвѣ торжественно праздновалось открытіе памятника Пушкину. Среди этихъ торжествъ произнесены были самыми выдающимися русскими писателями рѣчи, посвященныя памяти великаго поэта. Говорилъ рѣчь, 8-го іюня, въ обществѣ любителей российской словесности, и Ѳ. М. Достоевскій, высоко поставивъ Пушкина, какъ выразителя русскаго народнаго генія, и отождествивъ истинно русскаго съ „всечеловѣкомъ“. Рѣчь эта произвела большое впечатлѣніе. Ее горячо привѣтствовалъ И. С. Аксаковъ и подвергъ строгому разбору А. Д. Градовскій. Достоевскій отвѣчалъ Градовскому, возражая, главнымъ образомъ, противъ его западническихъ симпатій и опредѣленія термина „просвѣщеніе“; подъ „просвѣщеніемъ“ Достоевскій разумѣлъ „свѣтъ духовный, озаряющій душу, просвѣщающій сердце, направляющій умъ и указывающій ему дорогу въ жизни“. (Подлинныя слова Достоевскаго). Понимая такъ просвѣщеніе, Достоевскій придаетъ первенствующее значеніе въ дѣлѣ его развитія христіанскому вѣроученію и христіанской морали, твердо усвоеннымъ массами русскаго народа; - въ заключеніе онъ отождествляетъ христіанскую нравственность съ нравственностью общественною, гражданскою. Рѣчь Достоевскаго о Пушкинѣ и его отвѣтъ Градовскому помѣщены въ августовской тетради „Дневника Писателя“ на 1880 годъ и перепечатаны въ „Сочиненіяхъ Достоевскаго“: см. посл. изданіе А. Ф. Маркса, Спб., 1895 года, т. XI, стр. 445—503. Изъ переданнаго содержанія „рѣчи“ и „отвѣта“ Достоевскаго видно, что *Письмо* къ нему Кавелина является литературнымъ произведеніемъ, составляющимъ переходъ отъ статей *публицистическихъ* къ статьямъ по этикѣ, которыя помѣщены въ III-мъ томѣ настоящаго изданія.

Слѣдующія статьи *совсѣмъ не появлялись въ печати при жизни автора и печатаются здѣсь впервые*: 1) Мысли о выборномъ началѣ (стр. 907—926). 2) Наши недоразумѣнія (стр. 1051—1068). Въ подлинникѣ подписано псевдонимомъ *Проѣзжій*. 3) Бюрократія и общество (стр. 1067—1078). Послѣдняя статья написана въ 1881 г. уже по воцареніи императора Александра III.

Стр 1095—1132.

Книга *О. К. Нотовича*: „Основы реформъ мѣстнаго и центральнаго управленія“, Спб., 1882 года, кромѣ статей, указываемыхъ Кавелинымъ, вызвала на страницахъ „Новостей“,—газеты, редактируемой г. Нотовичемъ,—въ 1882 г. еще нѣсколько замѣтокъ (№№ 240, 249, 256 и 257 этой газеты).

Стр. 1133—1156.

„Кое о чемъ“—недоконченная статья; диктована Кавелинымъ незадолго до кончины. Она открывается бесѣдой по поводу процесса Островлевой и Худина, вторично разбиравшагося с.-петербургскимъ окружнымъ судомъ въ январѣ 1882 г. Кавелинъ былъ тогда старшиной присяжныхъ засѣдателей. Процессъ этотъ надѣлалъ въ свое время много шуму и вызвалъ рѣзкія нападки на судъ присяжныхъ со стороны Каткова. Островлева была дочь чиновника, воспитывалась въ женской гимназіи и содержала въ Петербургѣ извозчичій дворъ. Она и ея работникъ, крестьянинъ Худинъ, обвинялись въ покушеніи на убійство и въ ограбленіи легкового извозчика. Островлева оба раза была судомъ оправдана. Объ этомъ процессѣ и объ участіи въ немъ Кавелина говоритъ *Вл. Дан. Спасовичъ*, защищавшій Островлеву въ 1883 г., въ своихъ „воспоминаніяхъ о К. Д. Кавелинѣ“, помѣщенныхъ въ началѣ настоящаго тома.

Ср. отзывъ Кавелина о М. Н. Катковѣ выше, стр. 1079—1089: „Замѣтка по поводу разсужденій Каткова“. Катковъ отвѣчалъ Кавелину на эту „замѣтку“ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1880 г., № 66.

VI.

Автобіографическія статьи 1857—1861 гг.

Эти годы принадлежатъ къ знаменательнымъ годамъ въ жизни Кавелина, для котораго открывалось политическое поприще, къ сожалѣнію столь скоро отъ него ускользнувшее. Я говорю кратко объ этой порѣ жизни Кавелина въ біографическомъ его очеркѣ при первомъ томѣ настоящаго изданія (стр. XXIV—XXVI). Здѣсь же, для объясненія текста автобіографическихъ статей, относящихся къ 1857—1861 годамъ, прибавлю слѣдующія данныя.

Въ 1857 г. Кавелинъ принимаетъ дѣятельное участіе въ составленіи „положенія“ объ освобожденіи крестьянъ въ полтавскомъ имѣніи великой княгини Елены Павловны, „Карлово“, и для обсужденія этого положенія призывается великой княгиней лѣтомъ этого года въ Вильдбадъ, гдѣ тогда находилась ея высочество. Почти въ то же время, *Владиміръ Павловичъ Титовъ*, воспитатель наслѣдника цесаревича Николая Александровича, по рекомендаціи великой княгини Елены Павловны, приглашаетъ Кавелина быть преподавателемъ правовѣдѣнія цесаревичу. Кавелинъ изъ Вильдбада поѣхалъ въ Дармштадтъ, представиться императрицѣ Маріи Александровнѣ, желавшей лично съ нимъ познакомиться, и велъ съ ея величествомъ бесѣды о ходѣ преподаванія ея августѣйшему сыну. Напомню также читателямъ, что въ томъ же 1857 г. Кавелинъ занимаетъ каѳедру гражданскаго права въ Петербургскомъ университетѣ; въ 1858 г. онъ теряетъ мѣсто преподавателя наслѣдника цесаревича, а три года спустя, въ ноябрѣ 1861 г., вслѣдствіе студенческихъ волненій въ Петербургскомъ университетѣ, оставляетъ и профессуру. Болѣе подробное изложеніе происшествій этихъ лѣтъ въ жизни Кавелина см. въ *моихъ* „Матеріалахъ для его біографіи“, „Вѣстникъ Европы“, 1886 г., августъ, стр. 539—564, и въ „Русской Старинѣ“, 1887 г., февраль, стр. 433—450. Ср. также *мои* примѣчанія къ настоящему изданію, т. I, къ стр. 570—682, и т. II, къ стр. 6—88; 88—102; 103—106 и 106—142, и „Воспоминанія о К. Д. Кавелинѣ“ *Вл. Дан. Спасовича*, въ началѣ настоящаго тома.

Стр. 1157—1180.

Отрывокъ „изъ дневника 1857 года“, *печатаемый* здѣсь *впервые вполнѣ*, является весьма важнымъ не только автобіографическимъ, но вообще историческимъ документомъ. Только этотъ отрывокъ и сохранился въ бумагахъ Кавелина. Въ извлеченіи онъ былъ помѣщенъ мною въ указанныхъ выше „Матеріалахъ“, въ „Вѣст. Европы“ 1886 г., августъ. Считаю нелишнимъ, для уясненія текста, сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ лицахъ и мѣстностяхъ, упоминаемыхъ въ отрывкѣ изъ дневника.

Великій герцогъ гессенскій и гессенъ-дармштадтскій, *Людвигъ III*, — родной братъ императрицы Маріи Александровны, которая въ то время проводила у него лѣто. Людвигсгёе и Югенгеймъ—загородные его дворцы близъ Дармштадта. *Князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ*, военный министръ во время крымской войны, съ 5 апрѣля 1856 г. по 5 апрѣля 1866 г. былъ начальникомъ III отд. Собственной Его Величества Канцеляріи, вѣдавшей въ то время дѣлами политической полиціи, и шефомъ жандармовъ. По этой должности, соотвѣтствовавшей министерской, онъ былъ членомъ комитета министровъ, въ канцеляріи котораго Кавелинъ служилъ съ 1853 г. Вотъ почему князь Долгоруковъ назвалъ его „старымъ знакомымъ“. При учрежденіи секретнаго комитета по крестьянскому дѣлу въ январѣ 1857 г. кн. Долгоруковъ былъ назначенъ однимъ изъ его членовъ; онъ былъ ярый противникъ освобожденія крестьянъ, и весьма естественно поэтому, не только не могъ дружелюбно относиться къ Кавелину, но даже старался всячески вредить ему во мнѣніи императора Александра II и во многомъ способствовалъ его удаленію отъ преподаванія наслѣднику престола.

Анна Ѳедоровна Тютчева, фрейлина императрицы Маріи Александровны, была въ 1857 г. воспитательницей великаго князя Алексѣя Александровича, въ то время имѣвшаго семь лѣтъ отъ роду, и великой княжны Маріи Александровны, тогда трехлѣтней малютки, а въ настоящее время гер-

цогини Эдинбургской и Кобургской. А. Ѳ. Тютчева—дочь поэта, камергера и предсѣдателя комитета иностранной цензуры, Ѳедора Ивановича Тютчева, вышла впослѣдствіи замужъ за извѣстнаго славянофила, Ивана Сергѣевича Аксакова, и скончалась въ 1890 г. Фрейлина великой княгини Елены Павловны, отъ которой Кавелинъ имѣлъ письмо къ А. Ѳ. Тютчевой—баронесса *Эдита Ѳедоровна Раденъ* († 1885).

Графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, родной дядя (по матери) близкихъ Кавелину людей, графа Дмитрія Алексѣевича и Николая Алексѣевича Милютиныхъ, выдающійся государственный человѣкъ эпохи императора Николая I, былъ съ 1856 года русскимъ посломъ при императорѣ французовъ Наполеонѣ III.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, впослѣдствіи графъ и извѣстный виленскій генералъ-губернаторъ, состоя членомъ секретнаго комитета по крестьянскому дѣлу,—былъ противникомъ освобожденія крестьянъ. Незадолго до 1857 г. онъ былъ назначенъ министромъ государственныхъ имуществъ, съ сохраненіемъ портфеля министра удѣловъ, который получилъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ.

Князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ, предсѣдатель комитета министровъ, а позднѣе государственнаго совѣта, въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ держался политики компромисса и средины между сторонниками освобожденія безъ земли и сторонниками надѣла землей.

Александръ Ивановичъ Кошелевъ—извѣстный публицистъ и экономистъ, примыкавшій къ славянофильскому направленію.

Камиллъ Ксаверіевичъ Лабенскій въ 1857 году былъ личнымъ секретаремъ императрицы Маріи Александровны.

Стр. 1180—1186.

Изъ этихъ трехъ рѣчей въ свое время имѣла наибольшее значеніе вторая, произнесенная на литературномъ обѣдѣ въ Москвѣ, 27 декабря 1857 г. Обѣдъ этотъ былъ устроенъ по поводу рескриптовъ 1857 г., на имя генералъ-губернаторовъ—виленскаго, 20 ноября, и петербургскаго, 5 декабря, объ организаціи губернскихъ дворянскихъ комитетовъ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Рескрипты эти, являясь первыми оффиціальными заявленіями правительства по крестьянскому дѣлу, были очень непріятны высокопоставленнымъ противникамъ освобожденія крестьянъ, а потому московскій обѣдъ литераторовъ надѣлалъ большой переполохъ въ оффиціальныхъ сферахъ и былъ событіемъ въ сферахъ литературныхъ. Кромѣ Кавелина, на немъ говорили рѣчи М. Н. Катковъ, М. П. Погодинъ, И. К. Бабстъ и В. А. Кокоревъ. Объ этомъ обѣдѣ см: 1) статью *М. Н. Каткова*, современная лѣтопись, въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1857 г., т. XXII, стр. 203—212. 2) Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія пом. крестьянъ въ царствованіе Александра II, Берлинъ, 1860—1862 г., т. I, стр. 182—203. 3) „Русская Старина", 1898 г., январь, стр. 49—72, февраль, стр. 297—326.

Стр. 1186—1192.

В. В. Григорьевъ (р. 1816, † 19 дек. 1881), извѣстный оріенталистъ и профессоръ исторіи Востока въ петербургскомъ университетѣ, воспитывался въ этомъ университетѣ вмѣстѣ съ Грановскимъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ, Григорьевъ выставляетъ его даровитымъ дилеттантомъ, но плохо учившимся и мало свѣдущимъ студентомъ. Друзья Грановскаго возмутились этой статьей и ополчились на Григорьева. Кромѣ статьи Кавелина, самая рѣзкая статья, направленная противъ Григорьева, принадлежитъ перу Н. Ф. Павлова: „Біографъ-оріенталистъ", помѣщенная въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1857 г., кн. 6. По поводу статей Кавелина и Павлова возгорѣлась полемика. Подробности см. въ „Справочномъ словарѣ русскихъ писателей" *Геннади*, в. I, стр. 252, и въ предисловіи къ изданному *мною* письму Кавелина къ А. И. Кошелеву, „Русская Мысль" 1896 г., февраль.

Стр. 1191—1206.

Записка эта послужила поводомъ къ выходу Кавелина въ отставку изъ профессоровъ петербургскаго университета, осенью 1861 г. Печатается въ настоящемъ изданіи по рукописи, найденной въ бумагахъ Кавелина. Объ обстоятельствахъ, подавшихъ поводъ къ запискѣ см.: 1) *В. Д. Спасовичъ*: „Пятидесятилѣтіе петербургскаго университета", Вѣстникъ Европы, 1870 г., апрѣль и май; 2) *его же* „Воспоминанія о Кавелинѣ", въ началѣ настоящаго тома.

VII.

Разныя статьи.

Стр. 1213—1218.

Лѣтомъ 1880 г. была убита совершенно неожиданно и варварскимъ образомъ мать извѣстнаго генерала *Михаила Дмитріевича Скобелева*. По поводу этого убійства въ газетахъ поднялись толки о національности убійцы—Узатиса. *Аполлонъ Александровичъ Майковъ* (род. 28 іюля 1826 г.), которому возражаетъ Кавелинъ,—двоюродный братъ извѣстнаго поэта, Аполлона Николаевича Майкова, проживаетъ въ настоящее время въ Москвѣ, имѣя званіе егермейстера Высочайшаго Двора. Ученый славистъ и филологъ, Ап. Ал. Майковъ, извѣстенъ въ наукѣ замѣчательной диссертаціей „Исторія сербскаго языка" и въ исходѣ пятидесятыхъ годовъ состоялъ адъюнктъ-профессоромъ въ московскомъ университетѣ. Отвѣтъ его на статью К. Д. Кавелина былъ напечатанъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", въ началѣ августа того же 1880 г.

Д. Корсаковъ.